

УНИВЕРСИТЕТ ВЪНШНА АНТРОПОЛОГИЧЕСКА ШКОЛА

В ПОИСКАХ СУЩНОСТИ

Сборник статей в честь 60-летия Н. Д. Руссева

*Под редакцией
М. Е. Ткачука и Г. Г. Атанасова*

Библиотека

КИШИНЕВ
2019

902/904(082)

B 804

**Печатается по решению Ученого совета
университета «Высшая антропологическая школа»**

Составители и ответственные редакторы:

доктор истории М. Е. Ткачук
доктор исторических наук Г. Г. Атанасов

Научные рецензенты:

доктор истории, доцент В. Н. Поливцев
доктор истории В. П. Тельнов

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

В поисках сущности : Сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева = In search of the essence : Essays in honourof Nicolai Russev on the occasion of his 60th birthday / Ун-т высшая антропологическая школа ; сост. и отв. ред.: М.Е. Ткачук, Г.Г. Атанасов ; науч. рецензенты: В.Н. Поливцев, В.П. Тельнов ; обл.: Д.А. Топал. – Кишинэу : Stratum Plus, 2019. – 505 p. : fig., fot., tab. – (Библиотека "Stratum" = Library "Stratum", ISBN 978-9975-3198-0-5).

1 disc optic electronic (CD-ROM ; 700 Mb ; 52x) : sd., col.; în container, 15 x 15 cm. – Titlu preluat de pe eticheta discului. – Cerințe de sistem: Windows OS, HDD 64 Mb, PDF Reader.

Tit., text, cuprins paral.: lb. engl., rusă. – Rez.: lb. engl., rusă. – Bibliogr. la sfârșitul art. – Referințe bibliogr. în subsol.

ISBN 978-9975-3343-1-0.

902/904(082)

B 804

Сборник научных работ посвящен 60-летию известного молдавского археолога, специалиста по истории Юго-Восточной Европы, сотрудника университета «Высшая антропологическая школа» Николая Дмитриевича Руссева. Спектр представленных статей весьма широк, соответствуя научным интересам юбиляра, и содержит работы по археологии и истории Балкан, Карпато-Днестровских земель и степного мира, по нумизматике и эпиграфике, равно как и по археологической теории и антропологии.

Сборник рассчитан на археологов, антропологов, историков культуры, студентов, а также широкие круги читающей публики.

ISBN 978-9975-3343-1-0.

© М. Е. Ткачук, Г. Г. Атанасов, 2019.

© Университет «Высшая антропологическая школа», "Stratum plus" Р. Р.

© Обложка: Д. А. Топал, 2019.

Редактор материалов на английском языке: Ю. Д. Тимотина

Технический координатор: Ж. Б. Кроитор

Оригинал-макет: Д. А. Топал, Л. А. Мосионжник, Г. В. Засыпкина

Редактор карт: Л. А. Мосионжник

Корректор: Г. В. Засыпкина

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

IN SEARCH OF THE ESSENCE

Essays in honour of Nicolai Russev
on the occasion of his 60th birthday

Edited by
M.E. Tkachuk and G.G. Atanasov

KISHINEV
2019

60-летию
Николая Дмитриевича Руссева
посвящается

This issue to 60th anniversary of Nicolai D. Russev

СОДЕРЖАНИЕ

AD GLORIAM

М. Е. Ткачук (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Дунайская элегия Руссева	13
В. Йотов, А. Минчев (<i>Варна, България</i>). Приятелски и колегиален поздрав към Николай Руссев	19
О. А. Довгополова (<i>Одесса, Украина</i>). «Гораздо сложнее было с живыми...»: История одного поселка на границе тектонических сдвигов цивилизаций	21
Список печатных трудов Н. Д. Руссева	25

АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ БАЛКАН

А. Минчев (<i>Варна, България</i>). Елинистически фигурални лампи от античного светилище на нос Свети Атанас край Бяла, Варненско	35
А. Орачев (<i>Ахтопол, България</i>). Българският поведенчески стереотип — кимане с глава в знак на съгласие у гетите в <i>Tristia</i> на Овидий	43
В. Йотов (<i>Варна, Болгария</i>). Античная печь III в. на мысе Св. Атанас, Варненская область, Болгария	55

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ У ГОРОЖАН И НОМАДОВ

С. Б. Сорочан (<i>Харьков, Украина</i>). Баптистерии раннесредневекового византийского Херсона: некоторые итоги изучения	67
М. М. Казанский (<i>Париж, Франция</i>). О «кочевнических юртах» на памятниках оседлого населения лесостепи (V—VIII вв.).	73

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

А. В. Кривенко (<i>Тирасполь, Молдова</i>), М. Н. Бутырский (<i>Москва, Россия</i>). Монеты Латинской и Византийской империй из находок на территории Прото-Днестровья.	89
Н. А. Алексеенко (<i>Симферополь, Крым</i>), Л. В. Дергачёва (<i>Бухарест, Румыния</i>). Молдавская монета на территории средневековой Таврики (краткий обзор) . . .	97

МАТЕРИЯ ЗНАЧЕНИЙ

- М. М. Чореф** (*Нижневартовск, Россия*). К вопросу о датировании совместного правления Радамсадия и Рескупорида V 109
- С. В. Белецкий** (*Санкт-Петербург, Россия*). Новый тип древнерусского княжеского знака 119
- Й. Валериев** (*Бургас, Бългaрия*). Късномадски пандантиви амулети от района на Долния Дунав 125

РЕЛИКТЫ СТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ

- Н. Н. Крадин** (*Владивосток, Россия*). Города в кочевых империях Внутренней Азии. 149
- М. В. Ельников** (*Запорожье, Украина*). Золотоордынское городище Конские Воды по письменным источникам, картографическим материалам и археологическим данным 171
- Л. Ф. Недашковский** (*Казань, Россия*). Остатки погребений, металлические, стеклянные и каменные изделия с Увецкого городища по архивным данным . . 191
- А. Н. Масловский** (*Азов, Россия*). Керамический комплекс как проявление культурного единства оседлого населения европейской части Золотой Орды. Краткий обзор. Общие и частности. 209

УКРАШЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЭПОХИ

- К. А. Руденко** (*Казань, Россия*). Золотые и серебряные браслеты XIII—XIV вв. из Булгарской области Золотой Орды: систематизация, атрибуция и датировка. . 239
- С. А. Фидельский** (*Тирасполь, Молдова*), **М. М. Чореф** (*Нижневартовск, Россия*). Бронзовое зеркало золотоордынского времени из окрестностей села Тея на левобережье Нижнего Днестра. 263
- М. В. Квитницкий** (*Тирасполь, Молдова*), **Н. П. Тельнов** (*Кишинёв, Молдова*), **С. Д. Лысенко** (*Киев, Украина*), **С. Н. Разумов**, **В. С. Синика** (*Тирасполь, Молдова*). Золотоордынский погребальный комплекс с зеркалом с изображением сфинксов на Нижнем Днестре 275
- С. С. Рябцева** (†). О некоторых предметах декорировки костюма и украшениях конца XIII — начала XV вв., связанных с золотоордынской традицией 291

ИЗ КУЛЬТУРОЛОГИИ КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ

- И. П. Возный** (*Черновцы, Украина*). Клинковое оружие XII—XV вв. с территории междуречья Верхнего Прута и Среднего Днестра 309
- Б. М. Боднарюк** (*Черновцы, Украина*). Молдо-валашский этнический субстрат в эпоху раннего средневековья: аспекты цивилизационной идентификации в осмыслении румынских историков XX века 331

ЛИЧНОСТИ И ОБРАЗЫ ЭПОХ

- О. М. Луговой (*Одесса, Украина*). Григорий Цамблак и первое упоминание о Хаджибее 341
- А. В. Федорук (*Черновцы, Украина*). «Искусный и очень опытный стратег»: военная деятельность Ивана Русина на службе царей Тырновской Болгарии (20—30-е гг. XIV в.) 349
- Пл. Павлов (*Велико-Търново, България*). За култа към св. Филотея Търновска в средновековна България и Влахия 361
- И. Ф. Грек (*Кишинёв, Молдова*). Рождение историка-болгариста и общественника . . 367

«ОСЕНЬ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»

- Г. Г. Атанасов, К. Р. Димов (*Силистра, България*). Отново за датировката и произхода на пафтите — *corrigenda et addenda* (По повод колекция в Дуловския музей от с. Окорш, Силистренско) 377
- А. В. Красножон (*Одесса, Украина*). Замок Хаджибей: история исследований, датировки, локализация 395
- А. В. Балух (*Черновцы, Украина*). Влияние польско-турецкого соперничества второй половины XVII в. на военно-политическую ситуацию в Карпато-Днестровском регионе 413

К ОСМЫСЛЕНИЮ ТЕОРИЙ И ЗАБЛУЖДЕНИЙ

- В. П. Кирилко (*Симферополь, Крым*). Терминологический аспект в изучении одоннефных храмов средневекового Крыма 427
- Б. Д. Борисов (*Велико-Търново, България*). Проблемът за средновековните сезонни селища от територията на дн. Югоизточна България (трансхуманс или номадизъм) 449
- В. Л. Мыц (*Санкт-Петербург, Россия*). Мнимое княжество Киркельское в Юго-Западном Крыму XIII—XV вв. 467
- Список сокращений. 475

CONTENTS

AD GLORIAM

M.E. Tkachuk (<i>Kishinev, Moldova</i>). Russev's Danubian Elegy	13
V. Yotov, A. Minchev (<i>Varna, Bulgaria</i>). Greetings to Nikolai Russev from Friends and Colleagues	19
O.A. Dovgopolova (<i>Odessa, Ukraine</i>). "Those alive were much harder to deal with...": history of a settlement on the border between tectonic shifts of civilizations	21
List of Published Scientific Works by N.D. Russev	25

CLASSICAL MOTIVES OF BALKANS

A. Minchev (<i>Varna, Bulgaria</i>). Hellenistic Plastic Lamps from the Ancient Sanctuary at Sveti Atanas Cape near Byala, Varna Region	35
A. Orachev (<i>Ahtopol, Bulgaria</i>). The Bulgarian Behavioral Stereotype, Head Nodding Used by the Getae as a Sign of Consent in Ovid's Tristia	43
V. Yotov (<i>Varna, Bulgaria</i>). Antique Kiln of 3rd Century on Sveti Atanas Cape, Varna Region, Bulgaria	55

EARLY MIDDLE AGES AT BURGHERS AND NOMADS

S.B. Sorochan (<i>Kharkiv, Ukraine</i>). Baptisteries of the Early Medieval Byzantine Cherson: some results of study	67
M.M. Kazanski (<i>Paris, France</i>). On the "Nomadic Yurts" on the Sites of the Settled Population of the Forest-steppe (5th—8th Centuries)	73

NUMISMATICAL SKETCHES

A.V. Crivenco (<i>Tiraspol, Moldova</i>), M.N. Butyrsky (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Coins of the Latin and the Byzantine Empires by the Finds on the Territory of Prut-Dniester Region	89
N.A. Alekseienko (<i>Simferopol, Crimea</i>), L.V. Dergacheva (<i>Bucharest, Romania</i>). The Moldovan Currency Discovered in Medieval Taurica (short overview)	97

MATTER OF MEANINGS

- M.M. Choref** (*Nizhnevartovsk, Russian Federation*). **On Dating of the Joint Rule of Rhadamsades and Rhescuporis V** 109
- S. V. Beletsky** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **New Type of the Old Russian Princely Token** 119
- I. Valeriev** (*Burgas, Bulgaria*). **Late Nomadic Pendent Amulets from the Lower Danube** . 125

RELICS OF THE STEPPE EURASIA

- N. N. Kradin** (*Vladivostok, Russian Federation*). **Cities in Nomadic Empires of Inner Asia** 149
- M. V. Elnikov** (*Zaporizhzhia, Ukraine*). **Golden Horde Hillfort Konskie Vody by Written Sources, Cartographic Materials and Archaeological Data** 171
- L. F. Nedashkovsky** (*Kazan, Russian Federation*). **The Remains of Burials, Metal, Glass and Stone Wares from the Uvek Hillfort by Archival Materials** 191
- A. N. Maslovskiy** (*Azov, Russian Federation*). **Ceramic Complex as a Sign of Cultural Unity of Settled Population of Golden Horde. Brief review. Common and particular** . . 209

DECORATIONS OF THE GOLDEN HORDE TIME

- K. A. Rudenko** (*Kazan, Russian Federation*). **Gold and Silver Bracelets of the 13th—14th Centuries from the Bulgar Region of the Golden Horde: systematization, attribution and dating** 239
- S. A. Fidelski** (*Tiraspol, Moldova*), **M. M. Choref** (*Nizhnevartovsk, Russian Federation*). **A Bronze Mirror of the Golden Horde Time from the Outskirts of the Teia Village on the Left Bank of the Lower Dniester** 263
- M. V. Kvitnytskyi** (*Tiraspol, Moldova*), **N. P. Telnov** (*Kishinev, Moldova*), **S. D. Lysenko** (*Kiev, Ukraine*), **S. N. Razumov**, **V. S. Sinika** (*Tiraspol, Moldova*). **Golden Horde Grave with a Mirror with the Image of Sphinxes in the Lower Dniester Region** 275
- S. S. Ryabtseva** (†). **On Some Elements of Costume Decoration and Adornments of the Late 13th — Early 15th Centuries Associated with the Golden Horde Tradition** . . 291

PAGES FROM THE CULTUROLOGY OF THE CARPATHIAN-DNIESTER LANDS

- I. P. Vozny** (*Chernivtsi, Ukraine*). **The Blade Weapon of the 12th—15th Centuries from the Territory between the Upper Prut and the Middle Dniester** 309
- B. M. Bodnariuk** (*Chernivtsi, Ukraine*). **Moldo-Wallachian Ethnic Substrate in the Early Middle Ages: aspects of civilization identification as understood by the Romanian historians of the 20th century** 331

PERSONS AND IMAGES OF THE TIME

O.M. Lugovyi (<i>Odessa, Ukraine</i>). Grigorij Tsamblak and the First Record of Khadjibey	341
A. V. Fedoruk (<i>Chernivtsi, Ukraine</i>). “A Skilled and Very Experienced Strategist”: Military Activities of Ivan Rusin in the Service of the Tsars of Tarnovo Bulgaria (20—30s years of the 14th century)	349
Pl. Pavlov (<i>Veliko Tarnovo, Bulgaria</i>). The Cult of St. Phylotea of Tarnovo in Medieval Bulgaria and Wallachia	361
I. F. Grek (<i>Kishinev, Moldova</i>). Birth of a Historian-Bulgarist and Social Activist	367

“THE AUTUMN OF THE MIDDLE AGES”

G. G. Atanasov, K. R. Dimov (<i>Silistra, Bulgaria</i>). Once Again about the Dating and Origin of the Clasps Called Pafta — corrigenda et addenda (On the occasion of the collection in the museum of Dulovo, found in the area of Okorsh, Silistra region) . . .	377
A. V. Krasnozhon (<i>Odessa, Ukraine</i>). The Khadzhibey Castle: History of Research, Dating, Localization	395
O. V. Balukh (<i>Chernivtsi, Ukraine</i>). The Influence of the Polish-Turkish Rivalry in the Second Half of the 17th Century on the Military and Political Situation in the Carpathian-Dniester Region	413

UNDERSTANDING THEORIES AND DELUSIONS

V. P. Kirilko (<i>Simferopol, Crimea</i>). Terminological Aspect in Studies of Single-Nave Basilicas in the Medieval Crimea	427
B. D. Borisov (<i>Veliko Tarnovo, Bulgaria</i>). The Problem of the Seasonal Settlements on the Territory of Today’s South-Eastern Bulgaria (Transhumance or Nomadism)	449
V. L. Mytz (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). The Imaginary <i>Kirkel</i> Principality in South-Western Crimea (13th—15th Centuries)	467
Abbreviations	475

Ad gloriam

М.Е. Ткачук

Дунайская элегия Руссева

Известна мысль о том, что всякий писатель, о чем бы он ни брался писать, в конечном счете, пишет о себе. К историкам это наблюдение применимо в самых редких, исключительных обстоятельствах. Не то чтобы мы в этих случаях говорили о какой-то специальной профессиональной высоте. Это речь не об уровне, не о компетенции.

История как знание, как наука, как дисциплина, в отличие от художественной литературы, заключена в куда более жесткие границы канона. Неважно, как эти процедурные, технологические требования к исследованию выглядят. Важно, что они просто есть. И это почти исключает всякую возможность увидеть за результатами исследования — самого автора. Не просто поймать авторский стиль, узнаваемую манеру изложения, а заглянуть глубже — в неосвещенное нутро мотивов историка, заставляющих видеть прошлое так или иначе, обращаться именно к этим темам, а не к иным, раскрывать их тем способом, а не иным.

Вряд ли писательский вклад будет оценен, если автор ограничится устным сообщением о придуманном им оригинальном сюжете, неожиданных и нетипичных героях, на пальцах объясняя, как будет это все выглядеть в ипостаси художественных образов. Историк же просто может найти нужный ему источник в архиве, иначе сопоставить факты, заполнить прореху в череде событий, сделать про это короткий научный доклад, минут на пять — и все! Даже, быть может, и статьи никакой научной писать про это не будет. Как это ни странно, текст как продукт далеко не обязателен.

И только в самых редчайших обстоятельствах мы от историка ждем именно текста, специального эксклюзивного блюда, в котором заранее важно и одновременно непредсказуемо всё — и сама поставленная проблема,

и найденные на самом видном месте источники, и способ такого диалога с ними, будто они сами обо всем повествуют, говорят. Говорят ясно, отчетливо, о чем-то самом сокровенном, что именно в этот момент так важно лично для тебя. И пусть ты как исследователь занят совершенно иными эпохами и вопросами, это совершенно не важно. Как неважно, когда ты хватаешь с полки роман или сборник рассказов, написанных из совсем других времен или мест.

В этом смысле историку рассказать какую-то историю многократно сложнее, чем писателю. Когда это не удастся, то получают статьи и монографии. Когда это удастся, то получают книги. Понимаете, такие книги с затрепанными корешками и форзацами, с именами узнаваемых авторов, которые становятся столь же добрыми и надежными друзьями, как рассказы Хемингуэя или Паустовского, романы Маркеса или Платонова. Этакie тексты-медиумы — между тобой и не тобой, которые всегда под рукой, на которых можно положиться. Их можно открывать в любом месте, читать из середины, читать лежа, волнуясь, вскакивать с кровати в поисках сигарет, загибать страницу и записать, в конце концов, на каком-нибудь дрянном листике очень важную мысль, которая не имеет к прочитанному никакого отношения. Почти nonfiction, но в котором иллюстрации из диаграмм, портретов, корреляционных таблиц, схем, карт, ссылок являются не только ожидаемыми, но и необходимыми усилителями привкуса времени, как добрая специя в восточном блюде, как точная гарантия достоверности.

...Мы познакомились 35 лет назад. В Старом Орхее. Я только-только сдал летнюю сессию, ухитрившись сделать это на месяц раньше сокурсников. Именно благодаря этому обстоятельству я успел к началу открытия летнего сезона Славяно-молдавской археоло-

гической экспедиции. А ее начальник — теперь уже легендарный Павел Петрович Бырня — принял меня на работу не каким-то там рабочим раскопа, а целым лаборантом.

Ну а как он меня мог не принять? Шансов у него не было. Мне было почти 18 лет. Я был отличник. И это была уже моя третья экспедиция. Представляете, третья! То есть, я был уже, можно сказать, матерый полевик, умел зачищать раскоп, ловить пятна, расчищать ямы и погребения. Примерно так я о себе думал. О чем с вызовом и растолковал своему будущему начальнику. Я тогда, конечно же, не предполагал, что всю жизнь буду ему благодарен не только за все 16 лет совместной работы, но в первую очередь за то, что он тогда просто не выпер меня из кабинета. Бырня сделал глубокий вдох, снял очки и на выдохе спокойненько так ответил: «Выезжаем через два часа. Вернешься в Кишинев в лучшем случае через два месяца. И то — на пару дней. Мигом за паспортом и рюкзаком. Ждать не будем».

И вот мы уже в Требуженах. Тентованный ГАЗ-54 виртуозно влетает в узкие каменные ворота церковного двора, где располагалась экспедиция. Всё происходит стремительно. Пяти минут не прошло, а битком набитый грузовик уже разгружен. Пирамида выючных ящиков, палаток, спальных мешков, картонных коробок с консервами и подсолнечным маслом — всё это только-только выросло прямо в центре экспедиционного двора и тут же

разносится по разнообразным сусекам многочисленными обитателями лагеря. Организовано. Слаженно. Мой первый новый приятель — будущий друг и коллега на всю жизнь Роман Рабинович — пользуясь случившимся преимуществом, знакомит меня со всеми остальными.

— А вот это одесский историк Николай Руссев! — сказал он.

Рабинович сказал именно так. Не школьный учитель из Одессы. Не археолог, проработавший уже с десятком полевых сезонов в разных причерноморских экспедициях, но остающийся обычным преподавателем истории. Историк!

Историк Руссев, кажется, был единственным человеком, который, в отличие от остальных, не суетился, не хватал под руки ящики и тюки. Он стоял неподалеку и грыз семечки, сосредоточенно перебирая указательным пальцем мелкие черные зерна на широкой ладони.

Массивный, широкоплечий, ужасный. Все лицо исцарапано глубокими бороздами со следами спекшегося йода. Руки до локтей в ссадинах и столь же безжалостных царапинах и ушибах. Надорванные джинсы были прикрыты стильными латками, вырезанными в форме греческих амфор. Но было ясно, что маскируют они не просто разрывы ткани, а последствия какого-то случившегося поединка. Весь вид этого одесского историка свидетельствовал о том, что мы ничего не зна-

ем о фауне Оргеевских Кодр. Ведь так мог выглядеть только человек, недавно сразившийся с каким-то реликтовым хищником — медведем или рысью.

Историк Руссев отряхнул ладони. Подошел. Улыбнулся.

— Пацаны, отойдите, — сказал он. Крякнул. И легко взвалил на себя 40-литровую флягу с ацетоном.

— Это он с велосипеда упал, — объяснил Рабинович. — Катился под горку, цепь слетела. Скорость сумасшедшая. Пришлось ногу в спицы совать. Велосипед в узелок. А Руссев — спасся.

Прошла неделя-другая налаженной экспедиционной жизни. Почти всё так же, как везде, в других экспедициях. Чуть больше дисциплины и порядка. Но сам порядок примерно одинаковый. Ранний подъем, завтрак, по машинам, часов семь на раскопе, обратно в лагерь, обед, сиеста в палатке или где-нибудь в тени часа на полтора, потом шифровка и описание находок, ужин, пара часов на неторопливый треп на кухне за чаем, отбой.

Этой привычной картине не соответствовал только Руссев. Никакого сладкого и заслуженного послеобеденного отдыха. Стол и стул под абрикосом. Стопка книг. Ворох бумаг. Руссев пишет. Сосредоточенно. Неторопливо. День за днем. Откладывая заполненные красивым почерком страницы в толстеющую на глазах папку. В этот момент он был похож на кого угодно, но только не на историка и не на археолога. Он пишет почти набело, без стопки картотечных шпаргалок. Так пишут либо письма, либо романы. Но только не научные статьи. Так мне тогда казалось.

— Николай Дмитриевич, а Вы ссылок, что ли, совсем не делаете? На библиографию? На источники? — спрашивал я, полагая, что как бы знаю, как именно следует писать зубодробительные, непроизносимые вслух научные тексты.

— Сноски? Ссылки? Потом вставлю. В Одессе. На это там у меня времени хватит. А вот написать осмысленную историю там не получится.

— Можно почитать?

— Нет. Закончу. Тогда — да. Вот можешь взять мою недавнюю статью. — Он протянул такой пухлый коричневатый сборник.

«О западных пределах Золотой Орды» — так называлась статья. Я посмотрел на дату выхода сборника, прибавил еще пару лет. Получалось, что Николай Руссев написал ее

чуть ли не в моем возрасте, будучи студентом.

— Ну да, на третьем курсе написал, — ответил он.

Когда ты точно знаешь, кем собираешься быть, ты ревниво следишь за успехами своих сверстников на том же поприще. И, увы, далеко не всегда глубокий интерес к предмету заставляет тебя читать их научные тексты. Порой ты просто сравниваешь себя, свою оптику и навыки с теми, на кого равняешься, кого хочешь опередить. И пусть совершенно глупо и бессмысленно само это соревнование, но я в нем тогда, кажется, участвовал. И наличие настоящих научных публикаций вот в таких толстых, ротапринтных сборниках со скучными и длинными названиями — было твердым критерием яркого успеха. Меня совершенно не интересовала история и археология «Золотой Орды», я занимался славянами, но я взялся читать статью. Нет, не Руссева, а почти своего сверстника. Чего это он там тогда написал?

Я теперь совершенно убежден, что эта небольшая статья принципиально развернула мое формирующееся исследовательское видение. И дело не в том, что с этого момента я стал внимательнее относиться к событиям и реалиям XIII—XIV веков. Хотя это тоже было. Спустя пару месяцев я отважился и написал длинный текст, посвященный этому времени: «О причинах образования золотоордынских городов в Днестровско-Прутском междуречье». Так он назывался. А мысль была проста, хотя и банальна в каком-то смысле. Мол, к первым десятилетиям XIV века Орда уже была не способна на экспансию, на дальнейшее расширение. Равновесие Востока и Запада привело к кратковременному изменению инструментов ордынского влияния. Торговля — вместо завоевания, вынос городов к западным пределам — вместо военных контингентов. Говоря современным языком, ассоциированное партнерство — вместо полноправного членства, глубокая и свободная торговля как «мягкая сила» и способ удерживать восточные Балканы в «узде».

Но обаяние этой ранней публикации Руссева состояла в ином. В том, что потом станет его фирменным стилем на многие десятилетия вперед.

Композиция любой научной публикации на стыке письменных и археологических источников до сих пор напоминает заключение медицинского консилиума. Чего-то там вначале про историю болезни, потом — анализы, потом про заключение профильных специали-

стов и, наконец, диагноз. Иными словами — беглый анализ историографии, потом столь же лоскутная презентация письменных источников, дальше — описательное, не структурированное изложение археологических данных, скромный вывод, сделанный под местоимением «мы» и украшение в виде заглавия, начинающегося с известного «К вопросу о...». При этом письменные свидетельства всегда воспринимаются в качестве своеобразных источников прямого действия — однозначных и основных, а археологические — некая вспомогательная, второстепенная иллюстрация.

Для Руссева все иначе. Сначала ставится вопрос, то есть проблема! Перед лицом новой задачи все источники — и письменные, и археологические — равны в своей непроницаемости. Их содержание может быть сколь угодно очевидным ровно до тех пор, пока ты их ни о чем не спрашиваешь. Этакое банальности, нанизанные на исследовательскую эрудицию и любопытство.

А вот спрашивать — означает совершить над источниками некое упорядочение — контент-анализ, картографию находок, их корреляцию, наложить одну картину на другую и получить вывод, который будто возникает сам по себе, непринужденно, как некий диалог между письменными и археологическими данными. Сейчас — это уже классическая процедура работы с источниками. Ею с особым мастерством пользовались такие классики, как Марк Борисович Щукин или Дмитрий Алексеевич Мачинский, создавшие не только серию строгих реконструкций событий скифского, предримского, римского и средневекового периода в Центральной и Восточной Европе, а ряд ярчайших образов этих эпох. Образов, которые, скорее, по жанру тяготеют к исследовательским романам, нежели к монографиям. И вовсе не в смысле неряшливости исполнения научной процедуры, некой литературщины, а в смысле эстетического эффекта представленных многомерных событийных картин древности. Они впечатляют.

Именно тогда, в далеком 1984 году, я ощутил, что живу не просто в Молдавии, не в каком-то Днестровско-Прутском междуречье, а на самом стыке Азии и Европы, у западных пределов Великой Империи Древности. На восточной окраине Запада. Метафора пульсирующего пограничья между глобальными мирами древности, а не просто банальной контактной зоны, навсегда поселился в моем мозгу. Пограничья, в котором Нижний Дунай окажется вечным Стиксом между верхом и низом евразийских столкновений,

инверсий, местом регулярных и несанкционированных переходов inferнальных племен и народов варварского мира в витальное подбрюшье коллективного Запада. А поводом к этому была всего-то впервые представленная Руссевым картография золотоордынских кладов, которая ясно отбивала западные границы политического господства Улуса Джучи. Всё это было на поверхности. Но до него этого никто не делал. Не видел.

Но вместе с этим поселится почти подростковая, имитационная страсть стать не просто археологом, а археологом, способным быть вот таким рассказчиком, уметь не цитировать, а общаться с источниками, строить канву исследования не по принципу экспертного заключения, а драматургического повествования. Таким образом, чтобы внимание читателя не ослабевало, чтобы внутри сугубо научной презентации разворачивался волнующий и далеко не только детективный сюжет. И не во имя каких-то там стилистических красот и натужной публицистичности, а потому, что именно такой видится событийная история, в такие непредсказуемые узлы действительно, по правде завязываются судьбы отдельных персон и народов. Нужно просто научиться такое видеть, находить и описывать. Тогда, в 1984 году, почитывая рукописи 26-летнего Николая Руссева, общаясь с ним, я понял, что писательство — это не то, что разделяет призвание историка и литератора. Это то, что их объединяет. Один открывает часто нелюбимую прошлую реальность, другой открывает и демонстрирует порой отвратительные глубины собственной души. В обоих случаях факт открытия обязателен. Открытие — и критерий таланта, и профессионализма. Придумывание и подделки — и там, и там — не работают в равной степени.

Все статьи и книги Руссева читаются именно так — на одном дыхании. Возможно, оттого, что подобным образом и пишутся. Сноски и ссылки он и сейчас оставляет на потом, скрупулезно ввинчивая их в текст так, чтобы не пострадала сюжетная линия, чтобы не перегружалась ритуальными кивками на авторитеты. И событийную антологию первых пяти-шести веков второго тысячелетия на просторах от Крыма до Велико-Тырново, от Клузы до Белгорода-Днестровского уже невозможно представить без собственно руссевского рассказа о них.

Где еще можно прочитать об удивительной, полной авторских ностальгических реплик, дунайской эпопее князя Святослава, для которого возвращение в Киев было попро-

сту невозможным, а желание княжить в Переяславце на Дунае — осталось несбыточной мечтой. В таких категориях и в таких сопоставлениях до зубной боли известные источники еще не общались друг с другом. И полная конфликтов, войн, предательств и смертей хрестоматийная история обретает измерение совершенной иной реконструкции — сложных, взаимоисключающих психологических мотивов, которые владели мятущейся душой тридцатилетнего князя. В итоге совершившего предсказуемое самоубийство, осознанно двинувшись навстречу безоговорочной гибели у днепровских порогов.

Сейчас трудно представить нашу историю без проницательной и волнующей реконструкции вселенского мора — пандемии чумы, «черной смерти», — погнавшей ханов Золотой Орды далеко на Запад, в безлюдные молдавские Кодры. Именно тут, на берегах Реута, на непродолжительное время возводится новая столица ордынской империи. Строятся капитальные сооружения — бани, караван-сарай, водопроводы, мазары. Именно тут, в Шехр аль-Джедиде — нынешнем Старом Орхее — строится самая большая мечеть между Дунаем и Иртышом, руины которой можно еще рассмотреть в густой и высокой траве.

Без Руссева трудно опознается в истории молдавской государственности в качестве «своего и родного» социальное, культурное и политическое наследие, оставленное монголо-татарами центральной Молдовы. Как всё это наследие гармонично вписалось в институты ранней молдавской государственности? Каков его вклад в то территориальное образование, которое еще долго будет называться «южным краем» или «Цара де Жос» молдавского княжества? Погребение господаря Богдана в Радауцах, княжеский перстенъ с арабской надписью «Аллах» — ключи не только к переводу со славянского на арабский имени господаря, но и обратный перевод той сложной, непонятной, но явно бесконфликтной картины вращающегося ордынского наследия в фундамент принципиально новой политической конструкции.

От Святослава до Стефана Великого — сотни и сотни публикаций Николая Руссева, образующих витиеватую фабулу смены героев, государств, населения, языков, религий — на всё той же вечной границе «миров и эпох». На той самой границе, где и Николаю Руссеву в печальный момент крушения границ и эпох пришлось сделать свой цивилизационный выбор.

В июльские дни приднестровский войны его призвали доказать свою верность недавно обретенному молдавскому гражданству с оружием в руках. Призывной пункт под Бендерами. Канонада. Вокруг носилки с ранеными, окровавленные бинты. Руссев отказывается брать автомат из щедрых рук организаторов братоубийственной бойни. Он вновь сует ногу в спицы летящего в пропасть велосипеда. Демонстративно разворачивается и бредет пешком обратно, в Кишинев. Истеричные команды немедленно остановиться. Выстрелы в воздух. Никакого впечатления. Руссев уходит с войны. Проявляя редчайшую для тех дней смелость и гражданское мужество.

Спустя лет семь-восемь Руссев — уже профессор Высшей антропологической школы — озадачен новым профессиональным искушением. Он читает курс истории цивилизаций. Он ровным счетом недоволен ни одним из существующих определений «цивилизации». Ни академический, ни житейский опыт не позволяли ему с легким сердцем принять ни одно из них в качестве наиболее полного и адекватного. О чем он, собственно, искренне и жаловался студентам ВАША. Пока сама судьба не подбросила ему самый оригинальный ответ.

Мы вместе ехали в Санкт-Петербург, в Институт истории материальной культуры. Там должен был состояться большой и серьезный доклад Профессора Руссева. Про собственноручный доклад Руссев совершенно не беспокоился. Он был написан давно. А вот ко всему тому, что должно было последовать после доклада, Руссев самозабвенно готовился все последние дни. Он приобрел две гигантские канистры какого-то чрезвычайно благородного коньяка, батарею марочных вин, всякие специальные соленья и мясные копчености, которыми славятся болгарские селенья Южной Бессарабии. Вне всякого сомнения, доклад мог стать одним из самых выдающихся интеллектуальных событий Санкт-Петербурга. Понимая, что всё это невозможно провезти через Приднестровье, Украину и Беларусь легальным путем, мы заблаговременно упаковали это в некий контейнер, который был сдан в почтовый вагон с эффектной надписью «Книги. Дарение в СПб-РАН». Книжки там действительно были. И занимали почти половину объема всего контейнера. Это были недавно вышедшие номера нашего журнала STRATUM. То есть всё было почестному. Точнее, почти почестному.

Мы с легкостью миновали Приднестровье. На контейнер не обратили никакого внимания

и украинские таможенники. И вот мы, наконец, проходим проверку на белорусской станции Мозырь. Тишина. И вот — поезд трогается, движется вдоль перрона! Нас пропустили! Мы с Руссевым ликуем. Но ровно до того момента, пока не увидели на проплывающем мимо нас перроне распотрошенный контейнер, стопки нашего журнала и разоблаченные канистры с коньяком.

Входит проводник. Садится рядом. Тяжело вздыхает. В этот трагический момент он с нами. Он разделяет нашу скорбь.

— Не получилось, — грустно отмечает он. А потом порывисто встает и надрывным рыком народного трибуна заявляет: — Да что это такое? Понастроили границ! Понапридумывали всяких таможенников! Разве это цивилизация? Какая же это цивилизация? Нет! Это — не цивилизация!

— Ну и что такое цивилизация? — не поднимая глаз, вполголоса спрашивает Руссев.

— Как, и Вы не знаете? Цивилизация — это, когда можно договориться! — победно заключает проводник.

С тех пор это определение цивилизации стало базовым для студентов Высшей Антропологической Школы. И оно очень долгое время доказывало свое конкретное, практическое преимущество в сравнении с сотней иных дефиниций. Не исключая, что оно со временем попадет в официальную академическую номенклатуру культурологических категорий.

В любой иной стране, кроме Молдавии, Николай Дмитриевич Руссев давным-давно был бы признан выдающимся современником, таким Жаком Ле Гоффом Балкан, свое-

образным Николаем Йорга Подунавья и Поднестровья, живым и неунывающим хронистом, хранителем и в определенном смысле очевидцем полутысячелетней истории региона. Истории, которую тут умеет рассказывать, к огромному сожалению, лишь он один. Истории, которую он ежедневно пишет, но которую ему уже почти некому рассказывать. Тут исчезает само историческое действие. Тут не нуждаются более в рассказчиках. Тут не искушаются примерами прошлого. Не анализируют ошибки, не чтят имена. Пограничье миров и эпох вновь превращается в пустыню. Интеллектуальную и человеческую.

Да, по ту сторону Дуная, в той же Болгарии, которая сейчас Евросоюз и Запад, профессора Николая Руссева воспринимают иначе. Там он классик. Несомненно. Но писать и жить он продолжает тут. Потому, что пишет о себе, питая свое аналитическое вдохновение из беспримерной картины разворачивающейся драмы, которой всякий раз находят новые и убедительные аналогии. Было по всякому. Значит, и будет по-всякому. Такова канва. Таков сюжет. Такова, наконец, интрига!

Настоящий историк всегда пишет о себе. Иногда ему становится тесно и душно даже в широком пространстве исторического повествования. И тогда получают стихи. Хорошие стихи. Как вот это поэтическое признание ещё юного и никому не известного Николая Руссева:

В запале говорим о вдохновенье
И с кулаками прём на подлецов.
Интеллигенты в первом поколеньи
С замашками колхозников-отцов.

Mark Tkachuk (Kishinev, Moldova). Doctor of History. High Anthropological School University¹.

Ткачук Марк Евгеньевич (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: m66.tkachuk@gmail.com

Address: ¹ N. Iorga St., 5, Kishinev, MD-2009, Moldova

Приятелски и колегиален поздрав към Николай Руссев

Археологическите разкопки на екипи от Молдова в България датират още от 2000 г., когато 15 студенти от ВАШ — Кишинев и техни преподаватели стъпиха за първи път на обекти в България. В началото, в продължение на пет сезона, заедно с български археолози, бяха проучвани крепости, селища, некрополи в Южна Добруджа и Лудогорието.

Бяла — център на земни и духовни блага.

В последните години (вече за десети сезон) археологическата практика начело с проф. Николай Руссев — отначало с участие на студенти и от ВАШ, а след това и досега, само от Тараклийския университет преминава

в обекта на нос Св. Атанас край Бяла на Черно море, на 50 км южно от Варна.

Тук съвместната експедиция помогна съществено са разкриването на укрепителната система, жилищната архитектура, раннохристиянският комплекс, винарните, тракийският култов център, производствените съоръжения и пр. Пред очите ни, този непроучван досега обект се превърна в забележителен музей на открито.

За помощта, за разговорите, за съветите, за песните..., за всичко — благодарим ти Кольо.

Поклон!

*Валери Йотов и Александър Минчев — научни ръководители
на археологическия обект на нос Св. Атанас*

Обр. 1. Археологическа експедиция върху обекта „Нос Св. Атанас“. 2011 г.

Fig. 1. Archaeological expedition on the „Sveti Atanas Cape“ site. 2011.

Обр. 2. Професор Николай Русев следи разкопките на антична печка от 3-ти век върху обекта „Нос Св. Атанас“. 2014 г.

Fig. 2. Professor Nikolai Russev is following the excavations of antique kiln of the 3rd century AD on the “Sveti Atanas Cape” site. 2014.

О. А. Довгополова

«Гораздо сложнее было с живыми...»: История одного поселка на границе тектонических сдвигов цивилизаций

Кажется, что в жанре региональной истории вряд ли можно придумать нечто новое. Уже наработана масса приёмов и инструментов, в разных частях мира взяты тысячи и тысячи интервью, год от года совершенствуется методология микроисторического исследования. Тем не менее, книга «Шикирлик-Суворово: два века в истории (1815—2015)» Н. Д. Руссева оказывается чем-то совершенно особенным в бесконечном потоке местных историй. Автор не создаёт новых жанров. С одной стороны, здесь представлено классическое историческое исследование региона, с другой — дано личностное измерение истории в ряде разноплановых интервью. Вряд ли первую часть исследования можно назвать микроисторическим. Классические микроисторические исследования, создающие «скважины» в толще исторического материала, как правило, сосредотачиваются на тех моментах, которые недоступны при любом обобщающем анализе: способах видения мира, ментальности, специфике личностных взаимоотношений. Здесь же мы видим тщательную обработку исторических источников, раскрывающую перед читателем творческую лабораторию автора, демонстрирующую, как именно можно изыскивать сведения о тех моментах, которые кажутся неописанными. Автор не позволяет себе эмоциональных или эссеистических отступлений, попыток «вчувствования». Скупой на аффекты материал именно в таком виде оказывается для читателя предельно заряженным ощущением экзистенциальной сродненности. Для тех, кто бывал (уж не говорю про тех, кто жил) в Суворово, все описанное неизбежно накладывается на собственные ощущения пространства, воздуха, голосов людей, запахов... Мы чувствуем, как здесь жить сейчас.

Благодаря книге Н. Д. Руссева наши ощущения приобретают несколько измерений, становятся слоистыми. И да простит меня за эту лирику автор, ценящий строгость научного стиля и информационную насыщенность текста. Вне всякого сомнения, здесь всё это есть — плод многолетней работы в архивах разных стран насыщенным количеством полезных и ценных для исследователей региона сведений. Что не нивелирует того дополнительного эффекта, о котором я пытаюсь сказать — человеческое измерение истории оказывается доступно именно в такой оптике, когда даже сухие цифры дают нам возможность прикоснуться к живой ткани людского существования. Эффект усиливается постоянными сменами масштаба, что позволяет ощутить именно тот момент негарантированности и незащищённости человеческой жизни в периоды геополитических катастроф. А катастроф на описываемый регион выпало достаточно. Известный историк Тимоти Скайдер стал известен благодаря своей книге «Кровавые земли», в которой внимание сфокусировано на жизненной ситуации людей, живущих на землях, неизбежно становящихся яблоком раздора великих игроков на сцене мировой истории. Взгляд Николая Руссева сосредоточен не на регионе, а на маленькой точке на карте, что делает ощущение трагизма истории еще более острым, но и даёт более ясный посыл к пониманию простой истины — жизнь сильнее смерти, воля к жизни в людях оказывается сильнее всех обрушивающихся на человека катастроф.

Именно внутреннее присутствие такой установки автора делает структуру работы абсолютно логичной и оправданной. Разделы с интервью и воспоминаниями восприни-

маются как органичная часть исследования, а не как некое дополнение, как это часто бывает в подобного рода работах. Интервью собирались автором на протяжении многих лет. Они разнообразны по способам интервьюирования и репрезентации результатов. Более ранние интервью, взятые еще в 90-е годы, выглядят классическими устно-историческими разработками, в более поздних текстах автор даёт скорее собственное видение того, что человек рассказывает.

Исследование проникнуто привязанностью и интересом именно к этой точке на карте, где на протяжении двухсот лет люди доказывали, что они сильнее обстоятельств. Это не снижает его теоретической насыщенности и научной обоснованности выводов. Предоставив читателю возможность погрузиться в материалы второго и третьего раздела книги с их личностным измерением, позволю себе сказать несколько слов о специфике исследовательского взгляда Н.Д. Руссева в первом, теоретическом разделе.

Перед нами предстает история в ее человеческом измерении, когда мы можем кожей ощущать как присутствие живого человеческого дыхания, так и тектонические сдвиги цивилизационных структур. Простой анализ фамилий первых поселенцев, пришедших в начале XIX века на эти, только что отвоеванные Россией земли, даёт автору возможность обозначить способы взаимодействия в разномыслии пространстве — фиксация фамилии Болгар свидетельствует о том, что человек был известен за пределами своего села, ведь бессмысленно обозначаться собственной национальностью среди сородичей. Читая о количестве детей в семьях переселенцев, мы можем почувствовать сомнения и страхи людей, принимающих решение о переселении — с большим семейством это сложнее, переселяться решаются тогда, когда в семье один или два ребенка. Видим надежды на государственную помощь, которые испытываются отсрочками российской администрации — у империи другие задачи, надо закончить наполеоновские войны. Упоминание о том, что новых переселенцев после 1830 года селили во «временных поселениях», то есть в землянках, даёт нам почувствовать, насколько тяжело давались переселения — мы можем представить себе, что значит *перезимовать* в сыром буджакском климате с ветрами, туманами, обледенениями. Люди переживали здесь эпидемии оспы и холеры. Они выживали. Им случалось хоронить и умерших от эпидемии проезжих

людей, которых застала смерть у чужого порога.

Одновременно с этим простым указанием на специфику обживания пространства первопоселенцами автор показывает нам и способы действия огромных исторических механизмов. Сухие цифры изменений в сельском хозяйстве в первые десятилетия присутствия здесь России — упадок садоводства, сокращение скотоводства по сравнению с турецким временем — дают нам почувствовать, как огромные цивилизационные пласты сдвигаются, подобно отливу, оставляя на обнажившемся берегу какие-то напоминания о том, что было раньше. Достаточно прочитать приведенное в книге донесение российских офицеров о первых годах существования села: «Поселена с 1815 года в небольшой лощине, в одной версте от левого берега озера Катлабуга, где была татарская деревня того же имени, выстроена правильными кварталами». Татарская деревня пустеет с уходом прежнего государства, не теряя своего имени, но наполняясь новыми жителями. С каждой русско-турецкой войной в регионе появляются новые волны переселенцев. Отношения между государствами ломают жизни людей — привычная жизнь становится невозможной, люди снимаются с места и ищут лучшей доли. Уже пустив корни в новой земле, колонисты снова оказываются в другом государстве — только освоившись со способом жизни в Российской империи, люди оказываются в вассальной османам Молдавии. Это новый вызов, который Молдавия старается уменьшить, подтвердив права колонистов, полученные от России. И всё равно конфликты заставляют колонистов снова бежать в российскую Бессарабию. Всё тут смешивается так, что не развести. Обжившие новые земли люди вновь совершают «Большую ходку». А в 30-е годы уже XX века сюда пришла уже иная империя. На разных страницах книги мы встречаемся с этой ситуацией выбора — вы остаётесь или уходите. Невольно ставишь себя на место тех солдат, которым прямо на плацу во время построения в 1940 году велют сделать выбор — уходят ли они в Румынию как урожденные румыны или остаются жить под властью Советов. И переживаешь вживую падение «занавеса», после чего многие семьи оказались разделены навсегда.

Напластования культур и традиций выходят на поверхность в каких-то очень простых фактах. В болгарском обозначении села, происходящем от тюркского слова «кишлак». В готовности колонистов, обладающих все-

ми правами колонистов Российской империи, держаться за молдавские привилегии и хранить документы, полученные когда-то в Яссах. В болгарском женском имени «Султана», которое в церковных документах превращалось в Татьяну.

Может быть, ничто так выпукло, как бесконечные сухие цифры, приводимые автором, не дает почувствовать специфику Буджака как пространства, в которое попадают люди, готовые принять на себя все сложности, которые могут выпасть на долю искателей своей судьбы. Люди, готовые рискнуть, готовые не опускать руки, когда не приходит обещанная помощь. Мы слышим голоса агитаторов, призывающих поселенцев возвращаться обратно, на турецкие земли. И видим поселенцев, которые пропускают эти призывы мимо ушей — они приняли своё решение. Мы видим опасливое решение не записывать статистику смертности во время эпидемий, которую историк восстанавливает, обратившись к записям об исповедях. Нас корбит от простого объяснения причин большей смертности среди девочек, чем среди мальчиков — просто девочки меньше ценились в семьях.

Короткие мазки статистических данных дают нам возможность представить себе, что давало жителям нового поселения в первые десятилетия XIX века решимость рискнуть и остаться здесь жить. Место было прекрасно для торговли. Близость транспортных путей и торговых трактов, близость Одессы с её фантастическими темпами роста — вот то, что давало людям, не боящимся работать, уверенность в том, что это хорошее место, наш дом, из которого не надо никуда уходить. Как анимационная картинка перед нами рисуется строительство церкви под руководством молодого образованного священника, появление «каменных почтовых дворов».

Простое упоминание о правилах размещения новопереселенцев в XIX в. делает очевидным, насколько конфликтным был регион. Новые переселенцы специальным распоряжением М. С. Воронцова должны были поселяться отдельно от уже обжившихся здесь. Почему? Очевидно, случаи конфликтов со старожилами случались достаточно часто. Можно понять новопоселенцев, которым приходилось зимовать в землянках, не менее понятна готовность старожилов охранять от вторжений свое с таким трудом созданное обжитое пространство. Конфликтность пространства в каждую эпоху существования села проявляется по-своему. Сначала это были конфликты с новопоселенцами, потом, уже в румынскую эпоху,

болгарские сообщества вызывали подозрение и признавались наиболее враждебными румынской власти.

Автор показывает нам сообщество, где время течет не так, как нам кажется привычным и правильным, — в соответствии с политическими изменениями внешнего мира. Нам представляются катастрофическими смены политической власти, здесь их иногда могут не заметить, но впасть в отчаяние из-за введения григорианского календаря в богослужение. Это, а не приход нового государства, ввергает сообщество в хаос.

За возможность использовать в своих исследованиях рассказ о фигуре школьного учителя, фамилию которого безошибочно называют потомки тех, кто жил в Шикирлике в 30-е годы, Мишель Фуко немало бы отдал. Настолько это явственное свидетельство нормализующей роли школы и роли образования в системе воспроизводства социума. «Этот человек, довольно долго живший в Шикирликитаете и хорошо понимавший болгарский язык, олицетворял для местных болгар всё Румынское королевство. В школу Ион Костица, человек хорошо сложенный, приходил безукоризненно одетым. Порой он появлялся в военном мундире — с тростью в руке и со шпорами, звеневшими на его хромовых сапогах. Как офицер он занимался и военной подготовкой допризывников. Господин директор запечатлен на фотоснимках, сохранившихся в семьях его бывших учеников» (с. 112).

Абсолютно органично выглядит сочетание макро- и микропланов описания. Погрузившись в восстановление геополитических расстановок сил накануне Второй мировой войны, мы внезапно перемещаемся на микроплан: в описание ухода румынских властей и войск с изучаемой автором территории. Мы видим и беспорядочное отчаянное желание как-то вписаться в ситуацию — кто-то бежит, бросая всё, кто-то продаёт даже табельное оружие, попутно громя евреев за вооруженную связь с большевиками. Местные быстренько грабят магазины и пытаются самоорганизоваться. Автор не пытается создать некоего глянцевого образа этих событий: люди, увы, ведут себя как люди в ситуации хаоса. «Известная по всей Бессарабии байка о том, что местному населению лучше всего жилось, когда румыны уже ушли, а русские еще не пришли, относится именно к таким дням коллективного самоуправления» (с. 120). Именно на фоне этих описаний выглядят смешно и нелепо как раз идеологические штампы из учебников о том, что

«долголетние чаяния трудящихся Бессарабии о воссоединении с Россией сбылись».

Среди трагедий Второй мировой войны перед нами предстаёт трагедия Суворово. Искушение просто живописать зверства захватчиков разбивается о скупое очерченный автором факт — репрессии обрушились на тех, на кого доносили свои же односельчане. Война предстаёт здесь во всей отвратительности своего обличья, как то, что делает актуальными самые тёмные стороны человеческой природы. Рядом с отчаянными подвигами воинов, сдерживавших наступление вражеской армии в течение месяца, гнездится тихая подлость тех, кто в ужасе от происходящего пытается обеспечатить себе место под солнцем.

Каждое историческое событие мы привыкли вписывать в определенный исторический нарратив, представляющий его как необходимое звено в цепи иных событий. Достоинством исследования Н. Руссева является то, что он даёт возможность оценить видение ситуации с разных сторон. И с условно «советской», и с румынской. Введение этой двойной идеологической оптики создаёт дополнительные возможности восприятия обстоятельств жизни людей, вброшенных в катастрофическую ситуацию. Структуры сражаются только в учебниках и политических сочинениях. Реальность же наполняется разрывами ткани жизни. «Освобождение»? «Векковые чаяния»? О чем всё это... Кто только не освобождал эту территорию. Короткие штришки описания разных эпизодов войны

заставляют почувствовать кошмар происходящего больше, нежели развернутые статистические схемы. Корректные и подтянутые немцы, пришедшие на смену румынам, на глазах местных жителей расстреливают несколько десятков каких-то незнакомых людей. В этом маленьком эпизоде всё: и ужас ожидания подобной судьбы со стороны местных, и неспособность завоевателей увидеть в тех же местных нечто достойное того, чтобы хотя бы произвести расстрел не открыто. Так не обращают внимания на домашних животных. И одна фраза «Гораздо сложнее было с живыми» описывает ситуацию прихода советских войск лучше, нежели все геополитические описания. Перезахоронить погибших и воздать им почести было легче, чем разобраться с теми, кто продолжал с оружием в руках скрываться на территории оставленной румынами и немцами Бессарабии, с теми, кого бросили собственные государства при отступлении, с теми, на чьей совести лежали преступления против соседей...

С живыми всегда сложно. Позволю себе воспользоваться строчкой одесского поэта Бориса Херсонского «...у Бога все живы, у Истории все мертвы». История, расставившая вешки и повесившая правильные ярлычки, делает прошлое ясным. Не такую Историю мы видим в исследовании Н.Д. Руссева. В этой книге все живы. И с ними очень непросто. Книга, при всей своей традиционной академичности, наполнена любовью. А это то, что делает историю живой.

Статья поступила в сборник 21 марта 2019 г.

Oksana Dovgopola (Odessa, Ukraine). Doctor of Philosophical Sciences. Odessa I. I. Mechnikov National University¹.

Довгополова Оксана Андреевна (Одесса, Украина). Доктор философских наук. Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова.

E-mail: doaad1@gmail.com

Address: ¹ Dvoryanskaya St., 2, Odessa, 65026, Ukraine

Список печатных трудов Н. Д. Руссева

1981

1. Черняховские поселения и могильник в с. Первомайское. В: Мезенцева Г.Г. (отв. ред.). *Древности Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 126—131. (Соавтор: А.А. Рососацкий).

1982

2. О западных пределах Золотой Орды. В: Гудкова А.В. (отв. ред.). *Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка, 40—55.
3. Бусы из могильника Молога II. В: Гудкова А.В. (отв. ред.). *Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка, 113—119.

1985

4. Новые аспекты изучения кочевнических древностей на западе Золотой Орды. В: Бырня П.П. (отв. ред.). *Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье*. Кишинев: Штиинца, 59—66. (Соавтор: А.О. Добролюбский).

1986

5. Геометрические орнаменты из циркульных окружностей на подвесках римского времени. В: Дзис-Райко Г.А. (отв. ред.). *Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 134—142.
6. Кочевое и оседлое население степей Северо-Западного Причерноморья в X—XIV вв. В: Станко В.Н. (отв. ред.). *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 177—184. (Соавтор: А.О. Добролюбский).

1987

7. *¹ Из истории средневековой Килии. *Дунайская заря* (Килия), октябрь-ноябрь.

1988

8. * Килия под властью османов. *Дунайская заря* (Килия), апрель-май.
9. О политическом положении региона Днестровско-Дунайских степей в первой трети XIV в. В: Советов П.В. (отв. ред.). *Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода фео-*

дализма. Кишинев: Штиинца, 33—45. (Соавтор: И.Г. Коновалова).

10. Гончарный комплекс XIV в. из Старого Орхей. В: Бырня П.П. (отв. ред.) *Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца, 122—131. (Соавтор: П.П. Бырня).
11. О господстве золотоордынской государственности в Днестровско-Карпатских землях. В: Янин В.Л. (отв. ред.). *Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии* 1. Москва: Институт истории АН СССР, 147—152. (Соавтор: П.П. Бырня).

1989

12. О неполивной керамике XIV века из Пруто-Днестровья. В: Федоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI веках*. Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 100—108. (Соавтор: П.П. Бырня).
13. Неучтенный фактор в развитии городов Поднестровья середины XIV в. В: Арнаутков В.И. (отв. ред.). *Молодежь и современная наука. Общие вопросы*. Кишинев: Штиинца, 13—15.
14. Материалы денежного обращения XIII—XIV вв. и золотоордынское господство на Нижнем Дунае. В: Петренко В.Г. (отв. ред.) *История и археология Нижнего Подунавья* 1. Рени, 96—97.

1990

15. Возникновение городов Поднестровья XIV в. в свете нумизматических материалов. В: Янин В.Л. (отв. ред.). *Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы*. Кишинев: Штиинца, 118—139.
16. * Жизнь Иоанна Нового: легенда и действительность. *Славянский вестник* (Кишинев), № 11, 12.
17. Этнический и конфессиональный состав населения Белгорода (Четатя Албэ) золотоордынского периода. *Молдавский исторический журнал* (4), 29—37.
18. Социальное развитие и иноземное господство. *Молдавский исторический журнал* (4), 58—60. (Соавтор: Г.В. Гонца).
19. К хронологии золотоордынского города в урочище Старый Орхей. В: *Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья*. Ч. I. История. Белгород-Днестровский: Одесский археологический музей; Белгород-Днестровский краеведческий музей; Одесский охранный археологический центр, 75—77.
20. История Белгорода XIV в. в «Житии Иоанна Нового». В: *Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья*. Ч. I. История. Белгород-

¹ Так помечены статьи, вышедшие в прессе.

Днестровский: Одесский археологический музей; Белгород-Днестровский краеведческий музей; Одесский охранный археологический центр, 129—130.

1991

21. * Буджак — череда народов. *Знамя* (Чадыр-Лунга), январь-февраль.
22. Историческая судьба жития Иоанна Нового. В: *Болгаристика в системе общественных наук: опыт, уроки, перспективы*. Дриновские чтения 2. Харьков: Харьковский государственный университет, 46—47.
23. Городские центры Днестровско-Дунайских земель и Золотая Орда (моменты и ареалы эволюции). В: Советов П. В. (отв. ред.). *Молдавский феодализм. Общее и особенное (история и культура)*. Кишинев: Штиинца, 39—66.
24. Из истории денежного обращения в Поднестровье XIII—XIV вв. В: Загинайло А. Г. (отв. ред.). *Древнее Причерноморье. II чтения памяти проф. П. О. Карышковского*. Одесса: Одесское областное управление по печати, 59—61. (Соавтор: Е. А. Мосолова).
25. Единичные находки неджучидских монет золотоордынского времени в Днестровско-Прутском междуречье. В: Загинайло А. Г. (отв. ред.). *Древнее Причерноморье. II чтения памяти проф. П. О. Карышковского*. Одесса: Одесское областное управление по печати, 81—83.
26. Социальные конфликты в Белгороде на Днестре XIV в. В: *Из истории социальных отношений и общественно-политического движения в Молдове (XIV — начало XX в.)*. Кишинев: Штиинца, 6—22.

1992

27. *Низовья Дуная и Днестра времени формирования Валашского и Молдавского княжеств (проблемы истории городов конца XIII — XIV вв.)*. Автореф. дисс. ... канд ист. наук. Кишинев. 21 с.

1993

28. Нижний Дунай в истории Молдовы XIV в. *Молдавский исторический журнал* (1), 39—46.
29. Средневековый город на дунайском острове Пэкуял луй Соаре и Золотая Орда. В: *Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического общества*. Одесса: Одесский археологический музей, 123—124.

1994

30. Золотая Орда в жизни городов Днестровско-Дунайского региона. (По сведениям письменных источников). В: Dragnev D. M. (ed.). *Evul mediu timpuriu în Moldova (probleme de istoriografie și istorie urbană)*. Chișinău: Academia de Științe a Republicii Moldova, Institutul de Istorie, 70—107. (Соавтор: И. Г. Коновалова).
31. Два пассажа из «Описания Молдавии» Димитрия Кантемира: перспективы археологической интерпретации. (Предварительные соображения). *Молдавский исторический журнал* (2), 24—28.
32. Бесарабские болгары: история, проблемы, перспективы. *Эпохи II* (II). Велико Търново, 5—15. (Соавторы: И. Ф. Грек, Н. Н. Червенков).
33. Мусульмане на Рэуте и Ботне. *Архив на поселищните проучвания* 3—4. Велико Търново, 156—162.

1995

34. Жители Белгорода в записях генуэзца Антонио ди Понцо 1360—1361 гг. В: *Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья*. Белгород-Днестровский, 49—50.
35. Римский мемориальный рельеф из окрестностей Тиры. *Молдавский исторический журнал* (1), 29—38. (Соавтор: А. А. Росохацкий).
36. Святослав на Дунае: «свой» и «чужие». В: *Славянские культуры в инациональной среде*. Материалы международной научно-практической конференции. Кишинев: Фонд славянской письменности и культуры в Республике Молдова, 120—122.
37. Някои проблеми на изучаването на средновековната българска материална култура в междуречието на Дунав и Днестър. В: *Българите в Северното Причерноморие* 4. Велико Търново, 103—112.
38. Кишинев в молдавских грамотах XV—XVI вв. *Молдавский исторический журнал* (2), 52—57.
39. Хронология монетных находок и некоторые вопросы городской истории Добруджи XIII—XIV. *Добруджа* 12 (Numismatic and sphragistic contribution to ancient and medieval history of Dobroudja, Dobrich, 1993), 261—271.

1996

40. Contributions a l'histoire ethno-politique de Tyras au IIIe siècle apr.J.-C. In: Roman P. (ed.). *The Thracian world at the crossroads of civilizations*. Bucharest, 211—213. (Соавтор: А. А. Росохацкий).
41. Българи, византийци и руси на долното течение на Дунав през 968—971 г. В: *Българите в Северното Причерноморие* 5. Велико Търново, 175—187.
42. Политическая ситуация на Нижнем Дунае конца XIV века и Молдавское княжество. В: *Трудове на Великотърновския университет. Исторически факултет* 32 (3). Велико Търново, 121—132.

1997

43. По следите на древността. *Роден край* (Одесса), 26 юли. [Интервью].
44. Житие Иоанна Нового: легенда и историческая действительность. *Аккерманские древности I*. Белгород-Днестровский, 127—162.
45. Гл. IV. Молдавия в условиях османского господства (1538—1774 гг.). В: *История Республики Молдова*. Кишинев, 60—76 (а также издание на молдавском языке). (Соавторы: Н. П. Тельнов, П. П. Бырня и др.).
46. Золотая Орда середины XIV века: хаос у колыбели порядка. В: *Запорозьке козацтво в пам'ятках історії та культури*. Запоріжжя, 62—65.
47. * Открывая завесу прошлого: Кале. *Советский Измаил* (Измаил), 14 октября.
48. Българите и татарите от «Златната Орда» на Долни Дунав (втората половина на XIV в. — първата половина на XV в.). В: *Българите в Северното Причерноморие* 6. Велико Търново, 153—167.
49. «Безносая привратница эпох»: Черная смерть на Западе и Востоке Европы. В: Ткачук М. Е., Манзура И. В., Мосионжик Л. А. (ред.). *Стратум: структуры и катастрофы. Сборник сим-*

волической индоевропейской истории. Санкт-Петербург: Нестор, 220—239.

1998

50. Поливная керамика золотоордынского городища Старый Орхей: перспективы хронологической интерпретации. В: Солодовникова С.Н., Кузнецова В.К., Неведрова Р.Г. (ред.). *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики*. Симферополь: ЭКОСИ-Гидрофизика, 175—177.
51. Болгарско-молдавские контакты на Нижнем Дунае (вторая половина XIV в.). В: Cervencov N. (conducătorul grupului științific). *Relațiile moldo-bulgare în epoca medie și modernă*. Chișinău, 51—62.
52. Нижний «Траянов» вал в контексте топографии и хронологии древностей Буджака. В: Охотников С.Б. (отв. ред.). *Древнее Причерноморье. IV чтения памяти проф. П.О. Карышковского*. Одесса, 129—134.
53. * «Золото череп'яне», или исследования археологов на Измаильщине продолжаютя. *Придунайские вести* (Измаил), 20 августа.
54. Болгария, Молдова, Румыния. В: *Правители Европы*. Справочное издание. Одесса, 245—267, 416—423. (Соавторы: О.А. Довгополова, Е.А. Радзиховская и др.).
55. * Пастырь и храм. К 100-летию церкви Св. Константина и Елены в пос. Суворово. *Придунайские вести* (Измаил), 27 октября.

1999

56. Василий Дмитриевич Агура: жизнь и судьба. В: Грек И.Ф. (науч. ред.). *История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины*. Сборник статей к 100-летию со дня рождения И.И. Мещеряка. Кишинев: Societatea Științifică a Bulgaristilor, 130—138.
57. Археологические исследования Буджакской экспедиции в микроне села Суворово. В: *Охрана и исследования памятников археологии в Одесской области*. Одесса, 34—37, 73, 74. (Соавторы: А.В. Гудкова, К. Рандсборг, М.М. Фокеев).
58. *На грани миров и эпох. Города низовьев Дуная и Днестра в конце XIII—XIV вв.* Кишинев: Высшая антропологическая школа. 240 с.
59. К истории изучения античных памятников Бессарабии (по документам Императорского Одесского общества истории и древностей). *Stratum plus* (3), 359—367. (Соавтор: С.И. Пармакли).
60. Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов. *Stratum plus* (5), 379—407.
61. Возвращение Икара Счастливого (субъективные заметки). *Stratum plus* (6), 11—18. [О П.О. Карышковском].
62. Монеты средневековой Молдавии (Историко-нумизматические очерки). *Stratum plus* (6), 176—262. (Соавтор: П.П. Бырня).

2000

63. *Молдавия во второй половине XIII — первой трети XVI вв. (по данным нумизматики)*. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Санкт-Петербург. 41 с.
64. Рецензия: Димитров Хр. Българско-унгарски отношения през средновековието. — София: Акаде-

мично изд-во, 1998. — 423 с. *Нестор. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы* (1), 431—436.

65. Раскопки у озера Катлабух в 1995—1996 годах. *Археологічні дослідження в Україні в 1994—1996 рр.* Київ, 171—173. (Соавтор: М.М. Фокеев).
66. * Патриотизм — это область добродетели, а история — сфера науки. *Придунайские вести*, 10 октября. [Интервью].
67. * Per vestigium значит «по следам». *Город* (Кишинев), 28 ноября. [Интервью].
68. Исследования городища Руйно — Картал-кале (предварительные сообщения). *Stratum plus* (5), 97—107. (Соавторы: Г. Атанасов, Г.В. Засыпкина, В. Йотов).
69. «Яко ту вся благая сходятся»: Антропология дунайской трагедии 968—971 гг. *Stratum plus* (5), 213—225.
70. Молдавские монеты конца XIV — первой трети XV вв. (особенности распространения). *Stratum plus* (6), 204—220.
71. Патрица фальшивомонетчика XVIII века? *Stratum plus* (6), 432—434. (Соавтор: Е.Н. Сава).

2001

72. Un tezaur de monede moldovenești descoperit la Cetatea Albă. *Simpozion de nismistică organizat în memoria martirilor căzuți la Valea Albă, la împlinirea a 525 de ani (1476—2001)*. Chișinău, 15. (Соавтор: А.П. Городенко).
73. * Экспедиция на Картал-кале. *Руйно—2000* (Кишинев), июль.
74. * «Попавшие в десятку», или родители команды. *Руйно—2000* (Кишинев), июль.
75. Раннесредневековна крепост до с. Руйно, общ. Дулово, Силистренска област. *Археологически открития и разкопки през 1999—2000 г.* XL национална археологическа конференция. София, 130—131. (Соавторы: Г. Атанасов, В. Йотов).
76. Раскопки у озера Катлабух в 1995—1996 годах. *Восточноевропейский археологический журнал* 13 (6). Киев. (Соавтор: М.М. Фокеев).
77. * Висша Антропологическа Школа в Кишинев. *Придунайские вести* (Измаил), 21 декабря. [Интервью].

2002

78. Балканы и Восточная Европа: к истории цивилизационного выбора. *Stratum plus* (5), 300—319.
79. Жизнь в науке: во имя своих и чужих. *Stratum plus* (6), 10—19. [О П.В. Советове].
80. Византийский солид из района Дунайской дельты. *Stratum plus* (6), 183—185. (Соавтор: М.М. Фокеев).
81. Гл. IV. Молдавия в условиях османского господства (1538—1774 гг.). В: *История Республики Молдова*. Изд. 2-е. Кишинев: Elan-Poligraf, 63—81. (Соавторы: Н.П. Тельнов, П.П. Бырня и др.). (А также издание на молдавском языке).
82. Гл. 3. Славяне, болгары и Болгарское государство. В: Тельнов Н.П., Степанов В.П., Руссев Н.Д., Рабинович Р.А. «И... разошлись славяне по земле». *Из истории Карпато-Днестровских земель VI—XIII вв.* Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 67—131.
83. Comunitatea greaca in Belgorod secolele XIV—XV-lea / Greek Community in Belgorod s. XIV—

- XV. In: Chicuş N. (ed.). *Raporturile moldo-grece in contextul relațiilor internaționale: Probleme și perspective*. Chișinău: Universitatea Pedagogică de Stat "Ion Creangă", 10—11 (рум.), 124—125 (англ.).
84. Революция и церковь: к событиям 1917 г. в селе Шикирликитай (п. Суворово) на Измаильщине. В: *Церковная история и культура в возрождении Придунавья*. Измаил, 85—87.
85. Новые данные о Трояновом вале. В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V век н. э.)*. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГКУ; Типар, 406—412. (Соавтор: М. М. Фокеев).
86. Разкопки на раннесредневековната крепост до с. Руйно, област Силистра. В: *Археологически открития и разкопки през 2001 г.* XLI национална археологическа конференция. София, 130. (Соавторы: Г. Атанасов, В. Йотов).
99. Василий Дмитриевич Агура: жизнь и судьба. В: *Православные храмы в болгарских и гагаузских селениях юга Украины и Молдовы* 1. Болград, 246—256. Перепечатка из книги: *История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины*. Кишинев. 1999. С. 130—138.
100. Волохи, русские и татары в социальной истории средневековой Молдавии. *Русин* (2), 93—105.
101. Высшая Антропологическая Школа и молодежные антропологические исследования в Молдове — *factum ad hominem*. В: Зверев Е. Ю. (ред.). *Антропологические исследования в Молдове — 2004*. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 3—4.
102. Монетная чеканка в средневековой Молдавии как отражение диалога цивилизаций. В: Шуст Р. (ред.). *Грошовий обіг і банківська справа в Україні: минуле та сучасність*. Львів: Львівський національний університет, 119—128.

2003

87. Молдавия и «Параталасия»: свидетельства нумизматики. В: *Древнее Причерноморье. V чтения памяти проф. П. О. Карышковского*. Одесса, 158—166.
88. * Многие лета, бате Белчо! *Руйно-2002* (Кишинев), июль.
89. * Каменная река: в поисках утраченного времени. *Руйно-2002* (Кишинев), июль.
90. * Молдова знаменита не только вином... *Независимая Молдова* (Кишинев), 8 августа. [Интервью].
91. Новый реалистический скипетр эпохи энеолита из Молдавии. В: Sava E. (red.). *Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic*. Chișinău: Academia de Științe a Republicii Moldova, Institutul de Arheologie și Etnografie, 53—56.

2004

92. Благотворительное общество в бессарабской болгарской колонии Шикирли-Китай (1876—1877 гг.). В: Червенков Н. Н. (отв. ред.). *Бессарабия и освобождение Болгарии*. Кишинев, 47—51.
93. Ароматы увядающего говора (болгарские фразеологизмы села Суворово). В: *Българите в Северното Причерноморие* 8. Велико Търново, 101—118.
94. Раннесредневековна крепост до с. Руйно, община Дулово, област Силистра. *Археологически открития и разкопки през 2003 г.* XLIII национална археологическа конференция. София, 187. (Соавторы: Г. Атанасов, В. Йотов).
95. * Българите в Молдова имат свой университет. *Стандарт* (София), 20 декември. [Интервью].
96. Ottoman Expansion and Monetary Reform in Moldavia in the Middle of 15-th Century. В: *Acta musei Varnaensis* II. Нумизматични и сфрагистични приноси към историята на Западно Черноморие. Варна, 379—387.
97. Селище около езическия храм при Румска река в Преслав. *Преслав* 6. София, 7—23. (Соавторы: С. Бонев, Р. Рашев).

2005

98. Антропологическое образование — фактор цивилизованного диалога культур. В: *Educație Multiculturală ca mijloc de management al diversității și de integrare în societatea polietnică*. Materiale conferinței. Chișinău, 182—190.

2006

103. Монетные находки и молдавско-польские связи конца XIV — первой трети XV вв. В: Кушнир В. Г. (отв. ред.). *Древнее Причерноморье. Сборник статей, посвященных 85-летию со дня рождения проф. П. О. Карышковского*. Одесса: Гермес, 188—193.
104. «Полета вольное упорство» (к 75-летию А. В. Гудковой). *Stratum plus* 2003—2004 (4), 8—18 (1,5 а. л.).
105. Тайна «каратов замка Илliche». *Stratum plus* 2003—2004 (6), 479—494. (Соавтор: О. Н. Мельников).
106. Стефан Великий в обстоятельствах времени (антропологические эскизы). *Stratum plus* 2003—2004 (6), 19—62. (Соавторы: Ж. Б. Кроитор, Ю. В. Лазо).
107. Некоторые аспекты молдавско-русских связей эпохи Стефана Великого. *Русин* 4 (2), 44—55.
108. * Славяне на востоке Европы и Дунае. *Придунайские весты* (Измаил), февраль-март. (Под именем: Николай Пономаренко).
109. * Болгары на Нижнем Дунае (VI—X вв.). *Придунайские весты* (Измаил), март — апрель. (Под именем: Николай Пономаренко).
110. Стефан Великий как преемник православных традиций Византии. В: *Тезисы научной конференции, посвященной 15-летию образования общества греческой культуры «Элефтерия» в Республике Молдова*. Кишинев, 53—55.
111. * Уроки вместо исповеди. *Придунайские весты* (Измаил), 22 мая.
112. Дунайские болгары в эпоху раннего средневековья (цивилизационный аспект). *Българите в Северното Причерноморие* 9. Одесса, 61—76.
113. Il Quattrocento tra i Carpati el il Dniestr. L'influenza italiana nella politica dei re moldavi. In: *Convegno Internazionale "L'umanesimo latino nella Repubblica Moldova: aspetti filosofici, letterari e linguistici"*. Chișinău, 7 ottobre. Treviso, 41—47.
114. Славянский фактор в истории средневековой Молдавии. *Русин* 6 (4), 90—101.

2007

115. Болгары в средневековой истории Карпато-Днестровских земель: обзор проблематики. В: *Человек в истории и культуре*. Сборник в честь 70-летия В. Н. Станко. Одесса; Терновка: Друк, 208—217.

116. «Лучше жить в глухой провинции у моря», или явление Одессы. В: Орлов А. *Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год*. Одесса, I—IV.
117. Редкая книга об Одессе и ее новое издание. В: *Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий научный альманах* 4. Одесса, 292—297.
118. «На хлебах у Воронцова» (Об одесской службе и отставке А. С. Пушкина). В: *Одесские чтения памяти М. С. Воронцова*. Материалы докладов и сообщений международной научно-практической конференции. Одесса, 57—60.
119. Совместные молдавско-болгарские исследования археологических памятников Нижнего Подунавья (некоторые итоги и перспективы). В: Cervencov N. (red. resp.). *Relații moldo-bulgare: Problemele de cercetări*. Chișinău: Universitatea de Stat Taraclia; Universitatea Pedagogică de Stat “Ion Creangă”, 37—44.
120. К археологии болгарского Онгласа. В: *Дунав — Днестър. Годишник на Тараклийски държавен университет* 1. Кишинев, 34—47.
121. «Деяния, счастливо совершенные у Тирь», в символике образов 214 г. н. э. В: *Cogorta. Revistă de istorie militară* (1). Chișinău, 103—112. (Соавтор: А. Росохацкий).
122. Крепость Измаил и османские приготовления 1787—1790 гг. *Краеведческий вестник* 1. Измаил, 3—12.
123. Жизнь Иоанна Нового и жизнь Григория Цамблака в связи с формированием российского идейно-политического пространства. *Русь. Международный исторический журнал* 8 (2). Кишинев, 9—19.
124. * Православный мир XII—XV веков перед религиозным и политическим выбором. *Придунайские весты* (Измаил), март-апрель.
125. Вблизи «рутенских гор»: о древнерусском населении Прикарпатя в контексте этнополитической истории. *Русин* 10 (4), 58—69.
132. «В начале и в конце благих дел» (О трех этапах истории Молдавии эпохи Стефана Великого). *Revista de istorie a Moldovei* 74 (2). Chișinău, 49—65.
133. Реформа монетного дела в Молдавии середины XV века: причины и результаты. В: Dragnev D. (red.). *Țara Moldovei în contextul civilizației europene*. In honorem Gheorghe Gonța. Chișinău: Cartdidact, 169—179.
134. * Щепки для сталинского костра (Репрессии 1948 г. в Суворово). *Придунайские весты* (Измаил), 11 сентября.
135. Былинный Дунай Иванович в типологии русских людей старой веры (Взгляд на перспективы исследования). *Липоване. История и культура русских-старообрядцев* V. Одесса, 17—22.
136. Средневековые болгарские и ордынские монеты XIII—XIV из укрепления близ с. Пожарево. *Acta musei Varnaensis* VII (1). *Нумизматични, сфрагистични и епиграфски приноси към историята на Черноморското крайбрежие*. Варна, 389—402. (Соавтор: Г. Атанасов).

2009

137. Дело солунских братьев и конец Первого Болгарского царства. *Синергетика образования* 14 (1). V Международные Кирилло-Мефодиевские научно-педагогические чтения. Армавир, 145—147.
138. Русский мир и русская державность. *Русин* 15 (1), 145—154.
139. Золотая Орда на Нижнем Дунае. В: Миргалев И. М. (гл. ред.). *Золотоордынская цивилизация* 2. Казань: ИИ АН РТ; Центр исследований истории Золотой Орды им. М. А. Усманова, 90—103.
140. Раннехристианская базилика Дуросторума. *Stratum plus* (5), 2005—2009, 602—615. (Соавтор: Г. Атанасов).
141. Монеты молдавского господаря Ильяша I в Нижнем Поднепровье: возможности исторической интерпретации. *Stratum plus* (6), 2005—2009, 342—350. (Соавтор: О. Н. Мельников).
142. Клад монет XIII в. с днестровского острова Турнчук. *Stratum plus* (6), 2005—2009, 380—387. (Соавтор: А. И. Муссуров).
143. Карпатский край — «общеславянское гнездо». *Русин* 17 (3), 6—20.
144. «Очень жестокий и воинственный болгарский народ в большей своей части оставил идолов...» (Об одном из последствий крещения Болгарии). В: Лазаров И. (ред.). *«България, земя на блаженни...» In memoriam professoris Iordani Andreevi*. Международна конференция в памет на проф. д. и. н. Йордан Андреев. Велико Търново: Ивис, 241—251.
145. «На хлебах у Воронцова», или «Совокупность обстоятельств» одесской службы и отставки А. С. Пушкина. *Воронцовский сборник* 2. Одесса: Студия «Негоциант», 104—121.
146. «Сталинские щепки» (репрессии 1948 г. в селе Суворово на Измайльщине). *Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали* 10. Одеса; Велико Търново, 201—216.
- 2008
126. В поисках замка Илличе. *Лукомор'я: археология, етнология, історія Північно-Західного Причорномор'я* 2. Одеса, 44—47.
127. Некоторые тенденции в общественной жизни болгарской колонии Шижили-Китай в 1857—1878 гг. (Опыт исторической индукции). В: *Безсмъртието на Васил Левски*. Сборник с доклади от Международната научна конференция, проведена на 12 юни 2007 г. в ТДУ по случай 170-годишнината от рождението на Апостола. Кишинев, 91—104.
128. Молдавские средневековые монеты в Нижнем Поднепровье. В: *Древнее Причерноморье* VIII. Одесса, 324—330.
129. Обретение Родины — обретение истории (К 650-летию Молдавской государственности). *Мысль (Теория. Практика. Публицистика)* 38 (1). Кишинев, 124—131.
130. Российское Придунавье до 1856 г.: общество и власть. В: *Одесские Воронцовские чтения* 2. Материалы докладов и сообщений международной научно-практической конференции «К 200-летию Спасо-Преображенского собора. Церковь и государство в эпоху Воронцова». Одесса, 54—57.
131. Молдавский митрополит Феоктист Старый: оценки Димитрия Кантемира и исторические факты. *Русин* 11—12 (1—2), 14—25.
- 2010
147. Болгары и славяне в дунайском ханстве VII—IX вв.: проблема центра и периферии. *Синергетика образования* 18 (2). VI Международные Кирилло-Мефодиевские научно-педагогические

- чтения. Армавир, 130—134.
148. «Мертвые души» в ревизских сказках задунайских переселенцев (на примере колонии Шикир-ликитай 1821—1850 гг.). *Воронцовский сборник* 3. Одесса: Студия «Негоциант», 153—160.
 149. Когда пал «цесарствующий град»: Молдавия и Московская Русь во второй половине XV в. В: Носов Е. Н., Белецкий С. В. (ред.). *Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран* 2. Москва: Ломоносовъ, 214—225.
 150. Северо-восточные владения Дунайской Болгарии VII—X вв.: история и погребальные памятники. *Stratum plus* (5), 159—168.
 151. Спорные вопросы начальной истории Молдавского средневекового государства. *Русин* 20 (2), 29—37.
 152. Монеты Иоанна Лютого — свидетельства международных связей Молдавии второй половины XVI в. *Stratum plus* (6), 211—216.
 153. «Слова и вещи» по Л. Л. Полевому: неюбилейные наброски к портрету современного ученого. *Stratum plus* (6), 17—24. (Соавторы: А. Л. Полевой, Н. П. Тельнов, Н. Н. Червенков, В. Мокряк, И. Ф. Грек, Р. А. Рабинович, В. Л. Полевой).
 154. «Меж двух враждебных рас»: к истории Translatio Imperii в православной Европе. *Дунав — Днестър. Обществознание. Езикознание. Педагогика. Годишник ТДУ П. Кахул: Тараклийски държавен университет*, 130—143.
 155. Manuale care pretind a fi „proeuropene”. In: Nazaria S. (red.). *De le apologetica comunizmului, prin analfabetism și plagiat, spre românismul xenofob*. Chișinău: Universitatea de Stat din Moldova, 103—111. (Соавторы: П. Бойко, В. Дергачев, А. Новак, М. Самухина).
 156. Spre care Europă țineți calea, domnule Dagnev? In: Nazaria S. (red.). *De le apologetica comunizmului, prin analfabetism și plagiat, spre românismul xenofob*. Chișinău: Universitatea de Stat din Moldova, 112—117. (Соавторы: И. Белоус, И. Бардаш, И. Сандлер).
- ## 2011
157. Мы обречены на братство Историей. В: *Болгары и гагаузы в многонациональной Молдове: история и современность*. Материалы Международной научно-практической конференции 25 февраля 2010 г. Варна, 5—8.
 158. Бремя болгарско-гагаузской истории — наследие, от которого нельзя отказываться. В: *Болгары и гагаузы в многонациональной Молдове: история и современность*. Материалы Международной научно-практической конференции 25 февраля 2010 г. Варна, 75—84.
 159. Молдавия и Подолье во второй четверти XV в.: о происхождении двух монетных типов воеводы Ильяша (1409—1448). В: *Древнее Причерноморье IX*. Одесса, 435—444.
 160. Григорий Цамблак в Молдове: факты и догадки. В: Червенков Н. Н. (отв. ред.). *Молдовско-български връзки: Бележити личности. Образование и наука*. Кахул: S.Ș.B., 8—24.
 161. 7000 год от Сотворения Мира — земные измерения небесного. В: *Εσχάτως: философия истории в предчувствии конца истории*. Одесса: ФЛП «Фридман А. С.», 86—108.
 162. Заметки о денежном обращении Молдавии и Буковины XIV—XVI вв. (в связи с исследованиями А. Д. Огуя). *Stratum plus* (6), 287—292.
 163. Петр Осипович Карышковский в памяти и исторических памятниках. *Stratum plus* (6), 323—332. (Соавтор: И. В. Немченко).
 164. Онглос: первая резиденция болгарских канов на Нижнем Дунае и болгарское присутствие севернее Дуная в VII—X вв. В: Хузин Ф. III. (отв. ред.). *Болгарский Форум I*. Материалы международного Болгарского форума (19—21 июня 2010 г., Болгар). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 15—34. (Соавтор: Г. Г. Атанасов).
 165. 1812 — поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев». Кишинев: *Stratum Plus*. 142 с. + 16 илл. (Соавтор И. Ф. Грек).
- ## 2012
166. «Формулярные ведомости Измаильского проиерей Никиты Глизяна за 1820-й год» о церквях, священниках и жителей некоторых болгарских колоний. В: Пригарин А. А. (отв. ред.). *Человек в истории и культуре 2*. Мемориальный сборник материалов и исследований в память В. Н. Станко. Одесса: СМЛ, 497—506.
 167. Сердце, разбитое о жизнь (девять тезисов о Владимире Никифоровиче Станко). В: Пригарин А. А. (отв. ред.). *Человек в истории и культуре 2*. Мемориальный сборник материалов и исследований в память В. Н. Станко. Одесса: СМЛ, 71—73.
 168. Гибель Буджакской орды и освоение юга Бессарабии Российской империей. В: Назария С. М. (отв. ред.). *Присоединение Бессарабии к России в свете многовекового молдо-русского-украинского сотрудничества*. Chișinău: Universitatea de Stat din Moldova, 71—75.
 169. Гибель Буджакской орды и освоение юга Бессарабии Российской империей. В: *Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий альманах 14*. Одесса: Печатный дом, 26—36. (Переиздание).
 170. Городская культура на западном пограничье степной Евразии XIII—XIV вв. (особенности развития). В: Тишкин А. А. (отв. ред.). *История и культура средневековых народов степной Евразии*. Материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей (Барнаул, сентябрь 2012 г.). Барнаул: Алтайский государственный университет, 177—181.
 171. «Татары как-то совсем исчезли...» (Последние месяцы истории Буджакской орды). *Русин* 27 (1), 137—153.
 172. Редут «Кале» — памятник русско-турецкой войны 1806—1812 гг. *Stratum plus* (6), 37—58. (Соавторы: М. М. Фокеев, К. Рандсборг, Т. Р. Йенсен).
 173. «Война и мир» генерала А. Ф. Ланжерона (четыре письма А. К. Разумовскому, 1811 г.). *Stratum plus* (6), 59—77. (Соавтор: Е. В. Полевщикова).
 174. Встречи с Ириной Владимировной Завьяловой — счастливые случайности. В: *Libra. Збірка наукових праць кафедри історії стародавнього світу та середніх віків II*. Одеса, 75—79.
 175. Нечаянная наставница (Ненаучное эссе об А. М. Шабановой). В: Попова Т. Н. (отв. ред.). *Шабанова Анна Михайловна (1933—2006)*.

К 80-летию со дня рождения. Сборник памяти: биографические материалы и статьи. Одесса: Одесский национальный университет, 37—44.

176. Демографические сведения 1835 г. о «задунайских переселенцах» колонии Казакля. В: *Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали* XI. Одесса; Велико Търново, 57—76. (Соавтор: Ю.Г. Узун).

2013

177. Измаильский болгарин Георгий В. Шопов: возвращение из забвения. В: Калчев К. (отг. ред.). *България: митрополия и диаспора*. Сборник по случай 65-та годишнина на д.и.н. Николай Червенков. Кишинев, 259—268.
178. Онгос в начальной истории Дунайской Болгарии. В: *Древнее Причерноморье* X. Одесса, 39—47. (Соавтор: Г.Г. Атанасов).
179. Первый взрослый юбилей «Одесской этнологии». В: Пригарин А.А. (отв. ред.). *От этнологии к социокультурной антропологии: к 20-летию создания В.Н. Станко этнографической школы в Одессе*. Одесса: Postfactum; СМІЛ, 174.
180. Курган энеолита-бронзы у с. Суворово Одесской области. *Tragetia*, s.п. VII [XXII], 157—162. (Соавторы: М. Фокеев, И. Манзура).
181. Татары молдавских грамот XV века: краткий обзор проблематики. В: Бочаров С.Г. (ред.). *V Международныи Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве XV—XVI вв.»*. Тезисы. Симферополь: Крокус, 108—111.
182. Заметки о крепости Тинт. *Stratum plus* (5), 91—102.
183. Клад медных монет из крепости Измаил: деньги русско-турецкой войны 1768—1774 гг. *Stratum plus* (6), 165—173.

2014

184. Археологическая практика в Болгарии: развитие знаний как продолжение обучения. В: *Десет години. Таракийски държавен университет «Григорий Цамблак»*. Таракля, 117—136.
185. Некоторые подробности «Большой ходки» 1861—1862 гг.: переселение болгар колонии Шикирликитай из Бессарабии в Таврию. В: *Дунав — Днестър. Обществознание. Езикознание. Педагогика. Годишник ТДУ*. Кахул; Кишинев, 27—35.
186. Олешье, или Илliche — белое пятно на фоне темных веков. В: Немченко І.В. (ред.). *Libra. Збірка наукових праць кафедри історії стародавнього світу та середніх віків III*. Одеса: Одесский национальный университет, 70—81.
187. Буковина в военно-политической истории Земли Молдавской. В: Балух О. *Від «плонин» до Хотина: военно-політичний розвиток буковинських земель (50-ті рр. XIV — 30-ті рр. XV ст.)*. Чернівці: Наші книги, 8—12.
188. Крепостные ворота раннесредневекового Доростола и средневековый Дрыстр VI—X вв. *Stratum plus* (6), 237—247. (Соавтор: Г. Атанасов).
189. Золотоордынские реликты в грамотах средневековой Молдавии: общий эскиз со случаем «Кишинев». *Золотоордынское обозрение* 6 (4). Казань, 113—133.

2015

190. Два варианта городской истории средневекового Причерноморья — Белгород и Олешье. В: Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. (ред.). *Генуэзская Галария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 19—38.
191. Гл. IV. Молдавия в условиях османского господства (1538—1774 гг.). В: *История Республики Молдова*. Изд. 3-е. Кишинев: Elan-Poligraf, 64—81. (А также издание на молдавском языке).
192. Личность в археологии (Об авторе книги от имени друзей и коллег). В: Козлов В.И. *Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII — XI веков: балкано-дунайская культура*. Казань; Санкт-Петербург; Кишинев: Казанская недвижимость; Stratum Plus, 9—16.
193. Феномен балкано-дунайской культуры и история Дунайской Болгарии. В: Козлов В.И. *Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII — XI веков: балкано-дунайская культура*. Казань; Санкт-Петербург; Кишинев: Казанская недвижимость; Stratum Plus, 278—295.
194. За археологията и хората (второ десетилетие българо-молдовска археологическа експедиция). *Добруджа* 30. Добрич; Силистра, 509—517.
195. Погребение кочевника с византийскими монетами у озера Катлабух и развитие этнополитической ситуации на Нижнем Дунае в XII веке. *Stratum plus* (6), 99—107. (Соавтор: Е. Ф. Редина).

2016

196. Карпато-Дунайские земли в эпоху Джучидов: некоторые соображения и неисчислимые «пути взоров». *Stratum plus* (6), 165—181.
197. Костер в тумане светит. Памяти Александры Васильевны Гудковой (1930—2016). *Stratum plus* (6), 413—416. (Соавтор: Г.В. Кондратьева).
198. О сложной научной и общественно-политической проблеме — широко, доходчиво, искренне. В: Грек И.Ф. *Буджак. История земли и населения (VII в. до н.э. — XXI в.)*. Кишинев: Stratum Plus, 5—10.
199. Первая Мировая война и сельские жители Буджака (из микроистории бывшей болгарской колонии). *Русин* (3), 217—231.
200. Василий Иванович Агура: основные вехи жизненного пути. *Годишник ТДУ «Дунав — Днестър». Обществознание. Езикознание. Педагогика* IV. Таракля, 45—55.

2017

201. *Шикирлик — Суворово: два века в истории (1815—2015). По документам и рассказам участников событий*. Кишинев; Суворово; Таракля; Одесса: Черноморье. 682 с.
202. Измаил и его жители в 1852 году: материалы к размышлению над микроисторией придунайского города. В: Пригарин А.А. (отв. ред.). *Человек в истории и культуре* 3. Мемориальный сборник научных работ в память В.Н. Станко. Одесса: Ирбис, 678—684.
203. «Задунайские переселенцы» в молдавских грамотах конца XVIII — начала XIX веков. *Русин* 47 (1), 111—121.
204. «Служили два товарища»: А.П. Юшневский и Д.П. Ватикоти в деле водворения болгарских

колонистов Буджака (1816—1819 годы). *Добруджа* 32, 386—394.

2018

205. Сахар катлабухского берега: топоним «Шикирли-Китай» в свете междисциплинарных подходов. В: *Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали* 13. Одесса; Велико Търново, 179—191.
206. Белгородский мученик Иоанн Новый и религиозная жизнь Молдавии начала XV в. В: Немченко I. В. (гол. ред.). *Стародавнє Причерномор'я* XII. Одеса: Одеський національний університет, 463—469.
207. Многонациональное население Бессарабии в исследованиях И. А. Анцупова и актуальные задачи изучения этнокультурных общностей Молдовы. *Русин* 51 (1), 15—29. (Соавтор: И. Ф. Грек).
208. Скифские курганы-кенотафы группы Воловарската Могила на левобережье Нижнего Дуная. *Stratum plus* (3), 87—102. (Соавторы: М. М. Фокеев, В. С. Синика).
209. Из записок о начальной истории Земли Молдавской. *Stratum plus* (6), 59—70.

60-летию
Николая Дмитриевича Руссева
посвящается

This issue to 60th anniversary of Nicolai D. Russev

Tabula gratulatoria

ATANASOV Georgi, Bulgaria
ALEKSEENKO Nikolai, Crimea
BALUKH Oleksii, Ukraine
BELETSKY Serge, Russian Federation
BOCHAROV Sergei, Russian Federation
BODNARIUK Bogdan, Ukraine
BORISOV Boris, Bulgaria
BUREAN Alexandr, Republic of Moldova
BUTYRSKY Mikhail, Russian Federation
CAVRUC Dmitri, Republic of Moldova
CHOREF Michael, Russian Federation
CRIVENCO Andrey, Republic of Moldova
CROITOR Janna, Republic of Moldova
DEMCENCO Tatiana, Great Britain
DERGACEVA Lilia, Romania
DIMITROV Yanko, Bulgaria
DIMOV Kaloyan, Bulgaria
DOCHEV Konstantinov, Bulgaria
DONCHEVA Stela, Bulgaria
DOVGOPOLOVA Oksana, Ukraine
ELNIKOV Mikhail, Ukraine
FEDORUK Andrii, Ukraine
FIDELSKI Sergey, Republic of Moldova
GANCHEV Aleksandr, Ukraine
GENCIOVSKIY Nicolay, Ukraine
GEORGIEV Pavel, Bulgaria
GONCHAROVA Yulia, Republic of Moldova /
Russian Federation
GREK Ivan, Republic of Moldova
IZBASH-GOTSKAN Tatiana, Ukraine
KALMYKOV Maksim, Republic of Moldova
KARPOV Sergey, Russian Federation
KAZANSKI Michel, France
KIRILKO Vladimir, Crimea
KONAKLIEV Angel, Bulgaria
KRADIN Nikolay, Russian Federation
KRASNOZHON Andrii, Ukraine
KVITNYTSKYI Maksym, Republic of Moldova
LAZO Iulia, Republic of Moldova
LAZORENKO Igor, Bulgaria
LAZOROV Ivan, Bulgaria
LUGOVYI Oleg, Ukraine

LYSENKO Sergey, Ukraine
MAKEDONSKIY Mikhail, Ukraine
MARCOV Feodor, Ukraine
MARINOV Belcho, Bulgaria
MASLOVSKIY Andrey, Russian Federation
MIKHAILOV Stoyan, Bulgaria
MINCHEV Aleksandăr, Bulgaria
MONOLOVA Mariya, Bulgaria
MOSIONJNIC Leonid, Republic of Moldova
MYTZ Victor, Russian Federation
NEDASHKOVSKY Leonard, Russian Federation
NEMCHENKO Irina, Ukraine
NIKOLOV Georgij, Bulgaria
NOSOV Evghenii, Russian Federation
ORACHEV Atanas, Bulgaria
PAVLOV Plamen, Bulgaria
PLAXINA Marina, Ukraine
POLEVOY Lazar, U.S.A.
POLEVSHCHIKOVA Elena, Ukraine
POLIVTSEV Vladimir, Republic of Moldova
PRIGARIN Alexandr, Ukraine
RADZIHOVSKA Olena, Ukraine
RAZUMOV Sergey, Republic of Moldova
REDINA Evghenia, Ukraine
RUDEENKO Konstantin, Russian Federation
RYABTSEVA Svetlana, Republic of Moldova
SINIKA Vitalij, Republic of Moldova
SOROCHAN Serghei, Ukraine
STANILOV Stanislav, Bulgaria
STEPANOV Sergei, Ukraine
STEPANOVA Yulia, Russian Federation
TELNOV Nicolai, Republic of Moldova
TIMOTINA Julia, Republic of Moldova
TKACHUK Mark, Republic of Moldova
TODOROV Nikolaj, Bulgaria
TOPAL Denis, Republic of Moldova
TRAWKIN Sergey, Russian Federation
TYUTYUNDZHIEV Ivan, Bulgaria
VALERIEV Yoto, Bulgaria
VOZNY Igor, Ukraine
YOTOV Valeri, Bulgaria
ZVEREV Evghenii, Republic of Moldova

Фотоальбом

Album of Photos

I. Начало самопознания (в Придунавье до 1965 г.)

I. Early self-cognition (Danube area, before 1965)

1961 г. Меня представили свету папа и мама —
Дмитрий Николаевич Руссев и Елена Петровна Маламен-Руссева

1961. I was introduced to the world by my Dad and my Mom: Dmitry
Nikolaevich Russev and Elena Petrovna Malamen-Russeva

Первая серьезная компания:
в «вышиванке» с двоюродными братьями и сестрами

My first serious company: in an ethnic shirt with my cousins

«Один, совсем один»,
но в ритме времени

"All by myself", but in pace with the time

В детском саду:
«Улыбнитесь, друзья,
почтальону!»

Kindergarten: "Dear
friends, please smile
to the postman!"

Цветоводство
для детсадовцев — важный урок
на всю предстоящую жизнь

Floriculture for the young kids:
an important lesson for the rest
of the life

1965 г.
Наше уютное суденышко
навсегда покидает
гавань детства...

1965. Our flimsy vessel
abandons our childhood
harbor forever...

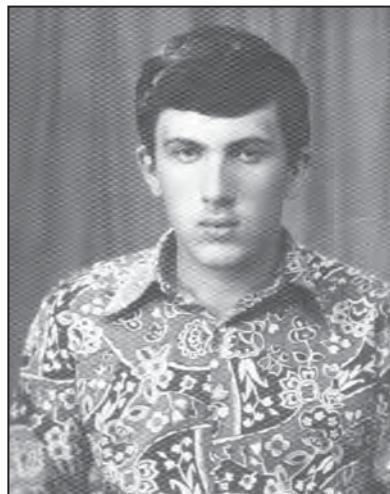
II. «Школьные годы — чудесные...»: Суворово, 1965—1975 гг.

II. The wonder of schoolyears: Suvorovo, 1965—1975

Моя Суворовская школа — вид с колокольни церкви святых Константина и Елены

My Suvorovo school: a view from the bell-tower of St. Constantine and Elena Church

1975 г., весна. Десятиклассник

1975, spring. I am a student of the 10th form

1971 г., лето. Киев. Мой класс в Парке Славы

1971, summer. My class in the Park of Glory in Kiev

1973 г., сентябрь. Помощники колхоза на очистке кукурузы

September 1973. Helping the kolkhoz at maize cleaning

1974 г., март. Одесса.
Защитники чести Измаильщины
на олимпиаде по истории

March 1974. Odessa.
Defending the honor of Izmail
at the Olympics on History

1974 г., лето. Москва.
Со спасителями России —
Мининым и Пожарским

1974, summer. Moscow.
With Russia's saviors
Minin and Pozharsky

1975 г., май. Суворово.
Выпускники в последний раз
вместе на школьном крыльце

May 1975. Suvorovo.
The graduates' last time together
on the school's steps

III. Одесский университет им. И. И. Мечникова, 1975—1980 гг.

III. I.I. Mechnikov University in Odessa, 1975—1980

1975 г., 7 ноября.

Сбор на демонстрацию у ректората
в начале улицы Петра Великого

7 November 1975.

Preparing to march out at the Rector's Offices
at the beginning of Peter the Great Street

Начинающие одесские историки
встречают Новый 1976 год
в Шампанском переулке

Young Odessa historians
celebrate the New Year 1976 in
Champagne Lane

Так будущие офицеры
изучали АКМ, БТР
и топографические карты...

The future military officers
study AKM, armored
personnel vehicles and
topographic maps...

1978 г., 30 сентября. День «кредиторов» — Веры, Надежды и Любви.
Друзья и подруги на студенческой свадьбе

30 September 1978. "Creditors" Day: Vera, Nadezhda and Lubov. Friends at a student wedding

1979 г., сентябрь. Пятикурсники
Н. Руссев и А. Панчук в одесской
школе №119

September 1979. Fifth-year students
N. Russev and A. Panchuk in Odessa
School no.119

Тогда же и там же. Еще недипломированный историк перед пытливыми пионерами

Same time and place. A still uncertified historian before inquisitive pioneers

IV. 1976—1980 гг.: вперед, в прошлое под флагом археологии!
IV. 1976—1980: forward, into the past, under the banners of archaeology!

1976 г. Молога. Мой путь археолога
начался в леске у Днестровского
лимана

1976. Mologa. My way in archaeology
began in a grove near the Dniester liman

Может быть, от печки,
сложенной когда-то вблизи
границы Римской империи...

Who knows, maybe from a
hearth built some time ago
near the boundaries of the
Roman Empire...

1977 г., август.
Это случилось в экспедиции
под началом доцента
А.В. Гудковой

August 1977.
Once in the expedition led by
Associate Professor
A.V. Gudkova

В отряде со знаменем,
освященным на раскопках
полуварварского поселения

Squadron with the banner
consecrated on the digs of
a semi-Barbaric settlement

1978 г., февраль. Киев.
Однако на нашу первую научную конференцию
в Чернигов прямоезжая дорога пролегла
через «стольный град» Ярослава Мудрого

February 1978. Kiev.
We arrived to our first scientific conference
in Chernigov, however, via Yaroslav the Wise's
capital city

1980 г. Одесса.
Тем летом гвардия Мологи
застыла в шаге
от самостоятельной стези

1980. Odessa.
The summer when Mologa
guards were one step away
from their own independent
path

V. 1980—1983 гг.: в Ильичевске, грезившем именем вольного Черноморска

V. 1980—1983: in Ilyichevsk, which aspired to be the free town of Chernomorsk

1981 г. Подтверждаю слова
Александра Твардовского:
«Я, помимо прочего, поэт!..»

1981. I confirm Alexander
Twardowski's words: "Among
other things, I am a poet!.."

1982 г., август. «Замечательный вожатый» с делегацией Одесской области в Артеке

August 1982. "A marvelous camp-counselor" with the delegation from Odessa Oblast in Artek Summer Camp

Директор
Дома пионеров
им. Аркадия Гайдара
в жюри конкурса
школьников

Director of A. Gaidar
House of Pioneers
as a jury member at
a competition among
schoolchildren

1982 г., осень. Холмское. Трасса у раскопа — экспедиции в Буджаке продолжаются...

1982, autumn. Kholmskoe. A motorway at the side of the dig – expeditions to Budzhak continue...

Учитель истории школы №3
как организатор новомодной
дискотеки.

Teacher of history at school
no.3 as organizer of a super-
modern disco

1983 г., август.
Овидиопольский
район. «Клуб веселых
и находчивых»
преподавателей
бросает вызов учени-
кам в летнем Лагере
труда и отдыха

August 1983.
Ovidiopol Raion. The
Club of the Cheerful
and Sharp-Witted
teachers challenges
students in the
Summer Camp of Rest
and Labor

VI. 1983—1987 гг: в Южном, сотворенном при Одесском припортовом заводе
VI. 1983—1987: Yuzhnyi, built at Odessa Port Factory

Среди учителей и учеников Южненской средней школы №1

Among teachers and students of Yuzhnyi Secondary School no.1

1984 г., июль. Владычени. Юные археологи начинают раскопки аланских катакомб у озера Ялпук

July 1984. Vladiceni. Young archaeologists start their digs in the Alan catacombs at Yalpuh Lake

Таким в августе 1984 г.
я впервые приехал в Молдавию
на раскопки Старого Орхея

This is me in August 1984, when
I came to the digs in the Old Orhei
in Moldova

1985 г., лето. Армения.
Скалы Кавказа помнят, кроме нас,
Александра Македонского

1985, summer. Armenia.
The rocks of the Caucasus remember
us and Alexander the Great

Бравый пионерский класс под руководством своего учителя-комсомольца

The brave class of pioneers led by their teacher-comsomolist

1987 г. И вновь КВН:
педагоги соревнуются
с десятиклассниками

1987. The Club of the
Cheerful and Sharp-
Witted again: teachers
compete with the 10th
form students

VII. Кишинев 1987—1998 гг. — исследования в Академии наук

VII. Kishinev in 1987—1998 — studies in the Academy of Sciences

В Одессе на переезд в Молдавию
меня благословила А. В. Гудкова

A.V. Gudkova blesses me to move
from Odessa to Moldova

Мой шаг одобрили П. О. Карышковский
и его жена Алла Ивановна

My decision was approved by
P.O. Karyshkovsky and his wife Alla

В Кишиневе меня радушно приняли
глава археологов П. П. Бырня
и его сотрудники

In Kishinev, I was cheerfully welcomed
by the leader of archaeologists
P.P. Bîrnea and his colleagues

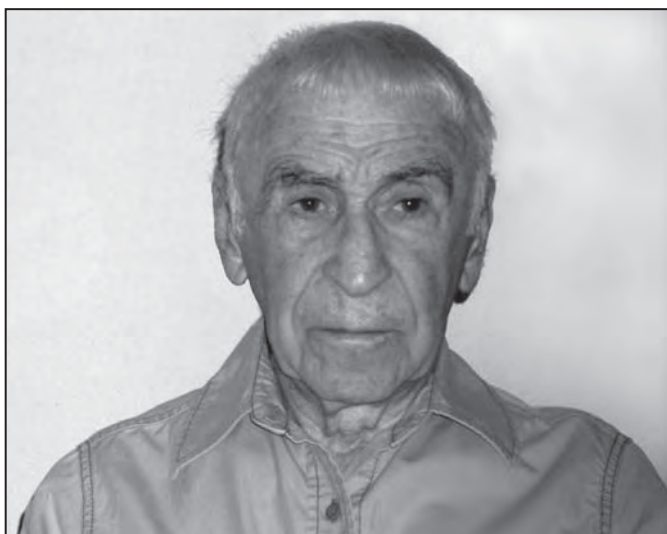

В Старом Орхее я познакомился
с заведующим отдела медиевистики
П.В. Советовым

I met P.V. Sovetov, Chair of the Medieval
Section, in the Old Orhei

В августе 1987 г. руководителем моей
научной работы стал большой знаток
Молдавии XIII—XV вв. Л.Л. Полевой

In August 1987, L.L. Polevoy, a big
connoisseur of 13th—15th centuries Moldova,
was appointed my PhD advisor

Вскоре в Кишинев
переехала и моя семья
(фото 1990 г.)

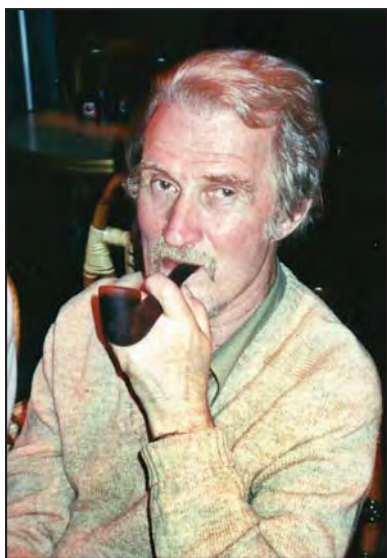
My family joined me in
Kishinev very soon (photo
of 1990)

VIII. Историко-археологические исследования у Суворово (1993—2000 гг.)
VIII. Historical-Archaeological Studies at Suvorovo (1993—2000)

1993 г. Началом «придунайского направления» моих занятий стала коллективная работа «Бессарабские болгары о себе»: участники проекта на пикнике в Болгарии

1993. A collective paper “Bessarabian Bulgarians about Themselves” marked the beginning of the “Danubian vector” in my research: project participants at a picnic in Bulgaria

Изучение материальной культуры вблизи Суворово обрело новый смысл, когда в работу включились маститые ученые — М.Б. Щукин, А.В. Гудкова и К. Рандсборг

Studying material culture near Suvorovo acquired a new sense with the inflow of skillful researchers: M.B. Shchukin, A.V. Gudkova and K. Randsborg

В центр внимания ученых Украины, Молдовы, России и Дании попали памятники археологии разных эпох, обнаруженные у северных берегов озера Катлабух

Scholars from Ukraine, Moldova, Russia and Denmark focused on archaeological sites of different epochs found on the northern shore of the Catlabuh Lake

Особое внимание было уделено отдельным участкам «Нижнего Траянова вала»

Special attention was paid to a few sections of the "Inferior Trajan Wall"

Раскопки проводились и в урочище «Кале», что по-тюркски означает «крепость»

Digs were led in Kale stow, which is the Turkic word for 'fort'

IX. С 1998 г.: наш опыт ВАШ, или в Высшей Антропологической школе
IX. From 1998: our experience in High Anthropological School University

1999. г. У входа в ВАШ.
Сотрудники университета
после облачения в мантию
почетного доктора всемирно
признанного антрополога
Л.С. Клейна

1999. Entrance to HAS.
University staff after
awarding ceremony of Doctor
Honoris Causa to the world-
known anthropologist
Leo S. Klejn

Обучение студентов...

Teaching students

2005 г., Костешты. Раскопки золото-
ордынской землянки

2005, Costești. Digging a Golden Horde
mud hut

Новая Татаровка
(Сорокский район).
15 августа —
ареопар в День
археолога

Tătărăuța Nouă
(Soroca District).
15 August — the
Areopagus for the
Archaeology Day

Подготовка ритуального костра
завершена!

The ritual fire has been prepared

Ночные пляски в сполохах огня носят глубокий почти тайный
смысл...

Night dances in sparkling fire bear a very deep, almost secret
meaning...

После строгого подведения
итогов праздника

When the conclusions of the
holiday have been drawn

Х. Весенние месяцы 2000 г.: защита докторской диссертации

Х. Spring months of 2000: Doctoral Thesis

2000 г., апрель. Санкт-Петербург: Публичная защита как обычно проводится в таинственном полумраке «Дубового зала» Института истории материальной культуры РАН

April 2000. S.-Petersburg: public presentation of thesis, as a rule, is held in the dark and mysterious "Oak Hall" of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences

На трибуне, конечно, диссертант, а заседает узкий круг посвященных соучастников

The author of the dissertation is, of course, at rostrum, in front of a small circle of initiated accomplices

В кулуарах — друзья, сочувствующие и некоторые инкогнито...

In the back rooms – friends, sympathisers and a few incognito...

Неформальная
встреча в спальном
районе Питера
у Алексея Липатова

An informal
meeting at Alexei
Lipatov's in one
of S.-Petersburg's
sleeping districts

Подведение итогов действия
проходит под чутким руко-
водством А. Н. Кирпичникова
и В. М. Массона в Отделе
славяно-финской археологии

Conclusions are drawn
under a smart leadership
by A.N. Kirpichnikov and
V.M. Masson in the Slavic-Finn
Archaeology Section

2000 г., май.
Кишинев.
Завершающий
аккорд пьесы среди
коллег из ВАШ,
ул. Зимбрулуй, 10А

May 2000. Kishinev.
The finale among the
colleagues from HAS,
10A Zimbrului St.

XI. ВАШ открывает Болгарию с 2000 г. XI. High Anthropological School University discovers Bulgaria since 2000

Август 2000 г. Руйно, Силистренская область.
Первые раскопки молдавской экспедиции
на правом берегу Дуная

August 2000. Ruino, Silistra region. First digs by the
Moldovan Expedition on the right bank of the Danube
River

Эту идею поддержал председатель Агентства
по делам болгар, живущих за границей, ныне извест-
ный медиевист и тележурналист Пламен Павлов

The idea was supported by the Chair of the Bulgarians
Abroad Agency, now well-known medievalist and TV
journalist Plamen Pavlov

Первым руководителем нашей экспедиции стал Георгий Атанасов, которому содействовал высокоавторитетный
болгарский специалист — Александр Кузев

The first leader of our expedition was Georgi Atanasov, supported by a renown Bulgarian specialist Alexandr Kuzev

Силистра. Важной вехой сотрудничества стали раскопки в овеянном легендами дунайском Доростоле (начальник экспедиции Георгий Атанасов)

Silistra. Digs in the legendary Dorostol on the Danube became an important landmark in our cooperation (leader of the expedition Georgi Atanasov)

Бяла, Варненская область. Новым ступенью в археологических изысканиях стала работа на приморском мысу Св. Атанас (начальник экспедиции Валерий Йотов)

Byala, Varna region. Digs on the seaside promontory Sveti Atanas marked a new stage in archaeological research (leader of the expedition Valery Yotov)

Экспедиции в Болгарии существенно расширили круг моих коллег. В их числе Иван Йорданов, Александр Минчев и безвременно ушедший Рашо Рашев

Through expeditions in Bulgaria I met many new colleagues. Among them, Ivan Yordanov, Alexandr Minchev and late Rasho Rashev

XII. Тараклийский университет, с 2004 г.

XII. Taraclia University, since 2004

2012 г. Выступление
с научным докладом
о начальной истории
Тараклии

2012. Academic
presentation on the
early history of Taraclia

С коллегами
в кабинете ректора

With colleagues, in
Rector's office

Со студентами, ставшими
преподавателями уни-
верситета

With former students, now
university lecturers

На празднике вина
среди людей, хорошо
известных в Тараклии
и всей Молдове

Wine Day, among the
well-known people in
Taraclia and Moldova

Презентация в университете книги
болгарского филолога Марианны Георгиевой

Presentation of a book by Bulgarian philologist
Marianna Gheorghieva in Taraclia University

2006 г., август.
Алфатар. Встреча
на исторической
родине: «Добре дошли!»
Студенты знакомятся
с этнографическим
наследием предков

August 2006. Alfatar.
A meeting in the
historical homeland:
“Dobre doshli! Welcome!”
Students meet their
ethnographical heritage

По-прежнему среди друзей
и коллег: жизнь продолжается

Still among friends and colleagues: life goes on

Античные мотивы Балкан

Classical Motives of Balkans

А. Минчев

Елинистически фигурални лампи от античното светилище на нос Свети Атанас край Бяла, Варненско

Keywords: Western Black Sea region, Hellenism, plastic lamps, ancient pit sanctuary, Thracians, cult objects

Ключевые слова: Западное Причерноморье, эллинизм, фигурные лампы, античное ямное святилище, фракийцы, культовые объекты

A. Minchev

Hellenistic Plastic Lamps from the Ancient Sanctuary at Sveti Atanas Cape near Byala, Varna Region

Three plastic terracotta lamps of Hellenistic period have been published and discussed in this article. They were discovered at three different cult pits during excavation of the ancient Thracian pit sanctuary, located near Byala, Varna Region, Bulgaria. It is situated on Sveti Atanas Cape and was in function during 6th — 1st centuries BC, or maybe a bit later.

All three lamps are shaped as Negroid heads. The first one is made of brownish clay and is preserved intact. It is dated to the 3rd century BC and is possibly of Attic origin. It finds parallels among the finds of the second half of the 3rd century BC from Seuthopolis — the capital of the Thracian Kingdom of 4th — 3rd centuries BC. The other two lamps are also shaped as Negroid heads, but fragmented and belong to another type. A lamp of the same shape was found in Burgas, again on the Western Black Sea coast. Based on similar finds from other regions of the Ancient world, both lamps from Byala have been dated to the 1st century BC. The author supposes that they are of Asia Minor origin and possibly products of Cnidus's workshops.

Based on the finds in the pits, it was established that this cult center was used, by no doubts, by the locals: Thracians and Greeks who lived around the cape in the vicinity, and in the ancient towns on the coastline. It was visited permanently also by a number of ancient sailors of various ethnic origin, who stopped there to make their offerings to the gods when sailing along the Western Black Sea coast in northern and southern directions. The three lamps were deposited probably as votive offerings by ancient sailors, who deliberately stopped at the sanctuary on Sveti Atanas Cape. Here, they were able to make their ritual offerings to thank the (sea?) gods for saving their lives during that sailing or for a safe return home.

А. Минчев

Эллинистические фигурные лампы из античного святилища на мысе Св. Атанас на окраине г. Бяла Варненской области

В статье публикуются три фигурные глиняные лампы эпохи эллинизма, найденные в трех культовых ямах, раскопанных в древнефракийском святилище, расположенном на окраине г. Бяла Варненской области, на мысе Св. Атанас. Это святилище функционировало в VI—I вв. до н.э., возможно, и несколько позднее.

Все три лампы оформлены в виде негроидных голов. Первая из них, изготовленная из глины кофейного цвета, сохранилась целиком. Она датирована III в. до н.э. и, вероятно, является аттической по происхождению. Аналогичная форма характерна для двух ламп второй половины III в. до н.э. из Севтополиса — столицы Фракийского царства IV—III вв. до н.э. Еще два светильника из Бялы, также в виде негроидных голов, фрагментированы и относятся к другому типу. Подобная находка известна в Бургасе, также на западном побережье Черного моря. Основываясь на аналогиях из других регионов античного мира, обе эти лампы из Бялы можно датировать I в. до н.э. По предположению автора, они имеют малоазийское происхождение и, вероятно, связаны с керамическими мастерскими Книда.

На основании находок в ямах на мысе Св. Атанас было установлено, что открытый здесь культовый центр, без сомнения, использовался местным населением — фракийцами и греками, которые жили поблизости, в окрестностях мыса и в прибрежных городах. Кроме того, святилище регулярно посещали моряки различного этнического происхождения, которые останавливались там, чтобы совершать жертвоприношения богам, во время плаваний вдоль западного побережья Черного моря как в северном, так и в южном направлениях. Возможно, три описанные лампы представляют собой приношения моряков, которые специально посетили святилище на мысе Свети Атанас. Здесь они могли совершать ритуальные подношения, чтобы возблагодарить богов (связанных с морем?) за свое спасение во время плавания или за благополучное возвращение домой.

При продължителите вече десет години разкопки на нос Свети Атанас край град Бяла, Варненска област, в сгради на късноантичния град, съществувал от V — началото VII в., бяха открити голям доброй находки, свързани със всекидневния живот на хората, които са го обитавали. Освен това обаче, не по-малко ин-

тесни открития бяха направени в многобройните култови ями, които се разкриха под неговите структури. Разнообразната вносна гърцка и местна тракийска керамика, амфори, различни метални и някои култови предмети, монети и др. са използвани при религиозните обреди, които са били извършвани в древното

Обр. 1. Фигурална лампа — глава на негър от Бяла (III в. пр. Хр.).

Fig. 1. Plastic lamp in the form of a black man's head from Byala (3rd c. BC).

тракийско крайморско светилище през VI—I в. пр. Хр. (Йотов, Минчев 2013). Между находките има и известен брой антични глинени лампи. Те също са били поставени в ямите като оброци, като преди това може би са ползвани при определени ритуали в светилището. Някои от тях са доста редки и се отличават с необичайните си форми, поради което заслужават и по-голямо внимание и затова ще бъдат разгледани по-подробно в тази статия. Това са три оформени като негърски глави, глинени фигурални лампи, които освен това носят интересна информация за античното минало на българското Черноморие.

1. **Лампа** глинена, във формата на триизмерна негърска глава, изцяло запазена (обр. 1). Лицето и е с високо чело с леки бръчки и има релефно оформени очи, с означени пупили, подчертани от високо повдигнатите плътни вежди. Носът е широк и сплескан, устата — с големи плътни устни е широко отворена, която е служила като фитилник, а брадичка издължена. Косата е оформена в сложна прическа: от два вертикални реда от „букли“, които очертават като рамка лицето, а отзад продължава с четири хоризонтални плитки, небрежно оформени. Отворът за масло е отгоре на главата,

очертан с релефен пръстен. Дъното е плоско, елипсовидно, също очертано с пръстен. Лампата е изработена в двуделен калъп от светлокафява глина с примеси от дребни песъчинки, но отпред — около устата-фитилник е опушена при ползването. Открита е в яма №13 от античното ямно светилище на нос Свети Атанас, заедно с фрагменти от вносна чернолакова и работена на ръка и колело тракийска керамика, метални предмети, животински кости, въглени и др.

Дълж. 8,6 см; диам. 5,7 см; вис. 5,2 см.

Градски музей — Бяла. Инв. №911.

Публикувана със снимка, но без коментар и датировка: Йотов, Минчев 2013: 18, обр. 7.

2. **Лампа** глинена, във формата на триизмерна негърска глава, фрагментирана (обр. 2). Лицето е много добре оформено, с високо и заоблено чело, леко набраздено от плитки бръчки, с релефно представени очи, разположени под високо повдигнати вежди. Носът е голям, широк и сплескан, бузите — издути, устата — с големи плътни устни е слабо отворена, като се виждат два реда стилизирани зъби, а брадичката — издължена. Тя е завършвала като фитилник с кръгъл отвор, от който е запазено само началото, очертано с нисък пръстен.

Обр. 2. Фигурална лампа — глава на негър от Бяла (I в. пр. Хр.).

Fig. 2. Plastic lamp in the form of a black man's head from Byala (1st c. BC).

Косата е оформена в сложна прическа от вертикално разположени редове от къси плитки с различна дължина, които се спускат надолу като заобикалят около отвора за масло и обрамчват челото. Отворът за масло (частично запазен) е отгоре — в задната част на главата и е очертан с релефен пръстен. Дъното е плоско, бадемовидно и очертано с нисък ръб. Лампата е изработена от фина бежова глина чрез формуване в двуделен калъп — горната и долната част, които после са слепени. Покрита е с рядка червена ангоба, която е заляла предимно нейната горна половина, но се е стекла отчасти и по долната, и във вътрешността и. Открита е в яма №93 от античното ямно светилище на нос Свети Атанас, заедно с фрагменти от вносна елинистическа и тракийска керамика, работена на ръка и колело, други предмети, животински кости, и въглени.

Зап. дълж. 7,6; шир. 4,7; зап. вис. 4,3 см.

Градски музей — Бяла. Инв. №142.

Непубликувана.

3. **Лампа** глинена, във формата на триизмерна негърска глава, фрагмент (обр. 3). Лицето е много добре оформено, запазена е по-голямата му част, без челото с веждите, едното око и косата, където е бил и отворът за масло. Очите са релефно представени, бузите закръглени а носят е широк и сплескан. Устата — с големи пълтни устни е леко отворена

Обр. 3. Фигурална лампа — глава на негър от Бяла (I в. пр. Хр.).

Fig. 3. Plastic lamp in the form of a black man's head from Byala (1st c. BC).

и личат слабо зъбите, а брадичка издължена и завършва с ветрилообразен фитилник. Отворът за масло не е запазен, но най-вероятно е бил в задната част на главата — както при №2.

Обр. 4. Фигурална лампа — глава на негър от Севтополис (III в. пр. Хр.).

Fig. 4. Plastic lamp in the form of a black man's head from Seuthopolis (3rd c. BC).

Фрагментът (само част от горната половина на лампата) е изработен от сиво-кафява глина с малко примеси от дребни песъчинки чрез формуване в двуделен калъп, като хоризонталното отчупване на лампата е точно по връзката на двете части. При изпичането — или след това (може би е била хвърлена в жертвено огнище?) тя е добила сиво-черен цвят. Открита е в кв. XLIV-8 на обекта, в силно нарушен пласт със смесен насип и най-вероятно произхожда от разрушена култова яма на античното светилище на нос Свети Атанас. Зап. дълж. 6,5 см; зап. шир. 3,1; см; зап. вис. 1,8 см.

Градски музей — Бяла. Инв. №503.
Непубликувана.

Първата (обр. 1) от трите лампи от обекта на нос Свети Атанас представя фигурален тип, характерен за ранната елинистическа епоха. Той се появяват през III в. пр. Хр. и подобни изделия от глина продължават да се изработват в различни варианти поне до края на I в. пр. Хр., а може би и през първата четвърт на I в. сл. Хр. (Howland 1958: 156—157).

При разкопките на Севтополис — столицата на тракийския цар Севт III (330—300), са намерени две лампи оформени по същия начин — като точно такива негърски глави (обр. 4) и изработени от недобре пречистена сивокафява глина (Чичикова 1984: 110, №105—106, табл. XXIII; Кузманов 1992: 17, №44—45). Първият автор, който се занимава с тях — М. Чичикова смята, че те може би са изработени в един и същ калъп, като подчертава, че едната е покрита с черна излъскана ангоба. Тя предполага отначало и че са местно

производство (Чичикова 1970: кат. №78—79; 80—81). Разликата в оформлението на устата, както и в прическите на двете негърски глави обаче показват, че лампите са направени в два различни калъпа. По-късно, в друга своя по-обширна студия, същата авторка приема, че и двете лампи — негърски глави са атическо производство и са били внесени в Севтополис, като ги датира след средата на III в. (Чичикова 1984: 79 и библ.). Вторият им изследовател Г. Кузманов не се ангажира къде са били изработени, както и с тяхната по-точна датировка, но по мястото им в неговия каталог се подразбира, че ги смята за елинистически (Кузманов 1992: 17, №44—45). Трябва да се подчертае, че едната от севтополските лампи, макар че има черна ангоба, която явно имитира гръцкия черен лак (Чичикова 1970: №80—81; Кузманов 1992: 17, №45) е много близка до разглежданата и може наистина да е от същия калъп, но това може да се изясни само при пряко сравнение на двете изделия.

Една твърде подобна — оформена като негърска глава и покрита с некачествен черен лак или ангоба лампа, е открита в Атинската агора и е датирана в III в. пр. Хр. (Howland 1958: 157, type 47c, No 615). Посочените паралели позволяват фигуралната лампа №1 от светилището на нос Свети Атанас да се датира в III в. пр. Хр., вероятно във втората му половина. Може да се предположи, че тя, както и двете лампи от Севтополис са били изработени в една и съща грънчарска работилница и то може би почти по едно и също време.

Независимо дали е била произведена в Тракия — изработена от гръцки майстор с помощта на вносни калъпи, или е внесена директно от Гърция — от Атика (което е по-вероятното), лампата от светилището на нос Свети Атанас е едно много качествено произведение на античното керамично изкуство.

Другите две, оформени като негърски глави лампи (обр. 2 и 3) са по-различни от първата, а както ще се разбере по-долу, те са и по-късни. Както се вижда от описанията им, сравнението с първата лампа показва значителни разлики. Те са свързани с различния начин на изобразяване на прическите на главите, както и това, че при тях устата — макар и представена полуотворена — е плътна, а фитилникът с отвора е продължение на брадичката. Всъщност, макар и частично запазени и направени от различни на цвят и като структура глина, двете лампи се допълват много добре и позволяват да се изясни напълно тяхната оригинална форма: добре оформена негърска

глава, която завършва отпред с ветрилообразно оформен и издължен фитилник.

Точно такава е една напълно запазена лампа от Бургас, направена от бежова глина — сега в сбирката на Националния археологически музей в София (обр. 5). Тя е публикувана като римска (Кузманов 1992: 39, №285, табл. на 115), обаче нейния ветрилообразен фитилник я определя ясно като късноелинистическа.

За нейното датиране, както и за двете лампи от обекта на нос Свети Атанас, най-важният признак е именно характерната форма на фитилника. Той не се среща твърде често, въпреки че се явява в някои от доста многобройните т. нар. „ефески“ лампи, произвеждани през по-късната Елинистическа епоха в различни керамични центрове на Мала Азия, а и не само там. Те се появяват в тази част на древногръцкия свят около началото на II в. пр. Хр., а понеже станали много търсени на пазара, след средата на века започват да се изработват също на няколко места в континентална и островна Гърция (Heres 1969: 45). „Ефеските“ лампи престават да се произвеждат около първите две десетилетия на I в. сл. Хр. (Howland 1958: 166). В Делос те се срещат по-често — най-вече в група II по Ф. Брюно, но и в някои от другите групи лампи, определени от него като произведени на острова (Vigneau 1965: 51).

За някои от т. нар. „ефески“ лампи е характерна точно тази ветрилообразна форма на фитилника, който не се среща твърде често, въпреки че те са широко разпространени в цялото Източно Средиземноморие, Черноморието, както и в южните Балкани. През II—I в. пр. Хр., лампите с фитилници със същата форма, но по-къси се срещат особено често в Книд и в близкия регион около града, което според Д. Бейли е доказателство за тяхното местно производство. Смята се, че те са изработвани откъм края на III в. пр. Хр. до първата четвърт на I в. пр. Хр. (Bailey 1975: 126—127 и библ.), като ги има също доста в Делос, доста по-малко в Атина и дори в Египет. С такъв ветрилообразен фитилник са например две лампи от Атинската агора, които спадат към тип 49 а по Хоуланд и са датирани в края на II—I в. пр. Хр. (Howland 1965: Nos. 658—659, pl. 49). По същия начин са оформени отпред и две лампи, намерени в България: във Варна/Одесос и в Девня/Марцианопол (Кузманов, Минчев 2018: 51, №132—133, табл. IX).

Между лампите с този характерен фитилник са ми познати само няколко фигурални, но като се има предвид огромния брой пуб-

Обр. 5. Фигурална лампа — глава на негър от Бургас (I в. пр. Хр.).

Fig. 5. Plastic lamp in the form of a black man's head from Burgas (1st c. BC).

ликация на тази тема по света и то на различни езици, твърде е възможно да има и още такива. Две подобни, но с по-различно оформени негърски глави и с малко по-къс фитилник, се пазят в колекцията на Кралския музей на Онтарио в Торонто, Канада. Те произхождат от Египет и са датирани “вероятно в I в. пр. Хр.”, като се смята, че са произведени там (Hayes 1980: 40, Nos. 190—191, pl. 62). Много по-близка като цялостно оформление (освен че има листовидна дръжка и косата е оформена по различен начин) е една фигурална лампа от колекцията на Британския музей, която е без местонамиране. Нейният произход не е изяснен, но е тя датирана също към втората половина на I в. пр. Хр. (Bailey 1975: 336—337, No. Q 752, pl. 138). Друга специфична лампа — от Навкратис (Египет) и също от сбирката на Британския музей, има абсолютно същата форма и фитилник като последните две от обекта на нос Свети Атанас (№2 и 3). И тя е отнесена към I в. пр. Хр., но при нея изобразената глава е на Харпократ и има отзад пръстеновидна дръжка (Thomas: 10—11, fig. 26).

Посочените примери позволяват вторите две публикувани тук фигурални лампи (№2 и 3) да се датират в I в. пр. Хр. Допълнително свидетелство за това е също и споменатата по-горе лампа от Навкратис, която макар да се приема, че, е произведена в Египет, има

като цяло същия облик, а и цветът на глината, от която е изработена е подобен на описаната по-горе под №2. И двете лампи с негърски глави от светилището на нос Свети Атанас обаче са изглежда малоазийско производство, като най-вероятното място, където те са изработени е Книд. Трябва да отбележа, че в някои от керамични работилници в този град и региона около него, наред със светлоглинените, са произвеждани също и серии от различни типове лампи със сив или сиво-кафяв цвят на глината (като публикуваната тук под №3). Това се е постигало от местните керамисти с помощта на специална технология — чрез намаляване на кислорода при изпичането им в пещта (Bailey 1975: 126). У нас такива от такава сива глина са споменатите по-горе лампи от Варна и Девня, които са също от I в. пр. Хр.

Появата на африканци като модел при оформянето на глинени лампи в древногръцкия свят и в страните от неговата периферия (една от които е Тракия, но същото се отнася и за Македония, а вероятно и за Илирия), не е изненада. Древните гърци се запознават с жителите на Африка чрез връзките си с Египет още през Минойската епоха, но те стават по-популярни едва през Архаичната и Класическата епохи. Техни изображения се появяват в старогръцкото изкуство и най-вече във вазовата живопис твърде отрано, като се произвеждат ойнохоета и други съдове във формата на негърски глави (Boardman 1973: 150, fig. 49; pl. 12 c; 13 a). От класическата епоха нататък, негри започват да се споменават също така и в редица литературни и други писмени произведения (Snowden 1983: 93; 143; 156 and bibl.). Това се дължи вероятно на доста атрактивната за гърците разлика във външния им вид, в сравнение с населението на останалата част от Средиземноморието (освен Северна Африка) и в Европа като цяло. През Елинистическата епоха, в резултат на походите на армията на Александър Велики на юг и изток, интересът към жителите на Африка в обществото на гръцката диаспора се засилва твърде много. Това може да се проследи в творбите на редица древногръцки автори от това време (Pisón, Hemingway 2016: 161). Между тях особено подробен в описанията си за географията на страните, където обитават негрите, както и на техния начин на живот и обичаи, е Диодор Сицилийски (Diod. Sic. III, 6, 3).

Населението на Древна Тракия и най-вече неговите царе и аристокрация не са останали настрана от тази „мода“ на Елинистическия

свят. Много добро свидетелство за това — освен споменатите фигурални лампи от Севтополис, които прихождаат може би от царския дворец на Севт III, е и златната фиала от Панагюрското съкровище откъм края на IV — началото на III в. пр. Хр. Тя е украсена с няколко концентрични редици от релефни глави на негри и е произведена в гр. Лампсак, на южния бряг на Босфора (Венедиков 1962: 15, №9; 79; *L'or de cavaliers Thraces* 1987: 238, No 421 и библи.). Появата на такава специфична украса по съда в Тракия едва ли е случайна (Венедиков, Герасимов 1973: 368, №131, 132). Тя отговаря на развитието на вкусовете в тракийската аристокрация през ранната Елинистическа епоха, които се формирали под влиянието на гръцката цивилизация, особено след обширните завоевания на Александър Велики и тяхното запознаването с нови култури и изделия, произведени в други части на света — извън познатия им регион.

Важен момент в изследването на разглежданите тук лампи, който заслужава да се разгледа специално, са местата, където са открити. Две от тях (№1 и 2) са от култови ями на голямото тракийското светилище, което е разположено в края на нос Свети Атанас. Най-вероятно и третата (№3) също произхожда от такава яма, която е била разрушена при строителството в тази част на късноантичния град през V—VI в., или при земеделски работи на терена. В миналото там е имало лозя, а в близост до мястото на нейното намиране и сега има големи дървета, които са били засадени целенасочено там около средата на XX в.

Намирането и на трите лампи в култови ями, едната от които — №1 носи ясни следи от дълга употреба (силно опушване около фитилника) може да се обясни по два начина. Единият е, че те са били ползвани по време на религиозните церемонии в светилището, а след това хвърлени в ямите с посвещение на определен бог (или на повече). Другата възможност е, те да са били съзнателно донесени и поставени в тях като оброк от хора, направили посвещение на боговете в този явно добре известен култов център на Западното черноморско крайбрежие.

Тук е мястото да отбележа, че според мен, античното светилище на нос Свети Атанас не е имало само локално значение. Данните, които имаме от разнообразните находки в многобройните проучени култови ями от периода VI—I в. пр. Хр. показват ясно, че то не е служило само за религиозните нуж-

ди на тракийското население от селищата, разположени във вътрешността на региона около носа, както и за техните сънародници и гръцките заселници в градовете от близката до него част на Черноморското крайбрежие. Освен характерната тракийска керамика, работена на ръка и отчасти на гърнчарско колело, характерни железни и бронзови предмети и оръжие, те включват също ионийска, атическа и малоазийска керамика, лампи, култови и други метални предмети и монети, включително и първата открита у нас монета от V—III в. на големия град на Северното Черноморие — Олбия (Йотов, Минчев 2013: 15—19, обр. 5—9). Това доказва ясно, че с течение на времето, светилището е станало популярно и ползвано от много, ако не и от повечето мореплаватели по Западния бряг на Понта, като някои от тях може би са го посещавали често по пътя си. Част от тях са спирани и правели своите приношения като благодарност към боговете, веднага след като са преминавали най-опасната част от плаването си в Черно море. А това бил районът след навлизането на корабите им от Босфора в бурните води на пълното с неочаквани обрати на атмосферните условия по Западно крайбрежие на Понта, с много скалисти брегове в началото. Както е известно още от древността, тази негова част се славела с внезапните си и много силни бури с високи вълни, а тук плаващи-

те на север кораби ги посрещало и постоянното силно течение, което е обратно на техния път (Агбунов 1987: 21—22, обр. 2). Затова и светилището на нос Свети Атанас си явявало разположено тъкмо на удобно място, където древните мореплаватели могли да изпратят чрез жертвоприношение благодарността си към почитаните от тях божества, които ги закриляли по време на плаването им в Черно море. От своя страна, друга част от моряци отправяли своите молби към боговете преди излизането си от Понта, за да ги запазят и от пиратите, които върлували в района около Салмидесос — днес Мидия в Европейска Турция (Tssetskhladze 2002: 11—15 and bibl.). Така, те навлизали спокойно в проливите, на път към родните пристанища в добре познатите им Егейско и Средиземно море.

Това обяснява до голяма степен наличието на толкова много вносни гръцки материали (олвни модели на котви и бронзови корабни гвоздеи) в този иначе оформен по традиционен за траките култов център, както и неговото много продължително съществуване.

Трите фигурални лампи от античното светилище на нос Свети Атанас допринасят за неговото изучаване в дълбочина и същевременно са важно свидетелство за разнообразието на търговския обмен и връзките на населението от крайбрежна Тракия с древногръцкия свят през Елинистическата епоха.

Литература

- Агбунов М. В. 1987. *Античная лоция Черного моря*. Москва: Наука.
- Венедиков Ив. 1961. *Панагюрското съкровище*. София: Български художник.
- Венедиков Ив., Герасимов Т. 1973. *Тракийското изкуство*. София: Български художник.
- Йотов В., Минчев Ал. 2013. *Късноантична крепост на нос Св. Атанас*. Варна.
- Кузманов Г. 1992. *Антични лампи. Колекция на Националния археологически музей*. София: БАН.
- Кузманов Г., Минчев Ал. 2018. *Антични лампи. Колекция на РИМ — Варна*. София: БАН.
- Чичикова М. 1970. *Севтополис*. София: Български художник.
- Чичикова М. 1984. *Антична керамика*. В: Димитров Д. П., Чичикова М., Балканска А., Огненова-Маринова Л. *Севтополис 1*. София: БАН.
- Bailey D. M. 1975. *A Catalogue of the Lamps in the British Museum I. Greek, Hellenistic and Early Roman Lamps*. London: British Museum Publications Ltd.
- Boardman J. 1973. *The Greeks Overseas*. London: Thames & Hudson.
- Bruneau Ph. 1965. *Delos XXVI. Les Lampes*. Revue des Études Grecques LXXXIV. Paris: Les Belles lettres.
- Hayes J. W. 1980. *Ancient Lamps in the Royal Ontario Museum I. Greek and Roman Clay Lamps. A Catalogue*. Toronto: Royal Ontario Museum.
- Heres G. 1969. *Die punischen und griechischen Tonlampen der Staatlichen Museen zu Berlin*. Berlin; Amsterdam: Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin.
- Howland R. H. 1958. *Greek Lamps and their Survivals*. The Athenian Agora IV. Princeton, NJ: American School of Classical Studies at Athens.
- L'or de cavaliers Thraces. Trésors de Bulgarie*. 1987. Montreal: Les Éditions de l'Homme.
- Picón S. A., Hemingway S. 2016. *Pergamon and the Hellenistic Kingdoms of the Ancient World*. New York: The Metropolitan Museum of Art.
- Snowden F. M. 1983. *Before Color Prejudice: The Ancient View of Blacks*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Thomas R. 2013. Lamps in terracotta and bronze. In: Villing A., Bergeron M., Bourogiannis G., Johnston A., Leclère F., Masson A., Thomas R. *Naukratis: Greeks in Egypt*. British Museum Online Research Catalogue. URL: <http://www.britishmuseum.org/naukratis>.
- Tssetskhladze G. 2002. Black Sea Piracy. *Talanta* XXII—XXIII, 11—15.

References

- Agbunov, M.V. 1987. *Antichnaia lotsiia Chernogo moria (Sailing Directions on the Black Sea in the Antiquity)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Venedikov, Iv. 1961. *Panagyurskoto sãkrovisthe (The Panagyurishte Treasure)*. Sofia: "Bãlgarski khudozhnik" Publ. (in Bulgarian).
- Venedikov, Iv., Gerasimov, T. 1973. *Trakijskoto izkustvo (Thracian Art)*. Sofia: "Bãlgarski khudozhnik" Publ. (in Bulgarian).
- Yotov, V., Minchev, Al. 2013. *Kãsnoantichna krepost na nos Sv. Atanas (Late Antique Fortress on the Cape of Saint Atanas)*. Varna (in Bulgarian).
- Kuzmanov, G. 1992. *Antichni lampi. Kolektsiya na Natsionalniya arheologicheski muzej (Antique Lamps: Collection of the National Museum of Archaeology)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Kuzmanov, G., Minchev, Al. 2018. *Antichni lampi. Kolektsiya na RIM—Varna (Antique Lamps: Collection of the Regional Historical Museum in Varna)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Chichikova, M. 1970. *Sevtopolis (Seuthopolis)*. Sofia: "Bãlgarski khudozhnik" Publ. (in Bulgarian).
- Chichikova, M. 1984. In Dimitrov, D.P., Chichikova, M., Balkanska, A., Ognenova-Marinova L. *Sevtopolis (Bit i kultura) (Seuthopolis (Everyday Life and Culture))* 1. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Bailey, D.M. 1975. *A Catalogue of the Lamps in the British Museum I. Greek, Hellenistic and Early Roman Lamps*. London: British Museum Publications Ltd.
- Boardman, J. 1973. *The Greeks Overseas*. London: Thames & Hudson.
- Bruneau, Ph. 1965. *Delos XXVI. Les Lampes*. Revue des Études Grecques LXXXIV. Paris: Les Belles lettres.
- Hayes, J.W. 1980. *Ancient Lamps in the Royal Ontario Museum I. Greek and Roman Clay Lamps. A Catalogue*. Toronto: Royal Ontario Museum.
- Heres, G. 1969. *Die punischen und griechischen Tonlampen der Staatlichen Museen zu Berlin*. Berlin; Amsterdam: Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin.
- Howland, R.H. 1958. *Greek Lamps and their Survivals*. The Athenian Agora IV. Princeton, NJ: American School of Classical Studies at Athens.
- L'or de cavaliers Thraces. Trésors de Bulgarie*. 1987. Montreal: Les Éditions de l'Homme.
- Picón, S.A., Hemingway, S. 2016. *Pergamon and the Hellenistic Kingdoms of the Ancient World*. New York: The Metropolitan Museum of Art.
- Snowden, F.M. 1983. *Before Color Prejudice: The Ancient View of Blacks*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Thomas, R. 2013. Lamps in terracotta and bronze. In Villing, A., Bergeron, M., Bourogiannis, G., Johnston, A., Leclère, F., Masson, A., Thomas, R. *Naukratis: Greeks in Egypt*. British Museum Online Research Catalogue. URL: <http://www.britishmuseum.org/naukratis>.
- Tsetschladze, G. 2002. Black Sea Piracy. *Talanta* XXII—XXIII, 11—15.

Статья поступила в номер 7 февраля 2019 г.

Alexandr Minchev (Varna, Bulgaria). Dr. of Archaeology. Varna Museum of Archaeology¹.

Минчев Александър (Варна, България). Доктор археологии. Варненский археологический музей.

E-mail: al_minchev@abv.bg

Address: ¹ Maria Louisa Blvd., 41, Varna, 9000, Bulgaria

А. Орачев

Българският поведенчески стереотип — кимане с глава в знак на съгласие у гетите в Tristia на Овидий

Keywords: Ovid, Tristia, Getae, head nod, ethnic stereotype, Bulgarian behavioral stereotype, Thracian language, Scylaueni

Ключевые слова: Овидий, «Скорбные элегии», геты, кивание, этнический стереотип, болгарский поведенческий стереотип, фракийский язык, склавены

A. Orachev

The Bulgarian Behavioral Stereotype, Head Nodding Used by the Getae as a Sign of Consent in Ovid's Tristia

The tenth elegy in the Fifth Book of “Sorrows” (Tristia 5.10), which Ovid wrote in 12th year AD, was repeatedly commented on and translated for historical, ethnic and literary purposes. Particularly, for Tristia 5.10.41—42 it was noted that “the text seems to be dubious” and such translations were offered that did not reflect the essence of that elegiac observation by the Roman poet. In 1975, Friedrich Hauben perceived the meaning and made an ethnographic parallel to point out that only Bulgarians and Greeks had the opposite use of a pan-European gesture system with head nodding expressing consensus or negation. However, the «ethnic stereotype» described by Ovid is characteristic only for the Bulgarians in Europe, and when registering an approving head nod (top-down) or turning it left and right (as a sign of denial) in present Turkey, Macedonia and Albania, we must seek for the ancient substrate (the presence of similar substrates in India also requires further research). The Getaic head nodding as a consensus for now has no other explanation except for the fact that the Getae, like the other Thracian communities, had not “disappeared”, but what is more, made a significant contribution to the evolution of the Bulgarians as an ethnic group. Against the background of the available evidence and futility of the German thesis of Völkertode of the “ancient peoples”, however paradoxical it sounds, there is literally no need to prove that the Getae and the Dacians were the main part of those North Thracian peasant communities, which in the written documents from the end of the 6th century AD on began to be designated in Greek as Σκλάβῆνοι or Σκλαῦνοι, while in Latin — Scylaueni, Sclavi, Scylauini.

A. Орачев

Българският поведенчески стереотип — кивание головой в знак согласия у гетов Овидия

Десятая элегия пятой книги «Скорбных элегий» (Tristia 5.10), которую Овидий написал в 12 г.н.э., многократно комментировалась и переводилась в исторических, этнографических и литературных целях. Специально в связи со «Скорбными элегиями» (5.10. 41—42) отмечается, что «текст сомнителен: по-видимому...» и даются переводы, которые не отражают сущности в элегическом наблюдении этого римского поэта. В 1975 г. Фридрих Хаузен уловил смысл и провел этнографическую параллель, чтобы указать, что только современные болгары и греки имели противоположную общеевропейской системе жестов головой в знак согласия или отрицания. Описанный Овидием «этнический стереотип» в Европе характерен только для болгар. Однако при отмеченном одобряющем кивании (вверх-вниз) или качании головой (влево-вправо) в знак отрицания в современных Турции, Македонии и Албании следует искать древнюю основу (наличие подобных традиций также и в Индии требует дополнительных исследований). Гетское кивание головой в знак согласия теперь нечем другим объяснить, кроме как фактом, что геты, подобно другим фракийским общностям, не только не «исчезли», но влились существенной частью в болгарскую народность.

На фоне имеющихся данных и недостатков немецкого тезиса о Völkertode — «смерти старых народов», сколько бы парадоксально это ни звучало, нет необходимости доказывать, что геты и даки составляют основную часть тех северофракийских сельских общностей, которые в письменных сведениях начиная с конца VI в. обозначаются по-гречески как склабины (Σκλάβῆνοι) или склавены (Σκλαῦνοι), а по-английски — Scylaueni, Sclavi, Scylauini.

Произведения на Публий Овидий Назо (*Publius Ovidius Naso*) многократно са използвани за исторически, „етнически“ и литературни цели¹, като започва да се мисли и да се

открива някаква „гетизация“ на гръцкия език²

¹ За „историята“ у Овидий виж напр. (Syme 1978), за „етническите“ интерпретации — (Shchukin 1989; Шапошников 1991; Кукулина 1999; Hind 2007; Mantzilas 2014), а за литературно-историческите — (Stroh 1981).

² Напр. у (Gehman 1915) с по-старата лит.; срв. с идеята за „socio lingua“ и „интерфериращото влияние на гетския език“ у (Гандева 1968; Gancheva 1968a; 1969); срв. (Шапошников 1991) и виж прегледа и критиката у (Подосинов 1985: бел. 406 и особено бел. 435; Подосинов 1985a; Podosinov 1986), както и обзора за „езика на Овидий в изгнание“ на (Stevens 2009).

и дори „сарматизация“ на Томи³. Сред произведенията на римския поет особено място заема стихосбирката *Tristia* (виж за *Tristia* (Тѳу): Bakker 1946; срв. Nagle 1980; Classen 2009): тя се състои от 50 скръбни елегии, които са групирани в пет книги. Овидий ги твори долугоре по една на година (от 8 до 12 г. сл. Хр.) по време на своето „изгнание“ (Stroh 1981; Williams 1994; Classen 2008; Tola 2008), когато — по думите на F. Millar, мисли за „*Рим, видян от Томи*“ (Millar 1993). Избраният за анализ текст в *Tristia* 5.10.1—43 (ed. Hall) гласи:

Ut sumus in Ponto, ter frigore constitit Hister,
Facta est Euxini dura ter unda maris...
Quem tenet Euxini mendax cognomine litus,
Et Scythici vere terra sinistra freti...
Exercent illi sociae commercia linguae:
Per gestum res est significanda mihi.
Barbarus hic ego sum, qui non intellegor ulli,
Et rident stolidi verba Latina Getae;
Meque palam de me tuto male saepe loquuntur,
Forsitan obiciunt exiliumque mihi.
Utque fit, in me aliquid ficti dicentibus illis
Abnuem quotiens adnuemque, putant...“

Елегията е написана през лятото или есента на 12 г. сл. Хр. (Гандева 1968: 58; срв. Besslich 1972), а проф. Руска Гандева превежда този пасаж на български език (Гандева 1949: 176—177), прави бележки към „тънките“ места в текста и по повод на „*Et Scythici vere terra sinistra freti*“ заявява: „*С моя израз поетът означава земята край западния бряг на Черно море. За този, който влиза от Босфора в Черно море, моя бряг се намира от лявата му страна. Не трябва да се забравя, че латинската дума „ляв“ (sinister) има и значението неблагоприятен, злокобен*“ (Гандева 1949: 181, бел. 19). Нейната бележка обаче в действителност се разминава с наличната информация, защото добре начетенят Овидий е знаел, щото за елинските автори Черно море (Pontos Euxeinos — рис. 1) се състои от две части „ляв“ и „десен Понт“, което е отразено добре и в „География“ на Страбон⁴. Същевременно за интересувания ме па-

саж (*Utque fit, in me aliquid ficti dicentibus illis Abnuem quotiens adnuemque, putant*) липсва коментар, а даденият превод (*И както става в подобни случаи, те заключават за каквото и да било в моя вреда, колчем кимвам „да“ или „не“, когато нещо ми казват*) (Гандева 1949: 176) не разкрива същината на елегичното авторско наблюдение над едно специфично за гетите кимане с глава.

Впрочем не му обръщат нужното внимание и всички други известни ми изследователи на *Tristia*. Едва през 1975 г. Friedrich Hauben в „*Adnuo and abnuo in Ovids Tristia* 5,10,41—42“ долови смисъла и направи етнографски паралел, за да посочи, че единствено българите и гърците били имали противоположна на общоевропейската система на кимане с глава в знак на съгласие (Hauben 1975). Десет години по-късно го последва и Александър Подосинов, който превежда: „*Случається, что когда они говорят про меня какую-то ложь, всякий раз, когда я кивком отрицаю, они считают, что я признаю [это]*“ (Подосинов 1984: 116). В съответна бележка той коментира „*Эта жанровая оценка должна была, по-видимому, внушить римским почитателям Овидия особую жалость*“ и посочва „*Любопытная этнографическая параллель*“, като цитира Fr. Hauben и приема неговия анализ (Подосинов 1984: 202, бел. 458; срв. Podosinov 1987). Л. Гаспаров и С. Ошеров, които не познават публикацията на Hauben, коментират *Ovid. 5.10.41—42*⁵ и превеждат (Гаспаров, Ошеров 1978: 81):

„Если качну головой, соглашаясь или не соглашаясь,

Мнение мое все равно против меня обратят.“

Изследванията на Fr. Hauben и Ал. Подосинов с нищо не промениха писанията за гетите⁶, макар текстът да е с изключителна важност и през 2007 г. да посочих, че „*Според Страбон, Елий Кат през 4 г. прехвърлил 50000 отвъдунавски гети в Мизия, а заточеният в Томи Овидий описва изумителен стереотип. Гетите кимали или клатели глава в знак на отрицание или съгласие обратното на обичайното. Този стереотип да се кима или върти глава в знак на съгласие или отрицание по противоположен на обичаен*

³ Тезата за „сарматизацията“ на Томи беше развита от (Магомедов 1981; срв. Подосинов 1977; Batty 1994); впрочем някои изследователи стигат и до други крайности, като подчертават „нереалностите“ в Овидиевото изгнание — виж (Brown 1985) и прегледа на (Ezquerro 2010); срв. за Томи (Danoff 1962).

⁴ За „Левия Понт“ (τα αριστερά του Ποντου) виж (Müller 1861: LXXIV sqq.) и цитатите в TLG; срв. (Подосинов 1985: 162—163, бел. 211). Ето защо точния превод на *Tristia* 5.10.14 трябва да е „и в наистина лявата земя на Скитското море“.

⁵ „Текст сомнителен: по-видимому, речь о том, что даже жесты согласия понимаются как несогласие и наоборот“ (Гаспаров, Ошеров 1978: 243).

⁶ Все пак (Stevens 2009: 178) отбелязва: „*First, Ovid's gestures, his only mechanism for meaning, may be misunderstood: ad one point he describes how nods of assent are taken for negation and vice versa*“, като препраща към Fr. Hauben.

Рис. 1. Черно море (Абрахам Ортелиус, автор на първия в света модерен географски атлас). 1590 г.

Fig. 1. Pontos Euxeinus (by Abraham Ortelius, creator of the first modern atlas). 1590.

тия в Европа начин и днес представлява една от същностните отлики на българите“ (Орачев 2007: 71). Обърнах внимание на този факт и по-късно (Орачев 2013: 19–20), но не ми е известен български класически филолог, историк, етнолог или археолог, който да е взел сериозно отношение към текста и възникващата от него проблематика.

Същото важи и за румънските колеги, които иначе са твърде обстоятелствени, но в случая изводите от елегичното наблюдение на Овидий определено не изнасят на утвърдените в Румъния историографски концепции за гетите⁷. Впрочем (напреки изследването на Hauben) и в наши дни все още се предлага следния превод на Ovid. Trist. 5.10.35–42: „They hold communication in the common tongue: I have to make myself understood by gestures. Here I'm the barbarian no one comprehends, the Getae

laugh foolishly at my Latin words, and they often talk maliciously to my face, quite safely, taunting me perhaps for my exile. As is usual they think there's something wrong about my only nodding no or yes to what they say“ (Kline 2003).

Дойде времето и аз („на попрището жизнено към края“) да дам собствен превод и да коментирам Ovid. Trist. 5.10.35–42:

„Възможности имат те на общ език
да си хортуват,
а аз принуден съм със пръсти
да посочвам нещата.
Барваринът тук съм аз,
когото нивга не разбират,
и хили се на латинските ми думи
на гетите глупотевината.
Пред мен и за мене често
неприкрито и лошо приказват,
изгнанието мое е възможно
за вина да ми приписват.
Случва се, щото — когато някаква
лъжа за мен да казват,
всеки път, когато с кимане отричам,
че се съгласявам те разбират.“⁸

⁷ Те са наложени от (Pârvan 1926; 1928) в духа на постулатите на Nicolae Iorga за „румънската земя“, които се приемат и в наши дни: виж напр. оценката на (Blokke 2010) за влиянието на Хабсбургската империя върху „румънците в Трансилвания“, което било показвало, щото „Romanian experience is an example of European unity in diversity“ (<http://www.academia.edu/3908713/>); срв. (Verderly 1995, Zavatti 2014).

⁸ Срв. с превода на (Подосинов 1984: 116).

Повечето изследователи на този пасаж се концентрират върху „варварин“⁹, за да посочат, че елинското *βάρβαρος* е „точното понятие, с което древните гърци разграничават всички хора извън техния собствен кръг“ (Cadbury 1955: 342)¹⁰. Същото обаче правят на практика всички народи¹¹, а кимането с глава (нагоре-надолу) в знак на съгласие и нейното въртене (наляво-надясно) в знак на отрицание в Европа е характерно единствено за българите и може да се включи към „етническите стереотипи“.

Лично аз предпочитам да го определя като български поведенчески стереотип и защото твърдението на Nauben, че той се срещал и при гърците, се разминава с фактите. В Беломорието (Егейска Тракия) и днес кимат одобряващо с глава само онези възрастни вече грецизирани „славофони“, които в литературата се определят и като „македонски славяни“ (виж напр. Horncastle 2009), макар да са българи по произход¹². И това е несъмнено, защото българското одобрително кимане с глава се нарежда сред най-устойчивите поведенческо-народностни стереотипи. Същевременно и в Егейска Тракия (дн. Северна Гърция) понякога отрицателното въртене на глава се придружава с „дъ“ — звукова частица за подсилване на отрицанието („не“), която се произнася *инспираторно*. Това неизследвано от езиковедите „дъ“ наистина се среща и при гърците, като се изписва „τοου“¹³. При тях обаче този звук за отрицание се придружава с повдигане на главата нагоре, т.е. прави се точно обратното в сравнение с българския поведенчески стереотип.

Този вид стереотипи днес се изследват предимно от социални психолози (виж напр. Haslam et al. 1998; Стефаненко 1999; Özyürek et al. 2008; Kita 2009; Kettner, Carpendale

2013), антрополози (Morris et al. 1997), езиковеди (виж напр. Jakobson 1972; McNeill 2000; Миньяр-Белоручева, Покровская 2012) и рекламни специалисти (Halatyan 1996). Време е и колегите историци да разберат, че по правило и в „езиковото пространство“, и в „областта на жеста“¹⁴ подобни стереотипи се „засукват с майчиното мляко“ и няма как да се взаимстват, защото при тях човек не мисли, а действа подсъзнателно (срв. Миньяр-Белоручева, Покровская 2012). Интересът към „кимането с глава в знак на отрицание или съгласие“ (*nod gesture, nodding Yes or No*) е провокиран от Чарлс Дарвин през 1872 г., който посочва, че „кимането за „да“ е общо за много различни групи“ (Darwin 1913: 272 sqq.). На свой ред Роман Якобсон посочва колко е сложно да се оглеждат културните различия „като индикация дали един жест има естествен или конвенционален произход“ (Jakobson 1972: 92). Постепенно чрез интернет започнаха да се популяризират цяла редица неверни твърдения, които — наред с всичко друго, показват колко опасен може да бъде „Уикипедичния“ псевдоенциклопедизъм¹⁵.

Сред тях си заслужава тук да отбележа дълбоко погрешното виждане, че кимането с глава в знак на съгласие се е появило в България през VII век или пък че се било дължало на „Османското завоевание“¹⁶. Както вече посочих, не издържа критика и твърдението, че и елините били имали подобни жестове, откъдето специфичното кимане с глава се било разпространило и в Южна Италия преди „2000 години“¹⁷.

Ето защо поетизираното от Овидий през 12 г. сл. Хр. възприемане на кимането с глава у гетите буквално обезсмисля почти всичко писано по въпроса. При всички случаи когато се регистрира и анализира одобряващо кимане с глава (нагоре-надолу или пък на нейното въртене наляво-надясно в знак на за отрицание) в дн. Турция, Македония и Албания (Morris et al. 1997; Özyürek et al. 2008) трябва да се търси неговата по-древна подложка, до-

⁹ Виж за древногръцкото „измисляне на варварина“: (Hall 1999).

¹⁰ Срв. с представите за елини и „варвари“ във философските произведения (Müller 1980) и виж поспециално наблюденията „върху характера и границите на гръцките етнически предразсъдъци“ на (Tuplin 1999).

¹¹ Виж за „етноложките“ теории в античността (Müller 1972); и за евреите „варвари“ са онези τὰ ἔθνη, които са „неевреи“ (Pervo 2009: 673).

¹² В днешната гръцка част на Егейска Тракия (Беломорието — Яранов 1942), българите преднамерено се определят в литература и официални гръцки документи за „славофони“ — виж прегледа на (Karakasidou 1997; 2002; срв. Даскалов 1999; Яранов 1942а, а за проблемите на географското райониране: Яранов 1938).

¹³ [https://en.wikipedia.org/wiki/Nod_\(gesture\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Nod_(gesture)).

¹⁴ Виж за значението на римските жестове и акламации (Aldrete 1999).

¹⁵ [https://en.wikipedia.org/wiki/Nod_\(gesture\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Nod_(gesture)).

¹⁶ Виж напр. интернет-публикацията на (Kubilius 2018).

¹⁷ Виж (Morris et al. 1997); срв. (McClave et al. 2007; Kita 2009: 4—5; Kettner 2013). Тук следва да се има предвид, че „гръцката колонизация“ на Сицилия и Южна Италия стартира още в VIII—VII в. пр. Хр. (виж Палцева 1999; срв. Dunbabin 1948).

Рис. 2. Римски провинции Дакия, Мизия и Тракия (карта от Йохан Кристоф Вайгел).

Fig. 2. The Roman provinces of Dacia, Moesia and Thrace (map of Johann Christoph Weigel).

като наличието им и в Индия¹⁸ изисква допълнителни проучвания.

За гетите (*Гѣтаи*, *Getae*) се е натрупала толкова изобилна литература¹⁹, че намирам нейния преглед тук за излишен. Важното е, че в крайна сметка и на тях и изобщо на най-голямата европейска селска общност — траките, историографията отрежда съдбата да „изчезнат“ в рамките на германската теза за „Völkertode“²⁰ на „старите народи“²¹. Все пак специално на тракийската гетска общност чрез Касиодор и най-вече чрез готския историк Йордан (*„De origine actibusque Getarum — За произхода и делата на гетите“*) им е „позволено“ да се „германизират“ (Wolfram 2011), макар и само в рамките на „миграционния

мит“ (Christensen 2002; Geary 2002). За други изследователи пък те били „оцелели“, но чрез „раджпурите“ в Индия (Jhutti 2003).

Зарегистрираният у Овидий поведенчески стереотип („кимане с глава“ в знак на съгласие) у гетите обаче няма с какво друго да се обясни освен с факта, че и те, както и другите тракийски общности, които продължават да обитават бившите римски провинции Дакия, Мизия и Тракия (рис. 2), не само че не са „изчезнали“, но са се втели като същностна част в българската народност. Наличните писмени известия и археоложки материали²² очертаха нищетата на германската теза за „Смъртта на старите народи“ и —

¹⁸ Виж напр. раздела „The Indian “Yes” Head Gesture“ у (Storti 2007).

¹⁹ Виж прегледите на (Tomaschek 1893; Ekholm 1936; Ekholm, Aldolfi 1954; срв. Danoff 1967; Bredow 2002; Левинский 2010, Йорданов 2011).

²⁰ Kraus 1903; срв. с прегледа на Müller-Lyer 1920.

²¹ Виж прегледа на (Demandt 1995: 591 sqq.).

²² Виж за „етническото“ интерпретиране на археоложките материали и култури под германско влияние прегледа на (Клейн 2000); срв. по-специално за Dacia/Romania (Ellis 1998). По принцип археолозите приписват на едни и същи „култури“ различни „етнически“ характеристики, за да ги свързват или пък да отричат техните връзки с българите: виж прегледа на (Curta 2013; срв. Винокуров 2011 и виж Коматарова-Балинова 2016 за северите). Стигна се дотам, щото някои изследователи да обявят ранната българска култура за „не-разгадан феномен“ (Fiedler 2008: 216).

колкото и парадоксално да звучи, буквално няма защо да се доказва, че гето-дакийските „племена“ са основната част на онези севернотракийски селски общности, които в писмените известия от края на VI в. сл. Хр. насетне започват да се обозначават на гръцки като *склабини* (Σκλάβήνοι) или *склавени* (Σκλαύηνοι), а на латински — *Sclaveni*, *Sclavi*, *Sclauini*²³.

По въпроса подготвям специално изследване (Orachev 2019), като една от отправните точки ще е и вече преведеното тук известие на Овидий, щото „*Exercent illi sociae commercia linguae: Per gestum res est significanda mihi*.“ Този „общ език“ кореспондира с редица дру-

ги данни — включително и от „История на августите“ (НА). Там се открива показателен текст за император Максимин Тракиец (235—238), който „*бил родом от тракийско селце, на границата с варварите; варвари били неговите баща и майка, от които единият е бил от страната на готите, а втората — от народа на аланите...*“, поради което „*говорел трудно латински, почти на тракийски език*“²⁴. Именно етапите във формирането на този „тракийски език“, а не някаква „гетизация“ на гръцкия или пък „сарматизация на Томи“, тепърва има да се изследват като едно балканско социо-културно койне от типа „*socia lingua*“.

Литература

- Ангелов Д. 1981. *Образуване на българската народност*. София: Наука и изкуство.
- Байбурун А. (ред.). 1985. *Этнические стереотипы поведения*. Москва.
- Бочкарева Ал. 2014. *Этнические стереотипы: основные методологические подходы к исследованию и особенности использования психосемантических методов*. Автореф. дисс. ... кандидата социологических наук. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Винокуров Н. 2011. Погребальные комплексы античного и средневекового времени: разрыв традиции или преемственность (на примере городища и некрополя Артезиан). В: Зинько В. Н. (ред.). *XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур*. Сборник материалов международной конференции. Керчь: Деметра, 55—67.
- Гандева Р. 1949. Овидий. В: Кацаров Г. (съст.). *Извори за старата история и география на Тракия и Македония*. София: БАН.
- Гандева Р. 1968. Овидий и наследство на антична Добруджа. *ГСУ-ФЗФ* 62 (1), 1—110.
- Гаспаров М., Ошеров С. 1978. *Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта*. Москва: Наука.
- Даскалов Г. 1999. *Участта на българите в Егейска Македония 1936—1946*. София.
- Йорданов К. 2011. Добруджа през I-ото хил. пр. Хр. Гети. В: *История на Добруджа*. София, 131—236.
- Йорданов К. 1980. *Getica: I. Държава и религия от средата на II хил. до средата на IV в. пр. н. е.* ГСУ-ИФ 70 (1976), 57—82.
- Клейн Л. С. 2000. Археология в седле. (Косинна с разстояния в 70 лет). *Stratum plus* (4), 88—140.
- Коматарова-Балинова Е. 2016. Аспаруховите българи и северите — археологически срещи исторически свидетелства. *Известия на Националния археологически институт* 43, 197—216.
- Куклина И. 1999. Савроматы и сарматы у Овидия. В: Подосинов А. В. (отв. ред.). *Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения*. Москва: Восточная литература, 253—270.
- Левинский А. Н. 2010. История гетов в лесостепи Юго-Восточной Европы (конец VI — вторая половина IV вв. до н. э.). *Stratum plus* (3), 15—127.
- Магомедов А. Х. 1981. Овидий и сарматы. В: Магомедов А. Х. (отв. ред.). *Античные государства и варварский мир*. Межвузовский сборник статей. Орджоникидзе: СОГУ, 100—131.
- Мелюкова А. И. 1979. *Скифия и фракийский мир*. Москва: Наука.
- Миньяр-Белоручева А., Покровская М. 2012. Этнические стереотипы в современном языковом пространстве. *Национальный психологический журнал* 8 (2), 90—94.
- Никוליц И. Т. 1977. *Геты IV—III вв. до н. э. в Днестровско-Карпатских землях*. Кишинев: Штиинца.
- Никוליц И. Т. 1987. *Северные фракийцы в VI—I вв. до н. э.* Кишинев: Штиинца.
- Орачев Ат. 2007. *Римските императори на дохристиянския римски свят 1. От патриция Гай Юлий Цезар до овчаря Максимин I Тракиец*. София: Лотос Адвъртайзинг ООД.
- Орачев Ат. 2013. *Римските императори на дохристиянския римски свят 2. От Гордиан I до Нумериан*. София: Сдружение Черномор.
- Орачев Ат. 2018. *Диоклециан и спасяването на римския цивилизационен модел*. София: Борина.
- Пальцева Л. А. 1999. *Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Подосинов А. В. 1977. К проблеме достоверности сведений Овидия о скифах, сарматах и гетах. В: *Проблемы социально-экономической истории СССР* 2. Москва, 177—191.
- Подосинов А. В. 1985. *Произведения Овидия как источ-*

²³ Виж прегледа на (Curta 2001): той следва и български автори, които също игнорират наличието в откъднунавските земи през IV—VI в. сл. Хр. на севернотракийски общности за сметка на придошли „готи“ и „славяни“ (виж напр. Тъпкова-Заимова 1966; Ангелов 1981; Седов 2005).

²⁴ „*hic de vico Threiciae vicino barbaris, barbaro etiam patre et matre genetis, quorum alter e Gotia, alter ex Alanis genetis esse perhibetur et patri quidem nomen Micca, matri Hababa fuisse dicitur*“ (Орачев 2007: 227 сл.).

- ник по истории Восточной Европы и Закавказья. Текст, перевод, комментарий. Москва: Наука.
- Подосинов А.В. 1985а. Этнолингвистическая ситуация в Томи во время ссылки Овидия. В: XV Международная конференция по классическим исследованиям „Ейрене“. Тракия 7. София, 84—90.
- Седов В.В. 2005. *Славяне. Историко-археологическое исследование*. Москва: Знак.
- Стефаненко Т. 1999. *Этнопсихология*. Москва: Институт психологии РАН.
- Тъпкова-Займова В. 1966. *Нашествия и этнические промени на Балканите през VI—VII в.* София: БАН.
- Халатян А. 1996. *Национально-культурные компоненты в языке современной рекламы*. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва.
- Шапошников В. 1991. Мирощущение человека вдали от родины (опыт этнолингвистического анализа литературы). В: Строгеецкий В.М. (отв. ред.). *Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы*. Межвузовский сборник научных трудов. Нижний Новгород: НГПИ, 71—78.
- Яранов Д. 1938. Беломорска Тракия и Приморска Македония. Географски очерк. 1. Обща част. *ГСУ-ИФФ* 34, 1—139 (отд. отд.).
- Яранов Д. 1942. Българското Беломорие като географско понятие. *Беломорски преглед* 1, 1—11.
- Яранов Д. 1942а. Народостопанският състав на населението в Беломорската област през последните осемдесет години. *Беломорски преглед* 5, 291—371.
- Bakker J. 1946. *P. Ovidii Nasonis Tristium liber V*. Amsterdam; Paris.
- Batty R. 1994. On Getic and Sarmatian Shores: Ovid's Account of the Danube Lands. *Historia* 43, 88—111.
- Besslich S. 1972. Ovid's winter in Tomis. *Zu Trist. III.10. Gymnasium* 79, 177—191.
- Blokker P. 2010. Romania at the Intersection of Different Europes. In: Arnason J.P., Doyle N. (eds.). *Domains and Divisions of European History*. Liverpool: Liverpool University Press, 161—180.
- Bredow I., von. 2002. Getae. *Brill's New Pauly* 5, 842—844.
- Brown A. 1985. The unreality of Ovid's Tomitan exile. *Liverpool Classical Monthly* 10 (2), 8—22.
- Cadbury H. 1955. *The Book of Acts in History*. London: A. and C. Black.
- Christensen A. 2002. *Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths. Studies in a Migration Myth*. Copenhagen: Museum Tusculanum Press.
- Classen J.-M. 2009. Tristia. In: Knox P.E. (dir.) *A Companion to Ovid. Blackwell Companions to the Ancient World*. Chichester; Malden: Wiley-Blackwell.
- Classen J.-M. 2008. *Ovid Revisited: The Poet in Exile*. London: Duckworth.
- Curta F. 2001. *The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500—700*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Curta F. 2013. The Beginning of the Middle Ages in the Balkans. *Millenium 10. Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr.* Berlin; Boston, 145—214.
- Danoff Chr. 1962. Tomi. *Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft*. Suppl. 9, 1397—1428.
- Danoff Chr. 1967. Getai. *Der kleine Pauly* 2, 787—789.
- Darwin Ch. 1913. *The Expression of the Emotions in Man and Animals*. New York.
- Demandt Al. 1995. *Antike Staatsformen: Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt*. Berlin: De Gruyter Akademie Forschung.
- Dunbabin T. 1948. *The western Greeks*. Oxford: Clarendon Press.
- Ekholm G., Alföldi A. 1954. The Peoples of Northern Europe: The Getae and Dacians. *The Cambridge Ancient History* 11, 46—90.
- Ekholm G. 1936. The Peoples of Northern Europe: The Getae and Dacians. *The Cambridge Ancient History* 11. URL: https://archive.org/stream/cambridgeancient015566mbp/cam-bridgeancient015566mbp_djvu.txt.
- Ehlers W. 1988. Poet und Exil. Zum Verständnis der Exildichtung Ovids. *Antike und Abenland* 34, 144—157.
- Ellis L. 1998. 'Terra deserta': population, politics, and the [de]colonization of Dacia. *World archaeology*. San Francisco: San Francisco State University.
- Ezquerro A. 2010. Ovid in Exile: Fact or Fiction? *Analele Stiintifice ale Universității Ovidius. Ser. Filolog.* 21, 107—126.
- Fiedler U. 2008. Bulgars in the Lower Danube Region. A Survey of the Archaeological Evidence and of the State of Current Research. In: Curta F. (ed.). *The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans*. Leiden; Boston: Brill, 151—236.
- Fol A. 1996. Thracians, Celts, Illyrians and Dacians. In: Hermann J., Zürcher E. (eds.). *History of Humanity. Scientific and Cultural Development III. From the Seventh Century BC to the Seventh Century AD*. London; New York; Paris: Routledge, 222—224.
- Gandeva R. 1968. Über die Sprache der Geten nach Ovids Werken "Tristia" und "Epistulae ex Ponto". *Известия на Института за български език* 17, 87—95.
- Gandeva R. 1969. Socia lingua in der Griechischen Polis Tomi zur Zeit Ovids. In: *Der Krise in der Griechischen Polis* 1. Berlin, 77—80.
- Geary P. 2002. *The Myth of Nation: The Medieval Origins of Europe*. Princeton; New York: Princeton University Press.
- Gehman H. 1915. Ovid's Experiences with Languages at Tomi. *Classical World: A Quarterly Journal on Antiquity* 11 (1), 50—55.
- Hall E. 1989. *Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy*. Oxford: Clarendon Press.
- Haslam et al. 1998: Haslam S.A., Turner J.C., Oakes P.J., McGarty C., Reynolds K.J. 1998. The group as a basis for emergent stereotype consensus. *European Review of Social Psychology* 8, 203—239.
- Hauben Fr. 1975. Adnuo and Abnuo in Ovid Tristia 5.10.41—42. *The American Journal of Philology* 96 (1), 61—63.
- Hind J. 2007. Ovid and the Barbarians beyond the Lower Danube (Tristia 2.191—2; Strabo, Geogr. 7.3.17). *Dacia* 51, 241—245.
- Horncastle J. 2009. *The Pawn that would be King: Macedonian Slaves in the Greek Civil War, 1946—49*. URL: http://www.summit.sfu.ca/system/files/iritems1/16972/etd9955_JHorncastle.pdf.
- Jakobson R. 1972. Motor signs for yes and no. *Language and Society* 1 (1), 91—96.
- Jhutti S. 2003. *The Getes. Sino-platonic papers* 127. Philadelphia: University of Pennsylvania. URL: http://www.sino-platonic.org/complete/spp-127_getes.pdf.
- Karakasidou A. 1997. *Fields of wheat, hills of blood: Passages to nationhood in Greek Macedonia, 1870—1990*. Chicago; London: University of Chicago Press.

- Karakasidou A. 2002. Cultural illegitimacy in Greece: the Slavo-Macedonian “non-minority”. In: Clogg R. (ed.). *Minorities in Greece: aspects of a plural society*. London: Hurst & Company, 122—164.
- Kettner V., Carpendale J. 2013. *Developing gestures for no and yes. Head shaking and nodding in infancy*. URL: https://www.researchgate.net/publication/263579350_Developing_gestures_for_no_and_yes_Head_shaking_and_nodding_in_infancy.
- Kita S. 2009. Cross-cultural variation of speech-accompanying gesture: A review. *Language and Cognitive Processes* 24 (2), 145—167. URL: http://wrap.warwick.ac.uk/66214/2/WRAP_Kita_culture_and_gesture_LCP_v13-distrt%20%281%29.pdf.
- Kline A. 2003. *Ovid: The Poems of Exile (Tristia, Ex Ponto, Ibis)*. Book Five. Translated by A. S. Kline. URL: https://www.poetryintranslation.com/PITBR/Latin/OvidTristiaBkFive.php#anchor_Toc34217368.
- Kraus Fr. 1903. *Der Völkertod. Eine Theorie der Dekadenz* 1—2. Leipzig; Wien: Deuticke Verlag.
- Kubilius K. 2018. *Nonverbal Communication: Yes and No in Bulgaria*. URL: <https://www.tripsavvy.com/nodding-yes-and-no-in-bulgaria-1501211>.
- Mantzilas D. 2014. Le témoignage d’Ovide sur les peuples de la région du Pont-Euxin. In: *Pontus Euxinus. Commentarii Pilsnenses*. Srní [Rehbergae], 15—36. URL: <http://www.academia.edu/7242991/>.
- McClave et al. 2007: McClave E., Kim H., Tamer R., Mileff M. 2007. Head movements in the context of speech in Arabic, Bulgarian, Korean, and African-American Vernacular English. *Gesture* 3, 343—390.
- McNeill D. (ed.). 2000. *Language and gesture*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Millar F. 1993. Ovid and the Domus Augusta: Rome Seen from Tomoi. *Journal of Roman Studies* 83, 1—17.
- Morris et al. 1997: Morris D., Collett P., Marsh P., O’Shaughnessy M. 1997. *Gestures: Their origins and distribution*. London: Jonathan Cape.
- Müller K. 1972. *Geschichte der antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung*. Wiesbaden: Steiner.
- Müller R. 1980. Hellenen und “Barbaren“ in der griechischen Philosophie. In: *Menschenbild und Humanismus der Antike*. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun, 111—134.
- Müller-Lyer Fr. 1920. *The History of Social Development*. London: Allen & Unwin. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.187283/page/n31>.
- Nagle B. 1980. *The Poetics of Exile: Program and Polemic in the Tristia and Epistulae ex Ponto of Ovid*. Collection Latomus 170. Bruxelles: Latomus.
- Özyürek et al. 2008: Özyürek A., Kita S., Allen S., Brown A., Furman R., Ishizuka T. 2008. Development of cross-linguistic variation in speech and gesture: Motion events in English and Turkish. *Developmental Psychology* 44 (4), 1040—1054.
- Orachev At. 2019. The Northern Thracian communities and their names in the Greek and Latin authors from the VI—VIII century AD. In: *First International Conference of the Institute of Free Researchers “Historeon”*. Plovdiv, in print.
- Ovid. 1924, repr. 1965. *Tristia. Ex Ponto*. Transl. by A. Wheeler. London; Cambridge: Harvard University Press.
- P. Ovidii Nasonis. 1995. *Tristia*. Ed J. Hall. Lipsiae: Teubner.
- Pârvan V. 1926. *Getica. O Protoistorie a Daciei*. București: Cultura Națională. URL: <http://www.cimec.ro/biblioteca-digitala/parvan/parvangetica/getica.htm>.
- Pârvan V. 1928. *Dacia: An Outline of the Early Civilizations of the Carpatho-Danubian Countries*. London; Cambridge: Cambridge University Press.
- Pervo R. 2009. *Acts (Hermeneia)*. Minneapolis: Fortress Press.
- Podosinov Al. 1987. *Ovids Dichtung als Quelle für die Geschichte des Schwarzmeergebiets*. XENIA. Konstanzer althistorische Vorträge und Forschungen 19. Konstanz.
- Podosinov Al. 1986. Hellenen und Barbaren im nordlichen und westlichen Schwarzmeergebiet am Anfang u. Z. (Einige Betrachtungen zum Problem der “Barbarisierung” der griechischen Städte). In: *Die Antike und Europa*. Zentrum und Peripherie in der antiken Welt. Restmes der 17. Berlin, 170—171.
- SHA: *Scriptores Historiae Augustae*. 1927. Leipzig: Hohl.
- Shchukin M. 1989. *Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe. 1st century B. C. — 1st century A. D.* 1—2. BAR IS 452. Oxford.
- Stevens B. 2009. Per gestum res est significanda mihi: Ovid and Language in Exile. *Classical Philology* 104 (2), 162—183.
- Storti Gr. 2007. *Speaking of India: Bridging the communication gap when working with Indians*. (Electronic book text). URL: <https://books.google.com/books?id=QDqkdaNwGwgC&pg=PA37>.
- Stroh W. 1981. Tröstende Museen: Zur literarhistorischen Stellung und Bedeutung von Ovids Exilgedichten. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* 2.31.4, 2638—2684.
- Syme R. 1978. *History in Ovid*. Oxford: University Press.
- TLG: *Thesaurus linguae Graecae. A Digital Library of Greek Literature*. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu/>.
- Tomaschek W. 1893. *Die alten Thraker* 1. Vienna: Tempusky.
- Tuplin C. 1999. Greek racism? Observations on the Character and Limits of Greek Ethnic Prejudice. In: Tsatskheladze G. R. (ed.). *Ancient Greeks West and East*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 4—75.
- Tola El. 2008. Chronological Segmentation in Ovid’s *Tristia*. The Implicit Narrative of Elegy. In: Liveley G., Salzman-Mitchell P. (eds.). *Latin Elegy and Narratology*. Columbus: Ohio State University Press, 51—67.
- Verdery K. 1995. National Ideology and National Character in Interwar Romania. In: Banac I., Verdery K. (eds.). *National Character and National Ideology in Interwar Eastern Europe*. New Haven; Yale center for international and area studies, 103—133.
- Williams G. 1994. *Banished Voices: Readings in Ovid’s Exile Poetry*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wolfram H. 2011. Die Goten und ihre Geschichte. In: *Gotite/Goterna/Toθoi. New Studies on Gothic Cultural and Historical Heritage in the Bulgarian Lands (2007—2010)*. Sofia, 169—177.
- Zavatti Fr. 2014. *Romans, Dacians, Thracians, Slavs, or Pelasgians? A history of the debate on the ethnogenesis of the Romanian people since 17th century until the computer age*. URL: https://www.researchgate.net/publication/303975235_Romans_Dacians_Thracians_Slavs_or_Pelasgians_A_history_of_the_debate_on_the_ethnogenesis_of_the_Romanian_people_since_17th_century_until_the_computer_age.

References

- Angelov, D. 1981. *Obrazuvane na bălgarskata narodnost (The Making of the Bulgarians)*. Sofia: "Nauka i izkustvo" Publ. (in Bulgarian).
- Baiburin, A. K. (ed.). 1985. *Etnicheskie stereotipy povedeniia (Ethnic Patterns of Behavior)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Bochkareva, A. V. 2014. *Etnicheskie stereotipy: osnovnye metodologicheskie podkhody k issledovaniyu i osobennosti ispol'zovaniia psikhosemanticheskikh metodov (Ethnic Stereotypes: the Main Methodological Approaches to Research and Features of Application of Psychosemantic Methods)*. PhD Thesis. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Vinokurov, N. 2011. In Zin'ko, V. N. (ed.). *Bospor Kimmeriskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Vzaimovliianie kul'tur (Cimmerian Bosphorus and Barbarian World in Antiquity and Middle Ages. Cross-Cultural Influences)*. Series: Bosporan Readings XII. Kerch: "BF Demetra" Publ., 55—67 (in Russian).
- Gandeva, R. 1949. In Katsarov, G. (comp.). *Izvori za starata istoriya i geografiya na Trakiya i Makedoniya (Sources for Ancient History and Geography of Thrace and Macedonia)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Gandeva, R. 1968. In *Godishnik na Sofijskiya universitet, Fakultet po zapadni filologii (Yearbook of the Sofia University, Department of Occidental Philology)* 62 (1), 1—110 (in Bulgarian).
- Gasparov, M. L., Oshero, S. A. (prep.). 1978. *Publii Ovidii Nazon. Skorbnnye elegii. Pis'ma s Ponta (Ovid: Tristia, Epistulae ex Ponta)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Daskalov, G. 1999. *Uchastta na bălgarite v Egejska Makedoniya 1936—1946 (The Fate of Bulgarians in Aegean Macedonia in 1936—1946)*. Sofia (in Bulgarian).
- Jordanov, K. 2011. In *Istoriya na Dobrudzha (History of Dobruja)*. Sofia, 131—236 (in Bulgarian).
- Jordanov, K. 1980. In *Godishnik na Sofijskiya universitet. Istoricheski fakultet (Yearbook of Sofia University. Department of History)* 70 (1976), 57—82 (in Bulgarian).
- Klejn, L. S. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 88—140 (in Russian).
- Komatarova-Balinova, E. 2016. In *Izvestiya na Natsionalniya arheologicheski institut (Bulletin of the National Institute of Archaeology)* 43, 197—216 (in Bulgarian).
- Kuklina, I. 1999. In Podosinov, A. V. (ed.). *Severnoe Prichernomor'e v antichnosti. Voprosy istochnikovedeniia (Northern Black Sea Region in the Classical Era: Issues of Source Studies)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 253—270 (in Russian).
- Levinskii, A. N. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 15—127 (in Russian).
- Magometov, A. Kh. 1981. In Magometov, A. Kh. (ed.). *Antichnye gosudarstva i varvarskii mir (Antique States and the Barbarian World)*. Ordzhonikidze: North Ossetian State University, 100—131 (in Russian).
- Meliukova, A. I. 1979. *Skifiia i frakiiskii mir (Scythia and the Thracian World)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Min'iar-Beloruicheva, A., Pokrovskai, M. 2012. In *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal (National Psychological Journal)* 8 (2), 90—94. (in Russian).
- Niculitã, I. T. 1987. *Severnyie frakiitsy v VI—I vv. do n. e. (Northern Thracians in 6th — 1st centuries BC)*. Kishinev: "Știința" Publ. (in Russian).
- Niculitã, I. T. 1977. *Gety IV—III vv. do n. e. v Dnestrovsko-Karpatskikh zemliakh (The Getians in 4th — 3rd centuries BC in the Dniester-Carpathian Region)*. Kishinev: "Știința" Publ. (in Russian).
- Orachev, At. 2007. *Rimskite imperatori na dokhristianskiya rimski svyat (Roman Emperors of the Pre-Christian Roman World)* 1. *Ot patritsiya Gaj Yulij Tsezar do ovcharya Maksimin I Trakiets (From the Patricius Gajus Julius Caesar to the Shepherd Maximinus I Thrax)*. Sofia: "Lotos Advartajzing OOD" Publ. (in Bulgarian).
- Orachev, At. 2013. *Rimskite imperatori na dokhristianskiya rimski svyat (Roman Emperors of the Pre-Christian Roman World)* 2. *Ot Gordian I do Numerian (From Gordianus I to Numerianus)*. Sofia: "Sdruzhenie Chemomor" Publ. (in Bulgarian).
- Orachev, At. 2018. *Diokletian i spasyavaneto na rimskiya tsivilizatsionen model (Diocletian and the Rescue of the Roman Civilization Model)*. Sofia: "Borina" Publ. (in Bulgarian).
- Pal'tseva, L. A. 1999. *Iz istorii arkhaiskoi Gretsii: Megary i megarskie kolonii (From the History of Archaic Greece: Megara and Megarian Colonies)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
- Podosinov, A. V. 1977. In *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii SSSR (Issues of Social-Economic History of the USSR)* 2. Moscow: Institute of History of the USSR, Academy of Sciences of the USSR, 177—191 (in Russian).
- Podosinov, A. V. 1985. *Proizvedeniia Ovidiia kak istochnik po istorii Vostochnoi Evropy i Zakavkaz'ia (Works of Ovid as a Source on the History of Eastern Europe and the Caucasus)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Podosinov, A. V. 1985. In *XV Mezhdunarodna konferentsiia po klasicheski izsledvaniia „Eirene” (15th International Conference for Classical Studies „Eirene”)*. Series: Trakiia (Thrace) 7. Sofia, 84—90 (in Russian).
- Sedov, V. V. 2005. *Slaviane: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (The Slavs: a Historical and Archaeological Study)*. Moscow: "Znak" Publ. (in Russian).
- Stefanenko, T. G. 1999. *Etnopsikhologiiia (Ethnic Psychology)*. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Tăpkova-Zaimova, V. 1966. *Nashestviya i etnicheski promeni na Balkanite prez VI — VII v. (Invasions and Ethnic Changes in the Balkans in 6th—7th Centuries)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Khalatyan, A. 1996. *Natsional'no-kul'turnye komponenty v iazyke sovremennoi reklamy (Ethnic and Cultural Components in the Language of Modern Advertising)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).
- Shaposhnikov, V. 1991. In Stroetskii, V. M. (ed.). *Antichnost' i rannee srednevekov'e. Sotsial'no-politicheskie i etnokul'turnye protsessy (Classical Epoch and Early Middle Ages: Socio-Political and Ethnic-Cultural Processes)*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Pedagogical Institute, 71—78 (in Russian).
- Yaranov, D. 1938. In *Godishnik na Sofijskiya universitet, istorikofilologicheski fakultet (Yearbook of the Sofia University, Department of History and Philology)* 34, 1—139 (off-print) (in Bulgarian).
- Yaranov D. 1942. In *Belomorski pregled (Western Thracian Review)* 1, 1—11 (in Bulgarian).
- Yaranov D. 1942. In *Belomorski pregled (Western Thracian Review)* 5, 291—371 (in Bulgarian).
- Bakker, J. 1946. *P. Ovidii Nasonis Tristium liber V*. Amsterdam; Paris.
- Batty, R. 1994. On Getic and Sarmatian Shores: Ovid's Account of the Danube Lands. *Historia* 43, 88—111.
- Besslich, S. 1972. Ovid's winter in Tomis. *Zu Trist. III.10. Gymnasium* 79, 177—191.
- Blokker, P. 2010. Romania at the Intersection of Different Europes. In Amason, J. P., Doyle, N. (eds.). *Domains and Divisions of European History*. Liverpool: Liverpool University Press, 161—180.
- Bredow, I. von. 2002. Getae. *Brill's New Pauly* 5, 842—844.
- Brown, A. 1985. The unreality of Ovid's Tomitan exile. *Liverpool Classical Monthly* 10 (2), 8—22.
- Cadbury, H. 1955. *The Book of Acts in History*. London: A. and C. Black.
- Christensen, A. 2002. *Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths. Studies in a Migration Myth*. Copenhagen: Museum Tusculanum Press.
- Classen, J.-M. 2009. Tristia. In Knox, P. E. (dir.). *A Companion to*

- Ovid. *Blackwell Companions to the Ancient World*. Chichester; Malden: Wiley-Blackwell.
- Classen, J.-M. 2008. *Ovid Revisited: The Poet in Exile*. London: Duckworth.
- Curta, F. 2001. *The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500—700*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Curta, F. 2013. The Beginning of the Middle Ages in the Balkans. *Millenium 10. Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr.* Berlin; Boston, 145—214.
- Danoff, Chr. 1962. Tomi. *Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft*. Suppl. 9, 1397—1428.
- Danoff, Chr. 1967. Getai. *Der kleine Pauly* 2, 787—789.
- Darwin, Ch. 1913. *The Expression of the Emotions in Man and Animals*. New York.
- Demandt, Al. 1995. *Antike Staatsformen: Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt*. Berlin: De Gruyter Akademie Forschung.
- Dunbabin, T. 1948. *The western Greeks*. Oxford: Clarendon Press.
- Ekholm, G., Alföldi, A. 1954. The Peoples of Northern Europe: The Getae and Dacians. *The Cambridge Ancient History* 11, 46—90.
- Ekholm, G. 1936. The Peoples of Northern Europe: The Getae and Dacians. *The Cambridge Ancient History* 11. URL: https://archive.org/stream/cambridgeancient015566-mbp/cam-bridgeancient015566mbp_djvu.txt.
- Ehlers, W. 1988. Poet and Exil. Zum Verständnis der Exildichtung Ovids. *Antike und Abenland* 34, 144—157.
- Ellis, L. 1998. 'Terra deserta': population, politics, and the [de] colonization of Dacia. *World archaeology*. San Francisco: San Francisco State University.
- Ezquerria, A. 2010. Ovid in Exile: Fact or Fiction? *Analele Ştiinţifice ale Universităţii Ovidius. Ser. Filolog.* 21, 107—126.
- Fiedler, U. 2008. Bulgars in the Lower Danube Region. A Survey of the Archaeological Evidence and of the State of Current Research. In Curta, F. (ed.). *The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans*. Leiden; Boston: Brill, 151—236.
- Fol, A. 1996. Thracians, Celts, Illyrians and Dacians. In Herrmann, J., Zürcher, E. (eds.). *History of Humanity. Scientific and Cultural Development III. From the Seventh Century BC to the Seventh Century AD*. London; New York; Paris: Routledge, 222—224.
- Gandeva, R. 1968. Über die Sprache der Geten nach Ovids Werken "Tristia" und "Epistulae ex Ponto". *Izvestiya na Instituta za bălgarski ezik (Bulletin of the Institute of Bulgarian Language)* 17, 87—95.
- Gandeva, R. 1969. Socia lingua in der Griechischen Polis Tomi zur Zeits Ovids. In *Der Krise in der Griechischen Polis* 1. Berlin, 77—80.
- Geary, P. 2002. *The Myth of Nation: The Medieval Origins of Europe*. Princeton; New York: Princeton University Press.
- Gehman, H. 1915. Ovid's Experiences with Languages at Tomi. *Classical World: A Quarterly Journal on Antiquity* 11 (1), 50—55.
- Hall, E. 1989. *Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy*. Oxford: Clarendon Press.
- Haslam, S.A., Turner, J.C., Oakes, P.J., McGarty, C., Reynolds, K.J. 1998. The group as a basis for emergent stereotype consensus. *European Review of Social Psychology* 8, 203—239.
- Hauben, Fr. 1975. Adnuo and Abnuo in Ovid Tristia 5.10.41—42. *The American Journal of Philology* 96 (1), 61—63.
- Hind, J. 2007. Ovid and the Barbarians beyond the Lower Danube (Tristia 2.191—2; Strabo, Geogr. 7.3.17). *Dacia* 51, 241—245.
- Horncastle, J. 2009. *The Pawn that would be King: Macedonian Slaves in the Greek Civil War, 1946—49*. URL: http://summit.sfu.ca/system/files/iritem1/16972/etd9955_JHorncastle.pdf.
- Jakobson, R. 1972. Motor signs for yes and no. *Language and Society* 1 (1), 91—96.
- Jhutti, S. 2003. *The Getes*. Sino-platonic papers 127. Philadelphia: University of Pennsylvania. URL: http://www.sino-platonic.org/complete/spp-127_getes.pdf.
- Karakasidou, A. 1997. *Fields of wheat, hills of blood: Passages to nationhood in Greek Macedonia, 1870—1990*. Chicago; London: University of Chicago Press.
- Karakasidou, A. 2002. Cultural illegitimacy in Greece: the Slavomacedonian "non-minority". In Clogg, R. (ed.). *Minorities in Greece: aspects of a plural society*. London: Hurst & Company, 122—164.
- Kettner, V., Carpendale, J. 2013. *Developing gestures for no and yes. Head shaking and nodding in infancy*. URL: https://www.researchgate.net/publication/263579350_Developing_gestures_for_no_and_yes_Head_shaking_and_nodding_in_infancy.
- Kita, S. 2009. Cross-cultural variation of speech-accompanying gesture: A review. *Language and Cognitive Processes* 24 (2), 145—167. URL: http://wrap.warwick.ac.uk/66214/2/WRAP_Kita_culture_and_gesture_LCP_v13-dist%20%281%29.pdf.
- Kline, A. 2003. *Ovid: The Poems of Exile (Tristia, Ex Ponto, Ibis)*. Book Five. Translated by A.S. Kline. URL: https://www.poetryintranslation.com/PITBR/Latin/OvidTristiaBkFive.php#anchor_Toc34217368.
- Kraus, Fr. 1903. *Der Völkertod. Eine Theorie der Dekadenz* 1—2. Leipzig; Wien: Deuticke Verlag.
- Kubilius, K. 2018. *Nonverbal Communication: Yes and No in Bulgaria*. URL: <https://www.tripsavvy.com/nodding-yes-and-no-in-bulgaria-1501211>.
- Mantzilas, D. 2014. Le témoignage d'Ovide sur les peuples de la région du Pont-Euxin. In *Pontus Euxinus. Commentarii Pilsenses*. Srni [Rehbergae], 15—36. URL: <http://www.academia.edu/7242991/>.
- McClave, E., Kim, H., Tamer, R., Mileff, M. 2007. Head movements in the context of speech in Arabic, Bulgarian, Korean, and African-American Vernacular English. *Gesture* 3, 343—390.
- McNeill, D. (ed.). 2000. *Language and gesture*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Millar, F. 1993. Ovid and the Domus Augusta: Rome Seen from Tomoi. *Journal of Roman Studies* 83, 1—17.
- Morris, D., Collett, P., Marsh, P., O'Shaughnessy, M. 1997. *Gestures: Their origins and distribution*. London: Jonathan Cape.
- Müller, K. 1972. *Geschichte der antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung*. Wiesbaden: Steiner.
- Müller, R. 1980. Hellenen und "Barbaren" in der griechischen Philosophie. In *Menschenbild und Humanismus der Antike*. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun, 111—134.
- Müller-Lyer, Fr. 1920. *The History of Social Development*. London: Allen & Unwin. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.187283/page/n31>.
- Nagle, B. 1980. *The Poetics of Exile: Program and Polemic in the Tristia and Epistulae ex Ponto of Ovid*. Collection Latomus 170. Bruxelles: Latomus.
- Özyürek, A., Kita, S., Allen, S., Brown, A., Furman, R., Ishizuka, T. 2008. Development of cross-linguistic variation in speech and gesture: Motion events in English and Turkish. *Developmental Psychology* 44 (4), 1040—1054.
- Orachev, At. 2019. The Northern Thracian communities and their names in the Greek and Latin authors from the VI—VIII century AD. In *First International Conference of the Institute of Free Researchers "Historeon"*. Plovdiv, in print.
- Ovid. 1924, repr. 1965. *Tristia. Ex Ponto*. Transl. by A. Wheeler. London; Cambridge: Harvard University Press.
- P. Ovidii Nasonis. 1995. *Tristia*. Ed J. Hall. Lipsiae: Teubner.
- Pârvan, V. 1926. *Getica. O Protoistorie a Daciei*. Bucureşti: Cultura Naţională. URL: <http://www.cimec.ro/biblioteca-digitala/parvan/parvangetica/getica.htm>.
- Pârvan, V. 1928. *Dacia: An Outline of the Early Civilizations of the Carpatho-Danubian Countries*. London; Cambridge: Cambridge University Press.
- Pervo, R. 2009. *Acts (Hermeneia)*. Minneapolis: Fortress Press.
- Podosinov, Al. 1987. *Ovids Dichtung als Quelle für die Geschichte des Schwarzmeergebiets*. XENIA. Konstanzer althistorische Vorträge und Forschungen 19. Konstanz.
- Podosinov, Al. 1986. Hellenen und Barbaren im nördlichen und westlichen Schwarzmeergebiet am Anfang, u.Z. (Einige Betrachtungen zum Problem der "Barbarisierung" der griechischen Städte). In *Die Antike und Europa*. Zentrum und Peripherie in der antiken Welt. Restmes der 17. Berlin, 170—171.
- Scriptores Historiae Augustae*. 1927. Leipzig: Hohl.

- Shchukin, M. 1989. *Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe. 1st century B.C. — 1st century A.D.* 1—2. BAR IS 452. Oxford.
- Stevens, B. 2009. Per gestum res est significanda mihi: Ovid and Language in Exile. *Classical Philology* 104 (2), 162—183.
- Storti, Gr. 2007. *Speaking of India: Bridging the communication gap when working with Indians*. (Electronic book text). URL: <https://books.google.com/books?id=QDqkdaNwGwgC&pg=PA37>.
- Stroh, W. 1981. Tröstende Musen: Zur literarhistorischen Stellung und Bedeutung von Ovids Exilgedichten. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* 2.31.4, 2638—2684.
- Syme, R. 1978. *History in Ovid*. Oxford: University Press.
- Thesaurus linguae Graecae. A Digital Library of Greek Literature*. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu/>.
- Tomaschek, W. 1893. *Die alten Thraker* 1. Vienna: Tempsky.
- Tuplin, C. 1999. Greek racism? Observations on the Character and Limits of Greek Ethnic Prejudice. In Tsetskhladze, G. R. (ed.). *Ancient Greeks West and East*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 4—75.
- Tola, El. 2008. Chronological Segmentation in Ovid's Tristia. The Implicit Narrative of Elegy. In Liveley, G., Salzman-Mitchell, P. (eds.). *Latin Elegy and Narratology*. Columbus: Ohio State University Press, 51—67.
- Verdery, K. 1995. National Ideology and National Character in Interwar Romania. In Banac, I., Verdery, K. (eds.). *National Character and National Ideology in Interwar Eastern Europe*. New Haven; Yale: Yale center for international and area studies, 103—133.
- Williams, G. 1994. *Banished Voices: Readings in Ovid's Exile Poetry*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wolfram, H. 2011. Die Goten und ihre Geschichte. In *Gotite/Goterna/Toθoi. New Studies on Gothic Cultural and Historical Heritage in the Bulgarian Lands (2007—2010)*. Sofia, 169—177.
- Zavatti, Fr. 2014. *Romans, Dacians, Thracians, Slavs, or Pelasgians? A history of the debate on the ethnogenesis of the Romanian people since 17th century until the computer age*. URL: https://www.researchgate.net/publication/303975235_Romans_Dacians_Thracians_Slavs_or_Pelasgians_A_history_of_the_debate_on_the_ethnogenesis_of_the_Romanian_people_since_17th_century_until_the_computer_age.

Статья поступила в номер 3 февраля 2019 г.

Atanas Orachev (Ahtopol, Bulgaria). PhD on History. Black Sea Stranja Association¹.

Орачев Атанас (Ахтопол, България). Кандидат исторических наук. Ассоциация «Черноморская Странджа».

E-mail: aso_1953@abv.bg

Address: ¹ Neptun St., 3, Ahtopol, 8280, Bulgaria

В. Йотов

Античная печь III в. на мысе Св. Атанас, Варненская область, Болгария

Keywords: Bulgaria, Byala, Sveti Atanas cape, Roman Age, centre for ceramic production, pottery kiln, bowls, pots, cones

Ключевые слова: Болгария, Бяла, мыс Св. Атанас, римское время, центр гончарного производства, керамическая печь, миски, горшки, конусы

V. Yotov

Antique Kiln of 3rd Century on Sveti Atanas Cape, Varna Region, Bulgaria

The author examines a kiln for household ceramics, which was discovered on Sveti Atanas cape in Byala, Varna region, Bulgaria. The ceramic kiln was cleared in the horizon under the street (dated to the end of the 6th century), which was also traced in previous archaeological seasons. The kiln relates to a double-chamber structure with a vertical rod.

The upper layer of the lower chamber contained a large number of fragments of tiles and pithoi among the burnt pieces of clay and ash. Many sherds of household ceramics were found under this layer. Inside the kiln chamber, at the bottom, in the layer of ash and coal, there was one whole bowl, fragments of several deformed bowls and a whole pot. To the west of the kiln entrance, a rounded pit was excavated. A large number of fragmented ceramics (with manufacturing defects) was discovered. Three bowls are restored. At the level of the broken grid, a strongly burnt chimney was found, which was probably reused with respect to the grid construction.

A completely preserved and well-burned vessel in the shape of a cone was found in the lower chamber of the kiln. Fragments of a dozen other similar, but coarse and poorly burned conical vessels (restored four), were also found in the pit at the entrance in front of the furnace. There are several hypotheses about the use of such vessels/cones: used in ancient gardening; as polyfunctional funnels; to build a domed construction of kilns or in building construction.

The oven and ceramics date from approximately the second half of the 2nd century — mid 50s of the 3rd century, and are evidence of a new provincial pottery production center of the Roman period in the Western Black Sea region.

В. Йотов

Античная печь III в. на мысе Св. Атанас, Варненская область, Болгария

В статье рассматривается печь для обжига бытовой керамики, которая была обнаружена на мысе Св. Атанас у города Бяла, Варненская область, Болгария. Печь была расчищена в горизонте под улицей, датируемой концом VI в., которая была прослежена и в предыдущие археологические сезоны. Она относится к двухкамерным печам с вертикальной тягой.

В верхнем слое нижней камеры находилось большое количество фрагментов черепицы и пифосов среди кусков обожженной глины и пепла. Многие фрагменты бытовой керамики были найдены под этим слоем. Внутри камеры печи, на дне, в слое пепла и углей были обнаружены одна целая миска, фрагменты нескольких деформированных мисок и целый горшок. К западу от входа печи была раскопана яма округлой формы. В ней было обнаружено большое количество фрагментированной керамики — производственный брак. Реставрированы три миски. На уровне разбитой решетки была обнаружена сильно прогоревшая труба, которая, вероятно, использовалась вторично по отношению к решетчатой конструкции.

В нижней камере печи был обнаружен полностью сохранившийся и хорошо обожженный сосуд в форме конуса. Фрагменты дюжины других подобных, но грубых и плохо обожженных конических сосудов (из них реставрированы четыре), также были обнаружены в яме у входа перед печью. Существует несколько гипотез о назначении подобных сосудов/конусов: они могли использоваться в античном садоводстве; как полифункциональные воронки; для построения купольной конструкции печей или в строительстве.

Представленная печь и керамика датируются примерно второй половиной II в. — серединой 50-х гг. III в. и являются свидетельством нового провинциального центра гончарного производства римского периода на берегах Западного Понта.

В течение шестого археологического сезона (август-сентябрь 2014 г.) на мысе Св. Атанас у города Бяла (Варненская область, Болгария) в юго-восточном секторе памятника (подробнее о нем см.: Йотов, Минчев 2013а; 2013б: 59—77) была обнару-

жена полуразрушенная печь для обжига бытовой керамики (рис. 1; 2). В предыдущие сезоны были также обнаружены похожие керамические печи, датированные VI — началом VII вв. (Йотов, Минчев 2013а: 39—40; обр. 23; 24).

Описание

Печь была двухкамерной, но верхняя камера была разрушена до уровня решетки и чуть выше нее (рис. 1; 2). По горизонтальному сечению конструкции печь имеет неправильную форму, близкую к прямоугольной с закругленными углами. Ее внешние размеры 194×129 см). Сохранившаяся часть решетки показывает, что последняя была построена в основном из предварительно обожженных саманных кирпичей (размерами 33×18×08 см), но использовались и другие материалы, в основном, фрагменты пифосов. Отверстия для горячего воздуха (система продухов — подовых отверстий) хорошо видны. По центру нижней камеры находился глинобитный прямоугольный подпорный столб (так называемый «козел»), имеющий квадратное сечение (40×40 см).

Устье печи/вход (длина 95 см, ширина 90 см; ширина канала около 65 см) в нижнюю топочную камеру был с запада.

В верхнем слое нижней камеры находилось большое количество фрагментов черепицы и пифосов среди кусочков обожженной

глины и пепла. Под этим слоем было найдено много фрагментов бытовой керамики.

Типология

Вышеприведенное описание относит конструкцию к двухкамерным печам с вертикальной тягой. Согласно недавно опубликованной и наиболее полной классификации керамических печей в современных болгарских землях с I по VI вв., ее следует отнести к подтипу типа II-а (рис. 3), который включает конструкции с «четырехугольной» или почти «четырехугольной» в плане нижней камерой и центральным столбом. Предполагается, что этот подтип был распространен на территории Болгарии со времен позднего железного века и является наиболее известной моделью керамических печей в римское и позднеантичное время, особенно между II и V веками (Харизанов 2015: 22, 24).

Хронология

Керамическая печь была расчищена в горизонте под улицей, датируемой концом VI в.,

Рис. 1. Полуразрушенная печь для обжига бытовой керамики во время раскопок.

Fig. 1. Dilapidated kiln for household ceramics during the excavation time.

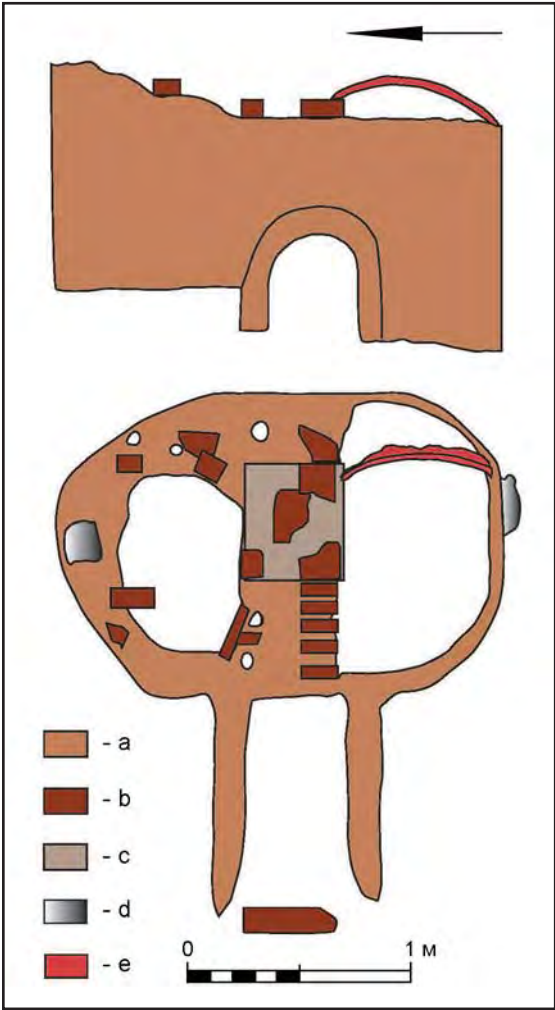

Рис. 2. План печи. Условные обозначения: а — обожженная глина; b — строительная керамика; c — обмазка; d — камни; e — пифос.

Fig. 2. Layout of the kiln. Legend: a — burnt clay; b — building ceramics; c — daub; d — stones; e — pithos.

которая была прослежена и в предыдущие археологические сезоны (рис. 4).

Поскольку керамические печи имеют очень близкие конструктивные особенности в течение

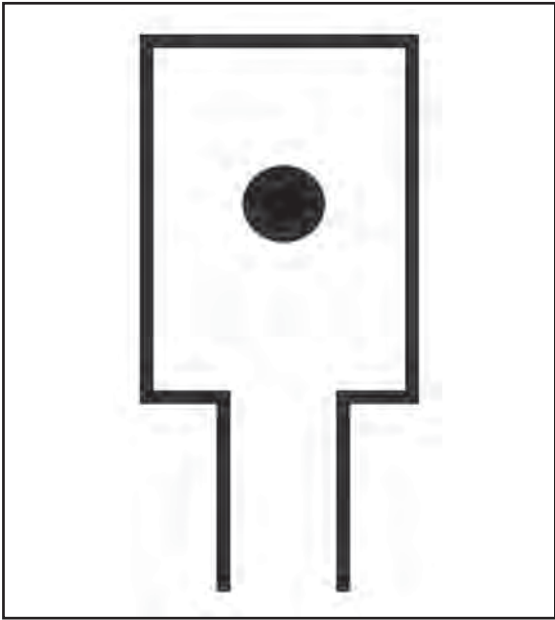

Рис. 3. План печи типа II-a по типологии А. Харизанова.

Fig. 3. Layout of the kiln of II-a type according A. Harizanov typology.

ние длительного периода времени, более точную дату можно установить на основании находок, происходящих как из самой печи, так и вокруг нее.

Находки внутри камеры печи

На дне, возле входа, в слое пепла и углей были обнаружены одна целая миска и фрагменты нескольких деформированных мисок. Найденные обломки сильно обожжены (до черноты) и спеклись между собой. Частично восстановлены три идентичные миски. На дне нижней камеры, к востоку от столба, был обнаружен целый горшок. В том же слое найдены многочисленные фрагменты из других сосудов, которые невозможно восстановить.

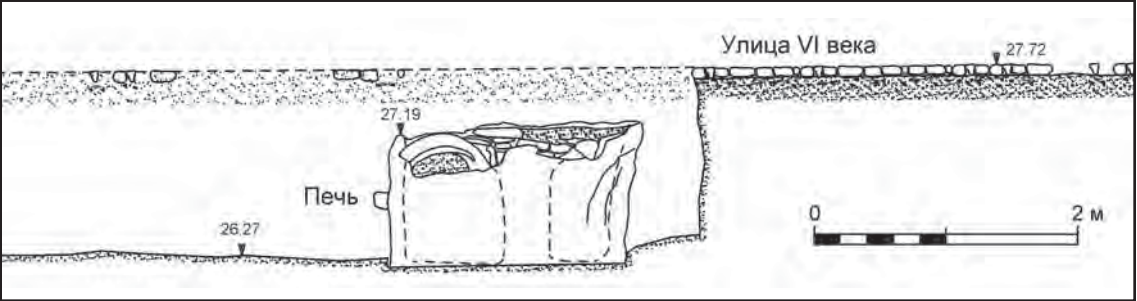

Рис. 4. Стратиграфическая ситуация.

Fig. 4. Stratigraphic situations.

Рис. 5. Находки внутри камеры печи.

Fig. 5. Finds inside the furnace chamber.

Миска (рис. 5: 1). Коническая форма тулова с сильно отогнутым наружу венчиком и плоским дном (D-1: 16,0; Н: 6,0; D-2: 5,0 см). Близкими параллелями являются образцы с западнопонтийского побережья — Истрии (Suceveanu 2000: Plate 35: 1), чаще всего относящиеся к периоду II—III вв.

Миски (рис. 5: 2). В деформированном состоянии рассматриваемые миски (диаметр 28 см) могут характеризоваться полусферическим телом, загнутым внутрь и утолщенным краем устья. Сосуды имеют кольцевой под-

дон. Миски такой формы происходят из Истрии (Западный Понт) и датируются, как правило, второй половиной II — первой половиной III в. (Suceveanu 2000: Plate 5).

Горшок (рис. 5: 3) изготовлен из светлорусой глины с примесью мелких частиц песка. Его тулово, шаровидное в верхней части, переходит в придонную часть конической формы. Ручка прикрепляется прямо под горловиной к верхней части тулова.

Размеры: D-1: 16,0; Н: 20,5; D-2: 7,0.

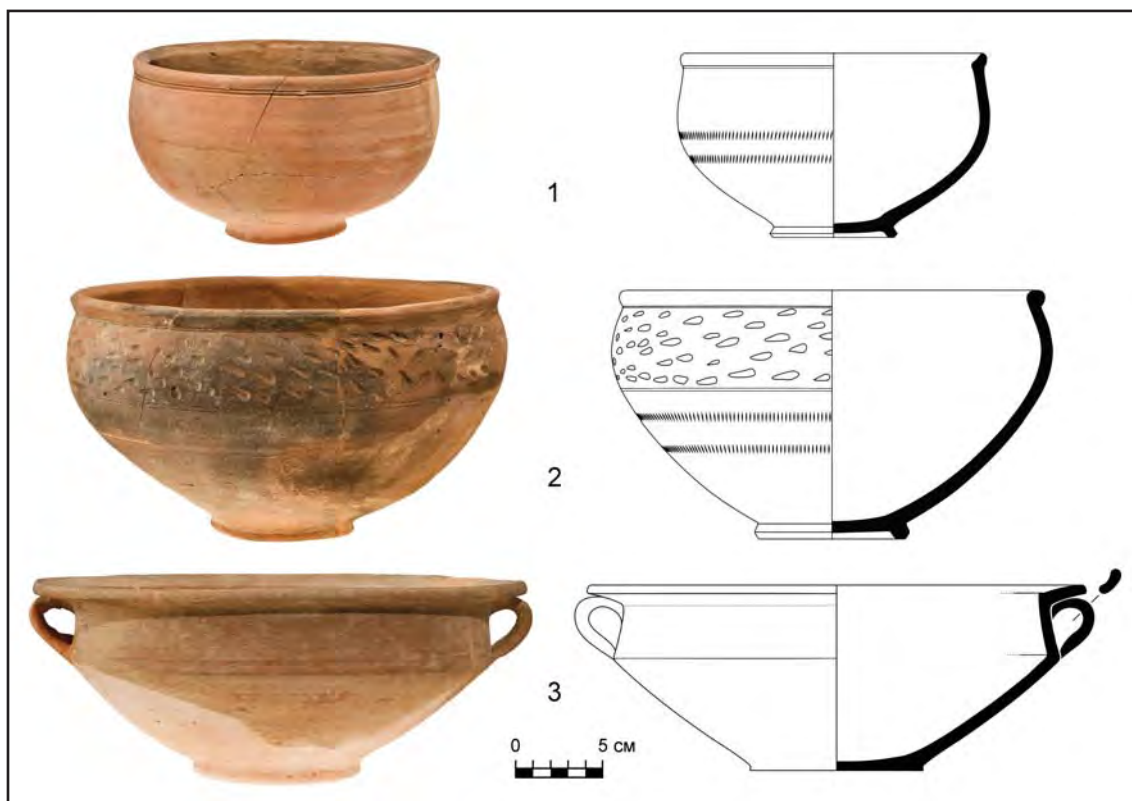

Рис. 6. Находки в яме у входа перед печью (яма с бракованной керамикой).

Fig. 6. Finds in the pit at the front in the entrance of the kiln (pit with defective ceramics).

Рис. 7. Керамическая труба, найденная на уровне разбитой решетки.

Fig. 7. Ceramic trumpet, discovered in the perforated floor of the kiln.

Горшки этой формы были распространены в II—III вв. в западнотонтийских центрах, таких как Истрия (Suceveanu 2000: 48—50), но, по мнению некоторых исследователей и в более позднее время (Hayes 1983: fig. 6: 67—68).

Находки в яме у входа перед печью (яма с бракованной керамикой)

Сразу к западу от входа печи была раскопана яма округлой формы. В ней было обнаружено большое количество фрагментиро-

Рис. 8. Сосуд в форме конуса.

Fig. 8. Vessel of shape of cone.

Рис. 9. Восстановленные сосуды/конусы.

Fig. 9. Reconstructed vessels/cones.

ванной керамики — производственный брак (рис. 6). Восстановлены три миски.

Миска (рис. 6: 1). Имеет полусферическую форму тулова и слегка скошенный вовнутрь утолщенный венчик. Под венчиком, с наружной стороны, проходят две прочерчено-процарапанные горизонтальные линии. Снаружи тулово украшено слабым рифлением.

Дно имеет кольцевой поддон. В изломе глина оранжевого цвета, без примесей. Поверхность сосуда гладкая, с оранжево-красным лаковым покрытием.

Размеры: D-1: 18,5; H: 11,5; D-2: 7,5 см.

Миска (рис. 6: 2). Тулово полусферической формы, снаружи украшено косыми насечками и двумя горизонтальными врезными ли-

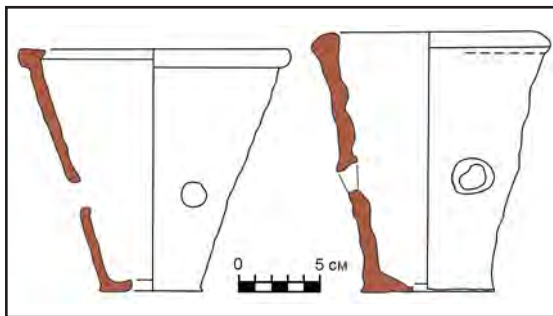

Рис. 10. Сосуды/конусы в древнем садоводстве (по Barat, Morize 1999: Fig. 13: E).

Fig. 10. Vessels/cones in antique agriculture (after Barat, Morize 1999: Fig. 13: E).

Рис. 12. Реконструкция купола печи (по Tezgör 2009: Fig. 10).

Fig. 12. Reconstructed vault of kiln (after Tezgör 2009: Fig. 10).

Рис. 11. Сосуды/конусы как полифункциональные воронки (по Casasola, Romero 2006: fig. 2).

Fig. 11. Polyfunctional vessels/cones (after Casasola, Romero 2006: fig. 2).

ниями. Глина чистая, наружная поверхность имеет от оранжево-красного до серо-черного цвета.

Размеры: D-1: 25,5; H: 15,0; D-2: 9,0 см.

Миска (рис. 6: 3). Биконическая форма тулова. Сильно отогнутое наружу устье. Две вертикальные петлевидные уплощенные ручки с одним продольным каналом. Плоское

дно. Светло-коричневая глина с примесями мелких частиц песка.

Размеры: D-1: 29,0; H: 11,5; D-2: 10,0 см.

Подобная миска найдена в керамическом центре в римском городе Никополис ад Иструм и относится ко II веку (Sultov 1985: 80, Table XL: 3).

Другие находки

Труба (рис. 7). На уровне разбитой решетки была обнаружена сильно прогоревшая труба (длина 40 см, внешний диаметр от 9 до 12 см). Наиболее вероятная гипотеза заключается в том, что труба использовалась вторично по отношению к решетчатой конструкции, тем более что кроме саманных кирпичей, использовались другие материалы, в том числе обломки пифосов (?).

Такую конструкции решетки (полностью из трубы) имеет, например, печь №19 в окрестностях Дуросторума, датированная II в. (Mușeteanu 1998—2000: 417, 421, fig. 10) и печь №1 в керамическом центре недалеко от с. Нова Надежда (Хасковская область) в Юго-Восточной Болгарии (Harizanov 2016, 581; fig. 3; 4).

Конусы. В нижней камере печи был обнаружен полностью сохранившийся и хорошо обожженный сосуд (D: 14; H: 17 см) в форме конуса (рис. 8). Фрагменты джоины других подобных, но грубых и плохо обожженных конических сосудов (восстановлены четыре; рис. 9), также были обнаружены в яме у входа перед печью.

Существует несколько гипотез о назначении подобных сосудов/конусов.

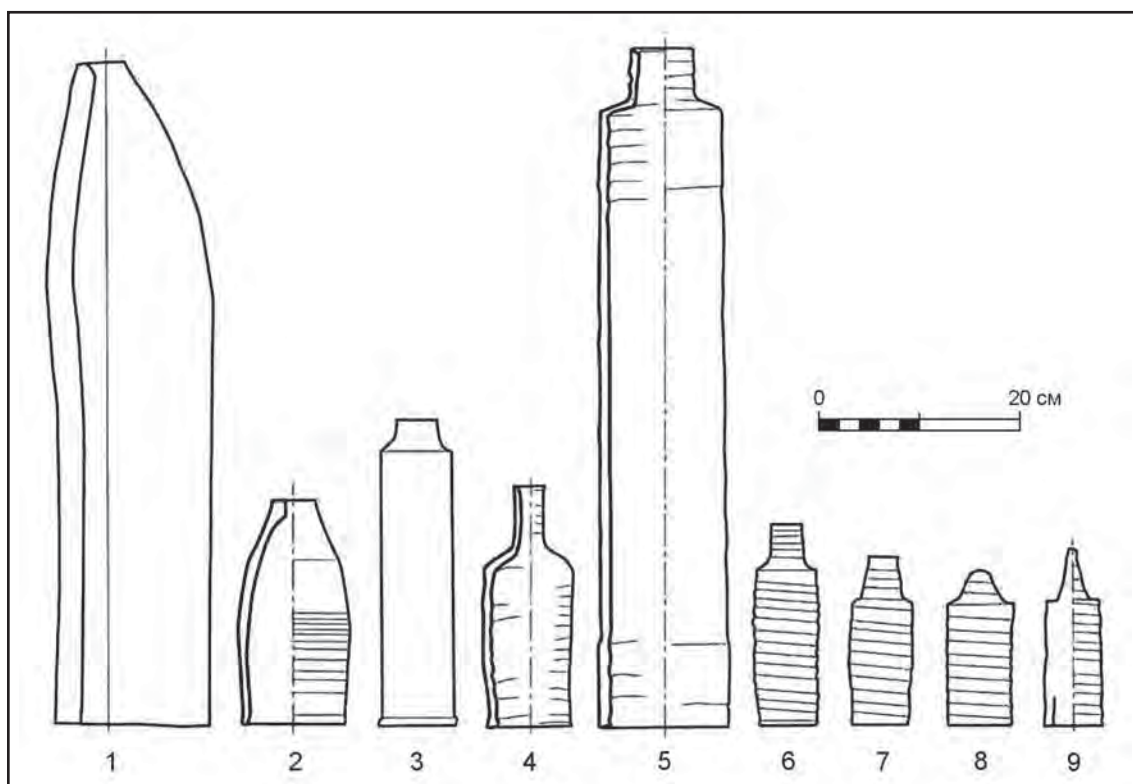

Рис. 13. Схема форм различных труб для конструкции сводов и для купольной конструкции печей (по Lancaster 2012: fig. 9). 1 — Моргантина (Сицилия); 2 — Кабрера-де-Мар (Испания); 3 — Помпеи (Италия); 4 — Утика (Тунис); 5 — Лептис-Магна (Ливия); 6 — Булла-Регия (Тунис); 7 — Карфаген (Тунис); 8 — Фьюмана (Италия); 9 — Римини (Италия).

Fig. 13. Chart of forms of various vaulting tubes and kiln pots (after Lancaster 2012: fig. 9). 1 — Morgantina (Sicily); 2 — Cabrera del Mar (Spain); 3 — Pompeii (Italy); 4 — Utica (Tunisia); 5 — Leptis Magna (Libia); 6 — Bulla Regia (Tunisia); 7 — Carthage (Tunisia); 8 — Fiumana (Italy); 9 — Rimini (Italy).

1. Одна из версий заключается в том, что они использовались в античном садоводстве — на основе многих археологических примеров (рис. 10), а также по письменным источникам (Jashemski 1993: 197—198; Barat, Morize 1999: 213—236).

2. Другие авторы предполагают, что эти конусы имеют совершенно иное назначение (Casasola, Romero 2006). Обычно определяют их как полифункциональные воронки (рис. 11) (Casasola, Romero 2006: 196), которые, возможно, использовались для ловли осьминога (Casasola, Romero 2006: 199); для добычи смолы с целью укрепления дна лодок; как дуршлаг для отделения рыбного соуса — так наз. *garum* (Casasola, Romero 2006: 203).

3. На основании находки *in situ* Д. Кассаб Тезгёр полагает, что такие конусы служили для построения купольной конструкции печей (рис. 12) для обжига бытовой керамики (Kassab Tezgör 2009: 202—204, fig. 5—7, 10). Эта гипотеза была детально разработана Л. Ланкастер, которая перечислила множе-

ство примеров (рис. 13) из археологических памятников и дополнительные аргументы в этом отношении (Lancaster 2012: 151—160, fig. 8—10).

Заключение

В первых сезонах археологических раскопок на мысе Св. Атанас были выявлены два основных археологических горизонта: ранний (VI в. до н.э. — I в. н.э.) и поздний (IV—VII вв.).

Раскопанная в сезоне 2014 г. печь для обжига керамики подтвердила гипотезу о том, что археологический объект имеет, хотя и не так четко прослеживаемый, горизонт римского периода. До обнаружения проанализированной здесь печи и керамики, за этот период были найдены располагавшиеся южнее семь статуеток (не опубликованы; одна представлена в: Йотов, Минчев 2013б: 6, рис. 9), датированных III в. Основные сюжеты представляют подвиги Геракла.

Найденные вблизи печи римские монеты (в основном чеканка 255—256 гг., при императоре Валериане I (253—260)) также подтверждают наличие горизонта римского периода.

Представленная печь и керамика датируются примерно второй половиной II в. — серединой 50-х годов III в. Хотя до сих пор нам

известна только одна печь, в соседнем секторе найдены и другие фрагменты римской керамики, что дает основание полагать, что печей было более чем одна. В таком случае, можно полагать, что археологический объект является примером нового провинциального центра гончарного производства римского периода на берегах Западного Понта.

Литература

- Йотов В., Минчев Ал. 2013а. *Късноантична крепост на нос Св. Атанас*. Варна.
- Йотов В., Минчев Ал. 2013б. Сакральный центр на мысе Св. Атанаса в Западном Причерноморье. *Stratum plus* (6), 59—77.
- Харизанов А. 2015. *Пещи за керамика в днешните български земи през I—VI век*. Автореферат на диссертация за присъждане на образователната и научна степен „доктор“. София.
- Barat Y., Morize D. 1999. Les pots d'horticulture dans le monde antique et les jardins de la villa gallo-romaine de Richebourg (Yvelines). In: Rivet L. (éd.). *Actes du Congrès de Fribourg*. Marseille: SFECAG, 213—236.
- Casasola D.B., Romero A.M. 2006. Infundibula gaditana. Acerca de los vasos troncocónicos perforados para filtrar garum y otros usos industriales en la Bahía de Cádiz. *Romula* 5, 167—218.
- Hayes J.W. 1968. A Seventh Century Pottery Group. In: Harrison R.M., Firatli N. Excavation at Saraçhane in Istanbul: Fifth Preliminary Report). *DOP* 22, 203—216.
- Harizanov A. 2016. A New Pottery Production Centre in

- the Roman Province of Thrace (II—III Century AD). *Rei Cretariae Romanae Favtorvm Acta* 44, 581—594.
- Jashemski W.F. 1993. The Gardens of Pompeii, Herculaneum and the Villas Destroyed by Vesuvius. New York: Caratzas Bros.
- Kassab Tezgör D., Özsalat A. 2010. The Reconstruction of a Roman Kiln in the Archaeological Museum of Sinop. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 16, 199—216, 543—546.
- Lancaster L.C. 2012. Ash Mortar and Vaulting Tubes: Agricultural Production and the Building Industry in North Africa. *Arqueología de la construcción* III. Madrid: Mérida, 145—290.
- Muşeteanu C., Elefterescu D., Băltăc A. 1998—2000. La typologie des fours céramiques de Durostorum. *Cercetări arheologice* XI (2), 411—423.
- Suceveanu Al. 2000. *La céramique romaine des Ier—IIIe siècles ap. J.-C.* Histria X. Bucarest: CIMec — Institut de Mémoire Culturelle.
- Sultov B. 1985. *Ceramic Production on the Territory of Nicopolis ad Istrum (IInd — IVth Century)*. Terra Antiqua Balcanica 1. Sofia: Universitetska pečatnica.

References

- Jotov, V., Minchev, Al. 2013. *Käsnoantichna krepost na nos Sv. Atanas (Late Antique Fortress on the Cape of Saint Atanas)*. Varna (in Bulgarian).
- Jotov, V., Minchev, Al. 2013. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 59—77 (in Russian).
- Kharizanov, A. 2015. *Pesthi za keramika v dнешnite bălgarski zemi prez I—VI vek (Pottery Kilns in Present Bulgarian Lands, 1st—6th Centuries)*. Doct. Diss. Thesis. Sofia (in Bulgarian).
- Barat, Y., Morize, D. 1999. Les pots d'horticulture dans le monde antique et les jardins de la villa gallo-romaine de Richebourg (Yvelines). In Rivet, L. (éd.). *Actes du Congrès de Fribourg*. Marseille: SFECAG, 213—236.
- Casasola, D.B., Romero, A.M. 2006. Infundibula gaditana. Acerca de los vasos troncocónicos perforados para filtrar garum y otros usos industriales en la Bahía de Cádiz. *Romula* 5, 167—218.
- Hayes, J.W. 1968. A Seventh Century Pottery Group. In Harrison, R.M., Firatli, N. Excavation at Saraçhane in Istanbul: Fifth Preliminary Report. *DOP* 22, 203—216.
- Harizanov, A. 2016. A New Pottery Production Centre in the Roman Province of Thrace (II—III Century AD). *Rei Cretariae*

- Romanae Favtorvm Acta* 44, 581—594.
- Jashemski, W.F. 1993. The Gardens of Pompeii, Herculaneum and the Villas Destroyed by Vesuvius. New York: Caratzas Bros.
- Kassab Tezgör, D., Özsalat, A. 2010. The Reconstruction of a Roman Kiln in the Archaeological Museum of Sinop. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 16, 199—216, 543—546.
- Lancaster, L.C. 2012. Ash Mortar and Vaulting Tubes: Agricultural Production and the Building Industry in North Africa. *Arqueología de la construcción* III. Madrid: Mérida, 145—290.
- Muşeteanu, C., Elefterescu, D., Băltăc, A. 1998—2000. La typologie des fours céramiques de Durostorum. *Cercetări arheologice* XI (2), 411—423.
- Suceveanu, Al. 2000. *La céramique romaine des Ier — IIIe siècles ap. J.-C.* Histria X. Bucarest: CIMec — Institut de Mémoire Culturelle.
- Sultov, B. 1985. *Ceramic Production on the Territory of Nicopolis ad Istrum (IInd — IVth Century)*. Terra Antiqua Balcanica 1. Sofia: Universitetska pečatnica.

Статья поступила в сборник 2 февраля 2019 г.

Valeri Yotov (Varna, Bulgaria). Doctor of Archaeology. Varna Museum of Archaeology¹.

Йотов Валери (Варна, Болгария). Доктор археологии. Археологический музей г. Варны.

E-mail: valeri.yotov@gmail.com

Address: ¹ Maria Louisa Blvd., 41, Varna, 9000, Bulgaria

Раннее средневековье у горожан и номадов

Early Middle Ages at Burghers and Nomads

С. Б. Сорочан

Баптистерии раннесредневекового византийского Херсона: некоторые итоги изучения

Keywords: Byzantium, Cherson, Crimea, baptistery, baptismal font, sacrament of baptism

Ключевые слова: Византия, Херсон, Крым, баптистерий, купель, Таинство крещения

S. B. Sorochan

Baptisteries of the Early Medieval Byzantine Cherson: some results of study

The typology of baptisteries of Byzantine Cherson of 6th—9th centuries is studied in the article. By the middle of the 7th century, each region of the city had its own temple with a baptistery, and their total number could reach nine. The overwhelming number of baptismal fonts were of small size and depth, and were intended for the baptismal rite, mainly over small children. Such baptisteries did not need any catechumens or hrismarions. In four cases the ponds of small fonts were raised above the floor and attached to the wall, but there were also fonts built in level with the floor, for the baptism of adults. The ponds were cut down in the rock, wrought from solid stone or built from plinth with the cement. They were shaped as a circle, polyhedron, semicircle, rectangle, or a three-conchal cross. There are finds of portable, mobile marble fonts. Baptisteries of Cherson can be divided into two groups: built as a detached building or as a part of a temple (the latter are most numerous). Among them, there are a few processional, “enfilade” baptisteries and more numerous single-chamber baptisteries. Arranged most often in the southern part of the temple, they had access to the altar. In addition, among them there were baptisteries of pure type and baptistery-martyria (at the Western basilica, “temple with the ark” no. 19 and in baptistery no. 24 at the Great Basilica). They reveal a noticeable influence of the Christian East.

С. Б. Сорочан

Баптистерии раннесредневекового византийского Херсона: некоторые итоги изучения

В статье делается попытка установить типологию баптистериев византийского Херсона VI—X вв. К середине VII в. каждый регион города имел свой храм с баптистерием, а их общее количество могло достигать девяти. Подавляющее число купелей имело небольшие размеры и глубину и предназначалось для проведения обряда крещения преимущественно над маленькими детьми. Такие крещальни не нуждались в катехумении и хрисмарионе. В четырех случаях водоемы небольших купелей были подняты над полом и пристроены к стене, но не меньше было купелей, устроенных вровень с полом, для крещения взрослых. Водоемы вырубали в скале, вытесывали из цельного камня или сооружали из плинфы на цемянке. Они имели форму круга, многогранника, полукруга, прямоугольника и триконхального креста. Встречаются находки портативных, переносных мраморных купелей. Крещальни Херсона можно разделить на две группы: в виде обособленного здания или входившие в состав храмов (последние наиболее многочисленные). Среди них выделяются немногочисленные процессионные, «анфиладные» крещальни и более многочисленные однокамерные баптистерии. Устроенные чаще всего с юга храма, они имели выход к алтарю. Кроме того, среди крещален присутствовали баптистерии чистого типа и крещальни-мртирии (при Западной базилике, «храме с ковчегом» №19 и в баптистерии №24 при Большой базилике). Они обнаруживают заметное влияние христианского Востока.

Зная разносторонность интересов и глубину эрудиции Николая Дмитриевича Руссева, тщуясь надеждой, что некоторые итоги моих многолетних исследований церковных древностей Херсонеса Таврического привлекут внимание юбиляра и, возможно, станут нужны и для других медиевистов, круг которых, увы, не так широк, как хотелось бы.

Процесс христианизации социума херсонитов сопровождался строительством особых сакральных сооружений для осуществления важнейшего для инициации Таинства (мисте-

рии, мистагии) крещения, которое включало предварительное воцерковление, проведение обряда отречения от сатаны, далее — первое оглашение, а затем, после второго оглашения, собственно крещение и миропомазание (хрисмарион, конфирмацию) (подр. см.: Сорочан 2011. 116, 122—123, 548—549; Арранц 1988: 69—101). Лишь две из таких построек в византийском Херсонесе/Херсоне стали предметом специального, комплексного, исторического и археологического изучения (кафедраальный баптистерий на северо-восточном

берегу в комплексе с Большой базиликой свв. апостолов Петра и Павла и баптистерий «базилики в базилике»), а обобщающее исследование свелось преимущественно к их перечню, причем, как выясняется, неполному (Завадская 2002: 251—269, там же специальная литература вопроса). Типология соответствующих культовых зданий и реконструкция применительно к ним обряда крещения, определение их места в литургической жизни города еще ждут своего исследователя. Представляемый ниже краткий очерк может оказаться полезным для этого, ибо содержит некоторые предварительные итоги и синтезирует накопленное в ходе изучения отдельных памятников.

В нарративных источниках, оставленных херсонитами, практика интересующего нас Таинства оказалась отражена лишь единожды, в Житиях епископов Херсонских, сохранившихся в разных редакциях, на разных языках, — в рассказе о чудесах и подвижничестве св. муч. епископа Василия. Проведение обряда в нем связано с умершим ребенком, сыном херсонского протополита, и приурочено к событиям IV в. Составитель Жития отметил, что обряд начался с возложения руки епископа на голову юноши, после чего были произнесены все слова Таинства, «молебен крещения», освящена вода и вылита на умершего с призыванием св. Троицы (Латышев 1906: 44—45; Страдание... 1907: 110, гл. 7; Могаричев и др. 2012: 23, 26, 29, 34, 45, 46, 49, 50, 56, 61, 65, 84, 88, 89, 99, 118). В церковнославянской редакции добавлено, что перед возложением руки св. Василий перекрестил мертвеца (Латышев 1906: 45). Внимательное изучение текста источника свидетельствует о том, что безвестный агиограф отклонился от подлинных реалий проведения обряда крещения, какими они были в эпоху раннего христианства, и, следовательно, жил гораздо позже. Это следует из того, что в житийном рассказе обряд крещения был совершен над покойником «как бы над живым» (*os ep̃i zont̃i*), тогда как по церковным соборным канонам IV в. проведение такого обряда над умершим, равно как и причащение мертвых, было совершенно недопустимо (см.: Федосик 1979: 132). К тому же само крещение предусматривало не трехкратное погружение крещаемого в текущую воду, что было характерно для «апостольского века», а лишь омовение или окропление святой водой, как стало широко принято к VI в., что указывает на сравнительно позднее появление этого памятника, скорее всего, появившегося

уже после массового строительства в городе стационарных баптистериев и храмов — кафоликонов (Могаричев и др. 2012: 344—370).

Пример византийского Херсона еще раз убедительно подтверждает, что в одном христианском городе, церковном центре и центре малого паломничества, могло быть несколько церквей с баптистериями. Большинство херсонских крещален входило в комплексы крупнейших, важнейших храмов города (у базилик №13, №15, №28, №36, 1935 г., вероятно, пригородного крестовидного храма Богородицы Влахернской, крестовидных храма №27 на агоре, «храма с ковчегом», базилики фемного претория в «цитадели»). Поскольку рождение и смерть считались нечистыми, связанные с ними службы частного характера, такие как крещение, отпевание, поминание, относили подальше от алтаря, изолировали или выделяли в отдельные помещения. Все местные баптистерии (за исключением одного — при базилике фемного претория X в.) были очень близки ко времени строительства самой пышной крещальни центрического типа около Уваровской базилики, хотя имели иную планировку и конструктивное решение, далекое от обособленного купольного октогона. Причем самой поздней, выходящей за пределы раннего средневековья, является стационарная крещальня у пятиапсидного монастырского храма XI—XIII вв. с крупной известняковой крестообразной купелью, что заставляет внести коррективы в представление об исчезновении надобности в таких постройках в это время (Сорочан 2004: 210—222; Ousterhout 1999: 28—29; ср.: Завадская 2002: 268). Общее же число баптистериев в Херсоне второй половины VI — первой половины X вв. могло достигать девяти, хотя бесспорными из них считаются три-четыре (обособленный октогон в составе большого кафедрального комплекса на северо-восточном берегу, одноапсидный баптистерий при Западной базилике и крещальни, видимо, процессионного типа из ряда помещений у базилики 1935 г. и «базилики в базилике» (подр. см.: Сорочан 2013: 20—409; Сорочан, Крупа 2009: 419—422; ср.: Завадская 2002: 251—269). Чаще всего это были сравнительно небольшие по площади пристройки либо галерееобразные помещения с северной или, реже, южной стороны храма (два случая против семи), где епископ и прочие священники проводили ежегодно массовые крещения, обычно зимой, в январе (по византийскому календарю), в навечерие

(αποδείπνον) Богоявления (Крещение Господне), или после весеннего равноденствия, в один из дней апреля — начала мая, в Великую Субботу перед Пасхой.

Постепенно функции крещения переходили от епископов к духовенству более низкого ранга. К VI в. церемония посвящения проводилась всюду, а с крещением детей (видимо, с VI или VII вв.) обряд стал более кратким и простым, менее торжественным и пышным (Хрушкова 2002: 313, 415—416; 2002а: 456—458). В связи с этим необходимо заметить, что подавляющее большинство херсонских купелей имело сравнительно небольшие размеры и глубину (от 0,6 до 0,9 м), а если ступень для спуска в купель, — с восточной стороны, то есть только для священника, осуществлявшего Таинство. Уже одно это обстоятельство указывает на проведение обряда преимущественно над маленькими детьми, младенцами, путем их троекратного омовения или окропления святой купельной водой. Примечательно также, что даже в большую купель крещальни кафедрального епископального комплекса, которая вполне подходила по своим размерам для крещения взрослых неофитов (диаметр — 2,4 м, глубина — 0,74 м), три ступени вели с восточной стороны, где имел право находиться лишь иерей. С той же стороны ступень находилась в многограннике купели при Западной базилике. Тем более только младенцев можно было крестить над поднятыми над полом небольшими купелями, какие были устроены при крестовидном храме №19 («храме с ковчегом») на месте античного театра, при южном загородном крестовидном храме Богоматери Влахернской и при трехапсидном базиликальном храме фемного претория в «цитадели». По этой же причине раннесредневековые херсонские баптистерии, как правило, не нуждались в отдельных помещениях — катехумении и хрисмарионе (консигнаториуме), соответственно для первой части крещального Таинства — процедуры экзорцизма («отречения от сатаны и сочетания ко Христу») и для завершения обряда миропомазанием. Только постройки у базилики 1935 г., «базилики в базилике» (№15) и базилики №28 на агоре, а также кафедральный баптистерий — октогон (№24) рядом с Уваровской базиликой несут следы возможного наличия таких помещений или хотя бы одного из них, а в остальных случаях миропомазание, скорее всего, осуществлялось тут же в крещальной комнате, откуда не обязательно вел выход сразу в главный зал храма, к алтарю.

В четырех случаях водоемы небольших купелей были подняты над полом и пристроены к стене (базилика 1935 г., «храм с ковчегом» №19, загородный храм Богоматери Влахернской и базиликальный храм фемного претория в «цитадели»), но не меньше было купелей, устроенных почти вровень с полом крещальной комнаты и, следовательно, годившихся и для крещения взрослых неофитов, которых со временем, век от века, становилось все меньше и меньше по мере того, как в обычай все прочнее входила практика крещения детей. Водоемы были вырублены в скале, вытесаны из цельного блока камня или сложены из плинфы на цемянке и имели форму круга, многогранника, полукруга, прямоугольника, даже триконхального креста. Редкие находки вытесанных из мрамора сравнительно небольших купелей кубовидной формы или их обломков указывают на то, что, наряду со стационарными, херсониты стали со временем прибегать к использованию переносных, портативных купелей, которые можно было устанавливать внутри любого храма, обычно в нартексе или в западной части нефа, в его углу. При таком размещении купели Таинство крещения уже потеряло прежнюю обязательную связь с Божественной литургией и Евхаристией.

По своему устройству городские крещальни византийского Херсона подразделялись на две группы: в виде обособленного, совершенно самостоятельного здания, единственный пример чему являет сооружение центрического типа — кафедральный баптистерий-октогон (№24), скорее всего, по причине его вхождения в комплекс главного, самого большого кафолика города (№23), и обычные, наиболее многочисленные баптистерии, входившие в состав храмов, являвшиеся частью общего храмового архитектурного комплекса. В свою очередь последние могут быть разделены на два варианта: так называемые процессионные, «анфиладные» крещальни из двух-трех-четырех помещений (при ранней базилике №15, большой базилике 1935 г. и, возможно, базилике №28 на агоре) и крещальни в виде одного помещения — пристройки (при базиликах №13, 36, базиликальной церкви фемного претория в «цитадели» и при крестовидных храмах Богоматери Влахернской №19, 27). В последнем случае небольшие однокамерные крещальни, пристроенные с севера или, чаще, с юга к восточной ветви креста, не могли не иметь выхода к алтарю. Это объясняется самой кон-

струкцией храма, а не «служебным характером этих пристроек, доступ в которые имели только служители церкви» (ср.: Завадская 2002: 265).

Едва ли эту архитектурную типологию признавали современники, но, исходя из функционального характера, среди обеих групп следует также выделить крещальни чистого типа и крещальни-мартирии, внутри которых были устроены могилы. Последние — в баптистериях при Западной базилике (четыре гробницы под полом), «храме с ковчегом» (одна гробница под полом) и в обособленном баптистерии №24 (две поздние гробницы, — наземная, пристенная, и на месте купели). В большинстве случаев видно стремление сблизить место крещения и алтарь, а также крещальню и место отправления мемориального культа, мартирий, поминальную часовню, что было общей практикой (Grabar 1946: 445; Хрушкова 2002: 415; 2002а: 456—458). Вместе с тем наличие особой, Т-образной или многогранной формы купели, иногда вынесенной в апсиду, нишу в стене, а также процессионный тип баптистерия указывают на заметное влияние христианского Востока, Сирии, Палестины.

Можно думать, что к середине VII в. если не каждый крупный амфод Херсона, то уж во всяком случае каждый регион города получил свою базилику с баптистерием, а там, где их не было, например, на юге, в «регионе так называемой малой агоры», известной из Жи-

тий епископов Херсонских, роль кафоликона с крещальней выполнял храм иного конструктивного решения. Они сравнительно равномерно распределялись по карте города, будучи разделены границами перекрестья главных продольной и поперечной улиц. Так, восточный регион обслуживали крещальни большой агоры (при базилике №28 и крестовидном храме №27) и Восточной площади (при базилике №36). Северный регион — баптистерии около большой кафедральной базилики №23 на месте кварталов IV—V и при базилике 1935 г. в квартале XIX. Западный регион — «анфиладная» крещальня базилики №15 в квартале XLIII и однокамерная крещальня при Западной базилике №13. Южный регион — крещальня при крестовидном храме №19 в квартале LXXII, «цитадель» — трехапсидная церковь при фемном претории конца IX — X вв. Наконец, еще одна крещальня находилась за пределами оборонительных стен города, на кладбище, судя по данным агнографии, среди «святых могил» (in tumulos sanctorum), при крестовидном храме монастыря Богородицы Влахернской с ее целительной агиасмой. Подавляющее большинство их пережили эпоху раннего средневековья, пропустив через свои купели десятки поколений херсонитов, а отчасти и окрестных жителей, федератов-энспондов, социев, и тем самым внесли существенную лепту в особенности здешной устойчивой городской социальности и церковной культуры.

Литература

- Арранц М. 1988. Чин оглашения и крещения в Древней Руси. *Символ* 19, 69—101.
- Завадская И. А. 2002. Баптистерии Херсонеса (к истории крещального обряда в ранневизантийский период). *МАИЭТ IX*, 251—269.
- Латышев В. В. 1906. Жития святых епископов Херсонских. Исследование и тексты. *Записки Императорской Академии наук. Серия VIII по историко-филологическому отделению* 8 (3), 1—81.
- Могаричев и др. 2012: Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников. 2012. *Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического*. Нартекс. Byzantina Ucrainensia 1. Харьков: Майдан.
- Сорочан С. Б. 2004. Последний монастырский храм с баптистерием в поздневизантийском Херсоне. *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна* 633: *Історія* 36, 210—222.
- Сорочан С. Б. 2011. *Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры*. Харьков: Майдан.
- Сорочан С. Б. 2013. *Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.)*. *Очерки исто-*
- рии и культуры*. Ч. 2. Москва: РФСОН.
- Сорочан С. Б., Крупа Т. Н. 2009. О баптистерии при трехапсидной церкви в цитадели: открытие, исследование, сохранение. *Дриновський збірник = Дриновский сборник* (3). Харків; Софія: М. Дринов, 419—422.
- Страдание... 1907: Страдание святых священномучеников и епископов Херсонских Василея, Капитона и иных с ними. 1907. Пер. с греч. В. Латышева. *ИАК* 23, 108—112.
- Федосик В. А. 1979. *Таинства без тайн. Возникновение и социальная сущность первых христианских таинств*. Минск: Харвест.
- Хрушкова Л. Г. 2002. *Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV—VII века)*. Москва: Наука.
- Хрушкова Л. Г. 2002а. Баптистерий. *Католическая энциклопедия* 1. Москва: Издательство Францисканцев, 456—458.
- Grabar A. 1946. *Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique*. Vol. 1. Paris.
- Ousterhout R. 1999. *Master Builders of Byzantium*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

References

- Arrants, M. 1988. In *Simvol (Symbol)* 19, 69—101 (in Russian).
- Zavadskaia, I.A. 2002. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* IX, 251—269 (in Russian).
- Latyshev, V.V. 1906. In *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk. Serii VIII po istoriko-filologicheskomu otdeleniiu (Transactions of the Imperial Academy of Sciences. Series VIII, Department of History and Philology)* 8 (3), 1—81 (in Russian).
- Mogarichev, Yu.M., Sazanov, A.V., Sargsian, T.E., Sorochan, S.B., Shaposhnikov. 2012. *Zhitiia episkopov Khersonskikh v kontekste istorii Khersonesa Tavricheskogo (Lives of the Bishops of Cherson in the Context of the History of Tauric Chersonese)*. Series: Nartex. Byzantina Ucrainensis 1. Kharkov: "Maidan" Publ. (in Russian).
- Sorochan, S.B. 2004. In *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina (Bulletin of V.N. Karazin Kharkiv National University)* 633: *Istoriia (History)* 36, 210—222 (in Russian).
- Sorochan, S.B. 2011. *Vizantiia. Paradigmy byta, soznaniia i kul'tury (Byzantium. Paradigms of Everyday Life, Consciousness and Culture)*. Kharkov: "Maidan" Publ. (in Russian).
- Sorochan, S.B. 2013. *Vizantiiskii Kherson (vtoraia polovina VI — pervaiia polovina X vv.). Ocherki istorii i kul'tury (Byzantine Chersonesos (Second Half of 6th — First Half of 10th Centuries). Essays on History and Culture)* 2. Kharkov; Moscow: The Russian Foundation for Support to Education and Science (in Russian).
- Sorochan, S.B., Krupa, T.N. 2009. In *Drynovs'kyi zbirnyk = Drinovskii sbornik (Drinov Collected Papers)* (3). Kharkiv; Sofia: "Professor Marin Drinov" Publ., 419—422 (in Russian).
- Stradanie sviatykh sviashchennomuchenikov i episkopov Khersonskikh Vasileia, Kapitona i inykh s nimi (Martyrdom of the Holy Martyrs and Bishops from Cherson: Basil, Capiton and others). 1907. Transl. by B. Latyshev. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 23, 108—112 (in Russian).
- Fedosik, V.A. 1979. *Tainstva bez tain. Vozniknovenie i sotsial'naia sushchnost' pervykh khristianskikh tainstv (Sacraments without Secrets: Origin and Social Essence of the First Christian Sacraments)*. Minsk: "Kharvest" Publ. (in Russian).
- Khrushkova, L.G. 2002. *Rannekhristianskie pamiatniki Vostochnogo Prichernomor'ia (IV—VII veka) (Early Christian Sites of Eastern Black Sea Region: 4th—7th Centuries AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khrushkova, L. G. 2002. In *Katolicheskaia entsiklopediia (Catholic Encyclopaedia)* 1. Moscow: "Izdatel'stvo Frantsiskantsev" Publ., 456—458 (in Russian).
- Grabar, A. 1946. *Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique*. Vol. 1. Paris.
- Ousterhout, R. 1999. *Master Builders of Byzantium*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Статья поступила в сборник 18 сентября 2018 г.

Sergei Sorochan (Kharkiv, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. V. N. Karazin Kharkiv National University¹.

Сорочан Сергей Борисович (Харьков, Украина). Доктор исторических наук. Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина.

E-mail: ssoro4an@gmail.com

Address: ¹ Svobody Sq., 6, Kharkiv, 61022, Ukraine

М. М. Казанский

О «кочевнических юртах» на памятниках оседлого населения лесостепи (V—VIII вв.)

Keywords: Eastern Europe, Early Medieval Period, forest-steppe, nomads, Slavs, yurts

Ключевые слова: Восточная Европа, раннее средневековье, лесостепь, кочевники, славяне, юрты

M. M. Kazanski

On the “Nomadic Yurts” on the Sites of the Settled Population of the Forest-steppe (5th—8th Centuries)

The finds of the so-called yurt-like structures on the sites of the forest-steppe settled population of the 5th—8th centuries are considered in this article. It is believed that these buildings reflect the contacts of steppe nomads with settled barbarians, primarily with the Slavs. Most of the structures considered — Ksizovo 19, Bogatoe, Osipovka, Dereyvka, Budishchi, Lug-I — are stationary semi-dugouts, most often of a pole-like frame structure, with or without a hearth. Such buildings may belong to the nomadic population who mastered the principles of construction of permanent housing. With the yurts, they are approximated by a rounded shape and a hearth in the center. But the Slavs throughout their history were settled people. Such structures are well known for the cultures of the Roman period, in particular for Kiev culture, which is related to the ancestors of the Slavs. It can be assumed that the rounded frame-adobe buildings with a deep foundation, known on the Slavic sites of the early Middle Ages, go back to the traditions of Kiev culture. Only one structure from the settlement of Chernetchina can be attributed to the yurt-like structures from the Penkovka settlements. Perhaps it testifies to the incorporation into the Slavic environment of certain groups of nomads, passing on to settled life. Also, a structure from the settlement Stetsovka is comparable with the yurt-shaped buildings. Most likely, this settlement was populated by a mixed group — Slavic and foreigners from the south. This composition reflects a complex ethno-cultural situation that emerged in the Middle Dnieper region after disappearance of the Penkovka culture in the 630s — 660s.

M. M. Казанский

О «кочевнических юртах» на памятниках оседлого населения лесостепи (V—VIII вв.)

Рассмотрены находки так называемых юртообразных построек на памятниках лесостепного оседлого населения V—VIII вв. Считается, что эти постройки отражают контакты степных кочевников с оседлыми варварами, в первую очередь со славянами. Большая часть рассмотренных сооружений — Ксизово 19, Богатое, Осиповка, Деревинка, Будищи, Луг I — это стационарные полуземлянки, чаще всего столбовой каркасной конструкции, с очагом или без очага. Такие постройки могут принадлежать кочевому населению, усвоившему принципы строительства постоянных жилищ. С юртами их сближает округлая форма и очаг в центре. Но славяне на протяжении всей их истории были оседлым народом. Такие сооружения хорошо известны для культур римского времени, в частности, для киевской, соотносимой с предками славян. Можно предположить, что округлые каркасно-глинобитные постройки с углубленным основанием, известные на славянских памятниках начала средневековья, восходят к традициям киевской культуры. К числу юртообразных сооружений на памятниках пенковской культуры может быть отнесена только постройка с поселения Чернещина. Возможно, она свидетельствует об инкорпорации в славянскую среду отдельных групп кочевников, переходящих к оседлости. С юртообразными постройками сопоставимо также сооружение с поселения Стецовка. Скорее всего, на этом поселении проживало смешанное население, как славянское, так и пришедшее откуда-то с юга. Такой состав отражает сложную этнокультурную ситуацию, сложившуюся в Среднем Поднепровье после исчезновения пенковской культуры в 630—660-е годы.

В данной работе будут рассмотрены сооружения, открытые на памятниках лесостепного населения Верхнего Дона и Среднего Днепра V—VIII вв., идентифицируемые как юрты или, более осторожно, «юртообразные сооружения» (рис. 1). Последнее определение, кстати, настолько расплывчатое, что оно теряет смысл, поскольку в таком случае к числу «юртообразных» можно смело отнести любое строение округлой в плане формы. Почему у коллег возникает ассоциация именно с юр-

тами — Бог весть. Ведь с таким же успехом и при наличии некоторого воображения эти постройки можно назвать «ротондообразными», «мавзолееобразными» (в римском понимании этого термина), «донжанообразными» (для любителей рыцарских романов) и пр.

Обычно на практике имеются в виду глинобитные на деревянном каркасе или деревянные сооружения округлой или овальной формы с углубленным полом, которые чаще всего интерпретируются как археологическое сви-

Рис. 1. Памятники лесостепного оседлого населения с «юртообразными» постройками и погребения степных кочевников. Условные обозначения. а — памятники типа Чертовикское-Замятино; b — памятники пенковской культуры; с — памятники культуры Лука-Райковецкая (вт.ч. фазы Сахновка); d — погребения степных кочевников VI — первой половины VII вв. (по Комар 2008; Казанский 2014, с дополнениями и уточнениями). 1 — Ксизово-19; 2 — Богатое; 3 — Чернечина; 4 — Осиповка; 5 — Завадовка; 6 — Деревинка; 7 — Будищи; 8 — Стецовка; 9 — Луг-1.

Fig. 1. Sites of a forest-steppe sedentary population with “yurt-like” buildings and burials of steppe nomads. Legend: 1 — sites of the Chertovitskoe-Zamyatino type; 2 — sites of Penkovka culture; 3 — cultural sites of Luka-Raykovetskaia (including sites of the type Sakhnovka); 4 — burials of steppe nomads of the 6th — first half of the 7th cc. (after Komar 2008 and Kazanski 2014, with additions and clarifications). 1 — Ksizovo-19; 2 — Bogatoye; 3 — Chernichina; 4 — Osipovka; 5 — Zavadovka; 6 — Dereyivka; 7 — Budischi; 8 — Stetsovka; 9 — Lug-1.

детельство контактов между славянами или иными оседлыми варварами, с одной стороны, и степными кочевниками, с другой (Приходнюк 1996: 114; 1998: 26, 27, рис. 11; Гаври-тухин, Обломский 1996: 122; Флеров 1996: 33; Обломский 2007: 8; Земцов 2012: 98). Однако уже более 10 лет назад украинский археолог А. В. Комар подчеркнул, что к реальным степным юртам эти постройки не имеют отношения (Комар 2007: 114, 115), и я уже высказался в поддержку этой точки зрения (Kazanski 2012). Рассмотрим несколько подробнее эти сооружения, которые призваны археологически проиллюстрировать влияние культуры степных кочевников на лесостепное оседлое

население или даже послужить доказательством их совместного проживания в рамках единых поселенческих структур.

1. Ксизово-19 (бассейн Верхнего Дона) (рис. 2)¹. Поселение относится к культурной группе Чертовикское-Замятино, соотносимой с гетерогенным по происхождению оседлым населением гуннского и постгуннского времени (подробнее см.: Обломский 2004; 2015; Земцов 2012). Здесь исследовано строение столбовой конструкции гуннской эпохи, диа-

¹ Здесь и далее номера списка памятников соответствуют номерам на рис. 1.

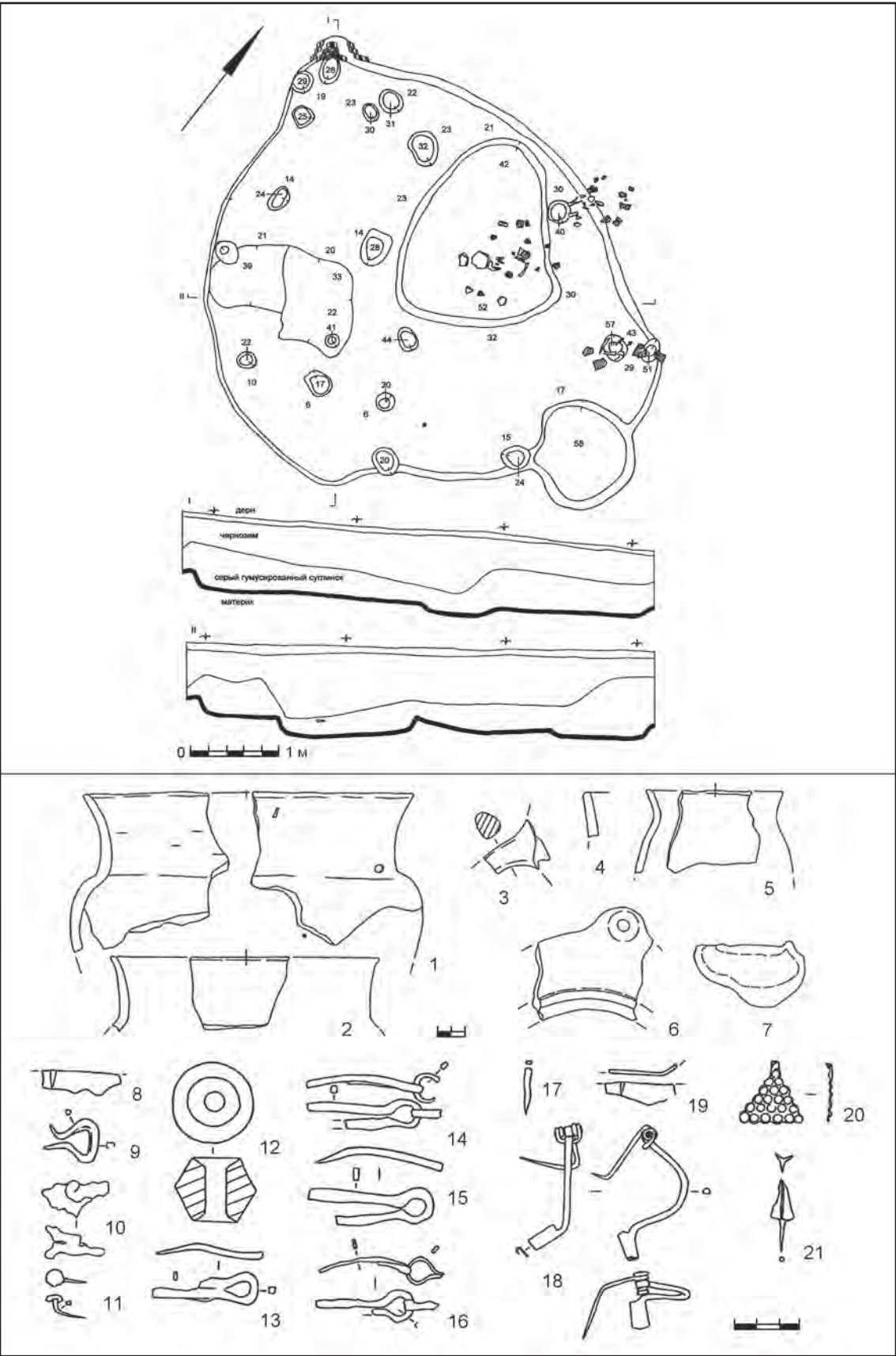

Рис. 2. Ксизово-19 (по Обломский 2007а: рис. 46—48).

Fig. 2. Ksizovo-19 (after Обломский 2007а: рис. 46—48).

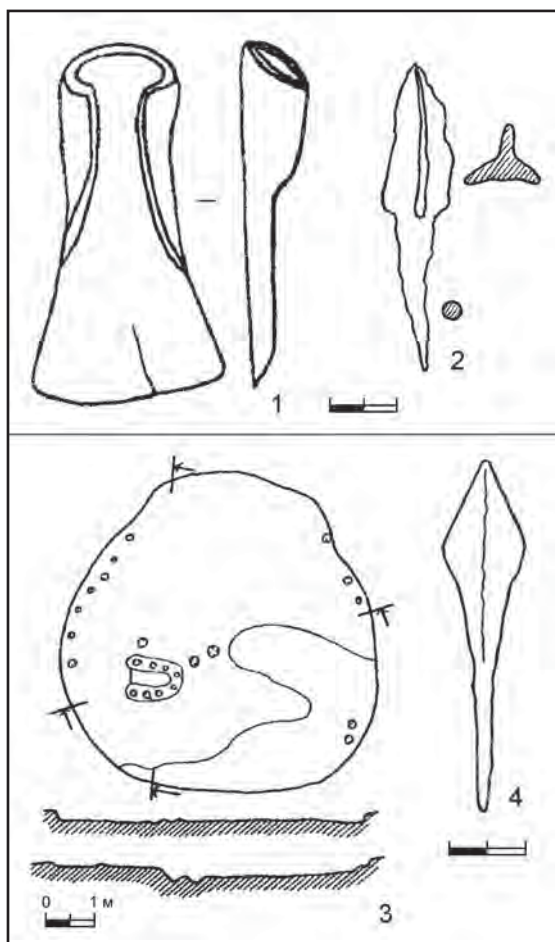

Рис. 3. 1, 2 — Богатое; 3, 4 — Чернечина (по Приходнюк 1998: рис. 17: 2; 60: 5; 61: 5, 7).

Fig. 3. 1, 2 — Bogatoye; 3, 4 — Chernechina (after Приходнюк 1998: рис. 17: 2; 60: 5; 61: 5, 7).

метром 4,8—5 м углубленное на 0,5—0,7 м в грунт, без очага (Обломский 2007а: 91, рис. 46). Сооружение было идентифицировано как юрта, или «юртообразное сооружение», однако вещи в нем найденные, такие как арбалетная фибула (рис. 2: 18), керамическая лампа античной традиции (рис. 2: 6, 7), керамическое пряслице (рис. 2: 12) совершенно чужды культуре степного населения Восточной Европы. Зато подобные вещи хорошо известны у оседлого населения Северного Причерноморья V в. (Обломский 2007а: 92). Надо подчеркнуть, что присутствие северопонтийского населения на Верхнем Дону в гуннское время есть бесспорный факт, установленный с помощью археологического материала (Обломский 2004: 156; 2015). Что же до кочевников, то сам характер находок из сооружения заставляет усомниться в его связи со степью. Показательно и полное пока отсутствие на-

ходок степного характера (погребений, стойбищ) на Верхнем Дону в гуннское время.

2. Богатое (Днепровское Левобережье). На поселении пеньковской культуры, в целом датированной V—VII вв., исследовано сооружение с углубленным полом (1,6 м от древней дневной поверхности), округлое в плане, диаметром 4,4 м (Юренко 1973: 7; Приходнюк 1998: 26). Помимо материала, типичного для пеньковской культуры, на поселении было найдено небольшое количество серой гончарной керамики с лощеным декором «южного происхождения» (подробнее см. ниже). Кроме того, на поселении Богатое были найдены трехлопастная стрела «кочевнического» типа (рис. 3: 1), широко распространенного у самых различных европейских народов, включая славян (см. Казанский 2015: 62—64), а также железное орудие, напоминающее стамеску и очень хорошо представленное в древностях степного круга (ср. напр. Плетнева 1967: рис. 38: 7; 1981: рис. 36: 41) (рис. 3: 2).

3. Чернечина (Днепровское Левобережье) (рис. 3: 3). На поселении пеньковской культуры было обнаружено сооружение диаметром 6,3 м, углубленное в грунт на 0,4 м, с открытым очагом в центре. По периметру постройки прослежены столбовые ямы. В постройке обнаружены фрагменты пеньковской керамики, пряслице, изготовленное из амфорной стенки, железная стрела (рис. 3: 4) и железный нож (Юренко 1974: 4, 5; Флеров 1996: 36; Приходнюк 1998: 26). По мнению А. В. Комара, данное сооружение является единственным для пеньковской культуры, которое можно было бы сопоставить с юртами. В то же время А. В. Комар подчеркивает, что связанные с постройкой находки не имеют отношения к древностям степных кочевников VI—VII вв. (Комар 2007: 115).

4. Осиповка (Днепровское Левобережье) (рис. 4: 1). На поселении пеньковской культуры открыто сооружение овальной формы, 4×2,8 м, углубленное в землю на 1,1 м (Приходнюк 1990: 78, 79, рис. 6; 1998: 26; Флеров 1996: 35, 36). С сооружением связаны находки фрагментов лепной пеньковской посуды. В то же время обнаружено несколько фрагментов керамических котлов с внутренними ручками, типичных для степного населения.

5. Завадовка (Днепровское Правобережье). Пеньковское поселение. Постройка не опубликована, известно лишь, что здесь была прослежена неглубокая канавка кольцевидной формы, 7×10 м, глубиной до 0,3 м (Приходнюк 1990: 78; 1996: 114). Культурная атрибуция этой структуры не ясна, её иденти-

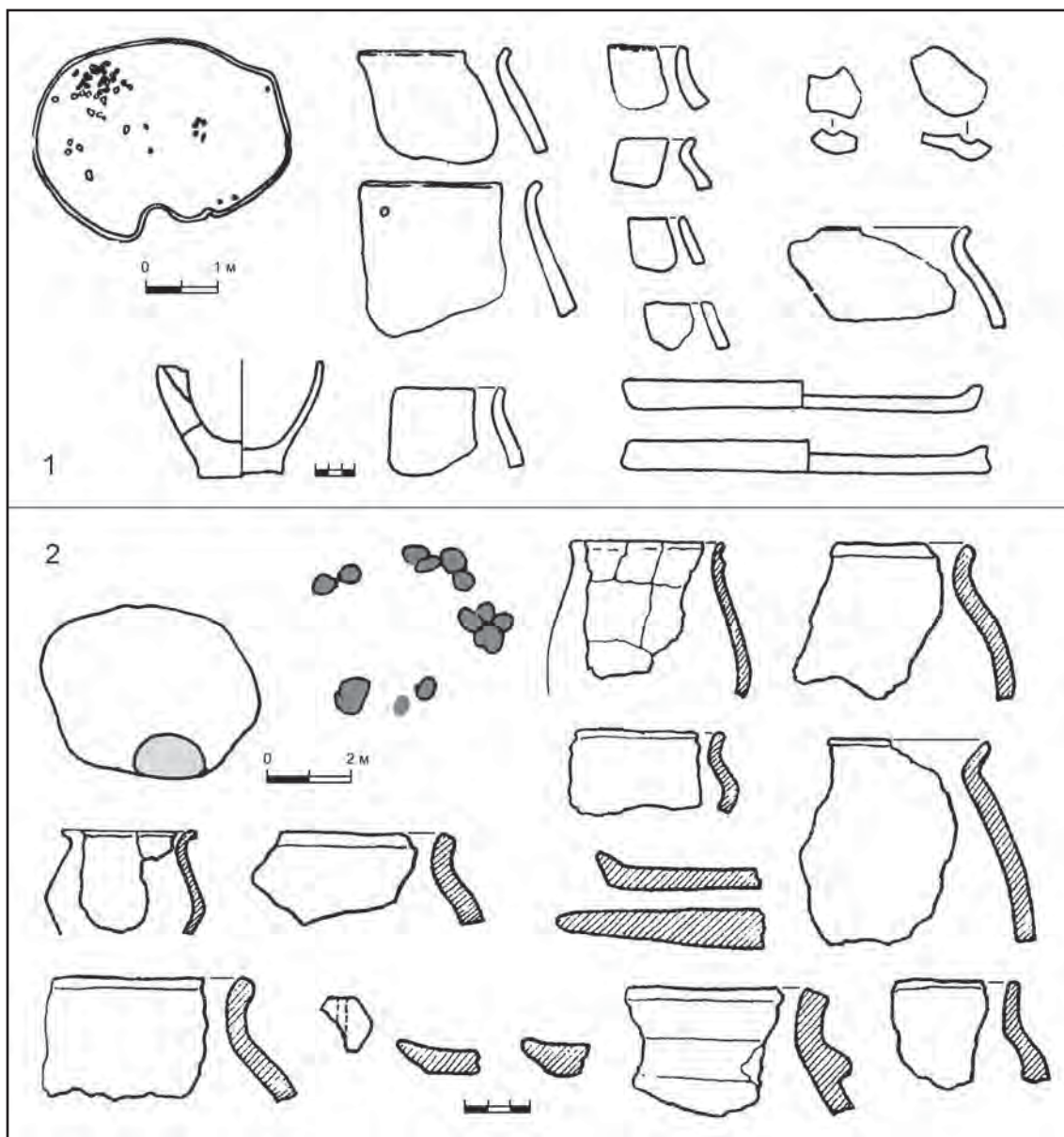

Рис. 4. 1 — Осиповка (по Приходнюк 1990: рис. 6); 2 — Деревка (по Kazanski 2013: fig. 3: 2).

Fig. 4. 1 — Osipovka (after Приходнюк 1990: рис. 6); 2 — Dereivka (after Kazanski 2013: fig. 3: 2).

фикация как постройки вызывает сомнения (Комар 2007: 40).

6. Деревка (Днепропровское Правобережье) (рис. 4: 2). На поселении пеньковской культуры зафиксировано сооружение округлой формы, 4×5 м, глубиной 0,4 м, с открытым очагом в западном углу (Телегин 1962). В сооружении найдены фрагменты пеньковской керамики.

7. Будищи (Днепропровское Правобережье) (рис. 5). На поселении пеньковской культуры исследовано прямоугольное сооружение, 6×4,2 м, глубиной 0,8—0,9 м, с каменным очагом в центре (Приходнюк 1990: 78, 79; 1998: 26, 27). В сооружении обнаружены фрагмен-

ты пеньковской керамики, а также обломки серой гончарной посуды с лощеным орнаментом (см. ниже) (рис. 5: 2). Как уже справедливо подчеркнул В.С. Флеров, сооружение является типичным для пеньковской культуры и, несмотря на находки в нем «кочевнической керамики», не имеет в своей конструкции элементов, типичных для степных «кочевнических» сооружений (Флеров 1996: 36).

8. Стецовка (Днепропровское Правобережье) (рис. 6: 1). На многослойном поселении (см. подробнее: Рутковская 1974), в его верхнем горизонте обнаружена структура, идентифицированная как юрта. Напомним, что

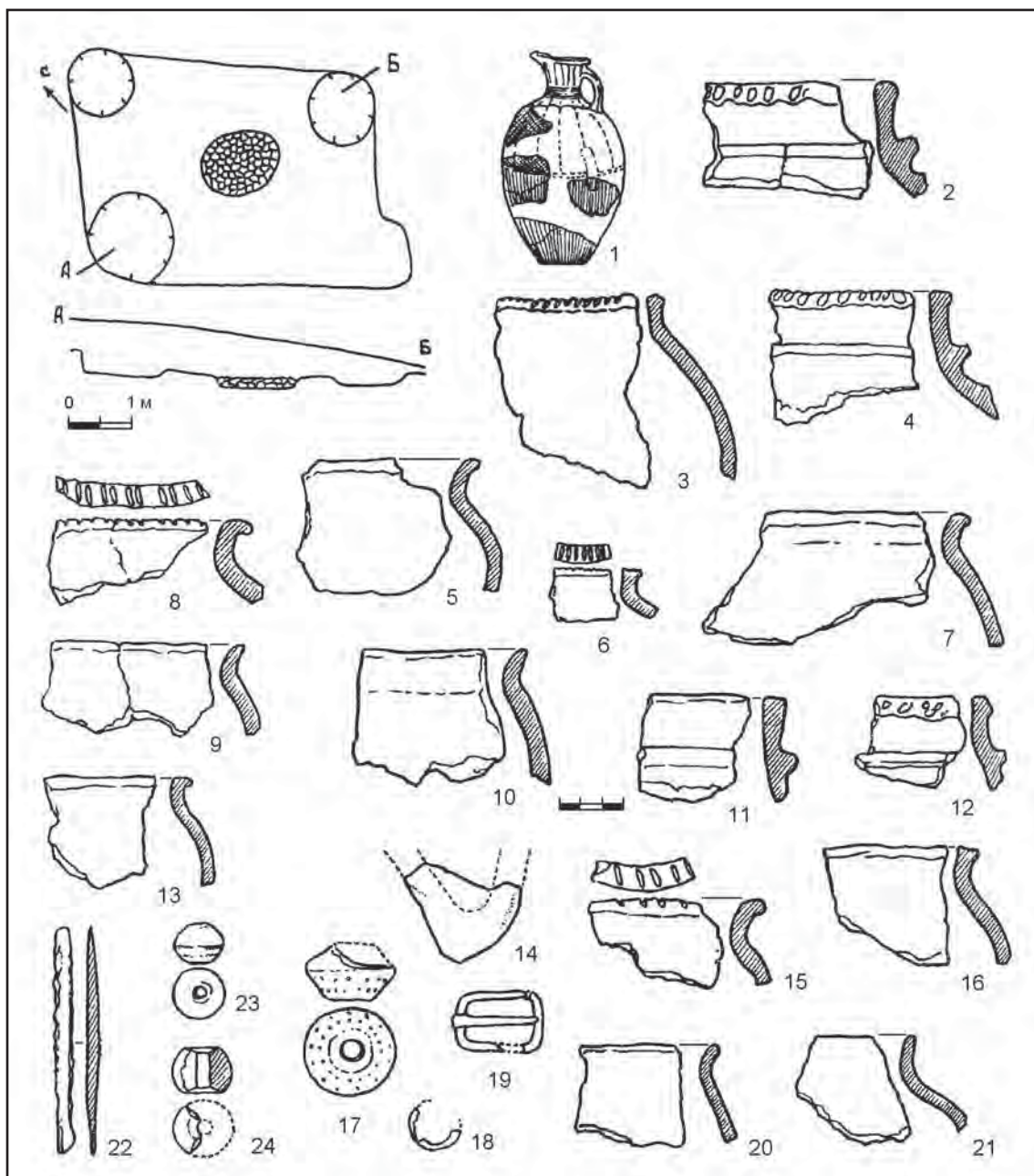

Рис. 5. Будищи (по Приходнюк 1990: рис. 4: 1, 7).

Fig. 5. Budischi (after Приходнюк 1990: рис. 4: 1, 7).

верхний горизонт данного поселения относится к начальной стадии славянской культуры Лука-Райковецкая (VIII—X вв.), то есть к т.н. фазе Сахновка, датированной концом VII — VIII вв. (Приходнюк 1978: 45; Приходнюк 1980: 14—16). Керамика верхнего слоя поселения Стецовка в основном славянская, сахновского типа, за исключением 10%, принадлежащих серой гончарной посуде «южного» облика (см. ниже). Интересующее нас сооружение имеет овальную форму, его размер 6×7,2 м, оно углубле-

но в грунт на 0,25 м. Неглубокая кольцевидная канавка маркирует периметр сооружения, следы столбовых ям не зафиксированы. Зольно-угольные пятна засвидетельствованы на полу сооружения. В сооружении обнаружены фрагменты лепной и гончарной керамики, обломки железных ножниц, небольшая бронзовая пронызка и незаконченное пряслице из амфорной стенки (Петров 1963: 216, рис. 3: 3; Приходнюк 1996: 114; 1998: 26; Флеров 1996: 35). Данное сооружение, по мнению О.М. Приходнюка, напоминает юрты типа 1, согласно

классификации С.А. Плетневой (см. Плетнева 1967: 52). В.С. Флеров считает, что стецовская постройка напоминает юрты салтовского поселения Дмитриевка (Флеров 1996: 35). При этом А.В. Комар поставил под сомнение интерпретацию данной структуры как жилого сооружения, поскольку в нем не обнаружены отопительные сооружения (Комар 2007: 40).

9. Луг-1 (Днепровское Правобережье) (рис. 6: 2). На славянском поселении культуры Лука-Райковецкая исследовано сооружение, округлое в плане, 5×6 м, углубленное в грунт на 0,45 м, столбовой конструкции, без следов отопительных устройств (Березовец 1963: 166, 167, рис. 28: 3; Флеров 1996: 34). В сооружении найдена керамика сахновской фазы (см. выше), а также керамическое пряслице. В.С. Флеров высказал вполне обоснованные сомнения относительно идентификации данной постройки как юрты (Флеров 1996: 35).

Итак, большинство рассмотренных здесь построек, попавших в число «юртообразных» — Ксизово-19, Богатое, Осиповка, Деревянка, Будищи, Луг I — представляют собой стационарные сооружения с углубленным полом, чаще всего столбовой конструкции, с открытым очагом или без него. Сам по себе факт существования углубленной части в данных сооружениях не позволяет интерпретировать их как юрты, т.е. разборные переносные сооружения, как правило, оставляющие очень невыразительные археологические следы (см. Плетнева 1967: 52—57; Флеров 1996).

По мнению С.А. Плетневой, такие сооружения типичны для степного населения, переходящего к оседлому образу жизни. Они сохраняют отдельные конструктивные элементы юрт (Плетнева 1967: 55—57). Всё это совершенно справедливо для степных кочевников в стадии седентаризации, но вряд ли имеет отношение к оседлым лесостепным варварам, в первую очередь к славянам. Действительно, славяне в течение всей их истории являлись сугубо оседлым населением, и даже их гипотетические предки-венеды в первый раз упомянуты Тацитом в I в. н.э. как народ, живущий оседло и сооружающий стационарные жилища (Тас. Germ. XLVI). Конечно, можно сопоставить рассмотренные здесь постройки с сооружениями оседающих кочевников, но ведь постройки более или менее округлой формы в интересующее нас время есть далеко не только в степи, они засвидетельствованы чуть ли не по всему европейскому континенту. Такие постройки известны и у оседлых восточноевропейских варваров уже в римское время, в частности, на поселениях киев-

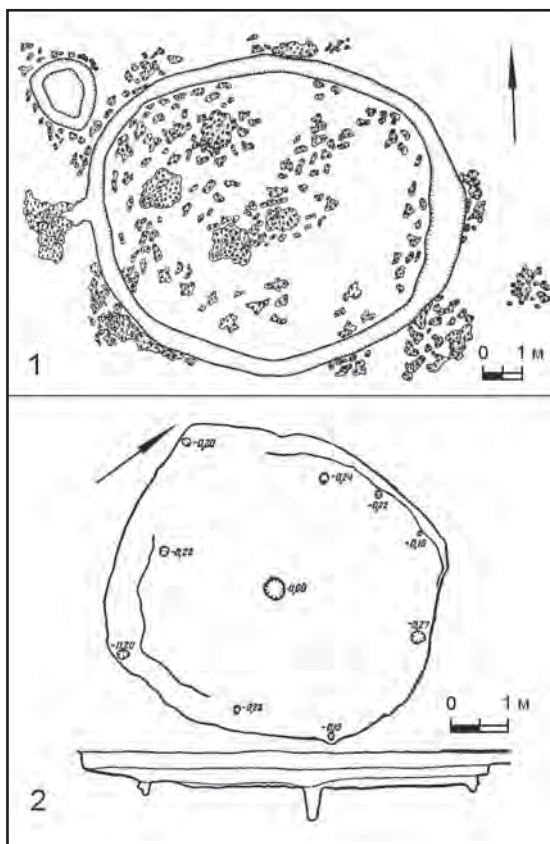

Рис. 6. 1 — Стецовка (по Петров 1963: рис. 3: 3); 2 — Луг-1 (по Березовец 1963: рис. 28: 3).

Fig. 6. 1 — Stetsovka (after Петров 1963: рис. 3: 3); 2 — Lug-1 (after Березовец 1963: рис. 28: 3).

ской культуры (Комар 2007: 114, 115), которую в первую очередь и соотносят с венетами — предками славян и которая послужила подосновой формирования пеньковской культуры. Видимо, с киевскими традициями и следует связывать существование стационарных округлых построек у славян-антов пеньковской культуры.

Для V — первой половины VII вв. единственное сооружение, обнаруженное на пеньковском поселении Чернечина (рис. 3: 3), видимо, всё же имеет отношение к культуре степных кочевников, и скорее всего, свидетельствует об инфильтрации каких-то групп номадов в оседлую среду. Разумеется, было бы бессмысленно отрицать наличие контактов разного рода между оседлым и кочевым населением Поднепровья в эпоху пеньковской культуры, о чем свидетельствует археологический материал (Казанский, Мастыкова 2009; Kazanski 2013). На пеньковских памятниках найдены трехлопастные «кочевнические» по происхождению наконечники стрел (напр. рис. 4: 2), оказавшиеся на вооружении

у самых разных народов, костяные накладки на лук, пряжки конского снаряжения, типичные для степных кочевников. Все это свидетельствует о явном степном влиянии на военное дело славян. Недаром же гунны, анты и склавины в армии Юстиниана оказываются в составе одного конного корпуса, а в некоторых случаях Прокопий Кесарийский называет славян «гуннами» (подробнее см.: Казанский 2009; 2015: 74; Kazanski 2009). Выше уже упоминалась находка глиняных «кочевнических» котлов на пеньковском поселении Осиповка, наконец, на лесостепном пограничье известны несколько ингумаций с женским «антским» костюмом. Напомним, что у населения пеньковской культуры в это время практиковались практически исключительно кремации, в то время как у кочевников безраздельно господствовала ингумация (Рашев 2000; Комар 2004; 2008; Комар, Кубышев, Орлов 2006). По справедливому заключению А. М. Обломского, эти погребения отражают контакты, а может быть, и совместное проживание славян-антов и степных кочевников (Обломский 2007: 6). Впрочем, в последнем случае речь может идти лишь об отдельных эпизодах, поскольку зона проживания кочевников в VI — первой половине VII вв. насколько можно судить по карте распространения кочевнических погребений того времени (см. напр. Комар 2008: рис. 9), находилась далеко к югу от территории пеньковской культуры² (рис. 1).

При этом надо, однако, помнить, что археологические свидетельства контактов славян и степняков лучше всего выражены для поздней фазы пеньковской культуры, т. е. для позднего VI — середины VII вв., когда на пеньковских памятниках появляется серогончарная «южная» керамика, о которой речь пойдет несколько ниже (Горюнов, Казанский 1981; Горюнов 1987).

В 620—650-е гг. в Поднепровье, на территории пеньковской и колочинской культур, а в ряде случаев и непосредственно на поселениях, прячется серия «антских» или «марьиновских» кладов т. н. первой группы по О. А. Щегловой (Щеглова 1990; Гаври-

тухин, Щеглова 1996; Pekarskaja, Kidd 1994; Корзухина 1996; о дате сокрытия см. Казанский 2014: 53—55). Массовое зарытие кладов, вне всякого сомнения, свидетельствует о каком-то военном потрясении. На мой взгляд, это вторжение гунно-болгар, которое привело к коренному изменению ситуации в Среднем Поднепровье во второй четверти VII в., о чем свидетельствуют и археологические памятники. Пеньковская культура полностью не исчезает, но входит в фазу угасания, население колочинской культуры в Среднем Поднепровье, в меньшей степени затронутое этим вторжением, продолжает свое существование в тех же территориальных рамках. Но в течение второй половины VII в. в Поднепровье появляется и новое славянское население, пришедшее с запада и оставившее памятники типа Сахновка, вроде вышеупомянутого поселения Стецовка (Приходнюк 1980: 14—16). В днепровской степи и на южной границе лесостепи появляются «княжеские» степные комплексы (погребения и поминальные) типа Перещепина, Глосос, Зачепиловки и др. (о них см.: Werner 1984; Залеская и др. 1997), видимо, принадлежащие кочевнической знати, захватившей власть в данном регионе (Gavrituhin 2006: 16). Одновременно на пограничье степи и лесостепи появляются и археологически засвидетельствованные в Надпорожье и на Днепровском Левобережье стойбища кочевников, такие как Балка Ключникова, Вовниги, Чередники, Лаврики, Белокони, Полузорье-2 и др. (рис. 7—9). Там, где были проведены раскопки (напр. Полузорье-2), никаких следов стационарных построек не обнаружено (Горюнов 1987: 5, 6; Kazanski 1987: 84—86; Горюнов, Казанский 1998; Казанский, Середа 2001: 24). Такая ситуация типична для степных стойбищ раннего средневековья (Плетнева 1981: 66). Эти памятники выделяет в первую очередь доминирование серой и красной гончарной керамики, связанной по происхождению с южными, кавказскими и/или причерноморскими традициями (Малашев 2000; 2001). Керамика эта производится оседлым неславянским населением, скорее всего, северокавказского, возможно, аланского происхождения. Показательно, что на пеньковских памятниках фрагменты такой керамики крайне немногочисленны и встречаются лишь на поздних поселениях, что свидетельствует о появлении в Поднепровье «южных» гончарных центров лишь на заключительном этапе существования пеньковской культуры (Горюнов, Казанский, 1981: 14; Казанский, Середа 2001: 24; Облом-

² Еще менее вероятным представляется какое-либо подчинение славян-антов степным кочевникам в VI — первой половине VII вв., как это подчас утверждается, поскольку никаких письменных или иных свидетельств подобных отношений не имеется. У византийских авторов есть сообщения лишь о стабильно враждебных отношениях между аварами и антами, о каких-либо контактах антов с другими кочевниками постгуннского времени источники ничего не сообщают.

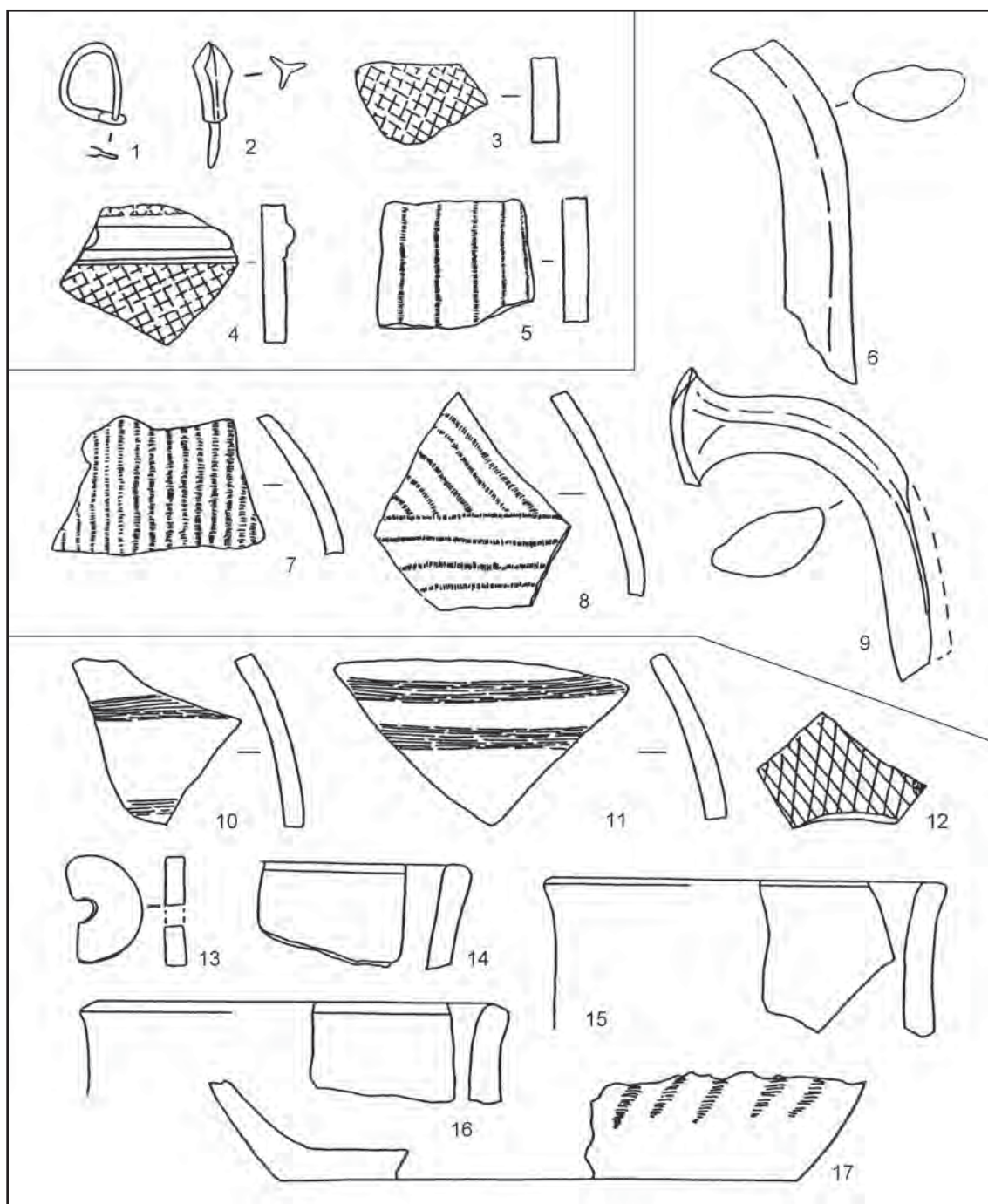

Рис. 7. Керамика стойбищ кочевников в Надпорожье: 1—5 — Вовниги; 6—9 — Орлово; 10—17 — Балка Ключникова (по Казанский 2014: рис. 15: 8—24).

Fig. 7. Ceramics nomad camps in Nadporozhye. 1—5 — Vovnihi; 6—9 — Orlovo; 10—17 — Balka Klyushnikova (after Казанский 2014: рис. 15: 8—24).

ский 2007: 9). Мастерские «южных» гончаров обнаружены в Надпорожье, в Канцерке, и на Днепровском Левобережье, в Тарановом Яру (рис. 9: 1, 2) (Сміленко 1975: 118—160; Макаренко 1911: 117). Найдены и другие поселения этого неславянского населения, например, Вовки на Днепровском Левобере-

жье (Горюнов 1987: 6, рис. 2: 8—29). Из них наиболее крупным является знаменитое Пастырское городище (Приходнюк 2005), возможно, являвшееся центром власти. Оседлому населению, как славянскому (остатки пеньковской культуры и памятники типа Сахновка), так и пришедшему с юга, при-

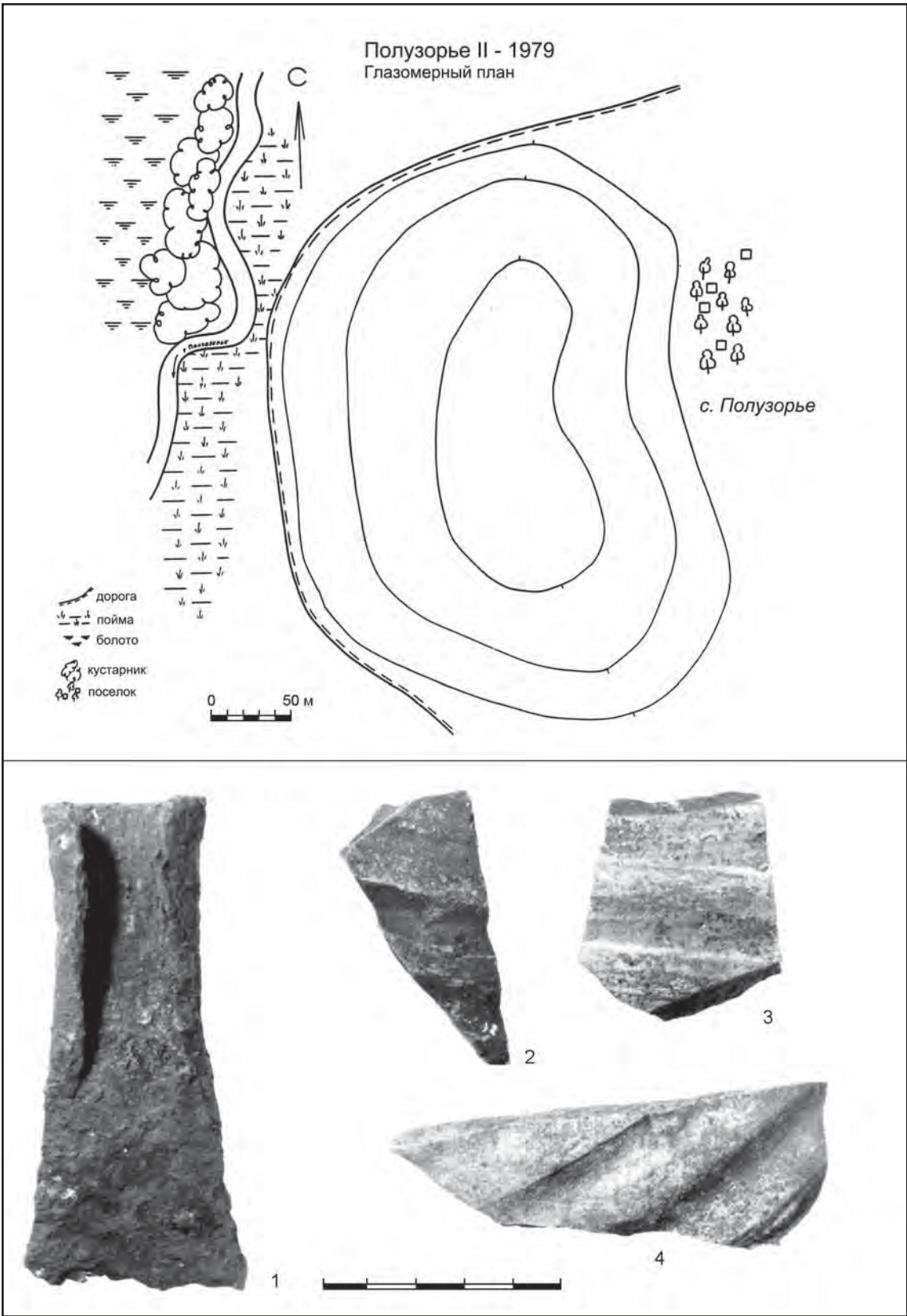

Рис. 8. Полузорье-2. План и находки (по Казанский 2014: рис. 16).

Fig. 8. Poluzorie-2. Plan and finds (after Казанский 2014: рис. 16).

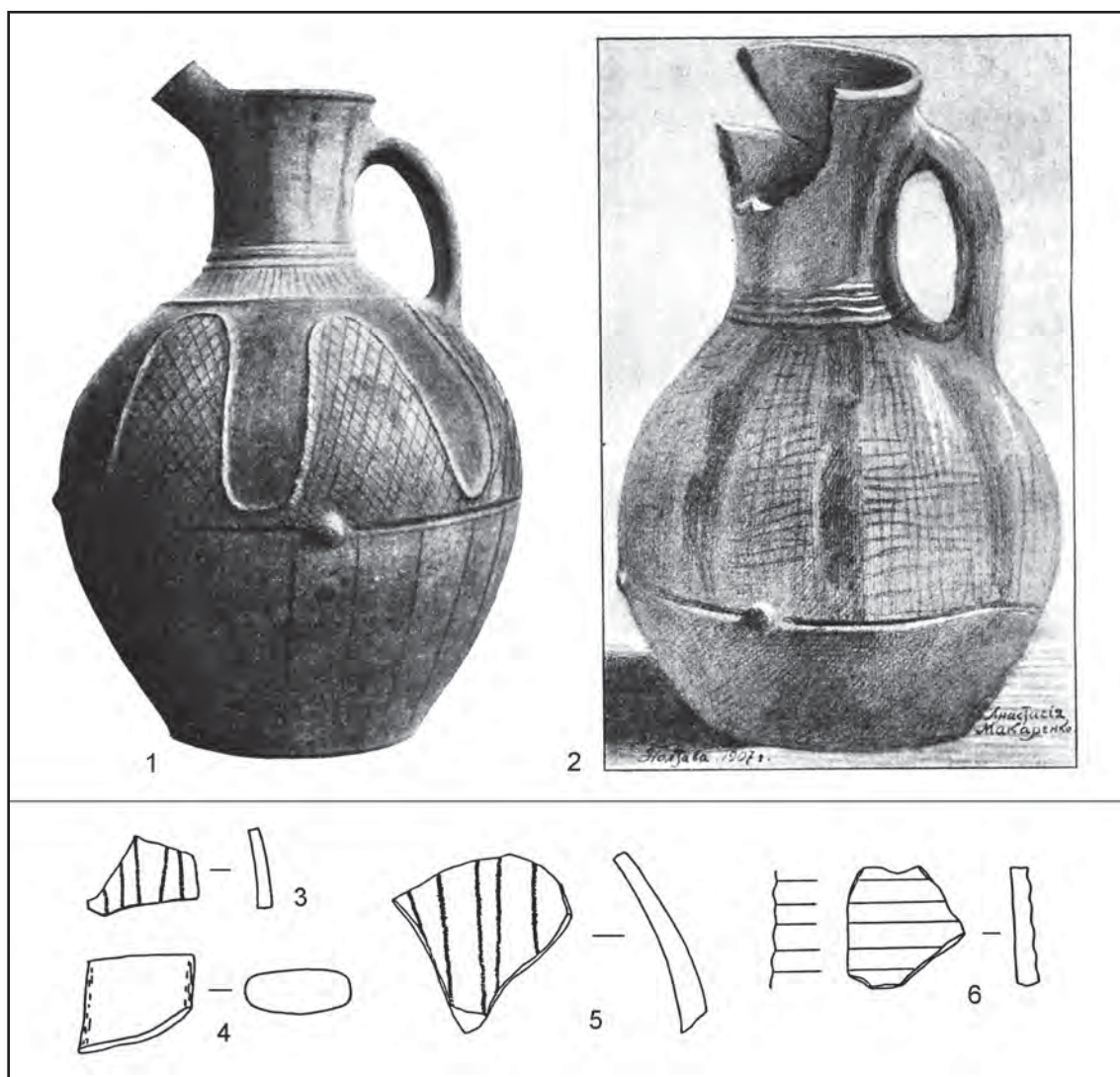

Рис. 9. Керамика «южного» происхождения на Днепровском Левобережье. 1, 2 — Мачехи-Таранов Яр (по Макаренко 1911: рис. 96; 97); 3—6 — Белокопи (по Казанский 2014: рис. 15: 1—4).

Fig. 9. Ceramics of “southern” origin on the Dnieper Left Bank: 1, 2 — Machekhi-Taranov Yar (after Макаренко 1911: рис. 96; 97); 3—6 — Belokoni (after Казанский 2014: рис. 15: 1—4).

надлежат днепровские клады второй группы по классификации О. А. Щегловой, такие как Зайцево, Харьевка, серия пастырских кладов и пр. О тесном взаимодействии славянского и неславянского населения в Среднем Поднепровье свидетельствует материал некоторых поселений, таких как неоднократно уже упомянутая Стецовка, где представлены как славянские, так и неславянские культурные элементы. Ничего подобного, кстати, не зафиксировано в Поднепровье для более раннего времени, то есть для времени доминирования здесь пеньковской культуры (V — первая половина VII вв.). Скорее всего, зарытие кладов второй группы отражает еще один военный стресс, связанный с экспансией ха-

зар и приведший в 670—710-е гг. к новому коренному изменению ситуации в Среднем Поднепровье к началу VIII в. (подробнее об археологической ситуации в этом регионе во второй трети VII — начале VIII вв. см.: Казанский 2014).

Итак, можно констатировать, что юрты встречаются крайне редко на поселениях оседлого раннесредневекового населения лесостепи, что не противоречит факту существования разнообразных контактов между степняками и оседлыми варварами. Те и другие в определенные периоды истории, например, во второй трети VII — начале VIII вв., могли даже входить в рамки единой военно-политической и экономической системы.

Литература

- Березовец Д. Т. 1963. Поселения уличей на р. Тясмине. МИА 108, 145—208.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М. (ред.). 1996. *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*. РСМ 3. Москва: ИА РАН; Курский областной археологический музей.
- Гавритухин И. О., Щеглова О. А. 1996. Группы днепровских раннесредневековых кладов. В: Гавритухин И. О., Обломский А. М. (ред.). *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*. РСМ 3. Москва: ИА РАН; Курский областной археологический музей, 53—57.
- Горюнов Е. А. 1987. Пеньковская и салтовская культуры в Среднем Поднепровье. КСИА 190, 3—7.
- Горюнов Е. А., Казанский М. М. 1981. Спорные вопросы изучения пеньковской культуры. КСИА 164, 10—17.
- Горюнов Е. А., Казанский М. М. 1998. До археологічної карти сточища р. Полужир'я. АЛЛУ (1—2), 76—78.
- Залеская и др. 1997: Залеская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фоякова Н. А. 1997. *Сокровища хана Кубрата*. Санкт-Петербург: ГЭ.
- Земцов Г. Л. 2012. *Липецкий край в III—V веках*. Тула: Гриф и К.
- Казанский М. М. 2009. О раннеславянской коннице. *Stratum plus* (5), 457—471.
- Казанский М. М. 2014. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. В: Обломский А. М. (ред.). *Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов*. РСМ 15. Москва: ИА РАН, 45—137.
- Казанский М. М. 2015. Вооружение и конское снаряжение славян V—VII вв. *Stratum plus* (5), 43—95.
- Казанский М. М., Середа Д. В. 2001. Поселение пеньковской культуры Полужорье-1 на Полтавщине. АЛЛУ (1), 19—25.
- Казанский М. М., Мاستыкова А. В. 2009. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху. *Дивногорский сборник 1. Археология*, 225—251.
- Комар А. В. 2004. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье. В: Куковальская Н. В. (ред.). *Сугдейский сборник I*. Киев; Судак: Академперіодика, 169—200.
- Комар А. В. 2007. Что такое «пастырская культура»? *Проблеми на прабългарската история и култура* 4 (1), 35—52.
- Комар А. В. 2008. Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре болгар Северного Причерноморья 2-й половины VI — начала VII в. В: Куковальская Н. В. (ред.). *Сугдейский сборник III*. Киев; Судак: Академперіодика, 87—117.
- Комар А. В., Кубышев А. И., Орлов Р. С. 2006. Погребения кочевников VI—VII вв. из Северо-Западного Приазовья. *Степи Европы в эпоху средневековья* 5, 245—375.
- Корзухина Г. Ф. 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников. МАИЭТ V, 352—435, 586—705.
- Макаренко Н. Е. 1911. *Археологические исследования 1907—1909 гг.* ИАК 43 (специальный выпуск). Санкт-Петербург.
- Малашев В. Ю. 2000. *Раннесредневековая керамика могильника Клинь-Яр III. Вопросы хронологии*. Москва: Полимедиа.
- Малашев В. Ю. 2000. *Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка*. Москва: ИА РАН.
- Обломский А. М. (отв. ред.). 2004. *Острая Лука Дона в древности. Замытнинский археологический комплекс гуннского времени*. РСМ 6. Москва: ИА РАН.
- Обломский А. М. 2007. Структура населения Лесостепного Поднепровья в VII в. н. э. АЛЛУ (1—2), 3—12.
- Обломский А. М. 2007а. Лесостепное Подонье. В: Гавритухин И. О., Обломский А. М. (отв. ред.). *Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э.* РСМ 9. Москва: ИА РАН, 73—132.
- Обломский А. М. 2015. Этнокультурные и социальные компоненты населения Острой Луки в гуннское время (вместо заключения). В: Обломский А. М. (отв. ред.). *Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV—V вв.)*. РСМ 16. Москва: ИА РАН, 296—308.
- Петров В. П. 1963. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. В: Рыбаков Б. А. (отв. ред.). *Славяне накануне образования Киевской Руси*. МИА 108. Москва: АН СССР, 208—233.
- Плетнева С. А. 1967. *От кочевий к городам*. МИА 167. Москва: Наука.
- Плетнева С. А. 1981. Салтово-маяцкая культура. В: Плетнева С. А. (отв. ред.). *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука, 62—74.
- Приходнюк О. М. 1980. *Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. е.* Київ: Наукова думка.
- Приходнюк О. М. 1990. Новые данные о пеньковской культуре в Среднем Поднепровье. В: Плетнева С. А., Русанова И. П. (отв. ред.). *Раннеславянский мир. Исследования и материалы*. Москва: ИА АН СССР, 75—108.
- Приходнюк О. М. 1996. Археологические данные о связях славян и степного населения в VII—VIII вв. МАИЭТ V, 114—125.
- Приходнюк О. М. 1998. *Пеньковская культура*. Воронеж: ВГУ.
- Приходнюк О. М. 2005. *Пастирське городище*. Київ; Чернівці: Зелена Буковина.
- Приходнюк О. М., Казанский М. М. 1978. Керамічні комплекси поселення Луг I на Тясмині. *Археологія* 28, 43—47.
- Рашев Р. 2000. *Прабългарите през V—VII век*. Велико Търново: Фабер.
- Рутковская Л. М. 1974. О стратиграфии и хронологии древнего поселения около с. Стецовка на р. Тясмине. В: Третьяков В. Н. (отв. ред.). *Раннесредневековые восточнославянские древности*. Ленинград: Наука, 22—39.
- Сміленко А. Т. 1975. *Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.)*. Київ: Наукова думка.
- Телегин Д. Я. 1962. Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г. КСИА АН УССР 12, 16—17.
- Флёров В. С. 1996. *Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы*. Москва: ИА РАН.
- Щеглова О. А. 1990. О двух группах «древностей антов»

- в Среднем Поднепровье. В: Терпиловский Р.В. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья* 1. Курск: Курское областное отделение Всероссийского фонда культуры; Курский областной краеведческий музей, 162—204.
- Юренко С.П. 1973. *Отчет о работе Полтавского Археологического отряда в составе экспедиции «Днепр-Донбасс» в 1973 г.* Архив ИА НАНУ. Д. 1973/6в.
- Юренко С.П. 1974. *Отчет о работе Полтавского Археологического отряда в составе экспедиции «Днепр-Донбасс» в 1974 г.* Архив ИА НАНУ.
- Gavritukhin I. 2006. La date du « trésor » de Pereščepina et la chronologie des antiquités de l'époque de formation du khaganat khazar. In: Zuckerman C. (dir.). *La Crimée entre Byzance et le khaganat khazar*. Paris: ACHCByz, 13—30.
- Kazanski M. 1987. Note sur le peuplement de la région du Dniepr moyen pendant la seconde moitié du VIIe siècle et au VIIIe siècle. *Revue Archéologique* (1), 84—90.
- Kazanski M. 2009. Les Huns et les Slaves. In: Aparaschi-vei D. (ed.). *Studia Antiqua et Mediaevalia. Miscellanea in honorem annos LXXV peragentis Professoris Dan Gh. Teodor oblata*. Bucarest: Editura Academiei Române, 237—256.
- Kazanski M. 2012. À propos des « yourtes des nomades » sur les sites slaves (Haut-Moyen-Âge). In: Iakovleva L., Korvin-Piotrovski A., Djindjian F. (dir.). *L'Archéologie du bâti en Europe, de la Préhistoire au Moyen-Age*. Publications de l'Institut d'Archéologie de l'Académie nationale des Sciences d'Ukraine. Kiev: Korvin-presse, 267—281.
- Kazanski M. 2013. Les Huns et les Barbares sédentaires: les différentes formes des contacts. *Banatica* 23, 91—109.
- Pekarskaja L. V., Kidd D. 1994. *Der Silberschatz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert*. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner.
- Tacite. 1983. *La Germanie*. Paris: Les Belles Lettres.
- Werner J. 1984. *Der Grabfund von Malaja Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren*. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.
- Berezovets, D.T. 1963. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 108, 145—208 (in Russian).
- Gavritukhin, I.O., Oblomskii, A.M. (eds.). 1996. *Gaponovskii klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst (Gaponovo Hoard and Its Cultural and Historical Context)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Kursk Regional Museum of Archaeology (in Russian).
- Gavritukhin, I.O., Shcheglova, O.A. 1996. In Gavritukhin, I.O., Oblomskii, A.M. (eds.). *Gaponovskii klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst (Gaponovo Hoard and Its Cultural and Historical Context)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Kursk Regional Museum of Archaeology, 53—57 (in Russian).
- Goriunov, E.A. 1987. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 190, 3—7 (in Russian).
- Goriunov, E.A., Kazanski, M.M. 1981. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 164, 10—17 (in Russian).
- Horyunov, E.A., Kazanski, M.M. 1998. In *Arkheolohichnyi litopys Livoberezhnoi Ukrainy (Archaeological Chronicle of Left-Bank Ukraine)* (1—2), 76—78 (in Ukrainian).
- Zaleskaia, V.N., L'vova, Z.A., Marshak, B.I., Sokolova, I.V., Foniakova, N.A. 1997. *Sokrovishcha khana Kubrata. Pereshchepinskii klad (Treasures of the Khan Kubrat: the Pereshchepino Hoard)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
- Zemtsov, G.L. 2012. *Lipetskii kraj v III—V vekakh (Lipetsk Land in 3rd—5th Centuries)*. Tula: "Grif i K" Publ. (in Russian).
- Kazanski, M.M. 2009. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 457—471 (in Russian).
- Kazanski, M.M. 2014. In Oblomskii, A.M. (ed.). *Problemy vzaimodeistviia naseleniia Vostochnoi Evropy v epokhu Velikogo pereseleniia narodov (Interaction between Eastern European Populations during the Great Migrations)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 45—137. (in Russian).
- Kazanski, M.M. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 43—95 (in Russian).
- Kazanski, M.M., Sereda, D.V. 2001. In *Arkheolohichnyi litopys Livoberezhnoi Ukrainy (Archaeological Chronicle of Left-Bank Ukraine)* (1), 19—25 (in Russian).
- Kazanski, M.M., Mastyskova, A.V. 2009. In *Divnogorskiy sbornik: trudy muzeia-zapovednika «Divnogor'e» (Divnogor'e Bulletin: the Papers of the Museum-reservation „Divnogor'e“)* 1: Arkheologiya (Archaeology), 225—251 (in Russian).
- Komar, A.V. 2004. In Kukoval'skaia, N.V. (ed.). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Papers)* I. Kiev; Sudak: "Akademperioidika" Publ., 169—200 (in Russian).
- Komar, A.V. 2007. In *Problemi na prabalgarskata istoriya i kultura (Issues of Pre-Bulgarian History and Culture)* 4 (1), 35—52 (in Russian).
- Komar, A.V. 2008. In Kukoval'skaia, N.V. (ed.). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Papers)* III. Kiev; Sudak: "Akademperioidika" Publ., 87—117 (in Russian).
- Komar, A.V., Kubyshchev, A.I., Orlov, R.S. 2006. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 5, 245—375 (in Russian).
- Korzukhina, G.F. 1996. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* V, 352—435, 586—705 (in Russian).
- Makarenko, N.E. 1911. *Arkheologicheskie issledovaniia 1907—1909 gg. (Archaeological Studies in 1907—1909)*. Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission) 43 (special issue). Saint Petersburg (in Russian).
- Malashev, V. Yu. 2000. *Keramika rannesrednevekovogo mogil'nika Klin-Iar III. Voprosy khronologii (Early Medieval Pottery from the Klin-Iar III Necropolis. Questions of Chronology)*. Moscow: "Polimedia" Publ. (in Russian).
- Malashev, V. Yu. 2000. *Keramika rannesrednevekovogo mogil'nika Mokraia Balka (Pottery from the Early Medieval Necropolis of Mokraya Balka)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Oblomskii, A.M. (ed.). 2004. *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Zamiatinskii arkheologicheskii kompleks gunnskogo vremeni (Ostraya Luka of the Don River in Antiquity: Zamyatino Archaeological Complex of the Hun Period)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 6. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Oblomskii, A.M. 2007. In *Arkheolohichnyi litopys Livoberezhnoi Ukrainy (Archaeological Chronicle of Left-Bank Ukraine)* (1—2), 3—12 (in Russian).
- Oblomskii, A.M. 2007. In Gavritukhin, I.O., Oblomskii, A.M. (ed.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysiacheletia n. e. (East-*

- ern Europe in the Middle of the I Millennium A.D.). Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 9. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 73—132 (in Russian).
- Oblomskii, A.M. 2015. In Oblomskii, A.M. (ed.). *Ostraya Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskii kompleks pamiatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV—V vv.)* (Ostraya Luka of the Don River in Antiquity: Archaeological Complex of the Hun Period near the Ksizovo Village, Late 4th — 5th Centuries). Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 296—308 (in Russian).
- Petrov, V.P. 1963. In Rybakov, B.A. (ed.). *Slaviane nakanune obrazovaniia Kievskoi Rusi* (Slavs on the Eve of Formation of the Kiev Rus'). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 108. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 208—233 (in Russian).
- Pletneva, S.A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovomaiatskaia kul'tura* (From Camps to Towns. SaltovoMayaki Culture). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 167. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Pletneva, S.A. 1981. In Pletneva, S.A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia VI—IX st. n. e.* (Archaeological Sites of the Middle Dnieper Basin of 6th—9th Centuries). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
- Prykhodnyuk, O.M. 1980. *Arkheolohichni pam'yatky Seredn'oho Prydniprov'ia VI—IX st. n. e.* (Archaeological Sites of the Middle Dnieper Basin of 6th—9th Centuries). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
- Prikhodniuk, O.M. 1990. In Pletneva, S.A., Rusanova, I.P. (eds.). *Ranneslavianskii mir. Materialy i issledovaniia* (Early Slavic World. Proceedings and Research). Moscow: Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR" Publ., 75—108 (in Russian).
- Prikhodniuk, O.M. 1996. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria) V, 114—125 (in Russian).
- Prikhodniuk, O.M. 1998. *Pen'kovskaia kul'tura. Kul'turno-khronologicheskii aspekt issledovaniia* (Penkovka Culture. Cultural and Chronological Aspect of Research). Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
- Prykhodnyuk, O.M. 2005. *Pastyrs'ke horodyshche* (Pastyrskoe Hillfort). Kiev: Chernivtsi: "Zelena Bukovyna" Publ. (in Ukrainian).
- Prykhodnyuk, O.M., Kazanski, M.M. 1978. In *Arkheolohiya* (Archaeology) 28, 43—47 (in Ukrainian).
- Rashev, R. 2000. *Prabalgariite prez V—VII vek* (Pre-Bulgarians in 5th—7th Centuries). Veliko Tarnovo: "Faber" Publ. (in Bulgarian).
- Rutkovskaia, L.M. 1974. In Tret'iakov, V.N. (ed.). *Rannesrednevekovye vostochnoslavianskie drevnosti* (Early Medieval Antiquities of Eastern Slavs). Leningrad: "Nauka" Publ., 22—39 (in Russian).
- Smilenko, A.T. 1975. *Slov'yany ta ikh susydy v stepovomu Podniprovi'i (II—XIII st.)* (The Slavs and Their Neighbours in the Dnieper Steppes (II—XIII Centuries)). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
- Telegin, D. Ya. 1962. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk Ukrainskoi SSR* (Bulletin of the Institute for Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR) 12, 16—17 (in Russian).
- Flerov, V.S. 1996. *Rannesrednevekovye iurtoobraznye zhilishcha Vostochnoi Evropy* (Early Medieval Yurta-shaped Dwellings in Eastern Europe). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Shcheglova, O.A. 1990. In Terpilovskii, R.V. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Dneprovskogo Levoberezh'ia* (Proceedings and Studies on the Archaeology of the Dnieper Left-Bank Area) 1. Kursk: Kursk Regional Section of the All-Russian Foundation for Culture; Kursk Regional Museum of Local Studies, 162—204 (in Russian).
- Iurenko, S.P. 1973. *Otchet o rabote Poltavskogo Arkheologicheskogo Otriada v sostave ekspeditsii «Dnepr-Donbass» v 1973 g.* (Report on the Fieldworks of the Poltava Archaeological Team within of the "Dnieper-Donbass" Expedition in 1973). Archive of the Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, dossier 1973/6v (in Russian).
- Iurenko, S.P. 1974. *Otchet o rabote Poltavskogo Arkheologicheskogo Otriada v sostave ekspeditsii «Dnepr-Donbass» v 1974 g.* (Report on the Fieldworks of the Poltava Archaeological Team within of the "Dnieper-Donbass" Expedition in 1974). Archive of the Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
- Gavrituhin, I. 2006. La date du « trésor » de Pereščepina et la chronologie des antiquités de l'époque de formation du khaganat khazar. In Zuckerman, C. (dir.). *La Crimée entre Byzance et le khaganat khazar*. Paris: ACHCByz, 13—30.
- Kazanski, M. 1987. Note sur le peuplement de la région du Dniepr moyen pendant la seconde moitié du VIIe siècle et au VIIIe siècle. *Revue Archéologique* (1), 84—90.
- Kazanski, M. 2009. Les Huns et les Slaves. In Aparaschivei, D. (ed.). *Studia Antiqua et Medievalia. Miscellanea in honorem annos LXXV peragentis Professoris Dan Gh. Teodor oblata*. Bucarest: Editura Academiei Române, 237—256.
- Kazanski, M. 2012. À propos des « yourtes des nomades » sur les sites slaves (Haut-Moyen-Âge). In Iakovleva, L., Korvin-Piotrovski, A., Djindjian, F. (dir.). *L'Archéologie du bâti en Europe, de la Préhistoire au Moyen-Âge*. Publications de l'Institut d'Archéologie de l'Académie nationale des Sciences d'Ukraine. Kiev: Korvin-presse, 267—281.
- Kazanski, M. 2013. Les Huns et les Barbares sédentaires: les différentes formes des contacts. *Banatica* 23, 91—109.
- Pekarskaja, L.V., Kidd, D. 1994. *Der Silberschatz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert*. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner.
- Tacite. 1983. *La Germanie*. Paris: Les Belles Lettres.
- Werner, J. 1984. *Der Grabfund von Malaja Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren*. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.

Статья поступила в сборник 4 декабря 2018 г.

Michel Kazanski (Paris, France). Doctor Habilitat on Archaeology. Centre national de la recherche scientifique, UMR 8167: Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance¹.

Казанский Михаил Михайлович (Париж, Франция). Доктор хабилитат археологии. Национальный центр научных исследований, Центр истории и цивилизации Византии.

E-mail: michel.kazanski53@gmail.com

Address: ¹ Rue du Cardinal Lemoine, 52, Paris, 75005, France

Нумизматические этюды

Numismatical Sketches

А. В. Кривенко, М. Н. Бутырский

Монеты Латинской и Византийской империй из находок на территории Пруто-Днестровья

Keywords: Prut-Dniester region, Golden Horde period, coins, Latin Empire, Byzantium, Koteshty, geography of the coin's finds

Ключевые слова: междуречье Прута и Днестра, золотоордынский период, монеты, Латинская империя, Византия, Костешты, география монетных находок

A. V. Crivenco, M. N. Butyrsky

Coins of the Latin and the Byzantine Empires by the Finds on the Territory of Prut-Dniester Region

It is the publication of coins of the Latin Empire and Byzantium (during the rule of the Palaeologus) found in the territory between the Prut and the Dniester. There are 30 billon and copper coins, most of which date back to the reign of the Byzantine emperors Andronicus II (1282—1328) and Andronicus III (1328—1341). This period coincides with the active stage in existence of the Golden Horde settlement in Costești. The geography of the coin finds gives the basis to assume that these coins entered the region through Dobruja and further north through the Danube River in the direction of Costești. Coins of the Latin and Byzantine Empires confirm the hypothesis that there were long-term economic contacts between the Golden Horde settlements of the Prut-Dniester and the Balkan-Black Sea region in the period preceding the formation of the Moldavian state.

A. В. Кривенко, М. Н. Бутырский

Монеты Латинской и Византийской империй из находок на территории Пруто-Днестровья

Публикуются сведения о находках монет Латинской империи и Византии (эпохи правления Палеологов) на территории Пруто-Днестровья. Представлено 30 биллонных и медных монет, большинство из которых относится ко времени правления византийских императоров Андроника II (1282—1328) и Андроника III (1328—1341). Этот период совпадает по времени с активной фазой существования золотоордынского поселения в Костештах. Топография находок монет дает основание предположить южный сухопутный путь их проникновения в регион через Добруджу, Дунай и далее на север в Костешты. Находки монет Латинской и Византийской империй подтверждают гипотезу о наличии длительных экономических контактов между золотоордынскими поселениями Пруто-Днестровья и Балканско-Причерноморского региона в период, предшествующий образованию Молдавского государства.

Публикация новых монетных находок, относящихся к первой половине XIII — середине XIV вв., позволяет дополнить имеющиеся немногочисленные сведения о денежном обращении в Пруто-Днестровье периода господства Золотой Орды.

Представлены данные о находках 30 биллонных и медных монет: 8 — относящихся к выпускам латинских правителей Константинополя (1204—1261); 22 — времени правления византийских императоров из династии Палеологов: Михаила VIII (1261—1282), Андроника II (1282—1328), его соправителя Михаила IX (1295—1320), Андроника III (1328—1341) и Иоанна V (1341—1391). Монеты были обнаружены преимущественно как одиночные находки в междуречье Прута и Днестра на протяжении последних десяти

лет и в настоящее время находятся в частных коллекциях¹.

Предварительные материалы настоящего исследования были представлены А. В. Кривенко в 2016 г. на XVI нумизматическом симпозиуме в Кишиневе (Кривенко 2016).

Наиболее ранней и относительно небольшой частью публикуемых монет (8 экз.) являются денежные знаки Латинской империи, отчеканенные в период с 1204 по 1261 гг. Из них к константинопольскому чекану относятся:

¹ Авторы благодарят В. Гроза, И. Данилова, И. Коваленко, В. Остроухова, А. Прокопова (Колдун), В. Хубка, В. Юрко (Кишинев), А. Александрова (Кагул), В. Греку (Комрат) и других коллекционеров из Молдовы, а также Р. Исламова (Измаил, Украина) за предоставленные нумизматические материалы.

одна крупномодульная трахея, которая имитирует тип византийского иперпирона Андроника I (кат. №1), две трахеи с изображением Христа и архангела Михаила (кат. №2, 3) и четыре монеты, которые являются редуцированными трахеями малого модуля (кат. №4—7). Одна монета — трахея, предположительно малого модуля (кат. №8), отнесена к выпускам Фессалоники.

Три монеты из этой группы (кат. №2, 4 и 5), предположительно, найдены на городище Костешты Яловенского района Молдовы. Одна (кат. №3) — у с. Орловка (Одесская обл., Украина), округа которого уже известна находками монет золотоордынского периода (Бруйко, Носова 2010; Кривенко, Казаров 2012). Ещё одна монета (кат. №8) обнаружена в окрестностях г. Вулканешты на юге Молдовы. Для остальных трех монет (кат. №1, 6 и 7), происходящих с территории Молдовы, точное место находки установить не удалось.

Более многочисленной группой нумизматических памятников, отложенных на территории Пруто-Днестровья, являются медные монеты Палеологов — последней византийской династии, воцарившейся в Константинополе в 1261 г. после изгнания крестоносцев. Среди них:

- 2 монеты императора Михаила VIII: константинопольский стаменон (кат. №9), обнаруженный, предположительно, в окрестностях г. Вилково (Одесская область, Украина), и стаменон чекана Фессалоники (кат. №10), найденный южнее с. Резень Яловенского района Молдовы;

- 11 монет — стаменонов и ассариев — императора Андроника II (кат. №11—21), восемь из которых относятся к периоду его соправления с сыном Михаилом IX (1294/95—1320). Почти все они найдены в Костештах (или предположительно там, как кат. №19) и лишь одна (кат. №16) — к юго-востоку от с. Ларгуца Кантемирского района Молдовы. Еще три монеты Андроника II отнесены к периодам его одиночного правления (1282—1294/95; 1320—1325). Это медные стаменоны, чеканенные в Фессалониках (кат. №11—13) и найденные, соответственно, в Костештах, у с. Логэнешты Хынчештского района и в неустановленном месте Единецкого района Молдовы;

- 8 монет (кат. №22—29) отнесены к выпускам императора Андроника III (1328—1341). Из них большинство — шесть монет (кат. №22—25, 27) — найдены в Костештах или предположительно в Костештах (кат. №28). Одна монета обнаружена у с. Етулия Вулканештского района Молдовы (кат. №26) и еще

одна — у с. Новосельское Ренийского района Одесской области Украины (кат. №29);

- 1 монета (кат. №30) атрибутирована как т.н. политикон Иоанна V Палеолога (1341—1391). Монета найдена в с. Костешты.

Наиболее ранними среди представленных монет являются выпуски латинских правителей Константинополя, которые могут быть отнесены к широкому периоду с 1204 по 1261 гг. Наиболее поздней — политикон императора Иоанна V, датируемый ранним этапом его правления — с 1341 до начала 60-х гг. XIV в. Таким образом, эмиссии представленных монет по времени совпадают с установлением в регионе власти Золотой Орды.

Основная масса монет (12 плюс 5 — предположительно) обнаружены у с. Костешты Яловенского района Молдовы, где располагалось крупное поселение золотоордынского времени, известное находками монет как местной чеканки, так и других монетных дворов Улуса Джучи, а также денег иных государств, с которыми поселение поддерживало связи. Еще две монеты были найдены вблизи Костештского поселения — у с. Резены Яловенского района (15 км юго-восточнее Костешт) и у с. Лагонешты Хынчештского района (15 км западнее Костешт). Тот факт, что наибольшее число византийских находок (16 экз.) приходится на время соправления Андроника II и Михаила IX (1295—1320) и Андроника III (1328—1341), четко соотносится с периодом максимальной экономической активности Костештского поселения. Время её завершения — начало 1360-х гг. — надёжно фиксируется самой поздней из найденных там монет, политикомом Иоанна V.

Обращает внимание тот факт, что по-прежнему неизвестно значимое число находок латинских и поздневизантийских монет в другом крупном золотоордынском поселении — Шехр ал-Джедид (Старый Орхей). По всей вероятности, короткий срок существования этого города не позволил ему в полном объеме восстановить интенсивность и широту экономических связей с южными соседями — государствами Балкан и Анатолийского региона, которые были характерны для Костештского городища.

Часть представленных в каталоге монет была найдена южнее, в Подунавье и вблизи от этого региона: у с. Ларгуца Кантемирского района, у г. Вулканешты и с. Етулия Вулканештского района Молдовы, у двух близко расположенных сел Орловка и Новосельское Ренийского района, а также (предположительно) у г. Вилково Одесской области Украины.

Топография находок дает основание предполагать южные каналы проникновения византийских монет в Пруто-Днестровье по торговому пути через земли Болгарского царства, Добруджу, Дунай, на север, в Костешты и далее. Такое направление поступления монеты в регион совпадает с путями притока сербской и болгарской монеты (Krivenkov, Ovtcharov 2011; Кривенко 2014).

Только одна византийская монета была найдена в Единецком районе на севере Молдовы в удалении от Костештского городища и предполагаемого торгового пути из Подунавья.

Свидетельством совместного поступления византийских монет и денег других балканских государств является тот факт, что две из них (кат. №14 и 20), относящиеся к выпускам Андроника II времени соправления с Михаилом IX (1295—1320), были найдены в Костештах совместно с серебряным динаром сербского короля Стефана Уроша IV

Душана (1331—1345) (Кривенко 2014: кат. №3). Также интересным является тот факт, что медный ассарий Андроника II того же периода (кат. №18), найденный в Костештах, при обнаружении был зажат согнутой восточной медной монетой с арабской легендой. Эта мусульманская монета не была атрибутирована, но предположительно имеет анатолийское происхождение.

Находки монет Латинской и Византийской империй подтверждают факт наличия экономических связей между золотоордынским Костештским городищем и другими государствами Черноморского региона. Представленные в настоящей статье данные служат дополнительным подкреплением вывода о длительной и глубокой истории знакомства жителей европейских стран (включая Балканы) и государств Малой Азии с территорией междуречья Днестра и Прута в период, предшествующий включению ее в состав Молдавского государства.

Каталог

Латинская империя (1204—1261) (рис. 1)

1. Трахея, крупный модуль. Константинополь.
Аверс: Богородица на троне.
Реверс: император, венчаемый Христом.
АЕ, 2,39 г, 22×22,5 мм.
Sear 2028; DOC IV, Type H, pl. L: 8; LBC 49—51 (имитация типа иперпирона Андроника I).
- 2, 3. Трахея. Константинополь.
Аверс: погрудное изображение Христа.
Реверс: Архангел Михаил в воинском облачении; в правой руке скипетр, в левой сфера.
АЕ, 1,79 г, 20 мм.
АЕ, 1,22 г, 17×19 мм.
Sear 2036; DOC IV, Type A, pl. LI: 16; LBC 67—71.
- 4—7. Трахея, малый модуль. Константинополь.
Аверс: Богородица на троне.
Реверс: император, держащий лабарум.
АЕ, 1,07 г, 17×22 мм.
АЕ, 1,41 г, 18×19 мм.
АЕ, 1,3 г, 20×21 мм.
АЕ, 1,36 г, 19 мм.
Sear 2044; DOC IV, Type A, pl. LII: 30; LBC 12—25.
8. Трахея, биллон (малый модуль?). Фессалоника.
Аверс: Христос на троне.
Реверс: поясная фигура императора, в стемме, дивитисии и лоре; в правой руке скипетр с крестом, в левой сфера.

АЕ, 0,42 г, 18 мм.

Sear 2055; DOC IV, Type A, pl. LII: 24; LBC 107—117.

Византийская империя (рис. 2) Михаил VIII Палеолог (1261—1282)

9. Стаменон. Константинополь.
Аверс: полнофигурный Христос на троне.
Реверс: ПΛ; император в рост, анфас, в стемме, дивитисии и лоре, в правой руке крест на длинном древке, в левой трехбашенная модель города; по сторонам две В.
АЕ, нет данных о весе и размере.
PCPC 44; Sear 2280; DOC V, Class XXII, pl. 7: 107—108; LBC 554—556.
10. Стаменон. Фессалоника.
Аверс: поясное изображение св. Дмитрия анфас, в тунике и доспехах, с мечом на правом плече и щитом в левой руке.
Реверс: фигуры императора (л.) и св. Михаила (п.) в полный рост, между ними меч остриём книзу, вверху Manus Dei.
АЕ, 1,1 г, 24×26 мм.
PCPC 65; Sear 2296; DOC V, Class IV, pl. 9: 144—146; LBC 584—585.
- Андроник II Палеолог, одиночное правление (1282—1295; 1320—1325)**
11. Стаменон. Фессалоника.
Аверс: св. Димитрий в 3/4 роста.
Реверс: император в 3/4 роста, с крылом на правой стороне, с шестиконечным «патриаршим» крестом и скипетром.
АЕ, 1,69 г, 22×24 мм.

Рис. 1. Монеты Латинской империи, найденные на территории Пруто-Днестровского региона.

Fig. 1. The coins of the Latin Empire found on the territory of the Prut-Dniester region.

PCPC (254); Sear 2379; DOC V, Class XLIII, pl. 47: 846—848; LBC 697—698.

12. Стаменон. Фессалоника.

Аверс: крыло (п.), «патриарший» крест (л.).

Реверс: бюст императора, в стемме и лоре, держащего в правой руке крест в медальоне и лабарум в левой.

АЕ, нет данных о весе, 22 мм.

Grierson 1445; PCPC 243; Sear 2383; DOC V, Class XXXII, pl. 45: 807; LBC 683—685.

13. Стаменон. Фессалоника.

Аверс: «патриарший» крест.

Реверс: император в 3/4 роста, в стемме, дивитисии и лоре, в каждой руке крест в медальоне на древке.

АЕ, 0,94 г, 20,5 мм.

Grierson 1449; PCPC 241; Sear 2387; DOC V, Class XXX, pl. 45: 798—800; LBC 682.

Андроник II Палеолог и его соправитель Михаил IX Палеолог (1295—1320)

14. Стаменон. Константинополь.

Аверс: Богородица Оранта (погрудно).

Реверс: АНДРОНИКОС-МНХ; Андроник (л.) и Михаил (п.) в рост, в стеммах, дивитисиях и лорах, между ними крест на длинном древке, к которому императоры обращают руки.

АЕ, нет данных о весе, 25 мм.

Sear 2417; PCPC 149; DOC V, Class VIII, pl. 35: 600—603; LBC 782.

15, 16. Ассарий. Константинополь.

Аверс: ΚΥΡΙΕΩΝΤΟΥΣΒΑΣΙΛΙΣ; оплечный бюст Христа Эммануила в линейном ободке.

Реверс: +ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΕΣ ΡΩΜΑΙΩΝ; Андроник II (л.) и Михаил IX (п.) в рост, в стеммах, дивитисиях и лорах, между ними лабарум на длинном древке, к которому императоры обращают руки.

тисиях и лорах, между ними лабарум на длинном древке, к которому императоры обращают руки.

АЕ, нет данных о весе, 22 мм.

АЕ, 1,38 г, 21 мм.

Sear 2436; PCPC 169; DOC V, Class X, pl. 39: 681—682; LBC 794.

17. Ассарий. Константинополь.

Аверс: ΝΓ.

Реверс: Андроник (л.) и Михаил (п.), между ними лабарум.

АЕ, 2,14 г, 20×21 мм.

Sear 2444.

18. Ассарий. Константинополь.

Аверс: ΝΙΕ.

Реверс: Андроник (л.) и Михаил (п.), между ними лабарум.

АЕ, 1,19 г, 21 мм (монета обломана).

Sear 2446; LPC pl. 96: 47.

19. Ассарий. Константинополь.

Монета обрезана.

Аверс: +ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΕΣ ΡΩΜΑΙΩΝ; равноконечный крест в круге, X на средокрестии.

Реверс: +ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΕΣ ΡΩΜΑΙΩΝ (легенда утрачена). Андроник (л.) и Михаил (п.) в рост, в стеммах, дивитисиях и лорах, держат 6-конечный «патриарший» крест на длинном древке, помещенный между ними.

АЕ, 0,86 г, 17×17,5 мм.

Sear 2450; PCPC 182; DOC V, Class XXIII, pl. 40: 705—710; LBC 806.

20, 21. Ассарий. Константинополь.

Монета обломана.

Аверс: шестиконечный «патриарший» крест, фланкированный двумя Β.

Рис. 2. Монеты Византии (эпохи Палеологов), найденные на территории Пруто-Днестровского региона.

Fig. 2. The coins of the Byzantine Empire (during the rule of the Palaeologus) found on the territory of the Prut-Dniester region.

Реверс: Андроник (л.) и Михаил (п.) держат лабарум, помещенный между ними.

АЕ, 1,6 г, 21 мм.

АЕ, 1,32 г, 19,5 × 20,0 мм.

Sear 2451; LPC pl. 100: 52.

Андроник III Палеолог (1328—1341)

22. Ассарий. Фессалоника.

Аверс: шестиконечный «патриарший» крест с крыльями.

Реверс: св. Дмитрий (п.) и Андроник (л.), в стемме и лоре, со скипетром в правой руке, между ними крест на длинном древке, над ними шестиконечная звезда в сегменте (неба?).

АЕ, 1,88 г, 21 мм.

Sear 2483; PCPC 270; DOC V, Class III, pl. 50: 919—920; LBC 835.

23, 24. Ассарий. Фессалоника.

Аверс: ΟΑΓΙΟΣ ΔΜΗΤΡ; св. Дмитрий, сидящий на троне без спинки, с мечом на коленях.

Реверс: Андроник, в стемме и лоре, стоит, в правой руке цветок лилии, в левой скипетр, шесть звезд в поле.

АЕ, 0,76 г, 17 мм.

АЕ, 1,13 г, 18 мм.

Sear 2487; PCPC 272; DOC V, Class VII, pl. 51: 929; LBC 839.

25, 26. Ассарий. Фессалоника.

Аверс: св. Георгий по поясу, буквы «В» по сторо-

нам (слева — ретроградная).

Реверс: император в рост, со скипетром над правым плечом, две шестиконечные звезды вверх, две «В» (слева — ретроградная) внизу, по обеим сторонам.

АЕ, 1,16 г, 20 мм (обломана часть монеты).

АЕ, 2,15 г, 22 мм.

Grierson 1471; Sear 2490; LPC pl. 240: 11.

27—29. Ассарий. Константинополь (?).

Аверс: монограмма Палеологов.

Реверс: Андроник в рост, стоит, в правой руке скипетр, в левой акакия.

АЕ, 0,69 г, 13 × 21 мм (половина разрубленной монеты).

АЕ, 1,1 г, 21 мм.

АЕ, 0,8 г, 18 мм (часть монеты обломана, но все части сохранены).

Sear 2494; LBC 832.

Иоанн V Палеолог (1341—1391)

30. Политикон. Константинополь.

Аверс: крест в центре, вокруг легенда +ΠΟΛΙΤΙΚΟΝ в двойном линейном ободке.

Реверс: : ΙΩ Δ (пр.), Ο Γ Γ Α Λ (л.). Иоанн, в дивитисии, стемме и лоре, в рост, с лабарумом в правой руке и сферой в левой.

АЕ, нет данных о весе и размере.

Sear 2574; PCPC 359; DOC V, Class XVI, pl. 64: 1224—1225; LBC 866.

Литература

Бруяко И. В., Носова Л. В. 2010. Новые монетные находки на городище Каргал (Орловка). *ЗОНТОАМ* I. Одесса, 65—72.

Кривенко А. В., Казаров А. А. 2012. Джучидские монеты из находок у с. Орловка (Одесская обл., Украина). В: Миргалеев И. М. (ред.). *Нумизматика Золотой Орды* 2. Казань: ИИ АН РТ, 25—37.

Кривенко А. В. 2014. Находки сербских средневековых монет в междуречье Прута и Днестра. *Stratum plus* (6), 339—346.

Кривенко А. В. 2016. Находки монет Латинской империи и Византии эпохи Палеологов на территории Пруто-Днестровья. В: Boldureanu A. et al. (com. org.). *Al XVI-lea simpozion de numismatică. Programul și rezumatele comunicărilor*. Chișinău: Muzeul Național de Istorie a Moldovei, 26—29.

DOC IV: Hendy M. F. 1999. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. IV. Washington: Dumbarton Oaks Research Library.

DOC V: Grierson Ph. 1999. *Catalogue of the Byzantine Coins*

in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. V. Washington: Dumbarton Oaks Research Library.

DOP: Bruun P., Kent J. P. C., Sutherland C. H. V., Bellinger A. R. 1964. Late Roman Gold and Silver Coins at Dumbarton Oaks: Diocletian to Eugenius. *Dumbarton Oaks Papers* 18, 161—236.

Krivenkov A., Ovtcharov V. 2011. Bulgarian Coins Found on Kostashty Site in Moldova. *Acta Musei Varnaensis* VII (2), 223—228.

LBC: Lianta E. 2009. *Late Byzantine coins 1204—1453 in the Ashmolean Museum University of Oxford*. London: SPINK.

LRC: Grierson Ph., Mays M. 1992. *Catalogue of Late Roman Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

PCPC: Bendall S. 1988. *A Private Collection of Palaeologan Coins*. Wolverhampton: Galatraprint.

Sear: Sear David R. 1974. *Byzantine coins and their values*. London: Seaby.

References

Bruiyako, I. V., Nosova, L. V. 2010. In *Zapiski otdela numizmatiki i toreviki Odesskogo arheologicheskogo muzeia (Proceedings of the Department of Numismatics and Toreutics of Odessa Archaeological Museum)* I. Odessa, 65—72. (in Russian).

Crivenco, A. V., Kazarov, A. A. 2012. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Nu-mizmatika Zolotoi Ordı (Golden Horde Numismatics)* 2.

Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 25—37 (in Russian).

Crivenco, A. V. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 339—346 (in Russian).

Crivenco, A. V. 2016. In Boldureanu A. et al. (com. org.). *Al XVI-lea simpozion de numismatică. Programul și rezumatele*

- comunicărilor. Chişinău: Museul Naţional de Istorie a Moldovei, 26—29 (in Russian).
- Hendy, M. F. 1999. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. IV. Washington: Dumbarton Oaks Research Library.
- Grierson, Ph. 1999. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. V. Washington: Dumbarton Oaks Research Library.
- Bruun, P., Kent, J. P. C., Sutherland, C. H. V., Bellinger, A. R. 1964. Late Roman Gold and Silver Coins at Dumbarton Oaks: Diocletian to Eugenius. *Dumbarton Oaks Papers* 18, 161—236.
- Krivenkov, A., Ovtcharov, V. 2011. Bulgarian Coins Found on Kostashty Site in Moldova. *Acta Musei Varnaensis* VII (2), 223—228.
- Lianta, E. 2009. *Late Byzantine coins 1204—1453 in the Ashmolean Museum University of Oxford*. London: SPINK.
- Grierson, Ph., Mays, M. 1992. *Catalogue of Late Roman Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
- Bendall, S. 1988. *A Private Collection of Palaeologan Coins*. Wolverhampton: Galataprint.
- Sear David, R. 1974. *Byzantine coins and their values*. London: Seaby.

Статья поступила в сборник 15 января 2019 г.

Andrei Crivenco (Tiraspol, Moldova). Candidate of Geographical Sciences. Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko¹.

Кривенко Андрей Валерьевич (Тирасполь, Молдова). Кандидат географических наук. Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко.

E-mail: crivenco@inbox.ru

Mikhail Butyrsky (Moscow, Russian Federation). State Museum of Oriental Art².

Бутырский Михаил Николаевич (Москва, Россия). Государственный музей искусства народов Востока.

E-mail: chalkites@mail.ru

Addresses: ¹ 25 Oktiabria St., 128, Tiraspol, 3300, Moldova; ² Nikitskiy Bd., 12a, Moscow, 119019, Russian Federation

Н. А. Алексеенко, Л. В. Дергачёва

Молдавская монета на территории средневековой Таврики (краткий обзор)

Keywords: Crimean Peninsula, numismatic, Moldovan medieval coins, groats, half groats, pül, akche

Ключевые слова: Крымский полуостров, нумизматика, молдавские средневековые монеты, гроши, полугроши, пулы, акче

N. A. Alekseenko, L. V. Dergacheva

The Moldovan Currency Discovered in Medieval Taurica (short overview)

The article addresses new finds of Moldovan coins minted in the 14th—15th c., recently discovered in the suburbs of Sevastopol on the Crimean peninsula. Most notable among them is a copper coin of Alexander I, with a countermark of the Genoese Caffa.

The increasing number of finds of Moldovan coins in the numismatic discoveries on the Crimean peninsula, highlights the question about contacts between the local population and that of Moldovan Principality, but also, though, perhaps, less obviously, disclose the role of the Moldovan currency in the local monetary circulation, which took place not only in the last phase of existence of Italian lands in the second and third quarter of the 15th century, until their conquest by the Ottoman Empire in 1475, but also in the earlier period, since the end of the 14th century.

Н. А. Алексеенко, Л. В. Дергачёва

Молдавская монета на территории средневековой Таврики (краткий обзор)

В статье представлены новые находки молдавских монет XIV—XV вв., недавно найденные на Крымском полуострове, в районе города Севастополь. Среди них наиболее примечательной является медная монета Александра I, надчеканенная каффинской контрамаркой.

Присутствие среди нумизматических находок Крымского полуострова монет молдавских господарей, которых с течением времени становится всё больше, не только вновь заостряет вопрос о существовавших контактах местного населения с Молдавским княжеством, но и свидетельствуют об очевидном, хотя, может быть, и не столь значительном, участии монет последнего в денежном обращении Крыма. Это участие приходилось не только на заключительный период существования здесь итальянских владений во второй-третьей четверти XV века вплоть до их падения в 1475 году, но и в более ранний период, начиная уже с конца XIV века.

Специфическое положение Крымского полуострова на перекрёстке политических и экономических интересов разных стран и народов Причерноморского бассейна в самые различные эпохи его истории наложило свой отпечаток не только на религиозную, этнокультурную или политико-административную ситуацию, но и на развитие товарно-денежных отношений в регионе. В период средневековья присутствие в Таврике как сохранившихся ещё со времён античности представителей самых различных национальностей и культур, так и появление новых этносов создало дополнительные предпосылки для развития политических, культурных и экономических связей уже на новом уровне, в чём-то сохраняя традиционные связи, а где-то налаживая новые контакты, которые складывались в соответ-

ствии с требованиями времени. В этом смысле достаточно показательным индикатором путей развития финансово-экономических связей, на наш взгляд, могут служить иностранные монеты, поступавшие на местные денежные рынки и так или иначе участвовавшие в денежном обращении региона.

Достаточно вспомнить несколько кладовых комплексов последних лет (Майко 2007; Алексеенко 2013; Сидоренко, Алексеенко, Цепков 2015), содержащих иногородние монеты, показывающих широту географии нумизматического рынка средневековой Таврики, где наряду с традиционно обильно представленными местными золотоордынскими, гиреевскими и генуэзско-татарскими монетами присутствуют византийские, астраханские, поволжские, грузинские, западноевро-

пейские и османские выпуски. Значительную пестроту местного монетного рынка всё чаще и чаще показывают и археологические раскопки (Майко 2009: 97—98; 2016а: 287—299; Алексеенко 2014: 29—33; 2017: 105—106; Майко, Алексеенко 2018: 81—86).

Свою нишу на денежном рынке средневекового Крыма занимают и эмиссии молдавских господарей, хотя пока они и составляют небольшой процент от всего объема выявленных находок. Как правило, в основном они представлены лишь единичными экземплярами молдавского серебра или меди. Исключение, пожалуй, составляет лишь весьма внушительных размеров Симферопольский клад 2012 года (Дергачёва 2012: 199—221), состоявший из медных полугрошей Александра I Доброго (1400—1432).

Судя по всему, монеты молдавских господарей в денежном обращении средневековой Таврики не играли существенной роли. Это и понятно, на рынке доминировали выпуски гиреевских акче и генуэзско-татарских аспров и фоллари. Однако присутствие в составе местного нумизматического рынка монет молдавских эмитентов, безусловно, так или иначе говорит о существовании связей Таврики со своими причерноморскими соседями из Карпато-Днестровского региона.

Молдавская монета, несмотря на её немногочисленность, постоянно проявляется в самых разных частях Крымского полуострова, и не только в случайных находках, но и при археологических исследованиях древних городищ. Как правило, она происходит со средневековых поселений и крепостей или из их ближайших окрестностей.

Напомним, наиболее раннее известие о двух молдавских полугрошах, найденных на территории городища Неаполя Скифского, содержится в материалах Тавро-Скифской экспедиции второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. (Харко 1961: 217, 222, рис. 1: 4). По свидетельству М. Г. Крамаровского, монеты молдавских господарей находили и на территории городища средневекового Солхата в Восточном Крыму (Крамаровский 1989: 153). К сожалению, кроме предварительного сообщения, в дальнейшем эти монеты так и не были опубликованы, и мы не знаем ни их номиналов, ни имён эмитентов.

В начале 1990-х гг. был найден двойной грош Стефана II (1433—1447, с перерывами) при археологических исследованиях средневекового Алустана, который при первой публикации ошибочно был отнесён к выпускам Александра I (Адаксина, Кирил-

ко, Лысенко и др. 1994: 15; ср. Кирилко 1997: 182—183, рис. 2).

Во второй половине 1990-х стало известно о находке полугроша Александра I на территории средневековой крепости Фуна, некогда располагавшейся к северу от Алустана (Кирилко 1997: 181—182, рис. 1).

Из сообщений В. П. Кирилко известно и о находках монет молдавских владетелей на Мангупе (Бырня, Руссев 1999: 207, №26) и на территории крепости в Судак (Бырня, Руссев 1999: 207, №28). Последние стали известны и при раскопках кварталов средневековой Сугдеи, где были обнаружены грош и два полугроша Александра I, а также грош Стефана III (1457—1504) выпуска 1457—1476 гг. (Майко 2000: 427—428; 2009: 97—98, рис. 1—4).

Ещё один грош Александра Доброго 1409—1415 гг. был выявлен в составе знаменитого Кырк-Ерского клада на городище Чуфут-Кале в окрестностях Бахчисарая (Майко 2003: 98; 2004: 86; 2007: 177, №4287, рис. 96).

Начавшиеся в конце 1990-х гг. планомерные археологические исследования генуэзской крепости Чембало в Балаклаве свидетельствуют о том, что молдавская монета проникала и в этот самый западный уголок итальянских владений в Крыму. Отсюда происходят три полугроша Александра I и шесть грошей Стефана III (Алексеенко 2008: 11—13, рис. 1—4; 2018а: 23—24, 28, №24—28, табл. 1: 24—28).

Однако молдавскую монету находят не только на хорошо известных археологических памятниках средневековой Таврики. Она встречается и в составе кладов или монетных комплексов, обнаруженных вне поселений и крепостей. К примеру, в составе одного такого комплекса, обнаруженного на территории природного заповедника «Красный камень» в районе сёл Передовое и Широкое в окрестностях Севастополя, вместе с золотоордынскими дирхемами, гиреевскими акче и литовским шелягом находился и грош Стефана III Великого (Алексеенко 2013: 29, 35, №14).

Помимо этого, постоянный и кропотливый сбор всевозможной информации о находках молдавских монет на территории полуострова позволил ввести в научный оборот новый интересный материал, в значительной степени дополняющий и уточняющий данные о присутствии молдавских денег на рынках Таврики.

Так, удалось получить информацию о находках ещё 17 монет (Dergaciova, Wojko-

Рис. 1. Молдавские монеты, найденные в Северо-Западном Крыму (а — фото; б — прорисовки): 1 — Роман I (1392—1394/1395), грош 1392—1394/1395 гг.; 2—4 — Александр I (1400—1432), гроши I-го типа 1400—1402 гг.; 5, 6 — Александр I, пулы 1425—1430 гг.; 7 — пул Александра I, надчеканенный генуэзской контрамаркой Каффы 1434—1440 гг.; 8 — Александр II (1448—1455, с перерывами), грош.

Fig. 1. Moldovan coin specimens found in the North-West region of Crimea (a — photos; b — drawings): 1 — Roman I (1392—1394/1395), groat 1392—1394/1395; 2—4 — Alexander I (1400—1432), groats of the 1st type, 1400—1402; 5, 6 — Alexander I, pul coins 1425—1430; 7 — pul of Alexander I countermark by genoese Caffa in 1434—1440; 8 — Alexander II (1448—1455, with interruptions), groat.

Gagarin 2010: 235—249, nr. 1—5, 8, 9, 18, 22—24, 27, 29—33). В окрестностях города Феодосия был обнаружен один грош Петра I Мушата (ок. 1375—1391), вторая монета этого же эмитента, но со следами сильной коррозии и отчеканенная не из серебра (возможно, имитация?) была найдена в Крыму, без уточнения точного места её обнаружения. К периоду XIV века относится еще одна монета с именем Петра (имя было набрано с характерными ошибками, что может

свидетельствовать о его более позднем периоде выпуска). Эта монета происходит из случайных находок, сделанных в селе Александровка Белогорского района. Монеты Александра I Доброго, многочисленные и в этой подборке, были найдены в различных частях полуострова, по одному экземпляру в городе Старый Крым и Симферополь, остальные три экземпляра — два гроша раннего, I-го типа 1400—1402 гг. и одна медная монета 1425—1430 гг. были обнаружены где-

то на полуострове (без уточнений мест их находок).

Примечательно обнаружение в Крыму монет сыновей Александра I Доброго. А именно, Ильяша I (1432—1442, с перерывами) — гроша 1436—1442 гг. в Евпатории, и двух монет — грошей совместного правления Ильяша I и Стефана II (1436—1442, с перерывами), типа 1435—1436 гг., выявленных в Старом Крыму, совместно с дирхемами Крымского ханства XV века, и в селе Новая Каховка, Херсонской области. Эмиссии Стефана III Великого, эмитента, чеканившего монеты из достаточно высококачественного серебра, выявлены в Симферополе. Тут был найден один грош I-го типа, относимый к первой половине правления Стефана, чеканившегося до 1476 года.

К монетам, выпущенным уже после турецкого завоевания 1475 года, относится один грош Стефана IV, отчеканенный когда-то на протяжении его правления 1517—1527 гг. и найденный в селе Перевальное.

Завершают подборку четыре монеты Иона Водэ (1572—1574), акче, выпущенные в 1573 году и найденные в различных частях Таврики — в селе Репино, два — в селе Белогорское, Белогорского района и последний, четвертый экземпляр — где-то на полуострове, без уточнения точного места обнаружения.

Богатый материал принесли и новые находки последнего пятилетия в Центральном и Юго-Западном Крыму (Алексеев, Цепков 2013: 32—35). Здесь были выявлены не только уже известные ранее выпуски молдавских господарей, но и, что наиболее важно и ценно, ранее не встречавшиеся монеты. Это гроши Петра I Мушата из окрестностей Балаклавы и Стефана I (1394—1399) из Симферопольского района; три гроша и три полугроша Александра I из Севастополя и Бахчисарайского районов; гроши Ильяша I из Альминской долины, Стефана II (1433—1447, с перерывами) и Петра II (1447—1448) из окрестностей Севастополя; грош Стефана III Великого из Качинской долины и два гроша Стефана IV (1517—1527) из окрестностей Белогорска и Севастополя (Алексеев, Дергачева, Цепков 2014: 350—352, №1—15, рис. 1: 1—15).

Не так давно В.В. Майко были опубликованы десять молдавских монет, происходящих из средневекового Солхата (Майко 2016b: 311—316). Хотя все монеты обнаружены вне археологического контекста (среди этих находок: один грош Петра I Мушата (1382—1384/1386), три — Стефана I, пять

полугрошей Александра I (1425/1430) и один грош Стефана IV), тем не менее, они четко вписываются в обозначившуюся хронологическую схему присутствия молдавских денег в Крыму.

В последнее время удалось ввести в оборот ещё два редких акче господаря Иона Водэ Лютого (Руссев 2010: 212, рис. 2; Алексеев, Цепков 2013: 34; Алексеев 2018b: 18—19, №1, 2).

Таким образом, можно говорить о том, что к настоящему времени уже накоплен достаточно показательный материал, бесспорно свидетельствующий о проникновении молдавской монеты на крымские рынки уже с конца XIV столетия и так или иначе оставшейся участницей финансово-экономических операций на постоянной основе вплоть до конца XV в., спорадично появляясь вплоть до последней четверти XVI в.

Исходя из анализа находок монет молдавских господарей в Северном Причерноморье, проведённого в свое время П.П. Бырней и Н.Д. Руссевым, черноморское побережье Крыма являлось одним из направлений проникновения денег сучавской чеканки в первой половине XV в. (Бырня, Руссев 1999: 212, рис. 36). Как известно, этот регион всегда имел свои особенности, но в данный период он предстаёт как одна из особых международных контактных зон, где сталкиваются интересы сразу нескольких политических и экономических сил — сначала византийцев и золотоордынцев Крыма, затем крымских ханов, генуэзской администрации Каффы, литовских князей, польских королей и, наконец, султанов Порты. Примечательно, что данный тезис в известной мере подтверждается и находками монет правителей этих и даже некоторых других западноевропейских государств (Alekseienko 2011: 13; Алексеев 2014: 29—33; 2016: 11—15; 2017: 105—106). Наличие среди иноземной монеты молдавских выпусков (заметим, что в последнее время они стали даже доминировать среди находок иностранных денег в Крыму (!) и теперь совсем уже не кажутся столь малочисленными), позволяет говорить о том, что и эмиссии молдавских правителей занимали свое достойное место в развитии товарно-денежных отношений во всём крымском регионе.

Непрекращающиеся находки молдавских монет на территории средневековой Таврики, теперь происходящих не только с её южного побережья, вне всякого сомнения очевидное свидетельство, подтверждающее этот тезис. И сегодня, в очередной раз, мы можем допол-

нить нашу нумизматическую карту находок молдавских монет новыми экземплярами, выявленными на территории Юго-Западного Крыма, в окрестностях г. Севастополь, часть из которых даёт интересную, важную, а порой и уникальную информацию. К новообнаруженным выпускам относится восемь экземпляров, традиционно охватывающих период от начала становления Молдавского государства и вплоть до эпохи Стефана Великого.

К ранним выпускам молдавских монет относится один низкопробный грош, который в нумизматической литературе традиционно относят к выпускам Петра I Мушата (ок. 1375—1391¹) и, как правило, датируют концом его правления (ср. Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: 55—57, нр. 284—342). Некоторые из исследователей завышают дату выпуска этих монет, предполагая, что монеты выпускались от имени Петра I в период его соправления с Романом I в 1392—1394 (ср. Pârvan 1997: 229—230; Pârvan, Constantinescu 2003—2005: 242—244 и так далее), хотя, по мнению большинства историков, Петр пропадает из письменных источников в конце 1391 г., будучи к весне 1392 года, вероятнее всего, мертв.

На наш взгляд, по ряду характерных особенностей, среди которых имя господаря, набранное с ошибками и против часовой стрелки (IRLEP вместо PETRI), а также общий аспект самих монетных выпусков и их косвенная связь с монетами Стефана I могут указывать на тот факт, что монеты данного типа выпускались Романом I (1392—1394/1395) в виду экстренной политико-экономической ситуации в стране. В качестве гипотезы эта точка зрения была заявлена в небольшой статье (Dergaciovă 2014: 219) и в развернутом виде она будет представлена в другой, готовящейся к выходу, работе.

Аверс. Голова быка анфас, между рогами пятиконечная звезда (стёрта); справа полумесяц², слева лилия на стебле, зажатом во рту быка. Два ряда точечных ободков, во внешнем легенда, набранная против часовой стрелки [...]IOVIRLE[...].

Реверс. Рассеченный геральдический щит: I три балки, II две лилии, расположенные вертикально 1/1. Два ряда точечных ободков, во внешнем легенда [...]LDAV[...].

¹ Здесь и далее, период правления господарей по работе (Domni... 2005).

² Описание сделано по геральдическим канонам, по которым правая сторона находится слева от смотрящего, а левая, соответственно, справа.

1. Bill, 1,0 гр., 17×18 мм, 3h; штемпель аверса смазан, монетный диск стерт и слегка деформирован (рис. 1: 1).

Значительная подборка монет относится к правлению Александра I Доброго (1400—1432). Она представлена двумя категориями монет (№2—4 и, соответственно, №5, 6). Первая характеризуется низкопробными грошами, выпущенными в самом начале правления эмитента, около 1400—1402 гг. (Pârvan 2000: 563—572). А вторая — медными монетами мелкого достоинства, названными в свое время полугрошами V-го типа, по мнению одних специалистов (Iliescu 1970: 28; Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: 62, нр. 418; Iliescu 2000: 82 и многие другие) или пулами, по недавним разработкам других (Dergaciovă 2013—2014: 154—173).

Гроши характеризуются следующим образом:

Аверс. Голова быка анфас, между рогами пятиконечная звезда; справа роза, слева полумесяц. Два ряда точечных ободков, во внешнем легенда.

Реверс. Рассеченный геральдический щит: I три балки, II две лилии, расположенные вертикально 1/1. Два ряда точечных ободков, во внешнем легенда.

Ср. Iliescu 1970: 27 («предшествующий» тип); Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: 59—60, нр. 356—367 (тип I); Iliescu 2000: 77, 79, нр. 2 (фаза I, года 1400—1408).

2. Bill, 0,9 гр., 17 мм, 1h; нечёткий оттиск штемпелей обеих сторон (рис. 1: 2).

Аверс. SALD (D перевернута)XADND (D перевернута) RV

Реверс. SMOLDAVD (D перевернута) NS

3. Bill, 0,8 г, 16×17 мм, 5h; нечёткий оттиск штемпелей обеих сторон, корродирована (рис. 1: 3).

Аверс. [...]ADR? E[...]

Реверс. [...]MOLDAVIENS

4. Bill, 0,7 г, 18 мм, 11h; нечёткий оттиск штемпелей обеих сторон, двойной удар реверса, радиальные трещины по краю (рис. 1: 4).

Аверс. S[...]ND (D перевернута)RV

Реверс. SMOLD[...]D (D перевернута) NS

Молдавские пулы:

Аверс. Голова быка анфас, между рогами пятиконечная звезда; справа роза, слева полумесяц. Точечный ободок.

Реверс. Рассеченный геральдический щит: I три балки, II семь лилий, расположенных вертикально 4/3; справа от щита буква А. Точечный ободок.

Ср. Iliescu 1970: 29 (полугроши, серия V, год 1430); Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977:

62, nr. 418 (полугроши, тип V); Iliescu 2000: 82, nr. 21 (фаза III, эмиссия IX (параллельная), годы 1425—1430).

5. АЕ, 0,9 г, около 15 мм, 2h; заготовка неправильной формы; нечёткий оттиск штемпелей обеих сторон (рис. 1: 5).

6. АЕ, 0,9 г, около 15 мм, 9h; заготовка неправильной формы; нечёткий оттиск штемпелей обеих сторон (рис. 1: 6).

К категории мелких монет типа пул Александра I может быть отнесена еще одна монета, уникальная за счет надчекана/контрамарки, выявленной на ее лицевой стороне. Монета характеризуется следующим образом:

Аверс. Голова быка анфас, между рогами пятиконечная звезда (просматривается только звезда между рогами). Голова быка, приходящаяся на центральную и нижнюю часть монетного диска, перекрыта контрамаркой крупных размеров, повернутой на 3 часа по отношению к первоначальному изображению. Надчекан в виде башни Давида с тремя бастиянами (Schlumberger 1878: 90), условно названная в нумизматической литературе генуэзским замком или «порталом», расположена в ободке из широко расставленных крупных точек.

Реверс. Рассеченный геральдический щит: I три балки, II лилии; справа от щита буква А. Изображение сильно стерто, в основном сохранился контур более крупных деталей изображения.

7. АЕ, 0,75 г, 15 мм, 10h; сохранность плохая, радиальные трещины по краю (рис. 1: 7).

Генуэзскими этот тип надчеканов назвал ещё О. Ретовский. Он отмечал, что они имеют три разновидности (наш относится к третьей) и встречаются на медных и серебряных монетах (Ретовский 1906: 71, табл. VI: 3). Дж. Лунард, опираясь на материалы О. Ретовского, также приводит данный тип надчеканов (С71). Однако, отказывается от их конкретной датировки и называет лишь общий период пребывания итальянцев в Крыму с 1265 по 1475 гг. (Lunardi 1980: 123, nr. С71, var. a).

Монеты с надчеканами типа «портал» хорошо известны по находкам в Крыму. Как правило, они присутствуют на золотоордынских пулах XIV в., некоторые из которых были обнаружены во время археологических раскопок в Каффе в 1994—1996 гг. (Бочаров 1999: 130—136). Культурные слои, в которых были выявлены подобные монеты, относятся к первой половине XV века, а период надчекана медных монет подобными контрамарками

С. Г. Бочаров склонен относить к 20—30-м гг. того же XV в. (Бочаров 1999: 135). Также высказывалась точка зрения о более позднем периоде их нанесения (Майко 2016а: 289, 293, №9).

Встречены они и на двенадцати экземплярах аспров из Старокрымского клада 1983 г. Исследовавшая его М. Б. Северова, исходя из сопоставления трёх различных надчеканов в кладах («хан», «тамга» и «портал») и определяя их последовательность, считала последней самой младшей и относила её к первой четверти XV в. (Северова 1990: 43—46). С чем не согласен В. А. Сидоренко. По мнению исследователя, «время генуэзских надчеканов практически совпадает с джучидской “хан”, и надчеканка “портал” появилась во времена правления хана Джанибека, ещё до “мамаевой тамги”» (Сидоренко 2016: 62).

В то же время, наш экземпляр был бесспорно отчеканен позже правления Джанибека и относится к эмиссионным выпускам Александра I (около 1425—1430 гг.). Это, в свою очередь, противоречит данным Старокрымского клада и предложенной В. А. Сидоренко датировке. Но только на первый взгляд, поскольку проблема датировок генуэзских контрамарок типа «портал», вероятнее всего, заключается не только в самих надчеканах, но в их разновидностях и особенно в номинальной стоимости монет, которые подвергались подобному процессу. Отделив надчеканенные аспры от точно так же контрамаркированных пулов, мы получим две разновременные группы контрамарок, первые из которых действительно могли наноситься в середине XIV века, не позднее 1380 года, как предполагает В. А. Сидоренко (Сидоренко 2016: 62), а вторые — на рубеже первой и второй четверти XV века. К сожалению, Старокрымский клад так и не был опубликован в полном объеме, на должном уровне не были воспроизведены и контрамарки с этих монет. Так что о стилистических различиях контрамарок типа «портал» мы можем судить только по работе О. Ретовского, который еще в 1906 году, графически воспроизводя надчеканы, отмечал, что генуэзские «порталы» на медных и серебряных монетах обладают многочисленными характерными отличиями (ср. Ретовский 1906: табл. VI: 3).

Не располагая надчеканенными аспрами и преследуя другие цели, в данном исследовании мы не будем углубляться в тему стилистических различий контрамарок типа «портал». Отметим лишь, что вплоть до обнаружения нашего экземпляра надчеканенные медные

монеты, обнаруженные в Крыму, не поддавались атрибуции в силу сильной стертости самих монет и утери изначального изображения в ходе нанесения надчеканов. Тогда очевидно было лишь то, что монеты относятся к категории джучидских пулов, отчеканенных в XIV веке. Именно поэтому находка молдавской монеты является столь значимой. В этом контексте мы склонны лишь отчасти согласиться с предложенной С.Г. Бочаровым датировкой, незначительно сместив период надчеканки медных пулов каффскими контрамарками на 30—40 гг. XV в. Вероятно, надчеканка монеты была вызвана осложнившейся ситуацией в Каффе и военными действиями с соседями в период 1434—1440 годов. Более подробно об этой монете и предпосылках связанных с ее надчеканкой будет изложено в другой тематической работе.

Последняя монета из нашей подборки принадлежит сучавскому чекану Александра II (1448—1455, с перерывами). Это грош, отчеканенный из низкопробного серебра. Подобный тип был ошибочно отнесен авторами каталога к одному из типов Александра I Доброго (Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: 62, пг. 414—417, тип V), однако позднее, ввиду иконографических особенностей, реатрибутирован Александру II (ср. Vița 1986: 291—296).

Аверс. Голова быка анфас, между рогами пятиконечная звезда; справа роза, слева полумесяц. Два ряда точечных ободков, во внешнем легенда: [...]M[...]NEAVOIVOD[...]

Реверс. Рассеченный геральдический щит: I три балки, II пять лилий, расположенных вертикально 3/2; буква N над щитом. Два ряда точечных ободков, во внешнем легенда: +MONE[...]A (A перевернута) S[...]

8. AR (Bill), 0,7 г, 19 мм, 4h; пробита, сильно стерта (рис. 1: 8).

Завершая наш краткий обзор молдавских монетных находок на территории средневековой Таврики, который, надеемся, даст новую почву для раздумий в области молдавской нумизматики и приведет к новым интересным открытиям, подведём некоторые итоги.

Постоянное пополнение сведений о находках новых экземпляров молдавских монет в значительной степени расширило наши знания об ареале их распространения на территории полуострова. Если раньше речь шла только о побережье и это естественно связывалось с деятельностью генуэзцев и их торгово-экономической миссией, то сегодня мы можем констатировать, что молдавская монета проникала не только на рынки

поселений южного побережья и предгорий, но и в степные районы Центрального и Восточного Крыма.

К сожалению, у нас пока нет никаких данных о находках молдавских монет в генуэзской Каффе или поздневизантийской Керчи-Боспоро, как в прочем и во многих других крымских центрах. Ещё ждут своей публикации молдавские монеты, в своё время обнаруженные на территории византийского Херсона. Тем не менее, хочется верить, что продолжающиеся раскопки многих средневековых крепостей и поселений, а также случайные находки, со временем принесут свои плоды, которые, надо полагать, дополнят и уточнят общую картину распространения молдавской монеты на территории региона.

В свое время В.П. Кирилко из-за недостаточности данных очень осторожно предложил точку зрения о вероятности существования тесных связей, по крайней мере, торговых контактов, между Крымским регионом и Молдавским княжеством уже в правление Александра I Доброго (Кирилко 1997: 183). Думается, что появление находок монет Петра I Мушата теперь лишний раз подтверждает мнение крымского учёного, о том, что основные центры средневековой Таврики с прилегающими к ним районами так или иначе входили в сферу интересов Молдавского государства с самого раннего периода его становления. В дальнейшем (с середины XV столетия) и господари Молдовы, и представители генуэзской администрации в Каффе, безусловно, были заинтересованы как в развитии торговых отношений, так и в поиске надежных союзников в связи со всё обостряющейся внешнеполитической обстановкой и возрастающей османской угрозой. Уже не раз отмечалось, что генуэзские власти настоятельно рекомендовала каффинской администрации поддерживать самые тесные отношения с причерноморскими владетелями. Особо среди них отмечался и союзник молдавского господаря — Монкастро (Iorga 1895: 50; 1937: 117). И связи эти, очевидно, действительно имели место. По крайней мере, об этом может свидетельствовать находка в Крыму одной из редких монкастровских монет типа «Аспрокастрон» (Алексеев, Дергачева, Цепков 2014: 350—351, №8, рис. 1: 8), а акче Крымского ханства и генуэзско-татарские аспры и фоллари хорошо известны по находкам и в Белгороде-Днестровском, и на территории Молдовы.

Таким образом, сегодня у нас уже есть все основания констатировать, что присут-

ствие среди нумизматических находок средневековой Таврики монет молдавских владетелей, которых с течением времени становится всё больше, не только вновь заостряют вопрос о так или иначе существовавших контактах местного населения Крыма (генуэзцев или крымских ханов) с Молдавским княжеством, но и об очевидном (хотя может быть и не очень значительном) участии монет последнего в денежном обращении Крыма и в период становления Молдавского государства, и в заключительный период существования здесь итальянских владений во второй — третьей четверти XV в. вплоть до их падения в 1475 году.

Роль и значение редких, даже в музейных собраниях, акче Иоана Водэ Лютого пока не совсем ясна. Османская Порта вряд ли была заинтересована в развитии «добрососедских» связей с Молдовой в этот период. Как известно скоротечное правление Иоана Водэ ознаменовалось освободительной борьбой

против Порты и закончилось турецкой оккупацией земель Молдовы (Горецкий 1890: 134), которые начисто ограбили верные сателлиты османов — татары, разрушив селения и захватив в полон большое количество мирного населения (Руссев 1982: 171).

Появление монет Иоана в Крыму в третьей четверти XVI столетия Н. Д. Руссев склонен связывать не с торговыми связями регионов, а с военно-политической катастрофой господаря, в результате которой молдавские монеты были вывезены из страны в качестве татарских трофеев в 1574 году в ходе одного из набегов на юг Молдовы (Руссев 2010: 215).

Вот таковым на данном этапе пока представляется проникновение молдавских монет на территорию средневековой Таврики, и остаётся только надеяться, что новые находки сумеют внести ясность в пока ещё не решённые вопросы и позволят открыть новые неизвестные страницы истории взаимоотношений двух соседствующих регионов.

Литература

- Адаксина и др. 1994: Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Лысенко А. В., Татарцев С. В., Тесленко И. Б., Семин С. В. 1994. Исследование крепости Алустон. В: Кутайсов В. А. (отв. ред.). *Археологические исследования в Крыму, 1993 г.* Симферополь: Таврия, 15.
- Алексеев Н. А. 2008. Взаимоотношения Крыма с Северо-Западным Причерноморьем в XV в. по нумизматическим данным: молдавские монеты на территории генуэзской крепости Чамбало. *ДП* 8, 9—15.
- Алексеев Н. А. 2013. Комплекс позднесредневековых монет из окрестностей Севастополя как индикатор широких контактов населения юго-западного Крыма. *ДП* 10, 28—38.
- Алексеев Н. А. 2014. К вопросу о составе денежного рынка Балаклавы в османский период (1475—1783 гг.) (по данным раскопок крепости Чамбало). *Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2014 г. Материалы докладов и сообщений.* Москва, 29—33.
- Алексеев Н. А. 2016. Заграничные деньги на рынках средневековой Таврики. В: Алексеев Н. А. (отв. ред.). *IV Международный нумизматический симпозиум «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка».* Материалы научной конференции. Севастополь, 11—15.
- Алексеев Н. А. 2017. Трапезундские аспры и палеологовские фоллары на денежном рынке генуэзской крепости Чамбало. *XIX Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 18—22.04.2017. Тезисы докладов и сообщений.* Москва, 105—106.
- Алексеев Н. А. 2018а. Клад молдавского купца из крепости Чамбало. *Херсонесский сборник* 19, 17—28.
- Алексеев Н. А. 2018б. Молдавские акче в Крыму в период османского завоевания. В: Алексеев Н. А. (отв. ред.). *V Международный нумизматический симпозиум «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка».* Материалы научной конференции. Симферополь; Москва, 17—20.
- Алексеев Н. А., Цепков Ю. А. 2013. Новые находки молдавских монет в юго-западном Крыму. В: Boldureanu A. (preş. com. org.). *Al XIV-lea Simpozion de numismatică. Dedicat aniversării a 20-a a leului moldovenesc. Programul şi rezumatele comunicărilor (Chişinău, 26—28.09.2013).* Chişinău: Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, 32—35.
- Алексеев Н. А., Держачева Л. В., Цепков Ю. А. 2014. Новые находки молдавских монет в юго-западном Крыму. *Stratum plus* (6), 347—353.
- Бочаров С. Г. 1999. Генуэзско-татарские медные монеты Каффы. *Stratum plus* (6), 130—136.
- Быря П. П., Русев Н. Д. 1999. Монеты средневековой Молдавии (Историко-нумизматические очерки). *Stratum plus* (6), 176—262.
- Горецкий Л. 1890. Описание войны Ивонии, господаря волошского (1574). В: Антонович В. (ред.). *Мемуары, относящиеся к истории южной Руси I (XVI ст.).* Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 89—136.
- Держачева Л. В. 2012. Клад молдавских монет XV в., найденный в окрестностях Симферополя. *Stratum plus* (6), 199—221.
- Кирилко В. П. 1997. О находке молдавской монеты на Фуне. *Археология Крыма* (1). Симферополь, 181—184.
- Крамаровский М. Г. 1989. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII—XIV вв. В: Смирнова Г. И. (науч. ред.). *Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Сборник научных трудов.* Ленинград: ГЭ, 141—157.
- Майко В. В. 2000. Средневековая молдавская монета из Сутдей. *Stratum plus* (6), 427—428.
- Майко В. В. 2003. Кырк-Ерский клад XV в. *Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция.* Санкт-Петербург: ГЭ, 97—98.
- Майко В. В. 2004. Кырк-Ерский клад XV в. и его место

- среди синхронных кладов Таврики. *Древности 2004. Харьковский историко-археологический ежегодник*. Харьков: НМЦ «МД», 82—86.
- Майко В.В. 2007. *Кырк-Ерский клад городища Чуфут-Кале в юго-западном Крыму*. Киев: Академперіодика.
- Майко В.В. 2009. Молдавские монеты XV в. в средневековой Судее. *Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция*. Москва: Нумизматическая литература, 97—98.
- Майко В.В. 2016a. Генуэзские и татаро-генуэзские монеты средневекового Солхата. *МАИЭТ XXI*, 287—299.
- Майко В.В. 2016b. Молдавские монеты средневекового Солхата. *Stratum plus* (6), 311—316.
- Майко В.В., Алексеенко Н.А. 2018. Нумизматический комплекс из раскопок храма у горы Килиса-Кая близ Судака. В: Алексеенко Н.А. (отв. ред.). *V Международный нумизматический симпозиум «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка»*. Материалы научной конференции. Симферополь; Москва, 81—86.
- Ретовский О. 1906. *Генуэзско-татарские монеты*. ИАК 18. Санкт-Петербург.
- Руссев Е.М. 1982. *Молдавское летописание — памятник феодальной идеологии*. Кишинёв: Штиинца.
- Руссев Н.Д. 2010. Монеты Иоанна Лютного — свидетельства международных связей Молдавии второй половины XVI в. *Stratum plus* (6), 211—218.
- Северова М.Б. 1990. Пополнение фонда джучидских монет Эрмитажа (по материалам Старокрымской археологической экспедиции). *СГЭ* 54, 44—45.
- Сидоренко В.А. 2016. *Монетная чеканка Крымского ханства (1442—1475)*. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Сидоренко В.А., Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А. 2015. Клад серебряных монет XV в. из окрестностей с. Новая Бобровка в Юго-Западном Крыму. *Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 г.* Москва: Афина-Принт, 110—115.
- Харко Л.П. 1961. Монетные находки Тавро-Скифской экспедиции 1946—1950 и 1957 гг. *Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Северном Причерноморье*. МИА 96. Москва: АН СССР, 214—222.
- Alekseienko N. 2011. Monetary Circulation in Genoese Chembalo (14th—15th cc.) and Ottoman Balaklava (1475—1783). In: Boldureanu A. (preş. com. org.). *Al XII-lea Simpozion de numismatică. Programul şi rezumatele comunicărilor* (Chişinău, 15—17.09.2013). Chişinău, 13.
- Biţa T. 1986. Opinii privind emisiunile monetare din timpul lui Alexandru al II-lea, 1449, 1452—1454, 1455). *BSNR* 131—133, 291—296.
- Buzdugan G., Luchian O., Oprescu C. 1977. *Monede şi bancnote Româneşti*. Bucureşti: Sport.
- Dergaciova L. 2013—2014. New coin hoard findings of Moldovan divisional specimens. Contributions to the knowledge of monetary system of Alexander I (1399/1400—1432). *Oltenia. Studii şi comunicări. Arheologie-Istorie* 20—21, 154—173.
- Dergaciova L. 2014. Monede medievale moldoveneşti din colecţii particulare din Republica Moldova (VIII). *Revista Arheologică* 10, 218—224.
- Dergaciova L., Bojko-Gagarin A. 2010. Noi descoperiri de monede moldoveneşti în regiunea de nord-est a Mării Negre. *CN* 16, 235—249.
- Domnii... 2005: Dragnev D. (ed.). 2005. *Domnii Țării Moldovei. Studii. Chişinău: Civitas*.
- Iliescu O. 1970. *Moneda în România*. Bucureşti: Editura Meridiane.
- Iliescu O. 2000. Aspecte ale economiei monetare în Moldova sub domnia lui Alexandru cel Bun. *Revista Istorică* 11, 59—95.
- Iorga N. 1895. *Acte si fragmente privind istoriei Romane*. Vol. III. Bucureşti: Impr. Statului.
- Iorga N. 1937. Noi descoperiri privitoare la istoria Românilor. *AARMSI* 19, 189—198.
- Lunardi G. 1980. *Le monete delle colonie Genovesi*. Atti della Società Ligure di Storia Patria, N.S., 20 (94), fasc. 1. Genova: Nella Sede Della Società Ligure di Storia Patria.
- Pârvan K. 1997. Aspecte ale monetăriei Moldovei la sfârşitul secolului al XIV-lea. B: Potra G. (red.). *130 de ani de la crearea sistemului monetar românesc modern*. Bucureşti: Editura Enciclopedică, 208—246.
- Pârvan K. 2000. Monede moldoveneşti descoperite în Dobrogea. B: Iacob M., Oberländer-Târnoveanu E., Topoleanu F. (red.). *Istro-Pontica. Muzeul Tulcean la a 50-a aniversare 1950—2000*. Tulcea: Consiliul Judeţean, 563—572.
- Pârvan K., Constantinescu B. 2003—2005. Tezaurul de groşi moldoveneşti din secolul al XIV-lea descoperit la Mărmureni, com. Oniceni, jud. Neamţ. *CN* 9—11, 225—286.
- Schlumberger G. 1878. *Numismatique de L'Orient Latin*. Paris.

References

- Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Lysenko, A.V., Tatartsev, S.V., Teslenko, I.B., Semin, S.V. 1994. In Kutaisov, V.A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu, 1993 g.* (Archaeological Research in the Crimea in 1993). Simferopol: "Tavriia" Publ., 15 (in Russian).
- Alekseienko, N.A. 2008. In *Drevnee Prichernomor'e. Kratkie soobshcheniia Odesskogo arkhelogicheskogo obshchestva* (Ancient Pontic Region. Concise Bulletins of the Odessa Archaeological Society) 8, 9—15 (in Russian).
- Alekseienko, N.A. 2013. In *Drevnee Prichernomor'e. Kratkie soobshcheniia Odesskogo arkhelogicheskogo obshchestva* (Ancient Pontic Region. Concise Bulletins of the Odessa Archaeological Society) 10, 28—38 (in Russian).
- Alekseienko, N.A. 2014. In *Numizmaticheskie chteniia Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia 2014 goda* (Numismatic Readings of the State Historical Museum of 2014). Moscow, 29—33 (in Russian).
- Alekseienko, N.A. 2016. In Alekseienko, N.A. (ed.). *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka* (Pontic Money-Changer: Money of the Local Market) IV. Sevastopol, 11—15 (in Russian).
- Alekseienko, N.A. 2017. In *XIX Vserossiiskaia numizmaticheskaiia konferentsiia* (19th All-Russian Numismatic Conference. Abstracts and Reports). Moscow, 105—106 (in Russian).
- Alekseienko, N.A. 2018. In *Khersonesskii sbornik* (Chersonessos Collected Works) 19, 17—28 (in Russian).
- Alekseienko, N.A. 2018. In Alekseienko, N.A. (ed.). *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka* (Pontic Money-Changer: Money of the Local Market) V. Simferopol; Moscow, 17—20 (in Russian).
- Alekseienko, N.A., Tsepkov, Yu.A. 2013. In Boldureanu A. (preş. com. org.). *Al XIV-lea Simpozion de numismatică. Dedicat aniversării a 20-a a leului moldovenesc. Programul şi rezumatele comunicărilor* (Chişinău, 26—28.09.2013). Chişinău: Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, 32—35 (in Russian).
- Alekseienko, N.A., Dergaciova, L.V., Tsepkov, Yu.A. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 347—353 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 130—136 (in Russian).
- Bârnea, P.P., Russev, N.D. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 176—262 (in Russian).
- Gorecki, L. 1890. In Antonovich, V. (ed.). *Memuary, otosiasht-*

- chiesia k istorii iuzhnoi Rusi (*Memories on the History of Southern Russia*). Issue I. XVI st. (16th Century). Kiev: Typography of G. T. Korczak-Nowicki, 89—136 (in Russian).
- Dergacheva, L. V. 2012. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 199—221 (in Russian).
- Kirilko, V. P. 1997. In *Arkheologiya Kryma* (Archaeology of Crimea) (1). Simferopol, 181—184 (in Russian).
- Kramarovskii, M. G. 1989. In Smirnova, G. I. (ed.). *Itogi rabot arkheologicheskikh ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha* (Results of Works of Archaeological Expeditions of the State Hermitage Museum). Leningrad: State Hermitage Museum, 141—157 (in Russian).
- Maiko, V. V. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 427—428 (in Russian).
- Maiko, V. V. 2003. In *Odinnadtsataia Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia. Tezisy dokladov i soobshchenii* (11th All-Russian Numismatic Conference. Abstracts and Reports). Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 97—98 (in Russian).
- Maiko, V. V. 2004. In *Drevnosti 2004. Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik* (Antiquities. 2004. Kharkov Historical and Archaeological Yearbook). Kharkov: "NMTs «MD»" Publ., 82—86 (in Russian).
- Maiko, V. V. 2007. *Kyrk-Erskii klad gorodishcha Chufut-Kale v Iugo-Zapadnom Krymu* (Kyrk-Er Hoard of the Chufut-Kale Fortified Settlement in South-Western Crimea). Kiev: "Akademperiodika" Publ. (in Russian).
- Maiko, V. V. 2009. In *Piatnadtsataia Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia. Tezisy dokladov i soobshchenii* (15th All-Russian Numismatic Conference. Abstracts and Reports). Moscow: "Numizmaticheskaya literatura" Publ., 97—98 (in Russian).
- Maiko, V. V. 2016. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria) XXI, 287—299 (in Russian).
- Maiko, V. V. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 311—316 (in Russian).
- Maiko, V. V., Alekseenko, N. A. 2018. In Alekseenko, N. A. (ed.). *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka* (Pontic Money-Changer: Money of the Local Market) V. Simferopol; Moscow, 81—86 (in Russian).
- Retovskii, O. 1906. *Genuezsko-tatarskie monety* (Genoese-Tartar Coins). Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission) 18. Saint Petersburg (in Russian).
- Russev, E. M. 1982. *Moldavskoe letopisanie — pamiatnik feodal'noi ideologii* (Moldavian Chronicles as a Source on the Feudal Ideology). Kishinev: "Știința" Publ. (in Russian).
- Russev, N. D. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 211—218 (in Russian).
- Severova, M. B. 1990. In *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha* (Reports of the State Hermitage Museum) 54, 44—45 (in Russian).
- Sidorenko, V. A. 2016. *Monetnaia chekanka Krymskogo khanstva (1442—1475)* (Coinage of the Crimean Khanate in 1442—1475). Simferopol: "Biznes-Infom" Publ. (in Russian).
- Sidorenko, V. A., Alekseenko, N. A., Tsepkov, Yu. A. 2015. In *Numizmaticheskie chteniia Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia 2015 goda* (Numismatic Readings of the State Historical Museum of 2015). Moscow: "Afina-Print" Publ., 110—115 (in Russian).
- Kharko, L. P. 1961. In *Pamiatniki epokhi bronzы i rannego zheleza v Severnom Prichernomor'e* (Sites of the Bronze and Early Iron Age in the Northern Pontic Region). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 96. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 214—222 (in Russian).
- Alekseienko, N. 2011. Monetary Circulation in Genoese Chembalo (14th—15th cc.) and Ottoman Balaklava (1475—1783). In Boldureanu, A. (preș. com. org.). *Al XII-lea Simpozion de numismatică*. Programul și rezumatele comunicărilor (Chișinău, 15—17.09.2013). Chișinău, 13.
- Bița, T. 1986. Opinii privind emisiunile monetare din timpul lui Alexandrel (Alexandru al II-lea, 1449, 1452—1454, 1455). BSNR 131—133, 291—296.
- Buzdugan, G., Luchian, O., Opreșcu, C. 1977. *Monede și bancnote Românești*. București: Sport.
- Dergaciova, L. 2013—2014. New coin hoard findings of Moldovan divisional specimens. Contributions to the knowledge of monetary system of Alexander I (1399/1400—1432). *Oltenia. Studii și comunicări. Arheologie-Istorie* 20—21, 154—173.
- Dergaciova, L. 2014. Monede medievale moldovenești din colecții particulare din Republica Moldova (VIII). *Revista Arheologică* 10, 218—224.
- Dergaciova, L., Bojko-Gagarin, A. 2010. Noi descoperiri de monede moldovenești în regiunea de nord-est a Mării Negre. CN 16, 235—249.
- Dragnev, D. (ed.). 2005. *Domnii Țării Moldovei. Studii*. Chișinău: Civitas.
- Iliescu, O. 1970. *Moneda în România*. București: Editura Meridiane.
- Iliescu, O. 2000. Aspecte ale economiei monetare în Moldova sub domnia lui Alexandru cel Bun. *Revista Istorică* 11, 59—95.
- Iorga, N. 1895. *Acte și fragmente privind istoriei Romane*. Vol. III. București: Impr. Statului.
- Iorga, N. 1937. Noi descoperiri privitoare la istoria Românilor. *AARMSI* 19, 189—198.
- Lunardi, G. 1980. *Le monete delle colonie Genovesi*. Atti della Società Ligure di Storia Patria, N. S., 20 (94), fasc. 1. Genova: Nella Sede Della Società Ligure di Storia Patria.
- Pârvan, K. 1997. Aspecte ale monetăriei Moldovei la sfârșitul secolului al XIV-lea. In Potra, G. (red.). *130 de ani de la crearea sistemului monetar românesc modern*. București: Editura Enciclopedică, 208—246.
- Pârvan, K. 2000. Monede moldovenești descoperite în Dobrogea. In Iacob, M., Oberländer-Târnoveanu, E., Topoleanu, F. (red.). *Istro-Pontica. Muzeul Tulcean la a 50-a aniversare 1950—2000*. Tulcea: Consiliul Județean, 563—572.
- Pârvan, K., Constantinescu, B. 2003—2005. Tezaurul de groși moldovenești din secolul al XIV-lea descoperit la Mărmureni, com. Oniceni, jud. Neamț. CN 9—11, 225—286.
- Schlumberger, G. 1878. *Numismatique de L'Orient Latin*. Paris.

Статья поступила в сборник 20 января 2019 г.

Nikolai Alekseenko (Simferopol, Crimea). Dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne). Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences¹.

Алексеев Николай Александрович (Симферополь, Крым). Доктор средневековых исследований (Париж IV-Сорбонна). Институт археологии Крыма Российской Академии наук.

E-mail: AlekseyenkoNikolaj@gmail.com

Lilia Dergacheva (Bucharest, Romania). Doctor of History. The Numismatic Cabinet, The Romanian Academy Library².

Дергачёва Лилия Валентиновна (Бухарест, Румыния). Доктор истории. Нумизматический кабинет, Библиотека Румынской академии.

E-mail: dergaciova.lili@gmail.com

Addresses: ¹ Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea; ² Calea Victoriei, 125, sector 1, Bucharest, 010071, Romania

Материя значений

Matter of Meanings

М. М. Чореф

К вопросу о датировании совместного правления Радамсадия и Рескупорида V

Keywords: Bosphorus, Roman period, history, numismatics, Rhadamsades, Rhescuporis V

Ключевые слова: Боспор, римский период, история, нумизматика, Радамсад, Рескупорид V

M. M. Choref

On Dating of the Joint Rule of Rhadamsades and Rhescuporis V

The study was conducted to establish the fact and dating of the joint rule of Rhadamsades and Rhescuporis V. The inscription of CIRB 66 and the coins of these sovereigns became objects of this study. We believe that Rhescuporis V was co-regent of Rhadamsades since his assumption of power. Moreover, these sovereigns were not originally equal, judging by the fact that in the first years of their joint rule, only Rhadamsades had the right to emit money. Rhescuporis V received the right to mint his coins after winning a war with external enemies. Rhadamsades and Rhescuporis V jointly ruled the Kingdom of Bosphorus until the former's death.

M. M. Чореф

К вопросу о датировании совместного правления Радамсадия и Рескупорида V

Исследование было проведено с целью установления факта и датирования совместного правления Радамсадия и Рескупорида V. Объектами изучения стали: надпись КБН 66, а также монеты этих государей. Полагаем, что Рескупорид V был соправителем Радамсадия с момента его прихода к власти. Причем эти государи изначально не были равноправными. Судим по тому, что в первые годы их совместного правления только Радамсаций имел право на денежную эмиссию. Рескупорид V получил право на выпуск своих монет после победы в войне с внешними врагами. Радамсаций и Рескупорид V совместно управляли Боспорским царством до смерти первого из них.

Несмотря на многолетние исследования, поздняя история Боспорского царства¹ все еще недостаточно изучена. Проблема в том, что до нашего времени дошло сравнительно мало письменных источников, содержащих сведения о протекавших в нем процессах. И это не удивительно. Древних историков² не интересовали события, произошедшие на дальней периферии античного мира, — если, конечно, они не затрагивали Средиземноморье (Amm. Marc., XXII, 7, 8, 10, XXXI, 1, 2, 3, 1—3; Const. Porph. De adm. imp., 53; SHA, Aurel. XXII, 2, Tac. Ann., 13, 2—3; Steph. Byz. Ethn., Βόσπορος, Παντικύλαιον; Zosim, I, 23, 1, 31—35, 64, 2, II, 2, IV, 20, 1—3, XXXI—XXXII, XLII, 1—2).

Значительно информативнее памятники эпиграфики, обнаруженные на территории Боспора. Речь идет, в первую очередь, о посвященных надписях с упоминаниями царей. Так, весьма интересны тексты Радамсадия (606—619 гг. б. э., 309/310—322/323 гг. н. э.) и Рескупорида V³ (КБН 1965: 65, 66, 1112; КБН

¹ Принимаем периодизацию истории этого государства, предложенную Н. Н. Болговым. Как верно заметил ученый, поздний период истории Боспора соответствует IV — началу VI вв. н. э. (Болгов 1996; 2003: 164—170).

² Этот вопрос детально рассмотрен Н. Н. Болговым (Болгов 1996: 7—9).

³ До сих пор продолжается дискуссия по вопросу о числе Рескупоридов, царствовавших на Боспоре. Причем не ясно, как долго правил последний из них, выпускавший свои датированные монеты. Так, Н. А. Фролова полагала, что этих государей было шесть (Фролова 1997: 117—138, 323—372). Примечательно, что исследователь не считала верным мнение Б. В. фон Кёне и П. О. Бурачкова, заключивших, что первым Рескупоридом был Аспург (311—334 гг. б. э., 14/15—37/38 гг. н. э.) (Фролова 1997а: 66—67). Однако она начала свой отсчет Рескупоридов на боспорском троне со второго из них, правившего в 365—389 гг. б. э. (68—92/93 гг. н. э.) (Фролова 1997а: 103—117). Тем самым, Н. А. Фролова de facto поддержала Б. В. фон Кёне и П. О. Бурачкова. В. А. Анохин не разделял эту точку зрения. Ученый изначально полагал, что царей Рескупоридов на Боспоре было пять (Анохин 1986: 153—154, 166—168, 169, 170—171, 173—174, №354—386, 628—653, 671—672, 690—722, 764—777, табл. 13: 354—366, 14; 15: 385, 386; 29: 628—6296; 30;

2004: 65, 66, 1112; Яйленко 2010: 329—330, 564—565, 572). Упомянутые государи уделили большое внимание возведению оборонительных (КБН 1965: 1112; КБН 2004: 1112; Яйленко 2010: 329—330, 564—565) и, возможно, культовых (КБН 1965: 66; КБН 2004: 66) сооружений. Нельзя не упомянуть и строительную надпись Дуптуна⁴ (конец IV в. н. э. — 402 (?) г. н. э.) (КБН 1965: 67; КБН 2004: 67; Яйленко 2010: 433—439; 2017: 885—889) — самый содержательный из известных на данный момент памятников боспорской эпиграфики гуннского времени⁵. Немаловажно и то, что Дуптун был христианином — в начале первой и второй строк его надписи вырезаны кресты⁶ (КБН 2004: 67).

31; 32: 651—653; 33: 671—672; 34: 690—699г; 35; 36: 7126—722; 38: 764—768а; 39; 1999: 143—146, 155—159, 162, 164—168, 175—176, рис. 43; 49; 52; 54; 55; 60). Однако в последние годы он изменил свою точку зрения. Исследователь заключил, что боспорских Рескупоридов было четыре (Анохин 2011: 208—213, 270—279, 282—285, 286—295, 302—309, №1458—1491, 1903—1967, 2004—2009, 2030—2068, 2154—2203; 2016: 150, 154—155, 156—158, 160—162). Причем третий из них правил с перерывом с 233/234 по 276/277 г. Однако В. А. Анохин не объяснил, почему этого государя на время устранил от власти Ининфимей (530—535 гг. б. э.; 233/234—238/239 гг. н. э.), бывший изначально его соправителем. Также непонятно, что, в таком случае, по его мнению, позволило Рескупориду III сохранять контроль за Пантикапеем и Фанагорией в условиях «скифских войн» на столь длительное время. Полагаем, что тезисы В. А. Анохина вряд ли есть основания считать доказуемыми. Они основаны на неверной трактовке дифферентов, в которых ученый видит то указания на эмиссию денег от имени неизвестных сыновей и внуков правителей, то метки храмов и метки монетных дворов боспорских городов (Анохин 2016: 141—186). Наши трактовки такого рода обозначений приведены и обоснованы (Чореф 2012: 171—200; 2015а: 111—130; 2015с: 279—299; 2016: 119—124; 2017а: 441—467). Мы датируем правление Рескупорида V по нумизматическому и эпиграфическому материалу.

⁴ Принимаем прочтение его имени, предложенное составителями КБН (КБН 1965: 67) и В. П. Яйленко (Яйленко 2010: 433—439).

⁵ Имеем в виду надписи гуннских царицы (Б)оарекс и царя Грода (Яйленко 2017: 877—884) и комита Савага (Яйленко 2017: 889—890), а также прошение Паппа (IOSPE V: 266) и многочисленные краткие эпиграфии (IOSPE V: 267—306, 308, 310—312, 323, 326—328, 332, 333; Яйленко 2017: 890—893).

⁶ Первые христиане на Боспоре появились во второй половине III в. н. э. (Гайдукевич 1949: 466; Зинько 2010: 425—426). В конце этого столетия появились их участки на кладбище Пантикапея и Китея (Зинько 2010: 426—427). К 325 г. н. э. на Боспоре уже существовала епархия. Ее предстоятель Кадм участвовал в работе Никейского собора (Зинько 2010: 427).

Весьма интересны и лапидарные памятники с пространными текстами, установленные представителями боспорской элиты. Начнем с надписи на памятнике Аврелия Валерия Сога, сына Олимпа, наместника Феодосии. Ее датируют правлением Фофорса (582—606 гг. б. э., 285/286—307/308 гг. н. э.). Аврелий Валерий Сог гордился тем, что за шестнадцать лет жизни вдали от Боспора сделал отличную карьеру. Он не только стал известен августам Диоклетиану (284—305 гг. н. э.) и Максимиану (285—305, 306—308, 310 гг. н. э.), но и был почтен ими (КБН 1965: 64; КБН 2004: 64). Столь же интересна стела бывшего управляющего царскими землями, командира всадников и центуриона (?) М. Аврелия Андроника, сына Паппа, и его сына Алексарфа, лохага агриппейцев⁷ (КБН 1965: 1051; КБН 2004: 1051; Яйленко 2010: 286—287, 292—293). Ее также датируют периодом правления Фофорса. По мнению В. П. Яйленко, М. Аврелий Андроник и Алексарф погибли в бою, защищая родной город. Не случайно стела в их честь была установлена по распоряжению архонтов Кесарей.

Вполне возможно, что в тот период полисы Боспора вернули себе автономию (Чореф 2014: 331). И, в любом случае, их элиты были проримски настроены.

Нельзя обойти вниманием и надгробие гуннов, членов паракристианского фиа-са (КБН 1956: 1099; КБН 2004: 1099; Яйленко 2010: 426—433, 439—454; 2017: 909—910; IOSPE V: 331). Изучив его, В. П. Яйленко проследил процесс инкорпорации гуннов в боспорский социум.

Как видим, боспорские лапидарные памятники интересующей нас эпохи весьма информативны. Но они крайне редки. Так что их изучение не дает возможности заполнить все «белые страницы» поздней истории Боспора. Нет возможности даже установить, какие государи и когда управляли Боспором.

К сожалению, на территории этого государства до сих пор не найдены античные печати⁸. А их обнаружение позволило бы уточнить наши представления о контактах боспорских царей и представителей местной элиты с римскими властями.

⁷ Основываемся на прочтении, предложенном В. П. Яйленко (Яйленко 2010: 292—293).

⁸ Нам известны печати, найденные на территории Таврики. Но все они были найдены в округе Херсонеса. Причем эти артефакты датируют I в. до н. э. — I в. н. э. (Сапрыкин, Дорошко 2015: 239—246; Чореф 2015b: 267—276; 2017b: 99—114).

В этом аспекте весьма интересны памятники торевтики — керченские чаши (Залесская 2006: 41—43, №1—3) с изображениями Констанция II (324—337/337—361 гг.н.э.). Они ценны как свидетельства контактов между императором и вассальными от него правителями Боспора. Однако нет оснований считать эти связи регулярными. Ведь на чашах с бюстами Констанция II сохранилась надпись «DN CONSTANTII AVGVSTI VOTIS XX» («D[omini] N[o]stri Constanti Augusti votis XX») (Залесская 2006: 42—43, №2, 3) — «Господину нашему Константу Августу обеты за двадцать [лет правления]». Следовательно, их изготовили в память о годовщине возведения этого государя в ранг цезаря. Судя по надписи, их отчеканили в 343 г.н.э. Наверняка эти чаши сразу же отправили на Боспор. Причем они являлись подарками двум лицам одного ранга. Вернее всего — царям-соправителям. А чаша со сценой триумфа (Залесская 2006: 41—42, №1) могла быть изготовлена и отправлена на Боспор в память о торжественном вступлении Констанция II в Рим. Скорее всего, она также являлась пожалованием боспорскому государю. Это событие произошло в 357 г.н.э. Вполне возможно, что к тому времени на Боспоре правил один государь.

Что же касается результатов археологических исследований позднебоспорских памятников⁹, то, как верно заметил Н.Н. Болгов, их трактовки «покоятся на целой системе более или менее вероятных допущений» (Болгов 1996: 10). Так что и они не могут быть использованы для всеобъемлющего освещения ситуации в Боспорском государстве в последние столетия его существования.

Исследователям остается обращать более пристальное внимание на памятники нумизматики. И это имеет перспективы. Известны многочисленные и разнообразные монеты, выпускавшиеся государями позднего Боспора (Анохин 1986: 126—133; 1999: 169—179, рис. 58—60; 2011: 296—309, №2102—2203; 2016: 159—162; Фролова 1997: 75—143, 287—372; Чореф 2014: 329—371), которые, безусловно, являются ценнейшими историческими источниками. Сам факт их выпуска говорит о том, что Боспор в последние века свой истории оставался экономически развитым регионом, хотя и с ощутимыми тенденциями натурализации хозяйства (Зубарь, Зинько 2006: 230—236), свойственными всему позднеан-

тичному миру. Причем его жители не сомневались в устойчивости власти своих государей. В ином случае им не было смысла накапливать кредитные бронзовые монеты¹⁰ местного чекана и скрывать их вкладах (Абрамзон, Фролова 2007—2008: 468—571, №100—114; Чореф 2013: 206—207). Вполне возможно, что власть в стране сохранила династия Тибериев Юлиев.

Однако процесс изучения позднего боспорского нумизматического материала все еще далек от завершения. И дело тут не только в высокой вероятности обнаружения новых разновидностей монет. К сожалению, до сих пор не выработана единая, причем обоснованная и логичная методика их атрибуции. Так, все еще продолжается дискуссия о возможности и способах выделения монет официальной эмиссии и подражаний им, а также о целесообразности изучения обозначений дат их выпуска (Анохин 1986: 128—133; 1999: 174—179, рис. 59, 60; 2011: 302—309, №2154—2203; 2016: 160—162; Исанчурина, Исанчурина 1989: 53—96; Сидоренко 2011: 458—569; Фролова 1997: 313—372; Чореф 2014: 329—371). В результате ученые могут лишь строить предположения о датах правлений поздних боспорских государей, причем не только выпустивших свои монеты, но и оставивших лапидарные надписи (Анохин 1986: 128—133; 1999: 174—179, рис. 59, 60; 2011: 302—309, №2154—2203; 2016: 160—162; Фролова 1997: 313—372; Яйленко 2010: 433—439).

Мы имеем в виду Радамсадия и Рескупорида V. К настоящему времени так и не выработана единая точка зрения на проблему датирования их правлений. Дело в том, что исследователи не достигли консенсуса по вопросу о целесообразности учета обозначений дат выпуска на статерах этих государей. Да, хорошо известны монеты Радамсадия, отчеканенные в 619 г.б.э. (322/323 гг.н.э.) (рис. 1: 1), а также бронзы Рескупорида V, эмитированные в 611 и в 639 гг.б.э.¹¹ (в 314/315 и в 342/343 гг.н.э.) (рис. 1: 2, 3). Однако ряд

¹⁰ О принципах их эмиссии см. (Чореф 2018: 387—400).

¹¹ Дата окончания правления Радамсадия может быть установлена только в результате изучения нумизматического материала, а точнее, эмиссионных обозначений на его статерах (Koehne 1957: 363; Фролова 1997: 313—322; MacDonald 2005: 119—120). К сожалению, этот совершенно очевидный подход не является общепринятым. Так, В.А. Анохин, игнорируя обозначения дат выпуска, полагает, что этот государь чеканил монеты даже в 327/328 гг.н.э. (Анохин 2016: 164).

⁹ Обзор результатов исследований археологических памятников приведен в (Зубарь, Зинько 2006: 227, 230—236, 238).

Рис. 1. Статеры Радамсадия (1) и Рескупорида V (2, 3) (по bosporan-kingdom.com: 1; bosporan-kingdom.com: 2; bosporan-kingdom.com: 3).

Fig. 1. Staters of Rhadamsades (1) and Rhescuporis V (2, 3) (after bosporan-kingdom.com: 1; bosporan-kingdom.com: 2; bosporan-kingdom.com: 3).

исследователей (Анохин 1986: 128—133; 1999: 174—179, рис. 59, 60; 2011: 302—309, №2154—2203; 2016: 160—162; Исанчурун, Исанчурун 1989: 53—96; Сидоренко 2011: 458—569) полагает, что нет оснований доверять такого рода обозначениям. Ученые настаивают на том, что при изучении монет государей позднего Боспора следует обращать внимание не на обозначения дат эмиссии на реверсе, а на оформление аверса (Анохин 1986: 128—133; 1999: 174—179, рис. 59, 60; 2011: 302—309, №2154—2203; 2016: 160—162; Исанчурун, Исанчурун 1989: 53—96; Сидоренко 2011: 458—569).

Действительно, следует объяснить многочисленные и очевидные факты выпуска монет с различными обозначениями дат эмиссии, оформленными в результате использования одного и того же штампа лицевой стороны. И эта задача вполне решаема. Дело в том, что на Боспоре чеканы формовали с помощью матриц и патриц. Это обстоятельство подробно рассмотрено нами в (Чореф 2014: 329—371). Напомним, что нам удалось выявить статер Фофорса, оттиснутый двумя, причем аналогичными штемпелями аверса (Чореф 2014: 334, рис. 1). Так что есть все основания полагать, что чеканы, сформованные одной патрицей лицевой стороны, могли использоваться достаточно долго. В то же время штампы, используемые для формовки реверса, регулярно менялись. Во-первых, они быстро разрушались, т.к. они деформировались при чеканке. Во-вторых, их не могли использовать долго, т.к. их легенды содержали дату выпуска. Так что факты продолжительной формовки лицевых сторон поздних боспорских монет одними и теми же штемпелями не должны удивлять. Для позднего Боспора, монетные мастера которого владели современной по тем временам технологией создания матриц и патриц, это было в порядке вещей. Куда интереснее случаи подрезки чеканов в процессе использования. Ведь эти операции имели смысл лишь

в том случае, если патрицы не были доступны. Полагаем, что такого рода проблемы возникали на периферийных монетных дворах, созданных для проведения краткосрочных и, в то же время, обильных эмиссий. Которые, в свою очередь, имели смысл в периоды роста напряженности на границах. Отслеживая такие факты, мы сможем установить всплески внешнеполитической активности боспорских государей. Вполне возможно, что речь должна идти о военных конфликтах, которые можно не только датировать, но и локализовать с учетом ареала распространения монет, выбитых подрезанными штемпелями.

Основным источником информации по истории правлений Радамсадия и Рескупорида V являются монеты боспорского чекана. Причем размещенные на них легенды выполнены столь неаккуратно, что велика вероятность их неверного прочтения (рис. 1). В результате до сих пор остаются дискуссионными вопросы разбора обозначений дат на ряде выпусков этих государей. К примеру, В.А. Анохин изначально полагал, что Радамсаций правил с 606 по 615 г.б.э. (с 309/310 по 318/319 гг.н.э.) (Анохин 2011: 302—303, №2145—2153). Однако сравнительно недавно он заключил, что этот государь находился у власти и в 327/328 гг.н.э. (Анохин 2016: 164). Далее, по его мнению, Радамсадия сменил Рескупорид V, выпускавший свои монеты с 615 г.б.э. (318/319 г.н.э.) до 633 г.б.э. (336/337 г.н.э.) (Анохин 1986: 173—174, №764—777, табл. 38: 764—768а; 39; 1999: 175—176, рис. 60; 2011: 302—309, №2154—2203; 2016: 160—162). Хотя, как уже было сказано выше, известны статеры этого государя с очевидными обозначениями даты выпуска 611 г.б.э. (314/315 г.н.э.) и 639 г.б.э. (342/343 гг.н.э.)¹² (рис. 1: 2, 3). Парируя этот

¹² Однотипные монеты изданы Н.А. Фроловой (Фролова 1997: 322, 323, 372, табл. LXXXVI: 11—17,

довод, В.А. Анохин заключает, что легенды ряда монет Рескупорида V содержат неверные обозначения. В то же время Н.А. Фролова считала необходимым их учитывать. Она пришла к выводу, что Рескупорид V пришел к власти в 611 г. б.э. (314 г. н.э.) и прекратил денежную эмиссию в 639 г. б.э. (342/343 г. н.э.) (Фролова 1997: 323—372)¹³. Кроме того, свидетельством совместного правления Радамсадия и Рескупорида V является закладная надпись (рис. 2), найденная в Керчи в 1832 г. и к настоящему времени утерянная (КБН 1965: 66; КБН 2004: 66; Яйленко 2010: 564—565). В результате ученые, изучающие историю царствований этих государей, не могут прийти к единой точке зрения по вопросу о датировке их совместного правления. Попытаемся разрешить эту проблему в результате изучения эпиграфического и нумизматического материалов.

Начнем с уже упомянутой надписи КБН 66 (рис. 2). По свидетельству А.Б. Ашика (Ашик 1848: 114, №42), она была найдена в Керчи в 1832 г. Ф. Дюбуа де Монпере (Dubois de Montpéreux 1843: pl. XXVI, No. 42) видел ее в Керченском музее. По его рисунку артефакт был издан А. Бёком (SIG 1843: 2108. dd). Ученый разобрал на нем имена боспорских царей: «Ραδαμψάδιος» — «Радампсаций», и «Ρησκούπορις» — «Рискупорид». Он допустил, что надпись высекли в память о сооружении какого-то важного здания в городе с дорическим названием. Первый слог слова «πόλις» — «полис» ученый разобрал во второй строке, в буквосочетании «ΑΠΟΛΓ». Ученый датировал этот артефакт 613—616 гг. б.э. (317—320 гг. н.э.), т.е. периодом времени, когда, как тогда было принято считать, на Боспоре царствовал Радамсаций (SIG 1843: 2108. dd).

А.Б. Ашик принял его точку зрения. Он также разобрал в этом тексте имена «Ραδαμψάδιος» и «Ρησκούπορις». Исследователь лишь добавил, что надпись могла быть размещена на постаменте статуи Аполло-

Рис. 2. Надпись Радамсадия и Рескупорида V (по КБН 2004: 66).

Fig. 2. The inscription of Rhadamsades and Rhescuporis V (after CIRB 2004: 66).

на, поскольку он разобрал в ее второй строке «ΑΠΟΛΛΩΝΙ» (Ашик 1848: 114, №42).

К изучению надписи обращался и Б.В. фон Кёне (Koehne 1857: 363). Он также разобрал в ней имена «Ραδαμψάδιος» и «Ρησκούπορις». Однако ученый датировал ее более широким периодом. Дело в том, что в его время уже были известны монеты Радамсада, отчеканенные в 619 г. б.э. (322/323 г. н.э.) (Koehne 1957: 363).

Вполне возможно, что артефакт был уничтожен в годы Крымской войны¹⁴. Так, уже В.В. Латышев считал его утраченным (IOSPE II: add. 312). Однако в его аутентичности ученый не сомневался. В своем «Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae» он привел изображение этого памятника, опубликованное Ф. Дюбуа де Монпере. В.В. Латышев разобрал на нем:

Ἀγαθῇ [τυχη].
ΑΠΟΛΓ ἐπὶ [βασιλέων]
Ῥαδαμψ[αδίου καὶ Ῥη-]
σκούπορ[ιδος ἀνεσ]-
τάθη ὁ [πύργος? οὗτος ἐπιμελ]-
εῖ[α] Θ

24—26, СХП: 24—26). Изображения и описания монет, приведенные на рис. 1, с нашей точки зрения — наилучшей сохранности, доступны на сайте «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: 1; bosporan-kingdom.com: 2; bosporan-kingdom.com: 3).

¹³ Полагаем, что, раз на поздних боспорских стateraх неукоснительно размещали указания на даты выпуска, то им уделяли большое внимание. И вряд ли в обращение в большом количестве могли поступать монеты с ошибками в таких обозначениях. Разве что речь должна идти о репликах. Но они в данный момент не являются объектами нашего исследования.

¹⁴ Напомним, что в 1855 г. Керчь была захвачена англичанами, французами и турками, которые жестоко разграбили город и уничтожили собрание Керченского музея.

«В добрый час
...при царях
Радамсидии и Ре-
скупориде воздвиг-
нута была эта башня (?)
попечением Ф»

Как видим, ученый также не смог разоб-
рать буквосочетание «ΑΠΟΛΓ» (IOSPE II:
add. 312). Однако он не считал возможным ви-
деть в нем фрагмент слова «πόλις» и буквосочетание «ΑΠΟΛΛΩΝΙ». Что, в свою очередь, определило дальнейшее направление изучение этого текста.

Уточненное прочтение и перевод этой надписи приведены в КБН 1965: 66:

Ἀγαθῇ [τύχῃ].
ΑΠΟΛΓ ἐπὶ [βασιλέων]
Ῥαδαμψ[αδίου καὶ Ῥῆ]-
σκουπόρ[ιδος ἀνεσ]-
τάθη ὁ [ναὸς? οὗτος διὰ ἐπιμελ]-
εῖ(α) Θ

«В добрый час
...при царях
Радамсидии и Ре-
скупориде воздвиг-
нут был этот храм (?)
попечением Ф»

Как видим, буквосочетание «ΑΠΟΛΓ» не было дешифровано и в XX в. Проблема в том, что созвучное слово в греческом языке отсутствует. Напрашивалась только мысль, что «ΑΠΟΛΓ» могло быть составлено из фрагментов нескольких слов. К этому выводу первым пришел В.П. Яйленко (Яйленко 2010: 564). Он справедливо заметил, что изучаемое буквосочетание может состоять из слова ἀπὸ и буквенного обозначения числа. Исследователь заключил, что в «ΑΠΟΛΓ» следует видеть ἀπὸ λγ' (Яйленко 2010: 564—565). Развивая этот тезис, ученый заметил, что речь не должна идти об указании на год совместного правления. Дело в том, что в боспорских надписях не известны указания на годы правления. Однако проблема в том, что ни Радамсид, ни Рескупорид так долго не правили. Основываясь на выводах Н.А. Фроловой (Фролова 1997: 313—372), В.П. Яйленко заключил, что совместное правление этих государей началось в 314/315 г.н.э. (Яйленко 2010: 564). Развивая этот тезис, исследователь предположил, что отчет велся от иного события. По его логике — от начала царствования Фофорса (Яйленко 2010: 564—565). В.П. Яйленко пришел

к выводу, что надпись была размещена в память о завершении строительства здания, вернее всего — башни, заложенной при этом государе.

Исследователь привел следующее прочтение этого текста:

Ἀγαθῇ [τύχῃ κατασκευῆς ἔτους?]
ἀπὸ λγ', ἐπὶ [βασιλέως εὐσεβοῦς]
Ῥαδαμψ[αδίου καὶ βασιλέως Ῥῆ]-
σκουπόρ[ιδος εὐσεβοῦς ἀνεσ]-
τάτη ὁ [πύργος? οὗτος διὰ ἐπιμελ]-
είας—]

«В добрый час, года строительства (?)
с 33 при благочестивом царе
Радамсидии и царе Ре-
скупориде благочестивом возведе-
на сия башня (?)
попечением ...»

Сравнительно недавно на надпись Радамсидии и Рескупориды V обратил внимание В.А. Сидоренко. Пытаясь обосновать свой тезис о высокой вероятности размещения неверных обозначений дат выпуска на поздних боспорских монетах, ученый разобрал в ней:

Ἀγαθῇ [τύχῃ].
Ἀπὸ χιγ' ἔτος ἐπὶ [βασιλεῖ]
Ῥαδαμψ[αδία καὶ ἐπὶ βασιλεῖ Ῥῆ]-
σκουπόρ[ιδι ἐκ θεμελείων ἀνεσ]-
τάθη ὁ [ναὸς? διὰ ἐπιμελείας...]-
ειθ...

«В добрый час.
(Начиная) с 613 года при царе
Радамсидии, при царе Рескупориде от основания воздвигнут сей храм (?) попечением ...»

В.А. Сидоренко настаивает на том, что «наиболее вероятным восстановлением... знака Λ являются близко располагавшиеся XI, в которых одну из наклонных гаст Дюбуа не принял во внимание» (Сидоренко 2011: 470). Однако согласиться с логикой ученого довольно сложно. Дело в том, что буквы надписи, судя по рисунку, а прочих источниках информации о ней мы не имеем, даны с большими и примерно равными отступами друг от друга. Так что вряд ли была возможна скученность символов во фрагменте ее второй строки. Нет оснований и полагать, что Ф. Дюбуа де Монпере мог допустить и своевременно не исправить такую ошибку. Кро-

ме того, В. А. Сидоренко не истолковал буквосочетание «εἰθ».

Но вернемся к прочтению В. П. Яйленко, предложившего методику дешифровки буквосочетания «ΑΠΟΛΓ». Заметим, что считаем прочтение этого автора весьма перспективным. Однако его выводы мы принять не можем. Дело в том, что они основываются на неверном разборе текста надписи.

Чтобы совершенно удостовериться в этом, обратим внимание на рис. 2. Хорошо видно, что буквы «Δ» и «Λ» в нем весьма схожи. Их основой являются две наклонные гасты. Причем правая значительно длиннее левой. Так что ее верхний фрагмент размещен над левой гастой. Далее, для построения символа «Δ» резчик размещал поперечную линию, очерчивающую наклонные гасты снизу. Похоже, что подобное написание букв «Δ» и «Λ» было особенностью его почерка. Куда интереснее написание литеры «Α». В надписи различимы две их вариации. Так, в словах «Ἀγαθῇ» и «ἀλὸ» она составлена из двух наклонных гаст, причем левая длиннее правой. Их соединяет наклонная линия. В то же время в словах «Ραδαμψαδίου» и «ἀνεστάθῃ» она весьма похожа на «Δ» и «Λ». Причем линия, соединяющая наклонные гасты, также наклонная (рис. 2). Теперь обратим внимание на написание этого символа во второй строке. Хорошо заметно, что к левой гасте четвертого символа примыкает черточка. Полагаем, что это следы разрушившейся поперечной наклонной линии. Следовательно, эта буква представляет собой не «Λ», а «Α».

Попытаемся объяснить тот факт, что в слове «Ραδαμψαδίου» приведены два написания «Α». Полагаем, что первое нравилось заказчику. Не зря с него начинаются слова «Ἀγαθῇ» и «ἀλὸ». Второе же написание было привычно резчику. Так что не стоит удивляться его присутствию как в изучаемом буквосочетании «ΑΠΟΛΓ», так и в «Ραδαμψαδίου».

Перейдем к последнему символу интересующей нас группы символов. Заметим, что горизонтальная составляющая «Γ» в нем не различима. Да, в ее верхней части заметны следы выветривания. Но какие-либо следы резца на этом участке поверхности плиты не были замечены. Ведь не зря Ф. Дюбуа де Монпере передал гипотетическую поперечную линию «Γ» пунктиром. Мы же, в свою очередь, полагаем, что вместо этого символа была выбита очевидная «Ι».

И ее наличие вполне уместно. Ведь Радамсаций и Рескупорид V не правили совместно более тридцати лет. Не могли они завер-

шить и работы по сооружению столь долго строившегося здания. Ведь ясно, что на Боспоре не возводили пирамиду Хеопса (2589—2566 до н.э. или 2551—2528 до н.э.), которую, по Геродоту, строили значительно меньше — двадцать лет (Herod., II, 124). Так что в изучаемой надписи определенно не могло быть указания на тридцатилетнее строительство.

В свою очередь, обозначение «αι'» вполне ожидаемо. Как верно заметил В. П. Яйленко, в надписи было куда более вероятно появление указания на год совместного правления Радамсада и Рескупорида V, чем упоминание даты начала сооружения здания (Яйленко 2010: 564). Так что нам представилась возможность обосновать его предположение. И, следовательно, есть все основания отказаться от предложенного В. П. Яйленко усложнения текста.

Заметим, что такое размещение обозначений десятков и единиц в «αι'» не видится нам странным. Ведь оно присутствует в строительной надписи Рескупорида V (КБН 1965: 1112).

Основываясь на наших выводах, получаем:

Ἀγαθῇ [τύχη].
ἀπὸ αι' ἐπὶ [βασιλέων]
Ῥαδαμψ[αδίου καὶ Ῥη]-
σκοῦπ[όρ[ιδος ἀνεσ]-
τάτῃ ὁ [ναὸς? οὗτος διὰ ἐπιμελ]-
εῖ(α) Θ

«В добрый час.
В 11 год при царях
Радамсаций и Ре-
скупориде воздвиг-
нут был этот храм (?)
печением Ф»

Что же нам дает это прочтение? Полагаем, что оно позволяет уточнить наши представления о совместном правлении Радамсация и Рескупорида. Ведь в результате разбора надписи стало известно, что оно продолжалось как минимум одиннадцать лет. Причем, судя по нумизматическому материалу, Радамсаций царствовал не более четырнадцати лет. И, вернее всего, в последние годы правления его соправителем был Рескупорид V. Приходим к выводу, что этот государь разделил трон с Радамсацией с первых лет его правления. Вполне возможно, что они изначально правили Боспором совместно. Полагаем, что Рескупорид V изначально испол-

нял те же функции, что и ранее Хедосбий¹⁶ (539—550 гг. б.э., 242/243—253/254 гг. н.э.)¹⁷. Монеты же он стал выпускать после победы, одержанной им в неизвестной нам войне. Не случайно на его монетах появилось изображение орла (рис. 1: 2). Приходим к выводу, что Рескупорид V правил в 611—639 б.э. (314/315—342/343 гг. н.э.).

Приведем доводы в пользу наших утверждений. Во-первых, у нас нет оснований полагать, что изучаемая нами надпись была высечена в последний год царствования Радамсадия. А так как его правление было не слишком продолжительным, а точнее, весьма близким по длительности с периодом совместного царствования с Рескупоридом V, то допускаем, что эти государи совместно занимали трон Боспора. Во-вторых, прекращение денежной эмиссии от имени Радамсадия не могло быть вызвано экономическими причинами. Ведь Рескупорид V в 620 г. б.э. (323/324 гг. н.э.) выпускал свои монеты¹⁸ (Анохин 1986: 173—174, №769, 769а, табл. 39: 769, 769а; 2011: 304—305, №2168—2170; Фролова 1997: 337—345). Следовательно, этот государь стал единственным царем Боспора в результате отхода от власти, вернее всего, после смерти своего соправителя. В-третьих, не считаем существенным довод, что раз Рескупорид V начал чеканить свои монеты только с 611 г. б.э. (314/315 г. н.э.), то в том же году он и пришел к власти. Ведь, как уже было сказано выше, Хедосбий, стела которого была найдена в Пантикапее (КБН 1965:

846), своих монет не чеканил. Вполне вероятно, что и Рескупорид в первые годы царствования также не имел права на денежную эмиссию. Вернее всего, он одержал победу над врагом в ходе важной для Боспора кампании и, как вознаграждение за этот подвиг, получил право на денежную эмиссию. Полагаем, что этот факт свидетельствует о росте его влияния в Боспорском государстве.

Заметим, что прослеженный факт совместного правления неравноправных государей вполне укладывается в парадигму управления Римом в III—V вв. н.э. Ведь тогда империей управляли старшие и младшие августы, а также цезари.

Итак, в результате исследования были уточнены наши представления о периоде совместного правления Радамсадия и Рескупорида V. Полагаем, что они совместно правили Боспором в 606—619 гг. б.э. (309/310—322/323 гг. н.э.). Причем первый из них был старшим государем, а второй изначально — лишь его помощником.

Сразу же заметим, что не считаем наше исследование завершенным. Ведь пока нам удалось только решить поставленную задачу — датировать и установить длительность совместного правления Радамсадия и Рескупорида V. Однако еще предстоит реконструировать события этой эпохи истории Боспора. Мы считаем эту задачу крайне сложной. Уверены, что она заслуживает особого исследования, и планируем заняться этой проблемой в ближайшее время.

Литература

- Абрамзон М. Г., Фролова Н. А. 2007—2008. *Корпус боспорских кладов античных монет*. Т. I. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина.
- Аммиан Марцеллин. 2000. *Римская история (Res Gestae)*. Античная библиотека. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Анохин В. А. 1986. *Монетное дело Боспора*. Киев: Наукова думка.
- Анохин В. А. 1999. *История Боспора Киммерийского*. Киев: Одигитрия.
- Анохин В. А. 2011. *Античные монеты Северного Причерноморья*. Киев: Стило.
- Анохин В. А. 2016. Система дифферентов на статерах Боспора и генеалогия правителей I—IV вв. В: Анохин В. А. *Монеты Северного Причерноморья и царей Колхиды*. Киев: Стило, 141—186.
- Ашик А. 1848. *Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами*. Ч. I. Одесса: Типография Т. Неймана и К.
- Болгов Н. Н. 1996. *Закат античного Боспора*. Белгород: БелГУ.
- Болгов Н. Н. 2003. Поздний Боспор: к дискуссии о континуитете государства и социальных структур. *ВДИ* (2), 164—170.
- Гайдукевич В. Ф. 1949. *Боспорское царство*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Геродот. 1972. *История в девяти книгах*. Памятники исторической мысли. Ленинград: Наука.
- Залесская В. Н. 2006. *Памятники византийского прикладного искусства IV—VII вв. Каталог коллекции*. Санкт-Петербург: ГЭ.
- Зинько Е. А. 2010. Процесс христианизации Боспорского царства. *БИ XXIII*, 424—433.
- Зосим. 2010. *Новая история*. Белгород: БелГУ.
- Зубарь В. М., Зинько В. Н. 2006. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории. *БИ XII*.

¹⁶ Не случайно в изучаемой надписи первым упомянут Радамсадий.

¹⁷ Датировка правления этого государя обоснована в (Чореф 2019).

¹⁸ На некоторых из них присутствует обозначение даты выпуска «KIX» (Анохин 1986: 174, №769а, табл. 39: 769а; 2011: 304—305, №2169). Оно могло появиться в результате подрезки штемпеля реверса. Так, «K» могли разместить вместо «Θ», а «I» оставить по небрежности.

- Исанчурин Р.А., Исанчурин Е.Р. 1989. Монетное дело боспорского царя Радамсада. *НиЭ XV*, 53—96.
- КБН 1965: Струве В.В. (отв. ред.). 1965. *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.
- КБН 2004: Гаврилов А.К. (отв. ред.). 2004. *Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН — альбом)*. Санкт-Петербург: Bibliotheca classica Petropolitana.
- Константин Багрянородный. 1989. *Об управлении империей. Греческий текст, перевод, комментарий*. Москва: Наука.
- Корнелий Тацит. 1969. *Сочинения в двух томах*. Т.1. *Анналы. Малые литературные произведения*. Ленинград: Наука.
- Сапрыкин С.Ю., Дорошко В.В. 2015. Печать римского бенефициария из окрестностей Херсонеса Таврического. В: Журавлев Д.В. (отв. ред.). *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности*. К 70-летию В.П. Толстикова. Москва: РФСОН, 239—246.
- Сидоренко В.А. 2011. Керченский клад 2009 г. деградированных боспорских статеров. *МАИЭТ XVII*, 458—569.
- Фролова Н.А. 1997. *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.)*. Ч. II. *Монетное дело Боспора 211—341/342 гг. н.э.* Москва: Эдиториал УРСС.
- Чореф М.М. 2012. «Non multa, sed multum», или дифференцы на монетах Боспорского царства периода «скифских войн» как исторический источник. *Stratum plus* (4), 171—200.
- Чореф М.М. 2013. К вопросу о периодизации денежного обращения в Таврике в эпоху римского господства. *Stratum plus* (4), 191—215.
- Чореф М.М. 2014. Боспорское царство при Фофорсе: по данным нумизматики. *РАЕ* 4, 329—371.
- Чореф М.М. 2015а. К вопросу о времени и обстоятельствах появления изображений пятиколонного храма на монетах боспорского чекана. *Stratum plus* (6), 111—130.
- Чореф М.М. 2015b. К вопросу о херсонесско-боспорских контактах: по данным сфрагистики. *Stratum plus* (4), 267—276.
- Чореф М.М. 2015с. Надчеканки на медных монетах боспорского архонта Асандра. *МАИАСК* 7, 279—299.
- Чореф М.М. 2016. К вопросу об организации эмиссии медных и бронзовых монет архонта Асандра. *Stratum plus* (4), 119—124.
- Чореф М.М. 2017а. Надчеканки на боспорских монетах Полемона I как источник исторической информации. *МАИАСК* 9, 441—467.
- Чореф М.М. 2017b. Новая античная печать из Херсонеса Таврического. *Stratum plus* (4), 99—114.
- Чореф М.М. 2018. Первые серии бронз Спартокидов как источник исторической информации. *Stratum plus* (3), 387—404.
- Чореф М.М. 2019. К истории правления Хедосбия. *Stratum plus* (6), в печати.
- Яйленко В.П. 2010. *Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. — V в. н.э.* Москва: Гриф и К.
- Яйленко В.П. 2017. *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. — VII в. н.э.* Санкт-Петербург: Нестор-История.
- bosporan-kingdom.com: 1: Паспорт монеты 762-4685-1. URL: <https://bosporan-kingdom.com/762-4685/1.html> (дата обращения 11.01.2019).
- bosporan-kingdom.com: 2: Паспорт монеты 000-4774-5. URL: <https://bosporan-kingdom.com/000-4774/5.html> (дата обращения 11.01.2019).
- bosporan-kingdom.com: 3: Паспорт монеты 000-4695-1. URL: <https://bosporan-kingdom.com/000-4695/1.html> (дата обращения 11.01.2019).
- CIG 1843: Boeckhius A. (ed.). 1843. *Corpus Inscriptionum Graecarum*. Vol. II. Pt. VII—XVI. Berolini: G. Reimer.
- Dubois de Montpéreux F. 1843. *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. Atlas. Paris: Librairie de Gide.
- IOSPE I²: Latyshev B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. I. Petropoli: Typographia Academiae Scientiarum Imperialis.
- IOSPE II: Latyshev B. 1890. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. II. *Inscriptiones regni Bosporani continens*. Petropoli: Typographia Academiae Scientiarum Imperialis.
- IOSPE V: Виноградов А. 2015. *Древние надписи Северного Причерноморья*. Т.5. *Византийские надписи*. URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html> (дата обращения 11.01.2019).
- Koehne B., de. 1857. *Description du musée de feu le prince Basile Kotschoubey d'après son catalogue manuscrit et recherches sur l'histoire et la numismatique des colonies grecques en Russie, ainsi que des royaumes du Pont et du Bosphore cimmérien*. Vol. II. St. Pétersbourg: Imprimerie des papiers de la couronne.
- MacDonald D. 2005. An Introduction to the History and Coinage of the Kingdom of the Bosphorus. *Classical Numismatic Studies* 5. Lancaster: Classical Numismatic Group.
- SHA: *The Scriptorum Historiae Augustae*. 1993. In: Magie D. (transl.). Vol. II. *The Loeb Classical Library* 140. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press.
- Steph. Byz. Ethn.: Stephani Byzantii Ethnicorum quae supersunt. 1849. In: Meineke A. (rec.). T.I. Berlin: G. Reimer.

References

- Abramzon, M.G., Frolova, N.A. 2007—2008. *Korpus bosporskich kladov antichnykh monet (Corpus of Bosporan Deposits of Ancient Coins)*. Vol. I. Simferopol; Kerch: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).
- Ammianus Marcellinus. 2000. *Rimskaia istoriia (Res Gestae = Roman History)*. Series: Antichnaia biblioteka (Classical Library). Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).
- Anokhin, V.A. 1986. *Monetnoe delo Bospora (Coinage of the Bosphorus)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Anokhin, V.A. 1999. *Istoriia Bospora Kimmeriiskogo (History of Cimmerian Bosphorus)*. Kiev: "Odigitriia" Publ. (in Russian).
- Anokhin, V.A. 2011. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ia. Katalog (Ancient Coins of the Northern Pontic Region. Catalogue)*. Kiev: "Stilos" Publ. (in Russian).
- Anokhin, V.A. 2016. In Anokhin, V.A. *Monety Severnogo Prichernomor'ia i tsarei Kolkhidy (Coins of the Northern Black Sea Region and of the Kings of Colchis)*. Kiev: "Stilos" Publ., 141—186 (in Russian).
- Ashik, A. 1848. *Vosporskoe tsarstvo s ego paleograficheskimi i nadgrobnymi pamiatnikami, raspisnymi vazami, planami, kartami i vidami (The Bosporan Kingdom with its Paleographic and Tomb Monuments, Painted Vases, Plans, Maps and Views)*. Part I. Odessa: Typography of T. Neumann &

- Co. (in Russian).
- Bolgov, N.N. 1996. *Zakat antichnogo Bospora. Ocherki istorii Bosporskogo gosudarstva pozdneantichnogo vremeni (IV—VI vv.)* (Decline of the Classical Bosporus: Essays on the History of the Bosporan State in the Late Antiquity (4th—6th Centuries AD)). Belgorod: Belgorod State University (in Russian).
- Bolgov, N.N. 2003. In *Vestnik drevnei istorii* (Bulletin of Ancient History) (2), 164—170 (in Russian).
- Gaidukevich, V.F. 1949. *Bosporskoe tsarstvo* (Bosporan Kingdom). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Herodotus. 1972. *Istoriia v devyati knigakh* (The History). Series: Pamiatniki istoricheskoi mysli (Monuments of Historical Thought). Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Zalessaia, V.N. 2006. *Pamiatniki vizantiiskogo prikladnogo iskusstva IV—VII vv. Katalog kollektsii* (Monuments of Byzantine Decorative Art of 4th—7th Centuries: Catalogue of Collection). Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
- Zin'ko, E.A. 2010. In *Bosporskie issledovaniia* (Bosporan Studies) XXIII, 424—433 (in Russian).
- Zosimus. 2010. *Novaia istoriia* (Historia Nova). Belgorod: Belgorod State University (in Russian).
- Zubar', V.M., Zin'ko, V.N. 2006. In *Bosporskie issledovaniia* (Bosporan Studies) XII (in Russian).
- Isanchurin, R.A., Isanchurin, E.R. 1989. In *Numizmatika i Epigrafika* (Numismatics and Epigraphy) XV, 53—96 (in Russian).
- Struve, V.V. (ed.). 1965. *Korpus bosporskikh nadpisei* (Corpus of Bosporan Inscriptions). Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Gavrilov, A.K. (ed.). 2004. *Korpus bosporskikh nadpisei — al'bom* (Corpus of Bosporan Inscriptions: Album). Saint Petersburg: Bibliotheca classica Petropolitana (in Russian).
- Constantine Porphyrogenitus. 1989. *Ob upravlenii imperiei* (De Administrando Imperio). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Cornelius Tacitus. 1969. *Sochineniia v dvukh tomakh* (Works in 2 Volumes) 1. *Annaly. Malye proizvedeniia* (The Annals; Opera Minora). Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Saprykin, S. Yu., Doroshko, V.V. 2015. In Zhuravlev, D.V. (ed.). *S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti* (The Wind Blows from the Mithridat Mount: Bosporus and Pontic Area in Antiquity). Moscow: Dmitry Pozharsky University; The Russian Foundation for Support to Education and Science, 239—246 (in Russian).
- Sidorenko, V.A. 2011. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria) XVII, 458—569 (in Russian).
- Frolova, N.A. 1997. *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n. e. — sredina IV v.)* (Bosporan Coinage (Middle of 1st Century BC—Middle of 4th Century AD)). Part II. *Monetnoe delo Bospora 211—341/342 gg. n. e.* (Bosporan Coinage: AD 211—341/342). Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian).
- Choref, M.M. 2012. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 171—200 (in Russian).
- Choref, M.M. 2013. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 191—215 (in Russian).
- Choref, M.M. 2014. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik* (Russian Archaeological Annual) 4, 329—371 (in Russian).
- Choref, M.M. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 111—130 (in Russian).
- Choref, M.M. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 267—276 (in Russian).
- Choref, M.M. 2015. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea) 7, 279—299 (in Russian).
- Choref, M.M. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 119—124 (in Russian).
- Choref, M.M. 2017. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea) 9, 441—467 (in Russian).
- Choref, M.M. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 99—114 (in Russian).
- Choref, M.M. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 387—404 (in Russian).
- Choref, M.M. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), in print (in Russian).
- Yailenko, V.P. 2010. *Tysiacheletnii bosporskii reikh. Istoriia i epigrafika Bospora VI v. do n. e. — V v. n. e.* (Millenar Bosporan State. History and Epigraphics of Bosporus in 6th Century BC — 5th Century AD). Moscow: "Grif i K" Publ. (in Russian).
- Yailenko, V.P. 2017. *Istoriia i epigrafika Ol'vii, Khersonesa i Bospora v VII v. do n. e. — VII v. n. e.* (History and Epigraphics of Olbia, Chersonesos and the Cimmerian Bosporus in 7th Century BC — 7th Century AD). Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- bosporan-kingdom.com: 1: Passport of Coin no. 762-4685-1. URL: <https://bosporan-kingdom.com/762-4685/1.html> (accessed 11.01.2019) (in Russian).
- bosporan-kingdom.com: 2: Passport of the Coin no. 000-4774-5. URL: <https://bosporan-kingdom.com/000-4774/5.html> (accessed 11.01.2019) (in Russian).
- bosporan-kingdom.com: 3: Passport of the Coin no. 000-4695-1. URL: <https://bosporan-kingdom.com/000-4695/1.html> (accessed 11.01.2019) (in Russian).
- Boeckhius, A. (ed.). 1843. *Corpus Inscriptionum Graecarum*. Vol. II. Pt. VII—XVI. Berolini: G. Reimer.
- Dubois de Montpéroux, F. 1843. *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. Atlas. Paris: Librairie de Gide.
- Latyshev, B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. I. Petropoli: Typographia Academiae Scientiarum Imperialis.
- Latyshev, B. 1890. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. II. *Inscriptiones regni Bosporani continens*. Petropoli: Typographia Academiae Scientiarum Imperialis.
- Vinogradov, A. 2015. *Drevnie nadpisi Severnogo Prichernomor'ia* (Ancient Inscriptions in the Northern Black Sea Region) 5. *Vizantiiskie nadpisi* (Byzantine Inscriptions). IOSPE V. URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html> (accessed 11.01.2019) (in Russian).
- Koehne, B. de. 1857. *Description du musée de feu le prince Basile Kotschoubey d'après son catalogue manuscrit et recherches sur l'histoire et la numismatique des colonies grecques en Russie, ainsi que des royaumes du Pont et du Bosphore cimmérien*. Vol. II. St. Pétersbourg: Imprimerie des papiers de la couronne.
- MacDonald, D. 2005. An Introduction to the History and Coinage of the Kingdom of the Bosporus. *Classical Numismatic Studies* 5. Lancaster: Classical Numismatic Group.
- The Scriptores Historiae Augustae*. 1993. In Magie, D. (transl.). Vol. II. *The Loeb Classical Library* 140. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press.
- Stephani Byzantii Ethniconum quae supersunt. 1849. In Meineke, A. (rec.). Vol. I. Berlin: G. Reimer.

Статья поступила в сборник 14 января 2019 г.

Michael Choref (Nizhnevartovsk, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod¹.

Чореф Михаил Михайлович (Нижневартовск, Россия). Кандидат исторических наук. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

E-mail: choref@yandex.ru

Address: ¹ Gagarin Ave., 23, Nizhni Novgorod, 603950, Russian Federation

С. В. Белецкий

Новый тип древнерусского княжеского знака

Keywords: Old Rus, princely tokens, sealing marks, Rurik dynasty, Monomach dynasty

Ключевые слова: Древняя Русь, княжеские знаки, пломбы, Рюриковичи, Мономашичи

S. V. Beletsky

New Type of the Old Russian Princely Token

Another Old Russian sealing mark was found in 2019. On its obverse, there is an image of a bident, and a two-line inscription **СВѦ** on its reverse, carved in the stamping mold, without allowing for the print. The token on this sealing mark belongs to an earlier unknown type. It was owned by one of Vladimir Monomach's descendants. Rarity of tokens similar to the discussed one suggests that owners of tokens from this group could make up a small and probably early extinct branch of Rurik family. The bident on the discussed sealing mark could be owned by Svyatopolk († after 1192), one of Mstislav the Great's grandsons and Vladimir Mstislavich's son.

С. В. Белецкий

Новый тип древнерусского княжеского знака

В 2019 г. стала известна новая находка древнерусской пломбы. На аверсе этой пломбы размещено изображение двузубца, на реверсе — надпись в две строки **СВѦ**, вырезанная на матрице без учета на оттиск. Знак на пломбе относится к неизвестному ранее типу. Его владельцем был один из потомков Владимира Мономаха. Редкость знаков, родственных публикуемому двузубцу, указывает на то, что владельцы знаков этой группы составляли немногочисленную и, вероятно, рано пресекающуюся ветвь рода Рюриковичей. Возможным владельцем двузубца на публикуемой пломбе является один из внуков Мстислава Великого, сын Владимира Мстиславича Святополк († после 1192).

В марте 2019 г. Д. Гулецкий сообщил мне о находке пломбы с изображением древнерусского княжеского знака на аверсе и надписью на реверсе (рис. 1)¹. Пломба датируется домонгольским временем и относится к хорошо известному, хотя и не очень представительному сфрагистическому разряду (Белецкий 2001: 32, табл. 2, разряд IV/3). По сведениям Д. Гулецкого, пломба найдена на территории Логойского района Минской обл. (Беларусь).

Двузубец, помещенный на аверсе пломбы, вошел в площадь оттиска не полностью: левый зубец отогнут наружу, завершение правого зубца осталось за пределами заготовки (вероятнее всего, он был вертикальным или отогнутым наружу). На зубцах помещены отроги внутрь. Ножка двузубца имеет вид треугольника, обращенного острием вниз (рис. 2: 1).

Знак такого типа встречен впервые. По принятой классификации древнерусских княжеских знаков (Beletsky 2019) ему присвоен номер I/13/8.

Чашка двузубца с отрогами внутрь на обоих зубцах в древнерусской геральдике XII—XIII вв. является редчайшим элементом: симметричные отроги внутрь на зубцах известны мне только у двузубцев на пломбе из Белоозера (Макаров, Чернецов 1988: 234, №11, рис. 1: 10; 3: 3) и на печатях №293а (Янин, Гайдуков 1998: 150, №293а), 294 (Янин 1970: 219, №294) и 294а (Янин, Гайдуков 1998: 150, №294а). Во всех случаях двузубцы имели вертикальную ножку, а завершения зубцов были отогнуты наружу (рис. 2: 2—5). По принятой классификации древнерусских княжеских знаков (Beletsky 2019) этим двузубцам был присвоен номер I/2/39.

Отметим также, что на печати №3026 (Янин, Гайдуков 2005: №3026) помещено изображение двузубца с отогнутыми наружу зубцами, соединенными между собой горизон-

¹ Благодарю Д. Гулецкого (Минск), любезно предоставившего мне фотографию пломбы и разрешившего опубликовать находку.

Рис. 1. Древнерусская пломба. Найдена на территории Логойского района Минской обл., Беларусь (фото Дм. Гулецкого).

Fig. 1. Old Russian sealing mark, found in Logoisk raion, Minsk oblast, Belarus (photo by Dm. Guletsky).

тальной стяжкой. Ножка у этого двузубца крестовидная. Отроги внутрь на зубцах только угадываются, поскольку они соединены между собой, и имеют вид волнистой стяжки (рис. 2: 6).

Ножки в виде треугольника, обращенного острием вниз, фиксируются у древнерусских княжеских знаков XII—XIII вв. редко. Такой элемент зафиксирован у двузубцев на пломбах из коллекции В. В. Нечитайло (Белецкий 2018: 324, рис. 18: 3—6), на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова², на т.н. «таманском брактеате» (Молчанов 1982: 224), в гончарных клеймах из Киева (Белецкий 2014: 371, рис. 7: 6) и Ладоги (Белецкий 2014: 371, рис. 7: 7), а также на литом бронзовом кистене из раскопок в Новгороде (Медведев 1959: 135, рис. 7: 5). Перечисленные знаки разделены на семь различных типов (рис. 3), причем ни один из этих типов не соответствует знаку на публикуемой пломбе.

На реверсе публикуемой пломбы размещена надпись в две строки **СВА**, вырезанная на матрице без учета на оттиск. Памятники древнерусской сфрагистики с надписью на реверсе и изображением княжеского знака на аверсе встречаются крайне редко. На реверсе печати №309 размещено в три стро-

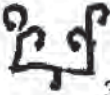
Знаки	Схемы
	 I/13/8
	 I/2/39
	 I/1/25
	
	
	

Рис. 2. Двузубцы XII—XIII вв. с отрогами внутрь на зубцах: 1 — на пломбе из Минской обл.; 2 — на печати №293а; 3 — на печати №294а; 4 — на печати №294; 5 — на пломбе из Белоозера; 6 — на печати №3026.

Fig. 2. Bidents of 12th—13th centuries with inverted dents. 1 — on sealing mark from Minsk oblast; 2 — on stamp no.293a; 3 — on stamp no.294a; 4 — on stamp no.294; 5 — on sealing mark from Beloozero; 6 — on stamp no.3026. .

² Коллекция А. А. Алфёрова. №881. Благодарю А. А. Алфёрова (Киев), предоставившего мне в 2013 г. возможность познакомиться с пломбами из своей коллекции.

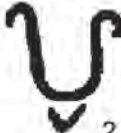
Знаки	Схемы
 1	 I/13/1
 2	 I/13/2
 3	 I/13/3
 4	 I/13/4
 5	 I/13/5
 6	 I/13/6
 7	
 8	 I/13/7

Рис. 3. Двузубцы XII—XIII вв. с треугольной ножкой: 1, 4—7 — на пломбах из коллекции В. В. Нечитайло; 2 — в гончарном клейме из Киева; 3 — в гончарном клейме из Ладоги; 8 — на кистене из Новгорода.

Fig. 3. Bidents of 12th—13th centuries with triangular leg. 1, 4—7 — on sealing marks from V.V. Nechitailo's collection; 2 — in potter's mark from Kiev; 3 — in potter's mark from Ladoga; 8 — on chain-mace from Novgorod.

ки имя **ГѢУРЫГИ** (Янин 1970: 221, №309). На реверсе печати, опубликованной К. В. Болсуновским, помещена нечитаемая надпись в две строки (Болсуновский 1894: табл. XXI: L). В обоих случаях на аверсах печатей помещены изображения древнерусских княжеских знаков. На ряде пломб из коллекции В. В. Нечитайло изображения княжеских знаков сопровождается надписью **ІВА**, (**ІВА**[Н]?), причем буквы **ІВ** часто переданы лигатурой (Белецкий 2018: 321, рис. 13). Вероятнее всего, надпись на реверсе публикуемой пломбы содержала имя владельца регалии — «Свя(тослав)» или «Свя(тополк)».

Таким образом, найденная на территории Беларуси пломба предоставила в распоряжение исследователей древнерусский княжеский знак неизвестного ранее типа. Этот знак принадлежал одному из потомков Владимира Мономаха. Редкость знаков, родственных публикуемому двузубцу, определенно указывает на то, что владельцы гербов этой группы составляли сравнительно немногочисленную и, вероятно, рано пресекающуюся ветвь рода.

Уверенно определить персональную принадлежность двузубца, выявленного на пломбе из Минской обл., в настоящее время затруднительно. Однако некоторые предположения можно высказать. Исследование княжеских знаков, процарапанных на каменном грузиле из Пскова (Белецкий 1999: 11—19), оттиснутых в клеймах на плинфе из ц. Дмитрия Солунского в Пскове (Белецкий 1998: 39—44) и выбитых на крышке саркофага из Василева (Белецкий 2006: 68—91), позволило атрибутировать знаки старшего сына Владимира Мономаха Мстислава Великого, старшего сына последнего Всеволода-Гавриила Мстиславича, а также сыновей Всеволода Владимира и Мстислава. Княжеские знаки на крышке саркофага из Василева позволили персонифицировать знаки князей волынской ветви потомков Мономаха — Изяслава Мстиславича, Мстислава Изяславича, Романа Мстиславича и Василько Романовича (Белецкий 2006: 68—91). Двузубец, выбитый на каменной плите из раскопок Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске, был атрибутирован князю Ростиславу Рюриковичу смоленскому, и это позволило персонифицировать княжеские знаки Ростислава Мстиславича смоленского, а также его сыновей Романа и Рюрика Ростиславичей (Белецкий 2000: 216—225). Перечисленные атрибуции для удобства сведены в генеалогическую стемму (рис. 4).

Заметим, что двузубец типа I/2/39, размещенный на печатях №293а, 294 и 294а,

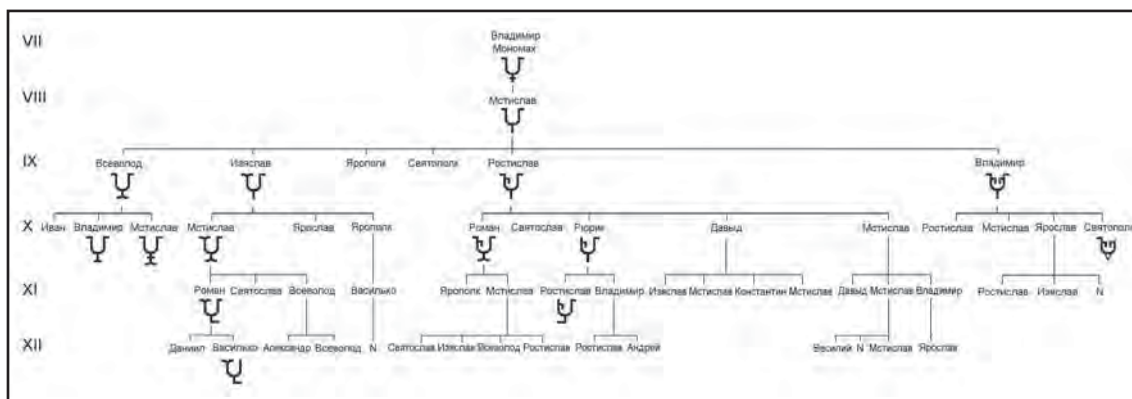

Рис. 4. Генеалогия лично-родовых знаков Мстиславичей-Мономашичей VII—XII колен.

Fig. 4. Genealogy of personal and family tokens belonging to Mstislav's and Monomach's descendants of generations VII—XII.

а также на пломбе из Белоозера, оформлен сходно с двузубцами Изяслава и Ростислава Мстиславичей, и так же, как и они, отличается от двузубца Мстислава Великого формой зубцов. Вполне возможно, что знак типа I/2/39 также принадлежал одному из сыновей Мстислава Великого. С учетом того, что в источниках отсутствуют сведения о потомках Ярополка и Святополка Мстиславичей, единственным из сыновей Мстислава Владимировича, который мог бы претендовать на двузубец

типа I/2/39, оказывается Владимир Мстиславич (*1132, †1172). Если так, то возможным владельцем двузубца типа I/13/8 мог быть сын Владимира Мстиславича Святополк († после 1192).

Разумеется, все сказанное является не более чем догадкой. Очевидно, что установление принадлежности двузубца типа I/13/8 конкретному представителю рода Мономашичей следует отложить до завершения работ по сплошной персонификации древнерусских княжеских знаков XII—XIII вв.

Литература

- Белецкий С.В. 1998. К истории строительства ц. Дмитрия Солунского в Пскове. В: Мусин А.Е. (отв. ред.). *Церковная археология* 4. Материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.В. Покровского (1847—1917). Санкт-Петербург, 1—3 ноября 1998 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская Духовная Академия, 39—44.
- Белецкий С.В. 1999. Каменное грузило с изображениями княжеских знаков из раскопок в Пскове. В: Носов Е.Н. (ред.). *Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 11—19.
- Белецкий С.В. 2000. Древнерусский княжеский знак как памятный объект. В: Мельникова Е.А. (отв. ред.). *Восточная Европа в древности и средневековье XVI. Историческая память и формы ее воплощения*. XII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР Вл. Тер. Пашуто. Материалы конференции. Москва: ИВИ РАН, 216—225.
- Белецкий С.В. 2001. Введение в русскую допетровскую сфрагистику. В: *Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада* 4. Санкт-Петербург, 3—192.
- Белецкий С.В. 2006. Кто был похоронен в Василевском саркофаге? В: Кашкин А.В. (ред.). *Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова)*. Москва: ИА РАН, 68—91.
- Белецкий С.В. 2014. Древнерусские княжеские знаки в гончарных клеймах. В: Лопатин Н.В. (отв. ред.). *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Материалы 59 заседания. Апрель 2013 г. Москва; Псков; Санкт-Петербург: ИА РАН; Нестор-История, 357—387.
- Белецкий С.В. 2018. Древнерусские пломбы в публикации В.А. Анохина. *Stratum plus* (5), 311—332.
- Белецкий С.В. 2019. Знаки Рюриковичей XII—XIII вв. В: *Сборник статей памяти Ю.М. Лесмана*. Санкт-Петербург: ГЭ (в печати).
- Болсуновский К.В. 1894. *Дрозичинские пломбы*. Ч. 1. Киев: Типолитография Г.Л. Фронцкевича.
- Макаров Н.А., Чернецов А.В. 1988. Новые сфрагистические материалы из Белоозера. В: Тимошук Б.А. (отв. ред.). *Древности славян и Руси*. Москва: Наука, 230—241.
- Медведев А.Ф. 1959. *Оружие Новгорода Великого*. МИА 65. Москва: АН СССР.
- Молчанов А.А. 1982. Еще раз о таманском бронзовом «брактеате». *СА* (3), 223—226.
- Янин В.Л. 1970. *Актовые печати древней Руси X—XV вв.* Т. I. Москва: Наука.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. 1998. *Актовые печати древней Руси X—XV вв.* Т. III. Москва: Наука.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. 2005. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2004 г. *Новгород*

- и Новгородская земля. История и археология 19. Великий Новгород, 91—111.
- Beletsky S. 2019. The Tamgas of Riurikids: Symbols of the Princely Power in the 10th—13th century. In: Musin A., Wołoszyn M. (eds.). *The Sphinx of Slavic*

Sigillography — Small Lead Seals of «Drogiczyn type» from Czeremo in their East European Context. Frühzeit Ostmitteleuropas 7. Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk (in print).

References

- Beletsky, S. V. 1998. In *Tserkovnaia arkheologiya (Church Archaeology)* 4. Saint Petersburg, 39—44 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 1999. In Nosov, E. N. (ed.). *Rannesrednekovye drevnosti Severnoi Rusi i ee sosedei (Early Medieval Antiquities of Northern Rus' and its Neighbors)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 11—19 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2000. In *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednekov'e. Istoricheskaia pamiat' i formy ee voploshcheniia (Eastern Europe in Antiquity and Middle Ages. Historical Memory and Forms of Its Embodiment)*. Moscow, 216—225 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2001. In *Issledovaniia i muzeifikatsiia drevnostei Severo-Zapada (Studies and Museumification of the North-Western Antiquities)* 4. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 3—192 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2006. In Kashkin, A. V. (ed.). *Arkheologiya Verkhnego Povolzh'ia (k 80-letiiu K. I. Komarova) (Archaeology of the Upper Volga Region (in Honor of the 80th Anniversary of K. I. Komarov))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 68—91 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2014. In *Arkheologiya i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land)*. Moscow; Pskov; Saint Petersburg, STR? (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 311—332 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2019. In *Sbornik statei pamiati Yu. M. Lesmana (Collected Papers in Memory Yu. M. Lesman)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in print) (in Russian).
- Bolsunovskii, K. V. 1894. *Drogichinskie plomby (Drogichin Seals)*. Part 1. Kiev (in Russian).
- Makarov, N. A., Chernetsov, A. V. 1988. In Timoshchuk, B. A. (ed.). *Drevnosti slavian i Rusi (Antiquities of Slavs and Rus)*. Moscow: "Nauka" Publ., 230—241 (in Russian).
- Medvedev, A. F. 1959. *Oruzhie Novgoroda Velikogo (Weapon of Great Novgorod)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 65. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Molchanov, A. A. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 223—226 (in Russian).
- Yanin, V. L. 1970. *Aktovye pečati Drevnei Rusi X—XV vv. (Stamps of Medieval Russia) I. Pečati X — nachala XIII vv. (Stamps of 10th — Early 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Yanin, V. L., Gaidukov, P. G. 1998. *Aktovye pečati Drevnei Rusi X—XV vv. (Stamps of Medieval Russia) III. Pečati, zaregistrirovannye v 1970—1996 gg. (Stamps Registered in 1970—1996)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Yanin, V. L., Gaidukov, P. G. 2005. In *Novgorod i Novgorodskaiia zemlia. Istorii i arkheologiya (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 19. Veliky Novgorod, 91—111 (in Russian).
- Beletsky, S. 2019. The Tamgas of Riurikids: Symbols of the Princely Power in the 10th—13th century. In: Musin A., Wołoszyn M. (eds.). *The Sphinx of Slavic Sigillography — Small Lead Seals of «Drogiczyn type» from Czeremo in their East European Context.* Frühzeit Ostmitteleuropas 7. Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. 2019 (in print).

Статья поступила в сборник 21 марта 2019 г.

Serge Beletsky (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences¹.

Белецкий Сергей Васильевич (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: serge_beletsky@mail.ru

Address: ¹ Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation

Й. Валериев

Къснономадски пандантиви амулети от района на Долния Дунав

Keywords: Lower Danube, 11th—12th cc., nomads, Pechenegs (Patzinak), Ouzoi, Cumans, pendent amulets, leaf-shaped, rectangular/trapezium-shaped, lunula/palmetto

Ключевые слова: Нижний Дунай, XI—XII вв., кочевники, печенеги, узы, куманы, амулеты-подвески, листовидные, прямоугольные/трапециевидные, полумесяц/пальметта

I. Valeriev

Late Nomadic Pendent Amulets from the Lower Danube

The article presents the so called late nomadic pendent amulets from the territories on the Lower Danube. They were cast from different metal alloys. The article is supplied by a catalogue of pendants from Bulgaria, Romania and Moldova and a table with metallographic study of some of the amulets.

The pendants are attributed to the late nomads: Pechenegs (Patzinak), Ouzoi, and Cumans, and are dated to the 10th—12th centuries. The author divided the pendants in three groups according to their form: 1) leaf-shaped, 2) rectangular/trapezium-shaped, 3) lunula/palmetto form.

Й. Валериев

Амулети-подвески поздних кочевников из Нижнего Подунавья

В статье представлены так называемые амулети-подвески поздних кочевников из Нижнего Подунавья, сделанные из различных металлических сплавов. Статья дополнена каталогом подвесок из Болгарии, Румынии и Молдовы, а также таблицей, содержащей металлографическое исследование некоторых амулетов.

Рассматриваемые подвески приписываются поздним кочевникам: печенегам, узам и куманам, и датируются X—XII веком. В настоящей статье подвески разделены на три группы согласно форме: 1) листовидные, 2) прямоугольные/трапециевидные, 3) в форме полумесяца/пальметты.

Сред разнообразните археологически паметници на металопластиката, които са отнасяни към материалната култура на нахлуващите и настанили се в земите на Долния Дунав през XI—XII в. късни номади — преизползвани детайли за конска амуниция (Дончева-Петкова 2005), така нар. амулети конници (Рашев 2003: 162—163; 2008: 224—225), сфероконични звънчета (Димитров 1995: 65—66, рис. 6: 5; Дончева-Петкова 2005: 94—95) и др. — принадлежат и различни по форма пандантиви, определяни още и като амулети (карта 1).

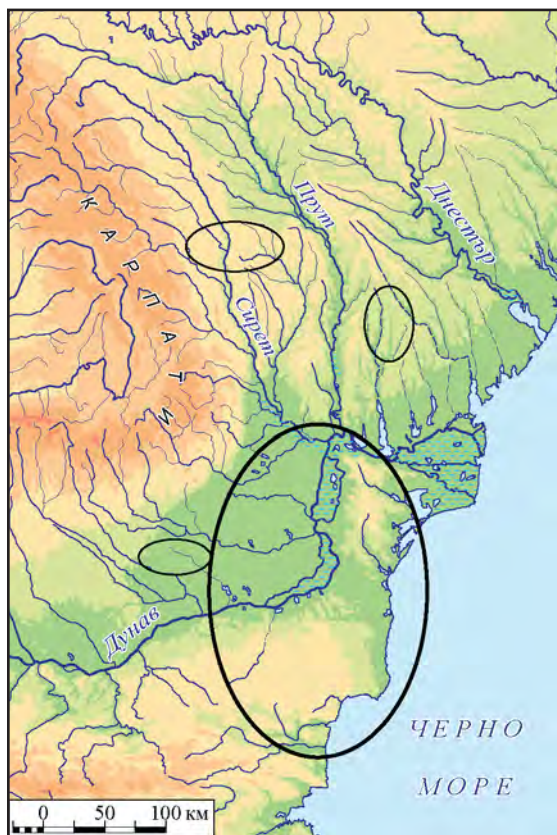
Изготвяни са от различни метални сплави чрез отливане в едностранни калъпи. Процентно най-голямо е съдържанието на мед (Cu = cuprum), на следващо място на калай (Sn = stannum) и на олово (Pb = plumbum) — виж приложението¹. Откриването на някол-

ко такива паметника в гробове дава основание на повечето изследователи да ги свържат с материалната и духовната култура на печенегите.

Голяма част от публикациите на къснономадски пандантиви са кратки съобщения за един или няколко паметника (Плетнёва 1958: 159, рис. 4: 1; Spinei 1973: 277—292; Barnea 1976: 275—278; Гаврилина 1985: 214; Diaconu 1987: 113—114; Papasima 1990: 359—361; Йотов 2000: 209—212) или във връзка с публикуване на определен археологически обект (Suceveanu 1973: 495—502). Има и няколко опити за обобщаващи статии (Гаврилина 1985: 214—226; Рябцева 2005: 350—358).

На този етап на научното дирене, систематизирането на тези паметници се изразява основно в определянето на голяма част от пандантивите като „листовидни” — “foliases” (Diaconu 1987: 113—114; Papasima 1990: 359—361; Рябцева 2005: 350—358). Мисля, че публикуваните от V. Spinei (Spinei 1973: 277—292) и I. Barnea (Barnea 1976: 275—278) както и нови, непубликувани пандантиви,

¹ Анализите са дело на инж. д-р Й. Бояджиев от ТУ — Варна с помощта на преносим XRF анализатор „Bruker S1 Sorter“ — специализиран за определяне елементното съдържание на метални сплави. Благодаря на инж. Бояджиев за съдействието.

Карта 1. Разпространение на свързаните с късните номади пандантиви амулети на Долния Дунав.

Map 1. Distribution of pendant amulets associated with late nomads, the Lower Danube area.

които ще представя по-долу позволяват обособяването на къснономадските пандантиви в групи — основно според формата.

Група I. Листовидни ажурни (обр. 1; каталог №1—49)²

Най-много на брой са публикуваните листовидни/сърцевидни ажурни пандантиви. Географският ареал на разпространението им е от Заволжието, през долното течение на реки-

те Волга и Дон, историко-географската област Молдова до Долния Дунав и земите северно от Източна Стара планина. Стилизираните изображения на листовидните ажурни пандантиви се определят като „дървото на живота“, птица в полет, гушер и с основание позволява интерпретацията им също и като амулети/апотропеи (Плетнёва 1958: 159; Атанасов 1986: 80; Йотов 2000: 242; Рябцева 2005: 351)³.

Като пример и основание за датирането в края на X — началото на XI в. на тази група паметници се дава публикувания от С.А. Плетнёва пандантив от детски гроб в некропола на крепостта Саркел-Белая Вежа — фрагменти от подобни пандантиви са открити и в самата крепост (Плетнёва 1958: 159, рис. 4: 1).

Друг пример е женски гроб от Лапас, Астраханска област (Русия), където сред разнообразния гробен инвентар има и четири ажурни пандантива, четири арабски дирхеми от 954—955 г. и един меден фелс с датировка 958—959 г. (Филипченко 1959: 239—242; Курта 2013: 12).

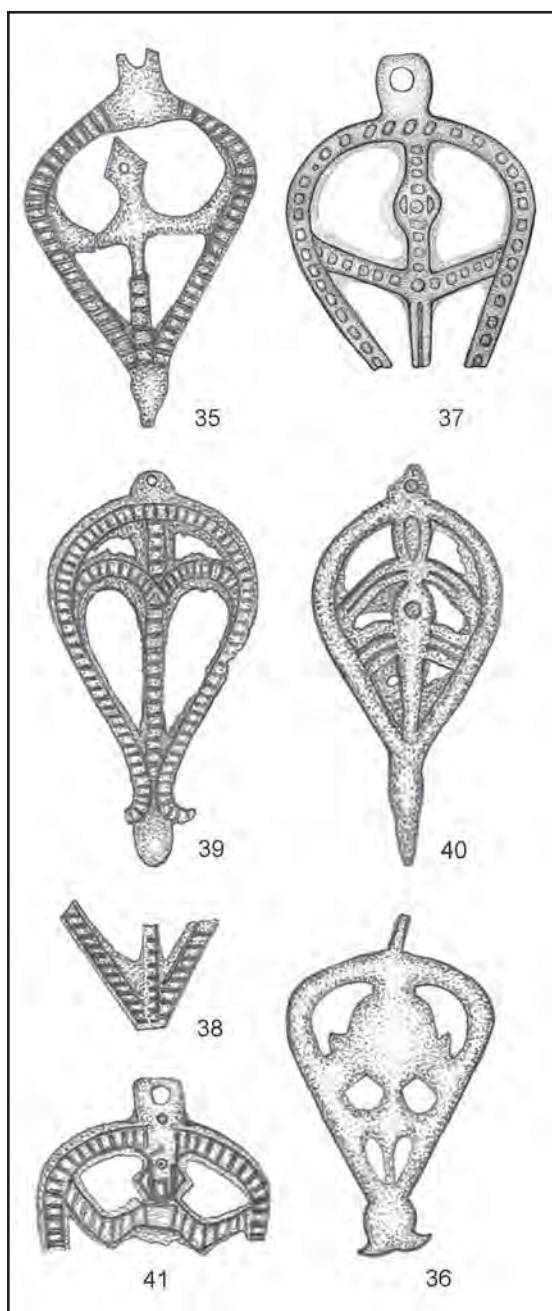
На юг от р. Дунав със сигурна датировка в първата третина на XI в. е пандантивът от Скала (кат. №20), който е намерен в руините на наземните жилища заедно с анонимни фолиси клас А и клас В (края на X — първа третина на XI в.) (Йотов, Атанасов 1998: 48, 120, рис. 86: 1); Дончева-Петкова 2005: 92). Пандантивът от гроб в некропола при Одръци (кат. №21) може да се отнесе най-късно до средата на XI в. (Дончева-Петкова 2005: 92—93, 172, таб. XXVI: 121₆). От Силистра е пандантив (кат. №3), който е открит във втори-чен гроб в средновековната базилика (Ангелова 2002: 34, таб. XII1 (A); 2013: 250).

Повечето от пандантивите са намерени в детски и женски гробове, но нараства и броя на случайните находки от средновековни градове и селища (Гаврилина 1985: 214; Йотов 2000: 209—212; Курта 2013: 12).

Според някои автори, наличието на полуфабрикати на „печенежки“ ажурни пандантиви от „Глоджево“ и друг с неизвестно местонамиране в Североизточна България (кат. №22, 41) показват, че някои са изготвяни в зе-

² Към групата на „печенежките“ ажурни амулети, според мен погрешно се причисляват два пандантива от Исакча и Махмудия (Румъния) — според G. Mănucu-Adameşteanu флоралните мотиви изобразени на тези два амулета са по-характерни за периода XIII—XIV в., отколкото за периода XI—XI в. (Oberländer-Târnoveanu 1980: 66, Pl. 10: 26; Mănucu-Adameşteanu 1984: 243, Pl. 3: 25; Madgearu 2003: 52, 55, map II; Курта 2013: 13, рис. 7; Fiedler 2013: 272—275, Abb. 7. Към групата на „печенежките“ листовидни ажурни амулети погрешно е сложен и един оловен предмет произхождащ от Варна (Йотов 2000: 210, рис. 1: 1; Курта 2013: 12).

³ За орнаментацията на амулетите виж: Гаврилина 1985: 216—224; Рябцева 2005: 351—358. Предполага се, че амулетите са имали функция на „апотропей“ и е трябвало да защитават носещите ги жени, а също да им осигуряват и плодородие (Гаврилина 1985: 222; Курта 2013: 12).

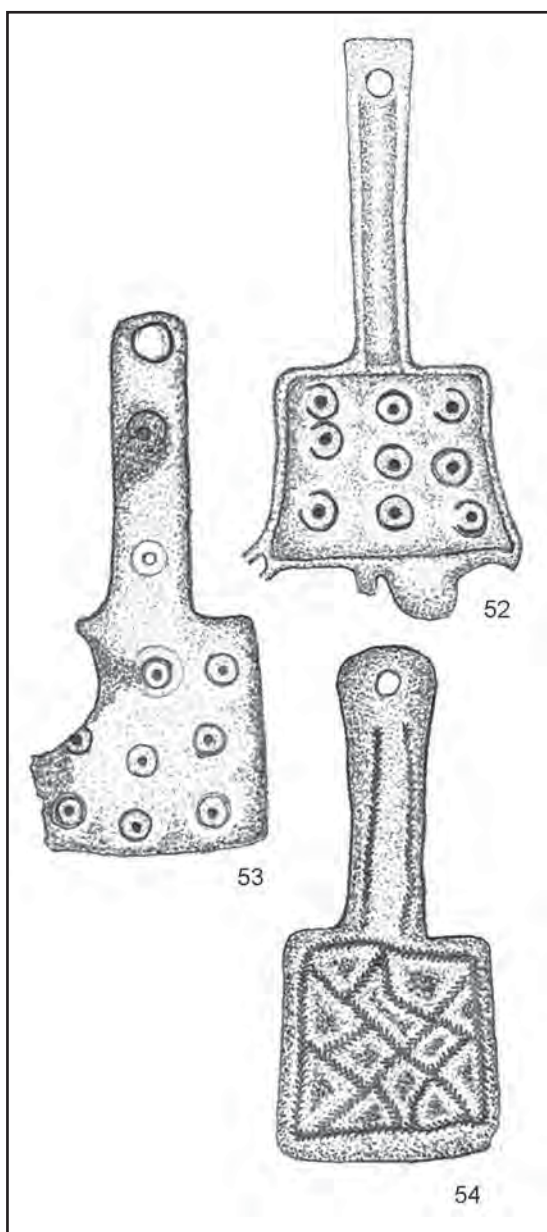

Обр. 1. Листовидни ажурни къснономадски пандантиви амулети (номерата съответстват на каталога).

Fig. 1. Lamellar open-work late nomadic pendant amulets (numbers as per the catalog).

мите на Долния Дунав (Йотов 2000: 210; Курта 2013: 12).

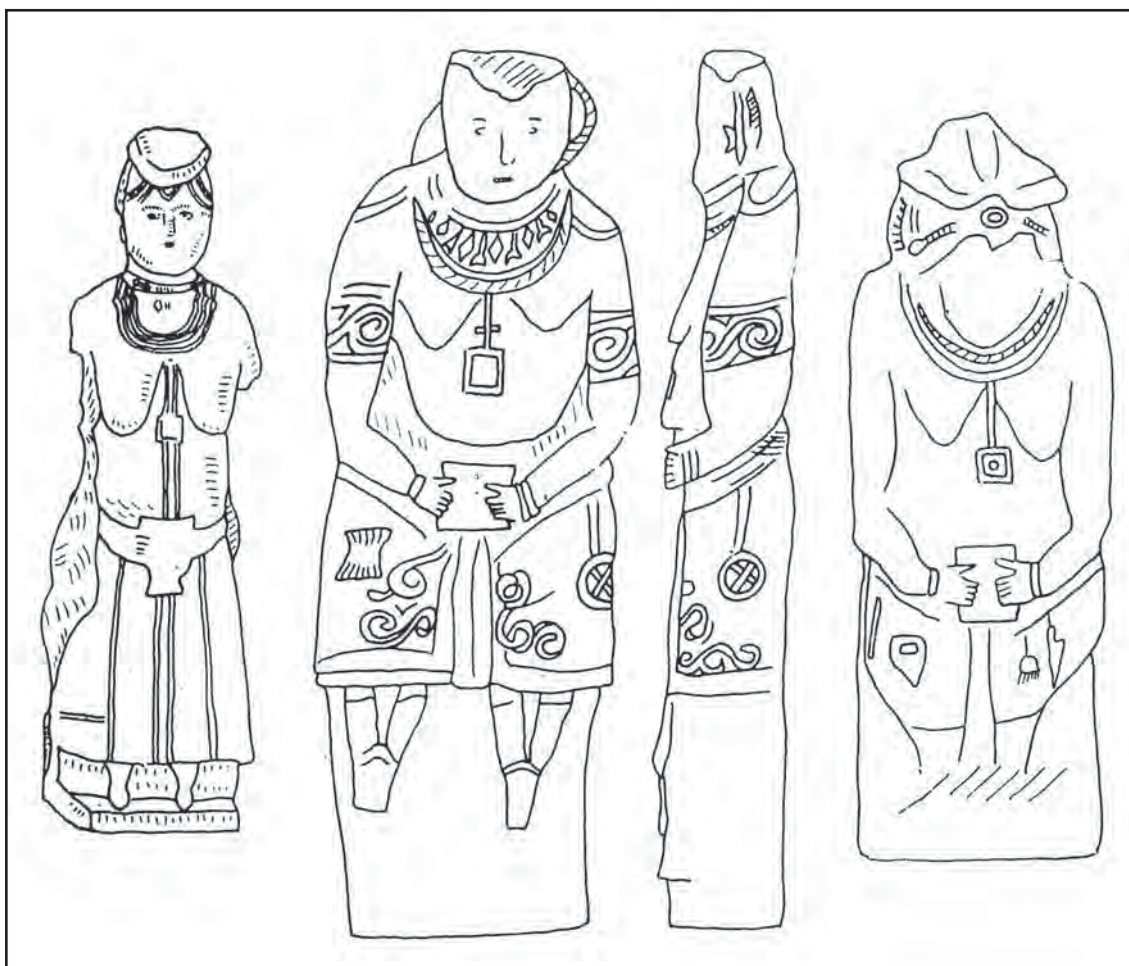
Въпреки че към момента изследователите приемат тези пандантиви-амулети за типично печенежки атрибут, то прави впечатление, че все още подобни не са известни от земите на Панонската низина и Поморавието,

Обр. 2. Правоъгълни къснономадски пандантиви амулети (номерата съответстват на каталога).

Fig. 2. Rectangular late nomadic pendant amulets (numbers as per the catalog).

където както е известно от писмените извори и археологическите данни са се заселили печенеги. От Банат са познати двойни пандантиви със сърцевидна форма (определени са и като апликации), някои от тях с ажурни прорези. Отнасят се към културата Бело Бърдо (X—XII в.), но се свързват с късните номади поселили се по Среден Дунав през този период (Оџа 2008: 170—171, Pl. 20; Țeicu 2009: 62—63, Pl. 37).

Обр. 3. „Каменни баби“ от Южноруската степ с „правоъгълни“ амулети.

Fig. 3. Stone stelae from the South Russian steppe, with 'rectangular' amulets

Група II. Правоъгълни (обр. 2; кат №50—55)

Друга група пандантиви, които се свързват с материалната култура на късните номади имат в долната си част правоъгълна или трапецовидна форма. Известни са ми три такива паметника — един произхожда от Тодирени, окръг Ботошани, Румъния — западно от долното течение на р. Прут (кат. №55) (Spinei 1973: 277—281, fig. 2: 1), а други два от средновековния пласт над крепостта Диногечия-Гарван — на южния бряг на р. Дунав (кат. №50, 51) (Barnea 1976: 276—277).

Пандантивът от Тодирени е от къснономадски гроб и е открит заедно с два листовидни ажурни пандантива. Пак от района на Тодирени произхожда и друг къснономадски гроб, в който са открити останките от два коня (Spinei 1973: 277—281, fig. 1: 1, 2: 1;

Spinei 1985: 117). V. Spinei смята, че амулетите от Тодирени принадлежат на печенеги или узи и посочва като паралел на тези амулети подобни изображения от някои „каменни баби“ от Южноруската степ (обр. 3), които се свързват най-вече с материалната култура на куманите (Spinei 1973: 280—282, 291, fig. 3: 1—3)⁴.

За I. Barnea двата правоъгълни пандантива-амулети от Диногечия-Гарван са свързани с присъствието най-общо на печенеги, узи и кумани на Долния Дунав през XI—XII в. (Barnea 1976: 276—277). Обитаването в Диногечия прекъсва при печенежкото нападение от 1121—1122 г. или при куманското от 1148 г., като по-вероятна е първата възможност

⁴ За „каменните баби“ виж: Нарожный 2003: 245—274, и посочената литература.

(Bolşacov-Ghimpu 1967: 543—549; Diaconu 1978: 62—71, 88—89; Mănuşu-Adameşteanu 2001: 195—196).

От средновековния пласт над Римската баня във Варна, където както бе споменато по-горе са открити и няколко ажурни пандантива-амулети, произхождат два пандантива-амулети (кат. №52, 53) — единият (кат. №52) е сходен с тези от Диногечия-Гарван. Друг пандантив (кат. №54) с подобна форма ми е известен от частна колекция — произхожда някъде от Североизточна България.

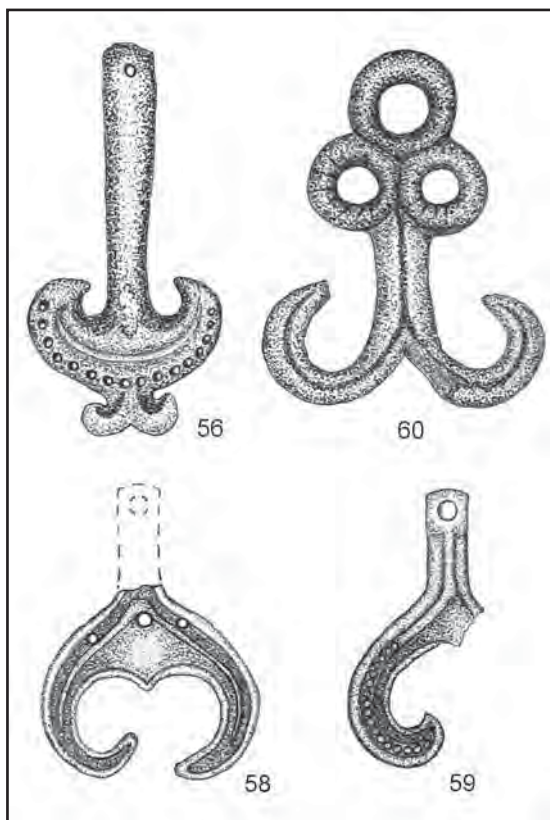
Спирайки се на „правоъгълния“ по форма пандантив от Тодирени V. Spinei посочва любопитен паралел върху определяните като кумански скулптурни човешки фигури — така нар. „каменни баби“ (Spinei 1973: 277—281, fig. 1: 1, 2: 1). Доколкото тези паметници са поне с едно столетие по-късни от датата на пандантивите-амулети, то несъмнено въпросът за приемствеността на материалната и духовната култура у сродните степни народи изисква по-обстоятелствен анализ.

Група III. Луновидни и палметовидни (обр. 4; кат. №56—60)

Пандантиви-амулети с луновидна или палметовидна форма не са включвани досега към паметниците на металопластиката, които могат да бъдат свързани с късните номади.

Мисля, че засега в тази група могат да бъдат включени един луновиден пандантив-амулет, произхождащ от средновековния пласт над Римската баня във Варна (кат. №56), два от Плиска (кат. №57, 58) и два някъде от Североизточна България (кат. №59, 60).

Формата на тези амулети намира сходства с орнаментацията на вторично употребена сребърна апликация от детски гроб от некропола покрай Източната порта в Плиска изработена чрез изковаване и орнаментирана с палметовидни елементи (Димитров 1995: 49, рис. 10: 10), също така с две кръгли бронзови апликации от Саркел-Белая Вежа и Диногечия-Гарван (Артамонов 1958: 43, рис. 30; Barnea 1967: 294, fig. 173: 6)⁵ и с един листовиден начелник от къснономадски гроб при

Обр. 4. Луновидни и палметовидни къснономадски пандантиви амулети.

Fig. 4. Late nomads' lunar and palmetto pendant amulets.

с. Тузла (Одеска област) и др. (Станко 1960: 281—284, рис. 4)⁶.

Така с представените в три групи — според формата на основната им част пандантиви, на първо място се добавят няколко нови паметника на къснономадската материална и духовна култура на Долния Дунав през XI—XII в. Без съмнение определянето на тях паметници и като амулети е справедливо. Свързването им с печенегите изглежда най-вероятно, но от друга страна паралелите подсказват, че едва ли културата на последните се е различавала съществено от тази на често споменаваните в писмените извори заедно с тях узи и кумани.

⁵ Кръглите апликации се свързват най-вече с материалната култура на печенегите (Дончева-Петкова 2005: 130—145, 150—154, 170—173, рис. 25, 26).

⁶ Виж различни ремъчни украшения с подобна орнаментация от Южноруската степ приписвани на печенегите и узите у: Орлов 1984: 34, рис. 4: 25—56.

**Каталог на къснономадските пандантиви-амулети
от България, Румъния и Молдова
Група I. Ажурни**

№	Местонамиране	Съхранение	Образ	Размери (см) Други бележки	Литература
1	Силистра-Дръстър	РИМ Силистра, инв. № 54		Зап. вис. 6,0 см Шир. 4,3 см	Атанасов 1986: 78—79, рис. 2: 1.
2	Силистра-Дръстър	РИМ Силистра, инв. № 55		Вис. 8,3 см Шир. 5,2 см	Атанасов 1986: 78—79, рис. 2: 4.
3	Силистра-Дръстър, вторичен гроб в цистов гроб в църква № 2	РИМ Силистра, инв. № 3295		Вис. 7,0 см Шир. 4,0 см	Ангелова 2002: 34, рис. 121: A.
4	Пъкюл луй Соаре			Вис. 6,2 см Шир. 4,6 см	Diaconu 1987: 113—114, Tab. LXXIX.
5	Пъкюл луй Соаре			Шир. 5,4 см	Diaconu 1987: 113—114, Tab. LXXIX.

№	Местонамиране	Съхранение	Образ	Размери (см) Други бележки	Литература
6	Диногоция-Гарван			Полуфабрикат (?)	Barnea 1967: 281—284, fig. 168: 10; Рябцева 2005: 350—351, рис. 1: 2.
7	Диногоция-Гарван				Barnea 1967: 281—284, fig. 168: 11; Рябцева 2005: 350—351, рис. 1: 3.
8	Диногоция-Гарван	Музей за история и археология-Тулча, инв. №4821		Вис. 6,9 см Шир. 4,8 см	Barnea 1967: 281—284, fig. 168: 12; Stănică 2005: 94; Рябцева 2005: 350— 351, рис. 1: 6.
9	Диногоция-Гарван				Barnea 1967: 281—284, fig. 168: 13; Рябцева 2005: 350—351, рис. 1: 5.
10	Диногоция-Гарван				Barnea 1967: 281—284, fig. 168: 14; Рябцева 2005: 350—351, рис. 1: 8.
11	Диногоция-Гарван				Barnea 1967: 281—284, fig. 168: 15.

№	Местонамиране	Съхранение	Образ	Размери (см) Други бележки	Литература
12	Диногоция-Гарван	Музей за история и археология-Тулча			Barnea 1973: 325, fig. 26: 7.
13	Исакча	Музей за история и археология-Тулча, инв. №42996		Вис. 6,9 см Шир. 4,0 см	Stănică 2005: 91
14	Нуфъру	Музей за история и археология-Тулча		-	Diaconu 1987: 114, no. 3; Mănușu-Adameșteanu 1992: 64; Рябцева 2005: 350—351, рис. 1: 7.
15	Истрия, намерен в женски гроб заедно амулет №16	Археологически музей-Истрия		Вис. 8,4 см Шир. 5,4 см	Suceveanu 1973: 495—502, fig. 3: 1; Рябцева 2005: 350—351, рис. 1: 11.
16	Истрия	Археологически музей-Истрия		Шир. 5,2 см	Suceveanu 1973: 495—502, fig. 3: 2; Рябцева 2005: 350—351, рис. 1: 9.
17	Варна-Римски терми	РИМ-Варна, инв. №5038		Вис. 7,1 см Зап. шир. 2,6 см	Йотов 2000: 210, рис. 1: 6.

№	Местонамиране	Съхранение	Образ	Размери (см) Други бележки	Литература
18	Варна-Римски терми	РИМ-Варна, инв. № 5039		Вис. 6,6 см Шир. 4,5 см	Йотов 2000: 210, рис. 1: 7.
19	Варна-Римски терми	РИМ-Варна, инв. № 5041		Вис. 7,9 Шир. 5,6 см	Йотов 2000: 210, рис. 1: 15.
20	Скала	ОИМ-Тервел, инв. № 5041			Йотов, Атанасов 1998: 48, 120, кат. № 364, рис. 86: 1.
21	Одърци, Некропол № 2, гроб № 121	РИМ-Добрич, пол. инв. № 201		Зап. вис. 2,0 см Зап. шир. 2,0 см	Дончева-Петкова 2005: 92—93, 172, Таб. XXVI: 1216.
22	“Глоджево” или Североизточна България ¹	РИМ-Шумен, инв. № 22379		Зап. вис. 4,4 см Шир. 4,2 см Полуфабрикат	Крумова 1999: 143—144, рис. 1: 1.
23	“Глоджево” или Североизточна България ²	РИМ-Шумен, инв. № 22393		Вис. 7,0 см Шир. 4,0 см	Крумова 1999: 143—144, рис. 1: 3.
24	Плиска-Вътрешен град, Малък дворец	НАИМ-Шумен, пол. инв. № 77			Йотов 2000: 210, рис. 1: 13.

№	Местонамиране	Съхранение	Образ	Размери (см) Други бележки	Литература
25	Плиска-Вътрешен град, североизточно от Малкия дворец	НАИМ-Шумен, пол. инв. № 101			Йотов 2000: 210, рис. 1: 13.
26	Плиска-Вътрешен град, Малък дворец	НАИМ-Шумен, пол. инв. № 105			Йотов 2000: 210, рис. 1: 12.
27	Плиска, Западна крепостна стена			Вис. 5,1 см Шир. 4,2 см	Константинов 2015: 202, рис. 2: 2.
28	Преслав, Царски дворец	ОИМ-Преслав		Шир. 4,0 см	Бонев 2009: 178—182.
29	Вълнари, землено укрепление	РИМ-Варна, инв. № 5040		Вис. 6,0 см Зап. шир. 1,7 см	Йотов 2000: 210, рис. 1: 8.
30	„Долище“, местността Переклика (?)	РИМ-Варна, инв. № 3255		Зап. вис. 4,9 Зап. шир. 2,9 см	Йотов 2000: 210, рис. 1: 5.

№	Местонамиране	Съхранение	Образ	Размери (см) Други бележки	Литература
31	Валя Дачилор	Музей за история и археология-Констанца, инв. № 37501		Зап. вис. 5,51 см Шир. 3,77 см	Papasiņa 1990: 359—361.
32	Североизточна България, Новопазарско (?)	РИМ-Варна, инв. № 4942		Зап. вис. 5,7 см Шир. 4,1 см	Йотов 2000: 210, рис. 1: 11.
33	Североизточна България	РИМ-Варна, инв. № 6218			Йотов 2000: 210, рис. 1: 10.
34	Североизточна България	РИМ-Варна			Йотов 2000: 210, рис. 1: 3.
35	Североизточна България	РИМ-Варна, инв. № 5065		Вис. 7,3 см Шир. 4,3 см	Валериев 2015, кат. № 34.
36	Североизточна България ³	РИМ-Варна, инв. № 6219		Вис. 6,1 см Шир. 3,8 см	Валериев 2015, кат. № 35.
37	Североизточна България, село Балик (?)	РИМ-Варна, инв. № 6031			Валериев 2015, кат. № 36.

№	Местонамиране	Съхранение	Образ	Размери (см) Други бележки	Литература
38	Североизточна България	РИМ-Варна, НСФ инв. №42		Зап. шир. 3,4 см	Валериев 2015, кат. №37.
39	Североизточна България	Частна колекция			Валериев 2015, кат. №38.
40	Североизточна България	Частна колекция		Полуфабрикат — халката за закачане и някои от ажурните елементи не са доработени	Валериев 2015, кат. №39.
41	Североизточна България	Частна колекция или РИМ-Шумен ⁴			Валериев 2015, кат. №40.
42	Букурещ, квартал Стрълуешти, селище X—XI в.				Spinei 1973: 284, fig. 5: 3; Рябцева 2005: 350—351, рис. 2: 20.
43	Тодирени (окръг Ботошани, Румънска Молдова), къснономадско гробно съоръжение, намерен заедно с друг еднакъв ажурен амулет и трети амулет с трапецовидна форма (кат. №№43, 54)	Музей за история и археология-Ботошани, инв. №494		Вис. 9,1 см Шир. 4,4 см	Spinei 1973: 277—292, fig. 1: 3, fig. 2: 3; Spinei 1985: 117, fig. 27: 11.

№	Местонамиране	Съхранение	Образ	Размери (см) Други бележки	Литература
44	Тодирени	Музей за история и археология-Ботошани, инв. №494		Вис. 9,2 см Шир. 4,3 см	Spinei 1973: 277—292, fig. 1: 4, fig. 2: 4; Spinei 1985: 117, fig. 27: 13.
45	Берешт (окръг Галац), къснономадски гроб				Spinei 1985: 110, fig. 27: 10.
46	Бръхъшешт (окръг Галац), случайна находка			Вис. 5,3 см Шир. 4,1 см	Spinei 1973: 283, fig. 1: 2, fig. 2: 2.
47	Паланка (Южна Молдова), къснономадски гроб				Рябцева 2005: 350, рис. 1: 1.
48	Румъния, неизвестно местонамиране				Рябцева 2005: 350—351, рис. 1: 14.

№	Местонамиране	Съхранение	Образ	Размери (см) Други бележки	Литература
49	Молдова, неиз- вестно местонами- ране				Рябцева 2005: 354, рис. 3: 14.

Група II. Правоъгълни и трапецовидни

№	Местонамиране	Съхранение	Образ	Размери (см) Други бележки	Литература
50	Диногечия-Гарван			Шир. 2,6/3,0 см	Barnea 1976: 275—278, fig.—1: 1.
51	Диногечия-Гарван			Шир. 2,5/3,0 см	Barnea 1976: 275—278, fig. 1: 2.
52	Варна, открит е през 1935 г. на ул. Дондуков в района на Римските терми в жилищни структу- ри от XI в. ⁵	РИМ-Варна, инв. № IV 481		Вис. 7,8 см Шир. 3,8 см	Валериев 2015: кат. № 51.

№	Местонамиране	Съхранение	Образ	Размери (см) Други бележки	Литература
53	Варна, открит е при археологическо проучване през 1963 г. в района на Римските терми (кв. 3/1,80) в жилищни структури от XI в. ⁶	РИМ-Варна, инв. № IV 482		Вис. 6,8 Шир. 3,0 см	Валериев 2015, кат. № 52.
54	Североизточна България ⁷	Частна колекция		Вис. ок. 6,0 см Шир. ок. 3,0 см	Валериев 2015, кат. № 53.
55	Тодирени (окръг Ботошани)	Музей за история и археология-Ботошани		Вис. 7,4 см	Spinei 1973: 277—292, fig. 1: 1; 2: 1; Spinei 1985: 117, fig. 27: 12.

Група III. Луновидни и палметовидни

№	Местонамиране	Съхранение	Образ	Размери (см) Други бележки	Литература
56	Варна, намерен в жилищни структури от XI в. в района на Римските терми (кв. 3/1,80) при археологическо проучване през 1963 г.	РИМ-Варна, инв. № IV 483		Вис. 6,7 см Шир. 3,2 см	Валериев 2015, кат. № 55.

№	Местонамиране	Съхранение	Образ	Размери (см) Други бележки	Литература
57	Плиска, сгради при южния сектор на западната крепостна стена				Йотов 2000: 210, рис. 1: 16.
58	Плиска	НАИМ-София, инв. №4302		Зап. вис. 3,7 см Шир. 4,3 см	Валериев 2015, кат. №57.
59	Североизточна България	РИМ-Варна, инв. №5773		Вис. 5,9 см	Валериев 2015, кат. №58.
60	Североизточна България	Частна колекция		Шир. 3,2 см	Валериев 2015, кат. №59.

Бележки:

¹ Смятам, че по-удачно би било като местонамиране на амулетите от Глоджево (кат. №22, 23) да се посочи най-общо Североизточна България, в инвентарната книга на РИМ-Шумен е посочено, че един от листовидните амулети е от Исперихско (кат. №22), другият от Шуменско (кат. №23).

² Един от амулетите от Глоджево (кат. №23) има сходство с друг ажурен амулет от Пъкуюл луй Соаре, а също и с един от амулетите от Дръстър (кат. №1) и този от Скала (кат. №20) (Йотов, Атанасов 1998: 120). Според Т. Крумова този амулет от Глоджево е еднакъв с ажурен амулет от Бръхъшешти (кат. №45) (Spinei 1973: 281, fig. 2: 2; Крумова 1999: 143).

³ Този амулет е сходен с един амулет от Берешти (кат. №44), а също така и с друг с неизвестно местонамиране от Молдова (кат. №48).

⁴ Снимка на този амулет ми е предоставена от доц. Стела Дончева.

⁵ Амулетът е с трапецовидна форма и украса „птиче око“. Сходен е с амулетите от Диногечия (кат. №49, 50).

⁶ Амулетът е с правоъгълна форма и украса „птиче око“.

⁷ Амулет с трапецовидна форма украсен с тънки резки, които ограждат правилни и неправилни геометрични фигури.

Приложение.
Металографски анализ на къснономадските пандантиви-амулети

Музей инв. №	Местонамиране	Образ	Cu	Sn	Pb	Fe	As	Ni	Se	Ta	Co	Zn	Ag	Mn	Sb	Cr	Zr	Pd	Bi
Амулети листовидни ажурни																			
Вн-3255	Долище		96,7 96,2 96,4	0,41	2,11 2,99 2,46			0,28			0,02	0,79 0,83 0,80							
Вн-4942	Североизточна България, Новопазарско (?)		52,3 51,9 51,9	26,5 27,7 27,0	13,7 13,7 13,4	1,05 2,66 2,96 0,54 3,05	2,66 2,96 3,05	0,24 0,18 0,04			0,05 0,05	1,58 1,70 1,83	2,00 2,04 1,99						
Вн-5038	Варна-Римски терми		95,5 94,0 93,6	2,17 3,30 2,96	2,09 2,69 2,45			0,25				0,52				0,43			
Вн-5039	Варна-Римски терми		75,7 72,2 64,6	7,24 4,94 9,68	14,9 18,5 19,4	0,28 0,40 0,34	2,67 3,28		0,04	1,19 1,28 1,11		0,63							
Вн-5040	Вълчари		96,6 96,1 96,8	0,30 0,25	1,58 2,04 1,91		0,61 0,53	0,26			0,01	0,88 0,87 0,80				0,51			
Вн-5041	Варна-Римски терми		55,2 59,6 54,7	14,1 6,39 7,66	21,0 29,7 36,0	2,64 0,45 0,40	2,87 2,91		0,04	0,85 0,98 1,27		0,86			0,33	2,13			
Вн-5065	Североизточна България		84,6 69,4 80,8	8,25 17,5 9,96	6,93 9,40 7,04	0,46 0,35	2,05 1,80	0,20				0,51							

Музей инв. №	Местонамиране	Образ	Cu	Sn	Pb	Fe	As	Ni	Se	Ta	Co	Zn	Ag	Mn	Sb	Cr	Zr	Pd	Bi
Вн-6031	Североизточна България		76,3 79,9 83,9	7,18 5,74 4,80	10,6 9,25 7,37	1,38 1,01 0,44	2,24 2,62 1,99		0,04			1,30 1,40 1,29		0,22	0,90				
Вн-6218	Североизточна България		55,7 73,0	19,6 12,0	17,9 13,1	1,40 0,56	3,17	0,13				2,22 1,44							
Вн-6219	Североизточна България		93,5 94,3 95,3	3,06 2,85 2,75	0,97 0,83 0,37		1,45 1,26 1,04	0,27				0,58 0,61 0,59		0,18 0,15					
Вн-НСФ-42	Североизточна България		60,8 60,5	15,8 16,3	17,7 19,1	1,35 0,81	3,17 3,22		0,06 0,04										0,56
Пл-77	Плиска		95,8 95,0 96,0	0,32	4,18 4,50 3,75			0,23 0,26											
Пл-101	Плиска		65,4 67,3 76,8	21,4 20,7 14,3	7,61 7,27 5,14		2,79 2,77 1,79			0,99		1,88 1,91 1,88							
Пл-105	Плиска		56,0 62,4 57,5	24,6 21,2 23,7	11,1 9,52 10,2	0,79 0,75 1,03	3,08 2,67 3,09	0,18	0,04		0,05	4,45 3,29 4,42							
Шн-22379	„Глоджево“ (?)		68,5 63,9 74,1	11,6 16,1 9,81	16,3 16,4 12,9	0,37 0,36 0,30	2,97 3,10 2,91		0,08 0,07 0,04								0,09		
Шн-22393	„Глоджево“ (?)		83,4 81,9 81,8	5,67 5,86 5,56	8,65 9,71 9,79	0,30 0,31	1,98 2,14 2,30		0,04			0,51							

Музей инв. №	Местонамиране	Образ	Cu	Sn	Pb	Fe	As	Ni	Se	Ta	Co	Zn	Ag	Mn	Sb	Cr	Zr	Pd	Bi
ШН-22528	„Глоджево“ (?)		45,7 48,9 51,8	9,74 8,17 8,55	42,9 35,1 31,6	1,02 0,36 0,68	5,73 5,71	0,15		1,70		0,48 0,50						1,69	
Сс-55	Силистра		69,7 64,2 69,5	21,5 21,7 20,9	5,59 10,6 6,30	0,44 0,43 0,64	2,01 2,54 2,04	0,13	0,05		0,05	0,63 0,54 0,65							
Сс-3295	Силистра		96,4 96,7 97,0		3,06 2,77 2,75	0,51 0,53		0,23			0,02								
Амулети трапецовидни и правоъгълни																			
Вн-481	Варна-Римски терми		97,1 98,8 99,0		0,68 0,69 0,68		0,39 0,33 0,31			1,19		0,61		0,13					
Вн-482	Варна-Римски терми		95,6 95,6 96,0	2,03 1,95 1,92	1,80 1,88 1,35		0,53 0,59 0,46	0,24											
Амулети палметовидни и луновидни																			
Вн-483	Варна-Римски терми		62,9 62,1	7,78 6,22	11,0 16,5	13,5 9,60	1,84					0,56				4,74 2,88			0,34
Вн-5773	Североизточна България		97,0 97,5 97,6	0,36	1,92 1,61 1,84		0,61 0,70				0,01	0,53		0,13 0,21					

Литература

- Ангелова С. 2002. Разкопките на църква №2. Археологическо проучване на Дръстър (14 години по-късно). *Добруджа* 20, 12—39.
- Ангелова С. 2013. Дръстър и печенегите. *Добруджа* 24—25, 247—250.
- Артамонов М.И. 1958. Саркел-Белая Вежа. *МИА* 62, 7—84.
- Атанасов Г. 1986. Средновековни амулети от Силистра. *ИНМВ* 22, 74—81.
- Бонев С. 2009. Амулет „печенежки“ тип — за първи път в Преслав. *Приноси към българската археология* 5, 178—182.
- Валериев Й. 2015. Късномадски пандантиви амулети от района на Долния Дунав. *Пътуване към България* 4, 491—524.
- Гаврилина Л.М. 1985. Кочевническия украсения Х в. *СА* (3), 214—226.
- Димитров Я. 1995. Църква и некропол във външния град на Плиска (края на Х—ХІ в.). *Плиска-Преслав* 7, 42—70.
- Дончева-Петкова Л. 2005. *Одърци. Некрополи от XI в.* София: Проф. Марин Дринов.
- Йотов В. 2000. О материалната култура печенегов к югу от Дуная — листовидные ажурные амулети XI в. *Stratum plus* (5), 209—212.
- Йотов В., Атанасов Г. 1998. *Скала. Крепост от Х—ХІ век.* Велико Търново.
- Константинов К. 2015. Метални накити и коланни гарнитури от разкопките на комплекса при южния сектор на западната крепостна стена в Плиска. *Плиска-Преслав* 11, 199—216.
- Крумова Т. 1999. Печенежские памятники в Северо-Восточной Болгарии. *Analele Asociației Naționale a Tinerilor Istorici din Moldova* 1, 142—149.
- Курта Ф. 2013. Образ и археология печенегов. *Stratum plus* (5), 1—32.
- Нарожный Е.И. 2003. О половецких изваяниях и святилищах XIII—XIV вв. Северного Кавказа и Дона. *Степи Европы в эпоху средневековья* 3, 245—274.
- Орлов Р.С. 1984. Північнопричорноморський центр художньої металообробки у Х—ХІ ст. *Археологія* 47, 24—44.
- Плетнёва С.А. 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. *МИА* 62, 151—226.
- Рашев Р. 2003. Съмнителни и недостоверни паметници на прабългарската култура. В: *Studia protobulgarica et mediaevalia Europensia. По случай 100 годишнината от рождението на В. Бешевлиев.* София, 158—174.
- Рашев Р. 2008. *Българската езическа култура VII—IX в.* София: Брифон.
- Рябцева С. 2005. О листовидных украшениях подвесках, копоушках и решмах. *Revista arheologică* (1), 350—358.
- Станко В.Н. 1960. Детское захоронение кочевника в XI в. возле с. Тузлы. *ЗООА* 34 (1), 281—284.
- Тъпкова-Займова В. 1976. *Долни Дунав — гранична зона на византийския запад. Към историята на северните и североизточните български земи, края на Х—ХІІ в.* София: БАН.
- Филипченко В.А. 1959. Погребение X в. в Астраханской области у с. Лапас. *СА* (2), 239—242.
- Barnea I. 1967. Podoabele de metal. În: Ștefan Gh., Barnea I., Comșa M., Comșa E. *Dinogetia. Vol. 1. Asezarea feudală timpurie de la Biserica-Garvăn.* București.
- Barnea I. 1976. Pandantive din epoca feudală de la Dinogetia. *SCIVA* 2, 275—278.
- Bolșacov-Ghimpu A.A. 1967. La localisation de la cité byzantine de Demnitzikos. *RESEE* (3—4), 543—549.
- Diaconu P. 1978. *Les Coumans au Bas Danube aux XIe et XIIe siècles.* București.
- Diaconu P. 1987. Două pandantive foliiforme de bronz de la Păcuil lui Soare. *CCDJ* (3—4), 113—114.
- Fiedler U. 2013. Zur Suche nach dem archäologischen Niederschlag von Petschenegen, Uzen und Kumanen in den Gebieten südlich der unteren Donau. In: Curta F., Petru-Maleon B. (eds.). *The Steppe lands and the world beyond them. Studies in honor of Victor Spinei on his 70th birthday.* Iași, 249—285.
- Madgearu A. 2003. The Periphery against the Centre: the Case of Paradunavon. *ЗРВИ* 40, 49—56.
- Mănucu-Adameșteanu G. 1984. Descoperiri mărunte de la Isaccea. *Peuce* 9, 237—255.
- Mănucu-Adameșteanu G. 1992. Aspecte ale culturii materiale vechi românești în lumina descoperirilor de la București (secolele IX—XI). *Cercetări arheologice în București* 4, 57—73.
- Mănucu-Adameșteanu G. 2001. *Istoria Dobrogei în perioada 969—1204. Contribuții arheologice și numismatice.* București.
- Oberländer-Târnoveanu I. 1980. Stațiuni antice pe raza comunei Mahmudia (jud. Tulcea). *Peuce* 8, 55—76.
- Oța S. 2008. *Orizonturi funerare din Banatul istoric (secolele X—XIV).* Sibiu.
- Papasima T. 1990. Pandantiv foliaceu descoperit în Dobrogea. *Pontica* 23, 359—361.
- Spinei V. 1973. Découvertes de l'étape tardive des migrations à Todireni (dép. de Botoșani). *Dacia* 17, 277—292.
- Spinei V. 1985. *Realități etnice și politice în Moldova meridională în secolele X—XII. Români și turanici.* Iași.
- Suceveanu A. 1973. Un mormânt din secolul XI e.n. la Histria. *SCIV* 24 (3), 495—502.
- Stănică A. 2005. Prelucrarea metalelor în secolele X—XV. În: *Aspecte privind prelucrarea și circulația metalelor în Dobrogea din Preistorie până în Evul mediu.* Tulcea, 73—105.
- Țeicu D. 2009. *Arta minoră medievală din Banat.* Timișoara.

References

- Angelova, S. 2002. In *Dobrudzha (Dobruja)* 20, 12—39 (in Bulgarian).
- Angelova, S. 2013. In *Dobrudzha (Dobruja)* 24—25, 247—250 (in Bulgarian).
- Artamonov, M.I. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 62, 7—84 (in Russian).
- Atanasov, G. 1986. In *Izvestiya na narodniya muzej vŭv Varna (Reports of Varna National Museum)* 22, 74—81 (in Bulgarian).
- Bonев, S. 2009. In *Prinosi kŭm bŭlgarskata arkheologiya (Contributions to the Bulgarian Archaeology)* 5, 178—182 (in Bulgarian).
- Valeriev, J. 2015. In *Pŭtuvane kŭm Bŭlgariya (Paths to Bulgaria)* 4, 491—524 (in Bulgarian).
- Gavrilina, L.M. 1985. In *Sovetskaiia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 214—226 (in Russian).
- Dimitrov, Ya. 1995. In *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 7, 42—70 (in Bulgarian).
- Doncheva-Petkova, L. 2005. *Odŭrtsi — nekropoli ot XI vek (Odŭrtsi,*

- the Necropolises of 11th Century). Sofia: "Professor Marin Drinov" Publ. (in Bulgarian).
- Yotov, V. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 209—212 (in Russian).
- Yotov, V., Atanasov, G. 1998. *Skala. Krepost ot X—XII v. do s. Kladentsi, Tervelsko (Skala, a Fortress of 10th—12th Centuries near the Kladentsi Village, Tervel District)*. Veliko Tarnovo (in Bulgarian).
- Konstantinov, K. 2015. In *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 11, 199—216 (in Bulgarian).
- Krumova, T. 1999. In *Analele Asociației Naționale a Tinerilor Istorici din Moldova* 1, 142—149 (in Russian).
- Curta, F. 2013. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 1—32 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2003. In Evglevskii, A.V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (European Steppes in the Middle Ages)* 3. *Polovetsko-zolotoordynskoe vremia (Cuman and Golden Horde Period)*. Donetsk: Donetsk National University, 245—274 (in Russian).
- Orlov, R.S. 1984. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 47, 24—44 (in Ukrainian).
- Pletneva, S.A. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 62, 151—226 (in Russian).
- Rashev, R. 2003. In *Studia protobulgarica et mediaevalia Europensia*. Sofia, 158—174 (in Bulgarian).
- Rashev, R. 2008. *Bălgarskata ezicheska kultura VII—IX v. (Bulgarian Pagan Culture of 7th—9th Centuries)*. Sofia: "Brifon" Publ. (in Bulgarian).
- Ryabtseva, S.S. 2005. In *Revista arheologică* (1), 350—358 (in Russian).
- Stanko, V.N. 1960. In *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva (Writings of the Odessa Archaeological Society)* 34 (1), 281—284 (in Russian).
- Tăpkova-Zaimova, V. 1976. *Dolni Dunav — granichna zona na vizantijskiya zapad. Kăm istoriyata na severnite i severoiztochnite zemi, kraya na X—XII v. (Lower Danube — the Border Zone of the Byzantine West. To the History of Northern and North-Eastern Lands in 10th—12th Centuries)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Filipchenko, V.A. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 239—242 (in Russian).
- Barnea, I. 1967. Podoabele de metal. In Ștefan, Gh., Barnea, I., Comșa, M., Comșa, E. *Dinogetia*. Vol. 1. *Asezarea feudală timpurie de la Biserica-Garvăn*. București.
- Barnea, I. 1976. Pandantive din epoca feudală de la Dinogetia. *SCI-VA* 2, 275—278.
- Bolșacov-Ghimpu, A.A. 1967. La localisation de la cité byzantine de Demnitzikos. *RESEE* (3—4), 543—549.
- Diaconu, P. 1978. *Les Coumans au Bas Danube aux XIe et XIIe siècles*. București.
- Diaconu, P. 1987. Două pandantive foliforme de bronz de la Păcuil lui Soare. *CCDJ* (3—4), 113—114.
- Fiedler, U. 2013. Zur Suche nach dem archäologischen Niederschlag von Petschenegen, Uzen und Kumanen in den Gebieten südlich der unteren Donau. In Curta F., Petru-Maleon B. (eds.). *The Steppe lands and the world beyond them. Studies in honor of Victor Spinei on his 70th birthday*. Iași, 249—285.
- Madgearu, A. 2003. The Periphery against the Centre: the Case of Paradunavon. *Zbornik radova Vizantološkog instituta (Recueil des travaux de l'institute d'études byzantines)* 40, 49—56.
- Mănucu-Adameșteanu, G. 1984. Descoperiri mărunte de la Isaccea. *Peuce* 9, 237—255.
- Mănucu-Adameșteanu, G. 1992. Aspecte ale culturii materiale vechi românești în lumina descoperirilor de la București (secolele IX—XI). *Cercetări arheologice în București* 4, 57—73.
- Mănucu-Adameșteanu, G. 2001. *Istoria Dobrogei în perioada 969—1204. Contribuții arheologice și numismatice*. București.
- Oberländer-Tâmoveanu, I. 1980. Stațiuni antice pe raza comunei Mahmudia (jud. Tulcea). *Peuce* 8, 55—76.
- Oța, S. 2008. *Orizonturi funerare din Banatul istoric (secolele X—XIV)*. Sibiu.
- Papasima, T. 1990. Pandantiv foliaceu descoperit în Dobrogea. *Pontica* 23, 359—361.
- Spinei, V. 1973. Découvertes de l'étape tardive des migrations à Todireni (dép. de Botoșani). *Dacia* 17, 277—292.
- Spinei, V. 1985. *Realități etnice și politice în Moldova meridională în secolele X—XII. Români și turanici*. Iași.
- Suceveanu, A. 1973. Un mormânt din secolul XI, e.n. la Histria. *SCIV* 24 (3), 495—502.
- Stănică, A. 2005. Prelucrarea metalelor în secolele X—XV. In *Aspecte privind prelucrarea și circulația metalelor în Dobrogea din Preistorie până în Evul mediu*. Tulcea, 73—105.
- Țicu, D. 2009. *Arta minoră medievală din Banat*. Timișoara.

Статья поступила в сборник 21 января 2019 г.

Yoto Valeriev (Burgas, Bulgaria). Doctor of Archaeology. Burgas Museum of History¹.

Валериев Йото (Бургас, България). Доктор археологии. Исторический музей Бургаса.

E-mail: yotov_81@abv.bg

Address: ¹ Lermontov St., 31, Burgas, 8000, Bulgaria

Реликты степей Евразии

Relics of the Steppe Eurasia

Н. Н. Крадин

Города в кочевых империях Внутренней Азии

Keywords: Inner Asia, nomadism, urbanization, nomadic empires, Xiongnu, Uighurs, Khitans, Mongols

Ключевые слова: Центральная Азия, номадизм, кочевничество, кочевые империи, хунну, уйгуры, кидани, монголы

N. N. Kradin

Cities in Nomadic Empires of Inner Asia

The urbanization processes on the Inner Asia during periods of the nomadic empires were studied. Xiongnu had rural settlements and towns, populated mostly by farmers. The Uighur Khaganate had a few fortresses and one imperial trading mega-city. The Liao Empire opened a new stage in the steppe urbanization. The annexation of a growing number of significant agricultural territories to the empire required creation of a more sophisticated mechanism of government. The Khitans built large cities with gorgeous temples and palaces to house the imperial court and the emperor's officials. There were about fifty known Khitan towns. The excavations of towns show that their population was international. In the beginning of Genghis Khan nomadic empire, the Mongols quite soon felt the deficit of trained specialists in various trades. During the first decades of the existence of their empire, they organized a large scale mobilization of human resources. By means of the forced relocation of large masses of people, or through involving into this process a vast number of adventurers, profiteers and gentlemen of fortune, the Mongols set up the conditions for an unprecedented intercultural exchange and integration of cultures, religions and civilizations. Thus, the Mongol imperial cities appeared.

N. N. Kradin

Города в кочевых империях Внутренней Азии

В статье рассмотрены процессы урбанизации в кочевых империях Внутренней Азии. У хунну известны поселения и городища, население которых занималось в основном земледелием. В Уйгурском каганате существовали городища и известен один огромный город имперского масштаба. Империя Ляо открыла новый этап в степной урбанизации. Захват значительных сельскохозяйственных территорий потребовал создания более гибкого механизма контроля. Кидани строили города с великолепными храмами и дворцами для размещения императорского двора и чиновников. Известно около 50 киданьских городищ. Раскопки показывают интернациональный состав населения. С созданием кочевой империи Чингис-хана появился дефицит квалифицированных ремесленников. На ранних этапах существования империи монголы организовали широкомасштабную мобилизацию человеческих ресурсов. Посредством принудительного переселения большой массы людей, а также вовлечения в процесс огромного числа авантюристов, торговцев и искателей удачи монголы создали условия для масштабной урбанизации, беспрецедентного межкультурного обмена и интеграции культур, религий и цивилизации.

Введение

Существует много разных точек зрения относительно того, существовали ли города в империях, созданных кочевниками. Одни авторы считают, что оседлость, земледелие и урбанизация были известны еще ранним кочевникам. По этой причине градостроительство в пасторальных обществах ничем не отличается от оседлых обществ. Город — это показатель создания государственности (Майдар, Пюрвеев 1980; Кызласов 2006). Другую точку

зрения предложила С. А. Плетнева. По ее мнению, памятники земледелия и ремесла в степи поселения и города у кочевников возникали за счет оседания бедных номадов, которые группировались вокруг «степных замков» вождей и ханов (Плетнева 1982). По мнению других исследователей, строительство оседлых поселений и городищ у кочевников — это дело рук угнанных в плен земледельцев (Киселев 1965; Давыдова 1978; Hayashi 2004 etc.). Согласно В. Л. Егорову, подавляющее большинство городов являлись местом сосредоточения

The study was implemented with financial support from the grant of the Government of the Russian Federation no.14.W03.31.0016 "Dynamics of peoples and empires in the history of Inner Asia" ■ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации №14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

© Н. Н. Крадин, 2019.

аппарата управления и сбора налогов и лишь позднее города начинают выполнять торговые и ремесленные функции (Егоров 1985). По мнению А.М. Хазанова, проблема состоит в том, что кочевники нуждались в городах как источниках продукции ремесла и отчасти земледелия. Для этого они могли поддерживать различные виды контактов с городскими обществами, завоевывать эти общества и использовать города в своих целях, создавать собственный городской сектор на территории степи (Khazanov 1984; Хазанов 2004).

Феномен кочевничества в значительной степени детерминирован особенностями экологии и геополитическими факторами. Именно поэтому в одних регионах мира скотоводы и кочевники могли создать только ранжированные кланово-линейные структуры, в других — племенные конфедерации и вождества, в третьих — квазиимперские конфедерации и кочевые империи (Barfield 1993; Khazanov 1984; Golden 2003; Крадин 2007). Применительно к Евразии необходимо учитывать разделение на различные части — Западную или Восточную Евразию (Голден 1993; Golden 2011) или на пояс степных прерий от Паннонии до Маньчжурии и расположенную к югу от него зону пустынь и оазисов (Fletcher 1986) или выделение восточноевропейских степей, Средней или, как сейчас говорят, Центральной Азии, а также хартленда кочевничества — Центральной/Внутренней Азии (Drompp 1989). Последняя классификация соответствует современным представлениям географов о районировании евразийских степей (Чибилёв 2016: 36—38).

Для восточноевропейских древних и средневековых кочевников, которые занимали длинный степной язык, протянувшийся от Паннонии до Каспия и соседствовали с Византией/Турцией, Русью/Россией, частично Южной и Восточной Европой (Болгария, Венгрия, Польша, Литва и др.) было характерно создание средних квазиимперских конфедераций (печенеги, половцы, татарские ханства позднего средневековья и др.). Большие империи, подобно Гуннской державе или Золотой Орде, здесь редкость. Расстояния между степняками и оседлыми невелики. Степные территории приемлемы как для занятия скотоводством, так и земледелием (Гаврилюк 1999).

Основываясь на экстраполяции своих исследований в восточно-европейских степях, С.А. Плетнева выдвинула теорию «от кочевий к городам», согласно которой точки оседлости и ремесла у кочевников формировались на счет оседания самых бедных кочевников.

Они не были способны вести пасторальное хозяйство сами. Поэтому происходит переход от непрерывного кочевания к полукочевому образу жизни. Бедняки оседали вокруг укрепленных поселений аристократии — «замков». Постепенно «замки», по ее мнению, могли перерасти в «степные города». Для этого было необходимо, чтобы «замок» занимал удобное торговое положение, а его владелец имел власть. Эта идея стала основой ее концепции трех моделей кочевания и трех типов степной государственности (Плетнева 1967; 1982).

Средняя часть аридных зон Евразии, условно называемая Средней Азией, начинается от Приуралья и простирается по территории Северного Казахстана вплоть до Синцзяна/Восточного Туркестана. К югу от них расположены горные и полупустынные зоны. Поскольку в регионе не было больших оседло-городских империй, кочевники были интегрированы в форме сложных вождеств, конфедераций и квазигосударственных образований. Кочевники соседствовали бок о бок с земледельческими государствами, занимавшими оазисы (как, например, Семиречье или Жетысу). Здесь было распространено полукочевое и отгонное скотоводство, сенокосение, зачатки земледелия (Жданко 1968).

Несмотря на существующее деление на Мавераннахр и Могулистан, оседлое и степное население представляли собой части единой экономической системы, которые взаимно дополняли друг друга. Данное обстоятельство предполагало поиск взаимоприемлемых стратегий взаимодействия для обеих сторон. Поэтому в различных политических объединениях в данном регионе (тюргеша, кимаки, огузы, кара-кидани) городские общины сосуществовали с племенными институтами кочевников скотоводов (Кумеков 1972; Пиков 1989; Байпаков 2012—2016; Golden 2013).

В Восточной Евразии сложилась биполярная региональная структура между Севером (кочевые империи) и «Югом» (Китай) (Lattimore 1940; Jagchid, Symons 1989; Barfield 1992; 2001; Крадин 2002; 2007). Если не считать Ордосского фронта, на который претендовали обе стороны, в данном регионе развитие земледелия было возможно во Внутренней Монголии. В собственно монгольских степях и в Забайкалье земледелие возможно там, где среднегодовые осадки могли достигать 200—400 мм и где существовала развитая речная сеть.

В результате многолетних исследований на территории Монголии и в смежных степ-

ных зонах было открыто и исследовано много поселений, городищ и городов различных хронологических периодов (Киселев 1957; 1958; Пэрлээ 1957; 1961; 1974; Майдар 1971; Данилов 2004; Ткачев 2009). Это дало возможность выйти на уровень концептуальных и теоретических обобщений (Майдар, Пюрвеев 1980; Данилов 2005; Rogers et al 2005; Крадин 2011; Ткачев 2009; Waugh 2010; Rogers 2017). В настоящее время накоплено много новых дополнительных данных, которые позволяют подвести определенные итоги и наметить новые перспективы изучения данной темы.

Древние империи

Древние кочевые империи Внутренней Азии — хунну (Крадин 2002), сяньби (Крадин 1994) и жужани (Крадин 2000) — были основаны на дистанционной эксплуатации. Номады использовали набеги и политику вымогания подарков для того, чтобы получать необходимую им продукцию и перераспределять ее внутри своего общества. При этом истоки градостроительства в монгольских степях относятся ко времени Хуннской державы (209 г. до н.э. — 48 г.н.э.). На настоящий момент известно более 20 поселений и городищ хунну на территории Монголии и Западного Забайкалья (Пэрлээ 1961; Hayashi 1984; Давыдова 1985; 1995; Давыдова, Миняев 2003; Данилов 2004; Ramseyer 2013; Данилов и др. 2016; Коновалов и др. 2016; Анхбаяр 2017; Эрэгзэн 2017). Среди них памятники разных типов. Во-первых, это открытые поселения различных размеров — от небольших хуторов из нескольких жилищ подобно Бороо в Северной Монголии (Ramseyer, Pousaz, Törbat 2009; Ramseyer 2013) до протянувшихся на несколько километров больших поселений, таких как Дурены в Забайкалье (Давыдова, Миняев 2003). Они концентрируются в бассейне р. Селенги, где много территорий, благоприятных для занятия земледелием.

Во-вторых, небольшие крепости с жилищными комплексами внутри. На настоящий момент известно одно такое городище Баян-Ундэр в Забайкалье, которое было интерпретировано как «резиденция наместника» (Данилов 1998; 2011). В-третьих, защищенные валами земледельческо-ремесленные центры. По письменным источникам известно, что у хунну были «городки», то есть, по всей видимости, укрепленные поселения (Таскин 1968: 68, 91, 155, 165, прим. 30), однако насколько их функциональный статус соответствует городскому, неизвестно.

В настоящее время у хунну известен пока только один настоящий город — Иволгинское городище. Несмотря на сильно оплывшие валы и в принципе небольшие размеры (примерно 200 на 300 м), здесь проживало несколько тысяч человек, прослеживаются улицы и скученная застройка (Крадин, Бессонова, Зверев 2016). На территории городища найдены многочисленные жилища с канами и хозяйственными и мусорными ямами (рис. 1). Многочисленные находки подтверждают, что жители городища занимались земледелием, животноводством, ремеслом, охотились и ловили рыбу. В составе домашних животных преобладали крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, собаки. Выделяется 4—5 социальных рангов жителей городища. Среди артефактов (керамика, орудия труда) встречаются ханьские изделия. На ряде гончарных изделий зафиксированы иероглифы. Раскопки синхронного некрополя подтвердили, что в составе населения городища присутствовали выходцы из Китая (Давыдова 1985; 1995; 1996; Крадин, Данилов, Коновалов 2004; Крадин 2005).

Если согласиться с существующими в археологии представлениями о городах, как об укрепленных поселениях с высокой плотностью населения и разнообразными, главным образом, несельскохозяйственными функциями (применительно к степным империям — нескотоводческим), разумеется, с многочисленными оговорками (Cowgill 2004; Renfrew 2008; Smith 2016), то следует признать, что Иволгинское городище соответствует всем признакам настоящего города.

Какое место занимали подобные городища в структуре кочевых империй? Ответ на этот вопрос дает описанный в китайских источниках случай с Сяньбийской кочевой империей, возникшей во II в.н.э. на обломках хуннской державы. Ее основатель Тань-шихуай был обеспокоен нехваткой продовольствия. По этой причине он приказал переселить «с востока» в район Лаохахэ около 1000 семей народа вожэнь, занимавшегося рыболовством с тем, чтобы они восполняли номадам недостаток пищи рыбной ловлей (Таскин 1984: 80, 331). Помимо пленных ремесленников и земледельцев, у сяньби было немало иммигрантов из Китая. Именно благодаря им первоначальный ввоз металлического оружия контрабандным способом из Китая в III в. был заменен собственным производством предметов вооружения из металла (Таскин 1984: 78, 324).

Подобные факты подтверждают, что кочевники нуждались в продуктах земледелия

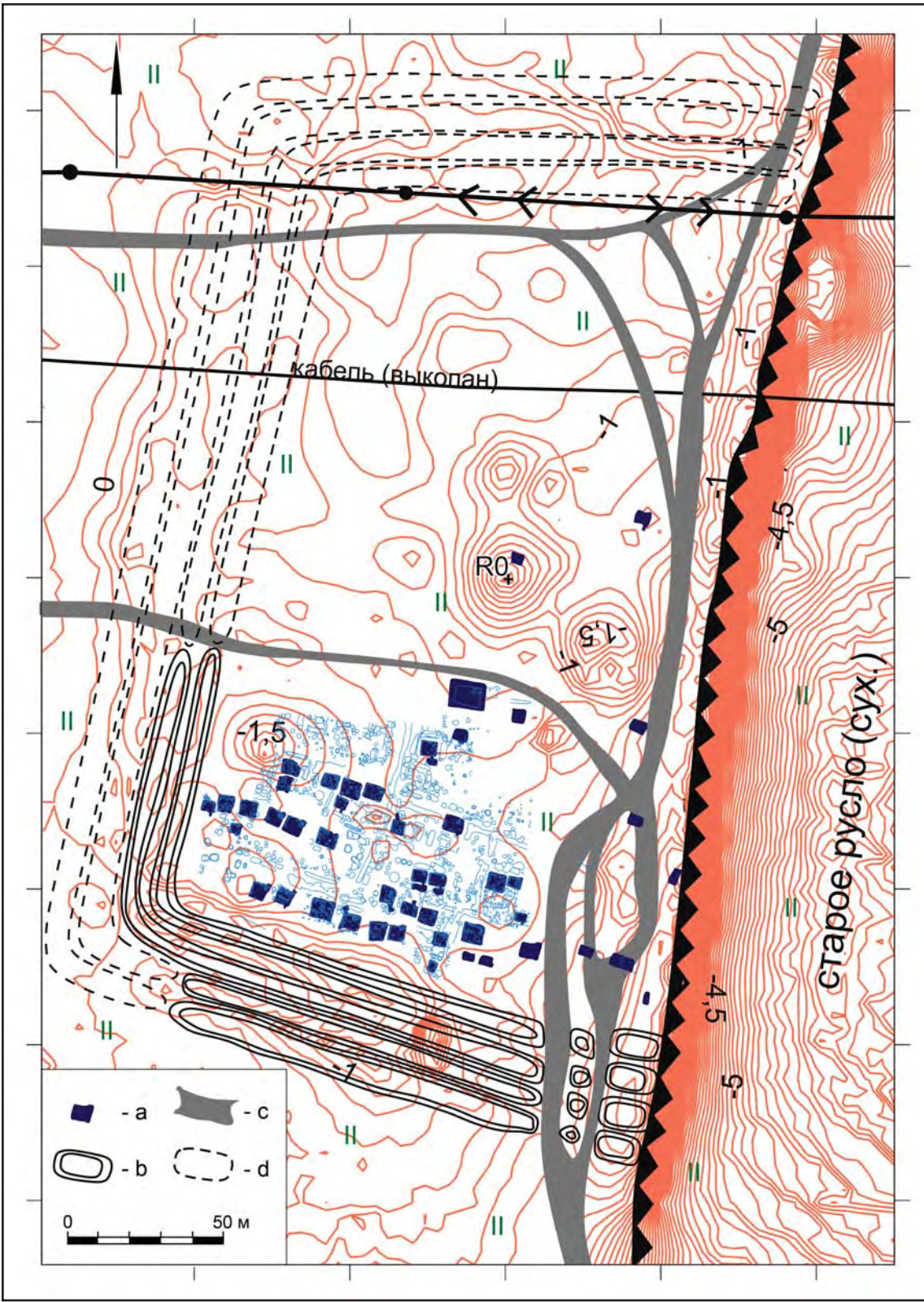

Рис. 1. Иволгинское городище. Условные обозначения: а — жилище; b — вал; c — дорога; d — условно вал. Высоты условные. Сплошные горизонталы проведены через 0,1 м (план выполнил С.Д. Прокопец, 2016).

Fig. 1. Ivolga fortified city. Legend: a — dwelling; b — rampart; c — route; d — rampart (conventionally). Heights are conditional. Solid horizons drawn through 0.1 m (plan is effectuated by S.D. Prokopets, 2016).

и ремесла. Все это можно было получать различными способами: развитием собственного земледелия, мирной торговлей с соседями, набегами и грабежами земледельцев и т.д. Однако только кочевым империям была под силу концентрация больших масс ремесленников и земледельцев на своей территории. В ограниченных размерах ведение земледелия возможно в основном около больших рек, таких как Селенга, Орхон, Тола и др. Население формировалось из угнанного в полон земледельческого населения и из мигрантов, которые бежали по тем или иным причинам в степь. Если судить по данным письменных источников, по самым приблизительным подсчетам хунну, например, только за сто лет с 166 по 60 гг. до н.э. увели в плен около 150 тыс. чел. (Крадин 2002: 95—98, 168—171).

Наконец, у хунну существовал еще один тип городищ, назначение которых вызывает многочисленные споры. Они локализируются в двух местах — в историческом центре Монголии в долине Орхона, а также в долине Керулена (Байшинтийн-дэрс, Барс-хот-2, Бурхийн-дурвулжин, Гуадов, Тэрэлжийн-дурвулжин, Ундур-дов и др.). Из них наиболее изученным является городище Гуадов в долине р. Керулен. Раскопки выявили наличие здесь стен в виде галереи из двух рядов деревянных стен, крытых двускатной черепичной крышей, а также массивных ворот, через который могли проезжать повозки. Ворота были сооружены по подобию ворот ханьской столицы Чанъани. В центре находилось здание на платформе с черепичной крышей. По мнению исследователей, здесь располагался сезонный дворец одного из предводителей хуннской аристократии конца II в. до н.э. — I в. н.э. (Эрэгзэн 2017).

С подобной трактовкой можно было бы согласиться, если бы не одно важное обстоятельство — практически полное отсутствие культурного слоя на памятнике. С аналогичной ситуацией мы столкнулись при исследовании городища Тэрэлжийн-дурвулжин (Данилов и др. 2011; Ивлиев и др. 2017; Крадин и др. 2017; Крадин, Ивлиев, Васютин 2018). Данное городище также находится в бассейне Керулена, у истоков. Внутри него находятся четыре платформы, попарно соединенные дорожками. На платформах располагались здания с колоннами, крытые черепичной крышей. Здания были окружены галечными дорожками. Кроме черепицы, не выявлено никаких иных следов жизнедеятельности (керамики, других артефактов, костей животных), как и культурного слоя. Последнее обстоятельство свидетель-

ствует, что здесь никто не жил. Поэтому данные городища нельзя интерпретировать как сезонные стоянки хуннской элиты. Также сомнительно, что они являлись религиозными храмами. Хунну верили в культ Неба и Земли и скорее поклонялись естественным объектам (подобно обо).

Более вероятно, что это могли быть, например, заупокойные храмы, воздвигнутые в честь представителей хуннской элиты — шаньюев и других знатных лиц. В качестве аналогии можно сослаться на Кошо-Цайдамские храмы, которые были воздвигнуты в честь тюркских каганов. По всей видимости, и хунну, и тюрки опасались, что в будущем могилы политических лидеров могут быть осквернены врагами. По этой причине погребения политических лидеров были совершены с такой степенью предосторожности, что они не обнаружены до сих пор. В то же самое время для совершения поклонений усопшим лидерам были построены специальные заупокойные храмы, где можно было совершать обряды и поминовения. Косвенно на возможность этого указывают датировки — исследованное нами городище Тэрэлжийн-дурвулжин было построено в ранний период империи хунну — эпоху «великих шаньюев».

Времена Сяньбийской конфедерации (156—236) и Жужаньского каганата (402—555) относятся к «темным векам» монгольской археологии. Информацию о существовании поселений и городищ можно почерпнуть только из письменных источников. Выше было упомянуто об использовании Таньшихуаем схожей с хуннами политики депортации иностранного населения в степь, чтобы обеспечить сяньбийцев дополнительными ресурсами существования. О Жужаньском каганате известно, что в начале VI в., скорее всего, каган Анагуй построил столицу — город Мумочэн, который был обнесен двумя рядами стен (Таскин 1984: 290). Правда, историки до сих пор спорят о его возможном местонахождении (Хандсурэн 1993: 98—99).

Империи раннего средневековья

В эпоху раннего средневековья на территории Внутренней Азии существовали Первый (552—630) и Второй (682—742) Тюркский, а также Уйгурский (744—840) каганаты. Они продолжали получать требуемую продукцию посредством чередования вымогания подарков и набегов. Вместе с тем, в этот период складываются условия для развития транс-

континентальной торговли по так называемому «Шелковому пути» (Hansen 2015).

Применительно к теме статьи следует отметить, что тюркских поселений и городищ на территории Монголии не известно. Широко растиражированы слова одного из крупнейших политических лидеров Второго каганата Тоньюкуса, выражающие суть военной доктрины антиурбанизма, согласно которой мобильность кочевников является их самым главным стратегическим оружием. Кочевники «когда они сильны, идут вперед для приобретения; когда слабы, то уклоняются и скрываются» (Бичурин 1950: 274). Впрочем, еще задолго до тюрков подобным способом скифы победили персов, а хунну китайцев.

Вместе с тем, есть сведения письменных источников, указывающие на то, что еще во времена династии Суй были зафиксированы массовые перебежки китайцев к кочевникам (Бичурин 1950: 256). Основатель Второй Тюркской империи Капаган-каган (Мочжо) просил у танской администрации 100 тыс. ху проса и 3000 сельскохозяйственных орудий для совершения посевов (Бичурин 1950: 269). Известны случаи пленения китайцев в больших масштабах (Бичурин 1950: 270). Все это наводит на мысль, что оседлость в той или иной степени была известна в Тюркских каганатах. Другой вопрос, идет ли речь о фронтальных территориях Ордоса, или же необходимо иметь в виду земли севернее Гоби, остается открытым. В годы расцвета Первого каганата тюрки также использовали для своих экономических потребностей потенциал городов Средней Азии.

В период существования Уйгурского каганата (745—842 гг.) велось активное строительство городов. Уйгуры были знакомы со строительством городищ еще до создания империи (Малов 1951: 42). Они создали на основе согдийского письма собственную руническую алфавитную письменность, приняли манихейство, заимствовали другие элементы культуры среднеазиатских народов. Известен ряд городищ уйгурского времени, расположенных по долинам Селенги и Орхона — Байбалык, Тойтен-Толгой, Тайджин-Чуло, Челим балгас и др., хотя точных данных относительно общего количества городов не известно (Данилов 2004). Серия уйгурских городищ для защиты от Кыргызского каганата была построена на территории Тувы (Кызласов 1969). В Туве проводились раскопки городища Пор-Бажын, расположенного на острове в глухой тайге. Здесь, за высокими стенами находилось роскошное дворцовое или храмовое здание,

много других строений. Однако отсутствие культурного слоя, системы обогрева зданий, и очень малое число находок свидетельствуют о том, что на городище не велась активная жизнедеятельность (Arzhantseva et al. 2011; Alfimov et al. 2013; Arden-Wong, Arzhantseva, Inevatkina 2015). Все это делает памятник загадкой, подобной хуннским городищам долины Керулена.

Принципиальным новшеством уйгуров стало создание крупного имперского столичного города. Он возник на месте перекочевавшей в долину Орхона в 751 г. ставки кагана и с течением времени превратился в настоящий мегаполис — город Карабалгасун (Харбалгас, Ордубалык). Площадь города была более 30 кв.км. Он был разбросан и представлял по форме подобие овала, вытянутого по линии ЮЗЗ-ССВ. Общегородских стен не было. Внутри воображаемого овала находилось множество прямоугольных обвалованных усадеб. Часть из них была сгруппирована в подобие кварталов (в районе условного центра), часть — располагалась хаотически (Hüttel, Erdenebat 2009).

В северо-восточной части города находилась ханская крепость с массивными стенами, высокой цитаделью в углу и высокой башней/ступой (?) в центре. Здесь были раскопаны остатки здания с колоннами, в цитадели найден глубокой колодец с разбитыми сосудами на дне и много других интересных находок (Franken et al. 2014; Эрдэнэбат и др. 2018; 2019).

Согласно сведениям Тамим ибн Бахр ал-Муттауа'и, Карабалгасун представлял собой густонаселенный город с рынками, храмами, окруженный многочисленными сельскохозяйственными поселениями (Minorsky 1948: 283). Последнее подтверждается археологическим обследованием окрестностей уйгурской столицы (Bemman et al. 2014). Расцвет столицы был обусловлен синхронным подъемом раннесредневековой мир-системы в VIII в. (Chase-Dunn, Hall 1997: 219—220) и, возможно, танскими внешними и внутренними неудачами, позволившими степнякам развернуть крылья (Уваров, Рябинин 2017: 94—97). Город быстро стал крупным центром транзитной торговли на северном ответвлении шелкового пути. Он просуществовал до 840 г. и был сожжен во время набега енисейских кыргызов. После гибели Уйгурского каганата в монгольских степях не нашлось достойного претендента на лидерство. Это дало возможность поднять голову народам Внутренней Монголии и Маньчжурии.

Империя Ляо

С конца IX в. значительно усилились кидани, которые создали в начале X в. империю Ляо (907—1125). Они подчинили значительную часть территории Северного Китая и частично монгольские степи. Численность населения этого государства составляла 3,8 млн. чел., из них завоеватели-кочевники составляли не более пятой части (Wittfogel, Feng 1949: 58).

С. Джагчид разделил киданьские города на четыре группы: столицы, резиденции элиты, центры ремесла и торговли, приграничные крепости (Jagchid 1981). На территории Внутренней Монголии, других провинций Китая и собственно Монголии найдено большое количество киданьских городищ, часть из которых идентифицируется с исторически известными городами (Ивлиев 1983; Steinhardt 1997; Lin 2009; Крадин, Ивлиев 2014).

В империи Ляо существовала система пяти столиц, которая, по всей видимости, была заимствована киданями у бохайцев после уничтожения в 926 г. их государства. Четыре из пяти располагались на завоеванных землях. Местонахождение Верхней столицы было выбрано между р. Шара-Мурэн и отрогами Хингана в районе современного города Линьдун. Считается, что это было обусловлено значимостью с точки зрения имперской идентичности или этногенетической памяти киданей (Lin 2011: 228). Город состоял из двух частей подпрямоугольной формы, разделенных рекой, — императорского города (*Хуанчэн*) и так называемого китайского города (*Ханьчэн*). Восточная столица была расположена на завоеванных бохайских землях в месте современного г. Ляоян провинции Ляонин КНР. Город также состоял из двух частей. Средняя столица Дадинфу (городище Даминчэн) находилась около современного города Нинчэн во Внутренней Монголии. Город представлял собой три вписанных друг в друга прямоугольника — соответственно Внешний, Внутренний и Царский город. Западная столица Датунфу располагалась в месте современного города Датун, пров. Шаньси. Южная столица была учреждена в районе современного Пекина в 938 г. для управления присоединенными китайскими территориями. Она также состояла из двух частей.

Истоки четко структурированной планировки у киданей восходят к китайской градостроительной традиции, для которой характерны строгие геометрические формы валов

и стен, четкая планировка по линии север-юг с делением города на зоны и кварталы идущими от ворот улицами. В китайских династиях сформировались обязательные каноны, согласно которым дворцовый комплекс, а также административные и храмовые здания концентрировались в северной части города. С северной стороны обычно отсутствовали ворота, путь во дворец проходил от южных ворот, которые считались главными, а улицы должны были быть ориентированы строго по сторонам света (Ивлиев 1983; Steinhardt 1997).

Большинство киданьских городищ ориентированы своими валами по странам света, а ось их планировки имеет направление север-юг, однако некоторые ранние киданьские города, построенные в начале X в., ориентированы по оси северо-запад — юго-восток. Кидани использовали при сооружении валов метод послойной трамбовки земли *ханту*. Это было зафиксировано при раскопках на киданьских городищах Чинтолгой-балгас и Хэрмэн-дэнж в Монголии. Кидани также строили на валах фронтальные башни. Специфической чертой фортификации является расположение ворот и устройство оборонительных сооружений перед ними. Чаще всего ворота находились в центральных частях всех четырех стен. Иногда ворота представляют собой простой разрыв в стене, но чаще всего они защищены Г-или П-образным предвратным укреплением (Крадин, Ивлиев 2014).

Кидани также привнесли свое собственное понимание организации архитектурной среды. Они переформатировали представления о внутригородском пространстве так, чтобы город стал для кочевников домом, местом, похожим на любимую и бескрайнюю степь. Поэтому в столичных городах (в других городах также) имеются большие пустые пространства. Здесь периодически располагались кочевые ставки. Императорский двор династии Ляо был мобильным и перемещался в соответствии с сезонными перекочевками.

Для поддержания своего присутствия на территории монгольских степей кидани построили серию крепостей в бассейне рек Тола и Керулен (Очир, Энхтур, Эрдэнэболд 2005; Крадин, Ивлиев 2011). На крайнем западе империи были построены в одну линию городища Харбухын-балгас, Чинтолгой-балгас, Улан-хэрэм (Крадин, Ивлиев и др. 2011). Еще одно городище — Хэрмэн-дэнж — было расположено на противоположном правом берегу р. Толы (Kradin et al. 2015). Наиболее представительные коллекции были получе-

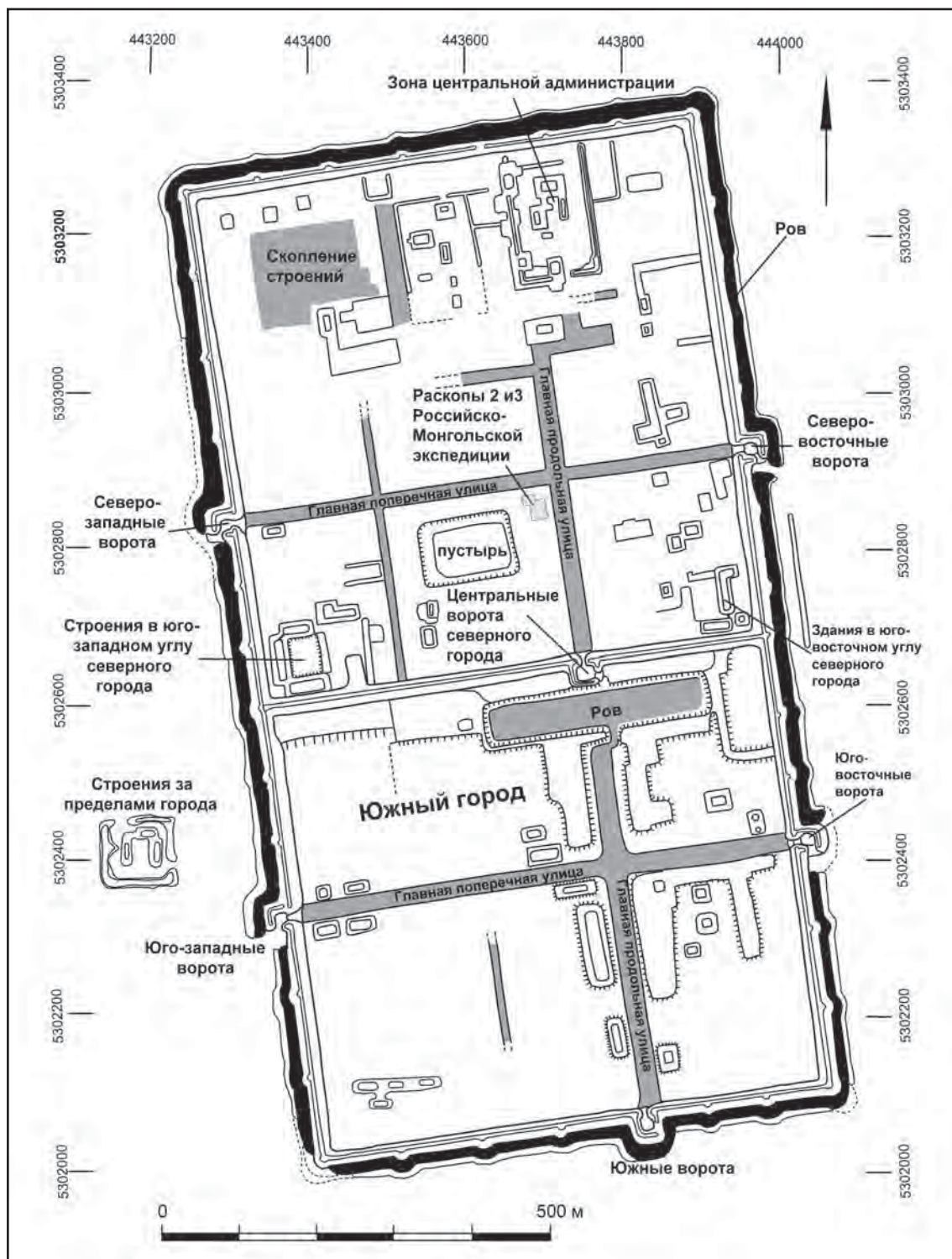

Рис. 2. Городище Чинтолгой-балгас.

Fig. 2. Chintolgoi balgas fortified town.

ны при изучении городища Чинтолгой балгас. Данное городище являлось киданьским городом Чжэньчжоу, центром одноименного округа. Памятник представляет собой почти правильный прямоугольник со сторонами 1256×655 м, ориентированный почти по сто-

роном света, вытянутый в направлении север-юг. На городище имеется 35 башен, выступающих наружу вала, и 5 ворот, по двое ворот с западной и восточной сторон и одни ворота примерно посередине южного вала. Все ворота имеют Г-образный захаб. За пределами го-

рода сельскохозяйственный посад. С запада и юга городища русло реки (рис. 2).

Город делится внутренним валом на две части — северную и южную. Внутри городища имеется длинная улица, пересекающая городище по линии север-юг, и две поперечные улицы внутри каждой из частей по линии запад-восток. Раскопки показали наличие жилищ с канами, компактную квартальную застройку, разработанную еще на этапе планирования города. Внутри кварталов скученно располагались жилища с канами. В процессе раскопок было найдено большое количество артефактов, включая керамику, фарфор, украшения, черепицу, фаунистические остатки. Было зафиксировано присутствие на территории города бохайского населения, насильственно переселенного киданями с их исторической родины — Маньчжурии и Приморья (Крадин, Ивлиев 2011).

Монгольская империя

Монгольская держава была второй по размеру империей в мировой истории. Она оказала большое влияние на направленность и ход исторического процесса разных народов Евразии, стимулировала многие процессы, которым впоследствии было суждено сыграть свою роль в судьбах различных государств континента. Создание империи Чингис-хана привело к формированию так называемой средневековой или монгольской глобализации, складыванию широкомасштабной сети технологических и культурных обменов (Крадин, Скрынникова 2006; Крадин 2016).

Одной из важных сторон данной глобализации было масштабное развитие процессов градостроительства от Забайкалья и Внутренней Монголии до левобережья Волги и Причерноморья.

Если не брать городов завоеванных государств, то для Монгольской империи характерно строительство городов трех типов — имперских столичных мегаполисов (Каракорум, Шанду, Даду), городов — административных центров (Аврага, Хирхира), отдельно стоящих усадебных (Алестуй, Нарсагуй) и дворцовых (Кондуй) комплексов.

Первой столицей Монгольской империи был Каракорум (монг. Хархорин). Его масштабное строительство началось в 1235 г. Местоположение будущей столицы было обусловлено геополитическими преимуществами и исторической памятью кочевников об этих местах (Allsen 1996). Город раскапывался в 1948—1949 гг. С. В. Киселевым (1965),

с 1999 г. здесь работает немецко-монгольская экспедиция (Bemmann et al. 2010).

По форме город напоминает трапецию (рис. 3), которая пересечена крест-накрест двумя улицами (Kato 1997). В юго-западной части находился, по всей видимости, храм и неподалеку от него печи для изготовления строительных материалов (Franken 2005). С юга к городу примыкал дворец хана (кагана) Угэдэя, остатки которого находятся под монастырем Эрдэни-дзуу (Hüttel 2005; Hüttel 2009). Подробное описание дворца оставил Г. Рубрук (1957: 157—159). Расположение дворца на юге соответствовало монгольским принципам организации пространства, согласно которым, дворец/ставка хана должны были располагаться на юге, с открытыми пространствами в эту сторону.

В месте пересечения улиц проводились раскопки, которые дополнили исследования С. В. Киселева. Согласно новым данным при строительстве города дорога была выложена известняковой плиткой на гравийной подушке. К ней были приделаны деревянные бордюры. В процессе раскопок было найдено огромное количество находок — монеты, наконечники стрел, украшения, втулки ступицы колеса и др. Было подтверждено предположение, что в районе перекрестка находились остатки ремесленного квартала, о чем свидетельствуют многочисленные находки шлаков, заготовок для работы, печь для плавки цветных металлов, наковальня, горшочек с ртутью для ювелира (Erdenbat, Pohl 2005; Pohl 2009; Bemmann, Erdenebat, Pohl 2010).

В город были свезены ремесленники из Цзинь, Китая и Средней Азии (Juvaupī 1997: 236). В столицу империи съехались торговцы, дипломаты, путешественники, искатели приключений и авантюристы фактически со всего Старого Света (Плано Карпини 1957: 41, 58, 77; Рубрук 1957: 137, 138, 139, 143, 144, 161). Археологические материалы и музейные коллекции подтверждают данные сведения (Крадин и др. 2016). Население Каракорума было объединено в несколько религиозных конфессий (Рашид ад-Дин 1960: 164).

Город был разделен на несколько участков, назначение которых еще предстоит выяснить. В городе существовало несколько рынков (возможно, они располагались вовне ворот), храмы и кумирни различных конфессий, в городе и за его пределами располагались ремесленные мастерские (Pohl et al. 2012). Интересно, что на большей части территории Каракорума отсутствовала черепица. Возможно,

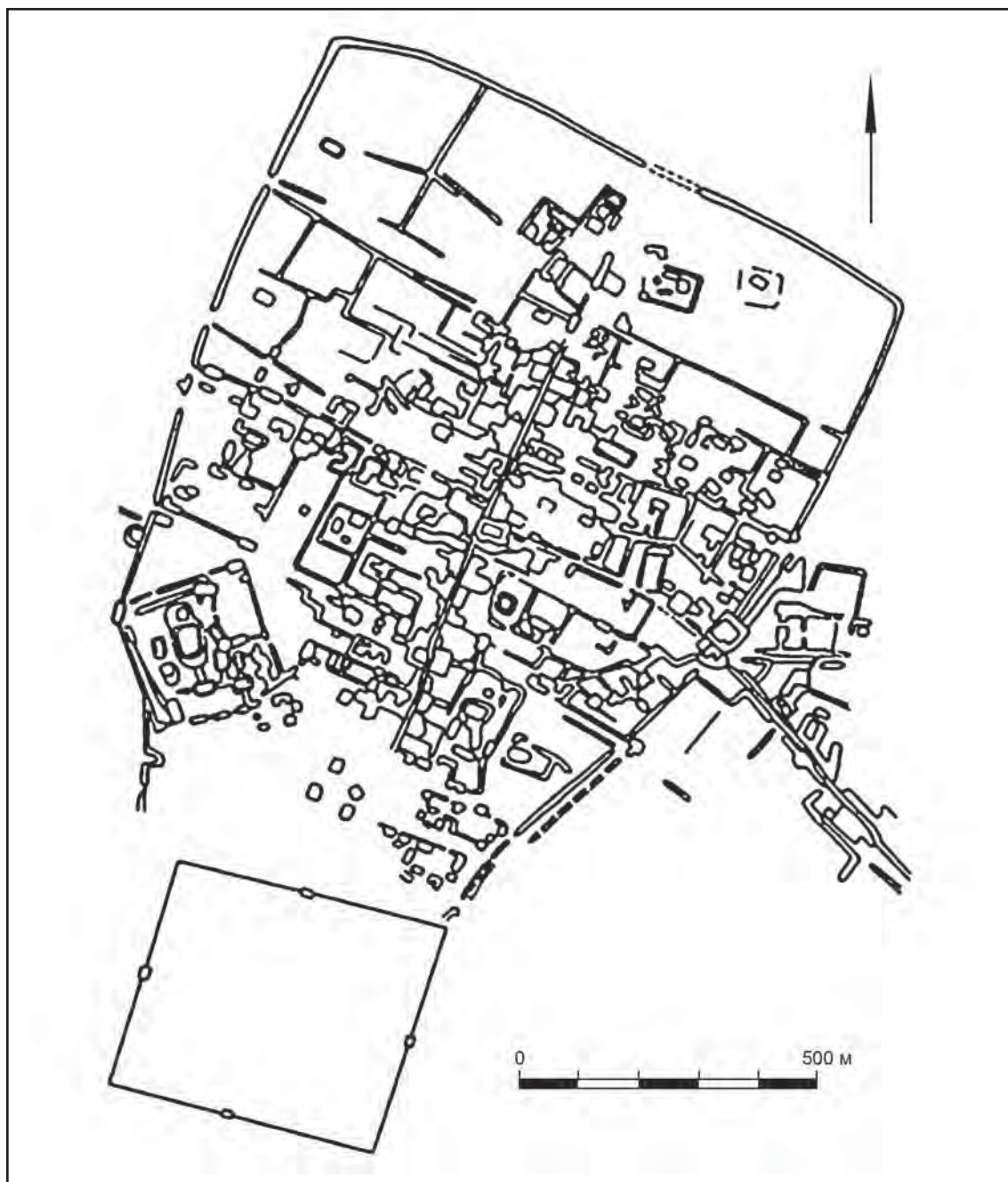

Рис. 3. Каракорум — столица Монгольской империи (по Kato 1997).

Fig. 3. Karakorum — the capital of the Mongol Empire (after Kato 1997).

здесь, как и на усадебных комплексах Хирхиринского городища, крыша большинства жилищ и зданий была покрыта соломой или камышом.

Чтобы прокормить горожан, монголы поселили около города много крестьян. В окрестностях столицы найдены остатки сельскохозяйственных полей и оросительных каналов, плуги для вспашки, жернова. Однако из-за плохих климатических условий монголы были вынуждены завозить в Каракорум до-

полнительное продовольствие (Киселев 1965: 135—136, 210—211; Rösch et al. 2010).

Надо сказать, что Угэдэй-хаан большую часть своего времени проводил в сезонных перекочевках. «Весенним его местопребыванием были окрестности Каракорума, летним — луговья... осенним — (местность от) Куше-нор по Усункул, в одном дне пути от Каракорума, а зимним — Онг-хин» (Рашид ад-Дин 1960: 41). Н. Ширази реконструирует этот сезонный маршрут следующим образом.

Весной хаган путешествовал на север от Каракорума, где в окрестностях Дойтын балгаса развлекался соколиной охотой. С началом лета он переезжал к югу от столицы под защиту прохлады Хангайских гор. С наступлением зимних холодов Угэдей переезжал на юг ближе к Гоби. Ранней весной он возвращался в Каракорум для решения государственных дел. Общая протяженность маршрута составляла около 450 км (Shiraishi 2004: 113—115). Гуюк, несмотря на короткий срок своего правления, как и отец, придерживался кочевого образа жизни (Плано Карпини 1957: 25). Этой традиции не изменил и Мункэ (Рубрук 1957: 153—154, 158).

По этой причине нужно иметь в виду, что территория города, скорее всего, не ограничивалась пространством внутри валов. Вне их располагались многочисленные палаточные и юрточные городки. По мере перемещения сюда ставки численность населения и активность жизнедеятельности резко возрастала.

Каракорум оставался столицей до 1260 г., а затем Хубилай перенес центр империи в Китай. Он построил два огромных города — Шанду и Даду. Шанду, или Верхняя столица, находился на границе степи и земледельческих территорий неподалеку от озера Долонор. Город был летней столицей. Сюда переезжал в жаркое время император с семьей и двором. В окрестностях император охотился. Здесь также проводились традиционные монгольские обряды и праздники. Город был окружен валом периметром 8800 м (рис. 4). Внутри в юго-восточной части находился императорский город, а внутри него располагался дворцовый город (Wei Jian 2008).

Даду (Великая столица, Ханбалык) находился в районе современного Пекина к северо-востоку от чжурчжэньской Центральной столицы Чжунду. Город был спланирован в соответствии с правилами китайской геомантии. При планировании города была избрана строго симметричная планировка по осям север-юг и запад-восток. Город имел прямоугольную форму и состоял из нескольких частей (рис. 5). Периметр внешнего вала составлял 28600 м. На внешнем валу имелось 11 ворот. В Императорском городе находились административные здания, склады, дворцы Хубилая и его жен и наложниц, двор ученых. Здесь также располагались парки с водоемами и мостами. Южные городские предместья сформировались за счет населения чжурчжэньской столицы Чжунжу. Общая численность населения столицы была более 400 тыс. чел. (Chen Gaohua 2015).

При строительстве Даду и Шанду были учтены правила китайской геомантии. Однако в Шанду императорский и дворцовый города располагались в центре, а к северу от них находились большие садовые пространства для отдыха императора и его двора, места для дислокации императорского двора, obsługi и кешиктенов. Смещение императорского и дворцового города к востоку, скорее всего, также отражение пространственных представлений кочевников: восточная сторона имеет более высокий статус, чем западная (более структурированная восточная сторона прослеживается также в Каракоруме и в Хирхирином городище; в восточной части Каракорума найдено большее число монет). В Даду соблюдены те же принципы — императорский и дворцовый город находятся на юге, главный императорский дворец несколько смещен к югу, на севере находятся большие свободные пространства.

Помимо имперских столиц, раскапывались другие города Монгольской империи. Возможно, один из самых ранних памятников — Аврага в излучине Керулена. В этом месте зафиксированы следы трех десятков подквадратных насыпей, вытянутых в линию с запада на восток примерно на 1200 м. Возможно, это следы фундаментов жилых усадеб, ремесленных мастерских и иных сооружений, над которыми возвышались юртообразные конструкции. Примерно по центру расположено главное сооружение — платформа прямоугольной формы, где стояла палатка хана. С севера все поселение отгорожено невысоким дугообразным валом. Среди находок — большое количество костей лошадей, овец, коз, керамика, обломки чугунных котлов, втулки ступиц колеса, железные гвозди, пробои, костяные накладки на лук, бронзовые монеты и украшения, осколки фарфоровых изделий (Shiraishi 2005; 2006 etc.). Радиоуглеродные датировки из шурфов и траншей внутри платформы и рядом с ней показывают широкий разброс дат между серединой XIII и XV столетиями (Shiraishi 2005: 13).

Другой похожий памятник — Хирхириинское городище. Оно находится на юге Забайкальского края, в Приаргунском районе. Фактически это город без фортификации, состоящий из нескольких усадеб и порядка ста отдельных жилищ, объединенных в несколько кустов. По линии запад-восток памятник вытянут почти на два километра и примерно на 700 м по линии север-юг. В юго-восточной части города располагалась ставка монгольского хана, окруженная валом (110×100 м)

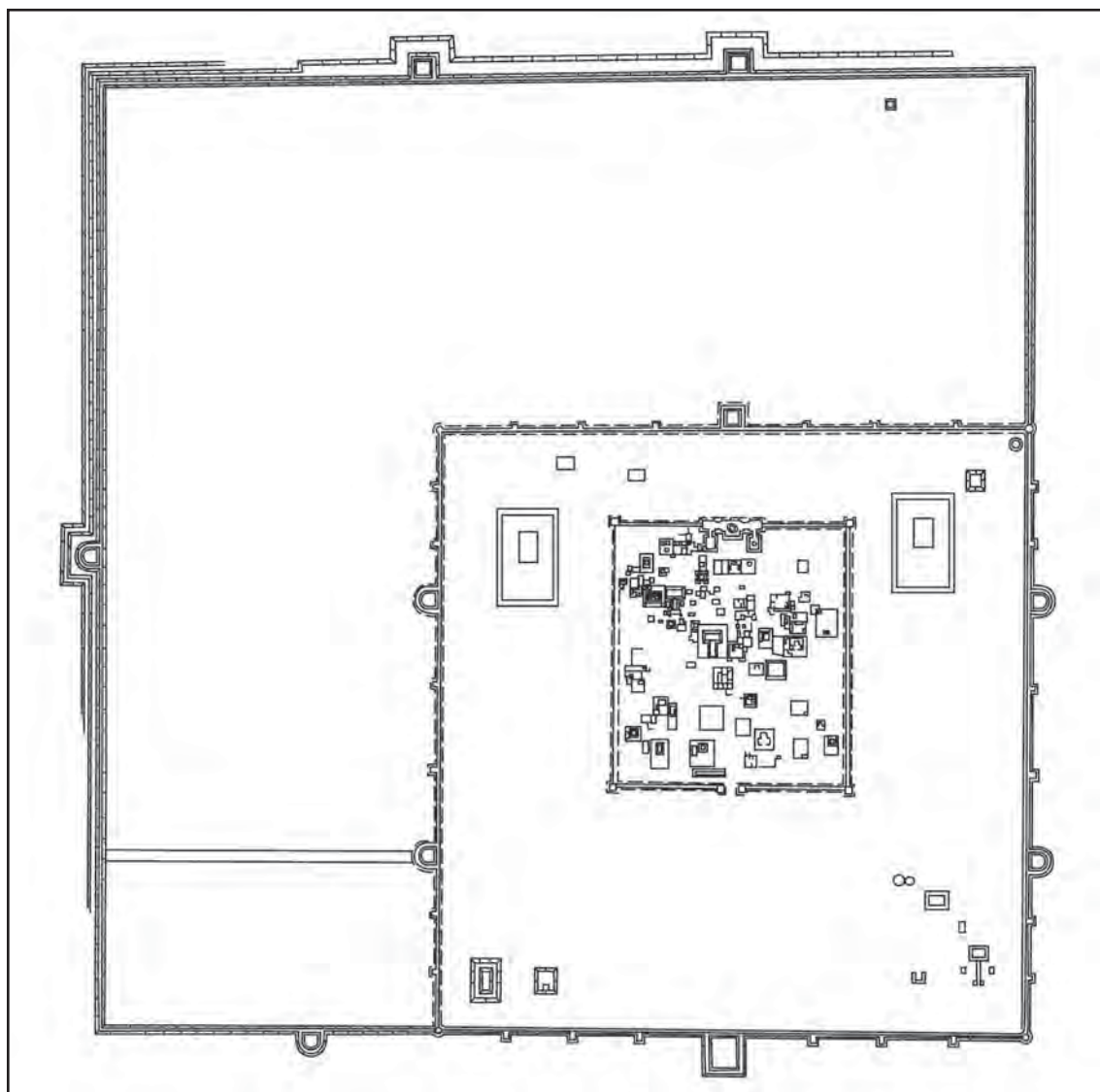

Рис. 4. Шанду — Верхняя столица империи Юань.

Fig. 4. Shangdu — Upper Capital of the Yuan empire.

с воротами и рвом. Внутри находился дворец (15×30 м), возведенный на искусственной платформе с пандусом. Пол выложен сырцовым кирпичом. В результате раскопок под руководством С.В. Киселева в 1957—1959 гг. исследованы дворец, жилища с каннами, ворота, найдено много строительных материалов (черепица, кирпичи), предметы труда и быта, вооружение, украшения (Киселев 1961; 1965: 23—58).

В начале XXI в. были раскопаны две усадьбы в разных концах города. В первой усадьбе, в восточной части городища, находились два жилища с каннами (одно с кирпичным полом). Во второй, на западном краю памятника, был найдено здание с 12 базами от колонн и канном (Артемьев 2005). Нашими исследова-

ниями на другой усадьбе были вскрыты остатки здания с колоннами на насыпной платформе. Крыша, очевидно, была крыта соломой. Внутри найдены печь и остатки канов сложной конструкции. В процессе раскопок было найдено много костей домашних и диких животных, кости рыбы, гвозди, бусины, фрагменты фарфоровой и глазурованной керамики (Крадин и др. 2018).

Считается, что Хирхиринское городище было ставкой Есунке (Исунке, Есунгу) — сына родного брата Чингис-хана Хасара (Киселев 1965: 56—57). Основанием для этого является надпись на найденной неподалеку знаменитой каменной стеле («Чингисов камень»), которая сейчас хранится в Эрмитаже. Это древнейшая надпись на старомонгольском языке

Рис. 5. Даду — Великая столица империи Юань.

Fig. 5. Dadu — the Great Capital of the Yuan empire.

(1224—1225 гг.). До сих пор исследователи не достигли единства по поводу точного перевода данного текста, однако во всех вариантах присутствуют имена Чингис-хана и Есунке, который прославился стрельбой из лука на дальность (Клюкин 1927; Srba 2012). Город имел, по всей видимости, широкий круг разнообразных функций — являлся административным центром, здесь проживали ремесленники и земледельцы.

Неподалеку от Хирхиринаского городища находится Кондуйский городок — другой всемирно известный археологический памятник (Кузнецов 1925; Киселев 1965). Фактически,

это не город и не поселение, а дворцовый комплекс, который состоял из главного дворцового здания, расположенного в центре, окружавших его конструкций (ворота, павильоны и др.), а также находящихся поблизости других построек (жилые здания, вспомогательные помещения, печи для обжига строительных материалов и т.д.).

Дворец располагался на двухметровой платформе, имевшей два уровня террас. На нижней террасе были расположены каменные изваяния драконов. Углы украшали драконо-черепаховидные чудовища. Платформа была выстлана кирпичным полом. К плат-

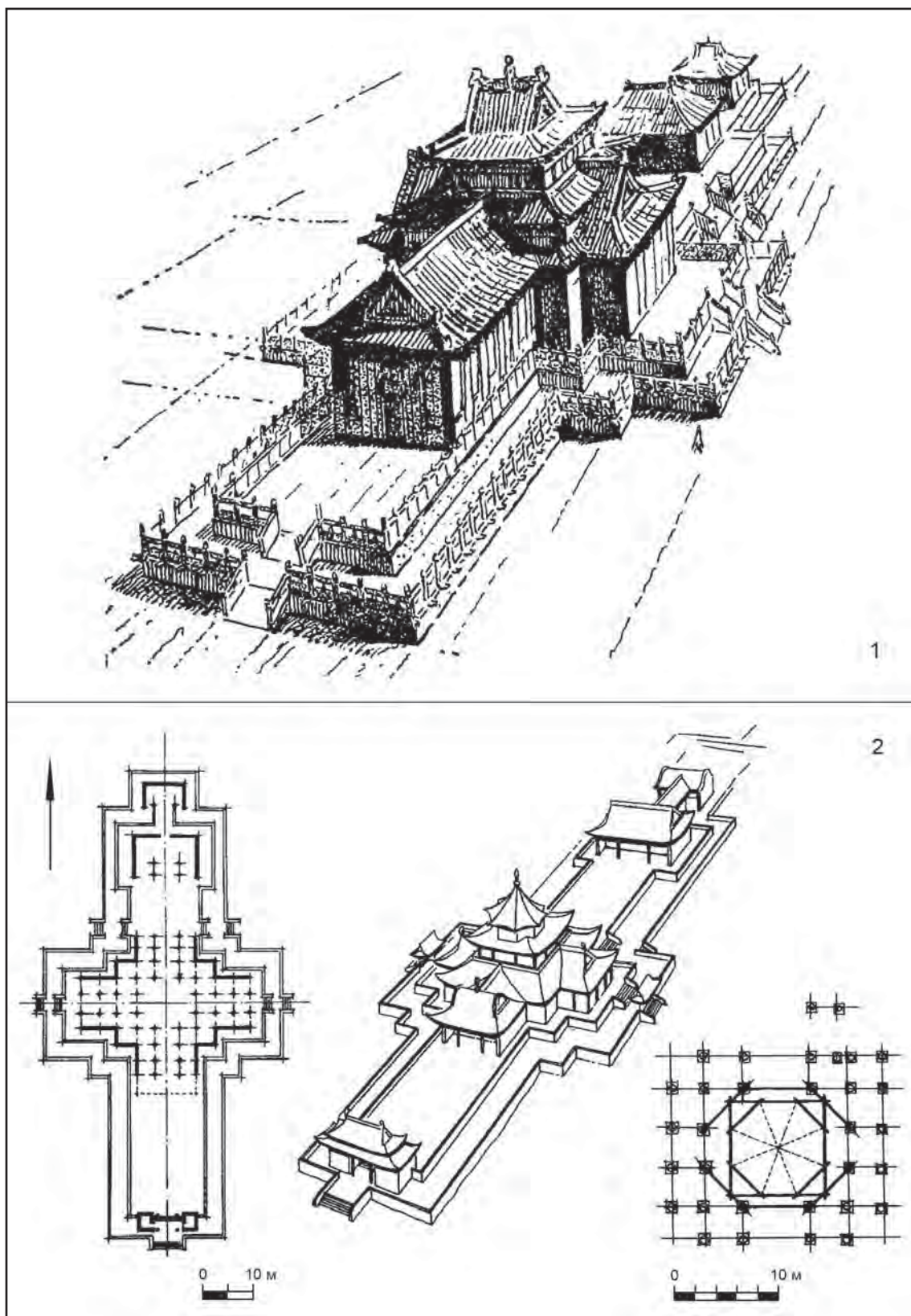

Рис. 6. Кондуйский городок. Центральный дворец. Графическая реконструкция (1 — по Минерт 1990; 2 — по Ткачев 2009).

Fig. 6. Kondui palace. Central building. Graphic reconstruction (1 — after Минерт 1990; 2 — after Ткачев 2009).

форме вели пять кирпичных пандусов — по два с востока и запада и главный вход с юга. С северной стороны пандуса не имелось. Внутри здания были расположены 37 каменных баз, которые являлись фундаментами деревянных колон, обернутых материей и покрытых красным лаком. Здание, видимо, состояло из нескольких частей — аванзала, проходных коридоров, зала для приемов, жилых покоев или вспомогательных помещений (рис. 6). Стены дворца украшали фрески. Крыша была покрыта черепицей желтого, зеленого и красного цвета (Киселев 1965: 325—369).

К северо-западу, северу и северо-востоку от дворцового комплекса располагалась серия строений П-образной формы, а также жилища лиц низкого статуса, которые, возможно, прислуживали при дворе. Кондуйский дворец служит наглядным подтверждением концепции символического господства и олицетворяет легитимность правящих монгольских элит. Стены и крыши дворца торжественно возвышались над юртами и хижинами простых масс. Они символизировали идеологическое доминирование, служили своеобразными фокусами притяжения сакральных сил. Как известно, масштабные монументальные строения не только служат средством пропаганды существующей власти, но и заставляют людей испытывать эмоциональные переживания. Тем самым монументальная архитектура может рассматриваться как инструмент психологического давления на поведение людей, подчинения воли масс устремлениям элиты (Smith 2003). Не случайно, уже достаточно давно Б. Триггер подметил, что размеры архитектурных сооружений — это классический инструмент измерения археологами масштабов экономической или политической власти (Trigger 1990).

Заключение

Две тысячи с лишним лет назад на территории Внутренней Азии в эпоху Хуннской империи появились первые города. Возможно, кто-то предпочтет назвать их протогородами. Они имели небольшие размеры, а численность их населения насчитывала не более нескольких тысяч человек. Следующий принципиальный шаг был сделан в период расцвета Уйгурского каганата, когда стали строить крепости с мощной фортификацией. Во времена империи Ляо и Монгольской державы прослеживается рост численности городов, их населения, усложнения фортификации и планиграфии, увеличение разно-

образия функций. С развитием трансконтинентальной торговли в степи появились имперские города-мегаполисы (Карабалгасун, Каракорум, золотоордынские города), которые по своим размерам и богатству были вполне сопоставимы с крупнейшими городами оседло-земледельческих государств того времени. Процессы градообразования и седентаризации не прекратились даже после заката эпохи степных империи. Они получили дальнейшее развитие в цинское время.

Следует указать на некоторые важные особенности городов в кочевых империях Внутренней Азии. Прежде всего необходимо отметить принципиально иное значение роли фортификации для городов монголов. Во многих культурах стена — это неотъемлемая часть города. В Китае стена воспринимается одновременно как средство защиты от внешнего врага и как символ города, символ отделения цивилизации от варварства (Lin 2009: 111). Монголы фактически пересмотрели связь между этими двумя понятиями. Они считали себя покорителями мира. Поэтому в первых городах Монгольской империи развитая фортификация фактически отсутствовала (Аврага, Хирхира, Каракорум; возможно, отчасти это справедливо в отношении столицы уйгуров — Карабалгасуна). Это было обусловлено уверенностью монголов при первых ханах в отсутствии реальной опасности, а также их собственными культурными представлениями. Данная иллюзия исчезла, по всей видимости, когда появились внутренние конфликты и оппозиционные партии (после смерти хана Мункэ в 1260 г.).

Вторая важная особенность касается принципов планировки пространства городов. Кидани отчасти заимствовали правила китайской городской планиграфии, но дополнили их своими собственными идеями. Для ляоских городов характерна политическая сегрегация на северную (более престижную) и южную части города, разделение внутреннего пространства улицами на кварталы, наличие главных ворот на юге, присутствие П-образных привратных укреплений. У монголов, в отличие от киданей, хаганский дворец должен был располагаться в южной части города и пространство от выхода (т.е. к югу) должно быть открытым. Для уйгурской столицы и монгольских городов была характерна не только квартальная, но и усадебная планировка.

Третья важная особенность касается сезонного характера пребывания правителя и двора в городах. Уйгурский каган, киданьский гурхан-император, как и монгольский хаган

только ограниченное время находился в пределах столицы. Все остальное время он кочевал со своей ставкой, занимался охотой и олавами, участвовал в военных походах. Следовательно, сезонный характер присутствия степной элиты — типичная черта городов кочевых империй.

Данное обстоятельство обусловило следующую важную особенность городов кочевников Внутренней Азии. Во всех имперских столицах существовали большие незанятые пространства, которые использовались под размещение многочисленных императорских родственников, различных административных и хозяйственных служб, дружинников. В киданьских и монгольских столицах данные территории находились внутри императорского города. Наличие свободных территорий внутри городских стен характерно не только

для столичных городов империи Ляо. Оно зафиксировано на многих городищах киданей.

Наконец, применительно к кочевым империям важно указать, что здесь значительную часть населения городов составляли не только ремесленники, но крестьяне-земледельцы. Традиционный город воспринимается как определенная логическая оппозиция деревенскому образу жизни. Численность жителей доиндустриальных городов была намного меньше численности сельскохозяйственного населения. Большинство населения кочевых империй составляли номады. В создаваемых ими городах проживали ремесленники, торговцы и земледельцы. Вокруг многих крупных городов также найдены земледельческие посадки. Данное население обеспечивало потребности империи в продукции земледелия и высококвалифицированного ремесла.

Литература

- Анхбаяр Б. 2017. Хуннское поселение в Заан Хошуу. В: Базаров Б.В., Крадин Н.Н. (ред.). *Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 90—100.
- Артемьев А.Р. 2005. Новые исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья. *Вестник ДВО РАН* (2), 3—18.
- Байпаков К.М. 2012—2016. *Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции)*. Т. I—III. Алматы.
- Бичурин Н.Я. 1950 [1851]. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. II. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Гаврилюк Н.А. 1999. *История экономики Степной Скифии. VI—III вв. до н.э.* Киев: ИА НАНУ.
- Голден П. 1993. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов. В: Иванов Н.А. (отв. ред.). *Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти*. Москва: Наука, 211—233.
- Давыдова А.В. 1978. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну. *КСИА* 154, 55—59.
- Давыдова А.В. 1985. *Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье*. Ленинград: ЛГУ.
- Давыдова А.В. 1995. *Иволгинский археологический комплекс*. Т. I. *Иволгинское городище*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Давыдова А.В. 1996. *Иволгинский археологический комплекс*. Т. II. *Иволгинский могильник*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Давыдова А.В., Миняев С.С. 2003. *Комплекс археологических памятников у с. Дурены*. Санкт-Петербург: Фонд Азиатика.
- Данилов С.В. 1998. Раскопки здания на хуннском городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия. В: Крадин Н.Н. (ред.). *Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии*. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, 111—114.
- Данилов С.В. 2004. *Города в кочевых обществах Центральной Азии*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.
- Данилов С.В. 2005. *Древние и средневековые города в кочевых обществах Центральной Азии*. Автореф. докт. дисс. Улан-Удэ.
- Данилов С.В. 2011. Городища хунну Монголии и Забайкалья (к вопросу о функциональном предназначении поселенческих комплексов хунну). В: Коновалов П.Б. (ред.). *Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 15—30.
- Данилов С.В., Симухин А.И., Цыденова Н.В. 2011. Черепица из хуннского городища Тэрэлжин-Дэрвэлжин (Центральный аймак Монголии). В: Коновалов П.Б. (ред.). *Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 30—51.
- Данилов и др. 2016: Данилов С.В., Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Очир А., Эрдэнэболд Л. 2016. Города эпохи хунну на востоке Монголии. *Известия Иркутского Государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология* 17, 74—93.
- Егоров В.Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды*. Москва: Наука.
- Жданко Т.А. 1968. Номадизм в Средней Азии и Казахстане. В: Виноградов А.В. и др. (ред.). *История, археология и этнография Средней Азии*. Москва: Наука, 274—281.
- Ивлиев А.Л. 1983. Городища киданей. В: Леньков В.Д. (ред.). *Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий*. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 120—133.
- Ивлиев и др. 2017: Ивлиев А.Л., Крадин Н.Н., Харинский А.В., Очир А., Васютин С.А., Ковычев Е.В., Эрдэнэболд Л. 2017. Предварительные результаты исследований хуннского городища Тэрэлжийн-Дурвулжин. *Теория и практика археологических исследований* 2, 118—136.
- Киселев С.В. 1957. Древние города Монголии. *СА* (2), 91—101.

- Киселев С.В. 1958. Древние города Забайкалья. СА (4), 107—119.
- Киселев С.В. 1961. Город монгольского Исункэ на р. Хирхир в Забайкалье. СА (4), 103—127.
- Киселев С.В. (ред.). 1965. Древнемонгольские города. Москва: Наука.
- Клюкин И.А. 1927. Древнейшая монгольская надпись на Хорхираском («Чингисхановом») камне: (К разбору древнейших памятников). Труды Государственного Дальневосточного университета VI (5), 168—212.
- Коновалов и др. 2016: Коновалов П.Б., Базаров Б.А., Миягашев Д.А., Клементьев А.М., Именохоев Н.В. 2016. Хуннская археология в Бурятии: история и новый этап исследований. Вестник БНЦ СО РАН (1), 9—26.
- Крадин Н.Н. 1994. Социальный строй сяньбийской державы. В: Шавкунов Э.В. (ред.). Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 22—36.
- Крадин Н.Н. 2000. Общественный строй Жужаньского каганата. В: Крадин Н.Н. и др. (ред.). История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток: ДВГУ, 80—94.
- Крадин Н.Н. 2002. Империя Хунну. 2-е изд. Москва: Логос.
- Крадин Н.Н. 2005. Социально-экономический строй хунну Забайкалья. АЭАЕ (1), 79—86.
- Крадин Н.Н. 2007. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс.
- Крадин Н.Н. 2016. Восточная Европа и монгольская глобализация. Stratum plus (5), 17—25.
- Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. 2004. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток: Дальнаука.
- Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. 2006. Империя Чингисхана. Москва: Восточная литература РАН.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. 2011. Результаты археологических исследований киданьских городов в Монголии. Вестник ДВО РАН (1), 111—121.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. 2014. История киданьской империи Ляо (907—1125). Москва: Восточная литература.
- Крадин Н.Н., Бессонова Е.А., Зверев С.А. 2016. Новые данные о планировке Иволгинского городища. Вестник БНЦ СО РАН (2), 9—21.
- Крадин и др. 2016: Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В., Прокопец С.Д., Харинский А.В. 2016. Археология империи Чингис-хана в Монголии и Забайкалье. Stratum plus (6), 17—43.
- Крадин и др. 2017: Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Васютин С.А., Харинский А.В., Очир А., Ковычев Е.В., Эрдэнэболд Л. 2017. Раскопки городища Тэрэлжийн-Дурвулжин и некоторые итоги изучения хуннской урбанизации. В: Базаров Б.В., Крадин Н.Н. (ред.). Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 163—175.
- Крадин и др. 2018: Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В., Харинский А.В. 2018. Новые данные о хронологии Хирхиринского городища. В: Базаров Б.В., Крадин Н.Н. (отв. ред.). Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Мат. IX межд. конф. Т.2. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 52—56.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Васютин С.А. 2018. Империя Хунну и начала степной урбанизации. В: Васильев Д.Д. (отв. ред.). Тюркские кочевники в Азии и Европе: цивилизационные аспекты истории и культуры. Труды ИВ РАН 7. Москва: ИВ РАН, 226—240.
- Кузнецов А.К. 1925. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток: Книжное дело.
- Кумекоев Б.Е. 1972. Государство кимаков IX—X вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука.
- Кызласов Л.Р. 1969. История Тувы в средние века. Москва: МГУ.
- Кызласов Л.Р. 2006. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Москва: Восточная литература.
- Майдар Д. 1971. Архитектура и градостроительство Монголии. Москва: Стройиздат.
- Майдар Д., Пюрвеев Д. 1980. От кочевой до мобильной архитектуры. Москва: Стройиздат.
- Малов С.Е. 1951. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Минерт Л.К. 1990. Монгольское градостроительство XIII—XIV веков. В: Ларичев В.Е. (ред.). Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 89—106.
- Очир А., Энхтур А., Эрдэнэболд Л. 2005. Хаар бух балгас ба Туул голын сам дахь Хятаны Нуийн хот, суурингууд (Городище Харбухын-балгас и киданьские города и поселения в долине реки Тола). Улаанбаатар (на монг. яз.).
- Пиков Г.Г. 1989. Западные кидани. Новосибирск: НГУ.
- Плано Карпини Дж. 1957. История Монгалов. В: Шастина Н.П. (ред.). Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Москва: Географиз, 23—83.
- Плетнева С.А. 1967. От кочевий к городам. Москва: Наука.
- Плетнева С.А. 1982. Кочевники средневековья. Москва: Наука.
- Пэрлээ Х. 1957. К истории древних городов и поселений Монголии. СА (3), 43—53.
- Пэрлээ Х. 1961. Монгол ард улсын эрт, дундан ууийн хот суурины товчоон (Краткий очерк древних и средневековых городов и поселений на территории Монголии). Улаанбаатар (на монг. яз.).
- Пэрлээ Х. 1974. К вопросу о древней оседлости в Монгольской Народной Республике. В: Ларичев В.Е. (ред.). Древняя Сибирь. Материалы по истории Сибири 4. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 271—274.
- Рубрук Г. 1957. Путешествие в восточные страны. В: Шастина Н.П. (ред.). Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Москва: Географиз, 85—194.
- Таскин В.С. (перев.). 1968. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. Москва: Наука.
- Таскин В.С. (перев.). 1984. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Москва: Наука.
- Ткачев В.Н. 2009. История монгольской архитектуры. Москва: АВС.
- Уваров П.Ю., Рябинин А.Л. 2017. Китай в средневековом мире. Санкт-Петербург: Наука.
- Хазанов А.М. 2004. Кочевники и города в евразийском степном регионе и соседних странах. В: Абусеитова М.Х. (ред.). Урбанизация и кочевничество в Центральной Азии. Материалы международной конференции. Алматы: Дайк-Пресс, 318—330.

- Хандсүрэн Ц. 1993. Жужаньское ханство. В: Зориктуев Б.Р. (ред.). *Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск: Наука, 66—106.
- Чибилёв А.А. 2016. *Степная Евразия: региональный обзор природного разнообразия*. Москва; Оренбург: Институт степи РАН.
- Эрдэнэбат и др. 2018: Эрдэнэбат У., Франкен К., Батбаяр Т., Рооланд Х. 2018. Уйгурын нийслэл Хар Балгасанд 2017 онд Монгол-Германы «орхон» экспедицийн хийсэн малтлага судалгааны товч үр дүнгээс (Результаты раскопок монгольско-немецкой «орхонской» экспедиции уйгурской столицы Хар-Балгас в 2017 году.). В: Амартүвшин Ч. (ред.). *Монголын археологи-2017* (Монгольская археология-2017). Улаанбаатар, 74—78 (на монг. яз.).
- Эрдэнэбат и др. 2019: Эрдэнэбат У., Франкен К., Батбаяр Т., Рооланд Х. 2019. Уйгурын нийслэл Хар Балгасанд 2018 онд Монгол-Германы орхон экспедицийн хийсэн малтлага судалгаа (Результаты раскопок монгольско-немецкой «орхонской» экспедиции уйгурской столицы Хар-Балгас в 2017 году.). В: Эрдэнэбаатар Д. (ред.). *Монголын археологи-2018* (Монгольская археология-2018). Улаанбаатар, 254—260 (на монг. яз.).
- Эрэгзэн Г. 2017. Новые гипотезы о назначении и конструктивных особенностях хуннского городища Гуадов. В: Базаров Б.В., Крадин Н.Н. (ред.). *Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 245—255.
- Alfimov et al. 2013: Alfimov G.L., Nosyrev G.V., Panin A.V., Arzhantseva I.A., Oleaga G. 2013. The application of cliff degradation models for estimation of the initial height of rammed-earth walls (Por-Bajin fortress, Southern Siberia, Russia). *Archaeometry* 55 (5), 958—973.
- Allsen T. 1996. Spiritual Geography and Political Legitimacy in the Eastern Steppe. In: Claessen H.J.M., Oosten J.G. (eds.). *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill, 116—135.
- Arden-Wong L.A. 2012. The architectural relationship between Tang and Eastern Uighur Imperial Cities. In: Rajkai Zs., Bellér-Hann I. (eds.). *Frontiers and Boundaries: Encounters on China's Margins*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 11—47.
- Arden-Wong L.A., Arzhantseva I.A., Inevatkina O.N. 2015. Reflecting on the Rooftops of the Eastern Uighur Khaganate: A Preliminary Study of Uighur Roof Tiles. *Sino-Platonic Papers* 258, 1—72.
- Arzhantseva et al. 2011: Arzhantseva I., Inevatkina O., Zav'yalov V., Panin A., Modin I., Ruzanova S., Härke H. 2011. Por-Bajin: An Enigmatic Site of the Uighurs in Southern Siberia. *The European Archaeologist* 35, 6—11.
- Barfield T. 1992. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge: Blackwell (First published in 1989).
- Barfield T. 1993. *The Nomadic Alternative*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Barfield T. 2001. The Shadow Empires: Imperial State Formation along the Chinese-Nomad Frontier. In: Sinopoli C., D'Altroy T., Morrison K., Alcock S. (eds.). *Empires*. Cambridge: Cambridge University Press, 10—41.
- Bemmann J., Erdenebat U., Pohl E. (eds.). 2010. *Mongolian-German Karakorum Expedition*. Vol. 1. *Excavations in the Craftsmen Quarter at the Main Road*. Wiesbaden: University of Bonn.
- Bemmann et al. 2014: Bemmann J., Lehnendorff E., Klinger R., Linzen S., Munkhbayer L., Oczipka M., Piezonka H., Reichert S. 2014. Biomarkers in archaeology — Land use around the Uyghur capital Karabalgasun, Orkhon Valley, Mongolia. *Prähistorische Zeitschrift* 89, 337—370.
- Bemmann J., Höllmann T., Ahrens B., Kaiser T., Müller S. 2015. A Stone Quarry in the Hinterland of Karakorum, Mongolia, with Evidence of Chinese Stonemasons. *Journal of Inner Asian Art and Archaeology* 6, 101—136.
- Chase-Dunn Chr., Hall T. 1997. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, CO.: Westview Press.
- Chen Gaohua. 2015. *The Capital of the Yuan Dynasty*. Honolulu: Hawaii University Press.
- Cowgill G. 2004. Origins and Development of Urbanism: Archaeological Perspectives. *Annual Review of Anthropology* 33, 525—549.
- Drompp M. 1989. Centrifugal Forces in the Inner Asian «Heartland»: History «Versus» Geography. *Journal of Asian History* 23 (2), 134—168.
- Franken C. 2005. Die Brenöfen im Palastbezirk von Karakorum. In: Müller C., Jacob W. (Hrsg.). *Dschingis Khan und seine Erben: Das Weltreich der Mongolen*. München: Staatliches Museum für Völkerkunde München, 147—149.
- Franken C., Erdenebat U., Batbayar T. 2014. Erste Ergebnisse der Grabungen des 2013 in Karabalgasun und Karakorum/Mongolei. *Zeitschrift für Archäologie Aussereuropäischer Kulturen* 6, 355—372.
- Golden P. 2003. *Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe*. Burlington: Variorum.
- Golden P.B. 2011. *Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes*. Bucureşti: Editura Academiei Române; Brăila: Muzeul Brăilei; Editura Istros.
- Golden P. 2013. Courts and Court Culture in the Proto-urban and Urban Developments among the Pre-Chinggisid Turkic Peoples. In: Durand-Guédy D. (ed.). *Turko-Mongol rulers, cities and city life*. Leiden; Boston: Brill, 21—73.
- Hansen V. 2015. *The Silk Road: A New History*. Oxford: Oxford University Press.
- Hayashi T. 1984. Agriculture and Settlements in the Hsiung-nu. *Bulletin of the Ancient Orient Museum* (6), 51—92.
- Hayashi T. 2004. The Role of Sedentary People in the Nomadic States: From the Xiongnu Empire to Uighur Qaghanate. In: Abuseitova M. (ed.). *Urban and Nomadic Societies in Central Asia: History and Challenges*. Proceedings of International Conference. Almaty, 117—134.
- Hüttel H.-G. 2005. Der Palast des Ögedei Khan — Die Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts im Palastbezirk von Karakorum. In: Müller C., Jacob W. (Hrsg.). *Dschingis Khan und seine Erben: Das Weltreich der Mongolen*. München: Staatliches Museum für Völkerkunde München, 140—146.
- Hüttel H.-G. 2009. Royal Palace or Buddhist Temple? On Search for the Karakorum. In: Bemmann J., Parzinger H., Pohl E., Tseveendorzh D. (eds.). *Current Archaeological Research in Mongolia*. Bonn: Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 535—548.
- Hüttel H.-G., Erdenebat U. 2009. *Karabalgasun und Karakorum: zwei spätnomadische Stadtsiedlungen im Orkhon-Tal*. Ulaanbaatar: Erdem.
- Jagchid S. 1981. The Kitans and their cities. *Central Asiatic Journal* 25, 70—88.
- Jagchid S., Symons V. 1989. *Peace, war, and trade along the*

- Great Wall: Nomadic-Chinese interaction through two millennia*. Bloomington: Indiana University Press.
- Juvayni. 1997. *Genghis Khan. The history of the World-Conqueror by 'Ala ad-Din 'Ata-Malik Juvayni*. Translated by J.A. Boyle. Manchester: Manchester University Press.
- Kato S. 1997. *Ancient City of Karakorum*. Beijing: UNESCO.
- Khazanov A.M. 1984. *Nomads and the Outside World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kradin et al. 2015: Kradin N.N., Ivliev A.L., Ochir A., Erdenebold L., Vasiutin S.A., Satantseva S.E., Kovychev E.V. 2015. Khermen Denz Town in Mongolia. *The Silk Road* 13, 95—103.
- Lattimore O. 1940. *Inner Asian Frontiers of China*. New York etc.: American Geographical Society.
- Lin Hu. 2009. *Urban Landscape and Politics: The Making of Liao Cities in Southeast Inner Mongolia*. Unpublished PhD Thesis. Chicago: University of Chicago.
- Lin Hu. 2011. Perceptions of Liao urban landscapes. Political practices and nomadic empires. *Archaeological Dialogues* 18 (2), 223—243.
- Minorsky V. 1948. Tamim ibn Bahr's Journey to the Uyghurs. *Bull. School Oriental African Stud.* 12 (2), 275—305.
- Pohl E. 2009. Interpretation without Excavation — Topographic Mapping on the Territory of the First Mongolian Capital Karakorum. In: Bemmman J., Parzinger H., Pohl E., Tseveendorzh D. (eds.). *Current Archaeological Research in Mongolia*. Bonn: Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 505—533.
- Pohl et al. 2012: Pohl E., Mönkhbayar L., Ahrens B., Frank K., Linzen S., Osinska A., Schüler T., Schneider M. 2012. Production Sites in Karakorum and Its Environment: A New Archaeological Project in the Orkhon Valley, Mongolia. *The Silk Road* 10, 49—65.
- Ramseyer D. 2013 (ed.). *L'habitat xiongnu de Boroo Gol: Recherches archéologiques en Mongolie (2003—2008)*. Gollion: Infolio.
- Ramseyer D., Pousaz N., Törbat T. 2009. The Xiongnu Settlement of Boroo Gol, Selenge Aimag, Mongolia. In: Bemmman J., Parzinger H., Pohl E., Tseveendorzh D. (eds.). *Current Archaeological Research in Mongolia*. Bonn: Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 231—240.
- Renfrew C. 2008. The City through Time and Space: Transformations of Centrality. In: Marcus J., Sabloff J. (eds.). *The Ancient City: New Perspectives on Urbanism in the Old and New World*. Santa Fe: School for advanced research press, 29—51.
- Rogers J.D. 2017. Full length article Inner Asian polities and their built environment. *Archaeological Research in Asia* 11, 1—14.
- Rogers J.D., Ulambayar E., Gallon M. 2005. Urban centres and the emergence of empires in Eastern Inner Asia. *Antiquity* 79 (306), 801—818.
- Rösch M., Fischer E., Märkle T., Batbold O. 2010. Medieval Plant Remains from Karakorum, Mongolia. In: Bemmman J., Erdenebat U., Pohl E. (eds.). *Mongolian-German Karakorum Expedition*. Vol. 1. *Excavations in the Craftsmen Quarter at the Main Road*. Wiesbaden: University of Bonn, 219—249.
- Shiraishi N. 2004. Seasonal Migrations of the Mongol Emperors and the Peri-Urban Area of Kharakorum. *International Journal of Asian Studies* 1, 105—119.
- Shiraishi N. 2005. Results of Excavations by the New Century Project at Avraga Site. In: *The Avraga Site. Preliminary Report of the Excavations of the Palace of Chinggis Khan in Mongolia 2001—2004*. Niigata: Niigata University, 7—14.
- Shiraishi N. 2006. Avraga Site: The 'Great Ordu' of Chinggis Khan. In: Komaroff L. (ed.). *Beyond the Legacy of Chinggis Khan*. Leiden and Boston: Brill, 83—93.
- Smith A. 2003. *The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Polities*. Berkeley: University of California Press.
- Smith M.E. 2016. How can archaeologists identify early cities: definitions, types, and attributes. In: Fernandez-Götz M., Krause D. (eds.). *Eurasia at the Dawn of History: Urbanization and Social Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 153—168.
- Srba O. 2012. Nápis na tzv. Čingisově kameni (Činggis-ün čilayun-u bičig). *Linguistica Brunensia* 60 (1—2), 171—182.
- Steinhardt N. 1997. *Liao Architecture*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Trigger B. 1990. Monumental architecture: a thermodynamic explanation of behavior. *World Archaeology* 22 (2), 119—132.
- Waugh D. 2010. Nomads and Settlement: New Perspectives in the Archaeology of Mongolia. *The Silk Road* 8, 97—124.
- Wei Jian. 2008. *Shangdu Site of the Yuan Dynasty*. Vol. 1—2. Beijing: Zhongguo da bai ke quan shu chu ban she (in Chinese).
- Wittfogel K.A., Feng Chia-Sheng. 1949. *History of Chinese Society. Liao (907—1125)*. Transactions of the American Philosophical Society, new series 36. Philadelphia: Macmillan.

References

- Ankhbaier, B. 2017. In Bazarov, B.V., Kradin, N.N. (eds.). *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noi Azii (Topical Issues of Archeology and Ethnology of Inner Asia)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 90—100 (in Russian).
- Artem'ev, A.R. 2005. In *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniia Rossiiskoi Akademii nauk (Bulletin of the Far East Branch, Russian Academy of Sciences)* (2), 3—18 (in Russian).
- Baipakov, K.M. 2012—2016. *Drevniia i srednevekoviaia urbanizatsiia Kazakhstana (po materialam issledovaniia Iuzhno-Kazakhstanskoi kompleksnoi arkheologicheskoi ekspeditsii) (Ancient and Medieval Urbanisation in Kazakhstan: by Research Results of the South Kazakhstan Complex Archaeological Expedition)*. Vols. I—III. Almaty (in Russian).
- Bichurin, N. Ya. (Hyacinth). 1950 [1851]. *Sobranie svedeni o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena (Corpus of Data on Peoples Living in Inner Asia in Antiquity)* II. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Gavriliuk, N.A. 1999. *Istoriia ekonomiki Stepnoi Skifii VI—III vv. do n.e. (History of Economy of Steppe Scythia in 6th—3rd Centuries BC)*. Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
- Golden, P. 1993. In Ivanov, N.A. (ed.). *Fenomen vostochnogo despotizma: struktura upravleniia i vlasti (Phenomenon of Oriental Despotism: Structure of Governance and Administration)*. Moscow: "Nauka" Publ., 211—233 (in Russian).
- Davydova, A.V. 1978. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 154, 55—59 (in Russian).
- Davydova, A.V. 1985. *Ivolginskii kompleks (gorodishche i dakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena)* (Corpus of Data on Peoples Living in Inner Asia in Antiquity) II. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

- mogil'nik) — pamiatnik khunnu v Zabaikal'e (Ivolga Archaeological Complex (Fortified Site and Burial Ground): the Xiongnu Site in Transbaikai). Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
- Davydova, A. V. 1995. Ivolginskii arkhologicheskii kompleks (Ivolga Archaeological Complex) I. Ivolginskoe gorodishche (Ivolga Fortified Site). Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).
- Davydova, A. V. 1996. Ivolginskii arkhologicheskii kompleks (Ivolga Archaeological Complex) II. Ivolginskii mogil'nik (Ivolga Burial Ground). Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).
- Davydova, A. V., Miniaev, S. S. 2003. Kompleks arkheologicheskikh pamiatnikov u s. Dureny (Complex of Archaeological Sites near the Dureny Village). Series: Arkheologicheskie pamiatniki siunnu (Archaeological Sites of Xiongnu) 5. Saint Petersburg: "Fond Aziatika" Publ. (in Russian).
- Danilov, S. V. 1998. In Kradin, N. N. (ed.). Arkheologiya i etnologiya Dal'nego Vostoka i Tsentral'noi Azii (Archaeology and Ethnology of the Far East and Inner Asia). Vladivostok: Far East Branch, Russian Academy of Sciences, Institute of History, Archaeology, and Ethnography 111—114 (in Russian).
- Danilov, S. V. 2004. Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noi Azii (Towns in Nomadic Societies of Inner Asia). Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Danilov, S. V. 2005. Drevnie i srednevekove goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noi Azii (Ancient and Medieval Towns in Nomadic Societies of Inner Asia). Doct. Diss. Thesis. Ulan-Ude (in Russian).
- Danilov, S. V. 2011. In Kononov, P. B. (ed.). Khunnu: arkheologiya, proiskhozhdenie kul'tury, etnicheskaya istoriya (Xiongnu: Archaeology, Origins of Culture, Ethnic History). Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 15—30 (in Russian).
- Danilov, S. V., Simukhin, A. I., Tsydenova, N. V. 2011. In Kononov, P. B. (ed.). Khunnu: arkheologiya, proiskhozhdenie kul'tury, etnicheskaya istoriya (Xiongnu: Archaeology, Origins of Culture, Ethnic History). Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 30—51 (in Russian).
- Danilov, S. V., Imenokhov, N. V., Nanzatov, B. Z., Simukhin, A. I., Ochir, A., Erdenebold, L. 2016. In Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya (Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series) 17, 74—93. (in Russian).
- Egorov, V. L. 1985. Istoricheskaya geografiya Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Zhdanko, T. A. 1968. In Vinogradov, A. V., Vorob'eva, M. G., Zhdanko, T. A., Itina, M., Levina, L. M., Rapoport, Yu. A. (eds.). Istoriya, arkheologiya i etnografiya Srednei Azii (History, Archaeology and Ethnography of Central Asia). Moscow: "Nauka" Publ., 274—281 (in Russian).
- Ivliev, A. L. 1983. In Len'kov, V. D. (ed.). Materialy po drevnei i srednevekovei arkheologii iuga Dal'nego Vostoka SSSR i smezhnykh territorii (Materials on Ancient and Medieval Archaeology of the Southern Part of the USSR Far East and Adjacent Territories). Vladivostok: Far Eastern Scientific Center, Academy of Sciences of the USSR, 120—133 (in Russian).
- Ivliev, A. L., Kradin, N. N., Kharinskii, A. V., Ochir, A., Vasiutin, S. A., Kovychev, E. V., Erdenebold, L. 2017. In Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research) (2), 118—136 (in Russian).
- Kiselev, S. V. 1957. In Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology) (2), 91—101 (in Russian).
- Kiselev, S. V. 1958. In Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology) (4), 107—119 (in Russian).
- Kiselev, S. V. 1961. In Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology) (4), 103—127 (in Russian).
- Kiselev, S. V. (ed.). 1965. Drevnemongol'skie goroda (Early Mongol Towns). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kliukin, I. A. 1927. In Trudy Gosudarstvennogo Dal'nevostochnogo universiteta (Papers of the Far Eastern State University) VI (5), 168—212 (in Russian).
- Kononov, P. B., Bazarov, B. A., Miiagashev, D. A., Klement'ev, A. M., Imenokhov, N. V. 2016. In Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra SO RAN (Bulletin of the Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences) (1), 9—26 (in Russian).
- Kradin, N. N. 1994. In Shavkunov, E. V. (ed.). Medievistskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii (Medieval Studies in the Russian Far East). Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 22—36 (in Russian).
- Kradin, N. N. 2000. In Kradin, N. N. et al. (eds.). Istoriya i arkheologiya Dal'nego Vostoka (History and Archaeology of the Russian Far East). Vladivostok: Far Eastern State University, 80—94 (in Russian).
- Kradin, N. N. 2002. Imperiya Khunnu (The Xiongnu Empire). 2nd ed. Moscow: "Logos" Publ. (in Russian).
- Kradin, N. N. 2005. In Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia) (1), 79—86 (in Russian).
- Kradin, N. N. 2007. Kochevniki Evrazii (Nomads of Eurasia). Almaty: "Daik-Press" Publ. (in Russian).
- Kradin, N. N. 2016. In Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology (5), 17—25 (in Russian).
- Kradin, N. N., Danilov, S. V., Kononov, P. B. 2004. Sotsial'naya struktura khunnu Zabaikal'ia (Social Structure of the Transbaikai Xiongnu People). Vladivostok: "Dal'nauka" Publ. (in Russian).
- Kradin, N. N., Skrynnikova, T. D. 2006. Imperiya Chingis-khana (Empire of Genghis Khan). Moscow: "Vostochnaya Literatura" Publ. (in Russian).
- Kradin, N. N., Ivliev, A. L. 2011. In Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii nauk (Bulletin of the Far East Branch, Russian Academy of Sciences) (1), 111—121 (in Russian).
- Kradin, N. N., Ivliev, A. L. 2014. Istoriya kidan'skoi imperii Liao (907—1125) (History of the Liao Empire of the Khitan People: 907—1125). Moscow: "Vostochnaya Literatura" Publ. (in Russian).
- Kradin, N. N., Bessonova, E. A., Zverev, S. A. 2016. In Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya RAN (Bulletin of the Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences) (2), 9—21 (in Russian).
- Kradin, N. N., Baksheeva, S. E., Kovychev, E. V., Prokopets, S. D., Kharinskii, A. V. 2016. In Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology (6), 17—43 (in Russian).
- Kradin, N. N., Ivliev, A. L., Vasiutin, S. A., Kharinskii, A. V., Ochir, A., Kovychev, E. V., Erdenebold, L. 2017. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noi Azii (Topical Issues of Archeology and Ethnology of Inner Asia). Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 163—175 (in Russian).
- Kradin, N. N., Baksheeva, S. E., Kovychev, E. V., Kharinskii, A. V. 2018. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). Drevnie kul'tury Mongolii, Baikalskoi Sibiri i Severnogo Kitaia (Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China) IX (2). Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 52—56 (in Russian).
- Kradin, N. N., Ivliev, A. L., Vasiutin, S. A. 2018. In Vasil'ev, D. D. (ed.). Tiurkskie kochevniki v Azii i Evrope: tsivilizatsionnye aspekty istorii i kul'tury (Turkic Nomads in Asia and Europe: Civilizational Aspects of History and Culture). Series: Proceedings of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences 7. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 226—240 (in Russian).
- Kuznetsov, A. K. 1925. Razvaliny Konduiskogo gorodka i ego okrestnosti (Ruins of the Konduy Township and its Environs). Vladivostok: "Knizhnoe delo" Publ. (in Russian).
- Kumekov, B. E. 1972. Gosudarstvo kimakov IX—X vv. po arabskim istochnikam (The Kimek State in 9th—10th Centuries by Arab Sources). Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kyzlasov, L. R. 1969. Istoriya Tuvy v srednie veka (Medieval History of Tuva). Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Kyzlasov, L. R. 2006. Gorodskaya tsivilizatsiya Sredinnoi i Severnoi Azii (Urban Civilization of Middle and Northern Asia). Moscow: "Vostochnaya Literatura" Publ. (in Russian).

- Maidar, D. 1971. *Arkitektura i gradostroitel'stvo Mongolii (Architecture and Urban Planning of Mongolia)*. Moscow: "Stroiizdat" Publ. (in Russian).
- Maidar, D., Piurveev, D. 1980. *Ot kочеvo do mobil'noi arkitektury (Architecture, from the Nomadic to the Mobile One)*. Moscow: "Stroiizdat" Publ. (in Russian).
- Malov, S.E. 1951. *Pamiatniki drevneturkskoi pis'mennosti. Teksty i issledovaniia (Monuments of the Ancient Turkic Written Language: Texts and Studies)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Minert, L.K. 1990. In Larichev, V.E. (ed.). *Tsentrāl'naia Aziia i sosednie territorii v srednie veka (Inner Asia and Neighbouring Territories in Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 89—106 (in Russian).
- Ochir, A., Ėnkhtur, A., Ėrdēnēbold, L. 2005. *Khaar bukh balgas ba Tuul golyn sam dakhi Khatany Nuūn khot, suuringuud (Kharbukhyn-Balgas Fortified Site and the Khatan Towns and Settlements in the Tola River Valley)*. Ulaanbaatar (in Mongolian).
- Pikov, G.G. 1989. *Zapadnye kidani (Western Khitans)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).
- Plano Carpini, G. del. 1957. *Istoriia Mongalov (Ystoria Mongalorum)*. In Shastina, N.P. (ed.). *Puteshestviia v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journeys of Plano Carpini and William of Rubrouck to the Eastern Parts)*. Moscow: "Geografiz" Publ., 23—83 (in Russian).
- Pletneva, S.A. 1967. *Ot kочевii k gorodam. Saltovomaia'skaia kul'tura (From Camps to Towns. SaltovoMayaki Culture)*. Series: Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 142. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Pletneva, S.A. 1982. *Kochevniki Srednevekov'ia. Poiski istoricheskikh zakonornostei (Nomads of Middle Ages. Looking for Historical Patterns)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Perlee, Kh. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 43—53 (in Russian).
- Pêrlêê, Kh. 1961. *Mongol ard ulsyn êrt, dundan uuiin khot suuriny товчоон (Brief Essay on Ancient and Medieval Towns and Settlements on the Territory of Mongolia)*. Ulaanbaatar (in Mongolian).
- Perlee, Kh. 1974. In Larichev, V.E. (ed.). *Drevniaia Sibir'. Materialy po istorii Sibiri (Ancient Siberia: Materials on the History of Siberia)* 4. *Bronzovyi i zheleznyi vek Sibiri (Bronze and Iron Ages in Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 271—274 (in Russian).
- Rubrouck, G. 1957. *Puteshestvie v vostochnye strany (The Journey of William of Rubruk to the Eastern Parts)*. In Shastina, N.P. (ed.). *Puteshestviia v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journeys of Plano Carpini and William of Rubrouck to the Eastern Parts)*. Moscow: "Geografiz" Publ., 85—194 (in Russian).
- Taskin, V.S. (transl.). 1968. *Materialy po istorii siunnu (po kitaiskim istochnikam) (Materials on the History of Xiongnu (by Chinese Sources))* 1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Taskin, V.S. (transl.). 1984. *Materialy po istorii drevnikh kочевykh narodov grupy dunkhu (Materials on the History of Ancient Nomadic Peoples of the Donghu Group)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Tkachev, V.N. 2009. *Istoriia mongol'skoi arkitektury (History of Mongolian Architecture)*. Moscow: "ABC" Publ. (in Russian).
- Uvarov, P. Yu., Riabinin, A.L. 2017. *Kitai v srednevekovom mire (China in the Medieval World)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khazanov, A.M. 2004. In Abuseitova, M. Kh. (ed.). *Urbanizatsiia i nomadizm v Tsentral'noi Azii (Urbanization and Nomadism in Inner Asia)*. Almaty: "Daik-Press" Publ., 318—330 (in Russian).
- Khandsuren, Ts. 1993. In Zoriktuev, B.R. (ed.). *Etnicheskaiia istoriia narodov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii (Ethnic History of Peoples of Southern Siberia and Inner Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 66—106 (in Russian).
- Chibilev, A.A. 2016. *Stepnaia Evraziia: regional'nyi obzor prirodnogo raznoobraziia (Steppe Eurasia: Regional Overview of Natural Diversity)*. Moscow; Orenburg: Institute of Steppe, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Ėrdēnēbat, U., Franken, C., Batbayar, T., Rolland, H. 2018. In Amartuvshin, Ch. (ed.). *Mongolyn arkheologi-2017 (Mongolian Archaeology-2017)*. Ulaanbaatar, 74—78 (in Mongolian).
- Ėrdēnēbat, U., Franken, C., Batbayar, T., Rolland, H. 2019. In Ėrdēnēbaatar, D. (ed.). *Mongolyn arkheologi-2018 (Mongolian Archaeology-2018)*. Ulaanbaatar, 254—260 (in Mongolian).
- Eregzen, G. 2017. In Bazarov, B.V., Kradin, N.N. (eds.). *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noi Azii (Topical Issues of Archeology and Ethnology of Inner-Asia)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 245—255 (in Russian).
- Alfimov, G.L., Nosyrev, G.V., Panin, A.V., Arzhantseva, I.A., Oleaga, G. 2013. The application of cliff degradation models for estimation of the initial height of rammed-earth walls (Por-Bajin fortress, Southern Siberia, Russia). *Archaeometry* 55 (5), 958—973.
- Allsen, T. 1996. Spiritual Geography and Political Legitimacy in the Eastern Steppe. In Claessen, H.J. M., Oosten, J.G. (eds.). *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill, 116—135.
- Arden-Wong, L.A. 2012. The architectural relationship between Tang and Eastern Uighur Imperial Cities. In Rajkai, Zs., Bellér-Hann, I. (eds.). *Frontiers and Boundaries: Encounters on China's Margins*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 11—47.
- Arden-Wong, L.A., Arzhantseva, I.A., Inevatkina, O.N. 2015. Reflecting on the Rooftops of the Eastern Uighur Khaganate: A Preliminary Study of Uighur Roof Tiles. *Sino-Platonic Papers* 258, 1—72.
- Arzhantseva, I., Inevatkina, O., Zav'yalov, V., Panin, A., Modin, I., Ruzanova, S., Härke, H. 2011. Por-Bajin: An Enigmatic Site of the Uighurs in Southern Siberia. *The European Archaeologist* 35, 6—11.
- Barfield, T. 1992. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge: Blackwell (First published in 1989).
- Barfield, T. 1993. *The Nomadic Alternative*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Barfield, T. 2001. The Shadow Empires: Imperial State Formation along the Chinese-Nomad Frontier. In Sinopoli, C., D'Altroy, T., Morrison, K., Alcock, S. (eds.). *Empires*. Cambridge: Cambridge University Press, 10—41.
- Bemmann, J., Erdenebat, U., Pohl, E. (eds.). 2010. *Mongolian-German Karakorum Expedition. Vol. 1. Excavations in the Craftsmen Quarter at the Main Road*. Wiesbaden: University of Bonn.
- Bemmann, J., Lehdorff, E., Klinger, R., Linzen, S., Munkhbayar, L., Oczipka, M., Piezonka, H., Reichert, S. 2014. Biomarkers in archaeology — Land use around the Uyghur capital Karabalgasun, Orkhon Valley, Mongolia. *Praehistorische Zeitschrift* 89, 337—370.
- Bemmann, J., Höllmann, T., Ahrens, B., Kaiser, T., Müller, S. 2015. A Stone Quarry in the Hinterland of Karakorum, Mongolia, with Evidence of Chinese Stonemasons. *Journal of Inner Asian Art and Archaeology* 6, 101—136.
- Chase-Dunn, Chr., Hall, T. 1997. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, CO.: Westview Press.
- Chen Gaohua. 2015. *The Capital of the Yuan Dynasty*. Honolulu: Hawaii University Press.
- Cowgill, G. 2004. Origins and Development of Urbanism: Archaeological Perspectives. *Annual Review of Anthropology* 33, 525—549.
- Drompp, M. 1989. Centrifugal Forces in the Inner Asian «Heartland»: History «Versus» Geography. *Journal of Asian History* 23 (2), 134—168.
- Franken, C. 2005. Die Brenöfen im Palastbezirk von Karakorum. In Müller, C., Jacob, W. (Hrsg.). *Dschingis Khan und seine Erben: Das Weltreich der Mongolen*. München: Staatliches Museum für Völkerkunde München, 147—149.
- Franken, C., Erdenebat, U., Batbayar, T. 2014. Erste Ergebnisse der Grabungen des 2013 in Karabalgasun und Karakorum/Mongolei. *Zeitschrift für Archäologie Ausseureuropäischer Kulturen* 6, 355—372.
- Golden, P. 2003. *Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe*. Burlington: Variorum.
- Golden, P.B. 2011. *Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes*. Bucureşti: Editura Academiei Române;

- Brăila: Muzeul Brăilei; Editura Istros.
- Golden, P. 2013. Courts and Court Culture in the Proto-urban and Urban Developments among the Pre-Chinggisid Turkic Peoples. In Durand-Guédy, D. (ed.). *Turko-Mongol rulers, cities and city life*. Leiden; Boston: Brill, 21—73.
- Hansen, V. 2015. *The Silk Road: A New History*. Oxford: Oxford University Press.
- Hayashi, T. 1984. Agriculture and Settlements in the Hsiung-nu. *Bulletin of the Ancient Orient Museum* (6), 51—92.
- Hayashi, T. 2004. The Role of Sedentary People in the Nomadic States: From the Xiongnu Empire to Uighur Qaghanate. In Abuseitova, M. (ed.). *Urban and Nomadic Societies in Central Asia: History and Challenges*. Proceedings of International Conference. Almaty, 117—134.
- Hüttel, H.-G. 2005. Der Palast des Ögedei Khan — Die Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts im Palastbezirk von Karakorum. In Müller, C., Jacob, W. (Hrsg.). *Dschingis Khan und seine Erben: Das Weltreich der Mongolen*. München: Staatliches Museum für Völkerkunde München, 140—146.
- Hüttel, H.-G. 2009. Royal Palace or Buddhist Temple? On Search for the Karakorum. In Bemmman, J., Parzinger, H., Pohl, E., Tseveendorzh, D. (eds.). *Current Archaeological Research in Mongolia*. Bonn: Fridrich-Wilhelms-Universität Bonn, 535—548.
- Hüttel, H.-G., Erdenebat, U. 2009. *Karabalgasun und Karakorum: zwei spätnomadische Stadtsiedlungen im Orchon-Tal*. Ulaanbaatar: Erdem.
- Jagchid, S. 1981. The Kitans and their cities. *Central Asiatic Journal* 25, 70—88.
- Jagchid, S., Symons, V. 1989. *Peace, war, and trade along the Great Wall: Nomadic-Chinese interaction through two millennia*. Bloomington: Indiana University Press.
- Juvayni. 1997. *Genghis Khan. The history of the World-Conqueror by 'Ala ad-Din 'Ata-Malik Juvaini*. Translated by J.A. Boyle. Manchester: Manchester University Press.
- Kato, S. 1997. *Ancient City of Karakorum*. Beijing: UNESCO.
- Khazanov, A.M. 1984. *Nomads and the Outside World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kradin, N.N., Ivliev, A.L., Ochir, A., Erdenebold, L., Vasiutin, S.A., Satantseva, S.E., Kovychev, E.V. 2015. Khermen Denz Town in Mongolia. *The Silk Road* 13, 95—103.
- Lattimore, O. 1940. *Inner Asian Frontiers of China*. New York etc.: American Geographical Society.
- Lin Hu. 2009. *Urban Landscape and Politics: The Making of Liao Cities in Southeast Inner Mongolia*. Unpublished PhD Thesis. Chicago: University of Chicago.
- Lin Hu. 2011. Perceptions of Liao urban landscapes. Political practices and nomadic empires. *Archaeological Dialogues* 18 (2), 223—243.
- Minorsky, V. 1948. Tamīm ibn Bahr's Journey to the Uyghurs. *Bull. School Oriental African Stud.* 12 (2), 275—305.
- Pohl, E. 2009. Interpretation without Excavation — Topographic Mapping on the Territory of the First Mongolian Capital Karakorum. In Bemmman, J., Parzinger, H., Pohl, E., Tseveendorzh, D. (eds.). *Current Archaeological Research in Mongolia*. Bonn: Fridrich-Wilhelms-Universität Bonn, 505—533.
- Pohl, E., Mönkhbayar, L., Ahrens, B., Frank, K., Linzen, S., Osinska, A., Schüler, T., Schneider, M. 2012. Production Sites in Karakorum and Its Environment: A New Archaeological Project in the Orkhon Valley, Mongolia. *The Silk Road* 10, 49—65.
- Ramseyer, D. 2013 (ed.). *L'habitat xiongnu de Boroo Gol: Recherches archéologiques en Mongolie (2003—2008)*. Gollion: Infolio.
- Ramseyer, D., Pousaz, N., Törbat, T. 2009. The Xiongnu Settlement of Boroo Gol, Selenge Aimag, Mongolia. In Bemmman, J., Parzinger, H., Pohl, E., Tseveendorzh, D. (eds.). *Current Archaeological Research in Mongolia*. Bonn: Fridrich-Wilhelms-Universität Bonn, 231—240.
- Renfrew, C. 2008. The City through Time and Space: Transformations of Centrality. In Marcus, J., Sabloff, J. (eds.). *The Ancient City: New Perspectives on Urbanism in the Old and New World*. Santa Fe: School for advanced research press, 29—51.
- Rogers, J.D. 2017. Full length article Inner Asian politics and their built environment. *Archaeological Research in Asia* 11, 1—14.
- Rogers, J.D., Ulambayar, E., Gallon, M. 2005. Urban centres and the emergence of empires in Eastern Inner Asia. *Antiquity* 79 (306), 801—818.
- Rösch, M., Fischer, E., Märkle, T., Batbold, O. 2010. Medieval Plant Remains from Karakorum, Mongolia. In Bemmman, J., Erdenebat, U., Pohl, E. (eds.). *Mongolian-German Karakorum Expedition. Vol. 1. Excavations in the Craftsmen Quarter at the Main Road*. Wiesbaden: University of Bonn, 219—249.
- Shiraishi, N. 2004. Seasonal Migrations of the Mongol Emperors and the Peri-Urban Area of Kharakorum. *International Journal of Asian Studies* 1, 105—119.
- Shiraishi, N. 2005. Results of Excavations by the New Century Project at Avraga Site. In *The Avraga Site. Preliminary Report of the Excavations of the Palace of Chinggis Khan in Mongolia 2001—2004*. Niigata: Niigata University, 7—14.
- Shiraishi, N. 2006. Avraga Site: The 'Great Ordu' of Chinggis Khan. In Komaroff, L. (ed.). *Beyond the Legacy of Chinggis Khan*. Leiden and Boston: Brill, 83—93.
- Smith, A. 2003. *The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Politics*. Berkeley: University of California Press.
- Smith, M.E. 2016. How can archaeologists identify early cities: definitions, types, and attributes. In Fernandez-Götz, M., Krause, D. (eds.). *Eurasia at the Dawn of History: Urbanization and Social Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 153—168.
- Srba, O. 2012. Nápis na tzv. Čingisově kameni (Činggis-ün čilayun-u bičig). *Linguistica Brunensia* 60 (1—2), 171—182.
- Steinhardt, N. 1997. *Liao Architecture*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Trigger, B. 1990. Monumental architecture: a thermodynamic explanation of behavior. *World Archaeology* 22 (2), 119—132.
- Waugh, D. 2010. Nomads and Settlement: New Perspectives in the Archaeology of Mongolia. *The Silk Road* 8, 97—124.
- Wei Jian. 2008. *Shangdu Site of the Yuan Dynasty*. Vol. 1—2. Beijing: Zhongguo da bai ke quan shu chu ban she (in Chinese).
- Wittfogel, K.A., Feng Chia-Sheng. 1949. *History of Chinese Society. Liao (907—1125)*. Transactions of the American Philological Society, new series 36. Philadelphia: Macmillan.

Статья поступила в сборник 3 февраля 2019 г.

Nikolay Kradin (Vladivostok, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences¹.

Крадин Николай Николаевич (Владивосток, Россия). Доктор исторических наук, член-корреспондент Российской Академии наук. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии наук.

E-mail: kradin@mail.ru

Address: ¹ Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation

М. В. Ельников

Золотоордынское городище Конские Воды по письменным источникам, картографическим материалам и археологическим данным

Keywords: “north section” of the Crimean Ulus, North-Western Azov Sea region, Konskie Vody hillfort, river Zherebets, mosques

Ключевые слова: “северный участок” Крымского улуса, Северо-Западное Приазовье, городище Конские Воды, р. Жеребец, мечети

M. V. Elnikov

Golden Horde Hillfort Konskie Vody by Written Sources, Cartographic Materials and Archaeological Data

The Konskie Vody hillfort, located on the “northern section” of the Crimean Ulus, was identified on the basis of the data from the “Kniga Bolshomu Chertezhu” (“Book of Great Sketch”). Written sources and cartographic material of the 17th — early 20th centuries allow localizing the site at the intersection of important communication routes, indicate the degree of its destruction and provide additional data on the location of the city’s facilities. Archeological data testify to the syncretism of the material culture of the site, manifesting it in the elements of town planning.

М. В. Ельников

Золотоордынское городище Конские Воды по письменным источникам, картографическим материалам и археологическим данным

Городище Конские Воды, расположенное на «северном участке» Крымского улуса, было выделено на основании данных «Книги Большому Чертежу». Письменные источники и картографический материал XVII — начала XX в. позволяют локализовать памятник на пересечении важных путей сообщений, указывают на степень его разрушения и дают дополнительные данные о расположении объектов города. Данные археологии свидетельствуют о синкретизме материальной культуры памятника, проявляющемся в элементах градостроительства.

В золотоордынский период важное место в функционировании транснационального участка Великого Шелкового пути занимал Крымский улус, куда, кроме Крымского полуострова, входили земли от Нижнего Днепра до Нижнего Дона (Трепавлов 2002: 59, 70—71). Среди целого ряда вопросов, связанных с историко-культурным развитием «северного участка» Крымского улуса, следует назвать уточнение числа городов в Нижнем Поднепровье и Северо-Западном Приазовье. Их решение позволит снять дискуссионные проблемы, касающиеся особенностей градостроительства, локализации административно-политического центра Мамаевой Орды, выделения границ приазовской «нумизматической провинции».

Городище Конские Воды в историографии

К числу золотоордынских городов Северо-Западного Приазовья, известных до последнего времени в научных кругах лишь по письменным источникам, относится городище Конские Воды. Памятник расположен на берегах Конки и ее правого притока — р. Жеребец, в границах сел Таврическое (бывш. Кирово, Жеребец) и Юрковка (бывш. Белицкое, Аул), Ореховского района Запорожской области (рис. 1).

Краевед В. Г. Фоменко одним из первых обратил внимание на то, что р. Жеребец на картах конца XVII—XVIII в. называлась Мечетной из-за расположенных на ее бере-

Рис. 1. Схема расположения городища Конские Воды у сел Таврическое и Юрковка.

Fig. 1. Mapping of site Konskie Vody hillfort near the Tavricheskoye and Yurkovka villages.

гах 10 сооружений, похожих на мечети (Фоменко 1969: 58). Он отмечал, что в начале 1950-х гг., при строительстве хозяйственных построек вблизи устья р. Жеребец, на правом берегу р. Конки (с. Таврическое) «были обнаружены плоские жёсткие квадратные кирпичи — плинфы, одна сторона которых покрыта глазурью — поливой зеленовато-бирюзового цвета, который характерен для магометанских сооружений (цвета знамени Пророка). Эти кирпичи, размером $225 \times 225 \times 50$ мм находят-

ся в фондах Запорожского краеведческого музея» (Ельников 2010: 243). По В.Г. Фоменко, размеры и цвет кирпичей характерны для археологических памятников Золотой Орды. Упоминает он и об остатках строений на левом берегу Конки, на горе Мечеть-Могилы. Краевед предлагал «датировать сооружения тех мавзолеев, а следовательно, и начало заселения аула, который был на месте теперешнего с. Юрковка, XIV веком, вернее, двадцатыми и сороковыми годами, т.е. временем правления Узбек-хана, при котором ислам стал официальной религией Золотой Орды» (Фоменко 1974: 5; Ельников 2010: 243).

Через десятилетие В.Л. Егоров сделал вывод о нахождении золотоордынского городища на р. Конские Воды, условно дав памятнику одноименное название (Егоров 1977: 121). По мнению исследователя, единственным письменным источником, где упоминается памятник, является «Книга Большому Чертежу» (Егоров 1985: 86). Не указывая точного расположения, В.Л. Егоров реконструирует прохождение через городище северного участка Великого Шелкового пути — торговой магистрали через Азак до Аккермана, а также маршрут движения армии Тамерлана во время западного похода 1395—1396 гг. (рис. 2). В числе других городов автор выделяет в низовьях Днепра еще три городища — Кучугурское, Тавань и Тягин (Егоров 1985: 84—87).

Рис. 2. Фрагмент карты «Золотая Орда в XIV в.» (по Егоров 1985: карта 2).

Fig. 2. Fragment of the map "Golden Horde in the 14th century" (after Egorov 1985: карта 2).

Г.А. Федоров-Давыдов, признавая существование городища Конские Воды, реконструировал прохождение через район памятника монгольских войск в 1223 г., во время битвы на Калке (Федоров-Давыдов 1981: 235, рис. 96: 67). И.Р. Тихомолова отмечает, что особый интерес представляют находки и указания в письменных источниках на «мечети» у сел Юрковка и Кирово на р. Конке и ее притоке — р. Жеребце, однако установить существование городского центра на этом участке можно «только после получения массового надежно датированного материала» (Тихомолова 1997: 6—7).

Городище в письменных источниках

Расположенное на перекрестке важных путей сообщений, городище Конские Воды неоднократно упоминается в источниках XVII — начала XX в. Так, «Книга Большому Чертежу» (КБЧ) редакции 1627 г. указывает на древние кешени на р. Конке: «А в реку Московку пала река Конские Воды, а вытекли Конские Воды из-под Муравской дороги против Молочных Вод. А по правой стороне Конских Вод, от Днепра 60 верст, 7 кешеней Татарских мечетей» (КБЧ 1950: 110).

Эти нечеткие данные породили несколько вариантов локализации городища Конские Воды, главным образом, у г. Орехова. Составитель «Таврической губернии» 1865 г. М.Н. Равевский указывал: «Что же касается до степи на материке, то здесь видны следы поселений на линии р. Конки или Конских Вод; так было городище на Белозерском лимане, около сс. Малой и Большой Знаменки (№1025—26), равно как около г. Орехова, уже на правом берегу Конки. Существует мнение, что эти поселения опустели еще после поражения Мамая на Куликовском поле (1380 г.), когда Татары сосредоточились на полуострове» (Таврическая губерния 1865: XXX). Географ и почвовед В.В. Морачевский в начале XX в., описывая станции 2-й Екатерининской дороги, отмечал, что г. Орехов возник на месте «татарского поселения»: «Перейдя за Аулом границу Екатеринославской губернии, железный путь вскоре достигает следующей своей станции Орехова, при которой на левом берегу р. Конки расположен заштатный город Таврической губ. Бердянского у. Орехов. Первоначальное поселение на месте нынешнего Орехова принадлежало по всей вероятности татарам; здесь, как полагают, находились те семь мечетей, о которых упоминает Книга Большо-

го Чертежа» (Морачевский 1910: 660). Схожей локализации городища придерживалась в начале XXI в. известный украинский лингвист А.П. Коваль: «Город Орехов (Запорожская обл.), как считают исследователи, основан на месте татарского поселения Семь татарских мечетей» (Коваль 2001: 92).

Значительный интерес для локализации городища Конские Воды представляет отчет посольской миссии — «Статейный список», составленный Н.М. Зотовым в форме дорожных записок. В 1680 г. московские послы — дьяк Посольского приказа Н.М. Зотов и стольник, полковник и наместник переяславский В.М. Тяпкин, были отправлены в Крым для заключения мира с ханом Мурат-Гиреем. Миссия двигалась из г. Сумы «прямым» Муравским шляхом, в сопровождении проводника — крымского гонца Халил-аги. По «Статейному списку», 12 октября послы вышли на «большую реку Самару» — Волчью, где, не дойдя до р. Конки, были вынуждены заночевать в степи. На следующий день миссия достигла «вершины реки Конских-вод, в Днепр впадающей, пред полуднем, и за реку переправились безо всякие трудности. Кормили и стояли на тех водах небольшое время для того, что понаехали тут стан и шлях свежих и конных и пеших людей, и обозной от Запорожья к Тору, или к Дону, в восемь рядов» (Статейный список 1850: 18). Маркером перекрестка служило городище Конские Воды, на которое указывают послы: «На тех же Конских-водах видели мы капище бусурманское, каменное строенье старожитного поселения, и от давних лет развалилось. А от Крымских гонцов слышали, что те жилища бывали в старину Крымских татар, при Мамае Хане» (Статейный список 1850: 18—19).

В XVIII в. Северо-Западное Приазовье становится ареной военного противостояния Российской и Турецкой империй. Кроме описаний движений армий, в путевых дневниках фиксируются и руины древних «мечетей». Важную информацию о памятнике оставил доктор медицины И.Я. Лерхе, служивший в период русско-турецкой войны (1735—1739 гг.) в армии генерал-фельдмаршала П.П. Ласси. Во время Крымского похода 1739 г. И.Я. Лерхе зафиксировал в своем дневнике: «7-го сентября армия двинулась от Днепра на Изюм, до Карачакрака 17 верст; 8-го одолели 18 верст без воды. 9-го прошли 16 верст через 5 или 6 долин до Конской воды, где она уже была широкой рекой. Здесь стояло 5 мечетей, две из которых еще были целы, в форме свода, остальные же были наполовину разруше-

ны; некоторые из кирпича, другие из каменных блоков, они были сооружены довольно искусно. Очень часто здесь останавливались татары. Нашли довольно глубокий подвал в земле, наверху была установлена кирпичная труба, никто не взял на себя труд выкопать ее; это была либо могила, либо склад под зерно» (Lerche 1791: 166).

В разгар русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Военная коллегия Российской империи 27 июля 1769 г. предлагает создать оборонительную линию «от Днепра до Азовского моря». Проектировалось начать масштабное строительство — по рекам Мокрая Московка, Конские Воды и Берда на расстоянии 30 км одна от другой должны быть построены семь земляных крепостей. Обеспечить безопасность инженерных работ 30 июля 1769 г. было предписано генерал-поручику М.В. фон Бергу, который должен был выдвигаться из г. Бахмута и «удержаться» на Конских Водах (Макидонов 2014: 8). В его рапорте есть указания на «Мечети» у Конских Вод: «Я уже вашему сиятельству с отправленным 27-го числа сего месяца курьером в моей почтенности имел честь донести, о действительном выступлении моем с корпусом от вершин Кальмиуса, и следовании на устье Мокрых Елав, а тамо... на Конския к Мечетям» (Петров 1866: 403).

На правом берегу р. Жеребец началось строительство Никитинской крепости, однако из-за «неудобного местоположения» она была перенесена западнее на восемь верст (Макидонов 2014: 21). Часть строительного материала на ее сооружение, по-видимому, бралась непосредственно на золотоордынском городище. В 1773 г. И.-А. Гильденштедт (Гюльденштедт) — доктор медицины и путешественник, академик Петербургской Академии наук, совершил осмотр Днепровской линии укреплений. Вблизи Никитинской крепости он фиксирует «мечети» и дает им наиболее полную характеристику: «В устье речки Жеребец, на восточной стороне ее два и на западной стороне одно, стоят старинные сооружения, которые русские называют Татарские Мечети, и подобные им в окрестностях могут быть еще. Они полностью архитектурно идентичны тем, которые есть в Маджарах, я совершенно уверен, что это не более чем как мавзолеи неких татарских мурз, которые со своими ордами проживали в этом удобном месте. Эти восьмигранные с круглыми куполами здания сложены из квадратных камней, вытесанных из встречающихся здесь в виде горной породы оолитово-

го известняка или известкового туфа. Двери или входы их смотрят на полдень; небольшие оконные проемы, находящиеся на высоте одной сажени, расположены на восток и запад. Поскольку эти здания из рыхлого и выветрившегося камня — они уже сильно разрушились. В непосредственной близости от этих мавзолеев мы нашли также развалины здания длиной 7 сажень и шириной 4 сажени, внутренние стены которого были покрыты зеленым и черным пятнистым мрамором, и вероятнее всего, что это была мечеть или магометанская церковь» (Güldenstädt 1791: 103; Макидонов 2014: 52—53).

В работе епископа Гермогена, возглавлявшего Таврическую епархию в 1882—1885 гг., объясняется возникновение старого названия с. Белицкое — Аул: «Белицкое, иначе Аул или Юрковка, на низменной, но плодородной земле, на левом берегу Конки. С юго-западной стороны есть значительная возвышенность с небольшими балками, а у самого села — холм Москов или Мечеть. На нем была татарская деревня с мечетью; оттого и самое селение со времени основания своего до 1865 г., называлось Аул, а потом стало называться Белицким по фамилии бывшего здесь священника» (Гермоген 1887: 222).

В 1925—1934 гг. в г. Харькове действовал Украинский комитет краеведения (УКК), корреспондентом которого на Запорожье был уроженец с. Жеребец Ф.К. Лутай (Прокопчук 2005: 54). В основанном УКК журнале «Краєзнавство» вышло две его статьи по истории селений Жеребец (Таврическое) и Юрковка, содержащих данные об остатках «татарских» сооружений и поселений. В заметках по истории с. Жеребец краевед отмечал: «Еще давно до основания с. Жеребец по речке Конке по левому ее берегу, начиная от Великого Луга, еще во времена Сечи, были татарские селища, аулы, их следы можно найти и сейчас. Там, где речка Жеребец сливается с Конкой, такие старинные татарские селища были и на правом берегу речки Конки» (Лутай 1927: 20). Ф.К. Лутай указывал на остатки валов в центре и двух сооружений на северной окраине населенного пункта: «В самом селе Жеребец в двух верстах от устья речки Жеребец, где он сливается с Конкой, и сейчас сохраняются остатки каких-то старинных валов, которые здесь называют «городки», а далее вниз по речке Конке, в конце с. Жеребец можно найти остатки каких-то двух раскопанных могил, а точнее руин от каких-то древних зданий» (Лутай 1927: 20).

Эти «древние здания», вероятно, являлись мавзолеями; в описании краеведа указывается их конструкция: «В середине этих могил были, как говорят, сооружены большие погребки из серого крепкого камня и обожженного кирпича турецкого производства, которые можно встретить снова на руинах татарских селищ по Конке. Турецкий кирпич отличается от нашего по своей форме — она кубичная, так и материалом — ее изготовляли из лучшей глины, гончарки. Стены, как видно, были сделаны на известняке и переплетены железом. Эти могилы были самым грабительским образом ограблены еще во времена крепостничества. В народе доньше сохранились их названия, этих руин — “Большая Мечеть” и “Малая Мечеть”» (Лутай 1927: 20).

Упоминает корреспондент УКК и находки монет: «Ниже так называемого лимана реки Конки, недалеко от старинной Жеребецкой церкви, также можно найти остатки татарских селищ, и еще в 1860 г. здесь просто в земле находили много старинных турецких серебряных денег. Образцы их местным священником Иваном Ивановым были отправлены Екатеринбургскому архиерею, а попали ли они в музей — неизвестно» (Лутай 1927: 20).

На территории с. Юрковка Ф.К. Лутай отметил «татарские» руины, описания которых близки данными епископа Гермогена: «По левому берегу Конки, напротив с. Жеребец под высокой горой, которая имеет название “Лысая гора” (Шавровая также), было, как видно, второе татарское селище, его руины еще и сейчас можно увидеть в конце села Юрковка. Здесь был, как говорят, татарский аул и стояла мечеть, руины которой пошли на строительство старой церкви в с. Жеребец, а основанное здесь в конце XVIII века село Юрковка долгое называлось “аулом”» (Лутай 1927: 20).

Исследователь отмечал в с. Юрковка, с запада на восток, три пункта с концентрацией древних руин, первый из которых находился вблизи современного ландшафтного заказника «Юрковский лиман»: «Так, в северо-западной части села, над берегом реки Конки, именно в том месте, где она делает “колени”, круто поворачивая на северо-восток, чтобы вновь круто повернуть на запад, там где высокий берег отходит в сторону, а речка разливается широким “лиманом”, в усадьбе крестьянина В.В. Ралка, хорошо видно остатки каких-то зданий, валов и рвов. Как указывают старые люди, это остатки каких-то небольших крепостей, которые замыкали переправу через речку Конку с правого на левый бродом, который был в этом месте. Здесь когда-то

был большой брод, который вел на ту сторону; через этот брод шел большой Чумацкий шлях, которым ходили чумаки в Крым, откуда он идет на Кичкас и на Днепровское» (Лутай 1929: 32).

Ф.К. Лутай при характеристике второго пункта уточняет его местоположение и указывает размеры мечети: «С другой противоположной стороны села, в ее южной части, именно на склоне горы, которая называется Лысой, или еще Шаровой, среди распахиваемого поля можно еще хорошо видеть остатки татарского селища, или аула, и первое название села было Аул. Только хорошо сохранился фундамент мечети приблизительно метров 12 × 12, а желто-серые кучи, куски битого кирпича, известняка свидетельствуют, что здесь когда-то было небольшое человеческое селище. Когда именно оставили татары этот аул и каково было его название — никто этого не знает, а стены разрушенной мечети достояли до 1787 года, когда была заложена церковь в селе Жеребец, и были тогда разобраны и пошли на строительство этой церкви» (Лутай 1929: 32—33).

Третий пункт в с. Юрковка, по описаниям краеведа, находился южнее второго: «А еще далее, уже на южном склоне этой Лысой горы до Шавровой балки, именно там, где речка Конка делает дугу и близко подходит к крутым склонам горы и глубокой Шавровой балки, — снова явные следы каких-то старинных зданий из грубо тесаного камня, что-то похожее на примитивные крепости — метров 50 длиной и 40 шириной, вокруг уже едва заметные перекрытые песком каналы; именно сюда подходит овраг-пропасть, размытые водой в древние времена и часть этого камня лежит на глубоком дне его» (Лутай 1929: 32—33).

Картографический материал

Одной из первых карт, где обозначено городище Конские Воды, является, вероятно, «Таврика Херсонеская, в наше время называемая Перекопской или Газарией» 1630 г., изданная в Амстердаме Я. Янсоном. В среднем течении Конских Вод (Conscauda flu.), на левом его берегу, указан пункт «Нигрополь» (Nigropol) (рис. 3). «Таврика Херсонеская...» является фрагментом большой карты Европы 1554 г. итальянского картографа Г. Меркатора, который при изображении территории Северо-Западного Приазовья частично использовал карту Южной Сарматии 1507 г. Б. Ваповского (Вавричин, Дашкевич, Кристалович 2006: 140—141).

Рис. 3. Фрагмент карты «Таврика Херсонеская...» 1630 г., составленная Г. Меркатором (по Вавричин, Дашкевич, Кристалович 2006: 140—141).

Fig. 3. Fragment of map “Taurika Chersonese...” of 1630, compiled by G. Mercator (after Вавричин, Дашкевич, Кристалович 2006: 140—141).

Подтверждением упоминаемых И.Я. Лерхе «мечетей» на р. Конке во время Крымского похода 1739 г. является «Операционная карта, содержащая части Российской и Турецкой империй...» 1769 г. (Операционная карта 1769). Пунктиром на карте обозначено движение армии через городище Конские Воды, где на левом берегу обозначена одна, а на правом — три «мечети» (рис. 4).

В период между Белградским (1739) и Кучук-Кайнарджийским (1774) мирными договорами было составлено наибольшее количество карт с обозначением «мечетей» на Конских Водах. Так, на карте 1749 г. А.И. Бибикова «Достоверная ландкарта между рек Днепра и Донца» (Бибиков 1749) вблизи р. Жеребец (в оригинале — р. Жеребьячя) указана «мечеть» (рис. 5). Четыре «мечети» на правом берегу Конки (рис. 6) обозначены на «Генеральной карте» Д. де Боксета 1751 г. (Ельников 2015: 483—484, рис. 3). На карте 1764 г. М. фон Ренне (Ренне 1764) на правом берегу Жеребца указана одна, а на правом берегу Конки — две «мечети» (рис. 7).

К периоду 1769—1770 гг. — решению о строительстве линии укреплений и выбора для них места по рекам Московке, Конке и Берде, относится наибольшее число картографического материала с обозначением не только «мечетей» (Ельников 2015: 483,

Рис. 4. Фрагмент карты: «Операционная карта...» 1769 г. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1572).

Fig. 4. Fragment of “Operational map...” of 1769 (Russian State Archive of Military History. Fund 846. Inv. 16, dossier 1572).

Рис. 5. Фрагмент карты: «Достоверная ландкарта...» 1749 г., составленная А.И. Бибиковым (РГВИА. Ф. 423. Оп. 1. Д. 20).

Fig. 5. Fragment of “Credible Landcard...” of 1749, compiled by A.I. Bibikov (Russian State Archive of Military History. Fund 423. Inv. 1, dossier 20).

рис. 4; Ельников 2013: 127, рис. 1), но и чертежей строений. Военными картографами в 1769 г. с одного из зданий был сделан чертеж (План и фасад строения 1769). Судя по схеме, это мавзолей, который представлял собою восьмигранный барабан размерами около 7×8 м с полусферическим куполом, высотой здания не менее 7,5—8 м. В двух противоположных гранях барабана сделаны сквозные проемы (рис. 8: 1—2). Вход в портал длиной около 3 м обрамлен стрельчатой аркой и двумя округлыми колоннами по краям. Портал

Рис. 6. Фрагмент карты: «Генеральная карта... 1751 г.», составленная Д. де Боксетом (Ельников 2015: 483—484, рис. 3).

Fig. 6. Fragment of “General map... of 1751”, compiled by G. de Bokset (after Ельников 2015: 483—484, рис. 3).

Рис. 7. Фрагмент карты: «Карта малороссийских и слободских полков...» 1764 г. М. фон Ренне (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 16194).

Fig. 7. Fragment of “Map of Little Russian and Sloboda Regiments...” of 1764 M. von Renne (Russian State Archive of Military History. Fund 846. Inv. 16, dossier 16194).

украшен по периметру вертикальной сельджукской цепью, над аркой — округлый медальон с родовым знаком (?). Внутри портала, на противоположных сторонах — небольшие ниши-углубления. Мавзолей имел одно округло-восьмигранное помещение с выступами по углам (Ельников 2013: 128, рис. 2). Вход в помещение находился чуть ниже пола портала.

По Э.Д. Зиливинской, мавзолей городища Конские Воды по своим пропорциям наиболее близок мавзолею Джанике-ханым на Чуфут-Кале (Зиливинская 2014: 259—260). Судя по надгробной плите, как указывает исследовательница, дочь хана Тохтамышша — Джанике-ханым скончалась в 841 г. х. (1437). У.А. Боданинский на основании анализа архитектуры здания относил его строительство к началу XIV в. и считал, что захоронение было осуществлено в уже существующий мавзолей. По мнению Б.Н. Засыпкина, основное здание мавзолея Джанике-ханым возникло в золотоордынский период, а его портал был пристроен позже. Схожий тип постройки, по Э.Д. Зиливинской, имеет дюрбе Хаджи Герая в Салачике, построенное в 1501 г. (Зиливинская 2014: 272). Судя по прямым крымским аналогиям с мавзолеем Конских Вод, можно предположить, что район Северо-Западного Приазовья, как и Крым, входил в зону армяно-малоазийского влияния архитектурных форм (Зиливинская 2016: 58—59).

К 1774 г. относится «План Конских Вод и Мечетной, называемой рекою Жеребцем», где указано десять «мечетей» (рис. 9). Составлено две карты — «черновик» и чистовой вариант (План Конских Вод 1774), имеющие разные масштабы, а также легенды к ним. На плане указан небольшой участок, размерами около 1,12 × 1,5 км, у места впадения Мечетной (Жеребца) в р. Конские Воды, на котором латинскими литерами отмечены «мечети» и курганы. Легенда к карте плохого качества (часть слов зачеркнута), такого содержания:

«План Конских Вод и Мечетной, называемой рекою Жеребцем

возвышенные места называемые Курганы значутся по литерой “L”.

A B C D — мечети с которых сняты фасады и планы.

E F G H M N — мечети обвалившиеся, а остались одни заложения их, которые засыпаны упавшим битым камнем с их сводов и стен.

I — как видно, нарочно выкопанное место, кое заросло тростником и в середине продолговатое озеро неглубокое.

K — выкопанный ров четырехугольной фигурой и зарос тростником, а так еще глубокий, что проехать через него нельзя. А кругом сих речек Конской и Жеребца оброс тростник».

По плану, две «мечети» (под литерами «D» и «H») отмечены на правом берегу

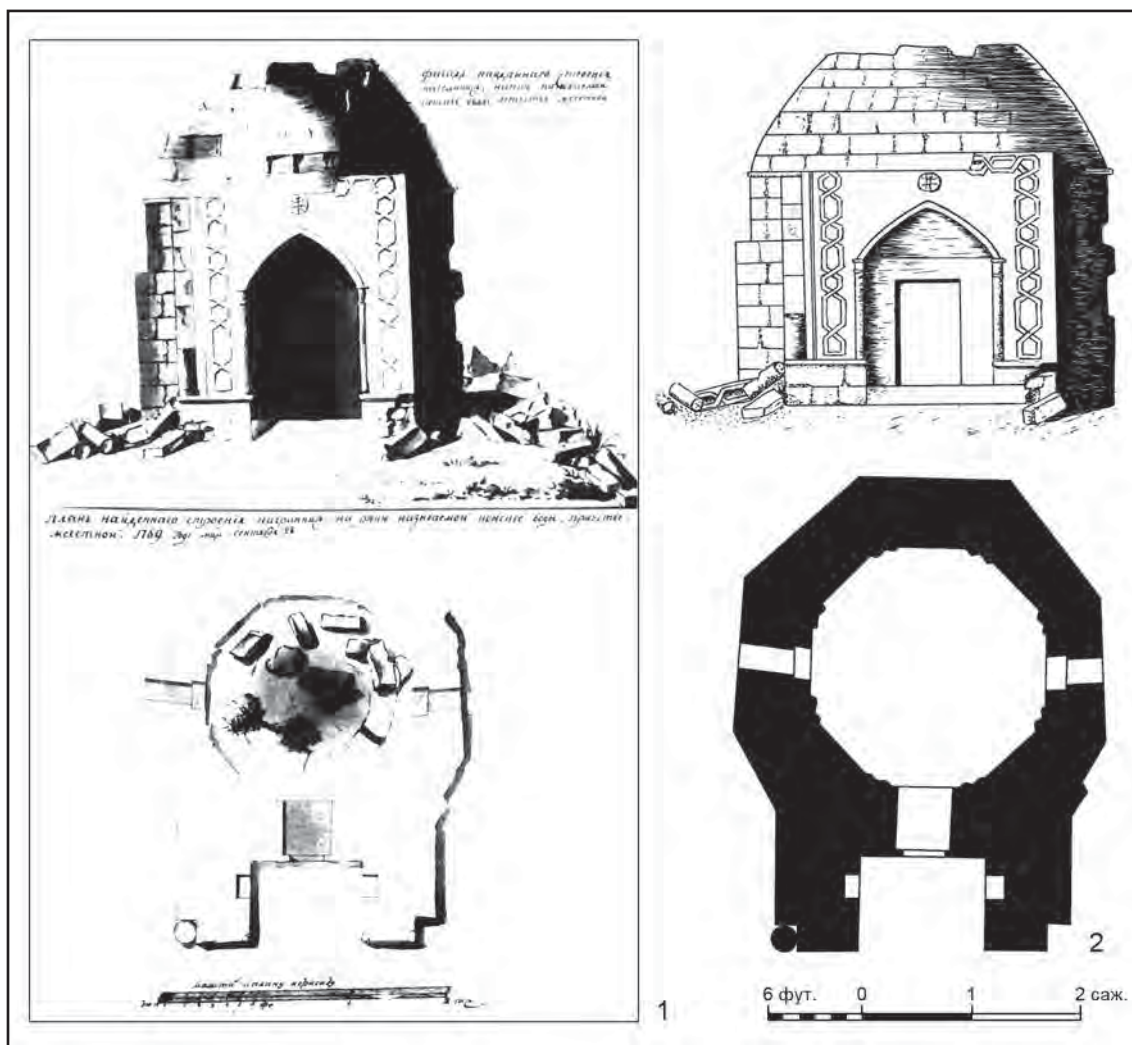

Рис. 8. «План и фасад строения, найденного на берегу реки Конские воды при устье Мечетной. 1769 года, месяца сентября 28»: 1 — РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1158; 2 — прорисовка автора.

Fig. 8. “Plan and facade of the structure, found on the banks of the river Konskie Vody at the mouth of the Mechetnaya. 1769, the month of September 28”: 1 — Russian State Archive of Military History. Fund 418. Inv. 1, dossier 1158; 2 — drawing by the author.

р. Жеребец, остальные строения (А, В, С, F, E, G), сконцентрированы на мысу правого берега Конки. Отдельно отстоит «мечеть» под литерой «М». На карте литерой «Т» отмечено еще один пункт, который не указан в легенде. Назначение и время появления «нарочно выкопанного места» (пункт «И»), размерами около 53×85 м, остается не выясненным. Что же касается четырехугольного рва на левом берегу р. Жеребец (пункт «К»), размерами около 43×54 м, то, здесь, вероятно, находились какие-то строения, разобранные под строительство Никитинской крепости. Именно о них упоминает Ф.К. Лутай в начале XX в. как о «городках».

Археологические данные

В конце 1992 г. в Запорожский областной краеведческий музей (ЗОКМ) поступила информация о грабительском шурфе на возвышенном участке — горе Мечеть-Могила у с. Юрковка. В следующем году сотрудники ЗОКМ З.Х. Попандопуло и И.Р. Тихомолова провели исследования этого участка. Грабительская яма была расширена, на ее месте заложен раскоп размерами 3×3 м. В ходе работ была открыта часть стены кирпичного здания на каменном фундаменте. Значительную часть находок, кроме нескольких фрагментов гончарной керамики с зеленой поливой, представляли кашинные изразцы, покрытые белой

Рис. 9. «План Конских Вод и Мечетной, называемой рекою Жеребцем» 1774 г. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 23997).

Fig. 9. “Plan of the Konskie Vody and the Mechetnaya, called the River Zherebets” of 1774 (Russian State Archive of Military History. Fund 846. Inv. 16, dossier 23997).

и желтой глазурью (Попандопуло, Тихомолова 1993: 38—40). Вопрос о культурной принадлежности памятника остался открытым, а дальнейшие исследования были прекращены из-за отсутствия финансирования.

По данным епископа Гермогена и Ф. К. Лутая (пункт 2), именно на этом возвышенном месте располагался «татарский аул с мечетью». Длительный период этот участок подвергался интенсивной распахке. По указаниям местных жителей, до середины XX в. здесь фиксировались руины трех «церквей». В 1968 г. гора Мечеть-Могила (местные названия — Лысая Гора, Мечетная гора) в связи с расширением овражной эрозии была засажена лесом. В ходе земельных работ отдельные детали архитектурного декора были разобраны жителями окрестных сел. В экспозицию ЗОКМ из района памятника в 1993 г. поступила архитектурная деталь из известняка. Это небольшая подтреугольная плита, длиной до 0,34 м, с орнаментальной композицией в виде переплетенных растительных стеблей, мотив которой имеет сельджукские корни (рис. 10). Он был распространен на памятниках Крыма, близок орнаменту портала мечети Узбека 1314 г. (Айбабина 2001: 166, рис. 73: 4).

Отдельные детали растительного декора плиты имеют стилевые параллели с орнаментом капители колонны из известняка (рис. 11), приобретенной в 2005 г. у жителя с. Юрковка. По определению В. Н. Саенко и С. Г. Дзюбы, капитель изготовлена непосредственно

при строительстве из местного известняка в «три пятых». Общая ее высота 0,32 м, диаметр верхнего круга 0,2 м, диаметр фуста — 0,12 м. Орнаментальный фриз не имеет выступающих деталей, часть орнамента срезана ножом плуга (Саенко, Дзюба 2006: 285—286). Авторы указывают, что капитель ограничена снизу поясом «скрученного жгута», фуст гладкий. Орнамент несимметричный и не повторяется, за исключением крайних деталей, состоит из условно названных элементов (слева направо): «побег» — «бутон» — «листок с ромбом» — «геральдические побеги» — «пальметта с волютами» — «побег» (рис. 11: 1). Его особенностью является отсутствие «плетенки» в нижней части фриза, «так как сам орнамент здесь выступает причудливым плетением, связанность которого подкреплена неоднородностью использованных элементов» (Саенко, Дзюба 2006: 286—287, рис. 1: 1, 2).

По В. Н. Саенко и С. Г. Дзюбе, юрковская капитель является типичным образцом сельджукского стиля, близка крымским изделиям — пилястрам портала мечети хана Узбека 1314 г. и христианского монастыря Сурб-Хач 1338 г. Воздержавшись от датировки капители, авторы отмечают, что она «младше солхатских образцов первой половины XIV в., так как более упрощена, отличается разнообразием декоративных элементов и неоправданной уверенностью мастеров» (Саенко, Дзюба 2006: 287).

Впоследствии В. Н. Саенко, в частную коллекцию которого поступила находка, «омолодил» датировку капители «границами XV в.» (Саенко 2016: 203). По мнению автора, она более упрощена по сравнению с крымскими экземплярами XIV в., орнамент имеет нерегулярный характер, как на плите 1459 г. феодорийской крепости Фуна (Саенко 2016: 203). Указания в качестве аналогий «нерегулярности» на закладную плиту Фуны с монограммами князя Александра и датировка капители XV в. выглядят необоснованными. После распада Золотой Орды Северо-Западное Приазовье становится зоной конфронтации между Крымским ханством, Большой Ордой и Великим княжеством Литовским (Сельников 2017а: 68—72). Появление городского центра на р. Конке в такой нестабильной обстановке было просто невозможным. Юрковскую капитель, имеющую стилистические параллели с крымскими образцами, следует датировать серединой — второй половиной XIV в. При одинаково оформленном пояске, отделяющем фуст от фриза, как на пилястрах мечети Узбе-

Рис. 10. Городище Конские Воды. Архитектурная деталь из известняка (фото и рисунок автора).

Fig. 10. Kongsie Vody hillfort. Limestone architectural detail (photo and drawing by the author).

ка, капитель из с. Юрковка отличается большей компактностью — отсутствием выступающих деталей. Это сближает ее с капителями армянского монастыря Сурб Хач и восточной капителью михраба мечети в Шейх-Кой, датируемые 1358 г. (Кирилко 2016: 142, рис. 4, 5).

В 2007 г. Запорожским национальным университетом (ЗНУ) были проведены разведки по берегам рек Конка и Жеребец с целью выявления археологических объектов и локализации городища Конские Воды. В границах с. Таврическое находится более 80 курганных насыпей, часть которых могла «образоваться» на местах разрушенных зданий золотоордынского периода. При осмотре северо-западной части с. Таврическое было выявлено четыре курганнообразных возвышения (рис. 12), на поверхности которых фиксировались битый кирпич и керамика золотоордынского периода. Все возвышения расположены на приусадебных участках, земельные работы на объектах не проводились.

На правом берегу р. Жеребец, в 2,2 км от его устья (рис. 12: 1), жители с. Таврическое неоднократно находили предметы периода Золотой Орды, часть которых была передана экспедиции ЗНУ. Среди находок —

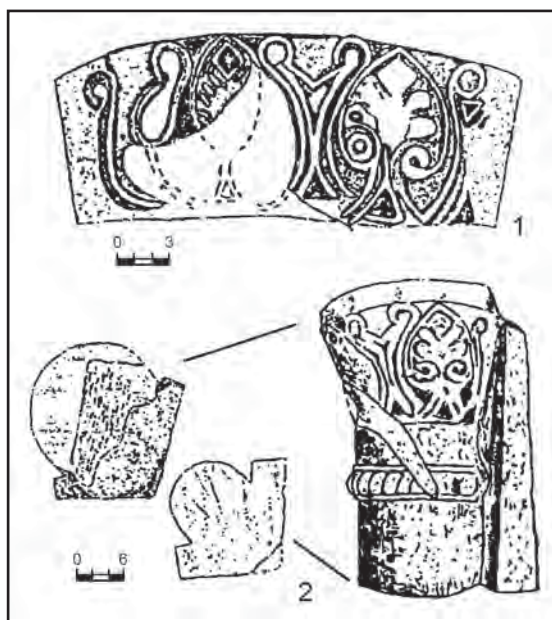

Рис. 11. Городище Конские Воды. Капитель колонны (по Саєнко, Дзюба 2006: 288, рис. 1: 1, 2).

Fig. 11. Kongsie Vody hillfort. Chapter (after Саєнко, Дзюба 2006: 288, рис. 1: 1, 2).

фрагменты двух зеркал и монета. Первый фрагмент зеркала — с частью крупной рельефной арабской благожелательной надписи почерком «насх», полный текст которой: «Слава, которая есть наивысшее счастье для могучих начальников, (да будет) тебе благодеянием будущая жизнь» (рис. 13: 1, 1а). Подобные зеркала имеют аналогии на территории Улуса Джучи второй половины XIII — XIV в., известны в Нижнем Поднепровье на могильнике Мамай-Гора (Андрух, Тощев 2009: 144, рис. 65: 4) и городище Большие Кучугуры. На последнем, отстоящем на 32 км к юго-западу от Конских Вод, выявлено три экземпляра зеркал этого типа (Попандопуло 2002: 234—235, рис. 5: 1—3).

Второй фрагмент зеркала — с частью растительно-зоо-антропоморфного орнамента типа «голова женщины в короне» (рис. 13: 2, 2а). Область распространения таких зеркал охватывает регион от Поволжья до Подонья, но наибольшее их число выявлено в Болгаре (Полякова 1996: 230). В Нижнем Поднепровье этот тип зеркал является одним из наиболее встречаемых, известен на грунтовых могильниках Мамай-Гора (Андрух, Тощев 2009: 137, рис. 64: 8) и Мамай-Сурка (Ельников 2001: 162, рис. 8: 1), а также на городище Большие Кучугуры (Попандопуло 2002: 232—234, рис. 4: 1—3). Медная монета, по классификации Г.А. Федорова-Давыдова, относит-

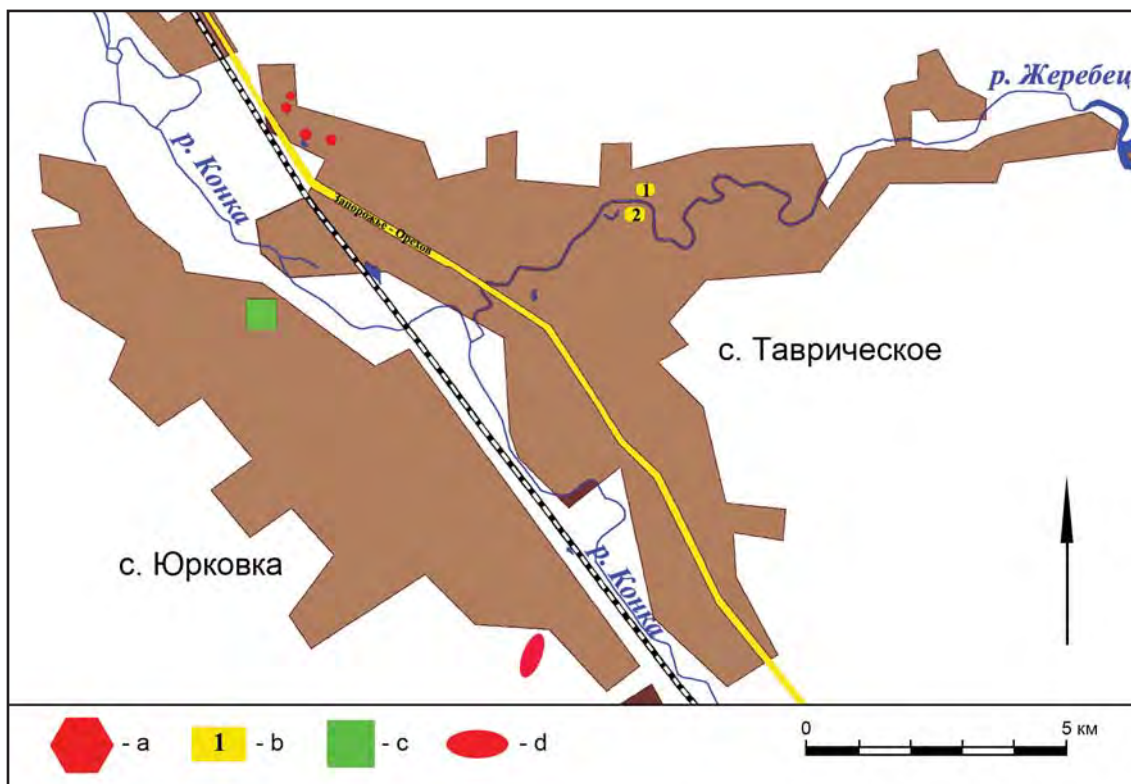

Рис. 12. Городище Конские Воды. Схема расположения объектов, выявленных в ходе разведок. Условные обозначения: а — возвышения с битым кирпичом на поверхности насыпей; b — случайные находки монет и фрагментов зеркал; с — база колонны; d — участок с остатками строений на холме Мечеть-Могила.

Fig. 12. Kongske Vody hillfort. The layout of the objects identified during the exploration. Legend: a — elevations with broken bricks on the surface of the mounds; b — stray finds of coins and mirror fragments; c — base of column; d — plot with remnants of buildings on the Mechet'-Mogila hill.

ся к анонимным пулам времени Джанибек-хана (Федоров-Давыдов 2003: 176—178, табл. VI: 86—103), чеканенных в 751—753 г.х. (1350—1353). Л.с.: в рамке из 6 дуг «чекан Сарая/ал-Джедид/75(2?)» (1351/1352); О.с.: растительный орнамент в виде розетки (рис. 13: 3).

На левом берегу р. Жеребец локализовать «четырёхугольный ров», согласно пункту «К» по карте 1774 г., не удалось. Русло нижнего течения реки имеет форму меандра, несколько рукавов- стариц, образует мысы и своеобразные «карманы».

В 2017 г. поступила информация о случайной находке местными жителями на правом берегу Жеребца, в 2 км от его устья (рис. 12: 2), трех золотоордынских монет.

Пул азацкого чекана, лицевая сторона плохо читается, близок типу с легендой: «Хан / Абдуллах / Да продлится его царствие». О.с.: четвероногое животное повернуто влево, его хвост над головой. Между передними и задними лапами — точка (рис. 14: 1). По Н.М. Фомичеву, такой тип монет чекан

нился в Азаке при хане Абдуллахе (Фомичев 1981: 232, 239, рис. 4—5: 79—119).

Два дирхема ордынского чекана. Первая монета Абдуллах-хана 770 г.х. (1368/1369). Л.с.: в рамке из восьми дуг, обрамленной округлым контуром с точками по внешнему диаметру: «Султан справедливый / Абдуллах хан (имя отделено звездочками) / Да продлится его царствие (отделено звездочками)»; о.с.: в квадратной рамке из четырех дуг, соединенных с округлым контуром (с точками по внешнему диаметру) двойными линиями: «Чекан Ор / ды года / семьдесят / 7(770)» (рис. 14: 2). Аналогии данному типу широко известны среди нумизматических материалов, в том числе на территории и в округе городища Большие Кучугуры (Ельников 2014: 83—84, рис. 2: 1/1). Второй дирхем чеканен при Мухаммед-Булаке 777 г.х. (1375/1376). Л.с.: в рамке из четырех дуг с орнаментальными узелками в местах их соединения, обрамленной округлым контуром с точками «цепочкой» по внешнему диаметру: «Султан правосудный / Гиясад-Дин ва ад-Дуния / Мухаммед хан, да длит-

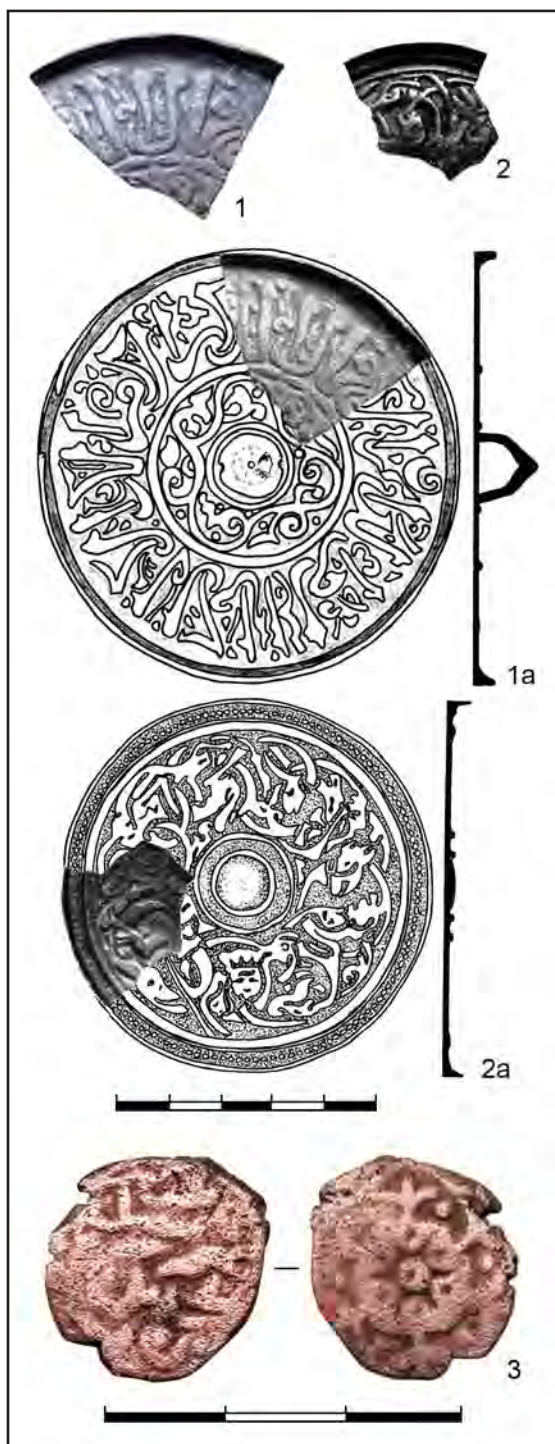

Рис. 13. Случайные находки на правом берегу р. Жеребец: 1, 2 — зеркала; 3 — медная монета (фото и рисунки автора).

Fig. 13. Random finds on the right bank of the riv. Zherebets: 1, 2 — mirrors; 3 — copper coin (photos and drawings by the author).

ся его царствие»; о.с.: в рамке (обрамленной по внешнему контуру точками) из четырех дуг с орнаментальными узелками в местах их соединения: «Чекан / Царство принадлежит

Рис. 14. Случайные находки на левом берегу р. Жеребец: 1 — медная монета; 2, 3 — серебряные монеты (фото автора).

Fig. 14. Stray finds on the left bank of the riv. Zherebets: 1 — copper coin; 2, 3 — silver coins (photo by the author).

богу / Орда (Ордынский) / год 7(77)» (рис. 14: 3). Этот тип также хорошо известен на территории «приазовской нумизматической провинции» (Ельников 2014: 84—88).

Разведки на левом берегу р. Конки были сосредоточены на локализации пунктов, упоминаемых Ф. К. Лутаем. В северо-западной части с. Юрковка (пункт 1), в 0,48 км на юго-запад от левого берега р. Конки и в 2,2 км на восток от места впадения в нее Жеребца (рис. 12), на приусадебном участке выявлена база колонны из известняка. Высота ее 0,41 м, в основании квадратной формы, размерами 0,45 × 0,45 м. База имеет три яруса. Нижний ярус — в форме квадрата, высотой 0,14 м, в верхней части углы косо срезаны к основанию. Средний ярус восьмигранной формы, размерами 0,42 × 0,42 м и высотой 0,2 м. Верхний ярус круглой формы, диаметром 0,4 м и высотой 0,07 м (рис. 15: 1). Близкими аналогиями являются базы колонн мечети городища Большие Кучугуры, изготовленные из серого песчаника, в плане квадратной формы,

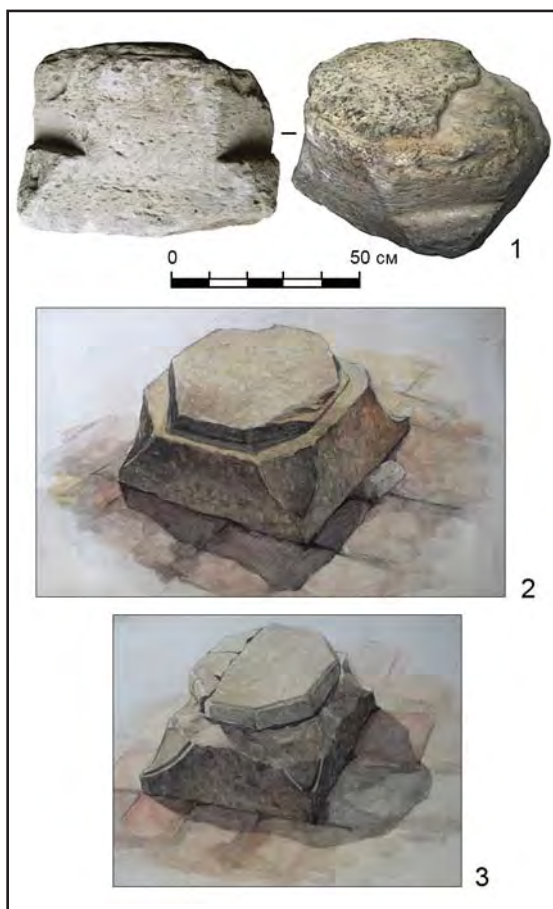

Рис. 15. 1 — база колонны из с. Юрковка (фото автора); 2, 3 — базы колонн из городища Большие Кучугуры (по Довженок 1953: 9—10, рис. 1, 2).

Fig. 15. 1 — the base of the column from Yurkovka (photo by the author); 2, 3 — bases of columns from the Bolshie Kuchugury hillfort (after Довженок 1953: 9—10, рис. 1, 2).

размерами $0,5 \times 0,5$ м, высота их колеблется от 0,4 до 0,5 м (рис. 15: 2, 3). По данным В.И. Довженка, «в верхней части углы срезаны и верхняя площадка некоторых баз имеет восьмигранную форму, а у других над восьмигранником находится круг несколько меньшего размера» (Довженок 1953: 9—10, рис. 1, 2).

На возвышенной части холма Мечеть-Могила (пункт 2 по Ф.К. Лутаю), на плато размерами 197×180 м, зафиксировано пять разрушенных строений (рис. 12; 16). Их число, вероятно, значительно больше, однако выявление археологических объектов осложнено тем, что все они находятся в зоне лесничества (в 1980 г. эта территория получила статус ботанического заказника «Юрковская гора»). Пункт 3 около Шавровой балки не был локализован, связать ее с глубокой балкой Московской, выходящей к р. Конке и отграничива-

Рис. 16. Городище Конские Воды. Схема расположения кирпичных строений на холме Мечеть-Могила.

Fig. 16. Konskie Vody hillfort. Layout of brick buildings on the Mechet'-Mogila hill.

ющей с востока и юга гору Мечеть-Могила, пока не представляется возможным.

С 2008 г. в ходе работ на пункте 2 были открыты остатки двухкамерного мавзолея, зафиксировано два строительных этапа. Первоначально на искусственно выровненном участке был построен однокамерный мавзолей размерами около $10,2 \times 12,6$ м (вытянут по оси север-юг). Он представлял собой в плане восьмигранный барабан, толщина стен 0,9—1 м. Фундаментом, на котором стояли кирпичные стены, служили необработанные камни известняка и песчаника, их средние размеры достигали $0,4 \times 0,6$ м при толщине 0,15—0,25 м. В качестве «подушки» использовался речной песок, пространство между камнями залито светло-желтым глинистым раствором. Слабообожженный кирпич квадратной формы, размерами $0,23 \times 0,23 \times 0,05$ м, скреплен между собой глинистым, реже известковым раствором.

В центре здания на первом строительном этапе была сооружена погребальная квадратная площадка (гурхана) $6,5 \times 6,4$ м (рис. 17: 1), черноземная основа которой выровнена с помощью положенных плашмя в один или два слоя кирпичей. Сверху площадка залита толстым слоем гипсового раствора, толщиной до 0,07 м; ее стенки по периметру укреплены необработанными камнями известняка и песчаника на известковом растворе. Гурхана ограничена котлованом шириной 2,0—2,6 м и глубиной 1,4—1,56 м (от уровня пола площадки); дно вымощено необработанными

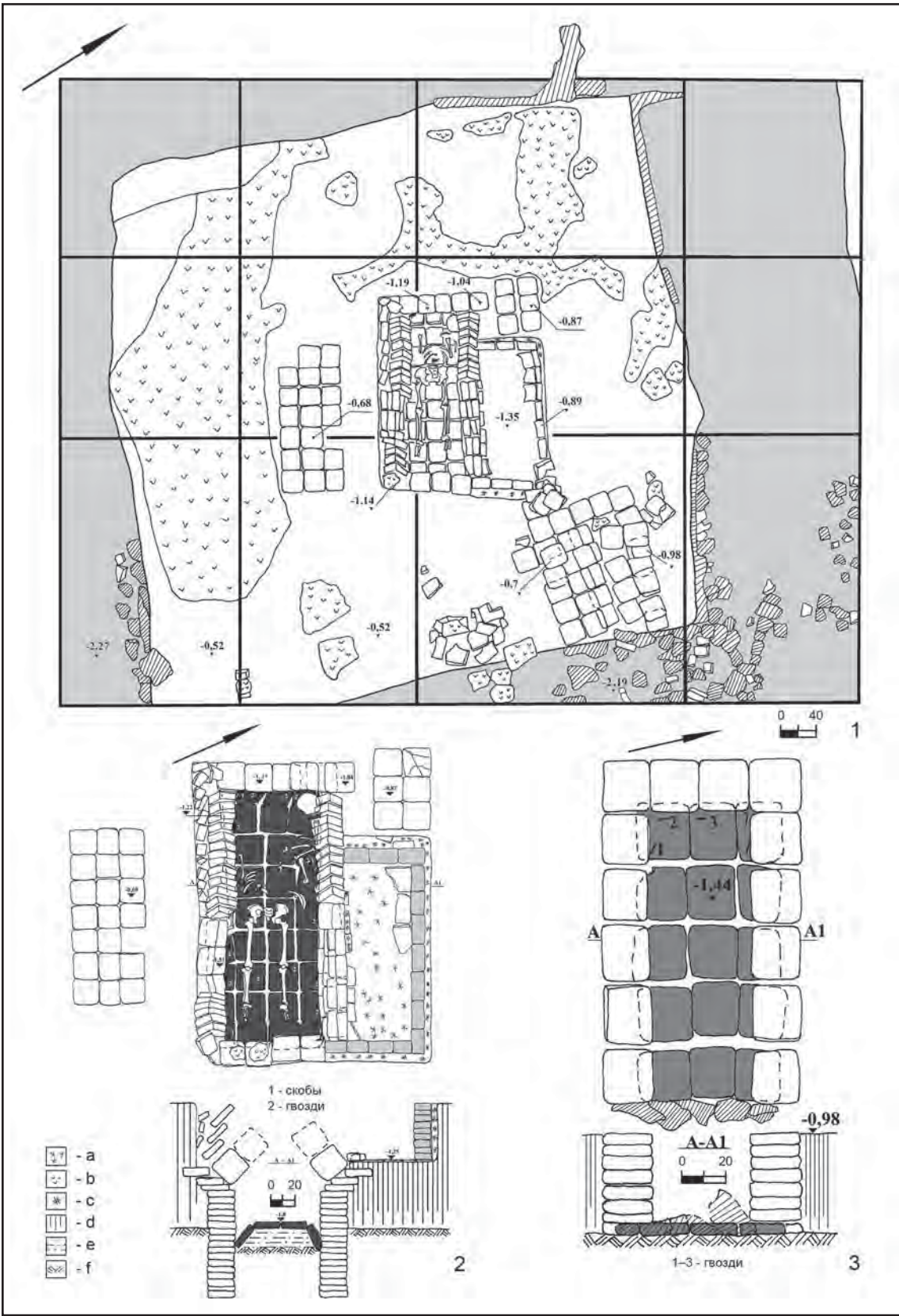

Рис. 17. Городище Конские Воды. Строение 1: 1 — погребальная площадка; 2, 3 — планы погребений; а — песок; b — гипсовая обмазка; с — алебастр; d — чернозем; e — кристаллы мела; f — материк (чертеж автора).

Fig. 17. Konskie Vody hillfort. Building 1: 1 — burial site; 2, 3 — burial plans; a — sand; b — gips daub; c — alabaster; d — chernozem; e — chalk crystals; f — virgin soil (drawing by the author).

камнями известняка и песчаника, в качестве скрепляющего раствора использовалась серая вязкая глина. На момент исследований котлован был заполнен строительным мусором, его назначение — проход для осуществления подзахоронений в боковые стенки погребальной площадки. Вероятно, этот проход в период функционирования мавзолея имел свод.

Под полом в центре гурханы выявлены две кирпичные конструкции, примыкающие друг к другу (рис. 17: 1, 2). Первая (входная шахта?) прямоугольной формы, вытянута по оси запад-восток, размерами $1,8 \times 0,7$ м. Стенки сложены на гипсовом растворе из слабообожженного кирпича размерами $0,22 \times 0,11 \times 0,05$ м. Частично сохранился пол из кирпича размерами $0,25—0,26 \times 0,25—0,26 \times 0,05$ м. Заполнение состояло из чернозема вязкой консистенции. В $0,05$ м на запад от северной стенки первой конструкции зафиксирована кирпичная вымостка размерами $0,46 \times 0,66$ м (рис. 17: 1, 2).

К югу, встык к первой конструкции, находился склеп прямоугольной формы, размерами $2,43 \times 1,23$ м. Стенки камеры сложены на гипсовом растворе из слабообожженного кирпича размерами $0,22 \times 0,22 \times 0,05$ м. Продольные стены заглублены в вязкую глину серого цвета; верхние три кирпича образуют плечики, на которые поставлен двускатный кирпичный свод (рис. 17: 2). Кирпичи свода хорошо обожжены и соединены между собой крепким цемянным раствором. В заполнении встречены отдельные кости мужчины, верхняя часть костяка была разрушена при ограблении, череп сдвинут в северо-западный угол камеры. Судя по отдельным костям (не потревожена нижняя часть), погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, руки уложены вдоль туловища (рис. 17: 2). На костях, а также под костяком, отмечен коричневый глен от гробовища. По периметру могильной камеры зафиксированы железные скобы в виде Г-образных пластин со следами дерева, а также более 60 железных гвоздей от деревянной конструкции. Дно вымощено слабообожженными кирпичами, под которыми — слой вязкой глины серого цвета с большим содержанием кристаллов гипса.

Конструкции склепов с входной шахтой не известны в Золотой Орде (Васильев 2007: 75—88). Вероятно, во «входной шахте» следует видеть еще одно погребение, примыкавшее к склепу. Однако при отсутствии человеческих останков эти выводы являются гипотетическими. В $0,40$ м на юг от склепа зафиксирована вторая кирпичная вымостка, вытянутая

по линии запад-восток (рис. 17: 1, 2), размерами $1,42 \times 0,60$ м. К мужскому захоронению, вероятно, относится боковая часть надгробия из светло-желтого известняка, выявленного среди развала северной стены мавзолея. Надгробие прямоугольно-арочной (стрельчатой) формы, размерами $0,37 \times 0,47$ м, толщиной $0,22$ м. Лицевая и боковая стороны подработаны мелким резцом, задняя часть отбита (рис. 18: 1).

В $0,3$ м к северо-востоку от центральной конструкции зафиксировано надмогильное кирпичное сооружение (мастаба) размерами $1,6 \times 1,2$ м, из положенных плашмя кирпичей размерами $0,23 \times 0,23 \times 0,05$ м, располагавшихся выше пола гурханы на два ряда (рис. 17: 1). Ниже мастабы было зафиксировано детское погребение в кирпичном склепе. Размеры погребальной прямоугольной конструкции по внешнему периметру составляют $1,55 \times 0,9$ м, в восточной части кирпичная стенка отсутствует, погребение «закрыто» со стороны канала необработанными камнями известняка (рис. 17: 3). Кирпичи конструкции на гипсовом растворе, тех же размеров, что и надгробие. Северная, западная и южная стенки высотой $0,46$ м располагались на кирпичном полу. В заполнении, состоявшем из вязкого чернозема с фрагментами гипсовой обмазки и дерева, выявлены кости годовалого ребенка (в западной части могилы). Очевидно, погребенный был ориентирован головой на запад. У дна зафиксированы железные гвозди Г-образной формы; на всех экземплярах — следы от дерева.

Снаружи нижняя часть стен мавзолея была украшена кашинными кирпичами прямоугольно-усеченной формы с пазами-фасками, покрытыми бирюзовой глазурью (рис. 18: 2, 3). Поливные кирпичи широко применялись в облицовке архитектурных памятников XIV в. Средней Азии, на золотоордынских памятниках Подонья, Поволжья, Кавказа и Северного Ирана в оформлении куполов, стен и пола. Реже встречаются кашинные кирпичи прямоугольно-усеченной формы, с перегибом в центральной части (рис. 18: 4); могли применяться на углах шести- или восьмигранных зданий (Ельников 2017: 364—366, рис. 2: 1, 2; 3: 1). Широко использовались на золотоордынских памятниках XIV в. в качестве внешней облицовки стен профильные поливные кирпичи — «сухари», узкой прямоугольной формы (рис. 18: 5).

Наиболее встречаемые на памятнике декоративные облицовочные кашинные изразцы покрыты монохромной глазурью бирю-

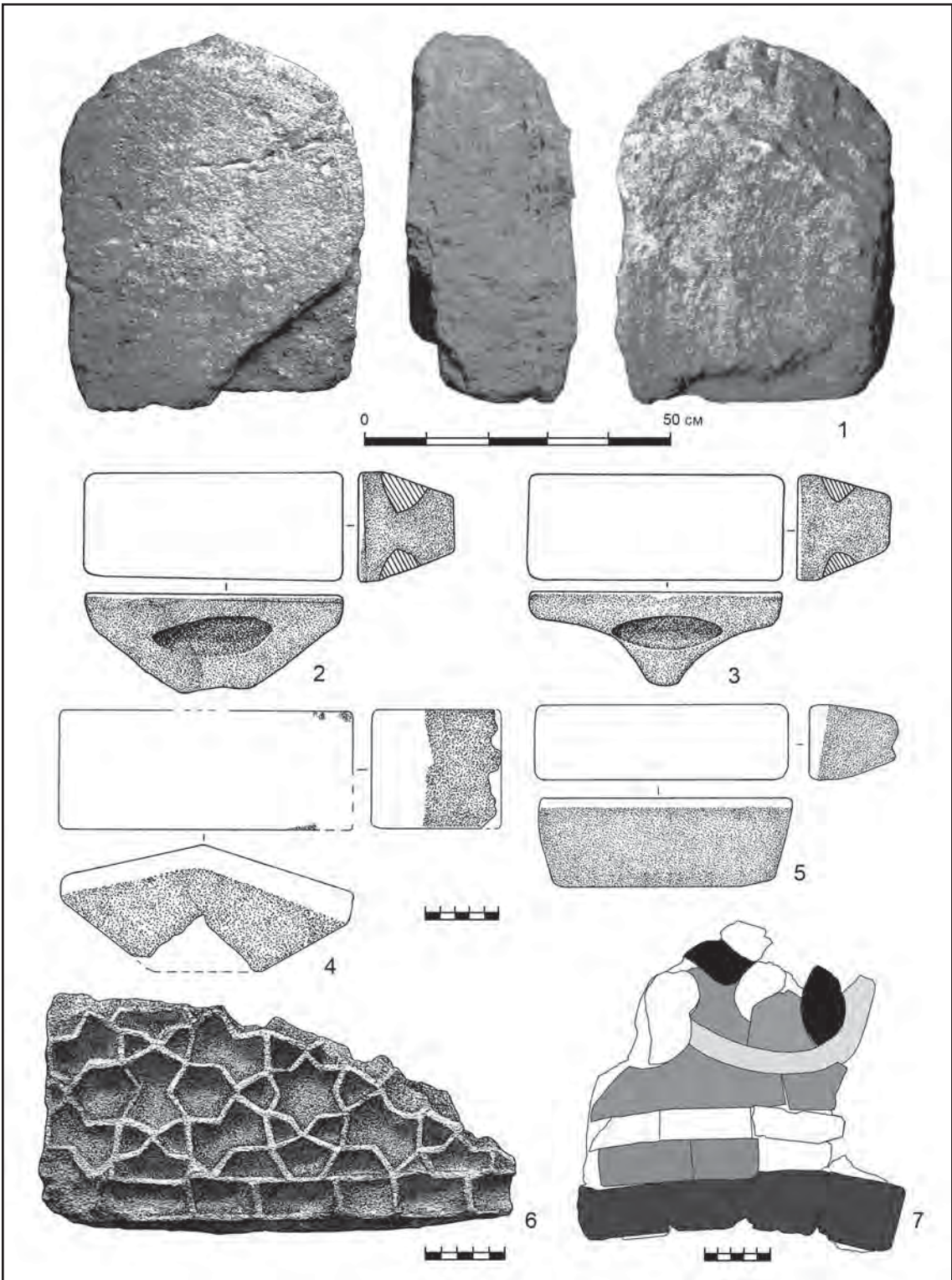

Рис. 18. Городище Конские Воды. Строение 1: 1 — фрагмент надгробия (фото автора); 2—5 — кашинные кирпичи; 6, 7 — типы орнаментов (по Ельников 2017: рис. 2; 3; 4; 1; 10: 1).

Fig. 18. Kongske Vody hillfort. Building 1: 1 — gravestone fragment (photo by the author); 2—5 — kashin bricks; 6, 7 — types of ornaments (after Ельников 2017: рис. 2; 3; 4; 1; 10: 1).

зового, ультрамаринового, белого, зеленого, желтого и красного цветов. Они входили в состав панно и обоев из алебаstra, геометриче-

ские и растительные узоры (рис. 18: 6, 7) находят прямые аналогии среди поволжских городских центров — Селитренного и Во-

дьянского городищ (Ельников 2017: 367—370, рис. 4—7). В культурном слое памятника обнаружены керамические «штыри» (рис. 19: 1), применявшиеся в конструкции горнов для обжига кашина, что может указывать на вероятность его местного производства (Ельников 2017: 384, рис. 12: 4—6). У сел Таврическое и Юрковка известны крупные месторождения гипса, который мог использоваться мастерами городища при строительстве. Так, В.В. Морачевский в начале XX в. указывал: «В окрестностях обоих селений по берегу Конки развиты сланцевые глины, весьма богатые отложениями гипса; сростки последнего нередко достигают в диаметре 0,3 м и их добыча составляет особый промысел местных жителей» (Морачевский 1910: 660).

Во второй строительный период к западу от западной стенки мавзолея был пристроен молитвенный зал шириной 3,8 м. Фундаментом внешней, западной стены, служили крупные подработанные блоки известняка прямоугольной формы, размерами до 0,85×0,52×0,37 м. Каменный цоколь встречается только на этом участке, равно как обожженный кирпич размерами 0,21—0,22×0,21—0,22×0,038—0,048 м; отсутствуют кашинные кирпичи. В северо-западном углу пристройки зафиксирован фрагмент колонны (?) из известняка неправильной округлой формы в разрезе, диаметром 0,20—0,22 м, украшенный тремя углублениями-каннелюрами. Сохранившаяся длина 0,38 м (рис. 19: 2). Не исключено, что фрагмент колонны является средней частью надгробия.

Во втором строительном периоде произошла перепланировка южной стены мавзолея и котлована. Стена была разобрана, а котлован был удлинен на юг. В котловане зафиксировано три черноземных останца, глубина фиксации находилась на одном уровне с полом гурханы. Предположительно, они служили в качестве ниш, в которых производились захоронения. Человеческих останков обнаружено не было, однако в строительном мусоре в значительном количестве встречались фрагменты дерева. Исследования в этой части здания продолжаются.

Выводы

«Северный участок» Крымского улуса является еще слабо исследованным регионом Золотой Орды, число и время возникновения городских золотоордынских центров в Нижнем Поднепровье и Северо-Западном Приазовье остается дискуссионным. Среди

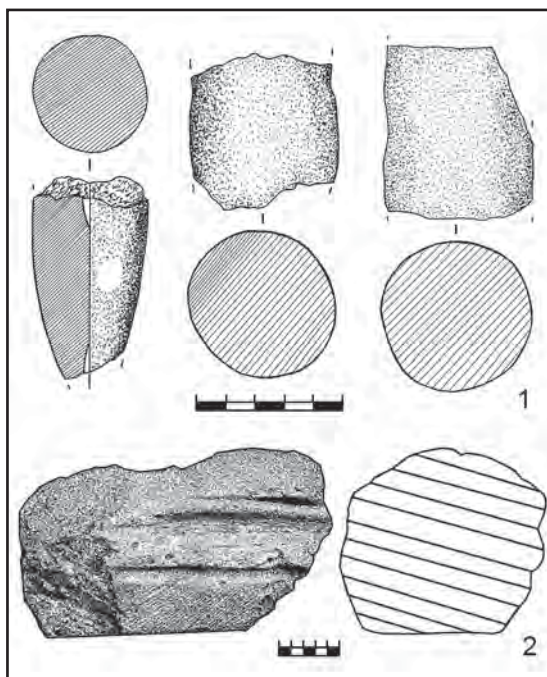

Рис. 19. Городище Конские Воды. Строение 1: 1 — фрагменты керамических стержней (по Ельников 2017: рис. 12: 4—6); 2 — фрагмент колонны (рисунки автора).

Fig. 19. Konkie Vody hillfort. Building 1: 1 — fragments of ceramic cores (after Ельников 2017: рис. 12: 4—6); 2 — column fragment (drawings of the author).

них — городище Конские Воды, упоминаемое со второй половины XX в. в работах В.Г. Фоменко, В.Л. Егорова, Г.А. Федорова-Давыдова и И.Р. Тихомоловой. Письменные источники и картографический материал XVII — начала XX вв. дают дополнительные данные о локализации объектов города, что очень актуально в условиях современной плотной застройки, а также указывают на характер зданий и степень их разрушений. Городище выступает как важный маркер транспортных торговых коммуникаций, идущих как с севера на юг, так и с востока на запад.

Сельджукские черты градостроительства городища Конских Вод — по картографической схеме мавзолея от 1769 г., находкам плиты и капители колонны, позволяют предполагать, что памятник возник в середине XIV в. на устойчивом маршруте, который сложился еще до стабилизации северной ветки Великого Шелкового пути, когда культурная близость Крымского полуострова была наиболее ощутима. Одна из магистралей — Муравский шлях — не утратила своего значения и в XVI — середине XIX вв. Поволжские элементы материальной куль-

туры — кашинные изделия, монеты ханов Абдуллаха и Мухаммед-Булака, возможно связать с перемещением в район Днепра Мамаевой орды в период «Великой замятни». Строительные приемы, использование в строительстве камня и кирпича, приме-

нение в качестве декора кашинных изразцов указывают на влияние традиций азербайджанского зодчества. Городище Конские Воды демонстрирует синкретизм различных влияний материальной культуры Золотой Орды.

Литература

- Айбабина Е. А. 2001. *Декоративная каменная резьба Каффы XIV—XVIII вв.* Симферополь: Сонат.
- Андрух С. И., Тощев Г. Н. 2009. *Могильник Мамай-Гора IV.* Запорожье: ЗНУ.
- Бибииков А. И. 1749. *Достоверная ландкарта меж рек Днепра и Донца на расстояниях от Усть Самары до Изюма и Луганской станицы, сочиненная 1749 году в сентябре и октябре месяцах.* РГВИА. Ф. 423. Оп. 1. Д. 20.
- Васильев Д. В. 2007. *Ислам в Золотой Орде (историко-археологическое исследование).* Астрахань: Астраханский университет.
- Вавричин М., Дашкевич Я., Кристалович У. 2009. *Україна на стародавніх картах. Середина XVII — друга половина XVIII ст.: атлас репродукцій.* Київ: Картографія.
- Гермоген. 1887. *Таврическая епархия.* Псков: Типография Губернского правления.
- Довженко В. И. 1953. *Отчет Горностаевской археологической экспедиции 1953 г. о раскопках татарского города на урочище «Большие Кучугуры» в Днепровских плавнях Запорожской области.* НА ИА НАНУ. №1953/2.
- Егоров В. Л. 1977. География городов Золотой Орды. *СА* (1), 114—125.
- Егоров В. Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.
- Ельников М. В. 2001. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы. *Татарская археология* 8—9 (1—2), 142—187.
- Ельников М. В. 2010. В. Г. Фоменко — першовідкривач городища Кінські Води. В: Шаповалов Г. І. (відп. ред.). *Музейний вісник* 10, 237—246.
- Ельников М. В. 2013. Охоронні дослідження золотоординського міста «Кінські Води». В: Супруненко О. Б. (відп. ред.). *Старожитності Лівобережного Подніпров'я.* Київ; Полтава: Центр пам'яткознавства НАНУ і УТОПІК, 126—134.
- Ельников М. В. 2014. Клад дирхемов из окрестностей золотоординского городища Большие Кучугуры. В: Івакін Г. Ю. (ред.). *Старожитності Лівобережного Подніпров'я — 2014.* Київ; Полтава: Центр пам'яткознавства НАНУ і УТОПІК, 79—94.
- Ельников М. В. 2015. Памятники золотоординского периода в Нижнем Поднепровье. В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (отв. ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда.* Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum plus, 479—508.
- Ельников М. В. 2017. Строительная кашинная керамика городища Конские Воды. В: Бочаров С. Г. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* 2. Казань; Кишинев: Stratum plus Р.Р.; Университет «Высшая антропологическая школа», 363—386.
- Ельников М. В. 2017а. Гідронім «Овечі Води» у джерелах XIII—XVII ст. В: Шаповалов Г. І. (відп. ред.). *Музейний вісник* 17, 67—84.
- Зиливинская Э. 2014. Мавзолеи западных районов Золотой Орды. В: Хакимов Р. С. (гл. ред.). *Крымское историческое обозрение* 1, 256—281.
- Зиливинская Э. Д. 2016. Культовая архитектура Золотой Орды: происхождение и традиции. *ПА* 16 (2), 44—67.
- КБЧ 1950: Сербина К. Н. (ред.). 1950. *Книга Большому Чертежу.* Москва; Ленинград: АН СССР.
- Кирилло В. П. 2016. Мхраб мечети в Шейх-Кой. *ПА* 16 (2), 138—150.
- Коваль А. П. 2001. *Знайомі незнайомці: Походження назв поселень України.* Київ: Либідь.
- Лутай Ф. 1927. До історії заснування с. Жеребця на Запоріжжі та заселення Жеребецького району (По матеріалах для історично-статистичного опису, зібраних на підставі церковного архіву Миколаївської церкви с. Жеребця). *Краєзнавство* (3), 20—24.
- Лутай Ф. 1929. Юрківська старовина (До заснування с. Юрківки на Запоріжжі). *Краєзнавство* (1—2), 31—36.
- Макидинов А. В. 2014. *Днепровская линия (1770—1797).* Запорожье: Акцент Инвест-трейд.
- Морачевский В. В. 1910. Екатеринослав и расходящиеся от него пути. В: Семенов-Тянь-Шанский В. П. (ред.). *Россия. Полное географическое описание нашего отчества* 14. Новороссия и Крым. Санкт-Петербург: Издание А. Ф. Девриена, 556—688.
- Операционная карта 1769: *Операционная карта, содержащая части Российской и Турецкой империй, Королевств Польского и Венгерского, и лежащих земель около всего Черного и по западному берегу Каспийского морей, в которой означены российской армии походы и военные действия в турецких областях (1. Поход Государа Петра Великого в 1711-м году под Зеленое. 2. Генерал фельдмаршала графа Минниха под Красное. 3. Графа Лессия под Желтое, чертами в 1736, 737, 738 и 739 годах), с приложением тем походам и военным действиям описания.* 1769. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1572.
- Петров А. 1866. *Война России с Турцией и польскими конфедератами. С 1769—1774 год.* Т. II. Год 1770. Санкт-Петербург: Типография Э. Веймара.
- План и фасад строения 1769: *План и фасад строения, найденного на берегу реки Конские воды при устье Мечетной. 1769 года, месяца сентября 28.* РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1158.
- План Конских Вод 1774: *План Конских Вод и Мечетной, называемой рекою Жеребцем.* 1774. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 23997—23998.
- Полякова Г. Ф. 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов. В: Федоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.). *Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков.* Казань: ИЯЛИ, 154—268.

- Попандопуло З. Х. 2002. Средневековые зеркала городища Большие Кучугуры. *ССПіК Х*, 226—238.
- Попандопуло З. Х., Тихомолова И. Р. 1993. *Отчет об охранных исследованиях в Запорожском, Васильевском и Ореховском районах Запорожской области в 1993 г.* Архив ЗОКМ. Д. 2960.
- Прокопчук В. С. 2005. Український комітет краєзнавства на етапі становлення (1925—1929 рр. XX ст.). *Краєзнавство* (1—4), 51—57.
- Раевский М. (ред.). 1865. *Список населенных мест Российской империи XLI. Таврическая губерния.* Санкт-Петербург: Типография К. Вульфа.
- Ренне 1764: *Карта малороссийских и слободских полков, також Новороссийской губернии с смежными их землями, оберквартирмейстера Магнуса фон Ренне.* 1764. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 16194.
- Саенко В. М., Дзюба С. Г. 2006. Знахідка капітелі колони часів Золотої Орди в Нижньому Подніпров'ї. В: Куковальська Н. М. (ред.). *Причорномор'я, Крым, Русь в історії та культурі.* Матеріали III Судакської міжнародної наукової конференції. Т. II. Київ; Судак: Академперіодика, 284—289.
- Саенко В. 2016. У пошуках сполій золотоординського періоду. В: Філінюк А. Г. (ред.). *Стародавній Меджибіж в історико-культурній спадщині України: науковий вісник з проблем регіональної історії та пам'яткознавства (Науковий вісник «Межибіж»)* 1. Хмельницький: ПП Мельник А. А., 202—207.
- Тихомолова И. Р. 1997. Поселение и могильник XIV в. у с. Верхняя Криница. *ДСПіК VI*, 5—9.
- Статейный список 1850: Мурзакевич Н. (ред.). 1850. *Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 году, для заключения Бахчисарайского договора.* Одесса: Городская типография.
- Трепавлов В. В. 2002. *История Ногайской Орды.* Москва: Восточная литература.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1981. Монгольское завоевание и Золотая Орда. В: Плетнева С. А. (отв. ред.). *Степи Евразии в эпоху средневековья.* Археология СССР 18. Москва: Наука, 229—239.
- Федоров-Давыдов Г. А. 2003. *Денежное дело Золотой Орды.* Москва: Палеограф.
- Фоменко В. Г. 1969. *Звідки ця назва? Дніпропетровськ: Промінь.*
- Фоменко В. Г. 1974. Кишени, ошибочно названные мечетями. (Рукопись). Архив ЗОКМ. Д. 2457.
- Фомичев Н. М. 1981. Джучидские монеты из Азова. *СА* (1), 219—241.
- Güldenstädt J.-A. 1791. *Reisen durch Rußland und im Caucasischen Gebürge.* Bd. 2. Sankt Peterburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
- Lerche J. J. 1791. *Johann Jacob Lerche, Rußisch-kaiserlichen Collegienraths, und Doctors der Arzneywissenschaft, Lebens- und Reise-Geschichte, von ihm selbst beschrieben.* Halle: Curt.

References

- Aibabina, E. A. 2001. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffi (XIV—XVIII vv.) (Ornamental Stone Carving of Kaffi in the 14th—18th Centuries).* Simferopol: "Sonat" Publ. (in Russian).
- Andruk, S. I., Toshchev, G. N. 2009. *Mogil'nik Mamai-Gora (Necropolis of Mamai-Gora) IV.* Zaporizhzhya: Zaporizhzhya National University (in Russian).
- Bibikov, A. I. 1749. *Dostovernnaia landkarta mezh rek Dnepra i Donsa na rasstoianiiakh ot Ust' Samary do Iziuma i Luganskoi stanitsy, sochinennaia 1749 godu v sentiabre i oktiabre mesiatsakh (Reliable Landcard between the Rivers of the Dnieper and Donets at Distances from Ust-Samara to Izyum and Lugansk Stanitsa, Written in 1749 in September and October).* Russian State Archive of Military History. Fund 423. Inv. 1, dossier 20 (in Russian).
- Vasil'ev, D. V. 2007. *Islam v Zolotoi Orde: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Islam in the Golden Horde: Historical-Archaeological Research).* Astrakhan: Astrakhan State University (in Russian).
- Vavrychyn, M., Dashkevych, Ya., Krystalovych, U. 2009. *Ukraina na starodavnikh kartakh. Seredyna XVII — druha polovyna XVIII st.: atlas reproduktсий (Ukraine on Ancient Maps: Mid 17th — Second Half of the 18th Centuries: Atlas of Reproductions).* Kiev: "Kartohrafiya" Publ. (in Ukrainian).
- Germogen, bishop. 1887. *Tavricheskaia eparkhiia (Tauric Eparchy).* Pskov: Typography of Provincial Administration (in Russian).
- Dovzhenok, V. I. 1953. *Otchet Gornostaevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1953 g. o raskopkakh tatarskogo goroda na urochishche Bol'shie Kuchugury v Dneprovskikh plavniakh Zaporozhskoi oblasti (Report of Gornostaevka archaeological expedition of 1953 on the excavations of a Tatar town in the location of Bolshie Kuchugury in Dnieper flooded areas in Zaporizhia region).* Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, no. 1953/2 (in Russian).
- Egorov, V. L. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 114—125 (in Russian).
- Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- El'nikov, M. V. 2001. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 8—9 (1—2), 142—187 (in Russian).
- Yel'nykov, M. V. 2010. In Shapovalov, H. I. (ed.). *Muzeinyi visnyk (Museum Bulletin)* 10, 237—246 (in Ukrainian).
- Yel'nykov, M. V. 2013. In Suprunenko, O. B. (ed.). *Starozhytnosti Livoberezhnoho Podniprova (Antiquities of the Dnieper Left Bank Regions).* Kiev; Poltava: Archaeological Sites Research Center, National Academy of Sciences of Ukraine; Ukrainian Society for Protection of Historical and Cultural Heritage, 126—134 (in Ukrainian).
- El'nikov, M. V. 2014. In Ivakin, G. Yu. (ed.). *Starozhytnosti Livoberezhnoho Podniprova — 2014 (Antiquities of the Dnieper Left Bank Regions, 2014).* Kiev; Poltava: Archaeological Sites Research Center, National Academy of Sciences of Ukraine; Ukrainian Society for Protection of Historical and Cultural Heritage, 79—94 (in Russian).
- El'nikov, M. V. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde).* Series: *Archaeological Records of Eastern Europe.* Kazan; Simferopol; Kishinev: Stratum plus P. P., 479—508 (in Russian).
- El'nikov, M. V. 2017. In Bocharov, S. G., François, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th—18th Centuries)* 2. Kazan; Kishinev: Stratum plus P. P.; "High Anthropological School" University, 363—386 (in Russian).
- Yel'nykov, M. V. 2017. In Shapovalov, H. I. (ed.). *Muzeinyi visnyk (Museum Bulletin)* 17, 67—84 (in Ukrainian).
- Zilivinskaia, E. D. 2014. In Khakimov, R. S. (ed.-in-chief). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie (Crimean Historical Review)* 1, 256—281 (in Russian).
- Zilivinskaia, E. D. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 44—67 (in Russian).
- Serbina, K. N. (ed.). 1950. *Kniga Bol'shomu Chertezhu (Book of Great Sketch).* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Kirilko, V. P. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Re-*

- gion Archaeology) 16 (2), 138—150 (in Russian).
- Koval', A.P. 2001. *Znajomi neznajomtsi: Pokhodzhennya nazv poselen' Ukraïny (Familiar Strangers: Origins of the Names of Settlements in Ukraine)*. Kiev: "Lybid'" Publ. (in Ukrainian).
- Lutaj, F. 1927. In *Krayeznavstvo (Local Studies)* (3), 20—24 (in Ukrainian).
- Lutaj, F. 1929. In *Krayeznavstvo (Local Studies)* (1—2), 31—36 (in Ukrainian).
- Makidinov, A.V. 2014. *Dneprovskaia liniia (1770—1797) (The Dnieper Line: 1770—1797)*. Zaporozh'e: "Aktsept Invest-treid" Publ. (in Russian).
- Morachevskii, V.V. 1910. In Semenov-Tian-Shanskii, V.P. (ed.). *Rossia. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otchestva (Russia: Complete Geographical Description of Our Motherland)* 14. Novorossia i Krym (Novorossiya and the Crimea). Saint Petersburg: "A.F. Devrien" Publ., 556—688 (in Russian).
- Operatsionnaia karta, soderzhashchaia chasti Rossiiskoi i Turetskoi imperii, Korolevstv Pol'skogo i Vengerskogo, i lezhashchikh zemel' okolo vsego Chernogo i po zapad-nomu beregu Kaspiiskogo morei, v kotoroi oznacheny rossiiskoi armii pokhody i voennye deistviia v turetskikh oblastiakh (1. Pokhod Gosudaria Petra Velikogo v 1711-m godu pod Zelenoe. 2. General fel'dmarshala grafa Min-nikha pod Krasnoe. 3. Grafa Lessiia pod Zheltoe, cher-tami v 1736, 1737, 1738 i 1739 godakh), s prilozheniem tem pokhodam i voennym deistviiam opisaniia (An operational map containing parts of the Russian and Turkish Empires, Kingdoms of Poland and Hungary, and the lands lying around the whole Black Sea and along the Western shore of the Caspian Sea, which shows Russian raids and military actions in Turkish regions (1. The Campaign of Peter the Great in 1711, marked in green; 2. Field Marshal General Count Münich, in red; 3. Count Lacy, in yellow, and in lines for 1736, 1737, 1738 and 1739), with a description of the campaigns and military actions)*. 1769. Russian State Archive of Military History. Fund 846. Inv. 16, dossier 1572 (in Russian).
- Petrov, A. 1866. *Voïna Rossii s Turtsiei i pol'skimi konfederatami. S 1769—1774 god (War of Russia with Turkey and Polish Confederates in 1769—1774)*. Vol. II. God 1770 (The 1770 Year). Saint Petersburg: "E. Weimar" Publ. (in Russian).
- Plan i fasad stroeniia, naidennogo na beregu reki Konskie vody pri ust'e Mechetnoi. 1769 goda, mesiatsa sentiabria 28 (Plan and Façade of the Structure Founded on the Konskie Vody River Bank at the Mouth of the Mechetnaya River, 1769, 28 September)*. Russian State Archive of Military History. Fund 418. Inv. 1, dossier 1158 (in Russian).
- Plan Konskikh Vod i Mechetnoi, nazyvaemoi rekoïu Zhrebtssem (Plan of the Konskie Vody and the Mechetnaya River, Called the Zhrebets River)*. 1774. Russian State Archive of Military History. Fund 846. Inv. 16, dossier 23997—23998 (in Russian).
- Poliakova, G.F. 1996. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bol-gar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, 154—268 (in Russian).
- Popandopulo, Z. Kh. 2002. In *Starozhytnosti stepovoho Prycherno-moriya i Krymu (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* X, 226—238 (in Russian).
- Popandopulo, Z. Kh., Tikhomolova, I.R. 1993. *Otchet ob okhran-nykh issledovaniakh v Zaporozhskom, Vasil'evskom i Orekhovskom raionakh Zaporozhskoi oblasti v 1993 g. (Report on Rescue Investigations in the Zaporizhzhya, Vasylievka and Orekhov Districts, Zaporizhzhya Oblast, in 1993)*. Archive of the Zaporizhzhya Regional Museum of Local Studies, dossier 2960 (in Russian).
- Prokopchuk, V.S. 2005. In *Krayeznavstvo (Local Studies)* (1—4), 51—57 (in Ukrainian).
- Raevskii, M. (ed.). 1865. *Spisok naselennykh mest Rossiiskoi imperii (List of Inhabited Places of the Russian Empire)* XLI. Tavricheskaia guberniia (Taurida Province). Saint Petersburg: Typography of K. Wulf (in Russian).
- Karta malorossiiskikh i slobodskikh polkov, takozh Novorossiiskoi gubernii s smezhnymi ikh zemliami, oberkvartirmeistera Magnusa fon Renne (Map of Little Russian and Slobozhanshchyna Regiments, also of the Novorossiya Province with Adjacent Lands, Compiled by Quartermaster General Magnus von Rönne)*. 1764. Russian State Archive of Military History. Fund 846. Inv. 16, dossier 16194 (in Russian).
- Sayenko, V.M., Dzyuba, S.H. 2006. In Kukoval'skaya, N.M. (ed.). *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture (Black Sea Region, Crimea and Russia in History and Culture)* III. Vol. II. Kiev; Sudak: "Akademperryodyka" Publ., 284—289 (in Ukrainian).
- Sayenko, V. 2016. In Filinyuk, A.H. (ed.). *Starodavniy Medzhybizh v istoryko-kul'turnii spadshchyni Ukraïny (Ancient Medzhybizh Town in the Historical and Cultural Heritage of Ukraine)* 1. Khmel'nyts'kyj: "PP Mel'nyk A.A." Publ., 202—207 (in Ukrainian).
- Tikhomolova, I.R. 1997. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* VI, 5—9 (in Russian).
- Murzakevich, N. (ed.). 1850. *Stateinyi spisok stol'nika Vasiliia Tiap-kina i d'iaka Nikity Zotova, posol'stva v Krym v 1680 godu, dlia zakliuchenii Bakhchisaraiskogo dogovora (Report of the Stolnik Vasily Tyapkin and the Dyak Nikita Zotov on the Embassy in the Crimea in 1680 for the Conclusion of the Bakhchissaray Treaty)*. Odessa: City Typography (in Russian).
- Trepavlov, V.V. 2002. *Istoriia Nogaïskoi Ordy (History of the No-hay Horde)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1981. In Pletneva, S.A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Mos-cow: "Nauka" Publ., 229—239 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy (Coinage of the Golden Horde)*. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).
- Fomenko, V.H. 1969. *Zvidky tsya nazva? (Where Does this Name Come from?)*. Dnipropetrovs'k: "Promin'" Publ. (in Ukrainian).
- Fomenko, V.H. 1974. *Kysheny, oshybochno nazvannyye mechetyamy (Mausoleums, Mistakenly Called Mosques)*. (Manuscript). Archive of the Zaporizhzhya Regional Museum of Local Lore, dossier 2457 (in Ukrainian).
- Fomichev, N.M. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeol-ogy)* (1), 219—241 (in Russian).
- Güldenstädt, J.-A. 1791. *Reisen durch Rußland und im Caucasischen Gebürge*. Bd. 2. Sankt Peterburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
- Lerche, J.J. 1791. *Johann Jacob Lerche, Rußisch-kaiserlichen Col-legienraths, und Doctors der Arzneywissenschaft, Lebens- und Reise-Geschichte, von ihm selbst beschrieben*. Halle: Curt.

Статья поступила в сборник 27 декабря 2018 г.

Mikhail Elnikov (Zaporizhzhia, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Zaporizhzhie National University¹.

Ельников Михаил Васильевич (Запорожье, Украина). Кандидат исторических наук. Запорожский национальный университет.

E-mail: elnikov@meta.ua

Address: ¹ Zhukovsky St., 66, Zaporizhzhya, 69063, Ukraine

Л. Ф. Недашковский

Остатки погребений, металлические, стеклянные и каменные изделия с Увекского городища по архивным данным

Keywords: Uvek site, Lower Volga basin, Golden Horde, archival materials, archaeological finds

Ключевые слова: Увекское городище, Нижнее Поволжье, Золотая Орда, архивные материалы, археологические находки

L. F. Nedashkovsky

The Remains of Burials, Metal, Glass and Stone Wares from the Uvek Hillfort by Archival Materials

Archaeological materials (remains of burials, metal, glass and stone wares) of the Uvek site of the Golden Horde time by preserved archival materials are published and briefly characterized in this article. The Uvek hillfort is the largest settlement of the northern part of the Lower Volga region, it is identified as the large Golden Horde city of Ukek and situated in the southern outskirts of modern Saratov. The described archaeological finds have been registered and collected by the Saratov Research Archival Commission and Research Society of regional ethnography 'Istarkhet', and then decommissioned and lost for researchers. However, small, and often just minimal information on the found burials and separate objects has been preserved in the Inventory Register of the Museum of the Saratov Research Archival Commission, and in Commission's archives (their main part is now kept in the State Archive of the Saratov region) and some publications. We have tried to generalize and systematize this information, accompanying the description of archaeological materials (by archival records) with references to the place and time of finds, the person from whom these objects were received, and documents in which they were described. The items listed in the annexed archival materials were obviously found on the Uvek hillfort in 1870s, 1893, 1895, 1897—1898, 1902, 1904—1915 and 1918.

Л. Ф. Недашковский

Остатки погребений, металлические, стеклянные и каменные изделия с Увекского городища по архивным данным

В статье приводятся и кратко характеризуются археологические материалы (остатки погребений, изделия из металла, стекла и камня) с Увекского городища золотоордынского времени по сохранившимся архивным материалам. Увекское городище является крупнейшим поселением северной части Нижнего Поволжья, оно отождествляется с крупным золотоордынским городом Укеком и располагается на южной окраине Саратова. Описанные археологические находки были зарегистрированы и собраны Саратовской ученой архивной комиссией и краеведческим обществом «Истархэт», а затем — списаны и потеряны для науки. Однако в Книге записи вещей музея СУАК, в архивах СУАК (их основная часть сейчас хранится в Государственном архиве Саратовской области) и некоторых публикациях сохранилась небольшая, а зачастую просто минимальная, информация об обнаруженных погребениях и отдельных предметах. Эту информацию мы постарались обобщить и систематизировать, сопровождая описание археологических материалов (по архивным данным) ссылками на место и время находки, лицо, от которого были получены те или иные предметы, и на документы, в которых они описаны. Упомянутые в приводимых приложениях архивных материалах предметы были, очевидно, найдены на Увекском городище в 1870-х, 1893, 1895, 1897—1898, 1902, 1904—1915 и 1918 гг.

В данной статье приводятся и кратко характеризуются отдельные виды археологических материалов (остатки погребений, изделия из металла, стекла и камня) с Увекского городища золотоордынского времени по сохранившимся архивным материалам.

Увекское городище является крупнейшим поселением северной части Нижнего Поволжья, оно отождествляется с крупным золотоордынским городом Укеком и располагается на южной окраине Заводского района Саратова, у поселков Увек и Нефтяной и железнодорожных станций Увек, Правобережный и Неф-

тяная (Недашковский 2000; Nedashkovsky 2004). С востока памятник ограничен Волгоградским водохранилищем, а с запада — горой Каланча высотой 135 м. Основная часть площади городища застроена жилыми домами и производственными объектами.

Границы памятника помогают установить планы и описания конца XIX — первых двух десятилетий XX в., времени широких археологических работ на Увекском городище. Судя по ним, с учетом материалов наших исследований 1993—1995 гг., размеры Увекского городища составляют более 3310 м с севера

на юг и 1390 м с запада на восток. Памятник вытянут широкой полосой вдоль Волги. Площадь городища в настоящее время превышает 205 га, но городище веками размывалось Волгой, следовательно, площадь Укека в период существования Золотой Орды была гораздо больше. С юга к городу примыкали обширные кладбища с мавзолеями и каменными надгробиями. Основная часть материалов с городища датируется третьей четвертью XIII — концом XIV в.

Памятник имел укрепления в виде вала и рва, протянувшихся от горы Каланча к берегу Волги; в XVIII в. длина сохранившихся укреплений достигала 400 саженей. На Увекском городище еще в начале XX в. отчетливо выявлялись следы каменных построек золотоордынской эпохи. Судя по территории, можно предполагать, что население города в период его расцвета было около 9—10 тысяч человек, что было достаточно большой величиной для средневекового города.

Согласно нумизматическим и письменным данным, Увекское городище существовало с 50-х гг. XIII в. до 1395 г. Период наиболее активной жизни города, судя по нумизматическому материалу, занимает столетие с 70-х гг. XIII в. по 60-е гг. XIV в. В последней трети XIV в. город, как и многие другие центры Золотой Орды, приходит в упадок, вызванный десятилетиями междоусобных войн и ослаблением ханской власти. Связь гибели города с разгромом его Тамерланом подтверждается письменными, археологическими и нумизматическими источниками.

Укек дал богатые собрания предметов материальной культуры, некоторые из них являются подлинными произведениями искусства (см. Недашковский 2000; 2010; Nedashkovsky 2004).

Археологически подтверждено присутствие в Укеке различных ремесел. Черная металлургия отмечена находками металлургических горнов, многочисленных криц и железных шлаков. На городище известны горны для обжига неполивной и поливной керамики, причем последние имеют самую раннюю в Золотой Орде датировку — начало XIV в. На Увекском городище обнаружены и полуфабрикаты стеклянных изделий. Цветная металлургия подтверждается находками литейных форм, возможно, и обоймы для крепления их створок, бронзовых граненых наковаленок, железных ювелирных молоточков, зубила, заполнения литникового канала и бракованной продукции литейщиков, в том числе энколпионов, иконок и цепочек от паникадил.

Наличие ювелирного дела подтверждено находками керамических тиглей со следами серебра и золота. Следы косторезного производства прослежены в виде заготовок из рога и лопаток.

Данная работа представляет собой свод всех находок остатков погребений, металлических, стеклянных и каменных изделий с площади Увекского городища, которые не сохранились к настоящему времени, но были упомянуты в имеющихся в нашем распоряжении архивных документах.

Описанные комплексы и отдельные предметы были зарегистрированы и собраны Саратовской ученой архивной комиссией (далее СУАК) и краеведческим обществом «Истархэт», а затем (в основном в 1923 г.) — списаны и, преимущественно, навсегда потеряны для науки.

Однако в Книге записи вещей музея СУАК (далее КЗВМ СУАК), в архивах СУАК (их основная часть сейчас хранится в Государственном архиве Саратовской области — далее ГАСО) и некоторых публикациях (Медокс 1893; Перечень 1903) сохранилась небольшая, а зачастую просто минимальная, информация об обнаруженных погребениях и отдельных предметах. Эту информацию мы постарались обобщить и систематизировать (по материалу и функциональному назначению отдельных предметов, по погребальным комплексам и т.п.), сопровождая описание предмета (по архивным данным) ссылками на место и время находки, лицо, от которого был получен тот или иной предмет, и на документы, в которых он упомянут. В каждом из пяти приложений (иногда разбитых на несколько отделов) имеется своя самостоятельная нумерация, на которую может быть ссылка в последующем тексте (в случае одинакового происхождения, идентичных источников и т.п.). Внутри приложений и отделов предметы расположены в порядке их упоминания в КЗВМ СУАК — основном источнике работы, хранящемся в Саратовском областном музее краеведения.

Примечательны сведения о погребениях, исследованных на Увекском городище в 1906—1911 и 1913 гг. (прил. 1), которые отсутствуют в публикациях того времени и других архивных документах. Одно из захоронений (прил. 1, №12) очевидно относилось к XVII—XIX вв.

Среди упоминающихся изделий из цветных металлов (прил. 2) представлено 31 бронзовое зеркало (отдел 1), для одного из которых (прил. 2, №11) определяется тип (Недашков-

ский 2000: 51—52, 55, рис. 10: 1). Имеются указания на 11 бронзовых замков в виде лошадок, два в виде коровок и медный ключик (отдел 2). Также примечательны энколпион (прил. 2, №47) и 5 медных крестов (прил. 2, №56, 75, 77), очевидно относившиеся к золотоордынскому времени, в отличие от «медного крестика позднейшей эпохи» (прил. 2, №52) и 2 серебряных тельных крестиков (прил. 2, №82—83).

В числе железных изделий упомянуты, в частности, удила (прил. 3, №4), отсутствующие в сохранившихся коллекциях, кресала (прил. 3, №7, 24), фрагмент топора (прил. 3, №12), пряжка (прил. 3, №14), обломки замков и небольшой рыболовный крючок длиной 2 см (прил. 3, №10, 16). Есть указания на небольшой чугунный котел и фрагмент чугунного сосуда, вероятнее всего, золотоордынской эпохи (прил. 3, №18, 19); упоминающийся чугунный кувшин (прил. 3, №17), несомненно, относится к более позднему времени.

Среди стеклянных изделий выделяются бусы, перстни и их вставки (прил. 4, отделы 1, 2), фрагмент браслета (прил. 4, №60), а особенно — куски фритты (прил. 4, №52, 64), полуфабриката для выделки стеклянных изделий, не сохранившейся к настоящему времени в музейных собраниях, происходящих с Увекского городища.

Каменные изделия представлены, в частности, перстнями, подвеской, бусинами из ян-

таря, сердолика и горного хрусталя (прил. 5, отдел 1), православными иконками (прил. 5, №23, 36), литейными формочками (прил. 5, №25, 27, 44), а также, очевидно, чашей фонтана (прил. 5, №30), характерной для золотоордынских бань. Присутствуют также описания слепков и отпечатка на бумаге каменной печати древнерусского князя Михаила (прил. 5, №40, 42).

Упомянутые в приводимых в приложениях архивных материалах предметы были, очевидно, найдены на Увекском городище в 1870-х, 1893, 1895, 1897—1898, 1902, 1904—1915 и 1918 гг.

Во многих случаях имеется информация о покупке предметов членами СУАК в 1902, 1904—1905, 1908—1914 гг. с указанием их стоимости: от 5 копеек за предмет до 19 рублей 45 копеек за комплекс (прил. 1, №8, 14, 15; прил. 2, №2, 6, 8—10, 12—15, 17, 18, 20, 22, 25, 27, 30, 34, 35, 44, 45, 50, 54, 55, 58, 59, 63, 68, 72—74; прил. 3, №7, 17, 19; прил. 4, №7, 17, 29, 30, 45; прил. 5, №36, 43). Встречаются в приведенных источниках и интересные бытовые сведения о расходах на небольшие раскопки и разведки на Увекском городище: «при этом израсходовано на покупку продовольствия, чаю и сахару 1 руб. 89 коп.» (прил. 1, №12), «чай, сахар, лимон, молоко, калач, сторожу за самовар 1 руб. 73 коп.» (прил. 2, №10), «при этом израсходовано еще на калач, на сахар, лимон и за самовар 71 коп.» (прил. 2, №68).

Приложение 1.

Архивные материалы об остатках погребений с Увекского городища

1.

2 человеческих черепа с обеими челюстями (из них один вынут из земли с большой пробойной в теменной части).

Найдены в массовом погребении в истлевших деревянных гробах на глубине 1 аршин на Увекском нефтяном складе товарищества «Нобель» в мае 1908 г. при расширении полотна (железной) дороги — спуска от жилых домов к выезду. Скелеты лежали головой на юг. Поступили 22.05.1908 от Михаила Николаевича Лебедева.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 274. №711; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 90.

2.

Ичиги — легкая восточная обувь из сафьяна или кожи.

Находились при костях в древних могилах, обнаруженных на Увекском городище (на месте) товарищества «братьев Нобель» при земляных выемках в 1906—1908 гг. Поступили 6.05.1908 от С. А. Щеглова.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 292. №774; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 97 об.

3.

Верхняя часть человеческого черепа.

Найдена на Увекском городище в июле 1909 г. Поступила 26.07.1909 от Пантелея Григорьевича Алексеева.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 380. №1018; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 166. Л. 21 об.

4.

Череп человека; без нижней челюсти.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 386. №1033; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 166. Л. 23.

5.

Череп человека (с нижней челюстью).

Найден на Увекском городище летом 1908 г. Поступил 23.08.1909 от П. Н. Шишкина.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 387. №1036; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 166. Л. 24.

6.

Череп человека.

От костяка, вырытого 29.04.1910 при разработке железнодорожного карьера на Увеке. Костяк же рабочими разрушен и раскидан. Могила залегала на глубине $1\frac{1}{2}$ аршина от поверхности почвы. Присутствия гроба замечено не было. Костяк лежал головою на запад, на правом боку, голова несколько приподнята, ноги в полусогнутом положении. Поступил 2.05.1910 от Василия Ивановича Михина.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 424. №1151; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 4 об.

7.

7 обломков от серебряных серег с тремя жемчужинами, две из них прикреплены к витым частям серьги и одна — отдельно.

Найдены по обеим сторонам черепа (см. №6). Поступили 11.10.1910 от В. И. Михина.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 424. №1152; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 4 об.

8.

11 бусинок: 2 из мастики и 9 из стекла.

Найдены при костяке (см. №6). 2.05.1910 одна стеклянная синего цвета двойная бусина пожертвована В. И. Михиным, а 10 куплены у десятника земляных работ Филиппа за 25 коп.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 424. №1153; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 5.

9.

Пряслище, выточенное из черепка глиняной посуды.

Найдено при костяке, вырытом при разработке железнодорожного карьера на Увеке 29.04.1910. От костяка осталось только 3 части черепа, всё остальное рабочими разрушено и разбросано. Поступило 2.05.1910 от В. И. Михина.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 425. №1154; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 5.

10.

3 части человеческого черепа и 3 обрывка кожаной обуви.

Вырыты вместе с костяком при разработке железнодорожного карьера на Увеке 29.04.1910. Весь костяк рабочими разрушен и раскидан. Погребение найдено на глубине $1\frac{1}{2}$ аршина, без гроба. При костяке находились какие-то вещицы в виде полумесяца (лунницы?) из меди, которые рабочими изломаны и брошены. Приобретены у рабочих 2.05.1910.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 425—426. №1158; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 5.

11.

Череп человека (2 половинки) без нижней челюсти.

Найден на Увеке в 1910 г.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 434. №1251; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 8.

12.

Обрывок из ткани в два ряда,

4 оловянных пуговицы без ушков,

медный женский крест размером $\frac{1}{2} \times 1$ вершок, левая тазовая кость и прилегающая к ней берцовая кость.

Найдены 19 июня 1910 г. на Ивановском Увеке на общественной земле в 9 саженях по прямой линии на запад от каменной часовни и 56 саженях по прямой линии на север от северо-восточного угла церковной ограды в могиле на глубине 2 аршина 2 четверти от поверхности земли в грунте, состоящем из чернозёма с примесью мусора из битого кирпича и известкового цемента.

Гроб из сосновых досок длиною 2 аршина 12 вершков. Длина костяка 2 аршина 5 вершков. Костяк сохранил остатки савана и одежды в виде истлевшей ткани. В нижней челюсти нет коренных зубов, кроме двух крайних, значительно изъеденных (со стертой эмалью). На черепе сохранились волосы тёмно-русого цвета, заплетенные с висков в две косы, уложенные на темени.

Вскрытие гроба производил член Комиссии А. А. Кротков в присутствии членов Комиссии А. А. Лебедева, А. Ф. Садовникова и С. А. Щеглова, сотрудника газеты «Саратовский вестник» Д. М. Борисова, студента императорского Московского университета И. С. Волынкина, священника с. Ивановского Увека Петра Павловича Смирнова, псаломщиков: Петра Петровича Волковского и Николая Михайловича Благосветлова и сельского старосты Павла Ульяновича Краюхина. При этом собралась большая толпа из жителей Ивановского Увека.

Костяк лежал на спине головою на запад со сложенными на груди руками.

Эта могила была обнаружена в первых числах июня при выемке здесь земли при предположенной постройке кузницы. 19.06.1910 занесены в протокол раскопок. При этом израсходовано на покупку продовольствия, чаю и сахару 1 руб. 89 коп.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 443—445. №1350; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 11.

13.

1 нижняя челюсть человека нормальная,

1 нижняя челюсть человека ненормальная — в ней лишь 8 гнезд для зубов.

Найдены 26.06.1910 во дворе казенной железнодорожной квартиры дорожного мастера Ивана Алексеевича Михина около выгребной ямы, по указанию г. Михина, на глубине 3 четвертей от поверхности двора вместе с большим количеством человеческих костей. По словам Михина, на месте двора и дома, где он живёт, должно быть древнее кладбище; здесь сплошь погребения в деревянных гробах. При рытье погреба было вскрыто до 10 погребений. При костяках (как они лежали, он объяснить не может) никаких предметов найдено не было. Материалы обследования («раскопки») А. А. Кроткова 26.06.1910.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 446. №№1357 и 1358; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 11 об.

14.

Череп человеческий без нижней челюсти, выкопанный 11 августа 1911 г. во дворе, соприкасающемся с северо-восточным углом склада Нобеля.

Найден на Увекском городище. Приобретен (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека 12.08.1911 С. А. Щегловым за 2 руб. 95 коп. Поступил 9.11.1911 от С. А. Щеглова.

Источник: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 33 об. №1772.

15.

Череп человека,

часть человеческого черепа.

Куплены (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека, как находки на Увекском городище, 7 апреля и 5, 9, 10, 12—14 мая 1913 г. за 19 руб. 45 коп. Поступили 20.05.1913 от С. А. Щеглова.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 125 об. №2363; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 242. Л. 65. №195.

16.

Серебряный сосуд, остатки шелковой парчовой материи, человеческий череп и гнилушки от гроба.

1 и 2 июня 1913 г. самовольно вырыты инженером землечерпательной машины №20 г. Уейским на Увеке из могильного склепа. 14 сентября 1913 г. от Саратовского губернского правления при отношении 10 сентября 1913 г. за №7927. Возвращены владелице Исеевой.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 136. №2429; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 242. Л. 98. №261.

Приложение 2.

Архивные материалы о предметах из цветных металлов с Увекского городища

Отдел 1. Бронзовые зеркала

1.

Бронзовое зеркало.

Найдено на Увеке во время производства земляных работ. Пожертвовано купцом Петром Хрисанфовичем Петриченко. Прислано при отношении жандармского управления РУЖД от 19.07.1893 за №267, находящемся под № (не указан) в наряде бумаг, относящихся к вещам музея.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 84. №120; Медокс 1893: 40; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 44. Л. 39.

2.

Осколок металлического зеркала длиной 2 вершка, шириной $\frac{1}{2}$ вершка.

Найден (на Увеке) в июле 1904 г. Куплен у рабочих 2.08.1904 С. А. Щегловым за 30 коп.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 199. №444; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 61 об.

3.

Металлическое зеркало с простейшим орнаментом.

Найдено на Увеке. Поступило 2.02.1905 от Екатерины Аркадьевны Евреиновой в память действительного члена Архивной комиссии В. Г. Вучетича.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 207. №470; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 25, 65.

4.

3 обломка металлических зеркал (двух?).

Находки на Увекском городище в 1908 г. 6.08.1908. Серебряная и 10 шт. медных золотоордынских монет куплены у жителей селения Увек (наряду с другими предметами) за 25 коп., а остальные найдены лично: 4 медные монеты и др. — Щегловым, прочие (в т. ч. и др. предметы) — Гераклитовым, Шишкиным и Н. Г. Кориной.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 289. №766; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 26, 96 об.

5.

2 фрагмента металлического зеркала.

(Найдены на Увеке в 1909 г.). Поступили 11.10.1909 от Василия Ивановича Михина.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 394. №1051; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 166. Л. 26; Ед. хр. 985. Л. 27.

6.

Обломок (более 1/3) металлического зеркала.

Найден на Увекском городище. Куплен (наряду с другими предметами) 2.05.1910 С. А. Щегловым у жителей Набережного Увека за 2 руб. 61 коп. плюс 25 коп.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 433. №1237; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 7 об.

7.

2 обломка от металлического зеркала.

Найдены на Увекском городище. 6.05.1910 приобретены у жителей селения Набережный Увек.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 435. №1261; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 8 об.

8.

3 небольших обломка от металлического зеркала.

Найдены на Увекском городище в июне-июле 1910 г. Куплены (наряду с другими предметами) у жителей Увека С. А. Щегловым за 2 руб. 78 коп.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 442. №1328; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 10 об.

9.

Фрагмент металлического зеркала величиной $1 \times 1\frac{1}{2}$ вершка (диаметр всего зеркала, должно быть, 2 вершка) с арабскими буквами по краю и изображением рыб в центре.

3.07.1910 куплен (наряду с другими предметами) С. А. Щегловым у жителей Набережного Увека за 2 руб. 93 коп.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 448. №1360; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 12.

10.

3 обломка от металлических зеркал.

17.07.1910 куплены (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека за 3 руб. 82 коп., из них 3 руб. пожертвованы В. А. Пасенко и 82 коп. — из средств Комиссии. Поездка на Увек 17.07.1910 обошлась: чай, сахар, лимон, молоко, калач, сторожу за самовар 1 руб. 73 коп.

А. А. Кротков, А. А. Гераклитов, С. Д. Соколов, С. А. Щеглов и оставленный при Санкт-Петербургском университете В. А. Пасенко производили пробную раскопку места около нобелевской ограды, к стороне Увекского поселка.

В земле попадались черепки глиняной посуды, обломки глазурованных кирпичей, гнилушки дерева, кухонные отбросы, небольшие обломки человеческих костей и прочее, как на свалочном месте.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 455. №1444; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 14.

11.

Обломок металлического зеркала с рельефным изображением Эльборак и арабских письмен.

Найден на Увекском городище в 1910 году. 19.07.1910 от Алексея Алексеевича Адельфинского, техника Бр. Нобель.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 456. №1460.

12.

Обломок металлического зеркала.

Найден на Увекском городище, Саратовского у., при пологатбе и распахке огородов в 1911 г. 6.05.1911 куплен (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека за 3 р. 91 коп.

Источник: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 479. №1579.

13.

Обломок металлического зеркала.

Случайно найден на городище Увек в 1911 г. 15.07.1911 приобретен покупкою (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека С. А. Щегловым за 1 руб. 25 коп. Поступил 29.07.1911 от С. А. Щеглова.

Источник: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 9 об. №1624.

14.

Четыре обломка от металлических зеркал.

Приобретены покупкою в числе других предметов, найденных на городище Увек в 1911 году, 31.07.1911 С. А. Щегловым за 4 руб. 96 коп. Поступили 31.07.1911 от С. А. Щеглова.

Источник: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 18 об. №1669.

15.

7 обломков от металлических зеркал.

Случайно найдены на Увекском городище жителями Набережного Увека. 7—21.07.1912 куплены (в числе других вещей) С. А. Щегловым за 15 руб. Поступили 20.08.1912 от С. А. Щеглова.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 59 об. №1925; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 234. Л. 72. №143.

16.

Обломок металлического зеркала.

Приобретен на Увекском городище А. А. Кротковым 8—21.07.1912. Поступил 3.09.1912 от А. А. Кроткова.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 76 об. №2041; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 235. Л. 5. №259.

17.

Обломок металлического зеркала.

Приобретен (наряду с другими предметами) как находка на Увекском городище у жителей Набережного Увека за 85 коп. Поступил 9.12.1912 от Б. В. Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 96. №2161; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 235. Л. 65. №379.

18.

Два обломка от металлических зеркал.

Случайная находка на Увекском городище в 1912—1913 гг. Куплены у жителей Набережного Увека за 1 руб. 12 коп. 17.03.1913 от С. А. Щеглова.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 110 об. №2263; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 242. Л. 15. №95.

Отдел 2. Бронзовые фигурные замочки и ключи к ним

19.

3 старых медных замка в виде коней.

Найдены на Увеке в 1897 г. Пожертвованы действительным членом СУАК В. П. Юрьевым 25.05.1902.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 145. №259; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 117. Л. 60 об. (?). Ед. хр. 983. Л. 138 об.; Перечень... 1903: 65.

20.

Замочек — медная фигурка лошади.

4.09.1905 куплен (наряду с другими предметами) Б. В. Зайковским на Увекском городище от местных жителей за 1 руб. 35 коп., из которых 1 руб. 20 коп. отнесены на имеющийся у него аванс, а 15 коп. — на средства Архивной комиссии.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 221. №519; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 25 об., 70.

21.

3 медных замочка в виде коньков.

Найдены на Увекском городище в 1908 г. Поступили 20.04.1908 от Б. В. Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 268. №691; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 87 об.

22.

1 медный замочек в виде конька.

Найден на Увеке в 1908 г. 21.06.1908 куплен (наряду с другими предметами) у разных лиц за 35 коп.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 280. №734; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 25, 93.

23.

1 половинка медного замочка в виде лошадки.

Найдена на Увекском городище в 1908 г. 1.10.1908 А.А. Гераклитовым и С.А. Щегловым приобретена (наряду с другими предметами) в с. Набережный Увек от разных лиц.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 310. №833; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 26, 105.

24.

Половинка медного замочка в виде коровки.

Происхождение см. прил. 2, №8.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 442. №1325; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 10 об.

25.

Половинка от медного замочка.

Найдена на Увекском городище 23—26.06.1910. 26.06.1910 куплена С. А. Щегловым (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека за 21 коп.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 445. №1354; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 11 об.

26.

Медный замочек в виде лошадки.

Найден на Увекском городище на месте (склада) Нобеля 8.07.1910. 10.07.1910 от Михаила Николаевича Лебедева.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 450. №1388; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 13.

27.

Медный ключ к замку.

Случайно найден на городище Увек в 1911 г. 15.07.1911 приобретен покупкою (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека С.А. Щегловым за 1 руб. 25 коп. Поступил 29.07.1911 от С. А. Щеглова.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 9. №1621; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 28 об.

28.

2 половинки от медных замков: одна в виде лошадки, а другая — коровки.

Происхождение см. прил. 2, №15.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 59. №1922; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 234. Л. 70. №140.

Отдел 3. Детали одежды и украшения из меди

29.

Медное кольцо.

Найдено на Увеке в 1895 г. Поступило от В.П. Юрьева 25.05.1902.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 147. №271; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 140 об.; Перечень... 1903: 66.

30.

Часть медной пряжки.

4.09.1905 куплена (наряду с другими предметами) Б.В. Зайковским на Увекском городище от местных жителей за 1 руб. 35 коп., из кото-

рых 1 руб. 20 коп. отнесены на имеющийся у него аванс, а 15 коп. — на средства Архивной Комиссии.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 221. №519; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 25 об., 70.

31.

1 маленькая медная вещица в виде фибулы.

21.06.1908 найдена лично (наряду с другими предметами) на Увеке по берегу Волги Кротковым и Щегловым.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 281. №735; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 25, 93.

32.

1 обломок какого-то украшения из меди.

Происхождение и источники см. прил. 2, №4.

33.

Медное кольцо (при сверке 1923 г. пометка — пряжка).

Найдено (наряду с другими предметами) на Увекском городище в 1908 г. Поступило 14.09.1908 от Б. Ф. Федорова.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 304. №816; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 102 об.

34.

Медный перстенёк с выпавшим глазком.

Найден на Увекском городище в 1910 г. 2.05.1910 куплен С.А. Щегловым (наряду с другими предметами) от жителей Набережного Увека за 2 руб. 61 коп. + 25 коп.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 427. №1165; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 5 об.

35.

Обломок от медного браслета,

медная застёжка.

Найдены на Увекском городище в 1910 г. 23.05.1910 куплены у жителей Набережного Увека (наряду с другими предметами) за 3 руб. 93 коп. С.А. Щегловым.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 435. №1264—1265; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 8 об.

36.

Медная переломанная серьга,

медное поломанное кольцо.

Происхождение см. прил. 2, №9.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 449. №1363—1364; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 12.

37.

Медная серёжка со стеклянной привеской голубого цвета.

Происхождение см. прил. 2, №12.

Источник: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 479. №1578.

38.

Медная привеска (пряжка?, скульгама?).

Происхождение см. прил. 2, №12.

Источник: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 479. №1579.

39.

Медное колечко,
медная штампованная бляшка.
Происхождение см. прил. 2, №12.
Источник: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 479. №1580.

40.

Медная пряжка.
Происхождение и источники см. прил. 2, №13.

41.

Браслет витой из медной проволоки.
Происхождение см. прил. 2, №15.
Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 59. №1921;
ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 234. Л. 70. №139.

42.

Медные серьги.
Происхождение см. прил. 2, №15.
Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 59 об. №1924;
ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 234. Л. 71. №142.

43.

Медный браслет,
медная пряжка от пояса.
Найдены на Увек в разное время на огородах.
Поступили 3.06.1913 от Евгения Ивановича Лебедева; Увек, переправа.
Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 128 об. №2381; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 242. Л. 74. №213.

44.

Шестиконечная звезда, медная, концы украшены шишечками (из них две выпали), а в центре в кругу из шишечек рельефное изображение зверя, стоящего влево и смотрящего назад, величина 5×5 см.

Куплена П. Н. Шишкиным (наряду с другими предметами) на Увекском городище 23 апреля 1914 г. Израсходовано на поездку 2 р. 53 коп. 24 апреля 1914 г. от П. Н. Шишкина.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 167 об. №2578; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 243. Л. 72. №82.

45.

Половинка медной пуговицы.
Случайная находка на Увекском городище в 1914 г. Куплена (наряду с другими предметами) за 85 коп. Поступила 26 мая 1914 г. от И. Ф. Крапивина.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 173. №2593; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 243. Л. 80. №97.

Отдел 4. Различные изделия из меди, бронзы и латуни

46.

Бронзовая фигурка всадника на лошади.
Происхождение и источники см. прил. 2, №1.

47.

2 медных креста (складень).
Найдены в земле близ станции Увек РУЖД. Присланы при отношении Рязано-Уральского жан-

дармского управления от 26.09.1895 за №1173.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 115. №174; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 44. Л. 56; Ед. хр. 983. Л. 138.

48.

2 обломка медных предметов.
Найдены на Увекском городище в 1902 г. Пожертвованы Б. В. Зайковским 19.05.1902.
Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 141. №246; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 138; Перечень... 1903: 63.

49.

2 медные бляшки, по-видимому, от конского украшения.

Происхождение см. прил. 2, №19.
Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 145. №260; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 138 об.; Перечень... 1903: 65.

50.

Медная пластинка.
Найдена в 1902 г. на развалинах древнего Увекка. Куплена С. А. Щегловым (наряду с другими предметами) 2.06.1902 за 50 коп.
Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 148. №276; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 140 об.—141; Перечень... 1903: 66.

51.

1 кусочек сплава, род светлой бронзы,
2 обрывка бронзовой цепочки (найжены вместе).

Собраны (наряду с другими предметами) 1.10.1902 на городище Увек. Поступили 12.12.1902 от Б. В. Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 164. №314—315; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 141 об.; Ед. хр. 985. Л. 48 об.

52.

Медный крестик позднейшей эпохи.
Происхождение см. прил. 2, №51.
Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 164. №319; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 139; Ед. хр. 985. Л. 48 об.

53.

1 небольшой кусочек меди.
Найден на Увек в 1904 г. Поступил 1.05.1904 (наряду с другими предметами) от Б. В. Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 190. №414; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 142; Ед. хр. 985. Л. 58 об.

54.

Кувшин красной меди, лужёный. Снаружи и изнутри сильно попорченный окисью. С выпуклым ободком на горлышке, без ручки. Дно кувшина от древности проедено зеленью.

Найден в июне 1904 г. на Увек при железнодорожной земляной работе. Куплен правителем дел Щегловым 13.06.1904 у увекского кузнеца Евсея

Арсеньева за 80 коп.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 199. № 443; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 142—142 об.; Ед. хр. 985. Л. 61 об.

55.

Медная статуэтка, изображающая женщину со сложенными на груди руками в довольно откровенном наряде; она служила частью какой-то вещи неизвестного назначения.

Найдена на Увекском городище (при свертке 1923 г. зачёркнуто и вписано: у села Пристанного, Саратовского уезда) при земляных железнодорожных работах летом 1905 г. Куплена (вместе с другими предметами) 30.06.1905 хранителем музея Б. В. Зайковским на Увеке за 30 коп.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 217. № 507; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 68 об.

56.

Литой из жёлтой меди крест длиною в 2 вершка с грубым изображением распятия.

Найден (наряду с другими предметами) на Увеке. 9.12.1907 от Владимира Дмитриевича Васильева.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 255. № 644; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 25, 82.

57.

4 обломка от неизвестного медного предмета, 2 куса медных шлаков.

Происхождение и источники см. прил. 2, № 4.

58.

Круглый предмет из красной меди.

Приобретен на Увекском городище 23 апреля, 3 и 6 мая 1909 г. за 3 руб. 55 коп. (наряду с другими предметами) А. А. Садовниковым, А. А. Черновским и С. А. Щегловым.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 351—352. № 961; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 166. Л. 11 об.—12, 47 об.

59.

Медный сосудик (плошечка),

1 медная вещица.

Найдены на Увекском городище в октябре 1909 г. Поступили 24.10.1909 от П. Н. Шишкина, который приобрел их (наряду с другими предметами) у рабочих на Увеке за 1 руб.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 397. № 1057; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 166. Л. 27; Ед. хр. 985. Л. 27.

60.

3 обломка медных предметов неизвестного назначения.

Происхождение см. прил. 2, № 34.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 428. № 1169; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 5 об.

61.

1 медная вещица с изображением льва.

Происхождение см. прил. 2, № 35.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 435. № 1262;

ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 8 об.

62.

Краешек от медной вещицы,

медная вещица,

2 медных гвоздя.

Происхождение см. прил. 2, № 35.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 435. № 1266—1268; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 8 об.

63.

1 обломок медного неизвестного предмета с 2 частичками,

1 медный предмет ажурной работы.

Найдены на Увекском городище в 1910 г. 27.05.1910 скуплены у жителей Набережного Увека (наряду с другими предметами) С. А. Щегловым за 3 руб. 41 коп.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 436—437. № 1282, 1290; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 8 об.—9.

64.

2 вещицы из меди,

1 обломок от медного предмета неизвестного назначения.

Происхождение см. прил. 2, № 8.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 441—442. № 1320, 1322; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 10—10 об.

65.

Медный женский крест размером $\frac{1}{2} \times 1$ вершок.

См. прил. 1, № 12.

66.

Медная вещица в виде рюмки или обломка шандала для свечи — подсвечника.

Происхождение см. прил. 2, № 25.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 445. № 1353; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 11 об.

67.

4 обломка от медных вещей неизвестного назначения.

Происхождение см. прил. 2, № 9.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 449. № 1365; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 12.

68.

6 обломков от медных вещей.

Находки на Увекском городище в июле месяце 1910 г. 10 июля 1910 г. приобретены (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека за 2 руб. 73 коп. При этом израсходовано еще на калач, на сахар, лимон и за самовар 71 коп. Всего израсходовано 3 руб. 44 коп.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 451. № 1396; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 13.

69.

5 медных обломков от неизвестных предметов.

Происхождение см. прил. 2, № 10.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 455. №1445; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 14 об.

70.

Медная вещица в виде кувшинчика, медная вещица от сбруи.

Происхождение см. прил. 2, №12.

Источник: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 479. №1579.

71.

4 обломка медных поделок.

Происхождение см. прил. 2, №12.

Источник: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 479. №1580.

72.

2 медных вещицы.

Выпаханы на огородах на городище Увек в 1911 г. 9.05.1911 у жителей Набережного Увека куплены С. А. Щегловым за 63 коп.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 2. №1584; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 28 об.

73.

Медная, покрывшаяся патиной статуэтка, изображающая голую обезьяноподобную безволосую фигуру, стоящую на низком пьедестале; на шее у неё ожерелье в виде обруча, а в руках какой-то предмет. Размер статуэтки 1 × 6 см.

Найдена на берегу Волги около ЖД ледорезов в июне 1911 г. на городище Увек. 24.06.1911 приобретена (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека С. А. Щегловым за 5 руб. 78 коп. Поступила 15.07.1911 от С. А. Щеглова.

Источник: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 7 об. №1613.

74.

6 медных поделок.

Случайно найдены на городище Увек в 1911 г. 24.06.1911 приобретены (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека С. А. Щегловым за 5 руб. 78 коп. Поступили 15.07.1911 от С. А. Щеглова.

Источник: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 8. №1617.

75.

3 медных креста:

1) размером 5 × 5 см,

2) — 2 × 3 см,

3) — 1 × 2 см.

Происхождение см. прил. 2, №14.

Источник: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 18. №1667.

76.

1 медный обломок от неизвестного предмета.

Происхождение и источники см. прил. 2, №14.

77.

Нижний конец от складного медного креста, вызолоченный.

Происхождение см. прил. 2, №15.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 59. №1920; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 234. Л. 69. №138.

78.

Разные медные обломки.

Происхождение см. прил. 2, №15.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 60. №1930; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 234. Л. 74. №148.

79.

4 медных поделки.

Происхождение и источники см. прил. 2, №16.

80.

Обломок медной копоушки.

Происхождение и источники см. прил. 2, №17.

81.

Разные медные вещицы.

Увек. Приобретены (наряду с другими предметами) в 1915 г. 6.08.1916 от Кроткова, Щеглова, Фёдорова.

Источник: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 263. Л. 89. №319. №2814.

Отдел 5. Серебряные предметы

82.

Серебряный тельный крестик.

Происхождение и источники см. прил. 2, №21.

83.

Серебряный тельный крестик.

Происхождение и источники см. прил. 2, №4.

84.

Серебряная (?) серьга (?) в виде кольца без всяких украшений.

Происхождение и источники см. прил. 2, №23.

85.

7 обломков от серебряных серег с тремя жемчужинами, две из них прикреплены к витым частям серьги и одна — отдельно.

См. прил. 1, №7.

86.

2 обломка от серебряных вещей неизвестного назначения.

Происхождение см. прил. 2, №9.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 449. №1366; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 12 об.

87.

1 обломок от серебряного украшения тонкой работы.

Происхождение см. прил. 2, №68.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 451. №1398; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 13.

88.

Серебряный сосуд.

См. прил. 1, №16.

89.

Две серебряных серьги разных фасонов.

Увек. Выкачаны землечерпалкой у Увекского берега, близ переправы в 1913 г. 20.12.1913 от Ф. А. (Фёдора Алексеевича) и П. И. (Пелагеи Ивановны) Крапивинных.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 145. №2466; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 243. Л. 16. №298.

Отдел 6. Оловянные и свинцовые предметы

90.

1 круглый пробитый оловянный предмет.

Найден (наряду с другими предметами) на Увеке (в 1902 г.). От Б. В. Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 168. № 333; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 139 об.; Ед. хр. 985. Л. 50 об.

91.

1 вещица из свинца.

Происхождение и источники см. прил. 2, № 30.

92.

Оловянные круглые вещицы неизвестного назначения.

Происхождение и источники см. прил. 2, № 21.

93.

1 оловянная круглая вещица неизвестного назначения.

Происхождение и источники см. прил. 2, № 4.

94.

1 оловянный круглый предмет (пломба?), покрытый белым налётом,

1 оловянный повреждённый с одной стороны предмет в виде маленького кувшинчика.

Происхождение и источники см. прил. 2, № 58.

95.

2 круглых предмета (пломбы?) из олова.

Происхождение см. прил. 2, № 8.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 441. № 1321; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 10.

96.

4 оловянных пуговицы без ушков.

См. прил. 1, № 12.

97.

4 оловянных предмета неизвестного назначения.

Происхождение см. прил. 2, № 68.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 451. № 1397; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 13.

98.

3 оловянных вещицы.

Происхождение см. прил. 2, № 12.

Источник: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 2. № 1581.

99.

5 оловянных пломб.

Происхождение и источники см. прил. 2, № 74.

100.

2 оловянных пломбы.

Происхождение и источники см. прил. 2, № 14.

101.

3 оловянных обломка.

Происхождение см. прил. 2, № 15.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 59 об. № 1929; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 234. С. 74, № 147.

Приложение 3.

Архивные материалы об изделиях из железа и чугуна, предметах, металл которых не был указан, происходящих с Увецкого городища

Отдел 1. Железные предметы

1.

Шашка с медным эфесом (в двух частях).

Найдена рабочими со станции Увека Рязано-Уральской железной дороги. Пожертвована жандармским управлением РУЖД в 1897 г.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 130. № 209; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 138.

2.

Обломок железного перержавленного орудия, по-видимому, обоюдоострого ножа.

Найден на Увеке. Пожертвован 22.06.1902 Б. В. Зайковским.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 149. № 280; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 141; Перечень... 1903: 67.

3.

Железный гвоздь, проржавленный.

Происхождение см. прил. 2, № 51.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 164. № 318; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 139; Ед. хр. 985. Л. 48 об.

4.

Железные удила, железный гвоздь.

Происхождение и источники см. прил. 2, № 59.

5.

2 железных предмета неизвестного назначения: один в виде дужки, другой — развилки.

Происхождение см. прил. 2, № 34.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 427. № 1166; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 5 об.

6.

1 железный круглый предмет.

Происхождение см. прил. 2, № 63.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 436. № 1281; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 8 об.

7.

Сильно заржавленное огниво.

Найдено на Увеком городище в 1910 г. 27.05.1910 куплено у жителей Набережного Увека (наряду с другими предметами) С. А. Щегловым за 3 руб. 41 коп.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 436. №1283; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 8 об.

8.

Железное кольцо и 3 железных обломка.

Происхождение см. прил. 2, №9.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I, с. 449. №1367; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 12 об.

9.

1 обломок железного предмета, сильно изъеденный ржавчиной.

Найден (наряду с другими предметами) 3.07.1910 на Увекском городище около обнаруженного 26.06.1910 горна для обжигания глиняной посуды. Поступил 4.07.1910 от А. А. Кроткова.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 450. №1384; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 12 об.

10.

Железная удочка (крючок?) длиной 2 см, обломок железного замка, обломок ножа.

Происхождение см. прил. 2, №68.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 451. №1400—1402; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 13.

11.

6 обломков от железных неизвестных предметов.

Происхождение см. прил. 2, №10.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 455. №1446; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 14 об.

12.

Обломок от железного топора, сильно проржавевший.

Происхождение см. прил. 2, №10.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 455. №1449; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 14 об.

13.

Железное колечко.

Происхождение и источники см. прил. 2, №39.

14.

1 железная пряжка.

Происхождение и источники см. прил. 2, №14.

15.

Разные железные обломки.

Происхождение и источники см. прил. 2, №78.

16.

Обломок от железного замка.

Происхождение и источники см. прил. 2, №16.

Отдел 2. Чугунные изделия

17.

Чугунный кувшин — «кумган».

Найден на Увеке 10.07.1908 Петром Алексеевичем Цапыркиным. 16.07.1908 куплен на Увеке за 75 коп.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 285. №750; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 95.

18.

Обломок от чугунного сосуда.

Происхождение и источники см. прил. 1, №3.

19.

Чугунный сосуд в форме большой вазы размером: высота — 3 верш., диаметр — 5 верш.

Вырыт в конце июля (1909 г.) на Увекском городище. 8.08.1909 приобретен П. Н. Шишкиным за 5 коп.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 384. №1027; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 23.

Отдел 3. Различные металлические предметы, металл которых не указан

20.

6 металлических обломков от разных мелких предметов,

2 бесформенных куска металла.

Происхождение и источники см. прил. 2, №30.

21.

1 металлическое ажурное украшение,

1 металлическая пряжка,

1 металлический бубенчик,

1 металлическая вещица неизвестного назначения,

пуговицы (металлические?).

Происхождение и источники см. прил. 2, №21.

22.

2 металлических обломка от неизвестных предметов.

Приобретены (вместе с другими предметами) на Увекском городище в июне 1909 г. Пожертвованы 28.06.1909 Пантелеймоном Григорьевичем Алехиным.

Источники: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 166. Л. 16 об. №985.

23.

Разные металлические обломки.

Происхождение и источники см. прил. 2, №18.

24.

Замочек, огниво.

Происхождение и источники см. прил. 2, №81.

Приложение 4.

Архивные материалы о стеклянных изделиях с Увекского городища

Отдел 1. Бусы

1.

3 стеклянных бусинки.

Найдены близ Мамаева кургана. Происхождение см. также прил. 2, №51.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 164. №316; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 141 об.; Ед. хр. 985. Л. 48 об.

2.

Крупная бусина из мастики,

22 бусины из мастики, стекла и янтаря.

Происхождение и источники см. прил. 2, №21.

3.

Бусина из зелёного стекла средней величины,

2 маленькие бусины из синего стекла,

половинка стеклянной бусинки.

Происхождение и источники см. прил. 2, №4.

4.

Стеклянная и мастиковая бусинки.

Найдены на Увекском городище в 1908 г. 24.09.1908 от Б.Д. Фёдорова.

Источники: КЗВМ СУАК. Т.І. С.308. №826; ГАСО. Ф.407. Оп.2. Ед.хр.985. Л.104 об.

5.

3 бусинки из стекла,

3 бусинки мастиковые.

Происхождение и источники см. прил. 2, №23.

6.

24 стеклянных и мастиковых бусинок.

Происхождение и источники см. прил. 2, №58.

7.

9 мастиковых бусинок и 1 половинка мастиковой бусинки,

4 целых и 1 половинка стеклянных бусинок.

Найдены в мае 1909 г. на Увекском городище. Куплены 24.05.1909 у жителей селения Набережный Увек (наряду с другими предметами) за 2 руб. 21 коп. (С.А. Щегловым — по контексту).

Источники: КЗВМ СУАК. Т.І. С.353—355. №966; ГАСО. Ф.407. Оп.2. Ед.хр.166. Л.12об.—13; Ед.хр.985. Л.26 об.

8.

1 мастиковая бусинка.

Найдена на Увеке в 1909 г. Поступила 11.10.1909 от В.И. Михина.

Источники: КЗВМ СУАК. Т.І. С.394. №1051; ГАСО. Ф.407. Оп.2. Ед.хр.166. Л.26; Ед.хр.985. Л.27.

9.

1 мастиковая бусинка,

1 стеклянная бусинка.

Происхождение и источники см. прил. 2, №59.

10.

11 бусинок: 2 из мастики и 9 из стекла.

См. прил. 1, №8.

11.

3 мастиковых бусины,

10 стеклянных бусинок.

Происхождение см. прил. 2, №34.

Источники: КЗВМ СУАК. Т.І. С.426. №1161; ГАСО. Ф.407. Оп.2. Ед.хр.188. Л.5 об.

12.

Половинка стеклянной бусины с белыми глазками.

Происхождение см. прил. 2, №34.

Источники: КЗВМ СУАК. Т.І. С.427. №1163; ГАСО. Ф.407. Оп.2. Ед.хр.188. Л.5 об.

13.

8 целых и 2 половинки стеклянных бусинок.

Найдены на Увекском городище. 6.05.1910 приобретены у жителей селения Набережный Увек.

Источники: КЗВМ СУАК. Т.І. С.433. №1240; ГАСО. Ф.407. Оп.2. Ед.хр.188. Л.7 об.

14.

12 целых и 2 половинки стеклянных бусин,

8 целых и 3 половинки мастиковых бусин.

Происхождение см. прил. 2, №35.

Источники: КЗВМ СУАК. Т.І. С.435. №1257; ГАСО. Ф.407. Оп.2. Ед.хр.188. Л.8 об.

15.

6 целых и 1 половинка мастиковых бусин,

12 целых и 6 половинок стеклянных бусин.

Происхождение см. прил. 2, №63.

Источники: КЗВМ СУАК. Т.І. С.436. №1275; ГАСО. Ф.407. Оп.2. Ед.хр.188. Л.8 об.

16.

16 стеклянных бусинок,

5 мастиковых бусин.

Происхождение см. прил. 2, №8.

Источники: КЗВМ СУАК. Т.І. С.441. №1315, 1317; ГАСО. Ф.407. Оп.2. Ед.хр.188. Л.10.

17.

1 целая и 1 половинка стеклянных бусинок,

1 мастиковая бусина.

Найдены на Увекском городище в июне 1910 г. 19.06.1910 куплены (наряду с другими предметами) С.А. Щегловым у жителей Набережного Увека за 59 коп.

Источники: КЗВМ СУАК. Т.І. С.442. №1339; ГАСО. Ф.407. Оп.2. Ед.хр.188. Л.10 об.

18.

2 стеклянные бусинки,

1 мастиковая бусинка.

Происхождение см. прил. 2, №25.

Источники: КЗВМ СУАК. Т.І. С.445. №1355; ГАСО. Ф.407. Оп.2. Ед.хр.188. Л.11 об.

19.

11 стеклянных бусин,

1 мастиковая бусина.

Происхождение см. прил. 2, №9.

Источники: КЗВМ СУАК. Т.І. С.449. №1368; ГАСО. Ф.407. Оп.2. Ед.хр.188. Л.12 об.

20.

6 целых и 1 половинка мастиковых бусинок,

6 целых и 1 половинка стеклянных бусинок.

Происхождение см. прил. 2, №68.

Источники: КЗВМ СУАК. Т.І. С.451. №1393; ГАСО. Ф.407. Оп.2. Ед.хр.188. Л.13.

21.

2 стеклянных бусины,

2 мастиковых бусины.

Происхождение см. прил. 2, №10.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 454. №1437; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 14.

22.

19 целых и 1 половинка стеклянных бусинок.

Происхождение см. прил. 2, №12.

Источник: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 479. №1577.

23.

2 целых и 2 половинки мастиковых бусин,

7 целых и 2 половинки стеклянных бусин.

Происхождение см. прил. 2, №14.

Источник: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 18 об. №1670.

24.

12 целых и 6 половинок мастиковых бусин,

38 целых и 11 половинок стеклянных бусин.

Происхождение см. прил. 2, №15.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 58 об. №1916; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 234. Л. 67. №134.

25.

2 мастиковых бусинки.

Происхождение и источники см. прил. 2, №16.

26.

2 мастиковых бусинки,

1 стеклянная бусинка.

Происхождение и источники см. прил. 2, №17.

27.

7 мастиковых бусинок, в том числе 1 половинка,

17 стеклянных бусинок.

Происхождение и источники см. прил. 2, №18.

28.

14 стеклянных и 5 мастиковых бус.

Поступили 3.06.1913 от Евгения Ивановича Лебедева; Увек, переправа.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 128 об. №2381; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 242. Л. 74. №213.

29.

Стеклянная бусина.

Найдена в 1913 г. на Увекском городище. Куплена (наряду с другими предметами) за 20 коп. Поступила 28 января 1914 г. от И. Ф. Крапивина.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 157 об. №2530; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 243. Л. 48. №34.

30.

3 мастиковых и 2 стеклянных бусины.

Случайные находки 1914 г. на Увекском городище. Куплены (наряду с другими предметами) за 1 руб. 20 коп. Поступили 19 мая 1914 г. от И. Ф. Крапивина.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 171. №2588; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 243. Л. 77. №92.

Отдел 2. Перстни и их глазки

31.

1 стеклянный перстень грязно-голубого цвета.

Найден (наряду с другими предметами) 1.10.1902 на городище Увек. Поступил 12.12.1902 от Б. В. Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 164. №317; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 139; Ед. хр. 985. Л. 48 об.

32.

2 обломка стеклянных колец.

Происхождение и источники см. прил. 2, №30.

33.

5 обломков стеклянных колец.

Происхождение и источники см. прил. 2, №58.

34.

1 стеклянный глазок.

Происхождение и источники см. прил. 4, №7.

35.

2 обломка стеклянного кольца.

Происхождение см. прил. 2, №34.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 427. №1164; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 5 об.

36.

2 обломка от стеклянных колец.

Происхождение см. прил. 2, №35.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 435. №1263; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 8 об.

37.

3 обломка от стеклянных колец,

5 стеклянных глазков от перстней.

Происхождение см. прил. 2, №63.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 436. №1276—1277; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 8 об.

38.

2 обломка стеклянных перстней.

Происхождение см. прил. 4, №17.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 443. №1340; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 10 об.

39.

Обломок стеклянного кольца.

Происхождение см. прил. 2, №9.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 449. №1370; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 12 об.

40.

5 обломков стеклянных колец,

2 стеклянных глазка от перстней.

Происхождение см. прил. 2, №68.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 451. №1394—1395; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 13.

41.

2 обломка стеклянных колец,
4 стеклянных глазка.

Происхождение и источники см. прил. 2, №98.

42.

5 обломков стеклянных колец,
2 стеклянных глазка.

Происхождение и источники см. прил. 2, №14.

43.

Обломок стеклянного кольца.

Происхождение и источники см. прил. 2, №16.

44.

2 обломка стеклянных колец.

Происхождение и источники см. прил. 2, №18.

45.

Стеклянное колечко и обломки стеклянных колец,

5 шт. стеклянных разноцветных глазков от перстней.

Куплены (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека, как находки на Увекском городище, 7 апреля и 5, 9, 10, 12—14 мая 1913 г. за 19 руб. 45 коп. Поступили 20.05.1913 от С.А. Щеглова.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 124 об. №2358; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 242. Л. 62. №190.

46.

Стеклянный глазок к перстню.

Происхождение и источники см. прил. 4, №29.

47.

2 стеклянных глазка от перстней.

Происхождение и источники см. прил. 4, №30.

Отдел 3. Различные предметы из стекла

48.

2 вещицы из мастики неизвестного назначения.

Найдены в 1902 г. на Увекском городище. Пожертвованы Б.В. Зайковским 1.09.1902.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 151. №287; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 141; Перечень... 1903: 67.

49.

Предмет из стекловидной жёлтой массы (быть может, украшение).

(Наряду с другими предметами) найден на Увекском городище в 1902 г. Поступили (т. е. все предметы) от Б.В. Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 166. №324; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 139 об.; Ед. хр. 985. Л. 49.

50.

2 обломка от стеклянных предметов.

Происхождение см. прил. 2, №63.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 436. №1278; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 8 об.

51.

1 кусочек мастики зелёного цвета.

Происхождение и источники см. прил. 4, №38.

52.

1 кусок стекловидной массы чёрного цвета. Эта масса служила для выделки бус.

Найден на Увекском городище (на месте Нобе-ля) в 1910 г. Поступил 10.07.1910 от Василия Ивановича Леушкина.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 450. №1389; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 13.

53.

2 кусочка стекловидной красноватой массы.

Происхождение см. прил. 2, №68.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 451. №1403; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 13.

54.

Медная серёжка со стеклянной привеской голубого цвета.

См. прил. 2, №37.

55.

Куски стекловидной мастики: 3 чёрного и 2 дымчатого цвета.

Происхождение и источники см. прил. 2, №74.

56.

1 стеклянная привеска.

Происхождение и источники см. прил. 4, №23.

57.

3 черепка стеклянной посуды.

Происхождение см. прил. 2, №14.

Источник: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 19. №1672.

58.

Стеклянные осколки.

Происхождение см. прил. 2, №15.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 60. №1931; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 234. Л. 75. №149.

59.

Образцы стекловидной массы.

Происхождение см. прил. 2, №15.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 60. №1933; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 234. Л. 76. №151.

60.

Обломок стеклянного браслета,

8 стеклянных обломков.

Происхождение и источники см. прил. 2, №16.

61.

Стеклянная привеска.

Происхождение и источники см. прил. 2, №17.

62.

Стеклянная привеска к серёжке.

Происхождение и источники см. прил. 2, №18.

63.

Обломок стеклянной привески.

Происхождение и источники см. прил. 4, №29.

64.

Кусок смальты для чёрных бус.

Источник: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 243. №3093.

Приложение 5.

Архивные материалы об изделиях из камня с Увекского городища

Отдел 1. Украшения

1.

22 бусины из мастики, стекла и янтаря,
обломок от перстенька из камня голубоватого
цвета.

Происхождение и источники см. прил. 2, №21.

2.

Сердоликовая бусинка.

Происхождение и источники см. прил. 4, №4.

3.

Обломки сердоликового перстня.

Происхождение и источники см. прил. 2, №58.

4.

1 обломок сердоликового перстня.

Происхождение и источники см. прил. 4, №7.

5.

Бусинка из горного хрусталя.

Происхождение и источники см. прил. 1, №4.

6.

Янтарная четырёхугольная подвеска с двумя
ушками.

Происхождение и источники см. прил. 2, №59.

7.

Обломок какого-то украшения из камня с тон-
кой резьбой.

Происхождение см. прил. 4, №13.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 433. №1239;
ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 7 об.

8.

Обломок сердоликового перстня.

Происхождение см. прил. 4, №13.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 433. №1241;
ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 7 об.

9.

4 сердоликовых бусины.

Происхождение и источники см. прил. 4, №14.

10.

Половинка сердоликового перстня дымчатого
цвета.

Происхождение см. прил. 2, №35.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 435. №1258;
ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 8 об.

11.

3 сердоликовых бусины,

2 янтарных бусины,

2 каменных бусины (порода?).

Происхождение и источники см. прил. 4, №15.

12.

2 сердоликовых бусины.

Происхождение см. прил. 2, №8.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 441. №1316;
ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 10.

13.

Обломок каменного украшения.

Происхождение см. прил. 2, №8.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 442. №1326;
ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 10 об.

14.

1 сердоликовая бусина.

Происхождение и источники см. прил. 4, №17.

15.

1 каменная бусинка (порода?).

Происхождение и источники см. прил. 4, №18.

16.

1 сердоликовая бусина.

Происхождение и источники см. прил. 4, №19.

17.

1 сердоликовая бусина,

1 каменная бусина (порода?).

Происхождение и источники см. прил. 4, №21.

18.

2 сердоликовых бусинки.

Происхождение и источники см. прил. 4, №22.

19.

2 сердоликовых бусины.

Происхождение и источники см. прил. 4, №23.

20.

3 сердоликовых бусины.

Происхождение и источники см. прил. 2, №18.

21.

7 сердоликовых бус.

Происхождение и источники см. прил. 4, №28.

Отдел 2. Различные каменные изделия

22.

Осколок камня в форме головы.

Найден в 1898 г. С. А. Щегловым на Увеке.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 134. №220;
ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 138.

23.

Изображение ангела на камне величиной 1 вер-
шок в диаметре с отколотым краем в верхней сто-

роне. Художественная работа.

Найдено в 1895 г. на Увекском городище на огороде близ Мамаева кургана. Неизвестно от кого и когда поступило. (Пометка на полях: «от В.П. Юрьева»).

Источник: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 135. №222.

24.

Песчаник — камень в форме человеческой ступни.

Найден на Увеке. Доставлен В.П. Юрьевым 25.05.1902.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 144. №256; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 138 об.; Перечень... 1903: 64.

25.

Каменная форма для отливки перстней.

Найдена на Увеке в 1895 г. 25.05.1902 от В.П. Юрьева.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 146. №266; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 140; Перечень... 1903: 65.

26.

Каменный предмет в виде брусочка (неопределённого назначения).

Происхождение см. прил. 4, №49.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 166. №323; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 983. Л. 139.

27.

Каменная формочка для отливки (чего?).

Происхождение и источники см. прил. 2, №30.

28.

Кусочек песчаника, оформленный в виде обломка кукурузного початка (?).

Найден (наряду с другими предметами) на Увекском городище в 1906 г. 6.04.1906 от Б.В. Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 233. №559; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 74.

29.

Обломок из неизвестного блестящего минерала.

Происхождение и источники см. прил. 2, №58.

30.

Каменная ступа с отбитым краем, размером $1 \times 1\frac{1}{4}$ арш., толщина стенок $1\frac{1}{2}$ вершка, глубина самой ступы до 9 вершков, вес 8 пудов и 5 фунтов.

Найдена на Увекском городище на берегу Волги — рядом с остатками ордынского кирпичного здания, близ ледорезов — сажень в 25-ти вверх по течению, членами Комиссии П. Н. Шишкиным и С. А. Щегловым. 2.07.1909 пожертвована нашедшими.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 379. №1015; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 985. Л. 21.

31.

Каменный пест (для растирания красок).

Происхождение и источники см. прил. 2, №59.

32.

Каменная вещица со следами обделки.

Происхождение см. прил. 2, №8.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 442. №1335; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 10 об.

33.

Обломок какой-то вещицы из чёрной глины или камня.

Происхождение см. прил. 4, №17.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 443. №1348; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 10 об.

34.

Кусочек кремня.

Происхождение см. прил. 2, №68.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. I. С. 451. №1404; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 13.

35.

Кремень.

Происхождение и источники см. прил. 2, №98.

36.

Золотоордынская эпоха. Икона величиной 4×6 см с полукруглым верхом. Резана изящно и тонко на красноватом камне. Изображение двух ангелов, с двух сторон возжигающих лампады в открытом трёхкупольном храме, с четырёхконечными крестами, и ещё одного ангела с жезлом в левой руке, показывающего перстом правой руки на лежащего в гробу и стоящих слева от гроба двух плачущих женщин. Под лампадами какие-то буквы.

Найдена при полотьбе огорода, находящегося за увекскими станционными зданиями в начале мая 1911 г. 9.06.1911 приобретена за 58 коп. у жителя Набережного Увека Василия Логиновича Кузнецова, арендатора огорода близ станционных зданий. 11.06.1911 от С. А. Щеглова.

Источник: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 4 об. №1598.

37.

Обломок неизвестного каменного предмета с орнаментом.

Происхождение и источники см. прил. 4, №57.

38.

Точильный камень.

Происхождение см. прил. 2, №14.

Источник: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 19. №1674.

39.

Обломок песчаника, обточенного наподобие белемнита; длина 10 см, ширина $1-4\frac{1}{2}$ см.

Происхождение см. прил. 2, №14.

Источник: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 19 об. №1675.

40.

Восковой слепок и отпечаток на бумаге с печати на твёрдом тёмном камне размером: длина 16, ширина 8 и толщина 3 мм; на этой печатке круговая надпись «ПЕЧАТЬ КНЯЖА МИХА + ЛВ», которую академик А. А. Шахматов читает так: «Печать князя Михайлова», и относит её, по характеру написания букв «н» и «и», к XIII веку.

12.04.1912 от С. А. Щеглова. (Подлинная) найдена на Увекском городище лет 30-ть тому назад (в 1870-х гг.) чиновником Сар. Губ. правления Василием Дмитриевичем Палеологом и ныне находится у сына его Н. В. Палеолога, служащего в Сердобском земстве и проживающего в с. Кольшлее Сердобского у.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 41 об. №1814; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 234. Л. 16. №32.

41.

2 каменные подделки.

Происхождение см. прил. 2, №15.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 60. №1938; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 234. Л. 78. №156.

42.

2 гипсовых снимка с каменной печати, имеющей надпись: «Печать князя Михайловъ».

Подлинная печать была найдена в 1870-х годах на Увеке, г. Палеолог (теперь находится

у г. Палеолог в с. Кольшлее, Сердобского уезда). 11.02.1913 от Императорской Археологической Комиссии. (См. прил. 5, №40).

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 98 об. №2182; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 235. Л. 75. №14.

43.

3 обломка от точильных камней.

Случайные находки на Увекском городище в 1912—1913 гг. Куплены у жителей Набережного Увека за 25 коп.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 111. №2264.

44.

Формовка каменная для литья колец и круглых бляшек. Доставлена одна половинка, другая расколота.

Найдена на Увеке. 25.06.1918 от неизвестных.

Источники: КЗВМ СУАК. Т. II. С. 209 об. №2861; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 303. Л. 13. №366.

Литература

Медокс К. П. 1893. *Каталог музея СУАК*. Саратов: Печатня С. П. Яковлева.

Недашковский Л. Ф. 2000. *Золотоордынский город Укек и его округа*. Москва: Восточная литература.

Недашковский Л. Ф. 2010. *Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа*. Москва: Вос-

точная литература.

Перечень... 1903: Перечень предметов, поступивших в музей СУАК в 1902 году. 1903. *ТСУАК* 23, 61—74.

Nedashkovsky L. F. 2004. *Ukek: The Golden Horde city and its periphery*. BAR International Series 1222. Oxford: Archaeopress.

References

Medoks, K. P. 1893. *Katalog muzeia SUAK (Catalogue of the Museum of the Saratov Scientific Archival Commission)*. Saratov: "Pechatnia S. P. Iakovleva" Publ. (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. 2000. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City of Ukek and its Region)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. 2010. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and their Regions)*. Moscow:

"Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Perechen' predmetov, postupivshikh v muzei SUAK v 1902 godu (List of Items Received by the Museum of the Saratov Scientific Archival Commission in 1902). 1903. *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Archival Commission)* 23, 61—74 (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. 2004. *Ukek: The Golden Horde city and its periphery*. BAR International Series 1222. Oxford: Archaeopress.

Статья поступила в номер 9 января 2019 г.

Leonard Nedashkovsky (Kazan, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Kazan (Volga region) Federal University¹.

Недашковский Леонард Федорович (Казань, Россия). Доктор исторических наук. Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Address: ¹ Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation

А. Н. Масловский

Керамический комплекс как проявление культурного единства оседлого населения европейской части Золотой Орды.

Краткий обзор. Общие и частности

Keywords: Eastern Europe, Golden Horde, types of ceramics, pottery tradition, production centers

Ключевые слова: Восточная Европа, Золотая Орда, типы керамики, гончарная традиция, центры производства

A. N. Maslovskiy

Ceramic Complex as a Sign of Cultural Unity of Settled Population of Golden Horde. Brief review. Common and particular

Fragments of ceramics are most numerous groups of finds on the settlements of Golden Horde. Despite the large number of publications, it still seems to be underexplored. It is true, first of all, for the generalizing researches. The article reviews most common and specific features of the Golden Horde ceramics. Its core included vessels produced by archaic method of band pasting, further levelled on potter's wheel and partially profiled. Specificities of production of such ceramics date back to the traditions of pottery of the early Middle Ages which existed on the territory of Saltovo-Mayatskaya culture. That's why we suggest to name this technique a post-Saltov pottery tradition. Besides, the Golden Horde towns welcomed potters who were newcomers in the Eastern Europe and used more advanced technologies. Considerable part of their products consisted of glazed vessels which are one of the most salient features of ceramic complex of the Golden Horde. These vessels were of different origins. Along with these groups, there were other locally spread traditions of pottery. Uniformity of ceramic complex most comprehensively characterizes cultural unity of the majority of settled population of the Golden Horde.

А. Н. Масловский

Керамический комплекс как проявление культурного единства оседлого населения европейской части Золотой Орды. Краткий обзор. Общие и частности

Фрагменты керамики — самая многочисленная категория находок на поселенческих памятниках Золотой Орды. Несмотря на большое число публикаций, нельзя считать её хорошо изученной. Это касается, прежде всего, обобщающих исследований. В статье дается обзор наиболее общих и характерных черт керамического комплекса Золотой Орды. Его основу составляли сосуды, изготовленные с использованием архаичного ленточного налёпа с последующим круговым заглаживанием и частичным профилированием. Особенности производства этой керамики восходят к традициям гончарства эпохи раннего средневековья, существовавшего на территории распространения салтово-маяцкой культуры. Поэтому предлагается называть её постсалтовской гончарной традицией. В городах Золотой Орды появляются также пришлые для Восточной Европы гончары, использовавшие более совершенные технологии. Значительную часть их ассортимента составляли поливные сосуды, которые и являются одной из самых ярких черт керамического комплекса Золотой Орды. Они имели различное происхождение. Наряду с этими группами, существовали и другие гончарные традиции, распространение которых имело локальный характер. Единообразие керамического комплекса наиболее полно характеризует культурное единство основной массы оседлого населения Золотой Орды.

Керамика — один из важных элементов быта, определяющих своеобразие конкретных археологических культур. Это — постулат для археологии от неолита до раннего средневековья. Насколько это верно для Улуса Джучи?

Керамическое производство относится к числу наиболее изученных ремесел Золотой Орды. Исследовано большое число гончарных мастерских разной производительности. Изучено более 150 горнов различных типов. На Селитренном городище был найден

комплекс из большого числа горнов, который определен исследователями как остатки мастерской типа «кархана» — мануфактурного предприятия с использованием подневольного труда (Фёдоров-Давыдов, Булатов 1989). Предложена классификация форм ремесленных мастерских (Фёдоров-Давыдов 1973: 88).

Изучению керамических материалов посвящены сотни отдельных публикаций и разделов в более общих исследованиях. Изучена технология производства, начиная с отбора

исходного сырья и заканчивая обжигом готовых изделий. Создан ряд морфологических классификаций сосудов, достаточно детально изучена их орнаментация. Наибольшее число статей посвящено поливной керамике.

Существует ряд работ, посвященных обобщению материалов на уровне отдельных памятников и целых регионов (Полевой 1969; Михальченко 1973; Кравченко 1986: 46—81; Хлебникова 1988; Васильева 1993; Недашковский 2000: 95—106; Фёдоров-Давыдов 2001: 4—202; Курочкина 2002; Кокорина 2002; Масловский 2006; Самашев, Кузнецова, Плахов 2008; Зеленева, Курочкина 2009: 86—206; Волков 2016).

Предложена также концепция анализа керамического комплекса Золотой Орды в целом (Волков 1992а). К сожалению, данная работа являлась только тезисами, и для многих исследователей осталась неизвестной. Большое число наблюдений и обобщений, высказанных в дальнейшем И. В. Волковым, воедино собраны не были.

Но всё же, для создания обобщающей работы, посвященной золотоордынской керамике, недостаёт информации. Прежде всего, это связано с большой неравномерностью в проведении полевых исследований и осмыслении их результатов. Многие, даже крупные, памятники почти не исследованы. Малые города и сельские поселения копались в редких случаях. Полученные материалы опубликованы в небольшой степени. Уже выпущенные исследования обладают рядом существенных недостатков. Прежде всего, отсутствует единство в методологии исследований и общая для всех археологов терминология. Публикации снабжены недостаточным количеством иллюстраций, подчас плохого качества и, как правило, почти лишены статистической информации. Крайне редко авторы оговаривают, что какая-то керамика является привозной. Вследствие этого, сопоставление даже опубликованных данных из разных регионов становится проблемой.

Задачей данного исследования является краткая характеристика основных черт керамического комплекса золотоордынских памятников от Дуная до Урала. В работе использован технологический подход к изучению керамики, разработанный А. А. Бобринским (Бобринский 1978). Для её классификации использована система, разработанная И. В. Волковым в его диссертации (Волков 1992б). Она отличается полнотой охвата материала и непротиворечивостью. На первом уровне классификации в группы объединяет-

ся вся продукция конкретных производственных центров, что намного логичнее объединения гетерогенных материалов по вторичным признакам (назначению или орнаментации). К сожалению, эта работа до настоящего времени так и осталась неопубликованной и широкого распространения не получила.

Единой системы морфологической классификации сосудов до сих пор не создано. Их группировка исключительно по пропорциям, без учета функционального назначения, приводит к тому, что среди кувшинов оказываются афтобы, среди кухонных сосудов — гулябданы, а среди мисок — сосуды не пищевого назначения. Сложность составляет и наличие среди ассортимента золотоордынских гончаров значительного числа изделий, которые нельзя отнести ни к кухонной, ни к столовой, ни к тарной посуде. Для них были предложены термины «керамика специального назначения» (Михальченко 1973: 122) и «техническая керамика» (Бахматова, Куклина 2014: 236). Оба эти термина нельзя признать особо удачными. Например, почему к технической керамике следует относить копилки?

Тем не менее, общую картину производства и потребления керамики на территории Золотой Орды и её изменения во времени обрисовать возможно.

Как государство Золотая Орда возникает в 3-й четв. XIII в. В её состав вошли земли от Нижнего Дуная до Верхней Оби. Их занимали народы, сильно различающиеся и в этнокультурном плане, и в уровне экономического развития. По периферии располагались районы с развитым земледелием и ремеслами (Русь, Волжская Булгария, Хорезм, Приднестровье, Крым, Предкавказье). Центральную часть государства занимали степи с кочевыми скотоводами, где почти отсутствовало земледелие. В этой степи существовали очень небольшие очаги оседлой жизни в низовьях рек Дон, Волга, Сыр-Дарья. После создания Золотой Орды в короткое время в западной части этих степей (к западу от Урала) возникают десятки крупных городов и тысячи сельских поселений. Они были созданы переселенцами из сопредельных регионов с оседлой культурой и, в гораздо меньшей степени, осевшими на землю кочевниками преимущественно тюркскими и угорскими по происхождению. Повсеместно, особенно в городах, происходило смешение различных этносов. Даже в таких регионах, как Волжская Булгария, с уже исходно неоднородным населением, этническая картина усложнялась. Помимо болгар, здесь оказалось значительное чис-

ло русских, различных поволжских финнов (мордва, мари), угров, выходцев из более южных тюркских кочевых племен.

Упадок и гибель этих оседлых поселений были ещё более скоротечны. Общая продолжительность жизни золотоордынских городов не превышала 100—150 лет. Очевидны существенные различия даже между соседними областями. Можно ли в таких условиях говорить о существовании общегосударственной культуры?

С самого начала изучения Золотой Орды ученые пытаются выявить категории вещей, общие для всей её территории. Внимание сосредотачивается на элитных изделиях, относящихся к костюму, торевтике и их дешёвым имитациям, на дорогой керамике. Однако предметы элитного потребления, так же как единичные архитектурные постройки, не могут служить основанием для вывода о сложении общеимперской культуры.

Иное дело — огромная масса керамики, использовавшейся всеми группами населения Золотой Орды. Гончарное производство на большей части её территории было налажено с нуля. Основу керамического комплекса составила продукция гончаров, работавших в традициях, восходящих к гончарству Западного и Центрального Предкавказья античного времени, носителями которых выступали племена меотов и аланов.

В период существования салтовской культуры (VIII—X вв.) гончарные центры, с общим набором характерных черт технологии, ассортимента, морфологии изделий и орнаментации распространились по территории Северного Кавказа, Подонья, Дунайской и Волжской Булгарии, Восточного Крыма. Это производство преодолевает границы отдельных этнических групп. Впервые в Восточной Европе в степях появляется производство круговой керамики. В середине X в. на большей части ареала салтово-маяцкой культуры оседлая жизнь погибает. Но эта гончарная традиция во 2-й половине X — начале XIII вв. сохраняется на территории Волжской Булгарии, Предкавказья, Поднепровья и, возможно, в некоторых изолированных центрах в лесостепной части Подонья. Её носителями были аланы, волжские булгары, западнокавказские племена (черкесы, зихи). Частично она усваивается гончарами Древней Руси.

Дальнейшее развитие этой традиции, таким образом, протекало в нескольких изолированных очагах с неодинаковыми условиями. Тем не менее, некоторые изменения оказались общими для всех. Происходит по-

степенный переход гончаров от восстановительного к окислительному обжигу. Исчезает специализация мастеров на производстве кухонной или столовой керамики.

Поскольку, прибегая к аналогии из биологической эволюции, «последним общим предком» этих производств было гончарство салтово-маяцкой культуры, предлагается называть их постсалтовской гончарной традицией.

В период создания оседлых поселений во 2-й половине XIII — начале XIV вв. на территории Золотой Орды от Урала до Нижнего Подунавья возникли сотни новых гончарных центров. Они находились и в крупных городах, и на небольших сельских поселениях. Производство было налажено переселенцами из регионов, сохранивших постсалтовскую гончарную традицию. Поскольку задолго до этого она перестала быть специфичной для какого-то отдельного этноса, в числе гончаров, как и в числе потребителей, оказались представители самых различных этнических групп. Производство керамики постсалтовской гончарной традиции стало доминировать в европейской части Золотой Орды. Не проникло оно только в регионы с местным развитым гончарством (Крым, Хорезм, районы с русским населением в Среднем Подонье и Подонцовье) и туда, где продолжало господствовать домашнее изготовление керамики (Западная Сибирь, сельские районы мордовских земель). На ряде территорий оно сосуществовало с сохранявшимися традиционными керамическими производствами, носившими домашний или полуремесленный характер (Волжская Булгария, регион Укека).

Большинство мастеров постсалтовской гончарной традиции работало, примерно, на одном технологическом уровне. Сосуды изготавливались методом спирально-жгутового налёпа с использованием донных и донно-емкостных начинов. Затем вращение круга использовалось для заглаживания поверхности. В некоторых мастерских функция гончарного круга ограничивалась этим. В большинстве мастерских круг использовался также для придания формы венчику (РФК-3 — развитие функций круга по А. А. Бобринскому) (Бобринский 1978: 27, 49, 51) или, реже, профилировки сосуда выше уровня плеча (максимального диаметра) (РФК-4). При определенном технологическом единстве прослеживаются очень большие различия в уровне индивидуального мастерства, особенно между городскими и сельскими гончарами.

В крупных городах (Болгаре, Селитренном и Царевском городищах, Азаке) технологический уровень мог быть несколько выше. Здесь гончарный круг иногда использовался для частичного вытягивания сосуда, после изготовления части сосуда путем жгутового налепа (РФК-5). Наиболее технологично было производство в некоторых мастерских Болгара, где полое тело части небольших сосудов целиком вытягивалось на круге (РФК-6). Переход части гончаров к более совершенным технологиям в городах Волжской Булгарии произошел ещё в домонгольское время. Но на протяжении всего золотоордынского периода мастерские разного уровня здесь сосуществовали. Причем доля керамики, изготовленной с применением более архаичных технологий, со временем несколько не уменьшалась.

В городах Нижнего Поволжья и Азаке появление керамики с признаками частичного вытягивания полого тела было следствием существования в пределах одних городских центров мастеров, работавших в местных восточноевропейских традициях, и пришельцев, владевших более совершенными технологиями. Но и здесь процесс освоения новых технологий мастерами постсалтовской гончарной традиции шел медленно, и остался, на момент гибели городов, не завершенным.

Наиболее часто гончары использовали глину без примесей или смесь из двух глин. В последнем случае одну из них добавляли в подсушенном виде как мелкую крошку. Достаточно часто встречается небольшая примесь навоза. Однако в отдельных центрах могли применяться и другие примеси.

Для обжига использовались небольшие, округлые в плане двухъярусные горны диаметром 1,2—1,6 м и примерно такой же высоты. Обжиг окислительный, часто трехслойный, с внутренней темной прослойкой. Цвет черепка мог варьировать от бурого до ярко-красного. Мог использоваться красный ангоб. Для орнаментации применялись налепные валики, врезной и тисненый орнамент, нанесенный при помощи зубчатого штампа или резца, иногда палочки, полосчатое или, намного реже, сплошное лощение.

При общем единстве традиций по ряду признаков хорошо заметна региональная специфика. Например, существовало два варианта профилировки венчиков кувшинов — при помощи дополнительного накладного валика и без него. Слив на венчике кувшина мог изготавливаться из отдельного куса глины. На Северном Кавказе и в Подонье часто использовали налепные валики. В Поволжье они встре-

чаются как редчайшее исключение. Косые оттиски зубчатого штампа более характерны для небольших центров и раннезолотоордынского периода. На территории Нижнего Поволжья полосчатое лощение использовалось только в конце XIII — начале XIV вв. Также здесь (но не в Укеке) и в Волжской Булгарии не использовался красный ангоб. В Волжской Булгарии изготавливалось много кружек, кринок и чаш, менее характерных для других регионов. Здесь же изготавливали сфероконические сосуды, не освоенные гончарами постсалтовской традиции в других регионах. При этом в Волжской Булгарии редки тазы, копилки, афтобы.

Уточнение границ распространения этих локальных вариантов производства керамики, возможно, позволит в дальнейшем выявить структуру и размеры административных округов, в которые объединялось оседлое население Золотой Орды.

Однако, при всех локальных различиях, в целом керамический комплекс района распространения постсалтовской гончарной традиции резко отличается от керамики с территории Руси, Закавказья, Хорезма, Византии.

Для золотоордынского гончарства постсалтовской традиции характерно большое разнообразие ассортимента, состоявшего более чем из 20 видов изделий. Он делится на две неравные части. Его основу составляли сосуды традиционных для постсалтовской гончарной традиции форм (двуручные кувшины, крупные кувшины, корчаги (хумчи, пифонидные сосуды), кувшины среднего размера, малые кувшины (кружки), горшки, крышки, туваки, чаши разного размера, миски с ручками, масляные лампы). В ряде случаев эти виды в домонгольский период были редкостью, но, тем не менее, присутствовали.

Меньшую по числу видов изделий часть ассортимента составляли новые формы сосудов (амфоры, афтобы, тазы, тарелки, блюда, гульабданы, копилки, комбинированные лампы-подсвечники, дигиры, трубы). Источники их появления различны. В ряде случаев это копирование изделий пришлых мастеров, работавших по соседству в золотоордынских городах (копилки, гульабданы, некоторые формы чаш в Азаке). Иногда воспроизводилась форма привозных изделий (амфоры). Иногда пути появления в ассортименте гончаров постсалтовской гончарной традиции новых видов изделий не столь очевиден (дигиры, афтобы, трубы, тазы).

Для крупных городских центров Золотой Орды набор форм примерно одинаков. Отсут-

ствие отдельных видов сосудов, в ряде случаев, может объясняться недостаточной изученностью памятника, как, например, Укека, Сарайчика или Мохши, городов Приднестровья. Ассортимент гончаров, работавших в малых городах и сельских поселениях, по очевидным причинам был обеднен, но за исключением, вероятно, копилок, в нем присутствовали все виды изделий.

Заметное распространение получает тарная керамика. Наиболее крупные сосуды получили в литературе несколько названий: хумча, корчага, полупифосы-полукувшины, пифонидные сосуды (Михальченко 1973: 128; Хлебникова 1988: 77, 79; Фёдоров-Давыдов 2001: 154—162). Поскольку большинство из них со среднеазиатским гончарством никак не связано, предлагается оставить за ними русское название — корчаги, хотя это небесспорно. В целом использование по возможности русских терминов, хотя бы и более поздних по времени, кажется предпочтительным, поскольку для русскоязычных читателей не несет дополнительной смысловой нагрузки. Очевидно, что их происхождение с русским гончарством не связано. Использование же тюркских терминов приводит к странному явлению — поиску среднеазиатских влияний золотоордынского периода на изделия, выпускавшиеся на Северном Кавказе за сотни лет до этого. Хумчи и другие аналогичные термины нужно оставить только для несомненных заимствований и импортов из Средней Азии. В золотоордынский период число корчаг и их размер значительно возрастает (рис. 1: 6—8). Наиболее крупные сосуды достигают высоты в 1 м. Выпускались и сосуды высотой от 0,3 м, служившие в качестве переносной тары.

Своеобразной формой, появившейся в золотоордынский период, являются амфоры, копировавшие привозные образцы. Наибольшего распространения и типологического разнообразия они получили в Азаке (Волков 2002) (рис. 1: 1—2). Однако в небольшом количестве они производились в Маджаре, некоторых небольших городских центрах (рис. 1: 3) и даже в Укеке. Амфоровидные кувшины известны также на Селитренном городище и Сарайчике (рис. 1: 4—5).

В отдельный вид нужно выделить двуручные кувшины известные ещё во времена салтовской культуры. Они распространены по всей степной полосе Золотой Орды (рис. 2: 1—3) и отсутствуют, вероятно, только в северных её регионах. Большая их часть имеет верхние прилепы к венчику. Для По-

днестровья характерно крепление ручек к середине горла (рис. 2: 2).

Крупные одноручные кувшины (рис. 2: 4—8) главным своим назначением имели, вероятно, хранение и транспортировку воды. Их высота составляла от 45 до 60 см. Во фрагментах представлены и значительно более крупные экземпляры. Выпускались также архаического облика сосуды с тремя ручками, часто орнаментированные наклепными валиками и шариками. Две дополнительные ручки крепились на средней части тулова. Одноручные тарные кувшины достаточно часто перевозили в соседние регионы.

Наиболее многочисленны кувшины среднего размера высотой 25—40 см (рис. 3). При очень большой вариативности форм наиболее многочисленны сосуды с низким (не более $\frac{1}{4}$ высоты сосуда) и широким горлом и туловом яйцевидной или бочковидной формы с максимальным диаметром около середины высоты сосуда или выше. Широко распространяется крепление верхнего конца ручки к венчику и рифление верхней части горла. Ориентировочно кувшины составляют не менее $\frac{2}{3}$ всего керамического комплекса золотоордынских городов.

Более подвержены изменениям оказались кружки (рис. 6: 1—7), имевшие в разных регионах разные формы. В этот вид следует объединять как широкогорлые сосуды, характерные для Болгара, хотя отмеченные и в других центрах, так и узкогорлые сосуды, представляющие собой просто уменьшенные кувшины.

Горшки (рис. 4: 1—10), вероятно, наиболее вариативный вид изделий. Большая часть их, за исключением Болгара, имеет ручки с верхним прилепом на венчике. Преобладают формы, близкие к шаровидным и бочковидным. Определенное распространение получают крышки (рис. 4: 11—18) двух основных типов. Первый тип в виде сегмента или конуса с короткой цилиндрической шейкой (рис. 4: 11—14, 16—18). Более редки плоские крышки с короткой ручкой (рис. 4: 15).

Столовая керамика представлена большими чашами с ручками (чаще) и без (рис. 5: 1—4), очень различными по форме плоскодонными чашами (рис. 5: 7, 8) и чашами на поддонах (рис. 5: 5, 6), а также мисками с ручкой. Чаши на поддонах совершенно очевидно имитируют поливные сосуды. Все формы достаточно малочисленны.

Несколько форм сосудов выполняли по преимуществу санитарно-гигиенические функции. Это, прежде всего, афтобы (рис. 7:

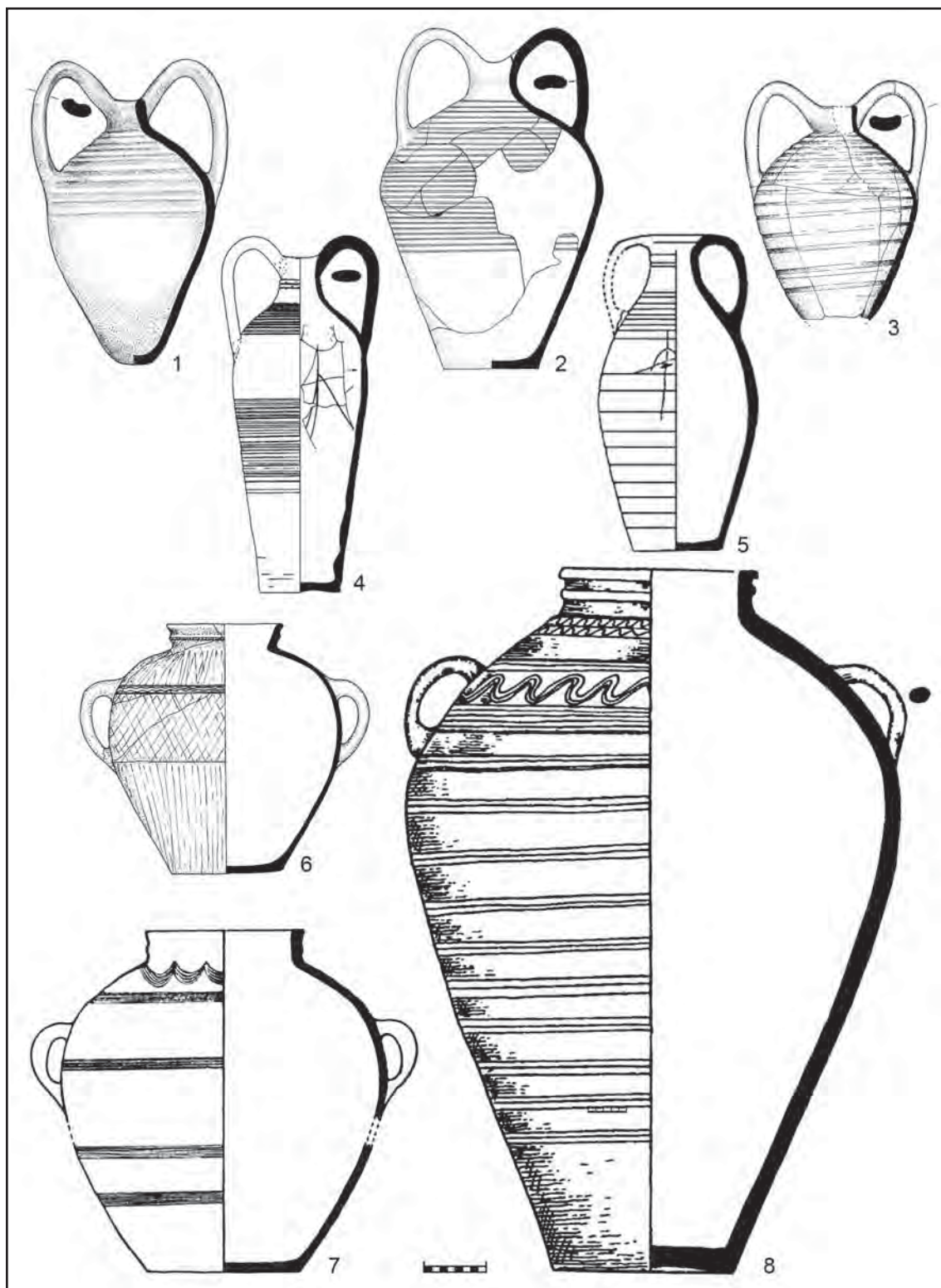

Рис. 1. Постсалтовская гончарная традиция. Амфоры (1—5); корчаги (6—8). 1—2, 6 — Азак; 3 — Платоно-Петровское поселение; 4, 8 — Селитренное городище (4 — по Волков 2002: рис. 6; 1, 8 — по Федоров-Давыдов 2001: табл. 86); 5 — Сарайчик (по Самашев, Кузнецова, Плахов 2008: 41); 7 — Болгар (по Хлебникова 1988: рис. 57).

Fig. 1. Post-saltov pottery tradition. Amphoras (1—5); huge pots (6—8). 1—2, 6 — Azak; 3 — Platono-Petrovskoye settlement; 4, 8 — Selitrennoye hillfort (4 — after Волков 2002: рис. 6; 1, 8 — after Федоров-Давыдов 2001: табл. 86); 5 — Saraichik (after Самашев, Кузнецова, Плахов 2008: 41); 7 — Bolgar (after Хлебникова 1988: рис. 57).

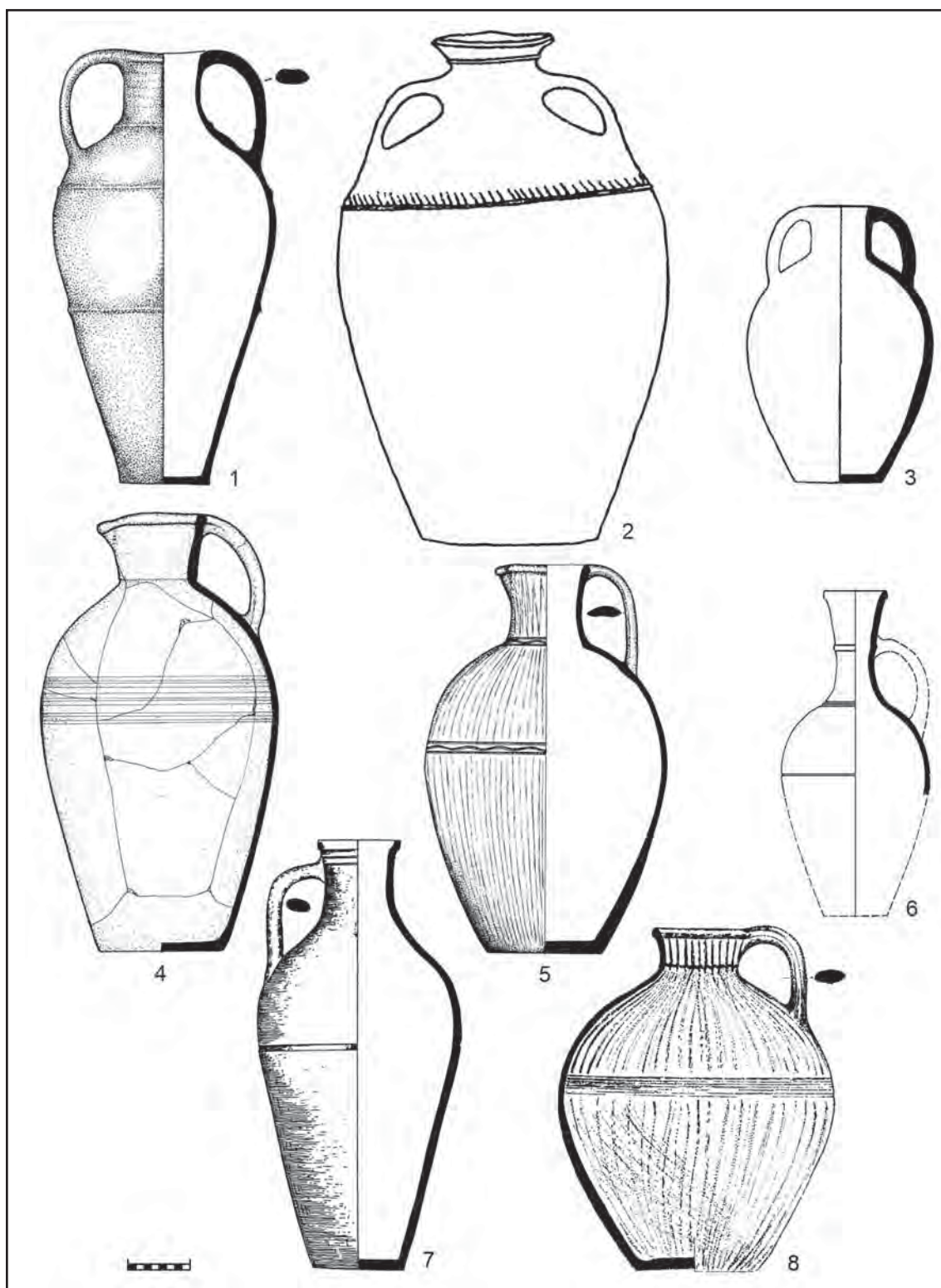

Рис. 2. Постсалтовская гончарная традиция. Тарные кувшины. 1—3 — двуручные кувшины; 4—8 — одноручные кувшины. 1, 4, 5 — Азак; 2 — Костешты (по Полевой 1969: табл. VIII: 1); 3 — Сарайчик (по Самашев, Кузнецова, Плахов 2008: 41); 6 — Болгар (по Хлебникова 1988: рис. 39: 8); 7 — Царевское городище (по Федоров-Давыдов 2001: табл. 24); 8 — Маджар.

Fig. 2. Post-saltov pottery tradition. Container jugs. 1—3 — double-handed jugs; 4—8 — single-handed jugs; 1, 4, 5 — Azak; 2 — Costești (after Полевой 1969: табл. VIII: 1); 3 — Saraichik (after Самашев, Кузнецова, Плахов 2008: 41); 6 — Bolgar (after Хлебникова 1988: рис. 39: 8); Tsarevskoye hillfort (after Федоров-Давыдов 2001: табл. 24); 8 — Madzhar).

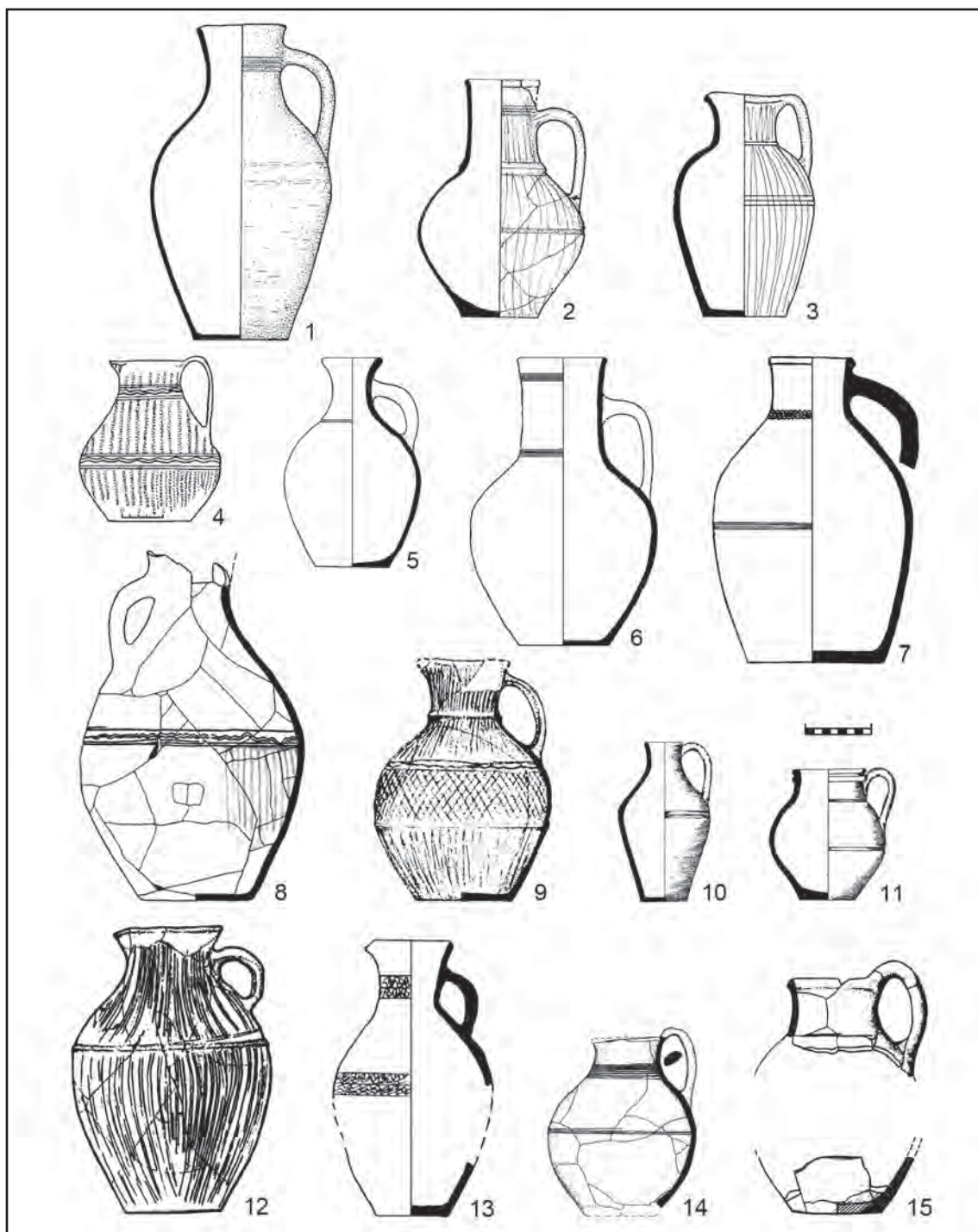

Рис. 3. Постсалтовская гончарная традиция. Кувшины среднего размера. 1—3 — Азак; 4 — Аккерман (по Кравченко 1986: рис. 20: 1); 5, 6 — Болгар (по Хлебникова 1988: рис. 35: 4; 36: 7); 7 — Большой Шихан (по Васильева 1993: рис. 10); 8 — Ляпинская Балка (по Кравченко 2015: рис. 16: 1); 9 — Маджар; 10, 11 — Нижнее Поволжье (по Федоров-Давыдов 2001: табл. 44: 3; 32: 1); 12 — Самойлово (по Кравченко 2015: рис. 13: 2); 13 — Сухая Речка (по Васильева 1993: рис. 7); 14 — Укек (по Кубанкин 2014: рис. 2: 2); 15 — Царино городище (по Кравченко 2015: рис. 22: 6).

Fig. 3. Post-saltov pottery tradition. Middle-sized jugs. 1—3 — Azak; 4 — Akkerman (after Кравченко 1986: рис. 20: 1); 5, 6 — Bolgar (after Хлебникова 1988: рис. 35: 4; 36: 7); 7 — Bolshoy Shikhan (after Васильева 1993: рис. 10); 8 — Lyapinskaya Balka (after Кравченко 2015: рис. 16: 1); 9 — Madzhar; 10, 11 — Lower Volga Region (after Федоров-Давыдов 2001: табл. 44: 3; 32: 1); 12 — Samoylovo (after Кравченко 2015: рис. 13: 2); 13 — Sukhaya Rechka (after Васильева 1993: рис. 7); 14 — Ukek (after Кубанкин 2014: рис. 2: 2); 15 — Tsarino hillfort (after Кравченко 2015: рис. 22: 6).

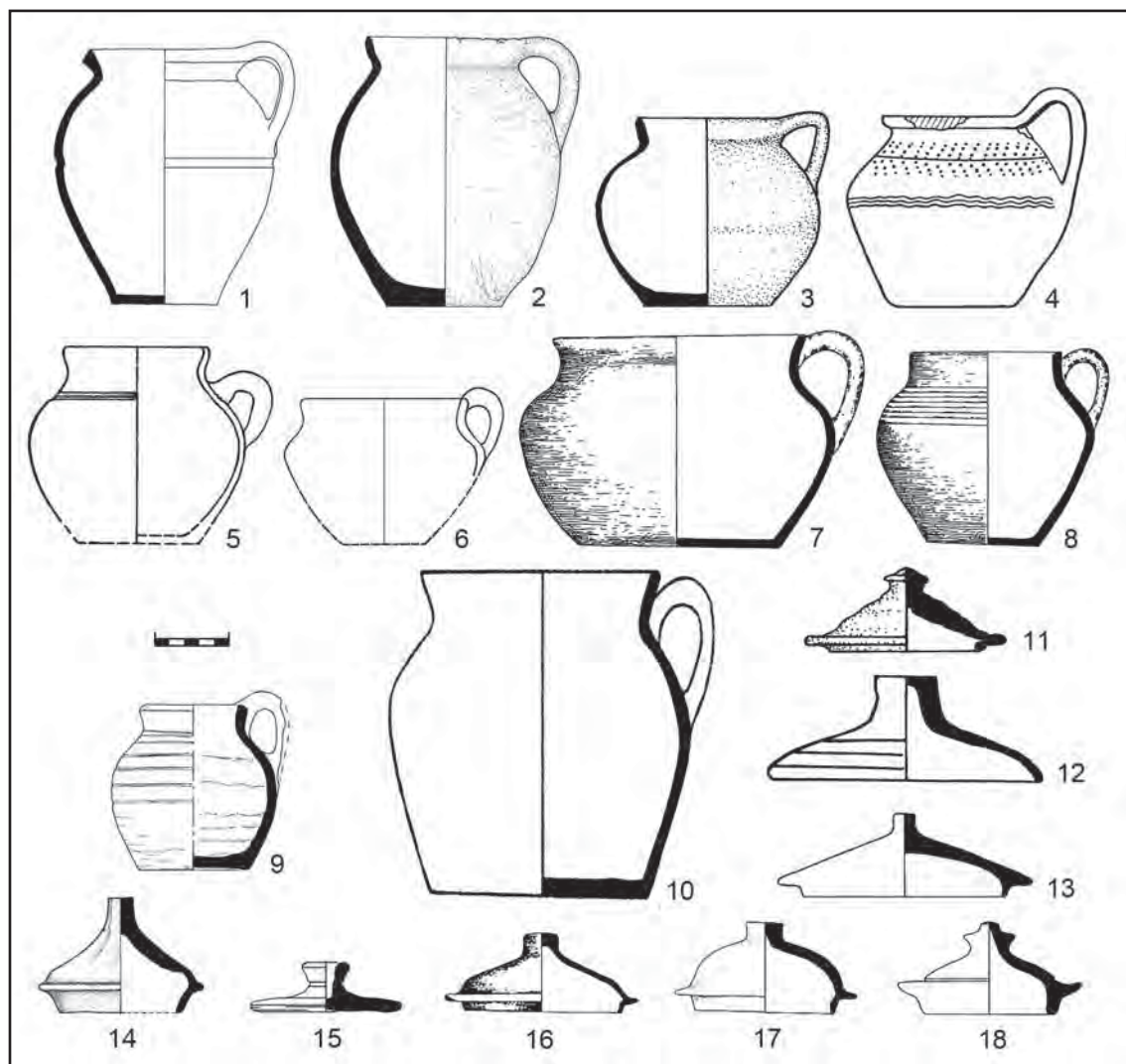

Рис. 4. Постсалтовская гончарная традиция. Горшки (1—10); крышки (11—18). 1—3, 11 — Азак; 4, 12 — Аккерман (по Кравченко 1986: рис. 19: 3; 23: 9); 5, 6, 13 — Болгар (по Хлебникова 1988: рис. 51: 15; 53: 7); 7, 8, 16 — Нижнее Поволжье (по Федоров-Давыдов 2001: табл. 10: 2; 13: 4; 92: 1); 14, 15 — Маджар (по Волков 2016: рис. 6: 7); 17 — Сарайчик (по Самашев, Кузнецова, Плахов 2008: 43); 18 — Укек (по Недашковский 2000: рис. 25: 2).

Fig. 4. Post-saltov pottery tradition. Pots (1—10); lids (11—18). 1—3, 11 — Azak; 4, 12 — Akkerman (after Кравченко 1986: рис. 19: 3; 23: 9); 5, 6, 13 — Bolgar (after Хлебникова 1988: рис. 51: 15; 53: 7); 7, 8, 16 — Lower Volga Region (after Федоров-Давыдов 2001: табл. 10: 2; 13: 4; 92: 1); 14, 15 — Madzhar (after Волков 2016: рис. 6: 7); 17 — Saraichik (after Самашев, Кузнецова, Плахов 2008: 43); 18 — Ukek (after Недашковский 2000: рис. 25: 2).

1—5), имевшие преимущественно форму, близкую к шаровидной или биконической, и различающиеся оформлением верхней части горла. Не менее многочисленны, по крайней мере, по числу склеенных экземпляров, чашевидные сосуды с горизонтально отогнутым венчиком (рис. 7: 6—9). В литературе они имеют самые различные названия: чаши, с отсылкой к каракурумским аналогиям (Михальченко 1973: 127), миски (Фёдоров-Давыдов 2001: 113—130; Зелене-ев, Курочкина 2009: 168—170), тагора (Курочкина 2002: 92). Они производились даже

в небольших гончарных центрах, за исключением вероятно Приднестровья. Большинство из них имело непищевое назначение. Иногда они имеют налет селитры на внутренней стороне и обнаруживаются в заполнении туалетов вместе с туваками. Вероятно, они имели всё же более широкие функции, чем служить для слива грязной воды или в качестве ночного горшка. Предлагается называть эти сосуды тазами, как более нейтральным термином с широким значением. Следует отметить, что встречаются близкие по профилировке столовые сосуды, отличающиеся тон-

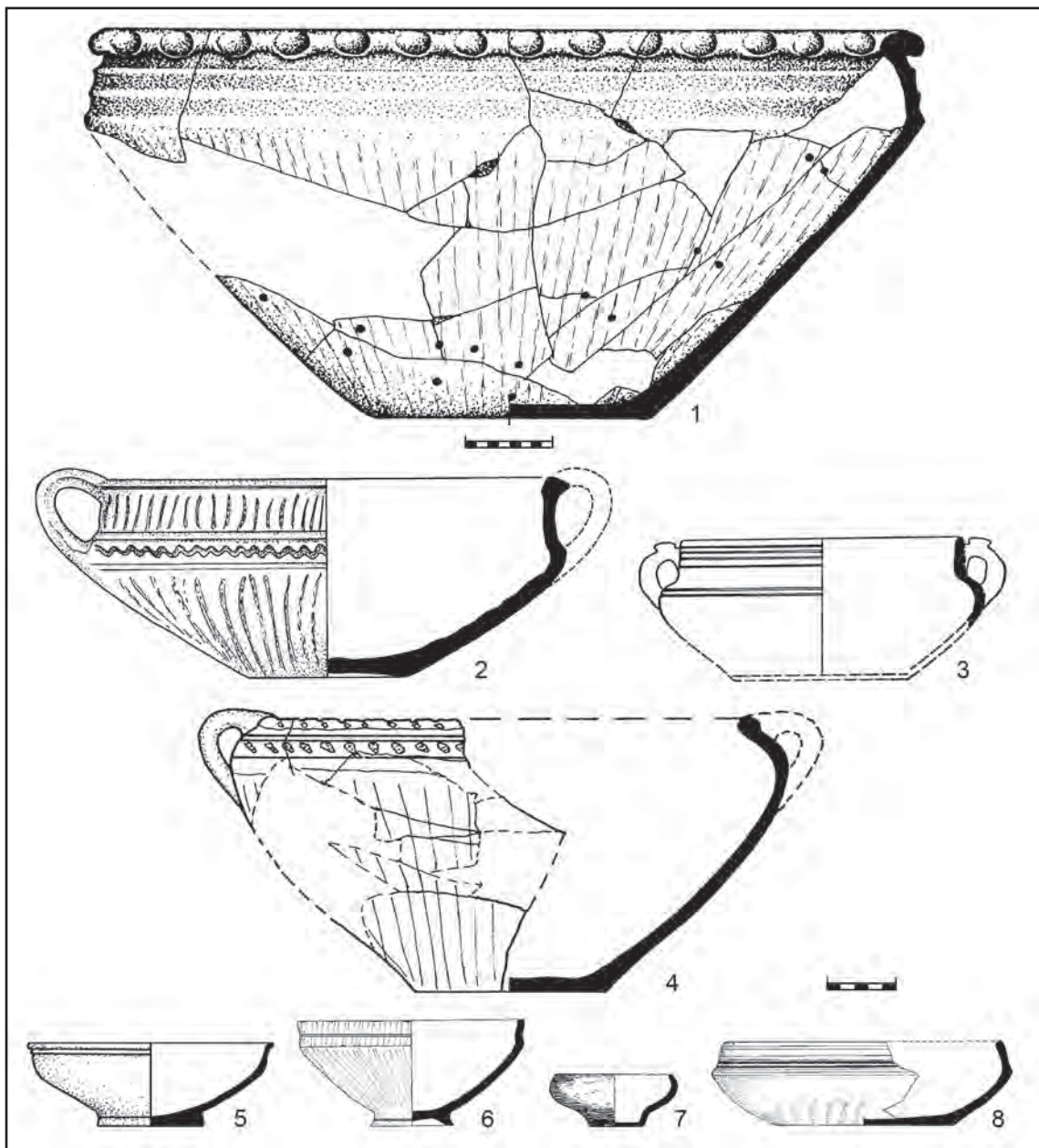

Рис. 5. Постсалтовская гончарная традиция. Большие чаши (1—4); чаши (5—8). 1, 2, 5, 6 — Азак; 3 — Болгар (по Хлебникова 1988: рис. 60: 2); 7 — Царевское городище (по Фёдоров-Давыдов 2001: табл. 71: 3); 8 — Маджар.

Fig. 5. Post-saltov pottery tradition. Big bowls (1—4); bowls (5—8). 1, 2, 5, 6 — Azak; 3 — Bolgar (after Хлебникова 1988: рис. 60: 2); 7 — Tsarevskoye hillfort (after Фёдоров-Давыдов 2001: табл. 71: 3); 8 — Madzhar.

костью стенок, наличием ручек, орнамента или ангоба.

По числу целых находок на одном из первых мест находятся туваки (рис. 7: 10—14). Производились они не только в крупных городах, но и в небольших гончарных центрах. Тремя видами изделий представлены осветительные приборы (рис. 6: 14—25). Это масляные лампы с низким открытым корпусом (рис. 6: 14, 15, 17), плоскодонные лампы с патроном для свечи в центре (рис. 6: 16, 18—20).

Последней редкой формой являются комбинированные лампы-подсвечники на поддоне или ножке различной высоты (рис. 6: 21—25), которые появляются, очевидно, только в золотоордынское время.

В ассортимент гончаров золотоордынских городов входил ряд изделий с различными особыми функциями, распространившийся в Восточной Европе только в золотоордынский период. Копилки (рис. 6: 8—13) встречены повсеместно, но не одинаково ча-

сто. При значительной вариации форм преобладают усеченношаровидные сосуды. Трубы (кубуры) (рис. 8: 1—4) использовались как при сооружении водопроводов, так и дымоходов. Дигирные сосуды (рис. 8: 5—8) изготавливались видимо по всей территории Золотой Орды, кроме, по понятным причинам, Волжской Булгарии.

Наряду с этими формами выпускался ещё ряд малочисленных видов изделий (тарелки и блюда, гульбаданы, различные формы водоев, полые шары с отверстиями, трапециевидные формочки, игрушки и др.).

К сожалению, наиболее интересный для нас период 2-й пол. XIII в., время создания гончарного производства на территории Золотой Орды, на настоящий момент изучен крайне слабо. По сути, мы фиксируем его в уже сложившемся виде. На протяжении XIV в. происходит эволюция постсалтовской гончарной традиции, которая протекала с разной скоростью в населенных пунктах разного размера. В отдельных крупных городских центрах, под воздействием мастеров, переселившихся из Волжской Булгарии, Закавказья, Хорезма, гончары овладели более совершенными технологиями. При этом, как правило, переставали использоваться лощение, ангоб, упрощалась орнаментация, несколько видоизменялись формы сосудов и появлялись новые виды изделий. Мог исчезать дополнительный жгут на внутренней стороне нижнего прилепа ручки. Только в Волжской Булгарии вытянутые на круге сосуды по-прежнему продолжали покрывать лощением. В пределах конкретных центров со временем, видимо, уменьшалось типовое разнообразие. Развитие этой гончарной традиции не было прервано с гибелью золотоордынских городов, но её дальнейшее развитие выходит за рамки моего исследования.

Вторую часть керамического комплекса золотоордынских городов изготавливали мастера, попавшие в пределы Восточной Европы только в золотоордынский период. Они были заметно малочисленней и наладили производство только в крупных и средних по размеру городах. В некоторых случаях (Укек, Волжская Булгария) дело ограничилось выпуском единичных партий продукции, иногда информации о наличии местного производства у нас просто недостаточно (Мохши, Сарайчик). По многим признакам, например, по технике изготовления поддонов, очевидно происхождение гончаров из различных районов. Это привело к существенным отличиям продукции разных городов. Самым вероятным пред-

ставляется их приезд с территории Закавказья (кроме Ширвана). Наиболее заметны различия между гончарными центрами в Азаке и к востоку от него и центрами Юго-Восточного Крыма и к западу от него. И те и другие изготавливали сосуды при помощи вытягивания их на круге из комка глины (РФК-6—7). Они производили и поливную, и неполивную керамику. Ассортимент пришлых гончаров и мастеров, работавших в постсалтовской гончарной традиции, пересекался в небольшой степени. Это касается преимущественно некоторых форм непищевой посуды (копилки, тазы, светильники, туваки и др.).

В большинстве центров, за исключением Юго-Восточного Крыма, они сосуществовали с мастерами постсалтовской гончарной традиции. Несмотря на их технологическое превосходство и на порядок более высокую производительность, на протяжении нескольких десятилетий они не оказывали почти никакого влияния на аборигенных мастеров. Лишь в последний период существования золотоордынских городов начался процесс их симбиоза, прерванный военной катастрофой. Исключением стали некоторые города столичного Нижневолжского региона, где этот процесс начался раньше и зашел гораздо дальше. Несмотря на наличие в нижневолжских столичных центрах крупных производств, доля керамики этой группы была невелика и составляла от долей процента до 10—20%.

Гончары этой традиции, работавшие в восточных районах (Азак, Маджар, Нижнее Поволжье), не использовали ангоб на неполивных сосудах. Лощение в целом нехарактерно, хотя в Маджаре и Азаке часть сосудов всё же лощилась. Хотя им было известно производство штампованной керамики, её количество было очень невелико. Крупные неполивные сосуды, как, например, ямы, составляют очень небольшую долю. Большую часть ассортимента неполивных изделий составляли кувшины среднего размера (рис. 9: 1), горшки, кружки (кувшинчики) (рис. 9: 2—4), афтобы (рис. 10: 2, 3), тазы (рис. 9: 7—9), туваки (рис. 10: 9—11), копилки (рис. 10: 7, 8), масляные лампы (рис. 10: 4, 5) и комбинированные лампы-подсвечники (рис. 10: 6). Выпускались также чаши (рис. 9: 6) и тарелки (рис. 9: 5), большей частью повторяющие формы поливных сосудов, трубы (рис. 10: 12). В Маджаре в небольшом количестве производились сфероконусы (рис. 10: 1).

Среди поливных сосудов наиболее многочисленны чаши с сегментовидным туло-

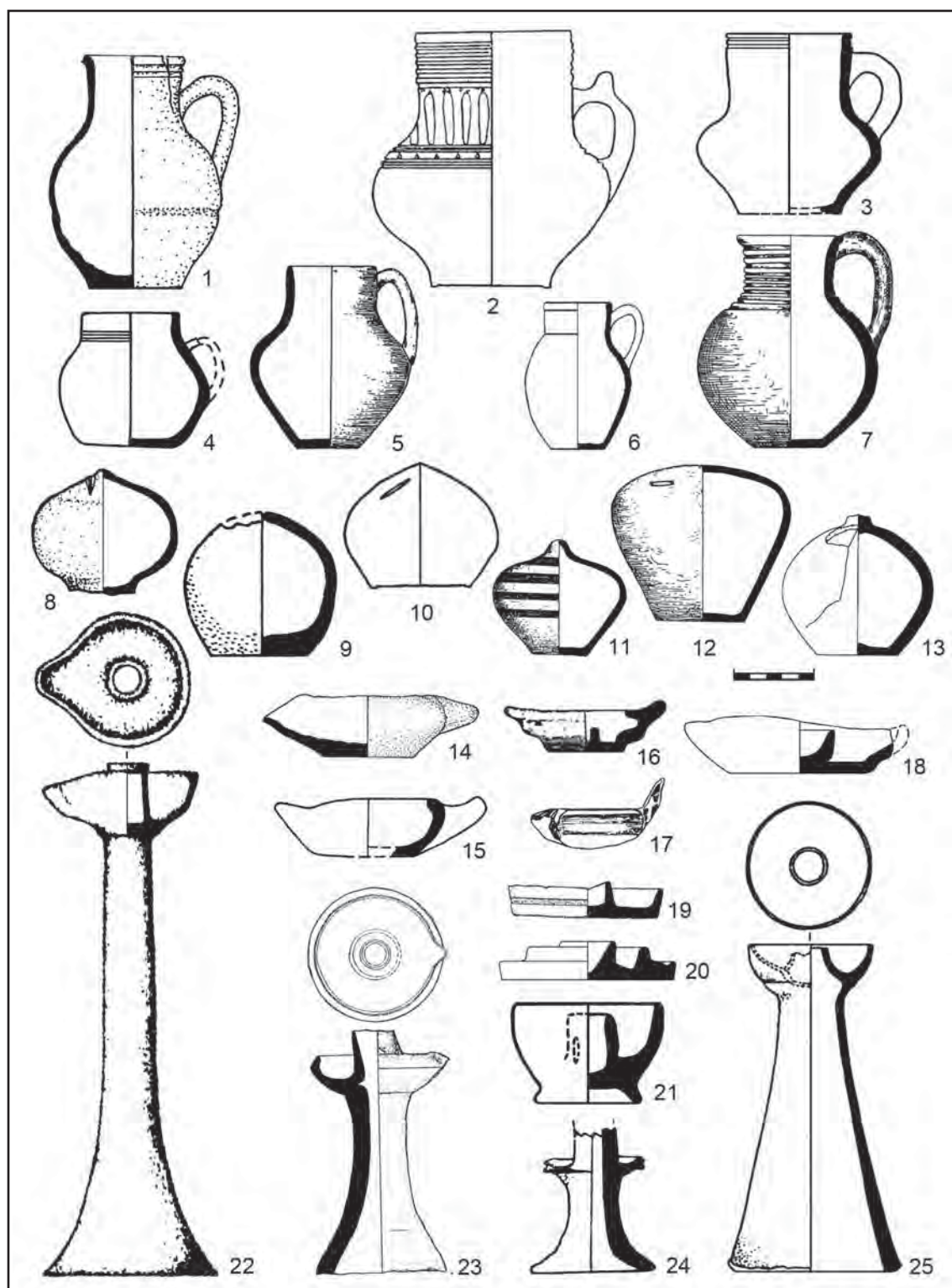

Рис. 6. Постсалтовская гончарная традиция. Кружки (кувшинчики) (1—7); копилки (8—13); светильники-подсвечники (14—25). 1, 8, 14, 19, 22, 23 — Азак; 2, 3, 10, 15, 21 — Болгар (по Хлебникова 1988: рис. 45: 5; 43: 19; 71: 16; 63: 3, 4); 4, 9, 24 — Аккерман (по Кравченко 1986: рис. 17: 6; 23: 2, 7); 5, 12, 16 — Нижнее Поволжье (по Фёдоров-Давыдов 2001: табл. 46: 2; 89: 2; 95: 4); 6, 17, 25 — Сарайчик (по Самашев, Кузнецова, Плахов 2008: 37; 44); 7, 13, 18, 20 — Укек (по Фёдоров-Давыдов 2001: табл. 49: 2; Недашковский 2000: рис. 27: 5; 25: 9, 7); 11 — Маджар (по Фёдоров-Давыдов 2001: табл. 89: 5).

Fig. 6. Post-saltov pottery tradition. Mugs (tiny jugs) (1—7); money boxes (8—13); light fixtures-candlesticks (14—25). 1, 8, 14, 19, 22, 23 — Azak; 2, 3, 10, 15, 21 — Bolgar (after Хлебникова 1988: рис. 45: 5; 43: 19; 71: 16;

63: 3, 4); 4, 9, 24 — Akkerman (after Кравченко 1986: рис. 17: 6; 23: 2, 7); 5, 12, 16 — Lower Volga Region (after Фёдоров-Давыдов 2001: табл. 46: 2; 89: 2; 95: 4); 6, 17, 25 — Saraichik (after Самашев, Кузнецова, Плахов 2008: 37; 44); 7, 13, 18, 20 — Ukek (after Фёдоров-Давыдов 2001: табл. 49: 2; Недашковский 2000: рис. 27: 5; 25: 9, 7); 11 — Madzhar (after Фёдоров-Давыдов 2001: табл. 89: 5).

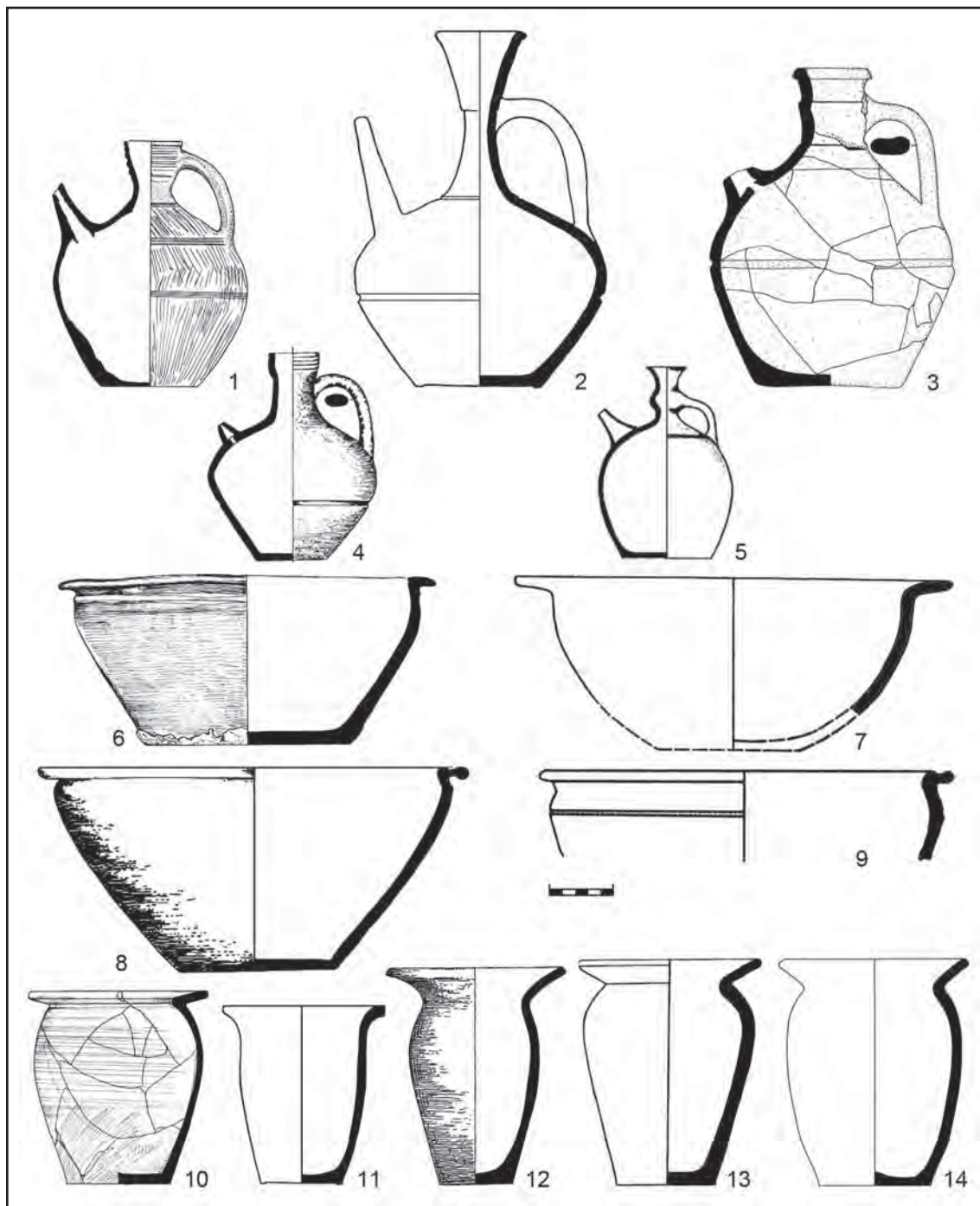

Рис. 7. Постсалтовская гончарная традиция. Афтобы (1—5); тазы (6—9); туваки (10—14). 1, 6, 10 — Азак; 2, 7, 11 — Болгар (по Хлебникова 1988: рис. 39: 1; 61: 14; 66: 5); 3 — Маджар; 4, 8, 12 — Нижнее Поволжье (по Фёдоров-Давыдов 2001: табл. 51: 2; 67; 90: 3); 5, 9, 13 — Сарайчик (по Самашев, Кузнецова, Плахов 2008: 39, 43); 14 — Укек (по Недашковский 2000: рис. 27: 3).

Fig. 7. Post-saltov pottery tradition. Aftobas (aquamanales) (1—5); basins (6—9); tuvaks (10—14). 1, 6, 10 — Azak; 2, 7, 11 — Bolgar (after Хлебникова 1988: рис. 39: 1; 61: 14; 66: 5); 3 — Madzhar; 4, 8, 12 — Lower Volga Region (after Фёдоров-Давыдов 2001: табл. 51: 2; 67; 90: 3); 5, 9, 13 — Saraichik (after Самашев, Кузнецова, Плахов 2008: 39, 43); 14 — Ukek (after Недашковский 2000: рис. 27: 3).

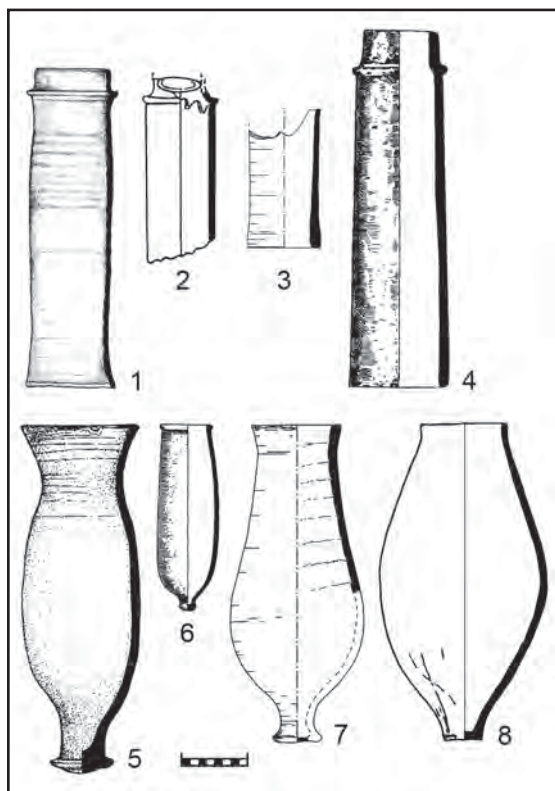

Рис. 8. Постсалтовская гончарная традиция. Трубы (1—4); дигири (5—8). 1, 5 — Азак; 2 — Аккерман (по Кравченко 1986: рис. 23: 17); 3, 7 — Маджар (по Волков 2016: рис. 12: 1, 2); 4, 6 — Нижнее Поволжье (по Фёдоров-Давыдов 2001: табл. 99: 1; 97: 2); 8 — Шумейка (по Волков, Малышев, Тугушев 2013: рис. 1: 2).

Fig. 8. Post-saltov pottery tradition. Tubes (1—4); water wheel vessels (5—8); 1, 5 — Azak; 2 — Akkerman (after Кравченко 1986: рис. 23: 17); 3, 7 — Madzhar (after Волков 2016: рис. 12: 1, 2); 4, 6 — Lower Volga Region (after Фёдоров-Давыдов 2001: табл. 99: 1; 97: 2); 8 — Shumeyka (after Волков, Малышев, Тугушев 2013: рис. 1: 2).

вом (рис. 11: 8) и чаши с высоким бортиком (рис. 11: 7), афтобы (рис. 12: 5), а также кувшинчики (кружки) с шаровидным туловом (рис. 11: 3). Выпускались также кувшины (рис. 11: 1, 2) и кружки (рис. 11: 4) других форм, горшки (рис. 11: 5), тарелки (рис. 11: 6), чашечки (рис. 11: 9) с диаметром венчика 9—11 см, масляные лампы (рис. 12: 4) и туваки (рис. 12: 8). Производилась в восточных регионах и мелкая поливная тара: амфоры (рис. 12: 1—3) и альбарелло (рис. 12: 6, 7), но широкого распространения она не получила. Крупные чаши и блюда крайне редки. Для ornamentации использовалась техника сграффито и роспись ангобом. Полихромная расцветка сосудов дальше нескольких проб развития не получила.

Производство этой группы керамики появилось в городах Золотой Орды не ранее начала XIV в., а массовым оно стало только ближе к сер. XIV в. В это время начинается активный экспорт этой керамики в другие регионы (Среднее Поволжье, Русь). Со временем растёт доля керамики со сложной орнаментацией. Её развитие обрывается в конце XIV в.

Особое место среди гончарных производств Золотой Орды занимали центры Юго-Восточного Крыма (Солхат, Судак, Каффа). В отличие от регионов, расположенных к востоку, в их возникновении, наряду с пришлыми мастерами, вероятно, участвовали гончары местного происхождения. Эти мастерские оказались настолько мощными, что на протяжении долгого времени обеспечивали поливной керамикой большую часть Восточной Европы (Бочаров, Масловский 2015; Масловский 2015) и поэтому, в немалой степени, определяли облик керамического комплекса Золотой Орды. За исключением небольшой части тарных кувшинов, сосуды вытягивались из комка глины (РФК-6—7). В качестве сырья использовались пластичные глины в чистом виде или, значительно чаще, с примесью шамота. Для неполивной керамики мог использоваться коричневый ангоб. Для орнаментации поливной керамики использовались техника сграффито, роспись ангобом, штамповка, подглазурная роспись. Здесь, в отличие от восточных центров, была также распространена техника сграффито с полихромной расцветкой. Существуют значительные различия на уровне базовых технологических приемов между отдельными центрами Юго-Восточного Крыма.

Неполивная часть ассортимента группы изучена недостаточно. Можно лишь констатировать его достаточное разнообразие. Выпускались кувшины, афтобы, горшки, двуручные глубокие миски (рис. 14: 10), трубы, копилки (рис. 13: 9), подсвечники и даже амфоры. Поливная керамика наиболее разнообразна в сравнении с продукцией других золотоордынских центров. Среди кувшинов можно выделить четыре основных формы. Плоскодонные кувшины с шаровидным (рис. 13: 2) и удлинённым корпусом (рис. 13: 3). Кувшины на кольцевом поддоне с биконическим туловом (рис. 13: 4) очень вариabельны по профилировке верхней части сосуда. Кувшины на кольцевом поддоне со штампованным орнаментом (рис. 13: 5) имеют горло, примерно равное 1/2 всей высоты сосуда. Афтобы с шаровидным туловом (рис. 13: 6) пред-

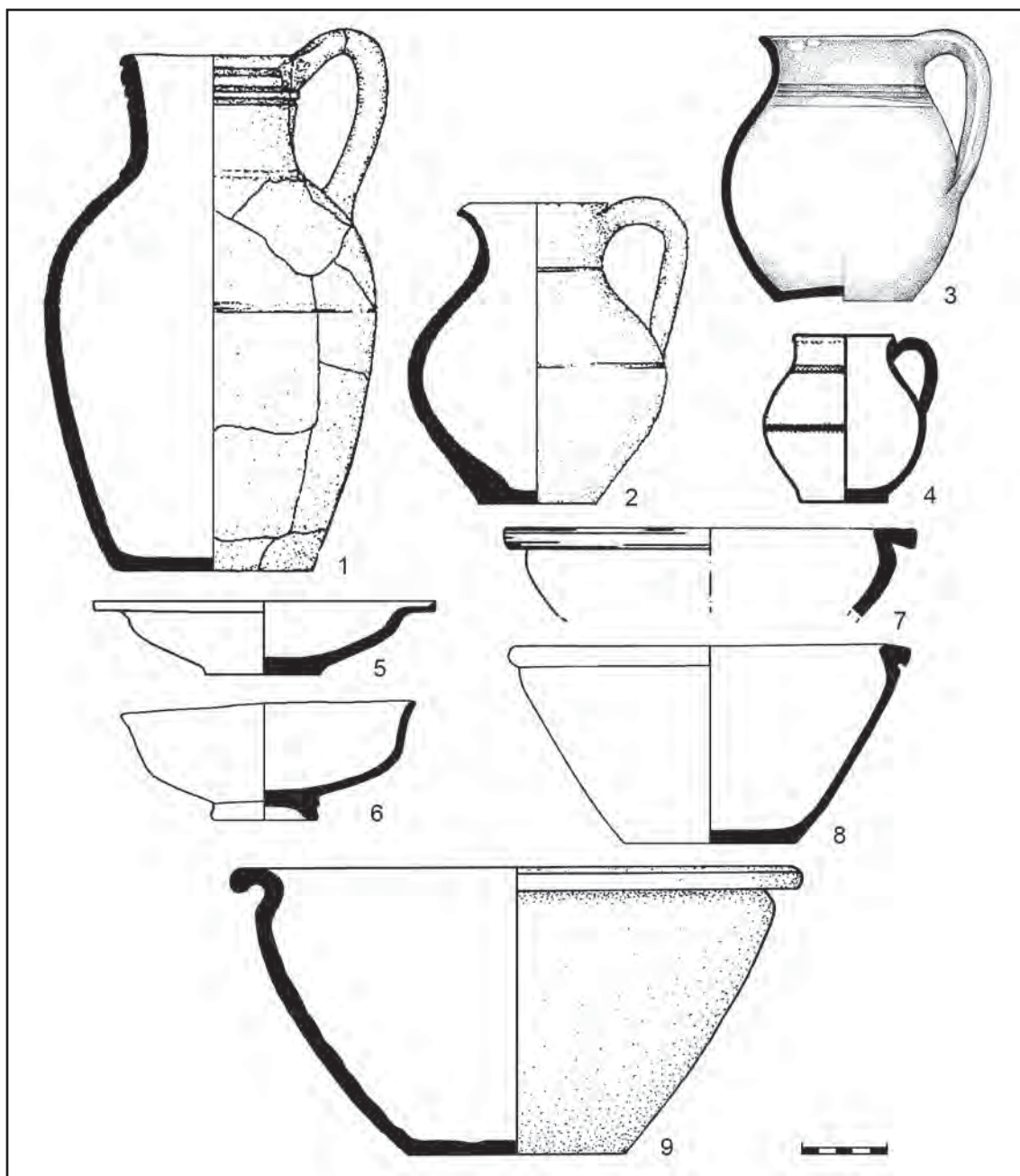

Рис. 9. «Закавказская» гончарная традиция. Неполированная керамика. Кувшины (1); кружки (2—4); тарелка (5); чаша (6); тазы (7—9). 1—3, 9 — Азак; 4—6, 8 — Нижнее Поволжье (по Зеленева, Курочкина 2009: рис. 81: 1; 85: 2; 83: 10; 86: 6); 7 — Маджар (по Волков 2016: рис. 20: 5).

Fig. 9. “Transcaucasian” pottery tradition. Unglazed pottery. Jugs (1); mugs (2—4); plate (5); bowl (6); basins (7—9). 1—3, 9 — Azak; 4—6, 8 — Lower Volga Region (after Зеленева, Курочкина 2009: рис. 81: 1; 85: 2; 83: 10; 86: 6); 7 — Madzhar (after Волков 2016: рис. 20: 5).

ставлены несколькими размерными типами. Ни в одном другом регионе Золотой Орды не выпускалось такого количества аптечных амфор (рис. 13: 7). Они имели несколько размерных стандартов от 17—18 до примерно 40 см высотой. Также широко распространялись богато орнаментированные крымские альбарелло на кольцевом поддоне (рис. 13: 8),

во многих случаях приписываемые авторами к местной продукции (Булатов 1976: 89; Тихомолова, Попандопуло 2005: 192). Очень разнообразны типологически поливные сосуды открытых форм: тарелки (рис. 14: 1), блюда (рис. 14: 2), большие чаши (рис. 14: 4, 5), чашечки (рис. 14: 6), чаши (рис. 14: 3, 7—9, миски с ручками (рис. 14: 10). Только этот реги-

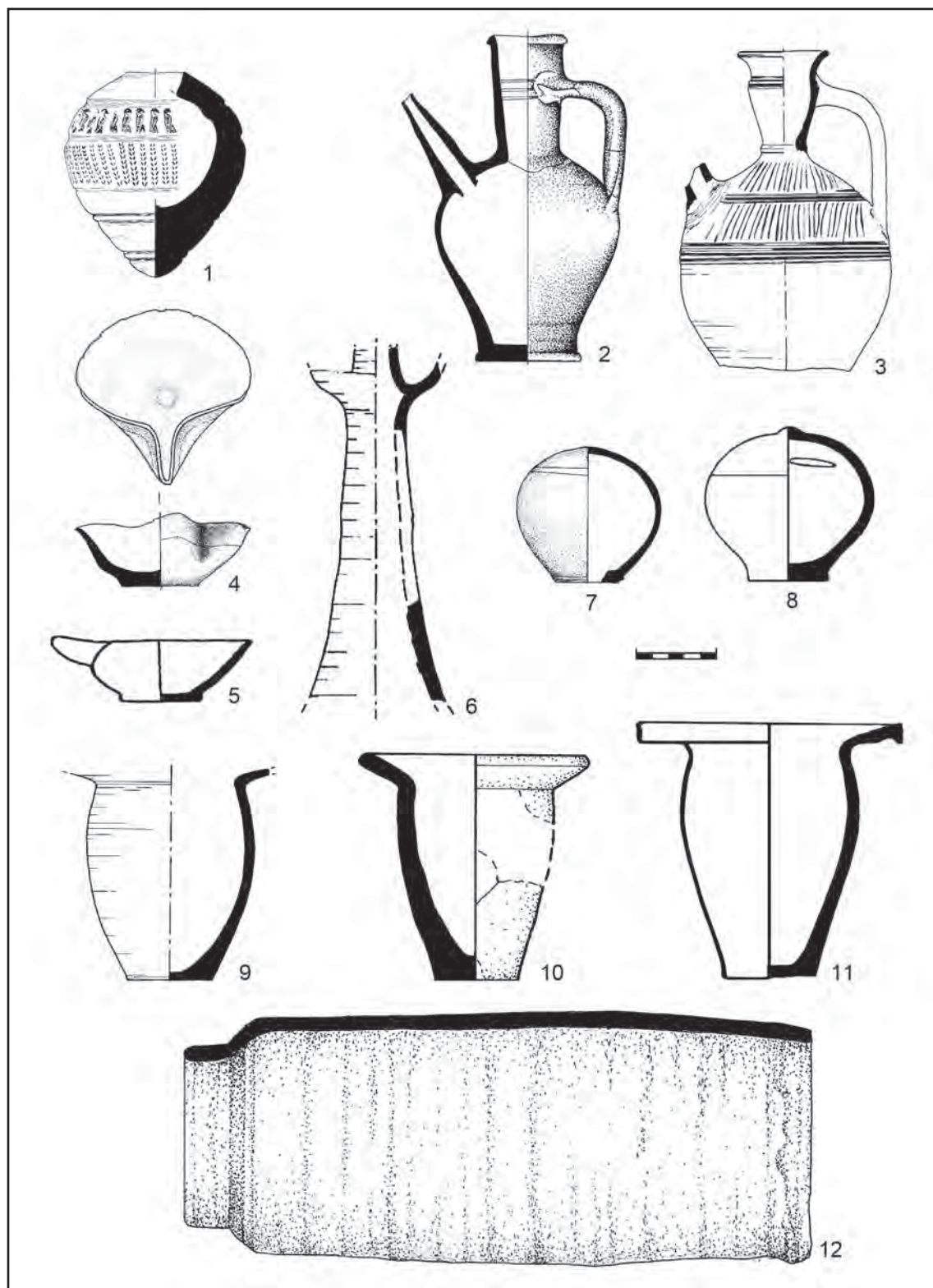

Рис. 10. «Закавказская» гончарная традиция. Неполивная керамика. Сфероконусы (1); афтобы (2, 3); светильники (4—6); копилки (7, 8); тувакы (9—11); трубы (12). 1, 3, 6, 9 — Маджар (по Волков 2016: рис. 27: 5; 19: 3; 23: 3; 20: 10); 2, 4, 7, 10, 12 — Азак; 5, 8, 11 — Царевское городище (по Зеленева, Курочкина 2009: рис. 87: 5; 89: 3; 88: 3).

Fig. 10. “Transcaucasian” pottery tradition. Unglazed pottery. Spheroconical vessels (1); aftobas (aquamanales) (2, 3); light fixtures (4—6); money boxes (7, 8); tuvaks (9—11); tubes (12). 1, 3, 6, 9 — Madzhar (after Волков 2016: рис. 27: 5; 19: 3; 23: 3; 20: 10); 2, 4, 7, 10, 12 — Azak; 5, 8, 11 — Tsarevskoye hillfort (after Зеленева, Курочкина 2009: рис. 87: 5; 89: 3; 88: 3).

Рис. 11. «Закавказская» гончарная традиция. Поливная керамика. Кувшины (1, 2); кувшинчики (кружки) (3, 4); горшок (5); блюдо (6); чаши (7, 8); чашечка (9). 1—8 — Азак; 9 — Маджар (по Волков 2016: рис. 42).

Fig. 11. “Transcaucasian” pottery tradition. Glazed pottery. Jugs (1, 2); tiny jugs (mugs) (3, 4); pot (5); dish (6); bowls (7, 8); little bowl (9). 1—8 — Azak; 9 — Madzhar (after Волков 2016: рис. 42).

он выпускал в заметном количестве крупные сосуды — блюда и чаши с диаметром венчика до 40 см и, вероятно, больше.

Кроме поливной керамики, за пределы полуострова в заметном количестве вывозились, очевидно, вместе со своим содержимым, только тарные кувшины с яйцевидным туловом и врезным орнаментом на верхней части тулова (рис. 13: 1).

Особенностью керамического комплекса Крымского полуострова было то, что сюда почти не проникала продукция других регионов Золотой Орды.

Орнаментация и в меньшей степени морфология сосудов заметно изменялась со временем. Это делает их хорошим датированным

материалом для золотоордынских памятников. Производство этой группы керамики появляется, вероятно, уже в 3-й четв. XIII в. в Судак. В 1-й пол. XIV в. наиболее многочисленна продукция Солхата. С сер. XIV в. увеличивается доля керамики Каффы. Первоначально, большая часть поливной керамики была не орнаментирована. Для периода до конца 1-й четв. XIV в. характерны кувшины со штампованным орнаментом, покрытые ангобом. Монетами 1330-х гг. датируется абсолютное большинство сосудов открытых форм, орнаментированных пятнами коричневого или марганцевого цвета. С середины XIV в. резко возрастает доля сосудов с расцветкой пятнами орнамента в технике сграф-

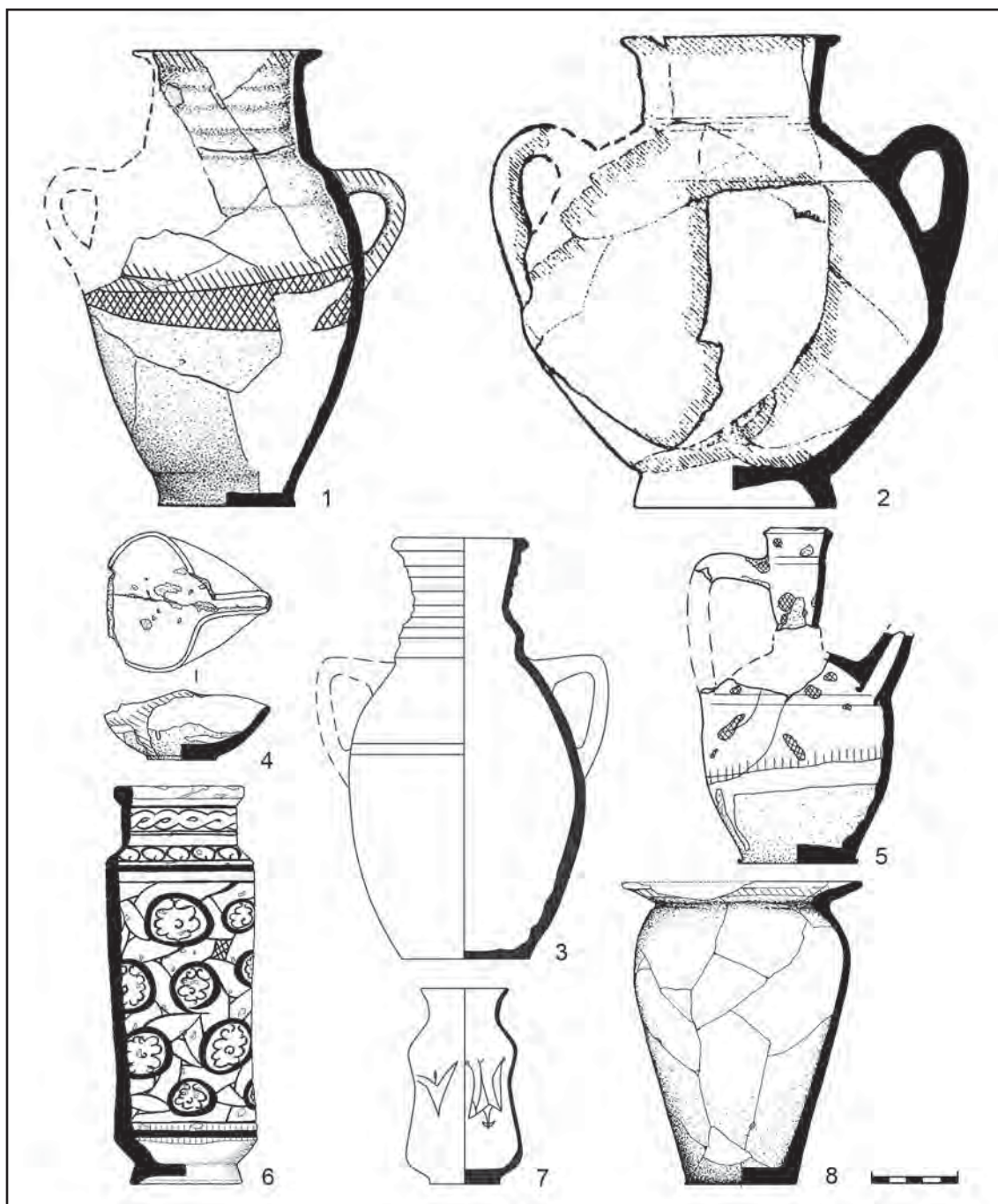

Рис. 12. «Закавказская» гончарная традиция. Поливная керамика. Аптечные амфоры (1—3); светильники (4); афтобы (5); альбарелло (6, 7); тувак (8). 1, 4, 5, 6, 8 — Азак; 2 — Маджар; 3, 7 — Царевское городище (по Зелене-ев, Курочкина 2009: рис. 94: 1; 96: 5).

Fig. 12. “Transcaucasian” pottery tradition. Glazed pottery. Pharmaceutical amphoras (1—3); light fixtures (4); aftobas (aquamaniles) (5); albarello (6, 7); tuvak (8). 1, 4, 5, 6, 8 — Azak; 2 — Madzhar; 3, 7 — Tsarevskoye hillfort (after Зелене-ев, Курочкина 2009: рис. 94: 1; 96: 5).

фито. Найдены подчас десятки сосудов с абсолютно идентичным декором, датирующиеся одними и теми же типами монет.

В середине XIV в. керамика Восточного Крыма была потеснена из Поволжского региона местной продукцией. В отличие от других

гончарных центров, производство керамики в городах Юго-Восточного Крыма не оборвалось в конце XIV в. Оно оказалось наиболее долговечным продолжаясь вплоть до конца XVIII в. Вероятно, при участии мастеров Юго-Восточного Крыма развилось производ-

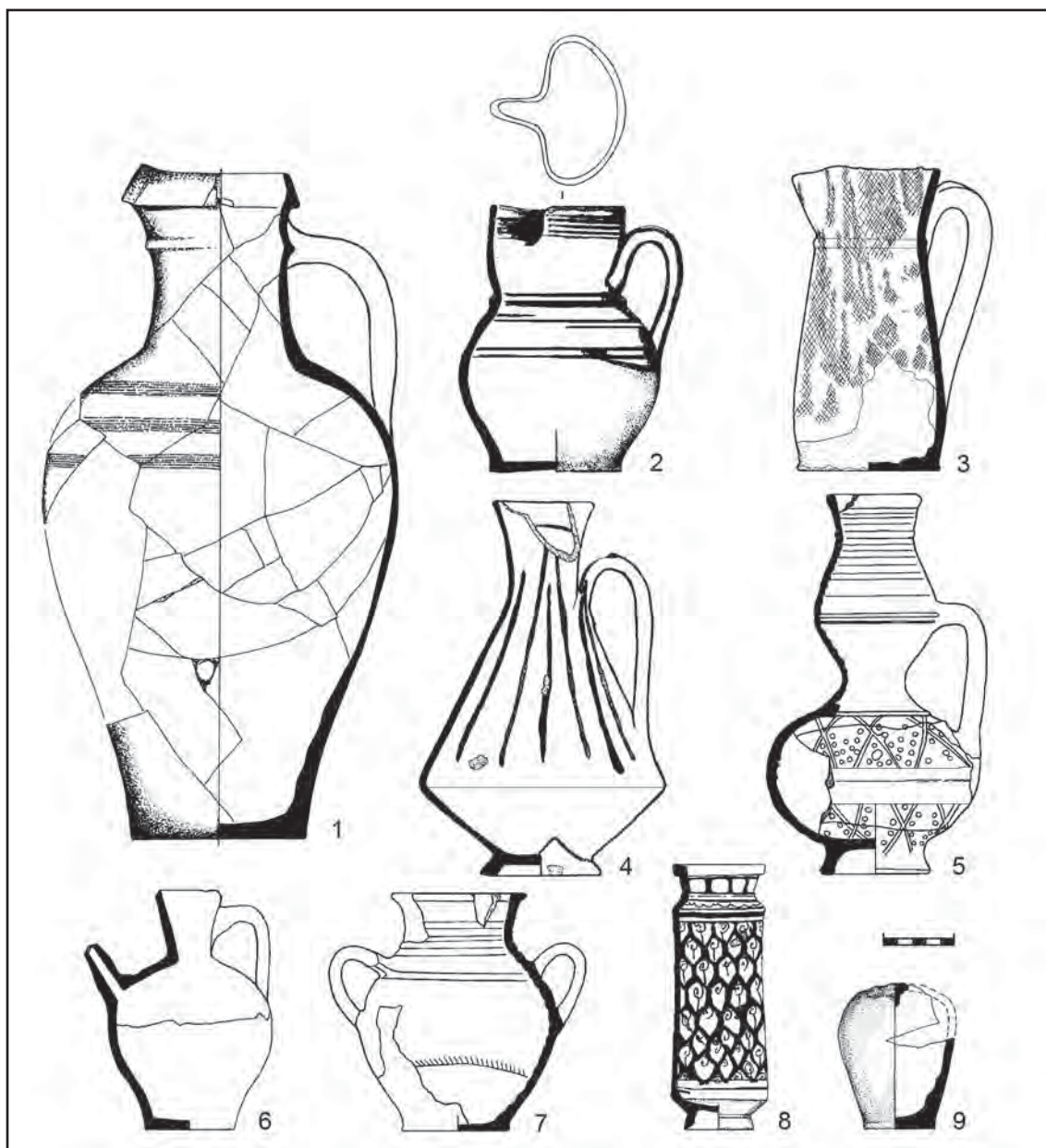

Рис. 13. Керамика Юго-Восточного Крыма. Тарный кувшин (1); поливные кувшины (2—5); афтоба (6); аптечная амфора (7); альбарелло (8); копилка (9).

Fig. 13. South-Eastern Crimea pottery. Container jug (1); glazed jugs (2—5); aftobas (aquamanale) (6); pharmaceutical amphoras (7); albarelo (8); money box (9).

ство подобной керамики в городах Поднестро-
вья, хотя здесь нужны дополнительные иссле-
дования.

Особняком стоит производство кашин-
ной керамики, являющейся ещё одной ви-
зитной карточкой золотоордынской археоло-
гии. Ей посвящено большое число публика-
ций. Правда, большинство из них посвящено
орнаментации (Булатов 1968; Носкова 1976;
Шляхова 1980; Скоробогатова 1983; Лисо-
ва 2012). Для изготовления кашины исполь-
зовались высококремнеземные массы со свя-

зующими добавками. Достоверно установле-
но её производство только для Селитренного
и Царевского городищ. Возможно, она произ-
водилась также в Укеке. Ассортимент состо-
ял из следующих форм: вазы (рис. 15: 1), бу-
тыли (рис. 15: 2), альбарелло (рис. 15: 3),
кувшины (рис. 15: 4), чернильницы (рис. 15: 5),
гулябданы (рис. 15: 6), блюда (рис. 15: 7), ча-
шечки (рис. 15: 8) чаши (рис. 15: 9—11). Впро-
чем, большую часть находок составляют чаши
всего нескольких типов с диаметром венчика
16—19 см.

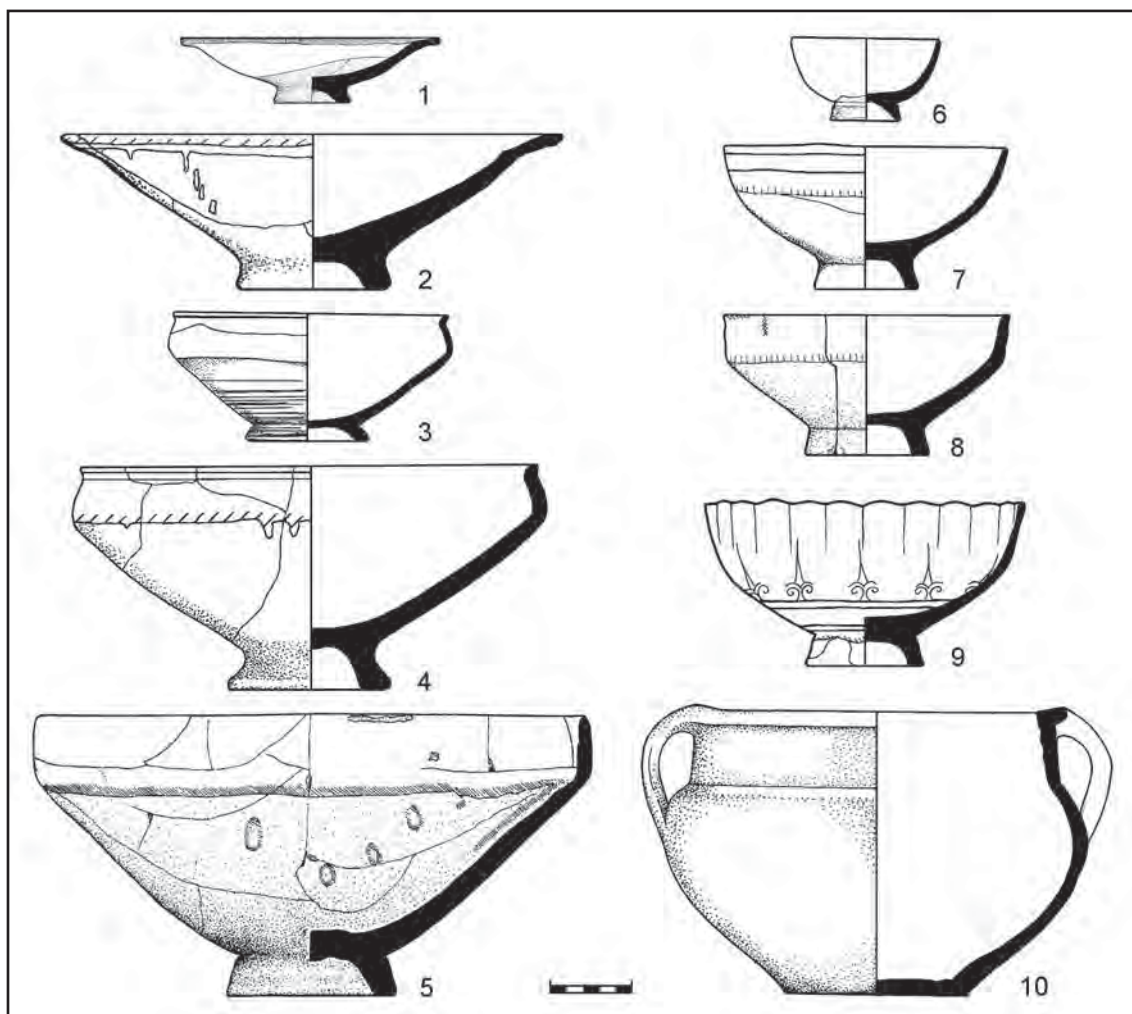

Рис. 14. Керамика Юго-Восточного Крыма. Тарелка (1); блюдо (2); большие чаши (4, 5); чаши (3, 7—9); чашечка (6); миска с ручками (10). Место находки — Азак.

Fig. 14. South-Eastern Crimea pottery. Plate (1); dish (2); big bowls (4, 5); bowls (3, 7—9); small cup (6), tureen with handles (10). Findings location — Azak.

Производство кашинных сосудов началось на территории Золотой Орды, вероятно, не ранее 2-й четв. XIV в., а по настоящему массовым оно становится к середине XIV в. Это хорошо согласуется с тем, что ремесло это было создано мастерами с территории Ирана, где в 1335 г. начинается кровавая смута. Нововведения, появившиеся на территории Золотой Орды, минимальны и сводятся преимущественно к некоторому упрощению орнаментов. Не замечается статистически значимой разницы в частоте использования той или иной техники орнаментации между кашинной керамикой разных хронологических отрезков. Производство кашинной керамики оборвалось в кон. XIV в.

Наряду с вышеперечисленными гончарными традициями, на территории Золотой Орды представлена и другая керамика, имев-

шая более локальное распространение и связанная с определенными этническими группами. Это преимущественно продукция домашнего промысла или ремесла с ограниченным рынком сбыта. Производилась главным образом кухонная посуда. Но эти группы гончаров испытывали воздействие ремесленников, владевших более совершенными технологиями. В частности, среди них распространяются округлые в плане гончарные двухъярусные горны, тогда как ранее гончары этих групп использовали для обжига керамики обычные бытовые печи. Доля их продукции постепенно снижалась. Это результат не только развития гончарного ремесла, но и снижения обособленности отдельных этнических групп.

Прежде всего, укажем на керамику древнерусского производства (рис. 16: 1—4). Она встречена не только на поселениях с пре-

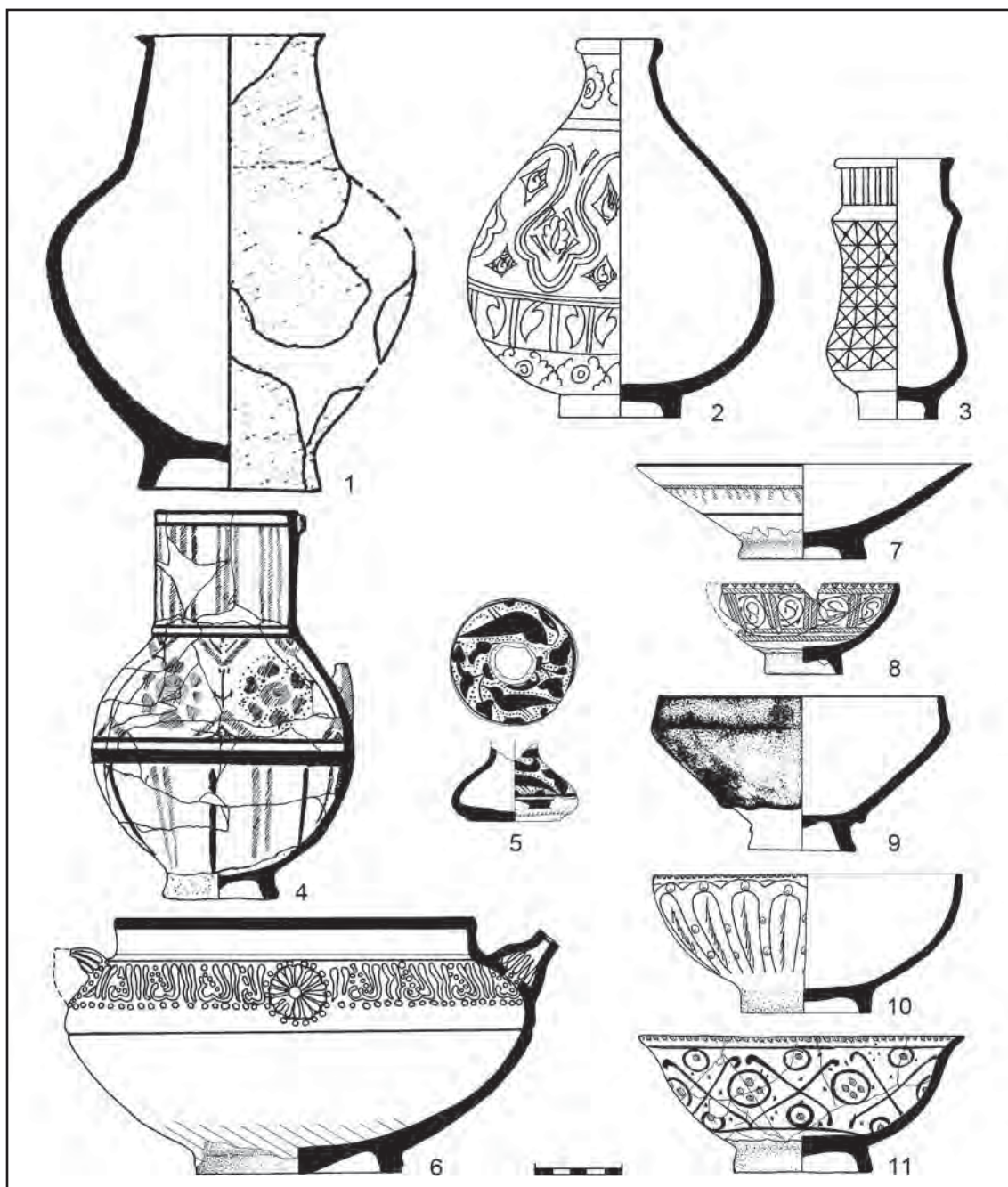

Рис. 15. Кашинная керамика. Ваза (1); бутыл (2); альбарелло (3); кувшин (4); чернильница (5); гульабдан (6); тарелка (7); чашечка (8); чаши (9—11). Место находки: 1, 4—11 — Азак; 2 — Царевское (2, 3 — по Лисова 2012: табл. 3: 1; 4: 6).

Fig. 15. Qashan pottery. Vase (1); bottle (2); albarello (3); jug (4); ink pot (5); gulabdan (6); plate (7); little bowl (8); bowls (9—11). Findings location: 1, 4—11 — Azak; 2 — Tsarevskoye settlement (2, 3 — after Лисова 2012: табл. 3: 1; 4: 6).

имущественно русским населением в Среднем Подонье, но и в крупных городах Поволжья и в Азаке. В Укеке она составляет вторую по численности группу керамики. Её производство на территории Золотой Орды изучено плохо. Немалая её часть поступала сюда вместе с мигрантами, как это прослеживается для

Азака. Локальным вариантом древнерусской является производство марийской керамики, отличающейся примесью дробленой раковины (рис. 16: 5) и распространенной на территории Волжской Булгарии.

Наиболее примитивной в плане организации производства следует считать мордовскую

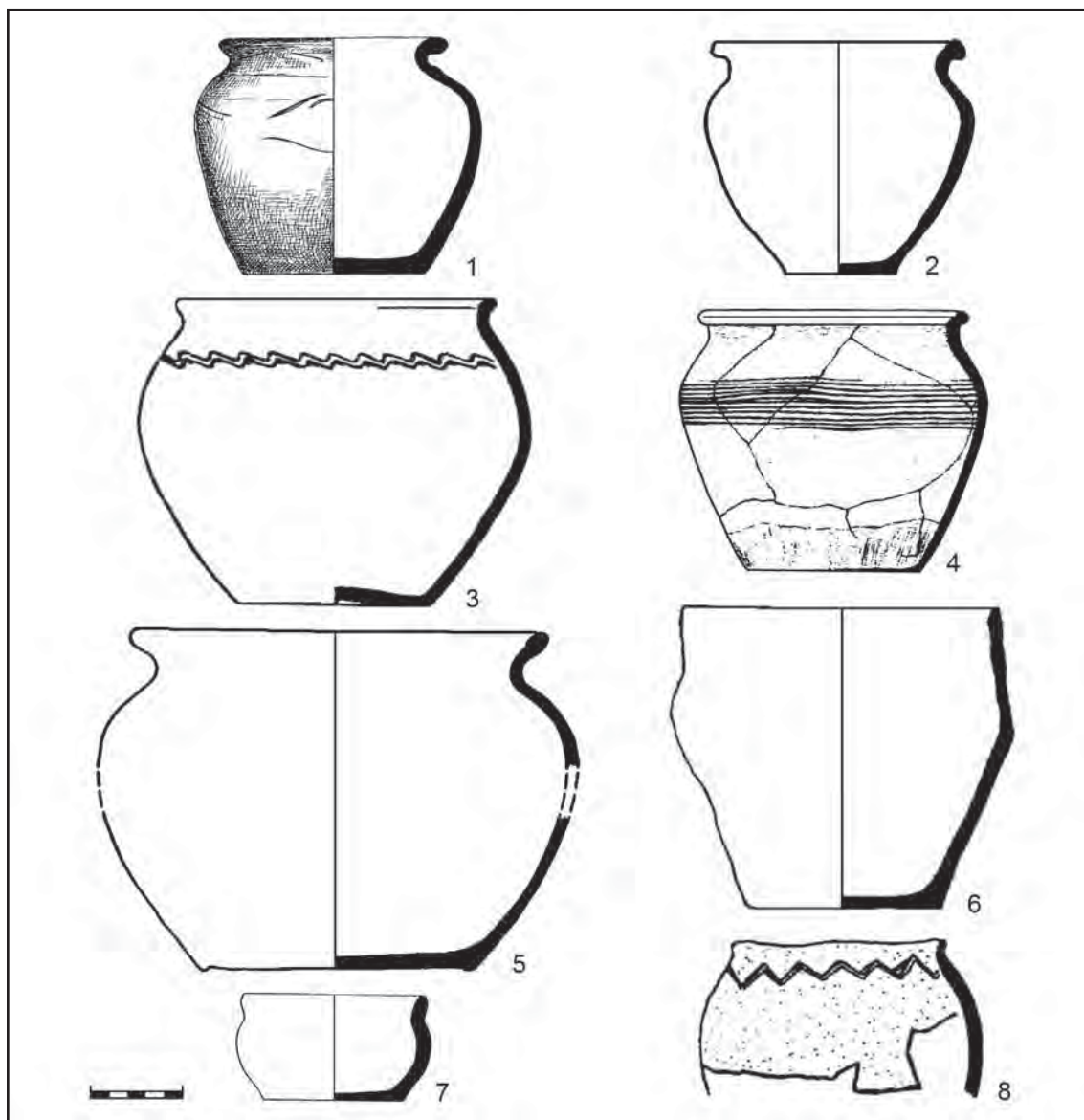

Рис. 16. Русская (1—4), марийская (5), мордовская (6—8) керамика. 1 — Азак; 2, 5 — Болгар (по Хлебникова 1988: рис. 16: 14; 19: 1); 3, 8 — Водянское городище (по Мыськов 2002: рис. 6: 16; 5: 2); 4, 7 — Укек (по Кубанкин 2014: 2: 1; Недашковский 2000: 27: 7); 6 — Барбашинский могильник (по Васильева 1993: рис. 13).

Fig. 16. Russian (1—4), Mari (5), Mordovian (6—8) pottery. 1 — Azak; 2, 5 — Bolgar (after Хлебникова 1988: рис. 16: 14; 19: 1)); 3, 8 — Vodyanskoye hillfort (after Мыськов 2002: рис. 6: 16; 5: 2); 4, 7 — Ukek (after Кубанкин 2014: 2: 1; Недашковский 2000: 27: 7); 6 — Barbashinskiy graveyard (after Васильева 1993: рис. 13).

керамику (рис. 16: 6—8). Она по-прежнему оставалась лепной. Для её изготовления использовались глины с примесью шамота, навоза и дресвы. Представлены слабо профилированные горшки и миски. Помимо собственно мордовских земель (Курочкина 2011), она отмечена на территории Волжской Булгарии, в Укеке и, вероятно, на Водянском городище.

Последней среди гончарных традиций, встреченных более чем в одном регионе, является керамика, получившаяся в классификации керамики Волжской Булгарии Т.А. Хлеб-

никовой обозначение «группа XIX» (Хлебникова 1988: 38—49). Она встречена, помимо Волжской Булгарии, в Укеке, Нижнем Поволжье, Сарайчике и Азаке. В Болгаре она составляет вторую по численности группу после керамики постсалтовской гончарной традиции. Для её изготовления использовались малопластичные слабожелезненные глины с очень мелким песком. В качестве искусственной примеси вводилось небольшое количество навоза. Сосуды изготавливались путем спиралевидного лоскутного налёпа, в два

приема — округлое дно и остальная часть сосуда. Отмечен и спирально-жгутовой налп. Следы обстругивания деревянным ножом могут фиксироваться по всей поверхности, включая места прилепов ручек. На части сосудов венчик заглажен на круге. Группа очень неоднородна по технологическому уровню (от РФК-0 до РФК-4) и качеству изготовления сосудов. Наряду с очень грубыми изделиями, встречены сосуды с равномерными по толщине стенками и хорошо заглаженной на круге поверхностью. Преобладающий цвет изделий темно-серый или бурый. Большая часть сосудов имеет трехслойный обжиг.

Орнаментировались сосуды пальцевыми вдавлениями, оттисками зубчатого штампа и одиночными волнистыми линиями. Специфичны для этой группы керамики орнаменты, выполненные при помощи штампов пунсонов в виде розеток, собранных в группы, или зооморфных фигур. Использовался также штамп-валик. Подобные орнаменты встречаются на сосудах, имеющих высокое качество изготовления.

Основу ассортимента составляли котлы с ручками особой формы двух основных типов (рис. 17: 1—3). Ими, за немногочисленными исключениями из Азака, ограничиваются находки этой группы керамики за пределами Волжской Булгарии. В этом регионе представлены также крышки (рис. 17: 5), кружки (рис. 17: 4), горшки, ковши (рис. 17: 6), чаши, светильники.

Нигде, кроме Болгара, эта группа не представлена в таком количестве, не имеет такого разнообразия форм и не наблюдается таких колебаний в уровне их изготовления. Она появилась в Среднем Поволжье в сложившемся виде, вместе с этнической группой, её использовавшей, которая переселилась сюда из Средней Азии. Конечно, это не исключает её дальнейшей эволюции на новом месте под влиянием, прежде всего, мастеров постсалтовской гончарной традиции.

Среди групп керамики, производившихся только в одном регионе, следует отметить продукцию Юго-Западного Крыма, выпускавшуюся здесь в XIV—XV вв. (Тесленко 2014). Сосуды изготавливались путем вытягивания из комка (РФК-7). Использовались формовочные массы с примесью мелкого цветного песка. Сосуды имеют темно-коричневый или темно-красный цвет. Для части сосудов (некоторые тарные кувшины, столовые кувшины, кружки, водолеи) характерна роспись белым ангобом. Небольшая часть сосудов (двух- и одноручные столовые кувшины и водолеи)

имела, помимо этого, нестойкую сложную роспись в три цвета (красный, белый, черный) (рис. 18: 2). Керамика отличалась тонкостенностью (иногда 3—4 мм). Ассортимент весьма разнообразен: двуручные тарные кувшины (рис. 18: 1), столовые одноручные кувшины различных типов (рис. 18: 5), горшки (рис. 18: 3), кружки (рис. 18: 4), специфической формы водолеи (рис. 18: 2), чаши (рис. 18: 7), крышки (рис. 18: 6), светильники, трубы и даже печные изразцы. Генезис и точное время сложения производства этой группы керамики нельзя признать установленными. Время её исчезновения совпадает со временем турецкого завоевания Крыма. Керамика этой группы в заметном количестве распространялась на территории других причерноморских регионов. Правда, поступали сюда почти исключительно горшки, тарные и столовые кувшины.

В этот ряд групп следует отнести производство хумов со следами выколотки на внутренней поверхности, на которых отмечены клейма с именем гончара Ананда сына Саркиса (Крамаровский 1978). Их находки отмечены не только в Поволжье, но даже в Азаке.

Наконец, на территории Золотой Орды работали группы гончаров, производство и распространение продукции которых было узко локальным. Наверняка целый их ряд ещё не выделен. Прежде всего, это ряд групп керамики на территории Волжской Булгарии: XIII группа (Джукетау), XVII группа (Сувар), XVIII группа (родановская культура). В производстве некоторых из них в золотоордынский период совершенно отчетливо наблюдается прогресс. Более активно используется круг, расширяется ассортимент.

Керамический комплекс Золотой Орды дополняли импорты из других стран. Их состав и доля для разных регионов и типов памятников сильно различались. Тем не менее, нельзя не упомянуть трапезундские амфоры, штампованную керамику Хорезма, китайский фарфор, поливные сосуды из Византии, Ширвана, Средней Азии и ряд других более экзотических групп керамики.

Обобщая, можно дать следующую характеристику керамики Золотой Орды. Основную её массу составляли сосуды, произведенные в постсалтовской гончарной традиции, в большом числе центров, распространенных на основной территории европейской части Золотой Орды, за исключением Крыма. Независимо от этнической принадлежности гончаров, их продукция использовалась всем населением основной части европейских земель Золотой Орды, включая переселившихся

Рис. 17. Керамика Болгара. 19 группа (1—6), 13 группа (7), 17 группа (8), 18 группа (9). Котлы (1—3, 7, 9); кружка (4); крышка (5); ковш (6); горшок (8). 1, 2, 5 — Азак; 3, 4, 6—9 — Болгар (по Хлебникова 1988: рис. 24: 1; 26: 4; 27: 17; 15: 6; 12: 5; 21: 9).

Fig. 17. Bolgar pottery. Group 19 (1—6), Group 13 (7), Group 17 (8), Group 18 (9). Boilers (1—3, 7, 9); mug (4); vessel lid (5); ladle (6); pot (8). 1, 2, 5 — Azak; 3, 4, 6—9 — Bolgar (after Хлебникова 1988: рис. 24: 1; 26: 4; 27: 17; 15: 6; 12: 5; 21: 9).

ся сюда русских, мордву и даже итальянцев, проживавших в Тане. При этом мастерские этой гончарной традиции имели самый низкий из вообще возможных для ремесленного производства керамики уровень использу-

емых технологий. Поэтому возможности для увеличения производительности были минимальны (упрощение орнаментации, постепенный отказ от лощения, узкая специализация мастерских). Развитие золотоордынско-

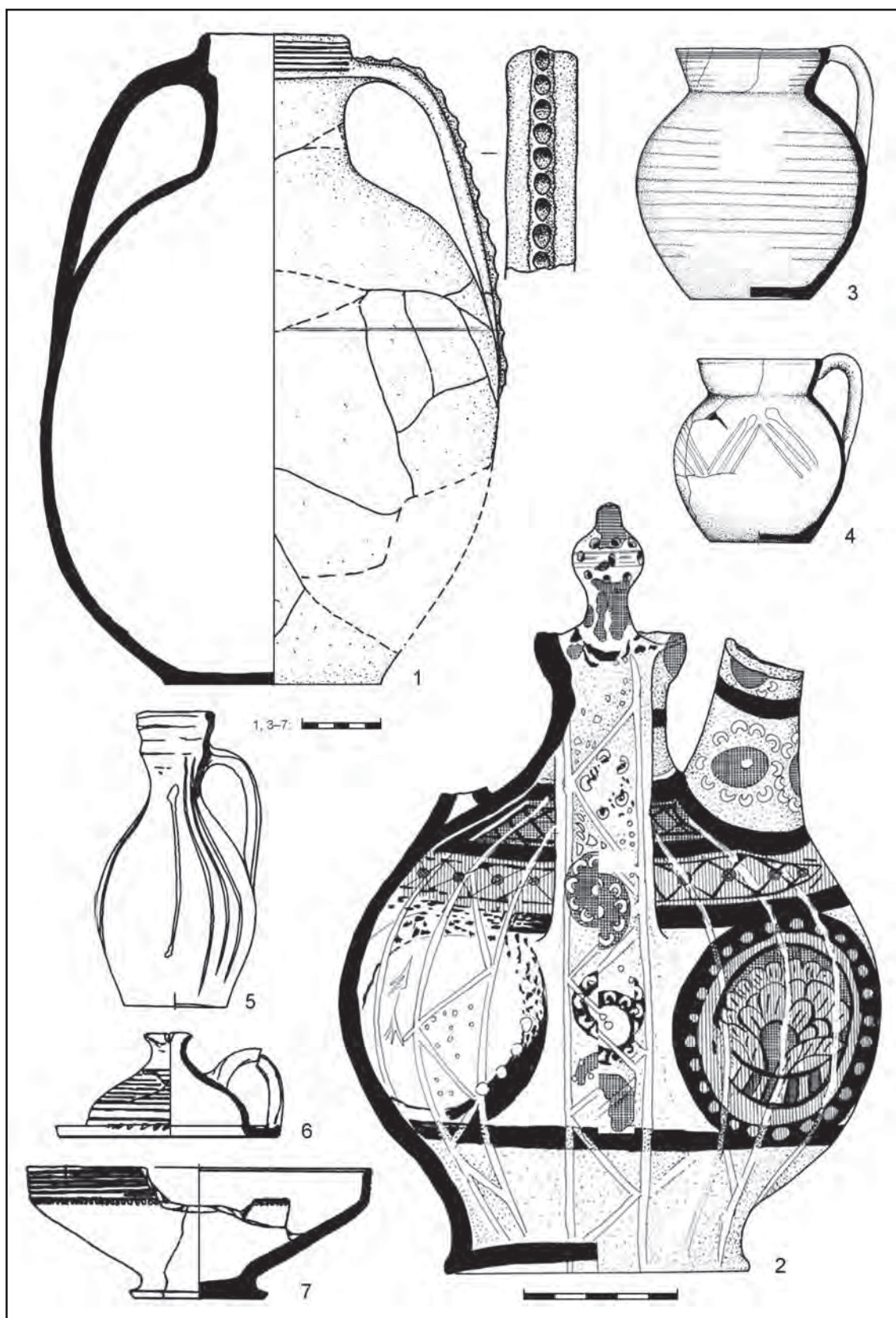

Рис. 18. Керамика Юго-Западного Крыма. Двуручный кувшин (1); водолей (2); горшок (3); кружка (4); кувшин (5); чаша (6); крышка (7). 1—4 — Азак; 5—7 — Алустон (по Тесленко 2014: рис. 21: 2; 25: 3; 11: 4.1).

Fig. 18. South-Eastern Crimea Pottery. Double handed jug (1); aquamanile (2); pot (3); mug (4); jug (5); vessel lid (6); bowl (7). 1—4 — Azak; 5—7 — Aluston (after Тесленко 2014: рис. 21: 2; 25: 3; 11: 4.1).

го гончарства шло в основном экстенсивным путем. Увеличивалось число производственных центров и число мастеров. Переход на более совершенные технологии прослеживается только в столичных нижеволжских центрах, но и здесь он оказался не завершён.

Наблюдается определенная стандартизация производства. Это фиксируется в общей близости выпускаемого в крупных городах ассортимента. Отличия сводятся скорее к количественным показателям. Ряд форм является инновациями (тазы, копилки, дигири, афтобы, комбинированные лампы-подсвечники). При этом они появляются даже там, где пришлые для Восточной Европы гончары не сумели наладить своё производство.

Появляются некоторые общие для всех центров черты в морфологии сосудов (крепление ручки к венчику, рифление верхней части горла кувшинов, широкое распространение сосудов яйцевидных форм, ручек у горшков и др.). Стандартизация отразилась и в выпуске большого числа сосудов одного типа и ограничении ассортимента отдельных мастерских. Это распространение стандартных форм указывает на некие общие для всей Золотой Орды изменения в быте горожан.

Поливная керамика и часть нетрадиционных для восточноевропейского гончарства форм сосудов производилась несколькими группами пришлых гончаров, возникновение и развитие которых происходило независимо друг от друга. При намного большей их производительности, а следовательно, потенциально более низкой стоимости продукции, они, тем не менее, не смогли потеснить мастеров постсалтовской гончарной традиции, за исключением, вероятно, столичных городов. Этого не смогли изменить даже существовавшие в столичных городах мануфактурные предприятия, основу которых и составляли пришлые мастера. Более того, не все попытки наладить производство такой керамики оказались удачными. Влияние гончаров, владевших более совершенными технологи-

ями, на мастеров постсалтовской гончарной традиции оказалось неожиданно слабым. При этом их продукция достаточно активно перевозилась в сопредельные регионы.

Керамический комплекс, в пределах большинства городов Золотой Орды, был в целом един для различных этнокультурных групп. Некоторым исключением были Мохши и отчасти Болгар. Здесь часть кухонной керамики производилась мастерами, связанными с традиционным производством различных этнических групп. Они использовали ещё более примитивные технологии, вплоть до лепки. Экономическая форма этих производств занимала, в большинстве своем, промежуточное положение между домашним производством и работой на ограниченный рынок. Распространение этой керамики по большей части было ограниченным.

Наконец, небольшая часть столовой керамики и тары, поступавшей со своим содержанием, поступала из-за пределов рассматриваемого региона Восточной Европы и выполняла функции социально престижных предметов.

Большее влияние на состав керамического комплекса оказывал имущественный достаток жителей того или иного района и его расположение относительно торговых путей. Различия между социальными группами заключались в разном проценте поливной керамики и наличии дорогих импортов, но общий набор форм одинаков. Для сельских поселений ситуация менее определенная, но, отчасти, это следствие их меньшей изученности.

Таким образом, массовая керамика золотоордынского производства является самым ярким и распространенным материальным проявлением культурного единства полиэтнического населения Золотой Орды.

Отмечу также, что все вышесказанное относится только к оседлому населению. Кочевники европейской части Золотой Орды почти не использовали гончарную керамику и не имели своего домашнего производства керамики.

Литература

- Бахматова В. Н., Куклина А. А. 2014. О связи технологии изготовления общеболгарских керамических сосудов с их функциональным назначением: характеристика формовочных масс (по материалам исследований Болгарского городища 2011—2012 гг.). *ПА* (2), 230—255.
- Бобринский А. А. 1978. *Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения*. Москва: Наука.
- Бочаров С. Г., Масловский А. Н. 2015. Наиболее массовые типы поливных импортов крымского производства и некоторые вопросы торговли в Восточной Европе в XIV в. *ПА* (2), 189—200.
- Булатов Н. М. 1968. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов. *СА* (4), 95—109.
- Булатов Н. М. 1976. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов. В: Смирнов А. П., Фёдоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.). *Средневековые памятники Поволжья*. Москва: Наука, 73—107.
- Васильева И. Н. 1993. *Гончарство Волжской Болгарии в X—XIV вв.* Екатеринбург: УИФ «Наука».

- Волков И. В. 1992а. О происхождении гончарства и распределении керамики в Золотой Орде. В: Винников А. З. (ред.). *Вопросы этнической истории Волго-Донья*. Материалы научной конференции. Пенза: Поволжье, 101—102.
- Волков И. В. 1992б. *Керамика Азова XIV—XVIII вв. Классификация и датировка*. Дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Волков И. В. 2002. Местные амфоры Азака. *Труды ГИМ* 135, 55—63.
- Волков И. В. 2016. Керамика золотоордынского города Маджара. В: Обухов Ю. Д. (ред.-сост.). *Археология евразийских степей* 23. Казань: Казанская недвижимость, 139—222.
- Волков В. А., Мальшев А. Б., Тутушев П. Е. 2013. Характеристика хозяйственных занятий жителей золотоордынского поселения «Шумейка». В: Лопатин В. А. (отв. ред.). *Археология Восточно-Европейской степи* 10. Саратов: СГУ, 327—337.
- Зеленев Ю. А., Курочкина С. А. 2009. *Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994—2000 гг.)*. Йошкар-Ола: МарГУ.
- Кокорина Н. А. 2002. *Керамика Волжской Булгарии второй половины XI — начала XV в. (К проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур)*. Казань: ИИ АН РТ.
- Кравченко А. А. 1986. *Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII — XIV в.)*. Киев: Наукова думка.
- Кравченко Э. Е. 2015. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном. В: Бочаров С. Г., Ситдилов А. Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 411—478.
- Крамаровский М. Г. 1978. Гончар-армянин из Сарая ал-Джедид. *Труды ГЭ* XIX, 102—105.
- Кубанкин Д. А. 2014. Археологические раскопки на Увекском городище в 2012—2013 гг. (предварительное сообщение). В: Юдин А. И. (отв. ред.). *Археологическое наследие Саратовского края* 12. Саратов: АНО НИЦ, 144—154.
- Курочкина С. А. 2002. Классификация керамики Сарай ал-Джедид. *Труды ГИМ* 135, 90—96.
- Курочкина С. А. 2011. Керамика города Мохши (своеобразие керамического производства). В: Макаров Н. А., Носов Е. Н. (отв. ред.). *Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда II*. Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород, 159—160.
- Лисова Н. Ф. 2012. *Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья*. Казань: ИИ АН РТ.
- Масловский А. Н. 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика. В: Кияшко В. Я. (отв. ред.). *ИАИАИД в 2004 г.* 21. Азов: Азовский музей-заповедник, 308—473.
- Масловский А. Н. 2015. Керамика Юго-Восточного Крыма на территории Восточной Европы в XIII—XIV вв. и влияние внешнеполитических факторов на её распространение. В: Лукьяшко С. И. (отв. ред.). *Крым — связующее звено и неприступный форпост на стыке империй*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 9—24.
- Михальченко С. Е. 1973. Систематизация массовой неполированной керамики золотоордынских городов Поволжья. *СА* (3), 118—132.
- Мыськов Е. П. 2002. Керамические комплексы русского поселка и русского квартала Водянского городища. *НАВ* 5, 126—147.
- Недашковский Л. Ф. 2000. *Золотоордынский город Укек и его округа*. Москва: Восточная литература.
- Носкова Л. М. 1976. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья. В: Смирнов А. П., Фёдоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.). *Средневековые памятники Поволжья*. Москва: Наука, 7—37.
- Полевой Л. Л. 1969. *Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. По материалам раскопок гончарного квартала на поселении Костешты*. Кишинев: Институт истории АН МССР.
- Самашев З., Кузнецова О., Плахов В. 2008. *Керамика Сарайчика*. Алматы: ZURadvertising.
- Скоробогатова Т. В. 1983. Одна из групп золотоордынской художественной керамики XIV в. *СА* (2), 92—108.
- Тесленко И. Б. 2014. Одна из гончарных традиций Таврики XIV—XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма). В: Майко В. В. (отв. ред.). *История и археология Крыма I*. Симферополь: Бизнес-информ, 495—511.
- Тихомолова И. Р., Попандопуло З. Х. 2005. Альбарелло городища Большие Кучугуры. В: Бочаров С. Г., Мыц В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* Киев: Стило, 190—194.
- Фёдоров-Давыдов Г. А. 1973. *Общественный строй Золотой Орды*. Москва: МГУ.
- Фёдоров-Давыдов Г. А. 2001. *Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт*. Москва: МГУ.
- Фёдоров-Давыдов Г. А., Булатов Н. М. 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища. В: Смирнов К. А. (отв. ред.). *Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья*. Москва: Наука, 133—248.
- Хлебникова Т. А. 1988. Неполированная керамика Болгара. В: Фёдоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.). *Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности*. Москва: Наука, 7—102.
- Шляхова В. И. 1980. Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде (по материалам Селитренного и Царевского городищ). *СА* (4), 75—86.

References

- Bakhmatova, V. N., Kuklina, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 230—255 (in Russian).
- Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Bocharov, S. G., Maslovskiy, A. N. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 189—200 (in Russian).
- Bulatov, N. M. 1968. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 95—109 (in Russian).
- Bulatov, N. M. 1976. In *Smimov, A. P., Fyodorov-Davydov, G. A. (eds.). Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites from the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 73—107 (in Russian).
- Vasil'eva, I. N. 1993. *Goncharstvo Volzhskoi Bolgarii v X—XIV vv. (Pottery of Volga Bulgaria in 10th—14th Centuries)*. Yekaterinburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

- Volkov, I.V. 1992. In Vinnikov, A.Z. (ed.). *Voprosy etnicheskoi istorii Volgo-Don'ia* (Issues of the Ethnic History of Volga-Don Region). Penza: "Povolzh'e" Publ., 101—102 (in Russian).
- Volkov, I.V. 1992. *Keramika Azova XIV—XVIII vv. (klassifikatsiia i datirovka)* (Pottery of Azov in 14th—18th Centuries (Classification and Dating)). PhD Diss. Moscow (in Russian).
- Volkov, I.V. 2002. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* (Proceedings of the State Historical Museum) 135, 55—63 (in Russian).
- Volkov, I.V. 2016. In Obukhov, Yu.D. (ed., comp.). *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 23. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ., 139—222 (in Russian).
- Volkov, V.A., Malyshev, A.B., Tugushev, P.E. 2013. In Lopatin, V.A. (ed.). *Arkheologiya vostochnoevropeiskoi stepi* (Archaeology of the East European Steppe) 10. Saratov: Saratov State University, 327—337 (in Russian).
- Zeleneev, Yu.A., Kurochkina, S.A. 2009. *Zolotoordynskii gorod Sarai al-Dzhedid (rezul'taty arkheologicheskikh issledovani na Tsarevskom gorodishche v 1994—2000 gg.)* (The Golden Horde City of Sarai al-Jadid: Results of the Archaeological Studies on the Tsarev Hillfort in 1994—2000). Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
- Kokorina, N.A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI — nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur* (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th — Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures)). Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
- Kravchenko, A.A. 1986. *Srednevekovi Belgorod na Dnestre (konets XIII—XIV vv.)* (Medieval Belgorod on Dniester (Late 13th — 14th Centuries)). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Kravchenko, E.E. 2015. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda* (The Genoese Gazaria and the Golden Horde). Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 411—478 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 1978. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* (Transactions of the State Hermitage Museum) XIX, 102—105 (in Russian).
- Kubankin, D.A. 2014. In Iudin, A.I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia* (Archaeological Heritage of Saratov Land) 12. Saratov: Research Center for Protecting the Cultural Heritage, 144—154 (in Russian).
- Kurochkina, S.A. 2002. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* (Proceedings of the State Historical Museum) 135, 90—96 (in Russian).
- Kurochkina, S.A. 2011. In Makarov, N.A., Nosov, E.N. (ed.). *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda. Velikii Novgorod — Staraya Russa* (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Meeting. Veliky Novgorod — Staraya Russa) II. Saint Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 159—160 (in Russian).
- Lisova, N.F. 2012. *Ornament glazurovannoi posudy zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ia* (Ornamentation of Glazed Ware Found in the Golden Horde Towns in the Lower Volga Region). Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 15. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
- Maslovskiy, A.N. 2006. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g.* (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2004) 21. Azov: Azov Museum-Reserve, 308—473 (in Russian).
- Maslovskiy, A.N. 2015. In Luk'iashko, S.I. (ed.). *Krym — svyazushchee zveno i nepristupnyi forpost na styke imperii* (The Crimea as a Connecting Link and Unassailable Outpost at the Junction of Empires). Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 9—24 (in Russian).
- Mikhailchenko, S.E. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (3), 118—132 (in Russian).
- Myskov, E.P. 2002. In Skripkin, A.S. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik* (The Lower Volga Archaeological Bulletin) 5. Volgograd: Volgograd State University, 126—147 (in Russian).
- Nedashkovsky, L.F. 2000. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okrug* (The Golden Horde City of Ukek and its Region). Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
- Noskova, L.M. 1976. In Smimov, A.P., Fyodorov-Davydov, G.A. (eds.). *Srednevekoveye pamiatniki Povolzh'ia* (Medieval Sites from the Volga Region). Moscow: "Nauka" Publ., 7—37 (in Russian).
- Polevoy, L.L. 1969. *Gorodskoe goncharstvo Pruto-Dnestrov'ia v XIV v. Po materialam raspokop goncharnogo kvartala na poselenii Kostashty* (The Urban Pottery-Making in the Prut and Dniester Area in the 14th Century: by materials of excavations of the potters' quarters on the Costesti settlement). Kishinev: Institute of History, Academy of Sciences of the Moldavian SSR (in Russian).
- Samashev, Z., Kuznetsova, O., Plakhov, V. 2008. *Keramika Sarai-chika* (Saraychik Pottery). Almaty: ZURadvertising (in Russian).
- Skorobogatova, T.V. 1983. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (2), 92—108 (in Russian).
- Teslenko, I.B. 2014. In Maiko, V.V. (ed.). *Istoriia i arkheologiya Kryma* (History & Archaeology of Crimea) I. Simferopol: "Biznes-Inform" Publ., 495—511 (in Russian).
- Tikhomolova, I.R., Popandopulo, Z. Kh. 2005. In Bocharov, S.G., Mytz, V.L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th—18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 190—194 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1973. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy* (Social Order of Golden Horde). Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 2001. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia: keramika, trgovlia, byt* (Golden Horde Towns in the Volga Area: Pottery, Trade, Everyday Life). Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A., Bulatov, N.M. 1989. In Smimov, K.A. (ed.). *Sokrovischa sarmatskikh vohzhei i drevnie goroda Povolzh'ia* (Treasures of Sarmatian Chieftains and Ancient Towns in the Volga Region). Moscow: "Nauka" Publ., 133—248 (in Russian).
- Khlebnikova, T.A. 1988. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti* (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts). Moscow: "Nauka" Publ., 7—102 (in Russian).
- Shliakhova, V.I. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (4), 75—86 (in Russian).

Статья поступила в сборник 25 февраля 2019 г.

Andrey Maslovskiy (Azov, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Azov History, Archaeology and Palaeontology Museum-Reserve¹.

Масловский Андрей Николаевич (Азов, Россия). Кандидат исторических наук. Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник.

E-mail: maslovskiazak@mail.ru

Address: ¹ Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation

Украшения золотоордынской эпохи

Decorations of the Golden Horde Time

К. А. Руденко

Золотые и серебряные браслеты XIII—XIV вв. из Булгарской области Золотой Орды: систематизация, атрибуция и датировка

Keywords: Middle Volga region, Golden Horde, Bulgar Ulus, bracelets of “Bulgarian type”, zoomorphic decor, typology, dating

Ключевые слова: Среднее Поволжье, Золотая Орда, Булгарский улус, браслеты «болгарского типа», зооморфный декор, типология, датировка

K. A. Rudenko

Gold and Silver Bracelets of the 13th —14th Centuries from the Bulgar Region of the Golden Horde: systematization, attribution and dating

The article explores one of the product categories that are widespread in the Golden Horde — lamellar bracelets of gold and silver. Special attention is paid to bracelets with the image of the animal mask on the endings. These bracelets are called lionheads or “Bulgarian type” bracelets. The author comes to the conclusion that the mask on these bracelets does not mean a lion or a tiger, but is a generic image-symbol that developed in Central Asia in the 11th—12th centuries. It combines the features of the image of a lion, dragon and tiger. This symbol was perceived as a talisman. The author systematized the finds of precious metal bracelets, examining more than 50 artifacts from the collections of museums in Tatarstan. Artifacts from the collections of the State Hermitage and the State Historical Museum were also attracted. According to the author, a part of these products was imported, and a part was made in Bulgar following the specimens from Iran and other areas of the Golden Horde. They were most common in the second half of the 14th century. The author describes systematic features for dating these bracelets.

K. A. Руденко

Золотые и серебряные браслеты XIII—XIV вв. из Булгарской области Золотой Орды: систематизация, атрибуция и датировка

В статье исследуется одна из широко распространенных в Золотой Орде категорий изделий — пластинчатые браслеты из золота и серебра. Особое внимание уделяется браслетам с изображением маски животного на окончаниях. Эти браслеты называют львиноголовыми или браслетами «болгарского типа». Автор приходит к заключению, что маска на этих браслетах обозначает не льва или тигра, а является обобщающим образом-символом, сложившимся в Центральной Азии в XI—XII столетиях. В нем объединились черты образа льва, дракона и тигра. Этот символ воспринимался как оберег. В работе систематизированы находки браслетов из драгоценных металлов на основании исследования более 50 артефактов из коллекций музеев в Татарстане. Также были привлечены и опубликованные материалы кладов и отдельные находки из собраний Государственного Эрмитажа и Государственного исторического музея. По мнению автора, часть этих изделий была привозная, а часть изготавливалась в Булгаре по образцам из Ирана и других областей Золотой Орды. Наибольшее распространение они имели во второй половине XIV столетия. В статье описана система признаков для датирования этих браслетов.

Одной из интересных категорий материальной культуры золотоордынского времени являются браслеты, выполненные из цветного металла. За 100 лет научного изучения средневековых древностей Волжской Булгарии и Золотой Орды они не раз становились объектом внимания ученых. Считалось, что некоторые из этих артефактов со своеобразным дизайном окончаний в виде масок-личин, похожих на львиные морды, изготавливались в Булгаре и даже получили назва-

ние браслетов «болгарского типа». Они были представлены в собраниях известных казанских коллекционеров, таких как А. Ф. Лихачев, а также в музее Общества археологии, истории и этнографии при Казанском императорском университете (Руденко 2014: 310, 315, табл. V: 1—3; IX: 10, 11). Казанские ученые видели в них отражение древнего, архаичного «звериного стиля», уходящего своими корнями в первобытную эпоху (Калинин 1929: 46).

Направление в изучении этих артефактов во второй половине XX в. определили идеи казанского исследователя Н.Ф. Калинина, сформулированные им во второй половине 1940-х гг. Исследуя вопросы происхождения искусства волжских булгар, он обратил внимание на образ льва, который встречался в декоре разных художественных предметов, сочтя его заимствованным из Европы или из восточных стран — из Ирана или же с Кавказа. По мнению Н.Ф. Калинина, на пластинчатых браслетах изображалась именно стилизованная морда льва/львицы или пантеры (Калинин 1945: 11). Касаясь темы преемственности булгарского «звериного стиля» с искусством предшествующего времени, он акцентировал внимание на этих изделиях. По его мнению, на браслетах была ясно видна «эволюция одного из мотивов орнамента... — изображения головы львицы, постепенно превращавшегося в геометрическую схему» (Калинин 1948: 107, рис. 15).

Это краткое предложение спустя много лет стало основой для далеко идущих выводов у других ученых. В конце 1970-х гг. идея стилистической эволюции изображений зооморфных личин на пластинчатых браслетах из Булгара привлекла внимание специалиста по Золотой Орде М.Г. Крамаровского, который посвятил им специальную статью (Крамаровский 1978). «Прочитав» в тезисах главную идею Н.Ф. Калинина о развитии сюжета от образности и фигуративности к схематизации и упрощению рисунка, он превратил ее в отправную точку для дальнейших научных поисков (Крамаровский 2001: 191). М.Г. Крамаровский счел некорректным название этих артефактов, встречавшееся в публикациях — «браслеты болгарского типа» (Макарова 1986: 98), аргументировав это тем, что такие браслеты встречаются не только в районе Булгара, но и на территории всей Золотой Орды, и в силу этого связывать их только с Булгаром неправильно (Крамаровский 2001: 192).

Исследователь также утверждал, что пластинчатые браслеты с зооморфными личинами-масками на окончаниях относятся только к золотоордынскому времени, тем самым опровергая тезис известного ученого-булгароведа А.П. Смирнова, писавшего, что такие браслеты¹ изготавливались с XII в. (Смирнов 1951: 126, табл. V-78). М.Г. Крамаровский счел это предположение «усугубле-

нием ошибки» при публикации нескольких вещевых кладов из Волжской Булгарии в книге А.С. Гущина (Гущин 1936: 80—83), на которого ссылался А.П. Смирнов (Крамаровский 2001: 187—189). Сам же А.П. Смирнов особых аргументов в подкрепление доказательств этой датировки не выдвигал.

Впрочем, мнение Марка Григорьевича убедило не всех. В правомерности соотношения браслетов с «львиными личинами» с Булгаром и волжскими булгарами убеждена Г.Ф. Валеева-Сулейманова, писавшая, что «мотив львиных личин на пластинчатых браслетах и его генезис следует отнести к булгарской художественной традиции» (Валеева-Сулейманова 1999: 93). Развивая эту мысль, она утверждает, что эти артефакты, точнее, их декор, являются результатом длительной эволюции образа льва, уходящего в античную традицию и пронесенного через века благодаря многочисленным трансформациям, в первую очередь в хазарское время в сармато-аланской среде, и впоследствии воспринятого волжскими булгарами, где этот образ развивался самостоятельно на протяжении нескольких столетий с домонгольского времени (Валеева-Сулейманова 2002: 133). В сущности, этот сюжет о связи мотива льва с салтовскими древностями стал развитием гипотезы Ф.Х. Валеева, повторившего мысль А.П. Смирнова о домонгольском времени возникновения и бытования таких артефактов (Валеев 1975: 168). При этом сам Ф.Х. Валеев рассматривал зооморфные изображения на браслетах и как львиные маски-личины, и как тигриные, видя в этом сугубо стилизованные элементы, точное определение которых в данном случае не имело принципиального значения (Валеев 1975: 167, рис. 72: 1, 2).

Г.Ф. Валеева-Сулейманова, проанализировав детали зооморфных изображений на окончаниях браслетов, предположила, что некоторые из них — вовсе не львиные личины, а драконьи. По ее мнению, «на изображениях предполагаемых драконьих личин, в отличие от львиных, имеются стилизованные рога, размещенные над надбровными дугами. Поинтому трактуются глаза: они изображаются, скорее вертикально, в то время как на львиных личинах горизонтально» (Валеева-Сулейманова 2002: 133). Несколько ранее о слиянии мотивов льва и дракона на пластинчатых браслетах, правда, в несколько иной трактовке, писал М.Г. Крамаровский (Крамаровский 2001: 192—193, рис. 102). Мысли исследователей здесь достаточно близки, хотя Г.Ф. Валеева-Сулейманова настаивает,

¹ А.П. Смирнов увидел в них изображения человеческих лиц, а не звериные личины-маски.

что львиные маски-личины — это булгарское творчество, а драконы — образы, разумеется, заимствованные из Центральной Азии, — это уже золотоордынское художественное осмысление чужой традиции, своеобразно трансформированное в декор браслетов с львиными личинами (Валеева-Сулейманова 2002: 133—134).

Мнения о салтово-булгарском генезисе браслетов М. Г. Крамаровский воспринял скептически, объявив их ничем не обоснованными (Крамаровский 2001: 187). Как бы то ни было, термин «браслеты болгарского типа» оказался устойчивым и нередко встречается в публикациях (Недашковский 2000: 45, тип В-2, рис. 7: 22; Ельников 2001: 160; 2002: 252—258).

В монографии М. Г. Крамаровского, куда частично вошла его статья 1978 г.² (Крамаровский 2001: 186—295), впервые была предложена классификация золотых и серебряных браслетов Золотой Орды. Он выделил три группы таких украшений: 1) пластинчатые браслеты с несомкнутыми концами с изображением львиных личин; 2) сомкнутые двусторонние браслеты с шарнирным замком, скрытым округлой лицевой пластиной; 3) двусторонние пластинчатые браслеты с персидской надписью и рельефным декором (Крамаровский 2001: 186), охватив только часть этих артефактов. Основываясь на аналогиях в изображениях на мозаиках Палатинской капеллы Норманнского дворца в Палермо (Сицилия) XII—XV вв.³, а также на иранских рельефах из собрания Метрополитен-музея, датированных 1304 г. (Крамаровский 2001: 191), М. Г. Крамаровский предположил, что изображения львиных личин с ромбом в межбровье на пластинчатых браслетах датируются исключительно XIII в. или началом XIV в., а остальные относятся уже к XIV в.

Чуть раньше М. Г. Крамаровского браслеты из драгоценных металлов Булгарского городища были изучены и классифицированы Г. Ф. Поляковой, которая пришла к тем же выводам в датировке браслетов с зооморфными личинами, отнеся их к золотоордынскому времени, но предпочла не рассматривать детали орнаментики как элемент типологической систематизации (Полякова 1996:

185, рис. 62: 1—3, 7, 8). В общем виде типология браслетов Г. Ф. Поляковой во многом напоминает классификацию этнографических браслетов казанских татар, которую сделал авторитетный казанский этнограф Н. И. Воробьев в 1930—1950-х гг. (Воробьев 1930: 399—437). Он разделил их на пластинчатые, проволочные и «браслеты из фрагментов» — соединенные шарнирами между собой декорированные пластины (последние, по его мнению, были самыми древними среди татарских браслетов), и относил их генезис к эпохе Золотой Орды (Воробьев 1953: 306—309, рис. 116—118). Эта этнографическая классификация в 1970-х гг. была расширена с учетом типологий археологических материалов (Суслова 1980: 8—9), а в последние десятилетия существенно переработана (Суслова 2018: 181—185).

Каталог браслетов из драгоценных металлов, найденных на территории Булгарского улуса Золотой Орды, и их общая классификация опубликованы автором (Руденко 2015: 314—318). В основу систематизации этих артефактов был положен комплекс признаков, включавших в том числе и особенности декора. Основное внимание было уделено браслетам с окончаниями в виде «львиных» масок.

Ключевым вопросом в отношении пластинчатых браслетов является их датировка и атрибуция. Новые находки, полученные из раскопок поселений и могильников с сопутствующим археологическим контекстом, детальные публикации уже известных кладов, содержащих находки браслетов, например, Карашамского или Джукетаусского (Мальм 1978: 247—248; Шедевры... 1990: кат. 64; Руденко 2015: 106, 110—113, табл. Г, Д; Руденко, Ёлкина 2017: 258—274) позволяют более предметно обсуждать эти темы. Дополнением к имеющимся материалам стали издания зарубежных коллекций, где имеются интересующие нас изделия (The Art 2013a; 2013b), а также новые исследования по средневековой торевтике (Маршак 2014).

Браслетов из золота с территории, некогда входившей в Булгарскую область Золотой Орды, до наших дней дошло немного. Большая их часть происходит из кладов; другие — случайные находки с Булгарского городища. Подавляющую часть составляют серебряные пластинчатые разомкнутые браслеты, отличительной особенностью которых является украшение их окончаний зооморфными изображениями, напоминающими маску животного. Остановимся на них подробнее, поскольку проблема генезиса таких изделий непосред-

² Туда же перешли и досадные опечатки, например, неверно указанный год публикации Н. Ф. Калинина — 1936-й вместо 1948-го (Крамаровский 2001: 191).

³ URL: <https://ru.advisor.travel/poi/Palatinskaya-kapella-2223>; <https://www.liveinternet.ru/users/spacelilium/post426430908/> (дата обращения 08.01.2019).

ственно связана с трактовкой этих самых изображений.

Зооморфность личин-масок на окончаниях пластинчатых серебряных браслетов признавалась практически всеми учеными, а мнение о связи их с человеческими лицами⁴, как уже отмечалось, озвучил только А. П. Смирнов (Смирнов 1951: 126). Однако, признав образ животного на браслетах, тем не менее, исследователи высказывали различные догадки о том, кто именно на них изображен: лев или львица, пантера или дракон. Разногласия были обусловлены тем, что этот рисунок строится на геометрической стилизации некоего условного образа, первоисточник которого был не известен.

Изображения животных на окончаниях браслетов, в том числе и головы львов, встречаются на украшениях в Евразии в эпоху античности и средневековья (The Art 2013a: 104, cat. no. 15). Например, в Южной Италии в IV в. до н. э. изготавливали золотые браслеты с окончаниями в виде полых львиных голов (Уильямс, Огден 1995: 218, cat. №152), известны они и в Китае эпохи Тан (China 2004: 296—297, cat. no. 189). Конечно, сходство с рассматриваемыми изделиями здесь условное, можно говорить только о совпадении идей.

Более близкой аналогией, связанной уже с искусством ислама, являются орнаменты на резном стуке аббасидского времени, как, например, в мечети Ахмеда ибн Тулуна (876—879) в Каире, а также на других стукковых и деревянных панелях IX—X вв. из Самарры и более ранних деревянных панелях VII в. (The Treasures... 2006: 26—27, 34, cat. no. 16, 22; Rice 1965: 34, 37, ill. 25, 26, 30) (рис. 1: 1, 2). Орнамент на них выполнен в III самаррском стиле и является наиболее стилизованным мотивом виноградной лозы с листьями и гроздьями (Blair, Bloom 2013: 106—107; Стародуб 2010: 196). В этой стилизации хорошо видны схожие элементы дизайна с теми, что имеются на серебряных пластинчатых браслетах с масками животных. Например, скобка в виде «пагоды», использование точек и коротких отрезков и т. д.

Больше оснований видеть основу изображений на окончаниях браслетов в львином об-

разе. Он встречается на рисунках на поливной керамике и в торовитке Центральной Азии эпохи Караханидов (ок. 940—1040 г.), причем здесь фигурируют еще и пантеры черного цвета (Руденко 2017: 164, рис. 2). Трактовка морды зверя на этих рисунках близка тем, что затем появляется на браслетах. Не исключено, что в восточной части державы Караханидов⁵, где были расположены ключевые пункты на Великом Шелковом пути, в IX — начале XIII в. произошло наложение на образ льва⁶ еще нескольких художественных идей — льва с женской головой и с расцветшим хвостом (Rice 1965: 66, ill. 63), скорее всего, центральноазиатского происхождения, и образа тигра, связанного с художественной культурой и идеологией империй Ляо и Цзинь (907—1125 и 1115—1234 гг.), а через них и с иконографическими традициями Китая династии Сун (960—1279 гг.). Контактной зоной, где могли соединиться эти мотивы, возможно, было государство каракитаев — Западное Ляо (1130—1212 г.), располагавшееся на территории южной части Семиречья, Кульджинского края и северо-восточной части Сырдарьинской области со столицей в Баласагуне.

В Китае наиболее известен был мифологический Бай-ху (белый тигр) — один из четырех духов, покровитель Запада, где по китайским поверьям находилась страна мертвых. Бай-ху был популярен в средневековой даосской иконографии и изображался в буддийских храмах как страж ворот (Рифтин 1992: 150, рис. внизу). В иконографии начала I тыс. н. э. тигр выполнен почти в той же манере, что и изображения на рассматриваемых браслетах. Тигр в китайской мифологии, помимо олицетворения царского достоинства, также считался защитником от болезней и покровителем рожениц, то есть являлся оберегом; иногда он соотносился с образом дракона (Топоров 1992: 511—512; Уильямс 2011: 404, 405). Лев в буддизме также выступал как страж, а в китайской мифологии олицетворял идею власти (Иванов, Топоров 1992: 41). Стоит отметить, что образы тигра и дракона здесь составляли определенное единство, своего

⁵ В нее входили Чуйская, Таласская и Ферганская долины, Иссык-Кульская котловина и Восточный Туркестан.

⁶ Интересно, что ко времени династии Тан в Китае становятся популярными образы львов, как в изображениях на шелковых тканях, так и в торовитке (China 2004: 342, cat. no. 241; Shipwrecked 2010: 218, 264, fig. 169, cat. no. 28, 285).

⁴ Это мнение возникло не на пустом месте, антропоморфные личины встречаются на украшениях средневековых кочевников Южной Сибири и Алтая (Король 2008: 98—108, рис. 22). Не исключено, что А. П. Смирнов исходил из этих ассоциаций в атрибуции изображений.

Рис. 1. Орнаментальные мотивы на стукковых и деревянных панелях Омейядского и Аббасидского периодов. 1, 1a — стукковая панель из Самарры, IX в. (по Rice 1965: 34, ill. 26); 2 — деревянная панель из Фусата, VII в. (по The Treasures... 2006: 26, cat. no. 16).

Fig. 1. Ornamental patterns on stucco and wooden panels of Omeiad and Abbasid periods. 1, 1a — stucco panel from Samarra, 9th century (after Rice 1965: 34, ill. 26); 2 — wooden panel from Fusat, 7th century (after The Treasures... 2006: 26, cat. no. 16).

Рис. 2. Изображения львов и змее-драконов сельджукского времени. 1 — рельеф в портале медресе Чифте-Минаре в Эрзеруме (Турция), 1253 г. (по Моццати 2012: 183); 2 — дверной молоток из Музея турецкого и исламского искусства в Стамбуле, около 1200 г. (по Daneshvari 2011: 94, pl. 51).

Fig. 2. Images of Seljuk lions and snake-dragons. 1 — a relief in the portal of Çifte Minareli Medrese from Erzurum (Turkey), 1253 (after Моццати 2012: 183); 2 — door knocker from the Istanbul Museum of Turkish and Islamic Art, about 1200 (after Daneshvari 2011: 94, pl. 51).

рода алхимический баланс — метафорические космические силы инь и ян, что находило иконографическое решение в произведениях китайских художников Южной Сун второй половины XIII в. (Augustin 2010: 150).

Вероятно, со второй половины XII в. на трассе Великого Шелкового пути складывается универсальный зооморфный образ, олицетворявший идею защиты и покровительства; бродячий сюжет (Ремпель 1987: 21—22), где центральноазиатский львиный (тигриный) мотив стал совмещаться с образами дракона⁷ и змеи; последний в этой иконографии характерен для сельджукского искусства Малой Азии и Ближнего Востока с конца XII в.

В мусульманской культуре образ дракона воспринимался в разной контекстной основе, что специально исследовал А. Данешвари, который отметил многозначность образа этого фантастического существа в зависимости от эпохи и страны (Daneshvari 2011: 8—9). Стилизованные головы драконов или змей встречаются на бронзовых фигурах львов от фонтанов, изготовлявшихся в Египте в XI—XII вв. (Mazot 2013: 157; Daneshvari 2011: 43, 45, pl. 11). Рельеф со змеями-драконами украшал проездные ворота в цитадели Алеппо исламского периода (с 1183 г.) выполненный явно в сельджукских традициях (Gonnella 2013: 177; Canby et al. 2016: 233, fig. 91). В сельджукском искусстве не редкость изображение пары сказочных драконов, показанных в профиль, как, например, на рельефе в портале медресе Чифте-Минаре в Эрзеруме (Турция), датированном 1253 г. (Моццати 2012: 183) (рис. 2: 1). Здесь драконы сочетаются с двуглавым орлом, полумесяцем и восемью огромными листьями (Daneshvari 2011: 136, pl. 82).

Особый интерес представляет изображение пары драконов и львиной маски на дверном молотке из Музея турецкого и исламского искусства в Стамбуле, изготовленного около 1200 г.⁸ (Моццати 2012: 185; Daneshvari 2011: 93—94, pl. 51) (рис. 2: 2). Аналогичные изделия⁹, но выполненное в более упрощенной манере хранятся в Берлинском музее исламского искусства и в Копенгагене (David Collection) (Glodiss 2013: 202; Daneshvari 2011: 95, pl. 53). Крылатые драконы здесь явно имеют гибридную природу: у каждого пара льви-

⁷ Отмечалось, что в восточной мифологии хищники семейства кошачьих, видевшие в темноте, наделались драконьими чертами (Чеснов 1986: 63).

⁸ Датировка этих изделий в большинстве публикаций определяется концом XII — началом XIII в. (Kuehn 2011: 81).

⁹ Об аналогичных изделиях в музейных коллекциях см.: (Kuehn 2011: 81, note 66). Публикации о них: (Beyazit 2016: 221, note 17).

ных лап¹⁰, небольшие декоративные крылья, змеиное туловище, покрытое крупной чешуей, как у рыбы; длинные хвосты, сплетенные и сросшиеся между собой в самом окончании, завершающиеся стилизованным под рыбий хвост трилистником, из крайних листьев которого выглядывают головы петухов или фазанов. Головы драконов, развернутые в противоположные стороны друг от друга, имеют больше волчьих черт, чем змеиных; пасть монстров широко раскрыта, но зубы не видны, а у челюсти изображен небольшой щиток, напоминающий маленькое крыло и одновременно жаберную пластину рыбы. Львиная морда, расположенная между шеями драконов, почти точно повторяет схему такой маски на серебряных браслетах: широкий нос, округлые подушечки там, где растут усы, арочки надбровных дуг и маленькие стоячие ушки.

А. Данешвари подробно рассмотрел символику дверных молотков с драконами, отметив связь изображений с поэтическими метафорами в поэмах Низами и Хакани¹¹, где драконы/змеи ассоциировались то с локонами возлюбленных, то со стражами сокровищ — в последнем случае как аллюзия света и жизни (Daneshvari 2011: 96—97). По его мнению, этот сюжет уходит своими корнями в доисламские верования Ирана¹² и Индии (что отражено в публикациях других авторов (Mousavi Lar, Moradi 2017: 978)), а парная композиция как с драконами, так и со львами (они, по мнению А. Данешвари, взаимозаменяемы) — с оппозицией свет-тьма/день-ночь, где один из персонажей олицетворяет свет, второй — тьму, причем свет одновременно связан с образом правителя (власти) воспринимаемого как восходящее солнце (Daneshvari 2011: 36, 160, 162). С. Куен, анализируя сюжет на этом артефакте, пришла к выводу, что дверные молотки с драконами ассоциировались со стражами ворот (входа) в сакральное место (мечеть, дворец и т.п.), которое воспринималось как некое сокровище (Kuehn 2011: 82).

¹⁰ На переднем плане лапы соприкасаются подушечками, а на заднем, сжатые и напряженные, — готовые выпустить когти, — боковыми сторонами.

¹¹ Дракон фигурирует и в поэме Фирдоуси «Шахнаме», где в одном из сюжетов Исфандиар борется с драконом (Фирдоуси 1972: 493—496). Дракон изображен на миниатюре ширазской школы рукописи поэмы 1333 г. (Айни 1980: кат. 200).

¹² Можно добавить: и Средней Азии, где в сюжете единоборства со львом/львами последние являлись аллегорическим выражением неких неземных сил, а лев олицетворял солнце (Пугаченкова, Ремпель 1965: 150).

Похожие змеи-драконы изображались на стальных зеркалах начала XIII в. (Kuehn 2011: fig. 33; Canby et al. 2016: 148, fig. 66), а также на кубачинских рельефах. Правда, в последнем случае, дракон имеет присущие образу детали: когтистые трехпалые лапы, густую гриву с крупными пядями, вздыбившуюся на мощной шее; зубастую пасть и длинный язык (Доде 2010: 92, 93, рис. 55; 56). По мнению С. Куен, кубачинские находки маркируют передвижение образа дракона в данной трактовке из Центральной Азии, через Кавказ в Малую Азию (Анатолию) и Джазиру (Kuehn 2011: 69).

Эти сюжеты интересны тем, что образы льва и дракона не только совмещаются в одном сюжете, но могут в нем замещаться или комбинироваться. Вероятно, это сочетание не случайно, а отражает сакрально-мифологические представления в мировоззрении населения мусульманских стран Центральной и Малой Азии XII—XIII вв., в первую очередь сельджукидской Анатолии (Daneshvari 2011: 159—165; Kuehn 2011: 79—82). В последнем случае, как отметил Д. Беязит, лев (Арслан) персонифицировался с именем сельджукского правителя или представителя правящей элиты, что сохранялось все время правления Сельджуков начиная с XII в.¹³ При этом со второй половины XIII в. образ льва приобрел сакральное звучание в рамках мусульманской идеологии, впрочем, тогда же укрепилось и понимание его как астрологического символа (Canby et al. 2016: 219, 220). Астрологический подтекст образов льва и дракона вполне закономерен на фоне широкого распространения астрологии в средневековом, в том числе и исламском, мире (Canby 2016: 198—199). Впрочем, эти образы существовали и самостоятельно, что демонстрирует серебряный браслет, vyplненный в юаньском Китае, при этом следуя киданьским образцам конца XI в. (собрание Музея Внутренней Монголии в КНР) (Watt 2002: 65, 287, fig. 60, cat. no. 202).

Таким образом, иконографический образ зооморфной маски на серебряных браслетах сложился на рубеже XII—XIII вв. в Центральной Азии, найдя себе опору в художественном мире и образных традициях мусульманского Востока, особенно в его западных об-

¹³ Изображения змеи/дракона в начале XIII в. встречаются в декоре иранских люстровых блюдов или на бронзовом подсвечнике из Джазиры сделанном в начале-середине XIII в. (Canby et al. 2016: 230, 232, cat. no. 144, 145).

ластях, входивших в то время в Конийский султанат. Дальнейшее развитие этого образа в XIII—XIV вв. происходило на территории Золотой Орды и Хулагуидского Ирана. Определить точно, к какому именно прототипу относится та или иная редакция стилизованного зооморфного изображения, созданного в XIII—XIV вв., не представляется возможным. Реминисценциями аббасидских орнаментальных стилизованных растительных мотивов являются изображения на браслетах с вытянутыми пропорциями и с «пагодой» в межбровье.

Таким образом, искать в изображениях на окончаниях разомкнутых узкопластинчатых браслетов золотоордынского времени львов или львиц, пантер, драконов бессмысленно. Это не столько схема некоего «реалистического» прототипа, а универсальный образ, соединивший в себе символы защиты и покровительства, чем, собственно, и объясняется его популярность в монгольских государствах в XIII—XIV вв. Вероятно, детали этих рисунков, как и их дизайн, в большей степени зависели от мастерства ювелира и его художественного вкуса, чем от неких хронологических закономерностей. Впрочем, и последние не стоит сбрасывать со счетов, если опираться на датированные комплексы и клады. Проанализируем последнее предположение, опираясь на типологию этих изделий.

Всего было изучено 58 браслетов (табл. 1). Браслеты делятся по материалу на две группы: золотые и серебряные (А, Б). Выделяются два отдела: пластинчатых (I) и дротовых (II). Типы выделяются по особенностям конструкции и оформления; по характеру декора и композиции определяется подтип браслета и варианты подтипа.

Группа А: золотые.

Отдел I: пластинчатые.

Типы 1, 2 (6 экз.)

Тип А-1.1¹⁴ (2 экз.) (рис. 3: 1, 2), Болгар, вторая половина XIV в. Находились в составе Болгарского клада 1877 г. Диаметр 6 см. Пластинчатые, разомкнутые; на окончаниях изображения звериных масок. Имеются небольшие отличия в деталях изображений на этих изделиях. Аналогичны серебряным браслетам типов Б-5, Б-9.

Тип А-1.2 (2 экз.) (рис. 3: 3, 4), Болгар, вторая половина XIV в. Находки на Булгарском городище. Пластинчатые, разомкнутые; на концах и посередине гравированные изображения стилизованных растительных сюжетов, вписанных в ромб и заключенных в квадратную рамку. У краев рамки имеются дополнительные схематичные рисунки. В декоре использована чернь. Имеются серебряные аналоги: тип ПВ-1 (см. ниже). Композиция декора характерна для золотых и серебряных браслетов золотоордынского времени (The Art 2013b: 440, 441, cat. no. 341, 342).

Тип А-1.3 (1 экз.) (рис. 3: 5), Золотая Орда, Малая Азия или Иран, XIV в. Находка на Булгарском городище. Пластинчатый замкнутый с шарнирным замком. В средней части изображение многолепестковой розетки; на концах сидящая пара львов с переплетенными хвостами. Стилизованные фигуры драконов (?) имеются на сгибах браслета. Свободное пространство заполнено фигурными картушами с мотивами крина. Шарнирные серебряные браслеты из отдельных широких пластин с черневым орнаментом делали в Византии в XI—XII вв., возможно, под влиянием исламских традиций (Maršak 1982: 169, Abb. 4a, b; Маршак 2014: 16—19). Узкопластинчатые браслеты как из золота, так и из серебра, характерны для продукции иранских ювелиров XI—XII вв. (The Art 2013a: 292—293, cat. no. 257, 258). Некоторые из этих артефактов имели выпуклую спинку обруча (The Art 2013a: 299, cat. no. 264), и скорее всего, были прямыми предшественниками этого типа браслетов из Булгара. Чернение по золоту использовано при украшении золотого шарнирного браслета XI в. из Хорасана, декорированного, помимо этого зернью и вставками из драгоценных камней (The Art 2013a: 295, cat. no. 261). При этом, части браслета, замыкающиеся шарнирным замком, выполнены в виде объемных львиных масок. В этом контексте не удивительна и композиция на булгарском браслете из двух львов со сплетенными хвостами, широко встречающаяся в художественном металле и керамике стран Востока в XI—XIV вв., в том числе и в Иране, например, на металлических зеркалах с парными сфинксами (Rice 1965: 181, ill. 184).

Конструкция этого типа браслетов универсальна и встречается повсеместно. Даже в древнерусских древностях встречаются шарнирные серебряные браслеты с черневыми рисунками, причем, и здесь окончания браслетов выполнены в виде львиных масок (Ма-

¹⁴ Поскольку все браслеты пластинчатые, то это обозначение в коде в данном случае не приводится.

Рис. 3. Типология золотых браслетов из Булгарской области Золотой Орды. Группа I. Отдел I. Типы A-1, A-2. 1, 2 — Болгарский клад 1877 г. ГЭ, инв. №30-704, 705 (по Сокровища 2000: 79, 231, 232, кат. №71, 72); 3—5 — Булгарское городище. НМ РТ, 3 — инв. №5838; 4 — инв. №5839; 5 — инв. №5837 (по Руденко 2018: 117—118, рис. 6: 7, 8; 7: 7); 6 — клад 1924 г. из Чистополя, т.н., «Джукетаусский». ГЭ, инв. №30-717 (по Сокровища 2000: 79, 242, кат. №111).

Fig. 3. Typology of golden bracelets from Bulgar region of the Golden Horde. Group I. Unit I. Types A-1, A-2. 1, 2 — Bolgar hoard of 1877. SH, inv. no.30-704, 705 (after Сокровища 2000: 79, 231, 232, cat. no.71, 72); 3—5 — Bulgar hillfort. NMRT, 3 — inv. no.5838; 4 — inv. no.5839; 5 — inv. no.5837 (after Руденко 2018: 117—118, fig. 6: 7, 8; 7: 7); 6 — hoard of 1924 from Chistopol, aka "Dzhuketaussky". SH, inv. no.30-717 (after Сокровища 2000: 79, 242, cat. no.111)..

карова 1986: 97—98, рис. 47; 48). Какого-либо отношения они к браслетам из Булгарского улуса не имеют и, судя по аналогиям в золоте, скорее всего, это продукция иранских ювелиров (The Art 2013a: 281, cat. no.244; 2013b: 448, cat. no.351).

Тип A-2 (1 экз.). (рис. 3: 6), Крым — Малая Азия, конец XIV — начало XV вв. Браслет был в составе Джукетаусского клада 1924 г. Пластинчатый, шарнирный, двустворчатый замкнутый с замком в виде втулки с кольцами на узких сторонах, закрытым квадратной пластиной с круглым медальоном с чеканным растительным орнаментом. На створках из тонкой проволоки выложена надпись: «*Да будет творец мира покровителем владельцу этого [предмета], где бы он ни находился*» (чтение

А.А. Иванова), заключенная в рамку из двух литых полуколонок, заканчивающихся львиными масками (Шедевры 1990: кат. №64). Прототипом этого типа изделий были византийские золотые браслеты VII в. с круглым диском, соединявшим окончания широкого обруча, украшенного прорезным орнаментом (Taft 1991: 206, ill. 499). Они, вероятно, изготавливались в сирийских провинциях Византийской империи. Идея дизайна такого браслета и конструкции затем нашла свое продолжение в иранском ювелирном деле XIII—XIV в., правда, медальоны и обручи этих браслетов украшены гораздо скромнее (The Art 2013b: 429, cat. no.329, 330). М.Г. Крамаровский связывает изготовление этого браслета и подражаний ему (таким образом он атрибутировал

браслет из Симферопольского клада) с Восточным Крымом (Крамаровский 2001: 195).

Отметим, что ряд декоративных приемов, например, выкладка проволокой орнаментов и надписей, встречается на золотых и серебряных перстнях, обнаруженных в Булгаре и датированных второй третью — второй половиной XIV в. (Руденко 2015: 374, 388, 453, кат. №57, 99, 102, 267). Впрочем, судя по аналогиям, это может быть результатом заимствования из Средней Азии или импортом оттуда предметов с таким декором (Притула, Теплякова, Ястребова 2015: 378, кат. №210).

Группа Б: серебряные. Отдел I: пластинчатые. Типы 1—11 (50 экз.)

Браслеты этой группы изготавливались литьем, чеканкой, ковкой¹⁵. Заготовки их имели длину 16—18 см, ширину до 2 см и толщину 0,1—0,2 см. Подправка браслета производилась с помощью специального инструмента с обратной стороны, при этом нередко образовывалась неглубокая «канавка», а с внешней стороны выпуклость — своеобразный валик с одной или двумя «канавками» по краям. Декор наносился снаружи с помощью чеканов и резца; поверхность нескольких браслетов была заполирована.

Тип Б-1 (1 экз., рис. 4: 1), Барбашинский могильник, XIV в. Пластинчатый замкнутый, одношарнирный. Обруч разделен узким орнаментальным пояском на части, каждая из которых украшена гравированным рисунком в виде растительного побега. Прототипом этого типа изделий могли быть древнерусские двусторонние черненые браслеты XII—XIII вв. (Макарова 1986: 79, рис. 36, №223, 227). Одновременно с браслетами этого типа производились более крупные изделия, известные по находкам в Прикамье и за Уралом (Макарова 1986: 79, рис. 36, №220, 230). В Булгарском улусе они не имели распространения.

Тип Б-2 (1 экз., рис. 4: 2), Барбашинский могильник, XIV в. Пластинчатый разомкнутый; обруч украшен продольными рельефными узкими валиками, два из которых декорированы пунсоном. На окончаниях браслета — геометрическая композиция из ромба, вписанного в квадрат, и пересекающихся линий, в сочетании с кружковым орнаментом. Этот тип артефактов можно сопоставить с се-

ребряными браслетами с чернью из Карашамского клада конца XIV в. типа Б-11 (рис. 5: 8). Кроме того, этом браслету имеются бронзовые аналогии из Булгара (Руденко 2015: 316, илл. 486).

Тип Б-3 (1 экз.; рис. 4: 3; Руденко 2015: кат. №355), Среднее Поволжье (Болгар?), XIV в. Находка на Булгарском городище¹⁶. На выпуклой спинке — гравированный стилизованный рисунок в виде растительного побега. Фон рисунка расштрихован. На окончаниях — изображение «львиных» личин. Точных аналогий этому типу не обнаружено. С определенной долей условности можно сопоставить его с изделием из коллекции Н. Халили, на котором имеется еще рисунок четырехлепестковой розетки в центре обруча (The Art 2013b: 443, cat. no.345).

Тип Б-4 (3 экз.; рис. 4: 4, 5, Руденко 2015: кат. №353, 358; 372), Иран или Среднее Поволжье, XIV в. По середине обруча браслета помещено изображение бутона цветка в окружении стилизованных растительных побегов. Браслеты массивные; сечение подтреугольное (рис. 4: 5) и сегментовидное, то есть, в последнем случае, спинка выпуклая¹⁷ (рис. 4: 4). Окончания их — небрежно намеченные маски звероподобных существ, причем в межбровье с одной стороны — овал с точкой посередине, с другой — два лепестка с точками. На окончаниях второго браслета (рис. 4: 5) слабый намек на рисунок. Прототипы данного типа артефактов — иранские серебряные литые браслеты XII в. треугольного сечения с черневым рисунком и благопожелательными надписями (Иванов, Луконин, Смесова 1984: 26, кат. 53, 54). В Ильханидском Иране изготавливались серебряные литые браслеты треугольного сечения с изображением стилизованного «узла счастья» по середине спинки изделия, а также мотива трилистника (крина) и зооморфных личин на окончаниях (The Art 2013b: 451, cat. no.354). На иранское производство указывают, по мнению М. Спинка, и своеобразные орнаментальные мотивы трилистника на обруче с обеих сторон от центрального рисунка (Spink 2013: 436, cat. no.347), которые на изделиях из Булгара превратились в схемы, но при этом легко узнаваемые.

¹⁶ Браслеты последующих типов все найдены на Булгарском городище, поэтому эта позиция в дальнейшем описании не приводится.

¹⁷ Подтреугольное сечение имеет браслет с «львиноголовыми» окончаниями из культурного слоя Новгорода (Седова 1981: 108, рис. 41).

¹⁵ Исключение составил только один широкопластинчатый браслет — тип Б-1.

Розетки на браслетах этого типа разные: на одном — крестовидная с овальными лепестками, с гравированными мелкими прожилками, между большими лепестками дугами показаны нижние лепестки. Возможно, это изображение плода пиона (многолистка) с околоплодником и брюшным швом. На втором браслете — розетка с двойными фигурными лепестками миндалевидной формы, с тычинками и чуть заметными нижними лепестками, вероятно, цветок мальвы, как на фарфоровом сосуде второй четверти XIV в. (династия Юань) из Областного музея в Хэбэе (Barnes 2010: 356, fig. 7.35). На рисунках на китайском шелке подобная иконография цветов (гибискус/мальва) встречена на изделиях династии Сун (Feng 2012: 307, fig. 6.47). Многолучевая крестовидная розетка встречается на болгарских надгробиях первой половины XIV в., появляясь на рубеже XIII—XIV вв. (Юсупов 1960: 64, 65, рис. 7, табл. 7; 14; 18—20). Промежуточным вариантом розетки можно считать изображение лилии или лотоса на браслете из собрания БГИАМЗ¹⁸ (Руденко 2015: кат. №372), где лепестки розетки развернуты по диагонали, а нижние лепестки практически такого же размера как и основные.

Тип Б-5 (3 экз.; рис. 4: 6—8; Руденко 2015: кат. №362, 357), Среднее Поволжье, Болгар, первая половина — середина XIV в. Спинка обруча выпуклая, ограниченная по краям двумя узкими валиками, украшенного насечками (рис. 4: 6), либо без насечек; в одном случае два узких валика сделаны по центру спинки обруча и также украшены насечками (рис. 4: 7). По середине спинки браслетов этого типа изображена пяти- или восьмилепестковая розетка в разных вариантах. У всех масок зверей на окончаниях показаны подушечки для усов. Каждый из трех браслетов, учитывая особенности деталей орнамента, можно рассматривать как подтип.

Тип Б-5.1 (рис. 4: 6): с изображением цветка мальвы посередине, близкий рисунку на браслете типа Б-4; в отличие от последнего, у боковых лепестков розетки выбиты треугольники из точек, а сам рисунок насыщен деталями: штриховкой, точками. Маски животных на окончаниях браслета этого подтипа вытянутых пропорций, в межбровье — дуга с точкой и штриховкой.

Тип Б-5.2 (рис. 4: 7): в центре обруча — четырехлепестковая розетка (плод пиона), как на браслете типа Б-4, но с лепестками, рас-

положенными по диагонали, с намеченными швами, а между ними — мелкие полукруглые лепестки околоплодника с точками в центре. Спинка обруча, в отличие от двух других подтипов, сильно выпуклая. Зверь на окончаниях изделия достаточно узнаваем: четко прорисованы глаза со зрачками, брови фигурные, в межбровье — квадрат с треугольным верхом с точкой в центре, окруженный «ореолом» из мелких точек; над ними — ромбик из точек. Иконография этой маски напоминает рисунок окончания на одном из браслетов из могильника Мамай-Сурка (погребение 500) (Ельников 2006: 130, 132, рис. 78: 3).

Тип Б-5.3 (1 экз.; рис. 4: 8): аналогичный предыдущему рисунок розетки в центре обруча. Личины на окончаниях выполнены с большими вариациями в деталях, видимо, этому мастер не придавал большого значения, но с соблюдением своих художественных взглядов: зрачки изображены в виде точки с небольшим отрезком, отходящим от него (в отличие от типа Б-5.2, но такой же как у типа Б-5.1, но на последнем там добавлены насечки и даже точки). Самой примечательной чертой этого подтипа является изображение остроугольной «змейки» над бровями в каждом изгибе которой имеется точка. На валиках по краям обруча чередуются точки и штриховка.

Тип Б-6 (1 экз.; рис. 4: 9; Руденко 2015: кат. №349), Среднее Поволжье, Болгар, конец XIV в. — начало XV в. Был в составе Карашамскогоклада. Поверхность обруча браслета украшена 5 желобками: два с краев и три в центре, как у типа Б-5.3. На свободной поверхности нанесены пунсоном строенные точки и насечки. Маска животного выполнена короткими дугами. Межбровье ромбовидное. Четко намечен нос зверя, но из-за отсутствия изображения подушечек форма его иная, чем у предыдущих типов. Розетки на этом браслете нет. Обруч украшен чередующимися тонкими насечками и треугольниками точек. Возможно, выполнен в мастерской, где был изготовлен браслет типа Б-5.3, или в ее традициях.

Тип Б-7 (6 экз.; рис. 4: 10—15). В этот тип входят браслеты с выпуклой спинкой и с парами узких валиков с краев. Иконография рисунков на окончаниях изделий разнообразна, причем ряд их особенностей явно связан с уровнем квалификации ювелира их выполнившего. По особенностям оформления браслетов можно рассматривать несколько разновидностей этих артефактов.

Тип Б-7.1 (1 экз., рис. 4: 10; Руденко 2015: кат. №331). Браслет Зийя Хусейна. Болгар,

¹⁸ БГИАМЗ, инв. №703/122, СУ-85.

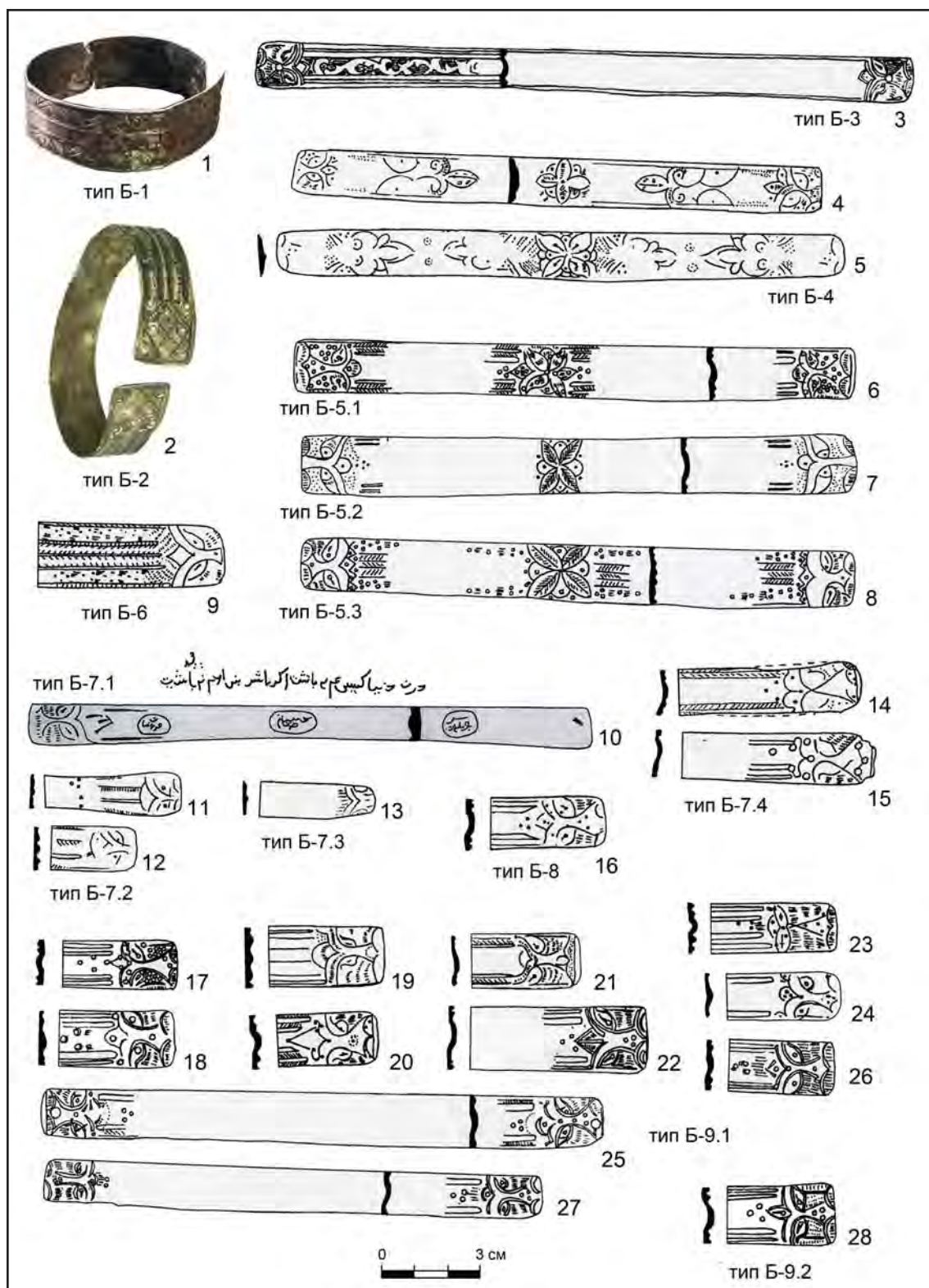

Рис. 4. Типология серебряных браслетов из Булгарской области Золотой Орды. Группа II. Отдел I. Типы Б1—Б9. 1, 2 — Барбашинский могильник на Самарской Луке (по Сташенков, Кочкина 2012: 134); 3—28 — браслеты из Булгарской области Золотой Орды (НМ РТ, 3 — инв. № 10214-77; 4 — инв. № 10199; 5 — инв. № 109/75; 6 — инв. № 2866; 7 — инв. № 5498; 8 — без шифра; 9 — инв. № 11445; 10 — инв. № 10214-32; 11 — инв. № 10214-33; 12 — инв. № 10214-31; 13 — инв. № 5497; 14 — инв. № 6470, AA13-30; 15 — инв. № 10134-2; 16 — инв. № 11448; 17 — инв. № 11443; 18 — инв. № 10214-34; 19 — инв. № 11446; 20 — инв. № 11447; 21 — инв. № 5867; 22 — инв. № 10214-63; 23 — инв. № 11442; 24 — инв. № 12622; 25 — инв. № 10214-78; 26 — инв. № 16505-1в; 27 — инв. № 5451; 28 — инв. № 10214-70; прорисовки автора).

Fig. 4. Typology of silver bracelets from Bulgar region of the Golden Horde. Group II. Unit I. Types B1—B9. 1, 2 — Barbashinsky necropolis on Samarskaya Luka (after Сташенков, Кочкина 2012: 134); 3—28 — bracelets from Bulgar region of the Golden Horde (NMRT, 3 — inv. no. 10214-77; 4 — inv. no. 10199; 5 — inv. no. 10975; 6 — inv. no. 2866; 7 — inv. no. 5498; 8 — without number; 9 — inv. no. 11445; 10 — inv. no. 10214-32; 11 — inv. no. 10214-33; 12 — inv. no. 10214-31; 13 — inv. no. 5497; 14 — inv. no. 6470, AA13-30; 15 — inv. no. 10134-2; 16 — inv. no. 11448; 17 — inv. no. 11443; 18 — inv. no. 10214-34; 19 — инв. № 11446; 20 — inv. no. 11447; 21 — inv. no. 5867; 22 — inv. no. 10214-63; 23 — inv. no. 11442; 24 — inv. no. 12622; 25 — inv. no. 10214-78; 26 — inv. no. 16505-1b; 27 — inv. no. 5451; 28 — inv. no. 10214-70; author's drawings).

вторая половина XIV в. На массивный обруч сегментовидного сечения с лицевой стороны нанесена надпись на татарском языке¹⁹: «Этот браслет всегда Зийя Хусейна» (чтение А. А. Арслановой²⁰). Стих-благопожелание (размер «хазадж») на персидском языке — выгравирован на обратной стороне браслета: «В этом мире ремесло (?) да не будет печалью (огорчением), [но] если будет, [то оно] будет [недостойно] людей»²¹ (чтение А. А. Ивановой²²). На окончаниях браслета небрежно изображены звериные личины. В межбровье — треугольник или овальная петелька с одним косым коротким отрезком внутри.

Тип Б-7.2 (2 экз., рис. 4: 11, 12; Руденко 2015: кат. №333, 336), Среднее Поволжье, Болгар, XIV в. На внешней поверхности браслета нанесены неглубокие желобки с косой насечкой. Изображение на окончаниях очень схематично. Местная реплика.

Тип Б-7.3 (1 экз., рис. 4: 13; Руденко 2015: кат. №338), Среднее Поволжье, Болгар, вторая четверть XIV в. — начало XV в. Браслет треугольного сечения, с гладкой неорнаментированной внешней поверхностью. Рисунок на окончаниях — стилизованный орнамент. Судя по размеру (5,6×5,1 см), браслет детский. Является отдаленным подражанием иранским браслетам хулагуидского времени (The Art 2013b: 447, cat. no. 350).

Тип Б-7.4 (2 экз., рис. 4: 14, 15; Руденко 2015: кат. №340, 346), Среднее Поволжье, Болгар, вторая четверть XIV — начало XV в. Внешняя поверхность обруча украшена узкими валиками с насечками (рис. 4: 14) или без них. Звериные морды вытянутых пропорций (1:2), выполнены гротескно в геометрической, почти абстрактной манере. Межбровье

— в виде двух соединенных дуг. Отличаются эти два браслета только размером точек. Возможно, составляли пару.

Тип Б-8 (1 экз.; рис. 4: 16; Руденко 2015: кат. №359), Среднее Поволжье, Болгар, конец XIV в. — начало XV в. Был в составе Карашамского клада. Личины на окончаниях изделя стилизованы, при сохранении основных элементов схемы. Щёки звериной маски покрыты насечками, имитирующими шерсть. Над межбровьем — треугольник с двумя точками, а над ним — три точки.

Тип Б-9 (27 экз., рис. 4: 22—28). Самый распространенный тип браслетов. Представление о взаимовстречаемости разновидностей этих артефактов дает находка в Болгарах в 2012 г. (раскоп CLXXIV) клада таких браслетов (Руденко, Елкина 2017: 258—274) (рис. 6). По деталям изображений можно выделить несколько основных разновидностей браслетов.

Тип Б-9.1 (20 экз.; рис. 4: 17—27; Руденко 2015: кат. №335, 347, 348, 350, 351, 352), Среднее Поволжье, Болгар, XIV — первая четверть XV в. Внешняя поверхность украшена несколькими желобками; личины на окончаниях артефактов достаточно реалистичны, причем на ряде из них композиционно линии носа и усов дают ромбовидные очертания. На одном изделии окончания браслета имеют сквозные отверстия (рис. 4: 25). Широкие плоские браслеты этого типа (рис. 4: 19) напоминают браслеты типа Б-5 (рис. 4: 7). Разнообразные варианты изображений позволяют в дальнейшем выделить более мелкие типологические группы, но абсолютной точности достичь, вероятно, не удастся, поскольку на большинстве браслетов ювелиры явно пренебрегали деталями и их точным воспроизведением даже на одном изделии.

Тип Б-9.1.1 (1 экз., рис. 4: 19; Руденко 2015: кат. №348), Среднее Поволжье, конец XIV в. — начало XV в. Браслет из Карашамского клада. Плоский, с едва заметными валиками на обруче. Звериная маска схематична, выполнена тонким резцом и пунсоном. Межбровье в виде дуги с символическим «сиянием» внутри. Мелкими точками намечено

¹⁹ Эта надпись могла быть сделана и позднее.

²⁰ Благодарю А. А. Арсланову, старшего научного сотрудника Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, за прочтение надписи.

²¹ А. А. Арсланова читает надпись так: «В этом мире нет человека без печали, если есть, то это — не человек».

²² Благодарю ведущего научного сотрудника Отдела Востока Государственного Эрмитажа А. А. Иванова за перевод и консультацию.

Рис. 5. Серебряные браслеты из Булгарской области Золотой Орды с черневым декором. Карашамский клад. Конец XIV — начало XV в. 1—13 — тип Б-11; 14—16 — тип БII-1. НМ РТ, 1—4 — инв. №11439 (1, 4 — прорисовка орнамента); 5—8 — инв. №11438 (5, 8 — прорисовка орнамента); 9—12 — инв. №11437 (9, 12 — прорисовка орнамента); 13 — инв. №11440; 14—16 — инв. №11441 (детали: середина спинки (15) и окончания браслета (14)) (по Руденко 2015: 415—419, кат. №180, 182, 183, 184, 191).

Fig. 5. Silver bracelets from Bulgar region of the Golden Horde, with niello. Hoard from Karasham. Late 14th – early 15th century. 1—13 — type Б-11; 14—16 — type БII-1. NMRT, 1—4 — inv. no. 11439 (1, 4 — drawing of the ornament); 5—8 — inv. no. 11438 (5, 8 — drawing of the ornament); 9—12 — inv. no. 11437 (9, 12 — drawing of the ornament); 13 — inv. no. 11440; 14—16 — inv. no. 11441 (details: central part of the body (15) and bracelet ends (14)) (after Руденко 2015: 415—419, cat. no. 180, 182, 183, 184, 191).

окончание носа. По стилистике напоминает тип Б-6.

Тип Б-9.1.2 (2 экз., рис. 4: 17, 20; Руденко 2015: кат. №350, 356), Среднее Поволжье, конец XIV в. — начало XV в.; браслет из Карашамского клада. Обруч украшен четырьмя узкими валиками с насечками, звериная личина намечена тонкими линиями, брови сделаны в виде галочки, но с высоким равнобедренным треугольником с точками на углах, над ними «щеки» зверя декорированы насечками; посередине широкого носа сделана точка в окружении мелких перлов.

Тип Б-9.1.3 (1 экз., рис. 4: 23; Руденко 2015: кат. №347), Среднее Поволжье, конец XIV в. Обруч выпуклый из-за прочеканки изнутри; снаружи — четыре желобка. Рисунок на окончаниях совершенно схематический, выполненный тонким резцом и пунсоном.

Тип Б-9.1.4 (1 экз., рис. 4: 21; Руденко 2015: кат. №352), Среднее Поволжье, XIV в. Обруч выпуклый, с двумя валиками по боковым сторонам, с насечками; брови фигурноскобчатые, тоже с насечками; в межбровье — дуга. Выделен нос, фигурные подушечки усов; рот очеркнут прямой линией. Вся морда зверя покрыта мелкими насечками в несколько ярусов, сверху вниз, имитирующими шерсть.

Тип Б-9.1.5 (7 экз., рис. 4: 18, 24—26; Руденко 2015: кат. №332, 335, 345, 351, 371), Среднее Поволжье, 1320—1370-е гг. У браслетов выпуклый обруч, нередко личины на окончаниях ассиметричные, брови в виде галочки с точкой внизу; межбровье — дугой с тремя точками внутри. Вариант этого типа аналогичной композиции, но с насечками, имитирующими шерсть, дугой в межбровье, в которой только одна точка, а над дугой — треугольник из точек (рис. 4: 25, Руденко 2015: кат. №335). На окончаниях этого браслета были пробиты сквозные отверстия. Другой браслет повторяет основные элементы декора предыдущего изделия, только перлы заменены насечками в виде «сияния» (рис. 4: 27, Руденко 2015: кат. №347). К этому же типу относятся два браслета из Болгарского клада 2012 г. На них только отсутствует треугольник из точек над дугой в межбровье (рис. 6: 4, 6; Руденко 2015: кат. 367, 369). Еще одним изделием этого типа является браслет, где брови на маске сделаны в виде фигурной скобки (рис. 4: 18, Руденко 2015: кат. 332). На фрагменте такого браслета из БГИАМЗ²³ пробито сквозное отверстие (Руденко 2015: кат. 371).

Тип Б-9.1.6 (11 экз., рис. 4: 22, 26; 6: 1—3, Руденко 2015: кат. 334, 341, 343, 344, 354, 356, 363), Среднее Поволжье, Болгар, XIV — первая четверть XV в. Композиционно похожи на тип Б-9.1.5, только в межбровье — треугольник с одной или тремя, чаще четырьмя точками внутри, нередко над ним — частые вертикальные насечки («сияние»), над которыми — треугольник из точек. На двух браслетах этого сияния нет (Руденко 2015: кат. №341, 356). Судя по тому, что один из них из Карашамского клада (Руденко 2015: кат. №356), вероятно, они были изготовлены позднее, чем другие. Есть отличия в мелких деталях на браслетах этого типа, например, изображении зрачков: одной точкой или точкой и линией. Еще на одном браслете треугольник над межбровьем венчается композицией из трех точек (Руденко 2015: кат. 329), а дизайн рисунка напоминает изображение на браслете типа Б-9.1.2. Один браслет выделяется оригинальной трактовкой надбровья — в виде равнобедренного треугольника, разделенного пополам вертикальной линией с наклонными насечками с каждой стороны (рис. 4: 22, Руденко 2015: кат. №334). К этому типу относятся три браслета из Болгарского клада 2012 г. (рис. 6: 1—3, Руденко 2015: кат. №364—366). На них только нет трех точек над межбровьем и звериные морды покрыты почти сплошной наклонной насечкой, имитирующей шерсть (такая особенность есть еще на одном браслете из Булгара²⁴).

Тип Б-9.1.7 (2 экз.; рис. 6: 5, 7) Болгар, 1320—1370-е гг. из Болгарского клада 2012 г. Аналогичны предыдущему типу, только с насечками на валиках (Руденко 2015: кат. 368, 370).

Тип Б-9.2 (1 экз.; рис. 4: 28; Руденко 2015: кат. №342). Среднее Поволжье, Болгар, XIV — первая четверть XV в. Аналогичен предыдущим изделиям, отличаясь только наличием боковых вертикальных линий на морде льва и миндалевидной фигурой в межбровье, возможно, перекликающейся с рисунком на браслете типа Б-9.2.6 (рис. 4: 22).

Тип Б-9.3 (1 экз.; Руденко 2015: кат. №339). Среднее Поволжье, XIV в. Плоский, с небольшим рельефом на поверхности обруча и узким валиком посередине с насечками, как и на боковых валиках. По середине обруча на широких полосках циркулярный орнамент из двух параллельных рядов кружочков с точ-

²³ БГИАМЗ, инв. №327/2, арх. 141, СУ-4.

²⁴ БГИАМЗ, инв. №327-1, СУ-3 (Руденко 2015: кат. №363).

Рис. 6. Серебряные браслеты из клада ювелирных украшений. Болгарское городище. Раскоп CLXXIV. БГИАМЗ, 1 — инв. №1533; 2 — инв. №1530; 3 — инв. №1532; 4 — инв. №1535; 5 — инв. №1531; 6 — инв. №1534; 7 — инв. №1529; 8 — состояние браслетов на момент обнаружения (по Руденко, Елкина 2017: рис. 6).

Fig. 6. Silver bracelets from a jewelry hoard. Bolgar Hillfort. Dig CLXXIV. BSMRHA, 1 — inv. no. 1533; 2 — inv. no. 1530; 3 — inv. no. 1532; 4 — inv. no. 1535; 5 — inv. no. 1531; 6 — inv. no. 1534; 7 — inv. no. 1529; 8 — condition of the bracelets as found (after Руденко, Елкина 2017: fig. 6).

кой в центре, по 4 кружочка в каждом ряду. Такие же композиции были сделаны за надбровьем на обруче. Оригинальны детали: морда зверя с боковых сторон ограничена двумя тонкими вертикальными линиями, а остальное пространство, помимо носа и глаз, покрыто рядами мелких насечек — имитацией шерсти. Вместо линии рта изображена полоска из мелких арочек, а над бровями, выполненными в виде галочки, ряд или два ряда небольших арочек, напоминающий пчелиные соты²⁵, или орнамент на золотоордынской керамике в виде лепестков цветов, хотя в данном случае это может быть и изображение чешуи. Такой орнамент имеется на серебряных монетах, чеканившихся в Булгаре, с изображением трехногий тамги, вероятно, в конце XIII в.

Тип Б-10 (2 экз.). Среднее Поволжье, Болгар, конец XIV — первая четверть XV в. отличается от предыдущего только более вытянутыми пропорциями изображений на окончаниях.

Тип Б-11 (4 экз., рис. 5: 1—13, Руденко 2015: кат. 180, 182, 183, 191), Среднее Поволжье, Болгар, конец XIV — первая четверть XV в. Были в составе Карашамского клада. Плоские разомкнутые. В середине, в квадратном картуше изображение двух стилизованных растительных побегов, вписанных в ромб, свободное орнаментальное пространство занято также растительными побегами, в симметричной композиции. От картуша отходят гравированные стилизованные изображения в виде геометрических фигур: треугольника и овала с исходящими от них лучами. На окончаниях браслетов, также в квадратных картушах, аналогичные композиции. У рисунков на окончаниях выгравированы в направлении к середине обруча треугольные фигуры, вероятно, стилизованные растительные побеги, от верха которых также излучается сияние. Рисунки в картушах покрыты чернью. Мотивы изображений на этих браслетах напоминают декор серебряной с чернью и позолотой коранницы из собрания Государственного Эрмитажа, отнесенной М.Г. Крамаровским к средневожской группе торевтики Золотой Орды (Крамаровский 2001: 139, рис. 76). Прототипы этих рисунков угадываются в дизайне глазурованных плиток Средней Азии второй половины XIV в. (Ремпель 1961: 258—259, рис. 122). Из Булгара происходят несколько аналогич-

ных золотых браслетов с черневым узором (тип А-1.2).

Группа Б: серебряные.

Отдел II: дровые.

Тип 1 (2 экз.)

Тип БП-1 (1 экз., рис. 5: 14—16, Руденко 2015: кат. №184), Среднее Поволжье, Болгар, конец XIV — первая четверть XV в. Из Карашамского клада. Браслет выполнен из литого дрота сегментовидного сечения. Средняя часть и окончания уплощены и представляют собой прямоугольные площадки; спинка обруча имеет небольшой выступающий валик. Композиция рисунка, усиленная чернью, представляет собой сочетание ромба (в центре) и треугольников, часть которых заштрихована, а в других — стилизованные растительные побеги; в ромб вписана стилизованная крестовидная розетка. Рисунки такого содержания встречаются в архитектурном декоре Средней Азии конца XIV — начала XV в., как, например, во дворце Ак-Сарай Шахриябза 1380—1405 гг. (Ремпель 1961: 294, рис. 139). Крестовидная розетка, вписанная в ромб, изображена на обруче иранского браслета XIII—XIV вв. (The Art 2013b: 455, cat. no.359). Форма золотых браслетов как у изделий этого типа (кроме окончаний, которые выполнены в виде голов животных) известна в иранских древностях XIV—XV вв. (The Art 2013b: 450, cat. no.353). Опираясь на серию серебряных браслетов с чернью из Ирана XIII—XIV вв., можно предполагать эволюцию пластинчатых браслетов с масками «львов» в изделия с уплощенной средней частью обруча и окончаний, на которых располагались абстрактные узоры (The Art 2013b: 454—455, cat. no.357—359).

Тип БП-2 (1 экз., Руденко 2015: кат. №97), Среднее Поволжье, Болгар, XIV в. Фрагмент дровового браслета, сегментовидного сечения, на уплощенной площадке которого изображена схематическая личина-маска, копирующая изображение на пластинчатом браслете типа Б-9.1.6 (рис. 4: 26), только более вытянутых пропорций.

Итак, в Булгарской области Золотой Орды пластинчатые браслеты стали бытовать в конце XIII — первой четверти XIV в. В этот период это чаще всего массивные изделия треугольного или сегментовидного сечения с изображением в средней части обруча плодов пиона прямокрестовой композиции и цветка мальвы, при этом с достаточно абстрактными рисунками на окончаниях (тип Б-4). У них

²⁵ А. З. Сингатуллина отмечает, что орнамент в виде сот обозначает в китайской символике «таз с драгоценностями» (Сингатуллина 2003: 45, 140, кат. №100, 101).

имеются иранские прототипы (они появляются и позже — во второй половине XIV в.: тип Б-7.3, рис. 4: 13).

Для первой половины — середины XIV в. характерны браслеты с выпуклой спинкой (изнутри — следы работы чеканом); внешняя сторона либо гладкая, либо с желобками, середина уплощенная, здесь сохраняется схематический рисунок плодов и цветов в центре диагональной композиции; на окончаниях изделий изображены схемы личин-масок, приобретших зооморфные черты, которые являются чертами разных стилей, видимо как следствие трактовки разных прототипов или модификаций (тип Б-5, рис. 4: 6—8).

С середины XIV в. в Булгаре и Булгарской области в обращении были разнообразные по дизайну пластинчатые браслеты, а на третью четверть столетия приходится период их наибольшей популярности. При этом строгого канона их оформления, видимо, не было, отсюда и весьма разнообразный дизайн этих изделий. Из устойчивых элементов отметим использование ярусной штриховки для обозначения шерсти на морде звериной маски, насечки на валиках, изображение зрачков глаз и их разрез. Ярусная штриховка украшала и маски-личины на окончаниях золотых браслетов типа А-1.1 (рис. 3: 1, 2). По ряду деталей, таких как «сияние» над надбровьем и зрачки в виде точки на линии, они сопоставимы с серебряными браслетами типов Б-9.1.5 и Б-9.1.6.

Во второй четверти XIV в. изготавливались браслеты со схематическими, почти абстрактными рисунками личин и вольной трактовкой отдельных элементов схемы (тип Б-7.4, рис. 4: 14, 15). Для конца XIV в. характерны изображения на браслетах с контурным рисунком маски и мелких точек-перлов (типы Б-6 и Б — 9.1.1), а также украшение «щек» зверя точками (типы Б-9.1.6 и Б-9.1.2). Такой прием использован при украшении серебряных браслетов с масками-личинами из Крещёноелтанского клада, зарытого не ранее 1360-х гг. (Руденко 2011: 142, 154, рис. XIII: 6, 7). На протяжении всего XIV в. в Булгаре изготавливались серебряные браслеты типа Б-9. В отношении датировки пластинчатых браслетов из Булгарской области Золотой Орды значение имеют следующие элементы: сечение обруча, наличие в середине его изображения (чаще всего многолепестковой розетки), и изображения на окончаниях изделий. В отношении последних датировочными признаками могут выступать: штриховка для обозначения шерсти на морде звериной маски, насечки на валиках, изображение зрачков глаз и их разрез.

Рассмотренные материалы позволяют предположить, что во второй половине XIV в. в Булгаре работала ювелирная мастерская, в которой изготавливались золотые и серебряные изделия с чернью. Помимо браслетов, здесь выпускались и типовые золотые перстни, но с орнаментом в абстрактно-растительном стиле (Руденко 2015: 452, кат. №261, 262). Из серебра изготавливались цепочки из шестилепестковых розеток украшенных черненым рисунком, наконечники ремней в том же стиле с чернением, перстни с таким же декором (Руденко 2015: 373—374, 384—385, 388, 502: кат. №54, 55, 84, 89, 100, 401). К ним же возможно относится коранница из Эрмитажа (Крамаровский 2001: 139, рис. 76). Эта мастерская бесспорно выпускала и браслеты. Исходя из этого, к части последних бесспорно можно применить термин браслеты болгарского типа.

Если сопоставить периоды изготовления и бытования рассмотренных браслетов, то получится следующая картина (табл. 1).

Большая часть браслетов производилась в XIV в. и бытовала до последней трети этого столетия, а то и в начале XV в. Скорее всего, пик распространения и соответственно, изготовления их приходится на вторую — третью четверть XIV в. Причем на последнюю треть столетия приходится 22 % известных изделий в том числе, практически все, золотые и серебряные, где использовалась чернь.

Если проанализировать имеющиеся данные по браслетам из драгоценных металлов из Булгарской области Золотой Орды, то можно констатировать следующее. Во-первых, преобладающим типом серебряных браслетов являются пластинчатые разомкнутые браслеты. В фондах НМ РТ и БГИАМЗ хранится свыше 50 экз. таких артефактов²⁶ (Руденко 2015: 312). Во-вторых, распространение их в этой части Золотой Орды, имеет свою специфику, выражающуюся в ассортименте и дизайне этих изделий. Отдельные совпадения типов, как, например, в Поднепровье (Ельников 2001: 184, рис. 6: 4, 5, 6), не имеют системного характера и являются лишь стилистическими вариантами, чаще всего имеющими, вероятно, разные линии развития (Строкова 2006: 186—187). В-третьих, браслеты из се-

²⁶ Утверждение о наличии в фондах НМ РТ «сотен браслетов» этого типа (Крамаровский 2001: 187; Мыськов 2015: 163) — ошибочно. Неверно указано и название музея: «ГИМ Татарстана». Правильно: Национальный музей Республики Татарстан. В начале XXI в. он назывался ГОМ РТ — Государственный объединенный музей Республики Татарстан.

Таблица 1.

Браслеты из драгоценных металлов Булгарского улуса Золотой Орды

№ п/п	Тип	Экз.	Датировка	Материал	Примечание	Место находки
1	A-1.1	2	2 пол. XIV в.	золото		Болгарский клад, 1877
2	A-1.2	2	2 пол. XIV в.	золото	чернение	Болгар
3	A-1.3	1	XIV в.	золото	шарнирный	Болгар
4	A-2	1	кон. XIV — нач. XV в.	золото	шарнирный	Джукетауский клад, 1924
5	B-1	1	XIV в.	серебро		Барбашинский могильник
6	B-2	1	XIV в.	серебро	чернение (?)	Барбашинский могильник
7	B-3	1	XIV в.	серебро		Болгар
8	B-4	3	XIV в.	серебро		Болгар
9	B-5	3	1 пол. XIV в.	серебро		Болгар
10	B-6	1	кон. XIV — нач. XV в.	серебро		Карашамский клад
11	B-7.1	1	2 пол. XIV в.	серебро		Болгар
12	B-7.2	2	XIV в.	серебро		Болгар
13	B-7.3	1	2 четв. XIV — н. XV в.	серебро		Болгар
14	B-7.4	2	2 четв. XIV — нач. XV в.	серебро		Болгар
15	B-8	1	кон. XIV в.	серебро		Карашамский клад
16	B-9.1.1	1	кон. XIV — нач. XV в.	серебро		Карашамский клад
17	B-9.1.2	2	кон. XIV — нач. XV в.	серебро		Болгар
18	B-9.1.3	1	кон. XIV — нач. XV в.	серебро		Болгар
19	B-9.1.4	1	XIV в.	серебро		Болгар
20	B-9.1.5	7	1320—1370 гг.	серебро		Болгарский клад 2012
21	B-9.1.6	11	XIV — 1 четв. XV в.	серебро		Карашамский клад
22	B-9.1.7	2	1320—1370 гг.	серебро		Болгарский клад 2012
23	B-9.2	1	XIV — нач. XV в.	серебро		Болгар
24	B-9.3	1	XIV в.	серебро		Болгар
25	B-10	2	кон. XIV — нач. XV в.	серебро		Болгар
26	B-11	4	кон. XIV — нач. XV в.	серебро	чернение	Карашамский клад
27	БII-1	1	2 пол. XIV в.	серебро	чернение	Карашамский клад
28	БII-2	1	XIV в.	серебро		Болгар
Всего:		58				

ребра, как и единичные экземпляры из золота (Сокровища 2000: 79, 231, 232, кат. 71, 72), с изображениями зооморфных масок, составляют группу артефактов с устойчивым ансамблем стилистических признаков, который только отчасти воспроизводился в медных и бронзовых пластинчатых браслетах. В-четвертых, распространение таких изделий было не повсеместным в Золотой Орде, а достаточно локальным, например, у кочевников Волго-Донья такие типы браслетов встречаются в очень небольшом количестве — 6 экз. (Мыськов 2015: 163—164, типы II-в, г, табл. XXVIII-1), и к тому же оригинального дизайна, лишь отдаленно напоминающего тот, который встречается на браслетах из Булгара. Изредка изготавливались достаточно оригинальные версии, чаще всего выполненные в бронзе, воспроизводящие только отдельные элементы декора серебряных изделий (Руденко 1999: 100, рис. 11—16), нередко сделанные еще и по оригинальной технологии, как, например, у среднедонских ко-

чевников (Волков 2002: 108—110, рис. 45). В некоторых областях, например, в Восточном Приазовье, в кочевнических захоронениях такие браслеты вообще отсутствуют (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный 2011). В-пятых, на пластинчатых браслетах из Булгарской области Золотой Орды с изображением зооморфных масок (это не относится к дротовым браслетам и к пластинчатым с рисунками стилизованных растительных мотивов), не встречается чернь (за исключением одного фрагмента с Лаишевского селища (Руденко 2015: 415, кат. №181)), как это известно в других областях ордынского государства (Ельников 2006: 130, рис. 78: 30). В-шестых, распространение этих артефактов в Булгарской области, в подавляющем большинстве случаев, связано с городской культурой, с определенным социальным слоем горожан, хотя они встречаются и на поселениях иного социально-экономического статуса: крупных торговых или ремесленных центрах, или богатых усадьбах. При этом даже не столь

удаленные от Булгара территории Улуса, например, Самарская Лука, демонстрируют своеобразный дизайн таких браслетов (Руденко 2015: 320—321, илл. 504, 506, 507). В-седьмых, браслеты с зооморфными и иными мотивами существовали одновременно на протяжении конца XIII—XIV вв., и эволюционного процесса «упрощения» декора не было. В-восьмых, прямой связи браслетов домонгольского и ордынского времени у бул-

гар не было: с изменением статуса предметов в мужском и женском костюме комплекс домонгольских украшений уступил место новому (Руденко 2018: 119). Архаичные украшения сохранялись, видимо, только как личное сокровище или приданое. Последнее: во второй половине XIV в. в Булгаре работала ювелирная мастерская в которой изготавливали серебряные и, возможно, золотые изделия, в том числе и с использованием черни.

Литература

- Айни Л. 1980. *Искусство Средней Азии эпохи Авиценны*. Душанбе: Ирфон.
- Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф. (сост.). 2012. *Археологические памятники Самары*. Самара: СОИКМ.
- Валеев Ф. Х. 1975. *Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья*. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство.
- Валеева-Сулейманова Г. Ф. 1999. К вопросу о генезисе булгарских браслетов с зооморфными изображениями. В: Старостин П. Н. (ред.). *Булгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А. П. Смирнова*. Тезисы. Булгар: БГИАМЗ, 92—93.
- Валеева-Сулейманова Г. Ф. 2002. Генезис декора татарских браслетов с львиными личинами. В: Загидуллин И. К. (отв. ред.). *Древнетюркский мир: история и традиции*. Материалы научной конференции. Казань: ИИ АН РТ, 125—135.
- Волков И. В. 2002. Золотоордынские браслеты с надписями. В: Пряхин А. Д. (отв. ред.). *Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды*. Воронеж: ВГУ, 106—110.
- Воробьев Н. И. 1930. *Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования)*. Казань: Дом татарской культуры Академического центра ТНКИ.
- Воробьев Н. И. 1953. *Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода)*. Казань: Татгосиздат.
- Гущин А. С. 1936. *Памятники художественного ремесла в Древней Руси X—XIII вв.* Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство.
- Доде З. В. 2010. *Кубачинские рельефы. Новый взгляд на древние камни*. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа X. Москва: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие.
- Дружинина И. А., Чхаидзе В. Н., Нарожный Е. И. 2011. *Средневековые кочевники в Восточном Приазовье*. Армавир; Москва: ЦАИ АГПА.
- Ельников М. В. 2001. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы. *Татарская археология* 8—9 (1—2), 142—187.
- Ельников М. В. 2002. Браслеты «булгарского типа» з поховань могильника Мамай-Сурка. *ССПІК Х. Запоріжжя*, 252—258.
- Ельников М. В. 2006. *Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1993—1994 гг.)* II. Запорожье: ЗНУ.
- Золотая Орда 2005; Пиотровский М. Б. (ред.). 2005. *Золотая Орда. История и культура*. Каталог выставки. Санкт-Петербург: Славия.
- Иванов А. А., Луконин В. Г., Смесова Л. С. 1984. *Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. Коллекция Особой кладовой отдела Востока Государственного Эрмитажа*. Москва: Искусство.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. 1992. Лев. В: Токарев С. А. (гл. ред.). *Мифы народов мира*. Энциклопедия в 2-х т. 2-е изд. Т. 2. К-Я. Москва: Советская энциклопедия, 41—42.
- Калинин Н. Ф. 1929. Бытовые предметы Волжско-Камской Болгарии. В: Дульский П. М. (ред.). *Выставка болгарских древностей (по исследовательским материалам революционного периода)*. Казань: ДТК, 35—47.
- Калинин Н. Ф. 1945. *Булгарское искусство в металле. К вопросу о происхождении татарского народного искусства*. Казань: Государственный музей ТАССР.
- Калинин Н. Ф. 1948. К вопросу о происхождении казанских татар. В: Греков Б. Д. (гл. ред.). *Происхождение казанских татар*. Казань: Татгосиздат, 90—107.
- Король Г. Г. 2008. *Искусство кочевников Евразии. Очерки*. Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства V. Москва; Кемерово: Кузбассвузиздат.
- Крамаровский М. Г. 1978. «Булгарские» браслеты: генезис декора и локализация. *СГЭ XLIII*, 46—51.
- Крамаровский М. Г. 2001. *Золото Чингизидов: культурное наследие Золотой Орды*. Санкт-Петербург: Славия.
- Макарова Т. И. 1986. *Черное дело Древней Руси*. Москва: Наука.
- Мальм В. А. 1978. Золотой браслет с персидской надписью. В: Козенкова В. И. (отв. ред.). *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. Москва: Наука, 247—248.
- Маршак Б. И. 2014. *Культурные связи Востока и Европы в торевтике XI—XIII вв. Серебро с чернью*. Санкт-Петербург: Политехнический университет.
- Моццати Л. 2012. *Исламское искусство*. Пер. с итал. С. В. Зоной. Москва: Арт-Родник.
- Мухамедшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. 1996. Надписи на металлических изделиях. В: Федоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.). *Город Булгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков*. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 293—305.
- Мыськов Е. П. 2015. *Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды*. Волгоград: Волгоградский филиал РАНХиГС.
- Полякова Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных ме-

- таллов. В: Федоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков*. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 154—268.
- Притула А.Д., Теплякова А.Н., Ястребова О.М. (ред.). 2015. «Подарок созерцающим»: странствия Ибн Баттуты. Каталог выставки. Санкт-Петербург: ГЭ.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. 1965. *История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века*. Москва: Искусство.
- Ремпель Л.И. 1961. *Архитектурный орнамент Узбекистана: история развития и теория построения*. Ташкент: Государственное издательство художественной литературы Узбекской ССР.
- Ремпель Л.И. 1987. *Цепь времен: вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии*. Ташкент: Издательство литературы и искусства им. Г. Гуляма.
- Рифтин Б.Л. 1992. Бай-ху. В: Токарев С.А. (гл. ред.). *Мифы народов мира*. Энциклопедия в 2-х т. 2-е изд. Т. 1. А-К. Москва: Советская энциклопедия, 150.
- Руденко К.А. 2011. *Булгарское золото: филигранные височные подвески*. Древности Биляра I. Казань: Заман.
- Руденко К.А. 2014. *История археологического изучения Волжской Булгарии (X — начало XIII в.)*. Казань: Республиканский центр мониторинга качества образования.
- Руденко К.А. 2015. *Булгарское серебро*. Древности Биляра II. Казань: Заман.
- Руденко К.А. 2017. О хронологии восточного импорта в Волжскую Булгарию в X—XI вв. (по материалам торевтики). *ПА* 20 (2), 157—172. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.157.172>.
- Руденко К.А. 2018. Золотые украшения Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды: опыт сравнительного анализа. *ПА* 24 (2), 111—124. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.111.124>.
- Руденко К.А., Елкина И.И. 2017. Ювелирные украшения из захоронений в южной части Булгарского городища (раскопы CLXXIV и CCXIV. Раскопки 2012 и 2015 гг.). *ПА* 22 (4), 258—274. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.258.274>.
- Седова М.В. 1981. *Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X—XV вв.)*. Москва: Наука.
- Сингатуллина А.З. 2003. *Джучидские монеты поволжских городов XIII в.* Казань: Заман.
- Смирнов А.П. 1951. *Волжские булгары*. Москва: ГИМ.
- Сокровища 2000: Крамаровский М.Г. (сост., ред.). 2000. *Сокровища Золотой Орды = Алтын Урда Хазиналәре = The Treasures of the Golden Horde*. Каталог выставки (на татарском, русском и английском языках). Санкт-Петербург: Славия.
- Стародуб Т.Х. 2010. *Исламский мир: художественная культура VII—XVII вв.: архитектура, изображение, орнамент, каллиграфия*. Москва: Восточная литература.
- Строкова Л.В. 2006. Золотоордынский клад из с. Василицы Черкасской области. В: Мурашева В.В. (отв. ред.). *Город и степь в контактной евроазиатской зоне*. Тезисы III Международной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. Москва: Нумизматическая литература, 186—188.
- Суслова С.В. 1980. *Женские украшения казанских татар середины XIX — начала XX в. Историко-этнографическое исследование*. Москва: Наука.
- Суслова С.В. 2018. Женские украшения волго-уральских татар. В: Суслова С.В. (отв. ред.). *Ювелирные украшения тюркских народов Евразии*. Казань: ИИ АН РТ, 147—198.
- Топоров В.Н. 1992. Тигр. В: Токарев С.А. (гл. ред.). *Мифы народов мира*. Энциклопедия в 2-х т. 2-е изд. Т. 2. К-Я. Москва: Советская энциклопедия, 511—512.
- Тревер К.В., Луконин В.Г. 1987. *Сасанидское серебро*. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III—VIII вв. Москва: Искусство.
- Уильямс Д., Огден Дж. 1995. *Греческое золото: ювелирное искусство классической эпохи V—IV вв. до н.э.* Каталог выставки. Санкт-Петербург: Славия.
- Уильямс Ч. 2011. *Китайская культура: мифы, герои, символы*. Москва: Центрполиграф.
- Фирдоуси. 1972. *Шах-наме*. Москва: Художественная литература.
- Чеснов Я.В. 1986. Дракон: метафора внешнего мира. В: Чеснов Я.В. (ред.). *Мифы, культы, обряды народов Зарубежной Азии*. Москва: Наука, 59—72.
- Шедевры 1990: *Шедевры исламского искусства в Эрмитаже СССР*. 1990. Каталог выставки (на рус., араб. и англ. яз.). Кувейт: Dar Al-Athar Al-Islamiyyah.
- Юсупов Г.В. 1960. *Введение в булгаро-татарскую эпиграфику*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Augustin B. 2010. The Daoist Image: Portrait of the Immortal. In: Watt, James C. Y. (ed.). *The World of Khubilai Khan. Chinese Art in the Yuan Dynasty*. New Haven; London: Yale University Press, 129—157.
- Barnes L.E. 2010. Yuan Dynasty Ceramics. In: Li Zhiyan (ed.). *Chinese Ceramics: from the Paleolithic Period through the Qing Dynasty*. New Haven; London: Yale University Press; Foreign Languages Press, 330—385.
- Beyazit D. 2016. The Lion Motif (Cat. no. 136a-d). In: Canby Sh.R., Beyazit D., Rugiadi M., Peacock A. C. S. *Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs*. Catalog of exhibition held at the Metropolitan Museum of Art, New York, April 27 — July 2016. New York: The Metropolitan Museum of Art, 219—222.
- Blair Sh., Bloom J. 2013. The cultural and architectural unity of Abbasid Empire. In: Hattstein M., Delius P. (eds.). *Islam: Art and Architecture*. Potsdam: H. F. Ullmann Publishing GmbH., 94—117.
- Canby Sh.R. 2016. Astrology, magic, and the World of Beasts. In: Canby Sh.R., Beyazit D., Rugiadi M., Peacock A. C. S. *Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs*. Catalog of exhibition held at the Metropolitan Museum of Art, New York, April 27 — July 2016. New York: The Metropolitan Museum of Art, 198—199.
- Canby et al. 2016: Canby Sh.R., Beyazit D., Rugiadi M., Peacock A. C. S. 2016. *Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs*. Catalog of exhibition held at the Metropolitan Museum of Art, New York, April 27 — July 2016. New York: The Metropolitan Museum of Art.
- China 2004: Watt J. Y., An Jalyao, Howard F., Marshak B. I., Su Bai, Zhao Feng. 2004. *China: dawn of a Golden Age 200—750 AD*. Catalog of exhibition held at the Metropolitan Museum of Art, New York, okt. 12 2004 — jan. 23 2005. New York: The Metropolitan Museum of Art.
- Feng Z. 2012. Silks in the Song, Liao, Western Xia, and Jin Dynasties. In: Kuhn D. (ed.). *Chinese Silks*. New

- Haven; London: Yale University Press; Foreign Languages Press, 325—367.
- Daneshvari A. 2011. *Of Serpents and Dragons in Islamic Art. An Iconographical Study*. Bibliotheca Iranica: Islamic Art and Architecture Series 13. Costa Mesa, CA: Mazda Publishers.
- Gladiss A., von. 2013. Ayyubids metalwork. In: Hattstein M., Delius P. (eds.). *Islam: Art and Architecture*. Potsdam: H. F. Ullmann Publishing GmbH, 202—205.
- Gonnella J. 2013. Aleppo — capital of the Zangids and Ayyubids. In: Hattstein M., Delius P. (eds.). *Islam: Art and Architecture*. Potsdam: H. F. Ullmann Publishing GmbH, 174—193.
- Kuehn S. 2011. *The dragon in medieval East Christian and Islamic art*. Islamic history and civilization: studies and texts 86. Leiden; Boston: Brill.
- Maršak B. I. 1982. Zur Toreutik der Kreuzfahrer. In: Effenberg A. (ed.). *Metallkunst von der Spätantike bis zum ausgehenden Mittelalter*. Berlin, 166—184.
- Mazot S. 2013. The Fatimids. In: Hattstein M., Delius P. (ed.). *Islam: Art and Architecture*. Potsdam: H. F. Ullmann Publishing GmbH, 141—157.
- Mousavi Lar A., Moradi A. 2017. Aesthetical Study of Patterns and Forms in the Metalworks during Seljuk Dynasty. In: *Journal of History Culture and Art Research* 6 (3), 966—984. doi: <http://dx.doi.org/10.7596/taksad.v6i3.946>.
- Rice D. T. 1965. *Islamic Art*. New York; Washington: F. A. Praeger Publ.
- Shipwrecked 2010: Krah R., Guy J., Wilson J. K., Raby J. (eds.). 2010. *Shipwrecked: Tang treasures and Monsoon Winds*. Singapore; Washington: ArtScience Museum.
- Spink M. 2013. Golden Horde, Mamluk and Ilkhanid jewellery. In: Spink M. (ed.). *The Art of Adornment. Jewellery of the Islamic Lands*. Part 2. The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art XVII. London: The Nour Foundation; Azimuth Editions, 383—469.
- Tait H. (ed.). 1991. *Jewelry: 7000 years: an international history and illustrated survey from the collection of the British Museum*. New York: Abradale Press.
- The Treasures 2006: O'Kane B. (ed.). 2006. *The Treasures of Islamic Art in the museums of Cairo*. Cairo; New York: The American University in Cairo Press.
- The Art 2013a: Spink M. (ed.). 2013. *The Art of Adornment. Jewellery of the Islamic Lands*. Part 1. The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art XVII. London: The Nour Foundation; Azimuth Editions.
- The Art 2013b: Spink M. (ed.). 2013. *The Art of Adornment. Jewellery of the Islamic Lands*. Part 2. The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art XVII. London: The Nour Foundation; Azimuth Editions.
- Watt J. C. Y. 2002. A Note on Artistic Exchanges in the Mongol Empire. In: Komaroff L., Carboni S. (eds.). *The Legacy of Genghis Khan: Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256—1353*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 62—73.

References

- Aini, L. 1980. *Iskusstvo Srednei Azii epokhi Avitsenny (Central Asian Art in Avicenna's Epoch)*. Dushanbe: "Irfon" Publ. (in Russian).
- Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. (comp.). 2012. *Arkheologicheskie pamiatniki Samary (Archaeological Sites of Samara)*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin (in Russian).
- Valeev, F. Kh. 1975. *Drevnee i srednevekovoe iskusstvo Srednego Povolzh'ia (Ancient and Medieval Art of the Middle Volga Area)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Valeeva-Suleimanova, G. F. 1999. In Starostin, P. N. (ed.). *Bolgar i problemy izucheniia drevnostei Uralo-Povolzh'ia (Bolgar and Problems of Research of Antiquities of the Ural-Volga Region)*. Bolgar: Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area, 92—93 (in Russian).
- Valeeva-Suleimanova, G. F. 2002. In Zagidullin, I. K. (ed.). *Drevneturkiskii mir: istoria i traditsii (Ancient Turkic World: History and Traditions)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 125—135 (in Russian).
- Volkov, I. V. 2002. In Priakhin, A. D. (ed.). *Novokhar'kovskii mogil'nik epokhi Zolotoi Ord'y (Novokharkovsky Necropolis of the Golden Horde Time)*. Voronezh: Voronezh State University, 106—110 (in Russian).
- Vorobiev, N. I. 1930. *Material'naiia kul'tura kazanskikh tatar (opyt etnograficheskogo issledovaniia) (Material Culture of Kazan Tatars: an Attempt to Ethnographic Study)*. Kazan: Tatar Culture House, Academic Center, Tataria People's Commissariat for Education (in Russian).
- Vorobiev, N. I. 1953. *Kazanskie tatory (etnograficheskoe issledovanie material'noi kul'tury dooktiabr'skogo perioda) (Kazan Tatars: Ethnographical Study of the Material Culture in the Pre-October Period)*. Kazan: "Tatgosizdat" Publ. (in Russian).
- Gushchin, A. S. 1936. *Pamiatniki khudozhestvennogo remesla v Drevnei Rusi X—XIII vv. (Antiquities of the Artistic Craft in Old Rus, 10th—13th Centuries)*. Leningrad: "Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Dode, Z. V. 2010. *Kubachinskii rel'efy. Novyi vzgliad na drevnie kamni (Reliefs from Kubachi: a new approach to the old stones)*. Series: Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza (Research Materials on the Historical and Cultural Heritage of the Northern Caucasus) X. Moscow: "Pamiatniki istoricheskoi mysli" Publ.; Stavropol: "Nasledie" Publ. (in Russian).
- Druzhinina, I. A., Chkhaidze, V. N., Narozhnyi, E. I. 2011. *Srednevekovye kochevniki v Vostochnom Priazov'e (Medieval Nomads on the Eastern Azov Sea Shore)*. Armavir; Moscow: Armavir State Pedagogical Academy, Center for Archaeological Research (in Russian).
- Elnikov, M. V. 2001. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 8—9 (1—2), 142—187 (in Russian).
- Elnikov, M. V. 2002. In *Starozhytnosti stepovoho Prychernomoriia i Krymu (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* X. Zaporizhzhya, 252—258 (in Ukrainian).
- Elnikov, M. V. 2006. *Srednevekovyi mogil'nik Mamai-Surka (po materialam issledovaniia 1993—1994 gg.) (Medieval Necropolis of Mamai-Surka (Basing on Materials from the Research of 1993—1994))* II. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya National University (in Russian).
- Piotrovskii, M. B. (ed.). 2005. *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura. Katalog vystavki (Golden Horde. History and Culture. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ. (in Russian).
- Ivanov, A. A., Lukonin, V. G., Smesova, L. S. 1984. *Iuvelirnye izdeliia Vostoka. Drevnii, srednevekovyi periody. Kolleksiia Osoboi kladovoi otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha (Jewelry of the Orient: Ancient and Medieval Periods. Collection of the Special Storeroom, Oriental Department, State Hermitage Museum)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- Ivanov, V. V., Toporov, V. N. 1992. In Tokarev, S. A. (ed.-in-chief). *Mify narodov mira (Myths of the Peoples of the World)* 2. K-Ya. Moscow: "Sovetskaia Entsiklopediia" Publ., 41—42 (in Russian).
- Kalinin, N. F. 1929. In Dul'skii, P. M. (ed.). *Vystavka bolgarskikh drevnostei (po issledovatel'skim materialam revoliutsionnogo perioda) (Exhibition of the Volga Bulgarian Antiquities)*

- ties: by Research Materials of the Revolutionary Period). Kazan: Tatar Culture House, 35—47 (in Russian).
- Kalinin, N.F. 1945. *Bulgarskoe iskusstvo v metalle. K voprosu o proiskhozhdenii tatarskogo narodnogo iskusstva (Metal Art of Volga Bulgaria: to the Issue of Origin of the Tatar Folk Art)*. Kazan: State Museum of the Tatar Autonomous Republic (in Russian).
- Kalinin, N.F. 1948. In Grekov, B.D. (ed.-in-chief). *Proiskhozhdenie kazanskikh tatar (Origin of the Kazan Tatars)*. Kazan: "Tatgosizdat" Publ., 90—107 (in Russian).
- Korol', G.G. 2008. *Iskusstvo kochevnikov Evrazii. Ocherki (The Art of Eurasian Nomads: Essays)*. Series: Trudy Sibirskoi assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva (Proceedings of the Siberian Association of Explorers of the Prehistoric Art) V. Moscow; Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ. (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 1978. In *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* XLIII, 46—51 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoi Ordy (Genghisids' Gold: the Golden Horde Cultural Heritage)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ. (in Russian).
- Makarova, T.I. 1986. *Chernevoe delo Drevnei Rusi (Ancient Russian Niello)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Mal'm, V.A. 1978. In Kozenkova, V.I., Krasnov, Yu.A., Rozenfeldt, I.G. (eds.). *Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy (Issues of Ancient and Medieval Archaeology of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 247—248 (in Russian).
- Marshak, B.I. 2014. *Kul'turnye sviazi Vostoka i Evropy v toreutike XI—XIII vv. Serebro s chern'iu (Cultural Relations between Orient and Europe in Toreutics of 11th—13th Centuries: Silver with Niello)*. Saint Petersburg: "Politeknicheskii universitet" Publ. (in Russian).
- Mozzati, L. 2012. *Islamskoe iskusstvo (Islamic Art)*. Moscow: "Art-Rodnik" Publ. (in Russian).
- Mukhamedshin, D.G., Khakimzianov, F.S. 1996. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 293—305 (in Russian).
- Mys'kov, E.P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of Volga and Don Steppes in the Time of Golden Horde)*. Volgograd: Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (in Russian).
- Poliakova, G.F. 1996. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 154—268 (in Russian).
- Pritula, A.D., Tepliakova, A.N., Iastrebova, O.M. (eds.). 2015. «*Podarok sozertsaiushchim*». *Stranstviia Ibn Battuty ("A Gift to Contemplators": Journeys of Ibn Battuta. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
- Pugachenkova, G.A., Rempel', L.I. 1965. *Istoriia iskusstv Uzbekistana (s drevneishikh vremen do serediny XIX veka) (History of Arts of Uzbekistan: from the Earliest Times to the Mid-19th Century)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- Rempel', L.I. 1961. *Arkhitekturnyi ornament Uzbekistana: istoriia razvitiia i teoriia postroeniia (Architectural Ornament of Uzbekistan: History of Evolution and Theory of Construction)*. Tashkent: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Uzbekskoi SSR" Publ. (in Russian).
- Rempel', L.I. 1987. *Tsep' vremen (vekovye obrazy i brodiachie siuzhety v traditsionnom iskusstve Srednei Azii) (Joint of Time: centennial images and migratory subjects in the traditional art of the Middle Asia)*. Tashkent: "Izdatel'stvo literatury i iskusstva imeni Gafura Guliyama" Publ. (in Russian).
- Riftin, B.L. 1992. In Tokarev, S.A. (ed.-in-chief). *Mify narodov mira (Myths of the Peoples of the World)* 1. A-K. Moscow: "Sovetskaiia entsiklopediia" Publ., 150 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2011. *Bulgarskoe zoloto: filigrannnye visochnye podveski (Bulgarian Gold: Filigreed Temple Pendants)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar) I. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2014. *Istoriia arkheologicheskogo izucheniiia Volzhskoi Bulgarii (X — nachalo XIII v.) (History of Archaeological Studying of Volga Bulgaria (10th — the Beginning of the 13th Century))*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2015. *Bulgarskoe serebro (Bulgarian Silver)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar) II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 20 (2), 157—172. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.157.172> (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 111—124. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.111.124> (in Russian).
- Rudenko, K.A., Elkina, I.I. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 22 (4), 258—274. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.258.274> (in Russian).
- Sedova, M.V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X—XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th—15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Singatul'llina, A.Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Towns in 13th c.)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
- Smirnov, A.P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. (comp., ed.). 2000. *Sokrovishcha Zolotoi Ordy = Altın Urda Xäzinäläre = The Treasures of the Golden Horde*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ. (in Tatar, Russian, and English).
- Starodub, T. Kh. 2010. *Islamskii mir: khudozhestvennaia kul'tura VII—XVII vv.: arkhitektura, izobrazhenie, ornament, kalligrafiia (Islamic World: Artistic Culture of 7th—17th Centuries: Architecture, Painting, Ornamentation, Calligraphy)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
- Strokova, L.V. 2006. In Murasheva, V.V. (ed.). *Gorod i step' v kontaktnoi evro-aziatskoi zone: Tezisy dokladov III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiiu so dnia rozhdeniia G.A. Fedorova-Davydova (Towns and the Steppe in the Europe-Asia Contact Zone: Abstracts for the 3rd International Conference in Honor in the 75th Anniversary of G.A. Fyodorov-Davydov)*. Moscow: "Numizmaticheskaiia literatura" Publ., 186—188 (in Russian).
- Suslova, S.V. 1980. *Zhenskii ukrasheniia kazanskikh tatar serediny XIX — nachala XX v. Istoriiko-etnograficheskoe issledovanie (Female Adornments of Kazan Tatars in the Mid-19th — Early 20th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Suslova, S.V. 2018. In Suslova, S.V. (ed.). *Iuvelirnye ukrasheniia tiurkskikh narodov Evrazii (Jewelry of the Turkic Peoples of Eurasia)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 147—198 (in Russian).
- Toporov, V.N. 1992. In Tokarev, S.A. (ed.-in-chief). *Mify narodov mira (Myths of the Peoples of the World)* 2. K-Ya. Moscow: "Sovetskaiia entsiklopediia" Publ., 511—512 (in Russian).
- Treuer, K.V., Lukonin, V.G. 1987. *Sasanidskoe serebro. Khudozhestvennaia kul'tura Irana III—VII vv. (Sassanid Silver: Artistic Culture of Iran in 3rd—7th Centuries)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- Williams, J., Ogden, J. 1995. *Grecheskoe zoloto. Iuvelirnoe iskusstvo klassicheskoi epokhi. V—IV veka do n.e. (Greek Gold: Jewelry Art of the Classical Epoch. 5th—4th Centuries BC)*. Catalogue of Exhibition. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ. (in Russian).
- Williams, C.A.S. 2011. *Kitaiskaia kul'tura: mify, geroi, simvol'y (Outline of Chinese Symbolism & Art Motives)*. Moscow: "Tsentrpoligraf" Publ. (in Russian).
- Ferdowsi. 1972. *Shakh-name (Shahnameh)*. Moscow: "Khudozhestvennaia literatura" Publ. (in Russian).

- Chesnov, Ya. V. 1986. In Chesnov, Ya. V. (ed.). *Mify, kul'ty, obriady narodov zarubezhnoi Azii (Myths, Cults, and Rites of the Foreign Asia Peoples)*. Moscow: "Nauka" Publ., 59—72 (in Russian).
- Shedevry islamskogo iskusstva v Ermitazhe SSSR (*Masterpieces of the Islamic Art in the Hermitage Museum*). 1990. Kuwait: Dar Al-Athar Al-Islamiyyah (in Russian, Arab, and English).
- Iusupov, G. V. 1960. *Vvedenie v bulgaro-tatarskuiu epigrafiku (Introduction to Bulgar-Tatar Epigraphy)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Augustin, B. 2010. The Daoist Image: Portrait of the Immortal. In Watt, James, C. Y. (ed.). *The World of Khubilai Khan. Chinese Art in the Yuan Dynasty*. New Haven; London: Yale University Press, 129—157.
- Barnes, L. E. 2010. Yuan Dynasty Ceramics. In Li Zhiyan (ed.). *Chinese Ceramics: from the Paleolithic Period through the Qing Dynasty*. New Haven; London: Yale University Press; Foreign Languages Press, 330—385.
- Beyazit, D. 2010. The Lion Motif (Cat. no. 136a-d). In Canby, Sh. R., Beyazit, D., Ruggiadi, M., Peacock, A. C. S. *Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs*. Catalog of exhibition held at the Metropolitan Museum of Art, New York, April 27 — July 2016. New York: The Metropolitan Museum of Art, 219—222.
- Blair, Sh., Bloom, J. 2013. The cultural and architectural unity of Abbasid Empire. In Hattstein, M., Delius, P. (eds.). *Islam: Art and Architecture*. Potsdam: H. F. Ullmann Publishing GmbH, 94—117.
- Canby, Sh. R. 2016. Astrology, magic, and the World of Beasts. In Canby, Sh. R., Beyazit, D., Ruggiadi, M., Peacock, A. C. S. *Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs*. Catalog of exhibition held at the Metropolitan Museum of Art, New York, April 27 — July 2016. New York: The Metropolitan Museum of Art, 198—199.
- Canby, Sh. R., Beyazit, D., Ruggiadi, M., Peacock, A. C. S. 2016. *Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs*. Catalog of exhibition held at the Metropolitan Museum of Art, New York, April 27 — July 2016. New York: The Metropolitan Museum of Art.
- Watt, J. Y., An Jalyao, Howard, F., Marshak, B. I., Su Bai, Zhao Feng. 2004. *China: dawn of a Golden Age 200—750 AD*. Catalog of exhibition held at the Metropolitan Museum of Art, New York, okt. 12 2004 — jan. 23 2005. New York: The Metropolitan Museum of Art.
- Feng, Z. 2012. Silks in the Song, Liao, Western Xia, and Jin Dynasties. In Kuhn, D. (ed.). *Chinese Silks*. New Haven; London: Yale University Press; Foreign Languages Press, 325—367.
- Daneshvari, A. 2011. *Of Serpents and Dragons in Islamic Art. An Iconographical Study*. Bibliotheca Iranica: Islamic Art and Architecture Series 13. Costa Mesa, CA: Mazda Publishers.
- Gladiss, A. von. 2013. Ayyubids metalwork. In Hattstein, M., Delius, P. (eds.). *Islam: Art and Architecture*. Potsdam: H. F. Ullmann Publishing GmbH, 202—205.
- Gonnella, J. 2013. Aleppo — capital of the Zangids and Ayyubids. In Hattstein, M., Delius, P. (eds.). *Islam: Art and Architecture*. Potsdam: H. F. Ullmann Publishing GmbH, 174—193.
- Kuehn, S. 2011. *The dragon in medieval East Christian and Islamic art*. Islamic history and civilization: studies and texts 86. Leiden; Boston: Brill.
- Maršak, B. I. 1982. Zur Toreutik der Kreuzfahrer. In Effenberger A. (ed.). *Metallkunst von der Spätantike bis zum ausgehenden Mittelalter*. Berlin, 166—184.
- Mazot, S. 2013. The Fatimids. In Hattstein, M., Delius, P. (ed.). *Islam: Art and Architecture*. Potsdam: H. F. Ullmann Publishing GmbH, 141—157.
- Mousavi Lar, A., Moradi, A. 2017. Aesthetical Study of Patterns and Forms in the Metalworks during Seljuk Dynasty. In *Journal of History Culture and Art Research* 6 (3), 966—984. Doi: <http://dx.doi.org/10.7596/taksad.v6i3.946>.
- Rice, D. T. 1965. *Islamic Art*. New York; Washington: F. A. Praeger Publ.
- Krahl, R., Guy, J., Wilson, J. K., Raby, J. (eds.). 2010. *Shipwrecked: Tang treasures and Monsoon Winds*. Singapore; Washington: ArtScience Museum.
- Spink, M. 2013. Golden Horde, Mamluk and Ilkhanid jewellery. In Spink, M. (ed.). *The Art of Adornment. Jewellery of the Islamic Lands*. Part 2. The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art XVII. London: The Nour Foundation; Azimuth Editions, 383—469.
- Tait, H. (ed.). 1991. *Jewelry: 7000 years: an international history and illustrated survey from the collection of the British Museum*. New York: Abradale Press.
- O'Kane, B. (ed.). 2006. *The Treasures of Islamic Art in the museums of Cairo*. Cairo; New York: The American University in Cairo Press.
- Spink, M. (ed.). 2013. *The Art of Adornment. Jewellery of the Islamic Lands*. Part 1. The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art XVII. London: The Nour Foundation; Azimuth Editions.
- Spink, M. (ed.). 2013. *The Art of Adornment. Jewellery of the Islamic Lands*. Part 2. The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art XVII. London: The Nour Foundation; Azimuth Editions.
- Watt, J. C. Y. 2002. A Note on Artistic Exchanges in the Mongol Empire. In Komaroff, L., Carboni, S. (eds.). *The Legacy of Genghis Khan: Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256—1353*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 62—73.

Статья поступила в сборник 17 января 2019 г.

Konstantin Rudenko (Kazan, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Kazan State University of Culture and Arts¹.

Руденко Константин Александрович (Казань, Россия). Доктор исторических наук. Казанский государственный университет культуры и искусств.

E-mail: murziha@mail.ru

Address: ¹ Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation

С. А. Фидельский, М. М. Чореф

Бронзовое зеркало золотоордынского времени из окрестностей села Тея на левобережье Нижнего Днестра

Keywords: Lower Dniester, 13th—14th centuries, Golden Horde towns, bronze mirrors, settlements, funerary complexes, “Naskh”

Ключевые слова: Нижнее Поднестровье, XIII—XIV вв., золотоордынские города, бронзовые зеркала, поселения, погребальные комплексы, «наскх»

S. A. Fidelski, M. M. Choref

A Bronze Mirror of the Golden Horde Time from the Outskirts of the Teia Village on the Left Bank of the Lower Dniester

Metal mirrors of the Golden Horde time were massive material and were widely distributed as items of everyday life and cult. Bronze wares with Arabic well-wishing inscription using Naskh script of handwriting deserve specific attention among the many types of mirrors. They were mainly distributed on the territory of the Golden Horde from the Volga to the Dniester. The specified type of finds includes a fragment of a bronze mirror found in the Teia village (Grigoriopol district) on the left bank of the Lower Dniester. As the analysis has shown, the bronze mirror from Teia is the most Western similar item on the territory of the Golden Horde. The analogies from the burial and settlement sites of the Dnieper-Volga interfluvium show that the Teia mirror is one of the late replicas and can be dated no later than the middle of the 14th century. A comprehensive study of such bronze mirrors allows us to solve problems associated with the determination of narrower dates and centers of their production.

С. А. Фидельский, М. М. Чореф

Бронзовое зеркало золотоордынского времени из окрестностей села Тея на левобережье Нижнего Днестра

Металлические зеркала золотоордынского времени представляли собой массовый материал и были широко распространены как предметы быта и культа. Среди многочисленных типов зеркал пристального внимания заслуживают бронзовые изделия с арабской благопожелательной надписью почерком «наскх». В основном они были распространены на территории Золотой Орды от Волги до Днестра. К указанному типу находок относится фрагмент бронзового зеркала, обнаруженный у с. Тея (Григориопольский район) на левобережье Нижнего Днестра. В результате анализа оказалось, что бронзовое зеркало из Теи является самым западным подобным изделием на территории Золотой Орды. Аналоги из погребальных и поселенческих памятников Днепровско-Волжского междуречья показывают, что теийский экземпляр является одной из поздних реплик и может быть датирован не позднее середины XIV века. Комплексное изучение таких бронзовых зеркал позволяет решить вопросы, связанные с определением более узких дат и центров их производства.

*Слава, которая (есть) высшее счастье
для могущественных начальников,
(да будет) тебе благодарением
будущая жизнь*

Пожелание юбиляру от авторов

Территория Нижнего Поднестровья на протяжении своего исторического развития являлась контактной зоной между кочевым и оседлым населением. Занимая выгодное географическое положение, данный регион в разные периоды становится местом притяжения не только для различных племенных объединений, но и для го-

сударственных образований. Долгое время он являлся театром военных конфликтов, а в мирные периоды — ареной межкультурных взаимодействий. Одним из интересных и слабоизученных в археологическом отношении периодов истории Нижнего Поднестровья является время золотоордынского господства.

Общая история региона в указанное время начинается с 40-х гг. XIII века, после серии разрушительных походов монголо-татар под командованием хана Бату в Восточную и Центральную Европу (1236—1242 гг.)¹. В Нижнем Поднестровье устанавливается военно-политическое господство Монгольской империи, а затем, после ее распада, Золотой Орды. В дальнейшем степная часть Поднестровья, в том числе и левобережный регион, вместе с Днестровско-Прутско-Дунайской территорией становится самым западным улусом государства Джучидов, владения которого раскинулись от Иртыша на востоке и до Дуная на западе (Егоров 1985: 12; Руссев 2016: 167). Северные и южные рубежи ограничивались Верхним Приуральем и Северным Кавказом до Дербента (Пашуто 1968: 289; Измайлов 2009: 19).

Вероятнее всего, золотоордынская эпоха на Нижнем Днестре, начавшаяся не ранее середины XIII века², завершается в 70-х гг. XIV века³ — в период, известный в исторической науке как «темные века». Больше столетия западные территории Улуса Джучи находились под властью самых влиятельных вождей и наместников Золотой Орды. Согласно данным письменных источников, к указанным правителям, руководившим западными областями Джучиева улуса в начальный период, относятся Куремса (с 1254 г.) и Бурундай (с 1259 г.) (Черепнин 1977: 202—203).

¹ По мнению В. Спинея, результаты и последствия военных операций монголо-татарских войск в Европе были разными (Спинея 2016: 741). Он выделяет три главные категории стран, которые подверглись вторжению иноземных завоевателей. Одни государства, мягко говоря, ограничились разрушениями, грабежами и убийствами. Другие страны, помимо разрушительных набегов, были обложены многовековой данью. Третьи державы, а также отдельные территории и вообще были подчинены монгольскому управлению, лишившись государственного суверенитета и политической автономии.

² Важной темой по истории Золотой Орды является решение вопроса о дате ее возникновения. Долгое время в отечественной историографии была распространена точка зрения об образовании Золотой Орды в качестве самостоятельного удела в начале 40-х гг. XIII века (Усманов 2009: 4). На сегодняшний день существует другая гипотеза, сторонники которой считают, что окончательное формирование Улуса Джучи происходит в 1269 году (Измайлов 2009: 19).

³ По одной из версий, окончание золотоордынского периода в междуречье Днестра и Прута связывается с прекращением чеканки джучидских монет в Шехрал-Джедид (Старый Орхей), которая приходится на конец 60-х гг. XIV века (Кривенко 2016: 305—306).

Одним из выдающихся монгольских военачальников являлся Ногай, который был поставлен великим ханом руководить западными областями Улуса Джучи (Руссев 2016: 168—169). Именно во времена его господства Днестровско-Прутско-Дунайский регион становится вторым военно-политическим центром Золотой Орды, достигшим своего наивысшего расцвета в последней четверти XIII века (Руссев 1999: 383—384). Показателем стремительного роста экономики, а вместе с тем и политического имиджа становится урбанизация региона. На берегах Дуная и Днестра появляются такие города, как Исакача, Килия и Акджа Керман. Не исключено, что последние годы своей жизни Ногай провел в поднестровских землях, о чем свидетельствует бескомпромиссное утверждение Ф. Бруна о расположении в междуречье Днестра и Кучургана старинного юрта беклярибека (Брун 1880: 353).

В 1300 году в битве с ордынским ханом Токтой недалеко от своей днестровской ставки погибает Ногай. Это приводит в самом начале XIV века к братоубийственной войне между его прямыми наследниками и к другим военно-политическим конфликтам, участниками которых становятся болгарские правители, а также генуэзские колонии, расположенные в Северном Причерноморье. Однако контроль над западными областями Улуса Джучи, вероятнее всего, получает сын победоносного хана Токты — Тукулбуг, власть которого, по видимому, заканчивается в 1313 году (Руссев 2016: 172). Нельзя исключать и другую версию, согласно которой низовья Днестра и Дуная в течение десяти лет (1307—1316 гг.) находились под властью болгарского правителя Феодора Святослава (Руссев 1982: 44; Богуславский 2015: 564).

Вслед за непродолжительным периодом войн и потрясений в результате дворцового переворота власть в Золотой Орде захватил Узбек (Греков, Якубовский 1950: 90; Федоров-Давыдов 1973: 106)⁴. После его воцарения ислам был объявлен государственной религией, вследствие чего начинается активная и бескомпромиссная политика исламизации населения, в первую очередь, золотоордынской аристократии, тогда как остальные жители (горожане, оседлые и кочевые пле-

⁴ Несмотря на то, что большинство исследователей считает Узбека (1313—1342 гг.) узурпатором ханской власти, существуют и другая точка зрения, которая допускает его вполне законное (мирное) восхождение на престол (Мыськов 2003: 154, 158, 166).

мена) слабо восприняли исламизацию и продолжали жить по традиционным языческим канонам (Мыськов 2003: 158—159). Несмотря на относительно спокойную внутривнутриполитическую обстановку, а также поступательное развитие экономики Золотой Орды, ее западные рубежи становятся ареной соперничества двух религий — христианства и ислама (Руссев 2016: 174). Кроме того, бытует мнение о том, что Нижнее Поднестровье при хане Узбеке представляло собой некий плацдарм, откуда ордынцы совершали свои грабительские набеги на сопредельные территории Восточной Европы (Богуславский 2015: 565).

Очередной этап исторического развития Улуса Джучи приходится на времена правления хана Джанибека (1342—1357 гг.). В целом данный период связан с началом и трагическими последствиями распространения чумы или, как ее позже стали называть, «Черной смерти», которая серьезным образом повлияла на дальнейшее развитие Золотой Орды (Руссев 1997: 221). Существенные изменения в экономическом, политическом, культурном, а также демографическом развитии коснулись и ее западных областей. Происходит закат одних городов (Вичина) и возрождение других (Килия). Кроме того, возникают новые городские центры (Костешты и Старый Орхей), просуществовавшие в качестве золотоордынских городов довольно короткое время.

После смерти Джанибека (1357 г.) и его преемника хана Бирдибека (1359 гг.) начинается смута или т.н. «Великая замятня», которая продлилась 20 лет и заложила основы для постепенного распада Золотой Орды. В это время (где-то на рубеже 50—60-х гг. XIV века) приднестровские и придунайские земли контролировались представителями кочевой аристократии, среди которых выделялись братья Хачибей и Кутлубуг (Руссев 2016: 176). При этом ставка первого располагалась восточнее Днестра, а второго — в степной части Дунай-Днестровского междуречья (Руссев 2014: 120).

Дальнейший не столь продолжительный период развития западных областей Улуса Джучи, начиная с 1362 года, связан с беглярибеком Мамаем и ханом-марионеткой Абдуллахом. В это время в состав «Мамаевой орды» был включен и Поднестровский регион со столицей под названием Шехр ал-Джедид, что в переводе означает «Новый город» (Руссев 2010: 29). После ухода темника из приднестровского края начинается стремительный закат Золотой Орды, господство которой завершается в 70—80-х гг. XIV века.

Таким образом, золотоордынская эпоха в Днестровско-Прутско-Дунайском регионе продлилась около 130—140 лет⁵. Интерес к западным областям еще в период господства Золотой Орды стали проявлять отдельные европейские державы, в первую очередь Великое княжество Литовское, а также созданное в 1359 году Молдавское феодальное государство. В дальнейшем именно эти страны унаследовали западные территории Улуса Джучи. Земли Днестровско-Днепровского междуречья оказались под властью Литвы, тогда как к западу от Днестра они становятся подконтрольны Молдавскому княжеству (Богуславский 2015: 562).

Историческое развитие Днестровско-Прутско-Дунайских земель в золотоордынское время подтверждается не только письменными источниками, но и результатами археологических раскопок. За время полевых работ исследователями были открыты и археологически изучены городские центры, а также значительное количество поселенческих и погребальных памятников. К хорошо исследованным и главным золотоордынским древностям Поднестровья относятся такие города, как Белгород (Аккерман), Старый Орхей и Костешты (Егоров 1985: 79—81). Многие поселенческие памятники, расположенные главным образом в центральной части Днестровско-Прутского междуречья, имели тесную связь с городскими центрами региона и, вероятнее всего, представляли их сельскохозяйственную округу (Полевой, Бырня 1974: 5—12).

Наряду с городами и неукрепленными поселениями западных областей Улуса Джучи известны и погребальные памятники. Как правило, они располагались в степной части Днестровско-Дунайского междуречья: представлены основными или впускными захоронениями в курганах, за редким исключением могильниками (Добролюбский 1986: 23, рис. 3). Наиболее важными и представительными с точки зрения археологического материала являются средневековые древности, раскопанные И.Я. и Л.С. Стемповскими на Тираспольщине (Добролюбский 1984: 153—174). Указанные памятники, особенно

⁵ В свое время Н.Д. Руссевым была предложена периодизация западных областей Улуса Джучи (Руссев 1982: 45). На сегодняшний день она является наиболее распространенной (**1 период** — с середины XIII века до воцарения Ногая; **2 период** — середина 60-х гг. XIII — начало XIV века; **3 период** — первые две трети XIV века (до 1362 года); **4 период** — 60—80-е гг. XIV века).

Рис. 1. Бронзовое зеркало из Теи.

Fig. 1. Bronze mirror from Teya.

те, которые связаны с золотоордынским временем, долгое время считались единственными в регионе⁶. За более чем столетний период на левом берегу Днестра не было обнаружено ни одного стационарного памятника периода Золотой Орды. Исключением являются нумизматические находки, как единичных монет (Цыбулевка), так и отдельных кладов (Рашков и Незавертайловка), чеканившихся золотоордынскими ханами (Узбек, Джанибек и Абдуллах) XIV века (Полевой 1979: табл. 13).

В сложившейся ситуации появление новых археологических источников периода Улуса Джучи в Нижнем Поднестровье представля-

ют огромный интерес. Решая данную проблему, современными исследователями был сделан существенный шаг вперед. В первую очередь надо выделить археологические раскопки курганов у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Полевые исследования осуществляются сотрудниками НИЛ «Археология» Приднестровского государственного университета (г. Тирасполь) на протяжении последних пяти лет. В 2018 году в одном из курганов эпохи бронзы были обнаружены погребения золотоордынского времени с очень выразительным инвентарем⁷.

Кроме памятников археологии рассматриваемого периода, особого внимания заслуживают случайные находки археологических предметов на территории Приднестровья. К числу таких артефактов относится фрагмент бронзового зеркала, происходящий из окрестностей с. Тея Григориопольского района на левобережье Нижнего Днестра (рис. 1). Он был обнаружен на северо-восточной окраине села

⁶ В 1899 году Н.Е. Брандесбург у с. Каменка Ольгопольского уезда Каменец-Подольской губернии на левобережье Среднего Днестра был исследован средневековый могильник, состоящий из 16 курганов (Плетнева 1973: 5—6). В целом Каменский могильник С.А. Плетневой был датирован XII — началом XIII в. При этом автор отмечает, что в погребальных комплексах пяти курганов был обнаружен инвентарь конца XIII — XIV в. Это становится основанием для исследователей выделить в составе Каменского могильника захоронения золотоордынского времени (Добролюбовский, Гребенников 1991: 232).

⁷ См. статью (Квитницкий и др.) в настоящем сборнике.

с правой стороны дороги на небольшой возвышенности при въезде в населенный пункт со стороны с. Красногорки⁸.

Фрагмент зеркала из сплава серого цвета. Зеркало было изготовлено из тонкой металлической пластины. Край оформлен в виде небольшого валикообразного бортика высотой 0,2 см. Лицевая сторона изделия ровная, хорошо зашлифована (заполирована). Обратная (тыльная) сторона представляет собой орнаментальное поле, занятое рельефным изображением. В центре зафиксирован растительный орнамент в виде извивающегося побега, возможно, лозы, и отпечаток плохо сохранившейся ручки. По краю отмечен фрагмент крупной круговой арабской надписи. Рельеф изображения низкий, расплывчатый, в некоторых местах наблюдаются следы стертости. Диаметр диска зеркала равен 8,4 см.

Версия арабской благопожелательной надписи выполнена почерком «наسخ» вокруг орнаментальной розетки и представляет собой следующий восстановленный текст: **«Слава, которая (есть) высшее счастье для могущественных начальников, (да будет) тебе благодеянием будущая жизнь»**. Подробным описанием аналогичных зеркал, а также изучением и переводом надписи в свое время занимались Н. Ф. Катанов и Г. А. Федоров-Давыдов (Евглевский, Кульбака 2003: 395).

Бронзовое зеркало из Теи относится к группе довольно распространенных, но крайне интересных находок. Практика их использования была занесена с Дальнего Востока. Там они служили признаком богатства, и, по видимому, знатности происхождения, а также весьма ценным амулетом (Колесниченко 2010: 131, прим. 5).

По мнению А. Н. Колесниченко, зеркало было принято изготавливать из бронзы с добавлениями серебра (Колесниченко 2010: 111, прим. 1). Выбор материала для зеркал не был

случайным. Этот сплав — низкопробный биллон (Cu+Sn+Pb+(Ag)) с хорошей текучестью и малой пористостью, позволял создавать изделия с однотонной сероватой поверхностью, хорошо поддающейся шлифовке, вполне подходящей для использования в качестве зеркал.

Монголы переняли обычай использовать такие зеркала. Однако нет оснований считать их исключительно подражателями. На созданных для них зеркалах появились орнаменты разной сложности: астральные символы, знаки, изображения животных, а также арабоязычные посвятельные надписи. Полагая, что они отражали представления о мире и природе, характерные для кочевого населения (Колесниченко 2010: 131, прим. 5).

Особо интересны зеркала с надписями. Изучение таких изделий позволяет проследить их типологическое развитие. Заметим, что технология литья в открытой форме, используемая для производства зеркал, создавала трудности при передаче сложных арабграфических текстов. Ведь расплавленный металл мог не заполнить нужные элементы формы.

Учитывая это обстоятельство, древние литейщики изначально использовали китайскую технологию литья. Расплавленную массу заливали в медную или сланцевую форму, предварительно подогретую. В результате она растекалась равномерно, заполняя все выемки формы. Но зеркала выпускали и на периферии, где эта продукция была далека от совершенства.

Следует обратить внимание на низкое качество литья. Буквы угадываются в основном только по контуру. Образующие их линии прерывисты. Низкое качество литья говорит о том, что зеркало было изготовлено, вероятнее всего, не в поволжских центрах Орды, а на периферии. Видимо, мастер изменял не оригинальную форму, а оттиск уже используемого зеркала, сформованный в глине. Отлил его не профессиональный литейщик зеркал, оснащенный нужным оборудованием, а мастер-кузнец, имеющий навыки работы с бронзой.

Известно, что аналогичные зеркала широко использовались в Волжской Болгарии, а их распространение следует связать с расцветом Болгара. Достаточно представительная коллекция подобных зеркал (19 экземпляров) была обнаружена при исследовании Болгарского городища (рис. 2: 2). На основании орнамента и характера надписи Г. Ф. Полякова выделила их в отдельный тип В-II-6. Она видит в качестве исходных образцов дальне-

⁸ Материал к публикации был предоставлен жителем с. Тея Алексеем Арнаутом, за что выражаем ему искреннюю благодарность.

Следует предположить, что находка бронзового зеркала может быть связана с погребальными памятниками. Об этом свидетельствуют раскопки И. Я. Стемповского в 1899 году. Им возле села Тея на возвышенности было исследовано шесть небольших курганов, содержащих по одному погребению, которые оказались разграбленными (Фабрициус 1951: 31—32). Кости были разбросаны на поверхности, инвентарь отсутствовал. Удалось зафиксировать только форму и ориентировку. Возможно, с золотоордынским временем связано только два погребения с характерной для этого периода северо-восточной ориентировкой погребальных сооружений.

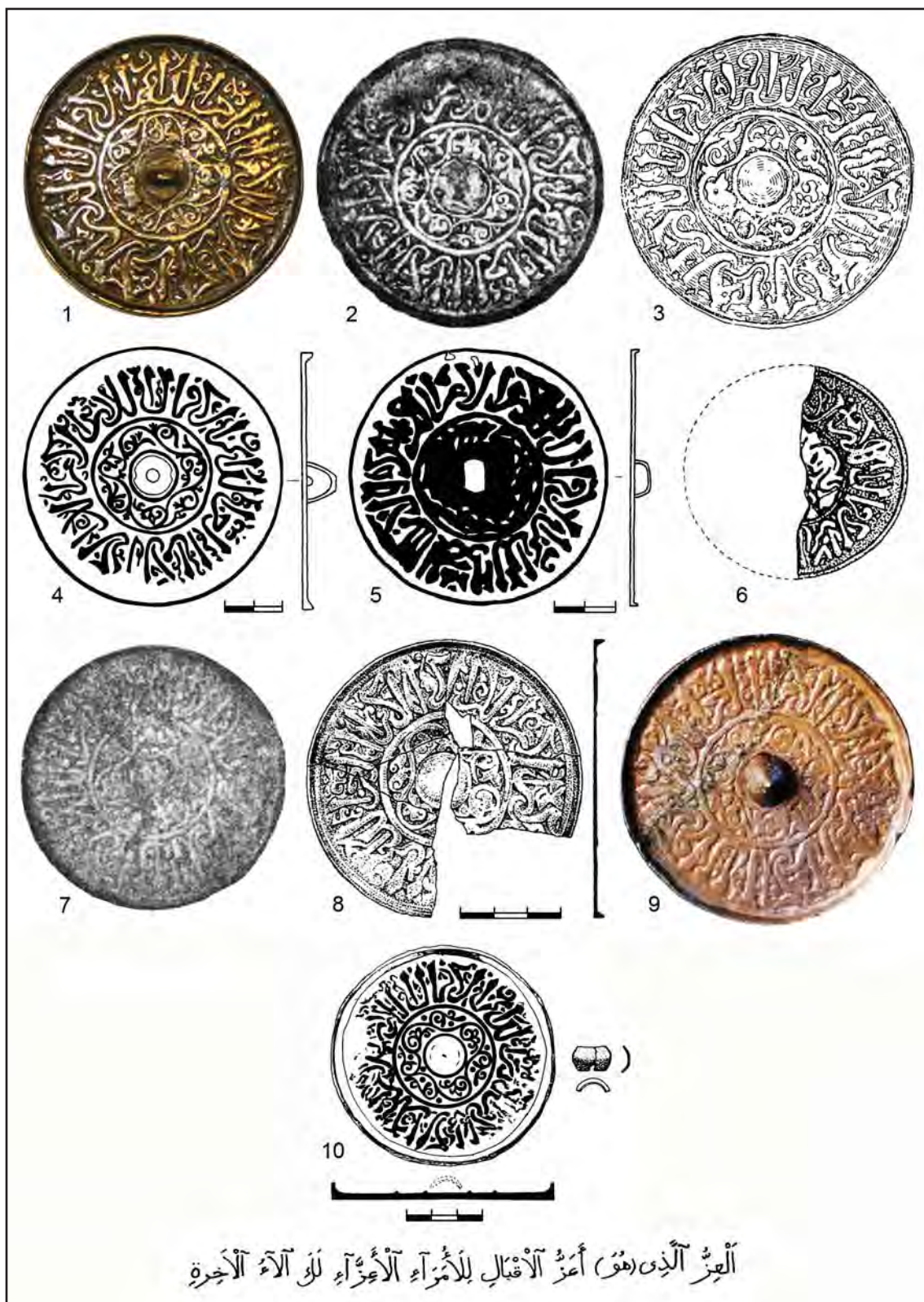

Рис. 2. Бронзовые зеркала золотоордынского времени Днепровско-Волжского междуречья: 1 — Торечское поселение (по Валиулина 2016: 149, рис. 3: 1); 2 — Болгарское городище (по Полякова 1996: рис. 73: 5); 3 — Царевское городище (по Федоров-Давыдов 1966: 83, рис. 13: С1); 4, 5 — могильник Ляпинская Балка (по Евглевский, Кульбака 2003: 369—371, 395—397, рис. 10: 4—5, 11: 5); 6 — Передельский могильник (по Кравцова, Стадник 2005: 301, рис. 4: 2); 7 — Нижняя Дуванка (по Трифильев 1905: 132—133, рис. 10); 8 — Белая Калитва (по Пьянков, Раев 2004: 220—221, рис. 1: 2); 9 — городище Большие Кучугуры (по Попандопуло, Тихомолова 2007: 28—29); 10 — Новозаведенное-II (по Волков, Маслов, Петренко 2001: 126—128, рис. 3).

Fig. 2. Bronze mirrors of the Golden Horde time in the Dnieper-Volga interfluve: 1 — Toretskoye settlement (after Ба-лиулина 2016: 149, рис. 3: 1); 2 — Bulgarian fortified settlement (after Полякова 1996: рис. 73: 5); 3 — Tsarevo fortified settlement (after Федоров-Давыдов 1966: 83, рис. 13: CI); 4, 5 — Lyapinskaya Balka burial ground (after Евглевский, Кульбака 2003: 369—371, 395—397, рис. 10: 4—5, 11: 5); 6 — Peredelsky burial ground (after Кравцова, Стадник 2005: 301, рис. 4: 2); 7 — Nizhniya Duvanka (after Трифильев 1905: 132—133, рис. 10); 8 — Belaya Kalitva (after Пьянков, Раев 2004: 220—221, рис. 1: 2); 9 — fortified settlement Bolshie Kuchugury (after Попандупуло, Тихомолова 2007: 28—29); 10 — Novozavedennoe-II (after Волков, Маслов, Петренко 2001: 126—128, рис. 3).

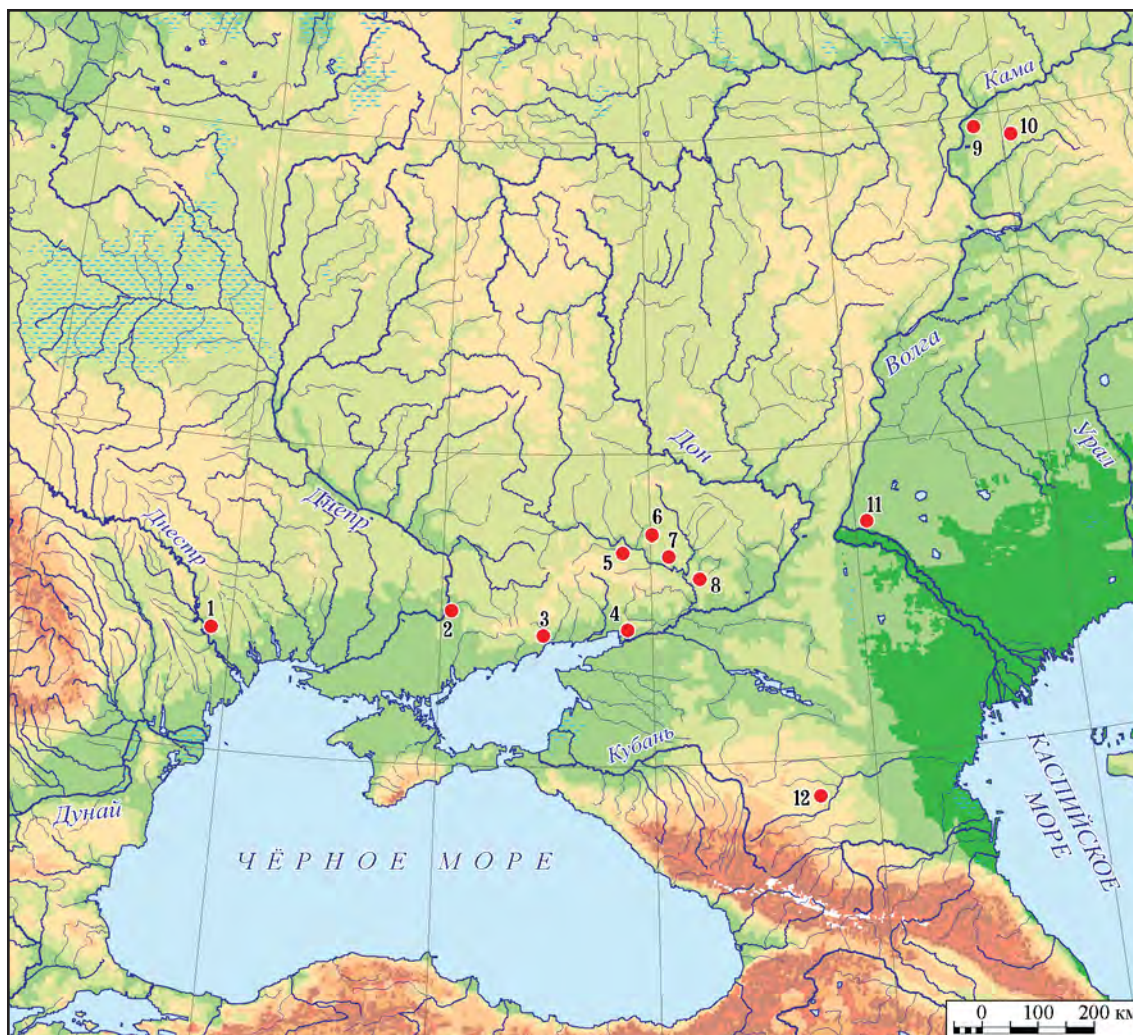

Рис. 3. Ареал распространения бронзовых зеркал с арабской надписью почерком «наскх»: 1 — Тея; 2 — Большие Кучугуры; 3 — Ляпинская балка; 4 — Ливенцовский могильник; 5 — Царино городище; 6 — Нижняя Дуванка; 7 — Передельское; 8 — Белая Калитва; 9 — Болгар; 10 — Торецкое поселение; 11 — Царевское городище; 12 — Новозаведенное-II.

Fig. 3. Area of distribution of bronze mirrors with Arabic handwriting “naskh”: 1 — Teya; 2 — Bolshie Kuchugury; 3 — Lyapinskaya Balka; 4 — Liventsovskiy burial ground; 5 — Tsarino fortified settlement; 6 — Nizhniya Duvanka; 7 — Peredelskoe; 8 — Belaya Kalitva; 9 — Bolgar; 10 — Toretskoye settlement; 11 — Tsarev fortified settlement, 12 — Novozavedennoe-II.

восточные зеркала, на которые был наложен отпечаток изобразительного искусства мусульманского Востока (Полякова 1996: 221, 229—230, рис. 73: 5). Их появление автор связывает с золотоордынским временем. По классификации Г.А. Федорова-Давыдова рассма-

триваемый фрагмент следует отнести к типу CI. В своих исследованиях автор использовал зеркала (рис. 2: 3), обнаруженные на Царевском городище (Федоров-Давыдов 1966: 83, рис. 13; Евглевский, Кульбака 2003: 395). В Поволжском регионе находки бронзовых

зеркал (рис. 2: 1) связаны с археологическими раскопками таких ключевых центров Среднего и Нижнего Поволжья, как Торецкое поселение и Новый Сарай (Валиулина 2011: 123, рис. 4; Федоров-Давыдов 1966: 83).

Зеркала такого же типа получили широкое распространение и в других регионах, но при этом они не известны за пределами Джучидского государства. Большинство изделий было найдено в погребальных комплексах золотоордынского времени, как в отдельных захоронениях (впускные сооружения в курганах более раннего времени), так и в составе грунтовых/курганых могильников. В меньшей степени они найдены на укрепленных/неукрепленных поселениях.

Основная часть памятников с бронзовыми зеркалами с арабской надписью обнаружена в степной зоне Днепровско-Донского междуречья (рис. 3). Одно из них было найдено в погребении грунтового могильника у с. Пердельское на Северском Донце (Кравцова, Стадник 2005: 301, рис. 4: 2). С указанным регионом связаны еще две находки металлических зеркал (рис. 2: 7, 8). Первая найдена в погребении одного из курганов, раскопанных Е. П. Трифилевым в окрестностях Нижней Дуванки Харьковской губернии (Трифилев 1905: 132—133, рис. 10). Вторая находка происходит из кургана, расположенного на правом берегу р. Белая Калитва (передана И. И. Поляковым в 1904 году в Донской музей г. Новочеркасска) (Пьянков, Раев 2004: 220—221, рис. 1: 2). Два других экземпляра (рис. 2: 4, 5) происходят из захоронений бескурганного могильника у г. Мариуполь (Ляпинская балка) в Северо-Восточном Приазовье (Евглевский, Кульбака 2003: 369—371, 395—397, рис. 10: 4, 5; 11: 5). Еще по одному зеркалу было обнаружено в погребении кургана у с. Власовка в Подонье и в разрушенном захоронении, выявленном на западной окраине г. Ростов-на-Дону (Кравцова, Стадник 2005: 315). На Нижнем Дону при исследовании курганного могильника Ливенцовский 7 было выявлено 22 погребальных комплекса, связанных с кочевниками Золотой Орды. В одном из женских захоронений найдено бронзовое зеркало с текстом в стиле «насх» (Курганы... 2008: 13).

Находки бронзовых зеркал также связаны с погребальными комплексами Центрального Предкавказья (рис. 2: 10). Об этом наглядно свидетельствуют раскопки одного из трех погребений кургана №7 могильника Новозаведенное-II. Погребение №1 являлось единственным, которое содержало ин-

вентарь, в том числе и бронзовое зеркало (Волков, Маслов, Петренко 2001: 126—128, рис. 3). Занимаясь поиском аналогий, авторы статьи указывают еще на несколько находок зеркал, происходящих из Предкавказья⁹, Кубани и Нижнего Поволжья (Волков, Маслов, Петренко 2001: 130).

Кроме погребальных комплексов, находки бронзовых зеркал связаны с поселенческими памятниками (рис. 2: 9). Несколько фрагментов зеркал такого типа происходят с Царина городища, расположенного в среднем течении Северского Донца (Евглевский, Кульбака 2003: 395). Известны они и в Нижнем Поднепровье. При раскопках золотоордынского поселения (городище Большие Кучугуры) у г. Васильевка Запорожской области среди обилия импортных вещей были обнаружены металлические зеркала (одно целое и два фрагмента) с благопожелательными надписями в стиле «насх» (Попандопуло 2002: 234—235, рис. 5: 1, 2; Попандопуло, Тихомолова 2007: 29).

Рассмотрение всех доступных аналогий позволяет предположить, что местом широкого распространения, а возможно и производства бронзовых зеркал являлось Среднее Поволжье. Вероятнее всего, именно Поволжский регион представлял собой исходную территорию, откуда бронзовые зеркала в качестве импортных товаров проникали в южные и западные центры Золотой Орды. Картографирование находок показало, что самыми восточными пунктами являются Болгарское городище и Торецкое поселение, а также памятники Нижнего Поволжья (Увек, Новый Сарай, Царевское городище). На юге это погребальные комплексы Северного Кавказа (Новозаведенное-II и др.). Самое западное местонахождение представлено находкой тейского зеркала¹⁰. Наибольшая концентрация памятников с находками бронзовых зеркал приходится на степное междуречье Дона и Днепра.

⁹ В статье упоминается только одно зеркало, найденное у с. Хочинско-Немецкое Ставропольской губернии. Однако в Отчете археологической комиссии за 1891 год содержатся сведения о двух круглых бронзовых зеркалах, обнаруженных близ указанного населенного пункта. Кроме того, здесь же отмечена еще одна находка аналогичного зеркала, выявленного около с. Бешпачирское Ставропольской губернии (ОАК 1893: 128). Таким образом, речь идет о трех бронзовых зеркалах.

¹⁰ Следует обратить внимание, что западнее Днепра ни в Старом Орхее и Костештах, ни в Белгороде и придунайских памятниках золотоордынского времени аналогичные зеркала пока не обнаружены.

Важным вопросом в изучении данного типа зеркал является определение времени их бытования. Необходимо отметить, что в разные годы исследователи уделяли пристальное внимание указанной категории находок. В результате появились работы, в которых на основании детального анализа (исследование сюжетов и стилистики изображений) представлена классификация металлических зеркал золотоордынского времени (Федоров-Давыдов 1966: 78—84; Полякова 1996: 215—229; Руденко 2004: 113—125). К сожалению, вопросы хронологии так подробно не изучались. В своих исследованиях авторы ограничивались общей терминологией и широкими датами. Как правило, бронзовые зеркала с арабской надписью чаще всего датировались XIII — второй половиной XIV вв. (Федоров-Давыдов 1966: 116; Полякова 1996: 229).

Ряд исследователей, изучив археологические комплексы с четким хронологическим контекстом, предложили новый вариант датировки бронзовых зеркал рассматриваемого типа. Так, в своей статье И.В. Волков, В.Е. Маслов и В.Г. Петренко, анализируя материалы погребения из могильника Новозаведенное-II, уделили внимание хронологии серебряной серьги, датировав ее 1330—1395 гг. (Волков, Маслов, Петренко 2001: 129). В этот же период укладывается и датировка зеркала, хронология которого была ограничена временем правления хана Узбека (1313—1342). Их массовое распространение на территории Золотой Орды авторы относят к периоду до 60-х гг. XIV века, хотя не исключают и более длительное использование. При этом исследователи указывают на маловероятность изготовления подобных зеркал в XIII веке. Изучение материалов Царина городища показало, что фрагменты бронзовых зеркал указанного типа были обнаружены вместе с находками монет 60—80 гг. XIV века (Евглевский, Кульбака 2003: 395; Кравченко 2015: 454, 461, рис. 14: 30, 36). Таким образом, датировка и распространение бронзовых зеркал данного типа укладывается в хронологические рамки 1300—1400 гг., полностью исключая предыдущее столетие, возможно, даже и первое десятилетие XIV века¹¹. Однако есть все осно-

вания полагать, что их хождение не ограничивалось указанным выше периодом. Скорее всего, оно продолжилось и в XV веке. Об этом свидетельствуют раскопки Торецкого поселения, где среди прочего инвентаря было обнаружено аналогичное зеркало. Появившись в конце XIV — начале XV в., поселение просуществовало до конца столетия (Валиулина 2016: 148—149).

Хочется выделить еще одно очень интересное заключение И.В. Волкова, В.Е. Маслова и В.Г. Петренко. Авторы отмечают, что зеркало из Новозаведенного представляет собой раннюю реплику данного типа зеркал. Вывод был сделан, опираясь на некоторые технологические особенности, которые связаны с процессом их изготовления. Исследователи обратили внимание, что при неоднократном копировании металлических зеркал происходит постепенное уменьшение готовых экземпляров, и связано это с усадкой слепка, а также с охлаждением самой отливки (Волков, Маслов, Петренко 2001: 129—130). Из данного наблюдения следует, что установленные размеры зеркал, которые являются копиями, могут указывать на время их появления, т.е. чем больше диаметр зеркала, тем оно раньше было изготовлено, и наоборот. Вероятнее всего, хронологические разрывы между копиями зеркал были несущественные из-за массовости их производства (Евглевский, Кульбака 2003: 395).

Таким образом, среди бронзовых зеркал золотоордынского времени с арабской надписью почерком «насах», экземпляр из Теи является одной из поздних реплик. Исходя из этого, следует предположить, что проникновение подобных зеркал на самую западную (Поднестровье) периферию Золотой Орды относится к середине XIV века и, возможно, связано с появлением на берегах Днестра очередной волны кочевников. Наиболее предпочтительной выглядит другая версия. Известно, что, собираясь в дорогу, мусульманские купцы среди прочего инвентаря брали с собой и зеркало (Руденко 2004: 126). Несмотря на то, что металлические зеркала сочетали в себе различные функции (бытовые, культовые и философско-мистические), они представляли огромный интерес в качестве предметов купли-продажи.

На наш взгляд, бронзовое зеркало из Теи заслуживает внимания. Во-первых, на сегодняшний день оно является самой западной, из всех известных на сегодня находок такого зеркала. Во-вторых, поднестровский регион в рассматриваемый исторический период

¹¹ В настоящее время исследователи отмечают отсутствие каких-либо доказательств находок зеркал этого типа в комплексах XIII века вплоть до принятия ислама. Их появление они связывают с расцветом золотоордынских городов Поволжья, который приходится на рубеж 40—50 гг. XIV века (Евглевский, Кульбака 2003: 396—397).

являлся пограничьем двух цивилизационных миров — европейского и азиатского. Находка бронзового зеркала в контактной зоне, вкупе с общей картографией таких находок (и других материалов), позволяет четко проследить культурное влияние и границы культурного

распространения Золотой Орды. И, в-третьих, комплексное изучение подобных зеркал, в том числе стилистических особенностей почерка и орнаментальных мотивов, могут стать основой для определения более точных дат и мест их производства.

Литература

- Богуславский Г.С. 2015. Эпоха Улуса Джучи в Северо-Западном Причерноморье и город Акджа Керман. В: Бочаров С.Г. (отв. ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинёв: Stratum Plus, 559—569.
- Брун Ф. 1880. *Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России*. Часть II. Записки Императорского Новороссийского университета XXX. Одесса: Типография Г. Ульриха.
- Валиулина С.И. 2011. Художественные изделия из цветного металла Торецкого поселения XV в. *РА* (4), 119—129.
- Валиулина С.И. 2016. Торецкое городское поселение. В: Макаров Н.А. (отв. ред.). *Россия как археологическое пространство*. Москва: ИА РАН, 148—149.
- Волков И.В., Маслов В.Е., Петренко В.Г. 2001. Золотоордынские погребения в центральном Предкавказье. *РА* (2), 126—131.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. 1950. *Золотая Орда и ее падение*. Москва: АН СССР.
- Добролюбовский А.О. 1984. Древности средневековых кочевников в Нижнем Поднестровье (материалы раскопок И.Я. Стемповского). В: Артеменко И.И. (отв. ред.). *Курганы в зонах новостроек Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 153—174.
- Добролюбовский А.О. 1986. *Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья*. Киев: Наукова думка.
- Добролюбовский А.О., Гребенников Ю.С. 1991. Группа памятников кочевой знати первой половины XIV в. в Северо-Западном Причерноморье. В: Бырня П.П. (отв. ред.). *Древности Юго-Запада СССР (I — середины II тысячелетия н.э.)*. Кишинев: Штиинца, 224—240.
- Евглевский А.В., Кульбака В.К. 2003. Грунтовый могильник золотоордынского времени Ляпинская балка из северо-восточного Приазовья. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 3. Половецко-золотоордынское время*. Донецк: ДонНУ, 363—404.
- Егоров В.Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.
- Измайлов И. 2009. Улус Джучи и Золотая Орда: официальное название страны и историческая традиция. В: Усманов М., Хакимов Р. (отв. ред.). *История татар с древнейших времен*. Т. 3. *Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в.* Казань: ИИ АН РТ, 16—19.
- Колесниченко А.Н. 2010. Зеркала золотоордынского времени из собрания Одесского археологического музея. В: Брушко И.В. (отв. ред.). *Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея I*. Одесса: СМИЛ, 126—136.
- Кравцова Н.А., Стадник О.В. 2005. Грунтовый могильник периода Золотой Орды у с. Передельское на Луганщине. В: Санжаров С.М. (гол. ред.). *Матеріали та дослідження з археології Східної України*. Луганськ: СНУ, 300—317.
- Кравченко Э.Е. 2015. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном. В: Бочаров С.Г. (отв. ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинёв: Stratum Plus, 411—478.
- Кривенко А.В. 2016. Находки монет европейских государств времен золотоордынского господства на территории Молдовы. *Stratum plus* (6), 305—310.
- Курганы... 2008: Кияшко В.Я. (науч. ред.). 2008. *Курганы у донских переправ (курганный могильник «Ливенцовский 7»)*. Серия: Страницы спасенного прошлого. Ростов-на-Дону: Ростспецархеология.
- Мыськов Е.П. 2003. *Политическая история Золотой Орды (1236—1313 гг.)*. Волгоград: ВолГУ.
- ОАК 1893: *Отчёт Императорской археологической комиссии*. 1893. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.
- Пашуто В.Т. 1968. *Внешняя политика Древней Руси*. Москва: Наука.
- Плетнева С.А. 1973. *Древности Черных Клобуков*. САИ Е1—19. Москва: Наука.
- Полевой Л.Л. 1979. *Очерки исторической географии Молдавии XIII—XV вв.* Кишинев: Штиинца.
- Полевой Л.Л., Бырня П.П. 1974. Средневековые памятники XIV—XVII вв. *АКМ* 7, 5—42.
- Полякова Г.Ф. 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов. В: Федоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков*. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 154—257.
- Попандопуло З.Х. 2002. Средневековые зеркала городища Большие Кучугуры. *ССПіК X*, 226—238.
- Попандопуло З., Тихомолова И. 2007. Город на дне водохранилища. *Мир древности* 1, 26—29.
- Пьянков А.В., Раев Б.А. 2004. Металлические зеркала из коллекции Донского музея (Новочеркасск). В: Сергацков И.В. (отв. ред.). *Материалы по археологии Волго-Донских степей 2*. Волгоград: ВолГУ, 219—250.
- Руденко К. 2004. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан. *Татарская археология* 12—13 (1—2), 111—156.
- Руссев Н.Д. 1982. О западных пределах Золотой Орды. В: Гудкова А.В. (отв. ред.). *Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка, 40—55.
- Руссев Н.Д. 1997. Безносая привратница эпох: «Черная смерть» на западе и востоке Европы. В: *Стратум: структуры и катастрофы*. Санкт-Петербург: Нестор, 220—239.
- Руссев Н.Д. 1999. Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов. *Stratum plus* (5), 379—407.

- Руссев Н. 2010. Спорные вопросы начальной истории Молдавского средневекового государства. *Русин* 20 (2), 29—37.
- Руссев Н.Д. 2014. Золотоордынские реликты в грамотах средневековой Молдавии: общий эскиз со случаем «Кишинев». *Золотоордынское обозрение* 4 (6), 113—133.
- Руссев Н.Д. 2016. Карпато-Дунайские земли в эпоху Джучидов: некоторые соображения и неисчислимые «пути взоров». *Stratum plus* (6), 165—181.
- Спиней В. 2016. Господство Золотой Орды в Валахии и Молдавии. *Золотоордынское обозрение* 4 (4), 734—766.
- Трифилев Е.П. 1905. Археологическая экскурсия в Купянский уезд Харьковской губернии летом 1901 года. *Труды XII АС I*, 131—140.
- Усманов М. 2009. История Улуса Джучи и некоторые особенности ее интерпретации в новейшее время. В: Усманов М., Хакимов Р. (отв. ред.). *История татар с древнейших времен 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в.* Казань: Институт истории АН РТ, 3—15.
- Фабрициус И.В. 1951. *Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР*. Киев: АН УССР.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. Москва: Наука.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. 1973. *Общественный строй Золотой Орды*. Москва: МГУ.
- Черепнин Л.В. 1977. Монголо-татары на Руси (XIII в.). В: Тихвинский С.Л. (отв. ред.). *Татаро-монголы в Азии и Европе*. Москва: Наука, 186—209.

References

- Boguslavskii, G.S. 2015. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde). Series: Archaeological Records of Eastern Europe*. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 559—569 (in Russian).
- Brun, F. 1880. *Chernomor'e. Sbornik issledovaniĭ po istoricheskoi geografii Iuzhnoi Rossii (Black Sea Area: A Book of Studies on Historical Geography of the Southern Russia)* II. Series: Zapiski Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta (Bulletin of the Imperial Novorossiya University) XXX. Odessa: "G. Ulrich" Publ. (in Russian).
- Valiulina, S.I. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 119—129 (in Russian).
- Valiulina, S.I. 2016. In Makarov, N.A. (ed.). *Rossia kak arkheologicheskoe prostranstvo (Russia as the Archaeological Space)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 148—149 (in Russian).
- Volkov, I.V., Maslov, V.E., Petrenko, V.G. 2001. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 126—131 (in Russian).
- Grekov, B.D., Iakubovskii, A. Yu. 1950. *Zolotaia Orda i ee padenie (The Golden Horde and Its Fall)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Dobroliubskii, A.O. 1984. In Artemenko, I.I. (ed.). *Kurgany v zonakh novostroek Moldavii (Barrows in the Zones of Recent Construction Activities in Moldavia)*. Kishinev: "Știința" Publ., 153—174 (in Russian).
- Dobroliubskii, A.O. 1986. *Kochevniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia v epokhu srednevekov'ia (North-Western Pontic Nomads in the Middle Ages)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Dobroliubskii, A.O., Grebennikov, Yu. S. 1991. In Bârnea, P.P. (ed.). *Drevnosti Iugo-zapada SSSR (I — seredina II tysiacheletia n.e.) (Antiquities of South-West of the USSR: I—Mid-II Millennia AD)*. Kishinev: "Știința" Publ., 224—240 (in Russian).
- Evglevskii, A.V., Kul'baka, V.K. 2003. In Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 3. *Polovetsko-zolotoordynskoe vremia (Cuman and Golden Horde Period)*. Donetsk: Donetsk National University, 363—404 (in Russian).
- Egorov, V.L. 1985. *Istoricheskaiia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Izmailov, I. 2009. In Usmanov, M., Khakimov, R. (eds.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes)* III. *Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochi Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th Centuries)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 16—19 (in Russian).
- Kolesnichenko, A.N. 2010. In Bruyako, I.V. (ed.). *Zapiski ot dela numizmatiki i torevtiki Odesskogo arkheologicheskogo muzeia (Proceedings of the Department of Numismatics and Toreutics of Odessa Archaeological Museum)* I. Odessa: "SMIL" Publ., 126—136 (in Russian).
- Kravtsova, N.A., Stadnik, O.V. 2005. In Sanzharov, S.M. (ed.-in-chief). *Materialy ta doslidzhennia z arkeologii Skhidnoi Ukrainy (Proceedings and Research in the Archaeology of Eastern Ukraine)*. Lugansk: East Ukrainian National University named after Vladimir Dahl, 300—317 (in Russian).
- Kravchenko, E.E. 2015. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde). Series: Archaeological Records of Eastern Europe*. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 411—478 (in Russian).
- Krivenko, A.V. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 305—310 (in Russian).
- Kiiashko, V. Ya. (ed.). 2008. *Kurgany u donskikh pereprav (kurgany mogil'nik «Liventovskii 7») (Barrows near the Don Crossings: Liventovskiy-7 Barrow Necropolis)*. Series: Stranitsy spasennogo proshlogo (Pages of the Saved Past). Rostov-on-Don: "Rostspetsarkheologiia" Publ. (in Russian).
- Mys'kov, E.P. 2003. *Politicheskaiia istoriia Zolotoi Ordy (1236—1313 gg.) (The Political History of the Golden Horde: 1236—1313)*. Volgograd: Volgograd State University (in Russian).
- Otchet Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Reports of the Imperial Archaeological Commission). 1893. Saint Petersburg: Typography of the Chief Department of Appanages (in Russian).
- Pashuto, V.T. 1968. *Vneshniaia politika Drevnei Rusi (Foreign Politics of the Ancient Rus')*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Pletneva, S.A. 1973. *Drevnosti chernykh klobukov (Antiquities of the Chorni Klobuky)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—19. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Polevoy, L.L. 1979. *Ocherki istoricheskoi geografii Moldavii XIII—XV vv. (Essays on Political Geography of Moldavia in 13th—15th Centuries)*. Kishinev: "Știința" Publ. (in Russian).
- Polevoy, L.L., Bârnea, P.P. 1974. In *Arkheologicheskaiia karta Moldavskoi SSR (Archaeological Map of the Moldavian SSR)* 7, 5—42 (in Russian).
- Poliakova, G.F. 1996. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 154—257 (in Russian).
- Popandopulo, Z. Kh. 2002. In *Starozhytnosti stepovoho Prychernomoriia i Krymu (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* X, 226—238 (in Russian).

- Popandopulo, Z., Tikhomolova, I. 2007. In *Mir drevnosti (The World of Antiquity)* 1, 26—29 (in Russian).
- P'iankov, A. V., Raev, B. A. 2004. In Sergatskov, I. V. (ed.). *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepei (Proceedings on the Archaeology of the Volga-Don Steppes)* 2. Volgograd: Volgograd State University, 219—250 (in Russian).
- Rudenko, K. 2004. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 12—13 (1—2), 111—156 (in Russian).
- Russev, N.D. 1982. In Gudkova, A.V. (ed.). *Pamiatniki rimskogo i srednevekovogo vremeni v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Sites of Roman Time and Middle Age in the North-Western Pontic Region)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 40—55 (in Russian).
- Russev, N.D. 1997. In *Stratum: struktury i katastrofy. Sbornik simvolicheskoi indoevropskoi istorii (Stratum: Structures and Catastrophes. A Collection of Symbolic Indo-European History)*. Saint Petersburg: "Nestor" Publ., 220—239 (in Russian).
- Russev, N.D. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 379—407 (in Russian).
- Russev N. 2010. In *Rusin (Rusin)* 20 (2), 29—37 (in Russian).
- Russev, N.D. 2014. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 4 (6), 113—133 (in Russian).
- Russev, N.D. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 165—181 (in Russian).
- Spinei, V. 2016. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 4 (4), 734—766 (in Russian).
- Trifil'ev, E.P. 1905. In *Trudy XII arkheologicheskogo s'ezda (Proceedings of the XII Archaeological Congress)* I. Moscow: Typography of A.I. Mamontov, 131—140 (in Russian).
- Usmanov, M. 2009. In Usmanov, M., Khakimov, R. (eds.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes) III. Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochi Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th Centuries)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 3—15 (in Russian).
- Fabritsius, I.V. 1951. *Arkheologicheskaya karta Prichernomor'ia Ukrainskoi SSR (Archaeological Map of the Pontic Region of the Ukrainian SSR)* I. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East European Nomads under rule of Altyn Orda Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1973. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy (Social Order of Golden Horde)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Cherepnin, L.V. 1977. In Tikhvinskii, S.L. (ed.). *Tataro-mongoly v Azii i Evrope (Mongols in Asia and Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 186—209 (in Russian).

Статья поступила в сборник 24 января 2019 г.

Sergey Fidelski (Tiraspol, Moldova). Candidate of Historical Sciences. Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko¹.

Фидельский Сергей Анатольевич (Тирасполь, Молдова). Кандидат исторических наук. Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко.

E-mail: fidel1975@mail.ru

Michael Choref (Nizhnevartovsk, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod¹.

Чореф Михаил Михайлович (Нижневартовск, Россия). Кандидат исторических наук. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

E-mail: choref@yandex.ru

Addresses: ¹ 25 Oktiabria St., 128, Tiraspol, MD-3300, Moldova; ² Gagarin Ave., 23, Nizhni Novgorod, 603950, Russian Federation

М. В. Квитницкий, Н. П. Тельнов, С. Д. Лысенко, С. Н. Разумов,
В. С. Синика

Золотоордынский погребальный комплекс с зеркалом с изображением сфинксов на Нижнем Днестре

Keywords: Lower Dniester region, Golden Horde, nomad grave, mirror with Sphinxes, Al-Burāq, Khadjibey

Ключевые слова: Нижнее Поднестровье, Золотая Орда, кочевническое погребение, зеркало со сфинксами, аль-Бораки, Хачибей

M. V. Kvitnytskyi, N. P. Telnov, S. D. Lysenko, S. N. Razumov, V. S. Sinika

Golden Horde Grave with a Mirror with the Image of Sphinxes in the Lower Dniester Region

In 2018, the Dniester archaeological expedition of the Pridnestrovian State University studied a group of nomadic burials of the Golden Horde time near Glinoe village, Slobodzeya district, on the left bank of the Lower Dniester. One complex stands out, from which the finds of a bronze mirror with the image of two mythical creatures (sphinxes) and an earring in the form of a question mark originate. Both finds are extraordinary among the nomadic antiquities of the Golden Horde time. Analogies to the mirror with the image of Sphinxes were not previously known in the North-Western Black Sea region. An earring in the form of a question mark is a new type of such items, demonstrating the evolution of jewelry with appearance of such innovations as tacking dead bandlets for inserts. The date of the burial was determined within the second half of the 14th — the beginning of the 15th century. The peculiarities of the burial rite make it possible to attribute the complex to representatives of the ruling nomadic group. A study of the dynamics of historical processes that took place in the region during the period of the Golden Horde domination suggests that the grave belonged to a representative of a group of nomads from the suite of Lord Khadjibey.

М. В. Квитницкий, Н. П. Тельнов, С. Д. Лысенко, С. Н. Разумов, В. С. Синика

Золотоордынский погребальный комплекс с зеркалом с изображением сфинксов на Нижнем Днестре

В 2018 г. Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра исследована группа кочевнических погребений золотоордынского времени. Особо выделяется один комплекс, из которого происходят находки бронзового зеркала с изображением двух мифических существ (сфинксов) и серьга в форме вопросительного знака. Обе находки являются неординарными среди кочевнических древностей золотоордынского времени. Аналогии зеркалу с изображением сфинксов в Северо-Западном Причерноморье ранее известны не были. Серьга в виде вопросительного знака является новым типом таких изделий, демонстрирующим развитие ювелирного дела с появлением новшеств в виде напаяек глухих ободков под вставки. Дата погребения определена в рамках второй половины XIV — начала XV в. Особенности погребального обряда позволяют отнести комплекс к представителям правящей кочевой группы. Изучение динамики исторических процессов, происходивших в регионе в период золотоордынского господства, позволяет предположить, что захоронение принадлежало представителю группы кочевников из окружения властителя Хачибей.

*Славы и долголетия,
достоинства и великолетия,
возвышения и хвалы,
могущества и почёта,
достояния и прибытка,
силы и многих благ ...*

Пожелания юбиляру от авторов

В 2018 г. Днестровская археологическая экспедиция Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко продолжила исследования курганов у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Всего было исследовано 12 насыпей. Четыре кургана были изучены в кур-

ганной группе «Сад», южная оконечность которой находится в 2,8 км к северу-северо-востоку от северной окраины с. Глиное. Два кургана из этой группы, вероятно, были сооружены в раннем бронзовом веке (курганы 13 и 14), а два других — в скифское время (курганы 11 и 12). Кроме того, восемь насыпей

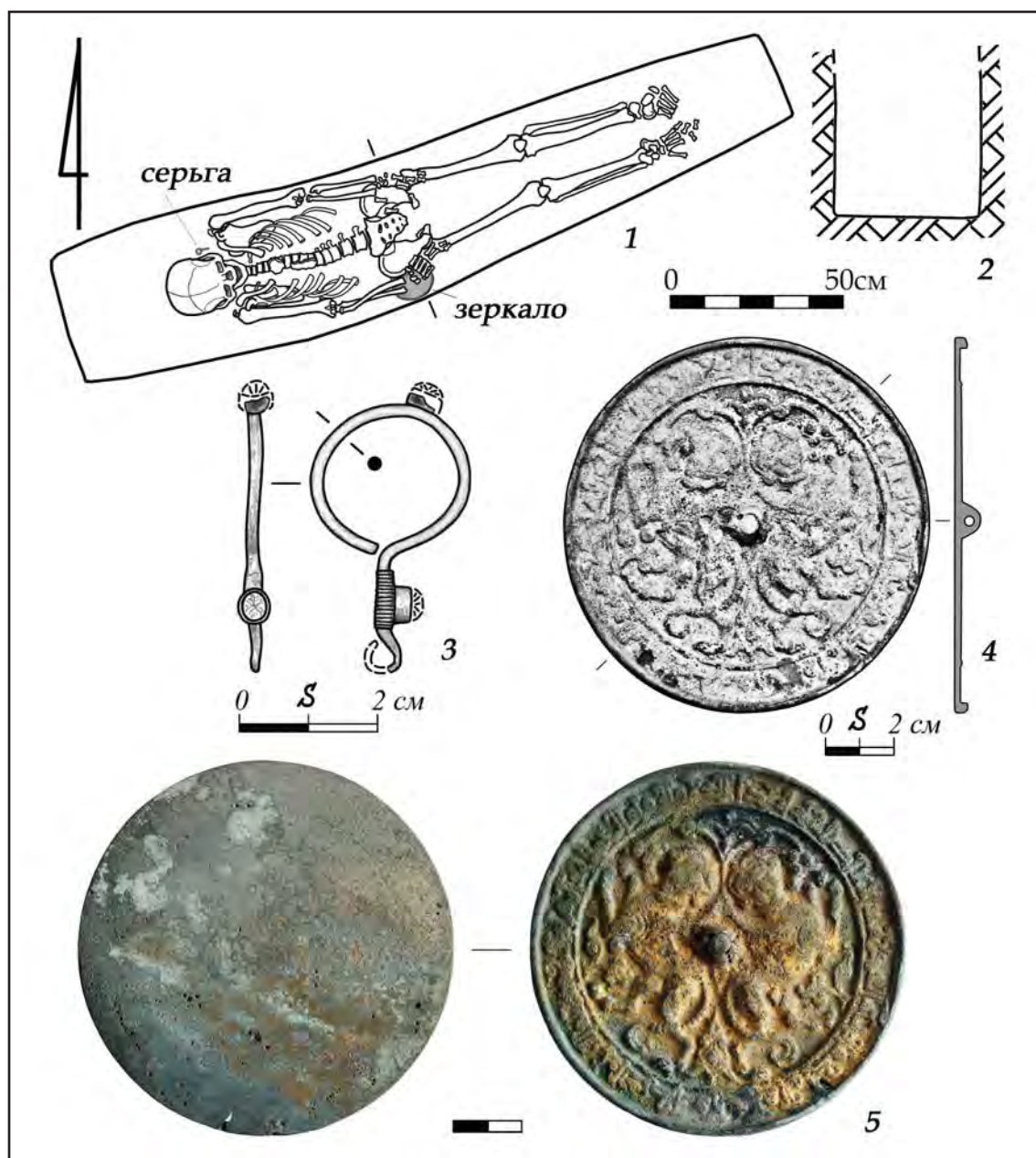

Рис. 1. Погребение 13 кургана 15 группы «Водовод» у с. Глиное (1, 2) и находки из него (3—5).

Fig. 1. Burial 13 of the barrow 15 of the "Vodovod" ("Sluiceway") group near Glinoe village (1, 2) and its inventory (3—5).

были раскопаны в курганный группе «Водовод», примыкающей с севера к группе «Сад». Здесь также были исследованы два кургана, возведённые в раннем бронзовом веке (курганы 15 и 16). Остальные шесть были насыпаны скифами (курганы 9—14). Помимо погребений бронзового века (ямной, катакомбной, бабинской культурно-исторических общностей) и скифских, были выявлены одно сарматское захоронение и десять погребальных комплексов средневековых кочевников.

В курганах 12 и 14 группы «Сад», а также в кургане 14 группы «Водовод» обнаружено по одному средневековому погребению. Другие семь захоронений были изучены при раскопках кургана 15 группы «Водовод». Одно из них было впущено в насыпь, в 9 м к юго-западу от центрального репера. Остальные шесть располагались на расстоянии 18,5—22 м к югу, к юго-востоку и к востоку от центрального репера, в выемке третьей (и последней) насыпи, сооружённой в раннем бронзовом веке (три погребения) и за её пределами (три

погребения). Несомненно, эти шесть захоронений в момент их совершения образовывали могильник. Примечательно, что три погребения из указанных шести являлись женскими и содержали зеркала.

Настоящая работа представляет собой публикацию одного из средневековых погребальных комплексов, в котором было обнаружено зеркало, аналогии которому ранее в Северо-Западном Причерноморье известны не были. Ниже приводится описание погребения 13 кургана 15 группы «Водовод», а также сопровождающего инвентаря.

Погребение 13 (средневекового кочевника) обнаружено в 19,5 м на юго-восток от R_0 , за пределами насыпи.

Совершено в яме подпрямоугольной формы, размерами $2,15 \times 0,44$ м и глубиной $-2,75$ м от R_0 . В заполнении встречались фрагменты жердей от поперечного перекрытия. Очевидно, эти жерди лежали на заплечиках, уничтоженных распашкой на момент раскопок.

На дне ямы лежал костяк взрослого человека (молодой женщины) в вытянутом положении на спине, головой на запад. Руки вытянуты вдоль тела, кисти уложены на таз. Ноги прямые. Под костями местами фиксировался слабый коричневый органический глеч, возможно, от одежды (рис. 1: 1, 2).

Состав и расположение инвентаря. У левого виска найдена серебряная серьга (1). Под правыми запястьем и кистью лицевой (гладкой) стороной вверх лежало зеркало из белого металла (серебро?)¹ (2).

Описание находок.

1. Серебряная серьга в форме вопросительного знака, изготовленная из круглой в сечении проволоки. Верхняя часть изделия изогнута в виде большого кольца, от которого вниз отходит короткий стержень. Нижний конец стержня свёрнут в маленькую петлю, в направлении, противоположном изгибу большой петли. На стержне между двумя кольцами сохранились остатки обмотки тонкой проволокой, около 15 оборотов. К стержню поверх обмотки и к верхней части большого кольца припаяны два круглых пластинчатых камнедержателя. Внутри камнедержателя на стержне сохранились остатки оправленной в неё вставки из бирюзы зелёного оттенка. Вероятно, такая же вставка располагалась и в верхнем кам-

недержателе (фрагментирован). Сохранившаяся длина серьги 40,5 мм, реконструируемая — до 41 мм. Диаметр большого кольца $23,5 \times 22,5$ мм, диаметр малого — до 4,5 мм. Диаметр проволоки до 2 мм; на малом кольце сужается до 1 мм. Диаметр стержня вместе с проволочной обмоткой до 3 мм. Толщина проволоки обмотки около 0,5 мм. Диаметр камнедержателя на стержне $4,7 \times 5,1$ мм; высота — до 3 мм; толщина пластины — около 0,5 мм (рис. 1: 3).

2. Литое зеркало с бортиком по краю и с коническим выступом-ручкой с поперечным отверстием. Лицевая сторона гладкая, зашлифованная. На тыльной стороне находятся надпись и изображение, местами сохранилась позолота, нанесенная в технике напыления. Надпись заключена в пространстве между бортиком зеркала и окружностью, которая выделена невысоким валиком. Надпись выполнена шрифтом «процветший куфи», типичным для эпиграфических памятников сельджукидского времени, без каких-либо индивидуальных особенностей. Текст представляет собою цветистое перечисление благопожеланий, выполненных ритмизованной прозой (садж'ем).

В центральной части тыльной стороны зеркала симметрично относительно условной оси, разделяющей зеркало на две равные половины, отлито изображение двух мифических существ — сфинксов (аль-Бораков). Угол между условной осью, разделяющей мифические существа, и линией, проведенной через отверстие в ручке — около 130° . Диаметр зеркала 108 мм, толщина — 1—2 мм, толщина по изображениям — до 3,5 мм; толщина по бортику вдоль края — 3—4 мм. Ширина бортика до 3 мм. Ширина поля с надписью до 14 мм. Высота ручки до 7 мм. Диаметр ручки в основании до 11 мм; диаметр верхней части конуса — около 4,5 мм. Диаметр отверстия в ручке 3 мм (рис. 1: 4, 5).

Предварительный анализ элементов устройства погребального сооружения и вещевых находок позволяет относить данное погребение к золотоордынскому времени. Однако само понятие «золотоордынское время», по существу, очень обширно, и включает хронологию от середины XIII до середины XV вв. — достаточно большой промежуток времени, не позволяющий полностью понять историческое значение и определить место исследованного памятника в динамичной истории земель Северо-Западного Причерноморья. Остановимся более подробно на рассмотрении особенностей и датирующих аналогий

¹ Констатировать с уверенностью, что зеркало было изготовлено из серебра или из иного металла или сплава (например, оловянистой бронзы), не представляется возможным. Спектральный анализ изделия не проводился.

как вещевым находкам, так и погребальному сооружению самого комплекса.

Характер вещевого набора однозначно позволяет интерпретировать выявленное захоронение как погребение женщины. Находки из погребения представлены всего двумя вещами — бронзовым зеркалом и серьгой в виде знака вопроса. В количественном отношении это малая величина, но в качественном — обе находки сильно выделяются на фоне общего массива вещей такого плана в ордынских погребениях, и поэтому достойны самого внимательного рассмотрения.

По своей эффектности первым привлекает внимание зеркало диаметром 108 мм. Лицевая сторона гладкая, патинированная, с вкраплениями точек недолитого металла. Поверхность обратной стороны зеркала также патинирована, с небольшими включениями точек окислов хлорной меди. Практически по всей поверхности прослеживается слой позолоты. По краю оборотной стороны расположен узкий невысокий бортик шириной и высотой 3,5—4 мм, в центре находится ушко для подвешивания диаметром 11 и высотой 7 мм. По краю ободка размещена надпись почерком «процветший куфи». Центральное место орнаментальной композиции занимает парное изображение развернутых спинами друг к другу сфинксов (аль-Бораков)². Фигуры сфинксов динамичны, их конечности в движении, подчеркнутым изогнутостью спин. Из спин прорастают крылья, переплетаясь между собой, на окончаниях они расцветают в гроздья бутонов. Человеческие (женские) головы существ повернуты к зрителю, они обрамлены расчесанными и завитыми прядями волос. По центру пробора прически просматривается диадема. Сохранность изображений нашей находки не позволяет проследить выражение лиц, но на аналогичных зеркалах и сюжетах выражения лиц передают холодное спокойствие существ. Хвосты подчеркивают общую динамику композиции, они изогнуты, кончики венчают сложенные жала. Изображение

хвостов передает их напряженность и готовность к броску. В нижней части композиции фигуры сфинксов разделены изображением процветшего трилистника.

Как упоминалось выше, по краю ободка расположена надпись. Со времени первых научных осмыслений находок зеркал с надписями, идентичных нашему, было произведено несколько прочтений текста. Так, А. П. Смирнов отметил, что для монгольской эпохи характерны типы зеркал с рельефным рисунком, изображающим двух львов, стоящих на задних лапах, спинами друг к другу, с головами, обращенными к зрителю³. Исследователь привел сделанный П. Савельевым перевод надписи: «Слава и долгоденствие, счастье и блеск, возвышение и хвала, блаженство и высочество, власть и процветание, могущество и божеская милость владельцу сего навсегда...» (Смирнов 1951: 116, 117). В. Б. Виноградов, характеризуя два зеркала золотоордынского времени, приводит находку из аула Вовнушки Джейрахского района Ингушетии. Уцелевшая часть надписи была переведена как: «великолепие и высокое положение, и хвала, и наслаждение, и честь, и власть, и долголетие, и сила, и благословение владельцу сего...» (Виноградов 1987: 267, 268, рис. 1). Еще одно аналогичное зеркало с Северного Кавказа (Дагестан) повторно рассмотрено Е. И. Нарожным. Исследователь привел перевод надписи 1909 г., сделанный Н. Ф. Катановым: «Слава и долговечность, блаженство и блеск, повышение и хвала, благополучие и сановитость, власть и успешность, могущество и милости владельцу сего навеки...» (Нарожный 2009: 271). Следует также привести и перевод Е. И. Лубо-Лесниченко, сделанный для аналогичного зеркала из Минусинской котловины. Приводим по публикации Т. Н. Крупы: «ал-изз ва-л-бага ва-л-доулат ва-л-баха ва-л-раф'ат ва-л-сана ва-л-гитбат ва-л-ала ва-л-мулк ва-л-нама ва-л-кудрат ва-л-али-сахибиhi абадан». Перевод надписи: Слава и долговечность, счастье и величие, сановитость и хвала, благоденствие и честь, власть и богатство, и могущество владельцу сего [зеркала] во веки...» (Крупа 2013: 158).

Для прочтения и интерпретации надписи на нашем зеркале мы обратились к В. С. Кулешову. Им было произведено чтение, пере-

² К. А. Руденко и Ю. В. Оборин обращают внимание на некорректность использования названия «аль-Борак» относительно таких изображений. Несмотря на существующую историографическую традицию, верным будет называть их сфинксами. Этот термин также принят в литературе. Причина здесь находится в иконографических особенностях. Борак — это существо с лошадиным туловищем (Руденко, Оборин 2017: 144). На это указывает и Г. И. Богомолов, подчеркивая, что мифическое существо Бурак изображалось с головой человека, но с туловищем коня. И в сюжете на зеркале не одно мифическое существо, а пара (Богомолов 2012: 167).

³ Описание А. П. Смирновым изображений сфинксов как львов вызвано тем, что высокий рельеф изучаемого им образца зеркала был сильно затерт, а в искусстве Ирана такой сюжет массово представлен и с изображениями львов.

вод и комментарии надписей. Ниже приводим определение и комментарии, сделанные В. С. Кулешовым:

«Начало надписи находится в позиции “полдень”, над верхушкой “древа”. Направление чтения — против часовой стрелки. Меж-

ду последним и первым словами надписи — квазитекстовый разделитель в виде симметричной последовательности квазибуквенных знаков (справа налево: “обращённый алиф”, “зубец”, “вязка”, дал, алиф). Чтение, транскрипция и перевод:

وَالْبَقَاءُ الْعِزَّ	al-ʕizzu wa-l-baqāʔ(u)	Славы и долголетия,
وَالنَّوْلَةُ وَالْبَهَاءُ	wa-d-dawlatu wa-l-bahāʔ(u)	достоинства и великолепия,
وَالنَّشَاءُ وَالرَّفْعَةُ	wa-r-rifʕatu wa-t-tanāʔ(u)	возвышения и хвалы,
وَالْعَبْدَةُ وَالْعَلَاءُ	wa-l-ʕabadatu wa-l-ʕalāʔ(u)	могущества и почёта,
وَالْمُلْكُ وَالنَّمَاءُ	wa-l-mulku wa-n-namāʔ(u)	достояния и прибýtка,
وَالْقُدْرَةُ وَالْأَلَاءُ	wa-l-qudratu wa-l-ʔalāʔ(u)	силы и многих благ
لِصَاحِبِهِ	li-ṣāḥibi-hī	владельцу [этого зеркала].

Допустимы вариации в деталях перевода, поскольку употреблённые в этом тексте слова (сплошь абстрактная лексика) имеют до известной степени размытые и пересекающиеся значения, создающие своего рода “семантический орнамент”, столь ценный средневековыми стилистами...»⁴.

Сравнение транскрипции надписи, переведенной Е. И. Лубо-Лесниченко и В. С. Кулешовым, показывают их полную идентичность, за исключением того, что в нашем варианте отсутствует транскрипция и слово «абадан». Но, в целом, такое совпадение по транскрипции надписей является свидетельством действительно серийного производства таких вещей. Поиск датирующих аналогий показал, что география распространения находок идентичных зеркал и их реплик довольно обширна и охватывает весь Евразийский степной пояс.

Территориально ближайшими являются четыре находки с территории Украины. Первая происходит с городища Донец, расположенного в Харькове (рис. 2: 1). Это случайная находка, переданная местными жителями в 1957 г. Б. А. Шрамко, обстоятельства обнаружения которой не выяснены. Донецкое городище изучено слабо, относится исследователями к X—XIII вв. Зеркало, по мнению Б. А. Шрамко, датируется XIV в. (Шрамко 1957: 20, рис. XXXIX: 2). Т. Н. Крупа датирует находку XIII—XIV вв. (Крупа 2013: 158, 161). Три других зеркала найдены в Днепропетровской области. Одно из них было включено в собрание Б. И. и В. Н. Ханенко. Обстоятельства его находки не известны (Ханенко 1907:

29, табл. XXIV: 355). Второй экземпляр происходит из Синельниковского района (рис. 2: 2); происхождение находки точно не известно. Третье зеркало представлено фрагментом, найденным при раскопках Самари — Богородицкой крепости (рис. 2: 3), расположенной в районе г. Днепр (бывший Днепропетровск). Находки в Самари и из Синельниковского района В. Н. Шалобудов датирует XIV в. (Шалобудов 2017).

Известно несколько реплик такого типа зеркала в собраниях Донского музея в г. Новочеркасске Ростовской области Российской Федерации. Проведенный поиск аналогий этим находкам позволил А. В. Пьянкову и Б. А. Раеву утверждать, что ареал прототипов публикуемых изделий охватывает Поволжье, Подонье, Северный Кавказ, Южную Сибирь, Среднюю Азию, Иран, Анатолию и Египет, где такие находки встречаются с XI по XIV вв. (Пьянков, Раев 2004: 225, 235, 244, 249, рис. 4: 5; 9: 1).

Идентичные находки происходят из Ингушетии и Дагестана (Виноградов 1987; Нарожный 2009). Зеркало из Ингушетии В. А. Виноградов датировал второй половиной XIII — началом XIV в. Вместе с тем исследователь привел мнение Г. А. Федорова-Давыдова, который отнес данное изделие ко времени не ранее XIV в. (Виноградов 1987: 267—268). Находка из Дагестана датирована Е. И. Нарожным в пределах второй половины XIII — XIV в. О распространения сюжета со сфинксами (аль-Бораками) было высказано мнение, что одним из побудительных мотивов такой популярности рассматриваемых ремесленных изделий был процесс исламизации (Нарожный 2009: 274), который, как известно, активно начался при хане Узбеке в 20-х гг. XIV в.

З. В. Доде упоминает о таком же зеркале из закрытого археологического комплекса — женского погребения золотоордынского

⁴ Выражаем искреннюю признательность сотруднику Нумизматического института Стокгольмского университета Вячеславу Сергеевичу Кулешову за перевод и комментарии относительно надписи на зеркале из Глиного.

Рис. 2. Бронзовые зеркала с изображениями сфинксов: 1 — городище Донец (по Крупа 2013: 158, рис. 1); 2 — Днепропетровская область; 3 — культурный слой крепости Самари (по Шалобудов 2017); 4 — урочище Бурулдай (Казахстан); 5, 6 — Болгарское городище (по Руденко, Оборин 2017: 153, рис. 1: 1, 3, 4); 7 — Дагестан (по Доде 2010: 89, рис. 51: 6).

Fig. 2. Bronze mirrors with images of sphinxes: 1 — Donets fortified settlement (after Крyпа 2013: 158, рис. 1); 2 — Dnipropetrovsk region; 3 — cultural layer of the Samari fortress (after Шалобудов 2017); 4 — Burulday stow (Kazakhstan); 5, 6 — Bolgar hillfort (after Руденко, Оборин 2017: 153, рис. 1: 1, 3, 4); 7 — Daghestan (after Доде 2010: 89, рис. 51: b).

времени в могильнике Му-Шарет в Калмыкии (Доде 2010: 89). Необходимо также упомянуть и находки подобных зеркал в Джукетау и Термезе, часто приводимые в литературе как аналогии. Зеркало из Джукетау датировано второй половиной XIII — XIV в. на основании золотоордынских медных монет из слоя, откуда происходит находка (Хлебникова 1975: 237, 239, рис. 3: 5). Зерка-

ло из Термеза отнесено к XI—XII вв. на основании аналогичного изделия с надписью по черкам «цветущий куфи» (Пугаченкова 1961: 154). Несмотря на то, что современная база таких находок указывает на ошибочность предложенной датировки, зеркало из Термеза сложно отнести исключительно к ордынскому времени второй половины XIII — XIV в. Детали иконографической проработки изображений на зеркале, на наш взгляд, позволяют относить его к концу XII — первой половине XIII в.

Наибольшее количество зеркал с фантастическими животными происходит с территории Булгара (рис. 2: 5, 6). К.А. Руденко и Ю.В. Оборин утверждают, что 90% таких находок зафиксировано в Булгаре. Ими было проанализировано 48 зеркал с территории Казанского Поволжья, из которых 30 изделий имели изображения сфинксов. Авторы приводят аналогии этим зеркалам в собраниях зарубежных музеев. Однако хронологический контекст находок из обработанной коллекции не рассматривался, датирование таких предметов приведено в русле общей канвы атрибуций, с датами XI—XII вв., XII—XIII вв. и монгольского времени (Руденко, Оборин 2017: 147).

Из прямых аналогий нашему зеркалу укажем на случайную находку из селения Бешкуби Зааминского района Узбекистана (Богомоллов 2012: 163). Г.И. Богомоллов подчеркнул, что с территории Средней Азии происходит около десятка таких зеркал. Среди них находки из урочища Бурулдай в Семиречье (рис. 2: 4), рудника Текели в Казахстане и городища Красная Речка в Киргизии. Зеркало из Бешкуби в подрисуночной подписи отнесено к XI в. Автор публикации приводит многочисленные примеры изображений сфинксов XII—XIII вв. в торовке Узбекистана, Ирана и Сирии, а также в керамике, на коврах и тканях из Испании, Ирана, Ирака (Богомоллов 2012: 163, 164, рис. 1; 2).

Интересны выводы и наблюдения Г.А. Пугаченковой об образе сфинкса и его распространении. Исследователь отметила, что сам образ получает широкое распространение в XI—XII вв. в странах средне- и ближневосточного мира. В Иране он встречается на средневековой глазурованной керамике, расписном стекле, шелковых тканях и особенно на художественных изделиях из металла. Мотив этот был популярен в прикладном искусстве Средней Азии. На штампованной керамике из мервской гончарной мастерской XII — начала XIII в. сфинксы представлены в головном

уборе (*прическе*. — *Авт.*)⁵, аналогичном изображению из Термеза — с шишаком и загибающимися у висков краями. Появление их в искусстве XI—XII вв. связано с темами фольклора, с народными циклами средневекового эпоса, со сказаниями о фантастических существах, то благоприятствовавших героическим деяниям витязей, то враждебных им. Эти полиморфные создания наделялись магическими функциями существ-охранителей, отвращающих сглаз, колдовство, злые наветы. Отсюда появление их на бытовой посуде, декоративном оформлении зданий, на тканях и коврах, и даже в династической геральдике Сельджукидов. В древности зеркалам приписывали волшебную силу отвращения зла, украшение образами такого рода магических существ усиливало функцию оберега (Пугаченкова 1961: 155). Т.Н. Крупа подчеркнула, что образы животных и человека, особенно в смешанных фантастических существах, играют важную роль в символах мироздания. В исламском искусстве животные с человеческими лицами рассматриваются как священные животные мусульманского рая. Известия о существовании удивительных животных, в том числе полуживотных-полулюдей, сохранились в виде мифов в географических сочинениях XIII в. Их изображения так же, как благопожелательные надписи, выполняли функцию талисманов, дарующих благополучие владельцу вещи. Сирены и крылатые существа с телом льва и головой человека были излюбленным мотивом на металле и керамике в искусстве Ирана, Закавказья и Средней Азии XI—XIII вв. (Крупа 2013: 158). Г.И. Богомолов считает, что обращение к образу сфинкса не случайно. В мусульманскую эпоху в народных представлениях он мог сохранить свое значение в контексте слова «ангел». Возможно, образ сфинкса, как обитателя небесной сферы, носителя «бараки» — благодати, наделялся сакрально-магическими функциями, чьи обереговые и благопожелательные свойства должны были переходить на владельца (Богомолов 2012: 166—167).

В хронологическом отношении распространение как самих зеркал, так и изображенного мотива можно связывать со временем становления и развития Золотой Орды. К примеру, К.А. Руденко, рассматривая коллекции

и типы находок из Волжской Булгарии и Сибири, отметил, что связующим звеном между зеркалами Поволжья и Сибири эпохи Золотой Орды являются материалы памятников Казахстана. На примере городища Отрар, находящегося в устье р. Арысь, в месте ее впадения в Сырдарью, прослежено, что в XIII—XIV вв. здесь было налажено производство металлических зеркал. Орнамента последних сочетала в себе традиции мусульманского искусства и мифологии (гон животных, аль-Бораки, цветы и растения), кара-киданьские и найманские традиции (геометрические и стилизованные растительные мотивы), и опосредованно — китайские сюжеты (драконы). В булгарской коллекции выделены группы зеркал с изображениями разного происхождения. Орнаментальные мотивы с аль-Бораками, арабскими надписями и арабесками, гон животных и т.п. были отнесены во вторую «юго-восточную — мусульманскую» группу (Руденко 2013: 152, 157).

Схожая ситуация с распространением в золотоордынское время орнаментальных мотивов, в том числе и со сфинксами (аль-Бораками), прослежена и на материалах селища Кубачи в Дагестане. Так, рассматривая изображения трилистников на каминной плите с сирями и на люнете окна со сфинксами (аль-Бораками), З.В. Доде отнесла их к «монгольской» группе кубачинских памятников. Исследователь отметила, что сфинксы являлись непременным составным элементом словаря символов Монгольской империи. Фигуры сфинксов на люнете окна из Кубачи сопоставимы с изображением на шелке начала XIII в. из Внутренней Монголии. Исследователь привела примеры таких изображений с благопожелательными надписями на зеркалах, керамике и иранском блюде XIII—XIV вв. Были приведены аналогии зеркалам из погребений XIII—XIV вв. из могильников Дагестана (рис. 2: 7) и Калмыкии (Доде 2010: 87—89, рис. 49—51). А.В. Пьянков и Б.А. Раев привели данные выводов исследователей (Л.И. Ремпель, Л.Ф. Недашковского, Е.И. Лубо-Лесниченко) и подчеркнули, что образ крылатого сфинкса уходит своими корнями в древневосточную мифологию. В исламской мифологии он мог быть переосмыслен и наделен новым содержанием. Крылатые львы с лицом «милой девы» стали пониматься как аль-бораки — сверхъестественные существа. Подобные зеркала получили распространение на территории Ирана, Средней Азии и, возможно, Турции в XI — первой половине XIII в. Уже со второй по-

⁵ Сравнение с близкими и синхронными по времени изображениями сфинксов на тканях и расписной керамике показывает, что у сфинксов (традиционно — бронеуты/-тки) на голове изображена прическа, на которую надет тонкий обруч с диадемой.

ловины XIII—XIV в. они распространились по степям Евразии и прилегающим к ним областям. Подавляющая часть находок зеркал с двумя сфинксами в Поволжье, Подонье, Калмыкии, на Северном Кавказе — из Средней Азии и Минусинской котловины — принадлежат либо к восточным оригиналам, к их копиям, или очень близким репликам (Пьянков, Раев 2004: 244).

Следует еще привести мнение В. С. Кулешова о датировании эпиграфического прототипа данного зеркала. Исследователь считает, что этот прототип появился в XII в., а его тиражирование началось, по-видимому, благодаря медникам малоазийского султаната Сельджукидов Рума в XIII в.

Подытоживая результаты наших разысканий, отметим, что географический ареал распространения идентичных находок и их реплик встречается от территорий Средней Азии до западной границы восточноевропейских степей. Исследователи едины во мнении, что сюжет со сфинксами получил распространение в золотоордынский период и связан с искусством ислама. Из общего массива рассмотренных нами опубликованных находок только три имеют четкий хронологический контекст: это находки фрагментов зеркал из Джукетау, Самари и зеркало из погребения могильника Му-Шарет. Еще несколько зеркал связаны с могильниками золотоордынского времени на Северном Кавказе, но в то же время они не имеют конкретных привязок по комплексам. Учитывая все указанные обстоятельства, хронологию нашего зеркала мы можем связать с территориально близким кругом аналогов таких находок из Харькова и Днепропетровской области Украины и датировать его по аналогии с находкой из Самары — XIV в.

Рассмотрим вторую находку из погребения 13 кургана 15 группы «Водовод» у с. Глиное — серебряную серьгу в виде знака вопроса. Верхняя часть кольцевидная с отходящим вниз стержнем, оканчивающимся небольшой разомкнутой петелькой. От петельки вверх по стержню прослеживается плотная обмотка тонкой проволокой. В верхней части серьги и на обмотке стержня припаяны глухие ободки для крепления камней — вставок. Внутри глухого ободка на стержне сохранились остатки вставки из бирюзы зеленого оттенка.

В общей форме такие изделия распространены в древностях XIII—XV вв. в географических пределах всей Евразии. К примеру, Г. А. Федоров-Давыдов серьги в виде вопросительного знака отнес к VI типу своей классификации, дополнительно выделив семь ва-

риантов от «а» до «ж». Исследователь привел обширный список находок таких вещей и датировал их XIII—XV вв. (Федоров-Давыдов 1966: 38, 40, рис. 6). Вместе с тем наша находка не соотносится ни с одним из выделенных типов серег в классификации Г. А. Федорова-Давыдова. Серьги золотоордынского времени также рассмотрены в специальных работах Р. Р. Каримовой. Исследователь изучила 224 экземпляра серег, выделила несколько новых подтипов, продолжив типологию Г. А. Федорова-Давыдова (Каримова 2012: 136—152; 2013: 28—35, 184—186, рис. 10—12). Однако тип нашей серьги также не нашел отображения в предложенной типологии⁶. Подобных находок нет и среди материалов XIII—XV вв. из Дунайской Болгарии (Владимиров 2014).

Изучение значительного массива публикаций материалов золотоордынского времени позволило нам найти несколько близких аналогий и установить время появления технических ювелирных инноваций в виде напаек глухих ободков под вставки на данной категории изделий.

Напайка глухого ободка на золотой серьге в виде знака вопроса (тип VIб по Г. А. Федорову-Давыдову и Р. Р. Каримовой) изображена среди материалов Новопавловского могильника Ставропольского края Российской Федерации (рис. 3: 3). Согласно подрисовочным подписям, золотая серьга с напайкой найдена в кирпичном мавзолее в разрушенном детском погребении №9. Сам комплекс — кирпичный мавзоль и группа исследованных в нем погребений — датируется второй половиной XIII — XIV в. (Охонько 2010: 88, 93, рис. 9: 3).

Следующие две находки таких напаяк зафиксированы на серебряной и золотой серьгах, найденных в погребениях 1042 и 1070 могильника Мамай-Сурка у с. Великая Знаменка Каменско-Днепровского района Запорожской

⁶ В работе Р. Р. Каримовой изображение серьги, идентичной нашей, но без напаянных глухих ободков для вставок, присутствует. Как и присутствуют другие изображения проволочных витых серег без добавочных украшений — вставок-нанизок бус, камней или жемчужин. Несмотря на то, что такой тип изделий (без нанизок) встречается очень часто, исследователь почему-то эти изделия относит исключительно к варианту VIб — «с бусиной или двумя на конце» (Каримова 2012: 139—140, рис. 2: 24). Кроме того, что в этот вариант сведены абсолютно разные по форме и техническим приемам изготовления вещи, сами типы вещей не имеют четкого хронологического разделения или комментариев относительно их датировок.

области Украины. В одном из ободков сохранились остатки оправленного камешка-вставки (Ельников 2000: 6, 15, рис. 3: 11; 22: 3)⁷. Характер оформления упомянутых серег заметно отличает их от других подобных изделий, найденных на могильнике. М.В. Ельников (автор исследований и публикации данного памятника) датирует могильник концом XIII — началом XV в. (Ельников 2006: 3). Исследователь предварительно считает возможным датировать эти два комплекса в пределах 20—70-х гг. либо 40—80-х гг. XIV в.⁸

Еще одна серьга (тип VIa по классификации Г.А. Федорова-Давыдова и Р.Р. Каримовой) найдена при исследовании группы из семи погребений в с. Леськи возле г. Черкасы на Украине. По описанию Э.А. Сымоновича, серьга происходит из погребения №5, изготовлена из низкопробного серебра и инкрустирована бирюзовыми, голубоватого цвета, вставками в гнезда каплевидной формы. Там же, возле черепа погребенного, было найдено бронзовое зеркало. Из одного погребения происходит две монеты: медный пул с тамгой хана Абдуллаха (1362—1369 гг.) и плохо сохранившаяся неопределимая монета из низкопробного серебра XIV — начала XV в. Сам могильник был отнесен ко времени «не ранее XIII—XIV вв.» (Сымонович 1960: 108, 109, рис. 49: 1). Такая датировка выглядит некорректной, поскольку малое количество погребенных и находка монеты хана Абдуллаха однозначно указывают на хронологию в пределах второй половины XIV — начала XV в. Форма, материал вставок, металл и места расположения напаяек глухих ободков на серьге из с. Леськи полностью идентичны нашей находке (рис. 3: 4).

Поиск аналогий навел на некоторые размышления о датировке серьги из Глиного. Сами напайки глухих ободков под вставки являются абсолютно новым и ранее не применяемым техническим ювелирным приемом при изготовлении серег в виде знака вопроса. Отсутствие таких весьма специфических особенностей оформления серег в виде вопросительного знака среди большого массива четко датированных материалов как XIII в., так

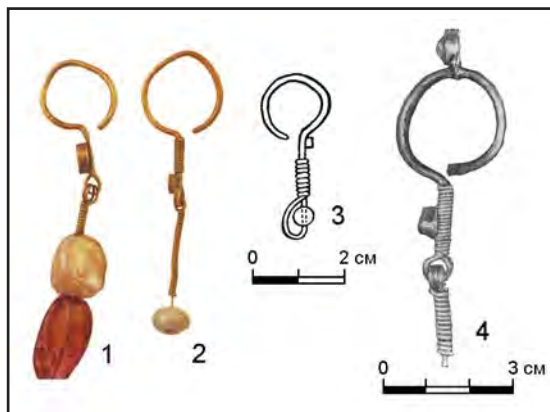

Рис. 3. Серьги в виде вопросительного знака с напайками глухих ободков под вставки: 1, 2 — Симферопольский клад (по Мальм 1987: 17, рис. без номера); 3 — Новопавловский могильник (по Охонько 2010: 93, рис. 9: 3); 4 — Леськи (по Сымонович 1960: 109, рис. 49: 1).

Fig. 3. Earrings in the form of a question mark with soldering deaf headbands for inserts: 1, 2 — Simferopol treasure (after Мальм 1987: 17, fig. without number); 3 — Novopavlovsk cemetery (after Охонько 2010: 93, рис. 9: 3); 4 — Les'ki (after Сымонович 1960: 109, рис. 49: 1).

и XIV в. свидетельствует о достаточно позднем появлении данной техники в ювелирном деле Золотой Орды. Практически полное отсутствие подобных находок среди золотоордынских древностей, исследуемых уже более ста лет, позволяет утверждать, что данная технология оформления, появившись, не успела получить своего дальнейшего развития. Очевидно, она прекратила существование вместе с общей «модой» на серьги в виде вопросительного знака. Последние уже не фиксируются в материалах середины XV в. и позднее. Хронологически угасание моды на такие серьги в Северо-Западном Причерноморье совпадает с прекращением существования Западного улуса Золотой Орды и возникновением Крымского ханства.

Окончательно понять хронологию серег с рассматриваемым техническим типом ювелирного оформления и процессов, прервавших его развитие, нам помогают материалы Симферопольского клада. Анализ вещей и монет из клада позволил датировать его временем в пределах конца XIV в. или даже не ранее начала XV в. (Мальм 1980: 143; 1987: 3). В составе клада находились пять серег в виде знака вопроса. Опубликованные две серьги соответствуют типу VIa по классификации Г.А. Федорова-Давыдова и Р.Р. Каримовой. Эти изделия состоят из двухсоставно-

⁷ Поскольку материалы не опубликованы и только готовятся к публикации, исходя из соблюдения научной этики, мы не приводим всех обстоятельств и описания находок.

⁸ Выражаем искреннюю благодарность Михаилу Васильевичу Ельникову за любезно предоставленную консультацию в вопросе хронологии комплексов с находками.

го стержня, обмотанного тонкой проволочкой с одной или двумя жемчужинами на конце. По описанию, приведенном в каталоге выставки Симферопольского клада, одна серьга имела на конце шпинец и крупную жемчужину неправильной формы (рис. 3: 1, 2). Датированы серьги, как и весь клад, концом XIV — началом XV в. (Мальм 1987: 6, 17, рис. без №). На опубликованных в каталоге экземплярах на стержнях верхней части серьги напаяны глухие ободки под вставки камней. Относительно самого клада было высказано мнение, что он мог принадлежать крупному феодалу, занимавшему военную или административную должность. Время вероятного сокрытия было предположительно связано с крупными набегами на Крым в XIV веке — Тимура (1395 г.) и Едигея (1399 г.), когда значительная территория полуострова была разорена (Мальм 1987: 4).

Сравнение серег с напайками глухих ободков под вставки, хронология комплексов, из которых происходят вещи с таким типом ювелирных инноваций, и выше приведенные наблюдения позволяют датировать серьгу из Глиного второй половиной XIV — началом XV в. Не будет преувеличением отметить, что рассматриваемая нами серьга представляет новый и ранее не известный тип таких изделий⁹. Очевидно, если опираться на известную базу находок серег в виде вопросительного знака, что техническое новшество напайки глухих ободков появилось во второй половине XIV в.

Основываясь на анализе предметов из погребения 15/13 группы «Водовод» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра, мы установили следующие даты: для зеркала — в пределах XIV в.; для серьги — вторая половина XIV — начало XV в. Таким образом, публикуемый комплекс следует датировать второй половиной XIV — началом XV в.

Группа погребений из Глиного ставит перед нами еще одну серьезную проблему, связанную с классификацией изученного могильника — грунтовый или курганный? Следуя простой логике формальных признаков, все погребения располагались вне основной зоны курганной насыпи — то есть соответствуют понятию грунтовый могильник. Однако, если мы рассмотрим большую серию синхронных

золотоордынских грунтовых могильников, например, таких, как Леськи, Торговица, Каменка, Мамай-Сурка, Мамай-гора, Передельское, Ляпинская балка, Новохарьковский и многих других¹⁰, разница будет очевидна (Сымонович 1956; 1960; Бокій, Козир 2005; Ельников 2001; 2006; Евглевский, Кульбака 2003; Кравцова, Стадник 2005; Андрух, Тощев 2009; Пряхин 2002). Все грунтовые могильники располагаются на значительном удалении от курганных насыпей. Непосредственно на площадях с грунтовыми погребениями курганов нет, как и нет курганного пространства (полы, выемки либо зона непосредственно примыкающей к насыпи территории). Погребения же в Глином нарочито — подчеркнуто, совершены в пределах курганного пространства. Складывается стойкое впечатление, что такое размещение погребенных должно было символизировать связь с более давними традициями и подчеркнуть особое положение и принадлежность группы к некогда носителям таких традиций. Погребения могильника в Глином, кажется, все же правильно будет отнести к курганным, пока озвученная нами дилемма не найдет своего разрешения. Все погребения встроены в дугу, «окаймляя» юго-восточный сектор кургана 15, т.е. были ориентированы на его центр так или иначе.

Определить тип захоронения по известной классификации Г.А. Федорова-Давыдова выявились несколько затруднительным. Сохранившаяся часть могильной ямы представлена конструкцией подпрямоугольной формы без дополнительных элементов. Вместе с тем, в соседних комплексах Глиное/Водовод 15/8 и 15/11 вдоль северной и южной стенок могильной ямы прослежены узкие уступы-запечики. Эта конструктивная особенность не позволяет рассматривать форму могильной ямы погребения 13 как окончательную. Таким образом, публикуемый комплекс в одинаковой степени может быть соотнесен как с типом А1,

⁹ Под ранее не известным типом мы подразумеваем отсутствие серег с особенностью в виде напайки глухих ободков под вставки в типологиях и специальных работах исследователей, посвященных этому виду украшений.

¹⁰ В литературе можно еще встретить информацию о больших грунтовых могильниках Дракуля и Нерушай в Одесской области Украины. Они датированы второй половиной XIII — XIV в. (Добролюбовский, Субботин, Середа 1987: 84). Однако, очевидно, что функционировали они в XV—XVI вв., поскольку имеют полную типологическую идентичность в погребальной практике и находках с большим могильником у с. Лиман Татарбунарского района Одесской области Украины, где были найдены монеты Сулеймана I (1520—1566 гг.) (Субботин, Тощев, Фокеев 1985: 15—16). К тому же могильники Дракуля и Нерушай очень сильно отличаются от остальных четко датированных погребений и могильников собственно ордынского времени.

так и с типом AIV по Г. А. Федорову-Давыдову. В хронологическом отношении в базе данных исследователя оба типа отсутствуют в материалах Поднестровья в I и III периодах. Тип AI представлен двумя погребениями во II периоде (XII в.). Только для IV (золотоордынского) периода в Поднестровье отмечено присутствие 20 погребений типа AI и двух погребений типа AIV (Федоров-Давыдов 1966: 124, 134, 142, 147, 151). Более полно присутствие указанных типов погребений в разные хронологические периоды в Поднестровье отображено А. О. Добролюбским. В составленном исследователем списке погребальных комплексов Северо-Западного Причерноморья для I периода отображено 21 погребение типа AI, одно захоронение типа AI для II периода, два комплекса типа AI и три погребения типа AIV для III периода. Для золотоордынского времени приводится информация о 17 погребениях типа AI и 2 типа AIV (Добролюбский 1986: 82—93, 95—97, 99—103).

Рассматривая погребения в Глином, мы можем достаточно четко выделить основные особенности погребальной практики — это захоронение в кургане (прикурганном пространстве), в подпрямоугольной вытянутой яме, с вариациями в виде уступов-заплечиков, и с отсутствием помещенных в могилу костных останков коня и деталей снаряжения. Погребенные, очевидно, были захоронены в одежде с минимальным вещевым набором. При общем рассмотрении комплекса обращает на себя внимание отсутствие в могилах костей жертвенных и сопровождающих животных (конь) и деталей сбруи — характерных находок для курганных кочевнических погребений. Такая, весьма существенная, особенность на примере других захоронений нешла своего отображения при рассмотрении типов погребений в работах Г. А. Федорова-Давыдова и А. О. Добролюбского.

Проведенный нами поиск по соотношению конструктивных особенностей погребального сооружения и зафиксированной формы погребальной практики позволил выявить достаточно количество прямых аналогий именно такому типу погребения. Из них, например, следует обратить внимание на четыре кочевнических погребения курганного могильника Большие Копены 2, исследованных в 2003 г. в Лысогорском районе Саратовской области Российской Федерации. Из четырех погребений (трех женских и одного мужского) два были основными и два впускными в насыпи курганов более ранних эпох. Погребения совершены в подпрямоугольных ямах, ориен-

тированы головой на запад-юго-запад, одно на северо-восток. Могильные ямы перекрыты деревянными плахами, кости животных, и детали конского снаряжения отсутствовали. Авторы предполагают присутствие железных оковок от седла в мужском захоронении. Однако, на наш взгляд, характер находок оковок вместе с наконечниками стрел свидетельствует, что это оковки от колчана. В женских погребениях выявлены детали от головных уборов (бокка), железные ножи, ножницы, круглые проволочные серьги и зеркала. В двух случаях зеркала располагались на левом предплечье погребенных и в одном — на голове. Авторы публикации подчеркнули, что аналогичные погребения обнаружены в Саратовском Заволжье и опубликованы С. В. Ляховым. Для них также типичен характер и местонахождение инвентаря (Ляхов 1992: 158—168). Датированы комплексы из Больших Копен второй половиной XIII — первой половиной XIV в. (Захариков, Матюхина 2006: 161—182).

К аналогичным погребениям можно отнести и комплекс Калининский I 2/5, исследованный возле станицы Калининской Калининского района Краснодарского края Российской Федерации. Погребение женщины впущено в западную часть кургана, ориентировано на запад. На кисти правой руки выявлено бронзовое зеркало, в районе черепа двусоставная серьга в виде вопросительного знака, обвитая тонкой проволочкой. Остальной инвентарь представлен бронзовыми пуговицами, мелкими бусинами (бисер), ножом и небольшими бляшками от головного убора. Форма могильной ямы не прослежена, костей и деталей сбруи лошади не зафиксировано. Погребение датировано серединой — началом второй половины XIV в. (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный 2011: 74—79, 150).

Интересен также комплекс Сторожевое 16/1, исследованный в Чутовском районе Полтавской области Украины. Основное погребение женщины совершено в подпрямоугольной яме с заплечиками (?), ориентировано на юго-запад. Костей коня и деталей упряжи не зафиксировано. Погребенная была уложена вытянуто на спине, руки располагались вдоль туловища, кистями под тазовыми костями. В районе черепа и вдоль левого предплечья зафиксированы украшения (бусины, бляшки), пятилепестковая брошь с камнем-вставкой и остатки берестяной основы бокки. Над правым предплечьем — бронзовое зеркало и железные ножницы вдоль предплечья. Там же были найдены железное шило и нож. Датировка комплекса авторами была подана пред-

положительно — конец XII — XIII в. на основании радиоуглеродных дат (1100—1160 гг. и 950—1220 гг.), полученных в Киевской радиоуглеродной лаборатории, и с учётом корреляции вещей (Коваленко, Луговий 2011: 160—172). Здесь мы можем ограничиться лишь констатацией, что аналогии опубликованным находкам и пятилепестковой броши датируются исключительно второй половиной XIII — XIV в. Данный же комплекс датируется только XIV в. на основании особенностей вставки камня, а не традиционного, для ранних образцов таких изделий, жемчуга в центральную композицию пятилепестковой броши.

Из аналогов погребальному обряду, отмеченному в Глином, можно привести примеры ещё четырёх погребений из курганного могильника Жаман-Каргала I, расположенного в 10 км на северо-восток от г. Актюбинск Актюбинской области Республики Казахстан. Эти комплексы относятся к XIII — началу XIV в. Из них два погребения были женскими, и два — мужскими. Захоронения, совершенные в подпрямоугольных ямах, являлись основными. Одно из них ориентировано на юго-запад, и три — на север. Сопровождающий инвентарь женских погребений практически полностью повторяет тот, который зафиксирован в Глином. У черепа — серьга в виде вопросительного знака, зеркала располагались у правого и левого предплечий, ножницы зафиксированы у правого предплечья. Отличительной чертой является находка наконечника стрелы. В мужских погребениях инвентарь представлен наконечниками стрел, ножами, крюком и пластинками. Могильные ямы перекрыты деревянными плахами, костей лошади и деталей конского снаряжения не зафиксировано. Единственной деталью, которая может быть соотнесена с лошадью, являлся деревянный кольшечек, вбитый возле головы одного из погребенных, который интерпретирован как коновязь (Бисембаев 2003: 151, 153, 155, 156, рис. 19; 20).

Приведенные аналогии к погребению в Глином, безусловно, не исчерпывают весь список комплексов такого типа. Мы не ставили задачу сформировать полный перечень таких погребений. Вместе с тем, указанных аналогий достаточно, чтобы говорить об определенной, уже сформированной, форме погребальной практики, выступающей как этномаркер. Четче эта особенность погребений из Глиного проявляется на фоне синхронных и территориально относительно «близких» памятников (могильников и отдельных

групп погребений) золотоордынского времени. Среди них уже упомянутые могильники Леськи, Торговица, Каменка, Мамай-Сурка, Мамай-Гора, Передельское, Ляпинская балка и Новохарьковский. Перечисленные могильники составляют группы грунтовых погребений, расположенные в пределах степной и лесостепной зон. Памятники в Торговице, Каменке и Мамай-Сурке связаны с функционированием крупных золотоордынских городов, основанных, вероятно, в XIV в. Из них два городища, Белозерское (Каменский могильник) и Мамай-Сурка, связаны с деятельностью хана Мамай и Абдуллаха (Бокій, Козир 2005: 78; Ельников 2014: 92—94). Остальные могильники не имеют привязок к поселенческим памятникам.

Некрополи в Торговице, Каменке и Мамай-Сурке принадлежали степному смешанному оседлому или полuosедлому населению, находившемуся в орбите христианской религии. Сюда нужно включить и погребения из разрушенного могильника в с. Днепровское Днепропетровской области (Бодянский 1966; Бодянский 1971). Отличительной чертой для них являются очень редкие находки предметов вооружения, а главное, отсутствие конского снаряжения, что, например, для могильника в Каменке отмечал Э. А. Сымонович (Сымонович 1956: 106). Иную динамику демонстрируют погребения могильников Мамай-Гора, Передельское и Ляпинская балка. Данные памятники показывают процесс перехода к полuosедлости, или полuosедлое кочевое население, находящееся в орбите ислама. Отличительной чертой являются частые находки предметов вооружения и конского снаряжения. И наконец, Новохарьковский могильник отображает исламизированное оседлое лесостепное население. Для памятника характерно отсутствие предметов вооружения, конского снаряжения, орудий труда, малое количество украшений и деталей одежды (Пряхин 2002: 176—177). Грунтовые могильники лесостепного и степного населения XIV — начала XV в. свидетельствуют о существовании строгой системы государственного управления — результат действия применяемой монголами к покоренным народам улусной системы владычества с институтом унаган-богол (Федоров-Давыдов 1966: 237, 240—241).

До середины XIII в., в период печенежского, а затем и половецкого владычества, в степной и лесостепной зонах грунтовых кочевнических могильников не было, за редкими исключениями в виде небольших групп погребений в межкурганном пространстве.

Погребения X — первой половины XIII в., как правило, одиночные либо представлены небольшими курганными могильниками. Традиция курганных погребений сохраняется и в середине XIII — начале XIV в. Уже к середине XIV в. количество курганных погребений резко сокращается, они практически полностью исчезают. Собственно, курганных погребений середины — второй половины XIV в. мы можем назвать немного. Сюда относятся комплексы в с. Каирка Херсонской области, с. Родионовка Запорожской области, сс. Дмухайловка и Миновка Днепропетровской области Украины, и в курганном могильнике Балабаны II в Молдове (Sava 1996; Толочко 2003: 151—155, рис. 44—47; Шалобудов, Кудрявцева 1980: 91—92, 96—97, рис. 3; 4; Шалобудов, Андросов, Мухопад 1983: 20—21, 27, рис. 3). К ним также относится и упомянутое выше женское погребение из Полтавской области Сторожевое 16/1 (Коваленко, Луговий 2011). Набор погребального инвентаря из всех перечисленных памятников указывает на принадлежность погребенных исключительно к высшей знати правящей кочевой группы населения.

Погребение в Глином, за счет его обособленности, выраженной находением в курганной зоне, скорее, нужно рассматривать как курганное. Эта же особенность, с учетом озвученной специфики золотоордынских грунтовых и курганных погребений в XIV в., позволяет отнести данное погребение к представителям правящей кочевой группы, олицетворяющей монгольскую власть.

Установленная нами дата публикуемого комплекса Глиное-Водовод 15/13 в пределах второй половины XIV — начала XV в. и отнесение его к представителям правящей кочевой группы позволяет коснуться рассмотрения общей истории Карпато-Дунайских земель в это время. История региона в ордынскую эпоху емко и полно освещена в трудах Н.Д. Руссева. Относительно середины XIV в. интерес представляет гипотеза о роли пандемии чумы, пришедшей в Улус Джучи из Китая. Последняя, по мнению Н.Д. Руссева, вызвала массовое переселение ордынцев из Поволжья на за-

пад, к Дону и Днепру. «Черная смерть» прямо сказалась на кочевниках Золотой Орды, которые к 70-м гг. XIV в. составляли большинство невольников Генуи, Флоренции и Венеции. В середине XIV в. на правых притоках Днестра возникли большие города, представленные городищами Старый Орхей и Костешты. Показательным являются многочисленные находки, связанные с ранней историей возникновения городов Кодр — монеты, чеканенные на Нижней Волге в 1350—1353 гг. Во второй половине XIV в. земли восточнее Днестра принадлежали властителю Хачибей, между Днестром и Дунаем располагались земли Кутлубуги, и восточнее впадения Сирета в Дунай располагались земли «Деметрия, князя татарского». После 1362 г. Приднестровье вошло во владение властителя Мамай и хана Абдуллаха. Город на Реуте Шехр ал-Джедид (Новый город) — Старый Орхей на время стал столицей — до 1365 г. «Мамаева Орда» просуществовала еще 20 лет. Само же золотоордынское господство закончилось в 70-х гг. XIV в. (Руссев 2016: 175—177).

Исследованный комплекс является отражением исторических процессов, происходивших в Северо-Западном Причерноморье на закате Монгольской империи. Минимальное количество вещей в захоронении свидетельствует о набирающей силу идеологии ислама. Однако древние традиции погребений в курганных насыпях для правящей кочевой группы и её элиты еще остаются тем маркером, который подчеркивает их особый статус. Количественное преобладание зеркал с сюжетной композицией в виде двух сфинксов на территории Волжской Булгарии может косвенно указывать на источник появления данной вещи и, возможно, ее обладательницы в Поднестровье. Сложно утверждать, принадлежала ли погребенная женщина к элите, но ее принадлежность к правящей кочевой группе не вызывает сомнений. Установленная датировка комплекса в пределах второй половины XIV — начала XV в. позволяет высказать предположение о принадлежности погребенной к группе кочевников из окружения властителя Хачибей.

Литература

- Андрух С.И., Тоцев Г.Н. 2009. *Могильник Мамай-Гора*. Книга IV. Запорожье: ЗНУ.
- Бисембаев А.А. 2003. *Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII—XVIII вв.)*. Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии.
- Богомолов Г.И. 2012. Сфинкс из Бешкуби: к истории сложения образа. *ИМКУ* 38, 163—167.
- Бодянский А.В. 1966. Из новых находок на Нижнем Днепре. *СА* (3), 245—246.
- Бодянский О.В. 1971. Знахідки епохи Київської Русі у Надпоріжжі. В: Юра Р.О. (відп. ред.). *Середні віки на Україні 1*. Київ: Наукова думка, 196—199.

- Бокій Н., Козир І. 2005. Комплекс золотоординського часу біля с. Торговиця на Кіровоградщині (попередня публікація). В: Шабульдо Ф.М. (наук. ред.). *Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях*. Київ: ПУ НАНУ, 41—83.
- Виноградов В.Б. 1987. Два зеркала золотоординської епохи із Чечено-Ингушетії. *СА* (1), 267—269.
- Владимиров Г.В. 2014. Серьги в виде знака вопроса из Дунайской Болгарии (XIII—XIV вв.): происхождение и ареал распространения. *ПА* 7 (1), 223—232.
- Добролюбовский А.О. 1986. *Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху Средневековья*. Киев: Наукова думка.
- Добролюбовский А.О., Субботин Л.В., Сегеда С.П. 1987. Золотоординское погребение у Дуная (к истории кочевого населения Северо-Западного Причерноморья в XIV в.). В: Смиленко А.Т. (ред.). *Днестро-Дунайское междуречье в I — начале II тыс. н.э.* Киев: Наукова думка, 84—93.
- Дружинина И.А., Чхадзе В.Н., Нарожный Е.И. 2011. *Средневековые кочевники в Восточном Приазовье*. Армавир; Москва: ЦАИ АГПА.
- Евглевский А.В., Кульбака В.К. 2003. Грунтовый могильник золотоординского времени Ляпинская Балка из Северо-Восточного Приазовья. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 3. Донецк: ДонГУ, 363—404.
- Ельников М.В. 2000. *Отчет об охранных исследованиях грунтового могильника Мамай-Сурка в 2000 г.* Науковий архів ІА НАНУ. Ф. №2000/29.
- Ельников М.В. 2001. *Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989—1992 гг.)*. Т.І. Запорожье: ЗГУ.
- Ельников М.В. 2006. *Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1993—1994 гг.)*. Т. II. Запорожье: ЗНУ.
- Ельников М.В. 2014. Золотоординські міста нижнього Подніпров'я і Північно-Західного Приазов'я: ступінь та перспективи дослідження. В: Моця О.П. (наук. ред.). *Синьоводська битва 1362 року в контексті історії Східної Європи*. Наукові записки: Історичні науки 20. Кіровоград: КДПУ ім.В. Винниченка, 89—97.
- Захариков А.П., Матюхина Ю.А. 2006. Курганний могильник «Большие Копены-2». *АВЕС* 4, 161—182.
- Каримова Р.Р. 2012. Серьги кочевников Золотой Орды: типология и социокультурная интерпретация. *УАВ* 12, 136—152.
- Каримова Р.Р. 2013. *Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация)*. АЕС 16. Казань: ИИ АН РТ.
- Коваленко О.В., Луговий Р.С. 2011. Кочівницьке поховання XIII ст. поблизу с. Сторожове Полтавської обл. В: Супруненко О.Б. (наук. ред.). *Старожитності Лівобережного Подніпров'я*. Київ: Полтава: ЦПІ НАНУ і УТОПІК, 160—174.
- Кравцова Н.А., Стадник О.В. 2005. Грунтовый могильник периода Золотой Орды у с. Передельское на Луганщине. *МДАСУ* 4, 300—317.
- Крупа Т. 2013. Бронзове зеркало из раскопок Донецкого городища 1957 года. В: Бондаренко Г., Златогорський О., Крупа Т., Силуок А. (ред. група). *Минуле і сучасне Волині та Полісся. Шацьке поозер'я у світовій та українській історії. Матеріали XLV Міжнародної наукової історико-краєзнавчої конференції, м. Луцьк — смт. Шацьк, 24—26 травня 2013 року*. Луцьк: Волинські старожитності, 158—161.
- Ляхов С.В. 1992. Новые золотоординские погребения Саратовского Заволжья. *АВЕС* 3, 158—184.
- Мальм В.А. 1980. Украшения женского головного убора из Симферопольского клада. *Труды ГИМ* 51, 140—143.
- Мальм В.А. 1987. *Симферопольский клад*. Москва: Внешторгиздат.
- Нарожный Е.И. 2009. Металлические зеркала XIII—XIV вв. с изображениями аль-бораков (Северный Кавказ). В: Марченко И.И. (отв. ред.). *Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции*. Краснодар: КубГУ, 270—275.
- Охонько Н.А. 2010. Могильник монгольского времени у г. Новопавловска Ставропольского края. *Батыр* (1), 88—96.
- Пряхин А.Д. (ред.). 2002. *Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды*. Воронеж: ВГУ.
- Пугаченкова Г.А. 1961. Бронзовое зеркало из Термеза. *СЭ* (1), 153—155.
- Пьянков А.В., Раев Б.А. 2004. Металлические зеркала из коллекции Донского музея (Новочеркасск). *МАНДС* 2, 219—250.
- Руденко К.А. 2013. Металлические зеркала из Волжской Булгарии и их сибирские параллели. *ДСЦА* 17 (5), 150—160.
- Руденко К.А., Оборин Ю.В. 2017. Зеркала с фантастическими животными из Булгара и их аналогии. *ДСЦА* 20 (8), 143—168.
- Руссев Н.Д. 2016. Карпато-Дунайские земли в эпоху Джучидов: некоторые соображения и неисчислимые «пути взоров». *Stratum plus* (6), 165—181.
- Смирнов А.П. 1951. *Волжские булгары*. Труды ГИМ XIX. Москва: ГИМ.
- Субботин Л.В., Тоцев Г.Н., Фокеев М.М. 1985. *Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции 1985 года*. Науковий архів ІА НАНУ. Ф. №1985/10.
- Сымонович Э.А. 1956. Погребения X—XII вв. Каменского могильника. *КСИИМК* 65, 99—106.
- Сымонович Э.А. 1960. Памятники позднекочевнического времени в Поднепровье. *КСИА* 81, 108—111.
- Толочко П.П. 2003. *Кочевые народы степей и Киевская Русь*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоординских ханов*. Москва: МГУ.
- Ханенко Б.И. 1907. *Древности Приднепровья VI. Древности Приднепровья и побережья Черного моря*. Собрания Б.И. и В.Н. Ханенко. Киев: Типо-литография С.В. Кульженко.
- Хлебникова Т.А. 1975. К истории г. Жукотина (Джуке-Тау) домонгольской поры (по работам 1970—1972 гг.). *СА* (1), 234—251.
- Шалобудов В.Н., Андросов В.А., Мухопад С.Е. 1983. Раскопки курганов у с. Дмухайловка. В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Древности Степного Поднепровья III — I тыс. до н.э.* Днепропетровск: ДГУ, 19—27.
- Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В. 1980. Кочевнические погребения Среднего Приорелья. В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Курганы степного Поднепровья*. Днепропетровск: ДГУ, 90—97.
- Шалобудов В.М. 2017. Нова знахідка золотоординського дзеркала на території Самарі — Ново-

- борородицької фортеці. URL: <https://etnopark.dniproprada.gov.ua/нова-знахідка-золотоординськ-ого-дзе/> (дата обращения 08.10.2018).
- Шрамко Б.А. 1957. *Отчет о разведках и раскопках археологической экспедиции Харьковского государственного университета им. А.М. Горького в 1957 г.* Науковий архів ІА НАНУ. Ф.№1957/16.
- Sava E. 1996. Necropola tumulară Bălăbani—II. AM XIX, 191—220.
- ## References
- Andruk, S.I., Toshchev, G.N. 2009. *Mogil'nik Mamai-Gora (Necropolis of Mamai-Gora) IV.* Zaporozh'e: Zaporizhzhya National University (in Russian).
- Bisembaev, A.A. 2003. *Arkheologicheskie pamiatniki kochevnikov srednevekov'ia Zapadnogo Kazakhstana (VIII—XVIII vv.) (Archaeological Sites of Medieval Nomads in Western Kazakhstan: 8th—18th Centuries).* Ural'sk: West Kazakhstan Regional Center for History and Archaeology (in Russian).
- Bogomolov, G.I. 2012. In *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of the Material Culture of Uzbekistan)* 38, 163—167 (in Russian).
- Bodianskii, A.V. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 245—246 (in Russian).
- Bodyans'kyj, O.V. 1971. In Yura, R.O. (ed.). *Seredni viky na Ukraini (Middle Ages in Ukraine)* 1. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 196—199 (in Ukrainian).
- Bokij, N., Kozyr, I. 2005. In Shabul'do, F.M. (ed.). *Syn'ovods'ka problema u novitnikh doslidzhennyakh (The Issue of the Battle at Siniye Vody in Recent Studies).* Kiev: Institute for History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine, 41—83 (in Ukrainian).
- Vinogradov, V.B. 1987. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 267—269 (in Russian).
- Vladimirov, G.V. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 7 (1), 223—232 (in Russian).
- Dobroliubskii, A.O. 1986. *Kochevniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia v epokhu srednevekov'ia (North-Western Pontic Nomads in the Middle Ages).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Dobroliubskii, A.O., Subbotin, L.V., Segeda, S.P. 1987. In Smilenko, A.T. (ed.). *Dnistro-Dunaiskoe mezhdurech'e v I — nachale II tys. n.e. (Dniester-Danube Interfluvium in Ist — Beginning of IInd Millennium AD).* Kiev: "Naukova dumka" Publ., 84—93 (in Russian).
- Druzhinina, I.A., Chkhaidze, V.N., Narozhnyi, E.I. 2011. *Srednevekovye kochevniki v Vostochnom Priazov'e (Medieval Nomads on the Eastern Azov Sea Shore).* Armavir; Moscow: Armavir State Pedagogical Academy, Center for Archaeological Research (in Russian).
- Evglevskii, A.V., Kul'baka, V.K. 2003. In Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 3. Donetsk: Donetsk State University, 363—404 (in Russian).
- El'nikov, M.V. 2000. *Otchet ob okhrannykh issledovaniakh grunтового могил'nika Mamai-Surka v 2000 g. (Report on Rescue Investigations on the Mamai-Surka Burial Ground in 2000).* Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Fund №2000/29 (in Russian).
- El'nikov, M.V. 2001. *Srednevekovyi mogil'nik Mamai-Surka (po materialam issledovaniia 1989—1992 gg.) (Medieval Necropolis of Mamai-Surka (Basing on Materials from the Research of 1989—1992)).* Vol. I. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya National University (in Russian).
- El'nikov, M.V. 2006. *Srednevekovyi mogil'nik Mamai-Surka (po materialam issledovaniia 1993—1994 gg.) (Medieval Necropolis of Mamai-Surka (Basing on Materials from the Research of 1993—1994)).* Vol. II. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya National University (in Russian).
- Yel'nykov, M.V. 2014. In Motsya, O.P. (ed.). *Syn'ovods'ka bitva 1362 roku v konteksti istorii Skhidnoi Yevropy (Battle of Siniye Vody (1362) in the Context of the East European History).* Series: Scientific Bulletin of the Kirovohrad State Pedagogical University: Historical Sciences) 20. Kirovohrad: Kirovohrad State Pedagogical University, 89—97 (in Ukrainian).
- Zakharikov, A.P., Matiukhina, Yu.A. 2006. In *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 4, 161—182 (in Russian).
- Karimova, R.R. 2012. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 12, 136—152 (in Russian).
- Karimova, R.R. 2013. *Elementy ubranstva i akssuary kostiama kochevnikov Zolotoi Ordy (tipologiya i sotsiokul'turnaia interpretatsiia) (Elements of Decoration and Accessories of Costume of the Golden Horde Nomads: Typology and Socio-Cultural Interpretation).* Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 16. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
- Kovalenko, O.V., Luhovij, R.S. 2011. In Suprunenko, O.B. (ed.). *Starozhytnosti Livoberezhnoho Podniprova (Antiquities of the Dnieper Left Bank Regions).* Kiev; Poltava: Archaeological Sites Research Center, National Academy of Sciences of Ukraine; Ukrainian Society for Protection of Historical and Cultural Heritage, 160—174 (in Ukrainian).
- Kravtsova, N.A., Stadnik, O.V. 2005. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheologii Skhidnoi Ukrainy (Proceedings and Research in the Archaeology of Eastern Ukraine)* 4, 300—317 (in Russian).
- Krupa, T. 2013. In Bondarenko, H., Zlatohors'kyj, O., Krupa, T., Sylyuk, A. (ed. board). *Mynule i suchasne Volyni ta Polissya. Shats'ke poozer'ya u svitovij ta ukrains'kij istorii (Past and Present of Volhynia and Polesia: Shatsk Lakeland in the World and Ukrainian History).* Luts'k: "Volyn'ski starozhytnosti" Publ., 158—161 (in Russian).
- Liakhov, S.V. 1992. In *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 3, 158—184 (in Russian).
- Mal'm, V.A. 1980. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 51, 140—143 (in Russian).
- Mal'm, V.A. 1987. *Simferopol'skii klad (The Simferopol Treasure).* Moscow: "Vneshtorgizdat" Publ. (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2009. In Marchenko, I.I. (ed.). *Piataia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (5th Kuban Archaeological Conference).* Krasnodar: Kuban State University, 270—275 (in Russian).
- Okhon'ko, N.A. 2010. In *Batyr: Traditsionnaia voennaia kul'tura narodov Evrazii (Batyr: Traditional Military Culture of the Eurasian People)* 1, 88—96 (in Russian).
- Priakhin, A.D. (ed.). 2002. *Novokhar'kovskii mogil'nik epokhi Zolotoi Ordy (Novokhar'kovsky Necropolis of the Golden Horde Time).* Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
- Pugachenkova, G.A. 1961. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (1), 153—155 (in Russian).
- P'iankov, A.V., Raev, B.A. 2004. In *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepei (Proceedings on the Archaeology of the Volga-Don Steppes)* 2, 219—250 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2013. In Soenov, V.I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Inner Asia)* 17 (5), 150—160 (in Russian).
- Rudenko, K.A., Oborin, Yu.V. 2017. In Soenov, V.I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Inner Asia)* 20 (8), 143—168 (in Russian).
- Russev, N.D. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 165—181 (in Russian).
- Smirnov, A.P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars).* Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
- Subbotin, L.V., Toshchev, G.N., Fokeev, M.M. 1985. *Otchet o rabote Dunai-Dnestrovskoi novostroechnoi ekspeditsii 1985 goda (Report on Fieldworks of the Danube-Dniester*

- Rescue Expedition in 1985). Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Fund №1985/10 (in Russian).
- Symonovich, E.A. 1956. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 65, 99—106 (in Russian).
- Symonovich, E.A. 1960. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 81, 108—111 (in Russian).
- Tolochko, P.P. 2003. *Kochevye narody stepei i Kievskaya Rus' (Nomad People of the Steppes and Kiev Rus')*. Saint Petersburg: "Aleteia" Publ. (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East European Nomads under rule of Altyn Orda Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Khanenko, B.I. 1907. *Drevnosti Pridneprov'ia (Antiquities of the Dnieper Basin from the Collection of B.N. Khanenko and V.I. Khanenko)* VI. *Drevnosti Pridneprov'ia i poberezh'ia Chernogo moria (Antiquities of the Dnieper Basin and the Black Sea Littoral)*. Kiev: S.V. Kulzhenko Publ. House (in Russian).
- Khlebnikova, T.A. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 234—251 (in Russian).
- Shalobudov, V.N., Androsova, V.A., Mukhopad, S.E. 1983. In Kovaleva, I.F. (ed.). *Drevnosti Stepnogo Podneprov'ia (III — I tys. do n. e.) (Antiquities of the Middle Dnieper Area: III—I Millennia BC)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 19—27 (in Russian).
- Shalobudov, V.N., Kudriavtseva, I.V. 1980. In Kovaleva, I.F. (ed.). *Kurgany stepnogo Podneprov'ia (Kurgans of Steppe Dnieper Region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 90—97 (in Russian).
- Shalobudov, V.M. 2017. Nova znakhidka zolotoordyns'koho dzerkala na terytorii Samari — Novobohorodyts'koi fortetsi (New Finding of the Golden Horde Mirror on the Territory of the Samara-Novobogorodits'ka Fortress). URL: <https://etnoparky.dniprorada.gov.ua/нова-знахідка-золотоординського-дзеркала> (accessed 08.10.2018) (in Ukrainian).
- Shramko, B.A. 1957. *Otchet o razvedkakh i raskopkakh arkheologicheskoi ekspeditsii Khar'kovskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gor'kogo v 1957 g. (Report on Archaeological Surveys and Excavations of the Archaeological Expedition of A.M. Gorky Kharkov State University in 1957)*. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Fund №1957/16 (in Russian).
- Sava, E. 1996. Necropola tumulară Bălăbani-II. AM XIX, 191—220.

Статья поступила в сборник 17 октября 2018 г.

Maksym Kvitnytskyi (Tiraspol, Moldova). Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko¹.

Квитницький Максим Валерьевич (Тирасполь, Молдова). Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко.

E-mail: kvitnitskiy@i.ua

Nikolai Telnov (Kishinev, Moldova). Doctor of History. Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova².

Тельнов Николай Петрович (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы.

E-mail: telnov_nikolai@mail.ru

Sergey Lysenko (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine³.

Лысенко Сергей Дмитриевич (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: suraganga@yandex.ru

Sergey Razumov (Tiraspol, Moldova). Candidate of Historical Sciences. Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko⁴.

Разумов Сергей Николаевич (Тирасполь, Молдова). Кандидат исторических наук. Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко.

E-mail: razum_22@rambler.ru

Vitalij Sinika (Tiraspol, Moldova). Candidate of Historical Sciences. Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko⁵.

Синика Виталий Степанович (Тирасполь, Молдова). Кандидат исторических наук. Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко.

E-mail: sinica80@mail.ru

Addresses: ^{1,4,5} 25 Oktiabria St., 128, Tiraspol, MD-3300, Moldova; ² Stefan cel Mare Bd., 1, Kishinev, MD-2001, Moldova;

³ Geroev Stalingrada Ave., 12, Kiev, 04210, Ukraine

С. С. Рябцева

О некоторых предметах декорировки костюма и украшениях конца XIII — начала XV вв., связанных с золотоордынской традицией

Keywords: Golden Horde, costume decoration, jewelry, cultural traditions

Ключевые слова: Золотая Орда, декор костюма, ювелирные украшения, культурные традиции

S. S. Ryabtseva

On Some Elements of Costume Decoration and Adornments of the Late 13th — Early 15th Centuries Associated with the Golden Horde Tradition

The items of costume decoration and adornments, produced in conformity with the Golden Horde traditions were spread quite widely, from the Volga region to the Balkans. They were worn by both the elite and the plain people. In some cases, local imitations are presented. Some of them (for example, metal tops of caps, earrings in the form of a question mark, a number of plaques for clothes, belt and bag) could be worn by the Adygei, Polovtsi, Early Russians, Lithuanians, East Romance and mixed Balkan population (up to Bulgaria and Macedonia).

С. С. Рябцева

О некоторых предметах декорировки костюма и украшениях конца XIII — начала XV вв., связанных с золотоордынской традицией

Предметы декорировки костюма и украшения золотоордынского круга были распространены весьма широко, от Поволжья и до Балкан. Они входили как в убор элиты, так и рядового населения. В ряде случаев представлены местные подражания. Некоторые из них (например, металлические наверхия шапок, серьги в виде знака вопроса, ряд одежных, ременных и сумочных накладок) могли входить в убор адыгского, половецкого, древнерусского, литовского, восточно-романского населения, смешанного населения Балкан (вплоть до Болгарии и Македонии).

К настоящему времени известно достаточно большое количество металлических предметов, связанных с комплексом ювелирного убора и декорировки костюма золотоордынского населения. При этом фиксируется довольно широкое распространение моды на изделия, связанные с золотоордынской традицией. Некоторые из них (например, серьги в виде знака вопроса, ряд одежных, ременных и сумочных накладок) могли входить в убор половецкого, в широком смысле слова древнерусского, литовского, восточно-романского населения («Подарок созерцающим»... 2015: 332—333; Коваленко, Луговий 2011: 166—169; Горелик 2008: 124; Козлова 2006: 141—143; Svetikas 2003: 246—247; Kernave — litewska Troja 2002: 193; Руссев 1999: 391; Рябцева, Дергачева 2017б: 91—116).

Изделия, связанные с декором костюма

Накладные и нашивные украшения использовались для украшения головных уборов и одежды. Благодаря письменным источникам (в основном, описаниям путешественников), восточным миниатюрам и археологическим находкам формируется наше представление о комплексе декора традиционных *головных уборов* золотоордынского населения. Описывая головные уборы, авторы обращают внимание на обилие декора из драгоценных камней, жемчуга и птичьих перьев. Так, Гильом де Рубрук отмечал: «бокку они покрывают драгоценной шелковой тканью... в середине, над капителью, или над упомянутым четырехугольником, они ставят прутик из стебельков, перьев или тонких тростинок длиною также

в локоть и более. И этот прутик они украшают сверху павлиньими перьями и вдоль кругом перышками из хвоста селезня, а также драгоценными камнями. Богатые госпожи... прячут волосы свои, которые собирают сзади кверху головы как бы в один узел и полагают в упомянутую бокку, которую потом крепко завязывают под подбородком» (Путешествия... 1957: 100). Ибн Баттута оставил описание боктаг: «На голове хатуни — бугтак, т.е. нечто вроде маленькой короны, украшенной драгоценными камнями, с павлиньими перьями наверху» (Из описания путешествий Ибн Баттуты 2003: 134).

В погребальных памятниках находят металлические изделия, бусы, раковины каури, связанные с головным убором. В ряде случаев встречаются остатки самого головного убора из бересты, ткани, войлока, кожи (Каримова 2013: 26). При этом часть металлических изделий могла использоваться полифункционально: так, например, 50% учтенных Р.Р. Каримовой цилиндрических украшений в погребениях кочевников Золотой Орды находилось возле берестяных фрагментов головных уборов. Однако 40% обнаруженных цилиндриков-амулетов встречено в погребениях, не содержащих головные уборы. Причем локализованы эти изделия были в области груди, руки и у стенки могильной ямы. Таким образом, цилиндрические подвески использовались в качестве украшений и головных уборов, и одежды. Применялись они и в составе ожерелий, а в погребении у с. Зарагж цилиндрическое изделие было зафиксировано в составе сложного шейно-нагрудного украшения, которое крепилось к платью в области горловины (Каримова 2013: 27, таб. 3, рис. 16).

Из археологических памятников известен целый ряд находок *наверший головных уборов*.

Из Поволжского региона происходит несколько блях-наверший. Золотое навершие шапки-орбелге было найдено еще в 1840 г. на Царевском городище (Крамаровский 2001: 31). Золотое же тисненное украшение головного убора, оформленное по краю в виде пальметтообразных лепестков, известно из Болгара (из захоронения XIV века). В центре изделия колоколообразный выступ, заканчивающийся двумя металлическими бусинами. Эта часть обрамлена колечками и выпуклостями, в самой розетке пробиты отверстия, по всей видимости, предназначенные для крепления дополнительных украшений. Аналогичные серебряные позолоченные навершия проис-

ходят из собрания А. Ф. Лихачева и Карашамского клада. Кроме того, с Болгаром связаны еще три случайные находки бронзовых наверший (часть из них фрагментирована), а также две створки литейных форм, предназначенных для изготовления подобных украшений (Полякова 1990: 138—140).

Наиболее роскошные ажурные экземпляры найдены в составе Симферопольского клада XIV в. В нем представлено серебряное навершие мужской шапки-орбелге, декорированное в технике гравировки и черни и украшенное объемными кабошонами в высоких ажурных кастах со шпинелью, горным хрусталем и жемчугом. Навершие увенчано двойной бусиной-балясиной и завершается розеткой с перламутровой вставкой. Еще богаче декорировано золотое навершие женской шапочки, украшенное вставками с аметистами, шпинелью, бирюзой, жемчугом и миниатюрными золотыми розетками, укрепленными на тонких стерженьках. Композиция завершается золотой бусиной-шишечкой. В аналогичном стиле оформлены и найденные в том же комплексе золотые фигурные бляхи (20 экз.), декорированные цветными вставками и золотыми розетками (Крамаровский 2001: 312).

Ряд изделий, выполненных в золотоордынских традициях, был обнаружен в богатых захоронениях, исследованных в конце XIX века на Северном Кавказе у станицы Белореченской и принадлежавших, по всей видимости, адыгскому по происхождению населению. Золотое навершие, аналогичное тем, что возвышались над монгольскими шапками-орбелге, было найдено в мужском захоронении кургана №1. Изделие выполнено в виде невысокого конуса, завершающегося подгранной «бусиной», снабженной тремя втулками, предназначенными для низок перьев, и декорировано изящным гравированным растительным вьюнковым орнаментом («Подарок созерцающим»... 2015: 341, рис. 174). В женском погребении Белореченского кургана №45 было обнаружено высокое серебряное конусообразное завершение головного убора, заканчивающееся лунницей. Конус поделен на сектора, декорирован сканными композициями и снабжен гнездами, предназначавшимися, по всей видимости, для жемчужных вставок. Фрагменты подобных изделий, декорированные золотыми подвесками, найдены еще в двух захоронениях, в том числе и с остатками тканной основы головных уборов. По мнению М. Г. Крамаровского, подобная форма наверший соотносится с кипчакской традицией

(«Подарок созерцающим»... 2015: 332—333, рис. 167).

К декору головных уборов типа бокки могли относиться и треугольные бляшки, собранные из отдельных круглых деталей, декорированных жемчугом и цветными вставками. Подобное золотое украшение было найдено в кургане Юн-Баба у села Киевское Ставропольской губернии, а бронзовое — на городище Солхат в Старом Крыму («Подарок созерцающим»... 2015: 331, рис. 165—166). Реконструкция способа использования в качестве декора бокки была предложена недавно и для роскошного золотого пластинчатого ажурного украшения, декорированного объемной завитковой филигранью, происходящего из Шахрисябского клада (Горелик 2010: 73, табл. 26: 3; «Подарок созерцающим»... 2015: 374—375, рис. 207). Однако, так как изделие найдено не в составе погребального комплекса, то это предположение остается гипотетическим. Что касается разнообразных миниатюрных лотосовидных, розеткообразных и других бляшек со сканным узором, делать выводы об их принадлежности к головному убору мы можем лишь в тех редких случаях, когда они происходят из погребений. К подобным находкам относится розетковидная бляшка из женского кочевнического (вероятно, кипчакского) погребения золотоордынского времени, выявленного неподалеку от села Сторожевое (Полтавской обл. Украины). Изделие состоит из двух пластин: нижняя — гладкая, выполнена из белого металла, наружная — ажурная, из желтого ложновитого дрота, декорированного насечками и квадратной вставкой. Судя по расположению на черепе захороненной, бляшка относилась к декору головного убора. Также в этом захоронении найдены берестяные детали от высокой женской шапки бокка (Коваленко, Луговий 2011: 166—169; Рябцева, Дергачева 2017б: рис. 2: 12). Пронизкой-подвеской для декорировки головного убора служила, по всей видимости, объемная ажурная птицевидная подвеска из Булгарского клада 210 года (Руденко 2015: 221, рис. 336).

Таким образом, в материалах археологических памятников представлены разнообразные изделия, связанные с декором головных уборов, выполненных в золотоордынских традициях и популярных у разнообразных групп населения, например, адыгского и половецкого. Наиболее роскошные из них перекликаются с тем образом головного убора, декорированного цветными камнями и жемчугом и поражающего мерцанием миниатюрных золотых цветов и покачиванием разно-

цветных перьев, который отражают письменные источники.

Кроме того, для памятников конца XIII — первой половины XIV вв. характерны миниатюрные (зачастую золотые) изделия розеткообразной, лотосовидной, геометризированной и редкой зооморфной форм, служившие, нашивными бляшками¹, предназначенными для декорировки одежды. Подобные бляшки встречаются на территории от Поволжья и Подонья до Подмосковья, Крыма и Поднестровья (Кондаков 1896: 56; Спицын 1906: рис. 43; 1909: 73—81; Рабинович 1957: 45—52; Махнеева 1968: 152—163; Федоров-Давыдов 1976: 183; Мальм 1980; Крамаровский 1982: 69; 2001: 328; Сокровища... 2000: кат. 479; Жилина 2001: 45—49; 2004: 222—225; Малюк 2015а: 159—168; Рябцева, Дергачева 2017б: 91—116; Кирилко 2018: 168—189).

К наиболее ранним относятся изящные бляшки-розетки конца XIII — первой половины XIV вв., восходящие, к традициям китайских украшений более раннего времени (Крамаровский 2001: 172—176, 184). К этому периоду принадлежат золотые бляшки, происходящие из кургана Юн-Баба близ села Киевское Ставропольской губернии (Крамаровский 2001: 268—270, кат. 156—164; «Подарок созерцающим»... 2015: 330, кат. 164), из кургана №3 у с. Молчановка Волгоградской области (Юрченко 2013: 403, кат. 82) и из Шахрисябского клада, Бухарский оазис, Узбекистан (Крамаровский 2001: 271, кат. 166; «Подарок созерцающим»... 2015: 373, кат. 206; Рябцева, Дергачева 2017б: рис. 2: 1—5). У бляшек из Шахрисябского клада завитки скани, крепящиеся к бортикам, создают ощущение объемности и ажурности украшения (Крамаровский 2001: 270—271, кат. 166). Для более стилизованных бляшек из Ставрополя и Поволжья (Крамаровский 2001: 270—271, кат. 161—164; Юрченко 2013: 403, кат. 82; «Подарок созерцающим»... 2015: 330, кат. 164) также характерны обрамление лепестков достаточно высокими бортиками, по краю которых напаяна зернь, и сканные завитки. В центре лепестков, а также в «сердцевине» цветка располагаются круглые гнезда. На одной из бляшек из кургана Юн-Баба (всего найдено 9 экз.) сохранились жемчужные вставки (рис. 2: 1). На одном из двух изделий, найденных у с. Молчановка, просматривается белая масса, заполняющая гнезда для вставок, явля-

¹ Многие украшения имеют миниатюрные отверстия.

ющаяся, возможно, остатками мертвого жемчуга (Юрченко 2013: 403, кат. 82). Столь же ранним временем М. Г. Крамаровский склонен датировать три бляшки из коллекции Д. Самоквасова с очень крупными вставками из горного хрусталя в центре и шестью лепестками сложной формы (две из которых украшены сканными завитками и снабжены кастами для жемчужин) (Крамаровский 2001: 276, 282, рис. 92; 97). Кроме того, по одной серебряной бляшке с крупными овальными стеклянными вставками и сканным узором было найдено в женских захоронениях у с. Маляевка в Волгоградской области (Каримова 2013: 180, рис. 6: 1; Недашковский 2013: 206) и у с. Ковалевка в Николаевской области (Малюк 2016: 283—288, рис. 2: 1; Рябцева, Дергачева 2017б: рис. 2: 34). Бляшку из Николаевской области, и аналогичную, обнаруженную у д. Жутово (раскопки Приволжского отряда Волгодонской экспедиции ЛОИА), М. Г. Крамаровский соотносит с древностями кипчаков (Крамаровский 2001: 183).

Недавно были опубликованы украшения, хранящиеся в Фонде Марджани и датируемые XIV веком («Подарок созерцающим»... 2015: 364, кат. 192). Две пары блях, с заостренными лепестками сложных форм, различаются нюансами декора и цветом камней в центральных вставках. Они выполнены из двух пластин. Тыльная сторона гладкая, с четырьмя отверстиями, возможно, для крепления жемчужин, лицевая — с прорезным узором, декорирована накладной сканью и зернью по краю линий цветочного узора. В центре пластин — касты овальной формы с петлевидными зацепами. Пластины скреплены ободками из зигзагообразно сложенной гладкой проволоки. В этой же коллекции хранится еще пять бляшек, выполненных в аналогичном стиле, но лишенных центральных цветных вставок. Две из них, так же, как и предыдущие экземпляры, имеют удлинненную форму, напоминающую сдвоенные лотосы, а три — представляют собой геометризованные розетки с чередующимися круглыми и ромбовидными лепестками («Подарок созерцающим»... 2015: 365, кат. 193; Рябцева, Дергачева 2017б: рис. 2: 13—21). В аналогичной традиции оформлена и золотая шестилепестковая бляшка, происходящая с городища Маджар Ставропольского края, в которой чередуются гладкие и декорированные сканными завитками лепестки ромбовидальной формы (Юрченко 2013: 409, кат. 97; Рябцева, Дергачева 2017б: рис. 2: 25). За счет пробитых отверстий и сложного контура проволочного декора по краю, лепестки

со сканным декором приобретают ажурный замысловатый облик. В центре цветка расположен высокий гладкий пластинчатый камнедержатель для несохранившегося ныне камня. Прекрасные розетки с 10 лепестками происходят с Булгарского городища в Татарстане (Руденко 2015: 455, кат. 274—276; Рябцева, Дергачева 2017б: рис. 2: 22—24). В данном случае листочки также сложной формы, они оконтурены сканной нитью, выложенной в виде волнотобразных завитков.

Кроме того, были распространены более схематизированные украшения. Как правило, розетки с округлыми лепестками изготавливались на основе многогранной пластинки металла, на которой мастер подготавливал выступы для лепестков и дополнительных колечек. Сами лепестки выделялись при помощи сканных или проволочных колечек. Аналогичным способом изображалась и сердцевина цветка. Подобные розетки отличаются по количеству лепестков. Так, в погребении №21 Алуштинского могильника представлены 41 шестилепестковая розетка со сканными кружками и 8 подобных бляшек с «лепестками», выложенными гладкой проволокой (по три из этих кружков-лепестков дополнительно декорированы фигурками уточек, выложенных сканью). Кроме того, в этом же комплексе выявлено три многолепестковые розетки, в центре дополнительно декорированные проволочными кружками или восьмерками и кастами, в одном из которых сохранилась бирюзовая вставочка (рис. 2: 31) (Малюк 2015а: 159—161, рис. 1—5; 2015б: 39—44; Кирилко 2018: 168—189; Рябцева, Дергачева 2017б: рис. 2: 29—33). Подборки бляшек розеток были представлены в коллекциях А. Л. Бертъе-Делагарда (30 экз.) и А. Н. Поля (Кондаков 1896: 56—58; Мельник 1893: 144, кат. 93—101, табл. XIV: 100; (Рябцева, Дергачева 2017б: рис. 2: 26—28)). Золотые розеткообразные бляшки различной формы выявлены в женском захоронении могильника Высокая Гора в Среднем Подонье. Пять бляшек выполнены в виде восьмилепестковых розеток, причем три более крупных изделия декорированы завитковым сканным орнаментом. Три еще более крупные бляшки-броши изготовлены на основе пластинок с многочисленными выступами-лепестками, центр маркирован крупной овальной стеклянной вставкой (Кравец 2005: 41, рис. 7: 1—3). В целом, разнообразные розеткоподобные бляшки характерны для инвентаря захоронений золотоордынского времени (см. например: Каримова 2013: 180, рис. 6: 10; 189, рис. 15: 4).

Весьма популярны были и бляшки-лотосы. По всей видимости, к первой половине XIV века или к концу предыдущего столетия относятся две уникальные золотые лотосовидные бляшки, происходящие с Булгарского городища (Руденко 2015: 455, кат. 272—273; Рябцева, Дергачева 2017б: рис. 2: 35, 36). При общности технологических приемов изготовления — высокие бортики по краю бляшки, глубокие камнедержатели и ажурная скань, крепящаяся к бортикам, — эти изделия отличаются между собой нюансами формы. Различны и очертания гнезд для вставок, и характер сканного декора. При этом бляшка с каплевидным камнедержателем и подчеркнутой формой «пламенеющего» цветка особенно выделяется из общего ряда подобных украшений. Уникальна и серебряная позолоченная бляшка, происходящая с Костештского средневекового поселения в Яловенском районе Республики Молдова (рис. 1). Она представляет собой еще более объемное украшение, выполненное из двух пластин (гладкой и ажурной сканной), соединённых при помощи высокого ажурного фестончатого бортика. Для фиксации сканных нитей ажурная пластинка с оборотной стороны дополнительно укреплена пластиной серебра (Абызова, Рябцева 2003—2004: 364, рис. 1; Reabțeva 2015: 119; Рябцева, Дергачева 2017б: 91—116). Если археологизация бляшки из Костешть приходится, по всей видимости, на середину — третью четверть XIV века, то украшение из Тушкова городка в Подмоскowie происходит из слоя, датируемого концом этого же столетия (Рабинович 1957: 45—52, рис. 14; Крамаровский 1982: 69, табл. II: 26; Жилина 2004: 232—235; Рябцева, Дергачева 2017б: рис. 2: 38). Это золотое ажурное изделие двойное, как и бляшка из Костешть. Оно украшено великолепным сканным декором, выполненным из двух перевитых тончайших проволочек вальцованной скани, напоминающих испещренные прожилками цветочные лепестки. Узор дополнен зернью (обрамляющей контуры цветочных лепестков), что не характерно для других известных лотосовидных бляшек.

Так же, как в случае с бляшками-розетками, золотые крымские образцы лотосов демонстрируют тенденцию к стандартизации как формы, так и декора бляшек. Тем не менее, четыре бляшки из коллекции А. Л. Бертье-Делагарда, происходящие из Херсонеса (Кондаков 1896: 56, рис. 30), различаются между собой некоторыми нюансами формы и сканного декора. Однако эти украшения, как и нашивку из Симферопольского клада (Мальм

Рис. 1. Бляшка в форме лотоса. Поселение Костешть. Серебро, позолота (фото автора).

Fig. 1. Lotus shape plaque. Costești settlement. Silver, gilding (photo by the author).

1977: 128, рис. 1; 2; Крамаровский 2001: 328, кат. 479), одну из коллекции А. Н. Поля (рис. 2: 39) (Мельник 1893: 144, кат. 93—101, табл. XIV: 99) и тринадцать бляшек из погребения №21 Алуштинского могильника (Малюк 2015а: 159, 161, рис. 6; Рябцева, Дергачева 2017б: рис. 2: 40—45; Кирилко 2018: 168—189), объединяет ряд признаков. Все перечисленные изделия плоскостные (не только одинарные, но и без высоких бортиков), с накладным сканным узором, обрамляющим и декорирующим лепестки. Бляшки-городки имеют прямоугольное основание и пальметтообразное завершение, которое может быть более или менее геометризованным. Подобные изделия известны из коллекции А. Н. Поля (Мельник 1893: 144, кат. 93—101, табл. XIV: 93, 98; Рябцева, Дергачева 2017: рис. 2: 46, 47). В Алустонском кладе найдено семь бляшек, из которых две характеризуются сочетанием сканного узора в виде розеток и проволочного в виде лотоса (Малюк 2015а: 162—163, рис. 8; 9; Рябцева, Дергачева 2017б: рис. 2: 48—50). В нижней (прямоугольной) части изделий напаяны небольшие круглые касты (в некоторых сохранились вставки алмандинов). Еще пять бляшек декорировано завитковым сканным орнаментом, каст расположен в верхней части украшения. Кроме дырочек для крепления, на бляшках есть несколько отверстий, придающих ему элемент ажурности.

Кроме того, в рассматриваемый период известны бляшки со сканным узором прямоугольной формы, а также изделия сложных растительно-геометрических форм, представ-

ленные находками из Алушты (Малюк 2015а: 163—166, рис. 10; 12; Рябцева, Дергачева 2017б: рис. 2: 51, 52).

Таким образом, ранние изделия конца XIII — первой половины XIV вв. характеризуются набором основных форм: розетки, лотосы, городки. Они отражают влияние традиций Ближнего Востока и Малой Азии, некоторые из них характеризуются многослойностью декора. Причем бляшки могут быть изготовлены как из двух, так и из одной пластинки, но с чередованием разного уровня рельефности декора. Излюбленным приемом является чередование гладкой поверхности и сканного декора. У двухслойных изделий воздушность скани достигалась за счет высоты изделия, которая определялась наличием бортиков из гладкой пластины или гофрированной ленты. При этом тонкая ажурная лицевая сканная пластина иногда укреплялась с оборота дополнительными плоскими пластинками металла. У однослойных украшений встречается прием крепления скани к высоким бортикам, обрамляющим контур и декоративные элементы изделия, посредством чего также достигался эффект воздушности скани. Кроме объемных украшений, встречаются и плоскостные изделия, декорированные накладной сканью, относящиеся в основном к XIV в. (Рябцева, Дергачева 2017б: 91—116).

По наблюдению Н. И. Малюк, бляшки из Алустонского клада были изготовлены в технике штамповки, при этом была подготовлена «разметка» под скань (Малюк 2015а: 163). В составе клада была найдена многогранная шестиугольная бляшка с контурами розетки, выполненными в технике тиснения. Бляшка не оформлена по краям и не имеет сканного декора (Малюк 2015б: 40, рис. 1: 3). По мнению исследовательницы, исполненная в технике тиснения псевдоскань представляет собой контур для крепления настоящей скани, а сама бляшка является полуфабрикатом с уже пробитыми отверстиями, но не обрезанными по контуру розетки краями (Малюк 2015б: 42). Кроме того, по нашему мнению, применение тиснения усиливает эффект объемности вещи, которого раньше добивались при помощи других приемов.

Для бляшек со сканным декором характерна и полихромия, но каменные и жемчужные вставки сохраняются до наших дней нечасто. Для укрепления вставок применяли ленточные камнедержатели, которые, по всей видимости, недостаточно хорошо фиксировали камни. Кроме того, использовали и более надежные касты с четырьмя лапками-зацепами.

Встречаются как небольшие округлые вставки, так и крупные овальные кабошоны горного хрусталя или заменяющие их стеклянные вставки. На многих украшениях представлены гладкие круглые клейма, обрамленные сканью, в которые вписаны одно или два отверстия. Вполне возможно, в этом случае изделие декорировалось цветной каменной или жемчужной бусиной, крепившейся к основе при помощи нити или металлического штыря. Для нашивания вещей на основу использовали отверстия, которые могли располагаться как в специально предназначенных для этого клеймах, так и на самой вещи, будучи вписанными как в систему ее декора, так и достаточно хаотично (Рябцева, Дергачева 2017б: 91—116).

Чтобы завершить раздел о вещах, связанных с кроем одежды, *остановимся вкратце на вопросе о застежках*. Известные на сегодняшний день парные серебряные одежные застежки связаны, по всей видимости, с одеяниями типа кафтанов. Застежки из Нейзацкого клада выполнены в виде листовидных пластинок, декорированы гравированным криновидным орнаментом на прочеканенном фоне. Система застегивания двух половинок состоит из плоской «головки» на одной и круглого приемника с щелевидной прорезью на другой. Для нашивания изделия на ткань использовались круглые отверстия, пробитые у краев листовидных пластин (Сокровища... 2000: кат. 302—303; Крамаровский 2001: 303, кат. 302, 303; «Подарок созерцающим»... 2015: 334, кат. 168). Целая серия подобных серебряных позолоченных одежных застежек хранится в Фонде Марджани в Москве («Подарок созерцающим»... 2015: 335, кат. 169). В данном случае представлена несколько иная система соединения половинок застежки: «головка» в виде объемной ложчатой розетки, приемник — крючка (Рябцева, Дергачева 2017а: 190—207, рис. 6: 5, 6). Пластины декорированы изящными гравированными изображениями птиц, зверей и растительных побегов. Фон проработан чеканами. По мнению М. Г. Крамаровского, подобные изображения животных на фоне цветущей природы являются одной из характерных черт золотоордынской торевтики (Крамаровский 2001: 50). Прекрасные золотые пуговицы каплевидной формы с гравировкой, чернью и бирюзой происходят из одного кургана №10, раскопанного у станции Белореченской и содержавшего одно из наиболее богатых женских захоронений (Крамаровский 2001: 258, кат. 95—106). Можно предположить их связь с платьем по-

гребенной. Пять серебряных пуговиц сходной формы происходят из женского погребения №128 грунтового могильника Мамай-Сурка в Запорожье (Ельников 2001: 66, рис. 21: 8—11).

Украшения

Обратимся теперь к наиболее популярным типам украшений. Кроме простых перстневидных и серег с небольшим грузиком на конце, были весьма распространены *серьги в виде «знака вопроса»* — одни из немногих типов украшений, представленных на золотоордынских памятниках целыми сериями. Эти изделия составляют одну из характерных особенностей золотоордынского металлического убора (Полякова 2000: 233; Каримова 2013: 28—33). Часть из них могла использоваться не только как серьги, но и в качестве подвесок к лентам головного убора, располагавшимся по сторонам лица. Так, в Новохарьковском могильнике на Среднем Дону (в мужском захоронении №14) были расчищены следы расшитой налобной повязки, от которой от висков на грудь спускались две аналогичные узкие полоски ткани, в нижней части которых крепились серьги в виде «знака вопроса» (Руденко 2015: 224).

В XIII—XIV вв. рассматриваемые украшения были популярны не только у всех слоев городского и кочевнического населения Золотой Орды, их находят, например, в Новгороде или в захоронениях води на Ижорском плато (Федоров-Давыдов 1994; Недашковский 2000: 42; Ельников 2006: 222, 245; Седова 1981: 15, 16; Рябинин 1983: 32—39). На юго-запад подобные изделия распространены вплоть до Карпато-Балканского региона (Румыния, Болгария). Причем здесь, кроме традиционных форм, имеющих аналогии в Восточной Европе, складываются своеобразные разновидности таких украшений (Vulpe 1957: 324, fig. 341; Spinei 1986: fig. 2; Dumitriu 2001: taf. 20: 11; 47: 7; 89: 4; Alaiba 2002; Павлова 2007: 76, кат. №15.12, 15.13; Владимиров 2014: 224—233; Руденко 2015: 222). Кроме того, в древностях Молдавского княжества известны дериваты рассматриваемых серег. Они представляют собой массивные украшения с тремя подвесками, в которых использовали гладкие тисненные и ажурные бусины (находки из Старого Орхея и Сучавы XV—XVI вв.) (Бырня, Рябой 1989: 98, рис. 1: 1—10; Şantierul Suceava 1953: fig. 25; Popescu 1970: 45, cat. 18; Batariuc 1993: 229—249).

Типология «серег в виде знака вопроса» была разработана Г.А. Фёдоровым-Давыдовым (Фёдоров-Давыдов 1966: 38—41, рис. 6, тип VI). Обращались к данным украшениям, в том числе, в ряде случаев, внося дополнения в типологическую схему, и другие исследователи (Иванов, Кригер, 1988: 17, 18; Казаков 1978: 63—67; Гарустович 2012: 65—69, Каримова 2013: табл. 4; рис. 11; 12: 1—13, Руденко 2015: 218).

Изготавливались рассматриваемые изделия из золота, серебра (иногда медная проволока обтягивалась золотой или серебряной фольгой) или медного сплава. Серебряные и медные экземпляры в ряде случаев изготавливались в технике литья. На Муранском селище (Самарская область, Россия) была обнаружена формочка для отливки серьги «в виде знака вопроса» (совместно кольца и штыря без бусины), еще одной серьги, заканчивающейся головкой дракона, а также двух многобусинных украшений (Кочкина 2011: 20—24).

Штырь у серег «в виде знака вопроса», на который крепились разнообразные бусины (жемчужные, стеклянные или из полудрагоценных камней, металлические — литые, тисненные или проволочные²) или композиции из шариков зерни, мог изготавливаться вместе с дужкой серьги (сразу создавая форму знака вопроса) или соединяться с ней при помощи петли. Зачастую при изготовлении штырей использовалась проволочная обмотка (Руденко 2015: 218—222).

Еще одним характерным типом украшений золотоордынского круга являются *небольшие перстневидные колечки, один из концов которых оформлен в виде головы змея-дракона, кусающего себя за хвост* (рис. 2). При всей стандартности, украшения несколько отличаются степенью проработанности деталей, некоторыми декоративными нюансами и качеством отливки. Известны, по крайней мере, две формочки, предназначенные для изготовления подобных украшений. Это упомянутая выше полнофункциональная формочка с Муранского селища и форма из Азака (Кочкина 2011: 20—24; Ельников 2009: 414, рис. 3: 14). Все известные украшения выполнены из драгоценных металлов: серебро (иногда с позолотой), золото.

Датируются эти изделия второй четвертью IV — началом XV вв. и представлены в наи-

² В том числе со сложными ажурными бусинами, собранными из проволочных розеток (Руденко 2015: 267, рис. 66).

Рис. 2. Серьга с головкой дракона. Старый Орхей. Серебро (фото автора).

Fig. 2. Earring with dragon head. Old Orhei. Silver (photo by the author).

большем количестве в Поднепровье. В качестве отдельных находок они встречаются на пространстве от Волгоградской области до Краснодарского края, Крыма, Молдовы и Литвы (Ельников 2001: 142; 2009: 410—420; Горелик 2008: 124; Kernave — litewska Troja 2002: 193, cat. 220—221).

В Среднем Поднепровье подобное серебряное украшение со следами позолоты известно из клада XIV века, найденного у с. Василища (в 6 км от г. Черкассы) (Строкова 2006: 34—35; Ельников 2009: 414). Уникальная золотая серьга происходит из случайной находки в г. Зеньков на Днепровском Левобережье (Супруненко 1998: 92, рис. 87; Кулатова 2002: 115; Ельников 2009: 414, рис. 3: 3). Его выделяет не только применение тордирования в декоре туловища «дракона», но и сканный декор ушек. Необычна и такая деталь, как выделенный длинный проволочный язык фантастического существа.

Находки из Степного Поднепровья (на Левобережье) происходят из кочевнических погребений. В мужском подкурганном захоронении, исследованном у с. Дмухайловка (Магдалиновского района Днепропетровской области), была найдена серебряная инкрустированная золотом серьга (Ельников 2009: 414, рис. 2: 4). С грунтовым могильником Мамай-Сурка конца XIII —

начала XV вв. (Каменско-Днепровского района Запорожской области) связано 5 находок интересующих нас украшений (Ельников 2001: 142; 2009: 416—417). В женском захоронении 128 серебряная серьга с головой дракона была обнаружена у левого виска. Кроме того, была найдена и бронзовая серьга в виде знака вопроса. В мужском захоронении 129 аналогичное украшение было найдено у правого виска погребенного. Третья находка происходит из мужского захоронения 195 и была обнаружена слева у шейных позвонков. Серебряная позолоченная серьга из погребения 780 (подростка 11—12 лет) также расположена слева от костяка, а вот в погребении 921 (мужчины 25—30 лет) аналогичное украшение находилось под нижней челюстью справа.

Еще две одинаковых серьги в виде головы дракона-змия, кусающего себя за хвост, связаны с кладом 1947 г., найденным у с. Гаверово, неподалеку от Рязани (Ельников 2009: 313, рис. 2: 6). Из вещей золотоордынского круга в комплексе присутствовала и серьга в виде знака вопроса. Позднюю дату выпадения клада определяют монеты первой трети XV в. (Зубков 1951: 138, рис. 52, 140—141; Федоров-Давыдов 1960: 172, №210, рис. 4). В Поволжье интересующее нас украшение обнаружено в мужском погребении 7 середины XIV века курганного могильника Зубовка (Ленинского района Волгоградской области). Интересно, что и в этом комплексе, также как и в кладе из с. Василища, представлены сюльгамы, демонстрирующие неоднородность этнического состава населения, которое могло использовать данные украшения золотоордынского круга (Мамонтов 1992: 27; Ельников 2009: 313, рис. 2: 7).

Одна золотая литая серьга с головой дракона была обнаружена в разрушенном погребении могильника золотоордынского времени у хутора Городского неподалеку от Краснодарского водохранилища (Носкова 2005: 186; Ельников 2009: 313, рис. 2: 8). В Крыму подобное серебряное украшение связано с Алуштинским могильником (Малюк 2015а: 165, рис. 11; Кирилко 2018: 86).

Самой западной находкой являются две серебряные серьги из раскопок Кернавы в Литве (Kernave — litewska Troja 2002: 193, cat. 220—221). Отмечается распространение подобных украшений и в юго-западном направлении. Один экземпляр подобного тщательно проработанного серебряного колечка происходит из погребения 57 в Старом Орхее (Абызова, Бырня 1981: 169, рис. 2: 5; Бырня,

Рябой 1989: 98, рис. 1: 11). Выделены миндалевидный глаз и выступающие ушки дракона, его пасть оформлена в виде закрученных волют. Представлены такие украшения и на Балканах, в Македонии они найдены в крупном некрополе Демир Капис и в случайно вскрытом захоронении у Неготина (Манева 1992: 141, 157, тал. 14).

Таким образом, данные украшения достаточно редки. Встречаются они как в женских, так и в мужских захоронениях, как правило, в количестве одного экземпляра (располагавшегося слева или справа от черепа погребенного). Однако из кладов и с поселений иногда происходят и по две парные серьги (Гавердово, Кернава).

К еще более редким находкам относятся серьги с каплевидными подвесками. Подвеска от подобного украшения была обнаружена в Старом Орхее (рис. 3). Изделие изготовлено из серебряной пластинки, обрамлено сканью, в центре — камнедержатель для отсутствующего ныне камня (Бырня, Рябой 1989: 98, рис. 1: 14). Каплевидная серьга из Старого Орхее имеет самые близкие аналогии в памятниках Поволжья и Кавказа. Сходные экземпляры были обнаружены при раскопках погребения №40 могильника Бабий Бугор (Ефимова 1960: 184, рис. 2). При расчистке костяка была найдена одна серебряная серьга с янтарной каплевидной вставкой и отдельно — дужка от этой же серьги. При зачистке дна могилы после снятия скелета была найдена еще одна серьга. Янтарные вставки на обоих украшениях окружены проволочным орнаментом из коротких завитков. В верхней части подвески по ее краю расположена проволочная волна с колечком в верхней части. Как и на орхейской подвеске, эти колечки вместе составляют «бантик», а в нижней части подвески расположены три выступа-петельки для подвесок. В могильнике на Бабьем Бугре содержатся погребения как золотоордынского, так и домонгольского (булгарского) времени. На основе стратиграфических данных и глубины ямы погребение №40 было отнесено первоначально к домонгольскому периоду, однако, на основании детального анализа инвентаря (особенно фрагмента парчовой ткани), оно было передатировано золотоордынским периодом (Полякова 2000: 234).

Подтвердить золотоордынскую датировку серег из Бабьего Бугра может находка несколько более упрощенной версии подобного украшения, сделанная в захоронении кургана 7 могильника Чонгай VIII на Ставрополье. В составе погребального инвента-

Рис. 3. Каплевидная подвеска от серьги. Старый Орхей. Серебро (фото автора).

Fig. 3. Drop pendant from the earring. Old Orhei. Silver (photo by the author).

ря был найден красноглиняный гончарный сосуд, типичный для памятников Северо-Западного Кавказа XIII—XIV вв., зеркало, изготовленное из оловянистого сплава, и типичная для золотоордынских памятников Восточной Европы кашинная бусина с бирюзовой поливой. Серьги из могильника Чонгай III также выполнены из пластинчатой основы, на которую напаян проволочный бортик, являющийся одновременно и оправой для вставки, без какого-то промежуточного декора между краем подвески и шатоном. Сходной проволокой выложены «бантик» и верхнее круглое гнездо для маленькой вставки. Все эти три гнезда заполнены косяными шариками. В центральную оправу вставлено прозрачное стекло, под которое подложены пластинки перламутра (Полякова 2000: 234—235, рис. 3: 6).

Подобные украшения имеют аналогии в изображениях знатных монгольских женщин, представленных на китайских миниатюрах XIV века, где сходные серьги, дополненные жемчужными подвесками, оформлены в едином стиле с декором бокка (Руденко 2015: 274—275, рис. 73; 74).

От украшений головы обратимся теперь к предметам декора тела. В качестве *нагрудных украшений* могли использоваться ожерелья из бус, цепочки, в том числе в сочетании с филakterиями, а также бляхи-розетки (золотые с цветными камнями и серебряные с гравировкой и чернью), соединенные цепочками. Подобные золотые украшения происходят из Симферопольского клада и Булгара. Изделия с гравировкой и чернью известны из Булгара и Раковского клада, найденного близ Минска (Крамаровский: 2001, 218, 318, кат. №357—363, рис. 70; Руденко 2015: 241, рис. 39). Нагрудными украшениями могли служить и ажурные сканные бляшки-пронизки из Симферопольского клада, выполненные в едином стиле с ажурными золотыми бусинами (Мальм 1980; Крамаровский 2001: 325—326, кат. 467—471; Руденко 2018: 120, рис. 9).

Среди украшений золотоордынского круга популярны были некоторые типы *браслетов*. Для памятников Поволжья характерны узкие несомкнутые пластинчатые браслеты, концы которых фланкированы изображениями львиных масок. Браслеты выполнялись из медного сплава или серебра, редко из золота (находки из Булгарского клада 1877 г.) в техникековки или литья. Концы некоторых экземпляров соединялись нитями или шнурами, о чем свидетельствуют пробитые отверстия (Руденко 2015: 315, рис. 482). На поверхность браслетов наносились различные растительно-геометрические композиции (ромбы, плетенки, розетки, побеги). Известен и инструментарий для их изготовления. На городище Новый Сарай была обнаружена формочка для отливки таких украшений. Орнаментальные мотивы прорабатывались гравировкой и различными пуансонами. На ряде изделий применен и черневой декор. Большое количество браслетов связано с городищем Великие Болгары (в том числе со слоями XIV в.). Они были обнаружены также на Суварском и Селитряном городищах, в целом ряде кладов золотоордынского круга³ и в качестве отдельных находок (Полякова 1996: рис. 62: 1—3, 7, 8; Сокровища... 2000: 79, кат. №71, 72; Крамаровский 2001: 186; Руденко 2015: 320—321). Как отмечает К.А. Руденко (2015: 108), в Булгарском

улусе⁴ найдены оригинальные экземпляры золотых браслетов, которые на остальной территории Золотой Орды не встречались.

За пределами Поволжья браслеты с львиными масками были выявлены в материалах могильника Мамай-Сурка, городища Кучегури, Любечского замка, Старой Рязани, Новгорода, Вильнюса, в могильнике «Олень-Колодец» в Каширском районе и в целом ряде мордовских могильников (Крамаровский 2001: 186; Ельников 2002: 252—258; Руденко 2015: 321; Ефимов 1999: 93—108).

Рассматриваемые изделия характерны, в основном, для XIV века, но появляются они еще в конце XIII и продолжают существовать вплоть до начала XV века, причем для поздних браслетов характерно изготовление их преимущественно из медного сплава (Руденко 2015: 106, 110, 324, илл. 99). Подобные изделия были обнаружены в дунайских крепостях Диногечия и Пэкуюл луй Соаре, а также и в кладе Оцелень (Румыния) (Teodor 1964: 343—358; Ştefan et al. 1967: 291, fig. 172; Diaconu, Baraschi 1977). Находки золотоордынских по своему происхождению браслетов, выявленные на памятниках Румынии, маркируют наиболее западный регион их распространения.

Орнаментация этих браслетов имеет истоки в малоазийском и иранском ремесле, где подобные звериные личины представлены не только в торевтике, но и в каменной резьбе. На изделиях, относящихся к «сельджукскому» стилю, встречаются изображения львов, как в сочетании с мотивом ромба, так и без него (Крамаровский 2001: 191). Наличие ромба является, по мнению М.Г. Крамаровского, датирующим признаком и представлено в памятниках XIII—XIV вв. На дирхемах, чеканенных в золотоордынской ставке в Исаке в начале XIV в., мотив ромба уже отсутствует (Крамаровский 2001: 191). Образ льва, фланкирующий концы браслетов, безусловно, рассматривался в благожелательном контексте здоровья, силы, охраны от врагов. Популярность подобного изображения на ювелирных украшениях, по всей видимости, совпадает по времени с использованием символа «лев и солнце» на монетах хана Узбека (Даркевич 1975: 191; Крамаровский 2001: 186; Руденко 2015: 314, 324). Одним из характерных элементов, присутствующих в декоре рассматриваемых браслетов, является и так

³ Подобные браслеты присутствуют, например, в Василицком кладе в Украине и Карашамском в России (Крамаровский 1978; 2001: 186; Руденко 2015: 106).

⁴ На Булгарском городище (Руденко 2015: рис. 18: 7, 8, кат. №254, 255).

называемый «узел счастья», один из универсальных и распространенных элементов восточного декоративного искусства (Nicolaе, Costin 2003: 175—187; Рябцева, Дергачева 2016: 106—111). На ряде изделий изображены растительные побеги, бутоны, розетчатые и лотосовидные цветы. Изредка встречаются персидские и татарские благопожелательные надписи. Наряду с изделиями высокого качества встречаются и упрощенные отливки. Так, на браслете из Муранского могильника на Самарской Луке изображение ромба читается четко, а вот личины львов превратились в орнаментальные завитки (Руденко 2015: 128, рис. 16: 8, 9).

К редким типам украшений относятся пластинчатые створчатые браслеты. Роскошный золотой створчатый браслет с выложенной проволокой надписью «Да будет мир покровителем владельцу этого [предмета], где бы он ни находился» происходит из Джукетауского клада. Более простой золотой пластинчатый браслет с шарниром и львиными личинами был найден на Болгарском городище (Крамаровский 2001: 186, 334, кат. 512—516; Сокровища... 2001: 242—243; Руденко 2015: 131, рис. 19: 7; 315, рис. 485).

Известны и дротовые браслеты, декорированные объемными зооморфными окончаниями. Так, пара золотых круглодротовых браслетов, оканчивающихся изображениями баранов, была найдена в Джукетауском кладе, а из Карашамского клада XIV — начала XV вв. происходит один дротовый обруч с черневым декором (Крамаровский 2001: 333, кат. 510, 511; Руденко 2015: 206).

Перстни относятся к достаточно распространенным и популярным типам украшений, их изготавливали из золота, серебра и медного сплава. Многочисленны цельнолитые перстни, бесщитковые, со слабо выделенным овальным или более высоким круглым или прямоугольным щитком (иногда фланкированным выступающими деталями, например, шишечками) (Каримова 2013: 41; Руденко 2015: 243). На щитки наносились растительный или растительно-геометрический узор, а также благожелательные надписи. Иногда надписи или арабесковый узор выкладывались из проволоки. Гравировка, в ряде случаев, дополнялась чернью. По мнению исследователей, роскошные золотые образцы подобных украшений изготавливались в крупных городах Золотой Орды, в том числе в Сарае и Булгаре, время их бытования относится к середине-второй половине XIV — первой четверти XV в. (Григорьев, Егоров, Руденко

2003: 508, рис. 1: 1; Руденко 2015: 243, рис. 41, 306—308; 2018: 119, рис. 10). Простые литые подражания распространены очень широко, найдены они, например, и в Старом Орхее в Республике Молдове (Абызова, Бырня 1979: 16).

Кроме того, представлены и золотые перстни со вставками из цветных камней (бирюзы, граната, сердолика или горного хрусталя) или мастики, зафиксированными при помощи четырех лапок в округлых или прямоугольных высоких кастах. Например, в Булгаре найден золотой перстень с прямоугольной вставкой темно-голубого цвета, сделанной из мастики, в подражание лазуриту. На вставке — арабская надпись (Полубояринова 2008: 51, рис. 3: 26). По мнению Руденко, изделия с кабошонами, вероятно, привозные, датируются XIII—XIV вв. (Руденко 2015: 166, илл. 261; 2018: 119, рис. 8).

Уникальный золотой перстень золотоордынского круга был найден в погребении №85 некрополя XIV в. у церкви Св. Николая в Рэдэуць (Румыния). Перстень изготовлен в технике литья, шинка отлита вместе со щитком. Орнамент подправлен гравировкой. Шинка декорирована изящным растительным узором в сочетании с плетенкой, украшена чернью. Узор выполнен в готической манере. Прямоугольный щиток фланкирован четырьмя фигурками львов, как бы поддерживающих его. На щиток нанесена арабская надпись «Аллах». Подобное кольцо считается перстнем-талисманом, призванным приносить удачу и здоровье. В первой половине XIV в. такие перстни с разноязычными надписями характерны для европейских древностей. Возможно, надпись нанесена восточным (татарским) мастером в Каффе (ныне Феодосия) или Четатя Алба (Белгород-Днестровский). В историографии высказано предположение, что, возможно, первоначально перстень принадлежал представителю монгольской знати, по всей видимости, хану Абдулаху, который с 1362/1363 гг. по конец XIV в. контролировал регион Северного Причерноморья и гирла Дуная. В 1364—1365 гг. его ставка располагалась в Новом городе — Шехр-ал-Джедиде (Старом Орхее). По мнению Н. Д. Руссева, данный перстень является свидетельством сотрудничества молдаван с татарами в борьбе с Венгрией (Bătrîna, Bătrîna 1983: 326—333; Руссев 1999: 391).

Таким образом, украшения золотоордынского круга были распространены весьма широко, от Поволжья и до Балкан. Они входили как в убор элиты (например, наверхие

шапок), так и рядового населения (например, «серьги в виде знака вопроса»). В ряде случаев они давали и местные подражания и дериваты; среди рассмотренных в данной работе

изделий к подобным украшениям можно отнести, например, локальные варианты «серег в виде знака вопроса», характерные для Карпато-Балканского региона.

Литература

- Абызова Е. Н., Бырня П. П. 1981. Археологические работы в Старом Орхее в 1974—1976 гг. *Археологические исследования в Молдавии (1974—1976 гг.)*. Кишинев: Штиинца, 164—174.
- Абызова Е. Н., Рябцева С. С. 2003—2004. Лотос из Костешт и шапка Мономаха. *Stratum plus* (5), 363—369.
- Бырня П. П., Рябой Т. Ф. 1989. О некоторых ювелирных изделиях из Старого Орхее. В: Борзая И. А. (отв. ред.). *Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 97—103.
- Владимиров Г. В. 2014. Серьги в виде знака вопроса из Дунайской Болгарии (XIII—XIV вв.): происхождение и ареал распространения. *ПА* (1), 224—233.
- Гарустович Г. Н. 2012. *След Великой Замятни (местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга)*. Уфа: Гилем.
- Горелик М. В. 2008. Золотоордынские предметы и их местные подражания в материалах древнерусских городов. *КСИА* 222, 117—125.
- Горелик М. В. 2010. Введение в историю раннего монгольского костюма. *Батыр: Традиционная военная культура народов Евразии* 1. Москва, 16—79.
- Даркевич В. П. 1975. *Светское искусство Византии. Произведения художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII века*. Москва: Искусство.
- Ельников М. В. 2001. *Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989—1992 гг.)* I. Запорожье: ЗГУ.
- Ельников М. В. 2002. Браслеты «булгарского типа» з поховань могильника Мамай-Сурка. *Старожитності степового Причорномор'я і Криму X. Запоріжжя*, 252—258.
- Ельников М. В. 2006. *Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1993—1994 гг.)* II. Запорожье: ЗНУ.
- Ельников М. В. 2009. Образ дракона-змия на серьгах золотоордынского периода: культурно-хронологический аспект. *Stratum plus* (6), 410—420.
- Ефимов К. Ю. 1999. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь». *Донская археология* (2—4), 93—108.
- Жилина Н. В. 2001. *Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование*. Москва: Наука.
- Жилина Н. В. 2004. Золотое филигранное украшение из Тушкова городка (орнаментика и технология). В: Энговатова А. В. (отв. ред.). *Археология Подмосковья. Материалы научного семинара*. Москва: ИА РАН, 222—225.
- Зубков В. Н. 1951. Гавердовский клад XV века. *КСИИМК* XLI, 138—141.
- Иванов В. А., Кригер В. А. 1988. *Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII—XIV вв.)*. Москва: Наука.
- Из описания путешествий Ибн Баттуты. 2003. В: Храпачевский Р. П. (сост.). *Золотая Орда в источниках (материалы для истории Золотой Орды или Улуса Джучи)* 1. *Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В. Г. Тизенгаузена*. 1884. Москва: ЦИВОИ, 125—149.
- Казаков Е. П. 1978. *Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии*. Москва: Наука.
- Каримова Р. Р. 2013. *Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация)*. Археология евразийских степей 16. Казань: Институт истории АН РТ.
- Коваленко О. В., Луговий Р. С. 2011. Кочівницька поховання XIII ст. поблизу с. Стороде Полтавської обл. В: Ковальова І. Ф., Шалобудов В. М. (відп. ред.). *Старожитності Лівобережного Подніпров'я*. Київ; Полтава: Центр пам'яткознавства НАНУ; УТОПІК, 160—173.
- Козлова А. В. 2006. Восточные традиции украшений и бытовых предметов на Руси. В: Мурашева В. В. (отв. ред.). *Город и степь в контактной евроазиатской зоне*. Тез. докл. III Междунар. науч. конф., посвященной 75-летию Г. А. Федорова-Давыдова. Москва: Нумизматическая литература, 141—143.
- Кочкина А. Ф. 2011. Загадка поселения Samar (Древности Золотой Орды на Самарской Луке). *Самарская Лука. История, природа, искусство* 18, 20—24.
- Кирилко В. П. 2018. «Алустонский клад»: история находки. *ПА* (2), 168—189.
- Кондаков Н. П. 1896. *Русские клады. Исследование древностей Великокняжеского периода*. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.
- Кравец В. В. 2005. *Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды*. Воронеж: ВГПУ.
- Крамаровский М. Г. 1982. «Шапка Мономаха»: Византия или Восток? *СГЭ* 47, 66—77.
- Крамаровский М. Г. 2001. *Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды*. Санкт-Петербург: ГЭ.
- Кулатова И. Н. 2002. Золотоордынское украшение из Зенькова. *Археологічний літопис Лівобережної України* I. Полтава, 115.
- Мальм В. А. 1980. *Симферопольский клад*. Москва.
- Малюк Н. И. 2015а. Алустонский клад: малоизвестные ювелирные изделия золотоордынского времени в фондах Музея исторических драгоценностей Украины. В: Строкова Л. В. (ред.). *Музейні читання. Матеріали наукової конференції "Ювелірне мистецтво — погляд крізь віку"*.

- 10—12 листопада 2014 р. Київ: Музей історичних коштовностей України, 159—168.
- Малюк Н.И. 2015б. Золотые «розетки» из Алустонского клада. В: Посохов С.И., Сорочан С.Б. (ред.). *Laurea I. Античный мир и Средние века*. Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы. Харьков: НТМТ, 39—44.
- Малюк Н.И. 2016. Лотосовидное украшение из позднесредневекового кочевнического захоронения в Николаевской области. В: Бисембаев А.А. (отв. ред.). *Кадырбаевские чтения-2016*. Материалы V Международной научной конференции (6—7 октября 2016 года). Актобе: ИА КН МОН РК, 283—288.
- Мамонтов В.Л. 1992. Курганный могильник Зубовка. *Древности Волго-Донских степей* 2. Волгоград, 17—49.
- Манева Е. 1992. *Средневековен накит од Македонија*. Скопје.
- Махнеева О.А. 1968. О плитовых могильниках Крыма. В: Домбровский О.И. (отв. ред.-сост.). *Археологические исследования средневекового Крыма*. Киев: Наукова думка, 152—163.
- Мельник К. 1893. *Каталог коллекции древностей А.Н. Поля в Екатеринославе* 1. Киев: Типография С.В. Кульженко.
- Недашковский Л.Ф. 2000. *Золотоордынский город Укек и его округа*. Москва: Восточная литература.
- Недашковский Л.Ф. 2013. Золотоордынские курганные группы у Царевского городища. В: Степаненко В.П., Юрченко А.Г. (ред.). *От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи*. Москва: Издательский дом Марджани, 204—219.
- Павлова В. 2007. *Съкровищата на средновековна България. Каталог на изложба*. Варна: Регионален исторически музей.
- «Подарок созерцающим»... 2015: *Подарок созерцающим. Странствия Ибн Баттуты*. Каталог выставки. Санкт-Петербург: ГЭ.
- Полубояринова М.Д. 2008. Торговля Болгара. В: Старостин П.Н. (отв. ред.), Полубояринова М.Д. (сост.). *Город Болгар: культура, искусство, торговля*. Москва: Наука, 27—107.
- Полякова Г.Ф. 1990. Бляхи-навершия головных уборов. *Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ)*. К 100-летию со дня рождения А.Я. Брюсова. Труды ГИМ 74. Москва: ГИМ, 138—140.
- Полякова Г.Ф. 1996. Изделия из цветных металлов. В: Фёдоров-Давыдов Г.А. (ред.). *Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков*. Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 154—268.
- Полякова Г.Ф. 2000. О датировке некоторых типов ювелирных изделий Волжской Болгарии. В: Белоцерковская И.В. (отв. ред.). *Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья*. Материалы научной конференции. Труды ГИМ 122. Москва: ГИМ, 232—236.
- Путешествия... 1957: Шастина Н.П. (ред.). 1957. *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука*. Москва: Географиз.
- Рабинович М.Г. 1957. Золотое украшение из Тушкова городка. *КСИИМК* 68, 45—52.
- Руденко К.А. 2015. *Булгарское серебро*. Казань: Заман.
- Руденко К.А. 2018. Золотые украшения Волжской Болгарии и Булгарского улуса Золотой Орды: опыт сравнительного анализа. *ПА* (2), 111—124.
- Руссев Н.Д. 1999. Молдавия в «тёмные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов. *Stratum plus* (5), 379—407.
- Рябинин Е.А. 1983. О развитии погребального обряда на северо-западе Новгородской земли. *КСИА* 175, 32—39.
- Рябцева С.С., Дергачева Л.В. 2016. О некоторых восточных орнаментальных мотивах в декоре украшений населения Карпато-Дунайского региона в XIV—XVII вв. В: Грусман В.М. (отв. ред.). *Орнаментика в артефактах традиционных культур*. Материалы XV Санкт-Петербургских этнографических чтений. Российский этнографический музей, 13—15 декабря 2016 г. Санкт-Петербург: СПГУТД, 106—111.
- Рябцева С.С., Дергачева Л.В. 2017а. К вопросу об этнокультурной принадлежности и датировке группы одежных застежек с территории Пруто-Днестровского междуречья. *ПА* (4), 190—207.
- Рябцева С.С., Дергачева Л.В. 2017б. О двух новых находках позднесредневековых кладов ювелирных украшений (в связи с вопросом о присутствии дериватов золотоордынских изделий в памятниках Молдавского княжества). *Stratum plus* (6), 91—116.
- Седова М.В. 1981. *Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X—XV вв.)*. Москва: ИА АН СССР.
- Сокровища... 2000: Крамаровский М.Г., Полякова Г.Ф., Елихина Ю.И. (авт.-сост.). 2000. *Сокровища Золотой Орды = Алтын Урда Хазинэларе = The Treasures of the Golden Horde. Каталог выставки*. Санкт-Петербург: Славия (на татарском, русском и английском языках).
- Спицын А.А. 1906. К вопросу о Мономаховой шапке. *ЗОРСА* 8 (1), 1—39.
- Спицын А.А. 1909. Бухарский клад и Мономахова шапка. *ИАК* 29, 73—81.
- Строкова Л. 2006. Золотоордынский скарб з Василиців. *Пам'ятки України: історія та культура*. Річник XXXVIII, 34—43.
- Супруненко О.Б. 1998. *На землі Полтавській: Пам'ятки археології Полтави та околиць*. Полтава: Археологія.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1960. Клады джучидских монет. Основные периоды денежного обращения в Золотой Орде. *НЭ* 1, 94—192.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. Археологические памятники. Москва: МГУ.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1976. *Искусство кочевников Золотой Орды*. Москва: Искусство.
- Юрченко А.Г. 2013. *Элита Монгольской империи: время праздников, время казней*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Alaiba R. 2002. Tezaurul de la Schinetea, jud. Vaslui. *ArhMed* IV, 117—179.
- Batariuc P.-V. 1993. Necropola medievală de la Suceava — Câmpul șanțurilor. *ArhMold* 16, 229—249.
- Bătrîna L., Bătrîna A. 1983. O mărturie arheologică despre relațiile internaționale ale Moldovei în vremea lui Bogdan I. *SCIVA* 34 (4), 326—333.
- Diaconu P., Baraschi S. 1977. *Păciul lui Soare. Așezarea medievală* II. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Dumitriu L. 2001. *Der Mittelalterliche Schmuck des unteren Donaugebietes im 11—15. Jahrhundert*. București: Tipored SRL.

- Kernave — litewska Troja 2002: Luchtanas A., Velius G. 2002. *Kernave — litewska Troja*. Katalog wystawy ze zbiorów Państwowego Muzeum-Rezerwatu Archeologii i Historii w Kernawe, Litwa. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne.
- Nicolae E., Costin B. 2003. Monede din secolele XIII—XIV descoperite în Dobrogea. *Buletinul Societății Numismatice Române*. Vol. XCII—XCVII (1998—2003). Nr. 146—151. București, 175—187.
- Popescu M. 1970. *Podoabe medievale în Țările Române*. București: Meridiane.
- Reabțeva S. 2015. Piese de podoabă și de vestimentație pe teritoriul Moldovei istorice. *Akados* 38, 128—134.
- Spinei V. 1986. Săpăturile de la Trifești (jud. Iași). *MCA, a XVI-a sesiune anuală de rapoarte*. Vaslui, 237—242.
- Svetikas E. 2003. Tretininkų odiniai kapšeliai: jų apkalų tipologija, chronologija ir simbolis. *Lietuvos Archeologija* (4), 241—266.
- Șantierul Suceava 1953: Mitrea B., Nestor I., Casan I., Cîmpina B., Constantinescu D., Diaconu G., Dimian I., Foit G., Ionescu V.O., Székely Z., Vătășianu V., Bîrzu L., Dragomir Șt., Indrieș S., Martinovici T., Neamu E., Panait I., Popa R., Wacșchal L., Deak A. 1953. Șantierul Suceava. *SCIV* 4 (1—2), 335—393.
- Ștefan et al. 1967: Ștefan Gh., Barnea I., Comșa M., Comșa E. 1967. *Dinogetia. Așezarea feudală timpurie de la Bisericuța-Garvăn*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Teodor Gh.D. 1964. Obiectele de podoabă din tezaurul feudal tumpuriu descoperit la Oțeleni. *Arheologia Moldovei* 2—3. Iași, 343—358.
- Vulpe R. 1957. *Izvoarele*. București: Editura Academiei RPR.

References

- Abyzova, E.N., Bârnea, P.P. 1981. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii (1974—1976 gg.)* (Archaeological Investigations in Moldova, 1974—1976). Kishinev: “Știința” Publ., 164—174 (in Russian).
- Abyzova, E.N., Riabteva, S.S. 2003—2004. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 363—369 (in Russian).
- Bârnea, P.P., Reaboi, T.F. 1989. In Borzias, I.A. (ed.). *Pamiatniki drevneishego iskusstva na territorii Moldavii* (Monuments of Earliest Art on the Territory of Moldova). Kishinev: “Știința” Publ., 97—103 (in Russian).
- Vladimirov, G.V. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 224—233 (in Russian).
- Garustovich, G.N. 2012. *Sled «Velikoi ziamiatni». Mestonakhzhdenie XIV veka u derevni Brig-Alga* (The Trace of the “Great Troubles”: the 14th Century Site near the Brig-Alga Village). Ufa: “Gilem” Publ. (in Russian).
- Gorelik, M.V. 2008. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 222, 117—125 (in Russian).
- Gorelik, M.V. 2010. In Gorelik, M.V. (ed.). *Batyr: Traditsionnaia voennaia kul'tura narodov Evrazii* (Batyr: Traditional Military Culture of the Eurasian People) 1. Moscow: “Marjani” Publ., 16—79 (in Russian).
- Darkevich, V.P. 1975. *Svetsoe iskusstvo Vizantii: proizvedeniia vizantiiskogo khudozhestvennogo remesla v Vostochnoi Evrope X—XIII vv.* (The Secular Art of Byzantium: Byzantine Art Craft Works in Eastern Europe of 10th—13th Centuries). Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).
- Elnikov, M.B. 2001. *Srednevekovyi mogil'nik Mamai-Surka (po materialam issledovaniia 1989—1992 gg.)* (Medieval Necropolis of Mamai-Surka (Basing on Materials from the Research of 1989—1992)) I. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya National University (in Russian).
- Elnikov, M.V. 2002. In *Starozhytnosti stepovoho Prychernomoriia i Krymu* (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea) X. Zaporizhzhya, 252—258 (in Ukrainian).
- Elnikov, M.V. 2006. *Srednevekovyi mogil'nik Mamai-Surka (po materialam issledovaniia 1993—1994 gg.)* (Medieval Necropolis of Mamai-Surka (Basing on Materials from the Research of 1993—1994)) II. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya National University (in Russian).
- Elnikov, M.V. 2009. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 2005—2009, 410—420 (in Russian).
- Efimov, K. Yu. 1999. In *Donskaia arkheologiya* (Archaeology of Don) (2—4), 93—108 (in Russian).
- Zhilina, N.V. 2001. *Shapka Monomakha. Istoriko-kul'turnoe i tekhnologicheskoe issledovanie* (Monomakh's Cap: Study of Cultural History and Technology). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Zhilina, N.V. 2004. In Engovatova, A.V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara* (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 222—225 (in Russian).
- Zubkov, V.N. 1951. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) XLI, 138—141 (in Russian).
- Ivanov, V.A., Kriger, V.A. 1988. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Iuzhnom Urale (XII—XIV vv.)* (Barrows of the Kypchak Time in Southern Ural: 12th—14th Centuries). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Iz opisanii puteshestvii Ibn Battuty (From the Description of Ibn Battuta's Journey). 2003. In Khrapachevskii, R.P. (comp.). *Zolotaia Orda v istochnikakh (materialy dlia istorii Zolotoi Ordy ili Ulusa Dzhuchi)* (The Golden Horde in the Sources (materials for the history of the Golden Horde or Jochi's Ulus)) 1. *Arabskie i persidskie sochineniia* (Arab and Persian Writings. Collected Works of Materials Related to the History of Golden Horde, translated by V.G. Tiesenhausen. 1884). Moscow: Center of Military and General History Studies, 125—149 (in Russian).
- Kazakov, E. P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii* (Sites of Bulgarian Time in the Eastern Parts of Tataria). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Karimova, R.R. 2013. *Elementy ubranstva i aksessuary kostiuma kochevnikov Zolotoi Ordy (tipologiya i sotsiokul'turnaia interpretatsiia)* (Elements of Decoration and Accessories of Costume of the Golden Horde Nomads: Typology and Socio-Cultural Interpretation). Series: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 16. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
- Kovalenko, O.V., Lugovii, R.S. 2011. In Koval'ova, I.F., Shalobudov, V.M. (ed.). *Starozhytnosti Livoberezhnoho Podniprovia* (Antiquities of the Dnieper Left Bank Regions). Kiev; Poltava: Archaeological Sites Research Center, National Academy of Sciences of Ukraine; Ukrainian Society for Protection of Historical and Cultural Heritage, 160—173 (in Ukrainian).
- Kozlova, A.V. 2006. In Murasheva, V.V. (ed.). *Gorod i step' v kontaktnoi evroaziatskoi zone* (The Town and the Steppe in the Contact Eurasian Zone). Moscow: “Numizmaticheskaiia literatura” Publ., 141—143 (in Russian).
- Kochkina, A.F. 2011. In *Samarskaia Luka. Istoriia, priroda, iskusstvo* (Samara Bend: History, Nature, and Art) 18, 20—24 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 168—189 (in Russian).
- Kondakov, N.P. 1896. *Russkieклады. Issledovanie drevnostei velikokniazheskogo perioda* (Russian Hoards. Study of Antiquities of the Grand Princes Period). Saint Petersburg: Typography of the Chief Department of Appanages (in Russian).
- Kravets, V.V. 2005. *Kochevniki Srednego Dona v epokhu Zolotoi*

- Ordy (*Middle Don Nomads in the Golden Horde Age*). Voronezh: Voronezh State Pedagogical University (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 1982. In *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* 47, 66—77 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoi Ord'y (Genghisids' Gold: the Golden Horde Cultural Heritage)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum; "Slavia" Publ. (in Russian).
- Kulatova, I.N. 2002. In *Arkheolohichnyi litopys Livoberezhnoi Ukrainy (Archaeological Chronicle of Left-Bank Ukraine)* I. Poltava, 115 (in Russian).
- Malm, V.A. 1980. *Simferopol'skii klad (The Simferopol Treasure)*. Moscow (in Russian).
- Maliuk, N.I. 2015. In Strokova, L.V. (ed.). *Muzejni chytannya (Museum Readings)*. Kiev: Museum of Historical Treasures of Ukraine, 159—168 (in Russian).
- Maliuk, N.I. 2015. In Posokhov, S.I., Sorochan, S.B. (ed.). *Laurea I. Antichnyi mir i Sredniy vek: Chteniia pamiati professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva (Laurea I: Classical World and the Middle Ages: Readings in memoriam Professor Vladimir Kadeev)*. Kharkov: "NTMT" Publ., 39—44 (in Russian).
- Maliuk, N.I. 2016. In Bisembayev, A.A. (ed.). *Kadyrbaevskie chteniia-2016. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (6—7 oktiabria 2016 goda) (Kadyrbaev Readings-2016. Proceedings of the V International Scientific Conference (6—7 October 2016))*. Aktobe: Institute of Archaeology, Committee of Science, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, 283—288 (in Russian).
- Mamontov, V.L. 1992. In *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 2. Volgograd: Volgograd State University, 17—49 (in Russian).
- Maneva, E. 1992. *Srednevekoven nakit od Makedonija (Medieval Jewelry of Macedonia)*. Skopje (in Serbian).
- Makhneeva, O.A. 1968. In Dombrovskii, O.I. (ed., comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovogo Kryma (Archaeological Investigations of Medieval Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 152—163 (in Russian).
- Melnik K. 1893. *Katalog kollektsii drevnostei A.N. Polia v Ekaterinoslave (The Catalogue of Collection of Antiquities of A.N. Pohl in Yekaterinoslav)* 1. Kiev: Typography of S.V. Kulzhenko (in Russian).
- Nedashkovsky, L.F. 2000. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okrug (The Golden Horde City of Ukek and its Region)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
- Nedashkovsky, L.F. 2013. In Stepanenko, V.P., Iurchenko, A.G. (eds.). *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh zapadnye sosed'i (From the Onon to the Thames: Genghisids and their Western Neighbours)*. Moscow: "Marjani" Publ. House, 204—219 (in Russian).
- Pavlova, V. 2007. *Säkrövishkata na srednevekovna Bälğariya, Katalog na izlozha (Treasures of Medieval Bulgaria: Catalogue of Exhibition)*. Varna: Regional Historical Museum (in Bulgarian).
- «Podarok sozertsaiushchim». *Stranstviia Ibn Battuty (A Gift to Contemplators: Journeys of Ibn Battuta. Exhibition Catalogue)*. 2015. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
- Poluboiarinova, M.D. 2008. In Starostin, P.N. (ed.), Poluboiarinova, M.D. (comp.). *Gorod Bolgar: Kul'tura, iskusstvo, trgovlia (The Town of Bolgar: Culture, Art, Trade)*. Moscow: "Nauka" Publ., 27—107 (in Russian).
- Poliakova, G.F. 1990. In *Problemy arkheologii Evrazii (po materialam Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia) (Issues of the Archaeology of Eurasia: by materials of the State Historical Museum)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 74. Moscow, 138—140 (in Russian).
- Poliakova, G.F. 1996. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Language, Literature and History Institute, Academy of Sciences of Tatarstan, 154—268 (in Russian).
- Poliakova, G.F. 2000. In Belotserkovskaia, I.V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A.P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A.P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 122. Moscow: State Historical Museum, 232—236 (in Russian).
- Shastina, N.P. (ed.). 1957. *Puteshestviia v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journeys of Plano Carpini and William of Rubrouck to the Eastern Parts)*. Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).
- Rabinovich, M.G. 1957. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 68, 45—52 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2015. *Bulgarskoe serebro (Bulgarian Silver)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar) II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 111—124 (in Russian).
- Russev, N.D. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 379—407 (in Russian).
- Ryabinin, E.A. 1983. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 175. Moscow, 32—39 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S., Dergacheva, L.V. 2016. In Grusman, V.M. (ed.). *Materialy XV Sankt-Petersburgskikh etnograficheskikh chtenii «Ornamentika v artefaktakh traditsionnykh kul'tur» (Ornamentics in Artifacts of Traditional Cultures: Proceedings of the 15th Saint Petersburg Ethnographical Readings)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 106—111 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S., Dergacheva, L.V. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), Kazan, 190—207 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S., Dergacheva, L.V. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 91—116 (in Russian).
- Sedova, M.V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X—XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th—15th Centuries))*. Moscow: Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR" Publ. (in Russian).
- Kramarovskii, M.G., Poliakova, G.F., Elikhina, Yu.I. (auth., comp.). 2000. *Sokrovishcha Zolotoi Ord'y = Altın Urda Xäzinäläre = The Treasures of the Golden Horde*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ. (in Russian, Tatar, and English).
- Spitsyn, A.A. 1906. In *Zapiski otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Reports of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Imperial Russian Archaeological Society)* 8 (1), 1—39.
- Spitsyn, A.A. 1909. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 29, 73—81 (in Russian).
- Strokova, L. 2006. In *Pam'yatky Ukrainy: istoriya ta kul'tura. Richnyk (Monuments of Ukraine: History and Culture)* XXXVIII, 34—43 (in Ukrainian).
- Suprunenko, O.B. 1998. *Nazemli Poltav's'kij: Pam'yatky arkheolohii Poltav ta okolyts' (In the Poltava Land: Archaeological Sites of the Poltava Town and its Neighbourhoods)*. Poltava: "Arkheolohiya" Publ. (in Ukrainian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1960. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* 1, 94—192 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East European Nomads under rule of Alyn Orda Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov Zolotoi Ord'y (The Art of the Golden Horde Nomads)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- Yurchenko, A.G. 2013. *Elita mongol'skoi imperii: vremia prazdnikov, vremia kaznei (The Elite of the Mongol Empire: the Time for Holidays, the Time for Executions)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
- Alaiba, R. 2002. Tezaurul de la Schinetea, jud. Vaslui. *ArhMed* IV, 117—179.

- Batariuc, P.-V. 1993. Necropola medievală de la Suceava — Câmpul șanțurilor. *ArhMold* 16, 229—249.
- Bătrîna, L., Bătrîna, A. 1983. O mărturie arheologică despre relațiile internaționale ale Moldovei în vremea lui Bogdan I. *SCIIVA* 34 (4), 326—333.
- Diaconu, P., Baraschi, S. 1977. *Păcuiul lui Soare. Așezarea medievală II*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Dumitriu, L. 2001. *Der Mittelalterliche Schmuck des unteren Donaugebietes im 11—15. Jahrhundert*. București: Tipored SRL.
- Luchtanas A., Velius G. 2002. *Kernave — litewska Troja*. Katalog wystawy ze zbiorów Państwowego Muzeum-Rezerwatu Arheologii i Historii w Kernawe, Litwa. Muzeum Archeologiczne. Warszawa.
- Nicolae, E., Costin, B. 2003. Monede din secolele XIII—XIV descoperite în Dobrogea. *Buletinul Societății Numismatice Române*. Vol. XCII—XCVII (1998—2003). Nr. 146—151. București, 175—187.
- Popescu, M. 1970. *Podoabe medievale în Țările Române*. București: Meridiane.
- Reabțeva, S. 2015. Piese de podoabă și de vestimentație pe teritoriul Moldovei istorice. *Akademios* 38, 128—34.
- Spinei, V. 1986. Săpăturile de la Trifești (jud. Iași). *MCA, a XVI-a sesiune anuală de rapoarte*. Vaslui, 237—242.
- Svetikas, E. 2003. Tretininkų odiniai kapšeliai: jų apkalų tipologija, chronologija ir simbolis. *Lietuvos Arheologija* (4), 241—266.
- Mitrea, B., Nestor, I., Casan, I., Cîmpina, B., Constantinescu, D., Diaconu, G., Dimian, I., Foit, G., Ionescu, V. O., Székely, Z., Vătășianu, V., Bîrzu, L., Dragomir, Șt., Indrieș, S., Martinovici, T., Neamu, E., Panait, I., Popa, R., Wacșchal, L., Deak, A. 1953. Șantierul Suceava. *SCIV* 4 (1—2), 335—393.
- Ștefan, Gh., Barnea, I., Comșa, M., Comșa, E. 1967. *Dinogetia. Așezarea feudală timpurie de la Bisericiuța-Garvăn*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Teodor, Gh.D. 1964. Obiectele de podoabă din tezaurul feudal tum-puriu descoperit la Oțeleni. *Arheologia Moldovei* 2—3. Iași, 343—358.
- Vulpe, R. 1957. *Izvoarele*. București: Editura Academiei RPR.

Статья поступила в сборник 1 января 2019 г.

Svetlana Ryabtseva (†). Doctor of History.

Рябцева Светлана Станиславовна (†). Доктор истории.

Из культурологии Карпато-Днестровских земель

*Pages from the Culturology
of the Carpathian-Dniester lands*

И. П. Возный

Клинковое оружие XII—XV вв. с территории междуречья Верхнего Прута и Среднего Днестра

Keywords: Dniester-Prut area, Bukovina, Middle Ages, sword, sabre, guards, falchions, pointed or bladed weapon, horse-rider, warrior, melee

Ключевые слова: Днестровско-Прутское междуречье, Буковина, средние века, меч, сабля, гарды, корды, колюще-рубящее оружие, всадник, ратник, ближний бой

I. P. Vozny

The Blade Weapon of the 12th—15th Centuries from the Territory between the Upper Prut and the Middle Dniester

The article deals with the most popular among the warriors offensive melee facilities weapons, especially swords, medieval sabres, falchions and their components found in the northern part of the Dniester-Prut interfluvial area.

The territory of the Northern Bukovina knows 11 swords. The above analysis of blade weapons made it possible to distinguish among them some types of XIIa, XVIa, XVII, and XX according to E. Okshott, dating to 14th—16th centuries. The proposed typology is not exhaustive and definitive, and perhaps further research and new finds will be able to clarify it more.

The fragments of the sabre, as well as the saber guards, were found on the studied area. The latter refers to types I, II according to A. Kirpichnikov. The guards are dated by the analogies of the 11th—13th centuries. Among the weapons found in the investigated territory, there are also known two falchions, of cross-guard shape and pommel shape. The falchions are type 1 and 2 according to A. Nadolsky. They are dated by the middle of the 15th — the beginning of the 16th centuries.

Thus, it is obvious that the local population from the investigated territory was quite sufficiently armed. Evolution of these weapons was mainstreamed with the general development of the military art in Europe. The territory of the Northern Bukovina in the 12th—16th century was involved into the pan-European political events. And the finds of the advanced weapons of that time serves as evidences to the fact.

И. П. Возный

Клинковое оружие XII—XV вв. с территории междуречья Верхнего Прута и Среднего Днестра

В статье рассматриваются наиболее популярные среди ратников наступательные средства ближнего боя, а именно мечи, сабли, корды и их составные части, найденные в северной части Днестровско-Прутского междуречья.

На территории Северной Буковины известно 11 мечей. Проведенный анализ позволил выделить среди них типы XIIa, XVIa, XVII, XX по Э. Окшотту, датируемые XIV—XVI вв. Предложенная типология не является исчерпывающей и окончательной, возможно, дальнейшие исследования и новые находки позволят уточнить ее.

На исследуемой территории обнаружены фрагменты сабли, а также сабельные гарды. Последние относятся к двум типам: I и II по А. Н. Кирпичникову. Датируются гарды по аналогиям XI—XIII вв. Известны также находки двух кордов, которые относятся к типам 1 и 2 по А. Надольскому и датируются серединой XV — началом XVI вв.

Таким образом, вооружение местного населения исследуемого региона было на достаточно высоком уровне. Его эволюция проходила в общем русле развития военного искусства Европы. Территория Северной Буковины в XII—XVI в. была втянута в общеевропейские политические события. Находки передового на то время оружия являются тому подтверждением.

Важное значение для исторической науки имеет исследование развития военного дела населения различных территорий Древнерусского государства. Оно позволяет говорить об истоках военного искусства местного населения, о единстве формирования военного дела на всей территории Древней Руси, и в то же время выявить локальные особенности, детализировать различные заимствования и взаимовлияния. Все это способству-

ет более глубокому анализу исторического процесса и обогащает казну славяно-русской культуры.

Одним из основных показателей уровня военного дела является воспетое в былинах и летописях оружие, известное по многочисленным находкам на археологических памятниках и составляющее один из показателей культурного уровня общества. Его невозможно рассматривать в отрыве от производ-

ства, социальной среды и тех слоев и групп, из которых состояло войско. Изучая его, можно прийти к выводам, характеризующим как военное дело, так и хозяйственную, торговую и социальную жизнь общества.

Существенным аспектом исследования средневекового вооружения является анализ клинкового оружия с определением его функциональных особенностей. Для исследуемых территорий, как и для всей Украины, эта проблема является чрезвычайно актуальной, поскольку клинковое оружие недостаточно исследовано на основе комплексного изучения источников, прежде всего археологических находок, с точки зрения эволюции его типологических особенностей.

Перспективность разработки предложенной проблемы очевидна, поскольку таким образом можно проследить уровень интегрированности средневекового войска на украинских землях в общеевропейскую военную среду, выявить наследственность и преемственность военных традиций на территории Украины.

Анализом клинкового вооружения ученые занимаются давно. Еще в конце XIX в. пытались описать все виды вооружения, выделить характерные типы оружия для Древней Руси П. фон Винклер (Винклер 1992).

Среди зарубежных исследователей, в первую очередь, можно отметить труды английского исследователя Е. Окшотта, разработавшего типологическую классификацию средневековых мечей и их составных частей за период 1050—1550 гг., с учетом особенностей строения клинка (лезвия), навершия и крестовины мечей (Окшотт 2004; 2007; 2007а). Рассматривают и анализируют средневековое вооружение европейцев и К. Блэр, Т. Лайбле (Блэр 2006; Лайбле 2008).

Довольно значительна библиография, касающаяся польских позднесредневековых земель. Наибольший вклад в разработку типологии клинкового оружия обнаружено на территории Польши, сделали М. Глосек и А. Надольский (Glosek 1984; 1996; Glosek, Nadolski 1970; Glosek, Olijnyk 2008: 34—36; Nadolski 1984), использовавшие в своих исследованиях типологию Э. Окшотта. Проблемы методологии исследования и типологии клинкового оружия (в первую очередь кордов) рассмотрены в работах А. Новаковского, Р. Ливоха, А. Лавриновича, Р. Стржижа, Л. Марека и др. (Nowakowski 1980; Liwoch 2013: 241—242; Ławrynowicz, Strzyż 2015: 244—246; Marek 2006: 189—206; Marek, Mucha 2006: 217—222).

В своих исследованиях польские ученые анализируют знаки и надписи на клинковом оружии как важный источник информации о его производстве, распространении и датировке (Glosek 1973). На боевые качества различных типов сабель обращает внимание В. Заблоцкий (Zabłocki 1989).

Не менее богата библиография проблемы, касающаяся земель Великого княжества Литовского. Так, М. Плавинский проанализировал развитие клинкового оружия на территории Беларуси в X—XIII вв. и сравнил его с аналогичными типами вооружения с территории Украины (Плавинский 2006; 2010: 505—515; 2013; 2014).

Вооружение войска Великого княжества Литовского XIV—XV вв. комплексно исследовал Ю. Бохан (Бохан 2002: 79—89; 2002а; 2003). Он не только охарактеризовал различные виды и типы оружия, но и рассмотрел их эволюцию, международные контакты и развитие технической мысли.

Также можно отметить исследования В. Казакевичюса, А. Томсона и др. (Kazakevičius 1996; Tomsons 2008: 85—104; 2012).

Среди российских ученых клинковому оружию значительное внимание уделяли А. Н. Кирпичников и А. Ф. Медведев. Однако круг их интересов касался, в основном, периода X—XIII вв. Так, А. Н. Кирпичников, на основе значительного количества материала разработал классификацию различных видов оружия, которой пользуются археологи и оружейеды, в том числе и украинские, до сих пор (Кирпичников 1966; 1975). Однако в свете новейших исследований в его типологии не хватает анализа клинков мечей, присутствуют некорректные датировки отдельных экземпляров оружия, на что в свое время указывал Ю. Бохан (Бохан 2002: 8). В работе «Военное дело на Руси в XIII—XIV вв.» А. Н. Кирпичников охарактеризовал лишь несколько мечей, не акцентируя внимания на их типологии (Кирпичников 1976). Также за пределы XIII в. в своих исследованиях не выходил и А. Ф. Медведев (Медведев 1959: 121—191; Кирпичников, Медведев 1985: 298—363). Однако, несмотря на все это, исследования вышеназванных ученых стали классическими в СССР.

На территории Украины находки позднесредневекового клинкового оружия немногочисленны. Поэтому и основательные аналитические труды, к сожалению, отсутствуют. В исследованиях ученых встречается лишь констатация факта обнаружения на определенном археологическом памятнике предметов вооружения (Веремейчик 1990: 76—83;

Терський 2006; Тичук 2009: 70—74; Федорук, Прохненко 2017: 275—292). Определенный прорыв в решении поставленной проблемы совершил В. Бережинский. Он на современном уровне реализовал историко-оружиеведческие исследования древнерусского вооружения и рассмотрел особенности его использования. Однако его исследования также охватывают, в основном, период X—XIII вв. (Бережинский 1996; 1997; 1997а; 1997б; 2000).

Атрибуции средневековых мечей с территории Киевской Руси и Польско-Литовского государства в общеевропейском контексте и в плане развития рыцарской военной технологии осуществил в своих исследованиях В. Гуцул (Гуцул 2005: 84—91; 2008; 2009: 78—91).

В последнее время появился ряд публикаций и защищены диссертации, касающиеся территорий Галицко-Волынского княжества (Кійко 2009; Шеломенцев-Терський 2011). Однако, в основном, они посвящены общим вопросам развития военного дела, а клинковое оружие рассматривается вскользь. Интересными в исследуемом аспекте являются публикации Б. Гринчишина (Гринчишин 2012: 25—31; 2013: 14—18; 2014: 89—95; 2016), но они, в основном, касаются территорий Галицко-Волынского княжества. Автор, по непонятным причинам, не рассматривает территорию Северной Буковины как составную часть княжества к середине XIV в.

Интересны исследования Д. Тоичкина, но они в большинстве своем касаются более позднего времени, не охватывающего наши хронологические рамки (Тоїчкін 2002: 81—94; 2007).

В научный оборот ввели находки клинкового оружия на территории Западной Украины В. Петегирич, Р. Чайка и др. (Петегирич 1990: 163—171; Чайка 1997: 75—86).

Изучение уровня военного дела славяно-русского населения Северной Буковины, в основном, касалось военно-оборонного зодчества, а такой важный элемент, как вооружение, характеризовался попутно без должного анализа.

Б. Тимошук в своих работах ввел в научный оборот богатый фактический материал, охарактеризовал основные категории вооружения местного населения (Тимошук 1982).

Во время исследований феодальной укрепленной усадьбы в с. Черновка найден материал, пополнивший и конкретизировавший наши знания об уровне военного дела местного населения (Возний 1998; Пивоваров 2001:

133—142; Пивоваров, Калиниченко 2014: 39—55; 2016: 367—373).

В последние годы, в результате археологических исследований городища Зеленая Липа, активно разрабатываются вопросы развития военного дела на исследуемой территории во второй половине XIII — XIV вв. (Пивоваров, Федорук 2002: 140—149; Пивоваров 2003: 204—215; 2012: 25—33).

Вопросами применения клинкового оружия в крае занимался и автор, классифицировавший этот вид вооружения, применив типологию, разработанную Е. Окшоттом, с дополнениями М. Алексича, А. Руткай, М. Глосека, А. Н. Кирпичникова и А. Ф. Медведева (Возний 2009; 2009а 75—80; 2013: 53—61).

Мечи из фондов областного краеведческого музея в Черновцах характеризует в своей публикации А. Заремба (Заремба 2014: 176—186). Правда, он охватил не все мечи.

Таким образом, видно, что проблема классификации клинкового оружия исследуемых территорий окончательно не решена и содержит целый ряд белых пятен. Перейдем к рассмотрению поставленной проблемы.

Важным видом оружия были мечи. Об их использовании в бою не раз упоминается в летописях: «и оудари и мечемъ и тако вшибеся шеломи», «и обнажат меч свои», «Левъ Стекыитя мечом оуби и брата его прободе мечом они же погибоша» (Ипатьевская летопись 2010: 439, 768, 828).

На исследуемой территории известно 11 мечей, в том числе 7 из Краевого музея австрийского периода, из нелокализованных пунктов. Очевидно, они происходят с территории междуречья Верхнего Прута и Среднего Днестра, хотя прямые упоминания об этом отсутствуют. Один меч найден в р. Прут возле с. Стрелецкий Кут недалеко от Черновцов, два происходят из с. Городок Тернопольской области, один — из Черновцов (по сообщениям Р. Ф. Кайндля). Сохранилось лишь изображение меча из Черновцов, поскольку в фондах краеведческого музея он отсутствует (Кайдль 2005: 24). Два меча из Городка могут быть причислены к исследуемой территории, поскольку, по предположениям ученых, летописный Васильев в XII—XIII вв. располагался на двух берегах реки Днестр (Пивоваров 2006: 101). Внимание исследователей их постоянно обходило. Все же по этим находкам можно делать определенные выводы о развитии оружия ближнего боя в крае.

Общие характеристики мечей представлены в таблице 1.

Самой ранней для исследуемой территории является находка семичастного бронзового навершия меча без основы на территории Черновского городища XII — первой половины XIII веков (рис. 1: 12; 2: 1) (Пивоваров, Калиниченко 2014: рис. 1). По классификации А. Н. Кирпичникова данный элемент меча относится к типу 1 (Кирпичников 1966: рис. 10). По типологии В. Казакевичуса такие навершия относятся к T1 Куршский (Kazakevičius 1996, 1: 53—58). Обнаруженное яблоко украшено циркульным орнаментом, типичным символом куршей. Такой орнамент, по словам В. Кулакова, имитировал на мечах XI—XIII вв. ямочный декор, появившийся на рукоятках мечей еще в эпоху викингов (Кулаков 2016: 27). По типологии А. Томсона головка меча относится к типу III, подтипу с геометрическим орнаментом (Tomsons 2008, 1: 85). Аналогии этому яблоку широко представлены в Украине, Беларуси, странах Прибалтики и др. (Кирпичников 1975: 30—34; Плавінскі 2013: 15; 2014: 16; Широухов 2011: 187, рис. 13: 4; Jerums 2012: 85, att. 5: 1, 2; Tomsons 2012: 155).

Существует мнение, что детали мечей этого типа производились в Прибалтике куршами. Но мечи типа 1 куршский на территории Юго-Западной Руси использовались достаточно широко. Спрос на это оружие вызвал организацию местного производства деталей, фиксирующееся на территории Беларуси в Новогрудке и Гомии (Макушников 1993: 121—130). Очевидно, яблоко из Черновки белорусского происхождения, поскольку население Буковины имело достаточно тесные торговые контакты с этой территорией.

Два меча из Черновицкого областного краеведческого музея (Фонды. №5131-II-158, 48678-сб-387) идентичны (рис. 1: 1, 2; 2: 2). Вес первого 1063 грамма, второго — 660 г. У них полтораручная рукоять, завершающаяся восьмиугольной плоской головкой с двумя плоскими выпуклыми кольцами с обеих сторон. В их центре — круглое углубление, это стиль Z по Э. Окшотту; Z2в по М. Алексичу (Aleksić 2007: 70—73). Клинок обоюдоострый с двумя долами, идущими на длину 400 мм от перекрестья. На втором клинке из-за сильной коррозии долы не наблюдаются. Толщина клинка у рикассо 7 мм, у обломанного конца 3 мм. арда крестообразно-плоская, длиной 220 мм с S-образными концами (стиль 12 по Э. Окшотту, М. Глосеку и 12с по М. Алексичу) (Окшотт 2007: 149; Aleksić 2007: 32). Аналогичные мечи обнаружены в Луцке, Львове, в окрестностях Кла-

дово на востоке Сербии, вблизи Подгорицы в Черногории (Терський 2006: 172, рис. 149: 2; Тичук 2009: 70—74; Aleksić 2007: fig. 8: 3; 17: 1). Похожее навершие известно на мече из г. Тарнова в Малопольше, а перекрестье на городище Себеж (Кирпичников 1976: табл. 4, Glinianowicz 2005: 151, tabl. VII: 3; Glosek 1984: 155; Nowakowski 1994: 198). Аналогичный меч представлен в собрании Национального музея истории Украины (Попельницька 2014: 154—155, рис. 5). Такие мечи принадлежат к типу XX по Э. Окшотту, XXI по М. Глосеку, XXв по М. Алексичу, добавившему его к классификации Э. Окшотта (Окшотт 2007: 357; Aleksić 2007: 24). Датируются они в Центральной Европе концом XIV — началом XVI в.

Это был довольно распространенный в Западной, Центральной и Восточной Европе тип мечей (Блэр 2006: фото 19) — так называемый корзинчатый меч скьявона (шиавона). Такие мечи в XV в. носила славонско-далматская гвардия венецианских дождей и другие воины в венецианских владениях (Лайбле 2008: 128). Много «венецианских» эфесов обнаружено в Венгрии и на севере Балкан. Горизонтальный изгиб крестовины использовался как дополнительная мера защиты руки (Окшотт 2007: 150). Такие мечи, как правило, были оснащены яблоками типа Z, появившимися в 1300 г., но пик их популярности начался после 1430 г. (Окшотт 2007: 149; Aleksić 2007: 24). Эти мечи были эффективными при уничтожении врага во время верховой атаки или при двуручном использовании.

К этому же типу относится другой меч (Черновицкий областной краеведческий музей. Фонды. №2151-сб-136) (рис. 1: 3; 2: 7). Он полтораручный, весом 960 грамм, яблоко в виде плоского восьмиугольника с двумя выступами (тип Z по М. Глосеку, и Z4 — по М. Алексичу) (Окшотт 2004: 261, рис. 106; Aleksić 2007: 70—75). Период бытования таких яблок начинается с 1300 г., но распространяются они после 1430 г. (Окшотт 2004: 372). Аналогичное навершие известно на мече с городища Себеж (Кирпичников 1976: табл. X: 4).

Крестовина напоминает галстук-бабочку в виде сплюсненной пластины с двумя декоративными пазами на внешней стороне лопаток (стиль 5 по Э. Окшотту, М. Глосеку) (Окшотт 2004: 271, рис. 113: 1). М. Алексич считает, что такое перекрестье может быть ранним вариантом так называемых венецианских мечей. Аналогичная гарда известна на мече из с. Шабак в западной Сербии и Дивоне в Польше

Таблица 1.

Характеристика мечей
(Фонды Черновицкого областного и Залещицкого краеведческих музеев)

№ п/п	длина (мм)				ширина клинки (мм)		типы 1 — по А.Н. Кирпичникову; 2 — по Э.Окшотту								дата (вв.)
	общая	клинок	рукоять	перекрестье			меча		перекрестья		навершия				
					верха	низа							1	2	
1	1045	785	190	220	40	37	—	XX/XXI*/XXв**	II	12	—	Z	кон. XIV — нач. XVI		
2	720	480	185	200	40	35	—	XX/XXI*/XXв**	II	12	—	Z	кон. XIV — нач. XVI		
3	510	283	170	250	55	50	—	XXa/XX*	II	5	VII	Z	втор. пол. XIV — сер. XV		
4	855	720	85	200	60	30	VII	XVI	II	1	VII	H2*/ I1**	сер. XIV — сер. XV		
5	800	580	210	—	60	45	—	XVIa	—	—	—	I1	XIV — нач. XV		
6	1284	1030	210	200	50	0	VI	XVII	II	1	III	H	втор. пол. XIV — сер. XV		
7	1065	800	180	—	60	0	VII	XVIa	—	—	—	T2	сер. XIV — нач. XV		
8	1040	860	130	270	50	40	VI	XIIa	II	1	II	I	XIII — XIV		
9	1080	860	210	220	62	0	VII	XVIa	II	7* **	—	G3*	XIV — нач. XV		
10	1240	1030	200	170	50	0		XIIIa	II	2		K* K1**	втор. пол. XIV — сер. XV		
11	1180	980	190	100	55	40		XXa, XXI*, XXв**	—	9	—	T4	рубеж XIV/XV — нач. XVI		

* — М. Глосек, ** — М. Алексич

(Aleksić 2007: fig. 6: 4; Glinianowicz, Kotowicz 2009: rys. 1: B; 4: 5).

Клинок обоюдоострый, в поперечном сечении представляет ромб с четырьмя долами, длину которых проследить не удалось. Толщина у эфеса составляет 8 мм, на месте излома — 5,5 мм. Клинок может относиться к типу XXa по Э. Окшотту, XX по М. Глосеку. Такие клинки известны по находкам с городища Себег и у меча князя Всеволода Мстиславича (Кирпичников, Медведев 1985: 331, табл. 119). Аналогичные клинки присутствуют у мечей из фондов Винницкого областного краеведческого музея (А. Заремба относит их к типу XIIIa (Заремба 2014: 180)), в собрании Национального музея истории Украины (Попельницька 2014: 151—152, рис. 2).

Изображения таких мечей часто встречаются в средневековых манускриптах и на иллюстрациях из Англии, Германии, Дании (Окшотт 2004: 343, рис. 89—92). Аналогичные мечи известны среди материалов Вольни, Малопольши, Западной Европы, Восточной Пруссии и т.д. (Окшотт 2004: 355—256; Киричников 1976: табл. X: 1; 1975: 32, рис. 2: 3; Терський 2006: 17, рис. 1: 1; Glinianowicz

2005: 152, tabl. VIII: 3; Nowakowski 1980: 52, рис. 208; Liwoch 2006: 34, рис. 1). Такие мечи специально предназначались для использования против тяжелого пластинчатого доспеха, для нанесения мощного колющего удара в незащищенные латами части тела противника. Этот боевой меч изготавливался с середины XIV до середины XV в. (Лайбле 2008: 103).

Следующий меч весом 1129 г (Черновицкий областной краеведческий музей. Фонды. №5128-II-221) (рис. 1: 4; 2: 4) отличается от предыдущих. Он короче их, с обоюдоострым широким и конусообразным лезвием, на котором до 2/3 клинка на длину 630 мм проходит неглубокий (2 мм) дол. Толщина клинка у перекрестья 6 мм, у обломанного конца 3,5 мм. Крестовина прямая, длинная, квадратная в сечении, стиля 1 по Э. Окшотту. Яблоко в виде профилированного восьмиугольного диска — тип I1 по М. Алексичу, H2 по М. Глосеку, XX по А. Рутткаю (Aleksić 2007: 23; Ruttkay 1976: 249, 260—261, Abb. 1).

Такой меч относится к типу XVI по Э. Окшотту и датируется XIV—XV вв. (Окшотт

Рис. 1. Мечи. 1, 3—4, 6—9 — из нелокализованных пунктов; 2, 10 — найденные в р. Прут возле Черновцов; 5, 11 — с. Городок; 12 — Черновка (1, 3—4, 6—9 — фонды Краевого музея в Черновцах; 2 — фонды Областного Черновицкого краеведческого музея; 5, 11 — фонды краеведческого музея г. Залещики Тернопольской области; 12 — по Пивоваров, Калиниченко 2014: рис. 1).

Fig. 1. Swords. 1, 3—4, 6—9 — from non-localized points; 2, 10 — found in r. Prut near Chernivtsi; 5, 11 — from Horodok village; 12 — Chernovka (1, 3—4, 6—9 — funds of the Regional Museum in Chernivtsi; 2 — funds of the Regional Chernivtsi Museum of Local Lore; 5, 11 — funds of the local history museum of Zalizchuk of the Ternopil region; 12 — after Пивоваров, Калиниченко 2014: рис. 1).

2004: 245—246). Такие мечи были одинаково эффективными и против доспехов, преобладавших в первой половине XIV в. — кольчатых, смешанных, — и против пластинчатых. Ими можно было наносить мощные рубящие удары и, при необходимости, нанести проникающий удар (Окшотт 2007: 75—76).

Следующий меч из фондов Залещицкого краеведческого музея (рис. 1: 5). Он двуручный. Клинок шириной возле перекрестья

60 мм, на месте облома 45 мм, обоюдоострое лезвие постепенно сужается книзу. Посередине есть неглубокий дол, идущий на 2/3 длины клинка. Яблоко меча в форме профилированного восьмиугольного диска, относится к варианту II. Перекрестье отсутствует. Меч можно отнести к типу XVIa по Э. Окшотту, датируемому XIV — серединой XV в. Аналогичные мечи известны в Польше (Вроцлав, Вершровицы Малые), в Юго-Западной Сло-

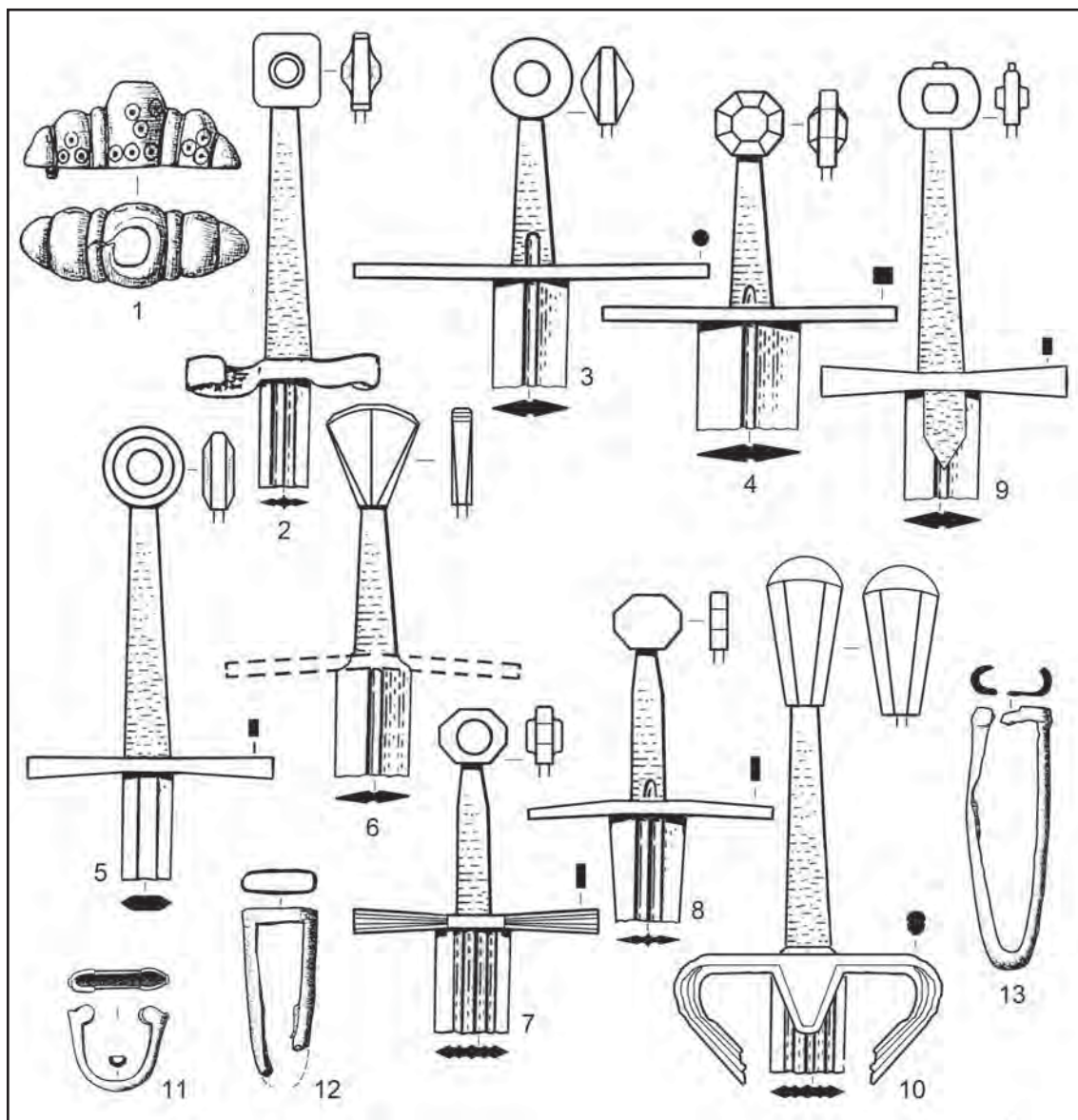

Рис. 2. Прорисовки рукояток, наверший, перекрестьев и наконечников ножен (1, 11—13 — по Пивоваров, Калининченко 2016: 368; 2—10 — прорисовки автора).

Fig. 2. Drawings of handles, “apples” (end-pieces), cross-pieces and scabbard tips (1, 11—13 — after Пивоваров, Калининченко 2016: 368; 2—10 — drawings by the author).

вакии (Мужла) (Marek 2008: рис. 89; Ruttkay 1975: 147, Abb. 5: 4).

Интересным является меч из фондов Черновицкого краеведческого музея (рис. 1: 6; 2: 5) (Фонды. №5133-сб-161). Он полтораручный, клинок длинный, тонкий, гексагонального сечения, сужающийся к острию, без дола. Ширина у эфеса 50 мм. Рукоять длинная. Хвостовик крепкий, в сечении четырехугольный.

Яблоко дискообразное со срезанными краями, имеющее по центру небольшое круглое углубление (тип Н по Э. Окшотту, М. Глосеку) (Окшотт 2004: 261, рис. 106). Пери-

од бытования таких яблок достаточно широк — 1250—1350 гг., и восстанавливается в 1450—1460 гг. М. Алексич датирует их достаточно широко — X—XV вв. (Aleksić 2007: 46).

Перекрестье меча прямое, прямоугольное в сечении (стиль 1 по Э. Окшотту) (Окшотт 2004: 271, рис. 113: 1). По типологии А.Н. Кирпичникова, такие мечи относятся к типу VI и датируются XIV в. (Кирпичников 1966: 50, рис. 10: VI). По признакам, выделенным Э. Окшоттом, его можно отнести к типу XVII.

Аналогичные мечи известны в с. Водички на Подолье, в Тарнове в Малопольше, Хойнуве, Старом Цикажеве в Юго-Западной Польше, Стогновицах, Тренчине в Северо-Западной Словакии, Марамуреше на севере Румынии, где они датируются XIV — началом XV вв. (Заремба 2014; Кирпичников 1976: табл. X: 2; Aleksić 2007: 17, r. 2: 2; Culic, Pralea 2013: 304—308; Glinianowicz 2005: 154, tabl. IX: 3; Głosek, Nadolski 1970: tabl. II: 6; Liwoch 2006: 33; Pírek 2007: 251—257; Marek 2008: rys. 91a; Ruttkay 1975: 147, Abb. 5: 7).

Такие мечи предназначены исключительно для нанесения колющих ударов. Они гораздо тяжелее, чем более ранние типы, благодаря чему могли расколоть пластины доспехов. Важно отметить, что мечи этого типа изображены на английских скульптурах в период 1355—1425 гг.

Еще один меч-бастард, с несохранившимся перекрестьем (рис. 1: 7; 2: 6) (Черновицкий областной краеведческий музей. Фонды. №5132-сб-160), относится к наиболее распространенной форме (тип XVIa по Э. Окшотту и VII — по А. Н. Кирпичникову) и датируется серединой XIV — началом XV в.

Длинный клинок обоюдоострый, заостренный, с усиленным острием. Хорошо обозначенный дол занимает около 1/3 длины клинка. Нижняя часть лезвия имеет плоскую гексагональную форму. Такие острые клинки, очевидно, были предназначены против пластинчатых или смешанных доспехов.

Яблоко в виде плоской пирамидальной восьмигранной головки относится к типу T2 и датируется второй половиной XIV в. (Окшотт 2004: 362; Aleksić 2007: 69). Мечи с такими навершиями часто встречаются на западноевропейских миниатюрах и хранятся в коллекциях музеев: Фицвильям в Кембридже, военном музее в Белграде и др. (Окшотт 2007: 135, рис. 93ж; Aleksić 2007: pl. 16: 3). Судя по изображениям, перекрестья в таких мечах, как правило, были прямыми, широкими или слегка изогнутыми, стилия 1 по Э. Окшотту.

Похожий меч известен в Вонвольнице (Польша) (Zaluski 2013: rys. 1).

Следующий меч весом 1619 г (рис. 1: 8; 2: 3) (Черновицкий областной краеведческий музей. Фонды. №5130-II-223). Его клинок обоюдоострый, в поперечном сечении имеет форму ромба. Толщина возле эфеса составляет 75 мм, у обломанного конца 35 мм. От перекрестья на длину 640 мм (2/3 клинка) четко прослеживается дол шириной 8 мм, глубиной 2 мм, начинающийся на хвостовике. Ябло-

ко меча дискообразное со срезанными конусообразными краями (тип I). Такие навершия были наиболее популярными и встречаются достаточно часто (Винклер 1992: 93). Крестовина стилия 1 широкая, круглая в сечении.

По сочетанию характеристик меч можно отнести к типу XIIIa по типологии Э. Окшотта, датируемому XIV в. (Окшотт 2007: 57—61). Он является типичным рыцарским полтораручным мечом.

Похожее оружие известно из с. Богдан в Закарпатье, в фондах Мурешского уездного музея в Румынии, Стрыжове (Польша), Дла-над-Вахом в Юго-Западной Словакии (Prokhnenko, Kaliničenko 2015: obr. 4—6; Glinianowicz, Kotowicz 2009: rys. 16a: 2, 3; Ruttkay 1975: 147, Abb. 5: 1, 3).

Еще один меч (рис. 1: 9; 2: 8) (Черновицкий областной краеведческий музей. Фонды. №5130-II-223) с обоюдоострым клинком, сужающимся к острию, гексагональной формы в поперечном сечении, с двумя долами, достигающими до 2/3 клинка. Ширина возле эфеса составляет 75 мм, у острия 35 мм. Исследователи предполагают, что такие клинки были предназначены против пластинчатых или смешанных доспехов.

Яблоко меча в виде плоского восьмигранника (тип G3 по М. Глосеку). Такие навершия были наиболее популярными и встречаются достаточно часто (Винклер 1992: 93).

Перекрестье стилия 7 по М. Глосеку и М. Алексичу широкая, круглая в сечении и немного согнута вниз. Датируются такие перекрестья 1280—1370 гг.

По сочетанию характеристик, согласно типологии Э. Окшотта, меч можно отнести к типу XVIa, датируемому XIV—XV вв. (Окшотт 2007: 57—61). Его можно, рассматривать как типичный рыцарский полтораручный меч.

Похожие предметы вооружения известны в Львовском историческом музее (Гринчишин 2013: 14—18), в Балджихуве (Центральная Польша) (Głosek, Nadolski 1970: tab. 1: a).

К типу XIIIa можно отнести и меч-бастард, найденный в р. Прут возле Черновцов (рис. 1: 10; 2: 9). Его клинок обоюдоострый, в поперечном сечении напоминает ромб с одним долом, достигающим до 2/3 клинка. Яблоко в виде плоского овала с пуговицей относится к типу K по Э. Окшотту, М. Глосеку и K1 по М. Алексичу (Aleksić 2007: 58). Такие навершия часто встречаются в сочетании с клинками типа XIIIa и XVIa.

Перекрестье меча бабочковидное и относится к стилю 2, появившемуся в обиходе по-

Рис. 3. Клеймо на мече из с. Городок. 1 — фото; 2 — прорисовка.

Fig. 3. Stamp on the sword from Horodok village. 1 — photo; 2 — drawing.

сле 1300 г. (Окшотт 2007: 149, 368, рис. 161). «Руки» крестовины сужаются внутрь к концам к четко выраженному встроенному «*écusson*», выступающему острым зубцом на клинок.

По всем составными частями меч можно датировать серединой XIV — XV вв. З.К. Пинтер такие мечи датирует рубежом XIV — XV вв. (Pinter 2007: 100—101). Они предназначались как для колющего, так и для рубящего ударов. В большинстве своем мечи типа XIIIa относятся к XIV в., когда происходил переход от кольчатого к пластинчатому доспеху. Вместе с типом XIVa они были самыми популярными в Юго-Восточной Европе в XIV в. Это один из первых видов оружия эпохи великого рыцарского меча (Aleksić 2007: 84). Аналогичные предметы вооружения известны на многих памятниках как Западной, так и Центральной и Восточной Европы (Плавинский 2006: 26; Bruhn 1954: tabl. XX: f; Marek 2008: rys. 88: a; Głosek, Nadolski 1970: tabl. V: 15).

Достаточно интересной является находка из Городка (рис. 1: 11; 2: 10). Меч двуручный с навершием типа T4 (граненое яблоко, имеющее в сечении форму восьмиугольника

с более широкой верхней частью, сужающегося конусом в направлении ручки (Окшотт 2004: 359, рис. 152; Aleksić 2007: 68). Такие навершия «*scent stopper*» появились в Европе в конце XIV в. и встречаются на миниатюрах 1390—1411 гг. А. Брун-Хоффмейер считает, что граненые пирамидальные навершия монтировались на мечах и во второй половине XV в. (Bruhn-Hoffmeyer 1954: 89—95). Аналогичные яблоки известны на мечах, выявленных возле Залещиков и Шепетовки (Заремба 2014: рис. 3: 4).

Перекрестье меча с треугольным выступом над клинком, изогнутое к плоскости клинка в виде парирующих дуг. В сечении оно фигурное, концы скошены внутрь. В определенной степени такое перекрестье можно отнести к стилю 9 (Окшотт 2004: 372, рис. 166). Острый выступ над лезвием должен был входить в симметрично размещенные углубления, при вкладывании меча в ножны, для предотвращения попадания туда влаги или пыли. Такие выступы на перекрестьях использовались в Западной Европе примерно до 1440 г. (Окшотт 2004: 372).

Не менее интересен клинок оружия. По форме он напоминает клинок меча Всево-

Рис. 4. Изображение меча. Фреска в церкви Усекновения главы св. Иоанна Крестителя XV—XVI вв. в Сучевице (Южная Румыния) (по Solcanu 2002: fig. 31).

Fig. 4. Image of the sword. Fresco in the Church of the Beheading of St. John the Baptist, 15th—16th centuries, in Sucevița (Southern Romania) (after Solcanu 2002: fig. 31).

лода Гавриила, датируемый А.Н. Кирпичниковым XV в. (Кирпичников, Медведев 1985: 331, табл. 119: 2). Хотя при этом исследователь отмечает, что в XIV в. в Восточной Европе начали использовать большие мечи. В связи с вытянутыми пропорциями лезвия клинки могли выковываться с трехрядными долами вместо однорядного. Клинок обоюдоострый с прямым лезвием, в поперечном сечении имеет форму ромба с тремя долами, доходящими до середины клинка. Центральный дол достигает 2/3 длины клинка.

По форме клинка его можно отнести к типу XXa по Э. Окшотту, XXI по М. Глосеку, XXv по М. Алексичу. Такой тип датируется второй половиной XIV — XV вв. (Окшотт 2004: 355—356; Choma, Pírek 2007: 245—249). В общем наборе, по нашему мнению, этот меч можно датировать концом XIV — XVI вв. Подобный меч, но с перекрестьем стиля 10, известен в Червинске, военном музее в Белграде (Głosek, Nadolski 1970: tabl. II: 7).

На лезвии меча есть клеймо с размещенными беспорядочно буквами и цифрами. Как утверждает М. Глосек, такого типа клей-

ма были распространенными на клинках персидских сабель, и часто на них выступало имя мастера, изготовившего изделие (Głosek, Olijnyk 2008: 34). На клейме можно прочесть латинские буквы SO, KS, Sa и цифры — 62, 83, остальные идентификации не поддаются (рис. 3).

На территории Черновского городища обнаружены три U-образных железных наконечника ножен мечей (рис. 2: 11—13) (Пивоваров, Калиниченко 2016: 367—373). По материалам городища они датируются серединой XIII в. и относятся к типу VIII по А. Томсонсу (Tomsons 2012: 225—227). Аналогии таким наконечникам представлены на археологических памятниках Украины, Беларуси, Польши, Румынии (Плавинский 2006: 95; 2010: 510; Janowski 2006: 41; 2007: 171). По типологии Р. Сикоры они относятся к группе VI (Sikora 2003: 27—28). В Европе они широко распространяются после 1100 г. Очевидно, с этого времени такие предметы фурнитуры появились и на Руси. Причем, как показал А. Томсонс, U-образные наконечники больше всего использовались в ножнах для мечей типа 1 куршский (Tomsons 2012: 230).

Предложенная типология не является исчерпывающей и окончательной, поскольку определенные типы мечей изготавливались на протяжении длительного времени. Поэтому, казалось бы, одинаковые типы клинков или даже мечей могли существовать в разные хронологические периоды в несколько видоизмененном виде по отношению к эталонному типу. Это значительно затрудняет их классификацию. Тем более что древнерусские мастера не слепо копировали формы романских мечей, а добавляли что-то новое, свое. Поэтому напрямую сравнивать образцы оружия, обнаруженные на исследуемой территории, с западными образцами не всегда правомерно. Кроме того, предлагаемые типологией Э. Окшотта временные рамки для каждого из типов в действительности могут различаться в тех или иных европейских регионах. Английский исследователь, в основном, опираясь на материал из Западной Европы, а Центральная и Восточная Европа, за небольшими исключениями, им не изучалась. Польский археолог и оружейник М. Глосек отмечал, что некоторые из типов мечей в Центральной Европе существовали значительно более длительное время (Głosek 1984: 15—23, 178). В отечественной науке эта проблема на сегодняшний день практически не разработана. Возможно, дальнейшие исследования и новые находки помогут дать ответы на все поставлен-

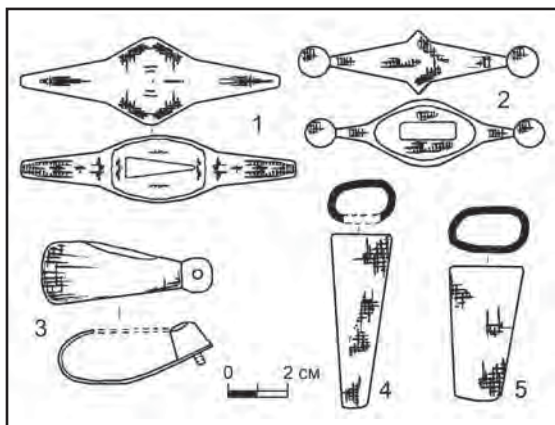

Рис. 5. Прорисовки элементов сабель: 1, 2 — гарды; 3 — овальная скоба для крепления ножен; 4, 5 — оковки ножен. 1—3 — Черновка (1, 3 — по Возний 2009: рис. 70: 16, 17; 2 — по Пивоваров 2001: рис. 1: 16); 4, 5 — Зеленая Липа (по Пивоваров 2003: рис. 4: 4, 6).

Fig. 5. Drawings of sabers elements: 1, 2 — guards; 3 — oval bracket for attaching the scabbard; 4, 5 — scabbard. 1—3 — Chernovka (1, 3 — after Возний 2009: рис. 70: 16, 17, 2 — after Пивоваров 2001: fig. 1: 16) 4, 5 — Zelena Lypa (after Пивоваров 2003: рис. 4: 4, 6).

ные вопросы. О широком применении мечей на исследуемой территории могут свидетельствовать фрески XV—XVI вв. на стенах церквей Южной Буковины с изображениями этого вида вооружения (рис. 4).

Важным полифункциональным оружием ближнего боя и, в первую очередь, признаком знатности всадника была сабля. Этим видом оружия можно было наносить рубяще-колющие удары. Сабли, заимствованные у кочевых народов, бытовали на территории Древнерусского государства с X в. (Кирпичников 1966: 62). Но древнерусские ремесленники не просто переняли это оружие, а произвели свои новые, более совершенные формы. Сабли были особенно популярными среди южнорусских всадников, о чем не раз упоминалось в летописях: «взять полкуу съ саблями и почаша у сечи и тоу побеже Игорь и Святославъ» (Ипатьевская летопись 2010: 326). Даниил Романович, придя на помощь уграм, имел «и сабля златомъ окрашена», чем особенно поразил немецких послов: «немцы же зрящимъ много дивящимся» (Ипатьевская летопись 2010: 814). О раннем появлении этого вида оружия в Галицко-Волынском княжестве свидетельствует находка перекрестья рукоятки в Судовой Вишне (Ратич 1962: 113). Как средство ведения боя сабля характеризуется рядом особых качеств. Ее удар имеет кру-

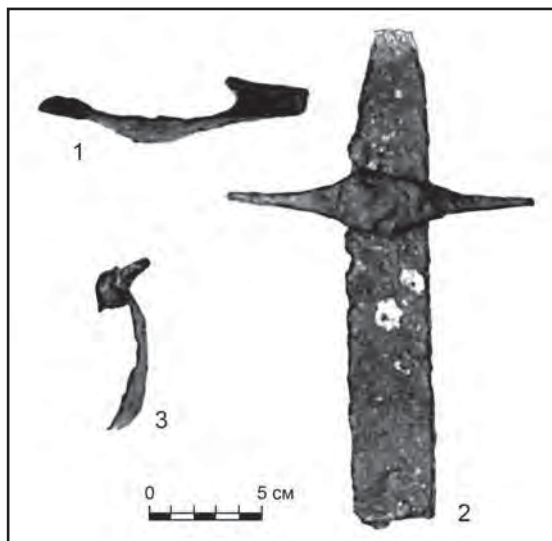

Рис. 6. Фрагменты сабель с городища Черновка: 1 — гарда; 2 — фрагмент лезвия сабли с гардой; 3 — фрагмент овальной скобы для крепления ножен (по Возний 2009: фото 60: 10—12).

Fig. 6. Fragments of sabers from the Chernovka hillfort: 1 — guard; 2 — a fragment of a blade of a saber with a guard; 3 — a fragment of an oval bracket for attaching the scabbard (after Возний 2009 фото. 60: 10—12).

говой характер, он скользкий и захватывает большую поверхность тела. Благодаря меньшему весу, чем у меча, сабля давала возможность свободного маневрирования и не прогибалась доспехи, а прорезала их (Бережинский 2000: 15).

На исследуемой территории обнаружены фрагменты сабли (Черновка) (Возний 1998: рис. 14: 22; 2009: фото 60: 10; Пивоваров 2001: рис. 1: 16), а также сабельные гарды (Черновка — 3 экз., Ленковцы на Пруте — 1 экз.) (рис. 5: 1, 2; 6) (Возний 1998: рис. 36: 6; 50: 8). Фрагмент лезвия сабли достигал длины 17 см, ширины 3 см, толщины 0,6 см. Другой обломок имел длину 5 см. Такие повреждения указывают на то, что на городище велся ожесточенный рукопашный бой. Похожие фрагменты сабель известны на ряде древнерусских открытых поселений и городищ (Никольская 1981: рис. 95: 16; Шекун, Веремейчик 1997: рис. 33: 20; Spinei 1994: fig. 15: 3).

Найденные гарды относятся к двум типам. Сабельная гарда, обнаруженная в 1999 г., прямая, с шарообразными окончаниями. Ее длина 9,8 см, наибольшая ширина 2,6 см, диаметры шариков — 1,4 см (рис. 5: 2) (Пивоваров 2001: 136). Такое перекрестье относится к типу I по типологии А. Н. Кирпичникова и датируется IX—XI в. (Кирпичников 1966: 68). Однако боковые стороны эфеса оформлены в виде

Рис. 7. Изображение сабли. Фреска в церкви Благовещения XV—XVI вв. в Молдовице (Южная Буковина, Румыния) (по Solcanu 2002: fig. 29).

Fig. 7. Image of saber. Fresco on the Church of the Annunciation, 15th—16th centuries, in Moldovița (Southern Bucovina, Romania) (after Solcanu 2002: fig. 29).

ромбических щитков, что характерно для более позднего времени, а именно второй половины XI — XIII вв. Возможно, мы имеем дело с процессом перехода к новым, более совершенным формам гард с сохранением старых форм. Или же это перекрестье местного производства. Кузнец при этом мог пользоваться венгерским образцом раннего времени. Полных аналогий этому перекрестью не обнаружено. Подобные эфесы такого типа известны в Гомии (Макушников 1993: рис. 2: 26).

Другие эфесы представляют собой прямые перекрестья с ромбическим расширением на середине их длины и относятся к общерусскому типу. Длина их составляет 9—10 см, ширина 2,6 см, ширина щитка 2,3 см (рис. 5: 1; 6: 1). По классификации А. Н. Кирпичникова, они принадлежат к типу II и датируются второй половиной XI — XIII вв. (Кирпичников 1966: 69). Популярность таких перекрестий объясняется простотой и рациональностью конструкции. Боковые стороны гард в основном оформлены расширенным щитком, благодаря чему перекрестье приобретало большую прочность и задерживало оружие противника, не давая ему соскочить на рукоять. Аналогичные гарды найдены на территории Древнерусского государства, а также на археологических

памятниках Западной и Восточной Европы (Веремейчик 1990: рис. 2: 4; Медведев 1959: 122, рис. 8; Никольская 1981: рис. 85: 6).

Сабли носились в ножнах, привязанных у пояса или на плечевой перевязи, прикрепленной к ремешкам с помощью двух колец или скоб. Фрагмент такой овальной скобы, скрепленной кольцом, обнаружен в укрепленной сельской феодальной усадьбе в с. Черновка (рис. 5: 3; 6: 3) (Возный 2009: фото 60: 12). Аналогичные скобы широко представлены среди археологических материалов Восточной Европы (Inkova 2013: 66).

Из находок с городища Зелёная Липа к металлическим частям ножен холодного оружия могут относиться бронзовый и железный наконечники (рис. 5: 4, 5) (Пивоваров 2003: рис. 4: 4, 6). Аналогичные находки известны из раскопок на Княжей Горе, где они датируются XII—XIII вв. (Кирпичников 1966: 16).

О широком применении местным населением сабель могут свидетельствовать и иконографические материалы. Так, в церквях Южной Буковины сохранились фрески XV—XVI вв. с изображениями этих предметов вооружения (рис. 7).

Среди клинкового оружия значительную популярность в период средневековья получили корды. Это клинковое рубящее и колющее холодное оружие с часто коротким (64—72 см), широким (прямым или искривленным, обоюдоострым или односторонне заточенным) клинком и эфесом (рукоятью с перекрестьем или скобой или без них). Значительное распространение кордов в средневековом обществе привело к появлению нескольких названий-синонимов кордов: Seitengewehr, Hauswehr, Wehr, Lanngwehr, Gartwehr.

Ученые, занимающиеся исследованием клинкового оружия, выделяют три типа кордов. Первый — простые корды с прямой спинкой, односторонним лезвием, края которого идут параллельно друг другу или сужаются к острию, похожие на нож без навершия и гарды. Второй — корды с короткой гардой и асимметричным навершием. К третьему типу относят корды с асимметричным навершием рукояти и длинной гардой. В каждом типе иногда встречается нагель для защиты кисти руки (Nowakowski 1994: 205).

На исследуемой территории среди предметов вооружения известны находки двух кордов. Первый происходит с городища Зелёная Липа (Пивоваров 2003: 211, рис. 4: 1). Это длинный большой нож с прямой спинкой и односторонним лезвием. Его общая длина

составляет 41,3 см (рис. 8: 1; 9: 1) (29 см — длина лезвия, 12,3 см — рукояти), наибольшая ширина лезвия составляет 4 см, ширина рукояти — 2—3 см, толщина лезвия — 0,5 см (Пивоваров 2012: рис. 1). На хвостовике ручки с одной стороны сделано углубление, позволявшее, сохраняя ее жесткость, сделать отверстия для крепления накладок (Marek 2004: 47). На ручке видны три отверстия. Одно из них находится несимметрично к предыдущим и смещено в угол рукоятки. Возможно, оно предназначалось для темляка — ремешка, предотвращавшего выпадение оружия из руки. Рукоять заканчивается закругленным обухом.

Важной особенностью кордов является наличие в основании лезвия нагеля — штифта, прикрывавшего руку и бывшего дополнительным упором при ударе. Такие нагели имели разные формы. Они были в виде диска, заклепки с широкой шляпкой. На зеленолипской находке есть нагель в виде Т-образной головки. Высота ее составляет 2,2 см, длина Т-образного перекрестья, развернутого вдоль оси лезвия, — 3 см. Большинство исследователей считает, что нагель, располагавшийся, как правило, с правой стороны от рукояти, защищал руку от ударов противника (Peterson 2001: 34). Трактаты по фехтованию XV в. подтверждают эту версию, потому что часто, особенно в бою на кордах, упоминается удар по противнику с внешней стороны (Zabinski, Walczak, Clements 2002: 124). Менее вероятна роль нагеля в качестве ограничителя, не позволявшего прокалывать ножны, или упора, не позволявшего соскочить руке на лезвие при сильном ударе.

Таким образом, представленный корд по внешнему виду можно было бы отнести к первому типу (Nowakowski 1994: 205). Аналогичные предметы вооружения первого типа широко представлены в материалах памятников Польши, Литвы, Беларуси, Болгарии, Чехии и др. (Бохан 2002а: 34; Marek 2006: 189—206; Minić, Vukadin 2007: 120, рис. 75: 1; Žákovský 2011: obr. 7a, 9; Spannbauer, Strzyż 2009: 148—149; Ławgynowicz, Strzyż 2015: 244—245; Vích, Žákovský 2016: 286). Датируются такие корды серединой XV в. и сочетают в себе характеристики колющего и рубящего оружия (Бохан 2002а: 34).

Второй корд найден в Городке около г. Залещики (рис. 10: 1). Его общая длина составляет 82 см, лезвие плавно сужается от основания. В районе острия конец односторонне заостренного лезвия округленный, что придает ему асимметричные очертания. Длина лезвия

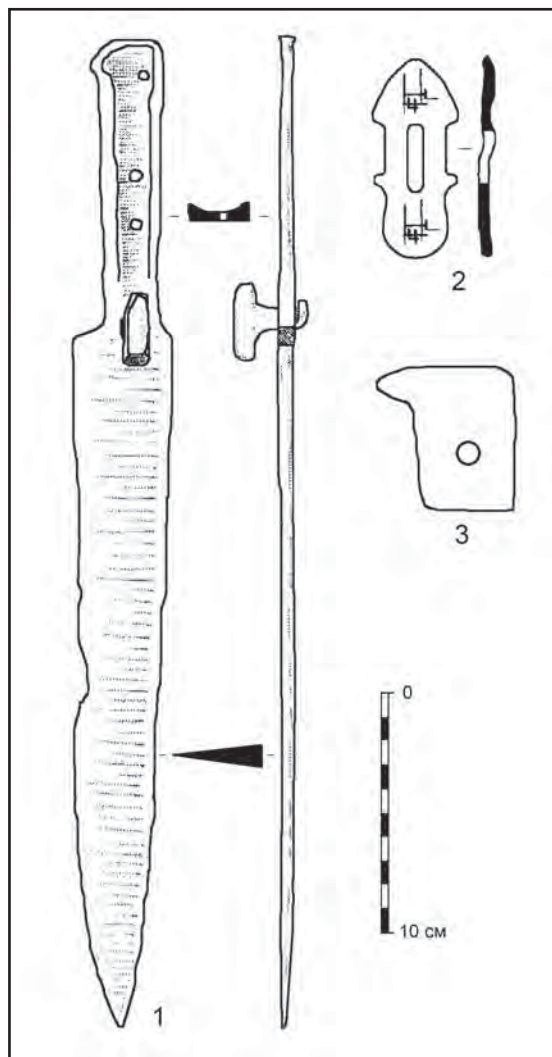

Рис. 8. Корд и его элементы с городища Зеленая Липа: 1 — корд; 2 — перекрестье; 3 — навершие (по Пивоваров 2003: рис. 4: 7; 2012: рис. 1).

Fig. 8. Kord and its elements from the Zelena Lypa hillfort: 1 — kord; 2 — crosshairs; 3 — top (after Пивоваров 2003: рис. 4: 7; 2012: рис. 1).

64,2 см. Клинок в районе перекрестья широкий — 6 см. Гарда длиной 18,3 см имеет сложную форму в виде плоской пластины в центре, переходящей к концам в полукруги ромбовидного сечения, обращенные внешней стороной круга к рукоятки. Она асимметричная, близкая к ножевой, с набалдашником-утолщением, загнутым вперед, предотвращавшим выпадение оружия из руки во время рубящего удара. По А. Новаковскому он относится к типу 2 — корд с короткой гардой и асимметричным набалдашником (Nowakowski 1980: 205). Аналогичные корды известны в Кармелаве (Литва), музее Войска Польского (Польша), причем последний полностью идентичен (Бохан 2002а:

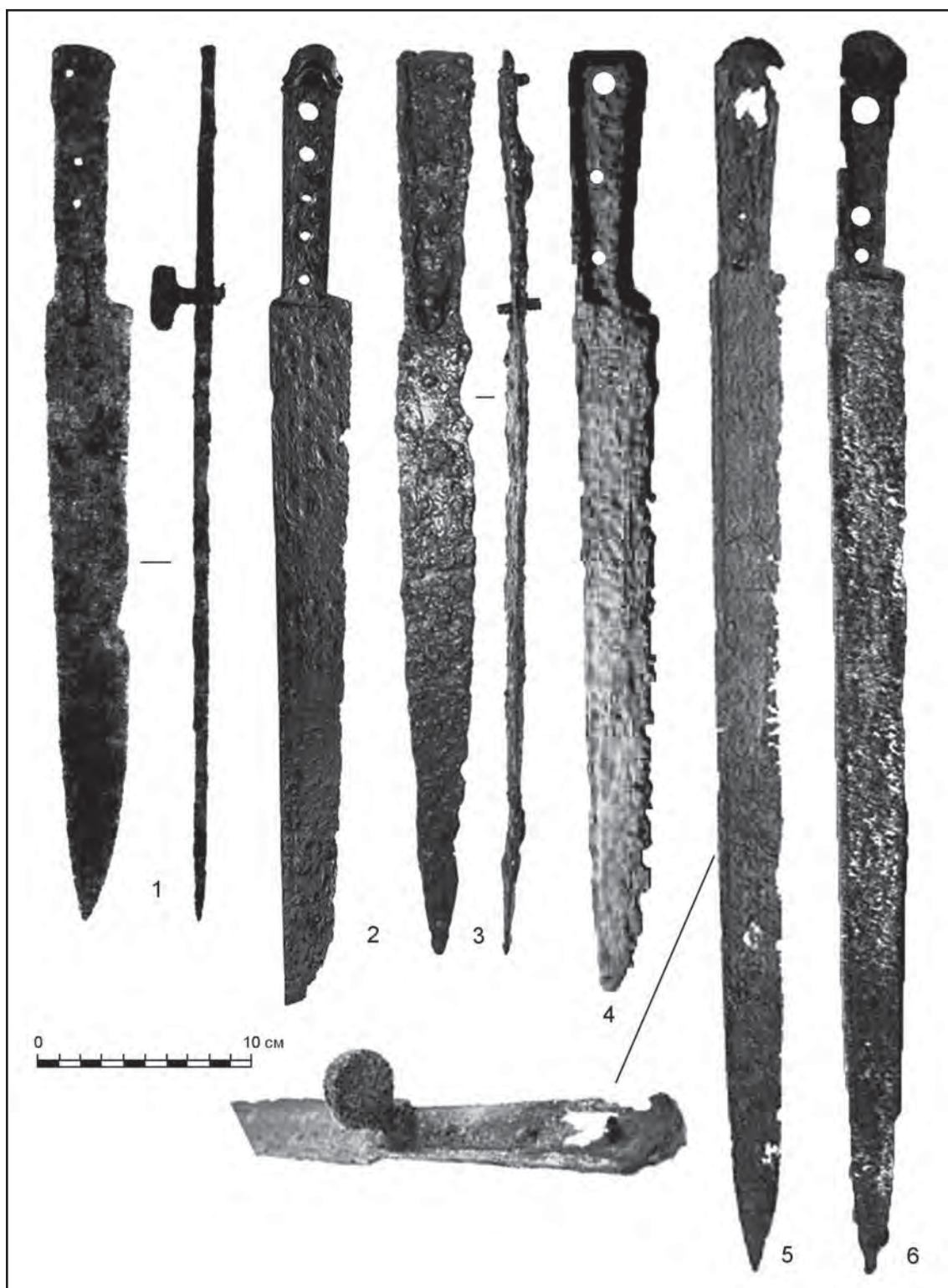

Рис. 9. Корд и его аналогии: 1 — городище Зеленая Липа; 2 — с. Ивахновцы на Подолье; 3 — замок Орлик (Чехия); 4 — Мушковице (Силезия); 5 — Сяжев (Польша); 6 — корд XV в. из Беларуси (1 — по Пивоваров 2012: рис. 1; 2 — по Liwoch 2013: рис. 1; 3 — по Vích, Žákovský 2016: obr. 10: 14; 4 — по Marek 2006: рис.1, а; 5 — по Ławrynowicz, Strzyż 2015: рис. 1; 6 — по Бохан 2003: 34).

Fig. 9. Kord and his analogies: 1 — Zelena Lypa hillfort; 2 — Ivakhnovtsy village, Podolia; 3 — Orlik Castle (Czech Republic); 4 — Muszkowice (Silesia); 5 — Siarzew (Poland); 6 — 15th c., Belarus (1 — after Пивоваров 2012: рис. 1; 2 — after Liwoch 2013: рис. 1; 3 — after Vích, Žákovský 2016: obr. 10: 14; 4 — after Marek 2006: рис.1, а; 5 — after Ławrynowicz, Strzyż 2015: рис. 1; 6 — after Бохан 2003: 34).

гус. 7: 2; Żygulski 1982: гус. 23). Это так называемый моравский тип. Датируются такие находки концом XV — началом XVI в., когда этот вид оружия стали ориентировать на рубящий удар.

Корды носили слева на одном свободном ремне или на ремнях, отходящих от основного, на талии, благодаря которым они подвешивались на уровне бедра. Это подтверждается различными источниками: миниатюрной живописью, рисунками, скульптурными изображениями, иконографией, широко представленными в Западной и Центральной Европе.

Корды были чрезвычайно популярным видом вооружения. Так, в Польше их носили горожане, купцы, богатые холопы, а также шляхтичи, поскольку этот вид оружия во время путешествий был более удобным и легким. Кроме того, по цене корд стоил столько же, сколько дешевый меч (Nowakowski 1980: 205; Nadolski 1984: 60—61). По словам Ю. Бохана, в Великом княжестве Литовском корды в большинстве посполитого ополчения были распространенным видом оружия и стояли на втором месте после сабли (Бохан 2002а: 72). Так, в Уставе Великого княжества Литовского 1588 г. г(лава 1, статья 9) отмечается: «Кто бы тежь передь нами, г[о]с[по]д[а]ремъ, корда, шабли или якое иное брони достал и раниль, тот горло тратить»; в том же разделе статья 10: «такъ на палаць и двор нашъ, яко и по месту вооруженное и с жадным иньшими бронями ходит, звлаща с ручниц, гаркабузомъ и с лукомъ, и с жадной иною стрельбою, окромя меча, корда, шабли, шпады и иньшое ручное брони» (Статут 2005: 345). Решение одного из великопольских сеймиков от 1458 г. требовало от лиц, не имеющих дохода с «чинша», «выправлять с каждых 20 “лан” пехоту со щитом, шлемом и кордом» (Бохан 2002а: 79—89). В средневековых городах владение кордом было условием принятия ремесленника в цех (Marek 2006: 189). Корды были на вооружении воинов многих европейских стран, в том числе Польши, Германии, Чехии, Швейцарии. Это был переходный тип вооружения между мечом и саблей.

Обнаруженные на исследуемой территории корды могли быть изготовлены в мастерских ножовщиков Польши или Галиции. Так, в Кракове, в 1414 г. упоминается мастер Николай, а в 1448 г. во Львове оружейник Славпич, занимавшиеся изготовлением мечей и кордов (Księga 1921: 307, №2559). Важным центром изготовления этого вида вооружения был Вроцлав — столица Силезии (Goliński 1990: 3—64).

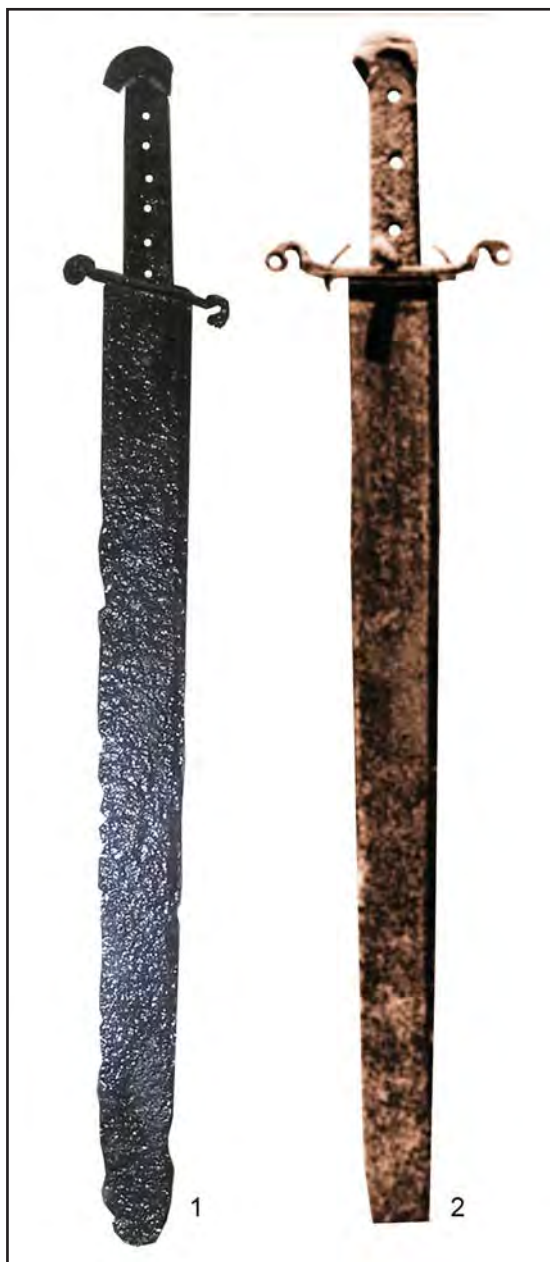

Рис. 10. Корды типа II: 1 — Городок Залешицкого района (фото автора); 2 — Варшавский музей Войска Польского (по Żygulski 1975: rys. 23).

Fig. 10. Type II cords: 1 — Town of Zalaishchitsky District (photo by the author) 2 — Warsaw Museum of the Polish Army (after Żygulski 1975: rys. 23).

Корды на исследуемых памятниках могли появиться вследствие торговых отношений местного населения или в результате боевых действий польско-литовских войск, бывавших тут в это время. Ученые связывают этот вид оружия с гуситскими или чешско-венгерскими войнами 60-х—70-х годов XV в.

Попутным свидетельством того, что этот вид вооружения изготавливался и был распро-

странен в Центральной Европе, являются упоминания в древнерусских летописях. Во время Куликовской битвы дружины Великого княжества Литовского имели «корды Ляцкия» (Бохан 2002а: 83).

К конструктивным особенностям кордов как колющего и рубящего оружия относится высокое оголовье с асимметричным, трапециевидным, выступом со стороны лезвия, которое, при отсутствии полноценного яблока, мастера делали для того, чтобы оружие не могло выскочить из руки. Такой элемент был обнаружен на оружии с Зеленолипского городища (рис. 8: 3) (Пивоваров 2003: рис. 4: 7). Эта находка похожа на оголовья так называемого «моравского типа», хорошо известные в Польше, и относится ко второму или третьему типам кордов (Marek, Mucha 2006: 217—222). Так, в руководстве Г. Тальгоффера 1459 г. показан вариант боя, базирующегося на системе ударов, наносящихся противниками специально подготовленными кордами. Оголовье на них такое же, как на зеленолипском.

Во второй половине XV в. отмечается тенденция усиления рубящих свойств кордов. Это выражалось в изменении формы лезвий и широком использовании оголовья с большим выступом с внутренней стороны рукояти, как это прослеживается на корде из Городка. В трактате Тальхоффера 1467 г. представ-

лена техника боя рубящими ударами кордом, снабженным оголовьем с выступом (Talhoffer 2000: 228, 229). Как отмечают исследователи, корды с прямыми лезвиями и оголовьем с выступом-упором в большинстве своем происходят из Германии, возможно, из Швейцарии, и датируются концом XV — началом XVI вв. (Marek 2006: 199).

К оружию ближнего боя может быть отнесена гарда от боевого ножа или корда, обнаруженная в северной части донжона на каменном фундаменте на городище Зеленая Липа (рис. 8: 2) (Пивоваров, Федорук 2002: 143, рис. 1: 5). Аналогии ей не обнаружены.

Анализируя вышеизложенное, приходим к выводу, что вооружение населения исследуемого региона было на достаточно высоком уровне. Большинство предметов клинкового оружия, найденные на исследуемой территории, аналогичны вооружению подобного типа из Центральной и Южной Европы. Так что можно предположить, что в XIV—XV вв. развитие военного искусства в общем и индивидуального вооружения, мечей в частности, находилось под ощутимым западным влиянием, но при этом наблюдается некоторое локальное своеобразие в использовании определенных видов вооружения, что, очевидно, связано, в первую очередь, с особенностями географического положения края. Изучить степень этого влияния и его факторы еще предстоит.

Литература

- Бережинський В.Г. 1996. *Зброя Київської Русі. Меч*. Київ: Академія Збройних Сил України.
- Бережинський В.Г. 1997. *Зброя Київської Русі. Кинджал*. Київ: Академія Збройних Сил України.
- Бережинський В.Г. 1997а. *Зброя Київської Русі. Ніж*. Київ: Академія Збройних Сил України.
- Бережинський В.Г. 1997б. *Зброя Київської Русі. Шабля*. Київ: Академія Збройних Сил України.
- Бережинський В.Г. 2000. *Техніка бойового застосування давньоруського озброєння*. Дис. ... канд. іст. наук. Київ.
- Блэр К. 2006. *Рыцарские доспехи Европы. Универсальный обзор музейных коллекций*. Москва: Центрполиграф.
- Бохан Ю. 2002. Структура войска Вялікага княства Літоўскага ў другой палове XIV — XV ст. В: Семенчук Г. (ред.). *Castrum, urbis et bellum. Зборнік навуковых прац. Прысвячаецца памяці прафесара Міхася Ткачова*. Баранавічы: Баранавіцкая ўзбуйненая друкарня, 79—89.
- Бохан Ю. 2002а. *Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV — канца XVI ст.* Мінск: Экаперспектыва.
- Бохан Ю. 2003. *Зброя Вялікага Княства Літоўскага 1385—1576*. Мінск: Беларусь.
- Веремейчик Е.М. 1990. Охранные раскопки поселения X—XIII вв. у с. Петруши. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.»*. Киев: Наукова думка, 76—83.
- Винклер П. фон. 1992. *Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века*. Москва: Софт-Мастер.
- Возный І.П. 1998. *Чорнівська феодальна укріплена садиба XII—XIII ст.* Чернівці: Рута.
- Возный І.П. 2009. *Історико-культурний розвиток населення межиріччя Верхнього Сірету та Середнього Дністра в X—XIV ст. Ч. 2. Матеріальна, духовна культура та соціально-історичний розвиток*. Чернівці: Золоті литаври.
- Возный І.П. 2009а. Типологія середньовічних мечів з території Північної Буковини. *Воєнна історія Поділля та Буковини*. Матеріали Всеукраїнської наукової військово-історичної конференції. Кам'янець-Подільський, 75—80.
- Возный І.П. 2013. Середньовічні корди з території середнього Подністров'я. *Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології* 36 (2). Чернівці: Прут, 53—61.
- Гринчишин Б.В. 2012. Проблеми типології і датування середньовічних мечів. В: Дещинський Л.Є. (відп. ред.). *Держава та армія*. Вісник Національного університету «Львівська політехніка» 724, 25—31.
- Гринчишин Б.В. 2013. Середньовічна клинкова зброя із

- фондів Львівського історичного музею. В: Дециньський Л.Є. (відп. ред.). *Держава та армія. Вісник Національного університету «Львівська політехніка»* 752, 14—18.
- Гринчишин Б.В. 2014. Знахідки середньовічних мечів як важливе джерело до вивчення військової справи в Галицько-Волинській державі. В: Тоїчкін Д. (упор.). *Історія давньої зброї. Дослідження 2014*. Київ: ПУ НАНУ, 89—95.
- Гринчишин Б.В. 2016. *Клинка зброя в системі озброєння давньоукраїнського воїна XII—XIV ст.* Дис. ... канд. іст. наук. Львів.
- Гуцул В. 2005. Мечі короля Данила (рицарська зброя та персонажі Галицько-Волинського літопису). *Воєнна історія* (5—6), 84—91.
- Гуцул В.М. 2008. *Бойові мечі з музейного зібрання Ужгородського замку*. Львів: Просвіта.
- Гуцул В. 2009. Рицарі Данила Романовича. Рицарська зброя серед персонажів Галицько-Волинського літопису. В: Боряк Г. (відп. ред.). *Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики* 16. Київ: ПУ НАНУ, 78—91.
- Заремба А. 2014. Мечи XIV—XV веков в музеях юго-западной Украины. В: Воронцов А.М. (отв. ред.). *Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья*. Тула: Куликово поле, 176—186.
- Ипатьевская летопись. 2010. ПСРЛ 2. Москва: Книга по Требованию.
- Кайндль Р.Ф. 2005. *Історія Чернівців від найдавніших часів до сьогодення*. Чернівці: Зелена Буковина.
- Кирпичников А.Н. 1966. *Древнерусское оружие*. Вып. 1. *Мечи и сабли IX—XIII вв.* САИ Е1—36. Москва: Наука.
- Кирпичников А.Н. 1975. Мечи из раскопок древнего Изяславля. *КСИА АН СССР* 144, 30—34.
- Кирпичников А.Н. 1976. *Военное дело на Руси в XIII—XV вв.* Ленинград: Наука.
- Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. 1985. Вооружение. В: Колчин Б.А. (отв. ред.). *Древняя Русь. Город, замок, село*. Археология СССР 15. Москва: Наука, 298—363.
- Кулаков В.И. 2016. Пруссские дериваты скандинавской militaria. В: Kotowicz P.N. (red.). *Acta Militaria Mediaevalia* XII. Kraków; Sanok, 25—33.
- Кійко В.І. 2009. *Військова справа в Галицькому та Волинському князівствах в XI—XIV ст.* Дис. ... канд. іст. наук. Львів.
- Лайбле Т. 2008. *Меч. Большая иллюстрированная энциклопедия*. Москва: Омега.
- Макушников О.А. 1993. Древнерусская оружейная мастерская из Гомия. В: Толочко П.П. (відп. ред.). *Старожитності Південної Русі*. Матеріали III історико-археологічного семінару «Чернігів і його округа в IX—XIII ст.». Чернігів: Сіверянська думка, 121—130.
- Медведев А. Ф. 1959. Оружие Новгорода Великого. *МИА* 65, 121—191.
- Никольская Т.Н. 1981. *Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX—XIII вв.* Москва: Наука.
- Окшотт Э. 2004. *Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса*. Москва: Центрполиграф.
- Окшотт Э. 2007. *Меч в век рыцарства. Классификация, типология, описание*. Москва: Центрполиграф.
- Окшотт Э. 2007а. *Рыцарь и его доспехи. Латное облачение и вооружение*. Москва: Центрполиграф.
- Петегирич В.М. 1990. Оружие и снаряжение всадника. В: Черныш А.П. (отв. ред.). *Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (раннеславянский и древнерусский периоды)*. Киев: Наукова думка, 163—171.
- Пивоваров С. 2001. Нові знахідки предметів озброєння та спорядження вершника і верхового коня з Чорнівського городища. В: Балух В.О. (наук. ред.). *Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології* (2). Чернівці: Золоті литаври, 133—142.
- Пивоваров С., Федорук А. 2002. До питання про найманство в Галицькій Русі XIV ст. (за даними розкопок городища в с. Зелена Липа). В: Кожолянюк Г.К. (наук. ред.). *Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології* (1). Чернівці: Золоті литаври, 140—149.
- Пивоваров С.В. 2003. Середньовічне озброєння з городища XIV ст. в Зеленій Липі. В: Толочко П.П. (гол. ред.). *Археологічні студії* 2. Київ; Чернівці, 204—215.
- Пивоваров С.В. 2006. *Середньовічне населення межиріччя Верхнього Пруту та Середнього Дністра (XI — перша половина XIII ст.)*. Чернівці: Зелена Буковина.
- Пивоваров С. 2012. Корд (хаусвер) другої половини XIV ст. із городища в Зеленій Липі. В: Кожолянюк Г.К. (наук. ред.). *Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології* 34 (2). Чернівці: Черемош, 25—33.
- Пивоваров С.В., Калініченко В. А. 2014. Навершя руків'я меча з Чорнівського городища першої половини XIII ст. В: Чучко М.К. (наук. ред.). *Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології* 37 (1). Чернівці: Букрек, 39—55.
- Пивоваров С., Калініченко В. 2016. Нові знахідки елементів клинкової зброї з Чорнівського городища XIII ст. В: Полуцький С. (наук. ред.). *Галич і Галицька земля: досвід і проблеми збереження історико-архитектурної спадщини середньовічних міст в Україні та Європи*. Матеріали міжнародної наукової конференції. Галич: Інформаційно-видавничий відділ Національного заповідника «Давній Галич», 367—373.
- Плавінські М. А. 2006. *Клинковая зброя X—XIII стст. на території Беларусі*. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі.
- Плавинский М.А. 2010. Наконечники ножен мечей X—XIII вв. с территории Белоруссии. В: Пескова А.А., Щеглова О.А., Мусин А.Е. (ред.-сост.). *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. Санкт-Петербург: Нестор-История, 505—515.
- Плавінські М.А. 2013. *Узбраенне в беларускіх землях X—XIII стагоддзяў*. Мінск: Галіяфы.
- Плавинский М.А. 2014. *Очерки истории вооружения белорусских земель X—XIII веков*. Киев: Олег Філюк.
- Попельницька О. 2014. Мечі другої половини XIII — першої половини XV ст. у зібранні Національного музею історії України. В: Тоїчкін Д. (упор.). *Історія давньої зброї. Дослідження 2014*. Київ: ПУ НАНУ, 149—163.
- Ратич О. 1962. Результати досліджень древноруського городища «Замчисько» в м. Судова Вишня Львівської обл. в 1957—1959 рр. В: Смішко М. (відп. ред.). *МДАПВ* 4, 106—119.
- Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года* (пер.

- A. С. Шагун). 2005. Мінск: Беларусь.
- Терський С. М. 2006. *Лучеськ. X—XV ст.* Львів: Львівська політехніка.
- Тимошук Б. О. 1982. *Давньоруська Буковина (X — перша половина XIV ст.)*. Київ: Наукова думка.
- Тичук С. 2009. Меч на «півтори руки». В: Баженов Л. (ред.). *Военна історія Поділля та Буковини з найдавніших часів до початку XX століття*. Матеріали Всеукраїнської наукової військово-історичної конференції. Кам'янець-Подільський: б. в., 70—74.
- Тоїчкін Д. В. 2002. З історії шаблі в Україні. *УДЖ* (4), 81—94.
- Тоїчкін Д. 2007. *Козацька шабля XVII—XVIII ст.: історико-зброєзнавче дослідження*. Київ: Стило.
- Федорук А. В., Прохненко І. А. 2017. Меч типа XII из Закарпаття и трансфер оружейных технологий в Северной и Центральной Европе в XIII — первой четверти XIV вв. *Stratum plus* (6), 275—292.
- Чайка Р. М. 1997. Зброя та речі військового спорядження з городища Листвин на Волині. *Археологічні дослідження. Львівського університету* (2), 75—86.
- Шекун О. В., Веремейчик О. М. 1997. Поселення Ліскове у верхів'ях р. Білоус. В: Моця О. П., Коваленко В. П., Птерашенко В. О. (ред. кол.). *Південноруське село IX—XIII ст. (Нові пам'ятки матеріальної культури)*. Київ: Інститут змісту і методів навчання, 69—99.
- Шеломенцев-Терський С. В. 2011. *Військова інфраструктура Волинського князівства в XI—XIV ст.* Дис. ... д-ра іст. наук. Львів.
- Широухов Р. А. 2011. Контакты пруссов и куршей X—XIII вв. по археологическим источникам. *Lietuvos archeologija* 37. Vilnius: Diemedžio leigykla, 167—206.
- Aleksić M. 2007. *Mediaeval swords from Southeastern Europe. Material from 12th to 15th century*. Beograd.
- Bruhn de Hoffmeyer A. 1954. *Middelalderens Tveæggede Sværd. Udgivet af Tøjhusmuseet* 1. København: Københavns Universitet.
- Choma I., Pírek M. 2007. Renesančný meč z Homôl'ky v Nízkyh Tatrách. *Zborník slovenského národného múzea. Archeológia* 17, 245—249.
- Culic D., Pralea A. 2013. A medieval sword discovered in Maramureș. *Acta musei Porolissensis. Anuarul Muzeului Județean de Istorie și Artă Zalău XXXV*. Zalău, 304—308.
- Glinianowicz M. 2005. Stan badań nad uzbrojeniem późnośredniowiecznym w Malopolsce. In: Kotowicz P. (red.). *Acta Militaria Mediaevalia. Sztuka wojenna na pograniczu polsko-rusko-słowackim w średniowieczu*. Materiały z konferencji I. Kraków; Sanok: Muzeum Historyczne; PAU; IA URZ, 151—164.
- Glinianowicz M., Kotowicz P. N. 2009. Dwa nieznanne późnośredniowieczne miecze z południowo-wschodniej Polski. In: Kucypera P., Pudło P., Żabiński G. (red.). *Arma et Medium Aevum. Studia nad uzbrojeniem średniowiecznym*. Toruń: Adam Marszałek, 182—197.
- Głosek M. 1973. *Znaki i napisy na mieczach średniowiecznych w Polsce*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum.
- Głosek M. 1984. *Mieczy średniowieczne z X—XV w.* Warszawa: Wydawnictwo Geologiczne.
- Głosek M. 1996. *Późnośredniowieczna broń obuchowa w zbiorach polskich*. Warszawa; Łódź: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk.
- Głosek M., Nadolski A. 1970. *Mieczy średniowieczne z ziem Polskich*. Acta archaeologica Lodziensia 19. Łódź: Ossolineum.
- Głosek M., Olijnyk V. 2008. Mieczy śladem przeprawy Dniestr koło wsi Gorodok. В: Климовський С. І. (упоряд.). *Старожитності Верхнього Придністров'я*. Ювілейний збірник на честь 60-річчя Юрія Миколайовича Малєєва. Київ: Стило, 34—36.
- Goliński M. 1990. Uzbrojenie mieszczańskie na Śląsku od połowy XIV do końca XV w. *Studia i Materiały do Historii Wojskowości XXXIII*, 3—64.
- Inkova M. 2013. A medieval sabre and a knife from the exhibition of the National Museum of History in Sofia. In: Kotowicz P. N. (red.). *Acta Militaria Mediaevalia IX*. Kraków; Rzeszów; Sanok: Muzeum Historyczne; PAU; IA URZ, 63—88.
- Janowski A. 2006. Brązowe i srebrne trzewiki pochew mieczy z X—XIII w. z terenu Polski. Uwagi o proveniencji i datowaniu. In: Kotowicz P. N. (red.). *Acta Militaria Mediaevalia II*. Kraków; Sanok: Muzeum Historyczne w Sanoku; PAU, 23—50.
- Janowski A. 2007. Wczesnośredniowieczne okucia pochew mieczy tzw. trzewiki z terenu Pomorza, Warmii i Mazur. In: Bogacki M., Franz M., Pilarczyk Z. (red.). *Wojskowość ludów Morza Bałtyckiego*. Materiały z II Międzynarodowej Sesji Naukowej Dziejów Ludów Morza Bałtyckiego. Wolin: Adam Marszałek, 150—177.
- Jerums N. 2012. Divasmeņu zobeni zemgālu apdzīvotajās teritorijās (5—14. gs.) *Arheoloģija un etnogrāfija* 26. Rīga: Zinātne, 74—104.
- Kazakevičius V. 1996. *IX—XIII amžių baltų kalavijai*. Vilnius: Alma littera.
- Księga 1921: Czołowski A., Jaworski F. (wyd.). 1921. *Księga ławnicza miejska 1441—1448*. Pomniki dziejowe Lwowa z Archiwum Miasta 4. Lwów.
- Ławrynówicz O., Strzyż P. 2015. Późnośredniowieczny kord z Sierzewa koło Ciechocinka. *Acta Militaria Mediaevalia XI*. Kraków; Rzeszów; Sanok: Muzeum Historyczne; PAU; IA URZ, 244—246.
- Liwoch R. 2006. Miecz ze Stogniowic. *Materiały archeologiczne XXXVI*, 33—37.
- Liwoch R. 2013. Kord z Iwachnowiec na Podolu. *Acta Militaria Mediaevalia IX*. Sanok; Kraków; Rzeszów: Muzeum Historyczne; PAU; IA URZ, 241—242.
- Marek L. 2004. Przyczynek do poznania broni białej wrocławskiej piechoty z XIV—XV wieku. In: Piekalski J., Wachowski K. (red.). *Wratislavia antiqua. Studia z dziejów Wrocławia* 6. Wrocław, 41—56.
- Marek L. 2006. Średniowieczne i nowożytnie kordy ze Śląska. *Acta Militaria Mediaevalia II*. Kraków; Sanok: Muzeum Historyczne; PAU; IA URZ, 189—206.
- Marek L., Mucha B. 2006. Kord z Henrykowa koło Szprotawy. *Acta Militaria Mediaevalia II*. Kraków; Sanok: Muzeum Historyczne; PAU; IA URZ, 217—222.
- Marek L. 2008. Broń biała na Śląsku XIV—XVI wiek. In: Piekalski J., Wachowski K. (red.). *Wratislavia antiqua. Studia z dziejów Wrocławia* 10. Wrocław.
- Minić D., Vukadin O. 2007. *Srednjovekovni Stalac = Medieval Stalac*. Beograd: Alta nova.
- Nadolski A. 1984. *Polska broń. Broń biała*. Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Nowakowski A. 1980. *Uzbrojenie wojsk krzyżackich w Prusach w XIV w. i na początku XV w.* Acta Archaeologica Lodziensia 29. Łódź: Ossolineum.
- Nowakowski A. 1994. Uzbrojenie indywidualne. In: Nowakowski A. (red.). *Polska technika wojskowa do*

- 1500 roku. Z dziejów nauki i techniki 1. Warszawa: Oficyna naukowa, 198—249.
- Peterson H.L. 2001. *Daggers and Fighting Knives of the Western World*. New York: Dover publications, Inc. Mineola.
- Pinter Z.-K. 2007. *Spada și sabia medievală în Transilvania și Banat (secolele IX—XIV)*. Bibliotheca Brukenthal VII. Sibiu.
- Pírek M. 2007. Predbežné vyhodnotenie nálezov militárij zo Svätého Jura — Poloha Ostrý vrch. *Zborník slovenského národného múzea. Archeológia C I* (17), 251—257.
- Prokhnenko I., Kaliničenko V. 2015. Stredoveký meč z obce Bohdan Rakhivského rajónu Zakarpatskej oblasti Ukrajiny. *Archaeologia historica* 40 (2), 929—939.
- Ruttkey A. 1975. Waffen und Reiterausrüstung des 9. bis zur ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei. *Slovenská archeológia XXIII* (1), 119—216.
- Ruttkey A. 1976. Waffen und Reiterausrüstung des 9. bis zur ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei. *Slovenská archeológia XXIV* (2), 245—395.
- Sikora P. 2003. Frühmittelalterliche Ortbfänder bei West- und Ostslawen. Versuch einer typologisch-chronologischen Einordnung. *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters* 31. Bonn: Habelt, 11—38.
- Solcanu I. 2002. *Artă și societate Românească (sec XIV—XVIII)*. București: Editura Enciclopedică.
- Spannbauer M.I., Strzyż P. 2009. Militaria średniowieczne z badań archeologicznych na terenie zamku w Rawie Mazowieckiej. *Acta Militaria Mediaevalia V*. Kraków; Sanok: Muzeum Historyczne; PAU; IA URZ, 147—159.
- Spinei V. 1994. *Moldova în secolele XI—XIV*. Chișinău: Universitas.
- Talhoffer H. 2000. *Medieval Combat: A Fifteenth-Century Illustrated Manual of Swordfighting and Close-Quarter Combat*. London: Greenhill Books.
- Tomsons A. 2008. Kuršu (T1 tipa) zobenu rokrtu ornaments 11—13 gs. In: Muiznieks V. (sost.). *Pētījumi Kuršu senatnē. Rakstu krājums*. Latvijas Nacionālā vēstures muzeja raksti 14. Arheoloģija. Rīga, 85—104.
- Tomsons A. 2012. Symbolism of Medieval Swords from the Territory of Latvia during the 11th—13th Centuries. *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Archaeologica* 29. Łódź, 145—161.
- Tomsons A. 2012a. *Divasmeņu zobenī Latvijas arheoloģiskajā materiālā 9.—13. gs*. Rīga.
- Vích D., Žákovský P. 2016. Vojenské vybavení bojové družiny před husitskou revolucí Soubor militárij z hradu Orlick u Brandýsa nad Orlicí ve východních Čechách. *Památky Archeologické CVII*, 279—351.
- Zabinski G., Walczak B., Clements J. 2002. *Codex Wallerstein: A Medieval Fighting Book from the Fifteenth Century on the Longsword, Falchion, Dagger, and Wrestling*. Colorado: Paladin Press.
- Zabłocki W. 1989. *Cięciq prawdziwq szablq*. Warszawa: Sport i Turystyka.
- Žákovský P. 2011. Sředověká a raně novověká militaria ze sbírek Lovecko-Lesnického muzea v Úsově na Moravě. In: Kotowicz P.N. (red.). *Acta Militaria Mediaevalia VII*. Kraków; Rzeszów, Sanok: Muzeum Historyczne; PAU; IA URZ, 105—159.
- Zakuski S. 2013. Późnośredniowieczny miecz ze zbiorów Muzeum Miasta Wąwolnicy. In: Kotowicz P.N. (red.). *Acta Militaria Mediaevalia IX*. Sanok; Kraków; Rzeszów: Muzeum Historyczne; PAU; IA URZ, 242—243.
- Żygulski Z. 1975. *Broń w dawnej Polsce na tle uzbroenia Europy i Bliskiego Wschodu*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe.
- Żygulski Z. 1982. *Broń w dawnej Polsce na tle uzbroenia Europy i Bliskiego Wschodu*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe.

References

- Berezhyns'kyj, V.H. 1996. *Zbroja Kyivs'koï Rusi. Mech (Weapons of Kievan Rus: Sword)*. Kiev: Academy of the Armed Forces of Ukraine (in Ukrainian).
- Berezhyns'kyj, V.H. 1997. *Zbroja Kyivs'koï Rusi. Kyndzhal (Weapons of Kievan Rus: Dagger)*. Kiev: Academy of the Armed Forces of Ukraine (in Ukrainian).
- Berezhyns'kyj, V.H. 1997. *Zbroja Kyivs'koï Rusi. Nizh (Weapons of Kievan Rus: Knife)*. Kiev: Academy of the Armed Forces of Ukraine (in Ukrainian).
- Berezhyns'kyj, V.H. 1997. *Zbroja Kyivs'koï Rusi. Shablya (Weapons of Kievan Rus: Saber)*. Kiev: Academy of the Armed Forces of Ukraine (in Ukrainian).
- Berezhyns'kyj, V.H. 2000. *Tekhnika bojovoho zastosuvannya davn'orus'koho ozbroynnya (Methods of Tactical Employment of the Old Russian Arms)*. PhD Diss. Kiev (in Ukrainian).
- Blair, C. 2006. *Rytsarskie dospekhi Evropy. Universal'nyi obzor muzeinykh kolektsii (European Armour)*. Moscow: "Tsentrpoligraf" Publ. (in Russian).
- Bokhan, Yu. 2002. In Semenčuk H. (ed.). *Castrum, urbis et bellum. Baranavichy: "Baranavitskaya ūzbujnenaya drukarnya"* Publ., 79—89 (in Belorussian).
- Bokhan, Yu. 2002. *Uzbraenne vojska VKL druhoj palovy XIV — kantsa XVI st. (Weapons of the Army of the Great Principality of Lithuania in the second half of 14th — late 16th c.)*. Minsk: "Ėkaperspektyva" Publ. (in Belorussian).
- Bokhan, Yu. 2003. *Zbroja Vėlikaha Knyastva Litoŭskaha 1385—1576 (Weapons of the Great Principality of Lithuania, 1385—1576)*. Minsk: "Belarus" Publ. (in Belorussian).
- Veremeichik, E.M. 1990. In Tolochko, P.P. (ed.). *Problemy arkheologii Iuzhnoi Rusi (Issues of Archaeology of Southern Rus')*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 76—83 (in Russian).
- Winkler, P.v. 1992. *Oruzhie. Rukovodstvo k istorii, opisaniiu i izobrazheniiu ručnogo oruzh'ia s drevneishikh vremen do nachala XIX veka (Weapon: a Guide for History, Description, and Depiction of Hand Weapons from Ancient Times to the Beginning of 19th Century)*. Moscow: "Soft-Master" Publ. (in Russian).
- Voznyj, I.P. 1998. *Chorniv's'ka feodal'na ukriplena sadyba XII—XIII st. (Feudal Fortified Mansion of 12th—13th Centuries in Chernivtsi)*. Chernivtsi: "Ruta" Publ. (in Ukrainian).
- Voznyj, I.P. 2009. *Istoryko-kul'turnyj rozvytok naselennya mezhrychchya Verkh'n'oho Siretu ta Seredn'oho Dnistra v X—XIV st. (Historical and Cultural Development of the Population in the Region between the Upper Siret and Middle Dniester in 10th—14th Centuries) 2. Material'na, dukhovna kul'tura ta sotsial'no-istorychnyj rozvytok (Material and Spiritual Culture and Social-Historical Development)*. Chernivtsi: "Zoloti lytavry" Publ. (in Ukrainian).
- Voznyj, I.P. 2009. In *Voyenna istoriya Podillya ta Bukovyny (Military History of Podolia and Bukovina)*. Kam'yanets'-Podil's'kyj, 75—80 (in Ukrainian).
- Voznyj, I.P. 2013. In *Pytannya starodavn'oi ta seredn'ovichnoi istorii, arkheologii j etnologii (Questions of Ancient and Medieval History, Archaeology and Ethnology)* 36 (2). Chernivtsi: "Prut" Publ., 53—61 (in Ukrainian).
- Hrynchysyn, B.V. 2012. In *Deshchyns'kyj, L. Ye. (ed.). Derzhava ta armiya (State and Army)*. Visnyk Natsional'noho

- universytetu «L'vivs'ka politekhnika» (Bulletin of the National University "Lviv Polytechnic") 724, 25—31 (in Ukrainian).
- Hrynchyshyn, B. V. 2013. In Deshchyns'kyj, L. Ye. (ed.). *Derzhava ta armiya (State and Army)*. Visnyk Natsional'noho universytetu «L'vivs'ka politekhnika» (Bulletin of the National University "Lviv Polytechnic") 752, 14—18 (in Ukrainian).
- Hrynchyshyn, B. V. 2014. In Toichkin D. (ed.). *Istoriya davn'oi zbroi. Doslidzhennya 2014 (History of Ancient Weapons: Research in 2014)*. Kiev: Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine, 89—95 (in Ukrainian).
- Hrynchyshyn, B. V. 2016. *Klynkova zbroia v systemi ozbroynnyia davn'oukrains'koho voina XII—XIV st. (Blacksmith Weapon in the System of Armament of the Ancient Ukrainian Warrior, 12th—14th centuries)*. PhD Diss. Lviv (in Ukrainian).
- Hutsul, V. 2005. In *Voyenna istoriya (Military History)* (5—6), 84—91 (in Ukrainian).
- Hutsul, V. M. 2008. *Bojovi mechi z muzejnoho zibrannya Uzhhorods'koho zamku (Battle Swords from the Museum Collection of the Uzhhorod Castle)*. Lviv: "Prosvita" Publ. (in Ukrainian).
- Hutsul V. 2009. In Boryak H. (ed.). *Spetsial'ni istorichni dysypliny: pytannya teorii ta metodyky (Special Historical Subjects: Theory and Methods)* 16. Kiev: Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine, 78—91 (in Ukrainian).
- Zaremba, A. 2014. In Vorontsov, A. M. (ed.). *Voinskie traditsii v arkeologicheskoy kontekste: ot pozdnego latena do pozdnego srednevekov'ia (Warrior Traditions in the Archaeological Context: from Late La-Tène to the Late Middle Ages)*. Tula: State Museum-Reserve "Kulikovskoye Field", 176—186 (in Russian).
- Ipat'evskaia letopis' (Hypatian Codex)*. 2010. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 2. Moscow: "Kniga po Trebovaniyu" Publ. (in Russian).
- Kajndl', R. F. 2005. *Istoriya Chernivtsiv vid najdavnishykh chasiv do s'hodennya (History of the Chernivtsi City from the Earliest Past to Present)*. Chernivtsi: "Zelena Bukovyna" Publ. (in Ukrainian).
- Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons)* 1. *Mechi i sabli IX—XIII vv. (Swords and Sabers of 9th—13th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1975. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief Communications of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR)* 144, 30—34 (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1976. *Voennoe delo na Rusi v XIII—XV vv. (Russian Warfare in 13th—15th Centuries)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N., Medvedev, A. F. 1985. In Kolchin, B. A. (ed.). *Drevniia Rus'. Gorod, zamok, selo (Ancient Russia. Town, Castle, Village)*. Series: Archaeology of the USSR 15. Moscow: "Nauka" Publ., 298—363 (in Russian).
- Kulakov, V. I. 2016. In Kotowicz, P. N. (red.). *Acta Militaria Mediaevalia* XII. Kraków; Sanok, 25—33 (in Russian).
- Kijko, V. I. 2009. *Vijs'kova sprava v Halychi ta Volyni komu knyazivstvakh v XI—XIV st. (Warfare in Galich and Volhynian Principalities in 11th—14th Centuries)*. PhD Diss. Lviv (in Ukrainian).
- Laible, Th. 2008. *Mech. Bol'shaia illiustrirovannaya entsiklopediia (Das Schwert. Mythos und Wirklichkeit)*. Moscow: "Omega" Publ. (in Russian).
- Makushnikov, O. A. 1993. Tolochko, P. P. (ed.). *Starozhytnosti Pivdennoi Rusi (Antiquities of Southern Russia)*. Chernigiv: "Siverians'ka dumka" Publ., 121—130 (in Russian).
- Medvedev, A. F. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 65, 121—191 (in Russian).
- Nikol'skaia, T. N. 1981. *Zemlia vyatich. K istorii naseleniia basseina Verkhnei i Srednei Oki v IX—XIII vv. (The Land of the Vyatichi. On History of Population in the Basin of the Upper and Middle Oka in the 9th — 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Oakeshott, E. 2004. *Arkheologia oruzhiia. Ot bronzovogo veka do epokhi Renessansa (The Archaeology of Weapons: Arms and Armour from Prehistory to the Age of Chivalry)*. Moscow: "Tsentrpoligraf" Publ. (in Russian).
- Oakeshott, E. 2007. *Mech v vek rytsarstva. Klassifikatsiia, tipologiya, opisanie (The Sword in the Age of Chivalry)*. Moscow: "Tsentrpoligraf" Publ. (in Russian).
- Oakeshott, E. 2007. *Rytsar' i ego dospekhi. Latnoe oblachenie i voozruzhenie (A Knight and His Armor)*. Moscow: "Tsentrpoligraf" Publ. (in Russian).
- Petegirich, V. M. 1990. In Chernysh, A. P. (ed.). *Arkheologiiia Prikarpat'ia, Volyni i Zakarpat'ia (ranneslavianskii i drevnerusskii periody) (Archaeology of Subcarpathia, Volhynia and Transcarpathia (Eneolithic, Bronze and Early Iron Age))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 163—171 (in Russian).
- Pyvovarov, S. 2001. In Balukh, V. O. (ed.). *Pytannya starodavn'oi ta seredn'ovichnoi istorii, arkeolohii j etnolohii (Questions of Ancient and Medieval History, Archaeology and Ethnology)* (2). Chernivtsi: "Zoloti lytavry" Publ., 133—142 (in Ukrainian).
- Pyvovarov, S., Fedoruk, A. 2002. In Kozholyanko, H. K. (ed.). *Pytannya starodavn'oi ta seredn'ovichnoi istorii, arkeolohii j etnolohii (Questions of Ancient and Medieval History, Archaeology and Ethnology)* (1). Chernivtsi: "Zoloti lytavry" Publ., 140—149 (in Ukrainian).
- Pyvovarov, S. V. 2003. In Tolochko, P. P. (ed.-in-chief). *Arkheolohichni studii (Archaeological Studies)* 2. Kiev; Chernivtsi, 204—215 (in Ukrainian).
- Pyvovarov, S. V. 2006. *Seredn'ovichne naselennia mezhyrichchya Verkh'n'oho Prutu ta Seredn'oho Dnistra (XI — persha polovyna XIII st.) (Medieval Population of the Upper Prut and Middle Dniester Interfluvium (11th — First Half of 13th Centuries))*. Chernivtsi: "Zelena Bukovyna" Publ. (in Ukrainian).
- Pyvovarov, S. 2012. In Kozholyanko, H. K. (ed.). *Pytannya starodavn'oi ta seredn'ovichnoi istorii, arkeolohii j etnolohii (Questions of Ancient and Medieval History, Archaeology and Ethnology)* 34 (2). Chernivtsi: "Cheremosh" Publ., 25—33 (in Ukrainian).
- Pyvovarov, S. V., Kalinichenko, V. A. 2014. In Chuchko, M. K. (ed.). *Pytannya starodavn'oi ta seredn'ovichnoi istorii, arkeolohii j etnolohii (Questions of Ancient and Medieval History, Archaeology and Ethnology)* 37 (1). Chernivtsi: "Bukrek" Publ., 39—55 (in Ukrainian).
- Pyvovarov, S., Kalinichenko, V. 2016. In Poluts'kyj, S. (ed.). *Halych i Halych'ska zemlia: dosvid i problemy zberezheniia istoriko-arkhitekturnoi spadshchyny seredn'ovichnykh mist v Ukraini ta Yevropy (Galich and Galician Land: Experience and Problems of Conservation of the Medieval Urban Historical and Cultural Heritage in Ukraine and Europe)*. Halych: "Ancient Galich" National Reserve, 367—373 (in Ukrainian).
- Plavinski, M. A. 2006. *Klinkovaya zbroia X—XIII stst. na terytorii Belarusi (Bladed Weapons of 10th—13th Centuries on the Territory of Belarus)*. Minsk: Institute of the History of Belarus, National Academy of Sciences of Belarus (in Belorussian).
- Plavinskii, M. A. 2010. In Peskova, A. A., Shcheglova, O. A., Musin, A. E. (eds., comp.). *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki (Slavic-Russian Jewellery and its Origins)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 505—515 (in Russian).
- Plavinski, M. A. 2013. *Uzbraenne v belarusskikh zemlyakh X—XIII stahodzyaŭ (Weapons in the Belorussian Lands, 10th—13th Centuries)*. Minsk: "Haliyafy" Publ. (in Belorussian).
- Plavinskii, M. A. 2014. *Ocherki istorii voozruzheniia belarusskikh zemel' X—XIII vekov (Essays of History of Armament in Belorussian Lands, 10th—13th Centuries)*. Kiev: "Oleg Filyuk" Publ. (in Russian).
- Popel'nyts'ka O. 2014. In Toichkin D. (ed.). *Istoriya davn'oi zbroi. Doslidzhennya 2014 (History of Ancient Weapons: Research of 2014)*. Kiev: Institute of the History of Ukraine,

- National Academy of Sciences of Ukraine, 149—163 (in Ukrainian).
- Ratysh, O. 1962. In Smishko, M. (ed.). *Materialy i doslidzhennya z arkeolohii Prykarpattia i Volyni (Materials and Research on Archaeology of the Cis-Carpathians and Volhynia)* 4, 106—119 (in Ukrainian).
- Statut Vyalikaha knyastva Litoŭskaha 1588 hoda (Statute of the Grand Duchy of Lithuania, 1588). 2005. Minsk: "Belarus'" Publ. (in Belorussian).
- Ters'kyj, S.M. 2006. *Luches'ka. X—XV st. (Luts'k Town in 10th—15th Centuries)*. Lviv: "L'viv's'ka politekhnik" Publ. (in Ukrainian).
- Tymoshchuk, B.O. 1982. *Davn'orus'ka Bukovyna (X — persha polovyna XIV st.) (Old Russian Bukovina (10th — First Half of 14th Century))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
- Tychuk, Ye. 2009. In Bazhenov, L. (ed.). *Voyenna istoriya Podillya ta Bukovyny z najdavnishykh chasiv do pochatku XX stolittya (Military History of Podolia and Bukovina from the Earliest Past to the Early 20th Century)*. Kam'yanets'-Podil's'kyj: s. ed., 70—74 (in Ukrainian).
- Toichkin, D.V. 2002. In *Ukrains'kyj istorychnyj zhurnal (Ukrainian Historical Journal)* (4), 81—94 (in Ukrainian).
- Toichkin, D. 2007. *Kozats'ka shablya XVII—XVIII st.: istoryko-zbroyeznavche doslidzhennya (Cossack Saber of 17th—18th Centuries: History and Weapons Studies)*. Kiev: "Stilos" Publ. (in Ukrainian).
- Fedoruk, A.V., Prokhnenko, I.A. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 275—292 (in Russian).
- Chajka, R.M. 1997. In *Arkeolohichni doslidzhennya. L'viv's'koho universytetu (Archaeological Research in Lviv University)* (2), 75—86 (in Ukrainian).
- Shekun, O.V., Veremejchuk, O.M. 1997. In Motsya, O.P., Kovalenko, V.P., Pterashenko, V.O. (ed. board). *Pivdenorus'ke selo IX—XIII st. (Novi pam'yatky material'noi kul'tury) (South-Russian Village of the 9th—13th Centuries: Recently Discovered Monuments of the Material Culture)*. Kiev: Institute of Content and Methods of Teaching, 69—99 (in Ukrainian).
- Shelomentsev-Ters'kyj, S.V. 2011. *Vijs'kova infrastruktura Volyn's'koho knyazivstva v XI—XIV st. (Military Infrastructure of the Volhynian Principality in 11th—14th Centuries)*. Doct. Diss. Lviv (in Ukrainian).
- Shiroukhov, R.A. 2011. In *Lietuvos archeologija* 37. Vilnius: Diemedžio leigykla, 167—206 (in Russian).
- Aleksić, M. 2007. *Mediaeval swords from Southeastern Europe. Material from 12th to 15th century*. Beograd.
- Bruhn de Hoffmeyer, A. 1954. *Middelalderens Tveæggede Sværd. Udgivet af Tøjhusmuseet 1*. København: Københavns Universitet.
- Choma, I., Pírek, M. 2007. *Renesančný meč z Homôl'ky v Nízkyh Tatráh. Zborník slovenského národného múzea. Archeológia* 17, 245—249.
- Culic, D., Pralea, A. 2013. A medieval sword discovered in Maramureş. *Acta musei Porolissensis. Anuarul Muzeului Judeţean de Istorie şi Artă Zalău XXXV*. Zalău, 304—308.
- Glinianowicz, M. 2005. Stan badań nad uzbrojeniem późnośredniowiecznym w Małopolsce. In Kotowicz, P. (red.). *Acta Militaria Mediaevalia. Sztuka wojenna na pograniczu polsko-rusko-słowackim w średniowieczu*. Materiały z konferencji I. Kraków; Sanok: Muzeum Historyczne; PAU; IA URZ, 151—164.
- Glinianowicz, M., Kotowicz, P.N. 2009. Dwa nieznanne późnośredniowieczne miecze z południowo-wschodniej Polski. In Kucypera, P., Pudło, P., Zabiński, G. (red.). *Arma et Medium Aevum. Studia nad uzbrojeniem średniowiecznym*. Toruń: Adam Marszałek, 182—197.
- Głosek, M. 1973. *Znaki i napisy na mieczach średniowiecznych w Polsce*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum.
- Głosek, M. 1984. *Miecze środkowoeuropejskie z X—XV w.* Warszawa: Wydawnictwo Geologiczne.
- Głosek, M. 1996. *Późnośredniowieczna broń obuchowa w zbiorach polskich*. Warszawa; Łódź: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk.
- Głosek, M., Nadolski, A. 1970. *Miecze średniowieczne z ziem Polskich*. Acta archaeologica Lodziensia 19. Łódź: Ossolineum.
- Głosek, M., Olijnyk, V. 2008. *Miecze śladem przeprawy Dniestr koło wsi Gorodok*. In Klymovs'kyj, S.I. (ed.). *Starozhytnosti Verkh'n'oho Prydnistrov'ya (Antiquities of the Upper Dniester Basin)*. Kiev: "Stilos" Publ., 34—36.
- Goliński, M. 1990. *Uzbrojenie mieszczańskie na Śląsku od połowy XIV do końca XV w.* *Studia i Materiały do Historii Wojskowości XXXIII*, 3—64.
- Inkova, M. 2013. A medieval sabre and a knife from the exhibition of the National Museum of History in Sofia. In Kotowicz, P.N. (red.). *Acta Militaria Mediaevalia IX*. Kraków; Rzeszów; Sanok: Muzeum Historyczne; PAU; IA URZ, 63—88.
- Janowski, A. 2006. Brązowe i srebrne trzewiki pochew mieczy z X—XIII w. z terenu Polski. Uwagi o proveniencji i datowaniu. In Kotowicz, P.N. (red.). *Acta Militaria Mediaevalia II*. Kraków; Sanok: Muzeum Historyczne w Sanoku; PAU, 23—50.
- Janowski, A. 2007. Wczesnośredniowieczne okucia pochew mieczy tzw. trzewiki z terenu Pomorza, Warmii i Mazur. In Bogacki, M., Franz, M., Pilarczyk, Z. (red.). *Wojskowość ludów Morza Bałtyckiego*. Materiały z II Międzynarodowej Sesji Naukowej Dziejów Ludów Morza Bałtyckiego. Wołnin: Adam Marszałek, 150—177.
- Jerums, N. 2012. *Dīvsmenū zobenī zemgaļu apdzīvotājās teritorijās (5—14. gs.) (Archeologia un etnogrāfija)* 26. Rīga: Zinātne, 74—104.
- Kazakevičius, V. 1996. *IX—XIII amžių baltų kalavijai*. Vilnius: Alma littera.
- Czołowski, A., Jaworski, F. (wyd.). 1921. *Księga ławnicza miejska 1441—1448*. Pomniki dziejowe Lwowa z Archiwum Miasta 4. Lwów.
- Ławrynowicz, O., Strzyż, P. 2015. Późnośredniowieczny kord z Siarzewa koło Ciechocinka. *Acta Militaria Mediaevalia XI*. Kraków; Rzeszów; Sanok: Muzeum Historyczne; PAU; IA URZ, 244—246.
- Liwoch, R. 2006. *Miecz ze Stogniowic. Materiały archeologiczne XXXVI*, 33—37.
- Liwoch, R. 2013. Kord z Iwachnowiec na Podolu. *Acta Militaria Mediaevalia IX*. Sanok; Kraków; Rzeszów: Muzeum Historyczne; PAU; IA URZ, 241—242.
- Marek, L. 2004. Przyczynek do poznania broni białej wrocławskiej piechoty z XIV—XV wieku. In Piekalski, J., Wachowski, K. (red.). *Wratislavia antiqua. Studia z dziejów Wrocławia* 6. Wrocław, 41—56.
- Marek, L. 2006. Średniowieczne i nowożytnie kordy ze Śląska. *Acta Militaria Mediaevalia II*. Kraków; Sanok: Muzeum Historyczne; PAU; IA URZ, 189—206.
- Marek, L., Mucha, B. 2006. Kord z Henrykowa koło Szprotawy. *Acta Militaria Mediaevalia II*. Kraków; Sanok: Muzeum Historyczne; PAU; IA URZ, 217—222.
- Marek, L. 2008. Broń biała na Śląsku XIV—XVI wiek. In Piekalski, J., Wachowski, K. (red.). *Wratislavia antiqua. Studia z dziejów Wrocławia* 10. Wrocław.
- Minić, D., Vukadin, O. 2007. *Srednjovekovni Stalac = Medieval Stalac*. Beograd: Alta nova.
- Nadolski, A. 1984. *Polska broń. Broń biała*. Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Nowakowski, A. 1980. *Uzbrojenie wojsk krzyżackich w Prusach w XIV w. i na początku XV w.* Acta Archaeologica Lodziensia 29. Łódź: Ossolineum.
- Nowakowski, A. 1994. *Uzbrojenie indywidualne*. In Nowakowski, A. (red.). *Polska technika wojskowa do 1500 roku. Z dziejów nauki i techniki* 1. Warszawa: Oficyna naukowa, 198—249.
- Peterson, H.L. 2001. *Daggers and Fighting Knives of the Western World*. New York: Dover publications, Inc. Mineola.
- Pinter, Z.-K. 2007. *Spada şi sabia medievală în Transilvania şi Banat (secolele IX—XIV)*. Bibliotheca Brukenthal VII. Sibiu.
- Pírek, M. 2007. *Predbežné vyhodnotenie nálezov militárij zo Svätého Jura — Poloha Ostrý vrch. Zborník slovenského národného múzea. Archeológia C I* (17), 251—257.
- Prokhnenko, I., Kaliničenko, V. 2015. *Stredoveký meč z obce Bohdan Rakhiivského rajónu Zakarpatskej oblasti Ukrajinu. Archaeologia historica* 40 (2), 929—939.
- Ruttkay, A. 1975. *Waffen und Reiterausrüstung des 9. bis zur ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei. Slovenská archeológia XXIII* (1), 119—216.
- Ruttkay, A. 1976. *Waffen und Reiterausrüstung des 9. bis zur ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei. Slovenská archeológia XXIV* (2), 245—395.

- Sikora, P. 2003. Frühmittelalterliche Ortbänder bei West- und Ostslawen. Versuch einer typologisch-chronologischen Einordnung. *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters* 31. Bohn: Habelt, 11—38.
- Solcanu, I. 2002. *Artă și societate Românească (sec XIV—XVIII)*. București: Editura Enciclopedică.
- Spannbauer, M. I., Strzyż, P. 2009. Militaria średniowieczne z badań archeologicznych na terenie zamku w Rawie Mazowieckiej. *Acta Militaria Mediaevalia* V. Kraków; Sanok: Muzeum Historyczne; PAU; IA URZ, 147—159.
- Spinei, V. 1994. *Moldova în secolele XI—XIV*. Chișinău: Universitas.
- Talhoffer, H. 2000. *Medieval Combat: A Fifteenth-Century Illustrated Manual of Swordfighting and Close-Quarter Combat*. London: Greenhill Books.
- Tomsons, A. 2008. Kuršu (T1 tipa) zobenu rokturu ornaments 11—13 gs. In Muižnieks, V. (sost.). *Pētījumi Kuršu senatnē. Rakstu krājums*. Latvijas Nacionālā vēstures muzeja raksti 14. Arheoloģija. Rīga, 85—104.
- Tomsons, A. 2012. Symbolism of Medieval Swords from the Territory of Latvia during the 11th–13th Centuries. *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Archaeologica* 29. Łódź, 145—161.
- Tomsons, A. 2012. *Divasmeņu zobeni Latvijas arheoloģiskajā materiālā 9.—13. gs. Rīga*.
- Vích, D., Žákovský, P. 2016. Vojenské vybavení bojové družiny před husitskou revolucí Soubor militárií z hradu Orlik u Brandýsa nad Orlicí ve východních Čechách. *Památky Archeologické* CVII, 279—351.
- Zabinski, G., Walczak, B., Clements, J. 2002. *Codex Wallerstein: A Medieval Fighting Book from the Fifteenth Century on the Longsword, Falchion, Dagger, and Wrestling*. Colorado: Paladin Press.
- Zablocki, W. 1989. *Cięcią prawdziwą szablą*. Warszawa: Sport i Turystyka.
- Žákovský, P. 2011. Středověká a raně novověká militaria ze sbírek Lovecko-Lesnického muzea v Úsově na Moravě. In Kotowicz, P.N. (red.). *Acta Militaria Mediaevalia* VII. Kraków; Rzeszów, Sanok: Muzeum Historyczne; PAU; IA URZ, 105—159.
- Zaluski, S. 2013. Późnośredniowieczny miecz ze zbiorów Muzeum Miasta Wąwolnicy. In Kotowicz, P.N. (red.). *Acta Militaria Mediaevalia* IX. Sanok; Kraków; Rzeszów: Muzeum Historyczne; PAU; IA URZ, 242—243.
- Żygulski, Z. 1975. *Broń w dawnej Polsce na tle uzbroenia Europy i Bliskiego Wschodu*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe.
- Żygulski, Z. 1982. *Broń w dawnej Polsce na tle uzbroenia Europy i Bliskiego Wschodu*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe.

Статья поступила в сборник 17 ноября 2018 г.

Igor Vozny (Chernivtsi, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University¹.

Возный Игорь Петрович (Черновцы, Украина). Доктор исторических наук. Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича.

E-mail: www.voznyj.igor@gmail.com

Address: ¹ Kotsyubyns'kyi St., 2, Chernivtsi, 58012, Ukraine

Б. М. Боднарюк

Молдо-валахский этнический субстрат в эпоху раннего средневековья: аспекты цивилизационной идентификации в осмыслении румынских историков XX века

Keywords: Romania, 20th century, ethnogenesis, Carpathian-Danube region, migration processes, Romanian historiography, Moldo-Wallachian substrate, Romanian historians

Ключевые слова: Румыния, XX век, этногенез, карпато-дунайский регион, миграционные процессы, румынская историография, молдо-валахский субстрат, историки Румынии

B. M. Bodnariuk

Moldo-Wallachian Ethnic Substrate in the Early Middle Ages: aspects of civilization identification as understood by the Romanian historians of the 20th century

This article examines and analyzes the problem of the emergence, formation, and features of the development of the Moldo-Wallachian substrate during the Early Middle Ages — until the beginning of the formation of state entities, which were later called Danube Principalities. The problem is highlighted at the level of civilization and anthropological characteristics, reflected in the Romanian historiography of the 20th century and presented by many well-known researchers. Special attention is paid to the debatable aspects of the ethnic identification of the population of the Carpathian-Danube region during the Great Migration, examined through the prism of methodological approaches, conceptual statements and interpretative perspectives.

B. M. Боднарюк

Молдо-валахский этнический субстрат в эпоху раннего средневековья: аспекты цивилизационной идентификации в осмыслении румынских историков XX века

В статье рассматривается и анализируется проблема возникновения, становления и особенностей развития молдо-валахского субстрата в период раннего средневековья — до начала формирования государственных образований, которые в дальнейшем получили название «Дунайские княжества». Проблема освещается на уровне цивилизационных и антропологических характеристик, отраженных в румынской историографии XX века и представленной многими известными исследователями. Отдельное внимание в статье уделяется дискуссионным аспектам этнической идентификации населения Карпато-Дунайского региона во времена Великого переселения народов, рассмотренным через призму методологических подходов, концептуальных констатаций и интерпретационных перспектив.

Проблема поисков «объективных» обоснований (именно обоснований, а не привлечение соответствующих фактов или конкретных событийных процессов), с последующим формированием концепций и, зачастую, попытками создания конъюнктурных авторских «моделей» универсального характера, логично вытекающих из актуализированного предмета исследования, на уровне интерпретационных аллюзий самого исследователя, как правило, тяготеет к политической доминанте или социокультурным реалиям определённой эпохи. Вместе с тем, сложность подобных поисков для историков «усугубляется» цивилизационным контекстом каждой эпохи — массовым сознанием, исторической памятью, мотива-

ционными архетипами поведения, бытовыми традициями, мировоззренческими ориентирами населения, а также морально-этическими приоритетами, духовно-религиозными канонами (табуированными и душевспасительными регламентациями), идеологическими доктринами, сакрализованными мифологемами, архаической символикой и устоявшимися представлениями (образами), распространёнными в обществе.

Естественно, этническая и языковая составляющие, особенно — их «чистота» происхождения (генезисный фундамент), в построении таких «моделей» играют одну из ключевых, определяющих ролей. Как известно, методологическое тяготение к «циви-

лизационным студиям» у европейских учёных гуманитарного направления зародилось ещё в конце XIX века. Перспективное веяние, спрогнозированное немцем Максом Вебером, подхватил и воплотил в виде панорамного методологического подхода (хоть и не до конца убедительно, однако, без сомнения, оригинально и талантливо) англичанин Арнольд Джозеф Тойнби.

Вольно или невольно, но предложенная им достаточно притягательная цивилизационная «модель» восприятия и понимания истории человечества раскрыла гуманитариям своеобразный «ящик Пандоры»: после окончания Первой мировой войны, в 30-е годы во всех европейских государствах (и на других континентах тоже) началось активное создание (написание) новой, переосмысленной национальной истории в рамках дидактической целесообразности, государственных интересов и программных партийных задач, с обязательным определением своих наидревнейших «истоков», круга извечных «внешних врагов», возвеличиванием национальной самобытности, культурной исключительности, языковой уникальности, часто — гипертрофированным героизированием военно-политических событий минувших времён и современности.

Таким образом, именно цивилизационный подход позволил не только историкам, — но и антропологам, археологам, культурологам, религиоведам, лингвистам, социологам, психологам, политологам, этнологам акцентировать внимание в своих научных работах на вопросах расовых, генетических, ментальных, этнических, этно-национальных. Обобщающий анализ таких вопросов позволял интеллектуалам создавать сущностно новаторский конструкт, где на примере истории разных — независимых или же наоборот — поработённых стран этнос (в большинстве случаев — автохтонный этнический субстрат, воплощение и носитель традиционных ценностных эталонов) не только превращался в самодовлеющую организационную первооснову при формировании государственности, — он неизменно приобретал статус и признаки цивилизационного «маркера», с широким набором «естественных» культуртрегерских функций, политических и правовых полномочий.

В теоретическом плане получил распространение ряд постулативных аксиом, не имеющих соответствующей (общепризнанной) доказательной базы, тем не менее, апеллирующих к неоднозначным утверждениям или гипотетическим предположениям. Напри-

мер, среди «аксиомных» тезисов своей априорностью отличается известная констатация: этническая принадлежность индивидуума в культурном «измерении» определяется его родным языком (подразумевается, что национальность и язык должны совпадать). В межвоенный период, и далее — после Второй мировой войны, тема происхождения многих этносов стала в исторической науке, этнологии, антропологии и культурологии одной из ведущих. Упомянутый выше языковой фактор в связи с этой тенденцией сыграл роль определяющего значения. Но именно он оказался причиной концептуального дисбаланса при намерении некоторых исследователей возвести цивилизационный тандем «язык = этнос» в ранг очевидной закономерности, не предусматривающей возможных исключений, каких-либо противоречий или «побочных» несоответствий.

В качестве примера можно вспомнить многовековую неприязнь ирландцев к англичанам, однако государственным языком Ирландии остался английский; скинув «бремя белого человека», Индия не отказалась на уровне государства от языка «британских поработителей»; народы Латинской Америки, избавившись от «испанского ига», оставили язык жестоких колонизаторов в качестве своей национальной идентичности; Бельгия — в разные исторические периоды известная антифранцузскими настроениями, — не ликвидировала языковую экспансию своей амбициозной соседки, а сделала французский язык государственным. Подобные примеры позволяют ставить под сомнение закономерность прямой связи между языком и этнической принадлежностью его носителей. Тем не менее, многие европейские учёные в XX веке этногенез в значительной степени связывали с языковой практикой населения и сферой лингвистических трансформаций.

Эта тенденция коснулась и румынской историографии. Историки, археологи, этнологи, социологи и культурологи свой исследовательский инструментарий, методологические инновации и приёмы социологических обобщений использовали для создания многопланового (и многовекторного) цивилизационного «портрета» молдо-валахского (другое название — румынского) этнического субстрата, который формировался на протяжении раннесредневекового периода европейской истории. Нужно признать, в целом они справились с задачей: выделили и обосновали характерные черты жизнедеятельности данного субстрата в рамках его феноменологических про-

явлений и «соответствующей» языковой среды. У разных исследователей были разные подходы и разные суждения, но ими демонстрировались одинаковые оценочные критерии, сфокусированные и органично реализованные в универсализованной цивилизационной модели.

Историографический анализ позволяет выявить схему подбора учёными «элементов» аргументации и построения доказательной базы, с надлежащими выводами, умозаключениями, интерпретациями. Рассмотрение наиболее важных (магистральных) аспектов цивилизационной идентификации молдо-валашского этнического субстрата в осмыслении румынских историков прошлого века целесообразнее всего начать с освещения проблемы генезиса и атрибутации сопутствующих археологических артефактов. Следует подчеркнуть, что по этой проблематике на сегодняшний день опубликовано большое количество статей и монографий, начиная с фундаментальных работ Николая Йорги (Iorga 1928), Константина и Дину Джуреску (Giurescu, Giurescu 1975), Иона Барни (Barnea 1943), Николая Дрэгану (Drăganu 1938), Георгия Брэтиану (Brătianu 1981) и многотомных коллективных академических трудов (Istoria Romîniei 1960), часть из которых увидела свет ещё до Второй мировой войны. Однако новая (модифицированная) актуализация темы молдо-валашского этногенеза произошла в конце 70-х — начале 80-х годов XX века в связи с выходом из печати в американском издательстве «Юпитер Пресс» (Лейк Блафф, Иллинойс) в 1977 году достаточно провокационной для румынских научных кругов монографии Андре дю Ная «Ранняя история румынского языка» (Nay 1977).

Полемика румынских историков, антропологов, источниковедов и лингвистов развернулась вокруг авторской трактовки организующего языкового фактора в процессе возникновения этнической самоидентификации населения, обитавшего в XI—XIII веках в обширном придунайском регионе. А. дю Най, игнорируя значение данных археологии, утверждал в русле идей своих предшественников — Л. Тамаша, Р. Ресслера, Л. Галди, следующее: северодунайский социокультурный ареал не участвовал в формировании румынского языка и румынского народа.

Языковые, как и общецивилизационные «проявления» этнического обособления и становления молдо-валашского субстрата, с его точки зрения, наблюдались лишь на ограниченной территории северо-западных земель

Балканского полуострова, недалеко от мест расселения албанцев. Кроме того, молдо-влахи — носители ассимилированной римской культуры, путём поэтапного переселения (миграционных волн) появились в Карпато-Дунайском бассейне (бывшей Траяновой Дакии) довольно поздно, — только в конце XI — начале XII века. Исходя из текста почти трёхсотстраничной книги, с Наем солидаризировались и оба редактора тома — Адам и Валерия Маккаи, и автор предисловия — Роберт А. Холл-младший.

Румынские исследователи, естественно, приняли брошенный им «вызов». Одной из первых откликнулась Лиджия Бырзу, которая в качестве доказательства несостоятельности концепции Андре дю Ная широко использовала в своих статьях именно результаты многих археологических исследований, осуществлённых в 50-х — 70-х годах (Бырзу 1981: 235—240). Дополнением служит информация, почерпнутая из античных эпиграфических источников, опубликованных И. Руссу, Гр. Флореску, К. Петолеску в трёхтомном собрании «Надписи римской Дакии» (Russu, Florescu, Petolescu 1975—1980), а также сведения из раннесредневековой эпиграфики, представленной Е. Попеску в книге «Греческие и латинские надписи IV—XIII веков, найденные в Румынии» (Popescu 1976).

Л. Бырзу анализирует и характеризует большой информационный пласт, вытекающий из проведённых учёными археологических раскопок и связанный с древней и раннесредневековой историей молдо-влахов (Бырзу 1981: 240—257). В её поле зрения, наряду с имеющимися данными исторической географии и топонимии, оказались наиболее важные публикации археологов, позволяющие реконструировать не только бытовые, экономические, военные, — но и духовно-культурные пласты молдо-валашского субстрата от появления «гето-дакийского социума» до возникновения государственности (т. е. Дунайских княжеств).

Среди этих публикаций нельзя не упомянуть ключевые. Первый раздел широко представлен «дакийской» тематикой: «Дакийская крепость в Пятра-Рошие» К. Дайковичу (Daicoviciu 1954) и его же книга «Дакия от Буребисты к римскому завоеванию» (Daicoviciu 1972), «Дакийская крепость в Одрехеул Секуеск» Г. Ференчи (Ferenczi 1972), «Свободные даки с запада и северо-запада Румынии (II—IV вв. н. э.)» С. Думитрашку (Dumitraşcu 1977), «Дакийское поселение в Арпашуде-Сус» М. Макри и И. Глодариу (Măcrea,

Glodariu 1976), двухтомник «Гето-дакийская цивилизация» И. Х. Кришана (Crişan 1993) и его же монография «Буребиста и его эпоха» (Crişan 1977), «Дакийские крепости в Молдове» Н. Гостара (Gostar 1969), «Дакийская крепость в Пятра-Крайовий» И. Берчу и А. Попы (Berciu, Pora 1971), «Археологические исследования относительно древних фракийцев» С. Моринца (Morinţ 1978), «Дакийское поселение в Медиешул-Аурит» С. Думитрашку и Т. Бадера (Dumitraşcu, Bader 1967), «Следы дакийской материальной культуры на арадской территории» Э. Дорнера (Dorner 1968), «Даки и их цивилизация» того же К. Дайковичу (Дайковичу 1980), «Античная Дакия» М. Граматопола (Gramatopol 1982), «Урбанизм романской Дакии» Н. Бранги (Branga 1980).

Во второй группе монографий и статей рассматриваются вопросы относительно дакокарпов и «свободных даков» из Мунтении, в том числе — живших среди язигов и скордисксов. Интерес в первую очередь представляют такие важные работы как: «Культура карпов» Г. Бикира (Bichir 1973), «Новые археологические данные о погребальных обрядах у гето-даков» И. Ионицэ и В. Урсаки (Ioniţă, Ursachi 1968), «Поселения III и IV вв. н.э. на юго-западе Мунтении. Исследования в Дулчанке» С. Долинеску-Ферке (Dolinescu-Ferche 1974), «Археологические раскопки в Мэтэсару» Г. Бикира и Е. Попеску (Bichir, Popescu 1970), «Формирование румынского народа» К. Джуреску (Giurescu 1973), «Единство румын в средневековье» Н. Стоическу (Stoicescu 1983). Они служат доказательством присутствия гето-даков во всём Карпато-Дунайском, и даже понтийском ареале не только в позднеермский период, — но и на протяжении V—VIII веков, хотя ряд комплексов — Чипэу-Гырла, Ипотешть, Кындешть-Чурелу, Дриду своими находками сформировали среди специалистов (особенно венгерских) противоречивые мнения относительно их этнической принадлежности.

Со своей стороны, Л. Бырзу поддерживает выводы, фигурирующие в трудах авторитетных археологов и антропологов, например, проецируя их на идентификацию автохтонного населения Трансильвании (Bîrzu 1973: 74—78). Неоднократно она ссылается на мнение учёных, ставших в дальнейшем классиками румынской историографии. К ним принадлежат Г. Дан Теодор («Восточно-карпатская территория в V—XI вв. н.э.» (Teodor 1978), «Христианство на востоке Карпат от истоков до XIV века» (Teodor 1991), «Романская цивилизация на востоке Карпат в V—VII вв.

н.э.» (Teodor 1984)), О. Торопу («Позднее романство и прарумыны в юго-карпатской Трансильвании в VII—VIII веках») (Zaharia 1977), И. Нестор («Археологические разведки в Дриду») (Nestor, Zaharia 1958), П. Диакону («Пэкул-луй-Соаре») (Diaconu 1972—1977), Гр. Флореску («Капидава») (Florescu, Diaconu 1958), М. Константиniu («Румыновизантийские элементы в материальной культуре Мунтении, VI—VII вв.») (Constantiniu 1966), В. Теодореску («Новая археологическая культура Ипотешть-Кындешть, V—VII вв.») (Teodorescu 1971), В. Спинеи («Молдова в XI—XIV веках») (Spinei 1994).

Археологический спектр проблемы этногенеза молдо-валашского субстрата на раннесредневековом материале рассматривается в монографии Р. Попы «Страна Марамуреша в XIV веке» (Pora 1970). Методологические подходы к обоснованию и определению цивилизационных особенностей молдо-валашского субстрата, являющихся «дако-римской преемственностью» наметил и реализовал А. Армбрюстер в книге «Романство румын» (Armbruster 1972). Его идеи были в дальнейшем поддержаны и развиты С. Брезяну (Brezeanu 1976), С. Олтяну (Olteanu 1978), Н. Гудей (Gudea 1975) и другими историками (Gregoraş 1976; Stoicescu 1980). Таким образом, археологический «фундамент», усиленный обширным корпусом письменных источников (более 150 исторических трактатов и хроник) позволил румынским исследователям в 70-е — 80-е годы XX века завершить создание официальной, глубоко концептуализированной модели национальной истории, — модели, отображающей её многогранные самобытные проявления и культурные достижения, воспринимаемые в диапазоне социально-экономических и политико-правовых мотиваций.

Аспекты цивилизационной идентификации раннесредневекового молдо-валашского этнического субстрата свою историографическую констатацию и осмысление обрели благодаря исследовательской фиксации ряда глобальных комплексных проявлений, имеющих нациообразующую «симптоматику». Такие учёные, как Г. Штефан (Ştefan 1971), И. Руссу (Russu 1958), Д. Протасе (Protase 1971), С. Драгомир (Dragomir 1959), Д. Пиппиди (Pippidi 1958), акцентируют внимание на дакийской и дако-римской преемственности, языковой доминанте, тесных болгаро-византийских миссионерских (церковно-религиозных),

культурных и экономических контактах, первичных урбанизационных проявлениях, бытовой специфике жизнедеятельности населения Карпато-Дунайского бассейна. Сообщения позднеантичных и средневековых источников о молдо-влахах были освещены в публикациях Стелиана Бреэну (Brezeanu 1980) и монографии Рэзвана Теодореску «Византия, Балканы, Восток в начале румынской средневековой культуры. X—XIV вв.» (Teodorescu 1974).

Вместе с тем, на новом концептуальном уровне развёрнутую цивилизационную идентификацию молдо-валашского субстрата осуществил в 70-е — начале 80-х годов XX века академик, профессор университета «Бабеш-Большаи» в Клуж-Напоке, директор Национального комитета историков Румынии в тот период — Штефан Паску. В своих трудах он органично резюмировал идеи, взгляды и позиции предыдущих поколений румынских историков (Паску 1980: 36—56), кроме того, смог в определённой степени универсализировать (с точки зрения трактовки фактов и событийных коллизий) национальную историю (её древний период и раннесредневековую эпоху) и создать единую основополагающую модель, включающую базовые «структурные» компоненты: «генезис румынского народа», признаки автохтонности, процессы колонизации и ассимиляции, «цивилизационный фундамент», языковой фактор, социокультурная идентичность, духовные и религиозные элементы, политическая консолидация этноса, правовые регламентации (Паску 1980: 56—62).

В своей модели Ш. Паску определил, выделил и охарактеризовал «цементирующую» роль главных цивилизационных «составляющих»: фрако-гето-дакийский субстрат (начальный), римский адстрат, реалии и следствия романизации, милитарный сегмент, дако-римский синтез, болгарские и понтийские влияния, экономический уровень, многофазный византийский синтез, этническая и конфессиональная «кристаллизация» автохтонного населения, «генетическое эхо» инвазий, молдо-валашский субстрат (завершающий) (Паску 1980: 43—53). Его удачно сбалансированная концепция получила поддержку со стороны академика Эмиля Кондураки (Кондураки, Теодореску 1980: 87—113).

Обобщая анализ изучения и осмысления румынскими историками прошлого века ключевых аспектов цивилизационной идентификации молдо-валашского этнического субстрата, который на протяжении IV—XIII веков прошёл несколько последовательных этапов социокультурного становления и ста-

дию «предварительной» («стихийной») самоидентификации, необходимо также обратить внимание на ряд исторических процессов, реалий и тенденций, которые остались вне поля зрения учёных в силу недостаточной (с позиций нынешнего уровня развития исторической науки и гуманитарной мысли в целом) на то время методологической платформы, односторонне сформулированных объектов и предметов исследования, в некоторых случаях — ограниченного спектра решаемых вопросов, вытекающих из поставленных задач или целей (иногда несущих в себе элементы политической, религиозно-конфессиональной (как вариант — атеистической), социальной, национальной, идеологической или мировоззренческой заангажированности автора, о чём упоминалось в начале статьи).

В первую очередь речь идёт о роли Великого переселения народов (II—VII вв.) в процессе этногенеза. Румынскими историками она учитывалась косвенно, без разработки необходимой всесторонней характеристики её значения и глобальных последствий. Например, «неучтённой» осталась географическая среда и климатические условия, влияющие на уровень миграционной мобильности, на что указала в своё время Т.И. Алексеева в монографии «Географическая среда и биология человека» (Алексеева 1977). Известный российский варваролог В.П. Буданова, к примеру, отмечает: «Миграции в истории — один из системообразующих элементов исторической эволюции человека и этнополитической детерминанты. Выполняя функцию регулирования людских потоков, миграции формируют состав населения, стимулируют его подвижность в одних районах и стабилизируют в других» (Буданова 2015: 351).

Исходя из её дальнейшего посыла, будущий молдо-валашский субстрат имел в придунайском регионе тесные контакты с роксоланами, костобоками, бастарнами и певкинами (Буданова 2015: 369—370). Указание на эти контакты содержится и в работе американского исследователя У. Гоффарта (Goffart 1980: 153). Цивилизационное влияние племен Великой степи на карпато-дунайские земли в XIII веке отмечает варваролог-номадист Ф. Фернандес-Арместо в фундаментальной книге «Цивилизации» (Фернандо-Арместо 2009: 158—159). Антропологическую специфику миграционных процессов на фоне активизации раннесредневекового этногенеза всесторонне охарактеризовал французский историк Ж. Легран (Legrand 2009).

Однако проблеме изучения этнических субстратов присущи и определённые «недочёты». Отметим наиболее существенные: во-первых, манипулирование некоторыми исследователями «смежными» понятиями: «народ»–«народность», «этнос»–«субэтнос», «община»–«общность», «нация»–«национальность»; во-вторых, нивелирование миграционного компонента, вследствие чего теоретическая «чистота» процесса этногенеза на практике размывается, а декларируемая его «кристаллизация» в той или иной степени носит условный характер (т.е. не учитывается совокупность всех факторов, влияющих на цивилизационный «портрет» этногенеза).

В наше время категориальный аппарат исследований постепенно усложняется, а научные дефиниции становятся самодостаточными и самодовлеющими в своих существенных проявлениях и смысловых образах. Это позволяет учёным, с одной стороны, расширять круг изучаемых вопросов, с другой — в определённой мере искусственно усложнять исследовательскую проблематику, вследствие чего в отдельных случаях актуализируются и рассматриваются «явления», «структуры», «процессы», «тенденции»,

«влияния», не всегда имеющие убедительную доказательную базу. В итоге, обновлённая и модернизированная за счёт «приобщения» информационно-источникового потенциала смежных гуманитарных дисциплин (в рамках осуществления междисциплинарных связей), методологическая палитра сферы исторического знания придала авторским нарративам во многих случаях усовершенствованную и перспективную аналитичность, но не предполагаемую (или желаемую) концептуальную оригинальность.

Исходя из сказанного, область комплексного изучения этногенеза и особенностей формирования конкретных этнических субстратов в силу объективных причин не избавилась от ряда гипотетических предположений и неоднозначных допущений. Таким образом, можно подчеркнуть, что осмысление румынскими историками XX века характерных черт (аспектов) цивилизационного феномена раннесредневековых молдо-влахов и в современной исследовательской проблематике не утратило своего интерпретационного значения и остаётся приемлемым (с точки зрения мотивационных закономерностей) конструктом, имеющим в своей основе научные принципы и национальные приоритеты.

Литература

- Алексеева Т.И. 1977. *Географическая среда и биология человека*. Москва: Мысль.
- Брезану С. 1981. Новый «Анонимус». Исторические источники и «теории» Андре дю Ная. *Румыния. Страницы истории* (3—4), 281—319.
- Буданова В.П. 2015. Великие миграции народов: модели и проблемы корреляции. *Ars Historica*. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 351—382.
- Бырзу Л. 1981. Новый «Анонимус». Комментарии в связи с трудом Андре дю Ная (Анализ работы сквозь призму археологических свидетельств). *Румыния. Страницы истории* (3—4), 229—279.
- Дайковичу Х. 1980. Даки и их цивилизация. *Румыния. Страницы истории* (3—4), 158—187.
- Кондураки Э., Теодореску Р. 1980. Восточная Европа, место слияния цивилизаций. *Румыния. Страницы истории* (3—4), 64—157.
- Паску Ш. 1980. Генезис романских народов. Зарождение румынского народа. *Румыния. Страницы истории* (3—4), 34—63.
- Фернандес-Арместо Ф. 2009. *Цивилизации*. Москва: АСТ; Харвест.
- Armbruster A. 1972. *Romanitatea românilor. Istoria unei idei*. București: Editura Academiei RPR.
- Barnea I. 1943. Contribuții la studiul creștinismului în Dacia. *Revista istorică română* 13, 31—42.
- Berciu L., Popa A. 1971. Cetatea dacică de la Piatra Craiovei. În: *Sesiunea de comunicări științifice a Muzeelor de istorie* I. București, 261—284.
- Bichir Gh. 1973. *Cultura carpică*. București: Editura Academiei RPR.
- Bichir Gh., Popescu E. 1970. Săpăturile arheologice de la Mătăsaru, jud. Dâmbovița. *Materiale și Cercetări Arheologice* (9), 271—279.
- Bîrzu L. 1973. *Continuitatea populației autohtone în Transilvania*. București: Editura Academiei RPR.
- Branga N. 1980. *Urbanismul Daciei romane*. Timișoara: Facla.
- Brătianu Gh.I. 1981. *Tradiția istorică despre întemeierea statelor românești*. București: Editura Eminescu.
- Brezeanu S. 1976. De la populația romanizată la vlahii balcanici. *Revista de istorie* XXIX (2), 112—145.
- Brezeanu S. 1980. „Imperator Bulgarie et Valachie”. În jurul genezei și semnificației termenului „Valachia” din titulatura lui Ioniță Asan. *Revista de istorie* XXXIII (4), 88—104.
- Constantiniu M. 1966. Elemente romano-bizantine în cultura materială a Munteniei în secolele VI—VII e.n. Studii și cercetări de istorie veche. Vol. 17 (4), 665—677.
- Crișan I.H. 1977. Burebista și epoca sa. București: Ed. Științifică și Enciclopedică.
- Crișan I.H. 1993. *Civilizația geto-dacilor*. Vol. I, II. București: Meridiane.
- Daicoviciu C. 1954. *Cetatea dacică de la Piatra Roșie*. București: Editura Academiei RPR.
- Daicoviciu C. 1972. *Dacia de la Burebista la cucerirea romana*. Cluj: Editura Științifică și Enciclopedică.
- Diaconu P., Vlăceanu D. 1972. *Păciul lui Soare*. Vol. I. București: Editura Academiei RPR.

- Diaconu P., Barachi S. 1977. *Păciul lui Soare*. Vol. II. București: Editura Academiei RPR.
- Dolinescu-Ferche S. 1974. *Așezări din secolele III și VI e. n. în sud-vestul Munteniei. Cercetările de la Dulceanca*. București: Editura Academiei RPR.
- Domer E. 1968. *Urme ale culturii materiale dacice pe teritoriul arădan*. Timișoara: Muzeul județean Arad.
- Drăganu N. 1938. *Românii în veacurile IX—XIV pe baza toponimiei și a onomasticii*. București: Editura Academiei RPR.
- Dragomir S. 1959. *Vlahii din nordul Peninsulei Balcanice în evul mediu*. București: Editura Academiei RPR.
- Dumitrașcu S. 1977. Daci liberi din vestul și nord-vestul României (secolele II—IV Chr.). *Crisia* 7, 65—76.
- Dumitrașcu S., Bader T. 1967. Așezarea dacică de la Medieșul Aurit. *Acta Musei Napocensis* 4, 107—167.
- Ferenczi G., Ferenczi I. 1972. Cetatea dacică de la Odorheiu Secuiesc. *Crisia* 2, 59—63.
- Florescu Gh., Florescu R., Diaconu D. 1958. *Capidava*. Vol. I. București: Editura Academiei RPR.
- Giurescu C.C. 1973. *Formarea poporului român*. Craiova: Scrisul Românesc.
- Giurescu C.C., Giurescu D.C. 1975. *Istoria românilor I*. București: Editura Științifică și Enciclopedică.
- Goffart W. 1980. *Barbarians and Romans. A.D. 418—584*. Princeton: University Press.
- Gostar N. 1969. *Cetățile dace din Moldova*. București: Meridiane.
- Gramatopol M. 1982. *Dacia antiqua*. București: Albatros.
- Gregoraș N. 1976. *Istoria română*. Bonn: Weber.
- Gudea N. 1975. Gornea. Așezări din epoca romană și română târzie. *Banatica* 3, 153—180.
- Ioniță I., Ursachi V. 1968. Noi date arheologice privind riturile funerare la carpo-daci. *Studii și cercetări de istorie veche* (2), 213—226.
- Iorga N. 1928. *Imperiul cumanilor și domnia lui Bășărabă. Un capitol din colaborația romano-barbară în Evul Mediu*. Memoriile Secției Academiei Române VIII. București: Editura Cultura Națională.
- Istoria României*. 1960. Vol. II. București: Editura Academiei RPR.
- Legrand J. 2009. Migration and Nomadic Pastoralism: Major Anthropological Alternatives. *First Great Migrations of Peoples*. Paris, 123—142.
- Macrea M., Glodariu I. 1976. *Așezarea Dacică de la Arpașu de Sus*. București: Editura Academiei RPR.
- Morinț S. 1978. *Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurii*. București: Editura Academiei RPR.
- Nestor I., Zaharia E. 1958. Sondaje de la Dridu. *Materiale și cercetări arheologice* 5, 547—554.
- Olteanu St. 1978. Realități demografice pe teritoriul Transilvaniei în sec. VIII—X. *România — file de istorie* (1), 63—70.
- Pippidi D.M. 1958. *În jurul izvoarelor literare ale creștinismului daco-roman. Contribuții la istoria veche a României*. București: Editura Științifică și Enciclopedică.
- Popa R. 1970. *Șara Maramureșului în veacul al XIV-lea*. București: Editura Academiei RPR.
- Popescu E. 1976. *Inscripțiile grecești și latine din secolele IV—XIII, descoperite în România*. București: Editura Academiei RPR.
- Protase D. 1971. Observații asupra așezărilor rurale din Dacia romană și postromană (sec. II—VI) până la venirea slavilor. *Banatica* (1), 205—234.
- Russu I.I. 1958. Materiale paleocreștine. *Studii teologice* (5—6), 67—75.
- Russu I.I., Florescu G., Petolescu C.C. 1975. *Inscripțiile Daciei Romane*. Vol. I. București: Editura Academiei RPR.
- Russu I.I., Florescu G., Petolescu C.C. 1976. *Inscripțiile Daciei Romane*. Vol. II. București: Editura Academiei RPR.
- Russu I.I., Florescu G., Petolescu C.C. 1977. *Inscripțiile Daciei Romane*. Vol. III (1). București: Editura Academiei RPR.
- Russu I.I., Florescu G., Petolescu C.C. 1980. *Inscripțiile Daciei Romane*. Vol. III (2). București: Editura Academiei RPR.
- Spinei V. 1994. *Moldova în secolele XI—XIV*. Chișinău: Universitatea.
- Ștefan Gh. 1971. Daci și romani la Gurile Dunării. *Peuce-Tulcea* II, 147—153.
- Stoicescu N. 1980. *Continuitatea românilor*. București: Editura Științifică și Enciclopedică.
- Stoicescu N. 1983. *Unitatea românilor în evul mediu*. București: Editura Academiei RPR.
- Teodor D.Gh. 1978. *Teritoriul est-carpatic în veacurile V—XI e.n. Contribuții arheologice și istorice la problema formării poporului român*. Iași: Junimea.
- Teodor D.Gh. 1984. *Civilizația romanică la est de Carpați în secolele V—VII e.n. (Așezarea de la Botoșana-Suceava)*. București: Editura Academiei RPR.
- Teodor D.Gh. 1991. *Creștinismul la est de Carpați de la origini până în secolul al XIV-lea*. Iași: Editura Mitropoliei Moldovei și Bucovinei.
- Teodorescu R. 1974. *Bizant, Balcani, Occident la începuturile culturii medievale românești (secolele X—XIV)*. București: Editura Academiei RPR.
- Teodorescu V. 1971. O nouă cultură arheologică recent precizată în țara noastră cultura Ipotești-Cîndești (secolele V—VII). *Sesiunea de comunicări științifice a Muzeelor de istorie*. Decembrie, 1964. Vol. II. București, 104—130.
- Toropu O. 1976. *Romanitatea târzie și străromânii în Dacia Traiană Sud-Carpatică (secolele III—XI)*. Craiova: Scrisul Românesc.
- Zaharia E. 1977. *Populația românească în Transilvania în secolele VII—VIII (Cimitirul nr. 2 de la Bratei)*. București: Editura Academiei RPR.

References

- Alekseeva, T.I. 1977. *Geograficheskaya sreda i biologiya cheloveka (Geographic Environment and Human Biology)*. Moscow: "Mysl" Publ. (in Russian).
- Brezeanu, S. 1981. In *Rumyniia. Stranitsy istorii (Romania: Pages of History)* (3—4), 281—319 (in Russian).
- Budanov, V.P. 2015. In *Ars Historica*. Moscow; Saint Petersburg: "Tsentr gumanitarnykh initsiativ" Publ., 351—382 (in Russian).
- Bîrzu, L. 1981. In *Rumyniia. Stranitsy istorii (Romania: Pages of History)* (3—4), 229—279 (in Russian).
- Daicovicu, H. 1980. In *Rumyniia. Stranitsy istorii (Romania: Pages of History)* (3—4), 158—187 (in Russian).
- Condurachi, E., Teodorescu, R. 1980. In *Rumyniia. Stranitsy istorii (Romania: Pages of History)* (3—4), 64—157 (in Russian).
- Pascu, Ș. 1980. In *Rumyniia. Stranitsy istorii (Romania: Pages of History)* (3—4), 34—63 (in Russian).
- Fernández-Armesto, F. 2009. *Tsivilizatsii (Civilizations)*. Moscow: "AST" Publ.; "Kharvest" Publ. (in Russian).
- Armbruster, A. 1972. *Romanitatea românilor. Istoria unei idei*. București: Editura Academiei RPR.
- Barnea, I. 1943. Contribuții la studiul creștinismului în Dacia. *Revista istorică română* 13, 31—42.
- Berciu, L., Popa, A. 1971. Cetatea dacică de la Piatra Craiovei. In

- Sesiunea de comunicări științifice a Muzeelor de istorie I. București, 261—284.
- Bichir, Gh. 1973. *Cultura carpică*. București: Editura Academiei RPR.
- Bichir, Gh., Popescu, E. 1970. Săpăturile arheologice de la Mătașaru, jud. Dâmbovița. *Materiale și Cercetări Arheologice* (9), 271—279.
- Bîrzu, L. 1973. *Continuitatea populației autohtone în Transilvania*. București: Editura Academiei RPR.
- Branga, N. 1980. *Urbanismul Daciei romane*. Timișoara: Facla.
- Brătianu, Gh. I. 1981. *Tradiția istorică despre întemeierea statelor românești*. București: Editura Eminescu.
- Brezeanu, S. 1976. De la populația romanizată la vlahii balcanici. *Revista de istorie* XXIX (2), 112—145.
- Brezeanu, S. 1980. „Imperator Bulgariae et Valachie”. În jurul genezei și semnificației termenului „Valachia” din titulatura lui Ioniță Asan. *Revista de istorie* XXXIII (4), 88—104.
- Constantiniu, M. 1966. Elemente romano-bizantine în cultura materială a Munteniei în secolele VI—VII e.n. Studii și cercetări de istorie veche. Vol. 17 (4), 665—677.
- Crișan, I. H. 1977. Burebista și epoca sa. București: Ed. Științifică și Enciclopedică.
- Crișan, I. H. 1993. *Civilizația geto-dacilor*. Vol. I, II. București: Meridiane.
- Daicoviciu, C. 1954. *Cetatea dacică de la Piatra Roșie*. București: Editura Academiei RPR.
- Daicoviciu, C. 1972. *Dacia de la Burebista la cucerirea romană*. Cluj: Editura Științifică și Enciclopedică.
- Diaconu, P., Vilceanu, D. 1972. *Păciul lui Soare*. Vol. I. București: Editura Academiei RPR.
- Diaconu, P., Barachi, S. 1977. *Păciul lui Soare*. Vol. II. București: Editura Academiei RPR.
- Dolinescu-Ferche, S. 1974. *Așezări din secolele III și VI, e.n. în sud-vestul Munteniei. Cercetările de la Dulceanca*. București: Editura Academiei RPR.
- Dorner, E. 1968. *Urme ale culturii materiale dacice pe teritoriul arădan*. Timișoara: Muzeul județean Arad.
- Drăganu, N. 1938. *Românii în veacurile IX—XIV pe baza toponimiei și a onomasticii*. București: Editura Academiei RPR.
- Dragomir, S. 1959. *Vlahii din nordul Peninsulei Balcanice în evul mediu*. București: Editura Academiei RPR.
- Dumitrașcu, S. 1977. Daci liberi din vestul și nord-vestul României (secolele II—IV Chr.). *Crisia* 7, 65—76.
- Dumitrașcu, S., Bader, T. 1967. Așezarea dacică de la Mediașul Aurit. *Acta Musei Napocensis* 4, 107—167.
- Ferenczi, G., Ferenczi, I. 1972. Cetatea dacică de la Odorheiu Secuiesc. *Crisia* 2, 59—63.
- Florescu, Gh., Florescu, R., Diaconu, D. 1958. *Capidava*. Vol. I. București: Editura Academiei RPR.
- Giurescu, C. C. 1973. *Formarea poporului român*. Craiova: Scrisul Românesc.
- Giurescu, C. C., Giurescu, D. C. 1975. *Istoria românilor I*. București: Editura Științifică și Enciclopedică.
- Goffart, W. 1980. *Barbarians and Romans. A. D. 418—584*. Princeton: University Press.
- Gostar, N. 1969. *Cetățile dace din Moldova*. București: Meridiane.
- Gramatopol, M. 1982. *Dacia antiqua*. București: Albatros.
- Gregoraș, N. 1976. *Istoria română*. Bonn: Weber.
- Gudea, N. 1975. Gornea. Așezări din epoca romană și romană târzie. *Banatica* 3, 153—180.
- Ioniță, I., Ursachi, V. 1968. Noi date arheologice privind riturile funerare la carpo-daci. *Studii și cercetări de istorie veche* (2), 213—226.
- Iorga, N. 1928. *Imperiul cumanilor și domnia lui Băsarabă. Un capitol din colaborația romano-barbară în Evul Mediu*. Memoriile Secției Academiei Române VIII. București: Editura Cultura Națională.
- Istoria României*. 1960. Vol. II. București: Editura Academiei RPR.
- Legrand, J. 2009. Migration and Nomadic Pastoralism: Major Anthropological Alternatives. *First Great Migrations of Peoples*. Paris, 123—142.
- Macrea, M., Glodariu, I. 1976. *Așezarea Dacică de la Arpașu de Sus*. București: Editura Academiei RPR.
- Morinț, S. 1978. *Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurii*. București: Editura Academiei RPR.
- Nestor, I., Zaharia, E. 1958. Sondajele de la Dridu. *Materiale și cercetări arheologice* 5, 547—554.
- Olteanu, St. 1978. Realități demografice pe teritoriul Transilvaniei în sec. VIII—X. *România — file de istorie* (1), 63—70.
- Pippidi, D. M. 1958. *În jurul izvoarelor literare ale creștinismului daco-roman. Contribuții la istoria veche a României*. București: Editura Științifică și Enciclopedică.
- Popa, R. 1970. *Șara Maramureșului în veacul al XIV-lea*. București: Editura Academiei RPR.
- Popescu, E. 1976. *Inscripțiile grecești și latine din secolele IV—XI-II, descoperite în România*. București: Editura Academiei RPR.
- Protase, D. 1971. Observații asupra așezărilor rurale din Dacia romană și postromană (sec. II—VI) până la venirea slavilor. *Banatica* (1), 205—234.
- Russu, I. I. 1958. Materiale paleocreștine. *Studii teologice* (5—6), 67—75.
- Russu, I. I., Florescu, G., Petolescu, C. C. 1975. *Inscripțiile Daciei Romane*. Vol. I. București: Editura Academiei RPR.
- Russu, I. I., Florescu, G., Petolescu, C. C. 1976. *Inscripțiile Daciei Romane*. Vol. II. București: Editura Academiei RPR.
- Russu, I. I., Florescu, G., Petolescu, C. C. 1977. *Inscripțiile Daciei Romane*. Vol. III (1). București: Editura Academiei RPR.
- Russu, I. I., Florescu, G., Petolescu, C. C. 1980. *Inscripțiile Daciei Romane*. Vol. III (2). București: Editura Academiei RPR.
- Spinei, V. 1994. *Moldova în secolele XI—XIV*. Chișinău: Universitatea.
- Ștefan, Gh. 1971. Daci și romani la Gurile Dunării. *Peuce-Tulcea II*, 147—153.
- Stoicescu, N. 1980. *Continuitatea românilor*. București: Editura Științifică și Enciclopedică.
- Stoicescu, N. 1983. *Unitatea românilor în evul mediu*. București: Editura Academiei RPR.
- Teodor, D. Gh. 1978. *Teritoriul est-carpatic în veacurile V—XI, e.n. Contribuții arheologice și istorice la problema formării poporului român*. Iași: Junimea.
- Teodor, D. Gh. 1984. *Civilizația romană la est de Carpați în secolele V—VII, e.n. (Așezarea de la Botoșana-Suceava)*. București: Editura Academiei RPR.
- Teodor, D. Gh. 1991. *Creștinismul la est de Carpați de la origini până în secolul al XIV-lea*. Iași: Editura Mitropoliei Moldovei și Bucovinei.
- Teodorescu, R. 1974. *Bizanț, Balcani, Occident la începuturile culturii medievale românești (secolele X—XIV)*. București: Editura Academiei RPR.
- Teodorescu, V. 1971. O nouă cultură arheologică recent precizată în țara noastră cultura Ipotești-Cîndești (secolele V—VII). *Sesiunea de comunicări științifice a Muzeelor de istorie*. Decembrie, 1964. Vol. II. București, 104—130.
- Toropu, O. 1976. *Romanitatea târzie și străromânii în Dacia Traiană Sud-Carpatică (secolele III—XI)*. Craiova: Scrisul Românesc.
- Zaharia, E. 1977. *Populația românească în Transilvania în secolele VII—VIII (Cimitirul nr. 2 de la Bratei)*. București: Editura Academiei RPR.

Статья поступила в сборник 3 февраля 2019 г.

Bogdan Bodnariuk (Chernivtsi, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University¹.

Боднарюк Богдан Михайлович (Черновцы, Украина). Доктор исторических наук. Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича.

E-mail: slavik19861408@gmail.com

Address: ¹ Kafedralna St., 2, Chernivtsi, 58012, Ukraine

Личности и образы эпох

Persons and Images of the Time

О. М. Луговой

Григорий Цамблак и первое упоминание о Хаджибее

Keywords: Northern Black Sea Region, Khadjibey, Jan Długosz, Theodor Chrysoberges, council of Constance, metropolis of Kiev, church union

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Хаджибей, Ян Длугош, Феодор Хрисовберг, Констанцкий собор, Киевская митрополия, церковная уния

O. M. Lugovyi

Grigorij Tsamblak and the First Record of Khadjibey

The exchange of embassies before the election of Grigorij Tsamblak as Kievan Metropolitan caused the meeting of Władysław II Jagiełło and Byzantine embassy in Sniatyn in May 1415. This meeting recorded by Jan Długosz is marked by the mentioning of wheat delivery from the “royal port of Kaczubyewow”. Sniatyn negotiations are not connected with the “nuncios from Constantinople” visit to Krakow in September the same year. This nuncios must have been Theodor Chrysoberges departing to the church council in Konstanz with the proposition of union between Western and Eastern churches in the name of king Władysław. In early 1418 the same proposal was brought to Kostanz by Grigorij Tsamblak in the name of Władysław II, Vitautas, emperor Manuel II and the patriarch of Constantinople altogether.

O. M. Луговой

Григорий Цамблак и первое упоминание о Хаджибее

Обмен посольствами накануне избрания Григория Цамблака на Киевскую митрополию кафедру привел к встрече польского короля Владислава II Ягайло с византийскими послами в Снятыне в мае 1415 года. Эта встреча, описанная Яном Длугошем, ознаменована упоминанием об отправке зерна в Константинополь из «королевского порта Качубеева». Доказано, что переговоры в Снятыне не связаны с появлением в Кракове «нунция из Константинополя» в сентябре того же года. Этим нунцием мог быть Феодор Хрисовберг, который направлялся от имени короля Владислава на собор в Констанц с предложением унии Западной и Восточной церквей. В начале 1418 года то же предложение от имени Владислава II, Витовта, императора Мануила II и константинопольского патриарха на Констанцском соборе высказал сам Григорий Цамблак.

В своей недавней статье профессор Н.Д. Руссев связал историю Белгорода на Днестре с деятельностью известного православного иерарха, писателя и проповедника из Болгарии Григория Цамблака, добавив еще один сюжет в богатую историю этого средневекового города (Руссев 2018). Этот сюжет касается посещения в 1401 г. Григорием Белгорода в составе комиссии из Константинополя, которая должна была разрешить спорный вопрос о статусе и полномочиях епископа Иосифа, брата господаря Александра Доброго, признанного по результатам работы комиссии митрополитом Молдавского княжества. Оставшись после этих событий в Сучаве, Григорий составил Житие Иоанна Нового, основанное на материалах, собранных в Белгороде.

Предметом настоящей публикации станет последний период деятельности Григория

Цамблака, когда он возглавил Киевскую митрополию и оказался главным действующим лицом переговоров о церковной унии в Констанце. Именно события, связанные с избранием Григория на митрополию кафедру и обусловили появление в источниках первого упоминания о Хаджибее, точнее, Качубееве, литовском порте на месте современной Одессы.

2 октября 1413 г. в Городло Ягайло и Витовт подписали унию, которая признавала за Витовтом статус великого князя литовского, но Ягайло оставался его сюзереном. Сразу после этого Витовт развернул активную политику по утверждению себя в качестве главного государя на землях Руси. В 1414 г. он заключил с Псковом и Новгородом союз против Московского великого княжества и в том же году отказал митрополиту Фотию, имевшему резиденцию в Москве, в возможности действовать

на территории Литовского княжества. Фаворитом князя в качестве претендента на Киевскую митрополию стал Григорий Цамблак (Яцимирский 1904). Витовт, как и московский князь Василий Дмитриевич, проводил политику «собираания русских земель», а значит, также нуждался в дружественном себе главе церкви. Кроме того, зависимый от литовского князя митрополит усилил бы его позиции по отношению к польскому королю, дав в руки существенный рычаг идеологической власти. Но важен также и вывод А.И. Яцимирского о том, что главным автором идеи выборов нового митрополита был сам Григорий Цамблак.

Витовт довольно долго добивался того, чтобы Цамблак был поставлен при полном одобрении со стороны патриарха. В своей окружной грамоте Витовт изложил последовательность событий 1415 года, предшествовавших избранию Григория Цамблака на митрополичью кафедру: «И послали есмо послы наши (в Константинополь — О.Л.) мѣсяца Марта, указали есмо имъ говорити: толко намъ пакъ уже не дасте митрополита по правиломъ, и мы учинимъ такъ, какъ прѣво сего было; и срокъ посломъ нашимъ учинили есмо, быти имъ у насъ на Ильинъ день, а послѣдній рокъ имъ, Успеніе пресвятыя Богородица. И потомъ шель съ Москвы въ Царьградъ посоль царевъ Дасипать, а другій посоль Патриаршъ, архимандритъ Гаврило, и просили насъ велми о томъ дѣлѣ, што быхомъ еще рокъ отложили имъ до Филипова дни, доколѣ бы они тамо, дошедъ, о томъ дѣлѣ говорили царю и патриарху» (Окружная грамота... 1846: 36—37). Таким образом, посольство Витовта выехало в Константинополь в марте. Вернуться послы должны были на Ильин день (20 июля), в крайнем случае — на Успеніе Богородицы (15 августа). Послы-греки уговорили Витовта отложить категорическое решение до 14 ноября (начало Рождественского поста, Филиппов день).

Греческое посольство, сыгравшее свою роль в отложении срока выборов, весьма примечательно. Обычно дипломатия императора и дипломатия патриарха действовали отдельно. Император Мануил известен тем, что почти никогда не использовал в качестве дипломатов лиц духовного звания (Merciali-Sahas 2001: 599). Здесь же мы видим именно тот редкий случай, когда совместно действуют послы императора и патриарха. Ф. Дёльгер датировал посольство в Москву летом 1415 года (Dölger 1965: 102, No3350). Впрочем, единственный источник, который о нем сообща-

ет, дает более широкую дату — между мартом и июлем. Очевидно, что послы появились при дворе Витовта в марте-апреле. Письмо князя Витовта даже сохранило имена послов: архимандрит Гавриил и кто-то из трех хорошо известных среди дипломатов времени Палеологов (особенно в 1430-е гг.) представителей семьи Дисипат — Георгий, Мануил или великий этериарх Иоанн (Prosopographisches Lexikon 2001: No.5529, 5537, 5540).

Посольство Дисипата и Гавриила в первую очередь посетило Москву и Вильну. Его цель неизвестна, однако известен контекст. В это время монаршие дома Константинополя и Москвы только что связали себя родственными узами. В 1411 году великий князь Василий Дмитриевич по благословению митрополита Фотия «Отдаде дщерь свою княжну Анну въ Царьградъ за царевича Ивана Мануиловича» (ПСРЛ 1897: 217—218), то есть сына императора Мануила, будущего императора Иоанна VIII. Текущие события, в частности, очередной конфликт с османами, отложили само венчание. Мануил послал за Анной, «дочерью короля России», как говорит Дука, за три года до ее смерти, соответственно, в 1414 г. Анна умерла в 1417 г. от чумы (Ducae Historia Byzantina 1834: 98; Halecki 1932: 52; Barker 1969: 345—347). Брак касался и интересов Вильны, ведь мать Анны, София, была дочерью Витовта. Именно в 1414 г. Гильбер де Ланноа, проездом через Троки и Ковно, встретил в замке Позур (Posur) Софию Витовтовну и Анну Васильевну (не зная имен, Гильбер зовет их «женой и дочерью Витольта, женой великого князя Московского, и дочерью дочери» (Voyages... 1840: 26)) в гостях у своего отца и деда, вероятно, по пути в Константинополь.

Той же дорогой год спустя двигались греческие послы. Встретившись с Витовтом и не отклонившись от дороги, им пришлось найти время для выяснения позиции польского короля Владислава II Ягайло касательно новостей, полученных в Вильне. В отличие от Витовта, король Владислав, его сюзерен, не обязательно был столь заинтересован в создании отдельной митрополии для Литовского княжества, поскольку такая институция способствовала бы усилению власти самого Витовта и выделению Литвы из унии с Польшей. Более того, поставление митрополитом Цамблака становилось препятствием для униатских планов Ягайло (Mončak 1987: 153—154). Таким образом, и греки, и Ягайло имели общий интерес относительно замедления процесса избрания Цамблака.

Найти польского короля было непросто. Он постоянно перемещался по своему королевству, из одного королевского замка в другой. Эти перемещения подробно описаны в «*Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae*» краковского каноника Яна Длугоша. Похоже, что автор «Хроники» опирался на некий путевой дневник. Он исключительно подробно перечисляет все пункты, где останавливался король. Рождество король Владислав провел на родине, в Литве, после чего через Едльню, Парчев, Сандомир, Новый Корчин, Тухув, Кросно, Ясло, Ланьцут, Пшемьсль (Перемышль) и Ярослав в Страстной четверг (28 марта в 1415 году) прибыл во Львов, где отпраздновал Пасху. Послы Витовта в это время уже отбыли в Константинополь. Посетив Сянок, король дальше отправился в Глиняны, Буськ и провел Вознесенье (9 мая) в Теревовле. Далее, через Бучач, Галич и Коломью на Зеленые святки прибыл в Снятын.

Около праздника Пятидесятницы (19 мая в 1415 году) в Снятыне состоялась торжественная встреча короля с молдавским господарем Александром Добрым, который подтвердил клятву верности польской короне и лично королю Владиславу. Примечательно, что формулы, переданные Яном Длугошем со ссылкой на грамоту Александра, которая хранится в королевской сокровищнице, почти дословно совпадают с присягой воеводы Александра королю и польской короне, зафиксированной в 1411 г., тогда же, когда Ягайло согласился вернуть Александру долг в «тысячу рублевъ фрязьского серебра». Залогом за долг как раз и являлись города Коломия и Снятын, вместе со всем Покутьем (Уляницкий 1887: 20—22, №22, 23).

Во время этой же встречи пересеклись пути короля Владислава и византийских послов, спешивших от Витовта в Константинополь:

«К тому же прибыли в это время к Владиславу, королю Польши, послы патриарха и императора греков с письмами и буллами свинцовыми, чтобы удостоил им, от турок разнообразно страдающим и угнетенным, прийти на помощь щедрым подарком зерна лишь. Владислав же, король Польши, обаятый благочестивым сочувствием, дабы помочь в их нужде, дает и дарит испрошенное количество зерна и в порту своем королевском Качубеев получить приказывает» (Dlugosius 1877: 188—189). Начиная со статьи А.И. Маркевича (Маркевич 1894), этот фрагмент считается первым упоминанием о Хаджибее.

Важный нюанс отметил Ян Длугош: послы прибыли к королю Владиславу «*cum literis et bullis plumbeis*». Это латинская калька греческого понятия моливдовул, обозначающего свинцовую печать, которой скреплялись канцелярские документы в Византии. Международная корреспонденция императоров должна была скрепляться золотой печатью, хрисовулом, а не свинцовой. Очевидно, послы, представлявшие императора, не имели посланий к польскому королю, поэтому и не предъявляли документов, скрепленных хрисовулом, только собственные моливдовулы. У них не было и обязательных для таких переговоров по дипломатическому протоколу даров, а потому и претендовать на обратные дары, вроде тех, что получил Александр Добрый, они не могли. Именно поэтому они и просили «лишь зерна». Встреча была короткой, послы спешили. Не могло быть и речи о транспортировке зерна из Польши проторенным трактом в молдавский Белгород. Поэтому Владислав велел выдать послам зерно там, где оно уже имелось — в гарнизонных или, возможно, заготовленных на экспорт запасах в королевском порту Качубеев.

Этот крайний южный форпост власти Витовта должен был появиться совсем недавно. Вряд ли можно обоснованно утверждать, что через него тогда была налажена поставка зерна в Константинополь. Исследовательница географии средневекового Подолья О. Белецкая привела актовый материал XV в., в котором встречаются упоминания об этом городе (Білецька 2015). Такие упоминания имеются уже после смерти Витовта, начиная с 1431 года. Как подчеркивает исследовательница, Качубеев не упомянут ни в 1419 году при «хождении» Зосимы, ни в 1421 году — Гильбером де Ланноа.

Дьякон Троице-Сергиева монастыря Зосима, путешествуя из Москвы в Константинополь, посетил Киев и Брацлав. Из Брацлава его путь лежал прямо к Днестру, где находилась переправа и «рубеж волошский». Зосима говорит, что от переправы было еще три дня пути до Белгорода уже по «Волошской стране», то есть землями Молдавского княжества (Хождение Зосимы... 1984: 299). Место переправы названо Митиревы Кишины. Его локализируют между Бендерами и Сороками, близ с. Тарасово (Руссев 2014). Соответственно, Зосима не приближался к месторасположению Качубеева и не имел причин упоминать о нем.

Гильбер же после посещения Монкастро (Белгорода) действительно двигался по татар-

ской степи в направлении Днепра. Он не упоминает Качубеев, однако сообщает, что местные татары вплоть до берегов Нижнего Днепра оказались подданными князя Витольда (Витовта).

Следует отметить, что как описание пути Зосимы, так и описание путешествия Гильбера де Ланноа, несоизмеримо более краткие по сравнению с итинерарием короля Ягайло у Яна Длугоша. Поэтому умолчание о Качубееве в этих источниках не удивительно.

Дальнейшая судьба послов Гавриила и Дисипата после вероятного посещения королевского порта неизвестна. Во всяком случае, в этом году патриарший престол на требования Витовта не отреагировал. Возможно, это связано со сменой патриарха в самой византийской столице.

15 ноября 6924, 15 индикта датирована соборная грамота об избрании и постановке на Киевскую митрополию Григория Цамблака. Собор прошел в Новоградке («въ Новѣмъ граде литовскомъ») с участием архиепископов Полоцкого, Черниговского, Луцкого, Владимирского, Перемышльского, Смоленского, Холмского и Туровского. В своей грамоте иерархи Великого княжества Литовского, в частности, отметили, что Александр Витовт обращался к императору Мануилу, но он «не восхотѣ послушати прошеніа его праведнаго, своихъ дѣля прибытковъ неправедныхъ» (Соборная грамота... 1908).

Константинопольский патриархат также отверг кандидатуру Цамблака. В сборнике XVI в. Новгородско-Софийской библиотеки содержится грамота константинопольского патриарха, очевидно, Иосифа II, избранного в том же 1415 г. Патриарх выразил сочувствие митрополиту Фотию, а избрание митрополитом Цамблака охарактеризовал как «безаконнѣ дръзостное дѣло на раздрушеніе закону и божественнымъ правиломъ и всему церковному преданію». Патриарх сообщил, что собором Цамблак «поверженъ въ отлученіе и проклятіе. И сего ради писалъ царь святыи къ великому князю Витоуту, такоже и мы, о исправленіи вещи сіа, и надѣмся, понеже есть умный осподарь, да створить упражнена его» (Грамота... 1908). Таким образом, примерно в 1416 г. имело место еще одно послание с письмом от Мануила к князю Витовту о Цамблаке. Патриарх Иосиф пригласил и Фотия, и Цамблака в Константинополь для рассмотрения дела, однако эта встреча так и не состоялась. Да и окончательное отношение патриархии к избранию митрополита не известно. О. Халецкий подчеркивал,

что избрание в Константинополе Иосифа взамен враждебно настроенного по отношению к Цамблаку Евфимия демонстрировало смену настроений в пользу унии (Halecki 1932: 53).

В то время как сохранившееся послание патриарха Константинопольского подтверждает неприятие патриаршим престолом избрания Григория Цамблака, в украинской летописной традиции сохранилась другая версия событий. Ее передает Густынская летопись: «Въ лѣто 6923. 1415... А Витолтъ посла грамоту моления от всѣхъ епископов и от себе ко святейшему патриарсѣ Каллисту, да благословить посвятити инаго митрополиту Киеву. Написа же и вины, почто не хоцетъ митрополитов московскихъ. Святейший же патриархъ Каллистъ, не хотѣ, да смятение будетъ во православныхъ, благослови Руси посвятити себѣ Григория на митрополию Киевскую, его же посвятиша благословениемъ патриаршимъ ноемвриа 15. И отголѣ начала быти два митрополиты, един в Киевѣ, а другой в Москвѣ.

Въ лѣто 6923. 1415. Посвященъ есть Григорий Цемовлянь от епископовъ, благословениемъ патриархи Каллиста. В сие лѣто посла царь Греческий и патриархи послы ко Ягеллови, королю Полскому, прося его, да посылаетъ жита и пшеницу в землю Греческую, понеже Турки отвсюду ему землю поплѣниша, и Фракию уже огнемъ и мечем погубиша; Ягело же повелѣ возити вся, яже на пищу, ку морю, идеже нынѣ есть Очаковъ, понеже в то время Очаковъ под властію полскою бѣ» (Густынская летопись 2003: 133).

Очевидно, летописец заимствовал информацию из двух различных источников и не был уверен в порядке ее размещения. Густынская летопись создана в XVII в., когда образ Григория Цамблака стал довольно популярным среди православных писателей Украины. Так, издание киевopечерского «Патерика» 1638 года было дополнено «Хронологией православных митрополитов русских», которую приписывают творчеству митрополита Петра Могилы. Тут Григорий Цамблак охарактеризован как человек ученый, и сказано, что его посвящение в митрополиты произошло непосредственно в Царьграде (Жиленко 2002: 139).

Отметим и искажения, накопившиеся в летописной традиции за 200 лет. Анахронизмом является имя константинопольского патриарха. Каллист II жил в конце XIV века и к событиям 1415 года уже скончался. Источником для второй части сообщения, возможно, послужила сама «Хроника» Яна Длугоша, но для летописца начала XVII века сообщение о порте Качубеев было малоинформативным и его

сменил хорошо известный в поднепровских землях порт Очаков.

В свою очередь, после снятынской встречи король Владислав, отпустив королеву Анну в Краков, отправился в Каменец, столицу Подольского воеводства, а оттуда через Смотрич — в земли Великого княжества Литовского, где его дорога лежала через Кременец, Несвич, Садов, Турийск, Кобрин к Волковыску. На переходе от Кобрина король со свитой стали свидетелями известного из многих источников полного затмения солнца, которое произошло 7 июня 1415 года. Ян Длугош подробно описывает прием князем Александром Витовтом и магистром Литовского ордена Зигфридом Ландером фон Шпонхеймом короля в Троках (Тракае), его поездки по охотничьим угодьям и замкам Витовта в различных районах Литвы от Ковно и Велуни до Вилькомира. Встречу Марии и Елизаветы (2 июля) король провел в Вильне (Вильнюсе), откуда после недельного отдыха отправился опять на юг. Теперь его путь лежал через Лиду, Цирин и Клецк, по рекам Северная Случь и Припять, через Давид-Городок, Луцк, Садов, Владимир-Волынский, Любомль, Холм и Красныстав. Ян Длугош утверждает, что Рождество Богородицы (8 сентября) король провел в Сандомире, где опять встретился с королевой Анной, и лишь потом отправился в Новый Корчин (Dlugosius 1877: 189—190).

Но именно в Корчине 29 августа произошла еще одна знаменательная встреча — с доминиканским монахом, генеральным викарием конгрегации «Общество братьев-паломников для Христа», греком по происхождению Феодором Хрисовергом. Владислав II подписал для него рекомендательное письмо, из которого понятно, что о. Феодор готов взять на себя функции посредника в урегулировании унии восточной и западной церквей. С этим письмом Феодор прибыл на собор в Констанце. Письмо Ягайло отражает готовность польского короля достичь унии, поскольку в его царстве живут «некоторые русины, подданные наши, которых до сих пор не осенило божественное сияние». Феодор также предоставил собору письма от ряда других неназванных христианских князей (*Littera missa...* 1926; Loenertz 1939: 17—18).

Исследователь деятельности Феодора Хрисоверга Раймон Лёнерц связал миссию Феодора Хрисоверга с посещением короля греческими послами весной 1415 года. Однако люксембургский исследователь был уверен, что посольство, описанное Я. Длугошем, посети-

ло короля в Кракове (Loenertz 1939: 18—19). Дело в том, что в сентябре того же года в Кракове действительно был «нунций, приехавший из Константинополя». Это событие известно только из одного источника — записи о выплате за предоставленные послу подводы от общины города Казимеж (сейчас исторический район г. Кракова). Произошло это в ночное бдение на Воздвижение Креста, то есть с 13 на 14 сентября, и было записано в городских книгах о расходах в сумме 13 грошей (Krzyżanowski 1909—1913: 404). К сожалению, имя нунция и цель его приезда казимежский магистрат не заинтересовали. Мелкая для истории унии в целом, но существенная для нашего исследования ошибка Р. Лёнерца, благодаря авторитету этого исследователя, была повторена в современной российской историографии (Пашкин 2007: 66). Зато О. Халецкий (Halecki 1932: 53) и Ф. Дёльгер (Dölger 1965: No3349) различили весеннее посольство в Снятыне и осеннее в Кракове. Именно в начале сентября через Краков должен был проезжать прибывший из Константинополя через Новый Корчин Феодор Хрисоверг, направляясь в Констанц. Скорее всего, подводы для своего путешествия получил именно он.

Зимой 1417—1418 г. на Констанцкий собор прибыл наконец и сам Григорий Цамблак в качестве посланца от Витовта и Ягайло. Прибытие Григория Цамблака в Констанц описывает хронист этого собора Ульрих фон Рихенталь. Описание это имеет значительные отличия в различных версиях и изданиях хроники (Ulrichs von Richental 1882: 47, 133; Loenertz 1939: 35—36). Даже в одном и том же тексте в разных местах Ульрих определяет две различные даты прибытия Цамблака — 21 января и 19 февраля. «Архиепископ из Греции, Кифийский (Киевский — О.Л.), по имени Георгий, имел также греческую веру и пришел на Собор от себя и от других епископов и ради патриарха Константинополя и многих греческих земель и епископов». Он прибыл восьмьюдесятью лошадьми в сопровождении восьми епископов и священников, которые «имели длинные черные бороды и длинные черные волосы и проводили свою мессу в доме». Хронист Ульрих свидетельствует, что «думали, что можно достичь единого цельного согласия. Но Собор не мог позволить, чтобы их образ жизни сохранялся». Очевидно, идет речь о внешней, обрядовой стороне проблемы, которая позднее, во Флоренции в 1439 году, была признана несущественной.

Намного более ценным является свидетельство дневника, который во время собора вел архиепископ Эксский, кардинал Гийом Филластр (*Fillastres Gesta concilii Constanciensis* 1923: 164—167). Он сохранил указание на прибытие 18 февраля 1418 года архиепископа Григория, «русина греческой веры» в Констанц и подробное описание его выступления перед папой римским 25 февраля. Филластр передал содержание письма, зачитанного Григорием на соборе, в котором тот всячески славословит мир и спокойствие, царящие в католической церкви под управлением Римского престола и передает стремление своих господ, короля польского, герцога литовского, императора константинопольского и патриарха того же города, достичь священного союза и прекратить столь долгую схизму. В заключение Григорий Цамблак предлагает собрать с этой целью собор из искушенных в праве представителей обеих церквей, которые могли бы разрешить трудности веры. Подтверждением слов Григория стали зачитанные тут же письма короля Владислава и великого князя Александра Витовта, после чего Григорий был допущен к целованию стопы, руки и уст папы Мартина V и покинул заседание.

По мнению некоторых исследователей, Григорий Цамблак предлагал тот же проект вселенского собора в Константинополе, который можно считать официальной линией патриархата (Пашкин 2008: 18—25). Впрочем, о Константинополе как месте проведения собора в его речи в записи Филластра не говорилось. Не известно, однако, и ни о каких возражениях относительно деятельности Григория Цамблака на соборе со стороны императорских представителей в лице Евдемониана. Возможно даже, что греки посещали службу,

которую проводил Григорий, как о том пишет Ульрих фон Рихенталь. Григорий Цамблак по своим убеждениям был достаточно подходящей фигурой для репрезентации политики патриархата — исихаст, известный своими антилатинскими произведениями — нет ничего удивительного, если конфликт, вызванный способом его избрания, завершился неким компромиссом и он действительно выражал отношение патриаршего престола к идее воссоединения церквей, твердо высказанное еще в 1397 г. Антонием IV в ответ на униатские предложения Владислава II и митрополита Киприана Киевского: вопрос об унии может рассматриваться, но только на вселенском соборе и только в Константинополе (Ломизе 1994: 105). Во всяком случае и в своем письме собору и в другой его версии, сохранившейся в славянском тексте, Григорий Цамблак выступает как сторонник единства церквей (подробнее см.: Пелешенко 1990: 117—118; Шпик 2005: 21—22).

Более в Констанце вопрос о церковной унии не поднимался. Через несколько месяцев после визита Григория Цамблака собор закрылся. А год спустя Григорий Цамблак умер от моровой язвы, что на время сделало неактуальным и вопрос существования Киевской митрополии для подданных князя Витовта.

Так Григорий Цамблак, недолгое время пробыв митрополитом киевским, оказал заметное влияние на борьбу за создание отдельной митрополии для православных подданных Великого княжества Литовского и на переговоры об унии западной и восточной церквей. А именно переговоры, связанные с его избранием, стали тем фоном, на котором впервые в источниках XV века упоминается «королевский порт Качубеев».

Литература

- Білецька О.В. 2015. Качибей у світлі джерел XV—XVI століть (матеріали до вивчення історичної географії Поділля та Північного Причорномор'я). *Записки історичного факультету* 26, 233—258.
- Грамота... 1908: Грамота константинопольского патриарха Иосифа II к митрополиту Фотию о Григории Цамблаке. 1908. *Русская историческая библиотека* 6. Санкт-Петербург, 357—360.
- Густынская летопись*. 2003. ПСРЛ 40. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Жиленко І.В. 2002. *Київський Синопис*. Київ: Віпол.
- Ломизе Е.М. 1994. Константинопольская патриархия и церковная политика императоров с конца XIV в. до Ферраро-Флорентийского собора (1438—1439). *Византийский временник* 55 (80), ч. 1, 104—110.
- Маркевич А.И. 1894. Город Качибей или Гаджибей — предшественник города Одессы. *ЗООИД* 17 (2), 1—72.
- Окружная грамота... 1846: Окружная грамота Литовского великого князя Александра-Витовта... 1846. В: *Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею*. Т. 1. 1340—1560. Санкт-Петербург, 36—37.
- ПСРЛ 1987: Платонов С.Ф. (ред.). 1897. *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*. ПСРЛ 11. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова.
- Пашкин Н.Г. 2007. *Византия в европейской политике первой половины XV в.* Екатеринбург: УРГУ.
- Пашкин Н.Г. 2008. Предыстория Ферраро-Флорентий-

- ского собора: конфликт между светской и церковной властями. *Известия УрГУ. Серия 2: Гуманитарные науки* 59 (16), 18—25.
- Пелешенко Ю.В. 1990. *Розвиток української ораторської та агіографічної прози кінця XIV — початку XVI ст.* Київ: Наукова думка.
- Руссев Н.Д. 2014. Золотоордынские реликты в грамотах средневековой Молдавии: общий эскиз со случаем «Кишинев». *Золотоордынское обозрение* 6 (4), 213—233.
- Руссев Н.Д. 2018. Белгородский мученик Иоанн Новый и религиозная жизнь Молдавии начала XV в. *Стародавнє Причорномор'я* 12. Одеса: ОНУ, 463—469.
- Соборная грамота... 1908: Соборная грамота литовских епископов об избрании и поставлении на киевскую митрополию Григория Цамблака. 1908. *Русская историческая библиотека* 6. Санкт-Петербург, 309—314.
- Уляницкий В.А. 1887. *Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XV вв.* Москва: Университетская типография.
- Хождение Зосимы... 1984: Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину. 1984. В: Прокофьев Н.И. (ред.). *Книга хождений. Записки русских путешественников XI—XV вв.* Москва: Советская Россия, 120—136.
- Шпик І. 2005. Високоосвічені болгари — провідники церковно-інституційного та релігійно-культурного життя Русі-України (остання чверть XIV—XV ст.). *Проблеми слов'янознавства* 55, 21—22.
- Яцимирский А.И. 1904. *Григорий Цамблук. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности.* Санкт-Петербург.
- Barker J.W. 1969. *Manuel II Palaeologus (1391—1425).* Rutgers University press.
- Długossius Johannes. 1877. *Historia Polonicae. Lib. XI. In: Johannis Długosz Opera omnia cura A. Przewdziecki. T. XIII. Cracoviae.*
- Dölger F. 1965. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches.* 5 Teil. München; Berlin: Verlag C.H. Beck.
- Ducæ *Historia Byzantina.* 1834. Recogn. I. Bekkerus. Bonnae.
- Fillastres Gesta concilii Constanciensis. 1923. In: Finke H. (Hrsg.). *Acta Concilii Constanciensis.* Bd. II. Münster, 13—170.
- Halecki O. 1932. La Pologne et l'empire Byzantin. *Byzantion* 7, 41—67.
- Krzyżanowski St. 1909—1913. Podwody kazimierskie 1407—1432. *Collectanea ex Archivo Collegii Historici — Archiwum Komisji Historycznej* 11. Cracoviae, 392—465.
- Littera missa... 1926: Littera missa per regem Polonie concilio Constanciensi... 1926. In: Finke H. (Hrsg.). *Acta Concilii Constanciensis.* Bd. III. Münster, 281—282.
- Loenertz R. 1939. Les dominicains byzantins Théodore et André Chrysoberges et les négociations pour l'union des églises grecque et latine de 1415 à 1430. *Archivum Fratrum Praedicatorum* 9, 5—61.
- Merciali-Sahas S. 2001. A Byzantine ambassador to the West and his office during the Fourteenth and Fifteenth centuries: a profile. *Byzantinische Zeitschrift* 94/2. I Abteilung, 588—604.
- Mončak I. 1987. *Florentine ecumenism in the Kyivan church: the theology of ecumenism applied to the individual Church of Kyiv.* Rome: Rome Ukraïns'kij Katolic'kij Universitet ім. Sv. Klimenta Papi, 153—154.
- Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit.* 2001. CD-Rom Version. Wien.
- Ulrichs von Richental. 1882. *Chronik des Constanzer Concils 1414 bis 1418.* Her. von M.R. Buck. Tübingen.
- Voyages... 1840: *Voyages et ambassades de Messire Guilbert de Lannoy. 1399—1450.* 1840. Mons: Typographie D'Em.

References

- Bilets'ka, O. V. 2015. In *Zapysky Istorychnoho fakul'tetu Odes'koho natsional'noho universytetu (Reports of the Historical Department of Odessa National University)* 26, 233—258 (in Ukrainian).
- Gramota konstantynopol'skogo patriarkha Iosifa II k mitoropolitu Fotiiu o Grigorii Tsamblake (Letter of the Patriarch of Constantinople Joseph II to Metropolitan Photius on Gregory Tsamblak). 1908. *Russkaia istoricheskaia biblioteka, izdavaemaia Arkheograficheskoi komissiei (Russian Historical Library edited by Archaeographic Committee)* 6. Saint Petersburg, 357—360 (in Russian).
- Gustynskaia letopis' (Gustynia Chronicle).* 2003. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 40. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).
- Zhylenko, I. V. 2002. *Kyivs'kyj Synopsys (Kiev Synopsis).* Kiev: "Vipol" Publ. (in Ukrainian).
- Lomize, E. M. 1994. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook, BYZANTINA XRONIKA)* 55 (80), ch. 1, 104—110 (in Russian).
- Markevich, A.I. 1894. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* 17 (2), 1—72 (in Russian).
- Okruzhnaia gramota Litovskogo velikogo kniazia Aleksandra-Vitovta... (Circular Letter of the Lithuanian Prince Alexander Witold). 1846. In *Akty, otnosiashchiesia k istorii Zapadnoi Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoiu komissiei (Acts Related to the History of Western Russia, Collected and Edited by the Archaeographic Committee)* 1. 1340—1560. Saint Petersburg, 36—37 (in Russian).
- Platonov, S.F. (ed.). 1897. *Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheiu ili Nikonovskoiu letopis'iu (Collection of Chronicles, named Patriarch's or Nikon Chronicle).* Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 11. Saint Petersburg: I.N. Skorokhodov typography (in Russian).
- Pashkin, N.G. 2007. *Vizantiia v evropeiskoi politike pervoi poloviny XV v. (Byzantium in the European Politics of the First Half of the 15th Century)* Yekaterinburg: Ural State University (in Russian).
- Pashkin, N.G. 2008. In *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta (Reports of the Ural State University).* Series 2: *Gumanitarnye nauki (Humanities)* 59 (16), 18—25 (in Russian).
- Peleshenko, Yu.V. 1990. *Rozvytok ukrains'koi orators'koi ta ahiohrafichnoi prozy kintsya XIV — pochatku XVI st. (Development of Ukrainian Oratory and Hagiographic Prose in the Late 14th — Early 16th Centuries).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
- Russev, N.D. 2014. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 6 (4), 213—233 (in Russian).
- Russev, N.D. 2018. In *Starodavnye Prychornomor'ya (Ancient Black Sea Region)* 12. Odessa: Odessa National University, 463—469 (in Russian).
- Sobornaia gramota litovskikh episkopov ob izbranii i postavlennii na kievskuiu mitorpoliiu Grigoriia Tsamblaka (The Cathedral Certificate of the Lithuanian Bishops on the Election and

- Appointment of Gregory Tsamblak as the Metropolitan of Kiev). 1908. *Russkaia istoricheskaia biblioteka, izdavaemaia Arkheograficheskoi komissiei (Russian Historical Library edited by Archaeographic Committee)* 6. Saint Petersburg, 309—314 (in Russian).
- Ulianitskii, V.A. 1887. *Materialy dlia istorii vzaimnykh otnoshenii Rossii, Pol'shi, Moldavii, Valakhii i Turtzii v XIV—XV vv. (Materials for the History of Mutual Relations of Russia, Poland, Moldavia, Wallachia, and Turkey in 14th—15th Centuries)*. Moscow: "Universitetskaia tipografiia" Publ. (in Russian).
- Khozhenie Zosimy v Tsar'grad, Afon i Palestinu (The Pilgrimage of Zosimas in Constantinople, Athos, and Palestine). 1984. In Prokof'ev, N.I. (ed.). *Kniga khozhenii. Zapiski russkikh puteshestvennikov XI—XV vv. (The Book of Pilgrimages. Notes of the Russian Travelers of 11th — 15th Centuries)*. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ., 120—136 (in Russian).
- Shpyk, I. 2005. In *Problemy slov'yanoznavstva (Issues of Slavic Studies)* 55, 21—22 (in Ukrainian).
- Iatsimirskii, A.I. 1904. *Grigorii Tsamblak. Ocherk ego zhizni, administrativnoi i knizhnoi deiatel'nosti (Gregory Tsamblak: Essay on his Life, Administrative and Literary Activity)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Barker, J.W. 1969. *Manuel II Palaeologus (1391—1425)*. Rutgers University press.
- Dlugossius Johannes. 1877. *Historia Polonicae. Lib. XI. In Johannis Dlugosz Opera omnia cura A. Przezdziecki. T. XIII. Cracoviae.*
- Dölger, F. 1965. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. 5 Teil. München; Berlin: Verlag C.H. Beck.*
- Ducæ *Historia Byzantina*. 1834. Recogn. I. Bekkerus. Bonnae.
- Fillastres *Gesta concilii Constanciensis*. 1923. In Finke, H. (Hrsg.). *Acta Concilii Constanciensis*. Bd. II. Münster, 13—170.
- Halecki, O. 1932. La Pologne et l'empire Byzantin. *Byzantion* 7, 41—67.
- Krzyżanowski, St. 1909—1913. *Podwody kazimierskie 1407—1432. Collectanea ex Archivo Collegii Historici — Archiwum Komisji Historycznej* 11. Cracoviae, 392—465.
- Littera missa per regem Polonie concilio Constanciensi... 1926. In Finke, H. (Hrsg.). *Acta Concilii Constanciensis. Bd. III. Münster*, 281—282.
- Loenertz, R. 1939. Les dominicains byzantins Théodore et André Chrysoberges et les négociations pour l'union des églises grecque et latine de 1415 à 1430. *Archivum Fratrum Praedicatorum* 9, 5—61.
- Merciali-Sahas, S. 2001. A Byzantine ambassador to the West and his office during the Fourteenth and Fifteenth centuries: a profile. *Byzantinische Zeitschrift* 94 (2). I Abteilung, 588—604.
- Mončak, I. 1987. *Florentine ecumenism in the Kyivan church: the theology of ecumenism applied to the individual Church of Kyiv*. Rome: Rome Ukraïns'kij Katolic'kij Univeritet im. Sv. Klimenta Papi, 153—154.
- Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit*. 2001. CD-Rom Version. Wien.
- Ulrichs von Richental. 1882. *Chronik des Constanzer Concils 1414 bis 1418*. Her. von M.R. Buck. Tübingen.
- Voyages et ambassades de Messire Guillebert de Lannoy. 1399—1450*. 1840. Mons: Typographie D'Em.

Статья поступила в сборник 16 января 2019 г.

Oleg Lugovyi (Odessa, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Odessa I.I. Mechnikov National University¹.

Луговой Олег Михайлович (Одесса, Украина). Кандидат исторических наук. Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова.

E-mail: lugowy@pisem.net

Address: ¹ Dvoryanskaya St., 2, Odessa, 65026, Ukraine

А. В. Федорук

«Искусный и очень опытный стратег»: военная деятельность Ивана Русина на службе царей Тырновской Болгарии (20—30-е гг. XIV в.)

Keywords: Second Bulgarian Tsardom, 20—30s years of the 14th century, Ivan Rusin, warlord, Byzantine Empire, armies, Serbian Kingdom, wars, Tatars

Ключевые слова: Второе Болгарское царство, 20—30-е годы XIV в., Иван Русин, военачальник, Византийская империя, армии, Сербское королевство, войны, татары

A. V. Fedoruk

“A Skilled and Very Experienced Strategist”: Military Activities of Ivan Rusin in the Service of the Tsars of Tarnovo Bulgaria (20—30s years of the 14th century)

The article elucidates one of the unexplored historical pages of the relations between Rus and Bulgaria, which is connected with the military activities of Ivan, who was called Rusin, in 20—30s years of the 14th century. Based on the reports of Greek historical essays, the author investigates some selected episodes of the stay of the warlord of Ruthenian origin in the service of the Bulgarian tsars of Terter and Shishman's dynasties. The author also reveals his prominent role in the defense of Philippopol (1323), the march to Constantinople (1328) and the battle of Rusokastro (1332). Unresolved is the question of Ivan's participation in the major battle of Velbazhd on July 28, 1330, the controversy of which is connected with the lack of the necessary specific data in narrative sources.

А. В. Федорук

«Искусный и очень опытный стратег»: военная деятельность Ивана Русина на службе царей Тырновской Болгарии (20—30-е гг. XIV в.)

В статье рассматривается одна из малоизученных страниц русско-болгарских отношений, которая связана с военной деятельностью Ивана, прозванного Русином, в 20—30-х годах XIV в. На основании сообщений греческих исторических сочинений, освещаются отдельные сюжеты пребывания военачальника русского происхождения на службе болгарских царей из династии Тертеров и Шишманов. Раскрывается его весомая роль в обороне Филиппополя (1323 г.), походе к Константинополю (1328 г.) и битве при Русокастро (1332 г.). Нерешённым пока остаётся вопрос, касающийся участия Ивана в крупном сражении при Велбужде 28 июля 1330 г., дискуссионность которого связана с отсутствием необходимых конкретных данных в повествовательных источниках.

Известно, что территория Нижнего Подунавья длительное время непосредственно примыкала к юго-западным пределам Руси. Находясь на перекрёстке важных международных торговых коммуникаций и на пути из Восточной Европы к Византийской империи и её столице Константинополю, район Нижнего Подунавья не мог не привлекать к себе внимание исследователей. Особенно это касается изучения периода, охватывающего конец XIII — XIV вв., который является достаточно сложным, наполненным большим количеством своеобразных «белых пятен» и различных информационных лакун (Руссев 1999: 86—101). Однако именно в течение этого длительного промежутка времени прослеживается настоящий всплеск появления новых колоритных личностей, которые

своей необычайной активностью оживляют сухую палитру тёмной эпохи. К примеру, И. Г. Коновалова и В. Б. Перхавко отметили, что письменные источники и археологические памятники «фиксируют пребывание в районе Нижнего Подунавья выходцев из Руси на протяжении всего исследуемого периода, в том числе и в послемонгольское время. Наряду с рядовыми переселенцами можно упомянуть и широко известные в средневековой Болгарии XIII—XIV вв. имена — деспота Якова-Святослава, полководца Ивана Русина» (Коновалова, Перхавко 2000: 194).

Последняя личность, хотя и достаточно хорошо известна в военных делах Второго Болгарского царства первой половины XIV в., однако не часто привлекала отдельное внимание исследователей (Брун 1878: 236—238;

Флоринский 1882: 12—22, 36—39; Сохань 1976: 31; Holban 1981: 96—97; Шабульдо 1990: 44—45, 47; Божилов, Гюзелев 1999: 554, 566—568, 584). Но даже те из них, кто более детально обращался к его биографии, сразу отмечали не местное происхождение этого видного военачальника болгарских царей (Павлов 1983: 223; Волощук, Федорук 2014: 18—19, 25). В частности, Ф.М. Шабульдо указывал, что всеми, «как правило, признаётся его русское (русинское) происхождение. Но в связи с отсутствием каких-либо данных об обстоятельствах появления Ивана Русина на службе у болгарского царя в настоящее время нельзя дать определённый ответ на вопрос: был он послан в Болгарию из Руси (в этом случае, наиболее вероятно, галицко-волыньскими князьями) с целью оказания военной помощи, или же он исполнял воинские обязанности как вассал тырновского сюзерена, будучи родом из ставших подвластных последнему некоторых традиционно-восточнославянских анклавов Нижнего Подунавья. Пока вопрос не выяснен, данный единичный факт будет, видимо, обходиться современными исследователями» (Шабульдо 1990: 44—45). Тем не менее, более пристальное дальнейшее изучение военной деятельности последнего действительно необходимо, поскольку уже зафиксированы казусы в некоторых археографических изданиях, связанных с исследованным фигурантом. Например, в рецензии А.В. Мартынюка на последнюю монографию М.М. Волощука отмечается, что его имя часто упоминается в «Истории», написанной Иоанном Кантакузином, но в сравнительно недавнем научном издании её текста, «в комментариях к которому “Иван Русин” был отождествлён с московским князем Иваном Калитой. Это фантастическое отождествление показывает насущную потребность в фундированных справочных изданиях, к которым мог бы обратиться исследователь, не являющийся специалистом по истории Руси» (Мартынюк 2016: 234).

Действительно, точное время и место появления исследуемого фигуранта на исторической авансцене не известно. Некоторые историки считают, что впервые *Iwan dictus Oroz* упоминается в актовых документах под 1288 г. (известны также и другие его идентификации — *Ioan Rusul* и *Iwan Uruz*)¹,

как зять одного из представителей трансильванской знати, северинского бана — Теодора из рода Чанад (Holban 1981: 96; Волощук 2014: 210—211). Но всё же прибытие его на территорию Тырновской Болгарии, очевидно, было связано с поражением местной знати в ожесточённой вооружённой борьбе с венгерским королём Карлом I Робертом Анжуйским (1307/1310—1342), вследствие которой последнему удалось подчинить себе большую часть Трансильвании (Казаков 2013: 78). По мнению Х. Димитрова, после того как был схвачен северинский бан, «его сподвижник Иван Русин (*Iwan dictus Oroz*) вместе с остатками уцелевших болгарских войск успел спастись на территории, подвластной Михаилу Шишману, который, без сомнения, контролировал часть Северинского баната» (Димитров 1998: 209). Этой же мысли придерживается и М.М. Волощук (Волощук 2014: 211). Пребывание Ивана в пределах владений болгарских правителей и ход войн, в которых ему приходилось принимать активное участие на их стороне, нашли довольно пространное освещение в повествовательных источниках, в первую очередь — греческих исторических произведениях (Никифор Григора 2013: 319—322, 347—350; Йоан Кантакузин 1980: 222—228, 255—259, 270—273). Сведения о его военной деятельности, взятые из последних, можно свести к трём основным сюжетам, которые и предлагаются к рассмотрению.

Оборона Филиппополя (1323 г.)

По сообщению Кантакузина, исследуемый фигурант возглавлял крупный гарнизон во время обороны большого фракийского города Филиппополя (совр. Пловдив. — А.Ф.), осаждённого в 1323 г. многочисленной армией под руководством Андроника Младшего — внука византийского императора Андроника II Палеолога (1282—1328). Как указывал сам будущий великий доместик, лично принимавший активное участие в осаде этой стратегически важной фракийской крепости, в ходе её обороны Ἰβάνης ὁ Ῥώς (Иоанн Кантакузин преимущественно называет его просто Ἰβάνης) показал себя как «искусный и очень опытный стратег» (Йоанн Кантакузин

¹ При этом полностью остаётся не выясненным вопрос касательно возможной связи между этим *Iwan dictus Oroz* и князем Ростиславом Михайловичем, а также деспотом Яковом-Святославом, которые были русского происхождения и длительное время правили

в этом же районе Нижнего Подунавья (Палаузов 1851: 22—53; Златарски 2007: 456—471, 489—490, 498—513, 518—520, 538—543; Ников 1922: 12—17, 19—28; Мандзяк 2011: 140—143; Волощук 2014: 177—181, 234—235, 258—259, 336—338, 342—346, 353—354).

Рис. 1. Оборона крепости в первой половине XIV в. Фрагмент миниатюры из Хроники Константина Манассии (по Дуйчев 1962: 42).

Fig. 1. Defense of the fortress in the first half of the 14th c. Fragment of the miniature from the Chronicle of Constantine Manasses (after Дуйчев 1962: 42).

1980: 224, 226—227, 256—258, 272). В своё время такая характеристика энергичной военной деятельности последнего во время обороны названной крепости дала возможность Ф.К. Бруну сделать справедливое предположение, что исследуемый Иван начал свою военную карьеру ещё у болгарского царя Георгия II Тертера (1322—1323), который, воспользовавшись началом в 1321 г. очередной гражданской войны в Византийской империи, отвоевал у неё в следующем году слабо защищённый Филиппополь (Брун 1878: 236). Это предположение поддержал и несколько углубил Пл. Павлов, по мнению которого исследуемый военачальник русского происхождения начал свою службу в болгарской армии ещё в конце правления царя Фёдора Святослава Тертера (1300—1322)². В то же время исследователь предполагал, что поскольку Иван Русин возглавил 3000 гарнизон вышеназванного города, состоящий из элитных военных подразделений, то вполне возможно, что он ранее участвовал в его захвате, а затем по царскому приказу стал в нём выполнять функции временного *кастрофилакса* — коменданта крепости (Павлов 1983: 226).

² Такого мнения придерживались и другие известные болгарские историки, предполагая, что военачальник русского происхождения появился в Тырновской Болгарии ещё до 1323 г. При этом, по их взглядам, его военная деятельность наиболее активной была именно при Тертерах и малозаметной при царях следующих династий (Цветкова 1948: 29; Бурмов 1968: 225).

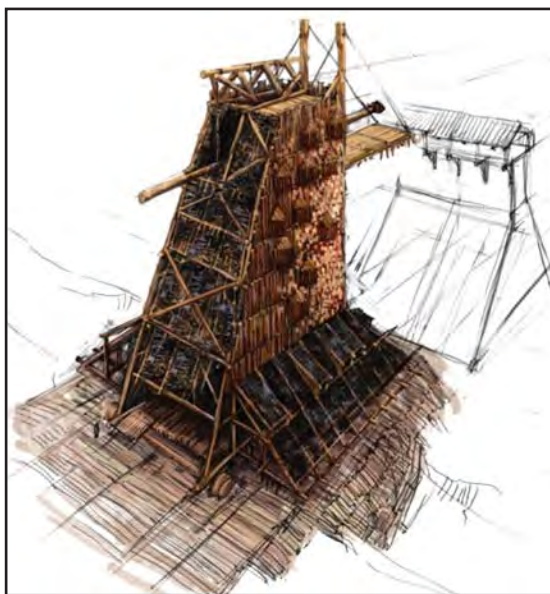

Рис. 2. Средневековая многоэтажная осадная башня. Реконструкция (по [https://witcher.fandom.com/wiki/Siege tower](https://witcher.fandom.com/wiki/Siege_tower)).

Fig. 2. Medieval multi-storey siege tower. Reconstruction (after [https://witcher.fandom.com/wiki/Siege tower](https://witcher.fandom.com/wiki/Siege_tower)).

В общем Иван действительно довольно искусно защищал доверенный ему фракийский город от преобладающей по численности армии Андроника. Болгарский гарнизон под его энергичным руководством, который состоял из 2000 пеших и 1000 конных воинов, на протяжении четырех месяцев осады Филиппополя отразил все штурмы византийцев и нанёс им значительные потери в живой силе (Йоан Кантакузин 1980: 223—224; Сохань 1976: 31; Павлов 1983: 226), в основном благодаря эффективному применению стрелкового оружия (рис. 1). Полной неудачей закончилась также попытка последних захватить крепость с помощью специального огромного технического средства. Так, один из германских военных инженеров, который служил в армии внука византийского императора и был специалистом по строительству осадных машин (*τεχνομαχικὰς μηχανὰς*), заверил Андроника Младшего, что Филиппополем можно попытаться овладеть с помощью штурмового устройства соответствующей конструкции. Для этого, он соорудил пятиэтажную подвижную башню с тараном на шестнадцать колёсах (рис. 2), которую обслуживало 140 воинов (Йоан Кантакузин 1980: 224; Иречек 1878: 539). После этого, построившись под звуки боевых труб, все подразделения византийской армии, под прикрытием указанного огром-

ного технического орудия, двинулись на решающий штурм названной крепости. Между тем, спешно подводя осадную башню к городским стенам, нападавшие не заметили расположенного возле них старого водохранилища, накрытого прогнившими досками с поросшей сверху травой (Йоан Кантакузин 1980: 224—225). Попав на него, огромное и маломаневренное штурмовое техническое устройство с ужасным грохотом рухнуло вместе со всей воинской прислугой, которая находилась внутри него. После такого позорного поражения под стенами Филиппополя претендент на византийский императорский престол приказал армии прекратить осаду этой неприступной фракийской твердыни (Павлов 1983: 226; Волощук, Федорук 2014: 21). Безусловно, что представленное выше несколько нейтральное по тону описание неудачного последнего штурма города войсками Андроника, который полностью основывается на сведениях из произведения Кантакузина, на первый взгляд, производит очень противоречивое впечатление (Йоан Кантакузин 1980: 224—225). Однако при более внимательном чтении текста, написанного заангажированной рукой друга и великого домостика будущего византийского императора, все же удаётся проследить некоторый намёк на то, что указанное искусственное препятствие против огромного технического средства византийской армии, под прикрытием которого последняя двинулась на решающий штурм крепости, возникло не само по себе, а было, скорее всего, замаскированной ловушкой, заранее подготовленной благодаря сообразительности Ивана Русина (Иречек 1878: 382—383, 539; Волощук, Федорук 2014: 21).

Впрочем, надолго удержать Филиппополь под болгарской властью военачальнику русского происхождения так и не удалось. Причины заключались в том, что именно в период длительной обороны этой стратегически важной фракийской крепости внезапно умер Георгий II Тертер и в столице Второго Болгарского царства — Велико Тырново началась борьба различных политических группировок за царский престол, в результате которой победил уже вышеупомянутый Михаил III Шишман (1323—1330) (Иречек 1878: 539; Бурмов 1968: 227—230; Павлов 1983: 226—227). Новый болгарский царь, собрав свои большие воинские силы, пригласив значительные по численности союзные подразделения угрлов (Οὐγκροβλάχων) и наёмные отряды татар (Σκυθικὴν), быстро отправил их во главе с другим полководцем на помощь Ивану с его гар-

низом, осаждённым византийцами в Филиппополе (Йоан Кантакузин 1980: 225—226; Волощук, Федорук 2014: 21). Последний получил царское поручение вместе со своим войском продолжать дальше удерживать указанную крепость и заменить обескровленных воинов исследуемого нами фигуранта, которые, таким образом, «вознаграждались за свои усилия и мужество» (Йоан Кантакузин 1980: 227; Павлов 1983: 227). Узнав о подходе свежего болгарского войска, Иван Русин с большей частью своей гарнизона вышел ему навстречу. Но этим сразу воспользовалось греческое большинство городского населения, представители которого сразу закрыли за ним ворота с одной стороны Филиппополя, а с другой — открыли их для подразделений родопского стратига Георгия Вриенни, которые именно в это время подошли под стены фракийской твердыни (Йоан Кантакузин 1980: 227; Успенский 1997: 550)³. Вследствие этого Иван вместе со своими пешими и конными воинами и только что прибывшим новым царским войском был вынужден вернуться на территорию Болгарии.

В дальнейшем греческие историки долгое время ничего не сообщают о деятельности этого военачальника русского происхождения на службе болгарских правителей. По предположению Пл. Павлова, такой перерыв в сведениях о Иване Русине можно объяснить тем, что он попал в немилость при дворе Михаила III Шишмана Асеня за потерю им Филиппополя (Павлов 1983: 228). С таким предположением болгарского историка трудно согласиться, ведь уже в следующем 1324 г. царское войско при поддержке значительных по численности наёмных татарских подразделений осуществило вторжение в Восточную Фракию, территория которой была ими очень сильно опустошена вплоть до Виры и Траянополя (Бурмов 1968: 235; Сметанин 1973: 92—93; Шабульдо 1990: 48; Димитров 1998: 213). Участвовал ли в этом крупном походе исследуемый фигурант можно предположить с определенной долей вероятности, поскольку он хорошо ориентировался в той непростой военной ситуации, сложившейся в названной области, потому что долгое время удерживал

³ В болгарской историографии бытует предположение, что это сделали представители «патриотически настроенной» местной греческой аристократии, которые, пользуясь своим значительным влиянием в городе, открыли ворота Филиппополя перед византийским войском (Павлов 1983: 227—228; Божилов, Гюзелев 1999: 554—555).

её самую мощную крепость⁴. Скорее можно согласиться с другой мыслью вышеназванного исследователя, по которой длительное отсутствие Ивана на страницах произведения Иоанна Кантакузина может объясняться тем, что он по воле болгарского царя выполнял какие-то более важные его поручения в неизвестных для нас областях, политическая ситуация в которых совершенно не интересовала греческого автора (Павлов 1983: 228—229).

Поход к Константинополю в 1328 г.

О том, что болгарский царь Михаил III Шишман довольно высоко ценил услуги своего военачальника, который себя уже проявил как «опытный стратег», ярко свидетельствуют военные события 1328 г. Связаны они были с тем, что за год к ним в Византии вновь вспыхнула вооруженная борьба за власть, которую вели между собой старый император Андроник II и его внук Андроник Младший (Успенский 1997: 551; Острогорский 2011: 605—606; Каждан, Литаврин 1998: 279—280). Но на этот раз в этот внутренний византийский конфликт также активно вмешались южнославянские государства, поскольку политические противоречия, которые возникли между Вторым Болгарским царством и Сербским королевством, как раз полностью совпадали с войной за императорский престол в Константинополе. Известно, что Михаил III Шишман Асень заключил союзный договор с Андроником Младшим, в свою очередь, сербский король Стефан Урош III Дечанский Неманич (1322—1331) согласился помогать Андронику II Палеологу (Острогорский 2011: 606; Каждан, Литаврин 1998: 280; Бурмов 1968: 241). Однако такой политический расклад военных сил не помешал болгарскому царю начать тайные переговоры с последним, который был доведен до отчаяния после разгрома своей армии военными силами внука в битве на р. Мелас⁵ (точное место её локализации

пока неизвестно) между 21 и 27 марта 1328 г. (Йоан Кантакузин 1980: 253; Успенский 1997: 551). Поэтому под видом помощи Михаил III Шишман отправил отряды численностью в 3000 конных воинов во главе с Иваном Русинем в слабо защищенную и истощенную голодом византийскую столицу, а сам с довольно большим войском, состоявшим из болгарских, угровлашских и татарских всадников, расположился в лагере у Диамполя (совр. Ямболь. — А. Ф.). Как предполагал Ф. К. Брун, «по всей вероятности, русскому сподвижнику царя болгарского поручено было овладеть Константинополем, что при тогдашних обстоятельствах было бы делом не слишком трудным для человека опытного и энергического, каков был Иван» (Брун 1878: 236). Ведь, по сообщению Кантакузина, старый Андроник II, который относился с большим недоверием к грекам, хотел даже отдать военачальнику русского происхождения под стражу императорский дворец (Йоан Кантакузин 1980: 256). Затем, по своим замыслам, Михаил III Шишман Асень планировал, совершив ускоренный переход с остальным войском, неожиданно подойти к византийской столице «и, таким образом, успел бы в том, к чему напрасно стремились Симеон и Асень II» (Брун 1878: 236—237). Узнав о намерениях деда, Андроник Младший тайно отправил к нему гонца с просьбой, чтобы тот не доверял военачальнику Михаила III Шишмана и не впускал в город его воинов с оружием. Хотя старый император отвечал внуку, чтобы тот за него не беспокоился, всё же прислушался к его советам и приказал лишь на короткое время впустить в Константинополь только Ивана Русина в сопровождении небольшого числа его всадников (Брун 1878: 236—237; Иречек 1878: 285). Скоро под стены византийской столицы подошла армия под предводительством самого Андроника Младшего, который к тому времени уже объявил себя императором, и расположилась напротив болгарского лагеря. Поскольку дело между ними ещё пока не доходило до формального объявления войны, оба руководителя провели между собой дипломатические переговоры (Йоан Кантакузин 1980: 257—259; Брун 1878: 237; Павлов 1983: 230). Результат последних не заставил себя долго ждать, поскольку внук Андроника II одновременно отправил посла к Михаилу III Шишману Асеню с жалобой на нарушение между ними условий союзного договора. Болгарский царь, узнав о прибытии молодого императора с армией, направил приказ Ивану вместе с его воинскими подразделениями немедленно возвращать-

⁴ По мнению Пл. Павлова, который ссылается на соответствующие сообщения Кантакузина, болгарский воинский гарнизон в Филиппополе был настолько сильный, что не только мог успешно обороняться, но и вести наступательные действия. Поэтому, по его предположению, Иван планировал отвоевать и другие византийские крепости в той же области (Павлов 1983: 226—227).

⁵ В историческом произведении Григоры она называется битвой вблизи р. Мавропотам (Никифор Григора 2013: 317).

Рис. 3. Битва при Велбужде 1330 г. Фрагмент житийной иконы Св. Стефана Уроша III Дечанского конца XVI в. (по Волощук, Федорук 2014: 23).

Fig. 3. Battle of Velbazhd 1330. Fragment of the hagiographic icon of St. Stefan Uroš III Dečanski the end of the 16th c. (after Волощук, Федорук 2014: 23).

ся назад (Иречек 1878: 285; Бурмов 1968: 250; Волощук, Федорук 2014: 22). 24 мая 1328 г. новый византийский император Андроник III Палеолог (1328—1341) вступил в Константинополь и, не встречая сопротивления, без вооруженной борьбы овладел им. Старый император под давлением внука отрёкся от престола и с его разрешения ещё некоторое время проживал во дворце последнего. Однако скоро по наущению приближённых к молодому императору особ его так заставили принять постриг. Скончался Андроник II Палеолог 13 февраля 1332 г. как монах под именем Антоний (Успенский 1997: 552; Острогорский 2011: 606).

Битвы при Велбужде (1330 г.) и Русокастро (1332 г.)

С окончанием гражданской войны в Византийской империи, которая велась с перерывами в 1321—1328 гг., со страниц греческих исторических произведений на некоторое время снова исчезают сообщения об исследуемом нами фигуранте (Волощук, Федорук 2014: 22). Хотя дальше в них нашло лаконичное отображение главное событие сербско-болгарской войны — битва при Велбужде (совр. Кюстендил. — А. Ф.) 28 июля 1330 г.⁶, но принимал ли в ней участие, не раз упоминавшийся Кантакузином полководец Ἰβάνης, до сих пор остается неизвестным. Известно лишь, что, по словам Никифора Григоры, царь Миха-

ил III Шишман «двинув многочисленное войско, — двенадцать тысяч туземных воинов (болгар и угровлахов. — А. Ф.) и ещё три тысячи наёмных скифов (татар. — А. Ф.)» встретил большое войско, «блеском своего оружия ослеплявшее глаза смотревших на него», под руководством короля Стефана Уроша III Дечанского (Никифор Григора 2013: 348—349). Как известно, в итоге болгарский правитель потерпел сокрушительное поражение⁷, которое стоило ему собственной жизни, о чём выразительно также свидетельствует фрагмент житийной иконы вышеназванного сербского короля (рис. 3), которая датируется концом XVI в. По этому поводу Пл. Павлов писал, что, в свою очередь, средневековые «сербские авторы были предметно сосредоточены на роли властителей и акцентировали всё внимание на смерти царя Михаила III Шишмана Асеня, а также царствовании их сербского протееже Ивана Стефана (1330—1331) и т.д.» (Павлов 1983: 230—231). Всё это, по его мнению, объясняет отсутствие свидетельств о судьбе Ивана Русина, но если учитывать, что он принадлежал к числу «очень опытных» военачальников болгарского царя, то он, «вероятно, участвовал в этой решающей битве»

⁶ Сам ход этого великого сражения хорошо изучен в работах сербских военных историков (Томац 1952: 99—111; Шкриванић 1970: 67—76).

⁷ Главную роль в победе войска сербского короля, по-видимому, сыграли значительные по численности наёмные подразделения из представителей романских народностей (итальянцы с испанцами), которые внезапно атаковали воинские силы болгарского царя (Никифор Григора 2013: 349; Шкриванић 1954: 84—86; Динић 1960: 16—23). Последнему не удалось эффективно использовать в битве военные преимущества своих наёмных отрядов татар (Vásáry 2005: 129; Узелац 2014: 108—109).

(Павлов 1983: 231). Сейчас из-за отсутствия надежных сведений из письменных источников мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение, высказанное болгарским историком⁸.

Однако точно известно, что в дальнейшем Иван был полководцем у болгарского царя Ивана Александра Асеня (1331—1371) — родного племянника Михаила III Шишмана, которому он помог овладеть престолом в Велико Тырново. К этому также следует добавить, что как один из самых высоких военных руководителей последнего исследуемый фигурант участвовал в битве при Русокастро, которая состоялась 18 июля 1332 г., о чём кратко сообщается в произведении Иоанна Кантакузина (Иоанн Кантакузин 1980: 272). В ней болгарское войско при активной поддержке наёмных отрядов татар (στρατιά ἀπὸ Σιυθῶν) разгромило византийскую армию во главе с самим императором Андроником III⁹. Большинство современных исследователей предполагает, что в этой победе царя Ивана Александра не последнюю роль сыграл Иван Русин, который очередной раз продемонстрировал свой военный талант (Ангелов 1973: 49; Павлов 1983: 231—232; Волощук, Федорук 2014: 23). Вполне возможно, что именно по его распоряжению, как сообщается у Григоры, болгарские военные силы «широко растянув правый и левый фланг, а в середине имея самые тяжело вооружённые части, плюс многочисленный арьергард, словно какое-то прочное основание» начали наступление на византийские подразделения, которые по приказу императора стянулись «в один общий строй с двойным фронтом, придав ему форму полумесяца» (Никифор Григора 2013: 371). Однако решающий фланговый удар по армейским частям Андроника III Палеолога в этой битве нанесла татарская конница (рис. 4), которая вначале сражения была построена во втором (резервном) эшелоне¹⁰ войска Ивана Александра Асеня

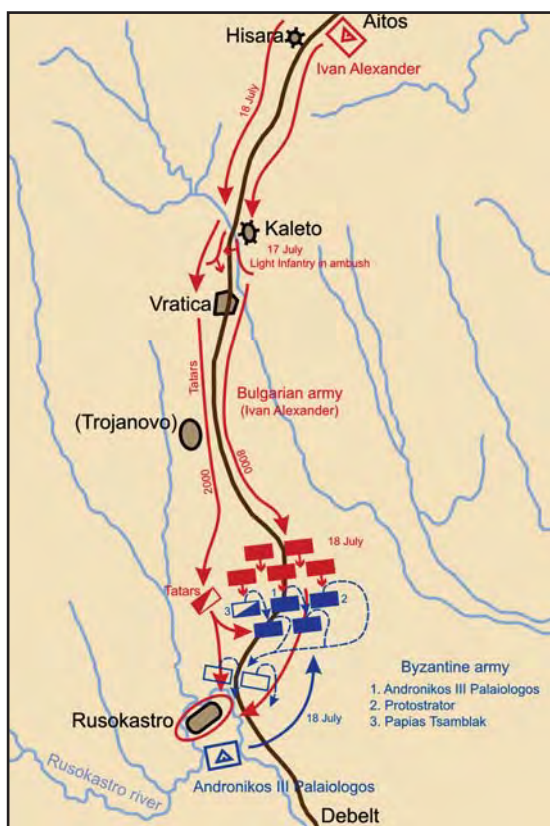

Рис. 4. Схема битвы при Русокастро (18 июля 1332 г.) (по https://de.wikipedia.org/wiki/Datei:Battle_of_Rusokastro.png).

Fig. 4. Scheme of the battle of Rusokastro (July 18, 1332) (after https://de.wikipedia.org/wiki/Datei:Battle_of_Rusokastro.png).

(Ангелов 1973: 45—47; Vászár 2005: 131). Византийские стратиоты, заметив, что последняя начала активное нападение им во фланг, «чтобы, окружив их, ударить и с тыла, то развернулись и без оглядки побежали к крепости (Русокастро. — А. Ф.)» (Никифор Григора 2013: 372; Чолпанов, Александров 2007: 173—174; Овчаров 2017: 37—38). Кроме сообщений письменных источников, о весомой роли наёмных татарских отрядов в этой победе свидетельствуют также недавние исследования самого поля битвы, где болгарскими археологами были найдены материальные доказательства их участия в этом сражении. Это своеобразные формы наконечников стрел для сложносоставного лука (рис. 5), характерные для древностей монголов, которые обнаружены вместе с их иным воинским снаряжением не только в этом регионе, но и во время земляных работ на многих других средневековых памятниках в Южной и Восточной Европе (Медведев 1966: 50—60; Немеров 1987: 214—219; Артемьев 2004: 143—147; Рабьянов 2011: 53—69; Узелац 2016: 395).

⁸ Необходимо отметить, что в последних исследованиях, посвящённых сражению при Велбужде, личность военачальника русского происхождения также не упоминается (Коряков 2017: 126—131).

⁹ Это большое сражение довольно хорошо освещено в болгарской историографии (Ангелов 1973: 37—48; Чолпанов, Александров 2007: 171—174; Овчаров 2017: 32—42).

¹⁰ Говоря о приёме использования резервных воинских подразделений болгарским царём в этом сражении, нельзя однозначно полагать его монгольское происхождение (Сейдалиев 2016: 271), поскольку такие же тактические уловки были давно хорошо известны и византийскому военному искусству (Kyriakidis 2011: 197—213).

Рис. 5. Наконечники татарских стрел с поля битвы при Русокастро (фото автора): 1, 2 — веслообразные; 3 — срезень.

Fig. 5. Tatarian arrowheads from field the battle of Rusokastro (photo by the author): 1, 2 — paddle; 3 — cut.

Активное участие татарской конницы в битве при Русокастро, в которой исследуемый нами Иван снова проявил себя как «опытный стратег», полностью опровергает тезис Ф.М. Шабульдо, что последний также поддерживал «антиордынскую позицию», как и болгарские цари из рода Тергеров — Фёдор Святослав и его сын и преемник Георгий II (Шабульдо 1990: 47, 52). При этом в подтверждение своего мнения украинский историк ссылался на то, что во время своего пребывания в Филиппополе неоднократно упоминавшийся великий домостик Канткузин в своей «Истории» называет в «составе оборонявшегося под началом Ивана Русина гарнизона военачальников из алан Итила и Темира, венгра Инаса, болгарских и аланских всадников, тяжеловооружённых пехотинцев, но ничего не говорит об ордынцах» (Шабульдо 1990: 47). Зато другой отечественный исследователь О.Б. Бубенок в одной из своих последних работ убедительно доказал, что упомянутые у вышеприведённого греческого автора «аланы (Αλανοί)» под руководством военачальника русского происхождения, когда он защищал фракийскую крепость от ви-

зантийской армии, это фактически и есть те самые «татары (Σιτθαις)» (Йоан Кантакузин 1980: 224; Бубенок 2004: 231)¹¹. Кроме того, правильное расположение и тактическое применение наёмных отрядов последних в битве при Русокастро даёт основание для того, чтобы также сделать умозрительное предположение, согласно которого, Иван где-то ещё раньше получил такой необходимый военный опыт. Тем не менее, о месте, где именно он мог этому научиться, приходится только догадываться¹².

По мнению некоторых болгарских историков, поскольку Иван Русин, несомненно, принадлежал к лицам, приближённым к Ивану Александру, и тактически умело использовал конные подразделения в битве, то вполне возможно, что последний перед тем присвоил ему титул *протостратора* — начальника царской конюшни (Павлов, Владимиров 2008: 121). Именно поэтому военачальнику русского про-

¹¹ Более того, по мнению этого же исследователя, именно «аланы, включенные в состав монгольских войск, помогли монголам завоевать другие народы и страны. В соответствии с этим в созданных монголами государствах — Улусе Джучи и империи Юань — аланы-асы стали орудием военного господства монгольского меньшинства. Складывается впечатление, что монголы активно использовали военный потенциал аланов, потому что последние, с одной стороны, унаследовали старые сарматские традиции боя на открытой местности; с другой — заимствовали у оседлых народов правила ведения боя на пересечённой местности. Это сказалось на особенностях вооружения, тактике ведения боя и военной организации, практикуемых у аланов, что, в принципе, как нельзя лучше соответствовало системе организации монгольского войска» (Бубенок 2004: 293).

¹² Можно предположить, что это могло произойти ещё в юго-западных пределах Руси, где местные князья, как вассалы золотоордынских ханов, во второй половине XIII — в начале XIV вв. были вынуждены участвовать в походах татарских войск на Литву, Польшу и Венгрию (Бутанаев 2002: 169—176; Волощук 2007: 23—30; Почекаев 2010: 36—44). Известно, что в Венгрии во второй половине XIII — первой четверти XIV вв. короли часто пользовались услугами половцев. В частности, последние активно участвовали в битвах при Дюрнкруте (26 августа 1278 г.) и Мюльдорфе (28 сентября 1322 г.) в составе венгерских войск, которые поддерживали австрийских претендентов на престол Священной Римской империи (Erben 1923: 23—35; Kusternig 1998: 173—189; Schieren 1993: 44, 50—58; Mika 2008: 90—96; Roháč 2017: 18—24). В болгарском военном искусстве использование союзных и наёмных отрядов степных кочевников практиковалось ещё со времен первых царей из династии Асений. Так, в конце XII — первой половине XIII в. это часто были половцы, а, как уже известно, в первой половине XIV в. — татары (Расовский 1939: 203—211; Павлов 1987: 112—120; 1990: 14—23; 2006: 49—60; Князький 2003: 116—142).

исхождения, как «своему одному из самых благородных» из ближайшего окружения, болгарский царь поручил проведение мирных переговоров с Андроником III после решающей победы над ним. Известно, что Иван успешно справился с возложенной на него миссией, и мирный договор между двумя правителями был заключен в кратчайшие сроки (Йоан Кантакузин 1980: 272—273; Ников 1911: 220—221). К сожалению, о последующей военной деятельности исследуемого фигуранта на службе Ивана Александра Асеня в произведениях греческих авторов больше не упоминается, что, возможно, говорит об его окончательном уходе из активного участия в политической жизни Тырновской Болгарии¹³.

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что исследуемый фигурант без преувеличения является одним из самых ярких по сравнению со многими другими известными личностями, которые вели активную военную деятельность во Втором Болгарском царстве в период 20—30-х годов XIV в., когда это государство проводило достаточно активную внешнюю политику. Все приведённые сюжеты говорят о его незаурядном полководческом таланте, начиная от четырехмесячной обороны Филиппополя (1323 г.) и заканчивая битвой при Русокастро (1332 г.), которые были самыми

успешными военными мероприятиями в карьере Ивана Русина. Причём в последнем он сумел проявить настоящую тактическую прозорливость, умело используя наёмные татарские отряды, вследствие чего была одержана великая победа над византийским императором. А заключённый по её результатам мирный договор несколько укрепил пошатнувшееся уже на то время международное положение Тырновской Болгарии.

Что касается неудачного его похода к Константинополю в 1328 г., то он, скорее всего, с самого начала был обречён на провал, поскольку не учитывал всех непредвиденных моментов. Более того, реакция молодого императора Андроника Младшего на сделанные шаги со стороны царя Михаила III Шишмана Асеня была полностью предвиденной и только благодаря осторожным действиям Ивана всё же удалось избежать очередной войны. Но в случае с битвой при Велбужде (28 июля 1330 г.) избежать полной катастрофы оказалось невозможно, в чём была не последняя вина самого болгарского правителя. Присутствовал ли исследуемый фигурант при этом разгроме, говорить сложно в связи с отсутствием необходимых упоминаний в письменных источниках. Однако, если учесть, что он всё-таки принадлежал к самым «опытным стратегам», то его участие в этой битве должно было состояться, о чём уже упоминали другие современные исследователи.

Литература

- Ангелов Д. 1973. Българо-византийските отношения през периода 1331—1341 г. при царуването на Иван Александър. *ВИСБ* 1, 34—53.
- Артемьев А.Р. 2004. Проблемы выделения монголо-татарского комплекса вооружения среди древнерусских материалов XIII в. В: Макаров Н.А. и др. (ред.). *Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию В.В. Седова*. Москва: Наука, 143—152.
- Божилов И., Гюзелев В. 1999. *История на България. Т.1. История на средновековна България VII—XIV век*. София: Анубис.
- Брун Ф. 1878. Догадки касательно участия русских в делах Болгарии в XIII и XIV столетиях. *ЖМНП* 200, 227—238.
- Бубенок О.Б. 2004. *Аланы-асы в Золотой Орде (XIII—XV вв.)*. Киев: Истина.
- Бурмов А. 1968. *Избрани произведения*. Т.1. София: БАН.
- Бутанаев В.Я. 2002. Военное искусство тюрко-монгольских кочевников и его влияние на развитие ратного дела средневековой Руси. В: Худяков Ю.С., Скобелев С.Г. (ред.). *Военное дело nomadov Северной и Центральной Азии*. Новосибирск: НГУ, 169—176.
- Волощук М.М. 2007. Вплив Золотої Орди на еволюцію русько-угорських військово-політичних взаємин останньої чверті XIII ст. *ВКНЛУ* 13, 23—30.
- Волощук М.М. 2014. «Русь» в Угорському королівстві (XI — друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції. Івано-Франківськ: Лілея-НВ.

¹³ Можно лишь предположить, что во владения болгарских правителей эта личность попала из венгерских земель, принадлежавших тогда династии Арпадов, очевидно, уже в возрасте, позволявшем не только жениться, но и приобрести достаточно значительные навыки в военном деле и дипломатии. Так, М. Голбан считала, что на 1288 г. ему могло быть не менее 18 лет, тогда как в 1333 г., когда *Iwan dictus Oroz* последний раз упомянутый в повествовательных источниках, исследовательница убеждена, что это был мужчина примерно 63-летнего возраста (Holban 1981: 97). Насколько это предположение соответствует реальному положению вещей, нам трудно сказать из-за отсутствия необходимых документальных сообщений. Однако никаких суждений по этому поводу в имеющейся историографии мы больше не находим. Даже в уже неоднократно упоминавшихся работах Пл. Павлова ничего о возрасте исследуемого фигуранта не сообщается (Павлов 1983: 231—232).

- Волощук М., Федорук А. 2014. «*Ioan Rusul*» або «*Ἰωάννης ὁ Ῥώσος*»: з історії політичної діяльності руського вельможі в Угорському королівстві та Болгарському царстві наприкінці XIII — першій половині XIV ст. *ПІУ* 17, 18—28.
- Динић М. 1960. Шпански најмници у српској служби. *ЗРВИ* 6, 15—28.
- Димитров Х. 1998. *Българо-унгарски отношения през средновековието*. София: Проф. Марин Дринов.
- Дуйчев Ив. 1962. *Миниатюрите на Манасиевата летопис*. София: Български художник.
- Златарски В. 2007. *История на българската държава през Средните векове*. Т. 3. София: Захарий Стоянов; Св. Климент Охридски.
- Иречек К. Й. 1878. *История болгар*. Одесса: Типография Л. Нитче.
- Йоан Кантакузин. 1980. *История*. Йончев Л. (прев. от гръц.). В: Войнова М., Търкова-Займова В. и др. (ред.). *Гръцки извори за Българската история* 10. София: БАН, 218—396.
- Каждан А. П., Литаврин Г. Г. 1998. *Очерки истории Византии и южных славян*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Казаков О. О. 2013. Династична боротьба за трон Угорського королівства на початку XIV ст. *НВУУ* 30 (1), 73—79.
- Князький И. О. 2003. *Византия и кочевники южнорусских степей*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Коновалова И. Г., Перхавко В. Б. 2000. *Древняя Русь и Нижнее Подунавье*. Москва: Памятники исторической мысли.
- Коряков Д. 2017. Битва при Велбужде: причины, участники, последствия. В: Белов М., Васин Г. (ред.). *Балканские тетради. Ежегодник по истории и культурной географии Балкан = Балканске свеске. Годишњак о историји и културној географији Балкана*. Нижний Новгород; Нови Сад, 125—133.
- Мандзяк В. 2011. Ростислав Михайлович — «*dux Galicie et imperator Bulgarorum*». *КД: ІК* 5, 131—144.
- Мартынюк А. В. 2016. Русь по обе стороны Угорских гор (рецензия на книгу Мирослава Волощука «“Русь” в Угорському королівстві (XI — друга половина XIV століття): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції». Івано-Франківськ, 2014). *ІИВЕ* 9, 233—238.
- Медведев А. Ф. 1966. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе. *СА* (2), 50—60.
- Немеров В. Ф. 1987. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII—XIV вв. *СА* (2), 212—227.
- Никифор Григора 2013. *История ромеев = 'Ρωμαϊκή ἱστορία* 1. Книги I—XI. Пер. с греч. Р. В. Яшунского. Санкт-Петербург: Свое издательство.
- Ников П. 1911. Кое е бил Синадин, чичата на цар Иван Александра (Генеалогическа студия). *ИИДС* 3, 217—225.
- Ников П. 1922. *История на Видинското княжество, до 1323 г.* Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет 18. София: Печатн. П. Глушков.
- Овчаров Н. 2017. *Цар Иван Александър Асен*. София: Фабер.
- Острогорский Г. А. 2011. *История Византийского государства*. Москва: Сибирская Благозвонница.
- Павлов Пл. 1983. Иван Русина — български военачалник и политически деец от първата половина на XIV в. *ИИВИ* 36, 223—232.
- Павлов Пл. 1987. Монголотатари на българска военна служба в началото на XIV в. *ВИСБ* 2, 112—120.
- Павлов Пл. 1990. За ролята на куманите в Българската военна история (1186—1241 г.). *ВИСБ* 6, 14—23.
- Павлов Пл. 2006. България и нейните военни съюзници от Северното Причерноморие (XII—XIV в.). *БСП* 9, 49—60.
- Павлов Пл., Владимиров Г. 2008. *Златната орда и българите*. София: Военно издателство.
- Палаузов С. Н. 1851. *Ростислав Михайлович, русский удельный князь на Дунае в XIII веке*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Почекаев Р. Ю. 2010. Русские войска в золотоордынских военных кампаниях (к вопросу о статусе вассальных правителей в государстве Чингизидов). *ЗЦ* 3, 36—44.
- Рабовянов Д. 2011. Средновековни костени апликации за колчан от хълма Трапезица, Велико Търново. *Археология* (2), 53—72.
- Расовский Д. А. 1939. Роль половцев в войнах Асений с Византийской и Латинской империями в 1186—1207 гг. *СБАН* 58 (29), 203—211.
- Руссев Н. Д. 1999. *На грани миров и эпох. Города низовой Дуная и Днестра в конце XIII—XIV вв.* Кишинёв: ВАШ.
- Сметанин В. А. 1973. О специфике перманентной войны в Византии в 1282—1453 гг. *АДСВ* 9, 89—101.
- Сохань П. С. 1976. *Очерки истории украинско-болгарских связей*. Киев: Наукова думка.
- Томац П. 1952. Велбушка битка. *ВИГ* 4, 99—111.
- Узелац А. 2014. Сербские письменные источники о татарах и Золотой Орде (первая половина XIV в.). *ЗО* 3 (1), 101—118.
- Узелац А. 2016. *Золотая Орда и Балканы (XIII—XIV века)*. В: Миргалеев И., Хаутала Р. (ред.). *Золотая Орда в мировой истории*. Казань: ИИ АН РТ, 384—403.
- Успенский Ф. И. 1997. *История Византийской империи*. Т. 3. Москва: Мысль.
- Цветкова Б. 1948. Българо-византийските отношения през царуването на Тодор Светослав. *Известия на семинарите при историко-филологически факултет на университета «Климент Охридски»*. Кн. 3. София: Св. Климент Охридски, 1—32.
- Флоринский Т. Д. 1882. *Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века*. Вып. 1. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева.
- Чолпанов Б., Александров Е. 2007. Войската и войните на Второто Българско царство (1185—1396). В: Зафиров Д., Александров Е. (ред.). *Военна история на българите от древността до наши дни*. София: Знание ЕООД; Труд, 124—186.
- Шабульдо Ф. М. 1990. Галицко-Волынское княжество и Тырновская Болгария на пути к политическому сотрудничеству в начале XIV в. В: Варварцев Н. Н. (ред.). *Культурные и общественные связи Украины со странами Европы*. Киев: Наукова думка, 35—52.
- Шкриванић Г. А. 1954. О најмничкој војсци у средњовековној Србији. *ВИГ* 1, 80—93.
- Шкриванић Г. А. 1970. Битка код Велбужда 28. VII. 1330. године. *ВВМ* 16, 67—77.
- Erben W. 1923. *Die Schlacht bei Mühldorf 28. September 1322, historisch-geographisch und rechtsgeschichtlich Untersucht*. Graz; Wien; Leipzig: Leuschner und Lubensky Universitätsbuchhandlung.
- Holban M. 1981. *Din cronica relațiilor Româno-Ungare în*

- secolele XIII—XIV. București: ARSR.
- Kyriakidis S. 2011. *Warfare in Late Byzantium, 1204—1453*. Leiden; Boston: Brill.
- Kusternig A. 1998. Bitva na Moravském poli (u Suchých Krut a Jedenspeigen) 26. srpna 1278. In: Bláhová M., Hlaváček I. (eds.). *Česko-rakouské vztahy ve 13. století*. Praha, 163—189.
- Mika N. 2008. *Wálka o spadek po Babenbergach 1246—1278*. Racibórz: Wydawnictwo a Agencja Informacyjna WAW Gr. Wawocny.

- Roháč P. 2017. Bitka na Moravskom poli 1278. *VH* 3, 7—32.
- Schieren S. 1993. Die Schlacht bei Mühldorf am 28. September 1322. In: Steinbichler J. (Hrsg.). *Die Schlacht bei Mühldorf am 28. September 1322: Ursachen — Ablauf — Folgen*. Mühldorf: Heimatbund Mühldorf a. Inn, 33—68.
- Vásáry I. 2005. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185—1365*. Cambridge: University Press.

References

- Angelov, D. 1973. In *Voenno-istoricheski sbornik (Collected Papers on Military History)* 1, 34—53 (in Bulgarian).
- Artem'ev, A.R. 2004. In Makarov, N.A., Chemetsov, A.V., Lopatin, N.V. (eds.). *Vostochnaia Evropa v srednevekov'e: K 80-letiiu Valentina Vasil'evicha Sedova (Eastern Europe in the Middle Ages: to the 80th Anniversary of Valentin Vasil'yevich Sedov)*. Moscow: "Nauka" Publ., 143—152 (in Russian).
- Bozhilov, I., Gyuzelev, V. 1999. *Istoriya na Bălgariya (History of Bulgaria)* 1. *Istoriya na srednevekovna Bălgariya VII—XIV vek (History of Medieval Bulgaria, 7th—14th Centuries)*. Sofia: "Anubis" Publ. (in Bulgarian).
- Brun, F. 1878. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia (Journal of the Ministry of Popular Education)* 200, 227—238 (in Russian).
- Bubenok, O.B. 2004. *Alany-asy v Zolotoi Orde (XIII—XV vv.) (Alans-Asi in the Golden Horde: 13th—15th Centuries)*. Kiev: "Istina" Publ. (in Russian).
- Burmov, A. 1968. *Izbrani proizvedeniia (Selected Works)*. Vol. 1. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Russian).
- Butanaev, V. Ya. 2002. In Khudiakov, Yu. S., Skobelev, S.G. (eds.). *Voennoe delo nomadov Severnoi i Tsentral'noi Azii (Warfare of the Nomads of Northern and Inner Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 169—176 (in Russian).
- Voloshchuk, M.M. 2007. In *Visnyk Kyiv's'koho natsional'noho linhvistychnoho universytetu (Bulletin of the Kiev National Linguistic University)* 13, 23—30 (in Ukrainian).
- Voloshchuk, M.M. 2014. «Rus'» v Uhors'komu korolivstvi (XI — druha polovyna XIV st.): suspil'no-politychna rol', majnovi stosunki, mihratsii ("Rus" in the Hungarian Kingdom in 11th — Second Half of 14th Centuries: Social-Political Role, Property Relations, Migrations). Ivano-Frankiv's'k: "Lileya-NV" Publ. (in Ukrainian).
- Voloshchuk, M., Fedoruk, A. 2014. In *Pytannia istorii Ukraïny (Problems of the History of Ukraine)* 17, 18—28 (in Russian).
- Dinić, M. 1960. In *Zbornik radova Vizantološkog instituta (Recueil des travaux de l'institute d'études byzantines)* 6, 15—28 (in Serbian).
- Dimitrov, Kh. 1998. *Bălgarsko-ungarski otnosheniya prez sred-novekovieto (Bulgarian-Hungarian Relations in Middle Ages)*. Sofia: "Professor Marin Drinov" Publ. (in Bulgarian).
- Dujchev, Iv. 1962. *Miniatyurite na Manasievata letopis (Miniatures from Constantine Manasses Chronicle)*. Sofia: "Bălgarski khudozhnik" Publ. (in Bulgarian).
- Zlatarski, V. 2007. *Istoriya na bălgarskata dărzhava prez Sred-nite vekove (History of the Bulgarian State in the Middle Ages)* 3. Sofia: "Zakharij Stoyanov" Publ.; "Sv. Kliment Okhridski" Publ. (in Bulgarian).
- Jireček, K.J. 1878. *Istoriia bolgar (History of Bulgarians)*. Odessa: Typography of L. Nitché (in Russian).
- John Kantakouzenos. 1980. *Istoriya (History)*. In Vojnova, M., Tăpkova-Zaimova, V., et al. (eds.). *Grătski izvori za bălgarskata istoriya (Greek Sources on Bulgarian History)* 10. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 218—396 (in Bulgarian).
- Kazhdan, A.P., Litavrin, G.G. 1998. *Ocherki istorii Vizantii i iu-zhnykh slavian (Essays on the History of Byzantium and Southern Slavs)*. Saint Petersburg: "Aleteia" Publ. (in Russian).
- Kazakov, O.O. 2013. In *Naukovyy visnyk Uzhhorods'koho universytetu (Scientific Bulletin of the Uzhgorod University)* 30 (1), 73—79 (in Ukrainian).
- Kniaz'kii, I.O. 2003. *Vizantiia i kochevniki iuzhnorusskikh stepei (Byzantium and Nomads of the Southern Russian Steppes)*. Saint Petersburg: "Aleteia" Publ. (in Russian).
- Kononova, I.G., Perkhavko, V.B. 2000. *Drevniaia Rus' i Nizhnee Podunav'e (Ancient Rus and Lower Danube Lands)*. Moscow: "Pamiatniki istoricheskoi mysli" Publ. (in Russian).
- Koriakov, D. 2017. In Belov, M., Vasin, G. (eds.). *Balkanske tetrad. Ezhegodnik po istorii i kul'turnoi geografii Balkan = Balkanske sveske. Godishnjak o istoriji i kulturnoj geografiji Balkana (Balkan Notebooks: Yearbook on Balkan History and Cultural Geography)*. Nizhny Novgorod; Novi Sad, 125—133 (in Russian).
- Mandziak, V. 2011. In *Knyazha doba: istoriya i kul'tura (The Time of Princes: History and Culture)* 5, 131—144 (in Russian).
- Martyniuk, A.V. 2016. In *Issledovaniia po istorii Vostochnoi Evropy (Studies on the History of Eastern Europe)* 9, 233—238 (in Russian).
- Medvedev, A.F. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 50—60 (in Russian).
- Nemerov, V.F. 1987. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 212—227 (in Russian).
- Nicephorus Gregoras. 2013. *Istoriia romeev = Ῥωμαϊκή ἱστορία 1. Books I—XI*. Saint Petersburg: "Svoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Nikov, P. 1911. In *Izvestiya na Istoricheskoto druzhestvo v Sofiya (Bulletin of the Historical Society in Sofia)* 3, 217—225 (in Bulgarian).
- Nikov, P. 1922. *Istoriya na Vidinskoto knyazhestvo, do 1323 g. (History of Vidin Principality before 1323)*. Series: Godishnik na Sofijskiya universitet. Istoriko-filologicheski fakultet (Yearbook of Sofia University, Department of History and Philology) 18. Sofia: "P. Glushkov" Publ. (in Bulgarian).
- Ovcharov, N. 2017. *Tsar Ivan Aleksandăr Asen (Tsar Ivan Alexander Asen)*. Sofia: "Faber" Publ. (in Bulgarian).
- Ostrogorsky, G.A. 2011. *Istoriia Vizantiiskogo gosudarstva (History of the Byzantine State)*. Moscow: "Sibirskaiia Blagozvonitsa" Publ. (in Russian).
- Pavlov, Pl. 1983. In *Izvestiya na Instituta za voenna istoriya (Bulletin of the Institute of Military History)* 36, 223—232 (in Bulgarian).
- Pavlov, Pl. 1987. In *Voenno-istoricheski sbornik (Collected Papers on Military History)* 2, 112—120 (in Bulgarian).
- Pavlov, Pl. 1990. In *Voenno-istoricheski sbornik (Collected Papers on Military History)* 6, 14—23 (in Bulgarian).
- Pavlov, Pl. 2006. In *Bălgarite v Severnoto Prichernomorie (Bulgarians in Northern Pontic Region)* 9, 49—60 (in Bulgarian).
- Pavlov, Pl., Vladimirov, G. 2008. *Zlata Orda i bălgarite (The Golden Horde and the Bulgarians)*. Sofia: "Voenno izdatelstvo" Publ. (in Bulgarian).
- Palauzov, S.N. 1851. *Rostislav Mikhailovich, russkii udel'nyi kniaz' na Dunae v XIII veke (Rostislav Mikhailovich, Russian Prince on the Danube in 13th Century)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Pochekaev, R. Yu. 2010. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (Golden Horde Civilization)* 3, 36—44 (in Russian).
- Rabovyanov, D. 2011. In *Arkheologiya (Archaeology)* (2), 53—72

- (in Bulgarian).
- Rasovskii, D.A. 1939. In *Spisanie na Bălgarskata Akademiya na naukite (Magazine of the Bulgarian Academy of Sciences)* 58 (29), 203—211 (in Russian).
- Russev, N.D. 1999. *Na grani mirov i epokh. Goroda nizov'ev Dunai i Dnestra v kontse XIII—XIV vv. (On the Edge of Civilizations and Epochs. Cities in the Lower Reaches of the Danube and the Dniester in Late 13th—14th Centuries)*. Kishinev: High Anthropological School University (in Russian).
- Smetanin, V.A. 1973. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 9, 89—101 (in Russian).
- Sokhan', P.S. 1976. *Ocherki istorii ukrainsko-bolgarskikh svyazei (Essays on the History of the Ukrainian-Bulgarian Relations)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Tomac, P. 1952. In *Vojno-istorijski glasnik (Messenger of the Military History)* 4, 99—111 (in Serbian).
- Uzelac, A. 2014. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 3 (1), 101—118 (in Russian).
- Uzelac, A. 2016. In Mirgaleev, I., Hautala, R. (ed.). *Zolotaia Orda v mirovoi istorii (The Golden Horde in World History)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 384—403 (in Russian).
- Uspenskii, F.I. 1997. *Istoriia Vizantiiskoi imperii (History of the Byzantine Empire)* 3. Moscow: "Mysl'" Publ. (in Russian).
- Tsvetkova, B. 1948. In *Izvestiya na seminarite pri istoriko-filologicheski fakultet na universiteta «Kliment Okhridski» (Bulletin of the Seminars at the Faculty of History and Philology of St. Clement of Ohrid University)* 3. Sofia: "Sv. Kliment Okhridski" Publ., 1—32 (in Bulgarian).
- Florinskii, T.D. 1882. *Iuzhnye slaviane i Vizantiia vo vtoroi chetverti XIV veka (Southern Slavs and Byzantium in the Second Quarter of 14th Century)* 1. Saint Petersburg: Typography of V.S. Balashev (in Russian).
- Cholpanov, B., Aleksandrov, E. 2007. In Zafirov D., Aleksandrov E. (ed.). *Voenna istoriya na bălgarite ot drevnostta do nashi dni (Military History of Bulgarians from Antiquity to Present Day)*. Sofia: "Znanie" Publ.; "Trud" Publ., 124—186 (in Bulgarian).
- Shabul'do, F.M. 1990. In Varvartsev, N.N. (ed.). *Kul'turnye i obshchestvennye svyazi Ukrainy so stranami Evropy (Cultural and Social Relations between Ukraine and European Countries)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 35—52 (in Russian).
- Škrivanić, G.A. 1954. In *Vojno-istorijski glasnik (Messenger of the Military History)* 1, 80—93 (in Serbian).
- Škrivanić, G.A. 1970. In *Vesnik Vojnog muzeja (Bulletin of the Military Museum)* 16, 67—77 (in Serbian).
- Erben, W. 1923. *Die Schlacht bei Mühldorf 28. September 1322, historisch-geographisch und rechtsgeschichtlich untersucht*. Graz; Wien; Leipzig: Leuschner und Lubensky Universitätsbuchhandlung.
- Holban, M. 1981. *Din cronica relațiilor Româno-Ungare în secolele XIII—XIV*. București: ARSR.
- Kyriakidis, S. 2011. *Warfare in Late Byzantium, 1204—1453*. Leiden; Boston: Brill.
- Kusternig, A. 1998. Bitva na Moravském poli (u Suchých Krut a Jedenspeigen) 26. srpna 1278. In Bláhová, M., Hlaváček, I. (eds.). *Česko-rakouské vztahy ve 13. století*. Praha, 163—189.
- Mika, N. 2008. *Walka o spadek po Babenbergach 1246—1278*. Racibórz: Wydawnictwo a Agencja Informacyjna WAW Gr. Wawocny.
- Roháč, P. 2017. Bitka na Moravskom poli 1278. *VH* 3, 7—32.
- Schieren, S. 1993. Die Schlacht bei Mühldorf am 28. September 1322. In Steinbichler, J. (Hrsg.). *Die Schlacht bei Mühldorf am 28. September 1322: Ursachen — Ablauf — Folgen*. Mühldorf: Heimatbund Mühldorf a. Inn, 33—68.
- Vásáry, I. 2005. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185—1365*. Cambridge: University Press.

Статья поступила в сборник 28 января 2019 г.

Andrii Fedoruk (Chernivtsi, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University¹.

Федорук Андрей Васильевич (Черновцы, Украина). Кандидат исторических наук. Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича.

E-mail: andrii.fedoruk12@ukr.net

Address: ¹ Kafedralna St., 2, Chernivtsi, 58012, Ukraine

Пл. Павлов

За култа към св. Филотея Търновска в средновековна България и Влахия

Keywords: Bulgaria, Wallachia, Moldavia, Tarnovo, Curtea de Argeș, St. Phylothea

Ключевые слова: Болгария, Валахия, Молдова, Тырново, Куртя де Арджеш, св. Филофея

Pl. Pavlov

The Cult of St. Phylotea of Tarnovo in Medieval Bulgaria and Wallachia

Evolution of the cult of St. Phylotea from Tarnovo is examined, whose relics were moved in the end of 14th century to Curtea de Argeș, the old capital of Wallachia. It is paradoxical, yet there is a different story about the Saint's life in the North Danube area, which has nothing in common with the passionate written by Patriarch Euthymius of Tarnovo. Folklore tells that that Phylotea was Bulgarian, born in Tarnovo in the beginning of 13th century. The author suggests a hypothesis that the legendary story of this Saint comes from Tarnovo. He poses a question about the cult of St. Phylotea in Medieval Moldavia, which is not examined.

Пл. Павлов

Култ св. Филофеи Тырновской в средневековой Болгарии и Валахии

В статье рассматривается развитие культа св. Филофеи Тырновской, чьи мощи были перенесены в конце XIV века в старую столицу Валахии — Куртя де Арджеш. Парадокс заключается в том, что в Северном Подунавье существует иная версия жизни этой святой, не имеющая ничего общего с мартирологом, составленным патриархом Евфимием Тырновским. Согласно фольклорной интерпретации, Филофея была болгаркой и родилась в Тырново в начале XIII века. В статье приводится гипотеза о том, что легендарная история этой святой началась в Тырново. Ставится вопрос о культе св. Филофеи в средневековой Молдавии, требующий дальнейшего изучения.

В своето научно творчество нашият уважаван колега и приятел Николай Руссев отдели сериозно място на връзките между България и Молдова, както и в по-широк план между народите и държавите по двата бряга на Долни Дунав и Северното Причерноморие (Руссев 1999; Грек, Руссев 2011: 15—41). Настоящата малка студия е посветена на проблем, който поставя връзките на средновековна България с т.нар. Дунавски княжества в полето на сакралното в неговите различни интерпретации — тема, която е свързана с интересите на учен с широки хоризонти и интуиция, какъвто е проф. д.и.н. Николай Руссев. И още нещо, в случая нашите наблюдения се базират не толкова на „строга научна“, кабинетна работа, колкото на пътувания и преки впечатления — подход, който ни сближава поне донякъде с търсаческата, любознателна и впечатлителна натура на нашия уважаем юбиляр.

През есента на 2003 г. заедно с режисьора Константин Чакъров и оператора Николай Конакчиев за осем дни пропътувахме точно 3924 км в Румъния. В резултат от тази особена „експедиция“ направихме два доку-

ментални филма за Българската национална телевизия, единият от които беше посветен на култовете към св. Параскева/Петка, св. Димитър Басарбовски и св. Филотея. Той беше озаглавен „Непознатите ни светини“, доколкото днешните българи и румънци не познават, поне не и в достатъчна степен, развитието на култовете и свързаните с тях знакови места в съседната страна. Макар и съвсем накратко, ще припомним, че след завладяването на средновековната българска столица Тырново мощите на св. Петка последователно са пренесени и пребивават във Видин, Белград и Цариград, а от 1641 г. и до днес са в Яш — престолният град на средновековното княжество Молдова. Онези на св. Филотея от Тырново са пренесени във Видин, а после в Куртя де Арджеш, втората по ред столица на княжество Влахия. Димитър Нови, отшелникът от Басарбово, Русенско, повече от две столетия е тачен като покровител на Букурещ. Неговите мощи се озовават там след руско-турската война от 1774 г. С други думи, пазителки на средновековните столици на Влашко и Молдова са две български светници, а небесен застъпник на днешната ру-

Обр. 1. Раклата с мощите на св. Филотея (по The Mystery...).

Fig. 1. Ossuary with relics of St. Phylotea (after The Mystery...).

мънска столица е отново български светец (Павлов, Чакъров 2005: 239—250). Доколкото за св. Петка Търновска и св. Димитър Басарбовски се знае повече, ще насочим вниманието си към позабравената днес в България св. Филотея. Макар и немного, паметниците, посветени на тази светица, разкриват интересни страници от историята на Второто българско царство, както и силата на българското държавно-политическо, духовно и културно влияние в земите на север от Дунав (Попов 2017). През последните няколко века светицата е много по-известна в северната ни съседка, въпреки че култът към нея е създаден в България. Една от причините е, че нейните мощи, както стана дума, от края на XIV в. се пазят в манастира на епископията на Куртя де Арджеш (Bălan 2003: 84—88). Днес православните църкви на България и Румъния отбелязват паметта на св. Филотея на 7 декември, въпреки че през Средновековието това е ставало на 28 май. Причината за тази промяна най-вероятно е свързана с пренасянето на мощите на светицата от България във Влахия, което вероятно е станало през декември 1397 г.

Известното на живота на св. Филотея не е много и това е създадо определени затруднения на патриарх Евтимий Търновски, който в края на XIV в. създава на базата на познатите му източници нейното най-подробно житие (Kaluzniacki 1901: 142—155; Калужняцки 2010: 142—155; Патриарх Евтимий 1990: 96—112, 270—273.). Житието е използвано от митрополит Йоасаф Бдински в написаното от него „Похвално слово“ през 1395 г., когато мощите на светицата са пренесени от Търново във Видин от цар Константин II Асен, син и съвладетел на цар Иван Срацимир (Грашева

1982: 187—200). Според Евтимий светицата е живяла най-вероятно през IX—X в. в „Моливот“, което вероятно е изопачение на името на градчето Поливот в Одринска Тракия. Едно допълнение на Йоасаф Бдински дава възможност да се мисли, че по-скоро става дума за градчето Памфил, южно от Одрин (Патриарх Евтимий 1990: 270—271). Филотея е била дъщеря на „патриция“ Йоан и съпругата му Ирина („от царски род“ според Йоасаф Бдински), които дълго време нямали деца и поради това я „посветили на Бога“. Най-вероятно в случая имаме обичаен топос, срещан нерядко в агиографската литература. Така или иначе, Филотея живее в аристократично семейство и в реда на нещата получава добро образование. На четиринадесетгодишна възраст, каквато е практиката в онази епоха, е омъжена за благородника Константин, който е бил на седемнадесет години. Отново в духа на агиографската традиция, двамата живеят в пълна хармония и по настояване на Филотея не „консумират“ брака си. Няколко години по-късно Константин умира. Оставайки вдовица, Филотея приема монашеството и живее в скромна килия на остров в близкото езеро. Заради способностите ѝ на лечителка и дарбата да ѝ да утешава нещастните, при нея идват хора от близо и далеч. След нейната смърт мощите ѝ са пазени в църквата „Света Богородица“ в родния и град. Култът остава локален, поради което почти няма отражение в религиозния живот на Византия. Две столетия по-късно, както разказва патриарх Евтимий, „Българското царство стана много крепко и силно, и всичките околни области обхващаше и покоряваше. Тогава в България управляваше царският скиптър добре и даже великолепно благочестивият и славен цар Калоян. Като виждаше гръцкото царство съвсем изнемогнало, той се нахвърли срещу него мъжествено, и много градове и села плени и разори. И като събра всичко хубаво, пренесе го в своя славен град Търново — целият народ с целия му добитък пресели в своята държава. Като вършеше всичко това, чу и за чудесата на преподобната Филотея и много се разпали сърцето му... След като завоюва целия оня край и го подчини на своята власт, дойде и там, дето лежеше честното тяло на преподобната, изпълни се с неизказана радост...“ Българският цар решава да пренесе мощите на светицата в своята столица Търново. Неговите боляри възкликват: „Царю, прави скоро, каквото си намислил... и голяма полза ще принесеш на нашите души, но и на нашата страна, и нашият град ще получи голяма помощ!“ (Kaluzniacki 1901: 153)

Обр. 2. Св. Филотея (съвременна румънска икона).

Fig. 2. St. Phylotea (modern Romanian icon).

Както е известно, за средновековния човек сакралните реликви в един град са не по-малко важни от крепостните му стени. Затова през 1195 г. цар Асен (1186—1196) пренася от Средец/София в Търново мощите на св. Иван Рилски, а Иван Асен II (1218—1241) — онези на св. Параскева/Петка от Епиват или Каликратия в Източна Тракия. Сакралния пантеон на града обаче е обогатен най-вече от цар Калоян (1197—1207), който пренася в Търново мощите на св. Михаил Воин от Потука, св. Иларион Мъгленски, св. Гаврил Лесновски, св. Йоан Поливотски, св. Филотея (Павлов 2006; Павлов, Темелски 2010: 108—110). С основание се отбелязва, че с пренасянето на мощите на св. Филотея е поставено началото на една нова тенденция в отразяването на „женската святост“ (История 2008: 527), която е засилена с пренасянето на онези на св. Параскева/Петка три десетилетия по-късно.

Според византийския историк Георги Акрополит след края на т.нар. българо-гръцки съюз против Латинската империя през 1205—1206 г. Калоян депортира „ромейско“ население от Източна и Беломорска Тракия по бреговете на Дунав, а според Теодор Скутариот — на Марица (ГИБИ 1974: 156; Геор-

гий Акрополит 2013: 57, 186.). Религиозната процесия с мощите на св. Филотея се превръща в демонстрация на могъществото на българската държава: „Царят заповяда тялото на преподобната да бъде пренесено в славния град Търново с много почести и благоговение. За тая цел бяха отредени 300 избрани войници с началник някой си Теодор, човек благоговееен и честен, благочестив и верен като никой друг, храбър на война и красив на ръст...“

Оказва се, че боляринът Теодор страда от катаракта („перде“) на лявото око. „Много средства пръсна по лекари и много грижи имаше — разказва Евтимий, обаче никаква полза... След като получи от царя нареждане и събра всичкото си войнство заедно, веднага се отправи към мощите на светата с усърдие, с все душа ги целуна, проля много сълзи от очите си и просеше да получи милост за повреденото си око. И като се разпали от гореща вяра, взе лявата ръка на светата и я положи на окото си. И о чудо, внезапно въпросното перде на окото му изчезна и той с чисти очи ясно гледаше сияйната слънчева светлина... Това чудо се разчу навсякъде и всички славеха Бога и преподобната Филотея...“ (Kaluzniacki 1901: 153—154.)

Мощите на св. Филотея са положени в църквата „Успение на св. Богородица“, разположена близо до прочутата „Св. Четиридесет мъченици“. Казваме това само за ориентация, защото въпросният Богородичен храм е по-стар от онзи на Севастийските мъченици, изграден през 1230 г. През XIX в. църквата „Успение на св. Богородица“ търпи редица преустройства, но за съжаление е напълно разрушена при голямото земетресение през 1913 г. След края на Първата световна война храмът е изграден отново, за жалост в стил, различен от типичния за Средновековието. През XIV в. „Успение на св. Богородица“ е храм на девически манастир. Именно по молба на монахините, между които е имало и представителки на болярството и самата царска фамилия, патриарх Евтимий пише житие на светицата. Така или иначе, култът към св. Филотея е създаден от Търновската патриаршия. Както стана дума, след падането на Търново под османска власт мощите на св. Филотея са пренесени във Видин и това е повод митрополит Йоасаф Бдински да напише възмущаващо похвално слово. Когато османските турци завладяват и Видин, най-вероятно временно през 1397 г. (Павлов, Тюнтонджиев 2018: 110—118), светите мощи са отнесени от влашкия воевода Мирчо Стари в Куртя де Аржеш, където се пазят и днес. За съжаление, обстоятелствата около поредното

„пътуване“ на раклата с тялото на светицата остават неизвестни.

Създаденото в Търново житие на св. Филотея вероятно е било познато във Влахия, още повече при документираните връзки на патриарх Евтимий с видния монах Никодим Тисмански, македонски българин по произход, а и с влашкия митрополит Антим (Иванова 1986: 102—107). И все пак, както се оказва, връх вземат преданията, които според нас поне отчасти са пренесени от България. Впрочем, ако се замислим, Евтимий е трябвало да напише житие на светицата и предвид оскъдните знания на търновци и останалите българи за нейния живот, дела и „чудеса *post mortem*“. Донякъде е странно, че това е сторено близо две столетия след пренасянето на мощите в българската столица. Разбира се, положително са съществували някакви по-кратки агиографски творби, свързани с нейния култ, каквито обаче не са достигнали до наши дни. Що се отнася до службата, посветена на светицата, тя не дава конкретна информация за нейния живот (Иванова 1986: 102—103). Поне отчасти Евтимий е черпил сведения от някакви по-ранни паметници, но и с просто око се вижда, че съдържащата се в тях информация не е била особено изобилна и конкретна. Със сигурност именно липсата на сведения за живота на светицата е създавало възможност да се създават „истории“ на основа, която можем да наречем „народна“ или „приказна“, други думи, фолклорна.

Според „влашката“ версия за живота на светицата тя е българка, родена в Търново в началото на XIII в. Възпитана е в дух на благочестие от своята майка, но рано остава сираче (Viața... 2003: 49). Баща и се жени повторно, а коварната и зла мащеха товари младото момиче с тежка работа. Нещо повече, тя настройва бащата на Филотея против собствената му дъщеря. Како виждаме, става дума за обичайни топоси, които са често срещани в народните приказки и нямат нищо общо с написаното от Евтимий житие на светицата. Малката Филотея е трябвало да носи храна на баща си, когато той е на работа на полето или в гората. Поради жалостивото си сърце тя често раздава част от нея на срещнати по пътя просянци и бедняци, от което баща ѝ е недоволен. При поредния такъв случай, в състояние на афект той хвърля по нея своята брадва. За съжаление бравдвата улучва момичето... Ранено в крака, то умира от последвалия кръвоизлив едва на 12-годишна възраст... Ужасен от станалото, съкрушеният от скръб родител се опитва да вземе детето си на ръце, но тялото не помръдва! Призовава на помощ други хора, а най-на-

края идва и самият „архиепископ“, т.е. българския търновски патриарх. След много молитви, които не помагат, архиепископът започва да изрежда имената на различни градове, в които светицата би желала да намери покой. Когато споменава Куртя де Арджеш, мъртвото девойче се изправя (Viața... 2003: 67—68). Този детайл показва още веднъж, че северната граница на Второто българско царство е достигала до Карпатите и че това се е помнело векове след неговата гибел (Павлов 2010: 354—364).

Както виждаме, при интерпретацията на живота на светицата във Влахия изцяло доминира легендата, която няма нищо общо с писаното от Евтимий и Йоасаф Бдински. Нелепата смърт на девойката, убита по лошо стечение на обстоятелствата от собствения и баща, прави от „преподобната“, каквато е тя в България, а по-рано и във Византия, „мъченица“... Според П. Черноводяну кардиналната промяна в култа към св. Филотея „е била осъществена в по-късно време, когато под турското владичество старата Евтимиева традиция е била променена и дори забравена, за да отстъпи място на друга, актуална, според която Филотея се явява местна българска светица...“ (Cernovodeanu 2001: 169—173). И, както подчертава и Е. Бакалова, „събитията от живота на тази млада мъченица, които съставляват нещо като ново „фолклорно“ житие на светицата, напълно различно от написаното от българския патриарх Евтимий, се визуализират във фреските от XVIII в., украсяващи северния стълб на кораба на княжеската църква...“ (Бакалова 2016: 83—84). Е. Бакалова обръща внимание и на факта, че Евтимиевото житие на св. Филотея не се открива в нито един ръкопис във Влахия, за разлика от други негови произведения. Това пояснение е важно и, макар и косвено, показва късната поява и слабата разпространеност на тази творба — обстоятелство, което очевидно е повлияло за метаморфозата по отношение на св. Филотея във Влахия. В немалка степен тази промяна може да се обясни и с превръщането на светицата от „защитница на града“ в закрилница от природни бедствия, болести и други нещастия (Mazilou 1933: 70—72).

Горните оценки поне донякъде са крайни и надали отговарят на истината. Отново ще обърнем внимание на възможността легендата да е пренесена от България. Както изглежда, до времето на Евтимий знанията за светицата в самия град Търново, после и във Видин и в България като цяло, са били оскъдни. Това е „родило“ легендарната, приказно-анекдотична версия за живота на Филотея. Евтимий отбелязва, че св. Филотея е на-

ричана „Темнишка“ — очевидно по името на близкото до Търново село Темниско (днес част от по-голямото селище Първомайци), с което манастирът „Св. Богородица“ в Търново очевидно е бил свързан. Не е изключено въпросното село да е било дарено на градската обител от някой от българските царе, а защо не и от самия Калоян? Съществува мнение, че манастирът е бил изграден и поддържан от жителите на въпросното село (Цонев 1935: 339). Прави впечатление, че във „влашката“ версия за живота на светицата има определен „селски“ елемент — бащата на Филотея работи на полето или в гората, въпреки твърдението, че светицата е родена в столичен град като Търново. Възможно е този „домашен“ прочит на живота на загадъчната светица да е съществувал още в Търново и близкото село Темниско. По тази причина по молба на монахините от манастира „Успение на Света Богородица“ патриарх Евтимий се заема с трудната задача по написването на „официално“ житие, което да изясни нейния образ за вярващите (Радченко 1898: 303—304). По същата причина десетина години по-късно Йоасаф Бдински преразказва Евтимиевия текст, за да предостави нужната информация на вярващите във Видин. Така или иначе, във Влахия надделява легендарната „история“ за св. Филотея, пренесена от България и по всяка вероятност обогатена на север от Дунав.

Предвид църковния календар във Влахия и днешна Румъния култът към Филотея се „преплита“ с онзи към св. Никола, а паметта на светицата се чества цели три дни — от 5 до 7 декември. Във Влахия, съответно в днешна Румъния, св. Филотея е тачена като покровителка на децата и младежите, особено на момичетата. Народната фантазия прави българската светица далечна родственица на св. Илия. Известни са няколко случая на процесии с нейните мощи на по време на суша. Вярвало се е, че застъпничеството на св. Филотея пред Бога осигурява богата реколта и защита от болести по хората, добитъка, посевите, лозята... Инте-

рес буди изобразяване на светицата в румънската иконопис — в съответните „Ерминии“ (наръчници) е посочено, че тя трябва да е облечена „в народна българска носия...“ (Erminia 2000: 93).

Няколко думи и за възможността култът към св. Филотея да е имал отражение в Молдова — въпрос, който практически е игнориран в съществуващите изследвания. Съвременната Румънска православна патриаршия има решение, в което са дадени препоръки за честването и в целия неин диоцез. В него влиза голяма част от територията на историческото княжество Молдова заедно със старите негови столици Сучава и Яш, както и редица известни манастири. Решението на румънския Свети Синод е обявено на 28 февруари 1950 г. През 1955 г. в присъствието на румънския патриарх Юстиниан е извършена тържествена служба с участието на хиляди вярващи. Струва си обаче да се потърсят сведения до каква степен и дали култът е присъствал в средновековното княжество Молдова, още повече при силното българското културно влияние в него. Достатъчно е да посочим присъствието и наследството на Григорий Цамблак, един от най-ярките и талантиливи ученици на патриарх Евтимий. Следва да се имат предвид и влахо-молдавските връзки в онази епоха. По този начин е възможно култът от Куртя де Арджеш да е проникнал или пък вторично да е пренесен в Яш, където от 1641 г. са мощите на св. Параскева/Петка Търновска.

Култът към св. Филотея е сред показателните примери за духовното излъчване на България и по-конкретно на старата българска столица Търново като сакрален център и едно от най-значителните църковни средища в православния свят през Средновековието. От друга страна, българските следи в днешните държави Румъния и Молдова са свидетелство за феномена „България след България“ във вековете, когато българската държава отсъства от политическата карта на Европа и света.

Литература

- Бакалова Е. 2016. *Култът към реликвите и чудотворните икони. Традиции и съвременност*. София: „Проф. Марин Дринов“.
- Георгий Акрополит. 2013. *История*. Перевод, вступ. статия, коментари и приложения П. А. Жаворонкова. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Грек И. Ф., Руссев Н. Д. 2011. 1812: *Поворотният год в истории Буджака и «задунайских переселенцев»*. Кишинев: Stratum plus.
- ГИБИ 1974: *Гръцки извори за българската история VIII*. 1974. София: БАН.
- Иванова К. 1986. *Патриарх Евтимий*. София: Народна просвета.
- История... 2008: Милтенова А. (ред.). 2008. *История на българската средновековна литература*. София: Изток-Запад.
- Калужняцки Е. 2010. *Съчинения на българския патриарх Евтимий (1375—1393)*. Съст. и послеслов Д. Кенанов. Велико Търново: Св. св. Кирил и Методий.
- Павлов Пл. 2006. *Търновски светци и чудотворци*. Варна: Славена.
- Павлов Пл. 2010. *Забравени и неразбрани (Събития и личности от българското Средновековие)*. София: Сиела.
- Павлов Пл., Темелски Хр. 2010. *Българи светци*. София:

- Тангра ТанНакРа.
- Павлов Пл., Тютюнджиев И. 2017. *Османските завоевания и „държавата на духа“*. Велико Търново: Абагар.
- Павлов Пл., Чакъров К. 2005. Непознатите светини. В: *Приносът на Историко-Юридическия факултет за развитието на българското образование и наука*. Велико Търново: Св.св. Кирил и Методий, 239—250.
- Патриарх Евтимий. 1990. *Съчинения*. Превод и коментар Кл. Иванова. София: Наука и изкуство.
- Попов Т. 2017. *Българската държавна традиция във владската низина, Молдова и Бесарабия от края на XII до края на XV в.* София: Пропелер.
- Радченко К. 1898. *Религиозно и литературно движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием*. Киев: Типография Университета Св. Владимира.
- Русев Н.Д. 1999. *На грани миров и эпох. Города низовьев Дуная и Днестра в конце XIII—XIV вв.* Кишинев: Высшая антропологическая школа.
- Цонев Б. 1935. *Стара българска литература*. Курс лекции. София.
- Грашева Л. (съст., ред.). 1982. *Стара българска литература*. Т. II. София: Български писател.
- Bălan I. 2003. *Sfintele moaște din România*. Iași: Editura Episcopiei Romanului, 84—88.
- Cernovodeanu P. 2001. La double histoire de Sainte Philothée d'Argeș et ses miracles. In: Guran P. (éd.). *L'empereur hagiographe. Culte des saints et monarchie byzantine et post-byzantine*. Actes des colloques internationaux «L'empereur hagiographe» et «Reliques et miracles» tenus au New Europe College, Bucarest: New Europe College, 159—176.
- Erminia 2000: *Erminia lui Dionisie din Furna*. 2000. București: Sophia.
- Kaluzniacki E. 1901. *Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius (1375—1393)*. Wien.
- Mazilou D. 1933. *Sf. Filoteia de la Argeș*. București.
- The Mystery...: The Mystery of the Holy Martyr Filoteia. URL: <http://sfioanevangelistul.ca/wordpress/en/2016/12/07/taina-sfintei-mucenite-filoteia/>.
- Viața... 2003: Tănase N. (red. pr.). 2003. *Viața și acatistul Sf. Cuv. Parascheva și Sf. Mc. Filoteia*. București: Agapis. URL: <https://doxologia.ro/viata-sfant/viata-sfintei-mucenite-filoteia-de-la-curtea-de-arges> (2012).

References

- Bakalova, E. 2016. *Kultăt kăm relikvite i chudotvornite ikoni. Traditsii i săvremennost (The Cult of Relics and Miraculous Icons. Traditions and Modernity)*. Sofia: “Prof. Marin Drinov” Publ. (in Bulgarian).
- George Akropolites. 2013. *Istoriia (History)*. Saint Petersburg: “Aletheia” Publ. (in Russian).
- Grek, I. F., Russev, N. D. 2011. *1812 — povorotnyi god v istorii Budzhaka i «zadunaiskikh pereselentsev» (1812 — a Pivotal Year in the History of Bugeac and “Transdanubian Settlers”)*. Kishinev: Stratum plus P.P. (in Russian).
- Grătski izvori za bălgarskata istoriya (Greek Sources on Bulgarian History) VIII. 1974. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Ivanova, K. 1986. *Patriarkh Evtimij (Patriarch Euthymius)*. Sofia: “Narodna prosвета” Publ. (in Bulgarian).
- Miltenova, A. (ed.). 2008. *Istoriya na bălgarskata srednovekovna literatura (History of the Bulgarian Medieval Literature)*. Sofia: “Iztok-Zapad” Publ. (in Bulgarian).
- Kaluzhnyatski, E. 2010. *Săchineniya na bălgarskiya patriarkh Evtimij (1375—1393) (Writings of the Bulgarian Patriarch Euthymius, 1375—1393)*. Veliko Tarnovo: “Sv. sv. Kiril i Metodij” Publ. (in Bulgarian).
- Pavlov, Pl. 2006. *Tărnovski svetitsi i chudotvortsitsi (Saints and Wonderworkers of Veliko Tarnovo)*. Varna: “Slavena” Publ. (in Bulgarian).
- Pavlov, Pl. 2010. *Zabraveni i nerazbrani (Săbitiya i lichnosti ot bălgarskoto Srednovekovie) (Forgotten and Misunderstood: Events and Personalities of the Bulgarian Middle Age)*. Sofia: “Siela” Publ. (in Bulgarian).
- Pavlov, Pl., Temelski, Khr. 2010. *Bălgari svetitsi (Bulgarian Saints)*. Sofia: “Tangra TanNakRa” Publ. (in Bulgarian).
- Pavlov, Pl., Tyutyundzhiev, I. 2017. *Osmanskite zavoevaniya i „dărzhavata na dukha“ (Ottoman Conquests and the “Kingdom of Spirit”)*. Veliko Tarnovo: “Abagar” Publ. (in Bulgarian).
- Pavlov, Pl., Chakărov, K. 2005. In *Prinosăt na Istoriiko-Yuridicheskaya fakultet za razvitiето na bălgarskoto obrazovanie i nauka (Contribution to the Department of History and Law for the Development of Bulgarian Education and Science)*. Veliko Tarnovo: “Sv. sv. Kiril i Metodij” Publ., 239—250 (in Bulgarian).
- Patriarch Euthymius. 1990. *Săchineniya (Works)*. Sofia: “Nauka i izkustvo” Publ. (in Bulgarian).
- Popov, T. 2017. *Bălgarskata dărzhavna traditsiya văv vlashkata nizina, Moldova i Besarabiya ot kraya na XII do kraya na XV v. (The Bulgarian State Tradition in the Wallachian Lowland, Moldova and Bessarabia from the End of 12th to the End of 15th Centuries)*. Sofia: “Propeler” Publ. (in Bulgarian).
- Radchenko, K. 1898. *Religioznoe i literaturnoe dvizhenie v Bolgarii v epokhu pered turetskim zavoevaniem (Religious and Literary Movement in Bulgaria in the Time before the Turkish Conquest)*. Kiev: Typography of the St. Vladimir Imperial University (in Russian).
- Russev, N. D. 1999. *Na grani mirov i epokh. Goroda nizov'ev Dunaya i Dnestra v kontse XIII—XIV vv. (On the Edge of Civilizations and Epochs. Cities in the Lower Reaches of the Danube and the Dniester in Late 13th—14th Centuries)*. Kishinev: High Anthropological School University (in Russian).
- Tsonev, B. 1935. *Stara bălgarska literatura. Kurs lektzii (Ancient Bulgarian Literature: Course of Lectures)*. Sofia (in Bulgarian).
- Grasheva, L. (ed., comp.). 1982. *Stara bălgarska literatura (Ancient Bulgarian Literature) II*. Sofia: “Bălgarski pisatel” Publ. (in Bulgarian).
- Bălan, I. 2003. *Sfintele moaște din România*. Iași: Editura Episcopiei Romanului, 84—88.
- Cernovodeanu, P. 2001. La double histoire de Sainte Philothée d'Argeș et ses miracles. In: Guran, P. (éd.). *L'empereur hagiographe. Culte des saints et monarchie byzantine et post-byzantine*. Actes des colloques internationaux «L'empereur hagiographe» et «Reliques et miracles» tenus au New Europe College. Bucarest: New Europe College, 159—176.
- Erminia lui Dionisie din Furna. 2000. București: Sophia.
- Kaluzniacki, E. 1901. *Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius (1375—1393)*. Wien.
- Mazilou, D. 1933. *Sf. Filoteia de la Argeș*. București.
- The Mystery of the Holy Martyr Filoteia. URL: <http://sfioanevangelistul.ca/wordpress/en/2016/12/07/taina-sfintei-mucenite-filoteia/>.
- Tănase, N. (red. pr.). 2003. *Viața și acatistul Sf. Cuv. Parascheva și Sf. Mc. Filoteia*. București: Agapis. URL: <https://doxologia.ro/viata-sfant/viata-sfintei-mucenite-filoteia-de-la-curtea-de-arges> (2012).

Статья поступила в номер 5 января 2019 г.

Plamen Pavlov (Veliko Tarnovo, Bulgaria). Doctor of History. St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo¹.

Павлов Пламен (Велико-Търново, България). Доктор истории. Велико-Търновский университет «Святых Кирилла и Мефодия».

E-mail: pl_pavlov@abv.bg

Address: ¹ Tarnovski St., 2, Veliko Tarnovo, 5000, Bulgaria

И. Ф. Грек

Рождение историка-болгариста и общественника

Разбирая архив, который накапливал более полувека, я наткнулся на рукопись своей статьи «О культуре советских болгар» и на множество документов, с нею связанных, включая и черновики моей переписки с газетой «Известия» и партийными органами КПСС. Все они относятся к 1967—1968 гг. Отмечу, что рукопись указанной статьи так и не появилась в печати, но о ней писал Н. Н. Червенков в специальной статье (Червенков 1993: 147—150; см. также: Грек, Червенков 1993: 239—241).

В феврале 1965 г. я, студент последнего года обучения на очно-заочном курсе Харьковского института культуры, получил распределение в Запорожскую областную библиотеку им. А. М. Горького. Ее директор А. И. Бальцер назначил меня заведующим сектором МБА (межбиблиотечный абонемент), в котором я был сотрудником в единственном числе. Предназначение МБА — выполнять заказы читателей библиотеки на литературу из главных книгохранилищ Советского Союза, отсутствующей в фонде областной библиотеки.

Среди таких заказов встречались запросы на литературу краеведческого характера (история, этнография) дореволюционных лет издания, а также на советскую литературу этой же проблематики. Вся она проходила, как говорится, через мои руки. Тогда я, благодаря запросам читателей библиотеки, впервые в своей жизни «наткнулся» на книги и научные статьи по истории и культуре болгарских переселенцев в России, выходившие в печать еще в середине XIX в. Как потомок этих переселенцев, я не мог пройти мимо таких публикаций. Тем более что история была моим любимым предметом еще со студенческой скамьи в Белгород-Днестровском культпросветтехникуме, в котором я учился в 1954—1957 гг.

Заказы читателей на труды А. А. Скальковского, Н. С. Державина, А. Клауса, И. Ти-

торова, Г. Занетова, И. И. Мещерюка открыли мне целый пласт историко-этнографических изданий о болгарском населении России — Советского Союза. Именно они стали для меня в дальнейшем катализатором активных действий с целью сделать что-то полезное для соплеменников во имя сохранения ими этнической и национально-культурной идентичности.

Почва для этого была подготовлена в предшествующем десятилетии (Грек 2009: 59—60) и реализована указанной статьей 1967 года. Ее объем уместился на страницах одной тонкой школьной тетради в линейку, имеющей 12 листов. Впоследствии я ее отпечатал на пишущей машинке: в формате бумаги А4 ее текст занял 12 страниц на одной стороне листа.

Изначально, когда еще шла работа над рукописью статьи, я принял решение, что предложу ее для публикации газете «Известия». Поэтому работал над ней довольно долго, сделал несколько ее вариантов, стремясь добиться грамотного изложения и простоты подачи текста, чтобы он был доступен для восприятия простым читателем газеты. В своих намерениях я не усматривал ничего такого предосудительного, что могло, как мне тогда казалось, вызвать в редакции газеты ее неприятие и отказ в публикации. И то, что затем последовало вокруг этой статьи, как и то, как я все это воспринял, имело решающее значение в определении всего моего последующего жизненного пути.

Статья состояла из двух сюжетных линий. Одна освещала культурное развитие болгар в дореволюционной России и в Советском Союзе, которое осуществлялось на основе русской культуры и обучения на русском языке. Исключение составляют 1923—1937 гг., когда приазовские и крымские болгары изучали родной язык в школах, для них издавались книги, журналы, газеты на болгарском языке. Что

касается бессарабских болгар, то они с 1918 по 1940 г. и с июня 1941 по август 1944 г. находились в оккупации королевской, а затем и фашистской Румынией. Советское образование и культурное развитие у них происходило в послевоенный период их истории. В этой части статьи обосновывались огромные культурно-образовательные достижения советских болгар, что отвечало реальной действительности.

Вторую сюжетную линию я приведу здесь полностью и в той литературной редакции, в которой статья была отослана газете «Известия». И прошу читателя помнить, что она писалась в год 40-летия Октябрьской революции. Тогда развитие Советского Союза, особенно после отстранения от власти Н.С. Хрущева в 1964 г. и проведения косыгинских реформ, шло в гору по всем направлениям. Никаких сомнений в долговечности СССР и марксистско-ленинской идеологии у советских людей, кроме диссидентов, не возникало. Итак:

«Национальное и интернациональное... Для нас это две стороны одной и той же медали. Никакого антагонизма между этими понятиями не должно быть. А если такой антагонизм обнаружен, если он дает о себе знать, его необходимо устранять самым решительным образом. Такова политика партии, таково веление времени.

Как же поставлено дело воспитания и образования болгарской молодежи у нас? Несмотря на то, что более 80% населения признает родным язык своей национальности, в школах болгарский язык не изучается. Мало кто знает историю, литературу своего народа. Богатейшее народное творчество живет только на свадьбах, различных еще сохранившихся обрядах, традиционных праздниках. Оно не собирается и не распространяется. Народные традиции предаются забвению. День памяти славянских просветителей Кирилла и Мефодия, который ежегодно праздновался бессарабскими болгарскими еще в начале 60-х годов XIX в., сейчас не отмечается. В выступлениях коллективов художественной самодеятельности национальные песни и танцы или вообще отсутствуют, или занимают незначительное место. В библиотеках очень мало литературы на болгарском языке. Да и та, что имеется, лежит на полках. Как бы близок ни был русский язык болгарскому, а читать и понимать прочитанное мало кому доступно. У нас нет учителей по истории, языку, литературе, искусству болгар. Отсутствует и национальная интеллигенция: поэты, прозаики,

режиссеры, композиторы, дирижеры, художники.

Таким образом, в громадном сдвиге, который произошел в культурном развитии соплеменников за годы Советской власти, на долю национального элемента, можно сказать почти ничего не приходится. А это может привести к утрате того специфического, что присуще только одним им. Изучение детьми своего родного языка, на котором они разговаривают постоянно (даже на уроках), литературы, устного народного творчества, являющихся носителями прогрессивных национальных традиций, быта народа; истории, без которой невозможно воспитать у подрастающего поколения чувства патриотизма, любви к Родине, к своему народу и его прошлому, имело бы, несомненно, положительное значение. Знание родного литературного языка необходимо ему и потому, что без него очень трудно изучать иностранные: отсутствует чрезвычайно важный и необходимый элемент сравнения.

Болгарская молодежь, оканчивая школу, неплохо владеет русским языком, на других иностранных языках умеет читать и писать, ничего не понимая в прочитанном и написанном, а на болгарском, прекрасно владея разговорной диалектной речью, совершенно не умеет читать и писать.

Думается, что там, где это возможно и того требуют обстоятельства, изучению иностранных языков необходимо придать региональное направление. От этого выиграли бы все.

Если учащимся-болгарам дать возможность за 10 лет пребывания в школе изучать русский, болгарский, чешский или сербско-хорватский языки, то они в совершенстве овладели бы всеми. А те, кто окончит специальный институт, будут владеть не менее 4—5 славянскими языками. Для некоторых и это не будет предел. Народное хозяйство нашей страны нуждается в специалистах, владеющих языками народов братских социалистических стран.

Следовало бы возродить некоторые хорошие национальные традиции, в частности, празднование дня памяти великих славянских просветителей Кирилла и Мефодия, чья деятельность благотворно отразилась на развитии культур славянских народов.

Сейчас историками установлено, из каких населенных пунктов Болгарии произошло переселение в Бессарабию. Более того, мы знаем современные названия этих сел и городов. Известно также, что часть бессарабских болгар в начале 60-х годов XIX столетия в знак про-

теста против политики правительства княжества Румынии покинули родные места и поселились на территории нынешней Запорожской области. Здесь они основали новые села, многие из которых получили названия болгарских сел Бессарабии. Следовательно, жители одного села в Болгарии явились основателями двух других, расположенных на территории Советского Союза. Установление между этими селами культурных связей явилось бы началом зарождения новой традиции, значение которой трудно переоценить в деле воспитания подрастающего поколения, в организации социалистического соревнования, в демонстрации друг другу достигнутых успехов в развитии экономики и культуры, в обмене опытом и т. д. Настало также время возвратиться к практике 40-х — начала 50-х годов, когда в районах с болгарским населением газеты издавались параллельно на русском и болгарском языках.

Устное народное творчество наиболее полно выражает мировоззрение трудящихся, их симпатии и антипатии, дает народную оценку важнейшим событиям в жизни общества. Без прекрасных народных песен, без мудрых пословиц и поговорок, без сказок, легенд, былин нельзя в полной мере оценить и изучить жизнь народа, его культуру. Фольклор на всех этапах истории каждого народа был и остается настоящей поэтической летописью. Он сопровождает жизнь, быт, деятельность трудящихся, их историю. Он играет громадную роль в формировании национального самосознания, в развитии художественного вкуса народа. Наконец, устное творчество — первоисточник зарождения и развития литературы. Поэтому изучение богатейшего народного творчества, использование его в целях воспитания молодежи — важная задача, решение которой настоятельно требует время.

Советская историография трудами Н. С. Державина, И. И. Мещеряка, С. Б. Бернштейна сделала первые шаги в изучении истории переселенцев с позиции марксизма-ленинизма. Наиболее полно освещен вопрос переселения и устройства. Сама история управления округов, заселенных пришельцами, история развития хозяйства, просвещения, культуры и искусства, установления дружественных связей с окружающими молдаванами, русским, украинским народами, участие в борьбе и освобождении Болгарии и другие вопросы не стали еще предметом детального исследования. Хочется надеяться, что прошлое этого самобытного и много пережившего народа станет достоянием нынешнего

поколения и послужит благородной воспитательной цели.

Знание народом своего родного языка, истории, литературы, фольклора послужит основой для выдвижения из своей среды национальных поэтов, прозаиков, композиторов, дирижеров, режиссеров, художников. Развитие культуры и искусства станет на еще более высокий и современный уровень» (Личный архив).

Текст статьи претерпел шесть редакций, последняя — 3 марта 1967 г., а отправлена она была по почте 6 марта с сопроводительным письмом: «Дорогая редакция! На страницах центральной печати слабо освещается жизнь болгар нашей страны, их быт, культура, даже трудовая деятельность. Я хотел бы нарушить эту традицию и, в силу своих возможностей, рассказать о печальном прошлом переселенцев, о достигнутых успехах в их культурном развитии за годы Советской власти и о нерешенных еще проблемах. Проблемы эти — частные, имеющие, пожалуй, отношение только к этому народу. Но они не выдуманы и давно выдвинуты временем на повестку дня. Дальнейшее их игнорирование отрицательно скажется, как сказывалось до сих пор, на решении вопросов ком. воспитания подрастающего поколения. Эти проблемы необходимо решать. И чем скорее, тем лучше.

Рекомендуемые мною способы решения назревших проблем, возможно, недостаточно убедительны, могут показаться даже ошибочными. Вполне понятно, что редакция может не разделять мою точку зрения. Но истина рождается в споре. Поэтому я прошу опубликовать мою статью без всяких изменений» (Личный архив).

В редакцию газеты она поступила уже 8 марта, о чем свидетельствует дата, проставленная «в экспедицию газеты Известия» на полученное мною по почте уведомление, сопровождавшее заказную бандероль по адресу газеты. Ответа мне от редакции не последовало. Тогда 22 мая 1967 г. я снова отправляю статью с уведомлением с указанием, что она адресована «главному редактору газеты “Известия” Толкунову Л. Н.» (Личный архив). И снова не получаю ответа. Я решил его добиваться, хотя уже прекрасно понимал, чему именно в статье не позволено появиться на страницах газеты. 16 декабря все еще 1967 г. я отправляю, и снова с уведомлением, письмо секретарю ЦК КПСС по идеологии, им был тогда П. Н. Демичев. Оно поступило в общий отдел ЦК КПСС 18 декабря. У меня сохранился черновик рукописи этого письма:

*«Секретарю ЦК КПСС
по идеологии»*

Мною в марте месяце этого года была послана статья «О культуре советских болгар» в газету «Известия». Однако до сегодняшнего дня редакция не только не решилась на публикацию, но и, несмотря на мои неоднократные запросы, не сочла необходимым сообщить мне причины, которые побуждают ее отказать от материала. Возможно, что статья до некоторой степени не юбилейная и публиковать ее было просто нежелательно. Но это ни в коей мере не означает, что мне не должны были ответить по существу вопроса. Странное поведение редакции, идущее вразрез с требованиями недавнего постановления ЦК КПСС, заставило меня обратиться к Вам и просить Вашего содействия. Я крайне сожалею о том, что вынужден отнимать у Вас столь драгоценное время, но у меня нет иного выхода. С уважением, Иван Грек» (Личный архив).

Письмо было послано со статьей, и именно оно «завело партийную аппаратную машину» ответов и общений со мной. Уже 10 января 1968 г. я получаю письмо из газеты «Известия»: «Уважаемый тов. ГРЕК! Прежде всего приношу извинения, что редакция ничего не ответила по существу Вашего материала, ограничившись сообщением о том, что он не может быть опубликован (наше письмо №83-060498 от 23 марта 1967 года).

Видимо, у Вас сохранилась копия присланного нам материала. Не могли ли Вы ознакомить меня с ней? Если Вы сочтете нужным ответить, прошу Вас написать письмо и выслать копию статьи на мое имя. С уважением Зам. редактора «Известий» по отделу писем И. Толмачева» (Личный архив).

Я никакого ответа от редакции не получал вообще, тем более от 23 марта, поскольку, как сказал выше, 22 мая повторно выслал статью в адрес газеты. Своим письмом И. Толмачева, хотела того или нет, подтвердила, что статью выбросили в корзину, поскольку просит меня «выслать копию статьи на мое имя»!

Пришлось снова переписывать статью и отправлять ее непосредственно И. Толмачевой с сопроводительным письмом: «Уважаемая тов. Толмачева! Охотно верю, что мне было послано письмо за №83-060498 от 23 марта 1967 г., но я его, к сожалению, не получил. Не последовало ответа и на второе мое письмо. Все это побудило меня обратиться с письмом в ЦК КПСС. Высылаю Вам статью. Старался, по возможности, сохранить материал таким, каким он был, хотя мне сейчас не нравится его оформление.

К написанию статьи меня побудила 121-я статья Конституции СССР. Знакомясь впоследствии с литературой по вопросам образования, я узнал, что на Украине для русских, молдаван, венгров, поляков и других народностей открыты школы с преподаванием на родном языке. Более того, в 20-е — 30-е годы на территории Запорожской области в болгарских селах преподавание тоже велось на болгарском языке. Профессор С.Б. Бернштейн в конце 40-х годов положительно оценил этот факт.

Вы пишете, что этот материал не может быть опубликован. Но разве нет других путей для решения поднятых вопросов? Если редакция газеты по каким-либо причинам не желает помочь, я прошу Вас сообщить мне, в какие органы Советской власти можно обратиться с этим или подобным ему материалом. С уважением Грек» (Личный архив).

Я вновь отправил статью заказным письмом с уведомлением в газете (в третий раз) 19 января 1968 г. и 22 января она поступила в редакцию. И стал ждать ответа. Не дождавшись его, я снова пишу Толмачевой: «Уважаемая тов. Толмачева! Месяц тому назад по Вашей просьбе я отправил на Ваше имя свой материал о культуре советских болгар. И прошел уже год с тех пор, как я впервые отправил в редакцию газеты эту статью. До сегодняшнего дня я так и не получил ответа. Отправляя месяц тому назад статью, я предполагал, что, наконец-то, мне будет дан ответ по существу. К сожалению, мои ожидания и предположения не оправдались.

Я понимаю затруднения редакции: единственный ответ — решение вопроса. А его решение не зависит от редакции. Но «Известия» — орган Президиума Верховного Совета СССР, высшего органа государственной власти в период между сессиями Верховного Совета. Я не сомневаюсь в том, что в Верховном Совете есть лица, компетентные дать мне ответ.

Хочу, чтобы Вы меня правильно поняли: я не собираюсь подсказывать, как Вам нужно было поступать. Всего-навсего хочу сказать, что ответа я не получил не только по Вашей вине. Ваше молчание убеждает меня в том, что статья объективная. Лично я в этом никогда не сомневался. Целый год я добивался, чтобы мне хотя бы ответили. **Мне страшно подумать, что не я один устаиваюсь такого «внимания».**

Сейчас я перестал ждать ответа, а собираю дополнительный материал для оформления докладной записки, которую я через некото-

рое время вышло в Верховный Совет СССР и в ЦК КПСС. Не поймите это за угрозу, но я действительно так поступлю. Конечно же, мне придется говорить о той неблагоприятной роли, которую сыграла “Известия”. **Хотя я лично благодарен вам всем за то, что мне раскрыли глаза на роль и возможности газеты и раз и навсегда отбили охоту обращаться к ней за помощью или советом»** (Личный архив).

Письмо не было отправлено, оно сохранилось в моем архиве с припиской: «Письмо не послано. Сегодня получил ответ. 24. 02. 68 г.». А привел я его как документ, в котором зафиксированы моя критическая оценка практики национальной политики КПСС в стране и мои дальнейшие планы по достижению поставленной в статье цели.

Ответ был отправлен из отдела писем газеты 16 февраля 1968 г. за №83-21319, но не за подписью И. Толмачевой, а некоей Т. Овсянниковой. Приведу его: «Уважаемый тов. Грек. Как Вам уже сообщалось (!? — И.Г.), Вашу статью “О культуре советских болгар” опубликовать не можем. Этот вопрос требует специального изучения, решить его может только правительство республики. Поэтому считаем необходимым направить Ваше письмо в ЦК КП Украины. Всего доброго» (Личный архив).

С одной стороны, это формальная отписка: советские болгары были жителями нескольких союзных республик, поэтому это была союзная проблема, а не одной Украинской ССР. Но моя статья от ЦК КПСС, видимо, от П. Н. Демичева, уже была отправлена в ЦК КПУ еще в декабре 1967 г. Из Запорожского обкома партии 29 декабря того года я получил следующее: «тов. Грек (так! — И.Г.) И. Ф. Прошу Вас 2 января 1968 года к 9 часам утра явиться в обком партии в 413 комнату для беседы по поводу Вашего письма. Инструктор обкома КП Украины В. Блехеров» (Личный архив). Об этой беседе сохранилась запись в моем дневнике, который я тогда вел: «3 января меня вызвали в обком на собеседование к Блехерову по поводу моего письма в ЦК, которое я послал вместе со статьей... Беседа продолжалась более двух часов. В.Я. исходил из того, что нац. вопрос у нас правильно решен, что главный базис, а не надстройка, что по Конституции все нации и народности у нас равноправны в экономическом, политическом и культурном отношении. Я начал с того, что сказал: вопросы, которые подняты мной, относятся не только к Запорожской области, что они могут быть решены только в Мо-

ске. Второе: я объяснил, что в ЦК вынужден был написать только потому, что “Известия” не ответили на мой материал, несмотря на мои требования. Третье: я вполне согласен с высказыванием В.Я. (об успехах в культурном и образовательном развитии за годы Советской власти — И.Г.), более того, в той или иной форме эти мысли нашли отражение в статье, однако болгарам, как и другим малым нациям и народностям Конституция гарантировала обучение на нац. языке или изучение родного языка. Этим правом пользуются многие: поляки, венгры, корейцы и т.д. Этим правом должны пользоваться и болгары. Мы остались при своих мнениях. В.Я. захотел ознакомиться с теми цифрами, которыми я оперировал в своей статье. Назначил мне встречу на 8 января. Я ходил дважды, но он был занят. Поскольку инициатива о втором собеседовании исходила от него, я не стал больше напрашиваться. Если нужен буду — вызовут» (Запись в личном «Дневнике» за 2.01.1968 г.). Думаю, он посчитал, что разговор со мной завершился 3 января.

Второй раз со мной беседовали в этом обкоме партии в конце марта 1968 г. в связи, я так думаю, с направлением моей статьи газетой «Известия» в ЦК КП Украины. Но вел беседу уже не инструктор обкома В.Я. Блехеров, а и.о. зав. Отделом школ обкома КП Украины В.С. Алехин. Приглашение на беседу было отправлено 25 марта: «Уважаемый т. Грек И. Ф. Отдел школ обкома КП Украины приглашает Вас на беседу, в свободное от работы время, с 9.00 до 18.00, комната №417» (Личный архив). Она состоялась 29 марта, и в тот же день я записал о ней в своем дневнике. Из него я приведу лишь характер обсуждения, то есть дискуссию между мною и В.С. Алехиным по некоторым его утверждениям. На его «никто до сих пор не ставил вопроса об этом, Вы первый и в единственном числе», я изложил суть своего ответа: «Вопроса, возможно, не подымали (это было не так, но я тогда еще многое не знал. См.: Грек 1995: 433—446; Грек, Червенков 1993: 232—242; Страшнюк 1996: 399—418. — И.Г.). Я первый — хорошо. Я единственный? Да, но если я захочу быть не единственным, то легко можно переступить черту дозволенного и тогда... Алехин со мной соглашается». Мой ответ относительно дополнительной нагрузки на учащихся болгарского происхождения: «Изучение родного языка под эту категорию не подпадает, ибо его изучение, наоборот, может помочь в освоении других языков. Алехин соглашается» (Запись в личном «Дневнике»).

А 5-го апреля я отправил письмо в ЦК КП Украины, в котором и изложил суть состоявшегося разговора с В.А. Алехиным. У меня сохранились два варианта черновиков этого письма, отличающихся редакционными правками: сказывалось недостаточное владение грамматикой русского языка. Поскольку смысловых расхождений между записью в дневнике и письмом нет, то я приведу здесь 2-й вариант текста письма в отдел науки и культуры ЦК КПУ: «В феврале месяце этого года редакция газеты “Известия” направила в адрес ЦК КПУ мою статью “О культуре советских болгар”. 29 марта со мной на эту тему беседовали в отделе школ Запорожского обкома партии. В краткой форме мне было изложено мнение ЦК, которое сводится к следующему. 1. Болгары давно переселились на территорию России, в свое время приняли русское гражданство. 2. Они ассимилировались, восприняли русскую культуру. 3. Вопросы, поставленные в статье, до сих пор никем не поднимались и ни перед кем не ставились. Нет уверенности в том, что точка зрения одного человека соответствует точке зрения болгар, населяющих территорию УССР. 4. Школы с преподаванием на болгарском языке не могут быть открыты ввиду того что а) нет кадров, б) увеличивается нагрузка на учащихся.

Все это было изложено в форме принятого решения. Не получив удовлетворения от ответа, я решил изложить свои возражения и дать дополнительные разъяснения.

121-я статья Конституции СССР гарантирует право (всем народам нашей страны) на образование и “обучение в школах на родном языке”. В 20-е и 30-е годы (до принятия Конституции 1936 года и после) болгары, проживающие на территории Запорожской области, были объединены в 3 национальные районы. В школах преподавался болгарский язык. Кроме того, в Преславе (центр национального района) было открыто Болгарское педагогическое училище. Все это дало значительные положительные результаты. Видный советский языковед, профессор С.Б. Бернштейн, сравнивая в конце 40-х годов уровень культурного развития болгар Запорожской области и болгар Бессарабии, которые только что были освобождены от румынского господства, отметил более высокую ступень развития первых и объясняет это тем, что они изучали родной язык в школе.

Данные науки лингвистики, конституционное право на изучение родного языка, итоги переписи населения 1959 года — все это послужило материалом для написания статьи.

Мнение же работников отдела науки и культуры ЦК КПУ, переданные мне в устной форме никакими данными не подтверждено, а основано только на предположении. Высказанное соображение о том, что болгары ассимилировались и восприняли культуру другого народа, не соответствует действительности. Более 80% болгар, проживающих на территорию УССР, считают родным языком язык своей национальности. А язык — главнейший элемент культуры и отличительная черта народа. На Украине живут представители 31 народа нашей страны. Только у украинцев (94%), русских (98%), венгров (98%), гагаузов (89%) этот показатель (считает язык своей национальности родным языком) выше, чем у болгар. Болгары сохранили, кроме того, свои обычаи, обряды, фольклор и т.д. Однако молдаване, венгры, поляки (только 20% поляков считают родным языком язык своей национальности) изучают в школах на Украине родной язык.

Что касается гагаузов, то их судьба на всем протяжении истории тесно переплетается с судьбой болгар. Следует, однако, обратить внимание на тот факт, что в 1957 году Указом Президиума Верховного Совета Молдавской ССР в гагаузских селах Молдавии было введено преподавание гагаузского языка. Гагаузы имеют теперь и своего ученого, и своего поэта, киноматюрга (см. статью “Путешествие в Гагаузию” в “Известиях”, 29 марта 1968 г.). Таким образом, судя по этому показателю (признание родным языком язык своей национальности), болгары и гагаузы на территории УССР инстинктивно сохранили и передают из поколения в поколение главнейшую и отличительнейшую от других народов свою особенность — язык. А из всего вышесказанного напрашивается вывод о том, что болгары едва ли не единственные не изучающие родной язык.

Что касается предположения о нецелесообразности открытия школ с преподаванием на болгарском языке ввиду того, что нет кадров, и что будет увеличена нагрузка на учеников, то мне или неправильно передали мысль, или действительно имело место такое высказывание. Если это так, то дети молдаван, поляков, венгров также загружены и именно тем, что изучают родной язык в школе? А вопрос с кадрами — практический вопрос. Его можно решить с помощью НР Болгарии или открытием специального учебного заведения, подобно Преславскому педучилищу. К сожалению, этот вопрос, насколько могу судить, не стоит в плане практического его решения. Вместе

с тем должен сказать, что в статье предлагается не открытие болгарских школ, а только введение преподавания болгарского языка, литературы и истории.

На единственное серьезное предположение о том, что никто до сих пор, к большому сожалению, не поднимал этот вопрос и неизвестно, насколько моя точка зрения соответствует точке зрения всех болгар, я могу ответить следующим образом: к моим предложениям могли присоединиться многие, если бы статья была опубликована. И дело не в том, сколько подписей стоит под тем или иным документом. Фальшивка и с тысячью подписями останется фальшивкой. Это, во-первых. Во-вторых, по моему глубокому убеждению, в наше, советское, время ненормальным должно считаться явление, когда кто-то ходит и собирает подписи. В-третьих, откуда гарантия, что действия нескольких человек и последующие события могут остаться подконтрольными? Последние происшествия в некоторых соц. странах наглядное тому подтверждение. Однако, если отдел науки и культуры ЦК КПУ не согласен с этим моим мнением, я готов изменить его и поступить так, как мне посоветуют.

Я не считаю свои предложения неправильными, противозаконными. Ввиду того, что ЦК КПУ в лице своего отдела науки и культуры высказывает противоположное мнение, убедительно прошу изложить его в письменной форме и выслать по адресу: г. Запорожье, ул. 40 лет Советской Украины 37/83. Грек Ив. Фед. С уважением И. Грек.

4. 04. 1968 г.» (Личный архив).

Конечно, никакого ответа от ЦК КП Украины мне не последовало, но и открытого преследования за мою позицию — правильную, согласно марксистско-ленинской доктрине, но неправильную с точки зрения ее реализации партийным руководством КПСС, не было. Находился ли я под каким-либо негласным надзором, не знаю. Я заметил его во время туристической поездки в Болгарию в августе 1967 г., но было известно, что в каждой такой тургруппе был человек от КГБ, на котором лежала ответственность за «советское поведение» ее членов за границей. Поэтому я не связывал пропажу адресованных мне двух писем от граждан Болгарии с тем, что я писал в статье «О культуре советских болгар». Вместе с тем, я понимал, что мое дальнейшее нахождение в Запорожье не имеет смысла, а моя служебная карьера в областной библиотеке бесперспективна. Необходимо было отсюда уезжать (Грек 2009: 61—63).

Год борьбы за отстаивание своей позиции, изложенной в статье «О культуре советских болгар» такой отъезд подготовил. Дело в том, что сама статья была продуктом моего увлечения изучением литературы по истории болгарских переселенцев на юге России. В ней я и ссылаюсь на труды отдельных историков. А работа Н.С. Державина «Болгарские колонии...» была в ней цитирована. Статья имела научный и, используя современную терминологию, политологический характер, что свойственно многим моим публикациям с 1988—1989 гг.

В Запорожье я опубликовал первую (газетную) статью о болгарском возрожденческом деятеле из числа переселенцев М. Грекове. Впоследствии я оценивал ее как слабую в научном плане из-за незнания о нем еще многих историко-биографических фактов (он был уроженцем болгарского села Дермендере в Буджаке, Южная Бессарабия, а не Бердянска). С 1967 г. стал переписываться с известным молдавским историком И.И. Мещерюком, также упоминаемым в моей статье. И даже вступил с ним в дискуссию относительно его книги «Антикрепостническая борьба болгар и гагаузов Бессарабии в 1812—1820 гг.» (Кишинев, 1957). Я доказывал, что по своему содержанию его труд шире названия, так как в этой их борьбе присутствовал и национально-освободительный аспект (Грек 2010: 230—250). Именно тогда, в 1967—1968 гг., я окончательно созрел для того, чтобы поменять профессию «библиотекаря и библиографа высшей квалификации» на профессию историка-исследователя. С тех пор прошло 50 лет. Я добился поставленной цели, но не мне судить, насколько успешно и эффективно она осуществлена.

Не могу не высказаться по поводу того, как оценивать мою позицию 50-летней давности по национально-культурному состоянию советских болгар. Она была антисоветской? Националистической? Диссидентской? Прозападной?

Я таковой ее не вижу и теперь. Критический взгляд на многие стороны советской действительности у меня был связан с XX съездом КПСС. Развенчание на нем культа личности Сталина я воспринял как стремление Н.С. Хрущева списать все грехи всего руководства ВКП(б)/КПСС на одного него, в том числе и обелить самого себя. К этому добавилось недружественное, а может, и враждебное, отношение к болгарам Первого секретаря Тарутинского РК КП Украины Каплуна (инициалы не помню), высказанное мне лично, ког-

да я был у него на приеме в 1957 г. по поводу моего трудоустройства. Критический взгляд подпитывался известным кризисом отношений между руководством КПСС и Коммунистической партией Китая, который также случился благодаря Н.С. Хрущеву. Были и другие политические и национально-культурные факторы советских реалий внутреннего и международного характера, меня будоражившие. Но никаких «голосов» я не слушал. С диссидентами контактов не поддерживал. Имел собственное мнение и высказывал его, что не поощрялось, не одобрялось и пресле-

довалось. Вопросы, поднятые в статье, не могут быть отнесены к «националистическим», поскольку они были прописаны в Конституции СССР и продекларированы в Программе КПСС. Я был тогда советским человеком, который очень много получил от советской власти до статьи и после нее, но, на свою беду, был думающим, открыто высказывающим свое мнение, и это не воспринималось той системой. **Что и похоронило ее. Она слишком поздно среагировала на базисные и надстроечные проблемы Советского государства.**

Литература

- Грек И. Ф. 1968. Болгарский революционер — уроженец Бердянска. *Индустриальное Запорожье*. 8 сентября.
- Грек И. Ф., Червенков Н. Н. 1993. *Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще*. София: Христо Ботев.
- Грек И. Ф. 1995. Из архива на доц. Иван Иванович Мещерюк. В: *Българите в Северното Причерноморие* 4. Велико Търново.
- Грек И. Ф. 2009. *Преодолевай себя и обстоятелства (Воспоминания)*. Кишинев: Business Elita.
- Грек И. Ф. 2010. Иван Иванович Мещерюк в моей и нашей жизни (воспоминания). В: *Курсом развивающейся Молдовы* 10. Москва: Наука.
- Державин Н. С. 1914. *Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии)*. София: Мартилен.
- Мещерюк И. И. 1957. *Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812—1820 гг.* Кишинев: Государственное издательство Молдавии.
- Страшнюк С. 1996. Опыт за възраждане на българските училища в Украйна през 50-те години на XX в. (За писмата на И. И. Мещерюк до Н. С. Хрущов и техните последствия). В: *Българите в Северното Причерноморие* 5. Велико Търново.
- Червенков Н. 1993. Националните искания на българите от Украйна и Молдова (в края на 50-те — 60-те години). В: *Болградската гимназия. Сборник по случай 135 години от основанието и*. София.

References

- Grek, I. F. 1968. In *Industrial'noe Zaporozh'e (Industrial Zaporozhe)*. 8 September (in Russian).
- Grek, I. F., Chervenkov, N. N. 1993. *Bălgărite ot Ukrajna i Moldova. Minalo i nastoyashte (Bulgarians in Ukraine and Moldova: Past and Present)*. Sofia: "Khristo Botev" Publ. (in Bulgarian).
- Grek, I. F. 1995. In *Bălgărite v Severnoto Prichernomorie (Bulgarians in Northern Pontic Region)* 4. Veliko Tarnovo (in Bulgarian).
- Grek, I. F. 2009. *Preodolevaia sebia i obstoiatel'stva (Vospominaniia) (Victory over Myself and Circumstances (Memories))*. Kishinev: "Business Elita" Publ. (in Russian).
- Grek, I. F. 2010. In *Kursom razvivaiushcheisia Moldovy (Following the Course of Development of Moldova)* 10. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Derzhavin, N. S. 1914. *Bolgarskie kolonii v Rossii (Tavricheskaiia, Khersonskaia i Bessarabskaia gubernii) (Bulgarian Colonies in Russia: Tauria, Kherson and Bessarabia Provinces)*. Series: Sbornik za narodni umotvoreniia i narodopisă izdava Bălgaskata akademiia naukite v Sofiya (Folklore and Ethnography Collection edited by the Bulgarian Academy of Sciences in Sofia) XXIX. Sofia: "Martilen" Publ. (in Russian).
- Meshcheriuk, I. I. 1957. *Antikrepostniceskaia bor'ba gagauzov i bolgar Bessarabii v 1812—1820 gg. (The Anti-Serfdom Struggle of Bessarabian Gagauz and Bulgarians in 1812—1820)*. Kishinev: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo Moldavii" Publ. (in Russian).
- Strashnyuk, S. 1996. In *Bălgărite v Severnoto Prichernomorie (Bulgarians in Northern Pontic Region)* 5. Veliko Tarnovo (in Bulgarian).
- Chervenkov, N. 1993. In *Bolgradskata gimnaziia. Sbornik po sluchaj 135 godini ot osnovanieto j (The Gymnasium of Bolgrad: Collected Papers for the 135th Anniversary of its Foundation)*. Sofia (in Bulgarian).

Статья поступила в номер 19 июня 2019 г.-

Ivan Grek (Kishinev, Moldova). Doctor of History.

Грек Иван Фёдорович (Кишинёв, Молдова). Доктор истории.

E-mail: ivangrec39@mail.ru

«Осень средневековья»

“The Autumn of the Middle Ages”

Г. Г. Атанасов, К. Р. Димов

Отново за датировката и произхода на пафтите — corrigenda et addenda (По повод колекция в Дуловския музей от с. Окорш, Силистренско)

Keywords: Dobrogea, Silistra kaza, museum of Dulovo, Okorsh village, pafta, aleviti

Ключевые слова: Добруджа, Силистренска каза, Дуловски музей, диверсия Окорш, пафти, алевити

G. G. Atanasov, K. R. Dimov

Once Again about the Dating and Origin of the Clasps Called Pafta — corrigenda et addenda (On the occasion of the collection in the museum of Dulovo, found in the area of Okorsh, Silistra region)

A collection of late medieval and early Renaissance finds stored in the museum of Dulovo; the items were found south-east of Okorsh village, Dulovo municipality, Silistra region. Out there, in the area called „Beiska mahala”, a big Ottoman-time settlement was found, which is possibly the original source of the finds, which include 36 pafta clasps discussed in the article.

According to the numismatic information and the dating of the other finds, the settlement can be dated within the 17th and the first half of the 19th century. According to an Ottoman census of 1676, a village called Abdarrahan seems to be listed in Silistra kaza.

The pafta clasps from the collection of Dulovo museum can be divided into 5 types, with their own subtypes. The first type includes small round, cup-shaped pafta clasps, without ornament. Most of the clasps have granular trimming on the periphery, always with a small sharp widening. There are no analogues from closed archaeological sites dated within the period from the 10th to the 14th century. Surely, the dated finds from Niculitel and Silistra are dated within the 17th — the 18th centuries. The second type are round, cup-shaped pafta clasps with a stylized rosette in the center. This type has three subtypes. Most of the clasps are with granular trimming on the periphery, with a small sharp widening. Surely, dated finds from necropolis in Romania are from the period of the 17th—18th centuries. The third type are cup-shaped pafta clasps with radial ornament. This type is a stylized variant of the pafta clasps with a rosette in the center. There are no finds dated within the 10th—16th centuries. The finds from the graves around the church in Arnautkoy village (Poroishte, Bulgaria) are dated within the 17th—18th centuries. The fourth type are shield-like pafas, divided in five subtypes. According to the analogies from surely dated archaeological sites — the church in Arnautkoy and Corinth, we can assume that this type is dated within 18th century. Subtype IVa is dated later — by the first half of the 19th century. The fifth type are leaf-shaped pafta clasps. According to their form, we can add to this type two belt applications with a shape of pafta clasps. According to some analogies from Isakcha, we can date them back in 18th—19th century. According to the surely dated finds, we came to the conclusion that until 16th century the pafta clasps are unknown type of jewelry. The first appearance of pafta clasps on the Balkans and in Bulgaria can be dated by the beginning or the mid of the 17th century. One way for their appearance in this area could be transfer of traditions from Asia Minor, due to relocation of hundreds of Alevi (Shiite) villages in 16th—17th centuries in Eastern Bulgaria

Г. Г. Атанасов, К. Р. Димов

Относно датировки и происхождения пафт — corrigenda et addenda (По поводу коллекции Дуловского музея из села Окорш Силистренской области)

В музее города Дулово хранится коллекция позднесредневековых и ранневозрожденческих предметов, открытых юго-восточнее села Окорш (община Дулово Силистренской области). Там, в урочище «Бейската махала» отмечено наличие большого селища османской эпохи, откуда, вероятно, и происходят находки, среди которых имеются 36 пафт — женских поясных пряжек, рассматриваемых в настоящей статье.

Согласно нумизматическим данным и датировке других предметов, поселение датируется в интервале между XVII — началом (серединой?) XIX вв. Село, вероятно, значится по османской переписи 1676 г. в Силистренской казе под именем Абдаррахман.

Пафты из коллекции музея в Дулово можно отнести к 5 типам, а некоторые из них разделить на подварианты. Первый тип объединяет круглые выгнутые пафты без украшений, большинство из которых имеют зернистый бордюр на периферии и всегда — малое остроконечное расширение. Аналоги из закрытых комплексов, датированных X—XVI вв., им отсутствуют. Второй тип составляют выгнутые пафты со стилизованной розеткой в центре, которые разделяются на три подтипа. Большинство из них отмечено зернистым бордюром по периферии и малым остроконечным расширением. Твердо датированные аналоги этому типу происходят из румынских некрополей XVII—XVIII вв. Третий тип — это круглые выгнутые пафты со звездобразным орнаментом. Он является стилизованным вариантом поясных пряжек с розеткой в центре. Такие образцы, датированные X—XVI вв., отсутствуют. Находки из могил в церкви села Арнауткьой отнесены к XVII—XVIII вв. Четвертый тип характеризуют щитовидные пафты, принадлежащие по своим особенностям

к пяти подтипам. Образцы из закрытых комплексов в церкви Арнауткьой и Коринт предполагают датировку XVIII в. Вариант IVa является более поздним и относится к первой половине XIX в. Пятый тип представляют листовидные пафты. На основании их формы к этому типу могут быть причислены и две такого рода поясные аппликации. Аналогии к ним происходят из Исакии и датированы XVIII — началом XIX вв.

На основе точно датированных образцов следует заключить, что до XVI в. пафты являлись неизвестным украшением. Его появление у женщин на Балканах и в Болгарии можно датировать не ранее чем началом — серединой XVII в. Одна из возможностей появления такого рода женских поясных пряжек в Восточной Болгарии — перенесение традиций из Малой Азии вместе с перемещением сюда в XVI—XVII вв. сотен алианских (шиитских) селений.

През 1994 г. директорът на Градския исторически музей в гр. Дулово Белчо Маринов получава колекция от късносредновековни и ранновъзрожденски накити, монети, оръжия, битови предмети. Според откривателя иманяр те са регистрирани с метал детектор югоизточно от с. Окорш, община Дулово, обл. Силистра, в района на голям кайсиев масив. По време на археологическите проучвания на ранносредновековната крепост югозападно от с. Окорш през 1997 г. с колежата В. Йотов посетихме мястото и установихме наличието на римски обект от III—IV в. (вила рустика с неголеми размери?) до силен водоизточник в кайсиев масив на 2 км от селото. Източно от нея до водонапорната кула в м. „Бейската махала“ от селото регистрирахме голямо селище от османската епоха, откъдето вероятно произхождат находките, респективно 36 (38?) пафти, обект на настоящата статия. В музея в гр. Дулово, като цялостен комплекс, се съхраняват и османски, и западноевропейски монети, които според предоставените ни данни са с произход също от селището в м. „Бейската махала“, като тук ще ги разгледаме с известна предпазливост поради някои съмнения относно достоверността на тази информация.

Най-ранният османски паричен знак е от средата на XVI в., а следващите монети са няколко медни мангъра на Мехмед IV (1648—1687 г.) и Сюлейман II (1687—1691 г.), като тези на Сюлейман II са първите машинно сечени османски монети и бележат началото на т. нар. среден период в Османското монетосечение. Следващите по-късни монети представят почти всички следващи султани на Османската империя до началото на XIX в. Има и 2 монети на Абдул Меджид I (1839—1861 г.) от типове и номинали отсичани в първите 5 години на управлението му, преди да направи монетната си реформа.

Причината, поради която изказваме известни съмнения относно предоставената ни информация, според която целият нумизматичен материал произхожда от това селище, е немалкият брой на пробитите монети с цел използване като накити. Факт е, че някои от паричните знаци са силно износени вследствие на вторичната им употреба. Не е из-

ключена възможността някои от тези монети да са били част от накити, използвани в този или околните райони. Въпреки несигурния контекст на монетите, комплексът датира от втората половина на XVII в. — началото на XIX в. Ако се доверим на твърдението, че са открити в селището в м. „Бейската махала“, то е възможно единствената по-ранна монета от XVI в. да е попаднала в селището по-късно и да не е пряко свидетелство за по-ранно обитаване. Що се отнася до изолираните монети от средата на XIX в., то е допустимо затихващо обитаване до средата на XIX в.

Въз основа на монетите и останалите накити и предмети селището условно може да се датира между XVII — средата на XIX в. Не е изключено да става въпрос за регистрираното в османски дефтер от 1676 г. село под името Абдаррахман, каза Силистра, публикуван от Р. Стойков (Стойков 1971: 176). В публикуваните по-ранни регистри от XVI в. с. Абдаррахман, както и съседното Мусуллер липсват. Забележително е, че в границите на днешното с. Окорш (това се вижда при прокарването на нов водопровод през 1998 г.) липсват керамика и находки преди XIX в. Допускаме, че в началото на XIX в. по време на руско-турската война от 1806—1812 г. или по-скоро в резултат на руско-турската война 1830—1831 г. и чумните епидемии през следващото десетилетие, старото с. Абдаррахман е напуснато и обитателите са го преместили на около 2 км северно, в границите на днешното с. Окорш.

Сред многобройните находки, главно накити, решихме да се спрем специално върху пафтите — тема, на която преди 30 г. сме посветили специално изследване (Атанасов 1987: 25—36). Тя обаче заслужава нов прочит, както на фона на колекцията, така и на фона на нови публикации, които налагат известни ревизии на изказаните по-рано становища. Още повече пафтите са традиционен и атрактивен български накит, чието начало и произход не са сигурно уточнени.

На базата на вече формулираната условна типология за колекцията от Силистренския музей и екземплярите от Дуловската колекция могат да се разпределят в няколко типа със съответните варианти.

I. Малки кръгли корубести пафти без украса.

Тук спадат 5 находки (кат. №1—5). Повечето са със зрънчест бордюр по периферията и винаги с малко островърхо уширение, паралелно противоположно на кукичката (мъжката половина) или халката (женската половина) за закопчаване. Диаметърът е средно около 2,8 см. Въз основа на екземпляри от гробове във Враца и Габрово, както и сходни екземпляри от колекцията на Варненския музей, като се позовавах на предложенията от проучвателите на тези обекти (Георгиева, Бучински 1959: 345—347, обр. 3; Койчева 1986: 180—181; Нешева 1985: 116—117, табл. III, 8—13) бях предположил, че се появяват около XII—XIII в. (Атанасов 1987: 26, табл. I-3: 5). При внимателно проучване на обстоятелствата обаче се оказа, че некрополите във Враца и Габрово са късносредновековни, а находките от Варна са безпаспортни образци. Ето защо отнасянето на този тип към XII—XV в. не е достатъчно обосновано. Още повече в затворени комплекси от този период, включително сигурно датирани гробове у нас и съседните балкански страни, пафти от този тип и въобще пафти не са откривани. На пръв поглед изключение правят две пафти от този тип, открити в средновековната крепост до с. Ветрен, Силистренско, обитавана с малки прекъсвания от IX—X до около началото на XVI в. (Атанасов, Йорданов 1994: 26, 47—53, табл. VI: 64, 65). Част от находките, включително пафтите, обаче са донесени в Силистренския музей от иманяри, което поставя под съмнение местонамирането им. Още повече в крепостта се провеждат строителни работи по изграждане на нови землени фортификации през XIX в. По-надежден репер за датировка е сходна пафта с малки размери без украса намерената в некропола с монети от XVII до началото на XIX в. около църквата „Св. Атанас“ до Никулицел (Северна Добруджа), от където произхождат още 9 екземпляра, но те спадат към други типове (Batrana, Batrana 1977: 540). Към тях може да добавим още три пафти със сходни размери от този тип открити при системни разкопки на късносредновековен некропол от XVI—XVIII в. до с. Естер в централна Добруджа недалеч от Констанца, датирани въз основа на археологическата среда към началото на XVIII в. (Mototolea 2015—2016: 331—332, №21—23) и две пафти в некропол до Енисала от същата епоха (Stănică, Ailincăi, Ignat, Zvincă 2005—2006: 328—329, fig. 5, 6). По стратиграфия към османската епоха се отнася малка пафта без украса открита при

археологически разкопки недалеч от южната крепостна стена на Дръстър — Силистра през 1999 г.¹ Образци от Костещи в Южна Молдова и Белгород Днестровски се отнасят към XV—XVI в., но тази хронология е спорна (Абызова, Рябцева 2015: 3—13, рис. 1: 1; 2: 6; Reabțeva 2014: 141—146, tabl. 99—103). Екземплярът от Костещи е случайна находка, а пафтата от Белгород не е от сигурен затворен археологически комплекс, още повече, че крепостта е обитавана непрекъснато до XIX в. Като добавим и факта, че аналогични пафти се регистрирани в селището до с. Окорш, то появата на този тип най-вероятно трябва да се отнесе към XVII в. с развитие през XVIII в.

II. Корубести пафти със стилизирана розета в центъра.

Тук спадат 10 екземпляра (кат. №6—15) с диаметър около 3,00 см (II а — кат. №6—12), като има и вариант с по-големи размери до 5,8 см (II в — кат. №15). Повечето са със зрънчест бордюр по периферията и с малко островърхо уширение, паралелно противоположно на кукичката (мъжката половина) или халката (женската половина). Има един образец който е без островърхо уширение (кат. №8) и друг, представляващ вариант със сложно трисъставно уширение срещу кукичката за окачване (II б кат. №13). Най-често розетата е 6-листна, но има случай с 10 листа (кат. №11). Този тип пафти най-често е бил обект на коментар, като поводът е сходна находка, открита при разкопаването на прабългарския некропол до Нови Пазар от VIII — средата на IX в. (Станчев, Иванов 1958: 99, табл. XXIII: 8). Вече съм обръщал внимание, че според проучвателя проф. Ст. Станчев Ваклинов този екземпляр не е намерен в гробна камера (в затворен комплекс), а на терена, поради което не носи данни за хронология (Атанасов 1987: 26, табл. I-3: 5). В тази насока много по-надеждни са пафтите от този тип II (поради по-големите размери ги диференцираме в тип II в), намерени в гроб в късносредновековния некропол до с. Естерн в района на добруджанския каменен вал от X в. и по-специално в гроб №9, датирани съобразно хронологията на некропола в границите на XVI — средата на XVIII в. (Custorea 1983: 550, fig. 5: 4; Mototolea 2015—2016: 318—323, №1—10). Сходна пафта, но с много по-из-

¹ Тази пафта с инв. №4924/1999 г. е намерена след публикуването на колекцията пафти от Силистра през 1987 г.

ящна орнаментална украса от 8-листни филигранни розети, е открита в гроб №6 на същия некропол с монета на султан Махмуд I (1730—1754 г.), сечена в Константинопол (Custorea 1983: 550, fig. 5: 3). Неин близък аналог е пафта от Хотинската крепост в Южна Молдова (сега в Южна Украйна) намерена при археологически разкопки в пласт от началото на XVIII в., датиран с монета на Ахмед I, емисия отсечена в 1717 г. (Мисько, Пивоваров 2012: 370, рис. 3: 6). В XVII в. се датират и две сходни, но не напълно идентични пафти от християнския некропол във Водоча, Македония (Манева 2011: 90—92, сл. 8—10). Аналогична по форма и близка по размери е пафта от некропола около църквата „Св. Георги“ в Исакача издигната около средата на XVII в., като некропола функционира до края на XVIII — началото на XIX в. (Vasilii 1995: 373, 392, Pl. V: 1.). Тези екземпляри, както и още няколко образци от Естерн (Custorea 1986: 300—302; Mototolea 2015—2016: 318—323, 331, 332, №2, 5, 10, 23, 24) и от Таргушор, на около 10 км. северозападно от с. Естерн в Централна Добруджа (Mototolea 2015—2016: 322, №8, 9), обаче са с по-големи размери и се сближават повече с пафта с кат №15 с диаметър 5,8 см, спадаща към вариант 6 на разглеждания тип. Техния най-близък аналог по украса и размери се явява двойката пафти, открити в късносредновековната църква на Куртя де Арджеш в Румъния, просъществувала между края на XVI в. (най-ранната монета е на Стефан Батори, крал на Полша (1576—1586 г.)) и XVIII в. Специално двойката пафти са открити в гроб №6 на некропола до църквата, като в същата камера са намерени в качеството им на харонов обол монети на Максимилиан II (1564—1576 г.) и на Матиаш I (1608—1618 г.) (Cristoea 1990: 30—35, fig. 16). Прочее, 4 двойки пафти, отнесени на база инвентар към първата половина на XVIII в., са документирани и в некропола до с. Естерн (Mototolea 2015—2016: 318—323, №1—10). На пръв поглед изненадващо, но аналогични пафти са открити при археологическо проучване на гробове от XVII — началото на XVIII в. в Задкавказието и по-специално некрополите при с. Грузинка (Дружинина 2014: 80—89, рис. 3: 1) и Брадж (Шишлов и др. 2003: 64) в Краснодарския край, който XVI—XVII в. е в орбитата на Османската империя. Това са важни репери да датират разпространението на този тип в границите на XVII — първата половина на XVIII в.

Останалите пафти от този тип IIa са с двойно по-малки размери (диаметър около 3 см —

кат. №6—9) и имат аналози в колекциите на Силистренския и Варненския музей и находки от Калиакра, Търново, некропола до с. Естерн, Молдова (в Колекцията на Националния археологически музей в Кишинев от Костеши и Белгород Днестровски) и пр. (Атанасов 1987: 26—32; Mototolea 2015—2016: 319, №3; Абызова, Рябцева 2007: 101, №2; 2015: 3—13, рис. 1.3., 2.10, 11; Reabteva 2014: tabl. 99: 4, 101. 3). При анализа на паметниците от Силистренската колекция бяхме максимално затруднени в интерпретирането и хронологията на този тип накити. Въз основа на един накит, наумяващ пафти от некропола при Szizak, Унгария (Hampel 1905: 337, fig. 848), датиран в IX—X в., както и екземпляра от Нови Пазар, хипотетично допуснах, че има малка вероятност началото им да се отнася още в IX—X в. (Атанасов 1987: 26—29). При по-внимателен преглед на унгарската литература и консултации с колеги от музея в гр. Сегед се оказа, че накита от Szizak е закопчалка от мъжка дреха, че има малки размери и само формално наумява пафтите. За находката от Нови Пазар вече стана въпрос, че не е от гробовете, а е попаднала случайно на терена. С по-голяма увереност тогава бяхме склонни да определим началото на носене на пафти от този тип към XII—XIV в., като се уповавахме на датирани към епохата на Второто българско царство находки от Царевград Търнов (Георгиева 1974: 398, обр. 4: 5), Калиакра (Атанасов 1987: 27, табл. III:2), некропола до Враца (Георгиева, Бучински 1959: 347, обр. 3) и др. Без изключение обаче в тези центрове има културни напластявания от XVI—XVIII в., което затруднява прецизирането на хронологията. Истински казус е пафтата, открита при разкопки в средновековното селище от XI—XIV в. над античния град Севтополис (Чангова 1972: 116, обр. 95: 1). Тази находка бе един от главните репери, за да отнесем този тип към XIII—XIV в. При по-внимателно вникване в текста обаче установихме, че тази находка е от повърхностния пласт на около 0,20 м, което, подобно на пафтата от Нови Пазар, може да означава, че е попаднала по-късно върху терена. Най-после там е открит един тип стъклени синьо-зелени (кобалтов цвят) гривни с триъгълно сечение и канелюри (Чангова 1972: 122, обр. 98), които според успоредици от затворени комплекси в Силистра (главно сметни ями) се отнасят със сигурност към XVII—XVIII в. Ето защо относно хронологията по-надеждни са сходни пафти от затворени комплекси от XVII—XVIII в. във влашките късносредновековни средища Данещи,

Ратевоещи (Zacharia 1962, 56, fig. 13; Popescu, Rosseti 1959: 712, fig. 15) и специално пафтата от църквата „Св. Георги“ в Исакача от гроб от XVII—XVIII в. (Vasiliu 1995: 373, 392, Pl. V: 2). Затова появата и разпространението на тип IIв, подобно на IIа, трябва да се вмести в границите на XVII—XVIII в. В тези хронологически рамки Й. Василиу, добър познавач на късносредновековните паметници в Северна Добруджа, отнася и пафта, открита в крепостта на Исакача, иначе активно обитавана от X до XIX в., но и тя е случайна находка (Vasiliu 1996: 232—233, Pl. VI: 5). Важен репер за датировката им до началото на XVIII в. са и образците от некропола до с. Естерн (Mototolea 2015—2016: 318—321, 346—351). Твърдението, че по-малките пафти (тип IIа, с диаметър около 3,0 см) са по-ранни от пафтите с двойно по-големи размери (тип IIв) продължава да стои (Атанасов 1987: 27—31; Mototolea 2015—2016: 346—351). Преведените по-горе датирани образци от Куртя де Арджеш и Естерн от тип IIв (с по-големи размери) и Данещи и Ратевоещи от тип IIа с малки размери обаче на този етап не потвърждават категорично тази интересна идея. Пафтите от Кастещи и специално Белгород основателно се отнасят към османския период (Абызова, Рябцева 2015: 3—13, рис. 1: 3; 2: 10, 11), но липсват сигурни реperi, благодарение на които да ги датираме по-рано от XVII в.

III. *Кръгли корубести пафти със звездообразен орнамент.*

Към този тип спадат 3 пафти (кат. №16—18). На базата на многобройните находки от Силистренския музей и техни успоредици на времето предположихме, че сложният звездообразен орнамент, гарниран с релефни точки, и обичайният зрънчест кръг по периферията е стилизиран вариант на пафтите с розета в центъра — мнение, което продължаваме да поддържаме. Потвърждава се и групирането им в три подтипа (Атанасов 1987: 32—33), като в разглежданата колекция са представени първите два. Относно хронологията обаче отново се налагат сериозни корекции. Въз основа на находки от Царевец и Враца отнесохме началото на тяхното производство и разпространение към XII—XIV в., но заключихме, че тази традиция продължава през XVII—XVIII в. Главен маркер за това е пафта от църквата „Св. Димитър“ в с. Пороище (късносредновековното Арнауткьой), открита в храм, изграден около средата на XVI в., опожарен и напуснат през 1810 г. (Маргос 1986: 107—113, табл. VII: 4). Що се отнася до пафтите от Царевец и Вра-

ца, вече посочихме, че тези обекти са обитавани активно и през XV—XVIII в., а наличието на хоризонт от XII—XIV в. е спорно. При положение, че пафтите не са от затворен археологически комплекс, хронологията им е относителна. Нов казус в тази насока е сходна пафта с близки размери и украса, открита при разкопки на средновековната крепост от IX—XIII в. до с. Стърмен, община Бяла, Русенско (Джингов 1982: 57, обр. 60: 1). Тя като че ли даваше най-силни основания началото на този тип пафти да се отнесе към XII—XIII в. И тази находка обаче не е от затворен комплекс. Знае се, че до крепостта е функционирала мелница през Възраждането, а теренът е бил обработван в Ново време като зеленчукова градина. На този фон единствената пафта от относително затворен комплекс е от църквата Св. Димитър в Арнауткьой, убедително датиран в XVII—XVIII в. Такава датировка е предложена и за аналогична пафта от Исакача, но в случая става въпрос за безпаспортен образец (Vasiliu 1996: 232—233, Pl. VI: 3). Относително по-сигурно към втората половина на XVII — началото на XVIII в. се отнасят близки на тип IIIа пафти от околностите на Констанца, Естерн, Таргушор, които са с по-малък диаметър до около 4 см (Mototolea 2015—2016: 324—327, №12—16). Има обаче варианти от същите обекти и от Ghiaurchioi (на брега на Черно Море източно от с. Естерн) с диаметър над 5 см, който може би са по-късни — втората половина на XVIII в. (Mototolea 2015—2016: 327—329, №17—19). Сходна хронология предполагаем и за тип IIIб с диаметър над 5 см и още по-силно изразено многолъчево изображение с псевдоперли и дълговидно островърхо уширение срещу закопчалките. Най-общо в XVIII в. се отнасят идентични пафти от съседното на Силистра с. Остров и напълно съхранени два чифта от Таргушор (Mototolea 2015—2016: 336—338, №31—33). Идеята, че аналогична пафта от колекцията на Карнобатския музей може да е от X—XIV в. е несъстоятелна, още повече става въпрос за случайна находка (Христова 2006: 108, обр. 1).

IV. *Щитовидни пафти.*

Те са най-многобройната група в колекцията, която включва един напълно съхранен чифт (кат. №20—21) и 12 единични находки. Размерите обикновено са сходни с ширина на плочката около 2,5—3,5 см и дължина около 3,5 см (без окачващото устройство). Има известна разлика в оформяне върха на щитовидната плоскост и орнаменталната украса върху него — често релефна, веднъж грави-

Обр. 1. Коланни апликации от XIX в. от Силистренско (снимка К. Димов).

Fig. 1. Belt appliques of the 19th century from Silistra environs (photo by K. Dimov).

рана, а веднъж ажурна. На тази база могат да се разделят на няколко варианта — **а.** пафти с конвексно изрязана плочка и релефни флорални мотиви (кат. №19—24); **б.** пафти с конкавно изрязана плочка (кат. №25); **в.** пафти с назъбено изрязана плочка (кат. №26, 27); **г.** пафти с издължена плочка и релефен розов храст (кат. №28—30); **д.** пафти с издължена плочка и ажурни флорални мотиви (кат. №31, 32). При работа с този тип пафти в Силистренската колекция предложих твърде разтеглена хронология — възможно начало около IX—X в., развитие през XIII—XIV в. и голямо разпространение XVI—XVIII в., като долната граница бе аргументирана с пафтата от Голямата пещера в Мадара (Миков 1938: 61, обр. 50), където обаче има находки не само от X в., а от Праисторията до Възраждането, когато е имало оброчище. Приведените аналози от Второто българско царство от Царевец, Пловдив и Габрово обаче не са от сигурно датирани комплекси, а както стана въпрос специално в Търново и Пловдив има обитаване почти без прекъсване от X до XX в. За Габрово е съмнително дали изобщо има обитаване до XVII в. Единствено пафтата от Коринт е от хоризонт с находки и монети датиран в широките хронологически граници от XVI до XVIII в. (Davidson 1952: Pl. 116: 2551, 2552). Регистрираните през последните десетилетия пафти от този тип без изключе-

ние са също от късносредновековни хоризонти и комплекси от XVII—XVIII в. На първо място ще посочим чифт ажурни щитовидни пафти от гроб №14 в некропола до с. Естер в Централна Добруджа, датиран с монети и находки между XVI и средата на XVIII в. (Custorea 1983: 550, fig. 6: 8). По размери, форма и украса тя е сходна с пафти с кат. №27 от колекцията в Дуловския музей. Почти същият чифт ажурни пафти с гравирани украса са открити в църквата „Св. Никола“ в с. Арнауткьой, Разградско, където културният хоризонт е добре датиран с монети от XVII до края на XVIII в. (Маргос 1986: 117—119, табл. XVII: 9). Специално внимание в тази насока заслужават пафтите от Костещи и Белгород Днестровски (Абызова, Рябцева 2007: 96, 100, рис. 1: 4—11, 16; 2: 1—4), които обаче не са от точно датирани затворени археологически комплекси и най-общо се датират XV—XVIII в. Ние сме склонни да приемем за по-обоснована горната граница. Към XVIII в. може да се отнесат малко по-големите пафти от този тип, причислени към вариант IVг с изострен връх на щита и флорални релефни мотиви, наумяващи розови храсти, така популярни през Османската епоха след XVII в. Подобна форма има ажурна пафта открита през 1994 г. при разкопки недалеч от средновековна църква №2 в Дръстър-Силистра в горни хоризонти с материали от османската епоха². Относително по-късна дата могат да имат пафтите от тип IVа и специално с кат. №19—21, 23—25, където зад дъговидно изрязаната плочка срещу окачващия механизъм има релефно изображение. То наумява широко разпространените през XIX в. апликации, характерни на мъжки и женски колани, плътно вмъкнати една след друга (обр. 1). Не е изключено този вариант да се отнесе към първата половина на XIX в., защото към края на века този тип апликации са с по-големи размери (обр. 1).

V. Листовидни пафти.

Само една находка спада към този тип, като формата по-скоро наумява стилизирано лале (кат. №33). Сред публикуваните пафти не успях да открия близък аналог. Стилизово схожда до 2 апликации с листовидна форма и богата флорално-геометрична украса от същата колекция, но не сме убедени че това са пафти (кат. №34, 35). По-скоро апликации? Условно

² Тази пафта с инв. №3095/1994 г. е намерена в кв. В-12 на кота 15,33 м след публикуването на колекцията пафти от Силистра през 1987 г.

към този тип добавяме още три пафти с кат. №36—38. Въз основа на общите хронологически граници на колекцията отнасяме тези находки най-общо към XVII—XVIII в. В стилото отношение те наумяват пафтите от колекцията на музея в Тулча, датирани също XVII—XVIII в. (Vasiliu 1996: 231—232, tabl. V), но отново става въпрос за находки с неизяснен произход. Към XVIII в. се отнасят и аналозите на последната пафта с кат. №38. Те са от Естерн, района на Констанца (Mototolea 2015—2016: 345, №44—45) и от Белгород Днестровски (Абызова, Рябцева 2007: 96, 100, рис. 2: 2—17), но това не се намира от сигурно датирани комплекси.

Въз основа на представената колекция пафти от Дуловския музей и техните аналозите на Балканите могат да се направят няколко съществени заключения, респективно корекции относно датировката и разпространението на този толкова популярен женски накит до ново време. Определено хипотезите за ползването на женски пафти както през епохата на Първото българско царство (IX—X в.), така и през Възстановеното (Второто) българско царство (XII—XV в.) трябва да отпадне. Няма затворен датирани комплекси през този период, в който да са открити сигурно датирани пафти. Забележително е, че пафти примерно от средища от XII—XV в. като Царевец, Стърмен, Калиакра по форма размери и украса имат пълен аналог с пафти от сигурно датирани затворени комплекси от XVII—XVIII в. Може да илюстрираме примерно с пафтата от Търново и Стърмен, и Калиакра, чиито успоредници от Арнауткьой, Водоча, Грузинка, Естерн и Никулицел (Batrana, Batrana 1977: 540) са от гробове с монети и културни пластове, сигурно датирани в XVII—XVIII в. Да оставим настрана факта, че в посочените средновековни крепости има обитаване през османската епоха. По-същественото е, че при проследяване историята на металните накити от Античността, и специално през Средновековието, няма случаи, в които един тип (примерно пръстени, обеци и коланни украси) да продължават да се произвеждат и носят повече от едно, максимум две столетия. Примерно обеците и пръстените от VIII в. са твърде различни като форма и конструкция в сравнение с тези от IX—X в., тези от IX—X в. като цяло нямат общо с накитите от XI в., още по-различни са обеците и пръстените от XII—XV в. и най-после накитите от XVI—XVII в. са различни от тези от предните столетия (Атанасов, Григоров 2002—2003: 331—391). Също-

Обр. 2. Чиния от Кютахия (Мала Азия) в колекцията на Археологическия музей — Варна с изображение на жена (арменка?) с пафти от XVIII в. (снимка от В. Плетньов).

Fig. 2. A plate with a female portrait (Armenian?), with *pafta*, 18th century, from Kütahya (Asia Minor) from the collections of Varna Museum of Archaeology (photo by V. Pletnev).

то важи примерно за коланите. На този фон да се твърди, че пафти от XVII—XVIII в. могат да имат пълни аналози по форма, украса и размери с пафти, лети през XII—XIV в., в още по-голяма степен IX—X в. е пълен *non sence*! Следва основателният въпрос кога и откъде се появяват пафтите на Балканите, защото освен в България са регистрирани при проучване на обекти от османската епоха в Сърбия, Влахия, Молдова, Гърция, Унгария. Обикновено за най-ранна пафта румънските колеги припознават една коланна украса от края на XIV в. в гроб №10, свързан с Владислав I Влайку (1364—1377 г.) в представителната църква на воеводската резиденция в Куртя де Арджеш (Dumitriu 2001: 136—138, Abb. 9, 10). Действително в коремната област се вижда богато извезан платнен колан с позлатена двойна тока, но тя няма нищо общо нито като конструкция, нито като размери и окачване с женските пафти. Проследявайки пафтите от сигурно датирани комплекси, най-ранните екземпляри са отново в Куртя де Арджеш, но в друга църква от XVI—XVII в., в гроб №6 с монети на Максимилиан II (1564—1576 г.) и на Матияш I (1608—1618 г.) (Custorea 1983: 550, fig. 6: 8). Затова на този етап може да приемем, че началото на тази мода най-рано може да се отнесе след началото на XVII в.

Обр. 3. Алианки (казълбашки) от с. Черник между гр. Дулово и с. Окорш, Силистренско (снимка от архива на Етнографски музей — Силистра).

Fig. 3. Qizilbaş women from Chernik village (between Dulovo and Okorsh towns), Silistra (photo from the archives of the Ethnographic Museum of Silistra).

Забележително е, че през 2015 г. в околностите на София (късносредновековното село Филиповци?) бе проучен голям късносредновековен некропол (около 800 гроба) от XV—XVII в. Положените индивиди (специално жените) са погребани с многобройни накити (над 400!) — гривни, обеци, пръстени, гердани, игли за коси, начелници, много от които сребърни, дело на водещи софийски ателиета (Даскалов и др. 2016: 756—759). Въпреки че в некропола са регистрирани и многобройни коланни украси, не е открита нито една пафта. Главни накитите са в гробове от XV—XVI в., но макар и затихва-

щи, погребения се правят и през първата половина на XVII в. Изобщо този представителен и много добре проучен и датиран некропол, редом с останалото свидетелства, че поне до началото на XVII в. пафтите не са произвеждани и ползвани от жените накит. Въз основа на сигурно датирани паметници началото на тази мода може да се отнесе след началото — средата на XVII в., като става масова практика на Балканите и специално в България в края на XVII и XVIII в. Тя продължава без прекъсване през XIX и до средата на XX в., но пафтите през този период са с няколкократно по-големи размери, имат по-раз-

Обр. 4. Пафти от края на XIX — началото на XX в. във фонда на Етнографски музей — Силистра (снимка К. Димов).

Fig. 4. *Paftas* of late 19th — early 20th centuries, collections of the Ethnographic Museum of Silistra (photo by K. Dimov).

Обр. 5. Пафти от края на XIX — началото на XX в. във фонда на Етнографски музей — Силистра (снимка К. Димов).

Fig. 5. *Paftas* of late 19th — early 20th centuries, collections of the Ethnographic Museum of Silistra (photo by K. Dimov).

лична, но унифицирана форма, а изображения-та върху тях са изключително релефни.

Все още няма еднозначен отговор от къде навлиза около XVII в. и се мултиплицира през XVIII—XIX в. обичаят за производство и носене на женски колани с пафти, който според находките обхваща почти целия Балкански полуостров. Някои типове (специално листовидните и тези с изображение на лалета — инсигна на ислямската култура специално през XVII—XVIII в.) представени в колекциите на Силистренския музей, музеят в Констанца, Белгород Днестровски и др. са силен ар-

гумент в тази насока (Атанасов 1987: 27—31; Mototolea 2015—2016: 347—350; Абызова, Рябцева 2007: 96, 100, рис. 2: 12—15). В голяма степен това се отнася и за доминиращата в украсата на пафтите многолъчева розета, присъстваща върху пафти във всички точки на Балканите! Любопитни са изображения на жени с шалвари върху няколко чинии в колекцията на Варненския музей (обр. 2). Според познавача на тази материя проф. В. Плетньов блюдата от тази серия са произведени в Кютахия (Мала Азия) след края на XVII до първата половина на XVIII в. Рисувани са жени в поч-

ти еднаква поза. Самият факт, че са изобразени хора, подсказва, че майсторите не са мюсюлмани. В повечето случаи навярно са арменци. Единствената информация за пафти при арменките у нас е малката сребърна пафта под формата на птиче крило. Открита е в гроб №75 на некропола от XVII—XVIII в. при арменската църква във Велико Търново (Вачев 2012: 79—80, обр. 40). Познатите ми пафти от етнографските колекции на Армения, за които съдя единствено от интернет пространството, обаче са твърде различни от балканските образци. Забележително е, че и в Европа са регистрирани пафти единствено в територии в границите на Османската империя и главно на Балканите, където са почти всички документирани находки от XVII—XVIII в. Действително има хипотетична възможност тази практика да е дошла от Мала Азия, където през XVI—XVII в. регистрираме една пъстра етническа мозайка с контаминация на практики и обичаи, респективно костюми — османски турци, селджуки, гърци, арменци и специално алиани. Последните са една хетерогенна смес, обединена от шитизма. Документирано е, че след началото на XVI в. голяма част от алианите от османско-иранската граница са депортирани от султаните главно в Североизточна България, респективно в Добруджа (Димитров 1997: 278—333). Мнозинството от тях се сунитизират през XVII и особено през XVIII в., но това е друга тема. Забележително е също, че алианките (казълбашките) в Добруджа и Лудогорието до най-ново време масово се кичат с пафти, като екземплярите от XIX—XX в. (обр. 3) не се отличават особено от пафтите, носени от българките в Силистренско през същия период (обр. 4; 5). Продължава практиката от XVII—XVIII в. да се разпространяват и изработват два основни типа — идеално кръгли (кат. №8, обр. 5) и листовидни, продължение на типове с островърхо уширение срещу механизма за окачване (кат. №11—13, 18), което през XIX—XX в. се трансформира в листовидна форма (обр. 4). Както през XVII—XVIII, така и през XIX—XX в. категорично преобладават листовидните. Специално трябва да се отбележи, че пафтите от Окорш имат голямо сходство с пафти не само от Добруджа и Лудогорието, но и с образци от Влахия, Молдова, Македония, Сърбия, Гърция до Унгария и Закавказието — изобщо в границите на Османската империя през XVII—XVIII в., когато се слага началото и се разпространява тази мода. Не мога да кажа с положителност дали всички народи и етнически групи в тези огромни гра-

низи от Кавказ и Персия до Тиса и Степите на Евразия са завладени от тази мода. Несъмнено обаче в границите на империята тя е засвидетелствана при българките в почти всички етнографски области, гагаузките, алианките (казълбашките), сръбките, влахините, молдованките (?)³. Остава дискуссионен въпроса дали турчините-сунитки ползват този накит, защото той отсъства в костюмът им (специално на Балканите) през XIX—XX в. Действително има косвени писмени сведения в тази насока, но те заслужават нарочна проверка (Mototolea 2015—2016: 349—351 с посочените източници). Любопитно е, че в Закавказието с пафти се кичат черкезките и адигейските жени, при които наблюдаваме контаминация на езически с мюсюлмански черти в погребалния обряд (Дружинина 2014: 87—88). Забележително е, че във всички посочени региони живеят заедно различни народи, което формира един културен кръг, доловим и в ползването на еднотипни пафти. След средата на XIX в. обаче повсеместно пафтите продължават да красят националните костюми преимуществено на българките и живеещите съвместно с тях алианки (казълбашки) и гагаузки, докато при останалите народи на Балканите (туркини, гъркини, сръбкини, влахини, арменки, молдованки и пр.) те постепенно отпадат. Същевременно след средата на XIX — началото на XX в. пафтите се уголемяват средно около 5 пъти в сравнение с образците от XVII—XVIII в., което навремето ни наклони на идеята, че колкото образците са по-малки, толкова са по-ранни (Атанасов 1987: 27—31).

На този фон селището от османската епоха до Окорш от XVII — началото (средата?) на XIX в. с разглежданата колекция пафти се вмести в голямата група поселения в Добруджа и Лудогорието, основано от въпросните заточеници (сюрдюни) (Чаушев 2006: 33—40) създали *a fundamentum* новата селищна мрежа във вътрешността на равнинната територия на Североизточна България през XVI—XVII в. (Атанасов 2009: 10—18, обр. 4.). Тепърва обаче трябва да се уточнява дали това население носи и разпространява модата на пафтите (предвид отсъствието им при тур-

³ Действително в Южна Молдова в Костещи, Белгород и др. са регистрирани пафти, но не е изключено тази мода да е привнесена от заселилите се по тези места в края на XVIII и първата половина на XIX в. българки и гагаузки. На безспорни молдовски обекти от XVIII—XIX в. в Северна Молдова пафти липсват?! Проблемът се нуждае от доуточняване.

кините) в Североизточна България (документираните находки тук са най-многобройни) и изобщо на Балканите. Предвид формирането на общ културен кръг в Османската империя през XVII в. са допустими и други пътища за разпространението им и инплантирането на тази мода сред различни етноси.

Относно семантиката на пафтите продължаваме да се придържаме към становището, което изказахме по повод Силистренската колекция преди 30 години, че освен

практическа те имат и подчертано апотропеични функции (Атанасов 1987: 36). Коланът, респективно пафтите, предпазват детеродните способности на жените (носят се главно от омъжени жени!) и плодът им от лош, целящ да ги увреди поглед. Поради това и двойката пафти наумяват две очи. Прочее, още в Ранното средновековие човешкото лице като апотропей е често тиражирано върху амулети и коланни токи и апликации (Рашев 1984: 129—134).

Каталог на находките

№	Тип	Инв. № по сиг-ниране	Описание на формата и украсата	Част от комплект	Свързващи пластини	Материал	Размери (см)	Снимка
1	I	944	Кръгла корубеста пафта без украса	Мъжка	1	Бронз	2,7 × 2,4	
2	I	924	Кръгла корубеста пафта без украса	Мъжка	1	Бронз	2,8 × 2,8	
3	I	923	Кръгла корубеста пафта без украса	Женска	1	Бронз	3,7 × 2,7	
4	I	922	Кръгла корубеста пафта без украса	Женска	1	Бронз	4,1 × 2,9	
5	I	917	Кръгла корубеста пафта без украса	Мъжка	2	Бронз	7,1 × 6,1	

№	Тип	Инв. № по сиг-ниране	Описание на формата и украсата	Част от комплект	Свързващи пластини	Материал	Размери (см)	Снимка
6	Ila	1354	Малка корубеста пафта със стилизирана розета в центъра	?	1 ?	Бронз	2,0 × 2,0	
7	Ila	1352	Малка корубеста пафта със стилизирана розета в центъра	Мъжка	1	Сребро?	3,5 × 2,3	
8	Ila	927	Малка корубеста пафта със стилизирана розета в центъра	Мъжка	1	Бронз	3,6 × 3,0	
9	Ila	930	Малка корубеста пафта със стилизирана розета в центъра	Мъжка	1	Бронз	3,9 × 2,9	
10	Ila	929	Малка корубеста пафта със стилизирана розета в центъра	Мъжка	1	Бронз	4,3 × 2,9	
11	Ila	926	Малка корубеста пафта със стилизирана розета в центъра	?	2	Бронз	5,3 × 4,7	
12	Ila	918	Малка корубеста пафта със стилизирана розета в центъра	Женска	2	Бронз	7,3 × 5,4	

№	Тип	Инв. № по сиг-ниране	Описание на формата и украсата	Част от комплект	Свързващи пластини	Материал	Размери (см)	Снимка
13	IIб	925	Малка корубеста пафта със стилизирана розета в центъра и със сложно трисъставно уширение	Мъжка	1	Бронз	4,2 × 3,0	
14	IIв	935	Щитовидна пафта с издължена плочка и релефен розов храст	Мъжка	1	Бронз	4,7 × 3,6	
15	IIв	915	Голяма корубеста пафта със стилизирана розета в центъра	Женска	2	Бронз	7,9 × 5,8	
16	IIIa	936	Кръгла корубеста пафта със звездообразен орнамент	Мъжка	1	Бронз	3,6 × 2,7	
17	IIIa	934	Кръгла корубеста пафта със звездообразен орнамент	Мъжка	1	Бронз	4,4 × 3,4	
18	IIIб	937	Кръгла корубеста пафта със звездообразен орнамент	Женска	2	Бронз	5,3 × 3,7	
19	IVa	938	Щитовидна пафта с конвексно отлята плочка и релефни флорални мотиви	Мъжка	1	Сребро? Бронз?	3,9 × 3,1	

№	Тип	Инв. № по сиг-ниране	Описание на формата и украсата	Част от комплект	Свързващи пластини	Материал	Размери (см)	Снимка
20	IVa	939	Щитовидна пафта с конвексно отлята плочка и релефни флорални мотиви	Женска	1	Сребро	3,9 × 3,2	
21	IVa	940	Щитовидна пафта с конвексно отлята плочка и релефни флорални мотиви	Мъжка	1	Сребро?	4,1 × 3,2	
22	IVa	1351	Щитовидна пафта с конкавно отлята плочка	Женска	1 ? 2 ?	Сребро?	4,2 × 3,2	
23	IVa	1346	Щитовидна пафта с конкавно отлята плочка	Женска	1	Сребро?	4,2 × 3,5	
24	IVa	1345	Щитовидна пафта с конвексно отлята плочка и релефни флорални мотиви	Мъжка	1 ? 2 ?	Сребро? Бронз?	4,4 × 3,5	
25	IVb	1348	Щитовидна пафта с конкавно отлята плочка	Женска	1	Сребро	2,9 × 2,3	
26	IVb	1349	Щитовидна пафта с равно отлята плочка и гравирана украса	Женска	1 — ?	Бронз	2,8 × 2,7	
27	IVb	332	Щитовидна пафта с равно отлята плочка и гравирана украса	Мъжка	1	Бронз	3,7 × 2,5 см	

№	Тип	Инв. № по сиг-ниране	Описание на формата и украсата	Част от комплект	Свързващи пластини	Материал	Размери (см)	Снимка
28	IVг	941	Щитовидна пафта с конвексно отлята плочка и релефни флорални мотиви	Женска	1	Бронз	4,6 × 2,4	
29	IVг	1344	Щитовидна пафта с конвексно отлята плочка и релефни флорални мотиви	Мъжка	1	Сребро? Бронз?	4,2 × 2,3	
30	IVг	1350	Щитовидна пафта с конвексно отлята плочка и релефни флорални мотиви	Женска	1 ? 2 ?	Сребро?	5,0 × 3,5	
31	IVд	1347	Щитовидна пафта с равно отлята плочка и гравирана украса	Женска	1 ?	Сребро?	5,4 × 5,6	
32	IVд	1355	Щитовидна пафта с равно отлята плочка и гравирана украса	?	1 ? 2 ?	Сребро	4,9 × 4,7	
33	V	331	Листовидна пафта с форма на стилизирано лале	Женска	1	Бронз	5,4 × 3,7	
34	V	916	Коланна апликация във вид на листовидна пафта	не е пафта	2	Бронз	6,5 × 5,3	
35	V	921	Коланна апликация във вид на листовидна пафта	не е пафта	2	Бронз	6,3 × 5,5	

№	Тип	Инв. № по сиг-ниране	Описание на формата и украсата	Част от комплект	Свързващи пластини	Материал	Размери (см)	Снимка
36	V	330	Щитовидна пафта с назъбено изрязана плочка	Мъжка	2	Бронз	4,2 × 3,3	
37	V	1359	Щитовидна пафта с равно отлята плочка и гравирана украса	?	1 ?	Бронз? Сребро?	5,1 × 4,7	
38	V	920	Щитовидна пафта с равно отлята плочка и гравирана украса	Мъжка	2	Бронз	6,9 × 5,4	

Литература

- Абызова Е. Н., Рябцева С. С. 2007. Пряжки-пафты из собрания Национального музея археологии Молдовы. *Tyragetia S.N. I* (XVI) (2), 95—105.
- Абызова Е. Н., Рябцева С. С. 2015. Пряжки-пафты из Костешть и Белгорода-Днестровского в системе женского костюма населения Карпато-Балканского региона. В: Степанова Ю. В. (ред.-сост.). *Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. Материалы Международного научно образовательного семинара 3*. Тверь, 3—13.
- Атанасов Г. 1987. Традиционен български накит (По повод колекцията от пафти в Силистренския музей). *Българска етнография* (4), 25—36.
- Атанасов Г. 2009. *Добруджанското деспотство. Към политическата, църковната, стопанската и културната история на Добруджа през XIV век*. Велико Търново: Фабер.
- Атанасов Г., Григоров В. 2002—2003. Метални накити от ранносредновековни крепости в Южна Добруджа. *Известия на народния музей Варна* 38—39, 331—391.
- Атанасов Г., Йорданов Ив. 1994. *Средновековният Ветрен на Дунав*. Шумен: Николов.
- Вачев Х. 2012. *Един храм, един некропол, две религиозни общности*. Велико Търново: Фабер.
- Георгиева С., Бучински Д. 1959. Предварителни проучвания на средновековното селище до гр. Враца. *Известия на археологическия институт* 22, 345—352.
- Георгиева С. 1974. Накити и части от тъкани из Двореца на Царевец. В: *Царевград Търнов. Дворецът на българските царе през Втората българска държава*. Т. 2. Керамика, битови предмети и въоръжение, накити и тъкани. София: БАН, 393—399.
- Даскалов и др. 2016: Даскалов М., Трендафилова К., Попов Х., Стойчев Р., Георгиев П. 2016. Спасително археологически проучване на късносредновековен некропол на западната дъга на Софийски околовръстен път. *Археологически открития и разкопки през 2015 г.* София, 756—759.
- Джингов Г. 1982. Археологически изследвания в западната част на укрепеното селище при Стърмен (сектори I, III, V и VI). В: *Ранносредновековното селище при село Стърмен*. Разкопки и проучвания VII. София: БАН, 9—69.
- Димитров Стр. 1999. Нови данни за демографските отношения в Южна Добруджа през първата половина на XVI век. *Добруджа* 14/16, 278—333.
- Дружинина И. 2014. Погребение с пряжками-пафтами из адыгского могильника Грузинка Ха. *КСИА* 232, 80—89.
- Койчева К. 1986. Спасителни археологически разкопки на ул. „Радецки“ в Габрово. *Археологически разкопки и проучвания през 1985 г.*, 180—181.
- Манева Е. 2011. Од средновековните појасни гарнитури до подоцнежните пафти. *Годишен зборник* 65, 86—103.
- Маргос А. 1986. Ранносредновековните църкви „Св. Димитър“ и „Св. Никола“ в село Пороище, Разградско. *Известия на народния музей Варна* 37, 107—132.
- Миков В. 1938. Материали от разкопките през 1934—1935 г. В: *Мадара*. Т. 2. София.
- Мисько Ю., Пивоваров С. 2012. Турецки артефакти з розкопак Хотинської фортеці у 2011 р. В: *Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні*

- 21 (2), 367—370.
- Нешева В. 1985. Средновековни накити от Варненския музей. *Известия на народния музей Варна* 36, 114—120.
- Рашев Р. 1984. За езическия лицев образ (По повод някои коланни апликации). В: *Сборник в чест на проф. Станчо Ваклинов*. София, 129—134.
- Станчев Ст., Иванов Ст. 1958. *Некрополът до Нови Пазар*. София: БАН.
- Стойков Р. 1971. Селища в Силистренски санджак през 70-те години на XVII в. *Известия на народния музей Варна* XII, 163—181.
- Христова Р. 2006. Средновековни пафти от Карнобатско. В: *Тракия и Хемимонт IV—XIV век*. Т. 1. Варна: Зограф, 108—111.
- Чаушев Е. 2006. За категорията „заточеници“ според разпоредбите на кануннаме за лива Силистра от времето на султан Сюлейман (1520—1566). *Път* (5), 33—40.
- Чангова Й. 1972. *Средновековното селище над тракийския град Севтополис XI—XIV в.* София.
- Шишлов и др. 2003: Шишлов А., Колпакова А., Федоренко Н., Кизенёк Л., Дмитрук В. 2003. Изследоване на курганного могилника Бжид 2 в 2001 г. *Исторические записки: Исследования и материалы* 4. Новороссийск, 57—89.
- Batrana L., Batrana A. 1977. Contribuții la cunoașterea arhitecturii medievale din Dobrogea: biserica sf. Atanasie din Niculițel (jud. Tulcea). *Studii și cercetări de istorie veche și arheologie* 28 (4), 531—552.
- Cristocea S. 1990. Biserica Drujești din Curtea de Argeș în lumina cercetărilor arheologice. *Revista monumentelor arheologice* (1), 30—35.
- Custorea G. 1983. Sondajul arheologic de Ester (judetul Constanța). *Materiale și cercetări arheologice*. București, 545—550.
- Custorea G. 1986. Raport de cercetare. Cercetările arheologice din necropola așezării medievale Ester-Târgușor. *Materiale*. București, 300—304.
- Davidson G. 1952. *Corinth XII. The Minor Objects*. ASCSA 12. Princeton; New Jersey.
- Dumitriu L. 2001. *Der Mittelalterliche Schmuck des Unteren Donaugebietes im 11.—15. Jahrhundert*. Bukarest: Tipored SRL.
- Hampel J. 1905. *Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn* I. Braunschweig: F. Vieweg und Sohn.
- Mototolea A. 2015—2016. Catarama-pafta de influență oriental din colecțiile Muzeului de istorie națională și arheologie din Constanța. *Pontica* XLVIII—XLIX, 315—356.
- Popescu D., Rosseti V. 1959. Săpăturile arheologice de la Ratevoști. *Materiale și cercetări arheologice* 6, 703—717.
- Reabteva S.S. 2014. *Piese de podoabă și de vestimentație din Moldova și Țara Românească în contextul relațiilor cultural-istorice (secolele XIV—XVII)*. Brăila: Editura Istros.
- Stănică A., Ailincăi S., Ignat A., Zvîncă I. 2005—2006. Noi descoperiri funerare de pe teritoriul localității Enisala (com. Sarichioi, jud. Tulcea). *Peuce* 3—4, 317—330.
- Vasilii I. 1995. Cimitirul medieval de la Isaccea — biserica Sf. Gheorghe. *Peuce* XI, 373—410.
- Vasilii I. 1996. Obiecte de podoabă și accesorii vestimentare medieval din colecțiile muzeului de arheologie din Tulcea. *Peuce* XII, 225—242.
- Zaharia E. 1962. Sondajele arheologice de Dănești. *Materiale și cercetări arheologice* 8, 47—64.

References

- Abyzova, E.N., Ryabtseva, S.S. 2007. In *Tyragetia S.N. I (XVI)* (2), 95—105 (in Russian).
- Abyzova, E.N., Ryabtseva, S.S. 2015. In Stepanova, Yu.V. (ed., comp.). *Zhenskaya traditsionnaya kultura i kostium v epokhu Srednevekov'ia i Novoe vremia (Women's Traditional Culture and Costume in the Middle and Modern Ages)* 3. Tver, 3—13 (in Russian).
- Atanasov, G. 1987. In *Bălgarska etnografiya (Bulgarian Ethnography)* (4), 25—36 (in Bulgarian).
- Atanasov, G. 2009. *Dobrudzhanskoto despotstvo. Kăm politicheskata, tsarkovnata, stopanskata i kulturnata istoriya na Dobrudzha prez XIV vek (Despotate of Dobruja. Concerning the political, clerical, economical and cultural history of the Dobroudja in the 14th century)*. Veliko Tarnovo: "Faber" Publ. (in Bulgarian).
- Atanasov, G., Grigorov, V. 2002—2003. In *Izvestiya na narodniya muzej Varna (Reports of Varna National Museum)* 38—39, 331—391 (in Bulgarian).
- Atanasov, G., Jordanov, I. 1994. *Srednovekovniyat Vétren na Dunav (Medieval Town of Vétren on the Danube)*. Shumen: "Nikolov" Publ. (in Bulgarian).
- Vachev, Kh. 2012. *Edin khram, edin nekropol, dve religiozni obshnosti (One Temple, One Necropolis, Two Religious Communities)*. Veliko Tarnovo: "Faber" Publ. (in Bulgarian).
- Georgieva, S., Buchinski, D. 1959. In *Izvestiya na Arkheologicheskaya institut (Reports of Archaeological Institute)* 22, 345—352 (in Bulgarian).
- Georgieva, S. 1974. In *Tsarevgrad Tărnov 2. Dvoretstăt na bălgarskite tsare prez Vtorata bălgarska dărzhava (Tyrnovo, the Tsars' Capital 2. The Palace of Bulgarian Tsars of the Second Bulgarian Kingdom)*. Vol. 2. *Keramika, bitovi predmeti i vđorăzhenie, nakiti i tăkani (Ceramics, Household Items and Armaments, Ornaments and Fabrics)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 393—399 (in Bulgarian).
- Daskalov, M., Trendafilova, K., Popov, Kh., Stojchev, R., Georgiev, P. 2016. In *Arkheologicheski otkritiya i razkopki prez 2015 g. (Archaeological Discoveries and Excavations in 2015)*. Sofia, 756—759 (in Bulgarian).
- Dzhingov, G. 1982. In Mikhajlov, S., Dzhingov, G., Vălov, V., Dimova, V. *Rannosrednovekovnata selisthe pri selo Stărmén (Early Medieval Settlement near Stărmén Village, Silistra Region)*. Series: *Razkopki i prouchvaniya (Excavations and Research)* VII. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 9—69 (in Bulgarian).
- Dimitrov, Str. 1999. In *Dobrudzha (Dobruja)* 14/16, 278—333 (in Bulgarian).
- Druzhinina, I. 2014. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 232, 80—89 (in Russian).
- Kojcheva, K. 1986. In *Arkheologicheski razkopki i prouchvaniya prez 1985 g. (Archaeological Excavations and Investigations in 1985)*, 180—181 (in Bulgarian).
- Maneva, E. 2011. In *Godišen zbornik (Yearbook)* 65, 86—103 (in Serbian).
- Margos, A. 1986. In *Izvestiya na narodniya muzej Varna (Reports of Varna National Museum)* 37, 107—132 (in Bulgarian).
- Mikov, V. 1938. In *Madara (Madara)* 2. Sofia (in Bulgarian).
- Mysko, Yu., Pyvovarov, S. 2012. In Tytov, O.M. (ed.). *Novi doslidzhennya pam'yatok kozats'koi doby v Ukraïni (Recent Studies of Sites of the Cossacs Time in Ukraine)* 21 (2). Kiev: Archaeological Sites Research Center, National Academy of Sciences of Ukraine; Ukrainian Society for Protection of Historical and Cultural Heritage, 367—370 (in Ukrainian).
- Nesheva, V. 1985. In *Izvestiya na narodniya muzej Varna (Reports of Varna National Museum)* 36, 114—120 (in Bulgarian).
- Rashev, R. 1984. In *Sbornik v chest na prof. Stancho Vaklinov (Collected Papers in Honor of Professor Stancho Vaklinov)*. Sofia, 129—134 (in Bulgarian).

- Stanchev, St., Ivanov, St. 1958. *Nekropolât do Novi Pazar (Necropolis near Novi Pazar)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Stojkov, R. 1971. In *Izvestiya na narodniya muzej Varna (Reports of Varna National Museum)* XII, 163—181 (in Bulgarian).
- Khristova, R. 2006. In *Trakiya i Khemimont IV—XIV v. (Thrace and Haemimons in 4th—14th Centuries)* 1. Varna: “Zograf” Publ., 108—111 (in Bulgarian).
- Chaushev, E. 2006. In *Pât (Way)* (5), 33—40 (in Bulgarian).
- Changova, J. 1972. *Srednovekovnoto selishche nad trakiiskii grad Sevtopolis XI—XIV v. (Medieval Unfortified Site near the Thracian Town of Sevtopolis)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Shishlov, A., Kolpakova, A., Fedorenko, N., Kizenek, L., Dmitruk, V. 2003. In *Istoricheskie zapiski (issledovaniia i materialy) (Historical Proceedings (Research and Materials))* 4. Novorossiisk, 57—89 (in Russian).
- Batrana, L., Batrana, A. 1977. Contribuții la cunoașterea arhitecturii medievale din Dobrogea: biserica sf. Atanasie din Niculițel (jud. Tulcea). *Studii și cercetări de istorie veche și arheologie* 28 (4), 531—552.
- Cristocea, S. 1990. Biserica Drujești din Curtea de Argeș în lumina cercetărilor arheologice. *Revista monumentelor arheologice* (1), 30—35.
- Custorea, G. 1983. Sondajul arheologic de Ester (judetul Constanța). *Materiale și cercetări arheologice*. București, 545—550.
- Custurea, G. 1986. Raport de cercetare. Cercetările arheologice din necropola așezării medievale Ester-Târgușor. *Materiale*. București, 300—304.
- Davidson, G. 1952. *Corinth XII. The Minor Objects*. ASCSA 12. Princeton; New Jersey.
- Dumitriu, L. 2001. *Der Mittelalterliche Schmuck des Unteren Donaugebietes im 11.—15. Jahrhundert*. Bukarest: Tîpored SRL.
- Hampel, J. 1905. *Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn* I. Braunschweig: F. Vieweg und Sohn.
- Mototolea, A. 2015—2016. Catarama-pafta de influență oriental din colecțiile Muzeului de istorie națională și arheologie din Constanța. *Pontica* XLVIII—XLIX, 315—356.
- Popescu, D., Rosseti, V. 1959. Săpăturile arheologice de la Ratevoști. *Materiale și cercetări arheologice* 6, 703—717.
- Reabțeva, S.S. 2014. *Piese de podoabă și de vestimentație din Moldova și Țara Românească în contextul relațiilor cultural-istorice (secolele XIV—XVII)*. Brăila: Editura Istros.
- Stănică, A., Ailincăi, S., Ignat, A., Zvincă, I. 2005—2006. Noi descoperiri funerare de pe teritoriul localității Enisala (com. Sarichioi, jud. Tulcea). *Peuce* 3—4, 317—330.
- Vasiliu, I. 1995. Cimitirul medieval de la Isaccea — biserica Sf. Gheorghe. *Peuce* XI, 373—410.
- Vasiliu, I. 1996. Obiecte de podoabă și accesorii vestimentare medieval din colecțiile muzeului de arheologie din Tulcea. *Peuce* XII, 225—242.
- Zaharia, E. 1962. Sondajele arheologice de Dănești. *Materiale și cercetări arheologice* 8, 47—64.

Статья поступила в сборник 25 ноября 2018 г.

Georgi Atanasov (Silistra, Bulgaria). Doctor of Historical Sciences. Regional History Museum¹.

Атанасов Георги Георгиев (Силистра, Болгария). Доктор исторических наук. Региональный исторический музей.

E-mail: geoatal@abv.bg

Kaloyan Dimov (Silistra, Bulgaria). Regional History Museum².

Димов Калоян Руменов (Силистра, Болгария). Региональный исторический музей.

E-mail: kdimov1992@gmail.com

Address: ^{1,2} Rakovsky St., 24, Silistra, 7500, Bulgaria

А. В. Красножон

Замок Хаджибей: история исследований, датировки, локализация

Keywords: North-West Black Sea Region, Middle Ages, New Time, fortification, Lithuanian Kachubeyov, Ottoman Khadzhibey

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, средние века, новое время, фортификация, литовский Качубейов, османский Хаджибей

A. V. Krasnozhon

The Khadzhibey Castle: History of Research, Dating, Localization

The solution of the problem of localization of the Khadzhibey castle on the territory of modern Odessa became possible due to the first geo-radar exploration in the area of its most probable existence. The work revealed at a depth of more than 2 m an anomaly that coincides in size and contours with the plans of the stone castle in Khadzhibey, known by cartographic materials of the 1780s. The castle was located opposite the modern houses no. 4—5 on Primorsky Boulevard. The depth of occurrence corresponds to the horizon of the surface of the Khadzhibey period, revealed by the expedition of A.O. Dobrolyubsky during excavations near the Vorontsov Palace in 1997.

The castle existed at this place (almost unchanged) in the period from the 1420s to the 1790s. It was built in connection with the defensive initiatives of Witold or T. Buczacki. In 1593, the Turks attempted to reconstruct the castle. In 1765, the structure was slightly modernized — a coastal artillery battery was added from the north-east, coastal side. In 1789, it was incapacitated by blasting two mines. After 1794, it was disassembled to harvest building materials.

A. B. Красножон

Замок Хаджибей: история исследований, датировки, локализация

Решение проблемы локализации Хаджибейского замка на территории современной Одессы стало возможным благодаря впервые проведенной георадарной разведке в районе его наиболее вероятного существования. Работами выявлена на глубине более 2 м аномалия, совпадающая в размерах и контурах с планами каменного замка в Хаджибее, известного по картографическим материалам 1780-х гг. Замок располагался напротив современных домов №4—5 по Приморскому бульвару. Глубина залегания соответствует горизонту дневной поверхности хаджибейского периода, выявленного экспедицией А.О. Добролюбского в ходе раскопок возле Воронцовского дворца в 1997 г.

Замок существовал на этом месте (почти в неизменном виде) в период с 1420-х по 1790-е гг. Был выстроен в связи с оборонительными инициативами Витовта либо Т. Бучацкого. В 1593 г. турками была предпринята попытка реконструкции замка. В 1765 г. сооружение незначительно модернизировано — с северо-восточной, приморской, стороны пристроена береговая артиллерийская батарея. В 1789 г. выведен из строя путем подрыва двух мин. После 1794 г. разобран на стройматериалы.

Одесский залив — единственный в своем роде в Северо-Западном Причерноморье, пригодный для устройства морского порта. Средневековый польско-литовский «порт» (морская пристань) здесь появился уже к 1415 г. (Качубейов) (Długosz 1711: 367—368). Выбор места был обусловлен глубинами в этом заливе, а также наличием двух глубоких балок на южном берегу, следующих параллельно друг другу на расстоянии 800 м. Балки служили естественными спусками к портовым сооружениям и составляли дополнительную защиту населенного пункта

на возвышенном береговом плато со стороны степи. С переходом этих территорий под власть турок, топоним искажается на османский манер в Хаджибей и во второй половине XVIII в. под этим названием в источниках фигурирует населенный пункт со статусом «город» (1766 и 1791 гг.) (Деволан 2002: 101, 165; Красножон 2018b: 267—269). Одним из признаков этого статуса являлась его фортификация. В историографии до сих пор остается нерешенным вопрос о строительной периодизации здешних укреплений, их датировке и локализации (рис. 1).

Рис. 1. Схема вариантов размещения замка Хаджибей в публикациях исследователей за 1827—2018 гг. а — варианты локализации замка без указания ориентировки.

Fig. 1. The scheme of the localization variants of the castle Khadzhibey in the publications of researchers for the years of 1827—2018. a — lock localization options without specifying orientation.

История исследований

История исследований замка насчитывает 220 лет, с того момента, как П.И. Сумароков, посетив молодую Одессу, отметил, что когда-то здесь «располагалась приморская небольшая крепость». Путешественник локализовал дом паши «во дворе дома князя Волконского» (угол Ланжероновской и Ришельевской по нечетной стороне) (Сумароков 1800: 212—213). На тот момент это было единственное из сохранившихся хаджибейских строений.

Через 21 год маркиз Ш. де Кастельно (Полевщикова 2005: 19, 21) в фантазийном описании турецкого Хаджибея использует эти сведения: здесь стояло всего несколько барakov, пять-шесть каменных домов, среди которых и дом паши. Маркиз писал, что «крепость была окружена рвом, [а] стены очень высокие с зубцами были ее единственной защитой» (Castelnau 1827: 8—9). При этом, приложил сопроводительный «план Одессы 1794 г.», где изображен не каменный замок, а современная для того времени земляная крепость тенального начертания, спроектированная в расчете на применение тяжелой артиллерии. На плане она размещена между двумя балками, на месте нынешнего Приморского бульвара, у края обрыва (Castelnau 1827: 9, 320, fig. 5). На самом деле это русская кре-

пость проекта Ф.П. де Волана 1793 г., которая в реальности размещалась в северо-западной части бульвара, а вовсе не по центру, но предложенный маркизом вариант локализации Хаджибейского замка в районе памятника Ришелье закрепился в историографии надолго.

Кастельно опирался на сообщение некоего участника российского штурма замка 1789 г., г-на Аркудинского. В 1831 г. П. Морозов, анализируя его данные, приходит к выводу, что оборонное сооружение занимало центральную часть бульвара, между памятником Ришелье и т.н. полуциркульным зданием (№7) (Морозов 1831: 12).

В 1837 г. А. Скальковский вводит в научный оборот рапорт российского вице-адмирала И. де Рибаса о взятии Хаджибейского замка 14 сентября 1789 г. Историк сообщает, что в 1794 г. «бывший Хаджибейский замок» еще был виден на местности (Скальковский 1837: 39). Эти слова противоречат рапорту генерала Гудовича о том, что замок вскоре после штурма был «разрушен с помощью двух мин» (Журнал... 1894: 346), согласно приказу Г.А. Потемкина (Ордер... 1894: 293). Возможно, А. Скальковский, вслед за Кастельно, по ошибке назвал «турецкой» ту же тенальную российскую крепость Ф. де Волана.

В 1885 г. историк вводит в научный оборот рапорт атамана П. Головатого от 30 июня 1765 г. с донесением военного переводчи-

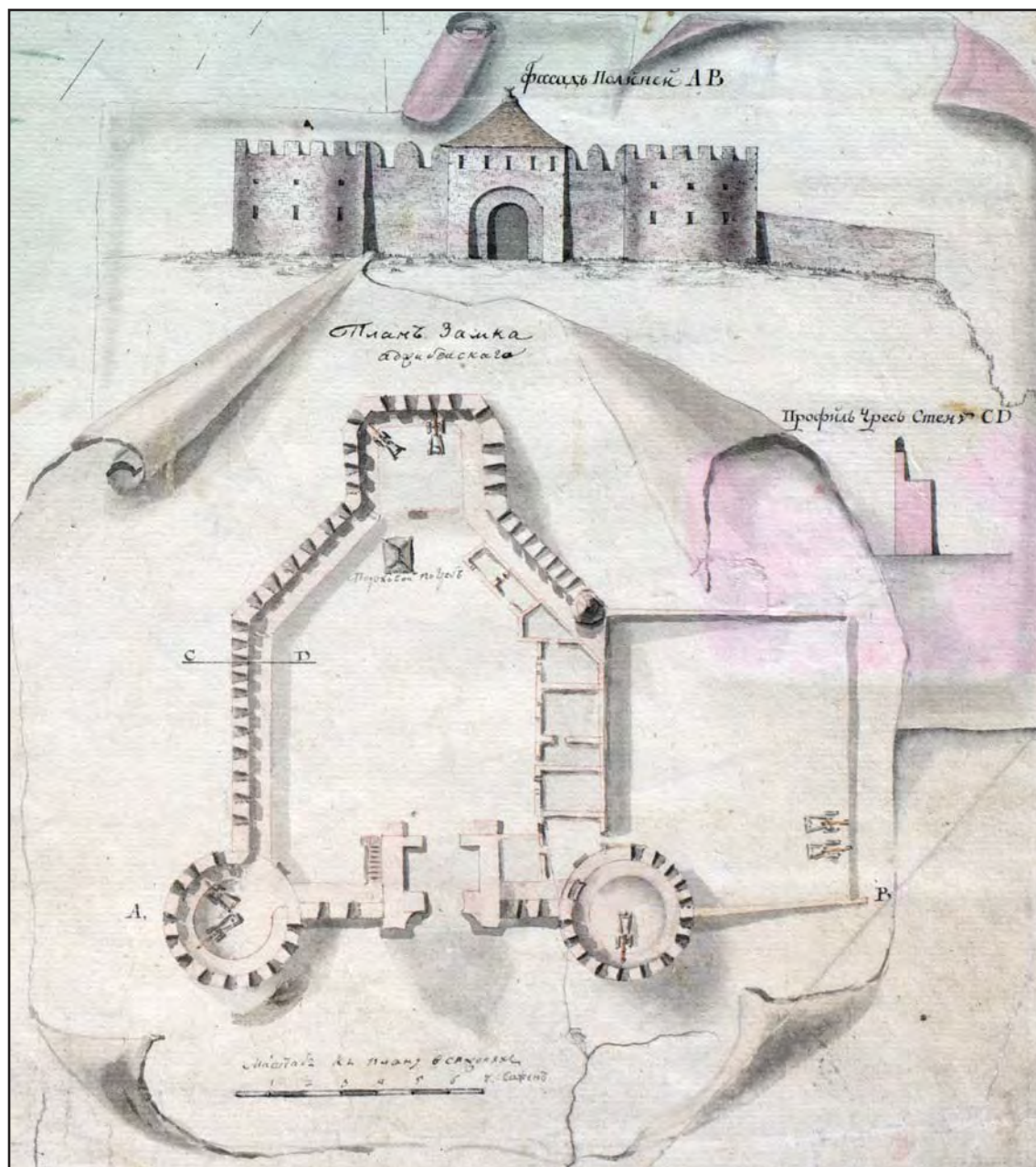

Рис. 2. «План атаки Хаджибейского залива». 1789 г. Чертеж и разверстка замка. Фрагмент (по Красножон 2018b: 18*).

Fig. 2. “The plan of attack epy Khadzhibey-Bay”. 1789. Drawing and layout of the castle. Fragment (after Красножон 2018b: 18*).

ка К. Иванова. В нем сказано, что «в поселке Куджабей» весной 1765 г. в 60 верстах от Очакова, по направлению к Белгороду, «при море делается крепость» Ени-Дунья. Документ убедил Скальковского в том, что Хаджибейский замок, который «считали древним турецким укреплением, построенным в XVI или XVII веке», на самом деле весьма поздний (Скальковский 1885: 271).

В 1853 г. К. Н. Смольянинов передает информацию старожилов о Хаджибее доодесско-

го периода, которая еще оставалась доступной исследователю в те годы. Упраздненный замок располагался на возвышенном морском берегу Приморского бульвара напротив современных домов №1—2. В плане он представлял собой «небольшой четырехугольник, окруженный земляным валом», в центре которого был «Пашинский дом» размером 13×9 м. В стороне от дома — глубокая мина для хранения пороха (Смольянинов 1853: 342). На углу Ришельевской и Ланжероновской (где когда-то

располагался дом Г.С. Волконского) информаторы К.Н. Смольянинова ошибочно разместили хаджибейское кафе грека Аспоридиса. Впоследствии заведение правильно локализовал на пересечении Греческой и Екатерининской улиц О.И. Губарь (Губарь 2006)¹.

В 1867 г. Н.Н. Мурзакевичем впервые опубликовано реальное изображение Хаджибейского замка — аксонометрический чертеж и план. Историк ошибочно поставил на нем другую дату: 1784 г. с иного плана: «Plan du Château de Cojabey» (Красножон 2018: рис. 16*), представив его в урезанном виде, без развертки фронтального фасада и подписей на русском. К сожалению, этот план замка не был привязан к местности, отсутствует даже направление на север, что оставило открытым вопрос о его локализации. Размеры сооружения по масштабу: ширина по фасаду с круглыми башнями — 37 м (по внутренним куртинами — 25 м); длина 38 м — по оси. Диаметр круглых башен — 10 м, высота 8 м. Толщина стен круглых башен и куртин — 2,1 м. Размеры тыловой квадратной башни — 9,5×9,5 м. Ширина надвратной башни — 9,1 м, длина — 7,4 м. Пролет ворот: длина — 3,7 м, ширина — 2,7 м. Этот документ очень схож с другим планом замка, 1789 г., опубликованным лишь сейчас (рис. 2).

План подтвердил информацию К.Н. Смольянинова о прямоугольной форме замка (усеченный прямоугольник), а также о пороховом погребе внутри ограды. Если учесть, что рядом с входом в него показана квадратная в плане башня, то получает основу и упоминание старожилов о т.н. «доме паши» размером 13×9 м внутри крепости. Документ также подтверждает ту характеристику внешнего вида замка, которую дал Кастельно, но противоречит изображению «Petit fort turc» на его «Plan d'Odessa en 1794».

План Н.Н. Мурзакевича демонстрирует конструктивные особенности сооружения, свойственные эпохе развитого средневековья: мерлоны на высоких и сравнительно тонких каменных стенах, башни без орудийных позиций. Такой архаичный тип замка характерен для оборонительных сооружений причерноморского региона эпохи, предшествующей активному использованию бастионной фортификации (до начала XVIII в.).

Вслед за Ф.П. де Воланом (Деволан 2002: 134) Н.Н. Мурзакевич также считает замок архаичным, сравнивая его с цитаделями в Аккермане и Бендерах. Историк тогда еще не мог знать, что первая датируется началом XV в., а вторая 1538 г. (Красножон 2011а: 233; Красножон, Федорук 2012), поэтому вывел неверную дату замка: «после 1709 г.», привязываясь к походу Карла XII (Мурзакевич 1867: 596).

В 1879 г. Ф.К. Брун попытался разделить между собой сообщения двух источников (свидетельство Я. Длугоша о существовании порта в Качубейове в 1415 г. и К. Иванова о строительстве крепости в Хаджибее в 1765 г.). Он не связывал литовский порт с Хаджибеем турецким и допускал существование лишь крепости 1760-х гг., приняв сторону А. Скальковского (Брун 1879: 186). Именно ее и взял штурмом отряд И. де Рибаса в 1789 г. Турецкое происхождение этого замка не было поставлено под сомнение до 2010 г. (Красножон 2010: 16—27; 2011б).

К юбилею штурма Хаджибея (1889 г.) выходит труд В.А. Яковлева «К истории заселения Хаджибея: 1789—1795 гг.». В решении проблемы локализации и датировки замка историк не привносит ничего нового, повторяя выводы К.Н. Смольянинова. Он без критики принимает версию расположения «крепости» в северо-западной части Приморского бульвара (Яковлев 1889: 14).

К столетней годовщине со дня официального основания Одессы (1894 г.), издана статья А.И. Маркевича под названием «Город Качибей или Гаджибей — предшественник города Одессы», где автор рассуждает в рамках концепции, предложенной Ф.К. Бруном, о последовательном существовании двух различных населенных пунктов — литовского и турецкого периодов. Литовский Качубейов автор размещает на склонах Жеваховой горы, на северном берегу Одесского залива. Что касается турецкого Хаджибея, то он «возродился» к середине XVIII в. на другом, южном берегу залива. Здесь летом 1764 г. появляется новая крепость, о чем и свидетельствовал тол-

¹ Здесь же, по К.Н. Смольянинову, находилось старое хаджибейское кладбище. Его следы фиксировались по случайным находкам, сделанным в течение второй половины XIX в. При строительстве домов в квартале между ул. Греческой, Дерибасовской и Екатерининской, погребения находили «в большом количестве» (Смольянинов 1853: 342; Губарь 2012: 192). Отмечены захоронения в гробах, которые иногда «поставлены в два яруса один над другим», ориентировка западная. О.И. Губарь считает, что это кладбище появилось в первые годы существования российского Хаджибея, еще до утверждения в 1794 г. регулярной квартальной разбивки города (Губарь 2012: 192). Вывод вполне логичен, но не исключает функционирования здесь кладбища еще с турецких времен.

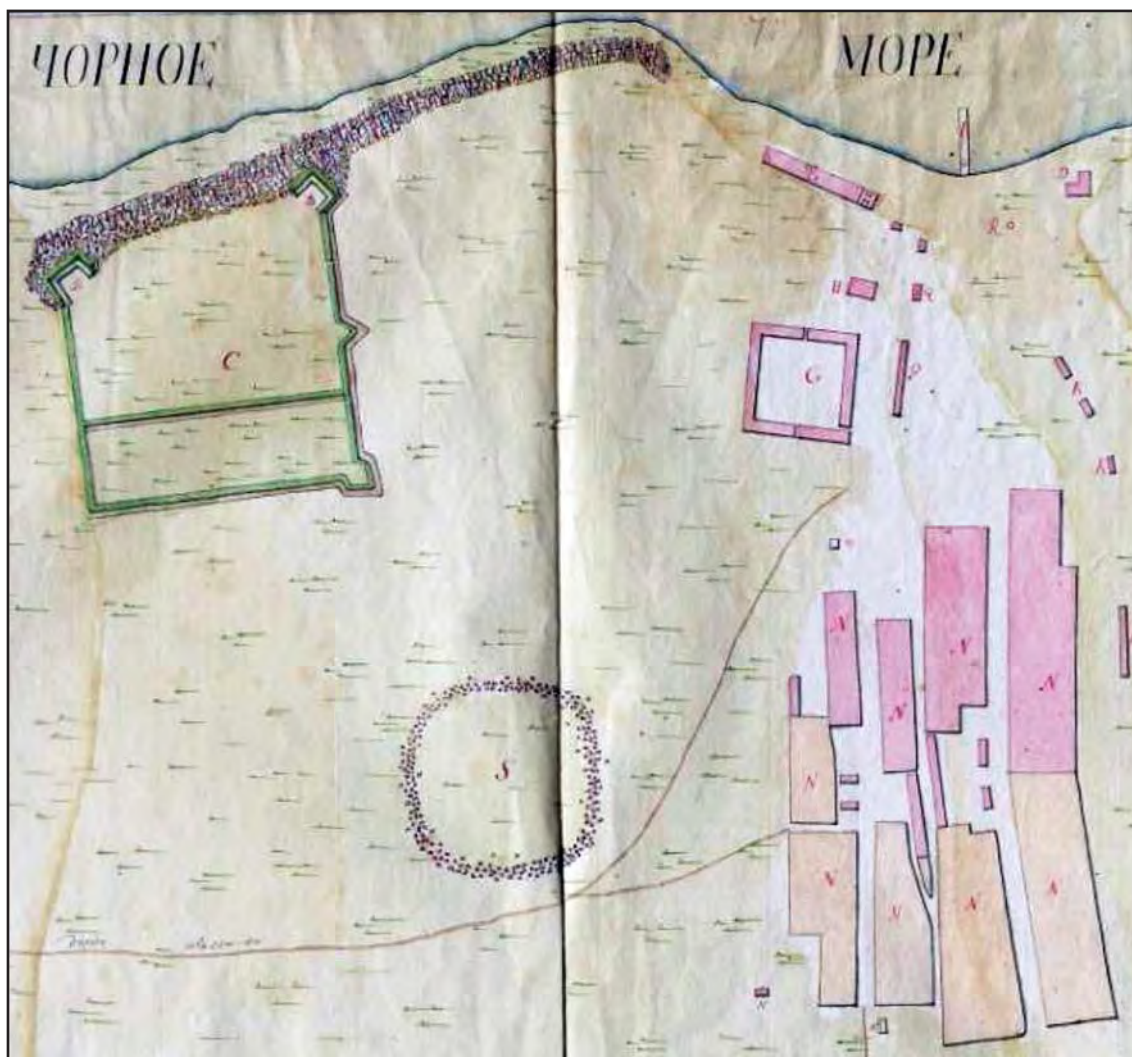

Рис. 3. План города Хаджибей и крепости. И.И. Исленьев. 27 мая 1766 г. Фрагмент (по Сапожников 2017: 174).

Fig. 3. Plan of the city Khadzhibey and fortresses. By Ivan Isleniev. May 27, 1766. Fragment (after Сапожников 2017: 174).

мач К. Иванов. Этот замок историк размещал на Приморском бульваре, ближе к Военной балке, придерживаясь версии К. Н. Смольянинова, а также впервые опираясь на сведения из рапорта И. де Рибаса (Маркевич 1894: 6, 34). Историк полагал, что изображение именно этой крепости отражено на архивном плане, опубликованном в 1867 г.²

В 1896 г. А. Л. Бертье-Делагард заявил, что обнаружил в архиве Генерального штаба в Санкт-Петербурге описание Хаджибея авторства французского инженера на турецкой службе второй половины XVIII в. А.-Ж. де Лафитта-Клаве. В нескольких фра-

зах докладчик привел характеристику замка, представленную инженером: сооружение ничтожно, малоприспособлено к эффективной обороне, согласно требованиям эпохи. Опубликованный Н. Н. Мурзакевичем чертеж замка, А. Л. Бертье-Делагард отнес авторству русского «инженер-поручика Фрейганга» с датой «1789 г.». Ученый правильно указал, что французская подпись 1784 г. принадлежит иному плану замка, авторства того же А.-Ж. де Лафитта-Клаве (Бертье-Делагард 1896: 66—67).

В 1904 г. военный историк В. Н. Черемисинов вновь поднимает вопрос о штурме Хаджибея. Впервые, без каких-либо аргументов, он «разворачивает» замок главным фасадом к морю, расположив на самом краю обрыва (Черемисинов 1904: 19—20).

² Из чего можно сделать вывод, что А. И. Маркевич датирует изображенный на нем замок 1764/65 гг.

Именно этот вариант ориентации замка отразил художник С. Гольдман в рисунке из книги Д. Г. Атлас 1911 г. (Атлас 1992: 37). Через два года рисунок переиздан журналистом А. М. Дерибасом (Дерибас 1990: 2), возвысившись до статуса «гравюры конца XVIII в.» уже в одной из современных статей (Добролюбский, Красножон 2000: 469).

Итак, вся историография XIX — начала XX в. по вопросам датировки и локализации хаджибейских укреплений сформировалась вокруг работ трех авторов: А. Скальковского, К. Н. Смольянинова и Ф. К. Бруна. Совокупность полученной ими информации сводится к следующему. Замок с чертежа Н. Н. Мурзакевича объявлен турецким, с датой постройки 1764/65 гг. Сооружение располагалось в северо-западной части нынешнего Приморского бульвара, между Воронцовским дворцом и памятником Ришелье, или же в центральной части бульвара в районе двух полуциркульных зданий. Литовский Качубейов топографически не связан с османским Хаджибеем.

Начало новому этапу в истории исследования Хаджибея положил Ф. Е. Петрунь в конце 1920-х гг. Он критикует А. И. Маркевича за априорность выводов о хронологической преемственности литовского Качубейова и турецкого Хаджибея, но не касается темы локализации и датировки объектов фортификации (Петрунь 1928). До середины XX в. тема Хаджибея практически не поднималась исследователями. Стандартный взгляд на локализацию замка между Воронцовским переулком и Военным спуском повторяет проф. А. Г. Готалов-Готлиб в юбилейном университетском издании «Одесса: очерк истории города-героя к 150-летию со дня основания» (Готалов-Готлиб 1947: 15).

Новый этап в исследованиях начался в 1965 г. в связи с публикацией С. Я. Боровым фрагмента нового картографического документа: «План II специальной новостроемого на берегу Черного моря турецкого города Гаджибея», составленного российским разведчиком, начинающим картографом И. И. Исленьевым 26 мая 1766 г. (Боровой 1967: 132). На нем показана другая по форме крепость, чем на плане, изданном Н. Н. Мурзакевичем (рис. 3). Крепость отличалась простым бастионным начертанием, располагаясь на северо-западной оконечности нынешнего Приморского бульвара, у мыса Военной балки. Ничего, что напоминало бы по виду замок с четырьмя башнями, который, по А. Скальковскому якобы был построен в 1765 г., на плане не значилось.

В этой же статье С. Я. Боровой публикует упомянутый А. Л. Бертье-Делагардом другой план, 1784 г., авторства А.-Ж. де Лафитта-Клаве, на котором показан такой же каменный замок, что и на российском плане Н. Н. Мурзакевича. Таким образом, хаджибейские укрепления двух разных типов и размеров показаны на разных планах, созданных с интервалом в 18 лет. Эта проблема поставила автора статьи в тупик.

В попытке разрешить противоречие С. Я. Боровой не вышел за рамки предположений. Бастионный фронт плана И. Исленьева он назвал «крепостью, которая находится в процессе сооружения», а не является уже построенной. А французский план Лафитта-Клаве, по его мнению, не заслуживает доверия (Боровой 1967: 134)³.

Загадкой на плане российского разведчика для С. Я. Борового оказался круг, подписанный как «руины замка города Качибей» (Боровой 1967: 135). Историк видел в этом контуре руины другого здания литовского периода, а руины замка старого Качубейова предложил искать на месте «новой крепости [турецкой, которая] строилась на месте старого замка [литовского]» (Боровой 1967: 136). Но благодаря этой подписи на плане И. И. Исленьева можно видеть, что литовский и турецкий населенный пункты располагались все-таки на одном и том же месте.

В конце 1990-х гг. А. О. Добролюбский попытался утвердить новый взгляд на хаджибейскую проблематику через призму археологических находок. Он разделит турецкое «селение Куджабей» в донесении К. Иванова 1765 г. и отмеченную им крепость Ени-Дунья. Это укрепление исследователь вынес на мыс в устье Тилигульского лимана. Якобы такая локализация соответствовала сообщению К. Иванова о том, что «крепость Ени-Дунья строится у моря в поселке Куджабей, который в 50 верстах от Очакова, по направлению к Белгороду» (Скальковский 1885: 271). На карте Риччи Заннони, составленной через 8 лет после К. Иванова, топоним *Ieni Duni* действительно отмечен в устье Тилигульского лимана (Середа 2015: 36—38), но напротив Возии (Очакова), в чем видится явная ошибка составителя.

³ Уверенность в этом отпала бы, если бы С. Я. Боровой видел план, опубликованный Н. Н. Мурзакевичем в оригинале — чертеж сопровождается российскими легендами и, на самом деле, создан другим инженером, через 5 лет после француза.

Несмотря на то, что К. Иванов помещал эту крепость в Хаджибее, А. О. Добролюбский «уверенно сопоставил» топоним Ени-Дунья с устьем Тилигула. Но от Очакова до Хаджибея 74 версты, а не 50, тогда как до устья Тилигула вдоль берега — всего 33 версты (31 км). Поэтому историк посылает переводчика в обход Березанского и Тилигульского лиманов, чтобы «путь неизбежно увеличился вдвое». Впрочем, и при таком пересчете путь увеличивается вовсе не вдвое, а многократно — до 125 верст (134 км)⁴.

К. Иванов ошибся на 14 верст, давая расстояние от Хаджибея в Одессу, а Риччи Занони неправильно локализовал топоним Ени-Дунья. На это обратил внимание И. В. Волков: «источник не предусматривает сухопутного маршрута от Очакова до Ени-Дунья: и Хаджибей, и устье Тилигульского лимана не лежали на пути К. Иванова. Сведения он получил при возвращении» из Каушан (Волков 2015: 584, 595).

В 1998 г. А. О. Добролюбский публикует результаты собственных раскопок возле Воронцовского дворца в Одессе (Добролюбский 1998). На глубине до 1,5 м, в осыпях склона, обнаружена кладка длиной 3 м, которая была принята за «сегмент окружности диаметром примерно 5 м» и соотнесена с «фундаментом» круглой юго-восточной угловой башни с входом в нее (Добролюбский, Красножон 2000: 466, 468). Защищенные субструкции ошибочно интерпретированы как остатки замка. Судя по характеру кладки (без раствора, толщина в один камень и т. п.), это остатки какой-то временной постройки. Однако в отношении датировки объекта сомнений нет (вторая половина XVIII в.). А. О. Добролюбский локализовал замок на месте современного Воронцовского дворца, примерно в 80 м к юго-востоку от оконечности мыса, образованного Военной балкой (Добролюбский 1998: 76—80), главным фасадом к морю, в соответствии с иллюстрацией С. Гольдмана, принятой за историческую.

Другой одесский археолог, И. В. Сапожников, отвечая на вопрос С. Я. Борового: как через 18 лет вместо большой бастионной крепости мог появиться маленький каменный замок, выдвинул гипотезу об уничтожении бастионного фронта русскими войсками в 1774 г. перед уходом из Хаджибея. После чего турки возвели замок, который и отразил на своем плане А.-Ж. де Лафитт-Клаве

Рис. 4. План рейда Хаджибея. 1784 г. А.-Ж. де Лафитт-Клаве. Фрагмент (по Красножон 2018b: рис. 15*).

Fig. 4. Plan of the Khadzhibey raid. 1784. A. J. de Lafitte-Clavé. Fragment (after Красножон 2018b: рис. 15*).

в 1784 г. (Сапожников 1999: 33—34) (рис. 4). Сомнения не сей счет высказал В. М. Хмарский. Он заметил разницу в изображениях крепости на разных планах, но объяснить ее не взялся. Следуя версии С. Я. Борового, исследователь предположил, что поздняя османская крепость возводилась на месте ранней, литовской (Хмарский 2002: 36, 45, 46).

В 2015 г. И. В. Сапожников озвучил гипотезу о размещении Хаджибейского каменного замка на юго-восточной оконечности Приморского бульвара, в районе современного памятника А. С. Пушкину, ближе к зданию нынешнего Одесского городского совета (Думская пл.) (Сапожников 2015: 123—128). Основой тому послужил фрагмент текста «Журнала путешествия...» А.-Ж. де Лафитт-Клаве 1784 г. лишь с приблизительным указанием расстояния между маяком и замком (оба объекта не локализованы) в Хаджибее — «600—700 туазов» (Lafitte-Clavé 1998: 50—53). Но даже по указанным автором пересчетам место размещения замка никак не могло приходиться на данный участок (Красножон 2016: 134—136).

⁴ Если пересекать Тилигул в районе с. Гуляевка.

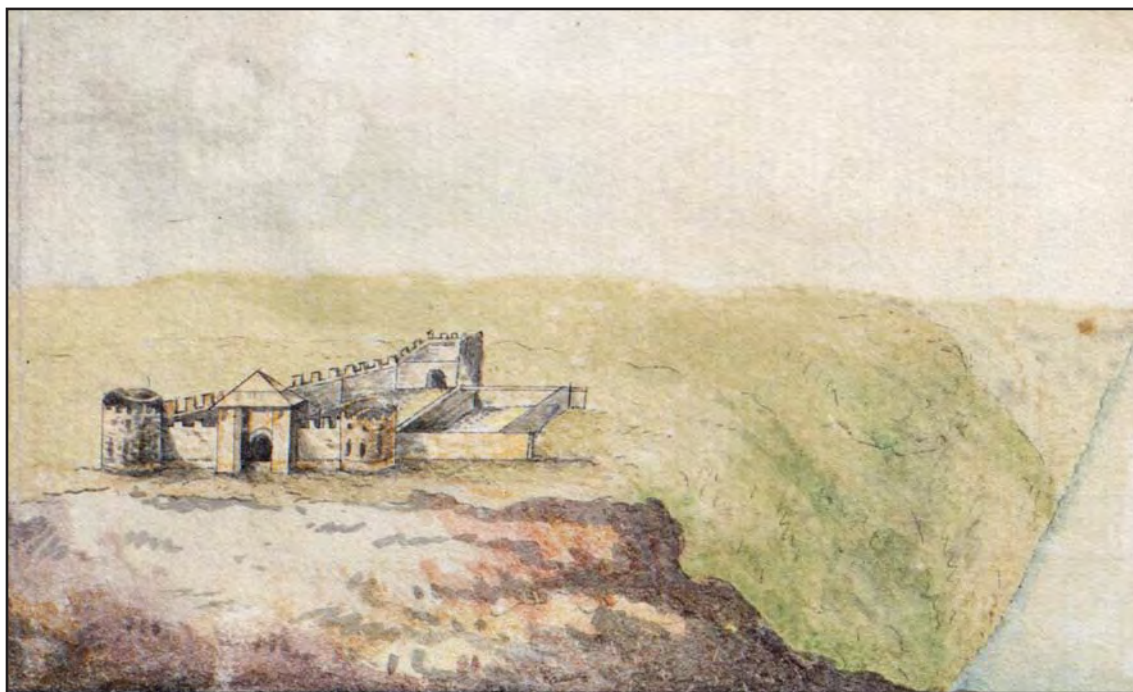

Рис. 5. Вид хаджибейского замка с юго-востока. 1789 гг. Г. Чернышов. Фрагмент (по Красножон 2018b: рис. 21*).

Fig. 5. View of the Khadzhibey castle from the southeast. 1789. Grigoriy Chernyshov. Fragment (after Красножон 2018b: рис. 21*).

Итог своих умозаключений И.В. Сапожников сформулировал в т.н. гипотезе о четырех замках Качубейова-Хаджибея. Первый по хронологии объект фортификации — литовский замок 1421 г., размещен автором на центральной части приморского плато, в районе Оперного театра. Второй объект — «древний замок» 1593 г. под названием Ябу-городок⁵, который, якобы, восстановлен в 1765 г. Третья крепость — бастионного типа с плана И.И. Исленьева была «реконструирована» (или построена) турками в 1765—1766 гг. на мысу у Военной балки. Четвертый объект — каменный замок 1769 г. (изображен на плане А.-Ж. Лафитта-Клаве 1784 г.) в юго-восточной части Приморского бульвара (Сапожников 2005: 55—56, 61; 2016: 270).

Но если придерживаться этой логики исследователя, в период с августа 1766 г. по июль 1774 г. в Хаджибее должно было сосуществовать сразу три объекта фортификации, на противоположных частях плато Примор-

ского бульвара, в нескольких сотнях метров друг от друга, в периметре участка площадью 13 га. Среди них — замок 1593 г., затем бастионная крепость с плана И.И. Исленьева, и замок с планов Лафитта-Клаве-Мурзакевича, якобы построенный в августе 1766 г. у нынешнего здания городского совета в 380 м от якобы «существующего» на тот момент бастионного фронта. Все это сводит «концепцию» И.В. Сапожникова на нет. Три крепости никак не отражены в многочисленных реляциях российской разведки тех лет. Ни слова в донесениях нет и о строительстве т.н. «последнего» каменного замка в предполагаемом археологом 1769 г.

Более того, «четвертый», по его счету, замок А.А. Прозоровский осаждал в 1770 г. Он сообщил, что замковые «стены по старинной манере сделаны, были высокие и внутрь с них кроме как с помощью лестниц, сойти было нельзя» (выделено мной. — А.К.). Иных крепостей на момент штурма, он в Хаджибее не упоминает (Прозоровский 2003: 359). Архаичный облик замка, якобы второй половины XVIII в., и устаревшие оборонные характеристики И.В. Сапожников попытался объяснить хитрым замыслом. Мол, «турки, настаивая, что выполнен лишь “ремонт бывшего в том месте с древних времен неболь-

⁵ Ф.К. Брун и Ф.Е. Петрунь давно локализовали город Ябу в Нижнем Побужье. Ф.М. Шабульдо убедительно соотнес этот топоним с Синеvodским замком в Торговице Кировоградской области (Шабульдо 2005: 17—19).

шого замка», обманули россиян, имитировав фасад бывшего литовского замка» при строительстве в 1765 г. Свой «псевдолитовский» замок-муляж исследователь ошибочно разворачивает главным фасадом к степи, а «тыльной стороной к береговому склону» вместе с многоугольной башней, которая противостояла «возможным обстрелам корабельной артиллерии» (Сапожников 2016: 270—271). Этому выводу противоречил (на момент издания его статьи) целый ряд источников (Прозоровский 2003: 359; Lafitte-Clavé 1998: 51). В итоге, другое, правильное расположение замка на местности — в северо-западной части плато Приморского бульвара, фасадом к юго-востоку, недавно подтвердилось благодаря опубликованному плану А. Ж. де Лафитт-Клаве (рис. 4) (Сапожников 2017: 152), а также планам И. де Рибаса (рис. 2), Г. Чернышова (рис. 5) (Красножон 2018: рис. 20*).

В целом исследователи истории хаджибейских укреплений смогли убедительно решить лишь проблему ориентации замка на местности, а также значительно улучшить источниковедческую базу, особенно за счет картографических документов. Убедительные, непротиворечивые ответы на ключевые вопросы о локализации замка и его датировках и этапах строительной истории, оставались нерешенными.

Датировки замка

Прямых указаний источников на время строительства четырехбашенного замка Хаджибея не сохранилось. Для датировки сооружения остается использовать лишь его типологические признаки. До начала эпохи бастионной фортификации в Северо-Западном Причерноморье (1705 г.), османы строили в регионе каменные замки (XV—XVII вв.), которые отличались едиными типологическими признаками планировочного и конструктивного характера. Так, по периметру ограждения в форме правильного прямоугольника или квадрата размещались 6 или 8 башен по образцу византийского кастеллума (Şlapas 2004: 153). Замки ориентированы строго по сторонам света — в соответствии с направлением на кыблу, куда обращены главные ворота с встроенной гарнизонной мечетью. Типичными, ближайшими к Хаджибею примерами, являются замки Бендер, Браилы, Очакова (Красножон 2018: 99, рис. 46).

Архитектурно-планировочное решение Хаджибейского замка (с планов 1780-х гг.) лишено этих признаков. Сооружение выде-

ляется среди известных в Северном Причерноморье и Крыму образцов молдавской, генуэзской или турецкой замковой архитектуры XIV—XVII вв. своим прямоугольным объемом с усеченным торцом в тыловой части, подчеркнутым фронтальным усилением главного фасада. Мощная надвратная башня хорошо выражена по объему и плотно зажата между двумя фланкирующими боковыми башнями. Сравнительно длинные куртины с угловыми изломами — без фланкирующего сопровождения.

По своим конструктивным и планировочным признакам Хаджибейский замок близок к образцам замковой фортификации XIV—XV вв. Подолья (Красножон 2018: 101, рис. 49). Общим элементом является донжон, вынесенный в тыловую часть укрепления. Подобное композиционное ядро в османских замках обычно не выражено. Эта особенность планировки литовского замка хорошо иллюстрирована на примере Тракая (первая четверть XV в.). Здесь донжон отведен к наиболее защищенной стороне, прикрытой по фронту непосредственно замком (Предзамче). Конструктивные, композиционные и архитектурные признаки позволяют говорить об определенной типологической общности среди укреплений Подолья эпохи развитого средневековья. Фортификации Каменца, Скала-Подольской, Соколец, Язловца и др. свойственен прямоугольный план с донжоном в тыловой части, длинные фланговые куртины с малым числом башен (или вовсе без них), которые под углом около 45° завершают весь объем конфигурацией, напоминающей нос корабля. Автор схожего с этими примерами проекта Хаджибейского замка пользовался какими-то устоявшимися аналогиями или представлениями о привычной для него планировочной структуре. В композиции Хаджибейского замка тыловое ядро (донжон?) представлено многоугольной башней размером 9,5×9,5 м. Она размещена по продольной оси симметрично воротной башне. Ее тыловое расположение обеспечивалось прикрытием крутых склонов Военной балки. Не исключено ее первоначальное жилое назначение и существование второго этажа. Появление этого типа оборонной архитектуры в Северо-Западном Причерноморье не должно удивлять. В течение первой трети XV в. Качубейов (Хаджибей) располагался на южном пограничье именно литовского Подолья (Білецька 2004: 49, 73, 75).

Все это дает основания предположить дату происхождения Хаджибейского замка в ши-

роком диапазоне польско-литовского периода истории края (конец XIV — середина XV в.), задолго до появления в крае бастионной фортификации (Красножон 2018b: 139).

Согласно Длугошу, в 1415 г. Качубейов был портом польским, «королевским». Скорее всего, можно говорить о двойном подчинении этого пункта (польско-литовском) (Długosz 1711: 367—368; Білецька 2004: 99). В 1421 г. Ланнуа упоминает о строительстве подольским старостой Гедигольдом где-то на левом берегу Днестровского лимана, каменного замка из привозного камня, в местности безлюдной и безлесной (Брун 1853: 438—439). Через три года Витовт решил отправиться на юг своих владений с визитом в некоторые из своих замков, где, по собственному признанию, никогда раньше не бывал (Гонца 1987: 103).

После смерти Витовта в 1430 г. Подолье переходит к полякам. Разворачивается конфликт между Ягайло и Свидригайло (Білецька 2004: 146, 148—149), в котором польскому королю осаждают несговорчивого противника в Луцке и громить молдавские войска активно помогали Буцацкие. Одному из представителей этого рода, Теодориху, достается Качубейов (с другими городами южного Подолья), согласно жалованной грамоте польского короля 1442 г. (Історія... 2000: 12—13; Білецька 2004: 196). Из этого документа следует, что город и порт Качубейов к тому времени пришел в упадок, что могло быть связано с т.н. «татарской реконкистой» (Білецька 2004: 271). Так, два глубоких рейда татар в 1439 г. и 1440 г. на Днестр и за Прут привели к необходимости срочного укрепления Белгородской крепости (Красножон 2013: 191). Несколько городов запрутской Молдавии были сожжены (Бистрицкая... 1975: 25; Iorga 1899: 99).

Возобновление государственного интереса к Качубейову могло быть связано с военной задачей. После коронации в июле 1440 г. Владислава III еще и на венгерский престол под именем Уласло I, на него легли определенные обязательства в сфере антиосманской политики, которая последовательно выполнялась Венгерским королевством вот уже более полувека. Весь 1442 г. ушел на подготовку короля к крестовому походу против турок. В рамках антиосманской кампании в 1443 г. в Черное море вошла флотилия бургундского герцога Филиппа III. Ее предполагалось использовать в войне против османов, но поражение войск Владислава III и Яноша Хуньяди под Варной 1444 г. изменило планы коалиции. Одна морская база союзного флота находилась в Белгороде на Днестре (Wavrin 1968:

83—84). Возможно, второй такой базой в этой войне предполагалось сделать порт Качубейова. Впоследствии этот пункт снова упоминается в акте 1462 г. в связи с именем Михаила Буцацкого (Jabłonowski 1902: 60), после чего исчезает из источников более чем на сто лет.

Таким образом, есть только два эпизода в истории Качубейова, когда строительство в нем замка имело все предпосылки. Первый — в 1421 г., на волне «турецкого страха» после вторжения эскадры османов в Северо-Западное Причерноморье и осады Белгорода. Второй — в 1442 г., накануне запланированного совместного венгерско-польского крестового похода против турок в Качубейове усиленная гавань и порт для будущих военно-морских операций христианского флота.

Именно этот замок, с признаками литовской (подольской) архитектуры, сохранялся до конца XVIII в. на плато нынешнего Приморского бульвара в Одессе. Его конструктивные, планировочные и архитектурные элементы вполне укладываются в указанные хронологические рамки (1421—1442 гг.).

Попытки модернизации Хаджибея в XVI—XVIII вв.

Попытка модернизации замка в Хаджибее, впервые после литовцев, зафиксирована в 1593 г. О присутствии здесь некоей крепости, хоть и «разрушенной за давностью лет», говорит польский историк С. Сарницкий в 1585 г., ошибаясь как в географических координатах местности, так и размещении топонима на берегу Овидиева озера (Історія... 2000: 35). Менее чем через 10 лет это свидетельство подтверждается двумя донесениями австрийского посла фон Креквица (DIR 1900: 770). В письме от 8 апреля 1593 г. идет речь о старом, заброшенном замке, который османской администрацией решено «реконструировать». Однако уже в конце мая работы прекращены (Красножон 2018a: 298—303).

Внимание властей к замку явно было связано с обострением военной ситуации в Северо-Западном Причерноморье в 1590-е гг. В августе Османская империя начала большую войну на Балканах. Основной удар турок направлен на Священную Римскую империю. В 1593 г. состоялся опустошительный набег казаков на Бендеры. В 1594 г. захвачены предместья Аккермана. В феврале 1595 г. запорожцы Любоды повторили поход на Аккерман и захватили посады Бендер и Килии. Одновременно крупные отряды казаков участвовали в штурмах Браилы и Измаила. Едва пере-

строенный замок Очакова, был взят казаками в начале июня 1595 г. (Леп'явко 1996: 93, 109, 124—126). Хаджибей, вероятно, не оставался в стороне от этих событий.

В 1657 г. Эвлия Челеби посетил «крепость Ходжабай», оценив ее как сооружение, которое по-прежнему нуждается в ремонте. Крепость располагалась на крутой скале на берегу Черного моря. Населенный пункт необитаем: «остатки сооружения до сих пор там стоят, и с небольшими усилиями этот замок может быть восстановлен, обеспечив безопасность дороги. На прилегающих районах с Черного моря добывают соль, из выручки от продажи которой можно было бы выдавать зарплату солдатам» (Çelebi 2010: 245—246). Э. Челеби рекомендует разместить здесь гарнизон в случае, если замок будет приведен в порядок. В состоянии упадка укрепление и населенный пункт находились минимум до 1680-х гг.

В 1706 г. русский посол в Стамбуле П.А. Толстой отмечает пункт Ходжабаги между Белгородом и Очаковым. При нем «есть хороший порт, однако на пустынном месте, и нет там поселения ни большого, ни малого» (Толстой 2006: 95). В 1709 г. на карте Жан-Батиста отмечена «Паланка Коджабей», то есть крепость небольшого размера (Середа 2009: 195). Этот же топоним присутствует и на карте 1726 г., в районе современной Одессы (Толстой 2006: 93) и теперь регулярно появляется в картографических материалах до конца XVIII в.

Не позднее лета 1764 г. в Хаджибее начались масштабные строительные работы, согласно специальному распоряжению султана. Уже в 1765 г. планировалось открыть пристань (Середа 2009: 232, 240, 244). В то же время толмач К. Иванов сообщает, что весной 1765 г. в Хаджибее начали строить (?) или ремонтировать («у моря делается») крепость под названием Ени-Дунья⁶. Работы требовали незначительного количества камня, который набрали по оврагам и ближайшим балкам (Скальковский 1885: 271).

22 февраля 1766 г. российская разведка выясняет, что Ени-Дунья — это вовсе не новая крепость турок, как предполагалось еще в январе, а старый, отремонтированный замок («ремонт небольшого замка, существовавшего в том месте в древние времена»). В донесениях нет уверенности, что именно является

правдой: сведения о «ремонте старого небольшого замка», или о строительстве «регулярной крепости», т. е. укреплений современного, бастионного типа. Купец Петрушин подтвердил в том же году информацию о строительстве турецкой крепости Ени-Дунья именно на остатках укреплений, которые существовали здесь с предыдущих времен (Історія... 2000: 75, 77—78).

Для выяснения деталей в мае 1766 г. в Хаджибей отправлен военный топограф И. Исленьев (под видом купца). На созданном им плане-схеме некое «старое укрепление» (отмечено литерой С) действительно включено в систему нового бастионного крепостного ансамбля площадью 6—8 га у мыса Военной балки (рис. 3). Но на самом деле, эта бастионная крепость не была построена. И. Исленьев зафиксировал лишь этап ее разбивки или начало земляных работ. Косвенно об этом свидетельствует А.-Ж. де Лафитт-Клаве. Посетив Хаджибей через 18 лет (в 1784 г.) он получил сведения от местного чиновника о том, что «некоторое время назад» очаковский паша пытался построить в Хаджибее современную крепость («новый форт») для укрепления существующего замка. Работы начались «и даже было перенесено несколько куч земли», но вскоре они прекратились из-за, якобы, отсутствия вблизи достаточных запасов питьевой воды (Lafitte-Clavé 1998: 52).

Это объясняет, почему после визита русского топографа бастионная крепость Хаджибея более нигде не упоминается — ни в реляциях разведки, ни в донесениях казаков Семена Галицкого (Історія... 2000: 88), ни в мемуарной литературе или последующих картографических материалах. Во время штурма Хаджибейского замка 13 июля 1770 г. никакого обширного бастионного фронта тут не видит князь А.А. Прозоровский. Объект просто не был построен.

С некоторым запозданием, через 3 месяца после миссии И. Исленьева, 20 августа 1766 г. российский резидент в Стамбуле А.Н. Обресков пишет, что, по словам прибывших к нему русских купцов, посетивших Хаджибей, там в «прикрытие кладовых от морской стороны» строится небольшой замок, или, как здесь называют — каланча с четырьмя башнями, из камня, ломаного по морским берегам». Рядом с ним, «на некотором расстоянии от самого моря до залива выкопан небольшой ров, шириной в три, а глубиной в четыре ступеньки» (Реляция... 1889: 107). Сообщение купцов можно понимать как отражение неоконченных строительных работ. Но уже в 1770 г.

⁶ Странное название для крепости («Новый Мир»). В османских источниках оно не используется по отношению к Хаджибею.

Прозоровский специально указывает в отчете: «рва около этого замка никакого не было». Лишь 6 орудий и 50 турецких воинов в маленьком замке «на старинный манер сделанном» (Прозоровский 2003: 359—360).

Никаких других укреплений, кроме самого замка, не увидел здесь и А.-Ж. де Лафитт-Клаве в 1784 г. На составленном им общем плане залива укрепление расположено на краю морского обрыва в центральной части приморского плато, которое занято современным Приморским бульваром. Фасадом он развернут на юго-восток (рис. 4). Никакого рва или внешних бастионных укреплений нет. Охарактеризован, как «маленький форт, в котором нет (даже — А.К.) амбразур для пушек» (что указывает на ранее время его происхождения). Стены увенчаны таким архаичным архитектурным элементом, как мерлоны для стрелков. С морской стороны (левый фланг) к замку пристроена «невысокая каменная ограда 2—2,5 м с деревянно-земляным перекрытием» — поздняя артиллерийская батарея (Lafitte-Clavé 1998: 51). В целом инженер характеризует замок как «плохой, не соответствующий своему назначению» (Описание... 1821: 85) «с гарнизоном в 20—25 человек», который неэффективен для обороны рейда и требует улучшения защиты (Lafitte-Clavé 1998: 14). К описанию прилагался схематический план с нарушенным масштабом.

Архитектура замка не была приспособлена для артиллерийской защиты гавани. Его высокие и тонкие стены не пригодны для размещения дальнобойных орудий или эффективного сопротивления тяжелой осадной артиллерии. Поэтому турки и пристроили к северо-восточной, береговой куртине прямоугольную в плане каменную ограду с насыпью (батарею). На планах 1789 г. этот валганг венчают 2 орудия, направленных на море (акваторию порта) (рис. 2) (Красножон 2018b: 185, 274). Вероятно, эта батарея и есть результат модернизации 1765 г., когда сообщалось о «починке старого замка».

С началом второй русско-турецкой войны турецкое командование усиливает обороноспособность Хаджибейского замка. В конце августа 1789 г. здесь установили восемь 9-фунтовых пушек (калибра 110 мм). Ожидалась доставка еще трех корабельных 30-фунтовых пушек (калибром 164 мм). Позиции для такого типа тяжелых орудий могли быть устроены только на валах или земляных батареях. Поэтому сообщение источника синхронного периода о том, что «близ Гаджибея»

выкопан «глубокий ров», следует воспринимать именно в контексте размещения здесь тяжелой артиллерии.

Восемь девятифунтовых пушек действительно были доставлены турками в крепость — они отмечены в списке трофеев российских военных частей. Тридцатифунтовые, вероятно, не дошли. Рапорт И. де Рибаса о штурме Хаджибея 14 сентября 1789 г. также наглядно демонстрирует (подтверждая источники предыдущих лет), что каменный замок архаичного облика оставался единственным фортификационным сооружением в Хаджибее до самого сентября 1789 г. (История... 2000: 204, 208).

Локализация замка

Рапорт И. де Рибаса о штурме Хаджибея — наиболее полный и ясный источник (в совокупности с прилагаемым «Планом атаки Гаджибейского замка») для решения проблемы локализации укрепления. К рапорту неоднократно обращались исследователи (Скальковский 1837: 14; Добролюбский 1998: 76—80; Добролюбский, Губарь, Красножон 2002: 156), но развернутый подробный анализ проводился только раз (Красножон 2016; 2018b: 177—179).

Рапорт и план позволяют реконструировать маршрут российских штурмовых колонн. В ночь с 11 на 12 сентября 3 конных и 3 пеших полка с 6 пушками перешли узкий перешеек между морем и «обеими Куяльниками». В ночь с 12 на 13 сентября на исходную позицию для марш-броска перешли (на правый берег нынешнего Хаджибейского лимана) два батальона пехоты, осадной артиллерии 4 орудия и 6 полевых орудий. «По собрании всего корпуса в Кривой балке, от Аджибея в 7 верстах», И. де Рибас разделит отряд на две колонны — левого и правого флангов. Первая, под командованием полковника А. Хвостова «должна была самым берегом до замка добраться и взять его».

Отсюда колонны вышли в 7 часов вечера 13 сентября в направлении к нынешней Водянной балке (ул. Балковская), где войска расположились на бивуак в районе нынешнего Ольгиевского спуска. Утром, до рассвета колонны разделились: первая пошла на восток, к берегу моря (А. Хвостов), а вторая (С. Воейков) — на юг, чтобы обойти Военную балку в верховьях и подойти к замку ожидаемым для турок маршрутом — со стороны главного фасада, чуть ли не по основной дороге. А. Хвостов двигался по плато вдоль берега, форсиро-

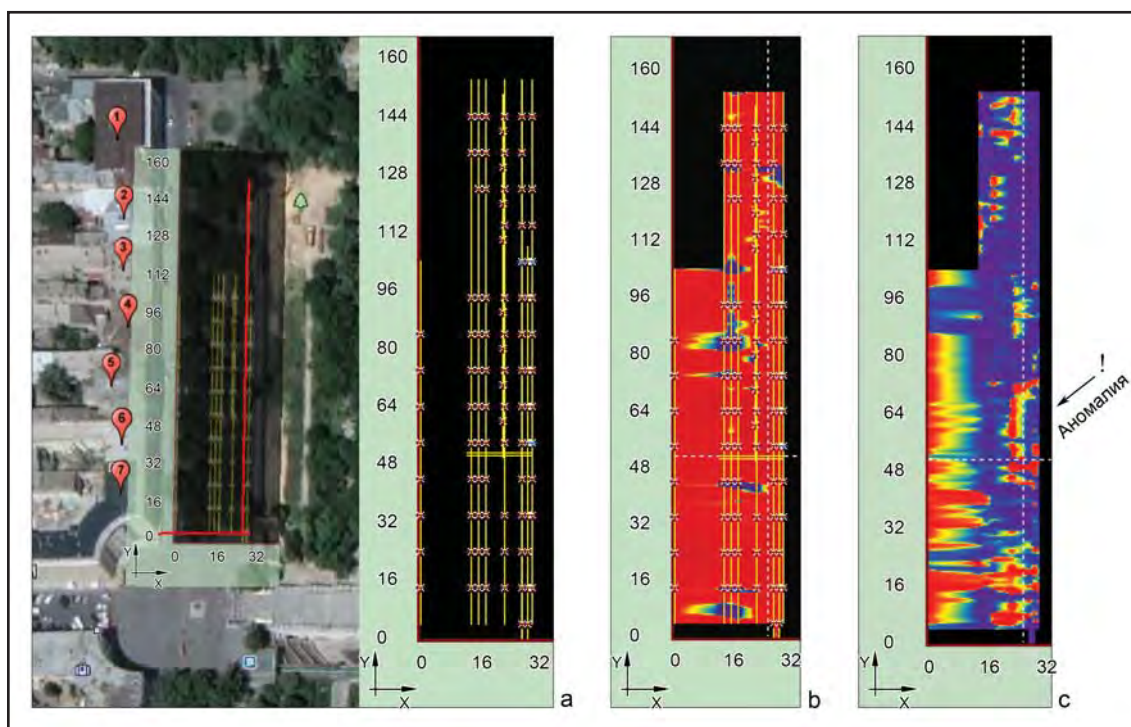

Рис. 6. Результаты георадарной разведки на Приморском бульваре в Одессе (июль-август 2018 г.): а — схема проведения георадарного исследования; б — данные георадарного исследования на глубину среза 182 см; с — данные георадарного исследования на глубину среза 208 см (схема И. Голтуренко).

Fig. 6. Results of GPR investigations on the Primorsky Boulevard in Odessa (July-August 2018): а — scheme of the GPR survey; б — GPR data to a slice depth of 182 cm; с — GPR data for a slice depth of 208 cm (scheme by Ivan Golturenko).

вав Военную балку почти в самом устье, где склоны высокие и крутые, но еще не обрывистые (в районе нынешнего дома №3 по ул. Военный спуск).

В рапорте И. де Рибас сообщает главную деталь для определения локализации замка: «А. Хвостов [...], который должен был переходить овраг под картечными выстрелами, в 5.00 был уже в 100 сажнях от стены» (История... 2000: 208). Расстояние в сто сажень, или 213 м от края Военной балки в точке ее пересечения, согласно «Плану атаки», приходится на участок современного Приморского бульвара напротив дома №3. Замок должен был находиться ближе к центру берегового плато, между нынешним памятником Дюку и дворцом Воронцова, на краю обрыва (Красножон 2016: 179). Такой вариант локализации почти согласуется с версией К. Н. Смольянинова (Смольянинов 1853: 342).

Летом 2018 г. возникла возможность проверить это предположение при помощи георадарной разведки. На всей площади северо-западной части бульвара специалистами компании «GPR Investigation» (Л. Криницкий и И. Голтуренко) было проведено сканиро-

вание по 10 основным векторам при помощи аппарата «Loza-V 180 MHz» (рис. 6: а). В результате под крайней прибрежной аллеей и примыкающим со стороны бульвара газонном выявлена аномалия в виде прямоугольной в плане структуры, вытянутой по оси примерно на 36 м вдоль береговой кромки, напротив современных домов №4—5 по Приморскому бульвару (рис. 6: с). Выявленный контур по форме и размерам совпадает с планировкой замка, известного по чертежу «Плана атаки Гаджибейского залива» и других картографических материалов (рис. 7: а). Примерно половина сооружения уничтожена при нивелировке склона бульвара, произведенной во время облагораживания территории в первой половине XIX в. Глубина залегания аномалии составляет 2,08 м, что соответствует горизонту дневной поверхности хаджибейского периода, выявленного экспедицией А. О. Добролюбского возле Воронцовского дворца в 1997 г. (с учетом перепада высот на двух этих участках бульвара).

Итак, литовский замок XV в. (т. н. «подольского типа») населенного пункта Качубийов сохранился без существенных пере-

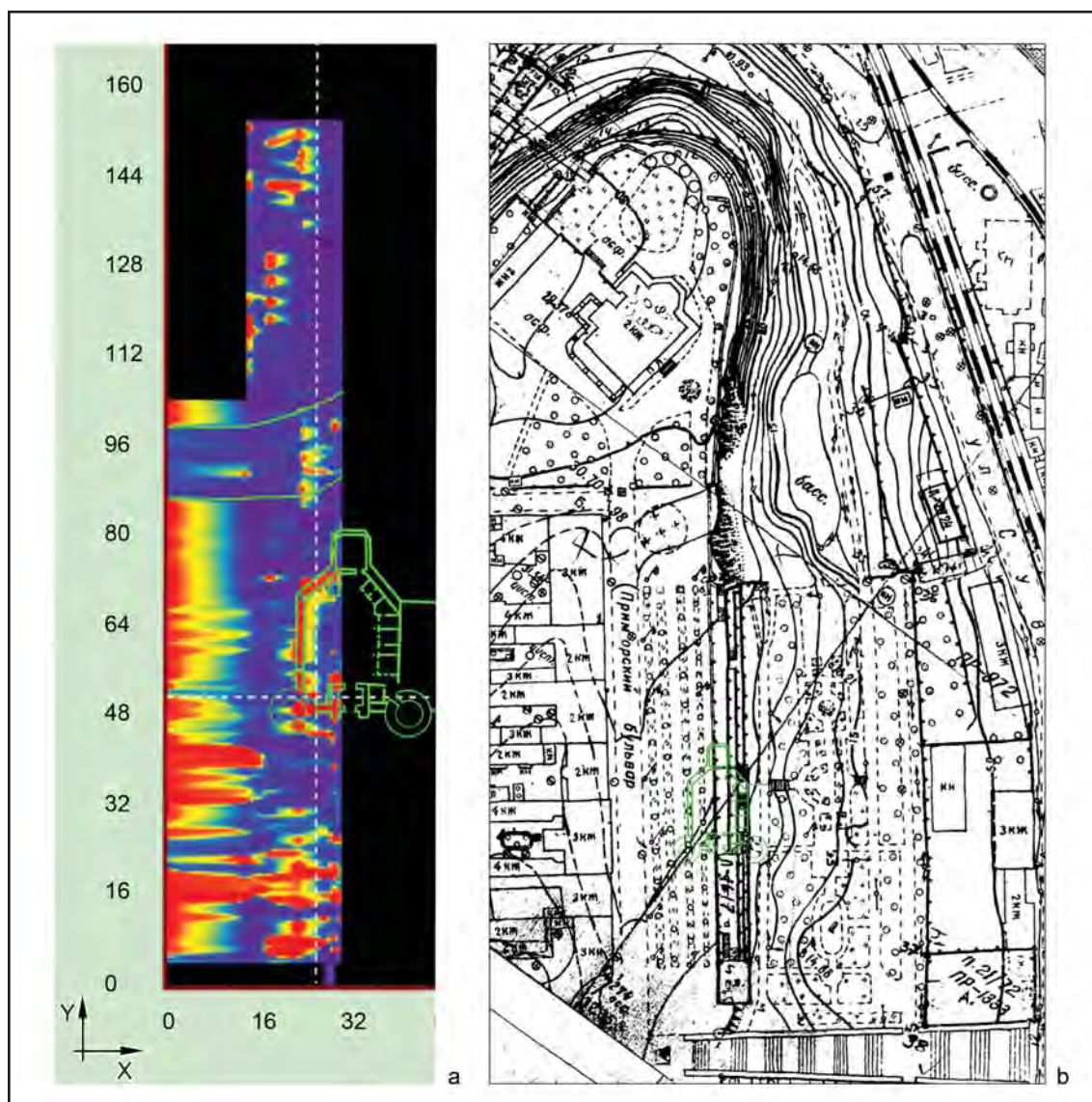

Рис. 7. а — наложение контура замка Хаджибей (по плану 1789 г.) на контур выявленной аномалии; б — реконструкция размещения замка на топографическом плане г. Одессы.

Fig. 7. а — The imposition of the contour of the castle Khadzhibey (according to the plan of 1789) on the contour of the anomaly detected; б — reconstruction of the location of the castle on the topographic plan of Odessa.

планировок до 1793 г. За весь период он перенес несколько ремонтов и минимум одну попытку модернизации. Возможно, первый ремонт связан с инициативами Т. Бучацкого в начале 1440-х гг. Второй — с именем Пире-Бега, когда в 1593 г. осуществлена (?) реконструкция замка. В 1765 г. сооружение отремонтировано. Замок лишился приморской куртины, с северо-восточной стороны построена береговая батарея.

В 1766 г. очаковским пашой была предпринята неудачная попытка обнести старый замок с напольной стороны бастионным фронтом с оборонным рвом и валами. Российский разведчик И. Исленьева отразил по-

пытку воплощения этого проекта в начальной стадии, на своем плане-схеме. Накануне новой военной угрозы в 1789 г. в Хаджибее поспешно выкопан ров, возведен вал с напольной стороны. Остатки именно этого земляного укрепления отражены на двух планах Ф. де Волана 1791 г. и 1793 г.

В середине 1790-х гг. замок был разобран окончательно и вскоре на его месте, в северо-западной части современного Приморского бульвара, появляется т.н. «Малое укрепление» (бастионный форт Ф. де Волана). Это российское укрепление в конце первой четверти XIX в. было упразднено, его земляные валы нивелированы. Совокупность накоплен-

ных источниковедческих материалов, а также данные георадарной разведки, позволили определить местоположение замка Хаджибей с предельной точностью — напротив домов №4—5 по современному Приморскому бульвару. Эта локализация соответствует данным рапорта де Рибаса о расстоянии в 213 м

от края Военной балки, на которое был удален замок. На сегодняшний день остается открытым вопрос о точной дате строительства. Наиболее вероятным следует признать период между началом 1420 г. и началом 1440 г., но окончательный ответ сможет дать лишь археология.

Литература

- Атлас Д. Г. 1992. *Одесса: ее друзья и недруги*. Одесса: Ласми.
- Бертье-Делагард А. Л. 1896. Сообщение о виденных в Петербурге нумизматических коллекциях и о картографических документах архива Главного штаба. *ЗООИД* 19 (протоколы), 63—67.
- Бистрицкая летопись 1357—1507 гг. 1976. *СМЛ XV—XVI вв.* Москва: Наука, 24—34.
- Білецька О. В. 2004. *Поділля на зламі XIV—XV ст.: до витоків формування історичної області*. Одеса: Астропринт.
- Боровой С. Я. 1967. Хаджибей в 60-е гг. XVIII в. *ЗООИД* 2, 130—136.
- Брун Ф. К. 1879. *Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России*. Одесса: Типография Ульриха.
- Волков И. В. 2015. Турецкая карта Черного и Азовского морей из собрания Государственного исторического музея. В: Бочаров С. Г., Ситдилов А. Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинёв: Stratum Plus, 573—576.
- Гонца Г. В. 1987. Внешняя политика Молдавского княжества в первой трети XVI в. В: Драгнев Д. М. (ред.). *Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя четверть XIV — начало XIX в.)*. Кишинёв: Штиинца, 96—124.
- Гончарук Т. Г. 2015. Будівлі османського Хаджибея (Одеси) 1760—1780-х рр. за матеріалами опублікованих джерел. В: Гончарук Г. І., Кучерук М. С. (ред.). *Кочубіїв-Хаджибей-Одеса. Матеріали І всеукраїнської наукової конференції, присвяченої 600-річчю міста*. Одеса: Політехперіодика, 28—35.
- Готалов-Готлиб А. Г. 1947. История человеческих поселений на месте нынешней Одессы. В: Добролюбский К. П. (отв. ред.). *Одесса: очерк истории города-героя к 150-летию со дня основания*. Одесса: Одесское областное издательство, 9—16.
- Губарь О. И. 2006. Вопрос №42: Где находилась кофейня Аспоридиса? *Тиква* 542 (47). Одесса. URL: <http://viknaodessa.od.ua/newspaper/news/?2961> (дата обращения 25.12.2018).
- Губарь О. И. 2012. История Первого городского кладбища и комментарии к материалам В. И. Смирнова. В: *Первые кладбища Одессы*. Одесса: ТЭС, 185—638.
- Деволан Ф. П. 2002. Отчет относительно географического и топографического положения Провинции Озу или Едисан, обычно называемой Очаковская степь, служащий пояснением к картам и планам, снятым по Высочайшему указанию. *Наследие Ф. П. Де-Волана*. Одесса: из истории порта, города, края. Одесса: Астропринт, 74—191.
- Дерибас А. 1990. *Старая Одесса (исторические очерки и воспоминания)*. Одесса: Ассоциация культурного развития Одессы.
- Добролюбский А. О. 1998. Причудливая судьба остатков Хаджибея. *Restoration. Reconstruction. Urbocology. ICOMOS-98*. Одесса, 76—80.
- Добролюбский А. О., Красножон А. В. 2000. Турецкий поселок и замок Хаджибей на месте Одессы. *Stratum plus* (5), 459—476.
- Добролюбский А. О., Губарь О. И., Красножон А. В. 2002. *Борисфен-Хаджибей-Одесса*. Кишинев; Одесса: Stratum.
- Журнал армии сухопутной. 1894. *Сборник военно-исторических материалов VII*, 342—361.
- Історія ... 2000: Гончарук Т. Г. (упорядник). 2000. *Історія Хаджибея-Одеси (1415—1795 рр.) в документах*. Одеса: Астропринт.
- Красножон А. В. 2010. Крепость Хаджибея: иконография, археология, политика. *Lietuvos pilys* (6), 16—27.
- Красножон А. В. 2011а. Литовский замок Кочубиев на территории Одессы. *Древнее Причерноморье IX*, 226—233.
- Красножон А. В. 2011б. Бендерский фортификационный комплекс XVI—XVIII вв. *Stratum plus* (6), 221—251.
- Красножон А. В. 2013. Эпиграфические памятники XV в. из Белгородской крепости. *Stratum plus* (6), 177—212.
- Красножон А. В. 2015. До питання про датування Хаджибейського замку. В: Гончарук Г. І., Кучерук М. С. (ред.). *Кочубіїв-Хаджибей-Одеса. Матеріали І всеукраїнської наукової конференції, присвяченої 600-річчю міста*. Одеса: Політехперіодика, 73—76.
- Красножон А. В. 2016. К проблеме локализации Хаджибейского замка. *Вісник ОІКМ* 15, 132—141.
- Красножон А. В. 2018а. Два документа 1593 г. о ремонтных работах в Хаджибее. *Стародавнє Причорномор'я (XII)*, 298—303.
- Красножон А. В. 2018б. *Фортеці та міста Північно-Західного Причорномор'я (XV—XVIII ст.)*. Одеса: Чорномор'я.
- Красножон А. В., Федорук А. В. 2012. Огнестрельная артиллерия как датирующий признак цитадели крепости Белгород. *Stratum plus* (6), 239—259.
- Леп'явко С. А. 1996. *Козацькі війни кінця XVI ст. в Україні*. Чернівці: Сіверянська думка.
- Маркевич А. И. 1894. Город Качибей или Гаджибей — предшественник города Одессы. *ЗООИД* 17, 1—72.
- Морозов П. 1831. Исторический взгляд на Одессу. *Одесский альманах на 1831-й год*. Одесса, 1—43.

- Мурзакевич Н. Н. 1867. Гаджибейский замок. ЗООИД 6, 595—597.
- Описание... 1821: [Лафитт-Клаве Ж.]. 1821. *Описание пути от Константинополя до Очакова*. Санкт-Петербург: Типография Генерального штаба.
- Ордер кн. Потемкина генерал-поручику Гудовичу. 1894. *Сборник военно-исторических материалов VII*, 293.
- Петров А. Н. 1880. *Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II (1787—1791 гг.)*. Т. II. Санкт-Петербург: Типография Р. Голике.
- Петрунь Ф. Е. 1928. Качибей на старинных картах. *Записки Одесского общества естествоиспытателей* 44. Одесса, 191—198.
- Полевщикова Е. В. 2005. Неизвестное и известное о маркизе де Кастельно. *Дерибасовская-Ришельевская. Одесский альманах* 23. Одесса, 15—26.
- Прозоровский А. А. 2003. *Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756—1776 гг.)*. Москва: Редакция альманаха «Российский Архив».
- Сапожников И. В. 1999. *Описание Одессы и Северного Причерноморья 1780-х гг.* Ильичевск: «Элтон-2».
- Сапожников И. В. 2005. Край під владою Золотої Орди, Литви, Кримського ханства та Туреччини (друга половина XIII — 1789 р.). Край Овідія: археологія та історія Овідіопольського району. Одеса: Астропринт, 51—79.
- Сапожников И. В. 2015. Андре-Жозеф де Лафитт-Клаве у Хаджибей у 1784 році. *Кочубіїв-Хаджибей-Одеса. Матеріали I всеукраїнської наукової конференції, присвяченої 600-річчю міста*. Одеса, 123—128.
- Сапожников И. В. 2016. Османский замок Хаджибей (Hocabey Hisar — حواجهيك حصارى) в 1766—1789 годах. *Архив. Історія. Сучасність* (2). Одеса, 267—277.
- Сапожников И. В. 2017. А.-Ж. де Лафитт-Клаве и история Коджа-бея — Одессы. *Scriptorium nostrum* (электронный исторический журнал) 9 (3), 139—159.
- Середа А. Г. 2009. *Силистренско-очаковський еялет през XVIII — на початок XIX в. Адміністративно-територіальне устроєство, селища і населення в Северозападному Причорномор'є*. Софія: Діо Мира.
- Середа О. Г. 2015. *Османсько-українське степове порубіжжя в османсько-турецьких джерелах XVIII ст.* Одеса: Астропринт.
- Скальковский А. А. 1837. *Первое тридцатилетие истории города Одессы (1793—1823)*. Одесса.
- Скальковский А. А. 1885. *История Новой Сечи или последнего коша Запорожского II*. Одесса: Типография А. Шульце.
- Смолянинов К. Н. 1853. История Одессы. ЗООИД 3, 338—432.
- Сумароков П. И. 1800. *Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году*. Москва: Университетская типография.
- Хмарський В. М. 2002. Кримське ханство. Експансія Османської імперії у Північно-Західне Причорномор'я. Хаджибей. *Історія Одеси*. Одеса, 36—54.
- Черемисин В. М. 1904. *История Одессы*. Одесса: Типография Штаба Одесского военного округа.
- Шабульдо Ф. М. 2005. Синьоводська битва 1362 р. у сучасній науковій інтерпретації. В: Шабульдо Ф. М. (наук. ред.). *Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях*. Київ: Інститут історії України НАНУ, 9—27.
- Яковлев В. К. 1889. *История заселения Хаджибея (1789—1795)*. Одесса.
- Castelnau M. 1827. *Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la nouvelle Russie*. Vol. 3. Edit. II. Paris.
- Długosz J. 1711. *Historiae Polonicae libri XII*. Lipsiae.
- DIR 1900: *Documente privind istoria României*. 1900. Vol. XI. București.
- Iorga N. 1899. *Studii istorice asupra Chilie și Cetatea Albă*. București.
- Lafitte-Clavé A. J. 1998. *Journal d'un voyage sur les côtes de la Mer Noire du 28 Avril au 18 Septembre 1784*. Istanbul.
- Jabłonowski A. 1902. *Polska XVI wieku (pod względem geograficzno-statystycznym)*. T. 7. Cz. 1. *Ziemia Podolskiej*. Warszawa: Warszawskie drukarnia estetyczna.
- Șlapac M. 2004. *Cetăți medievale din Moldova (mijlocul secolului al XIV-lea — mijlocul secolului al XVI-lea)*. Chișinău: ARC.
- Wavrin W. 1968. *Expediția de pe Dunăre. Călători străini despre Țările Române I*. București: Editura Științifică, 81—122.

References

- Atlas, D. G. 1992. *Odesa: ee druz'ia i nedrugi (Odesa, her Friends and Foes)*. Odessa: "Lasmi" Publ. (in Russian).
- Bertier de la Garde, A. L. 1896. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* 19 (protocols), 63—67 (in Russian).
- Bistritskaia letopis' 1357—1507 gg. (Bistrița Chronicle, 1357—1507). 1976. In Grecul, F. A. (comp.), Buganov, V. I. (ed.). *Slaviano-moldavskie letopisi XV—XVI vv. (The Slavico-Moldavian Chronicles of the 15th—16th Centuries)* XV—XVI vv. Moscow: "Nauka" Publ., 24—34 (in Russian).
- Bilets'ka, O. V. 2004. *Podillya na zlami XIV—XV st.: do vytkov formuvannya istorychnoi oblasti (Podolia at the Turn of 14th—15th Centuries: towards the Origins of the Formation of the Historical Region)*. Odessa: "Astroprint" Publ. (in Ukrainian).
- Borovoi, S. Ya. 1967. In *Zapiski Odesskogo arkhеologicheskogo obshchestva (Writings of the Odessa Archaeological Society)* 2, 130—136 (in Russian).
- Brun, F. K. 1879. *Chernomor'e. Sbornik issledovaniy po istoricheskoi geografii Iuzhnoi Rossii (Black Sea Area: A Book of Studies on Historical Geography of the Southern Russia)*. Odessa: "G. Ulrich" Publ. (in Russian).
- Volkov, I. V. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: Stratum Plus P. P., 573—576 (in Russian).
- Gonța, G. V. 1987. In Dragnev, D. M. (ed.). *Ocherki vneshnepoliticheskoi istorii Moldavskogo kniazhestva (posledniaia chetvert' XIV — nachalo XIX vv.) (Essays on the External Political History of the Moldavian State (Last Quarter of 14th — Beginning of 19th Century))*. Kishinev: "Știința" Publ., 96—124 (in Russian).
- Honcharuk, T. H. 2015. In Honcharuk, H. I., Kucheruk, M. S. (eds.). *Kochubiiv-Khadzhybey-Odesa (Kochubiev — Hacibey — Odessa)*. Odessa: "Politekhperiodyka" Publ., 28—35 (in Ukrainian).
- Gotalov-Gotlib, A. G. 1947. In Dobroliubskii, K. P. (ed.). *Odesa:*

- ocherk istorii goroda-geroia k 150-letiiu so dnia osnovaniia (Odessa: Brief History of the Hero City on the Occasion of its 150th Anniversary). Odessa: "Odesskoe oblastnoe izdatel'stvo" Publ., 9—16 (in Russian).
- Gubar', O.I. 2006. In *Tikva (Tikva)* 542 (47). Odessa. URL: <http://viknaodessa.od.ua/newspaper/news/?2961> (accessed 25.12.2018) (in Russian).
- Gubar', O.I. 2012. In *Pervye kladbishcha Odessy (First Cemeteries in Odessa)*. Odessa: "TES" Publ., 185—638 (in Russian).
- De Wollant, F.P. 2002. In *Nasledie F.P. De-Volana. Odessa: iz istorii porta, goroda, kraia (The Heritage of F.P. de Wollant. Odessa: Pages from the History of the Port, the City, and the Land)*. Odessa: "Astroprint" Publ., 74—191 (in Russian).
- Deribas, A. 1990. *Staraiia Odessa (istoricheskie ocherki i vospominaniia) (Old Odessa: Historical Essays and Memories)*. Odessa: Association for the Cultural Development of Odessa (in Russian).
- Dobroliubskii, A.O. 1998. In *Restoration. Reconstruction. Urboecology. ICOMOS-98*. Odessa, 76—80 (in Russian).
- Dobroliubskii, A.O., Krasnozhon, A.V. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 459—476 (in Russian).
- Dobroliubskii, A.O., Gubar', O.I., Krasnozhon, A.V. 2002. *Borisen — Khadzhibei — Odessa: istoriko-arkheologicheskie ocherki (Borysthenos — Hacibey — Odessa: Historical and Archaeological Essays)*. Kishinev; Odessa: Stratum (in Russian).
- Zhumal armii sukhopotnoi (Journal of Ground Forces). 1894. *Sbornik voenno-istoricheskikh materialov (Collected Sources for the Military History)* VII, 342—361 (in Russian).
- Honcharuk, T.H. (comp.). 2000. *Istoriya Khadzhibeya-Odesy (1415—1795 rr.) v dokumentakh (History of Hacibey-Odessa (1415—1795) in Documents)*. Odessa: "Astroprint" Publ. (in Ukrainian).
- Krasnozhon, A.V. 2010. In *Lietuvos pilys* (6), 16—27 (in Russian).
- Krasnozhon, A.V. 2011. In *Drevnee Prichernomor'e (Ancient Black Sea Region)* IX, 226—233 (in Russian).
- Krasnozhon, A.V. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 221—251 (in Russian).
- Krasnozhon, A.V. 2013. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 177—212 (in Russian).
- Krasnozhon, A.V. 2015. In Honcharuk, H.I., Kucheruk, M.S. (eds.). *Kochubiiv-Khadzhybey-Odesa (Kochubiev — Hacibey — Odessa)*. Odessa: "Politekhperiodydyka" Publ., 73—76 (in Ukrainian).
- Krasnozhon, A.V. 2016. In *Visnyk Odes'koho istoryko-kraieznavchoho muzeiu (Bulletin of the Odessa Museum of History and Local Studies)* 15, 132—141 (in Russian).
- Krasnozhon, A.V. 2018. In *Starodavnye Prychornomor'ya (Ancient Black Sea Region)* XII, 298—303 (in Russian).
- Krasnozhon, A.V. 2018. *Fortetsi ta mista Pivnichno-Zakhidnoho Prychornomor'ya (XV—XVIII st.) (Fortresses and Towns of the Northwestern Black Sea Region: 15th—18th Centuries)*. Odessa: "Chornomor'ya" Publ. (in Ukrainian).
- Krasnozhon, A.V., Fedoruk, A.V. 2012. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 239—259 (in Russian).
- Lep'yavko, S.A. 1996. *Kozats'ki vijny kintsya XVI st. v Ukraini (Cossack Wars of the Late 16th Century in Ukraine)*. Chemihiv: "Siverians'ka dumka" Publ. (in Ukrainian).
- Markevich, A.I. 1894. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* 17, 1—72 (in Russian).
- Morozov, P. 1831. In *Odesskii al'manakh na 1831-i god (Odessa Almanac for 1831)*. Odessa, 1—43 (in Russian).
- Murzakevich, N.N. 1867. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* 6, 595—597 (in Russian).
- [Lafitte-Clavé, A.-J.]. 1821. *Opisanie puti ot Konstantinopolia do Ochakova (Description of the Way from Constantinople to Ochakov)*. 1821. Saint Petersburg: Typography of the General Staff (in Russian).
- Order kn. Potemkina general-poruchiku Gudovichu (Order of Prince Potemkin to the Lieutenant-General Gudovich). 1894. *Sbornik voenno-istoricheskikh materialov (Collected Sources for the Military History)* VII, 293 (in Russian).
- Petrov, A.N. 1880. *Vtoraia turetskaia voina v tsarsvovanie imperatritsy Ekateriny II (1787—1791 gg.) (The Second Turkish War in the Reign of Empress Catherine II: 1787—1791)* II. Saint Petersburg: Typography of R. Golike (in Russian).
- Petrin', F.E. 1928. In *Zapiski Odesskogo obshchestva estestvoispytatelei (Bulletin of the Odessa Society of Naturalists)* 44. Odessa, 191—198 (in Russian).
- Polevshchikova, E.V. 2005. In *Deribasovskaia-Rishel'evskaia. Odesskii al'manakh (Deribasovskaya — Rishelyevskaya: Odessa Almanac)* 23. Odessa, 15—26 (in Russian).
- Prozorovskii, A.A. 2003. *Zapiski general-fel'dmarshala kniazia Aleksandra Aleksandrovicha Prozorovskogo (1756—1776 gg.) (Notes of the Field Marshal Prince Aleksandr Aleksandrovich Prozorovsky: 1756—1776)*. Moscow: "Rossiiskii Arkhiv" Yearbook Publ. (in Russian).
- Sapozhnikov, I.V. 1999. *Opisanie Odessy i Severnogo Prichernomor'ia 1780-kh gg. (Description of Odessa and the Northern Black Sea Region in 1780s)*. Il'ichevsk: "Elton-2" Publ. (in Russian).
- Sapozhnykov, I.V. 2005. In *Kraj Ovidiia: arkeolohiia ta istoriia Ovidiopol's'koho rajonu (Ovid's Land: Archaeology and History of the Ovidiopol District)*. Odessa: "Astroprint" Publ., 51—79 (in Ukrainian).
- Sapozhnykov, I.V. 2015. In Honcharuk, H.I., Kucheruk, M.S. (eds.). *Kochubiiv-Khadzhybey-Odesa (Kochubiev — Hacibey — Odessa)*. Odessa: "Politekhperiodydyka" Publ., 123—128 (in Ukrainian).
- Sapozhnykov, I.V. 2016. In *Arkhiv. Istoriia. Suchasnist' (Archive, History, and Modernity)* (2). Odessa, 267—277 (in Russian).
- Sapozhnikov, I.V. 2017. In *Scriptorium nostrum* (electronic historical journal), 9 (3), 139—159 (in Russian).
- Sereda, A.G. 2009. *Silistrensko-Ochakovskiy eyalet prez XVIII — nachaloto na XIX v.: Administrativno-teritorialno ustroystvo, selista i naselenie v Severozapadnoto Prichernomorie (The Region (eyalet) of Silistra-Ochakov In the 18th — Early 19th Centuries. Administrative and Territorial Structure, Settlements and Population In the Northwest Black Sea Region)*. Sofia: "Dio Mira" Publ. (in Bulgarian).
- Sereda, O.H. 2015. *Osmans'ko-ukrains'ke stepove porubizhzhya v osmans'ko-turets'kykh dzhherelakh XVIII st. (The Ottoman-Ukrainian Steppe Borderland in Ottoman-Turkish Sources of the 18th Century)*. Odessa: "Astroprint" Publ. (in Ukrainian).
- Skal'kovskii, A.A. 1837. *Pervoe tridsatiletie istorii goroda Odessy (1793—1823) (First 30 Years of the City of Odessa: 1793—1823)*. Odessa (in Russian).
- Skal'kovskii, A.A. 1885. *Istoriia Novoi Sechi ili poslednego koshia Zaporozhskogo (History of the New Sich, or the Last Zaporozhian Kosh)* II. Odessa: Typography of A. Schulze (in Russian).
- Smol'ianinov, K.N. 1853. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* 3, 338—432 (in Russian).
- Sumarokov, P.I. 1800. *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu, s istoricheskim i topograficheskim opisaniem vseh tek mest (Travel through Entire Crimea and Bessarabia in the Year of 1799, With the Historical and Topographical Description of All Those Places)*. Moscow: "Universitetskaia tipografiia" Publ. (in Russian).
- Khmars'kyj, V.M. 2002. In *Istoriia Odessy (History of Odessa)*. Odessa, 36—54 (in Ukrainian).
- Cheremisinov, V.M. 1904. *Istoriia Odessy (History of Odessa)*. Odessa: Printing House of the Headquarters of the Odessa Military District (in Russian).
- Shabul'do, F.M. 2005. In Shabul'do, F.M. (ed.). *Syn'ovods'ka prob-*

- lema u novitnikh doslidzhennyakh (*The Issue of the Battle at Siniye Vody in Recent Studies*). Kiev: Institute for History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine, 9—27 (in Ukrainian).
- Iakovlev, V.K. 1889. *Istoriia zaseleniia Khadzhibeia (1789—1795) (History of the Settlement of Hacibey in 1789—1795)*. Odessa (in Russian).
- Castelnau, M. 1827. *Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la nouvelle Russie*. Vol. 3, Edit. II. Paris.
- Długosz, J. 1711. *Historiae Polonicae libri XII*. Lipsiae.
- Documente privind istoria României. 1900. Vol. XI. București.
- Iorga, N. 1899. *Studii istorice asupra Chilie și Cetatea Albă*. București.
- Lafitte-Clavé, A.J. 1998. *Journal d'un voyage sur les côtes de la Mer Noire du 28 Avril au 18 Septembre 1784*. Istanbul.
- Jabłonowski, A. 1902. *Polska XVI wieku (pod względem geograficzno-statystycznym)*. T. 7. Cz. 1. *Ziemie Podolskiej*. Warszawa: Warszawska drukarnia estetyczna.
- Șlapac, M. 2004. *Cetăți medievale din Moldova (mijlocul secolului al XIV-lea — mijlocul secolului al XVI-lea)*. Chișinău: ARC.
- Wavrin, W. 1968. Expeditia de pe Dunăre. *Călători străini despre Țările Române I*. București: Editura Științifică, 81—122.

Статья поступила в сборник 20 января 2019 г.

Andrii Krasnozhon (Odessa, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. South Ukrainian National Pedagogical University named after K.D. Ushinsky¹.

Красножон Андрей Васильевич (Одесса, Украина). Доктор исторических наук. Южноукраинский национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского.

E-mail: ahmar.and@gmail.com

Address: ¹ Staroportofrankovskaya St., 26, Odessa, 65000, Ukraine

А. В. Балух

Влияние польско-турецкого соперничества второй половины XVII в. на военно-политическую ситуацию в Карпато-Днестровском регионе

Keywords: Bukovina, Moldavia, Poland, the Ottoman Empire, Chernivtsi, military-political relations, Khotyn fortress

Ключевые слова: Буковина, Молдавия, Польша, Османская империя, Черновцы, военно-политические отношения, Хотинская крепость

O. V. Balukh

The Influence of the Polish-Turkish Rivalry in the Second Half of the 17th Century on the Military and Political Situation in the Carpathian-Dniester Region

The second half of the 17th century was characterized by aggravation of relations between the Ottoman Empire and the Polish-Lithuanian Commonwealth. Since 1650, Moldavia was a vassal of Turkey. Military-political situation of Bukovina's lands as a part of Moldavia was characterized by constant interference of Polish and Turkish-Tatar troops in the Moldavian internal Moldavian affairs. Polish kings tried to keep Moldavia under their influence and occasionally sent troops there, that ravaged and plundered primarily borderlands with Poland, especially the territories of Chernivtsi and Khotyn districts. It was the time when the role of Khotyn fortress grew up, which continued to preserve its strategic importance.

So, Bukovina's land was at the forefront of the struggle between the Ottoman Empire and the Polish-Lithuanian Commonwealth, as during 1650—1699 both countries wished to extend their authority over Moldavia, and therefore — over Bukovina. As a consequence, from the second half of the 17th century, Bukovina was exposed to military and political events, and the authority over the land passed from hand to hand.

A. B. Балух

Влияние польско-турецкого соперничества второй половины XVII в. на военно-политическую ситуацию в Карпато-Днестровском регионе

Во второй половине XVII века усилилось соперничество между Османской империей и Польшей. Начиная с 1650 г. Молдавия продолжала находиться в вассальной зависимости от Турции. Военно-политическое положение буковинских земель в составе Молдавии характеризовалось постоянным вмешательством польских и турецко-татарских войск во внутримолдавские дела. Польские короли пытались сохранить Молдавию в сфере своего влияния, а иногда отправляли туда и войска, разрушали и грабили преимущественно приграничные территории с Польшей, особенно территории Черновицкого и Хотинского округов. В это время возрастает роль Хотинской крепости, которая продолжала сохранять свое стратегическое значение. Итак, земли Буковины были передовым рубежом в борьбе Османской империи и Речи Посполитой, поскольку в течение 1650—1699 гг. обе стороны хотели распространить свою власть на Молдавию, а значит, и на Буковину. Как следствие, со второй половины XVII века Буковина стала центром военно-политических событий, а власть над ней передавалась из рук в руки.

Введение

Актуальность темы связана со многими аспектами истории Буковины и Хотинщины — регионами, которые в эпоху средневековья пытались захватить сильные государства (Османская империя, Польша и др.), а за молдавский престол постоянно велась кровопролитная борьба, которая сказалась на положении населения Буковины. Это обстоятельство существенно влияло на социально-экономическую, военно-политическую и демографическую ситуа-

цию в крае, испытывающем периодические и часто весьма динамичные изменения. Кроме того, из-за расположения на перекрестке важных торговых путей, а также на границах различных государств регион неоднократно становился ареной жестоких войн и великих битв, в которых принимали участие многочисленные военные силы, в том числе и местные жители. Этот фактор тоже существенно влиял на военно-политическое положение Буковины и ее населения.

Цель нашей статьи заключается в комплексном освещении, на основе анализа ис-

точников и монографической литературы, военно-политического положения буковинских земель с 1650 до 1699 г.

Реализация цели исследования предопределяет решение следующих **задач**: охарактеризовать положение буковинских земель во второй половине XVII в.; проанализировать деятельность молдавских господарей в контексте истории Северной Буковины; исследовать военно-политические отношения Молдавии с Польшей и Турцией, затрагивающих территорию Буковины.

Разработкой данной проблемы занимался целый ряд российских, польских, украинских и молдавских ученых: А. Н. Масан (2005; 2009), З. Сперальский (2001), Г. М. Скорейко (2000), Л. Е. Семенова (2006) и др. Однако на сегодняшний день еще не существует комплексного исследования указанной проблемы. Главными источниками статьи послужили «Летопись Земли Молдавской» М. Костина и И. Некулче, а также казацкие летописи.

Изложение материала

Во второй половине XVII в. обостряются противоречия между Турцией и Польшей. Буковинские земли в течение этого периода играли важную роль в политике Османской империи, стремящейся распространить свое влияние на Подолье и Галичину, используя для этого войну Польши против казацкой Украины, а также протурецки настроенных украинских гетманов (Скорейко 2000: 243). Османы планировали использовать буковинские территории как плацдарм для наступления на поляков. Речь Посполитая, в свою очередь, стремилась ослабить османское влияние в Дунайских княжествах и захватить Молдавию, а вместе с ней и Буковину (БІН 1998: 52).

В августе-октябре 1653 г. был осуществлен последний (четвертый) молдавский поход казаков Богдана Хмельницкого, в результате которого Буковина снова стала ареной жестоких кровопролитных боев, в которых погиб Тимофей Хмельницкий, окончательно потерял молдавский престол господарь Василий Лупу, а казаки почетно капитулировали из-под Сучавы. Попытки Б. Хмельницкого дипломатическим путем организовать широкую коалицию против Речи Посполитой показали безрезультатность его дунайской политики. Для гетмана молдавские походы 1650—1653 гг. завершились полным провалом, отказом от военной помощи союзников, потерей времени и каза-

цких сил, а также немалой разрухой на буковинских землях, что в дальнейшем негативно повлияло как на Молдавию и Буковину, так и на казацкую Украину.

Оборона Сучавы продолжалась до 8 октября 1653 г. Казаки, сдав замок на почетных условиях, с оружием, знаменами, с телом погибшего Т. Хмельницкого отступили к Сококам, перейдя на украинские земли (Масан 2005: 108; 2009: 40). Черновицкие «краеведы» считали, что остатки казацкого войска возвращались на Приднепровье через Черновцы и Хотин (Комарницький 2001: 23). Данные утверждения не совпадают с фактами, поскольку Хотинская крепость была захвачена молдавскими войсками нового господаря Георгия Штефана. Молдаване, валахи, поляки, немцы и др. двинулись через Черновцы в Хотин, чтобы помочь польскому королю Яну Казимиру в Жванецкой битве. Польские отряды стояли в Хотине, чтобы обеспечить провиант и фураж для армии Речи Посполитой (Масан 2005: 108; 2009: 40). Итак, буковинские земли в это время стали спасительными для поляков.

В рядах войска Т. Хмельницкого были и татары. Покинув Сучаву, они отправились сначала в Черновцы, а затем через Хотин на Могилев-Подольский. По словам летописца, в Черновцах они находились недолго, а вблизи Хотина их пытались разбить отряды хотинского пыркэлаба Жоры, однако потерпели поражение, и татары переправились через Днестр (Костин 1992: 120).

Одной из причин устранения Василия Лупу от власти была недооценка стратегического значения Хотинского замка. Летописец М. Костин отмечал: «Не могу умолчать о Хотинском замке. Как же неразумно было оставлять его в чужих руках! Хотя бы для надежности переправы предстояло поставить здесь своих стрелков. Разве для этого надо было иметь много людей? Тридцать немцев годами бы удерживали замок — от молдавского войска, и от венгерского. Или продуктов не было? Хлеб с одного лишь прихотинского села или тот, что был в городе, мог бы прокормить замок круглый год. Итак, этот замок, если кто-то хорошо все обдумает, стал причиной разорения дома господаря Василия. [...] если бы жена последнего была в Хотинском замке, а не в Сучавском, господарь Г. Штефан не смог бы захватить Хотинский замок, играя, как Сучавский. [...] Смог бы господарь Г. Штефан взять Хотинский замок, когда Хмель (гетман Богдан Хмельницкий) был в Гусятине всего на расстоянии одного дня пути от Хотина?»

Многое смог бы сделать господарь Василий...» (Costin 1990: 207).

А в это время на территории Буковины активно действовал отряд повстанцев под руководством Детинки, который размещался в Хотинском и Черновицком уездах. На их подавление Г. Штефан направил регулярное войско во главе со стольником Бучком, которое и разгромило отряды Детинки (НПБ 1980: 69, 70; Кайнль 2005: 29).

В 1654 г. молдавский господарь Г. Штефан заключил мирный договор с гетманом Богданом Хмельницким, чтобы предотвратить новый молдавский поход казацких войск, поскольку продолжал тайно поддерживать Польшу (Жуковский 1991: 74). Мало кто знает, что в 1657 г. на Буковине, в частности в Черновцах, находились казацкие полки. Наладив союзные отношения с правителями Молдавии, Валахии и Трансильвании, гетман Богдан Хмельницкий осенью 1656 г. планировал осуществить совместный поход против Речи Посполитой. В начале января 1657 г. Киевский, Белоцерковский и Переяславский казацкие полки во главе с А. Ждановичем прибыли в Черновцы. Они насчитывали 12 тыс. реестровых казаков и около 8 тыс. «охотников», то есть добровольцев. На Буковине казаки объединились с молдавско-валахским отрядом, состоявшим из 4 тыс. воинов. А. Жданович получил от Б. Хмельницкого распоряжение не делать несправедливости на землях своих союзников, в том числе и на Буковине, «чтобы никому утяжиня не было, кто при ласке нашей и Войску Запорожскому оставаться будет» (Costin 1990: 230; ЛС 1971: 74; Смолий, Степанков 1995: 561). По мнению автора, в состав молдавских войск могли входить и воины из буковинских земель.

С Буковины объединенное войско двинулось на помощь князю Трансильвании Дьердь Ракоци и приняло участие в боях за Варшаву и Краков. На Буковину они вернулись летом 1657 г., откуда через Хотин двинулись в Чигирин, где и получили известие о смерти Б. Хмельницкого (БИН 1998: 52). А. Мургулец, который занимал должность Черновицкого старосты, очевидно, сопровождал казаков по территории Буковины.

На 1657 г. приходится еще одно важное для буковинских земель событие. Речь идет о заседании польско-молдавской пограничной комиссии по взаимному наказанию преступников (Чучко 2009: 20). Ее причиной стало регулярное перемещение войск соседних государств через молдавско-польское приграничье, что негативно сказалось на поло-

жении этих земель, в частности Буковины. Данное заседание состоялось в конце ноября 1657 г. в Снятине (Масан 2005: 110). Молдавские и польские комиссары собрались «для успокоения границ и обид между подданными обеих сторон и осуществления эффективной справедливости обиженным» (БКЕМВ 2005: 149). Несколько дней они обрабатывали данные о противоправных действиях подданных обеих государств на границе Галичины и Буковины, в частности, о бесчинствах солдат с польской стороны в Молдавии, а следовательно, и на буковинских землях.

1 декабря 1657 г. был составлен совместный протокол заседания комиссии, согласно которому обе стороны договорились отложить вынесение решения по обвиняемым в преступлениях, а новое заседание комиссии перенесли на 21 января 1658 г. О результатах последнего, к сожалению, сведения отсутствуют (Масан 2005: 110, 111). Однако, попытки чиновников обеих стран установить порядок и наказать виновных свидетельствует о действительно сложном военно-политическом положении на польско-молдавской границе.

Союз Молдавии с Дьердем II Ракоци, участие в походе против Польши молдавских войск и антиосманская борьба господаря Молдавии заставили турецкого султана в марте 1658 г. сбросить воеводу Г. Штефана с молдавского престола (Семенова 2006: 239, 240). Новым молдавским господарем назначили Георгия Гику, который правил страной до ноября 1659 г. (Стати 2002: 148). По приказу Порты он должен был предоставить военную помощь в походе турецко-татарской армии на Трансильванию летом и осенью 1658 г. В Валахии в это время господарем был Михня III, который осенью 1659 г. нанес поражение османскому войску, которое двигалось в Трансильванию через валахские земли. Узнав об этом, султан сверг с престола Валахии Михню III и назначил новым господарем молдавского правителя Георгия Гику. А для Молдавии назначил воеводой Штефаницу Лупу, сына экс-господаря Василия Лупу (Семенова 2006: 240, 241; Neculce 1990: 277).

По показаниям молдавского летописца М. Костина, в Молдавии в 1660 г. произошла попытка захвата Ясского престола экс-господарем Валахии К. Шербаном (Costin 1990: 245, 246, 247). Его отряды, по некоторым данным, были и на Буковине, в частности в Хотине (Масан 2005: 111). С помощью наемников, в состав которых входили запорожские казаки, он попытался утвердиться на молдав-

ском престоле, однако вынужден был отступить в Польшу вследствие угрозы нападения татар, которых привел господарь Штефаница Лупу. Однако, уже в 1661 г. султан назначает воеводой Молдавии Евстратия Дабижу (1661—1665 гг.). Его поддерживало молдавское боярство, а свою внешнюю политику он проводил в интересах османов (Семенова 2006: 241). Известно, что именно этот господарь предоставил монахам из Скита Манявского (галицкий центр православия) поселок Мамаевцы, что размещалось около г. Черновцы, со всеми доходами от него (Масан 2005: 111; Целевич 1993: 33, 34).

Османская империя во второй половине 60-х годов XVII в. стремилась захватить украинские земли, прежде всего Правобережную Украину (Артамонов 2001: 295). Плацдармом для нападения должна была стать Молдавия, а следовательно, и Буковина, поскольку именно эта земля граничила с Галичиной и Подольем. По мнению польского исследователя Я. Пажевского, в этой борьбе султан сделал ставку именно на Крымское ханство, устранив от правления весной 1666 г. польского союзника Мехмеда IV Гирея и назначив нового послушного и преданного Турции хана Аадил-Гирея (Pajewski 2003: 112). В то же время, весной 1666 г., гетман Правобережной Украины Петр Дорошенко наладил союзные отношения с новым крымским ханом, а также с Турцией (Уривалкін, Уривалкін 2008: 194), очевидно, против Речи Посполитой.

20 января 1667 г. был заключен Андрусовский договор между Москвией и Речью Посполитой, по которому Правобережная Украина оставалась за последней. После его заключения именно украинские земли оказались в эпицентре противостояния Польши, Москвы и Османской империи (Кралюк 2016: 94). В октябре 1667 г. татары Крым-Гирея и казаки П. Дорошенко двинулись на Подолье и Галичину. После неудачной двухнедельной осады Подгайцов 19 октября был заключен договор с Яном Собеским, по которому П. Дорошенко признал подданство Правобережной Украины польскому королю (Уривалкін, Уривалкін 2008: 198; Pajewski 2003: 116—126).

А в Молдавии, между тем, в ноябре 1665 г. умер господарь Е. Дабижа и, с помощью греков, молдавский престол приобретает грек из Румелии Георгий Дука. Он продолжал внутреннюю политику своего предшественника, поддерживая боярство и церковь. Однако долго на престоле не продержался, поскольку на него была отправлена жалоба в Турцию. Г. Дука пытался с помощью денег вер-

нуть доверие султана, но тщетно. 21 мая 1666 г. его сбросили с молдавского престола, а новым господарем стал Александр Илиаш (1666—1668 гг.) (Стати 2002: 148, 149). Он был политиком проосманской ориентации и выполнял все приказы султана. Например, в 1668 г. А. Илиаш отправил всю молдавскую селитру в Турцию для военных нужд последней, поскольку она продолжала войну с Венецией за о. Крит (Масан 2005: 112).

В 1669 г. закончилась многолетняя война Турции с Венецией. С этого времени османы направляют свою агрессию на север, стремясь покорить Правобережную Украину и Польшу (Мохов 1964: 338). В марте этого же года на Генеральной старшинской раде на р. Росава П. Дорошенко принимает турецкий протекторат (Уривалкін, Уривалкін 2008: 211—212), а уже в конце 1671 г. королю Речи Посполитой было направлено ультимативное требование султана о немедленном выводе польских войск из украинских земель Правобережья. Начались приготовления к польско-турецкой войне. Новому-старому господарю Молдавии Георгию Дуке (1668—1672 гг.) султан приказал собирать разведданные о состоянии укреплений Каменец-Подольского и других подольских крепостей, готовить провиант, фураж и древесину для будущего похода османского войска на Польшу (Масан 2005: 113; Семенова 2006: 242), в том числе через территорию Буковины. Боярину с Хотинщины Г. Конескулу господарь приказал создать макет замка в Каменце-Подольском. Летописец Ион Некулче писал, что «он из воска создал совершенный макет Каменецкой крепости», который был сразу же отправлен султану в Стамбул (Neculce 1990: 285, 286).

Нападение польских войск Яна Собеского на территории вассала Порты П. Дорошенка стало поводом для султана объявить в декабре 1671 г. войну Речи Посполитой. Молдавский господарь также обязывался предоставить свои войска для военных действий на стороне османов. В это время военнополитическое положение Молдавии, а вместе с ней и Буковины, было очень сложным. Ее земли османы использовали для подготовки и проведения наступательной операции против поляков. В ходе военных действий часто нарушались границы государства, в результате чего население страдало от разорений со стороны как польских войск, так и от казаков, которые поддерживали Крым и Порту (Семенова 2006: 242).

В августе 1672 г. османские войска уже находились вблизи Хотина и начали переправ-

ляться через Днестр с целью захвата Каменец-Подольской крепости. Из-за наводнения основная часть турецкой армии задержалась на переправе. Также обнаружилась недостача древесины для строительства мостов, за что господарь Георгий Дука потерял свой пост. Несмотря на временные трудности, османы после кратковременной осады в конце августа 1672 г. захватили Каменец-Подольскую крепость (Масан 2005: 114). Захватив её, они двинулись в Галичину, где в начале сентября 1672 г. осадили Львов. Польша вынуждена была начать мирные переговоры, завершившиеся 16 октября подписанием в г. Бучач мирного договора, по которому Подольское воеводство было присоединено к Турции (ІУК 2006: 384). Вследствие вышеуказанных событий, военно-политическое положение Молдавии, а вместе с ней и буковинских земель, значительно ухудшилось.

Новый молдавский господарь Стефан Петричейку (август 1672 — ноябрь 1673 гг.), узнав, что султан планирует после присоединения Галичины ликвидировать молдавскую государственность и превратить ее земли в обычный пашалык, тайно заключает антиосманское соглашение с Яном Собеским об объединении сил для отпора врага (БІН 1998: 52; Семенова 2006: 243).

Весной 1673 г. османская армия во главе с силистрийским наместником Гусейнопашой прибыли в Хотин. Поводом для дальнейших военных действий было невыполнение условий Бучацкого мира со стороны Польши. Туда же прибыли военные отряды молдавского и валашского господарей, которые насчитывали около 5 тыс. конницы (Масан 2005: 114—115).

О 40 тыс. турок под Хотинем сообщал господарь Молдавии московскому царю (ИС 1970: 13). Такую же цифру находим и в летописи Самовидца (ЛС 1971: 115), хотя другой казачий летописец С. Величко подает количество турок в 32 тыс. воинов (Величко 1991: 166).

Поляки были обеспокоены появлением многотысячного османского войска. В марте-апреле 1673 г. на Варшавском сейме великий коронный гетман Ян Собеский просил собрать пехоты и конницы по 30 тыс. каждой, а также мощную артиллерию — 80 пушек. Однако сейм согласился предоставить ему вдвое меньше: 15 тыс. всадников и 16300 пехоты, вместе 31300 воинов. К тому же, 12 тыс. всадников и пехотинцев должно было выставить Великое княжество Литовское (Pajewski 2003: 146—147).

11 октября Ян Собеский приказал своему войску, которое насчитывало до 40 тыс. человек, артиллерии — 40 орудий, выступить из-под Львова в Хотин. Это расстояние, в 300 км, они преодолели за месяц. Польским воинам под угрозой смертной казни было запрещено грабить окрестные земли и местное население (Pajewski 2003: 148, 150, 151). Автор разделяет мнение А. Масана, что цель этого похода заключалась в разгроме турок под Хотинем, чтобы отрезать им возможность поставки своих баз из Молдавии на Подолье, а конечной целью было отвоевать подольские земли и установить военно-политический контроль над Правобережной Украиной и Молдавией, включая Буковину (Масан 2005: 116).

Господарь Молдавии Стефан Петричейку, узнав о подозрениях османов о его связях с поляками, вместе с группой бояр и небольшим военным отрядом бежал из турецкого лагеря и присоединился к полякам (Семенова 2006: 243; ОВИМК 1987: 225).

11 ноября 1673 г. армия Яна Собеского осуществила решительное наступление на позиции османов, прорвав их оборону. Конница начала оттеснять турок к р. Днестр, что вызвало массовую панику. Деревянный мост, по которому бежали тысячи напуганных турецких воинов на подольский берег, не выдержал и обрушился. По свидетельствам летописца, спаслось лишь до 10 тыс. турок (ЛС 1971: 115—116), остальные попали в плен, были убиты или утонули в Днестре. В Хотине турки оставили немало сокровищ и отступили за Дунай (ЛС 1971: 116). 13 ноября враг был полностью разгромлен (Pajewski 2003: 159), а буковинские земли оказались под властью поляков.

Потери Яна Собеского были гораздо меньше, чем османские. Победители получили немало военных трофеев, в том числе 120 орудий (Масан 2005: 117). Поляки в Хотине, Сучаве и других молдавских крепостях разместили свои гарнизоны, состоящие из немецкой пехоты (ЛС 1971: 116).

Таким образом, Хотинская битва 1673 г. положительно повлияла на военно-политическое положение Польши и соседних государств. Ян Собеский был заинтересован в том, чтобы победа в битве под Хотинем приобрела международное значение. Она была образцом тогдашнего военного искусства, поскольку показала отличное взаимодействие различных родов войск, от пехоты и конницы до артиллерии. В ней польское войско показало, что может дать решительный отпор османским захватчикам. Однако полностью воспользо-

ваться результатами этой победы Речи Посполитой не удалось.

Ян Собеский стремился развить свой успех и освободить от турок и татар Молдавию и Подолье, однако, узнав о смерти польского короля Михаила Корибута Вишневецкого, вынужден был вернуться из Буковины в Польшу. По некоторым данным, 1 декабря 1673 г. он ночевал в Черновцах (Масан 2009: 41). Прибыв в г. Львов как победитель, Ян Собеский был единственным реальным претендентом на польский королевский престол.

Конечно, победа в Хотинской битве показала, что Польша может успешно бороться с турецко-татарскими захватчиками, а избрание новым королем 21 мая 1674 г. Яна III Собеского, очень талантливого военачальника, позволяло надеяться, что теперь поляки смогут остановить наступление османов и на украинские земли (Масан 2005: 118; Флора 1998: 118).

Казацкий летописец писал, что «Волошская (Молдавская — А.Б.) земля с тех пор в великом утрапленню была, же должны были все из земли бежать, и много в тех городах значительных валахов тулялось, потому великую несправедливость терпели от татар, которые зимовали, изгнав ляхов и господаря Петреця (Стефан Петричейку — А.Б.)» (ЛС 1971: 116). И действительно, под давлением турецко-татарских войск поляки вынуждены были отступить, а в Молдавии разместились татары. Польский гарнизон Хотинского замка вскоре также оставил его. Новым господарем на смену Стефану Петричейку султан назначил Думитрашка Кантакузино (1674—1675 гг.). Таким образом, карательный характер военной кампании турецко-татарских войск летом 1674 г. вызвал страшные разрушения и потери в Молдавии и на буковинских землях.

По мнению В. Стати, «правление нового молдавского господаря было одним из самых диких и постыдных в истории Молдавии. Этот иностранец дошел до того, что сам пригласил татар зимовать в Молдавии в 1674 г.» (Стати 2002: 149). Султан приказал буджакским татарам расквартироваться в междуречье Днестра и Прута, где они находились до весны 1675 г., разоряя местных жителей. Основным следствием их пребывания, в том числе и на буковинских землях, был страшный голод и эпидемия чумы, продолжавшиеся в течение 1675 г. (Neculce 1990: 294—295).

В августе 1676 г., желая взять реванш за проигрыш в Хотинской битве, султан направил восьмидесятитысячное войско на тер-

риторию Хотинщины, чтобы оттуда нанести удар по Галичине. Османское войско состояло из 40 тыс. турок и сколько же татар. Его возглавил новый полководец Ибрагим, по прозвищу Шайтан, который был пашой Дамаска. Поляки решили задержать продвижение врага, уничтожив переправы через р. Днестр между Хотином и Жванцем (Артамонов 2001: 299). 19 августа отряд поляков во главе с Михалом Зброжеком напал на охранников моста — молдаван и татар, разгромив их, сжег прочно построенный мост, а также несколько десятков лодок, которые должны были помочь османам переправиться через реку (Rajewski 2003: 187). А. Масан, интерпретируя это событие, пишет, что «Зброжек ворвался в Хотин со стороны Черновцов во главе отряда конницы, разгромил молдавско-татарские подразделения и основательно уничтожил мост» (Добржанський та ін. 2002: 108). Узнав об этом дерзком нападении поляков, паша Ибрагим-Шайтан, находящийся на территории нынешнего Кельменецкого района, направил орду в погоню за поляками, которые уже успели отступить, заняв выгодные позиции для обороны. Отряд М. Зброжека нанес разгромное поражение Порте, захватив немало разного добра (Rajewski 2003: 187). Таким образом, буковинские земли снова стали плацдармом для наступления османских войск на Польшу.

В это время активизируются партизанские отряды. Они состояли из поляков, молдавских добровольцев и казаков, которые часто действовали на территории Хотинщины. Основными врагами были турки и татары. Партизаны нападали на их караваны и военные обозы, брали в плен османов. В этой борьбе отмечился выходец из Буковины, ротмистр, а позже и полковник коронного войска Константин Туркул (Туркулец), которого благородным титулом наградил сам польский король (Добржанський та ін. 2002: 108).

В г. Журавне 17 октября 1676 г. было заключено перемирие между Османской империей и Речью Посполитой (Rajewski 2003: 194). По условиям мира Хотин оставался за Польшей, а за Османской империей признавалась власть над Подольем и частью Правобережной Украины (ОВИМК 1987: 227). Также поляки должны были покинуть крепости в Сучаве и Нямце, а сами замки были разрушены. Очевидно, они отступали через буковинские земли в направлении Галичины. Из-за недостатка провианта и фуража Хотинская крепость также была оставлена, а молдаване ее ограбили и частично разрушили (была повреждена южная и западная стена).

Однако как оборонное сооружение она стала непригодной для дальнейшего использования (Масан 2005: 120).

В начале апреля 1678 г. в Стамбуле был ратифицирован польско-турецкий мир. Основным его следствием для буковинских земель было то, что в течение нескольких лет на Буковине не должны вестись военные действия и находиться иностранные войска. Однако, после завершения войны польские офицеры и солдаты организовывали собственные конные отряды и продолжали партизанскую борьбу против турок и татар (Масан 2005: 120).

Длительные военные действия на территории Буковины и в соседних краях значительно истощали населения и их землю. Голод стал постоянным явлением. В 1680 г. от лютого голода в Молдавии умерло много людей. В 1686 г. голод повторился вследствие засухи и неурожая (Добержанский та ін. 2002: 108).

В это время на молдавском господарском престоле находился Григорий Дука (1678—1683 гг.), верный султанский слуга. В 1681 г. он получил титул «господарь земли молдавской и земли украинской», а за это обязывался предоставлять туркам военную помощь и поставлять им огромное количество продуктов питания (Мохов 1964: 342). Господарь Молдавии также поддерживал тесные связи с королем Польши, предоставляя всю информацию о османских передвижениях, а также уверяя Порту в мирных намерениях поляков. За это король Ян III обещал содействовать торговле Польши с Молдавией и Турцией (ОВИМК 1987: 229).

В 1683 г. началась война Османской империи с Австрией, которую поддержала Речь Посполитая. 12 сентября союзные войска во главе с польским королем Яном III Собеским разгромили османское войско под Веной и перешли в наступление. После этого Речь Посполитая начала военные действия против турок в Молдавии (ОВИМК 1987: 230).

В этом же 1683 г. в самой Молдавии активизировались партизанские отряды. По словам летописца, они, возглавляемые братьями Бренеску, заняли Буковину с городом Черновцы, превратив эти земли в плацдарм для будущих нападений на Подолье и вглубь Молдавии (Neculce 1990: 304; Масан 2009: 41).

Основной целью польского короля было захватить Молдавию и заблокировать осман в Каменце-Подольском. Осенью 1683 г. молдавский поход возглавил экс-господарь Стефан Петричейку. Его войско состояло из польско-валашских частей под руководством Демидецкого и казаков во главе с Ку-

ницким. Они захватили столичные Яссы и, развивая успех, разорили Буджак (Neculce 1990: 304, 305; Масан 2005: 120). Очевидно об этих событиях писал и А. Жуковский: «казачий генерал Куницкий (также Куницкий) боролся в течение трех дней против тридцатитысячной армии татар и турок, из которых 20000 было убито. Казаки заставили тогда молдавского и валашского воевод выступить против турок» (Жуковский 1991: 74—75). Однако после нескольких неудачных столкновений с османами часть казачьих войск отошла в Польшу.

С. Петричейку отступил к Сучаве, ожидая подкрепление от поляков, но, получив весть о приближении многочисленных турецко-татарских войск, в апреле 1684 г. вынужден был навсегда покинуть Молдавию и поселиться в Польше (Neculce 1990: 304—305; Масан 2005: 120; ОВИМК. 1987: 231—232). Таким образом, планам С. Петричейку не суждено было сбыться, однако буковинские земли тогда сильно пострадали от пребывания и постоя иностранных войск.

В Польшу вместе с экс-господарем перешло немало молдавских чиновников и бояр, среди которых вышеупомянутый Мирон Костин, который занимал должности старосты-пыркалаба, большого логофета и др. Автор разделяет мнение П.В. Советова, что именно М. Костин был автором известного обращения к королю Польши в 1684 г. о переходе Молдавии в королевское подданство для освобождения страны с его помощью из-под турецкого ига. В этой «суплиции», датированной июлем 1684 г., молдавские феодалы (бояре и духовенство) просили Яна III об установлении таких же феодальных порядков и прав, которыми располагает «шляхта польская в землях Короны и Литвы», позволить вернуться тем, кто в силу тех или иных обстоятельств покинул страну, а также запретить военным грабить население во время пребывания коронных войск в Молдавии (DPIR 1900: 151—152; Семенова 2006: 249; Советов 2010: 69; Масан 2005: 120—121).

По некоторым источникам, молдавский поход польского короля должен был состояться в конце лета 1684 г. Планировалось построить переправу через реку Днестр вблизи Хотина и передислоцировать в Молдавию многочисленную армию для недопущения объединения турецкого и татарского войск (DPIR 1900: 246; Сперальский 2001: 177). Однако в 1684 г. этот поход не был осуществлен.

По мнению польского короля Яна III, захват Молдавии положительно повлияет на от-

воевание Каменца-Подольского у Турции, поэтому нужно попытаться захватить хотя бы север страны. С этой целью в сентябре 1685 г. на территорию Буковины вошли польские и казачьи отряды в количестве 15 тыс., во главе с великим коронным гетманом Станиславом Яном Яблоновским (Масан 2005: 121). Л. Семенова также пишет, что они «перешли через Днестр и двинулись неизведанным путем по Буковине» (Семенова 2006: 249). Очевидно, что, двигаясь в с. Бояны, войска С. Яблоновского должны были пройти через г. Черновцы или его окрестности.

При подходе к с. Бояны 1 октября 1685 г. на них неожиданно напали турецкие и татарские войска, преобладавшие количественно польско-казачьи силы в несколько раз, возглавляемые сераскером Сулейман-пашой (Neculce 1990: 315). Главное сражение началось 3 октября, однако ни османы, ни поляки с казаками победы не смогли достичь. На стороне Сулейман-паши в битве активностью отличился Константин Кантемир (1685—1693 гг.), избранный в июле 1685 г. новым господарем Молдавии (Семенова 2006: 249).

Поляки и казаки в течение нескольких суток удачно отражали все нападения превосходящих османских войск, поскольку имели на вооружении мощную артиллерию. Местные крестьяне сообщили полякам об изменении татарских позиций, чтобы преградить им путь к отступлению. Несмотря на это, войска С. Яблоновского в ночь с 9 на 10 октября вынуждено было оставить хорошо укрепленный лагерь под Боянами и отступить к Днестру. Автор разделяет мнение А. Масана, что они должны были «отойти к Днестру именно лесами Хотинской возвышенности» (Масан 2005: 121). Несмотря на поражение польско-казачьих войск, король Польши готовил новый поход на Молдавию в 1686 г.

Готовясь к нападению, Ян III стремился заручиться поддержкой нового господара К. Кантемира. За это последнему обещали наследственную власть в Молдавии. Он формально поддержал поляков, однако на деле продолжал служить султану, а переговоры с Польшей вел, чтобы обеспечить себе надежный тыл в случае поражения османов (Семенова 2006: 250).

В конце июля 1686 г. польско-литовская армия перешла Днестр и через буковинские земли направилась к столичным Яссам. 16 августа 1686 г. польский король торжественно вошел в молдавскую столицу. Господарь Молдавии оставил Яссы и организовал войска для

отпора наступлению поляков. Развить успех полякам помешало известие о приближении к Каменец-Подольскому замку турецкого обоза (фуража и продовольствия). Также поляки не получили обещанной помощи от союзников австрийцев, поэтому вынуждены были отступить (Масан 2005: 122). Очевидно, что они двигались назад путем, которым и пришли, то есть через Буковину. Таким образом, молдавская кампания Яна Собеского в 1686 г. не дала желаемых результатов.

Поляки все же разместили на буковинских землях свои военные отряды, сформированные из молдавских и польских наемников. В конце июня 1687 г. король Польши издал универсал, по которому вышеупомянутый К. Туркул был назначен губернатором Черновицкого уезда. А. Масан справедливо считает, что «размещение войск на постоянной основе и назначения королевского ротмистра руководителем судебной и административной власти в Черновицком уезде фактически были первыми шагами к аннексии северной части Буковины Речью Посполитой» (Масан 2005: 122; 2009: 41). О попытке аннексии северной Молдавии сообщает и М. Чучко (Боднарюк, Чучко 2018: 166).

Стремясь сохранить ранее захваченные земли, поляки в 1687 г. расквартировали свои войска в Василькове, Орошанах, Кицмане, а в Банилове, Глиннице, Черновцах и Кучурове (Великом) находились молдавские отряды К. Туркула (Neculce 1990: 320), которые, время от времени, совершали нападения на турецкие и татарские войска, отбирая у них награбленное.

В начале 1690 г. был заключен договор между Молдавией и Австрией. По его условиям молдавский господарь становился вассалом императора, однако за ним не сохранялось право на потомственное правление в стране. Но в конце августа 1690 г. Порты нанесла поражение австрийцам в бою под Зарнештами. Таким образом, угроза австрийской оккупации исчезла, однако активизировалась дипломатическая и военная борьба Речи Посполитой за Молдавию (ОВИМК 1987: 235). Очевидно, что поляки, узнав о тайном соглашении с австрийцами, ввели на северомолдавские земли дополнительные войска (БІН 1998: 54).

Существует мнение, что упомянутые выше польско-молдавские военные формирования принимали активное участие в следующем молдавском походе С. Яблоновского на Сучаву осенью 1690 г. Закрепившись на севере Молдавии, Ян III стремился сделать то же са-

мое и на западе, поскольку после Трансильвании Порты могла уступить Габсбургам и Молдавию (Власова 1980: 92). Однако и на этот раз желаемой цели не было достигнуто.

В 1691 г. польский король осуществляет новую попытку завоевать Молдавское государство. В этом походе турецко-татарские отряды использовали против поляков тактику постоянного уклонения от боя. Таким образом они очень истощали коронное войско своими рейдами. Молдавский господарь и на этот раз не поддержал Яна III, продолжая служить османам. Против поляков он также использовал тактику «выжженной земли». Союзная Австрия снова не предоставила военную помощь, поэтому польский король вынужден был вернуться в Польшу. Основной цели не было достигнуто, хотя расширились северные границы занимаемых поляками молдавских земель. Им удалось захватить Сучаву и Нямц, а казаки захватили Сорокскую крепость (Семенова 2006: 256). Из-за того, что поход проходил в осеннюю пору (с сентября до начала ноября), коронное войско терпело значительные потери. От дождей, холода, снегопадов, недостатка пищи и потери значительного количества лошадей поляки недосчитались около 1,5 тыс. воинов, оставили артиллерию (вынуждены были зарыть пушки в лесах возле с. Ропча) и немало другого оружия (Neculce 1990: 321; Масан 2009: 41—42; Сперальский 2001: 179—180). Итак, последний молдавский поход Яна III завершился неудачей и большими военными потерями.

Не достигнув желаемых результатов военным путем, поляки попытались решить их дипломатически. С этой целью летом 1692 г. были начаты мирные переговоры между Польшей и Портой. В обмен на мир султан обязывался вернуть полякам Каменец-Подольский. Однако король Ян Собеский требовал от Турции уступить ему Молдавию вместе с Буковиной (Neculce 1990: 321; Власова 1980: 122—123). В конце концов, консенсус не был достигнут.

По мнению некоторых исследователей, польско-молдавские военные отряды, возглавляемые старостой Черновицкого уезда К. Туркулом, размещались в населенных пунктах Буковины и в дальнейшем осуществляли рейды вглубь молдавских земель (Масан 2005: 123; Сперальский 2001: 180).

Весной 1694 г. Порты согласилась начать переговоры с европейскими государствами Священной лиги, которые состоялись

в г. Стрый под Львовом. На них присутствовал и Ян Собеский. По мнению В. Артамонова, «в том же (1694 г. — А.Б.) С. Яблоновский совершил очередной безуспешный поход на Молдавию» (Артамонов 2001: 314). Однако, после 1691 г. поляки не совершали ни одного нападения на молдавские земли. Таким образом, данное утверждение относится к домыслам, или неправильной хронологической трактовкой похода С. Яблоновского 1690 г.

В начале 1695 г. новым султаном Турции становится Мустафа II (1695—1703 гг.) (Shaw 2002: 223). Тогда же молдавским господарем был назначен Антиох Кантемир (1695—1700 гг.). Ему удалось установить мирные отношения с Польшей, поскольку предыдущие господа постоянно предавали поляков, а также стабилизировать внутренне- и внешнеполитическое положение в Молдавии (Стати 2002: 151).

17 июня 1696 г. умер польский король Ян III Собеский. Внутри страны началось «бескоролевье» и борьба различных претендентов за власть (Артамонов 2001: 316). И о войне с Османской империей не могло быть и речи.

15 сентября 1697 г. в Кракове был коронован Август II Фридрих. В начале его правления Польша формально продолжала войну с Портой, но война Священной лиги с Турцией завершалась (Зашкильняк, Кричун 2002: 200—201). На 1698 г. польский король планировал осуществить поход на Бужацкую орду через молдавские земли, однако после конфликта с магнатами так и не осуществил его (Neculce 1990: 338; Артамонов 2001: 318—319; Масан 2005: 123).

3 октября 1698 г. в городке Карловиц (теперь принадлежит Сербии) начались переговоры о мире между Османской империей и европейскими государствами Священной лиги. Уже в декабре 1698 г. был заключен мир с Речью Посполитой, по которому поляки обязывались освободить северную Молдавию и восстановить границу 1672 г., а османы, в свою очередь, к марту 1699 г. должны были вернуть Каменец и все Подолье. 26 января 1699 г. был заключен Карловицкий мирный договор, по которому Османская империя оставила за собой Молдавию и Валахию (DPIR 1900: 235—236; Артамонов 2001: 319, 320; Мохов 1964: 347; Shaw 2002: 223—224). Таким образом, претензии Польши на Черновицкую, Сучавскую, Хотинскую и Сорокскую волости не были реализованы.

Выводы

Итак, военно-политическое положение Буковины в это время было достаточно сложным и напряженным. После многочисленных молдавских походов казаков и завершения длительного правления Василия Лупу началась борьба за господарский престол, в результате которой воеводы менялись чуть ли не ежегодно. Османы рассматривали буковинские земли как плацдарм для нападения на территории Речи Посполитой. Отношения между двумя государствами были достаточно напряженными, что вылилось в длительную войну. И снова Буковина оказалась в эпицентре борьбы соседних государств. Именно под

Хотином в 1673 г. поляки нанесли поражение османам, а окружающие земли в те времена понесли немалые опустошения армиями обеих сторон.

Таким образом, польско-турецкие военные действия негативно повлияли на буковинские земли, стали ареной кровопролитных боев. Результатом длительного османского владычества в регионе было увеличение экономических требований, частых постоев турецких, татарских, польских и других войск, демографические потери от голода и болезней. А Буковина во второй половине XVII в. стала объектом противостояния между Османской империей и Речью Посполитой.

Литература

- Артамонов В. А. 2001. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683—1699). В: Литаврин Г. Г. (отв. ред.). *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.* 2. Москва: Памятники исторической мысли, 295—328.
- БКЄМВ 2005: Ботушанський В. М. (отв. ред.). 2005. *Буковина в контексті європейських міжнародних відносин (з давніх часів до середини XX ст.)*. Чернівці: Рута.
- БІН 1998: Ботушанський В. М. (отв. ред.). 1998. *Буковина: історичний нарис*. Чернівці: Зелена Буковина.
- Боднарюк Б. М., Чучко М. К. 2018. Буковинское село Великий Кучуров и его жители в молдавский период. *Русин* 51 (1), 162—179.
- Величко С. В. 1991. *Літопис*. У 2 т. Т. 2. Київ: Дніпро.
- Власова Л. В. 1980. *Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII — начале XVIII в.* Кишинев: Штиинца.
- Добрянський та ін. 2002: Добрянський О., Макар Ю., Масан О. 2002. *Хотинщина: історичний нарис*. Чернівці: Молодий буковинець.
- Жуковський А. 1991. *Історія Буковини*. Ч. 1. Чернівці: Час.
- Зашкільняк Л. О., Кричун М. Г. 2002. *Історія Польщі. Від найдавніших часів до наших днів*. Львів: ЛНУ.
- ИС 1970: Костакэл В. А. (отв. ред.). 1970. *Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.: Документы и материалы: в 3 т.* Т. 3. 1673—1711. Москва: Наука.
- ІУК 2006: Смолій В. А. (отв. ред.). 2006. *Історія українського козацтва: Нариси. У 2 т.* Т. 1. Київ: Києво-Могилянська академія.
- Кайндль Р. Ф. 2005. *Історія Чернівців від найдавніших часів до сьогодення*. Чернівці: Зелена Буковина.
- Комарницький С. 2001. *Цитадель на Дністрі*. Чернівці: Золоті Литаври.
- Костін М. 1992. Літопис землі Молдавської від господаря Арона в цей бік. *Український історичний журнал* 12, 107—122.
- Кралюк П. М. 2016. *Козацька міфологія України: творчі та епігони*. Харків: Фоліо.
- Масан О. 2005. Буковина як об'єкт міжнародних відносин з давніх часів до 1774 р. В: Ботушанський В. М. (відп. ред.). *Буковина в контексті європейських міжнародних відносин (з давніх часів до середини XX ст.)*. Чернівці: Рута, 9—168.
- Масан О. 2009. Чернівці у другій половині XIV—XVIII ст. (до 1775 р.). В: Ботушанський В. М. (заг. ред.). *Чернівці. Історія і сучасність*. Чернівці: Зелена Буковина.
- Мохов Н. А. 1964. *Молдавия эпохи феодализма*. Кишинев: Картя Молдовеняскэ.
- НІПБ 1980: Шевченко Ф. П. (відп. ред.). 1980. *Нариси з історії Північної Буковини*. Київ: Наукова думка.
- ОВИМК 1987: Драгнев Д. М. (отв. ред.). 1987. *Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя четверть XIV — начало XIX в.)*. Кишинев: Штиинца.
- Семенова Л. Е. 2006. *Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV — начало XIX в. (Очерки внешнеполитической истории)*. Москва: Индрик.
- Скаба А. Д. (отв. ред.). 1971. *Літопис Самовидця*. Київ: Наукова думка.
- Скорейко Г. 2000. Хотинська фортеця у міжнародних угодах XVII ст. *Питання історії України* 4, 117—122.
- Сперальский З. 2001. *Молдавские авантюры*. Бэлць: б. и.
- Смолій В. А., Степанков В. С. 1995. *Богдан Хмельницький: Соціально-політичний портрет*. Київ: Либідь.
- Стати В. 2002. *История Молдовы*. Кишинев: F.E.P. "Tipografia Centrală".
- Уривалкін О. М., Уривалкін М. О. 2008. *Гетьмани України та кошові Запорозької Січі*. Київ: Дакор; КНТ.
- Целевич Ю. 1993. *Історія Скиту Манявського від його заснування аж до замкнення (1611—1785)*. Івано-Франківськ: УПЦ КП, Івано-Франківська Єпархія.
- Чучко М. К. 2009. *Історія митної справи на Буковині (XIII — початок XXI ст.)*. Чернівці: Золоті литаври.
- Costin M. 1990. Letopisețul Țării Moldovei de la Aaronvodă încoace. In: Ureche G., Costin M., Neculce I. *Letopisețul Țării Moldovei...: Cronic. Chișinău: Hyperion*, 135—248.
- DPIR 1900: *Documente privitoare la istoria Românilor. Urmare la colectiunea lui E. Hurmuzachi*. 1900. Supl. 2. Vol. 3: 1641—1703: *Documente culese din Archive și Biblioteci polone de I. Bogdan*. București.

Neculce I. 1990. O sama de cuvinte. In: Ureche G., Costin M., Neculce I. *Letopisețul Țării Moldovei...: Cronici*. Celac T. (ed. resp.). Chișinău: Hyperion, 280—472.

Pajewski J. 2003. *Buńczuk i koncerz: Z dziejów wojen polsko-*

tureckich 2. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.

Shaw S.J. 2002. *History of the Ottoman Empire and Modern Turkey*. Vol. 1. *Empire of the Gazis: the rise and decline of the Ottoman Empire, 1280—1808*. Cambridge: University press.

References

- Artamonov, V.A. 2001. In Litavrin, G.G. (ed.). *Osmanskaia imperiia i strany Tsentral'noi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evropy v XVII v. (The Ottoman Empire and Countries of Central, Eastern and Southeastern Europe in 17th Century)* 2. Moscow: "Pamyatniki istoricheskoi mysli" Publ., 295—328 (in Russian).
- Botushans'kyj, V.M. (ed.). 2005. *Bukovyna v konteksti yevropejs'kykh mizhnarodnykh vidnosyn (z davnikh chasiv do seredyiny XX st.) (Bukovina in the Context of European International Relations (from Ancient Times to Middle 20th Century))*. Chernivtsi: "Ruta" Publ. (in Ukrainian).
- Botushans'kyj, V.M. (ed.). 1998. *Bukovyna: istorychnyj narys (Bukovina: an Historical Overview)*. Chernivtsi: "Zelena Bukovyna" Publ. (in Ukrainian).
- Bodnariuk, B.M., Chuchko, M.K. 2018. In *Rusin (Rusin)* 51 (1), 162—179 (in Russian).
- Velychko, S.V. 1991. *Litopys*. U 2 t. (*Chronicle in 2 vols.*). Vol. 2. Kiev: "Dnipro" Publ. (in Ukrainian).
- Vlasova, L.V. 1980. *Moldavsko-pol'skie politicheskie svyazi v poslednei chetverti XVII — nachale XVIII v. (Moldavian-Polish Political Relations in the Last Quarter of 17th — Early 18th Centuries)*. Kishinev: "Știința" Publ. (in Russian).
- Dobrzshans'kyj, O., Makar, Yu., Masan, O. 2002. *Khotynshchyna: istorychnyj narys (Khotin Land: an Historical Esquisse)*. Chernivtsi: "Molodyj bukovynets" Publ. (in Ukrainian).
- Zhukovs'kyj, A. 1991. *Istoriya Bukovyny (History of Bukovina)* 1. Chernivtsi: "Chas" Publ. (in Ukrainian).
- Zashkil'nyak, L.O., Krychun, M.H. 2002. *Istoriya Pol'shchi. Vid najdavnishykh chasiv do nashykh dniv (History of Poland from the Earliest Past to the Present)*. Lviv: Lviv National University (in Ukrainian).
- Costăchel, V.A. (ed.). 1970. *Istorieskie svyazi narodov SSSR i Rumynii v XV — nachale XVIII vekov. Dokumenty i materialy (Historical Relations of the Peoples of USSR and Romania in 15th — Early 18th Century. Documents and Materials)* 3. 1673—1711. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Smolij, V.A. (ed.). 2006. *Istoriya ukrains'koho kozatstva: Narysy. U 2 t. (History of Ukrainian Cossacks: Essays in 2 vols.)* 1. Kiev: Kyiv-Mohyla Academy (in Ukrainian).
- Kajndl', R.F. 2005. *Istoriya Chernivtsiv vid najdavnishykh chasiv do s'ohodennya (History of the Chernivtsy City from the Earliest Past to the Present)*. Chernivtsi: "Zelena Bukovyna" Publ. (in Ukrainian).
- Komarnyts'kyj S. 2001. *Tsyttadel' na Dnistri (Citadel on the Dniester)*. Chernivtsi: "Zoloti Lytavry" Publ. (in Ukrainian).
- Costin, M. 1992. *Litopys zemli Moldavs'koi vid hospodarya Arona v tsej bik (Letopisețul Țării Moldovei de la Aaron-vodă încoace)*. In *Ukrains'kyj istorychnyj zhurnal (Ukrainian Historical Journal)* 12, 107—122 (in Ukrainian).
- Kralyuk, P.M. 2016. *Kozats'ka mifolohiya Ukraïny: tvorsti ta epihony (The Cossack Mythology in Ukraine: Creators and Epigons)*. Kharkiv: "Folio" Publ. (in Ukrainian).
- Masan, O. 2005. In Botushans'kyj, V.M. (ed.). *Bukovyna v konteksti yevropejs'kykh mizhnarodnykh vidnosyn (z davnikh chasiv do seredyiny XX st.) (Bukovina in the Context of European International Relations (from Ancient Times to Middle 20th Century))*. Chernivtsi: "Ruta" Publ., 9—168 (in Ukrainian).
- Masan, O. 2009. In Botushans'kyj, V.M. (ed.). *Chernivtsi. Istoriya i suchasnist' (Chernivtsi: History and Present)*. Chernivtsi: "Zelena Bukovyna" Publ. (in Ukrainian).
- Mokhov, N.A. 1964. *Moldaviia epokhi feodalizma (ot drevnei-shikh vremen do XIX v.) (Moldavia in the Feudal Epoch (from Oldest Times to 19th Century))*. Kishinev: "Cartea Moldovenească" Publ. (in Russian).
- Shevchenko, F.P. (ed.). 1980. *Narysy z istorii Pivnichnoi Bukovyny (Essays from the History of Northern Bukovina)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
- Dragnev, D.M. (ed.). 1987. *Ocherki vneshepoliticheskoi istorii Moldavskogo kniazhestva (posledniaia chetvert' XIV — nachalo XIX vv.) (Essays from the External Political History of the Moldavian State (Last Quarter of 14th — Beginning of 19th Centuries))*. Kishinev: "Știința" Publ. (in Russian).
- Semenova, L.E. 2006. *Kniazhestva Valakhii i Moldaviia. Konec XIV — nachalo XIX v. (Ocherki vneshepoliticheskoi istorii) (Principalities of Wallachia and Moldavia in Late 14th — Early 19th Centuries: Essays of History of the Foreign Police)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
- Skaba, A.D. (ed.). 1971. *Litopys Samovydytsya (The Samovydyts' Chronicle)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
- Skorejko H. 2000. In *Pytannya istorii Ukraïny (Problems of the History of Ukraine)* 4, 117—122 (in Ukrainian).
- Spieralski, Z. 2001. *Moldavskie avantiury (Awantury moldawskie)*. Bălți: s. ed. (in Russian).
- Smolij, V.A., Stepankov, V.S. 1995. *Bohdan Khmel'nyts'kyj: Sotsial'no-politychnyj portret (Bohdan Khmelnytsky: Social and Political Portrait)*. Kiev: "Lybid'" Publ. (in Ukrainian).
- Stati, V. 2002. *Istoriia Moldovy (History of Moldova)*. Kishinev: F.E. P. "Tipografia Centrală" (in Russian).
- Uryvalkin, O.M., Uryvalkin, M.O. 2008. *Het'many Ukraïny ta koshovi Zaparoz'koi Sichi (Hetmans of Ukraine and Kosh Otamans of the Zaporizhian Host)*. Kiev: "Dakor" Publ.; "KNT" Publ. (in Ukrainian).
- Tselevych, Yu. 1993. *Istoriya Skytu Manyavs'koho vid joho zasnuvannya azh do zamknennya (1611—1785) (History of the Manyavsky Skete from its Foundation until to Closing: 1611—1785)*. Ivano-Frankivs'k: Ivano-Frankivs'k Eparchy of the Ukrainian Orthodox Church, Kiev Patriarchate (in Ukrainian).
- Chuchko, M.K. 2009. *Istoriya mytnoi spravy na Bukovyni (XIII — pochatok XXI st.) (History of Customs Affairs in Bukovina in 13th — Early 21st Centuries)*. Chernivtsi: "Zoloti lytavry" Publ. (in Ukrainian).
- Costin, M. 1990. *Letopisețul Țării Moldovei de la Aaron-vodă încoace*. In Ureche, G., Costin, M., Neculce, I. *Letopisețul Țării Moldovei...: Cronici*. Chișinău: Hyperion, 135—248.
- Documente privitoare la istoria Românilor. Urmare la colectiunea lui E. Hurmuzachi*. 1900. Supl. 2. Vol. 3: 1641—1703: *Documente culese din Archive și Biblioteci polone de I. Bogdan*. București.
- Neculce, I. 1990. O sama de cuvinte. In Ureche, G., Costin, M., Neculce, I. *Letopisețul Țării Moldovei...: Cronici*. Celac T. (ed. resp.). Chișinău: Hyperion, 280—472.
- Pajewski, J. 2003. *Buńczuk i koncerz: Z dziejów wojen polsko-tureckich* 2. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.
- Shaw, S.J. 2002. *History of the Ottoman Empire and Modern Turkey*. Vol. 1. *Empire of the Gazis: the rise and decline of the Ottoman Empire, 1280—1808*. Cambridge: University press.

Статья поступила в сборник 31 декабря 2018 г.

Oleksii Balukh (Chernivtsi, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University¹.

Балух Алексей Васильевич (Черновцы, Украина). Кандидат исторических наук. Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича.

E-mail: balukh85@gmail.com

Address: ¹ Kotsiubynsky St., 2, Chernivtsi, 58012, Ukraine

К осмыслению теорий и заблуждений

Understanding Theories and Delusions

В. П. Кирилко

Терминологический аспект в изучении однонефных храмов средневекового Крыма

Keywords: Crimea, Medieval Ages, ecclesiastical architecture, basilica-like church without aisles, basilican church, church without aisles, chapel, architectural term

Ключевые слова: Крым, средневековье, церковная архитектура, однонефная базилика, храм базиликального типа, однонефный храм, часовня, архитектурный термин

V.P. Kirilko

Terminological Aspect in Studies of Single-Nave Basilicas in the Medieval Crimea

Smaller churches with one apse and the nave rectangular in plan — undomed and without pillars to divide its internal space in bays — are the most common type of medieval churches in the Crimea. Such religious structures, rather diversified, are spread across the peninsula and include the majority of all existing churches today. The choice of terminology plays an increasingly important role in their studies, due to controversial use of such terms as 'basilica', 'single-nave basilica' or 'basilica-type building' to define them. The present study led to the following three conclusions. 1. When making a choice between functional and architectural approach, if a definition of an archaeological object is required, the second approach should be preferred. 2. It is unacceptable either to refer to those church structures, which do not have such characteristic features as 'basilican section' and 'basilican lighting', as basilicas, or to attribute them to 'basilican type', in order to avoid distorting the mere idea of it as a structure and its architectonic. 3. 'Single-nave temple' seems to be the most suitable term to use for the typological identification of such buildings (or, the full term would be: 'a church, rectangular in plan, with one-part nave and a semicircular/faceted 'apse'), or a 'chapel'.

В. П. Кирилко

Терминологический аспект в изучении однонефных храмов средневекового Крыма

Малые одноапсидные храмы с прямоугольным в плане наосом, перекрытие которого не имело купольного завершения и промежуточных опор, деливших внутреннее пространство на пролёты, принадлежат к числу наиболее распространённых церковных сооружений средневекового Крыма. В культовом зодчестве полуострова они представлены практически повсеместно и достаточно разносторонне, составляя основную часть всех известных сейчас церквей. В рамках их изучения особую значимость приобретает терминологический аспект темы, который обусловлен противоречивостью нередко применяемых по отношению к ним таких определений, как «базилики», «однонефные базилики» или «постройки базиликального типа». Результаты исследования обуславливают три ключевых вывода. 1. При выборе между функциональным и архитектурным подходом в случае необходимости определения археологического объекта второй из них предпочтительнее. 2. Церковные постройки, которым не свойственны такие характерные черты, как «базиликальный разрез» и «базиликальный тип освещения», называть базиликами, равно как относить их к базиликальному типу, во избежание искажения представления о самом сооружении и его архитектонике, неприемлемо. 3. Наиболее оптимальным термином для типологической идентификации подобных строений являются понятия «однонефный храм» (полное название — «храм с прямоугольным в плане одночастным наосом и полукруглой/гранёной апсидой») или «часовня».

Наша с Николаем Дмитриевичем Русевым дружба началась в далёком 1994 г., когда судьба свела нас, двух совершенно незнакомых прежде людей, в г. Велико Тырново на конференции «Българите в Северното Причерноморие», затем были другие встречи, неизменно с душевными разговорами и приятными воспоминаниями, иногда уда-

валось увидеться и в Крыму (рис. 1—3). Среди множества добродетелей, которыми наделён юбиляр, мне особенно импонирует приносящая ему исключительная обстоятельность во всём, органично дополненная неиссякаемой любознательностью, получившей своё отражение в слегка удивлённом взгляде. Радует то, что, возделывая научную ниву, он

The study was prepared under "Interaction of Cultures and Civilizations in Medieval Crimea" Project of the Medieval Archaeology Department, Institute of Crimean Archaeology, Russian Academy of Sciences ■ Исследование подготовлено в рамках выполнения плановой темы Отдела средневековой археологии Института археологии Крыма Российской Академии наук «Взаимодействие культур и цивилизаций в средневековом Крыму».

© В. П. Кирилко, 2019.

Рис. 1. Н.Д. Руссев в Крыму. Встреча с прекрасным. Над Ласточкиным гнездом. Рядом — С.Г. Бочаров. 2009 г. (фото автора).

Fig. 1. N.D. Russev in the Crimea. Meeting the Beauty. Above the Swallow's Nest. With S.G. Bocharov. 2009 (photo by the author).

Рис. 2. Н.Д. Руссев в Крыму. Встреча с экзотикой. На территории Судакской крепости. 2009 г. (фото автора).

Fig. 2. N.D. Russev in the Crimea. Meeting the Exotic. In Sudak Fortress. 2009 (photo by the author).

Рис. 3. Н.Д. Руссев в Крыму. Встреча с коллегами. У подножия г. Южная Демерджи. 2009 г. Рядом, слева направо — В. Каравичев и В.П. Кирилко (из архива автора).

Fig. 3. N.D. Russev in the Crimea. Meeting with the colleagues. At the foot of the Southern Demerdzhi Mount. 2009. With (left to right): V. Karavichev and V.P. Kirilko (from the author's archive).

предельно ответственен перед читателем, которого не обрекает на умственные терзания в попытках постичь истину, а, наоборот, всячески способствует ему почувствовать

свою сопричастность к открытию. Его умение понимать других и стремление к тому, чтобы самому быть понятым, достойно восхищения.

* * *

*Однообразная терминология — дело весьма полезное для взаимного понимания.
(Бертье-Делагард 1907: 30—31)*

Малые одноапсидные храмы с прямоугольным в плане наосом, перекрытие которого не имело купольного завершения и промежуточных опор, деливших внутреннее пространство на пролёты, принадлежат к числу наиболее распространённых церковных сооружений средневекового Крыма. В культовом зодчестве полуострова они представлены практически повсеместно и достаточно разнообразно, составляя основную часть всех известных сейчас церквей. На территории региона постройки этого типа начинают появляться ещё в раннем средневековье, однако массовое применение получили главным об-

разом после IX в. и возводились до самого позднего времени в качестве крепостных, монастырских, квартальных, общинных, усадебных (домашних молелен) и кладбищенских храмов (Лосицкий 1990: 36—37, 46; 2015: 182, рис. 6).

Благодаря своей многочисленности и характерной форме малые одноапсидные храмы с прямоугольным в плане наосом давно обратили на себя внимание специалистов и остаются до сих пор, наряду с базиликами и крестово-купольными сооружениями, наиболее упоминаемыми в научных трудах церковными строениями этой части христиан-

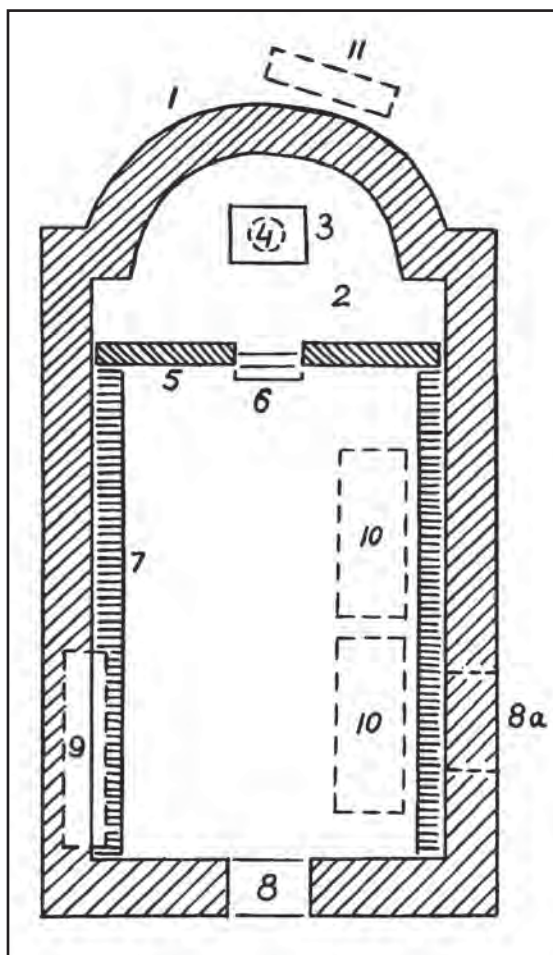

Рис. 4. Обобщенный тип средневекового одноапсидного храма на Южном берегу Крыма: 1 — апсида (обычно полукруглая, редко гранная); 2 — алтарное возвышение (нередко вровень с полом нефа); 3 — престольный камень; 4 — углубление под престолом для мощей; 5 — предалтарная преграда («царские врата», иконостас); 6 — ступени (не всегда); 7 — боковые скамьи — уступ в кладке основания стен (не всегда); 8 — вход (часто сбоку, в положении 8a); 9 — аркосолий в стене (в этой или в противоположной, довольно редко); 10 — могилы в полу (часто в других пунктах, вообще не всегда); 11 — погребения младенцев (или сбоку, вообще не всегда) (по Фирсов 1970: рис. 2).

Fig. 4. Generalized type of a medieval single-apsed temple on the southern shore of the Crimea: 1 — apse (usually semicircular, rarely faceted); 2 — altar place (often levelled with the nave's floor); 3 — altar stone; 4 — a niche for relics under the altar; 5 — a separation before the altar ("holy gates", iconostasis); 6 — steps (sometimes); 7 — side benches — a step-back in masonry, at the foundation (sometimes); 8 — entrance (often lateral, position 8a); 9 — arcosolium in the wall (in this one or, rather seldom, in the opposite wall); 10 — graves in the floor (often in other places, not always); 11 — graves of infants (or lateral, not always) (after Фирсов 1970: рис. 2).

ского мира (Кеппен 1837: 15—20; Кондараки 1875: 98; Струков 1876; Бертье-Делагард 1907: 30—31; Якобсон 1950: 242—246; Гайдукевич 1953: 299—315; Веймарн и др. 1974: рис. 2; 3; Домбровский 1974: 36—37; Лосицкий 1990: 36—37, 46; 2015: 182, рис. 6; Фирсов 1990: 90—91, 229, 386, 403—404, 414—416; Яшаева 1995: 146—151; Баранов, Тур 1997: 46—50, рис. 1; Джанов 1997: 223—226; Романчук 2000: 234—243; Адаксина 2002: 7—9, 13, 21—22, рис. 5—22, 143; Айбабина, Бочаров 2002; Лысенко, Тесленко 2002; Бочаров 2004; 2015: 54—62, 92—93, рис. 11; Дьячков 2004; Кирилко, Мыщ 2004: 214—217; Тесленко, Лысенко 2004; Кирилко 2010; 2015: 17—62; Адаксина, Мыщ 2008: 11—21, рис. 81—131; Адаксина, Мыщ, Ушаков 2010: 46—54, 59—60, рис. 152—189; Майко, Джанов 2015; Бочаров, Кирилко 2017; и др.).

Для крымских памятников обычными являются относительно небольшие размеры, прямоугольная в плане форма наоса с преобладающим (усреднённым) отношением длины к ширине как 5:3¹, один вход — спереди или сбоку, а также выступавшая наружу полукруглая или гранёная апсида (рис. 4). Перекрытие основного объёма строения стропильное либо сводчатое, алтарное полукружие завершалось конхой. Практически обязательным было расположение окон на продольной оси здания над входом, в верхней части щипца, и в апсиде, а отдельные постройки дополнительно освещались также с боков. Пропорции и величина самих сооружений нередко варьируются. Церковные строения могли также различаться отдельными архитектурно-конструктивными деталями и декоративным убранством, но их объёмно-плановая структура при этом, как правило, остаётся неизменной — внутреннее пространство наоса было цельным, а его перекрытие не имело купольного завершения, равно как и промежуточных опор, обуславливавших появление нескольких пролётов.

В рамках изучения малых одноапсидных храмов с прямоугольным в плане наосом особую значимость приобретает терминологический аспект темы, в частности, связанный с противоречивостью часто применяемых к ним таких определений, как «базилика», «однонефные базилики» или «постройки базиликального типа» (Кирилко 2018). Насколь-

¹ Вывод принадлежит П. И. Кеппену (Кеппен 1837: 19). Л. В. Фирсов считает иначе: «Размер построек в плане был от 2,5×5 до 4×9 м, редко больше, с наиболее типичной пропорцией 1:2 или от 2:3 до 2:5» (Фирсов 1970: 237).

ко сложной и запутанной, не имея однозначного решения, является эта проблема, наглядно демонстрирует обобщающий вывод, к которому недавно пришёл О.М. Иоаннисян, посвятивший рассмотрению функций и типологии аналогичных культовых построек, но только Армении и Византии, специальное исследование:

«Разброс типологических характеристик по отношению к византийским однонефным храмам весьма обширен. Так, Н. Капонис², А. Тсилупаку, Х. Бурас, М. Хадзидакис и С. Пелеканидис применяют термин “однонефные церкви”. П. Хезерингтон наряду с тем же термином (“однонефные” или “однокамерные” церкви) использует термин “зальные церкви”, явно отдавая предпочтение последнему. Р. Краутхеймер называет храмы данного типа “однонефными храмами”, а также “базиликами в виде зала без нефов”. Н. Гиолес именует такие храмы “однонефными церквами”, но рассматривает их в контексте базилик. А. Эпштейн для характеристики однонефных храмов Кастории использует два термина: “однонефная церковь” и “базилика”. Ж. Милле называет их “однонефными базиликами”, подчёркивая их восточное, сиро-месопотамское, происхождение. Термин “однонефная базилика” использует и О.Х. Халпахчян, однако для однонефных храмов с куполом предпочитает введенный ещё Й. Стржиговским термин “купольный зал”. Последний, в свою очередь, наряду с терминами “купольный” или “однонефный зал”, характеризуя церковь в Едикапулу в Малой Азии, принадлежащую к типу однонефных, допускал также её определение как базилики. Р. Харрисон называет все однонефные храмы базиликами, а А.Л. Якобсон никак не определяет тип однонефных храмов, но рассматривает их в контексте базилик Сирии и Месопотамии. К. Манго, считая, что к базиликам следует относить трёх- и пятинефные храмы, тем не менее называет одну из церквей Алахан-монастыря “сдвоенной базиликой”, хотя она состоит из двух однонефных храмов. Пожалуй, наиболее взвешенным и приемлемым можно считать определение однонефных храмов, данное В.М. Полевым, который, применяя к ним практически все существующие термины — и “однонефная церковь”, и “однонефная базилика”, и “купольный зал” (для однонефных церквей с куполом), —

оговаривает, что все их можно рассматривать как упрощенный тип базилики, а так называемые “купольные залы” — как “упрощённое истолкование купольной базилики»» (Иоаннисян 2013: 108—109). Причём сам О.М. Иоаннисян считает, что «однонефные храмы не составляют самостоятельный архитектурный тип, а являются сильно упрощённым, приспособленным для нужд небольшого количества людей вариантом той же базилики» (Иоаннисян 2013: 65). Декларируемое исследователем типологическое тождество справедливо лишь отчасти, ибо начало церковной архитектуре положили всё-таки не монументальные христианские базилики, а невзрачные дома для молитвы, также предназначавшиеся для ограниченного круга верующих.

Терминологическую чехарду, непосредственно связанную с изучением подобных храмов Крыма, как, впрочем, и сами сооружения, оставляя их специальное исследование на потом, О.М. Иоаннисян не рассматривает (Иоаннисян 2013: 80), но обозначенные им проблемы столь же свойственны и этому региону.

Современный понятийный аппарат типологической идентификации крымских однонефных церквей с прямоугольным в плане небольшим наосом сформировался во второй половине прошлого века. Он был обусловлен массовым и повсеместным выявлением таких зданий при археологических раскопках, получив отражение в трактовках их исследователей, употребляемых до сих пор. При этом он имеет ярко выраженные региональные особенности.

Наибольшим разнообразием отличаются термины, используемые в публикациях, посвящённых изучению южнобережных памятников Крыма. Показательными являются научные изыскания ведущего исследователя средневековых древностей этой части полуострова — «консультанта-геолога Л.В. Фирсова, нередко успешно выполнявшего и обязанности археолога» (Домбровский 1968: 52). Ассортимент обозначений, применяемых им по отношению к малым однонефным храмам, поражает количеством вариантов: «церквушка», «небольшая часовня», «часовня-церковь», «одноапсидный средневековый храм», «небольшой христианский храм», «храмик», «небольшая одноапсидная постройка зального типа», «обычного зального типа», «маленький храм», «часовня», «часовенка», «небольшой однонефный храмик удлинённых пропорций», «базилика» (Фирсов 1990: 74, 82, 83, 90, 98, 150, 189, 195, 205, 219,

² Все необходимые библиографические ссылки на упоминаемых авторов и их выводы содержатся в самом цитируемом исследовании (Иоаннисян 2013: 108—109, 116).

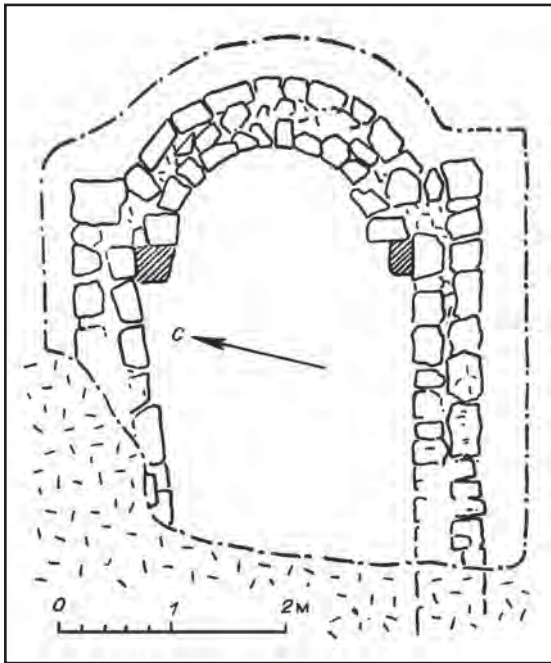

Рис. 5. Храм Исар-Каи. План. Раскопки 1967 г. (по Фирсов 1990: рис. 137).

Fig. 5. Isar-Kai temple. Digs of 1967 (after Фирсов 1990: рис. 137).

229, 243, 349, 414, 415). Л.В. Фирсов видит в них «архитектурно-однотипные постройки» (Фирсов 1990: 190). Определение «базилика» по отношению к одноапсидным храмам с прямоугольным в плане небольшим наосом, перекрытие которого не имело промежуточных опор, деливших внутреннее пространство на несколько пролётов, исследователем употреблено дважды. Один раз, в отчёте о разведках 1967 г. и самой ранней публикации материалов изысканий по Исар-Кае, при описании крепостной церкви (рис. 5), в его интерпретации — «небольшой храмовой постройки ординарного для храмов Южного берега типа», он в четырёх местах обращается исключительно к этому термину (Фирсов 1970: 108—109; 1974: 105—106). Позднее, ещё раз и практически невзначай³, в подписи к иллюстрации учёный так называет храм на Ильяс-Кае (Фирсов 1990: 415, рис. 148).

Не будучи ни археологом, ни архитектором, Л.В. Фирсов, тем не менее, в отличие от остальных работавших вместе с ним профильных специалистов, дал самую точную ха-

рактеристику этого типа храмов, считая, что те «имеют своим прототипом базилические постройки Византии» (Фирсов 1970: 236—238) и, следовательно, принадлежат к числу «одноапсидных церквей базилического типа» (Фирсов 1974: 96). Возможно, именно вывод учёного стал причиной того, что в лексиконе его коллег по экспедиции (в большинстве своём, начинающих исследователей) наряду с традиционными формами, как-то: «храм, вернее, небольшая часовенка при кладбище» (Паршина 1970: 154), «залишки невеликої цвинтарної каплиці» (Баранов 1972: 253) или «миниатюрная кладбищенская церковь» (Когонашвили, Махнева 1967: 194), вдруг появились соответствующие, более научнообразные, и преимущественно разовые термины.

Так, например, О.А. Махнёвой в отчёте о раскопках массандровский храм интерпретирован как «одноапсидный, одностефаный, базиликальной формы» (Махнёва 1970: 190). Вместе с тем в остальных, близких по времени, её публикациях, где упоминаются другие аналогичные постройки — обнаруженные между Форосом и Тессели «руины небольшого одностефанного и одноапсидного храма» (Махнева 1968: 53) и «основание небольшого, как обычно, одноапсидного и одностефанного храма», находившегося на горе Мердвень-Каясы (Махнева 1968: 56), характерный типологический признак, который содержится в описании первого памятника и является весьма важным для объективной оценки архитектуры здания, почему-то отсутствует.

Подобная ситуация наблюдается также в работах Е.А. Паршиной. Кроме обычных, причём достаточно корректных, определений как «небольшой одностефаный храм» в Ореанде (Паршина 1968: 65), который, по мнению исследовательницы, был храмом-часовней и представлял собой «характерный для крымского развитого средневековья тип небольшого одностефанного храма» (Паршина 1970: 162), она не отказывается и от расхожих формулировок, сообщая, в частности, что найдены «остатки миниатюрной часовни» на утёсе Биюк-Исар (Паршина 1968: 58) и «остатки небольшого храма» на Хачла-Каясы (Паршина 1968: 60). Однако, описывая такое же, во многом сходное с ними, строение — храм на г. Ай-Тодор в пос. Малый Маяк, автор применяет уже совершенно иные, далеко небесспорные, понятия. В отчёте о раскопках она называет его «одноапсидный храм базилического типа» и «базилика» (Паршина 1970: 288, 289), правда, позднее, при введении в научный оборот результатов изучения па-

³ Возможно, недосмотр А.Л. Яковсона, который редактировал и подготовил текст монографии к печати.

мятника, из двух первоначально использованных исследовательницей терминов остался только один — «одноапсидный базиликового типа храм» (Паршина 1972: 254).

Аналогично поступает даже сам руководитель археологической экспедиции О.И. Домбровский, в своё время два года (1936—1938) обучавшийся в Ленинграде на архитектурном факультете Всероссийской академии художеств (Автобиография 2014: 34). В частности, прямоугольное в плане с полукруглым алтарным выступом строение Ильяс-Каи он трактует как «большой одноапсидный и однонефный храм» (Домбровский 1967: 181) и упоминает «остатки небольшой однонефной церкви» неподалёку от дороги в Тессели (Домбровский 1974: 27), а при этом однотипную с ними церковную постройку в Гурзуфе (рис. 6), раскопанную в 1951 г. А.Л. Якобсоном, называет исключительно базиликой (Домбровский 1970: 222; 1972: 34; 1974: 5, 8). Более того, представляя различные южнобережные древности и сообщая о культовых сооружениях Ласпи, О.И. Домбровский счёл необходимым отметить: «Маленькие, базиликальные одноапсидные храмы под двускатной черепичной кровлей имелись и на каждом из описанных выше поселений» (Домбровский 1986: 533).

Несколько иначе складывалась ситуация в восточной части полуострова, начало которой положили другие, более ранние по времени, изыскания. Они связаны с работами археологической экспедиции 1928 г. и получили своё отражение в научном наследии Е.Ч. Скржинской, принимавшей активное участие в изучении средневековых памятников региона. Рассматривая храмы Судака, исследовательница достаточно определённо высказала свои «соображения насчет церквей греческого (восточного) типа — маленькие базилики» (Скржинская 2006: 139).

Оба уцелевших храма города она называет почти одинаково. Церковь около башни Астагвера ею представлена как «Мал<ая> базилика с гранной апсидой ("12 апостолов")», «Маленькая однонефная базилика» либо просто «базиликой», а храм в бывшей немецкой колонии — «Однонефная базилика» и «Маленькая базилика» (Скржинская 2006: 57, 58, 80, 87, 139, 159). Причём, если с выяснением реальной архитектоники данных построек сейчас особых проблем не возникает, то однозначная идентификация сооружения, о котором сообщает приписка карандашом в отчётной документации: «Находки (маленькая вотивная базилика)» (Скржинская 2006: 151), весьма затруднительна. Подобным образом, без при-

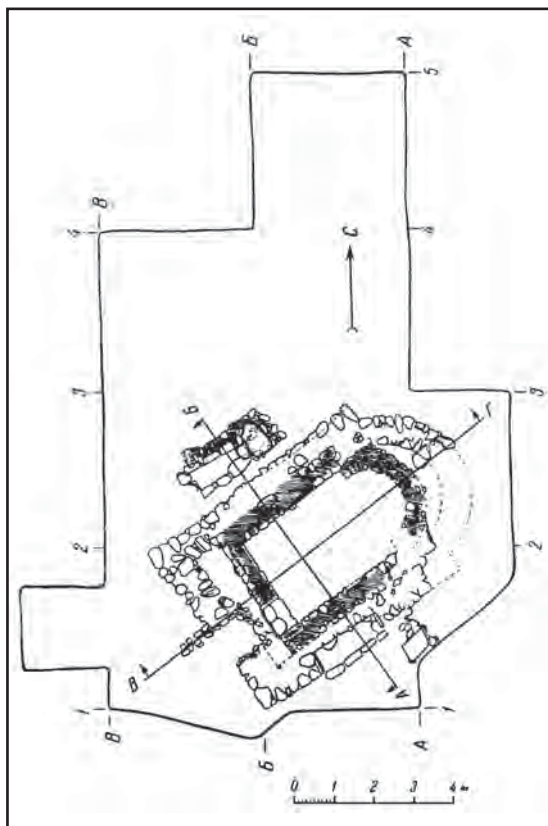

Рис. 6. Храм в Гурзуфе. План раскопа (по Якобсон 1954: рис. 50).

Fig. 6. Temple in Gurzuf. Plan of the dig (after Якобсон 1954: рис. 50).

влечения дополнительной информации невозможно понять, какие именно «мелкие базилики в Судак» упомянула исследовательница в своём докладе на пленуме ИИМК (Скржинская 2006: 106). Всё дело в том, что, по её мнению, типологически с ними сопоставимы и неординарная двухапсидная церковь города — «маленькая однонефная базилика с апсидой, опирающейся на консоли (так называемая базилика "на консолях")» (Скржинская 2006: 58, 79—80), и «множество однонефных базилик-часовен в других пунктах прибрежного и горного Крыма», остатки которых «имеются также и в окрестностях Судака» (Скржинская 2006: 80, 95, 315, прим. 116).

Насколько выводы Е.Ч. Скржинской повлияли на становление преемников, доподлинно неизвестно. Однако достаточно большой представляется вероятность того, что позднее, в последней трети прошлого века, возрождению использовавшихся ею терминов вполне мог поспособствовать И.А. Баранов, который азы археологии познавал в юж-

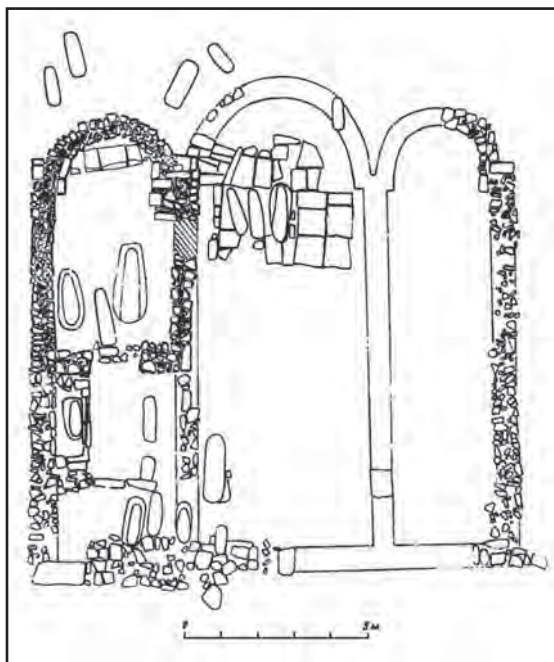

Рис. 7. Храм у с. Поворотное. План (по Баранов 1990: рис. 55).

Fig. 7. Temple at Povorotnoe. Plan (after Баранов 1990: рис. 55).

нобережном Крыму, а полученные там навыки и понятийный аппарат стал применять при изучении культовой архитектуры восточной части полуострова, отдав предпочтение, разумеется, более научнообразным формулировкам.

Примеры тому многочисленны. В частности, выделяя пять христианских храмов на салтово-маяцких поселениях Таврики — в Героевском, Пташкино, в Поворотном, на Тепсене и Кордон-Обе, исследователь достаточно уверенно утверждает: «Все они относятся к типу однефных базилик» (Баранов 1990: 133), хотя, судя по иллюстрациям, имеются в виду обычные одноапсидные храмы с прямоугольным в плане маленьким наосом. Парадоксальность ситуации состоит в том, что, по меньшей мере, две из числа упомянутых им церквей в качестве основания используют остатки более ранних, разрушенных, культовых построек. А те, в свою очередь, принадлежат к совершенно разным архитектурным типам, однако определены И.А. Барановым абсолютно одинаково, как византийские базилики, что реально применимо, пожалуй, лишь к храму в с. Поворотное (рис. 7), который действительно был трёхнефной базиликой с тремя апсидами (Баранов 1990: 133—139, рис. 52; 55).

Со временем вывод исследователя в качестве отдельного положения был вынесен на защиту докторской диссертации и приобрел свойства аксиомы: «Все салтовские храмы представляют собой небольшие однефные базилики с постропильными крышами и циркульными абсидами» (Баранов 1994: 29). В конечном итоге использование данного термина в научной практике автора стало обыденным делом, более того, оно получило необычайную популярность у многих коллег, работавших под его началом либо самостоятельно.

Для наглядности несколько примеров. И.А. Баранов аналогично характеризует и другие подобные церкви, одна из которых, в частности, была выявлена им при раскопках средневековой Судеи: «Наиболее раннее сооружение — небольшой храм базиликальной формы — построено около X в. и погибло, судя по монетам, около 1380 г.» (Баранов 1979: 297). Монастырский храм на г. Перчем, привлекающий внимание «своими миниатюрными размерами и четкой планировкой», у исследователей памятника получил название «однефная базилика» (Баранов, Тур 1997: 46, 49). «Церковь Двенадцати апостолов» в Судак Е.И. Лопушинской представлена как «однефная базиликального типа постройка с апсидой с восточной стороны, имеющей полукруглую форму внутри и пятигранную — снаружи» (Лопушинская 1991: 92). Подобным образом поступил также В.К. Голенко, обнаруживший на склонах г. Опук кладку стен, которая «по конфигурации напоминает однефную базилику». Это, в свою очередь, дало основание автору находки трактовать её как «остатки базиликальной постройки раннесредневекового поселения» (Голенко 2006: 265, рис. 115а), что по сравнению с первоначально использованным термином является ещё менее удачным, поскольку предполагает самые различные толкования.

В отличие от глоссария южнобережного региона, отмеченного значительным ассортиментом определений, для типологической идентификации памятников восточной части полуострова самой востребованной в наше время оказалась формулировка, подчёркивающая принадлежность строений к числу базилик. Наиболее ярким и симптоматичным из всех известных примеров является относительно недавняя публикация, где во всём многообразии представлены основные разновидности этого понятия, использованные применительно к церковным сооружениям средневекового Судак: «однефная базиликального типа постройка», «однефный храм

базиликального типа», «однефное базиликальное сооружение», «однефный базиликальный храм», «однефная постройка базиликального типа», «небольшой однефного базиликального типа храм», «сооружение однефное, базиликального типа» (Джанов, Майко, Фарбей 2004: 87, 88, 89, 90). Терминологический ассортимент, апробированный в тезисном виде, оказался на редкость живучим и устойчивым, благодаря чему позднее упрочил свои позиции уже в монографическом издании, посвящённом археологическим памятникам всего Судакского региона (Майко, Джанов 2015: 183, 186, 240).

Есть основание утверждать, что в современной исследовательской среде Крыма образовалось два чётко выраженных очага этого терминологического поветрия, отчасти между собой взаимосвязанных, — в южнобережном и восточном регионах полуострова. Причём, если в первом постепенно происходит нормализация понятийного аппарата, то во втором, наоборот, процесс прогрессирует, приобретая свойства эпидемии. В сопоставлении с ними Юго-Западный Крым и Херсонес выглядят довольно благополучно, ибо почти избежали заражения. Неадекватные в архитектурном плане свидетельства, подобные сообщению о балаклавской церкви, соотносённой с могильником XV—XVI вв., как-то: «Храм Св. Троицы — маленькая базилика, возможно, выполнявшая функции кладбищенской церкви» (Иванов 1997: 49), для оных являются скорее исключением, чем правилом.

Проблема выбора оптимального и наиболее ёмкого термина для обозначения типа культовой постройки, как ни парадоксально, не нова. Она возникла давно и получила своё отражение в крымской историографии, ярким свидетельством чему являются несколько характерных примеров научного описания отдельных христианских древностей средневекового Херсонеса и их восприятие разными исследователями. Так, обнаруженные при археологическом изучении городища в 1890 г. два небольших, разного времени, однефных храма с прямоугольным в плане наосом и полукруглой апсидой К.К. Косцюшко-Валюжиничем в отчёте о раскопках за 1902 г. были обозначены как постройки «базиличной формы, очень поздней эпохи» и «базилики» (Извлечение... 1904: 15—17, рис. 9). Спустя год ведущий специалист в области церковной архитектуры Д.В. Айналов, представляя данную находку (рис. 8), использовал те же термины и практически дословно повторил трактовку предшественника, хотя обыч-

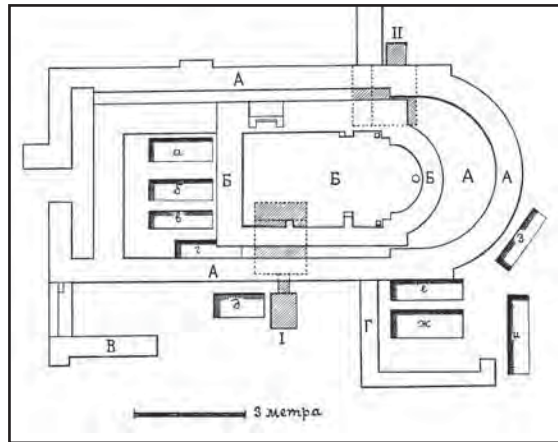

Рис. 8. Храмы, обнаруженные при раскопках Херсонеса в 1890 г. (по Извлечение... 1904: рис. 9).

Fig. 8. Temples unearthed during the digs on Chersonesos in 1890 (after Извлечение... 1904: рис. 9).

но подобные храмы сам он называл часовнями (Айналов 1905: 119). Их современник и обладатель энциклопедических знаний — А.Л. Бертье-Делагард к введённым в научный оборот интерпретациям коллег отнёсся весьма критично:

«По поводу вышеуказанных, вновь найденных кладбищенских храмов позволю себе высказать пожелание, обращенное ко всем пишущим о церковной архитектуре. Эти храмы (один в другом) названы храмами базиличного типа и даже прямо базиликами. Я знаю, что в таком же смысле о подобных сооружениях говорят и другие весьма компетентные археологи, но знаю также, что вопросы строительной техники и истории архитектуры совсем не в авантаже обретаются. Случается не редко слышать, как базиликов называют даже и всякую древнюю церковь, какого бы то ни было плана; и это небезосновательно в смысле преемственности христианской мысли или церковного места-обычая (Рим). Но мне кажется, что в археологических трудах следовало бы избегать употребления этого термина безразлично от типа храма, им обозначаемого. Из рисунков видно, что рассматриваемые кладбищенские церкви в планах — простые прямоугольники с полукруглой апсидой, а такой план не следовало бы называть базиликой. Конечно, в некоторых, весьма редких случаях можно проследить, какая прямоугольная форма появилась из упрощения базилики, но, вообще говоря, это бывает не так. Сам по себе прямоугольник есть первичная, упрощенная форма, и все другие из нея происходят,

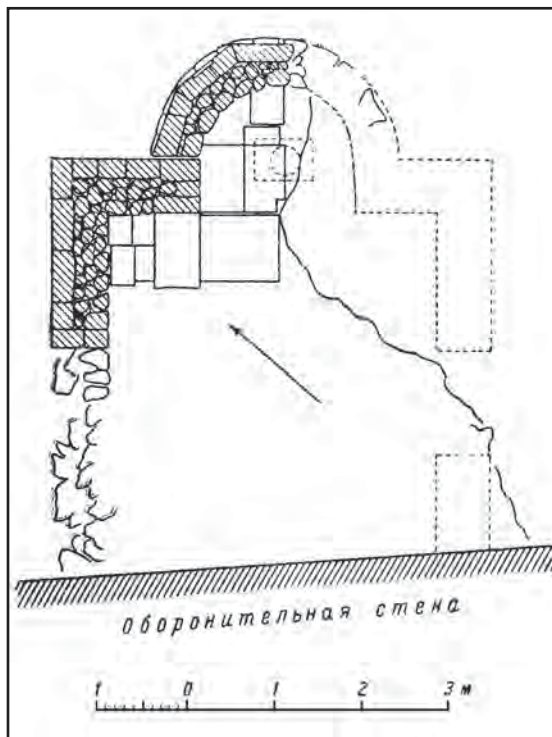

Рис. 9. «Базилика Леонтия» в Херсонесе. План (по Гайдукевич 1953: рис. 3).

Fig. 9. "Leontius's basilica" in Chersonesos. Plan (after Гайдукевич 1953: рис. 3).

а не она из чего бы то ни было. Что может быть проще прямоугольника? Я думаю, что если бы каждый из нас забыл все ему известное по человеческим пристройкам, а нуждался в простейшем здании, то выстроил бы его по плану прямоугольника. Бесчисленное число маленьких церквей Крыма и Кавказа, чтобы не ходить далеко, выстроены по этому типу, и, конечно, их строители в огромном большинстве ни малейшего представления о базилике не имели. Мне кажется, что **для ясности описаний не следует смешивать условные термины** (выделено мной. — В. К.) и, называя базиликой здание, разделенное внутри столбами на продольные части, простые прямоугольники следовало бы так и называть, или употреблять выражение "прямоугольный тип". Однообразная терминология — дело весьма полезное для взаимного понимания» (Бертье-Делагард 1907: 30—31).

Возможно, именно К. К. Косцюшко-Валюжиничем, либо с его подачи другими исследователями — Н. З. Фёдоровым или Р. Х. Лепером, впервые был назван базиликой частично раскопанный им в 1907 г. небольшой одностолбный храм, примыкавший к тыльной стороне крепостной ограды Херсонеса, ко-

торый впоследствии вошёл в научный оборот как «базилика Леонтия, что на забрале» (рис. 9). По крайней мере, К. Э. Гриневич, завершивший археологическое изучение остатков строения в 1926 г., церковь однозначно считает базиликой и «капеллой базиличной формы» (Гриневич 1927: 268—269). В отношении данной постройки более взвешенной и обоснованной, соотносимой с выводами А. Л. Бертье-Делагарда, является позиция ещё одного исследователя памятника — В. Ф. Гайдукевича, обобщившего все известные материалы по храму: «Разумеется, нет никаких оснований называть такое сооружение базиликой, поскольку этот термин принято применять к зданиям, у которых специфически базиличный план (удлинённый прямоугольник) сочетается с внутренним делением продольными рядами колонн или пилонов» (Гайдукевич 1953: 300).

Справедливость последнего утверждения, равно как и непреходящую актуальность обстоятельного мнения А. Л. Бертье-Делагарда наглядно демонстрируют другие крымские, прежде всего, южнобережные примеры недавнего прошлого. Насколько чреватými порой оказываются подобные терминологические неточности, показательна серия весьма ярких казусов, связанных с исследованиями разных ведущих специалистов своего времени.

В первом случае, при археологическом изучении Исар-Каи, на западной оконечности крепостного полигона Л. В. Фирсов заметил вырубленную в скальной поверхности площадку, ориентированную на северо-восток с азимутом 53—56°, характерным для группы средневековых храмов южнобережного Крыма. Это наблюдение дало ему основание предположить, что «здесь некогда была небольшая средневековая базилика с апсидой», и лишь, благодаря сопутствующей сообщению информации о незначительной величине площадки — «размером 3,5×6 м», удаётся понять, что, по сути, имеется в виду рядовой одностолбный храм с прямоугольным в плане наосом (Фирсов 1970а: 107—108; 1974: 105—106). Примечательно, что в последнем, окончательном, варианте публикации сведений о данном памятнике, от трактовки церкви как базилики Л. В. Фирсов отказался, сразу же исчезла и проблема, обусловленная неправильно использованным термином (Фирсов 1990: 386—387).

Вторая, совершенно детективная, история произошла при изучении христианских древностей Гурзуфа. Начало ей положило весьма странное сообщение О. И. Домбровского

в научно-популярном издании: «Археологические раскопки 1959 г. на восточной окраине Гурзуфа открыли большую базилику VI в. и остатки жилых домов» (Домбровский 1966: 58). Кем были осуществлены исследования, и какой конкретно памятник при этом изучался, из контекста совершенно непонятно. Откуда почерпнута информация, автор также не указывает. Вскоре, со ссылкой на эту публикацию, те же самые сведения, лишь немного их переиначив, поведал А.Л. Якобсон: «В 1959 г. на этой территории (на восточной окраине Гурзуфа) О.И. Домбровский открыл большую базилику VI в. и остатки жилых домов» (Якобсон 1970: 24).

Все средневековые храмы Гурзуфа, которые подвергались археологическим раскопкам, хорошо известны, и среди них действительно имеется одна базилика (Бочаров, Кирилло 2017: 290—292). Однако последняя располагалась в совершенно ином месте — на противоположном конце современного города, у подножия крепости, и, кроме того, самим О.И. Домбровским она датируется более поздним временем — XII—XIV вв. (Домбровский 1972: 83, 96). Вероятнее всего, первоначальные сведения, положившие начало этой истории, как это ни странно, имеют отношение к исследованной А.Л. Якобсоном в 1951 г. церкви некрополя IX—X вв. (рис. 6), находившейся в 30—50 м к северу от усадьбы бывшей дачи Гурова (Якобсон 1954: 112—114, рис. 49; 50).

Надо полагать, что причиной путаницы стала досадная опечатка в дате, ибо в научном отчете О.И. Домбровского о результатах обследования Гурзуфской котловины, поступившем на хранение в архив и, вероятно, послужившем основой для исходной публикации, информация представлена в следующем виде: «в 1951 г. А.Л. Якобсон провёл археологические раскопки на плоском широком пустыре, между двумя пионерскими лагерями “Артека” */(сама ссылка в рукописи отсутствует. — В.К.) и обнаружил тут основание базилики VI в. с разновременными могилами, а также остатки поселения, близкого ко времени Юстиниана I и Прокопия Кесарийского» (Домбровский 1970: 222). Впрочем, в других печатных изданиях, где дословно приводится цитируемый текст, его автор (а, скорее всего, наборщик) с датами особо не церемонится и указывает либо 1950 г. (Домбровский 1972: 34), либо 1961 г. (Домбровский 1974: 8). Более того, в научно-популярной брошюре, посвящённой непосредственно древностям Гурзуфа, О.И. Домбровский, упомянув

раскопанные А.Л. Якобсоном «основания базилики VI в.», сразу же, в следующем абзаце, сообщил о своих работах на раннесредневековых памятниках в 1958—1968 гг., но при этом о какой-либо подобной, причём собственной (?) и достаточно значимой, находке почему-то даже не обмолвился (Домбровский 1972: 34). В этой связи небезынтересным представляется свидетельство Л.В. Фирсова, особо отметившего то, что, исключая раскопки могильника Суук-Су, осуществлённые в 1907 г. Н.И. Репниковым, и изучение А.Л. Якобсоном часовни в 1951 г., «в Гурзуфе почти не было археологических исследований до 1963 г.» (Фирсов 1990: 155), а значит, вероятнее всего, никаких изысканий, якобы открывших на восточной окраине города большую базилику VI в. и остатки жилых домов, в 1959 г. не проводилось.

В конечном итоге, достоверную идентификацию архитектурного типа упомянутого храма, помимо многочисленных нестыковок, ощутимо затрудняет также допущенная терминологическая неточность, поскольку, на самом деле, соотносимая с ним постройка представляет собой обычную, классического облика, малую церковь с прямоугольным в плане наосом и полукруглой абсидой, которая никак не может считаться базиликой.

Подобная коллизия наблюдается с интерпретацией ещё одной южнобережной церкви — на скале Панае в Симеизе, которую А.Л. Якобсон уверенно называет раннесредневековой базиликой (Якобсон 1970: 22), хотя ни одна из обнаруженных там культовых построек таковой не является (Бочаров, Кирилло 2017: 256). Более того, сам автор раскопок О.И. Домбровский по отношению к выявленным сооружениям (рис. 10) в своих публикациях использовал совсем иные определения — капелла, большой храм и храм с мозаичным полом (Домбровский 1967: 183; 1974: 28). Примечательно и то, что о церкви на Панае, как базилике византийского монастыря, сообщает также И.А. Баранов, считая её при этом одной из ближайших аналогий храмам у с. Поворотное и на Кордон-Обе, которые, на самом деле, представляют собой классические образцы малых храмов с прямоугольным в плане наосом и полукруглой абсидой (Баранов 1990: 139, рис. 52; 55). Поскольку никто из упомянутых исследователей в своих публикациях план постройки не приводит, получить представление об её архитектонике, основываясь исключительно на использованных ими формулировках, практически невозможно.

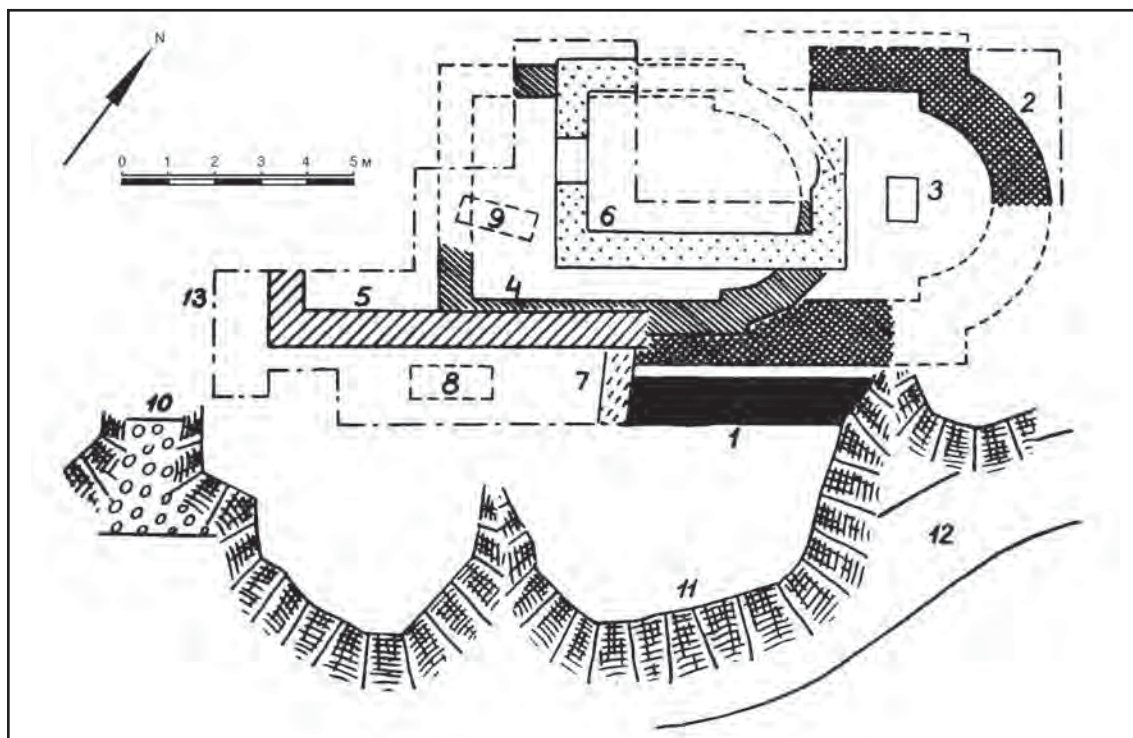

Рис. 10. Серия последовательных по времени средневековых одноапсидных храмов на скале Панея (Паная, Панагия) в Симеизе. Раскоп О.И. Домбровского, 1966 г., документация Л.В. Фирсова, 1966—1967 гг. (один из вариантов интерпретации): 1 — остаток стены, по-видимому, самого раннего храма; 2 — ранний храм с мраморным полом; 3 — престольное углубление раннего храма; 4 — храм с гранной апсидой и мозаичным полом; 5 — поздний храм с мраморным полом; 6 — наиболее поздняя безапсидная капелла или часовня; 7 — поперечная стенка; 8 — могила; 9 — могила другой ориентировки; 10 — остатки боевой стены; 11 — край скального обрыва; 12 — современная дорожка над водосточным каналом (по Фирсов 1970: рис. 6).

Fig. 10. A series of chronologically consecutive medieval single-apsed temples on Paneus's (Panaus's, Panagius's) rock in Simeiz. O.I. Dombrovsky's dig, 1966, L.V. Firsov's documentation, 1966—1967 (an interpretation): 1 — debris of wall, apparently belonging to the earliest temple; 2 — an earlier temple with marble flooring; 3 — altar niche of an earlier temple; 4 — temple with a faceted apse and mosaic floor; 5 — later temple with marble floor; 6 — the latest chapel or clock-tower without apses; 7 — cross-wall; 8 — grave; 9 — grave with a different orientation; 10 — debris of a battle wall; 11 — sheer drop; 12 — a modern path above the drainage channel (after Фирсов 1970: рис. 6).

Чем было обусловлено появление такой, ничем не обоснованной, трактовки, неизвестно. Как ни парадоксально, но, судя по многочисленным публикациям, в части корректности применяемых терминов А.Л. Якобсон обычно предельно щепетил, убедительным свидетельством чему является возникшее у него недоумение (почти негодование) при описании одного из храмов средневекового Херсона: «Первый из этих памятников известен в литературе под нелепым названием базилики (?) Леонтия (или Лаврентия), “что на забрале”» (Якобсон 1950: 241—242)⁴. Как

правило, в своих научных трудах сам он использует нейтральное определение функционального характера — «часовня»⁵ или «небольшой храмик», более приемлемые в подобных случаях, поэтому казус с типологической идентификацией построек Гурзуфа и Панея, видимо, для него является исключением, который в первом случае был обусловлен недоумением, во втором — надо полагать, наличием мозаичного пола.

Показателен также недавний пример из восточного региона Крыма. Подобным образом М.Г. Крамаровским в своё время была введена в научный оборот «христианская базилика в северо-западном секторе городища»

⁴ Позднее подобную формулировку, правда, без ссылки на автора этого эмоционального замечания, почти дословно повторили другие исследователи памятника: «пристенную часовню нелепо называть базиликой: она представляет иную архитектурную форму» (Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 540).

⁵ Полный вариант: «часовня в виде небольшого прямоугольника с одним выступающим вперед апсидальным полукружием с восточной стороны» (Якобсон 1950: 240, 243).

Солхата (Крамаровский 1987: 132). Неадекватность использованного термина по отношению к архитектурному типу здания стала очевидной лишь спустя полтора десятилетия, когда исследователь впервые опубликовал план строения и дал его подробное описание (Крамаровский 2004). Материалы раскопок и уцелевшие остатки сооружения однозначно свидетельствуют о том, что церковь не имеет характерных признаков, присущих базиликам, а является небольшой постройкой с прямоугольным в плане наосом, внутреннее пространство которого было одночастным (Кирилко 2008: 41).

Свой вывод М. Г. Крамаровский обосновывает общепринятым мнением: «Эти маленькие бесстолпные, однефные церкви обычно называют базиликами, и они представляют собой устойчивый, хорошо приспособившийся к возможностям провинциального строительства и нуждам периферии тип храма, возникший в Византии в VII—IX вв., широко распространившийся в X—XII вв.» (Крамаровский 2004: 73). Однако, несмотря на такое разъяснение, проблема никуда не исчезла и суть её состоит в том, что, когда сейчас эта «христианская базилика» в других публикациях упоминается без иллюстративного сопровождения — в этой связи весьма показателен пример капитальной историографической монографии (Ломакин 2015: 145, 180), то искажения научной информации, равно как справедливых замечаний типа «скромная армянская церковь, незаслуженно названная исследователем “базиликой”» (Мыц 2015: 111), не избежать.

Особую актуальность терминологический аспект исследований приобретает также в тех нередко встречающихся случаях, когда такие храмы возводятся на месте предшествовавших им настоящих базилик, занимая полностью или частично пространство одного из нефов (например, церковь свв. апостолов Петра и Павла в Партените, центральный пролёт которой после упразднения первоначальной постройки был приспособлен под часовню, или Базилика 1932 г. в Херсонесе (рис. 11), где маленькая часовня уместилась даже внутри апсиды), и тогда путаница здесь неотвратима⁶. В частности, такое противоречие приходится наблюдать в одной из научных работ И. А. Баранова, упомяну-

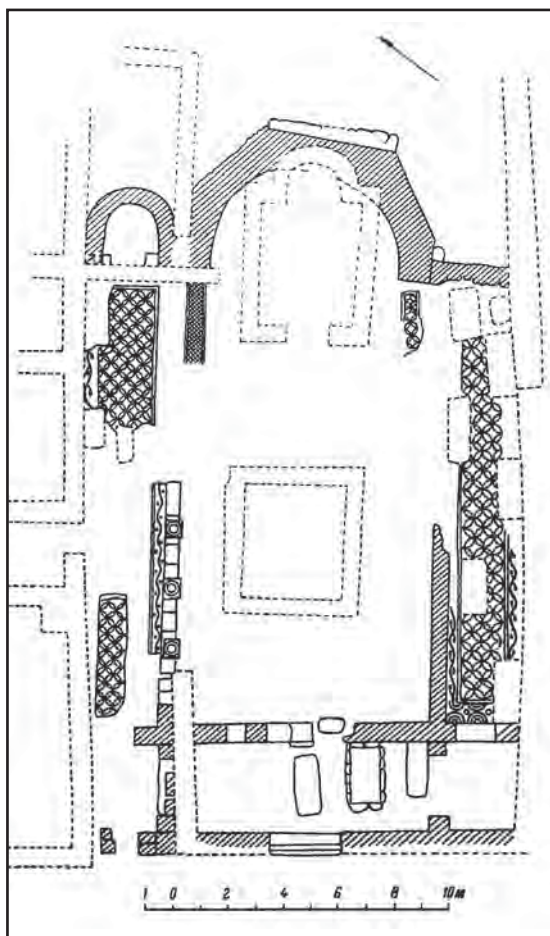

Рис. 11. Херсонесская базилика, раскопанная в 1932 г. Обмер В. Е. Веймарна (по Якобсон 1959: рис. 84).

Fig. 11. Chersonesos basilica uncovered in 1932. Measurements by V.E. Weimarn (after Якобсон 1959: рис. 84).

шего «небольшой однефный базиликальный храм», который был построен на руинах «большой византийской трехнефной базилики», перекрыв кладки северного нефа здания (Баранов 1990: 137—138). При этом в первой публикации памятника, на которую ссылается исследователь, автором раскопок храм, возникший на месте разрушенной базилики (рис. 7), называется не иначе как небольшой одноапсидный храмик и часовня (Романчук 1976: 10, 18), следовательно, в данном случае никакой терминологической преемственности не существует.

Если в своей практике исследователи конкретных памятников при выборе соответствующего термина ориентируются преимущественно на общепринятое мнение, устоявшиеся традиции и априорный опыт, тем самым сохраняя за собой право на ошибку, то, судя

⁶ Бывают исключения, когда однотипные постройки сменяют друг друга — херсонесская «Базилика в базилике» (Якобсон 1959: 172—175, рис. 82).

Рис. 12. Церковь у одной из усадеб средневекового Херсонеса. Реконструкция (по Якобсон 1964: рис. 24: 6).

Fig. 12. Church at a mansion of the medieval Chersonesos. Reconstruction (after Якобсон 1964: рис. 24: 6).

по нормативной информации, которая содержится в разных, независимо от степени их научного уровня, справочных и тематических изданиях, в существующем сейчас понятийном аппарате чёткой определённости нет.

Так, например, вполне вразумительное разъяснение понятия «базилика» в кратком словаре архитектурных терминов, прилагаемом к относительно недавнему по времени, из атеистического советского прошлого, краеведческому исследованию по зодчеству Севастополя, завершается далеко не бесспорным примечанием — «Встречаются и однефные базилики» (Веникеев 1983: 192). Симптоматичным является применение данного определения и в таком всеобъемлющем труде, как «Христианские древности. Введение в сравнительное изучение», автор которого для этой группы построек средневекового Крыма также использует устоявшееся название «однефные базилики» (Беляев 2000: 221). Нечто подобное приходится наблюдать даже в специализированных публикациях, появление одной из которых, в частности, было обусловлено весьма насущной идеей «создания сугубо практического, но столь необхо-

димого словаря терминов церковной археологии». Составитель последнего, достаточно верно характеризую архитектуру базилики как строения, «состоящего из наоса, в составе которого находится несколько нефов», тем не менее, завершает свои наблюдения совершенно неожиданным выводом: «Маленькие однефные базилики строили вплоть до гибели Византийской империи в 1453 г.» (Гайдуков 2009: 15—16). Впрочем, он всего-навсего лишь переиначил, сместив хронологический акцент, мнение другого исследователя: «После падения Константинополя (1453) простейшие однефные одноапсидные базилики с коробовым сводом в бывш. империи продолжали строить повсеместно» (Беляев 2002: 267).

На самом деле, однефные храмы не могут быть базиликами, равно как и принадлежать к базиликальному типу, по двум весомым причинам.

Во-первых, они имели совершенно иную архитектуру. При определении объёмно-плановой композиции самих базилик особых разногласий между специалистами обычно не возникает. Традиционно считается, что храм этого типа представляет собой монумент-

тальное прямоугольной формы здание, внутреннее пространство которого продольными рядами опор в виде столпов или колонн разделено на несколько, три либо пять, нефов («кораблей»). С восточной стороны строение завершалось приподнятой платформой алтаря с одной или тремя апсидами, в западной части, на входе, оно могло иметь притвор (Толстой, Кондаков, 1891: 14—15; Назаревский 1993: 158—159; Власов 2000: 524—525; Уайт, Робертсон 2003: 50; Гайдуков 2009: 15—16; и др.).

Наиболее выразительными признаками классических базилик являются такие характерные, свойственные только им, черты, как «базиликальный разрез» и «базиликальный тип освещения». Первым, достаточно устойчивым, словосочетанием в теории архитектуры именуется поперечный разрез здания, раскрывающий соотношение разновысоких нефов, устройство опор, перекрытия и световых проёмов. Вторым обозначается расположение окон в верхней части центрального нефа, над крышами боковых нефов (Власов 2000: 525). Именно отсутствие этих, ключевых, признаков базилик — уступчатой формы завершения здания, специфического способа освещения интерьера и промежуточных опор перекрытия, разделявших внутреннее пространство наоса на пролёты, не позволяет считать малые однефные храмы базиликами либо относить их к базиликальному типу.

Вторая причина не менее существенна и обусловлена семантикой термина. Своим названием базилика (греч. βασιλική, лат. basilica) обязана общественному сооружению античного мира, известному как βασιλείος οτοά («царский портик», «дом базилевса», «галерея правителя»), которое представляло собой место, где заседал в качестве архонта базилевс (βασιλεύς, βασιλέως) — монарх с наследственной властью в Древней Греции, впоследствии — титул византийских императоров. Как следствие, первоначально базиликами назывались не только монументальные многонефные здания, но также отдельные наиболее значимые и наделённые особым статусом храмы с иной архитектоникой, например, Ротонда в Салониках или Сан Витале в Равенне (Власов 2000: 524; Гайдуков 2009: 15, 53, прим. 1)⁷. Обычные же однефные церк-

Рис. 13. Распространенный тип средневекового одноапсидного храма на Южном берегу Крыма. Реконструкция (по Фирсов 1970: 3).

Fig. 13. A common type of medieval single-apse temple on the southern shore of the Crimea. Reconstruction (after Фирсов 1970: 3).

ви, особенно позднего времени и провинциальные, чаще всего имеют довольно скромный и невзрачный (рис. 11—13), а нередко весьма убогий вид, который трудно соотносим с божественным величием базилевса, в частности, поэтому применение термина «базилика» по отношению к ним является, по меньшей мере, некорректным.

Имеется ещё одна проблема, обозначенная в своё время Н. Е. Гайдуковым при составлении краткого глоссария по церковной археологии. Поскольку типологизация культовых строений представляет некоторую сложность, при выборе между функциональным и архитектурным подходом исследователь рекомендует руководствоваться первым, ибо второ-

но в 1917 г. в Кодексе канонического права Римско-католической Церкви: «Никакая церковь не может быть почтена титулом базилики, разве что по апостольскому позволению или по древнему обычаю» (Кан. 180). Существуют титулы великих и малых Б. Первые (basilicae majores), Патриаршие, — это храмы под прямой юрисдикцией папы (в Риме: Латеранская, Сан-Пьетро, Сан-Паоло фуори ле Мура, Санта-Мария Маджоре, св. Лаврентия; в Ассизи: св. Франциска). В них имеются особый папский алтарь, трон и святые врата; они обладают правом на особые индульгенции и иные преимущества. Звание малой Б. (basilicae minor) присваивается папой с XVIII в. тем церквям, к-рые Ватикан стремится выделить среди др.; они также располагают рядом привилегий в области символики и раздаче индульгенций, с особой торжественностью отмечают ряд праздников (Кафедры св. Петра (22 февр.), торжество апостолов Петра и Павла (29 июня), годовщины инаугурации папы). Статус малых Б. ниже кафедральных соборов епархий, но выше, чем у рядовых церквей» (Беляев 2002: 269).

⁷ Для сравнения: «В католич. традиции Б. (базиликами. — В. К.) также называют храмы, наиболее значительные или важные в истории Церкви, с XVI в. это было закреплено особым решением папы Римского; право на получение названия Б. было огово-

го по отношению к своему зданию Церковь никогда не знала — «он был ей навязан извне светской архитектурой». В качестве примера автором вывода предлагаются два варианта определений, как более адекватно отражающие действительность: «мартирий имел форму базилики»⁸ и «кафедральный храм имел крестообразную форму», а также выделяются следующие основные типы храмов: императорские и патриаршие храмы в столицах Византийской империи, кафедральные храмы, приходские храмы в городе, сельские храмы, мученические храмы (мартирии), кафоликоны монастырей, храмы при богадельнях и странноприимных домах, параклесии (часовни) и, в отдельных случаях, баптистерии (Гайдуков 2009: 53—55).

Результатом выстроенной таким образом, с учётом функционального подхода, типологической схемы стало заключение: «Отсюда очевидны и два основных архитектурных типа, которые использовались при сооружении церковных зданий: базилика и крестово-купольный храм, или собственно церковь» (Гайдуков 2009: 55). Поиск в том же словаре категории, упомянутой последней, приводит к определению: «Церковь. Греч. ἐκκλησία, или храм (от слав. хоромы — дом, дворец) — универсальное церковное здание, объединившее в себе функции базилики, мартирия и баптистерия» (Гайдуков 2009: 61). Возвращаясь к предыдущему послылу автора, согласно которому «мартирий имел форму базилики» (Гайдуков 2009: 54), создаётся впечатление, что круг замкнулся, а однозначного ответа нет. Более того, в обоих примерах термина, предложенных Н. Е. Гайдуковым, ключевым является слово «форма», что, по сути, отсылает исследователей к вполне обоснованным выводам А. Л. Бертье-Делагарда, рекомендовавшего по отношению к церковным постройкам с планом в форме простого (не разделённого внутри на части) прямоугольника употреблять выражение «прямоугольный тип», но никак не «базилика» (Бертье-Делагард 1907: 30—31).

Определённое недоумение вызывает то, что в число основных (по версии Н. Е. Гайдукова) почему-то не попали такие устоявшиеся и предельно выразительные архитектурные типы культовых зданий, как ротонды, крестообразные строения без купольного заверше-

ния и зальные храмы, которые могли использоваться как в качестве соборных церквей, так и мартириев или крещален. Впрочем, остался невыясненным также статус одного из наиболее распространённых в средневековом культовом зодчестве типа сооружений, относительно однообразных снаружи и внутри, но имевших при этом самые различные функции — малых храмов с одночастным наосом прямоугольной формы.

В этой связи уместным является предложение А. В. Джанова, возникшее при изучении «небольшой часовни, которая носила, по всей вероятности, домашний характер», находившаяся в одной из усадеб на территории портовой части Судакской крепости и представляла собой обычный однефный храм с полукруглой апсидой (Джанов 1997: 224, рис. 2). Со ссылкой на Патмосский устав середины IX в., воспроизводящий основную схему богослужения Константинопольской церкви, он считает необходимым учитывать наличие или отсутствие у церковного сооружения своего клира, что позволяет разделить постройку на две группы. К первой относились приходские, соборные и монастырские храмы. Ко второй принадлежат «небольшие церкви, часовни, а также небольшие приделы к храмам», которые исследователь причисляет к категории молитвенных домов и применяет по отношению к ним термин «евктерия» (εὐκτήρια). Домашние молельни получили распространение на всей территории империи, а богослужение в них было нерегулярным и обычно ограничивалось временем собора народа и клира в определённые дни (Джанов 1997: 225).

Функциональный подход при выборе наиболее адекватного термина, на котором настаивает Н. Е. Гайдуков, обычно оказывается малоэффективным в том случае, когда изучаются сильно повреждённые либо разрушенные до основания объекты, выявленные археологическими раскопками. Утрата ими первоначальных форм и особо значимых элементов художественного убранства интерьера, как правило, не позволяет уверенно выяснить драматургию (сюжетно-композиционную основу) совершавшихся в храме ритуальных действий. Крымские средневековые церкви преимущественно именно таковыми и являются. В большинстве своём они представляют собой невыразительные остатки нижней части кладок стен, которые дают возможность относительно определённо судить разве что о проекции постройки на дневной поверхности. Имеет смысл обратить внимание на достаточно важное наблюдение А. Е. Му-

⁸ Сопоставимо с использованной в своё время И. И. Толстым и Н. П. Кондаковым трактовкой одной из церквей Херсонеса — «маленькая часовня в форме базилики» (Толстой, Кондаков 1891: 23).

сина, развившего мысль Н.Ф. Красносельцева, согласно которой «одна и та же образность и символика приложима в мистагогиях к совершенно различным архитектурным формам и планам», поскольку религиозное сознание в одинаковой степени наделяло их равноценным значением. Отчасти поэтому, по мнению первого, с определённого исторического момента богослужебный чин перестал быть функционально связан с архитектурными особенностями здания и без ущерба для своего содержания «мог естественным образом приспособливаться к наперед заданным архитектурным формам» (Мусин 2004: 146—147), тем самым придавая им, по сравнению с имевшими целевое назначение литургическими атрибутами, большую объективность и информативность при терминологической идентификации сооружений.

Результаты настоящего исследования обуславливают, по меньшей мере, три ключе-

вых вывода, несомненно, благоприятствующих взаимопониманию специалистов. При выборе между функциональным и архитектурным подходом, в случае необходимости определения археологического объекта, второй из них предпочтительнее. Церковные постройки, которым не свойственны такие характерные черты, как «базиликальный разрез» и «базиликальный тип освещения», называть базиликами, равно как относить их к базиликальному типу, во избежание искажения представления о самом сооружении и его архитектонике неприемлемо. Наименее оптимальным термином для типологической идентификации подобных строений, объёмно-плановая организация внутреннего пространства которых более тяготеет к зальным композициям, являются понятия «однонефный храм» (полное название — «храм с прямоугольным в плане одночастным наосом и полукруглой/гранёной апсидой») или «часовня».

Литература

- Автобиография. 2014. В: Проценко А.В. (сост. и отв. ред.). *Его называли «Шеф»*: Воспоминания. Литературное творчество. К 100-летию со дня рождения О.И. Домбровского. Симферополь: Н. Орианда.
- Адаксина С.Б. 2002. *Монастырский комплекс X—XVI веков на горе Аю-Даг*. Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции I. Санкт-Петербург: ГЭ.
- Адаксина С.Б., Мыц В.Л. 2008. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2007 году*. Санкт-Петербург; Симферополь: ГЭ.
- Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. 2010. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008—2009 гг.* Санкт-Петербург; Симферополь: ГЭ.
- Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. 2002. Греческие церкви средневековой Каффы. В: Юрочкин В.Ю. (ред.-сост.). *Православные древности Таврики (Сборник материалов по церковной археологии)*. Киев: Стилос, 159—168.
- Айналов Д.В. 1905. *Развалины храмов*. Памятники христианского Херсонеса I. Москва: Товарищество типографии А.И. Мамонтова.
- Баранов И.А. 1972. Нові середньовічні пам'ятки на горі Аю-Даг. *АДУ* в 1969 р. IV, 250—253.
- Баранов И.А. 1979. Раскопки средневековой Сугдеи. *АО* 1978 года, 297.
- Баранов И.А. 1990. *Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура)*. Киев: Наукова думка.
- Баранов И.А. 1994. *Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII—X вв.)*. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киев.
- Баранов И.А., Тур В.Г. 1997. Средневековый монастырь на г. Перчем. *АИК*. 1994 год, 46—50.
- Беляев Л.А. 2000. *Христианские древности: введение в сравнительное изучение*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Беляев Л.А. 2002. Базилика. В: Шевченко Э.В., Зеленина Я.Э., Игитханова Е.А. (науч. ред.). *Православная энциклопедия*. Т. IV. Москва: Православная энциклопедия, 264—269.
- Бертье-Делагард А.Л. 1907. *О Херсонесе. Крестообразный храм. Крещальня. Крепостная ограда*. ИАК 21. Санкт-Петербург: Типография В.Ф. Киришбаума.
- Бочаров С.Г. 2004. Описание средневековых храмов региона Алушты в материалах П.И. Кеппена. В: Мыц В.Л. (гл. ред.). «О древностях Южного берега и гор Таврических». Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев: Стилос, 43—57.
- Бочаров С.Г., Кирилло В.П. 2017. Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте). *Добруджа* 32, 278—304.
- Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С., Чореф М.Я. 1974. Археологические исследования столицы княжества Феодоро. В: Бибииков С.Н. (отв. ред.). *Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма*. Киев: Наукова думка, 123—139.
- Веникеев Е.В. 1983. *Архитектура Севастополя: Путеводитель*. Симферополь: Таврия.
- Власов В.Г. 2000. *Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства*. В 8 т. Т. 1. Санкт-Петербург: ЛИТА.
- Гайдукевич В.Ф. 1953. Мнимая базилика Лаврентия-Леонтия. *МИА* 34, 299—315.
- Гайдуков Н.Е. 2009. *Церковная археология (краткий словарь терминов)*. Симферополь: Сонат.
- Голенко В.К. 2006. *Древний Киммерик и его округа*. Симферополь: Сонат.
- Гриневич К.Э. 1927. Отчёт о херсонесских раскопках

- 1926 года в связи с раскопками 1907—10 гг. В: Гриневиц К. Э. (ред.). *Херсонесский сборник. Материалы по археологии Херсонеса Таврического*. Севастополь: Издание Херсонесского музея, 258—272.
- Джанов А. В. 1997. Часовня-евктерий XIII в. в портовой части Сутдеи. В: Андрощук Ф. О. (ред.), Піоро В. І. (упоряд.). *V міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених*. Наукові матеріали. Київ: Київський університет, 223—226.
- Джанов А., Майко В., Фарбей А. 2004. Христианские храмы Сутдеи. В: Нікітенко Н. М. (наук. ред.). *Сакральні споруди у житті суспільства: історія і сьогодення*. Матеріали Другої міжнародної науково-практичної конференції «Софійські читання». Київ: Фенікс, 86—91.
- Домбровский О. И. 1966. Средневековая Таврика — крымская «Готия». В: Домбровский О. И. (отв. ред.-сост.). *Дорогой Тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму*. Симферополь: Крым, 41—75.
- Домбровский О. И. 1967. Из археологических исследований на Южном берегу Крыма (1965—1966 гг.). *АИУ в 1965—1966 гг.* I, 180—183.
- Домбровский О. И. 1968. Средневековый храм в Мас-сандрее. *АИУ в 1967 г.*, 70—74.
- Домбровский О. И. 1970. Археологическое обследование Гурзуфской котловины. В: *Отчет об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 г.* Симферополь. Научный архив ИАК РАН. Инв. №547. Папка №911, 222—230.
- Домбровский О. 1972. *Крепость в Горзувитах*. Симферополь: Таврия.
- Домбровский О. И. 1974. Средневековые поселения и «Исары» Крымского Южного бережья. В: Биби-ков С. Н. (отв. ред.). *Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма*. Киев: Наукова думка, 5—56.
- Домбровский О. И. 1986. Средневековый Крым X—XV вв. В: Баран В. Д. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР 3. Раннеславянский и древнерусский периоды*. Киев: Наукова думка, 518—535.
- Дьячков С. В. 2004. «Консульская церковь» крепости Чембало (XIV—XV вв.). В: Мыц В. Л. (гл. ред.). *«О древностях Южного берега и гор Таврических»*. Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеплена). Киев: Стилос, 246—255.
- Иванов А. В. 1997. Этапы развития и некоторые черты топографии Балаклавы. В: Золотарев М. И. (отв. ред.). *Херсонесский сборник VIII*. Севастополь: Ахтиар, 46—52.
- Извлечение... 1904: Извлечение из отчёта К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 году. 1904. ИАК 9. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов, 1—62.
- Иоаннисян О. М. 2013. Однонефные храмы в архитектуре Армении и Византии (Константинополь, Малая Азия, Понт, Греция, Кипр). Функции и типология. В: Залесская В. Н. (науч. ред.). *Византия в контексте мировой культуры*. Сборник научных трудов, посвященный памяти Алисы Владимировны Банк (1906—1984). ТГЭ L XIX. Санкт-Петербург: ГЭ, 64—116.
- Кеплен П. И. 1837. *О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических*. Крымский сборник. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук.
- Кирилко В. П. 2008. Памятники армянской архитектуры Солхата. В: Байбуртский А. М. (отв. ред.). *Исследования по арменистике в Украине 1*. Симферополь: Предприятие Феникс, 37—43.
- Кирилко В. П. 2010. Фунская часовня №1. В: Зайцев Ю. П., Пузровский А. Е. (отв. ред.). *Древняя и средневековая Таврика*. Археологический альманах 22. Донецк: Донбасс, 311—322.
- Кирилко В. П. 2015. Архитектурно-конструктивные особенности и строительная периодизация храма. В: Тесленко И. Б., Мусин А. Е. (ред.-сост.). *Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым)*. Исследования и материалы. Археологический альманах 32. Киев: Антиквар, 17—62.
- Кирилко В. П. 2018. Терминологическая несообразность понятия «однонефные базилики Крыма». В: Майко В. В., Яшаева Т. Ю. (ред.-сост.). *III Свято-Владимирские чтения*. Материалы международной конференции, посвященной 1030-летию Крещения Руси. Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический», 51—53.
- Кирилко В. П., Мыц В. Л. 2004. Укрепление Чобан-Куле (по материалам раскопок 1992—1993 гг.). В: Мыц В. Л. (гл. ред.). *«О древностях Южного берега и гор Таврических»*. Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеплена). Киев: Стилос, 205—245.
- Когонашвили К. К., Махнева О. А. 1967. Раскопки у подножия горы Демерджи. *АИУ в 1965—1966 гг.* I, 193—195.
- Кондарак В. Х. 1875. *Универсальное описание Крыма*. Санкт-Петербург: Типография В. Веллинга.
- Крамаровский М. Г. 1987. Исследование трех архитектурных объектов на территории средневекового Солхата. В: Шилов В. П. (отв. ред.). *Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС*. Тезисы докладов Всесоюзной конференции (Суздаль, 1987 г.). Москва: Наука, 131—132.
- Крамаровский М. Г. 2004. Средневековая базилика на гордище Солхата. В: Залесская В. Н. (науч. ред.). *Византия в контексте мировой истории*. Материалы научной конференции, посвященной памяти А. В. Банк. Санкт-Петербург: ГЭ, 68—76.
- Ломакин Д. А. 2015. *Мусульманские памятники Старого Крыма XIII—XV вв.: история изучения, современное состояние*. Биобиблиография крымоведения 23. Симферополь: Соло-Рич.
- Лопушинская Е. И. 1991. *Крепость в Судак*. Киев: Будивельник.
- Лосицкий Ю. Г. 1990. До питання типологічної еволюції монументальної архітектури середньовічного Криму. *Археологія* (2), 33—47.
- Лосицкий Ю. Г. 2015. Храмы средневекового Крыма IV—XIV вв. (соображения по реконструкции и реставрации). В: Тесленко И. Б. (ред.-упор.). *Древняя и средневековая Таврика*. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной. Археологический альманах 33. Київ: Видавець Олег Філок, 179—200.
- Лысенко А. В., Тесленко И. Б. 2002. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг. В: Рудницкая В. Г., Тесленко И. Б. (сост.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен и до наших дней*. Киев: Стилос, 59—88.
- Майко В. В., Джанов А. В. 2015. *Археологические памятники Судакского региона Республики Крым*. Симферополь: Ариал.

- Махнева О.А. 1968. Средневековые памятники на побережье от Ласпи до Голубого залива. *АИУ в 1967 г.* II, 53—57.
- Махнёва О.А. 1970. Раскопки 1967 г. в Верхней Массандре. В: *Отчёт об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 г.* Симферополь. Научный архив ИАК РАН. Инв. №547. Папка №911, 190—194.
- Мусин А.Е. 2004. Послесловие литургиста. В: Чукова Т.А. *Алтарь древнерусского храма конца X — первой трети XIII в. Основные архитектурные элементы по археологическим данным.* Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 135—154.
- Мыц В.Л. 2015. «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции. В: Бочаров С.Г., Ситдилов А.Г. (отв. ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда.* Казань; Симферополь; Кишинёв: Stratum Plus, 99—123.
- Назаревский А.В. 1993. Базилика. В: Аверинцев С.С. (гл. ред.). *Христианство. Энциклопедический словарь.* Т. 1. Москва: Большая Российская энциклопедия, 158—159.
- Паршина Е.А. 1968а. Средневековые памятники на побережье от Голубого залива до Ялты. *АИУ в 1967 г.* II, 57—64.
- Паршина Е.А. 1968б. Средневековый храм в Ореанде. *АИУ в 1967 г.* II, 65—70.
- Паршина О.А. 1970а. Отчёт о раскопках на г. Ай-Тодор у посёлка Малый Маяк в 1969 году. В: *Отчёт об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 г.* Симферополь. Научный архив ИАК РАН. Инв. №547. Папка №911, 282—300.
- Паршина О.А. 1970б. Раскопки в Верхней Ореанде в 1967 г. В: *Отчёт об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 г.* Симферополь. Научный архив ИАК РАН. Инв. №547. Папка №911, 149—170.
- Паршина О.О. 1972. Середньовічне укріплення на горі Ай-Тодор. *АДУ в 1969 р.* IV, 253—257.
- Романчук А.И. 1976. Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек. *АДСВ* 13, 9—26.
- Романчук А.И. 2000. *Очерки истории и археологии византийского Херсона.* Екатеринбург: Уральский университет.
- Скржинская Е.Ч. 2006. Судакская крепость. *История — археология — эпиграфика.* Киев; Судак; Санкт-Петербург: Академперіодика.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. 2000. *Жизнь и гибель Херсонеса.* Харьков: Майдан.
- Струков Д. 1876. *Древние памятники христианства в Тавриде.* Москва: Университетская типография.
- Тесленко И.Б., Лысенко А.В. 2004. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение. В: Мыц В.Л. (гл. ред.). «О древностях Южного берега и гор Таврических». Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев: Стило, 260—296.
- Толстой И., Кондаков Н. 1891. *Русские древности в памятниках искусства. Выпуск четвертый. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева.* Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения.
- Уайт Э., Робертсон Б. 2003. *Архитектура: Формы, конструкции, детали: Иллюстрированный справочник.* Москва: Астрель; АСТ.
- Фирсов Л.В. 1970а. Отчёт об археологических разведках на Шайтан-Мердвене в 1967 г. В: *Отчёт об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 г.* Симферополь. Научный архив ИАК РАН. Инв. №547. Папка №911, 72—119.
- Фирсов Л.В. 1970б. Тип и ориентировка средневековых храмов Южного берега Крыма. В: *Отчёт об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 г.* Симферополь. Научный архив ИАК РАН. Инв. №547. Папка №911, 236—265.
- Фирсов Л.В. 1974. Археологические разведки на Исар-Кая и Шайтан-Мердвене в 1967 г. В: Бибилов С.Н. (отв. ред.). *Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма.* Киев: Наукова думка, 94—108.
- Фирсов Л.В. 1990. *Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма.* Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.
- Якобсон А.Л. 1950. *Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.).* МИА 17. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Якобсон А.Л. 1954. Разведочные раскопки средневекового поселения Гурзувиты. *КСИИМК* 53, 109—120.
- Якобсон А.Л. 1959. *Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры.* МИА 63. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Якобсон А.Л. 1964. *Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры.* Москва; Ленинград: Наука.
- Якобсон А.Л. 1970. *Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики.* МИА 168. Ленинград: Наука.
- Яшаева Т.Ю. 1995. Раскопки позднесредневекового христианского скита на мысе Виноградный. В: Могаричев Ю.М., Храпунов И.Н. (ред.-сост.). *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма.* Симферополь: Таврия, 146—151, 271—281.

References

- Avtobiografiia (Autobiography). 2014. In Protchenko, A. V. (ed.). *Ego nazyvali «Shef»: Vospominaniia. Literaturnoe tvorchestvo. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia O.I. Dombrovskogo* (“Boss”, that is how they called him: Memories, Literary Creation. To the 100th Birth Anniversary of O.I. Dombrovsky). Simferopol: “Novaia Orianda” Publ. (in Russian).
- Adaksina, S. B. 2002. *Monastyrskii kompleks X—XVI vekov na gore Aiu-Dag (Monasterial Complex of 10th—16th Centuries on the Ayu-Dag Mountain).* Series: Materialy Iuzhno-krymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Materials of South-Crimean Archaeological Expedition) I. Saint Petersburg; State Hermitage Museum (in Russian).
- Adaksina, S. B., Mytz, V. L. 2008. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2007 godu (Report on Archaeological Studies on the Medieval Fortress of Cembalo (Balaklava Town) in 2007).* Saint Petersburg; Simferopol: State Hermitage Museum (in Russian).
- Adaksina, S. B., Mytz, V. L., Ushakov, S. V. 2010. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2008—2009 gg. (Report on Archaeological Studies on the Medieval Fortress of Cembalo (Balaklava Town) in 2008—2009).* Saint Petersburg;

- Simferopol: State Hermitage Museum (in Russian).
- Aibabina, E.A., Bocharov, S.G. 2002. In Iurochkin, V. Yu. (ed., comp.). *Pravoslavnye drevnosti Tavriki (Sbornik materialov po tserkovnoi arkheologii) (Orthodox Antiquities of Taurica (Collected Papers on Church Archaeology))*. Kiev: "Stilos" Publ., 159—168 (in Russian).
- Ainalov, D.V. 1905. *Razvaliny khramov (Ruins of Churches)*. Series: Pamiatniki khristianskogo Khersonesa (Antiquities of Christian Chersonese) I. Moscow: "A.I. Mamontov" Publ. (in Russian).
- Baranov, I.A. 1972. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini v 1969 r. (Archaeological Investigations in Ukraine in 1969)* IV, 250—253 (in Ukrainian).
- Baranov, I.A. 1979. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1978 goda (Archaeological Discoveries in 1978)*, 297 (in Russian).
- Baranov, I.A. 1990. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia (saltovsko-maiatskaia kul'tura) (Taurica in Early Middle Ages (Saltovo-Mayaki Culture))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Baranov, I.A. 1994. *Tavrika v sostave Khazarskogo kaganata (sere-dina VII—X vv.) (Taurica as Part of Khazarian Khaganate (Middle of 7th — 10th Centuries))*. Doct. Diss. Thesis. Kiev (in Russian).
- Baranov, I.A., Tur, V.G. 1997. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1994 god (Archaeological Research in the Crimea: 1994)*, 46—50 (in Russian).
- Beliaev, L.A. 2000. *Khristianskie drevnosti. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie (Christian Antiquities: an Introduction to Comparative Study)*. Saint Petersburg: "Aletei-ia" Publ. (in Russian).
- Beliaev, L.A. 2002. In Shevchenko, E.V., Zelenina, Ya.E., Igikhana-nova, E.A. (eds.). *Pravoslavnaia entsiklopediia (The Orthodox Encyclopedia)* IV. Moscow: "Orthodox Encyclope-dia" Publ., 264—269 (in Russian).
- Bertier de la Garde, A.L. 1907. *O Khersonese. Krestoobraznyi khram. Kreshchal'nia. Krepostnaia ograda (About Chersonese: Cross-shaped Church; the Baptismal; Enceinte)*. Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission) 21. Saint Petersburg: Typography of V.F. Kirschbaum (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2004. In Mytz, V.L. (ed.-in-chief). «O drevnos-tiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh»: Sb. nauch. trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-let-iia so dnia rozhdeniia Petra Ivanovicha Keppena) ("On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Mountains of Taurica": Proceedings of the Conference dedicated to the 210 Years Anniversary from the Birth of Petr Ivanovich Köppen). Kiev: "Stilos" Publ., 43—57 (in Russian).
- Bocharov, S.G., Kirilko, V.P. 2017. In *Dobrudzha (Dobruja)* 32, 278—304 (in Russian).
- Veimam, E.V., Loboda, I.I., Pioro, I.S., Choref, M. Ya. 1974. In Bibikov, S.N. (ed.). *Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma (Feudal Taurica. Proceedings on History and Archaeology of Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 123—139 (in Russian).
- Venikeev, E.V. 1983. *Arkhitektura Sevastopolia: Putevoditel' (Ar-chitecture of Sevastopol: a Guide)*. Simferopol: "Tavriia" Publ. (in Russian).
- Vlasov, V.G. 2000. *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' izobrazitel'nogo iskusstva (Great Encyclopedic Dictionary of Fine Arts)* 1. Saint Petersburg: "LITA" Publ. (in Rus-sian).
- Gaidukevich, V.F. 1953. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 34, 299—315 (in Russian).
- Gaidukov, N.E. 2009. *Tserkovnaia arkheologiia (kratki slovar' terminov) (Church Archaeology: Concise Dictionary of Terms)*. Simferopol: "Sonat" Publ. (in Russian).
- Golenko, V.K. 2006. *Drevnii Kimmerik i ego okrug (Ancient Kim-merikon and its Environs)*. Simferopol: "Sonat" Publ. (in Russian).
- Grinevich, K.E. 1927. In Grinevich, K.E. (ed.). *Khersonesskii sbornik. Materialy po arkheologii Khersonesa Tavricheskogo (Chersonessos Collected Works: Materials on the Archaeology of Tauric Chersonese)*. Sevastopol: Cher-sonese Museum, 258—272 (in Russian).
- Dzhanov, A.V. 1997. In Androschchuk, F.O. (ed.), Pioro, V.I. (comp.). *V Mizhnarodna arkheolohichna konferentsiya studentiv i molodykh vchenykh (5th International Archaeo-logical Conference of Students and Young Researchers)*. Kiev: Kiev University, 223—226 (in Russian).
- Dzhanov, A., Maiko, V., Farbei, A. 2004. In Nikitenko, N.M. (ed.). *Sakral'ni sporudy u zhytti suspi'l'stva: istoriya i s'ohodennya (Sacral Buildings in Society Life: Past and Present)*. Kiev: "Feniks" Publ., 86—91 (in Russian).
- Dombrovskii, O.I. 1966. In Dombrovskii, O.I. (ed., comp.). *Doro-goi Tysiacheletii. Ekskursii po srednevekovomu Krymu (On the Way of Millennia: Excursions in the Medieval Crimea)*. Simferopol: "Krym" Publ., 41—75 (in Russian).
- Dombrovskii, O.I. 1967. In *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1965—1966 gg. (Archaeological Research in Ukraine in 1965—1966)* I, 180—183 (in Russian).
- Dombrovskii, O.I. 1968. In *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1967 g. (Archaeological Research in Ukraine in 1967)*, 70—74 (in Russian).
- Dombrovskii, O.I. 1970. In *Otchet ob arkheologicheskikh issledo-vaniakh na IuBK s 1965 po 1969 g. (Report on Archaeo-logical Investigations on the Southern Shore of the Crimea from 1965 to 1969)*. Simferopol. Scientific Archive of the Institute of Crimean Archaeology, Russian Academy of Sciences. Inv. no.547, dossier no. 911, 222—230 (in Rus-sian).
- Dombrovskii, O. 1972. *Krepost' v Gorzuvitakh (The Gorzoubitai Fortress)*. Simferopol: "Tavriia" Publ. (in Russian).
- Dombrovskii, O.I. 1974. In Bibikov, S.N. (ed.). *Feodal'naia Tav-rika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma (Feudal Tau-rica. Proceedings on History and Archaeology of Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 5—56 (in Russian).
- Dombrovskii, O.I. 1986. In Baran, V.D. (ed.). *Arkheologiia Ukrain-skoi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)* 3. Rannesla-vianskii i drevnerusskii periody (Early Slavic and Old Rus-sian Periods). Kiev: "Naukova dumka" Publ., 518—535 (in Russian).
- Dyachkov, S.V. 2004. In Mytz, V.L. (ed.-in-chief). «O drevnos-tiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh»: Sb. nauch. trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-let-iia so dnia rozhdeniia Petra Ivanovicha Keppena) ("On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Mountains of Taurica": Proceedings of the Conference dedicated to the 210 Years Anniversary from the Birth of Petr Ivanovich Köppen). Kiev: "Stilos" Publ., 246—255 (in Russian).
- Ivanov, A.V. 1997. In Zolotarev, M.I. (ed.). *Khersonesskii sbornik (Chersonessos Collected Works)* VIII. Sevastopol: "Akhtiar" Publ., 46—52 (in Russian).
- Izvlechenie iz otcheta K.K. Kostsiushko-Valiuzhynicha o raskop-kakh v Khersonese v 1902 godu (Excerpt from the Report of K.K. Kościuszko-Waluzyńcz on the Excavations in Chersonese in 1902). 1904. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 9. Saint Petersburg: Typog-raphy of the Chief Department of Appanages, 1—62 (in Russian).
- Ioannisian, O.M. 2013. In Zalesskaia, V.N. (ed.). *Vizantiia v kontek-ste mirovoi kul'tury (Byzantium in the Context of the World Culture)*. Series: Transactions of the State Hermitage Mu-seum LXIX. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 64—116 (in Russian).
- Köppen, P.I. 1837. *Krymskii sbornik. O drevnostiakh Iuzhnogo be-rega Kryma i gor Tavricheskikh (Crimea Collected Works. On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Tauric Mountains)*. Saint Petersburg: Typography of Impe-rial Academy of Sciences (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2008. In Baiburtskii, A.M. (ed.). *Issledovaniia po ar-menistike v Ukraine (Armenian Studies in Ukraine)* 1. Sim-feropol: "Predpriatie Feniks" Publ., 37—43 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2010. In Zaitsev, Yu.P., Puzdrovskii, A.E. (eds.). *Drevniaia i srednevekovaiia Tavrika (Ancient and Medieval Taurica)*. Series: Arkheologicheskii al'manakh (Archaeo-logical Almanac) 22. Donetsk: "Donbass" Publ., 311—322 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2015. In Teslenko, I.B., Musin, A.E. (eds., comp.).

- Drevnosti Semidvor'ia (Antiquities of Semidvorye) I. Srednevekovyi dvukhapsidnyi khran v urochishche Edi-Evler (Alushta, Krym). Issledovaniia i materialy (Medieval Temple with Two Apses in the Yedi-Evler Stow, Alushta, Crimea: Research and Materials)*. Series: Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac) 32. Kiev: "Antikvar" Publ., 17—62 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2018. In Maiko, V.V., Iashaeva, T. Yu. (eds., comp.). *III Sviato-Vladimirskie chteniia (3rd St. Vladimir Readings)*. Sevastopol: State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Tauric Chersonese", 51—53 (in Russian).
- Kirilko, V.P., Mytz, V.L. 2004. In Mytz, V.L. (ed.-in-chief). «O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh»: Sb. nauch. trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letii so dnia rozhdeniia Petra Ivanovicha Keppena) ("On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Mountains of Taurica": Proceedings (of the Conference dedicated to the 210 Years Anniversary from the Birth of Petr Ivanovich Köppen)). Kiev: "Stilos" Publ., 205—245 (in Russian).
- Kogonashvili, K.K., Makhneva, O.A. 1967. In *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1965—1966 gg.* (Archaeological Research in Ukraine in 1965—1966) I, 193—195 (in Russian).
- Kondaraki, V. Kh. 1875. *Universal'noe opisanie Kryma (Universal Description of the Crimea)*. Saint Petersburg: Typography of W. Welling (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 1987. In Shilov, V.P. (ed.). *Zadachi sovetskoi arkheologii v svete reshenii XXVII s'ezda KPSS (Objectives of Soviet Archaeology in the Light of Decisions of 27th Congress of the Communist Party of the Soviet Union)*. Moscow: "Nauka" Publ., 131—132 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 2004. In Zaleskaia, V.N. (ed.). *Vizantiia v kontekste mirovoi istorii (Byzantium in the Context of the World History)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 68—76 (in Russian).
- Lomakin, D.A. 2015. *Musul'manskie pamiatniki Starogo Kryma XIII—XV vv.: istoriia izuchenii, sovremennoe sostoianie (Muslim Monuments of 13th—15th Centuries in the Starý Krym Town: History of Study, Current Situation, Research Perspectives)*. Series: Biobibliografiia krymoveideniia (Bio-Bibliography of Crimean Studies) 23. Simferopol: "Solo-Rich" Publ. (in Russian).
- Lopushinskaia, E. I. 1991. *Krepost' v Sudake (The Fortress in Sudak)*. Kiev: "Budivelnik" Publ. (in Russian).
- Losyts'kyj, Yu. H. 1990. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 33—47 (in Ukrainian).
- Lositskii, Yu. G. 2015. In Teslenko, I. B. (ed., comp.). *Drevniaia i srednevekovaiia Tavrika (Ancient and Medieval Taurica)*. Series: Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac) 33. Kiev: "Oleg Filyuk" Publ., 179—200 (in Russian).
- Lysenko, A. V., Teslenko, I. B. 2002. In Rudnitskaia, V. G., Teslenko, I. B. (comp.). *Alushta i Alushtinskii region s drevneishikh vremen do nashikh dnei (Alushta and Alushta Region from the Most Ancient Times to Present)*. Kiev: "Stilos" Publ., 59—88 (in Russian).
- Maiko, V. V., Dzhanov, A. V. 2015. *Arkheologicheskie pamiatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym (Archaeological Sites of the Sudak District, Republic of the Crimea)*. Simferopol: "Arial" Publ. (in Russian).
- Makhneva, O. A. 1968. In *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1967 g.* (Archaeological Research in Ukraine in 1967) II, 53—57 (in Russian).
- Makhneva, O. A. 1970. In *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh na IuBK s 1965 po 1969 g.* (Report on Archaeological Investigations on the Southern Shore of the Crimea from 1965 to 1969). Simferopol. Scientific Archive of the Institute of Crimean Archaeology, Russian Academy of Sciences. Inv. no. 547, dossier no. 911, 190—194 (in Russian).
- Musin, A. E. 2004. In Chukova, T. A. *Altar' drevnerusskogo khrama kontsa X — pervoi treti XIII v. Osnovnye arkhitekturnye elementy po arkheologicheskim dannym (Altar of Ancient Russian Church of the Late 10th — First Third of the 13th Century: Main Architectural Elements by Archaeological Sources)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ., 135—154 (in Russian).
- Mytz, V. L. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 99—123 (in Russian).
- Nazarevskii, A. V. 1993. In Averintsev, S. S. (ed.-in-chief). *Khristianstvo. Entsiklopedicheskii slovar' (Christianity: Encyclopedic Dictionary)* 1. Moscow: "Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia" Publ., 158—159 (in Russian).
- Parshina, E. A. 1968. In *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1967 g.* (Archaeological Research in Ukraine in 1967) IIa, 57—64 (in Russian).
- Parshina, E. A. 1968. In *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1967 g.* (Archaeological Research in Ukraine in 1967) II, 65—70 (in Russian).
- Parshina, O. A. 1970. In *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh na IuBK s 1965 po 1969 g.* (Report on Archaeological Investigations on the Southern Shore of the Crimea from 1965 to 1969). Simferopol. Scientific Archive of the Institute of Crimean Archaeology, Russian Academy of Sciences. Inv. №547. Papka №911, 282—300 (in Russian).
- Parshina, O. A. 1970. In *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh na IuBK s 1965 po 1969 g.* (Report on Archaeological Investigations on the Southern Shore of the Crimea from 1965 to 1969). Simferopol. Scientific Archive of the Institute of Crimean Archaeology, Russian Academy of Sciences. Inv. no. 547, dossier no. 911, 149—170 (in Russian).
- Parshyna, O. O. 1972. In *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini v 1969 r.* (Archaeological Investigations in Ukraine in 1969) IV, 253—257 (in Ukrainian).
- Romanchuk, A. I. 1976. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 13, 9—26 (in Russian).
- Romanchuk, A. I. 2000. *Ocherki istorii i arkheologii vizantiiskogo Khersona (Essays on History and Archaeology of Early Byzantine Cherson)*. Yekaterinburg: Ural State University (in Russian).
- Skrzhinskaiia, E. Ch. 2006. *Sudakskaiia krepost'. Istoriia — arkheologiia — epigrafika (Sudak Fortress: History, Archaeology, Epigraphy)*. Kiev; Sudak; Saint Petersburg: "Akademperiodika" Publ. (in Russian).
- Sorochan, S. B., Zubar', V. M., Marchenko, L. V. 2000. *Zhizn' i gibel' Khersonesa (Life and Downfall of Chersonese)*. Kharkov: "Maidan" Publ. (in Russian).
- Strukov, D. 1876. *Drevnie pamiatniki khristianstva v Tavride (Christian Antiquities in Taurida)*. Moscow: Typography of the Moscow University (in Russian).
- Teslenko, I. B., Lysenko, A. V. 2004. In Mytz, V. L. (ed.-in-chief). «O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh»: Sb. nauch. trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letii so dnia rozhdeniia Petra Ivanovicha Keppena) ("On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Mountains of Taurica": Proceedings (of the Conference dedicated to the 210 Years Anniversary from the Birth of Petr Ivanovich Köppen)). Kiev: "Stilos" Publ., 260—296 (in Russian).
- Tolstoi, I., Kondakov, N. 1891. *Russkie drevnosti v pamiatnikakh iskusstva (Russian Antiquities in the Monuments of Art) IV. Khristianskie drevnosti Kryma, Kavkaza i Kiev (Christian Antiquities of the Crimea, the Caucasus, and Kiev)*. Saint Petersburg: Ministry of Railways Publishing House (in Russian).
- White, E., Robertson, B. 2003. *Arkhitectura. Formy, konstruktzii, detali. Illiustirovannyi spravochnik (Architecture and Ornament: a Visual Guide)*. Moscow: "AST" Publ.; "Astrel" Publ. (in Russian).
- Firsov, L. V. 1970. In *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh na IuBK s 1965 po 1969 g.* (Report on Archaeological Investigations on the Southern Shore of the Crimea from 1965 to 1969). Simferopol. Scientific Archive of the Institute of Crimean Archaeology, Russian Academy of Sciences. Inv. no. 547, dossier no. 911, 72—119 (in Russian).
- Firsov, L. V. 1970. In *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh*

- na IuBK s 1965 po 1969 g. (*Report on Archaeological Investigations on the Southern Shore of the Crimea from 1965 to 1969*). Simferopol. Scientific Archive of the Institute of Crimean Archaeology, Russian Academy of Sciences. Inv. no. 547, dossier no. 911, 236—265 (in Russian).
- Firsov, L. V. 1974. In Bibikov, S. N. (ed.). *Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arkhologii Kryma (Feudal Taurica. Proceedings on History and Archaeology of Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 94—108 (in Russian).
- Firsov, L. V. 1990. *Isary: Ocherki istorii srednevekovykh krepostei Iuzhnogo berega Kryma (Isars: Historical Essays on Medieval Fortresses of the Crimean Southern Shore)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Jakobson, A. L. 1950. *Srednevekovyi Khersones (XII—XIV vv.) (The Medieval Chersonese (12th—14th Centuries))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 17. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Jakobson, A. L. 1954. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 53, 109—120 (in Russian).
- Jakobson, A. L. 1959. *Rannesrednekovyi Khersones: Ocherki istorii material'noi kul'tury (Early Medieval Chersonese: Essays on the History of the Material Culture)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 63. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Jakobson, A. L. 1964. *Srednekovyi Krym. Ocherki istorii i istorii material'noi kul'tury (Medieval Crimea. Essays on History and History of Material Culture)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Jakobson, A. L. 1970. *Rannesrednekovye sel'skie poseleniia Iugo-Zapadnoi Tavriki (Early Medieval Rural Settlements of South-Western Taurica)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 168. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Iashava, T. Yu. 1995. In Mogarichev, Yu. M., Khrapunov, I. N. (eds., comp.). *Problemy arkhologii drevnego i srednekovogo Kryma (Problems of Archaeology of Ancient and Medieval Crimea)*. Simferopol: "Tavriia" Publ., 146—151, 271—281 (in Russian).

Статья поступила в сборник 1 января 2019 г.

Vladimir Kirilko (Simferopol, Crimea). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences¹.

Кирилко Владимир Петрович (Симферополь, Крым). Кандидат исторических наук. Институт археологии Крыма Российской Академии наук.

E-mail: kir.vlad33@gmail.com

Address: ¹ Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea

Б. Д. Борисов

Проблемът за средновековните сезонни селища от територията на дн. Югоизточна България (трансхуманс или номадизъм)

Keywords: South-Eastern Bulgaria, medieval seasonal settlements, nomadic camp, alpine stock-breeding, transhumance, nomadism

Ключевые слова: Юго-Восточная Болгария, средневековые сезонные поселения, стойбище, высокогорное скотоводство, трансгуманс, кочевничество

B. D. Borisov

The Problem of the Seasonal Settlements on the Territory of Today's South-Eastern Bulgaria (Transhumance or Nomadism)

The study addresses the problem of the medieval seasonal settlements from today's South-Eastern Bulgaria. Three of them are located on the territory of the mining and electricity complex of "Maritsa-Iztok". Two of them are entirely excavated and are situated on the land of Gledachevo village, the third one is partially studied and is located nearby Polski Gradets village, and the last one — in the area of "Shihanov bryag" nearby the city of Harmanly.

Archaeological data undoubtedly points to the fact that there is no cultural layer in any of the seasonal settlements. There are neither archaeological materials nor artefacts excluding some pottery pieces. There are no graveyards, which once again is a proof of the brief habitation in these areas. According to the ethnographical data, there are four basic types of stock-breeding. The first is the so-called Alpine or mountain stockbreeding, the second one — transhumance, the third one — nomadism, and the fourth one — stationary livestock farming.

The analysis of the archaeological and ethnographical data allows us to infer that, for the time being, there is no connection between seasonal settlements and transhumance or nomadism. Anyway, there is no doubt that they are related to the mobile stock-breeding.

Б. Д. Борисов

Проблема сезонных поселений на территории современной Юго-Восточной Болгарии («трансгуманс» или кочевничество)

Исследование посвящено средневековым сезонным поселениям на территории современной Юго-Восточной Болгарии. Три из них расположены в районе комплекса Марица-изток. Первые два полностью были исследованы и попадают в село Гледачево, третий частично изучен и находится недалеко от села Польский Градец, а последний — в местности Шиханов бряг, недалеко от города Харманли.

Данные археологических исследований ясно показывают, что культурный слой отсутствует во всех сезонных поселениях. Все археологические материалы, кроме скудной керамики, также отсутствуют. Отсутствуют также и некрополи, что еще раз доказывает их недолгое существование. Отсутствуют также мусорные ямы, которые так широко распространены на постоянных поселениях. По данным этнографических исследований развития скотоводства выделяются четыре основные его формы. Первая — альпийское или горное скотоводство, вторая — мобильное или так называемое «трансгуманс», третья — кочевое, а четвертая — стационарное скотоводство.

Анализ данных археологических и этнографических исследований позволяет сделать вывод, что на данный момент вопрос о связи сезонных поселений с трансгумансом или кочевничеством остается открытым. Однако нет никаких сомнений в том, что они связаны с мобильным скотоводством.

В структурата на селищната мрежа през Средновековието се различават две основни морфологически категории селища — укрепени и неукрепени. Към първата се отнасят категориите градове и крепости, а към втората — селата. От своя страна последните се разделят на постоянни и сезонни (временни).

Досега са изследвани огромен брой неукрепени селища, по-голямата част от които се

намират на територията на Северна и най-вече — на Североизточна България. Точно тук се намират и някои от станалите еталонни за ранното средновековие селища — в м. „Джеджови лозя“, „Дренчето“ и „Калето“ край с. Попина (Въжарова 1965: 9—114), м. „Стареца“ и „Момчила“, край с. Гарван (Въжарова 1986), Цар Асен, Сребърна, Малък Преславец, Старо село и Нова Черна, Силистренско (Въжарова

1965: 123—137), Одърци (Дончева-Петкова, 1999), Кладенци, Топола, Бдинци, Българево, Каварна и Хитово, Добричко, Блъсково, Брестак, Дългопол, Разделна, Девня, Равна и Кипра, Варненско, Войвода, Кюлевча, Нови Пазар, Мадара, Дибич, Църквица, Злокучен, Виница (Тотев 1996), Хан Крум и Сини вир, Шуменско, Върбовка и Хотница, Великотърновско, Кривина, Бабово, Новград и Николово, Русенско, Хума (Рашев, Станилов 1987) и Юпер, Разградско. Редица ранносредновековни селища са проучени и на територията на Северозападна България — Алтимир, Хърлец, Михайлово, Книжа, Девене, Борован, Градецница, Галиче и Крушовица, Врачанско, Долни Луковит и Гитен, Плевенско, Вълчедръм, Якимово и Златия, Монтанско и още много, много други (Въжарова 1965: 123—137).

Досега броят на проучените ранносредновековни селища на територията на Южна България е значително по-малък. Тук трябва да се споменат средновековните селища край с. Съдиево, Караново и Загорци, Новозагорско, Раднево-ЦРБ, П. Градец, Знаменосец, Гледачево и Овчарци, Радневско, с. Златна Ливада и върху античната пътна станция Карасура, Чирпанско, с. Изворово и Капитан Андреево, Хасковско, с. Пеперков Чифлик, Кюстендилско и др.

Всички споменати дотук селища са частично или сондажно проучени. Изключение прави само селището в чашата на яз. „Виница“, което е проучено цялостно чрез спасителни разкопки. По ирония на съдбата точно на територията на днешна Югоизточна България се намират и пет цялостно проучени селища — върху тракийския град Севтополис, до с. Дядово, Новозагорско, а две селища се намират край с. Гледачево, Радневско, в района на комплекса „Марица-изток“. Петото цялостно проучено селище се намира край с. Ковачево, Пазарджишко, т.е. четири от селищата се намират на територията на Североизточна Тракия (източната част на Горно-тракийската низина). Пак там се намират и две цялостно проучени сезонни селища, които се различават коренно по своя характер от всички известни постоянни села. Всички споменати по-горе селища са постоянни и носят типичната за тях характеристика.

И за да стане ясна разликата между постоянните и сезонните селища, ще започна със съвсем кратка характеристика отначало на първите, а след това и на вторите.

1. Селището над тракийския град Севтополис. Днес то се намира на дъното на яз. „Копринка“ и е проучено чрез спасителни раз-

копки в периода 1950—1954 г. Селището обхваща площ от около 45 дка, на която са открити петна от 47 жилищни и известен брой стопански помещения и ями и 70 гроба от некропол. Не са открити следи от християнски храм. Селището е възникнало около средата на XI в. и е било обитавано за период от над 250 г. Дебелината на културния пласт е около 0.50—0.60 м. Резултатите от разкопките са публикувани от Й. Чангова (Чангова 1972).

2. Селището край с. Ковачево, Пазарджишко. То е заемало площ от 5—6 дка и е проучено отново при спасителни разкопки, във връзка с корекцията на р. Марица. По време на разкопките са открити 34 жилища и 18 стопански помещения, 69 сметни ями и 172 гроба от некропол, разположен непосредствено на югозапад и запад от селото. За периода на обитаването на селището се е отложил културен пласт с дебелина от 0.15 до 0.25 м. Според разкопвача — П. Гатев селището е съществувало около 100 г. и е загинало през есента на 1189 г. по време на Третия кръстоносен поход. Според мен обаче, същото е възникнало още в средата на XI в., когато възникват и още цяла поредица от средновековни селища на територията на дн. Южна България, по време на изселническата вълна, предизвикана от печенежките нашествия през първата половина на XI в. Резултатите от разкопките са публикувани в т. XII от поредицата Разкопки и проучвания (Гатев 1985).

3. Селището до с. Дядово, Новозагорско, се намира върху най-горна част на селищна могила и е проучено от екип на българо-холандско-японска експедиция през периода 1978—1984 г. То обхваща площ от 8 дка, заедно с производствените съоръжения, разположени на запад от селото. Там са открити общо 75 жилища, голяма част от които се застъпват стратиграфски от по-късни, от стопански помещения или гробове от по-ранния некропол, съществувал до средата на XII в. Наред с жилищата са открити и 16 стопански помещения и 244 сметни ями. Дебелината на културния пласт варира от 0.50 м в северната част на селото до 1.10 м в южната. Проучени са цялостно и двата му некропола с общо 226 гроба, първият от които е разположен около малка черква. И това селище е възникнало около средата на XI в. и е било организирано напуснато през януари 1190 г., т.е. съществувало е около 150 г. (Borisov 1989: 17—77, fig. 8). Резултатите от разкопките са публикувани в поредицата *Expedition Thracica*, томове 1, 3 и 5 (Борисов 1980: 95—122; 1982; 1983). През 1989 г. в издателството Tokai University Press, Токуо изли-

за от печат монография под заглавие Dyadovo v. 1. *Mediaeval Settlement and Necropolis* (11th—12th Century), посветена на основните резултати от разкопките на средновековното селище и неговите некрополи (Borisov 1989).

4. Средновековното село до с. Полски Градец, Новозагорско, сега Радневско. То е частично проученото, като по време на разкопките са открити основи от 15 жилищни и стопански помещения на площ от около 475 кв. м, а дебелината на културния пласт е около 0.50 м (Борисов 2013, 195, 275—276, обр. 148). Частично проучени са и три некропола с общо 50 гроба. В селището са открити и основи от малък християнски храм, около който е разположен първият некропол. Селището възниква още към средата на IX в. и е напуснато по време на Третия кръстоносен поход, най-вероятно през 1190 г. Резултатите от разкопките са публикувани в „Полски Градец, т. 1. Археологически проучвания“ (Борисов 2013).

5. Средновековното село, северно от с. Караново, Новозагорско. То е разположено върху римски и ранновизантийски кастел. Проучен е и некропол, разположен около малък християнски храм с над 130 гроба. На около 300—350 м, източно от него е открит обособен квартал от втората половина на XII и началото на XIII в. Дебелината на средновековния културен пласт тук е около 0.50 м. В него са открити основи от 10 жилища, 2 стопански помещения и 67 сметни ями. И въпреки краткотрайното му обитаване, не повече от 50—60 г., в него се наблюдава известна вътрешна периодизация, доказателство за която са застъпващите се жилища, жилища и сметни ями или по-ранни ями са пресечени от по-късни, а в някои случаи се срещат дори и тройни застъпвания. Средновековното село възниква още през Ранното средновековие — в началото на втората половина на IX в., след сключването на т. нар. „Дълбок мир“ през 864 г. Досега са публикувани редица статии, посветени на различни проблеми или материали, придобити от проучванията (Борисов 1979: 203—216; 1985: 38—45; 1988а: 90—118; 1988б: 338—46; 1994: 105—106; 2009: 38—47; 2013 б: 281—336; 2017: 217—232). В момен-та се подготвя монографично изследване, посветено на резултатите от разкопките на многослойното поселение.

6. Средновековното селище в м. „Асарлъка“ край с. Знаменосец, Радневско. Разположено е отново върху най-горната част на силно разлата селищна могила, непосредствено на север от която тече р. Сазлийка. Проучванията са сондажни и обхващат площ

от 375 м². Проведени са през 1987—1988 г. Дебелината на средновековния културен пласт варира от 1 до 1.20 м. В сондажите са открити частично основите от 3 жилищни помещения. По време на проучванията са открити и два некропола, от които са проучени общо 24 гроба, всички по християнския погребален обред. За съжаление малката площ на проучванията е причина да не бъдат открити основи от християнски храм. Стратиграфските наблюдения, намерените многобройни археологически материали — оръдия на труда, оръжия, накити, керамика и монети отнасят началото на средновековното селище към втората половина на X, а краят му — към края на XII в., т.е. по всяка вероятност селището е било организирано напуснато по време на Третия кръстоносен поход през 1190 г. На резултатите от сондажните археологически проучвания е посветено монографично изследване, публикувано в т. 1 от поредицата „Марица-изток. Археологически проучвания“ (Борисов 1991: 205—305).

7. Средновековно селище в м. „Герена“ в землището на с. Знаменосец. Разположено е на отсрещния бряг на р. Сазлийка, в непосредствена близост с горното. Проучена е площ от 900 кв. м на която са открити основи от 16 жилища, 1 стопанско помещение, 11 сметни ями и 236 гроба от средновековен некропол. Средновековният културен пласт е изключително тънък — едва 0.10—0.20 м. По всяка вероятност е имало християнски храм, за което свидетелстват откритите основи, градени от ломени камъни и кал и намерените стенописи. Въз основа на намерените материали и 11 монети, селището е датирано в края на XI—XII в. (Петрова, Караилиев 2016: 753—556).

Няколко средновековни селища са проучени частично чрез спасителни разкопки в минно-енергийния комплекс „Марица-изток“.

8. Средновековно селище в бившето с. Гледачево е открито по време на спасителни разкопки на ямен комплекс от Късножелязната епоха. На площ от 2 дка са проучени основи от 12 жилища, 9 стопански помещения, 34 сметни ями. Не е открит ясно изразен средновековен културен пласт. Според разкопвачите жилищните и стопански помещения са вкопани и наземни и датират в периода XI—XII в. Буди недоумение обаче твърдението им, че някои от жилищата били вкопани на дълб. 0.20 м (Караилиев, Петрова 2009: 746—749). Това без никакво съмнение са наземни жилища, които запазват известно

вкопаване, достигащо в някои случаи до дълб. 0.45 м, в зависимост от вида на отоплителното съоръжение (Borisov 1999: 83—92).

9. Средновековно селище в м. „Бахча бунар“, в землището на бившето с. Овчарци. Проучено е в периода 2007—2010 г. На площ от около 3 дка са открити основи от 15 жилищни, 3 стопански помещения и 15 сметни ями. От първичните публикации не става ясна дебелината на средновековния културен пласт. Липсва и некропол. Въз основа на намерената керамика и тетартерон на Йоан II Комнин селището е датирано към XII в. (Караилив, Петрова 2011: 526—528).

10. Част от друго средновековно селище се намира в м. „Под ямача“ отново край с. Овчарци. През 2011—2012 г. от него са проучени две жилищни и една стопанска постройка, 16 сметни ями и 69 гроба от некропол. В предварителната публикация не са посочени данни за дебелината на средновековния културен пласт. Липсват и данни за християнски храм. Според намерените материали и монети селището и некропола са датирани към XII— началото на XIII в. (Караилив 2013: 482; Караилив, Петрова 2013: 483).

11. Средновековното селище „Трояново–Голяма Детелина“. То се намира на границата на землищата на селата Трояново и Голяма Детелина, последното от които е отдавна изселено, а землището му попада в рамките на рудник „Трояново–север“, поделение на МИНИ „Марица-изток“ ЕАД — Раднево. Проучената площ достига около 2 дка, върху която са открити основи от четири жилища, единадесет стопански помещения и 46 сметни ями, 43 от които са пряко свързани със средновековното селище. Дебелината на културния пласт не е с точност установена, поради обстоятелството, че в района на откритите рудници, хумусният слой се отнема за нуждите на рекултивацията, а много често с него се унищожава и горната част на културния пласт. Във всеки случай, тук последният е с дебелина от 0.10 до 0.20 м. В проучената част от селището не са открити основи от християнски храм. Селището датира към втората половина на XII в. Досега е подготвена публикация на художествената керамика от средновековното селище (Борисов 2014: 14—19).

12. Средновековно селище в землището на с. Трояново. Отстои на 400 м южно от селището „Трояново–Г. Детелина“. Проучва се от 2015 г. насам. В южния сектор на селището са проучени едно жилищно и едно стопанско помещение и четири сметни ями. Интерес представлява жилището, което е вко-

пано на дълбочина 0.82 м спрямо нивото на средновековния терен. Стените му са градени с колово-плетна конструкция, измазана от двете страни с глина. Подът му е от трамбована пръст. Жилището е разполагало с вкопана в здравия бряг пещ, отворът на която се е свързвал с него в североизточния му ъгъл. Тя е с огромни размери — 1.62×1.52 м, което поставя под известно съмнение жилищния му характер и дава основание да се допусне, че откритото помещение е било свързано някакво производство, надхвърлящо рамките на домашното потребление. В него през 2015 г. бе намерена бъклица от много рядък тип.

В северния сектор са проучени 5 основи от вкопани и наземни жилища, 4 стопански помещения, 21 ями и две сравнително запазени пещи, които са свързани с производствена дейност.

Близостта на последните две средновековни селища поставя въпроса дали те са самостоятелни поселения или представляват отделни махали („квартали“) от една огромна агломерация, обхващаща площ от над 200 дка? Подобно „гнездовидно“ разположение на отделните малки селца е известното още от Ранното средновековие. Красноречиви примери за това са еталонните ранносредновековни селища в местностите „Джеджови лозя“, „Дренчето“ и „Калето“ в землището на с. Попина, в „Момчила“ и „Стареца“ (Въжарова 1986: 7), край с. Гарван, Силистренска област (Въжарова 1965: 116—120, 165), Топола и Дуранкулак, Добричко, и редица други на територията на Североизточна България и Добруджа (Димитров 1987: 228—229). Може би същата традиция е следвал и обособеният квартал на средновековното селище, северно от с. Караново, който отстои на около 300 м, източно от централната част на селището, където се намират средновековният параклис и разположеният около него некропол (Кънчев, Борисов 1981: 46—64).

Със сигурност тази огромна площ от над 200 дка не е била изцяло заселена и върху нея са били пръснати отделни махали (квартали), които са съществували синхронно или пък са се местили в нея. Анализът на досегашните резултати от проучванията и намерените материали категорично показват, че датировката им се отнася към втората половина на XII в. В заключение трябва да подчертаем, че засега характерът на селището „Трояново–Голяма Детелина“ остава неизяснен. Дали то е част от голяма средновековна агломерация, в която отделните махали (квартали) са били пръснати на огромна площ

от над 200 дка, заедно с останките в м. „Вехтите лозя“ или пък е представлявало отделно средновековно село засега остава неясно. Остава да се надяваме, че след цялостното проучване на средновековния културен пласт в м. „Вехтите лозя“ проблемът за характера на селището „Трояново–Голяма Детелина“ ще намери окончателното си решение (Борисов 2019, под печат).

Редица средновековни селища са частично проучени чрез спасителни разкопки и във връзка с изграждането на автомагистрала „Марица“ и „Тракия“.

1. Първото частично проучено средновековно селище по трасето на автомагистрала „Марица“ се намира в м. **“Орта борун” край гр. Любимец**. В сондажния изкоп е установена стратиграфията на средновековният културен пласт. Проучени са и две еднокамерни пещи за изпичане на битова керамика и три гроба от християнски некропол (Koleva 1997: 245—252). Въз основа на намерените археологически материали и 87 монети от Мануил I Комнин (1143—1180), Исаак II Ангел (1185—1195), латински и български имитации, тип В, сечени през периода 1207—1208 г. селището е датирано към XII — началото на XIII в. (Penchev 1997: 253—258).

2. **Средновековното селище край с. Крум, Димитровградско**. Намира се по трасето на АМ „Марица“ и е проучено през периода 2000—2010 г. На площ от над 8 дка са открити останки от селище с неизяснен напълно характер. В изследваната площ са открити основи от 4 жилища, 4 стопански помещения и 13 сметни ями, но без основи от християнски храм. Липсват и следи от некропол. Намерените материали и основно керамика, отнасят селището към втората половина на XII в. Интересното в случая е липсата на здрав културен пласт. Проучените съоръжения са вкопани в стерилния терен и са концентрирани на площ от 5.5 дка. Тук освен споменатите жилища и стопански помещения са открити и множество „ровове“, които са синхронни с първите. Дали те представляват основи от огради обаче, не е съвсем ясно, а от тук не е ясно и отношението им към жилищните и стопански помещения. Малкият брой на последните навежда на мисълта, че в случая се касае за периферия на селище, останало извън рамките на проучваната площ. Предварителните резултати от спасителните проучвания са публикувани в т. V на „Приноси към българската археология“ (Борисов, Шейлева 2009: 244—257).

3. **Второ средновековно селище в землището на същото с. Крум е проучено частично в м. „Керамлъка“**. От него са проучени част от двуделна сграда, изградена от ломени камъни и кал, 3 паянтови постройки и 21 сметни ями. И тук в публикаците липсват данни за дебелината на културния пласт, ако такъв изобщо е имало, както и за основи от християнски храм (Евтимова 2008: 63—94). По всичко изглежда, че и тук е съществувало тънкослойно средновековно селище, обитавано през XI—XII в.

4. **Средновековно селище край с. Златна ливада, Чирпанско**. Намира се по трасето на АМ „Марица“ и е проучено чрез спасителни разкопки през периода 2000—2011 г. Изследваната площ от селището е близо 4.5 дка, на която е открит християнски храм. Културният пласт е с дебелина 0.30—0.40 м. Селището е датирано в периода XI—XII в. (Янков и др. 2012: 488—490).

5. **Средновековно селище край с. Великан, Димитровградско**. То се намира отново по трасето на АМ „Марица“ и е проучено чрез спасителни разкопки през 2014—2016 г. На площ от около 7 дка са открити основи от 40 жилищни и стопански помещения, 198 сметни ями и 52 гроба от некропол. Установени са три строителни хоризонта. На базата на откритите съоръжения и намерените материали селището е датирано в периода IX—XIII в.

6. **Средновековно селище в м. „Дипси за“ в землището на с. Загорци, Новозагорско**. От него са открити четири основи от жилища, една стопанска сграда и 25 ями. И тук липсват данни за дебелината на средновековния културен пласт. Селището е възникнало още през IX и просъществувало до края на XII в. (Игнатов и др. 2010: 176—177).

7. **Ранносредновековно селище е регистрирано и при спасителните разкопки по трасето на Автомагистрала „Тракия“, землището на с. Събрано, Новозагорско**. Там са проучени две полувкопани жилища и 12 сметни ями. Намерените материали отнасят средновековното селище към IX—XI в. (Велков 2010: 179).

* * *

Всички разгледани до тук средновековни селища са постоянни и за тях е характерно наличието на културни пластове, които варират от 0.30 м в Златна Ливада до 1.10 м в Дядово, а в Знаменосец достига 1.20 м. Във всички селища има некрополи, проучени в различна степен. Жилищата са вкопани и на-

Обр. 1. Средновековно сезонното селище Гледачево II.

Fig. 1. Medieval seasonal settlement Gledachevo II.

Обр. 2. Средновековно сезонното селище Гледачево II.

Fig. 2. Medieval seasonal settlement Gledachevo II.

земни и в повечето от селата са градени от колове и плет, измазан с глина и покрити със слама или блатна растителност. В изключително редки случаи в тях се откриват и жилища с каменна архитектура — Дядово, П. Градец и Ве-

ликан. В средно големите селища има и християнски храмове — Дядово, Караново, П. Градец, Ябълково.

Наред с постоянните селища на територията на Североизточна Тракия са проучени и вре-

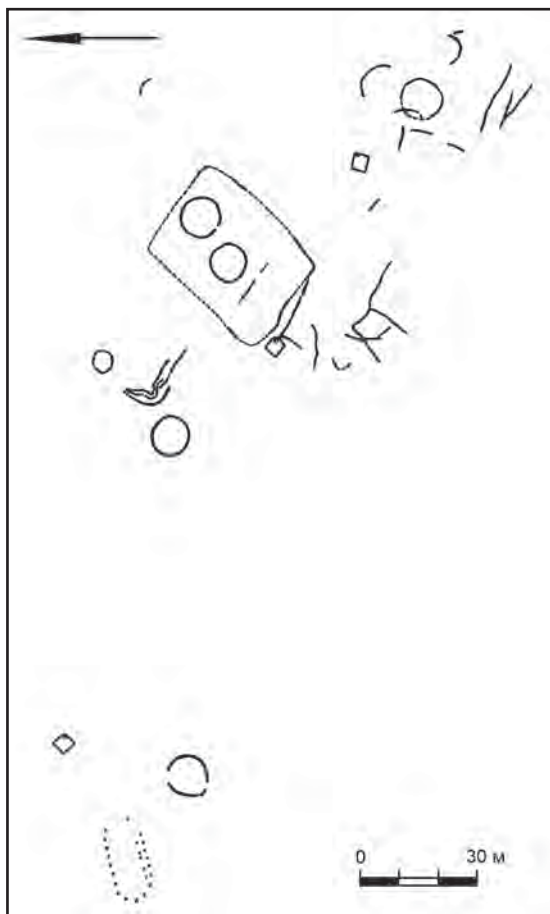
менни — сезонни селища, които са обитавани през определен сезон от годината.

Две от тях се намират край вече несъществуващото с. Гледачево.

1. Сезонното селище Гледачево I попада в района на комплекса „Марица-изток. Проучено е цялостно през 1994 г. В него са открити основи от три жилищни и три стопански помещения, разположени на площ от 1325 кв. м. Тук липсва културен пласт. Не е открит и некропол, макар, че са разкопани повече от 8 дка. Анализът на данните от археологическите проучвания, недвусмислено показва, че селището е било сезонно и е било използвано само през летните месеци, за което свидетелства и обстоятелството, че жилищата са представлявали покрити навеси. На базата на намерената керамика и монети селището е датирано е в началото на третата четвърт на XII в. Резултатите от спасителните проучвания са публикувани в две студии в т. 4 на „Марица-изток. Археологически проучвания“ (Герасимов 1997: 105—127; Борисов 1997: 129—183).

Сезонно селище Гледачево II. То също се намира в землището на с. Гледачево. Проучвано е в продължение на 10 археологически сезона, през които е изследвана площ от 15 дка (рис. 1). В селището са открити основи от пет напълно еднакви открити кошари, при които диаметърът варира от 8.65 до 9.90 м, а една е по-малка, с диаметър едва 5.65 м (рис. 2; 3). Наред с целите планове на подобни кошари са открити и редица части от подобни, които не се различават по нищо от останалите. Откритите дупки от дървени колове и пръти категорично свидетелстват, че стените на кошарите са били изградени от плет, който по всяка вероятност не е надхвърлял 1 м във височина (рис. 4). Очевидно в тези кръгли стопански дворове е бил затварян добитъкът. Освен кръглите непокрити кошари в селището Гледачево-2 е открита и една покрита кошара, която има издължена елипсовидна форма с дълж. 18.40 и широчина 8.5 м (рис. 5). Ако се съди по данните от селището в него е имало най-малко три комплекса, които са били използвани през определени месеци от годината. Проучените в сезонното селище Гледачево II съоръжения намират съвсем точни паралели в етнографските паметници (рис. 6). В последно време сериозно внимание на архитектурата, свързана с развитието на овцевъдството обърна Св. Ракшиева (Rakshieva 2011: 1—16).

Единственият археологически материал, които се намира при проучването на този вид сезонни селища, е керамиката. По правило тя се открива във вътрешността на жилища-

Обр. 3. Средновековно сезонното селище Гледачево II. Плана.

Fig. 3. Medieval seasonal settlement Gledachevo II. Plan.

та и дава възможност за датиране на сезонните селища. Красноречиво доказателство за това са данните от разкопките на същото селище, при които са намерени едва 13 керамични фрагмента от ранносредновековни гърнета (рис. 7).

Резултатите от спасителните проучвания на сезонното селище са отразени в няколко предварителни публикации (Borisov 2001: 77—92; Борисов 2003: 227—234; Борисов, Шейлева 2003: 196—203; Борисов 2005б: 310—317).

2. Сезонно селище в землището на с. Полски Градец. Част от друго сезонно селище е открита и при проучванията на комплекса от раннохристиянски базилики и сармато-алански некрополи, в м. „Селището“ в землището на с.П. Градец. Там е открита основа от кръгла непокрита кошара (стопански двор), която е напълно еднаква с тези от селището Гледачево-2 (рис. 8). Тук за съжаление не са открити останки от други стопански съоръжения и жилище.

Обр. 4. Средновековно сезонното селище Гледачево II. Открит фермен двор.

Fig. 4. Medieval seasonal settlement Gledachevo II. Open farmyard (cattle-pen).

3. Сезонно селище в м. „Шиханов бряг” край гр. Харманли. Проучено е чрез спасителни разкопки по трасето на Автомагистрала „Марица“. И там са открити подобни покрити и открити кошари (стопански дворове) и ран-

носредновековни жилища. Странно защо обаче проучвателите погрешно отнасят кошарите към късната античност, а жилищата — към ранното средновековие? Странно е и обстоятелството, че в първата публикация е посоче-

Обр. 5. Средновековно сезонното селище Гледачево II. Зимна покрита кошара.

Fig. 5. Medieval seasonal settlement Gledachevo II. Winter covered sheep shed.

на датировка X—XII в. (Игнатов и др. 2006: 340), а във втората селището е отнесено към Ранното средновековие (Кънчева-Русева и др. 2008: 283). Всъщност става въпрос за абсолютно синхронни съоръжения от едно и също сезонно ранносредновековно селище, за което категорично свидетелства и намереният в жилищата керамичен материал.

Съвсем идентични нетрайни огради са регистрирани и при спасителните разкопки на средновековно селище от X—XI в. край Nyíregyháza-Rozsátszőlő, във връзка със строителството на магистрала M₃ 148/b в Унгария (Takács 2013: 43—44, 3. kép.).

Анализирайки резултатите от разкопките на сезонните селища и съпоставяйки ги с етнографските данни трябва да отбележим, че в развитието на скотовъдството се различават четири основни форми. Първата от тях е свързана с алпийското или планинско скотовъдство, втората — с подвижното или т. нар. „трансхуманс“, третата — с номадизма, а четвъртата — със стационарното животновъдство.

Алпийското скотовъдство задължително е свързано с пълна уседналост на населението и комплексно съчетание на земеделието и скотовъдството. За него са характерни два основни елемента на производство: 1 — земе-

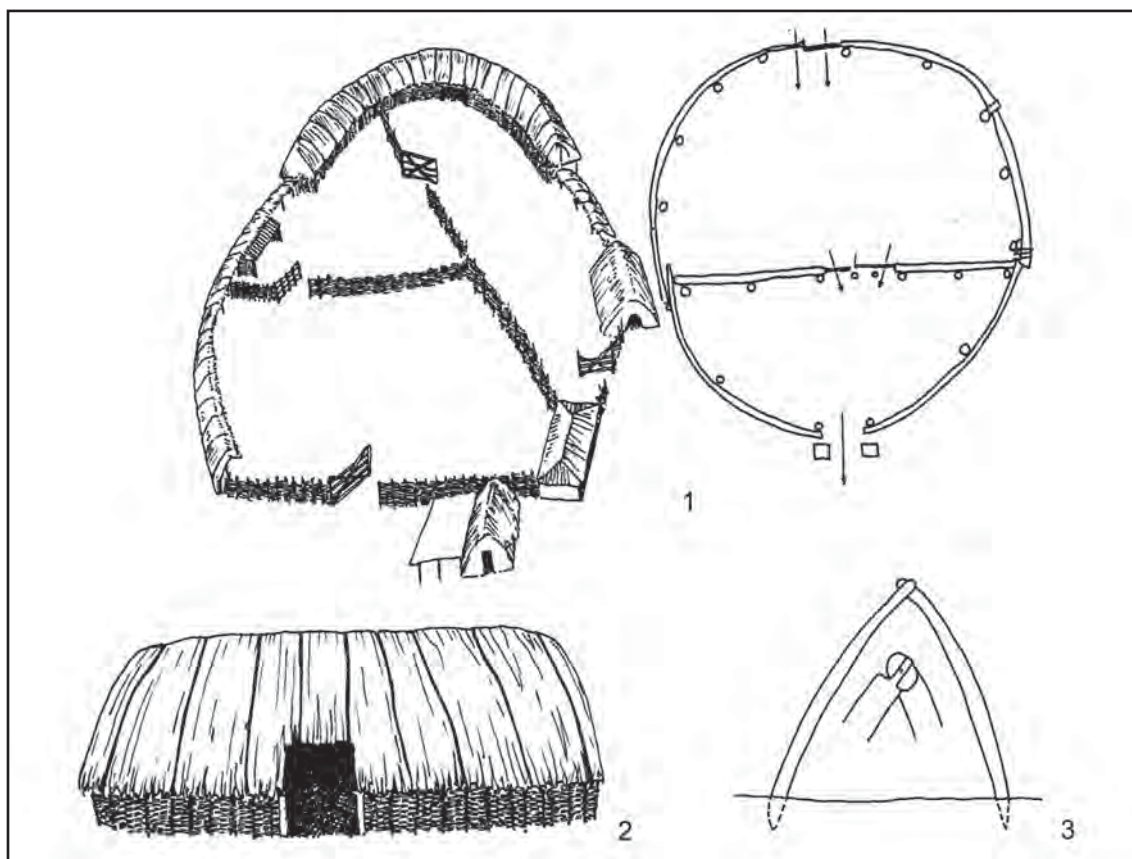
делски участъци с постоянното селище, разположени в равнината и 2 — летни пасища с временно селище в планината.

Трансхумансът или подвижното скотовъдство се отличава с миграцията на стадата, които се съпровождат и контролират от специализирани пастири, а основната част от населението живее напълно уседнало и се занимава със земеделие или други стопански дейности.

Третата основна форма на подвижното скотовъдство — номадизмът се характеризира с това, че цялото население или цялата номадска общност няма постоянно местоживее, т.е. липсват постоянни селища със жилища. За него е характерно непрекъснато миграция на отделните семейства, заедно със стадата и цялото движимо имущество. Номадите живеят във временни (непостоянни) леки жилища — палатки или леки постройки през цялата година, а основният им поминък е скотовъдството.

Последната форма се характеризира със стационарно, т.е. неподвижно, отглеждане на животните.

Данните от етнографските изследвания за животновъдството на територията на България свидетелстват, че в историческото минало са били развити трите основни форми

Обр. 6. Етнографски паралели: 1 — Жеравна (по Хр. Вакарелски); 2 — Калоферска гора (по Маринов 1965); 3 — с. Калково (по Хр. Вакарелски).

Fig. 6. Ethnographic Parallels: 1 — Zheravna (according to Hr. Vakarelski); 2 — Kalopher mount (after Маринов 1965); 3 — Kalkovo village, Samokov region (according to Hr. Vakarelski).

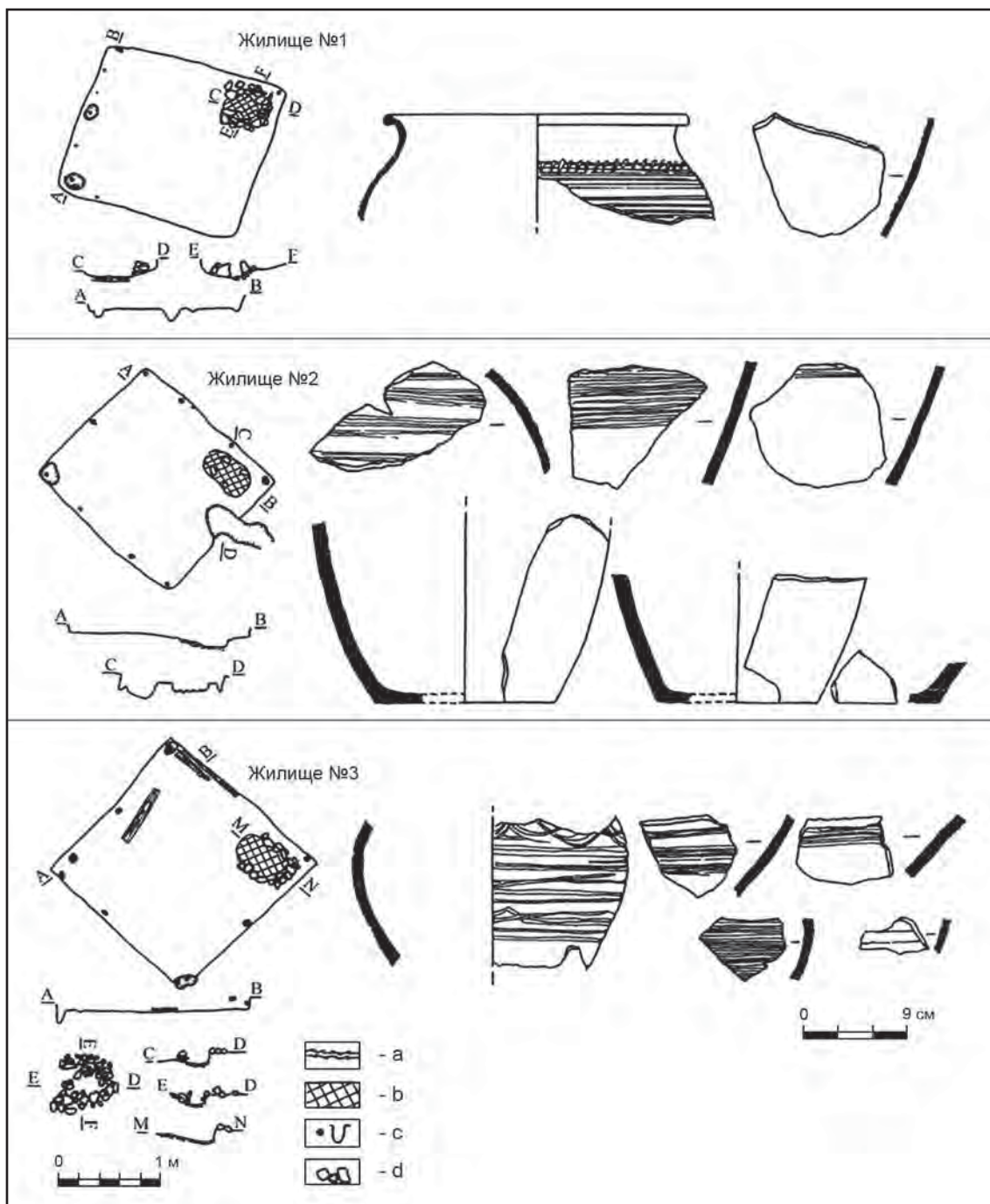
на подвижното скотовъдство — алпийското, трансхумантното и номадското. От тях алпийското скотовъдство и трансхумансът са двете основни форми, които са свързани с българското уседнало население (Ракшиева 1995: 12—17).

Алпийското скотовъдство е широко разпространено във всички планински райони. При него се наблюдават много варианти. Твърде често то съжителства с трансхуманса или други форми на скотовъдството.

Трансхумансът — втората основна форма на подвижното скотовъдство се среща в Стара планина, подбалканските полета, Средна гора, Странджа, Сакар, Родопите, Рила, Пирин, Източна и Западна Тракия (Ракшиева 1998: 164). Трансхумансът като форма на подвижно скотовъдство е засвидетелстван още през ранното средновековие (Маринов 1965: 80—81). Това мнение, наложено в етнографската литература, се подкрепя напълно и от данните от археологическите проучвания на ранносредновековните сезонни селища Гледачево II, селището в м. „Шиханов бряг” край гр. Харманли

и в района на старохристиянските базилики край с. П. Градец.

Анализът на резултатите от археологическите проучвания дава възможност да се определят общите характерни черти за средновековните сезонни селища. Една от най-важните характеристики е **липсата на културен пласт**. Напълно **липсват и каквито и да е археологически материали**, с изключение на съвсем оскъдната керамика, която по правило се намира в обслужващите отделните комплекси жилища. Липсата на културен пласт и археологически материали, съвсем ясно показват, че селищата са обитавани толкова кратко, че в тях не се е отложил културен пласт. Доказателство за временния, сезонен характер на селищата е и **липсата на некрополи**. Това отново свидетелства за краткотрайното обитаване на временните селища, през което време никой от пастирите, обслужващи стадата не е починал. За временния характер на селищата свидетелстват и липсата на сметни ями, които са толкова широко разпространени в постоянните селища на занимаващото се със земе-

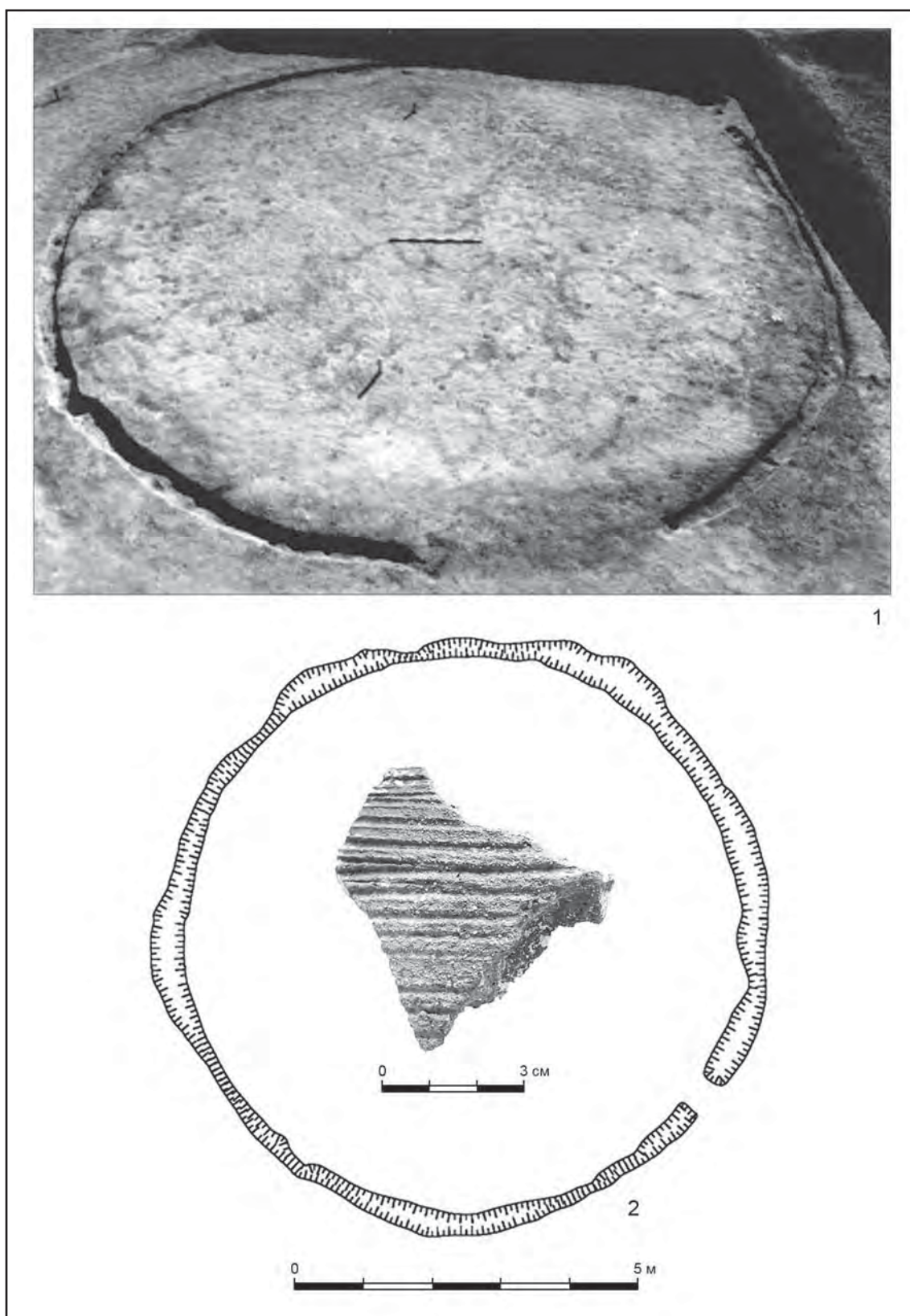
Обр. 7. Средновековно сезонното селище Гледачево II. Жилища №1, 2 и 3, и в тях се намери керамика. Конвенции: а — горяла глина и въглини; б — печ; с — дупла от кол; д — камъни.

Fig. 7. Medieval seasonal settlement Gledachevo II. Dwellings no.1, 2, 3 with the pottery discovered in them. Legend: a — burning clay and coals; b — oven; c — pillar poles; d — stones.

делие население. Красноречиво доказателство за това са резултатите от разкопките на цялостно проученото селище до с. Дядово, където са открити 244 сметни ями за период от около 150 г. (Borisov 1989: 71).

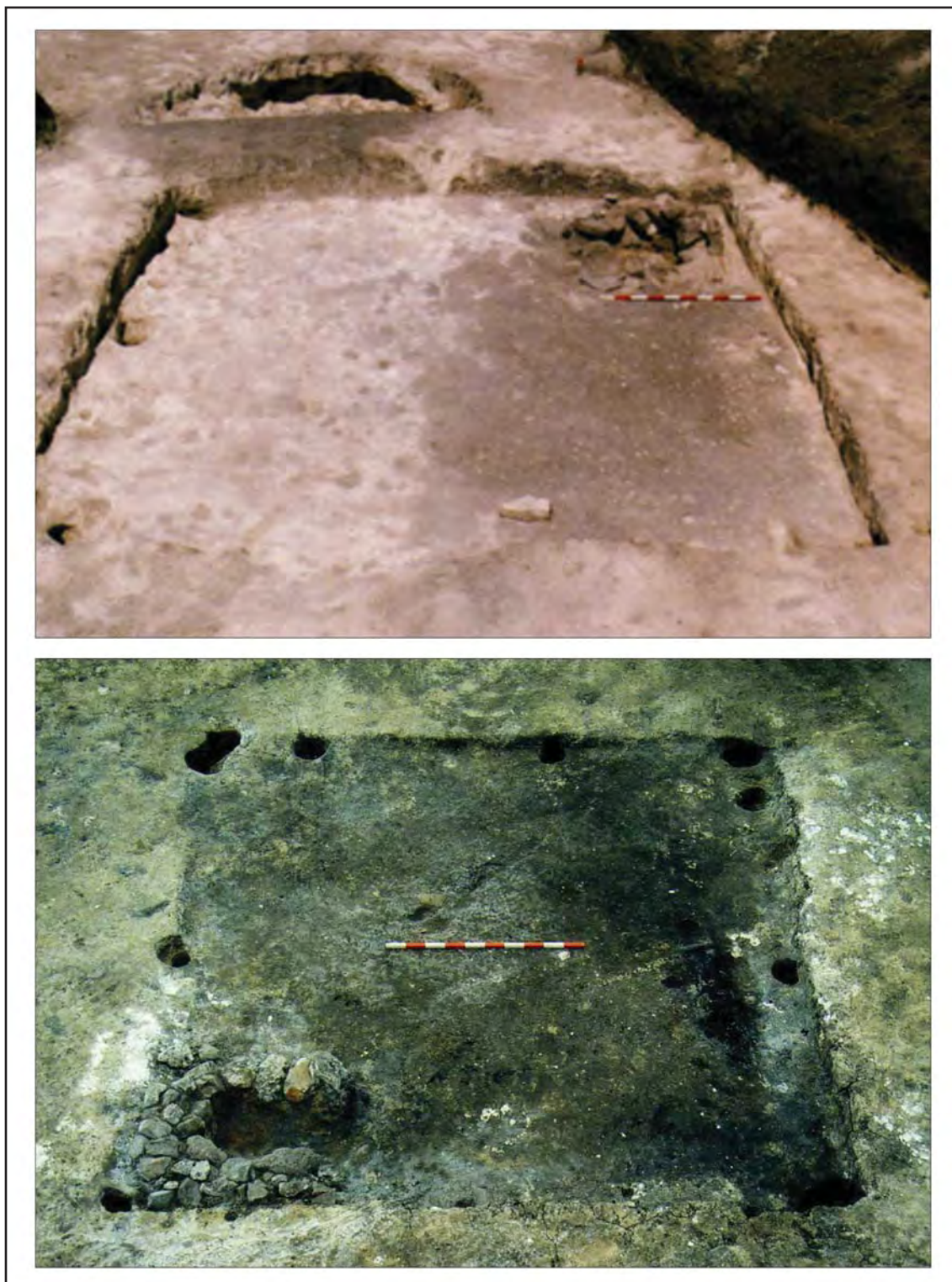
Колкото се отнася до сезона, през който са били обитавани сезонните селища край бивше-

то с. Гледачево и край с. П. Градец и в м. „Шиханов бряг“, край Харманли, то анализът показва, че те са били използвани по всяка вероятност през зимните месеци. За зимния характер на сезонните селища край П. Градец и Гледачево II свидетелства на първо място голямата покрита кошара с елипсовидна форма.

Обр. 8. Средновековно сезонното селище близо до с. Полски Градец. Открита ферма (писалка за добитък). 1 — снимка; 2 — плана.

Fig. 8. Medieval seasonal settlement Polski Gradets. Open farmyard (cattle-pen). 1 — photo; 2 — plan.

Обр. 9. Средновековно сезонното селище Гледачево II. Жилища №1 и 3.

Fig. 9. Medieval seasonal settlement Gledachevo II. Dwellings no. 1 and 3.

Този тип кошари са характерни именно за зимата. В подкрепа на зимния характер на селищата са и жилищата с каменни пещи и силно изпечени от огъня подове (рис. 9). Това свидетелства за дългото им използване, което

може да е само през студените зимни месеци. За сравнение може да се посочи, че в лятното сезонно селище Гледачево I, което отстои само на километър североизточно от Гледачево II, откритите огнища са използвани съв-

сем кратко, поради което подовите им изобщо не са отухлени. Освен това там жилищата са открити и представляват по-скоро навеси, което също доказва летния характер на селището (Борисов 1997: 142).

Без съмнение появата на сезонните селища е обусловено от полустепния характер на района, който осигурява хранителната база за многобройните стада на подвижните скотовъдци. Не е случаен и фактът, че в непосредствена близост с двете ранносредновековни зимни сезонни селища се намира и лятното сезонно селище Гледачево I. Заедно с прилежащите му жилищни и стопански помещения то заема площ от едва 1325 кв. м. За сравнение цялостно проученото средновековно селище до с. Дядово заема площ от около 8000 кв. м (Borisov 1989: 17), а площта на частично проучените селищата край селата Караново и Знаменосец варира от 27 до 30 дка (Борисов 1991: 205), докато в постоянното средновековно селище до с. П. Градец далеч надхвърля 30 дка. Следователно една от характеристиките на летните сезонни селища е малката им площ. Очевидно подвижните животновъди са построявали своите открити жилища-навеси на едни и същи места или в съседство с тях, в продължение на редица години (Борисов 1997: 141—142). В по-голямата част от тях липсват отоплителни съоръжения, а там където ги има те представляват най-обикновени огнища, които са използвани краткотрайно, в резултат на което подовите им изобщо не са отухлени. Очевидно е, че през топлите летни месеци отоплителните съоръжения не са били използвани за отопление, а най-вероятно в тях се е приготвяла само храната.

Много важна отличителна черта на сезонните селища е и **липсата на некрополи**. Тук за илюстрация трябва да се спомене, че около лятното „Гледачево-1“, заемащо площ от 1325 кв. м, са проучени 7975 кв. м., на които не е открит нито един гроб. В същото време резултатите от проучванията на близките постоянни селища категорично показват, че некрополите им са разположени или вътре в самите селища (Дядово-1, Караново-1, Знаменосец-2, Гипсово, Искрица-1, П. Градец-1) или в непосредствена близост с тях (Севтополис, Ковачево, Дядово-2, Искрица-2 и 3, П. Градец-2 и 3, Карасура-2 и т.н.).

Важна отличителна черта на сезонните селища е липсата на каквито и да било земеделски оръдия на труда, които изобилстват сред находките от постоянните. В тях липсват и ямите-зърнохранилища, които са неразделна

част от интериора на селищата на уседналото земеделско население.

Данните от обработването на остеологическия материал от селището Гледачево I показват, че в него са били отглеждани основно дребни и едри преживни животни — овце, кози и говеда, чийто относителен дял достига 58%.

Всички изброени дотук характеристики са безспорно неразделна част от сезонния характер на селищата. Разгледаните дотук сезонни селища — Гледачево I и II, край с. П. Градец и в м. „Шиханов бряг“, край гр. Харманли са единствените засега сезонни средновековни селища. Тяхното пълно изследване ще спомогне за решаването на редица важни въпроси, свързани с развитието на отделните категории селища в структурата на селищната мрежа през Средновековието.

Важно е да отбележим, че за голямо съжаление подобни селища на територията на днешна Североизточна България и Добруджа, където се установяват прабългарите на Аспарух, все още не са известни. Причината за това се крие в изключително трудното откриване и локализиране на този тип номадски и полуномадски станове. Освен това в тях се откриват, при това изключително трудно, очертанията на отделните стопански дворове, в които са били затваряни стадата и които почти винаги представляват негативни вкопани в терена структури. В много случаи обаче на места с по-дебел слой чернозем, откриването им е напълно невъзможно. Това е и причината досега да няма нито едно проучено селище от този вид. Това твърдение се потвърждава и факта, че дори и на територията на Източно-европейските степи — исконните територии на номадското население, не е проучено нито едно селище, макар че дългогодишната изследователка на прабългарската култура Св. Плетнѐва чрез теренни обхождания е открила и регистрирала стотици номадски станове — т. нар. „стойбища“. Същите се установяват само и единствено по намерените по повърхността оскъдни фрагменти от глинени съдове и кости от животни и най-вече от риба, които са с изключително слаба концентрация и понякога в продължение на 1 км се намират от 1 до 3 фрагмента, които при все това в много от случаите са и силно разнесени и не се намират на първоначалните места на отлагане (Плетнѐва 1982: 52). Стотици номадски станове (стойбища) са регистрирани по долините на Северски Донец и Дон. Според изследователката в този вид

станове е живеело прабългарско население, което се намира във втория номадски стадий. За този стадий са характерни по-малките територии на чергарстване и появата на сезонните зимни и летни стойбища (Плетнева 1982: 36). В този смисъл временните станове, открити на територията на дн. Югоизточна България следва да се отнесат именно към втория стадий на чергарстване, в който вече се появяват и елементите на усядане.

Анализът на досегашните налични археологически данни не ни дава достатъчно основание да обвържем останките от сезонните селища с трансхуманса или номадизма по редица причини. На първо място ако те са свързани с трансхуманс, това означава че трябва да имат връзка с постоянни селища, които се намират в планината. Тази връзка обаче е напълно недоказуема по археологически път. Ако пък са свързани с номадизма, за който е характерно целогодишно придвижване на стадата, заедно с цялото население и покъщци-

на, би трябвало да се очаква при разкопките да се намерят и поне някакви предмети, свързани с домашния бит — ножове, огрибки, прешлени за вретено и т.н. Такива находки обаче напълно липсват. Ето защо на сегашния етап от проучванията считам, че засега въпросът за връзката на сезонните селища с трансхуманса или номадизма остава открит. Няма съмнение обаче, че те са свързани с подвижното скотовъдство.

В заключение трябва да отбележим, че независимо от характера на разгледаните селища — постоянни или сезонни, на територията на Североизточна Тракия са налице вече немалък брой проучени средновековни селища. Анализът на резултатите от техните проучвания дава възможност за съставяне на сравнително точна картина на материалната и духовна култура на населението през XI—XII в. и дава своя принос в изследването на културното наследство от периода на византийското владичество в българските земи (XI—XII в.).

Библиография

- Борисов Б. 1979. За датировката на оброчните плочки на Тракийския конник от античното селище до с. Караново, Новозагорско. *Thracia Antiqua* 5, 203—216.
- Борисов Б. 1980. Средновековно селище върху селищната могила до с. Дядово (Археологически разкопки през 1978—1979 г.). *Expeditio Thracica* 1, 95—122.
- Борисов Б. 1982. Средновековно селище върху селищната могила до с. Дядово (Археологически разкопки през 1980—1981 г.). *Expeditio Thracica* 3.
- Борисов Б. 1983. Средновековно селище върху селищната могила до с. Дядово (Археологически разкопки през 1982—1983 г.). *Expeditio Thracica* 5, 5—104.
- Борисов Б. 1985. Ранновизантийски амфори (IV—VI в.) от Сливенски окръг. *Археология* (1), 38—45.
- Борисов Б. 1988а. Изследование ранневизантийской керамики из Сливенского округа. *Thracia* 8, 90—118.
- Борисов Б. 1988б. Старохристиянските базилики (IV—VI в.), край с. Караново, Бургаска област. *Археология* (3), 38—46.
- Борисов Б. 1991. Средновековно селище и некрополи край с. Знаменосец. „Марица-изток“. *Археологически проучвания* 1, 205—305.
- Борисов Б. 1997. Керамиката от средновековното селище край с. Гледачево. „Марица-изток“. *Археологически проучвания* 4, 129—183.
- Борисов Б. 2003. Една нова селищна категория от Средновековието в земите на днешна Южна България. *ИИМ Кюстендил VIII*, 227—234.
- Борисов Б. 2005а. Пещи за изпичане на битова керамика от античното селище, северно от с. Караново, Новозагорско (Предварително съобщение). *Известия на Регионален исторически музей Велико Търново XX*, 129—133.
- Борисов Б. 2005б. Средновековното село през IX—XII в. на територията на днешна Югоизточна България. В: Попконстантинов К., Борисов Б., Костова Р. (ред.). Проф. д.и.н. Станчо Ваклинов и средновековната българска култура. Велико Търново: Св.св. Кирил и Методий, 310—317.
- Борисов Б. 2006. Черквите от средновековните селища край селата Караново и Дядово, Новозагорско. В: Любен Прашков. *Реставратор и изкуствовед*. София, 308—313.
- Борисов Б. 2009. Периодизация и хронология на късноантичното и ранновизантийско селище, северно от с. Караново, Новозагорско. *Археология* (3—4), 38—47.
- Борисов Б. 2013а. Полски Градец. *Археологически проучвания* 1. Велико Търново: Фабер.
- Борисов Б. 2013б. Грънчарската работилница край с. Караново, Новозагорско и керамиката от нея. *ИНАИ XLI. In Honorem Professoris Georgi Кузманов*. София, 281—336.
- Борисов Б. 2014. Поливная керамика из средневекового поселения в районе сел Трояново-Голяма Детелина (Южная Болгария). В: *Поливная керамика Причерноморья — Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации*. Тезисы докладов. Севастополь, 14—19.
- Борисов Б. 2019. Средновековното селище „Трояново-Голяма Детелина“ — квартал от голяма агломерация или самостоятелно селище. *Плиска-Преслав* 11, под печат.
- Борисов Б., Шейлева Г. 2003. Една новооткрита категория в структурата на ранносредновековната селищна система (Предварително съобщение). В: *Studia protobulgarica et mediaevalia europensia*. В чест на проф. В. Бешевлиев. Велико Търново, 196—203.
- Велков К. 2010. Спасителни археологически проучвания на АМ „Тракия“ обект №12 А, ЛОТ 2, км 232+250 до км 233+350, землище на с. Събрано,

- община Нова Загора. *Археологически открития и разкопки през 2009 г.* София, 177—179.
- Въжарова Ж. 1965. *Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI—XI в.* София: БАН.
- Въжарова Ж. 1986. *Средновековното селище с. Гарван, Силистренски окръг VI—XI в.* София: БАН.
- Гатев П. 1985. *Средновековно селище и некропол от XII в. край с. Ковачево, Пазарджишко.* Разкопки и проучвания XII. София: БАН.
- Герасимов В. 1997. Средновековно селище от XII в. край с. Гледачево, в комплекса „Марица-изток“. „Марица-изток“. *Археологически проучвания* 4, 105—127.
- Димитров Д. И. 1975. Някои въпроси във връзка с изучаването на старобългарското масово жилище от VI—XI в. в Североизточна България. В: *Архитектурата на Първата и Втората българска държава.* София: БАН, 212—245.
- Димитров Д. 1987. *Прабългарите по Северното и Западното Черноморие.* Варна: Книгоиздателство „Т. Бакалов“.
- Дончева-Петкова Л. 1999. *Одърци, 1. Селище от Първото българско царство.* София: Проф. М. Дринов.
- Игнатов и др. 2006: Игнатов В., Кънчева-Русева Т., Велков К., Попова Ц., Рибаров Г., Господинов Н. 2006. Археологически разкопки в м. Шиханов бряг до Харманли. В: *Спасителни археологически разкопки по трасето на железопътната линия Пловдив-Свиленград през 2004 г.* Велико Търново: Фабер, 335—396.
- Игнатов и др. 2010: Игнатов В., Господинов К., Борисова С. 2010. Спасителни археологически проучвания по трасето на АМ „Тракия“ обект №15 (км 234+440 до км 234+700, в м. „Дипсиза“, с. Загорци, Новозагорско. *Археологически открития и разкопки през 2009 г.* София, 175—177.
- Караилюв П. 2013. Средновековно селище в местността „Под Ямача“, край с. Овчарци, община Раднево. *Археологически открития и разкопки през 2012 г.* София, 482—483.
- Караилюв П., Петрова Р. 2009. Спасителни разкопки на средновековно селище в с. Гледачево, община Раднево. *Археологически открития и разкопки през 2008 г.* София, 746—749.
- Караилюв П., Петрова Р. 2011. Спасителни археологически проучвания на средновековно селище в с. Овчарци, община Раднево. *Археологически открития и разкопки през 2010 г.* София, 525—528.
- Караилюв П., Петрова Р. 2013. Средновековен некропол в местността „Под Ямача“, край с. Овчарци, община Раднево. *Археологически открития и разкопки през 2012 г.* София, 483.
- Кънчев М., Борисов Б. 1981. Средновековен некропол при с. Караново, Сливенско. *ИМЮИБ IV*, 47—62.
- Кънчева-Русева и др. 2008: Кънчева-Русева Т., Велков К., Игнатов В., Господинов К. 2008. Археологически разкопки в м. Шиханов бряг, гр. Харманли. В: *Спасителни археологически разкопки по трасето на железопътната линия Пловдив-Свиленград през 2005 г.* Велико Търново: Фабер, 267—325.
- Маринов В. 1965. Подвижното скотовъдство в България и на Балканския полуостров. *ИЕИМ VIII*, 79—88.
- Петрова Р., Караилюв П. 2016. Спасителни археологически проучвания в м. „Герена“ в землището на с. Знаменосец, община Раднево. *Археологически открития и разкопки през 2015 г.* София, 567—570.
- Ракшиева С. 1998. Трансхумантното пастирство в етническата територия на Българите. *Българският ежегодник III.* Киев, 164—192.
- Рашев Р., Станилов С. 1987. *Старобългарското укрепено селище при с. Хума, Разградски окръг.* Разкопки и проучвания XVII. София: БАН.
- Тотев Т. 1996. *Средновековна Вуница.* Шумен: Антос.
- Чангова Й. 1972. *Средновековното селище върху тракийския град Севтополис (XI—XIV в.).* София.
- Янков и др. 2012: Янков Д., Колева Р., Кирилов Ч. 2012. Средновековно селище и некропол с. Златна ливада, км 19+900—20+400 от АМ „Марица“. *Археологически открития и разкопки през 2011.* София, 488—490.
- Borison B. 1989. *Djadovo 1. Mediaeval Settlement and Necropolis (11th—12th Century).* Tokyo: Tokai University Press.
- Borison B. 1996. Nouvelles decouvertes sur le sanctuaire du Cavalier trace au nord du village de Karanovo, departament de Sliven. In: *Studia in honorem Georgi Mihailov.* Sofia, 75—80.
- Borison B. 1999. A Study on the House from the 11th—12th Centuries in Southeastern Bulgaria. *Archaeologia Bulgarica* (2), 83—92.
- Borison B. 2001. Settlements of Northeast Thrace 11th—12th Centuries. *Archaeologia Bulgarica* (2), 77—92.
- Koleva R. 1997. Rescue Archaeological Excavation at the Orta Burun Site in 1993. *Maritsa Project* 1. Sofia, 245—252.
- Penchev V. 1997. A Hoard of Billon Scyphates from Orta Burun. *Maritsa Project* 1. Sofia, 253—258.
- Takács M. 2013. Megjegyzések a X—XI. századi telepkerámia keltezési lehetőségeiről egy nyírségi település kapcsán. *NyJAMÉ LV*, 41—87.

References

- Borison B. 1979. In *Thracia Antiqua* 5, 203—216 (in Bulgarian).
- Borison B. 1980. In *Expedition Thracica* 1, 95—122 (in Bulgarian).
- Borison B. 1982. In *Expedition Thracica* 3 (in Bulgarian).
- Borison B. 1983. In *Expedition Thracica* 5, 5—104 (in Bulgarian).
- Borison B. 1985. In *Arkheologiya (Archaeology)* (1), 38—45 (in Bulgarian).
- Borison B. 1988. In *Thracia* 8, 90—118 (in Russian).
- Borison B. 1988. In *Arkheologiya (Archaeology)* (3), 38—46 (in Bulgarian).
- Borison B. 1991. In *Maritsa-Iztok. Arkheologicheski prouchvaniya (Maritsa-Iztok. Archeological Investigations)* 1, 205—305 (in Bulgarian).
- Borison B. 1997. In *Maritsa-Iztok. Arkheologicheski prouchvaniya (Maritsa-Iztok. Archeological Investigations)* 4, 129—183 (in Bulgarian).
- Borison B. 2003. In *Izvestiya na Istoricheski muzej Kyustendil (Reports of the Historical Museum in Kyustendil)* VIII, 227—234 (in Bulgarian).
- Borison B. 2005. In *Izvestiya na Regionalen istoricheski muzej — Veliko Tarnovo (Bulletin of the Regional Historical Museum in Veliko Tarnovo)* XX, 129—133 (in Bulgarian).
- Borison B. 2005. In Popkonstantinov, K., Borison B., Kostova, R. (eds.). *Prof. d. i. n. Stancho Vaklinov i srednovekovnata bălgarska kultura (Professor, Doctor of Historical Scienc-*

- es Stancho Vaklinov and the Medieval Bulgarian Culture). Veliko Tarnovo: "Sv. sv. Kiril i Metodij" Publ., 310—317 (in Bulgarian).
- Borisov, B. 2006. In *Lyuben Prashkov. Restavrador i izkustoved (Lyuben Prashkov, the Restorer and Art Expert)*. Sofia, 308—313 (in Bulgarian).
- Borisov, B. 2009. In *Arkheologiya (Archaeology)* (3—4), 38—47 (in Bulgarian).
- Borisov, B. 2013. In *Arkheologicheski prouchvaniya (Archaeological Investigations)* 1. Veliko Tarnovo: "Faber" Publ. (in Bulgarian).
- Borisov, B. 2013. In *Izvestiya na Natsionalniya arkheologicheski institut (Bulletin of the National Institute of Archaeology)* XLI. In *Honorem Professoris Georgi Kuzmanov*. Sofia, 281—336 (in Bulgarian).
- Borisov, B. 2014. In *Polivnaia keramika Prichernomor'ia — Sredizemnomor'ia kak istochnik po izucheniiu Vizantiiskoi tsivilizatsii (Glazed Wares in the Black Sea and Mediterranean as a Source for the Studies of Byzantine Civilization)*. Sevastopol, 14—19 (in Russian).
- Borisov, B. 2019. In *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 11, in print (in Bulgarian).
- Borisov, B., Shejleva, G. 2003. In *Studia protobulgarica et mediaevalia europensia*. Veliko Tarnovo, 196—203 (in Bulgarian).
- Velkov K. 2010. In *Arkheologicheski otkritiya i razkopki prez 2009 g. (Archaeological Discoveries and Excavations in 2009)*. Sofia, 177—179 (in Bulgarian).
- Văzharova, Zh. 1965. *Slavyanski i slavyanobălgarski selistha v bălgarskite zemi ot kraya na VI—XI vek (Slavic and Slavic-Bulgarian Settlements on Bulgarian Lands in the Late 6th — 10th Centuries)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Văzharova, Zh. 1986. *Srednovekovnoto selisthe s. Garvan, Silistrinski okrag VI—XI v. (Medieval Settlement near the Village Garvan, Silistra Region, 6th — 11th c.)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Gatev, P. 1985. *Srednovekovno selisthe i nekropol ot XII v. kraj s. Kovachevo, Pazardzhishko (Medieval Settlement and Necropolis of 12th Century near the Kovachevo Village, Pazardzhik Region)*. Series: *Razkopki i prouchvaniya (Excavations and Studies)* XII. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Gerasimov, V. 1997. In *Maritsa-Iztok. Arkheologicheski prouchvaniya (Maritsa-Iztok. Archeological Investigations)* 4, 105—127 (in Bulgarian).
- Dimitrov, D.I. 1975. In *Arkhiteturata na Părvata i Vtorata bălgarska dărhava (Architecture of the First and Second Bulgarian States)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 212—245 (in Bulgarian).
- Dimitrov, D. 1987. *Prabălgarite po Severnoto i Zapadnoto Chernomorie (Kăm văprosa za tyakhnoto prisăstvie i istoriya v dnešnite russki zemi i rolyata im pri obrazuvaneto na bălgarskata dărhava) (Prebulgarians of Northern and Western Pontic Area (On the Question of their Presence and History in the Contemporary Russian Lands and their Role in the Formation of the Bulgarian State))*. Varna: "Georgi Bakalov" Publ. (in Bulgarian).
- Doncheva-Petkova, L. 1999. *Odărtsi, 1. Selisthe ot Părvoto bălgarsko tsarstvo (Odărtsi 1. The Unfortified Settlement of the First Bulgarian State)*. Sofia: "Prof. Marin Drinov" Publ. (in Bulgarian).
- Ignatov, V., Kancheva-Ruseva, T., Velkov, K., Popova, Ts., Ribarov, G., Gospodinov, N. 2006. In *Spasitelni arkheologicheski razkopki po traseto na zhelezopătnata liniya Plovdiv-Svilengrad prez 2004 g. (Rescue Archeological Excavations along the Plovdiv-Svilengrad Railway Line in 2004)*. Veliko Tarnovo: "Faber" Publ., 335—396 (in Bulgarian).
- Ignatov, V., Gospodinov, K., Borisova, S. 2010. In *Arkheologicheski otkritiya i razkopki prez 2009 g. (Archaeological Discoveries and Excavations in 2009)*. Sofia, 175—177 (in Bulgarian).
- Karailiev, P. 2013. In *Arkheologicheski otkritiya i razkopki prez 2012 g. (Archaeological Discoveries and Excavations in 2012)*. Sofia, 482—483 (in Bulgarian).
- Karailiev, P., Petrova, R. 2009. In *Arkheologicheski otkritiya i razkopki prez 2008 g. (Archaeological Discoveries and Excavations in 2008)*. Sofia, 746—749 (in Bulgarian).
- Karailiev, P., Petrova, R. 2011. In *Arkheologicheski otkritiya i razkopki prez 2010 g. (Archaeological Discoveries and Excavations in 2010)*. Sofia, 525—528 (in Bulgarian).
- Karailiev, P., Petrova, R. 2013. In *Arkheologicheski otkritiya i razkopki prez 2012 g. (Archaeological Discoveries and Excavations in 2012)*. Sofia, 483 (in Bulgarian).
- Kanchev, M., Borisov, B. 1981. In *Izvestiya na muzeite ot Yugoiztochna Bălgariya (Bulletin of Museums of South-Eastern Bulgaria)* IV, 47—62 (in Bulgarian).
- Kancheva-Ruseva, T., Velkov, K., Ignatov, V., Gospodinov, K. 2008. *Arkheologicheski razkopki v m. Shikhanov bryag, gr. Kharmanli. V: Spasitelni arkheologicheski razkopki po traseto na zhelezopătnata liniya Plovdiv-Svilengrad prez 2005 g. (Rescue Archeological Excavations along the Plovdiv-Svilengrad Railway Line in 2005)*. Veliko Tarnovo: Faber, 267—325 (in Bulgarian).
- Marinov, V. 1965. In *Izvestiya na Etnografskiya institut i muzej (Bulletin of the Institute and Museum of Ethnography)* VIII, 79—88 (in Bulgarian).
- Petrova, R., Karailiev, P. 2016. In *Arkheologicheski otkritiya i razkopki prez 2015 g. (Archaeological Discoveries and Excavations in 2015)*. Sofia, 567—570 (in Bulgarian).
- Rakshieva, S. 1998. In *Bolgarskij ezhegodnik (Bulgarian Yearbook)* III. Kiev, 164—192 (in Bulgarian).
- Rashev, R., Stanilov, S. 1987. *Starobălgarskoto ukrepeno selisthe pri s. Khuma, Razgradski okrag (Ancient Bulgarian Fortified Settlement near the Khuma Village, Razgrad District)*. Series: *Razkopki i prouchvaniya (Excavations and Studies)* XVII. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Totev, T. 1996. *Srednovekovna Vinitsa (Medieval Vinitsa)*. Shumen: "Antos" Publ. (in Bulgarian).
- Changova, J. 1972. *Srednovekovnoto selishche nad trakiiskii grad Sevtopolis XI—XIV v. (Medieval Unfortified Site near the Thracian Town of Seuthopolis, 11th—14th Centuries)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Yankov, D., Koleva, R., Kirilov, Ch. 2012. In *Arkheologicheski otkritiya i razkopki prez 2011 (Archaeological Discoveries and Excavations in 2011)*. Sofia, 488—490 (in Bulgarian).
- Borisov, B. 1989. *Djadovo 1. Mediaeval Settlement and Necropolis (11th—12th Century)*. Tokyo: Tokai University Press.
- Borisov, B. 1996. *Nouvelles decouvertes sur le sanctuaire du Cavalier trace au nord du village de Karanovo, departement de Sliven. In Studia in honorem Georgi Mihailov*. Sofia, 75—80.
- Borisov, B. 1999. *A Study on the House from the 11th—12th Centuries in Southeastern Bulgaria. Archaeologia Bulgarica* (2), 83—92.
- Borisov, B. 2001. *Settlements of Northeast Thrace 11th—12th Centuries. Archaeologia Bulgarica* (2), 77—92.
- Koleva, R. 1997. *Rescue Archeological Excavation at the Orta Burun Site in 1993. Maritsa Project 1*. Sofia, 245—252.
- Penchev, V. 1997. *A Hoard of Billon Scyphates from Orta Burun. Maritsa Project 1*. Sofia, 253—258.
- Takács, M. 2013. *Megjegyzések a X—XI. századi telepkerámia keltezési lehetőségeiről egy nyírségi település kapcsán. NyJAMÉ* LV, 41—87.

Статья поступила в номер 16 января 2019 г.

Boris Borisov (Veliko Tarnovo, Bulgaria). Doctor, Professor. St. Cyril and Methodius University of Veliko Tarnovo¹.

Борисов Борис Донеv (Велико-Търново, България). Доктор, професор. Велико-Търновски университет Св. Кирила и Мефодия.

E-mail: profbdborisov@gmail.com

Address: ¹ Theodosius of Tarnovo St., 2, Veliko Tarnovo, 5003, Bulgaria

В. Л. Мыц

Мнимое княжество Киркельское в Юго-Западном Крыму XIII—XV вв.

Keywords: Golden Horde, Jochi's Ulus, Crimean Khanate, 13th—18th centuries, *Kirkel* principality (Qirq Yer Principality), Qirq Yer, Chufut-Kale, Yashlau beys, Sarimambas-Kermen

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, Крымское ханство, XIII—XVIII вв., княжество Киркельское, Кырк-Йер, Чуфут-Кале, беки Яшлавские, Сарымамбаш-Кермен

V.L. Mytz

The Imaginary *Kirkel* Principality in South-Western Crimea (13th—15th Centuries)

The brief overview of the current studies on Qirq Yer discussed here demonstrates that, in spite of all academic attempts, a number of questions regarding history of this place in 13th—15th centuries are still unanswered. The suggested dates for the Mongol conquest of the town in 13th century (1238, 1260, 1298/99) or 14th century (1342—1363) are not supported by archaeological evidence. No real sources of 13th—15th centuries are known to witness presence of Yashlau beys and Kudulak family (clan) in the Crimea. Not even khan's *jarlig*s of 1459 and 1468 released to the residents of Qirq Yer mention them. All along this period between the thirteenth and sixteenth centuries, no "Alan" or "Tartar" name of a prince of Qirq Yer is known, nor there is any information of whatever 'principality' that existed here. Hence, there are no grounds to discuss existence of a certain *Kirkel* principality in 13th—15th centuries.

В. Л. Мыц

Мнимое княжество Киркельское в Юго-Западном Крыму XIII—XV вв.

Представленный в статье краткий обзор результатов современного изучения Кырк-Йера показывает, что при всех попытках учёных разрешить ряд вопросов его истории XIII—XV вв., они по-прежнему остаются без решения. Предлагаемые даты завоевания города монголами в XIII в. (1238, 1260, 1298/99 гг.) или XIV в. (1342—1363 гг.) не подтверждаются результатами археологических исследований. Не известны реальные источники XIII—XV вв., указывающие на пребывание беков Яшлавских и племени (рода) Кудулак на территории Крыма. Не упоминают о них и ханские ярлыки 1459 и 1468 гг., выданные жителям Кырк-Йера. На протяжении XIII—XVI вв. не известно ни одного имени «аланского» или «татарского» князя Кырк-Йера, как и нет сведений о существовании здесь какого-либо «княжества». Следовательно, нет оснований для рассуждений о существовании в XIII—XV вв. некоего княжества Киркельского.

В 1964 г. из печати вышла монография А. Л. Якобсона «Средневековый Крым» (Якобсон 1964). Анатолий Леопольдович на протяжении нескольких десятилетий (50—80-е гг. XX в.) являлся ведущим специалистом по средневековой истории и археологии Таврики. Данная книга подводила итоги его многолетних изысканий. До настоящего времени без ссылок на неё практически не обходится ни одна работа, посвящённая средневековому периоду истории Крыма. И если даже нет прямой ссылки на эту книгу А. Л. Якобсона, то всё равно легко улавливается влияние его исторических реконструкций.

Длительное изучение средневековых древностей Горного Крыма (особенно архитектурники сохранившихся здесь руин фортификационных сооружений и культовых зданий) привело учёного к выводу о существовании в Юго-Западном Крыму в XIII—XV вв. двух

феодальных княжеств: одного со столицей Феодоро (Мангуп), а другого — на Кырк-Йере (Чуфут-Кале) (Якобсон 1964: 80—82). Но если о Феодоро и его правителях сохранились свидетельства разновременных и разнохарактерных письменных источников, то о Кырк-Йере они единичны и крайне противоречивы. Очевидно, поэтому А. Л. Якобсон только в осторожной и предположительной форме писал, что «в XIII же веке формировалось и другое полуфеодальное владение, больше известное по арабским и турецким источникам: центром его называют Кырк-Ер, Кырк-Иер, Кырк-Кор, Керкри и т. д. ... Источники говорят о нём как о городе-крепости в стране асов или алан» (Якобсон 1964: 81).

Далее автор цитирует сообщение сирийского географа Абу-л-Феды (1273—1331), который под 1321 г. в своём землеописании пишет: «Керкер или Керкри... находится...

в стране Асов, его имя значит по-турецки сорок человек; это укрепленный замок, трудно доступный; он опирается на гору, на которую нельзя взойти. На верху горы есть площадь, где жители страны (в минуту опасности) находят убежище. Этот замок на некотором расстоянии от моря; жители принадлежать к племени Асов... Керкер находится на Север от Сары-Кермана, между этими двумя местами один день пути». Кроме того, А.Л. Якобсон обратил внимание на то, что «Кырк-Ер назван среди городов, подвергшихся нападению и ограблению татарскими полчищами Ногай в 1299 г.» (Якобсон 1964: 81).

Важным также является заключительный пассаж А.Л. Якобсона, представляющий его историческую реконструкцию этого региона Юго-Западного Крыма: «Во главе крымских алан, продолжавших населять в XIII в. ближайший к Херсону район и центром которых называют Кырк-Ер, стояли местные князьки, успевшие, в противоположность основной массе алан, принять христианство и, вероятно, огречиться; в то время как и в предшествующие столетия, они находились ещё в полузависимом положении от Херсона, хотя вряд ли можно сомневаться в наличии тенденции к самостоятельности и этого княжества. Однако татарский разгром Ногай, в конце XIII в. существенно изменил положение: владельцами Кырк-Ера, как полагают, стали ставленники Ногай — беки Яшлау (Сулешевы)» (Якобсон 1964: 81).

Несколько иное видение истории Кырк-Ера XIII—XV вв. представляет специалист по исторической географии Улус Джучи — В.Л. Егоров: «На протяжении XIII в. город представлял собой автономное феодальное владение, полузависимое от Золотой Орды. В 1299 г. был разрушен войсками Ногай, после чего автономия его была ликвидирована и он вошёл в число золотоордынских городов полуострова. В XV в., после упадка г. Крыма, в Кырк-Ер был перенесён административный центр Гиреев. Об этом свидетельствуют ханские ярлыки и русские дипломатические документы. Впоследствии, после возникновения Бахчисарая (XVI в.), Кырк-Ер окончательно потерял своё значение» (Егоров 2009: 88).

Следует признать, что мнения современных авторов об истории Кырк-Йера XIII—XV вв. сформировались на основании старой историографической традиции, сложившейся ещё в XIX в. (Хартахай 1866: 220; Завадовский 1885: 77—83; Лашков 1895: 83—89; Смирнов 2005: 126—127; Зайцев 2009: 209; Умеров 2013: 71—72). Со-

гласно этой традиции, в XIII в., после завоевания Таврики монголами, в Юго-Западном Крыму, в основном на территории долин рек Булганака и Альмы, расположился бейлик беков Яшлавских (Сулешевых). Например, ещё П.С. Паллас, совершавший поездку по Крыму в 1793—1794 гг., писал, что «Яшлау, прежде очень значительный и довольно многочисленный род, живший вокруг Бахчисарая; старший из них также носил имя бея. Надо думать, что именно для бывших яшлау-беев воздвигли две из могильных часовен (дюрбе — В.М.), видных в Эски-Юрте (Паллас 1999: 151).

К тому же, как было показано выше, на данной территории до монгольского завоевания проживали аланы, столицей которых якобы являлся город Кырк-Ер. Но насколько обоснованы суждения о существовании здесь в XIII—XV вв. феодального образования типа княжества, о чём писали, например, А.Л. Якобсон, В.Л. Егоров и другие авторы, и какова роль в его создании беков Яшлавских?

В последние годы из печати вышла целая серия работ посвящённых средневековой истории Кырк-Ера. Остановлюсь только на наиболее ярких и оригинальных из них (Зайцев 2013: 494—505; Герцен, Могаричев 2016; Сидоренко 2015: 263—302 и др.). При этом все исследователи, прежде всего, обращались к сообщению Абу-л-Феды, называющего город в форме «Киркри». При этом у него Киркри располагается в стране асов, которых большинство авторов идентифицирует как алан. Рассматривая данный сюжет, И.Г. Коновалова высказывает точку зрения, близкую к мнению В.Л. Егорова, полагая, что рассказ Абу-л-Феды о Киркоре «относится ко времени автономного существования города под властью местных аланских князей» (Коновалова 2009: 101, 121).

В.И. Зайцев, занимаясь изучением истории Кырк-Ера, разносторонне использовал свидетельства ряда письменных источников. Он обратил внимание, что в анонимном труде «Таварих-и гузида — Нусрат-наме» («Избранные истории из книги побед», посвящённой деяниям основателя узбекского государства в Мавераннахре Шейбанихану — 1451—1510), Кырк-Йер назван среди туменов, переданных Бату (1209—1255?) своему младшему брату Шибану. Именно он якобы и завоевал (во время Западного похода 1236—1243 гг.?) Крым и Каффу (Мустакимов 2011: 231; Зацев 2013: 496). Кроме того, ранняя история захвата Кырк-Йера Шибаном нашла отражение в сочинениях Утемиша-хаджи

(«Тарих-и Дост-султан», 1550 г.) и Сейида Мухаммеда-Ризы ал-Кырыми (ум. в 1756 г.) («Семь планет в известиях о татарских царях») (Сейтягьев 2011: 69—77; Зайцев 2013: 497). Однако, по мнению Ж.М. Сабитова, Кырк-Йер недолго принадлежал Шибану, т.к. «Крым был отобран у Шибанидов в 1266 г. Менгу-Тимуром и передан Уран-Тимуру, сыну Тука-Тимура» (Сабитов 2011: 58—59).

По поводу сообщения «Таварих-и гузида — Нусрат-наме» В.А. Сидоренко заметил: «Упоминание Каффы для предшествующего её появлению времени обнаруживает подмену топонимов, но не исключает возможности завоевания принадлежавшего асам Кырк-Йера, поскольку такой город во время Берке, очевидно, существовал» (Сидоренко 2015: 265). Но если учесть, что Берке правил Джучиевым улусом в 1257—1266 гг., Каффа была основана генуэзцами в 70-х гг. XIII в. и в 1281 г. в фактории уже находился генуэзский консул (Карпов 2018: 316—317), то речь идёт об очень близком времени. Проблема не в этом, а в том, что монголы единственный раз заняли покинутую генуэзцами Каффу после длительной осады только 20 мая 1308 г. при хане Токте. Ссылаясь на свидетельство родословной (начало XIX в.) В.А. Сидоренко следующим образом представляет раннюю историю рода Яшлавских: «Возглавляемое Абак беком из рода Кудалак племя переселилось в Крым около 1260 г. из Поволжья. В Крыму он (Абак бек) завоевал еврейский город Кырк, неприступный по своему положению, со всеми его землями» (Сидоренко 2015: 265).

Таким образом, в современной историографии представлены, по крайней мере, две точки зрения на время и военачальников, завоевавших Кырк-Йер в XIII в.: около 1238 г. город был захвачен братом Бату Шибаном, а в 1260 г. пришедшим из-за Волги племенем Кудалак во главе с Абак беком ставшим основателем рода беков Яшлавских. Кроме того, Кырк-Йер отмечен среди городов, пострадавших от нашествия Ногай в 1298—1299 гг.

Наиболее яркое и полное изложение истории города и крепости Кырк-Ера — Чуфут-Кале изложено в серии работ (в том числе и монографического характера) А.Г. Герцена и Ю.М. Могаричева (Герцен, Могаричев 1993; 2016; 2016а). В недавно вышедшей книге авторов («Кырк-Ер — Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата», 2016 г.) представлены практически все известные на сегодняшний день свидетельства письменных источников. К тому же, что весьма важно, исследователи в новой монографии помести-

ли результаты археологического изучения памятника за последние десятилетия.

В своей ранней монографии А.Г. Герцен и Ю.М. Могаричев пришли к заключению, близкому мнению А.Л. Якобсона: после того, как Кырк-Ер вошёл в состав Золотой Орды, он стал центром владений (бейлика) беков Яшлавских (Герцен, Могаричев 1993: 57—58). Этому же мнения авторы придерживаются и в настоящее время (Герцен, Могаричев 2016: 96). Наряду с рассмотрением ставших традиционными, исследователи высказывают и оригинальную точку зрения. Ими, например, представлена гипотеза, о том что Кырк-Ер окончательно был захвачен татарами не в XIII в. (1238 или 1299 гг.), а во время правления хана Джанибека (1342—1357) (Герцен, Могаричев 2015: 79—88; 2016: 140)¹. Свой вывод они подтверждают не только подборкой свидетельств письменных источников, но и данными археологических материалов, согласно которым, по их мнению, наиболее ранние памятники, принадлежащие татарам, относятся к середине XIV в.

В качестве хронологических реперов исследователи Кырк-Йера — Чуфут-Кале в основном избирают свидетельства выявленных здесь и в окрестностях эпиграфических памятников. К их числу относится строительная надпись с датой 1346 г., указывающая на возведение в городе мечети (Акчокраклы 1920: 166—168; Герцен, Могаричев 2016: 140, рис. 87), наиболее ранние эпитафии второй половины XIV в. с татарского поселения в местности Эски-Юрт (Иванов 1989: 30), и самое раннее надгробие 1364 г. (памятник Мануш дочери Шабтая) на иудейском кладбище в Иосафатовой долине (Кизиллов 2016: 120; Герцен, Могаричев 2016: 140). К тому же, согласно караимскому источнику, город Кале был захвачен «армией исмаильтян» в 5118 г. от сотворения мира (=1358 г.)² (Кизиллов 2016: 120; Герцен, Могаричев 2016: 140).

¹ А.Г. Герцен и Ю.М. Могаричев считают наиболее вероятным временем захвата Кырк-Ера татарами хронологический промежуток между 1342 и 1363 гг. (Герцен, Могаричев 2016: 95), т.е. не только время правления Джанибека (1342—1357), но и Бердибека (1357—1359), а также начальный период «замятни» — 1360—1363 гг. Ими также высказывается предположение, что «имя Джанибек могло в к XVI—XVIII векам трансформироваться в Шейбек (Шайбан по Утемиш-Хаджи) и в этом виде попасть в легенду, приведённую поздними авторами» (Герцен, Могаричев 2016: 140).

² В этом случае дата указывает на завоевание Кырк-Ера татарами при хане Бердибеке (1357—1359).

Однако при кажущейся логичности высказываемых предположений и полноте выборки, как сообщений письменных источников (в том числе и эпиграфических), так и данных археологических материалов, выскажу сомнение в правомерности выводов представленных выше авторов.

Для обоснования своих сомнений предлагаю рассмотреть некоторые материалы, касающиеся данной темы. Прежде всего, обратим внимание на то, что ни в одном из ярлыков, которыми оперируют исследователи (1381, 1459, 1468 гг.) ни разу не упомянуты беки Яшлавские. Например, в ярлыке 1381 г., выданном ханом Тохтамышем Хаджи-Бею, речь идёт о племени Шурукаль, кочующем как внутри Крыма, так и за его пределами (Березин 1851: 15), но нет и намёка на беков Яшлавских и город Кырк-Йер. А попытка некоторых исследователей отождествлять Хаджи-Бея с «даругой» или беём («князем») Кырк-Ера — это просто историографический анахронизм и литературно-художественный вымысел одновременно. Не упоминают о беках Яшлавских во второй половине XV в. и крымские ханы Хаджи-Гирей (1459 г.) и Менгли-Гирей (1468 г.), предоставлявшие тарханные ярлыки главам конфессиональных общин города Кырк-Ера (Смирнов 1918: 7—11). Данное явление кажется весьма показательным. К тому же, как заметил В. А. Сидоренко, «Ни куда-то, ни яшлав мы не встречаем среди упоминаний монгольских древних племён». И далее он продолжает: «Вероятно, это кипчакское племя; косвенно на это указывает то, что в племенной иерархии Крымского иля это племя занимало положение ступенью ниже, чем ширин, барын, аргин и седжуит» (Сидоренко 2015: 266).

Столь же сложен и вопрос о территории, на которой располагался бейлик беков Яшлавских. Ф. Ф. Лашков (1858—1917), занимавшийся в 80—90-х гг. XIX в. изучением крымско-татарского землевладения, следующим образом локализовал местоположение владений беков яшлавских: «бейлик яшлавских занимал ту местность, где и нынче находятся селения, называющиеся по имени беев Яшлавских. Это часть Дуванкойской и Мангушской волости с селениями Кучук (Малый) Яшлав и Бюк (Большой) Яшлав. Принимая во внимание свидетельство родословной, можно полагать, что яшлавские в указанной местности занимали всё пространство между городом Кырком (ныне Чуфут-Кале) и рекой Альмой», ибо их предок Абак бей, перекочевав со своим родом в Крым, поселился,

согласно родословной, «в Яшдаге (иначе Яшлаве), т. е. на полянах в молодом лесу, между городом Кырком и рекой Альмой» (Лашков 1895: 83).

Однако некоторые поздние ярлыки, выдаваемые бекам Яшлавским крымскими ханами, указывают на то, что их бейлик не ограничивался только долиной реки Альма, но и простирался на запад до Бельбека. Например, ярлык, выданный главе рода Шаган-бею в 1723/24 гг. Саадет IV Гераем (1717—1724) свидетельствует о том, что беки Яшлавские получали по 100 акче «от полной бочки вина, доставленной с р. Альма или Бельбека в ханские города» (Лашков 1895: 88—89).

При этом остаётся открытым вопрос: образовывали владения Яшлавских в Юго-Западном Крыму сплошные территории или же состояли из отдельных участков? На то, что они носили фрагментарный характер, перемежаясь с землями других собственников, может указывать одно из наиболее ранних свидетельств, относящихся к первой трети XVI в. Так, в документе от 1530 г., выданном ханом Саадет I Гиреем (1524—1532) некоему Ибрагиму Эфенди, отмечается, что принадлежащий ему участок земли простирается «от могилы “хан-коган” по южной стороне до Большой горы при деревне Яшлав и до Улу-Буруна... до кишлы Яшлав Казык-бея...» (Лашков 1895: 85).

Но самыми значимыми в XVII в. (и надо полагать, доходными) являлись не совсем ясные права беков Яшлавских на город Кырк-Ер. В ярлыке, выданном Бахадыр I Гиреем (1637—1641) в 1637 г., беки Яшлавские названы «древнейшими владельцами города Кырка» (Смирнов 2005: 126). В определении «древности» прав Яшлавских на город Кырк-Ер и кроется основная проблема, т. к. никаких документов ранее XVI в. не сохранилось.

Ф. Ф. Лашков определял бейлик как «удел, которым каждый из представителей шести бейских поколений: Ширинов, Барынов, Мансуров, Аргин, Сиджиутов и Яшлавов владел на правах политического главы» (Лашков 1895: 79). В дополнении к этому Л. И. Рославцева заключает: «Владения каждого бейлика были строго определены. Бейлик имел собственную столицу, двор, устроенный по типу ханского, совет — “диван”» (Рославцева 2003: 181).

Имеющиеся письменные источники указывают, что на протяжении XVI—XVIII вв. беки Яшлавские занимали разные по значению позиции в системе управления Крым-

ским ханством. Судя по всему, наибольшего влияния данный клан достиг в XVI в., когда представители этого рода долгое время занимали пост «министра иностранных дел» (Виноградов 2006: 26—74). К середине XVIII в. позиции рода, по-видимому, ослабли. Поэтому Шарль де Пейсонель (французский консул короля Людовика XV при ханском дворе в 1754—1759 гг.) относит беков Яшлавских к второразрядным, хотя и отмечает, что Яшлау-бей «в числе других почётных прерогатив имел также привилегию отправлять должность обер-церемониймейстера на всех свадьбах дочерей и других родственников ханских, причём он распоряжался вполне самовластно, с правом даже жизни и смерти над всеми без различия» (цит. по Смирнов 2005: 127).

Известные источники не сообщают о том, чтобы беки Яшлавские проживали на территории города Кырк-Ера (Кизилов 2016: 124—125). Есть больше оснований полагать, что их резиденции располагались в сельской местности на принадлежавших им землях. Недавно мной было высказано предположение, что одной из таких укрепленных резиденций является городище Сарымамбаш-Кермен в долине р. Бодрак (Мыц 2018: 190—203, рис. 1—4). Укрепление занимает оконечность широкого мыса, вытянувшегося с северо-востока на юго-запад на правом берегу р. Бодрак (приток р. Альмы) и господствующего над этой частью речной долины. Высота возвышенности достигает 400 м над уровнем моря. Размеры крепостной площадки составляют 345 × 325 м, площадь укрепления 7,8 га. Оборонительная стена сложена из разномерного бута. Её толщина достигает 4,20 м (развал — 8,0 м). Сохранилась в высоту до 1,70—2,20 м. Протяжённость стены — 327 м. Перед стеной располагался ров, глубина которого в настоящее время составляет 1,70—1,75 м, ширина — 3,50—4,0 м. На территории, огороженной стенами, видны следы руинированных построек. В ходе инструментальной съёмки зафиксировано 62 каменных развала от домов.

Сохранившиеся оборонительные сооружения указывают на то, что крепость предназначалась для защиты от нападений противника, не обладавшего средствами активного штурма. Особенности фортификации данного городища: отсутствие башен, узкий и неглубокий ров, толстая, но низкая заградительная стена с лёгким турлучным (или саманным) парпетом (?), обмазанным глиной, — указывают на то, что она могла служить защитой только от стремительной ата-

ки конницы, но не предназначалась для долговременной обороны.

Наиболее вероятным временем возникновения укрепления следует считать 60—80-е гг. XIV в. — период длительной смуты («замятни» русских летописей) в Золотой Орде. Например, когда в 1363 г. после разгрома трёх татарских орд Западного Улуса (Кутлубуги, Хаджибега и Тимурбега) на р. Синяя Вода, Ольгерд предпринял поход на «Белобережье» (правый берег в устье Днепра), наместник Крымского улуса Кутлуг-Тимур приказывает обнести рвом и валом город Солхат (Крым) (Мыц 2009: 41—42). Сарайские ханы во время усобицы 60—70-х гг. XIV в. в основном придерживались оборонительной тактики. Поэтому, стремясь укрепиться в Сарае ал-Джедид, они также были вынуждены прибегнуть к возведению оборонительных сооружений и обносят столицу крепостными стенами. Подобные меры были неслыханным делом для Орды, кичившейся своей силой и не признававшей никакой фортификации. По свидетельствам письменных источников второй половины XIV в., ещё один крупный городской центр Орды — Хаджитархан — был окружён стенами (Тизенгаузен 1884: 184). Некоторые татарские беки в 60-х гг. XIV в. начинают возводить для собственной защиты укрепления, сходные по устройству с европейскими замками (Егоров 1980: 195—196).

Не менее тревожными для населения Крымского улуса оказались десятилетия конца XIV — XV вв., когда Золотая Орда подверглась разгрому войсками Тамерлана (1395 г.), а затем на территории полуострова идёт сложный политический процесс формирования Крымского ханства. После гибели в 1502 г. Большой Орды амбиции Крымского улуса зачастую порождали конфликты с соседними странами и народами. Это служило поводом для неоднократных нападений на полуостров. Например, адыги, в ответ на действия татар совершали походы в глубинные районы, нанося оседлому населению значительный ущерб. Венецианец Джорджо Итериано (в книге, впервые опубликованной в Венеции в 1502 г.) сообщал, что адыги «Ходят даже за Боспор вплоть до Херсонеса Таврического, той провинции, где находится колония Каффа, основанная в древности генуэзцами. Охотнее всего совершают походы в зимнее время, когда море замерзает, чтобы грабить жителей — скифов (крымских татар — В.М.)» (Адыги... 1974: 48). В 1518 г. сын Мехмеда I Гирея (1515—1523) Бахадыр Гирей совершил набег на Кабарду, но был разбит (Кага-

жежев 2011: 12—13). Как сообщает Ибн Ризван, весной 1523 г. в стычке с черкесами под Астраханью погиб хан Мехмед I Гирей (Некрасов 1990: 93). Принято считать, что именно к 20-м гг. XVI в. относятся события, послужившие основанием для написания адыгской песни «Бахчисарайский поход». Согласно этому эпическому произведению, адыгское войско во главе с князем Кабарды Талостаном Джанхоевым осадило Бахчисарай и якобы даже предприняло его штурм. Только получив большую дань, адыгские князья возвратились домой (Песня... 1986: 51—54).

В самом Крымском ханстве время от времени вспыхивали распри, в которых принимали активное участие все аристократические фамилии. Например, длительная борьба за ханский престол в 1577—1588 гг. получила в историографии название «династического кризиса Гиреев» (Виноградов 2010: 274—299)³.

Представленный выше краткий обзор результатов современного изучения средневекового города Кырк-Йера показывает, что в попытках учёных разрешить ряд вопросов его истории XIII—XV вв. по-прежнему остаются не решённые проблемы. Во-первых, даты завоевания города монголами в XIII в. (1238, 1260, 1298/99 гг.) не подтверждаются результатами археологических исследований. Слои пожаров и разрушений XIII в. попросту отсутствуют (или не выявлены?). Предлагаемый А. Г. Герценом и Ю. М. Могаричевым захват «столицы крымских алан» татарами во второй половине XIV в. (1342—1363 гг.) находится вне контекста истории полуострова этого периода, т. к. Кырк-Йер выглядит неким «островом свободы» на фоне разрушительных ор-

дынских погромов и завоеваний на пространстве от Иртыша до Дуная. Не стоит преувеличивать неприступность города. Достаточно вспомнить осаду, захват и разрушение монголами в 1278 г. столицы кавказских алан г. Дедяков. Во-вторых, нет реальных источников XIII—XV вв., указывающих на пребывание беков Яшлавских и племени (рода) Кудалак на территории Крыма. Не упоминают о них и ханские ярлыки 1459 и 1468 гг., хотя они прямо касаются вопросов налогообложения населения Кырк-Йера. В-третьих, все данные, которыми мы располагаем, относятся к XVI—XVIII вв. Сведения из родословной 1820 г. о появлении в Крыму Абака бека из-за Волги в 1260 г. следует относить к традиционным в таких случаях преданиям (легендам), т. к. они должны были выполнять задачу подтверждения особой древности рода. Яшлавские никогда не были темниками (как, например, Ширины) и, скорее всего, относились к числу тысячских. В-четвёртых, на XIII—XVI вв. не известно ни одного имени аланского или татарского «князя» Кырк-Йера, как и нет реальных исторических свидетельств о существовании здесь какого-либо «княжества». Следовательно, у нас нет оснований называть город Кырк-Йер и его округу столицей аланского или татарского княжества. В-пятых, наиболее реальной, хотя и не освещённой свидетельствами письменных источников, является отражённая в материальных памятниках история провинциального византийского города Кырк-Йера VI—XIII вв. Надо полагать, что Кырк-Йер в XIII в. разделил судьбу других поздневизантийских городов Таврики, оказавшись только в XV в. в орбите формирования Крымского ханства.

Литература

- Адыги... 1974: Горданов В. К. (сост.). 1974. *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв.* Нальчик: Эльбрус.
- Акчокраклы О. 1928. Новое из истории Чуфут-Кале. *ИТОИАЭ* 2. Симферополь: Типография Крым-полиграфтреста, 158—172.
- Березин И. Н. 1851. *Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея.* Казань.
- Виноградов А. В. 2006. Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства во второй половине XVI в. В: Кляшторный С. Г. (отв. ред.). *Тюркологический сборник 2005: Тюркские народы России и Великой степи.* Москва: Восточная литература, 26—74.
- Виноградов А. В. 2010. Русско-крымские отношения в 1570—1590-х гг. в контексте династического кризиса Гиреев. В: Рахимзянов Б. Р. (отв. ред.). *Средневековые тюрко-татарские государства* 2. Казань: Ихлас, 274—299.
- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. 1993. *Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале.* Симферополь: Таврия.
- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. 2015. Об обстоятельствах и времени захвата золотоордынцами Чуфут-Кале. *Военная история России: проблемы, поиски, решения.* Материалы международной научной конф., посвящённой 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Ч. 2. Волгоград: ВолГУ, 79—88.
- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. 2016. *Кырк-Ер — Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата: Исследование. Путеводитель. Альбом.*

³ Наиболее полно известны события весны 1628 г., когда члены русского посольства С. И. Тарбеева вынуждены были бежать из Яшлова в «Жидовский городок» (Чуфут-Кале — В. М.), где они провели в осаде девять недель (Кизилов 2016: 125—126).

- Симферополь: Антикава.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. 2016а. Мусульманский период в истории Чуфут-Кале (середина XIV — начало XVI в.). В: Абдуллин Х.М., Ситдилов А.Г. (отв. ред.). *Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ*. Казань: ИА АН РТ, 95—101.
- Егоров В.Л. 1980. Золотая Орда перед Куликовской битвой. В: Бескровный Л.Г. (ред.). *Куликовская битва*. Москва: Наука, 174—213.
- Егоров В.Л. 2009. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Либроком.
- Завадовский А.Г. 1885. *Сто лет жизни Тавриды: В память празднования столетнего юбилея присоединения Крыма к России 8 апреля. 1783—1883*. Вып. 1. Симферополь: Таврическая губернская типография.
- Зайцев И.В. 2009. *Крымская историографическая традиция XV—XIX веков: пути развития*. Москва: Восточная литература.
- Зайцев И.В. 2013. Кырк-Йер/Кырк-Ор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства. В: Степаненко В.П., Юрченко А.Г. (ред.-сост.). *От Онона к Темзе: Чингисиды и их западные соседи*. Москва: Издательский дом Марджани, 494—505.
- Иванов А.А. 1989. Надписи из Эски-Юрта. В: Фёдоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI веках*. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет, 24—31.
- Кагазев Ж.В. 2011. Войны черкесских княжеств с Крымским ханством и западно-грузинскими владениями в 20—30 гг. XVI в. *Вестник Владикавказского научного центра* II (2), 12—14.
- Карпов С.П. 2018. Генуэзские и венецианские фактории в Крыму. В: Юрасов А.В. (отв. ред.). *История Крыма в 2 т*. Москва: Кучково поле, 314—359.
- Кизилов М.Б. 2016. *Крымская Иудея*. Симферополь: Наследие тысячелетий.
- Коновалова И.Г. 2009. *Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII—XIV вв.* Москва: Восточная литература.
- Лашков Ф.Ф. 1895. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. *ИТУАК* 23, 71—116.
- Мустакимов И.А. 2011. Сведения «Таварих-и гузида — Нусра-наме» о владениях некоторых Джучидов. *Тюркологический сборник 2009—2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье*, 228—248.
- Мыц В.Л. 2009. *Каффа и Феодоро в XV веке: контакты и конфликты*. Симферополь: Универсум.
- Мыц В.Л. 2018. Сарымамабаш-Кермен — укрепленная резиденция XIV—XVIII вв. беков Яшлавских-Сулешевых. *Поволжская археология* 24 (2), 190—203.
- Некрасов А.М. 1990. *Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV — первая половина XVI в.)*. Москва: Наука.
- Паллас П.С. 1999. *Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 гг.* Пер. с нем. Москва: Наука.
- Песня... 1986: Песня о Бахчисарайском походе. 1986. В: Барагунов В.Х., Кардангушев Ж.П., Гиппиус Е.В. (сост.). *Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов*. Т.3. Ч.1. *Героические, величальные и плачевые песни*. Москва: Советский композитор, 51—54.
- Рославцева Л.И. 2003. Система государственного устройства и общественный быт. Период Крымского ханства. В: Козлов С.Я., Чижова Л.В. (отв. ред.). *Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки*. Москва: Наука, 177—183.
- Сабитов Ж.М. 2011. Улусы джучидов в 1242—1266 гг. В: Закиров В. (науч. ред.). *Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы 2*. Казань: ИИ АН РТ, 46—63.
- Сейтягьев Н.С. 2011. «Семь планет» Сейида Мухаммеда Ризы и «История крымских ханов» Хурреми Челеби Акая: проблема перевода и упрощения текста в крымской придворной литературе XVIII в. *Тюркология* 54 (4), 69—77.
- Сидоренко А.А. 2015. Монетная чеканка Кырк-Йера и Каффы в истории Крымского ханства (1442—1475 гг.). *МАИЭТ XX*, 263—302.
- Смирнов В.Д. 2005. *Крымское ханство под верховенством османской Порты в 2-х томах*. Т.1. *Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века*. Москва: Рубежи XXI.
- Смирнов В.Д. 1918. Татаро-ханские ярлыки из коллекции Таврической Учёной Архивной Комиссии. *ИТУАК* 54, 1—19.
- Тизенгаузен В.Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т.1. *Извлечения из сочинений арабских*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Умеров Э.С. 2013. Административно-территориальное деление Крымского ханства: историография вопроса. *V чтения памяти У. Боданинского*. Тез. докл. и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай, 23—27 октября 2013 г.). Симферополь: Антикава, 71—72.
- Хартахай Ф. 1866. Историческая судьба крымских татар (статья первая). *Вестник Европы* II. Санкт-Петербург, 182—239.
- Якобсон А.Л. 1964. *Средневековый Крым. Очерки истории и материальной культуры*. Москва; Ленинград: Наука.

References

- Gordanov, V.K. (comp.). 1974. *Adygi, balkartsy i karachaeysy v izvestiakh evropeiskikh avtorov XIII—XIX vv. (The Adyge, Balkars and Karachay in European Accounts of 13—19th Centuries)*. Nalchik: "El'brus" Publ. (in Russian).
- Akchokrakly, O. 1928. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkhologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 2. Simferopol: "Krympoligrafiestrest" Publ., 158—172 (in Russian).
- Berezin, I.N. 1851. *Tarkhannye iarlyki Tokhtamysha, Timur-Kutluka i Saadet-Gireia (Tarkhan Jarlig of Tokhtamysh, Timur-Kutlug and Saadet Geray)*. Kazan (in Russian).
- Vinogradov, A.V. 2006. In *Kliashchymy, S.G. (ed.). Tiurkologicheskii sbornik 2005: Tiurkskie narody Rossii i Velikoi stepi (Collected Papers on Turkic Studies 2005: Turkic Peoples of Russia and the Great Steppe)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 26—74 (in Russian).
- Vinogradov, A.V. 2010. In *Rakhimzianov, B.R. (ed.). Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 2. Kazan: "Ikhlas" Publ., 274—299 (in Russian).
- Gertsen, A.G., Mogarichev, Yu.M. 1993. *Krepost' dragotsennostei. Kyrk-or. Chufut-kale (The Fortress of the Valuables. Qirk-Or. Çufut-Kale)*. Simferopol: "Tavriia" Publ. (in Russian).

- Gertsen, A. G., Mogarichev, Yu. M. 2015. In *Voennaia istoriia Rossii: problemy, poiski, resheniia* (Military History of Russia: Issues, Explorations, Solutions) 2. Volgograd: Volgograd State University, 79—88 (in Russian).
- Gertsen, A. G., Mogarichev, Yu. M. 2016. *Kyrk-Er — Chufut-Kale. Krepost' na kraiu sed'mogo klimata: Issledovanie. Putevoditel'.* Al'bom (Kyrk-Yer — Chufut Kale: The Fortress on the Edge of 7th Klima: Study. Guide. Album). Simferopol: "Antikva" Publ. (in Russian).
- Gertsen, A. G., Mogarichev, Yu. M. 2016. In Abdullin, Kh. M., Sitdikov, A. G. (ed.). *Materialy Kongressa islamskoi arkheologii Rossii i stran SNG* (Proceedings of the Congress for Islamic Archaeology of the Russian Federation and the Countries of CIS). Kazan: Khalikov Institute for Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 95—101 (in Russian).
- Egorov, V. L. 1980. In Beskrovnyi, L. G. (ed.). *Kulikovskaia bitva* (Kulikovo Battle). Moscow: "Nauka" Publ., 174—213 (in Russian).
- Egorov, V. L. 2009. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv.* (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries). Moscow: "Librokom" Publ. (in Russian).
- Zavadovskii, A. G. 1885. *Sto let zhizni Tavridy: V pamiat' prazdnovaniia stoletnego iubileia prisoedineniia Kryma k Rossii 8 apreliia. 1783—1883* (One Hundred Years of Life in Tavrida: In Commemoration of the Centenary Celebration of the Annexation of Crimea to Russia on April 8, 1783—1883) 1. Simferopol: Tauric Provincial Typography (in Russian).
- Zaitsev, I. V. 2009. *Krymskaia istoriograficheskaia traditsiia XV—XIX vekov: puti razvitiia* (The Crimean Historiographical Tradition in the 15th—19th Centuries: Ways of Development). Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
- Zaitsev, I. V. 2013. In Stepanenko, V. P., Yurchenko, A. G. (eds.). *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh zapadnye sosed'i* (From the Onon to the Thames: Genghisids and their Western Neighbours). Moscow: "Marjani" Publ. House, 494—505 (in Russian).
- Ivanov, A. A. 1989. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniakh Vostoka i Zapada v XII—XVI vekakh* (Northern Black Sea and the Volga Region in East-West Relations in 12th—16th Centuries). Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University, 24—31 (in Russian).
- Kagazetchev, Zh. V. 2011. In *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* (Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center) II (2), 12—14 (in Russian).
- Karpov, S. P. 2018. In Iurasov, A. V. (ed.). *Istoriia Kryma v 2 t. (History of the Crimea in 2 vols.)*. Moscow: "Kuchkovo pole" Publ., 314—359 (in Russian).
- Kizilov, M. B. 2016. *Krymskaia Iudeia* (The Crimean Judea). Simferopol: "Nasledie tysiacheletii" Publ. (in Russian).
- Konovalova, I. G. 2009. *Vostochnaia Evropa v sochineniiakh arabskikh geografov XIII—XIV vv.* (Eastern Europe in Writings of Arab Geographers of 13th—14th Centuries). Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
- Lashkov, F. F. 1895. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* (Proceedings of the Taurida Scientific Archival Commission) 23, 71—116 (in Russian).
- Mustakimov, I. A. 2011. In Kliashornyi, S. G. (ed.-in-chief). *Tiurkologicheskii sbornik 2009—2010. Tiurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* (Collected Papers on Turkic Studies 2009—2010. Turkic Peoples of Eurasia in Antiquity and Middle Ages), Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 228—248 (in Russian).
- Mytz, V. L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty* (Kaffa and Theodoro in the 15th Century. Contacts and Conflicts). Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).
- Mytz, V. L. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya* (Volga River Region Archaeology) 24 (2), 190—203 (in Russian).
- Nekrasov, A. M. 1990. *Mezhdunarodnye otnosheniia i narody Zapadnogo Kavkaza (posledniia chetvert' XV — pervaiia polovina XVI v.)* (International Relations and the Peoples of the Western Caucasus: Last Quarter of the 15th — First Half of the 16th Century). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Pallas, P. S. 1999. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793—1794 godakh* (Observations Made during the Travel through the Southern Viceregies of Russian State in 1793—1794). Series: Nauchnoe nasledstvo (Scientific Heritage) 27. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Pesnia o Bakhchisaraiskom pokhode (The Song on the Bakhchissaray Campaign). 1986. In Barangunov, V. Kh., Kardanushchev, Zh. P., Gippius, E. V. (comp.). *Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov* (Folk Songs and Instrumental Tunes of the Circassians). Vol. 3. Part 1. Geroicheskie, velichal'nye i plachevyie pesni (Heroic, Praising and Mournful Songs). Moscow: "Sovetskii kompozitor" Publ., 51—54 (in Russian).
- Roslavtseva, L. I. 2003. In Kozlov, S. Ya., Chizhova, L. V. (eds.). *Tiurkskie narody Kryma: Karaimy. Krymskie tatory. Krymchaki* (Turkic Peoples of the Crimea: Karaites. Crimean Tatars. Krymchaks). Moscow: "Nauka" Publ., 177—183 (in Russian).
- Sabitov, Zh. M. 2011. In Zakirov V. (ed.). *Natsional'naia istoriia tatar: teoretiko-metodologicheskie problemy* (National History of Tatars: Theoretical and Methodological Issues) 2. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 46—63 (in Russian).
- Seitiag'ev, N. S. 2011. In *Tiurkologiya* (Turkic Studies) 54 (4), 69—77 (in Russian).
- Sidorenko, A. A. 2015. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria) XX, 263—302 (in Russian).
- Smirnov, V. D. 2005. *Krymskoe khanstvo pod verkhoventvom otomanskoi Porty v 2-kh tomakh* (The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Empire, in 2 vols.) 1. *Krymskoe khanstvo pod verkhoventvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka* (The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Empire before Early 18th c.). Moscow: "Rubezhi XXI" Publ. (in Russian).
- Smirnov, V. D. 1918. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* (Proceedings of the Taurida Scientific Archival Commission) 54, 1—19 (in Russian).
- Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy* (Collected Works Related to the History of the Golden Horde) 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh* (Excerpts from Arab Writings). Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Umerov, E. S. 2013. In *V chteniia pamiati U. Bodaninskogo* (5th Readings in Memory of U. Bodaninsky). Simferopol: "Antikva" Publ., 71—72 (in Russian).
- Khartakhai, F. 1866. In *Vestnik Evropy* (Herald of Europe) II. Saint Petersburg, 182—239 (in Russian).
- Jakobson, A. L. 1964. *Srednevekovyi Krym. Ocherki istorii i istorii material'noi kul'tury* (Medieval Crimea. Essays on History and History of Material Culture). Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Статья поступила в сборник 26 января 2019 г.

Victor Mytz (Saint Petersburg, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. State Hermitage Museum¹.

Мыц Виктор Леонидович (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Государственный Эрмитаж.

E-mail: vic.mytz@yandex.ru

Address: ¹ Zausadebnaya St. 37, Saint Petersburg, 197183, Russian Federation

Список сокращений

АВЕС	— Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
АГОИАМЗ	— Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник. Астрахань.
АДСВ	— Античная древность и средние века. Свердловск.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АЕС	— Археология Евразийских степей. Казань.
АИК	— Археологические исследования в Крыму. Симферополь.
АИУ	— Археологические исследования на Украине. Киев.
АКМ	— Археологическая карта Молдавии. Кишинёв.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.
АН МССР	— Академия наук Молдавской ССР. Кишинёв.
АН РТ	— Академия наук Республики Татарстан. Казань.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АНО НИЦ	— Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия». Саратов.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АС	— Археологический съезд.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БАН	— Българската Академия на науките. София.
БГИАМЗ	— Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Болгар.
БГИАПМЗ	— Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник. Билярск.
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БНЦ СО РАН	— Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской Академии наук. Улан-Удэ.
БСП	— Българите в Северното Причерноморие. Одесса.
ВАШ	— университет «Высшая Антропологическая Школа». Кишинёв.
ВВМ	— Весник Војног музеја. Београд.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВИГл	— Војно-историјски гласник. Београд.
ВИСб	— Военно-исторически сборник. София.
ВКЛ	— Великое княжество Литовское.
ВКНЛУ	— Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Київ.
ВНОТ	— Вестник научного общества татароведения. Казань.
ВНУ «ЛП». АД	— Вісник Національного університету «Львівська політехніка». Армія та держава. Львів.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ГАСО	— Государственный архив Саратовской области. Саратов.
ГИАМЗ	— Государственный историко-археологический музей-заповедник.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМИИ РТ	— Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан. Казань.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург.
ДВГУ	— Дальневосточный государственный университет. Владивосток.
ДВНЦ АН СССР	— Дальневосточный научный центр Академии наук СССР. Владивосток.
ДВО РАН	— Дальневосточное отделение Российской Академии наук. Владивосток.
ДонГУ	— Донецкий государственный университет. Донецк.
ДонНУ	— Донецкий национальный университет. Донецк.
ДП	— Древнее Причерноморье, Одесса.
ДСПиК	— Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ДСЦА	— Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург.
ЗГУ, ЗНУ	— Запорожский государственный (национальный) университет. Запорожье.
ЗО	— Золотоордынское обозрение. Казань.
ЗООА	— Записки Одесского археологического общества. Одесса.
ЗОКМ	— Запорожский областной краеведческий музей. Запорожье.
ЗОНТОАМ	— Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Одесса.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ЗОРСА	— Записки отдела русской и славянской археологии. Санкт-Петербург.

ЗРВИ	— Зборник радова Византолошког института. Београд.
ЗЦ	— Золотоордынская цивилизация. Казань.
ИА АН РТ	— Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАИАИАНД	— Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов.
ИАК	— Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАК РАН	— Институт археологии Крыма Российской академии наук. Симферополь.
ИВ РАН	— Институт востоковедения Российской Академии наук. Москва.
ИВИ РАН	— Институт всеобщей истории Российской Академии наук. Москва.
ИЕИМ	— Известия на Етнографския институт и музей. София.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИВЕ	— Исследования по истории Восточной Европы. Минск.
ИИВИ	— Известия на Института за военна история. София.
ИИДС	— Известия на Историческото дружество в София. София.
ИИМ Кюстендил	— Известия на Историческия музей — Кюстендил.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Ленинград / Санкт-Петербург.
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана. Ташкент; Самарканд.
ИМЮИБ	— Известия на музеите в Югоизточна България. Пловдив.
ИНАИ	— Известия на националния археологически институт. София.
ИНМВ	— Известия на народния музей във Варна. Варна.
ИЗОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
ИЯЛИ, ИЯЛИ АН РТ	— Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії Наук України. Київ.
ІУ НАНУ	— Інститут історії України Національної Академії Наук України. Київ.
КБН	— Корпус боспорских надписей. Москва.
КД; ІК	— Княжа доба: історія і культура. Львів.
КДПУ	— Кировоградський державний педагогічний університет. Кировоград.
КЗВМ СУАК	— Книга записи вещей музея Саратовской ученой архивной комиссии, Саратов.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии. Москва.
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР. Киев.
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва; Ленинград / Санкт-Петербург.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
ЛНУ	— Львівський національний університет. Львів.
МА К(П)ФУ	— Музей археологии Казанского (Поволжского) федерального университета. Казань.
МАВДС	— Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград.
МАИАСК	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень; Нижневартовск.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь; Керчь.
МарГУ	— Марийский государственный университет. Йошкар-Ола.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МДАПВ	— Матеріали та дослідження з археології Прикарпаття та Волини. Львів.
МДАСУ	— Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАН	— Национальная академия наук.
НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
НВУУ	— Науковий вісник Ужгородського університету. Ужгород.
НГПИ	— Нижегородский государственный педагогический институт им. М. Горького. Нижний Новгород.
НГУ	— Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
НиЭ	— Нумизматика и эпиграфика. Москва.
НКЦ	— Национальный культурный центр.
НМ РТ	— Национальный музей Республики Татарстан. Казань.
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика. Москва.
ОАК	— Отчёты Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ОІКМ	— Одеський історико-краєзнавчий музей. Одеса.
ОНУ	— Одесский национальный университет. Одесса.
ПА	— Поволжская Археология. Казань.
ПУ	— Питання історії України. Чернівці.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.

РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РАНХиГС	— Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва.
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив. Москва.
РИМ	— Регионален исторически музей. Варна.
РСМ	— Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Москва.
РФК	— развитие функций круга.
РФСОН	— Российский фонд содействия образованию и науке. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СБАН	— Списание на Българската Академия на науките. София.
СГУ	— Саратовский государственный университет. Саратов.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
СМЛ	— Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. Москва.
СНУ	— Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля. Луганськ.
СОГУ	— Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова. Орджоникидзе.
СОИМК	— Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. Самара.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
ССПіК	— Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.
СУАК	— Саратовская ученая архивная комиссия, Саратов.
СЭ	— Советская Этнография. Москва.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
ТНКП	— Татарский народный комиссариат просвещения. Казань.
Труды ГИМ	— Труды Государственного Исторического музея. Москва.
ТСУАК	— Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов.
УАВ	— Уфимский археологический вестник. Уфа.
УЖ	— Український історичний журнал. Київ.
УПЦ КП	— Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата.
УТОПІК	— Українське Товариство охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ЦАИ АГПА	— Центр археологических исследований Армавирской государственной педагогической академии. Армавир.
ЦП НАНУ	— Центр пам'яткознавства НАН України і Українського товариства охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ЮБК	— Южный берег Крыма.
ЮНЦ РАН	— Южный научный центр Российской Академии наук. Ростов-на-Дону.
AARMSI	— Analele Academiei Române, Memoriile Secțiunii Istorice. București.
Akadosmos	— Akadosmos. Revistă de știință, inovare, cultură și artă. Chișinău.
AM	— Arheologia Moldovei. Iași.
ArhMed	— Arheologia medievală. Cluj Napoca.
ArhMold	— Arheologia Moldovei. Iași.
ARSR	— Academia Republicii Socialiste România. București.
ASCSA	— American School of Classical Studies at Athens.
BAR IS	— British Archaeological Reports, International Series. Oxford.
BSMRHA	— Bolgar State Museum-Reservation of History and Architecture. Bolgar.
BSNR	— Buletinul Societății Numismatice Române. București.
CCDJ	— Cultură și civilizație la Dunărea de Jos. Călărași.
CIG	— Corpus Inscriptionum Graecarum. Berolini.
CN	— Cercetări Numismatice. București.
DIR	— Documente privind istoria României. București.
DOP	— Dumbarton Oaks Papers. Cambridge, Mass.
IA URZ	— Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego. Rzeszów.
ICOMOS	— International Council on Monuments and Sites. Paris.
IOSPE	— Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropoli.
NMRT	— National Museum of the Republic of Tatarstan. Kazan.
NyJAMÉ	— A Nyíregyházi Jós András Múzeum évkönyve. Nyíregyháza.
PAU	— Polska Akademia Umiejętności. Kraków.
RESEE	— Revue des Études Sud-Est Européennes. București.
SCIV	— Studii și Cercetări de Istorie Veche. București.
SCIVA	— Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie. București.
SFECAG	— Société Française d'Étude de la Céramique Antique en Gaule. Marseille.
SH	— State Hermitage. Saint Petersburg.
Stratum plus	— Stratum plus. Археология и культурная антропология. Санкт-Петербург; Кишинёв; Одесса; Бухапест.
UNESCO	— United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Paris.
VH	— Vojenská história. Bratislava.
WAW	— Wydawnictwo i Agencja Informacyjna WAW Grzegorz Wawoczny. Racibórz.